

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований
Санкт-Петербургский институт истории
Санкт-Петербургский филиал архива РАН
Санкт-Петербургский научный центр
Объединенный научный совет
по общественным и гуманитарным наукам

Академик А. А. Шахматов:
жизнь, творчество, научное наследие

(к 150-летию со дня рождения)

Нестор-История
Санкт-Петербург
2015

УДК 80/81
ББК 81.2
А38

А38 Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. — 1040 с.

ISBN 978-5-4469-0774-8

В сборник статей, издаваемый к 150-летию со дня рождения академика Алексея Александровича Шахматова (1864–1920), вошли исследования, посвященные жизни и творчеству ученого, а также статьи по современным проблемам тех направлений истории и филологии, развитие которых во многом определили его труды: изучение русского летописания, история русского языка, русская грамматика, русская диалектология, лексикология и лексикография. Сборник предназначен для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

УДК 80/81
ББК 81.2

Ответственные редакторы издания:

к.ф.н. *О. Н. Крылова*,
д.ф.н. *М. Н. Приемышева*.

Ответственные редакторы разделов:

д.и.н. *В. Г. Вовина*, д.ф.н. *М. Д. Воейкова*, к.ф.н. *С. Св. Волков*,
к.ф.н. *В. Н. Калиновская*, к.ф.н. *О. Н. Крылова*, д.ф.н. *И. А. Мальшева*,
д.ф.н. *С. А. Мызников*, д.и.н. *А. В. Сиренов*, д.ф.н. *М. Н. Приемышева*,
д.ф.н. *О. А. Черепанова*.

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербургским институтом истории РАН

ISBN 978-5-4469-0774-8

© Институт лингвистических исследований РАН, 2015
© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2015
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 2015

Ил. 1. А. А. Шахматов.
Гимназическая фотография. 1883 г.
СПФ АРАН[©]. Р. Х. Оп. 1-Ш. Д. 113. Л. 1.

Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) был выдающимся русским ученым. По словам В. В. Виноградова, «в истории русской филологии нет главы более яркой и волнующей, чем деятельность Алексея Александровича Шахматова». С именем Шахматова связано развитие важнейших направлений отечественной русистики, а также фольклористики и этнографии. Исследования А. А. Шахматова остаются фундаментальными при изучении русского летописания.

Рано потеряв родителей, А. А. Шахматов воспитывался в семье дяди в Саратовской губернии, затем поступил в московскую частную гимназию Фр. Креймана. Осенью 1879 г. А. А. Шахматов перешел в IV московскую гимназию, которую окончил в 1883 г. Склонность к научным исследованиям А. А. Шахматов проявил еще гимназистом. Любовь к древностям и удивительная филологическая интуиция этого «чудо-ребенка» обратили на себя внимание таких известных филологов, как Н. И. Стороженко и В. Ф. Миллер, которые ввели его в мир большой Науки, познакомив с профессорами Московского университета — Ф. И. Буслаевым, Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. Е. Коршем. Легендарным эпизодом в жизни А. А. Шахматова-гимназиста стало его успешное критическое выступление в 1882 г. на защите магистерской диссертации уже известного ученого А. И. Соболевского.

По окончании гимназии в 1883 г. А. А. Шахматов поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где под руководством Ф. Ф. Фортунатова (1848–1914), который

на всю жизнь стал его учителем, наставником и другом, стал заниматься сравнительно-историческим изучением славянских языков.

В 1887 г. А. А. Шахматов окончил Московский университет. Все были уверены, что ему светит блестящая карьера университетского профессора, но неожиданно для всех в 1891 г. он уезжает работать земским начальником в Саратовский уезд и проводит там более трех лет.

В 1894 г. он защитил магистерскую диссертацию «Исследования в области русской фонетики», за которую ему сразу же была присвоена докторская степень, и вскоре был приглашен в Императорскую Академию Наук для руководства над «Словарем русского языка». В 1895 г., в 30 лет, он избирается адъюнктом, в 1897 г. — экстраординарным академиком Академии наук, а с 1898 г. становится членом ее правления.

В 1899 г. А. А. Шахматов был избран директором Русского отделения Библиотеки Академии наук, а с 1908 г. становится приват-доцентом и впоследствии профессором Петербургского университета. В последний год жизни А. А. Шахматов возглавлял также Иностранное отделение БАН.

А. А. Шахматов, занимаясь проблемами происхождения русского языка, следовал традициям школы сравнительно-исторического языкознания. Для этого он уже в первых своих научных работах стал использовать древнерусские письменные тексты, в том числе — тексты летописей. Он применил к летописям те приемы, с помощью которых лингвисты исследовали происхождение языков: он увидел в летописях некую единую семью, подобную языковой семье, все члены которой связаны друг с другом. Эту сложную систему родственных связей он и исследовал, стараясь добраться до «родоначальников» известных нам летописных текстов. Таким образом, Шахматов стал создателем такой схемы соотношения между собой летописных текстов, которая, в основном, признается и современными исследователями.

Шахматов оставил заметный след в истории отечественной лингвистики: его работы по проблемам происхождения русского языка, развития русского литературного языка, по изучению русских диалектов на широком славянском фоне, по синтаксису современного русского языка до сих пор актуальны, самобытны и оригинальны и свидетельствуют о богатой интуиции ученого, об уникальном его методологическом подходе — исторический принцип тесно переплетался в его исследованиях с психологическим подходом. Шахма-

тов остался и единственным в истории отечественной лексикографии создателем концепции словаря-тезауруса русского языка: словаря, в который должны были быть помещены все слова русского языка, употребленные хотя бы раз в русском языке за всю историю его существования.

Но А. А. Шахматов не был просто кабинетным ученым. Либерал по убеждениям, в 1905 г. он стал членом партии кадетов, принимал активное участие в ее работе, был членом реформированного Государственного совета, где активно выступал в защиту прав народов Российской империи — финнов, литовцев, грузин, украинцев, а также боролся за права студентов. Он поддержал Февральскую революцию 1917 г., но не принял революцию Октябрьскую.

В наступившее затем тяжелое для России время А. А. Шахматов остался в Петрограде, продолжал преподавание в Университете, поддерживал коллег. Он стойко переносил физические страдания и голод, и зимой 1919–1920 г., по воспоминаниям учеников, имел еще силу и мужество читать перед тремя оставшимися слушателями лекции в университетской аудитории, где температура была ниже нуля. Ему было свойственно удивительное чувство ответственности за всё и за всех, кто его окружал, шла ли речь о молодых исследователях, нуждавшихся в поддержке, или о старом и немощном курьере Рукописного отдела Библиотеки Академии наук Илье, которого он взял в самое голодное и тяжелое время к себе в дом и который у него дома и умер.

Непосильная физическая работа, доставшаяся ему как единственному мужчине в семье, подорвала его силы. Но все же А. А. Шахматов лично хлопотал о спасении и перевозке в Библиотеку Академии наук ряда выдающихся книжных собраний, например, собственноручно разгружал подводы с книгами А. И. Соболевского. Все это в сочетании с крайним истощением послужило причиной внезапной серьезной болезни, от которой он скорострительно скончался 17 августа 1920 г. Весть о смерти А. А. Шахматова сразу же облетела все научные центры Европы и вызвала невероятно широкий отклик ученого сообщества. Так погиб один из величайших русских ученых и выдающийся человек...

В. Г. Вовина-Лебедева, А. В. Сиренов

Сборник статей, подготовленный к 150-летию со дня рождения А. А. Шахматова, включает материалы двух сессий юбилейной конференции, посвященной изучению научного наследия ученого и проходившей в Санкт-Петербурге в *июне и октябре* 2014 г. Первая сессия, организованная Институтом лингвистических исследований РАН и Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН при участии Объединенного научного совета по общественным и гуманитарным наукам СПбНЦ, была посвящена филологическому и лингвистическому наследию ученого. Вторая сессия, проходившая по инициативе Санкт-Петербургского института истории РАН, Исторического факультета СПбГУ и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, была посвящена современным проблемам изучения русского летописания и роли Шахматова в традиции изучения летописей. Жизнь и творчество ученого, новые факты его биографии, редкие архивные данные были предметом интереса исследователей на протяжении работы обеих сессий конференции.

Огромный интерес к личности и творческому наследию академика А. А. Шахматова подчеркивает уникальность творческого дара ученого, а также значимость и актуальность его научного наследия в наше время: в работе конференции приняло участие более 90 представителей разных научных специальностей — историков, лингвистов, литературоведов, работников архивов и библиотек, которые стали авторами статей настоящего сборника. Различные направления их исследований нашли отражения в соответствующих разделах издания: «Об академике А. А. Шахматове (к 150-летию со дня рождения)», «А. А. Шахматов и ученое сообщество России», «Традиции А. А. Шахматова и изучение истории летописания» (редакторы *д.и.н. В. Г. Вовина-Лебедева, д.и.н. А. В. Сиренов*), «Наследие А. А. Шахматова и вопросы истории русского языка и лингвистического источниковедения» (редакторы *д.ф.н. И. А. Мальшева, д.ф.н. М. Н. Приемьшева, к.ф.н. В. Н. Калиновская*); «Русская историческая лексикология и лексикография» (редактор *д.ф.н. О. А. Черепанова*), «А. А. Шахматов и традиции изучения русской диалектологии» (редакторы *д.ф.н. С. А. Мызников, к.ф.н. О. Н. Крылова*), «Проблемы теории и истории русской грамматики: шахматовское наследие» (редактор *д.ф.н. М. Д. Воейкова*), «Лексикографическая деятельность А. А. Шахматова» (редакторы *к.ф.н. В. Н. Калиновская, д.ф.н. М. Н. Приемьшева*), «Проблемы современной русской лексикографии» (редакторы *к.ф.н. С. Св. Волков, д.ф.н. М. Н. Приемьшева*).

**ОБ АКАДЕМИКЕ
А. А. ШАХМАТОВЕ
(к 150-летию со дня рождения)**

Макаров Владимир Иванович

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
Россия, г. Брянск

Предназначение человека — «увеличивать сумму добра на земле» (А. А. Шахматов)

Для понимания мировоззрения А. А. Шахматова чрезвычайно важно его последнее предсмертное письмо августа 1920 года, написанное им в связи с днем рождения дочери Софьи. Это огромное письмо посвящено вопросу, который каждый из нас задает себе не один раз: в чем смысл нашей жизни? Для А. А., и ученого и человека, смысл жизни заключался во всестороннем развитии личности...

Вот некоторые из важных мыслей А. А. Шахматова, изложенные в этом письме. Сложная природа человека позволяет различать три вида явлений: ум, чувство и волю. Задача человека — совершенствовать все эти виды. Ко всем элементам знания надо относиться с высоким уважением: знание может привести к достижению, познанию истины, высочайшего понятия, которое неизменно ведет его к добру. Что касается чувств, то гамма их обширна. Положительный характер имеют только те чувства, которые не ставят человека в острый конфликт с его ближними. Это чувство любви, чувство красоты, чувство долга и пр. Эти чувства в развитии дают в своих проявлениях такие результаты, которые мы называем благом.

Человечество нуждается в увеличении добра на земле, оно жаждет добра, ибо разрастание зла грозит утопить человечество и отдельные человеческие личности в пучине зла. Для нас весьма ценна возможность утверждать, что умственное и эмоциональное наше развитие приводят к одному и тому же результату — увеличению добра на земле.

Говоря о религии, А. А., человек религиозный, подчеркнул, что он не знает другой религии, кроме христианской, которая бы так глубоко проникла в духовную природу человека и выдвинула на такую высоту чувство любви [ОР РНБ. Ф. 326].

Примечательно, однако, что 15-летний Алексей Шахматов размышлял в письме к старшей сестре Евгении и о важности любви к себе: «Человек, милая Женя, должен любить себя, он должен весь предаться себе, иначе он не человек. В нем тогда нет ни самолюбия, ни честолюбия, когда он сам себя не любит. Но что значит любить себя? — задавал подросток вопрос и себе, и сестре. И отвечал: «Это вовсе не

значит любить себя так, чтобы пренебрегать любовью к другим, я должен себя обнаруживать тем, что я для чего-нибудь пишу, я должен быть уверен, что я не пишу понапрасну и что я что-нибудь сделал, раз я занимаюсь филологией... Я сознаю, что лишь одна тысячная у меня готова, и, сделав только тысячу тысячных, я сделаю все» [Масальская 1929: 192]. Можно думать, что эти мысли пятнадцатилетнего аналитика о любви к себе — это фактически мысли о труде, о себе в труде. Таким и был А. А. Шахматов всю его недолгую многотрудную жизнь.

Формированию личности А. А. Шахматова как человека и ученого способствовал ряд обстоятельств, и прежде всего разносторонние культурные, гуманистические традиции семьи (да, собственно, всего шахматовского рода), ее достойные моральные качества, высокие интеллектуальные запросы и способности, а также глубокие эстетические интересы.

В формировании будущего ученого, его склонностей и умений трудно переоценить значение его ближайших наставников: Ф. Ф. Фортунатова, Ф. Е. Корша, И. В. Ягича, В. Ф. Миллера, Н. И. Стороженов, увидевших в гимназисте необычайно талантливого подростка, одержимого научными интересами в области истории славянства, и с восторгом пошедших навстречу этим интересам мальчика.

Будучи еще гимназистом. Алексей испытывал истинное счастье от слов И. В. Ягича из его письма от 9 декабря 1881 г.: «Я утешаюсь тем, — писал Ягич подростку, — что мы ведь скоро увидимся» [Шахматов 1947]. А Ф. Ф. Фортунатов, ученый европейского масштаба, так не любивший печататься, человек, к которому приезжали из всей Европы учиться, считали за честь с ним пообщаться как с ученым и не менее — как с человеком, и этот великий человек пишет всего лишь вчерашнему выпускнику Московского университета: «Вот уже более года, как мы расстались с Вами, а я все еще не могу привыкнуть к Вашему отсутствию» [ОР РНБ. Ф. 370. Ед. хр. 82]. Поразительна была эта крепкая привязанность маститых ученых к юному российскому подростку! И вообще покоряет и восхищает высокая этика отношений и друг к другу и к ученикам своим этих выдающихся личностей!

Но рядом с великими научными успехами в жизни этого обладавшего очень тонкой психикой человека, каким был А. А., постоянно вторгались изнуряющие и душу его, и его мозг беды, узко личные, семейные, и беды столь дорогой ему университетской молодежи, и великая трагедия всего российского общества конца одного и начала другого века, — все принималось им очень близко к сердцу и, как червь, подтачивало его нервы... Поистине, «питие мое с плачем растворях».

Самые ранние годы Алексея и его двух сестер (старшей Евгении и младшей — Ольги), — эти первые годы жизни в атмосфере взаимной любви, родительской заботы, поэзии, музыки, были прекрасны, безмятежны и на всю жизнь определили их интересы. Но, как это часто бывает в жизни, неожиданная жестокая беда настигла их очень рано: Алексею было всего шесть лет, когда от туберкулеза в тридцатилетнем возрасте скончалась их мама, а всего через полгода умер и отец, честный, высоко ценимый губернский прокурор, так любивший свою нелегкую работу, а главное — еще больше любивший семью. «Я люблю деловую жизнь, — как-то признался он, — увлекаюсь ей, но она занимает только ум, не наполняя души. Даже среди самых важных дел и общественных удовольствий я чувствую потребность сердечной, сильной привязанности, и вся жизнь бесцветна, не полна и поверхностна без семьи» (из воспоминаний старшей сестры А. А. Евгении Масальской об отце) [РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 5].

Можно без сомнений утверждать, что приведенные нами слова отца, Александра Алексеевича, целиком соответствуют мироощущениям и его сына: любовь А. А. к жене и постоянные хлопоты о ней, нервной, болезненной, испытывавшей тяжкое состояние из-за мучительной болезни зоба, для чего часто приходилось возить ее к европейским врачам во Францию, Германию, Швейцарию; любовь к детям, усиленная, несомненно, еще и воспоминаниями о раннем собственном сиротстве, была поистине безграничной.

Видимо, именно ранней смертью родителей объясняются его удивительные по трагичности слова, адресованные своим саратовским тете и дяде (взявшим в свое время троих осиротевших детей на воспитание) в день его двенадцатилетия: «Как коротка человеческая жизнь! — писал мальчик. — Может статься, что я прожил уже половину своей жизни! И что же, ничто в моей жизни не достойно похвалы» [Масальская 1929]. И это при том, что к этому времени мальчиком уже написано немало небольших статей и огромное сочинение об истории Руси XIII–XV вв. в трех частях, на более чем трехстах страницах.

Неимоверной трагедией А. А. Шахматова и его жены Наталии Александровны (урожденной Градовской, дочери известного петербургского профессора истории А. Д. Градовского) стала болезнь (туберкулезный менингит) их прикованного в течение 12 лет (1898–1910) к постели сына Сашеньки и его неминуемая смерть. Сколько мужества нужно было иметь этому с детства, по словам старшей сестры, мнительному, «мягко чувствующему» человеку (речь идет об Алексее

Александровиче), чтобы каждый день видеть это мучающееся, беспомощное родное свое дитя и еще пытаться вселять всем домашним надежду на его выздоровление и хорошо понимать при этом, что надежда-то эта так жестоко мала... Да еще в это время дотошно изучать тысячи памятников письменности, исследовать две сотни объемистых летописных текстов, чтобы восстановить облик самого древнего, исходного из них, писать и редактировать книги, статьи, писать сотни писем и отвечать на них, составлять, как правило, множество рецензий на всевозможные научные сочинения, создавать в одиночку неимоверно трудный словарь-тезаурус и почти ни с кем (кроме ближайших старших учителей и друзей), иметь силы не заводить речи об своей страшной трагедии, не пожаловаться на судьбу, чтобы хоть как-то утишить свою боль... Ко дню ли своей свадьбы, ко дню ли рождения жены и детей А. А. любил им, живущим с ним ближе быть не может, — в одной квартире, писать поздравительные, а по сути своей всегда благодарственные письма ... «Дорогая Шунечка! — писал он жене 31 марта 1910 г., в 14-й год после женитьбы, — поздравляю тебя и себя с новой годовщиной. Тебя поздравляю с тем, что с каждым годом я все больше Тебя обожаю, если только это тебя радует. Себя же поздравляю с тем неизмеримым счастьем, которое ты мне даешь. Твой А. Шахматов» [РНБ. Ф. 370. Ед. хр. 84. Л. 15]. Год спустя: «Дорогая Шунечка! В день пятнадцатилетия нашей свадьбы мне бы, конечно, хотелось сказать Тебе много нежного и хорошего, все, что выразило бы полным образом мое чувство любви к Тебе, а также благодарности за длительное счастье, которое Ты мне подарила... Не меняйся, в отношении ко мне, не закрывай от меня свою душу и береги свои силы. Они — эти силы и вся Ты, моя дорогая, нужны и мне и детям. Твой А. Шахматов» [РНБ. Ф. 370. Ед. хр. 84. Л. 38].

А. А. Шахматов был «неисправимым» альтруистом. Завершив обучение в Московском университете, оставленный для преподавания и для приготовления к профессорскому званию, то есть хорошо понимая, что карьера его будет обеспечена, молодой, талантливый человек вскоре напрочь бросает все это и уезжает в родную Вязовскую волость Саратовской губ. земским начальником, питая надежду, что сможет помочь бедному крестьянству в эти голодные годы, когда, к тому же, здесь собирала свою обильную жертву пришедшая с Каспия коварная и жестокая холера. Узнав об этом решении молодого друга, И. В. Ягич в Берлине всполошился, тотчас же написал письма попечителю Московского учебного округа графу Капнисту, министру народ-

ного просвещения графу Делянову с убедительной и настойчивой просьбой всеми силами остановить отъезд выдающегося молодого ученого Шахматова. Из их канцелярий шли письма беглецу, в них обещались золотые горы, очень хорошая зарплата, но молодой земский остался непреклонен и уехал в родное село. Впоследствии гостивший у Шахматова в его родной Губаревке норвежский филолог Олаф Брок вспоминал: А. А. всячески стремился смягчить нравы крестьян, обращал внимание на народное образование, освещал мужикам выгоды этого образования и предлагал лично покрывать большую часть издержек, которых требовало образование. А. А. тушил пожары, разбирал многочисленные конфликты, хлопотал о поливе здесь почти всегда засушливых земель, смело бросался сам тушить пожары, боролся с падежом скота... В такие минуты его невидимая фигура как бы вырастала ... Бабы являлись к Шахматову: у кого корзинка с яйцами, у кого — уточка под рукой. Он протестовал до слез, объяснял обязанности должностного лица, а народу — подобающее понимание своего права и достоинства. Он стремился смягчать нравы и отношения между крестьянами» [РНБ. Ф. 846. Ед. хр. 13. Л. 3]. Зная, как много пришлось перенести молодому человеку в этой должности лишь за первый год земства, Ф. Ф. Фортунатов писал ему в письме 16 января 1892 г.: «Этот один год надо считать, конечно, по крайней мере за три нормальных года» [РНБ. Ф. 370. Ед. хр. 82]. Хорошо знавший Шахматова неприменный секретарь РАН С. Ф. Ольденбург вспоминал, что Шахматов по духу был вовсе не городской, а сельский человек. Он выработал в себе четкий взгляд на закон и законность и не разделял глубоко засевшего в каждом из нас русского отношения к закону, то есть представления, что закон создается только для того, чтобы его обходили. Неуважение к закону, считал ученый, — один из самых пагубных видов нашей общественной лжи, который рождает неустойчивость жизненных отношений людей» [Ольденбург 1922: 67–68].

В предреволюционное время страсти в студенческой среде и в столицах, и на периферии накалялись, но правительство не находило иных путей утихомирить студентов, как исключать их из учебных заведений и бросать в тюрьмы. А. А. Шахматов вообще-то не разделял революционных устремлений в обществе и со студенческой скамьи старался быть подальше от политики. В письме к А. И. Соболевскому он откровенно писал, что его «сильно пугает политика, если она присоединится к нашему делу» [СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 496. Л. 52]. Под «нашим делом» ученый понимал усилия по организации

межславянского научного съезда или, по крайней мере, совещания.

Ученый в меру своих сил и даже сверх меры стремился способствовать смягчению участи многих студентов. Он содействовал талантливым ее представителям и в учебе, и в пробе научного пера. В одной из публикаций мы рассказали об оплате А. А. Шахматовым за обучение ряда студентов Петербургского университета в связи их безденежьем и угрозой быть отчисленными из вуза за неуплату за обучение за несколько недель до окончания курса. При этом Шахматов просил ректора университета не разглашать имя внесшего в кассу необходимую сумму [Макаров 1984: 6]. К слову сказать, Шахматовы-родители и другие многочисленные родственники ученого вовсе не принадлежали к числу богатеев, как и впоследствии семья самого Алексея Александровича.

В Архиве РАН нам удалось обнаружить интересное письмо академика от 14 мая 1909 г. к какому-то высокому полицейскому чину с просьбой разрешить предоставлять в тюрьму арестованному по политическим мотивам студенту Петербургского университета Павлу Елисеевичу Щеголеву (впоследствии крупному пушкинисту) больше книг, чем было до этого ему разрешено, ведь для успешного научного исследования несомненно нужно иметь под рукой в большинстве случаев больше книг... И далее как будто в оправдание — еще более наивно звучащее объяснение идеально мыслящего ученого российскому полицейскому начальнику: «Ученая литература наша так разрослась, в особенности за последние два десятилетия».

В 1914 г. Шахматов хлопотал об арестованных студентах: «прямо-таки выдающемся студенте Валке», исключенном из Духовной академии Дмитрии Ивановиче Абрамовиче, оставшемся без средств к существованию составителе ученого описания Софийской библиотеки, «очень ценном человеке для науки», которого, как писал А. А. Ф. Е. Коршу, «надо поддержать и сохранить для науки» [СПФ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 366. Л. 343 об.]; о Павле Матвеевиче Евдокимове, студенте историко-филологического факультета Петербургского университета, с 7 февраля по 1 марта 1911 г. сидевшего в «предварилке» и ожидавшего суда, якобы за участие в деле братьев Яковлевых, пытавшихся покуситься на жизнь царя. В письме к А. А. Шахматову от 24 марта этого же года заключенный, осознавая посылку своего письма из тюрьмы профессору, академику шагом не очень приличным, объясняется ему: «Но что уже мне делать, если я один как перст и мне тяжело. Да я и не пишу г[осподину] профессору: человеку пишу, человеку, откликнувшемуся на мое горе и протянувшему мне руку

помочь выбраться из тины... заблуждений. Спасибо Вам, глубокое, сердечное, спасибо за участие». Но этим словам предшествовали и другие, не менее важные, слова признания: «Единственное желание у меня уехать за границу, лучше чистить сапоги в Париже и быть дворником, но свободным, без этого хамства, или в Англии ходить с шарманкой, но писать “Я” — с прописной буквы... Благородство мне еще пригодится в будущем и сорить им не след» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 501. Л. 2–3 об.].

Впрочем, будучи высланным в Париж, Евдокимов изучил там библиотечное и музейное дело, прослушал курс философского факультета Парижского университета. Молодой человек владел украинским, белорусским, сербским, польским, немецким, французским, латинским, древнегреческим языками. Какой находкой он был для Шахматова: с таким багажом знаний языков как не заниматься бы лингвистикой, да еще под руководством такого великого учителя! В июле 1914 г. Евдокимов вернулся в Россию для сдачи экстерном государственных экзаменов. В советское время он станет работником просвещения. Будет изучать северно-русские говоры, на кафедре Ленинградского университета преподавать латинский язык [Архив РГПУ им. А. И. Герцена. Д. № 554].

Н. Н. Дурново 25 февраля 1914 г. писал А. А. Шахматову о том, что в Харьковском университете профессор А. Л. Погодин и компания выступили против молодого ученого Л. А. Булаховского из-за его неславянского происхождения и на магистерском экзамене по славянским языкам устроили ему «распекание» по мелочам. Дурново спросил Шахматова, не мог бы Булаховский сдавать экзамен в Петербургском университете [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 488. Л. 75]. А. А. не только сразу же решил эту проблему, пригласив соискателя в Петербург, где он вскоре сдал экзамен блестяще, но даже просил молодого человека взять 2–3 часа в неделю вести занятия по русскому языку. Кем стал впоследствии этот, по словам Дурново, «человек, удивительно горячо преданный науке и прекрасно подготовленный», мы все хорошо знаем — академиком, директором Института языкознания АН Украины, автором целого ряда работ по истории русского литературного языка.

В начале XX века настроение А. А. Шахматова было в основном пессимистическое. «Все мы под впечатлением взятия Порт-Артура», — писал А. А. Ф. Е. Коршу 31 декабря 1904 г. — И как отвратительно себя чувствуешь: я, например, испытываю какую-то приниженность и подавленность... Неужели Россия идет к гибели?.. А не ждут ли нас разные политические осложнения, в случае если война затянется?» [СПФ

АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 365. Л. 228–228 об.]. Ученый, как говорит-ся, как в воду смотрел. Ровно через год в очередном письме к Ф. Е. Коршу опять та же печаль: «Занятия идут вяло. Слишком сильны и тяжелы впечатления от всего окружающего. Наступление реакции совершенно несомненно. А впереди общее разорение и банкротство» [ibid.: Л. 257]. В письме ему же от 13 февраля 1911 г.: «Я в самом удрученном состоянии, забросил даже занятия... Революционным комитетам я отвожу второстепенную роль, растущую, однако, соразмерно с преступною деятельностью правительства и преступным бездействием университетских властей. Для меня ясно, что эти власти не сделали ничего для успокоения студентов, не противостояли против ввода полиции в декабре, ссылки студентов без суда в отдаленные места... Впору бежать из университета, но не в виде протеста против Столыпина и Кассо, а для того, чтобы в качестве члена Совета не быть ответственным (морально) за преступное бездействие, повлекшее за собой несчастье для многих десятков юношей. Среди них отличные студенты» [ibid.: Л. 397 об.]. «Какая у нас замечательная молодежь!» — писал Шахматов Ф. Е. Коршу в одном из последующих писем.

А. А. превосходно осознавал созидательную силу филологической науки как средства не только образования, но и воспитания общества. В письме от 26 июня 1916 г. специалисту по украинской литературе В. Н. Перетцу в Киев он, сообщая о своих успехах в разработке синтаксических вопросов, заметил: «Сколько человеку предстоит еще работы в благодарных областях гуманитарных наук!» [РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 25]. К сожалению, наше современное общество почти перестало понимать ценность и «благодарность» гуманитарных наук, оно катастрофически быстро теряет представление об эстетике музыки, музыкальности и поэтичности слова, и в этом виновато, естественно, значительная часть нашей творческой интеллигенции, так быстро теряющей свою интеллигентность и русскость, повинны и наши высшие руководители культуры и образования.

А. А. много сил отдавал повышению авторитета АН и ОРЯС в обществе, сохранению их жизнеспособности. В очень откровенной переписке с Ф. Е. Коршем он то и дело печалился о неудачах, провалах и радовался успехам своего учреждения. Одно из добрых дел, за которое в 1903 г. взялось ОРЯС по настоянию учительства России было осуществление реформы орфографии, устранение из алфавита абсолютно ненужных букв (в частности, такого балласта, как букв ъ, ь, ъ) с целью облегчения школьникам овладение грамотностью. Реакция в стане кон-

серваторов была резко отрицательной, о чем свидетельствуют и письма А. А. Шахматова Ф. Ф. Фортунатову и Ф. Е. Коршу. В письме к Коршу от 18 декабря 1904 г.: «Пока изучаем обширный архив (писем о реформе — В. М.), образовавшийся у Филиппа Федоровича. Некоторые сообщения весьма и весьма дельные, например, инженера Чмутова из Пскова. Но большинство сообщений, а в особенности ругательные письма — скорее психиатрический материал, чем филологический» [СПФ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 365. Л. 44 об.]. В другом письме ему же: «Ясно видно, что сочувствия реформе гораздо меньше, чем противников, и при том ярых, бессмысленных», — раздражался А. А. [СПФ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 365. Л. 218].

Шахматова в очередной раз раздражил и А. И. Соболевский, известный лингвист, великолепный историк русского языка, в печати в резкой форме также выступавший против реформы орфографии, да и против некоторых других начинаний Академии. Так в 1910 г. А. А. Шахматов был возмущен еще одной его «выходкой»: на этот раз академик обрушился на ОРЯС из-за его доклада по вопросу об украинском языке. «По характеру своему, — признавался А. А., — я предпочел бы обойти письмо Соболевского молчанием, но разум и совесть подсказывают другое» [ibid.: Л. 362]. Считая необходимым выразить в печати протест Соболевскому от имени ОРЯС Академии, Шахматов, тем не менее, советовал коллегам по Академии выразить этот протест «в мягкой форме». «Боюсь, как бы Соболевский, разобидевшись, не бросил бы Академию», — говорил он коллегам [ibid.: Л. 366].

От 6 июня 1901 г. в дневнике Шахматова находим запись — в связи с его 37-м днем рождения: «Вчера мне минуло 37 лет. Я не люблю своего прошлого: много тяжелых воспоминаний. Я теперь иной человек, чем был десять лет тому назад, но приходится расплачиваться, хотя бы в мыслях, в совести со всеми теми ошибками и несообразностями, которые я наделал, например, во время моей общественной деятельности в 1891–1894 гг. Право, если бы я стал описывать свое прошлое, мой дневник превратился бы в сплошной стон, в настоящую щемящую скорбь» [РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Ед. хр. 91]. Несомненно, краски здесь весьма сгущены. Дают о себе знать мнительность и самобичевание.

Вместе с тем жизнь А. А. Шахматова — поучительный пример его постоянной работы над собой, над очевидными для него самого природными недостатками: мнительностью, застенчивостью, ранимостью. В одном из писем Ф. Ф. Фортунатову от 16 октября 1893 г. А. А. Шахматов писал: «Человек представляет такой сложный внут-

ренный мир, что трудно от него требовать непременно исполнения той или иной жизненной программы» [СПФ АРАН. Ф. 90. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 44 об.]. Однако относительно самого Шахматова вполне можно согласиться с утверждением Е. П. Казанович, которая писала об этом человеке еще в 1912 году: «Вот человек, который не уменьшается и не принижается от того, что об нем узнаешь, и от того, что узнаешь об нем вообще что-нибудь за внешней официальной маской». Е. П. Казанович вспомнила очень показательный эпизод из жизни Шахматова, рассказанный ей М. Р. Фасмером. Как-то перед магистерским диспутом Н. М. Каринского Фасмер пришел к Шахматову, и разговор зашел о диссертации молодого ученого. Макс Фасмер указал на допущенные диссертантом ошибки и неправильности. Шахматов воскликнул: «Как я рад! Значит, Вы тоже заметили это! А я боялся, что, может быть, ошибаюсь сам, упрекая здесь Каринского. Так что, по Вашему, можно указать на эти ошибки?... Это уже евангельская простота и смиренномудрие: Христос и тот, наверное, больше себя ценил» [РГБ. Ф. 326. Ед. хр. 18. Л. 134–136].

Составителем многих демократических проектов, ходатайств и ответов АН и ОРЯС, в которых защищались права личности, права научных учреждений, права ученых, был, как правило, именно Алексей Александрович. Нельзя без волнения читать написанное им в январе 1905 г. большое письмо к Президенту АН по поводу опубликованной в столичных газетах «Записки 342 ученых», документа, раскрывающего суть недемократического управления страной и высшей школой России, документа, требующего привлечения к управлению государством представителей всего народа и контроля за деятельностью администрации, освобождения учебных заведений от тлетворного влияния политики, для чего, однако, нужны были особые «успокаивающие» общество и его молодое поколение условия. Президент АН великий князь Константин Константинович Романов (двоюродный дядя царя), превосходный поэт, любитель филологии в письме к Шахматову обвинил все же и лично его, и его коллег в нарушении нравственного закона. Но уж с этим-то упреком Шахматов никак не мог согласиться. «Мною, — писал академик, — не нарушен нравственный закон, который обязывает человека говорить правду... Я не нарушил и того нравственного закона, который призывает человека к миру и согласию... Занятия мои в узкой специальности языка и древностей не оправдают тех мыслей, которые я выскажу. Но их оправдывает неотъемлемое ни от кого право любить свою родину и радеть об

ее интересах» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 404–403. Л. 3–4 об.].

21 января 1905 г. Комитетом министров было принято идеологически архинеумное, если не сказать преступное, Положение, по которому Академия наук обязана была давать научные отзывы... на политически вредные и определенные к уничтожению труды ученых. К числу таких «вредных» книг правительство отнесло, в частности, книги Д. Л. Мордовцева «Накануне реформы», С. А. Венгерова «Журналисты сороковых годов», первый том «Истории французской революции» Луи Блана в русском переводе М. А. Антоновича, произведения Л. Н. Толстого на религиозную тему и др. Шахматов в который раз не стерпел. Этот натиск правительства вынудил его в ответном письме в Комитет министров решительно протестовать против его антидемократических намерений. «Уничтожение книги, — гневно писал ученый, — это такого рода насилие над проявлением человеческой мысли, которое с точки зрения научной, то есть той единственной точки зрения, с которой может судить о книге ученая комиссия, не может быть оправдано. Уничтожить произведение духовно-умственной деятельности человека, сжечь книгу научного или литературного содержания есть преступление против науки (курсив наш — *В. М.*), ибо всякое такое сочинение представляет объект научного исследования, беспристрастный суд над которым принадлежит не нам, современникам, а нашим потомкам» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 248. Л. 2 об.].

1905 год оказался очень трудным и для А. А. Шахматова, и, как известно, для всей России. Но ученого поддерживала вера в российский народ. «Одно, что меня подбодряет и утешает, — это вера в наш народ и нашу интеллигенцию. У меня было мало этой веры. Но последние события, мне кажется, свидетельствуют о неиспользованной духовной мощи народа. И такой народ не трудно будет воспитать в правильных понятиях» [ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 3. Ед. хр. 518. Л. 75].

Еще в середине XIX в. выдающийся украинский филолог А. А. Потебня, используя эзопов язык, писал, как будто чисто теоретически, о том, что вражда к письменности на известном наречии распространяется и на существование самого этого наречия, на его жизнь в устах людей, потому что письменность есть естественное развитие этой жизни» [Потебня 1962: 76]. В действительности положение национальных языков в дореволюционной России очень заботило многих деятелей науки и культуры. В 1863 г. по настоянию министра внутренних дел Валуева было принято постановление, «чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом (малороссийском)

языке, которые принадлежат к области изящной литературы, пропуском же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так и учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановиться» [Цит. по: Грушевский 1991: 320].

В 1905 г. А. А. Шахматов возглавил в Академии борьбу за отмену стеснений украинского печатного слова и работал над итоговым документом специально созданной с этой целью академической комиссии. В письме от 23 февраля этого года академик, советуясь с Ф. Е. Коршем о заключительном тексте документа, предложил повторить следующие слова Ю. Ф. Самарина: ««Пусть же украинский народ сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои предания пусть в братском общении и рука об руку с великим русским племенем развивает он на поприще науки и искусства, для которых так щедро наделила его природа, свою духовную самобытность всей природной оригинальности ее стремлений... Но в тоже время пусть он помнит, что историческая роль его — в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского, для создания и возвышения которого так долго и упорно трудилось великорусское племя, для которого принесено им было так много кровавых жертв и перенесено страданий» (Соч., т. 1, с. 298). Мне такая прибавка представляется полезной в тактическом отношении. Она отразит нападки националистов» [СПФ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 365. Л. 52–52 об.]

А. А. Шахматов горячо откликнулся на идею крупного украинского историка М. С. Грушевского создать коллективный труд об истории украинской духовной и материальной культуры. В состав авторов вошло большое число очень известных ученых России, в том числе, естественно, украинских. Идею создания этой энциклопедии «Украинский народ в его прошлом и настоящем» А. А. Шахматов не только с восторгом встретил, но в значительной степени, как председатель ОРЯС, приложил немало усилий для активизации нелегкого процесса создания этого коллективного труда. Этот двухтомный труд, который не без основания называют энциклопедией — «Украинский народ в его прошлом и настоящем», вышедший в 1914–1916 гг., — великолепное свидетельство титанической совместной работы представителей науки двух издавна братских народов [см.: Макаров 1996].

Глубокое внимание и уважение к любому человеку, его труду отличало всю семью Шахматовых. С ранних лет своего творчества будущий академик никогда не выносил приговоров тем, кто делал ошибки, полагая, что важно лишь указать на ошибку, что он и делал в

большинстве своих отзывов, рецензий. И хотя иногда его нервы были очень напряжены, он все же всегда оставался в рамках степенного научного спора. Так было с рецензией на работу Степана Смаль-Стоцкого и Теодора Гартнера [Smal-Stockij 1913], в которой авторы доказывали, что украинский язык вышел непосредственно из праславянского, минуя стадию древнерусского, и что вообще он стоит ближе к сербскому, чем к русскому. Такая позиция не разделялась большинством не только русских, но и украинских филологов. А. А. Шахматов, достаточно резко критикуя авторов концепции, счел нужным подчеркнуть, что никак не политические, а чисто научные аргументы определяют его критический настрой по отношению к рецензируемому труду [Шахматов 1914]. Что бы писал Шахматов, если бы прочитал инсинуации некоторых современных украинских авторов о происхождении украинцев и украинского языка! О том, например, что Иисус Христос говорил на украинском языке...

Выступая с лекцией в кружке украиноведения в Петербургском университете в 1908 г., А. А. Шахматов раскрылся перед студентами как истинный гуманист, для которого не может быть предпочтения одного языка другому, одной культуры — другой. «Не сомневаюсь в том, — говорил лектор, — что Вы относитесь к украинскому языку с интересом и любовью: любовь к родному языку, самая горячая, беззаветная, является в моменты угрожающей языку и народу опасности... Всему русскому народу вообще предстоит тяжелая борьба за существование на почве самобытного развития и культуры... Дух народа не может помириться с пассивной ролью, он хочет самостоятельных выступлений, он жаждет творчества; для активной роли нужно прежде всего самосознание... для народа, не желающего прозябать, родившегося жить, развиваться, оно необходимо, оно неизбежно. И прежде всего самосознание должно быть обращено на изучение современных отношений, современного облика народа и его интеллигенции, его верований и духовных стремлений, его материальных нужд и культурных потребностей» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 281. Л. 1]. Эти слова великого русского ученого о «теснейших узак» сейчас не только не потеряли своей актуальности, но стали еще более важными: в неимоверно трудное время, переживаемое сейчас не только народом юго-восточной Украины, но и всеми украинцами, да и, в связи с этими страшными событиями, русскими тоже. А. А. Шахматова связывали очень добрые отношения со знаменитым украинским историком Украины М. С. Грушевским, руководившим в зарубежном Львове Обще-

ством («Товариством») имени Т. Г. Шевченко, в члены которого за научные труды по украинистике был принят и А. А. Шахматов, воспринявший этот шаг с большой благодарностью и к Обществу, и лично к Грушевскому [Макаров 1996]. «Только что, — написал А. А. 20 июня 1911 г. в письме к М. С. Грушевскому, — получил извещение об избрании меня членом Товариства имени Шевченка... Чувствую живейшую потребность принести вам свою признательность за этот знак внимания к моей бедной и малопроизводительной деятельности. Вы, конечно, поверите мне, когда я говорю с восторгом о Вашем, теперь могу сказать нашем, Обществе. Мое русское сердце бьется с гордостью при мысли о том, какое великое дело совершено при скудных и стесненных обстоятельствах нашими собратями, руководимыми Вами в зарубежном Львове. Я часто говорю, что деятельности Товариства может позавидовать любая академия» [ЦГИАУ. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 828]. Когда М. С. Грушевский в ноябре 1914 г. после пребывания в Вене, Италии и Румынии возвратился в Киев, он был подвергнут аресту, унижительным допросам, а затем высылке в Симбирск и Казань [Шевченко, Смолий 1991: 348]. А. А. в это время активно участвовал в судьбе М. С. Грушевского: «Вы, может быть, удивитесь, когда прочтете в этом моем письме (от 11 марта 1915 г. — *В. М.*) о моей радости, что Вы в Симбирске. Радуюсь, конечно, потому, прежде всего потому, что Вы не в Томской губернии... Свое пребывание в Симбирске Вы, вероятно, используете для научной работы. Не время ли подумать о русском переводе Вашего великого украинского труда? Если бы Вам понадобились книги, Академия, вероятно, пошла бы Вам навстречу. Быть может, при помощи нашего августейшего президента (президента Академии наук — *В. М.*)» [ibid.]. Позже АН добьется перевода Грушевского в Москву. В период между 3 и 7 марта 1917 г. на Украине была сформирована так называемая Центральная Рада. М. С. Грушевский, пользовавшийся огромным авторитетом у украинской интеллигенции, 14–15 марта был избран ее главой. Дальнейшая деятельность ученого и главы Рады знаменовала собою стремление сделать все, чтобы идея украинства, получившая реализацию пока только в границах Киева, стала всеукраинской. Грушевский настоятельно требовал в новых политических условиях расширения политической борьбы, главной целью которой глава Рады видел в требовании автономии Украины в составе федеративной России [Верстюк 1996 V: 41].

Проблема единства России волновала Шахматова и раньше. В октябре 1905 г. он писал Ф. Е. Коршу в связи с решением съезда ка-

детской партии по вопросу об отделении Польши от России. «Больной вопрос, — писал адресант, — выгодна ли автономия Польше, так тесно связанной с нами экономически. Что сделает она, если мы отгородимся от нее таможенными, как отгородились от Финляндии? Россия главный потребитель польской промышленности. Польша! Но почему именно Польша, не Балтийский край, не Грузия, не Армения! Мы накануне реформ, которые, казалось бы, должны теснейшим образом сплотить Россию и увеличить тяготение окраин к центру, и вдруг разговоры о федерации. Лучше довершить достойным образом дело собирания русской земли, чем разрушить его и поставить этим на карту существование и России и той же Польши, и той же Армении» [СПФ АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 365. Л. 71].

15 июля 1917 г. А. А. Шахматов с болью написал известному русскому юристу-ученому А. Ф. Кони о ситуации на Украине: «Как и Вы, я с особенным ужасом останавливаюсь перед предательством украинцев во главе с Грушевским. Это самый тяжелый удар по России... Наши социалисты, а в числе их даже Керенский, пошли на удочку Грушевского и одобрили то, что им, как государственным, должно было бы претить. Стараюсь заглушить в себе гражданское чувство, с усилием занимаюсь своей наукой» [ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 14. Ед. хр. 1. Л. 203]. В письме от 8 июля 1918 г. Вячеславу Измаиловичу Срезневскому (сыну академика И. И. Срезневского, работавшему вместе с А. А. Шахматовым в Библиотеке АН) А. А. Шахматов сетовал на некоего Альфреда Людвиговича (личность нами пока не установлена — *В. М.*), получение письма от которого сильно растрожило академика: А. Л. поступил на службу к украинскому правительству и свой шаг объяснял материальной нуждой. Впрочем, Шахматов не это поставил ему в вину, а участие в комиссии, «задавшей целью продать наши научные и художественные сокровища» [ЦГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 3038. Л. 84].

Призыв великого российского гуманиста к увеличению добра на земле нынче, естественно, не только не потерял своей великой значимости, но, напротив, в эпоху активно ширящегося диктата материального начала, воинствующего потребительства он нуждается в сохранении и углублении начала куда более значимого — духовного — в каждой нашей душе, в каждом нашем сердце.

Литература

Верстюк В. Ф. М. С. Грушевский у перший період діяльності Центральної Ради // Український історичний журнал. 1996. №5 (410).

Воспоминания об А. А. Шахматове / Вступление, комментарий, публикация *В. И. Макарова* // Русская речь. 1984. №3.

Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1991.

Листування М. С. Грушевського й О. О. Шахматова / Вступ. коментар., публікація *В. И. Макарова* // Український історичний журнал. 1996. № 5–6.

Макаров В. И. А. А. Шахматов, Украина и украинцы // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Брянск, 2010.

Масальская Е. А. Повесть о моем брате А. А. Шахматове. Ч. 1. Л., 1929.

Масальская Е. А. Повесть о моем брате А. А. Шахматове. М., 2012.

Ольденбург С. Ф. А. А. Шахматов как человек и деятель // Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1922.

Потебня А. А. Общий литературный язык и местные наречия // *О. О. Потебня.* Ювілейний збірник до 125-річчя з дня народження. Київ, 1962.

Шахматов А. А. Сборник статей и материалов. Вып. 3. / Под ред. *С. П. Обнорского.* М.–Л., 1947.

Шахматов А. А. До питання про початок української мови. По поводу книги Ст. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера // Україна. 1914. № 1.

Шевченко Ф. П., Смолий В. А. М. С. Грушевский: краткий очерк жизни и научной деятельности // М. С. Грушевский. Очерк истории украинского народа. Киев, 1991.

Smal-Stocky J. St., Gartner Th. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Wien, 1913.

Басаргина Екатерина Юрьевна
Санкт-Петербургский филиал
Архива Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

**«Жизнь и смерть А. А. Шахматова»: слово профессора
А. А. Грушки на заседании памяти А. А. Шахматова в 1921 г.
(Публикация, предисловие и примечания Е. Ю. Басаргиной)**

Смерть А. А. Шахматова в ночь с 16 на 17 августа 1920 г. произвела на русских филологов сильнейшее, гнетущее впечатление и оставила в их сердцах шемящее чувство пустоты и сиротства перед невосполнимой утратой. Гибель А. А. Шахматова была подготовлена кошмарными условиями тогдашней жизни. В июле 1918 г., в последнем письме к И. В. Ягичу, который принадлежал к тем немногим ближайшим ему людям, о которых он постоянно думал и сердечно любил, Алексей Александрович написал: «Когда шла война, в самый разгар ее, я всегда говорил жене и знакомым, что по окончании ее первым делом поеду навестить Вас. Утрата возможности общаться с Вами была мне так тяжела, что я хотел вознаградить себя свиданием с Вами. Но теперь все так изменилось, что не нахожу в себе нравственных сил исполнить это свое прежнее желание: чувствую себя настолько опозоренным, нравственно разбитым, униженным, что не решусь свидеться даже с Вами,

**Ил. 2. А. А. Шахматов. Фотопортрет.
Б. д. Саратов.**

СПФ АРАН © . Р. Х. Оп. 1-Ш. Д. 46. Л. 1.

которого всегда считал верным другом России. Только обязательства перед семьей дают мне силы переживать весь тот гнусный позор, который нас окутал. Я совершенно не надеюсь дожить до лучших дней; думаю, что и физически мой организм настолько пошатнулся, что жить мне осталось недолго». Унижение и позор России причиняли Шахматову жгучие страдания, его «возмущенная совесть», используя его собственные слова, испытывала негодование, отчаяние, страх за будущее родины.

Исключительное чувство долга перед Академией удерживало А. А. Шахматова в голодном Петро-

граде в 1919 г., когда он отказывался от всех предложений уехать в более сытую провинцию или за границу. Принятое им решение держаться в Петрограде до последней возможности, не оставлять Академию в тот момент, когда ее учреждения и особенно библиотека, которой он заведовал, нуждались в его заботе — это был настоящий акт самопожертвования. Увы, эти заботы надломили его последние силы, а первобытные условия существования свели его в могилу.

Смерть А. А. Шахматова вызвала ряд устных и печатных воспоминаний и оценок, проникнутых сознанием высокой ценности его научных заслуг и нравственных достоинств. Заседания памяти А. А. Шахматова прошли в 1920–1921 гг. в Петрограде, Москве, Саратове, Казани и в других городах.

27 февраля 1921 г. состоялось объединенное заседание историко-филологического факультета Московского государственного университета, Общества любителей российской словесности, Московской диалектологической комиссии, Лингвистического общества и Общества истории и древностей российских. На заседании были прочитаны доклады: А. А. Грушки — «Жизнь и смерть А. А. Шахматова»; Д. Н. Ушакова — «А. А. Шахматов — историк русского языка»; Ю. В. Готье — «А. А. Шахматов — историк»; П. Н. Сакулина — «Научно-общественная деятельность А. А. Шахматова»; В. К. Поржезинского — «А. А. Шахматов как лингвист»; М. Н. Сперанского — «А. А. Шахматов — историк древнерусской литературы» [Состав тома: VII]. Прочитанные на этом заседании сообщения вошли в состав тома «Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук» за 1920 г., за исключением вступительного слова декана историко-филологического факультета Московского университета профессора А. А. Грушки.

Аполлон Аполлонович Грушка (1870–1929) — один из видных представителей московской классической филологии, тонкий знаток древних языков, автор фундаментальных исследований в области латинского словообразования [Грушка 1900, 1906, 1909].

По свидетельству современников, Грушка обладал выдающимся ораторским талантом, «блестящим, гибким и тщательно обработанным вплоть до произношения, весьма выразительного и эффектного» [Покровский 1930: 79]. Широкая образованность в сочетании с незаурядным ораторским дарованием обеспечили Грушке большую популярность среди его слушателей в Московском университете, с которым он был связан с 1898 г. вплоть до закрытия историко-филологического факультета в 1921 г. В 1928 г. Грушка был избран в

члены-корреспонденты АН СССР по разряду классической по разряду классической филологии и археологии Отделения гуманитарных наук.

А. А. Грушка и А. А. Шахматов были ближайшими учениками профессора классической филологии Ф. Е. Корша, известного необычайной широтой академических интересов полиглота. Шахматов вспоминал, что студентом Московского университета он работал под руководством Ф. Ф. Фортунатова, «постоянно поверяя результаты своих работ в беседах с Ф. Е. Коршем» [Шахматов 1917: 231]. Грушка также был преданным учеником Корша, который, по его словам, «своими лекциями создавал историко-филологическую школу тонкой, точной и реалистичной экзегезы, чуждой всего фантастического, вычурного, надуманного» [Грушка 1916: 15]. Под влиянием своего учителя Грушка посвятил себя изучению исторической грамматики латинского языка.

Благодаря Коршу Шахматов и Грушка ближе узнали друг друга. Грушка вспоминал о том, как в конце 1896 г. они участвовали в создании исследования Корша «О русском народном стихосложении»: работа была экспромтом продиктована Шахматову и Грушке, попеременно записывавшим за Коршем с 8 часов вечера до трех часов ночи. Эту историю Грушка привел как иллюстрацию мощной трудоспособности Корша и его феноменальной памяти: многочисленные примеры из разных былин, вместе с вариантами и поправками, Корш диктовал по памяти [Грушка 1916: 23]. Эта история дает представление и о преданности А. А. Шахматова своим учителям, заботу о которых он считал своим нравственным долгом и делом научного пиетета. В 1896 г. он был уже адъюнктом Академии наук и редактором «Известий ОРЯС», поэтому взял эту рукопись в Петербург и тотчас сдал ее в академическую типографию [Корш 1896–1897]. Шахматов в немалой степени содействовал избранию Корша в Отделение русского языка и словесности в 1900 г., а в 1914 г. Корш завещал Шахматову разбор своего архива.

В своей речи А. А. Грушка вспомнит о том, что Корш «с нежностью называл Шахматова голубицей». Сам Грушка в частных беседах отзывался о Шахматове как о «кристальной души человеке» [Покровский 1930: 79–81; Расторгуев 1922: 318].

В 1921 г., в дни панического страха и унижения А. А. Грушка открыто, в полный голос обвинил большевиков в гибели А. А. Шахматова — первостепенного в своей области ученого и исключительного, Речь Грушки «Жизнь и смерть А. А. Шахматова» дышала гневом и негодованием. Обличительный тон речи А. А. Грушки закрыл ей дорогу в печать, и она не попала в том «Известий ОРЯС», посвященный памяти А. А. Шахматова.

Рукопись речи проф. А. А. Грушки передал в Архив РАН академик В. М. Истрин, в настоящее время она хранится в фонде А. А. Шахматова [Ф. 134. Оп. 1. Д. 397. Л. 2–6]. Текст речи написан чернилами на отдельных листках и представляет собой беловой автограф с исправлениями автора. На обороте л. 1 имеется помета: Вступительное слово декана историко-филологического факультета Московского университета.

А. А. Грушка «Жизнь и смерть А. А. Шахматова».
Вступительное слово декана историко-филологического факультета Московского университета на торжественном заседании памяти академика А. А. Шахматова в Москве.

10 февраля 1921 г.

[Объявляю открытым торжественное соединенное заседание историко-филологического факультета, Общества любителей российской словесности, Московской диалектологической комиссии, Московского лингвистического общества и Общества истории и древностей российских.]¹

М[илостивые] г[осудары]ни и м[илостивые] г[оспода]! Мы собрались для того, чтобы чествовать жизненный подвиг безвременно сошедшего в могилу славного питомца Московского университета, великого ученого земли русской, Алексея Александровича Шахматова.

Предлагаю присутствующим благоговейно почтить его светлую память вставанием.

«Жизнь и смерть Шахматова» — такова тема моего вступительного слова. Итак, позвольте мне прежде всего в² кратких чертах напомнить Вам основные биографические факты, касающиеся почившего ученого³.

Подобно многим выдающимся русским деятелям Алексей Александрович принадлежал к старинному дворянскому роду. К сожалению, наши сведения о родителях Шахматова отличаются чрезвычайной скудостью. Образ его матери остается совершенно невыясненным⁴. Об отце мы знаем только, что он был судебным деятелем⁵, довольно круп-

¹ Абзац вычеркнут.

² Далее зачеркнуто: «в нескольких словах».

³ Биографические сведения о Шахматове А. А. Грушка почерпнул из автобиографии ученого [Шахматов 1917: 230–232].

⁴ Мария Федоровна Козен (1838–1870), воспитанница Екатерининского института, была образована, начитана, талантлива, с кротким ангелоподобным характером [Масальская 2012: 22–24].

⁵ Шахматов Александр Алексеевич (1828–1871) окончил училище Правоведения, в 1847–1857 гг. был секретарем Сената, участвовал в приготовлениях судебной реформы, служил в Смоленске, Пензе, Воронеже, Харькове, Москве. В 1867 г. получил солидное назначение проку-

ным саратовским помещиком¹ и превосходно владел французским языком, передав это искусство и своему сыну². Родился Алексей Александрович 5 июня 1864 г. в г. Нарве. 7 лет от роду он остался круглой сиротой, взят на попечение своим дядей со стороны отца и до 12-летнего возраста провел в его саратовском имении³. Научные интересы поразительно рано проснулись в высокоодаренном ребенке, и в этом отношении Алексей Александрович напоминает некоторых великих людей Запада, напр[имер], Томаса Мора или Джона Стюарта Милля⁴. Прочитанная им в раннем детстве известная книга А. Ф. Петрушевского «Откуда пошла русская земля», а вслед затем — «История государства Российского» Карамзина вызвали в нем сильное влечение к отечественной истории, а сочинение А. С. Хомякова о родстве славянских языков с⁵ санскритом⁶ заронил первую искру лингвистических интересов.

пора Харьковского судебного округа. В один день, 6 октября 1868 г., он был произведен в тайные советники, пожалован сенатором, получил должность старшего председателя Одесской Судебной палаты и Станислава I степени: такое назначение было большой редкостью. Семейные хроники Шахматовых передают, что А. А. Шахматов писал своим братьям, что «до того устал, так далек от личного честолюбия (ему было 39 лет), что вся гордость его в сыне, “который много обещает”» [Масальская 2012: 13–30, 35–40, 49].

¹ Едва ли это было так. После смерти отца в 1868 г. на долю А. А. Шахматова досталось «2 ½ тыс. десятин с усадьбой в Хмелевке, с 30-тысячным долгом, и Липяги, небольшое (540 дес.) имение без усадьбы в Пензенском уезде» [Масальская 2012: 48].

² А. А. Шахматов рано заговорил по-французски, но не благодаря отцу, постоянно находившемуся в разъездах по делам службы, а благодаря своей гувернантке m-elle Louise («Мазаль Луизе», как ее называли дети), к которой он очень привязался. В 1867 г. ее сменила русская няня, потому что, по словам Е. А. Масальской, «мама жаловалась в своих письмах, что Леля так стал “французить”, что совсем забыл русский язык, да и выговор у него стал иностранный, что совсем ей не нравилось» [Масальская 2012: 33, 40].

³ Алексей Алексеевич Шахматов (1832–1880) и его жена Ольга Николаевна (урожд. Челюсткينا, 1840–1919) заменили А. А. Шахматову и его двум сестрам родителей.

⁴ *Мор Томас (Sir Thomas More, 1478–1535)*, английский гуманист, государственный деятель и писатель; основоположник утопического социализма. Один из образованнейших людей своего времени, Мор получил основательное классическое образование. Хорошей школой для юного Томаса явилась жизнь в семье архиепископа Кентерберийского (впоследствии кардинала) Джона Мортон. Высоко оценивая незаурядные способности своего воспитанника, его остроумие и стремление к знаниям, Мортон предсказал, что Мор станет «изумительным человеком». По совету Мортон Мор продолжил свое образование в Кентерберийском колледже Оксфордского университета. Роберт Уиттингтон и Эразм Роттердамский, высоко ценившие его английский ум и редкостную ученость, называли его «человеком для всех времен» (a man for all seasons, omnibus omnium horarum homo).

Милль Джон Стюарт (Mill John Stuart 1806–1873), английский философ, экономист и политический деятель. С ранних лет проявил интеллектуальную одаренность: он начал учить древнегреческий язык с трех лет и латинский язык с восьми, в возрасте шести лет уже был автором самостоятельных исторических работ, а в двенадцать лет приступил к изучению высшей математики, логики и политической экономии.

⁵ Далее зачеркнуто: «финским».

⁶ Имеется в виду работа [Хомяков 1855].

12-летним мальчиком Алексей Александрович вместе с семьей дяди отправился за границу — в Австрию, Германию, а через год — в Париж. Очутившись в Мюнхене, он проник в людную университетскую библиотеку¹ и читал в ней античных географов — Страбона // (л. 2) и Помпония Мелу, извлекая из них сведения о древнейших обитателях России², а затем, переехав в Лейпциг, поступил в тамошнюю гимназию³, где представил учителю Бругману⁴ (брату знаменитого немецкого лингвиста) сочинение о скифах, которое, по скромному замечанию самого Алексея Александровича, обнаружило его плохую осведомленность в немецком языке⁵. По возвращении в Россию Алексей Александрович поступил сперва в Московскую частную гимназию Креймана⁶, а затем — после годичного пребывания в деревне — 15-

¹ Ср. письмо А. А. Шахматова к сестре Евгении, написанное уже в Лейпциге и помеченное 8 августа нов. ст. 1876 г., в котором он подробно описал свои чувства, когда дядя завез его и оставил одного в Королевской библиотеке: «Мои шаги звучно раздавались на красивой мраморной лестнице, ведущей в читальную комнату, где меня ожидал Страбон, Помпоний Мэла и Маннерт... Когда я взял эти книги, мне показалось, что я приступил к порогу, куда мне так хотелось, что я сломал стену, отделяющую меня от этих источников, что я теперь не буду ссылаться на Карамзина и Соловьева, которые сами ссылаются на Страбона и др., что я теперь могу собственным трудом достигнуть имени историка, но не трудами Карамзина и Соловьева, что я сам могу рыться в библиотеках, в архивах, что я прежде все не попадал в свою цель, а теперь именно я достиг всего того, о чем я думал. Страбоновский слог показался мне трудным, так что я мало что выписал из него; из Помпония Мэла я все понял. Маннерт, хотя жил тому век прежде нас, но все-таки я понял и сделал много выписок»: [Масальская 2012: 136].

² Для истории России важное значение имели сведения о европейской и азиатской Скифии, о Кавказе и каспийских землях, содержащиеся в «Географии» Страбона (ок. 63 до н. э. – ок. 20 н. э.), а также показания «Описательной географии» Помпония Мэлы (15–60 н.э.).

³ В августе 1876 г. А. А. Шахматов поступил в 4-й класс Nikolai-Gymnasium в Лейпциге.

⁴ *Бругман Карл* (Brugmann Karl 1849–1919), специалист в области сравнительного языкознания и индоевропейстики, один из основоположников младограмматизма, профессор Лейпцигского университета. Его брат был суровым и взыскательным учителем Nikolai-Gymnasium. В одном из писем к сестре Евгении А. А. Шахматов описывает его так: «Бругман – Classenlehrer (учитель класса) и доктор (“все в Лейпциге доктора”, — замечает Леля в скобках) преподает языки и историю, светло-рыжий, довольно добрый, но иногда очень вспыльчивый. Говорит мало, но тихо...» [Масальская 2012: 139].

⁵ См. [Шахматов 1917: 230].

⁶ Гимназия Франца Ивановича Креймана, открытая в 1858 г. — одно из первых частных учебных заведений в России. В гимназии Креймана А. А. Шахматов учился и до поездки за границу: с января по май 1875 г. и два зимних месяца 1876 г. По возвращении из-за границы он был принят в 3-й класс (в апреле 1877 г.) [Масальская 2012: 109–129, 154]. Шахматов учился в гимназии в самый разгар действия системы классического образования, введенной в 1871 г. Д. А. Толстым, когда, по словам школьного товарища Шахматова Е. Н. Трубецкого, «на демонстративном утверждении этого классицизма гимназия Креймана делала карьеру» [Трубецкой: 8]. По мнению гимназиста Шахматова, «самым страшным» был учитель латинского языка А. Н. Шварц — в будущем известный филолог-классик и министр народного просвещения [Масальская 2012: 110].

летним мальчиком был принят в 5 класс IV Московской гимназии¹, в которой преподавание русского языка велось почтенным и ученым преподавателем А. Г. Преображенским, автором известного, но, к сожалению, неоконченного русского этимологического словаря². К этому же времени относится и его знакомство с рядом московских профессоров — сперва с Н. И. Стороженко³, затем — с В. Ф. Миллером⁴ и, наконец, — с двумя корифеями лингвистики —

¹ Московская 4-я гимназия была основана в 1849 г. и в годы учебы Шахматова располагалась в доме Апраксиных-Грубецких на Покровке. По сообщению Е. А. Масальской, Шахматов поступил в 4-й класс гимназии в январе 1879 г. В письме от 27 января 1879 г. Шахматов написал родным: «4-я гимназия — школа как школа, но школа без всякого сравнения лучше Крейманского пансиона» [Масальская 2012: 219]. Это первое впечатление почти не изменилось у него до самого окончания курса, и много лет спустя он напишет в автобиографии о том, что среда и обстановка в этой гимназии пришлись ему по душе [Шахматов 1917: 230]. В годы учебы в гимназии учителя и товарищи отошли для него на второй план, потому что его всецело интересовали собственные научные исследования и общение с профессорами Московского университета. Для понимания зрелого отношения Шахматова к учебе важно его письмо к родным от 18 марта 1879 г., где он пишет: «У нас на этой неделе происходила так называемая пересадка, то есть общий вывод за учение с января по март и назначение первыми, вторыми, третьими учениками; я, наверное, буду или пятым или четвертым-третьим учеником (мне это дело очень мало); я отчасти рад тому, что у меня прихрамывал греческий, а отчасти и латинский, иначе, наверное, был бы вторым, если не первым учеником; если бы я хотел, я бы мог получить гораздо лучшие баллы, но, милые родители, — не хочу я быть выскочкой между товарищами. Я знаю — что я знаю; я знаю, что перейду в 5-й класс знаю, что считается буду хорошим учеником, и знаю, что товарищи не будут смотреть на меня, как на выскочку, не будут смотреть на меня, как на кандидата, потюющего и домогающегося места первого ученика (как то было у Креймана). Мне не холоднее, не теплее, из греческого 3 мне или 4; я знаю, что я знаю, более мне не нужно ничего, так как я имею то убеждение, что учусь древним языкам не для гимназии, как это все учатся, а собственно для себя» [Масальская: 240]. Гимназию А. А. Шахматов окончил в 1883 г. с серебряной медалью.

² *Преображенский Александр Григорьевич* (1850–1918), лексикограф и педагог. «Этимологический словарь русского языка» был подготовлен автором почти целиком, но опубликован при его жизни лишь частично (Т. I. А–О. М., 1910; Т. II. П–С, до слова *сулея* включительно. М., 1914.). После большого перерыва, в 1949 г., в «Трудах» Института русского языка АН СССР был опубликован конец словаря (Т. 3. Т–Я. М.–Л., 1949). В 1959 г. весь изданный ранее материал был объединен и издан в двух вариантах (однотомном и двухтомном).

А. Г. Преображенский не преподавал в классе, в котором учился А. А. Шахматов [Масальская 2012: 257]. В 1879 г. учителем русского языка и словесности в классе А. А. Шахматова был Сергей Иванович Яковлев. Кроме Яковлева, в письмах к родным Шахматов упоминает имена учителей В. А. Лебедева (русский язык), А. К. Кордасевича (латинский язык), Я. И. Кремера (греческий язык). Любопытно замечание юного А. А. Шахматова о преподавании древних языков в гимназии: «Я смотрю на классические языки, как, вообще, на все языки, — а учителя смотрят иначе (я и плох); я смотрю на алгебру так же, как учителя (я и хорош). А глядеть одинаковыми глазами на греческий и латинский языки, столь интересные, одинаковыми глазами с учителями, этого я не могу и, как только я стану зубрить (!), как советует, например, Кремер, мне становится противной столь интересная греческая грамматика» [Масальская 2012: 242].

³ *Стороженко Николай Ильич* (1836–1906), один из первых специалистов по западноевропейской литературе в России, профессор Московского университета.

⁴ *Миллер Всеволод Федорович* (1848–1913), фольклорист, лингвист, этнограф и археолог, профессор Московского университета, директор Лазаревского института восточных языков; академик Имп. АН (1911).

Ф. Ф. Фортунатовым¹ и Ф. Е. Коршем², оказавшим, по его собственным словам, большое влияние на развитие его научных интересов³. Вместе с тем он усердно изучал в Синодальной библиотеке⁴ и в Румянцевском музее⁵ старинные рукописи и успел напечатать (в 1881 г.) на немецком языке специальную статью о критике древнерусских текстов⁶. Его эрудиция быстро росла, и гимназистом 7 класса с большим блеском он впервые выступил в стенах Московского университета в качестве оппонента из публики на магистерском диспуте зрелого и притом уже тогда замечательного ученого — А. И. Соболевского⁷. Таково было героическое начало ученой карьеры Алексея Александровича.

¹ *Фортунатов Филипп Федорович* (1848–1914), один из основоположников индоевропистики в России и родоначальник московской лингвистической школы, профессор по сравнительному языковедению и санскритскому языку Московского университета, академик Императорской Академии наук (1898).

² *Корш Федор Евгеньевич* (1843–1915), филолог-классик, славист, востоковед, см. выше.

³ Кроме перечисленных А. А. Грушкой ученых большую роль в жизни Шахматова сыграл И. В. Ягич, знакомство с которым относится к 1881 г.

⁴ Московская Синодальная Библиотека получила свое наименование в 1721 г., когда она перешла из ведения Московских патриархов в учрежденный в том же году Св. Синод. Начиная с XVII в. библиотека служила неиссякаемым источником для ученых; в XIX в. главное богатство библиотеки составляли греческие и славянские рукописи преимущественно духовного содержания. Описанием собрания занимались А. Скиада, Фр. Маттеи, А. В. Горский и К. И. Невоструев, А. Е. Викторов и др. В настоящее время рукописное собрание библиотеки находится в Государственном историческом музее.

⁵ Румянцевский музей был создан на основе частной коллекции канцлера графа Н. П. Румянцева (1754–1826), переданной правительству в 1827 г. Румянцева собрал библиотеку, замечательную систематичностью подбором книг и рукописей, а кроме того, нумизматическую, минералогическую и археологическую коллекции. В 1861 г. музей перевели в Москву и разместили в доме Пашкова; в последующие годы библиотека и собрание рукописей значительно обогатились. Описания рукописного собрания музея были составлены А. Х. Востоковым, В. М. Ундольским, А. Е. Викторовым. В настоящее время здание музея и его фонды принадлежат Российской государственной библиотеке.

⁶ Имеется в виду [Schachmatow 1881].

⁷ Защита магистерской диссертации А. И. Соболевского «Исследования в области русской грамматики» состоялась 13 сентября 1882 г. в Московском университете. По поводу предстоящей защиты Ф. Ф. Фортунатов писал И. В. Ягичу 1 апреля 1882 г.: «Очень бы мне хотелось, чтобы Шахматов был оппонентом на диспуте Соболевского и поучил бы кое-чему диспутанта, а последнему очень бы не мешало поучиться относительно того, как следует изучать русский язык» [Korespondencija: 243]. По словам Фортунатова, на защите Соболевского Шахматов «обнаружил отличные знания и возражал вообще великолепно» [Korespondencija: 261]. Сам Шахматов описал защиту в письме к родным: «13-го сентября в понедельник я пошел в гимназию, присидел там все уроки и пошел в Университет. Диссертация началась в 2 часа: сначала возражал Ф. Ф., потом профессор Дювернуа, Корш, наконец, я. Говорил в продолжение часа, только сначала немного задрожал у меня голос, но потом все пошло плавно и складно; потом только говорили, что я говорил слишком скоро. Соболевский было начал улыбочками и докторальным тоном: “разве вы этого не знаете?” и т. д.; но потом присмирел и стал вежливее; лишь только он кончил свою защиту против моего возражения каким-нибудь выражением, как будто указывающим, что я игнорирую то-то и то-то, его подхватывал Корш, так что вышло очень оживленно...»

В следующем — 1883 — году он, по его собственному выражению, «с радостью» поступил на историко-филологический факультет Московского университета¹, причем, следуя совету двух своих ближайших руководителей, а впоследствии —² близких друзей и славных соратников, — Ф. Е. Корша и Ф. Ф. Фортунатова, он избрал не словесное, а классическое отделение³, — в целях ближайшего приобщения к методам наиболее совершенно разработанной филологической ветви. Как бы то ни было, основное его тяготение к занятиям памятниками древнерусской письменности оставалось в полной силе, и в 1884 г., 20-летним студентом второкурсником, Алексей Александрович обнародовал свое первое крупное исследование — о языке новгородских грамот XIII и XIV веков, сразу выдвинувшее имя его юного автора в первый ряды исследователей русской филологии и лингвистики⁴.

По окончании курса на историко-филологическом факультете // (л. 3) Алексей Александрович был оставлен при университете и в 1890 г., выдержав магистерский экзамен, выступил в качестве приват-доцента со специальным курсом по русскому языку⁵. Но его деятельность как университетского преподавателя тянулась очень недолго — меньше года — и вскоре он, под влиянием некоторых душевных переживаний, покинул Москву и, переселившись в свое саратовское

[Масальская 2012: 360]. Шахматов изложил свои возражения Соболевскому письменно и опубликовал их в «Архиве» Ягича [Schachmatow 1883].

¹ Имеется в виду [Шахматов 1917: 231].

² Далее зачеркнуто: «горячих».

³ Ср. записку «Об ученых трудах доктора русского языка и словесности Алексея Александровича Шахматова» для представления его в адъюнкты ОРЯС (1894 г.), основанную на данных, предоставленных самим А. А.: «В 1887 году Алексей Александрович кончил курс университета по классическому отделению историко-филологического факультета кандидатом и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию». Записка опубликована О. А. Кириковой в настоящем сборнике. После утверждения в 1884 г. нового университетского устава организация и характер преподавания в университетах стали регламентироваться новыми экзаменационными требованиями: новая система отменяла курсовые экзамены, а в конце обучения студенты сдавали государственные экзамены только по так называемым основным предметам; основным предметом на историко-филологических факультетах была классическая филология: это означало, что на всех курсах (кроме одного семестра 4 курса) из 18 часов в неделю 14 часов отводилось обязательным занятиям классической филологией. Иными словами, все студенты должны были быть прежде всего классиками.

⁴ Имеется в виду [Шахматов 1886].

⁵ А. А. Шахматов окончил курс историко-филологического факультета в 1887 г., представив сочинение на степень кандидата «О долготе и ударении в общеславянском языке», и был оставлен при университете по кафедре русского языка и словесности для приготовления к профессорскому званию. В 1888 г. ему была назначена годовая стипендия в размере 600 руб. Выдержав в 1889–1890 гг. магистерские экзамены, Шахматов был назначен приват-доцентом Московского университета [Ведомость: 146; Учебные планы: 167; К биографии А. А. Шахматова: 334–339; Биографическая канва: 19–24].

имение, сделался земским начальником, что дало ему возможность вплотную подойти к тому народу, который всю жизнь был предметом его научных интересов и горячей, истинно патриотической любви. И когда он два года спустя покинул эту, казавшуюся многим неожиданной, деятельность подведомственные ему крестьяне трогательно провозжали его с иконами и сердечным напутствием¹.

В 1893 и следующем годах уже печатался обширный труд Алексея Александровича — «Исследования в области русской фонетики»², представленные им в качестве магистерской диссертации, но «по великому снисхождению факультета» давший его автору высшую степень доктора. Вероятно, присутствующие догадываются, что такая характеристика положения дела принадлежит не мне, а самому Алексею Александровичу³ — в том, насколько она мало соответствовала действительности, едва ли надо распространяться: достаточно сказать, что эта работа и в официальном факультетском отзыве и в позднейшей специальной литературе признана тем, что англичане называют *standard work*⁴.

Скорее после защиты диссертации, едва достигнув 30-летнего возраста, Алексей Александрович был избран адъюнктом Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук и с той поры до самой своей кончины был энергичнейшим и талантливейшим членом этого высшего научного учреждения России,⁵ в котором он развивал мощную, поистине богатырскую деятельность⁶ в области изучения русского, а отчасти и других славянских языков и разнообразных памятников русской словесности, являясь одновременно и лингвистом, и историком, и этнографом, и историком литературы, притом обнаруживая в одинаковой мере как личную исследовательскую работу, отмеченную печатью подлинного гения, так и совершенно исключительный организаторский талант, сплотивший вокруг него целую школу учеников, объединенных общим делом и общей горячей любовью к своему гениальному и бесконечно обаятельному учителю.

В ряде специальных докладов Вы получите представление о разных сторонах этой широкой и вдохновенной деятельности покойного Алексея Александровича. Со своей стороны мне хотелось бы затронуть

¹ [Шахматов 1917: 231]; ср. [Масальская 2012: 481–548].

² Имеется в виду [Шахматов 1893].

³ Имеется в виду [Шахматов 1917: 232].

⁴ Образцовая работа (*англ.*) Далее зачеркнуто: [неразб.] историко-лингвистического изучения русского языка.

⁵ Далее зачеркнуто: «развивая».

⁶ Далее зачеркнуто: «области изучения», «расследовании».

лишь в двух словах последний печатный труд Шахматова — «О древнейших судьбах русского племени», — труд, который не // (л. 4) далее как несколько дней тому назад я читал со смешанным чувством восторга и печали¹. С гениальной широтой, четкостью и искусством дивинации, при помощи лингвистических и исторических² данных восстановлено в ней далекое прошлое нашего народа. Работа эта появилась в свет в 1919 г. и отпечатана в Петрограде, во 2-й Государственной типографии, находящейся на Красной улице и скрывающей под этим новым названием старую, заслуженную и хорошо всем известную Сенатскую типографию на Галерной улице. Все эти мелочные³ данные ясно говорят о в высшей степени современном характере той внешней обстановки, в которой осуществлялось это печатное издание. При этом, однако, радостно поражает одна любопытная подробность, находящаяся в счастливом несоответствии с только что указанными обстоятельствами. А именно, работа эта напечатана со строгим и последовательным соблюдением старой орфографии;⁴ к тому же имевшийся у меня в руках экземпляр снабжен автографом автора, обнаруживающим ту же систему правописания⁵. Как понять это? Ведь все хорошо знают, что покойный ученый был горячим сторонником орфографической реформы и одним из влиятельнейших ее создателей. Едва ли можно было думать, что Алексей Александрович, поступая таким образом, следовал несколько таинственным, притом сказанным по иному поводу словам Горация — *nil scribens ipse docebo*⁶ — «сам воздерживаясь от писания, я буду учить других». Гораздо естественнее и более сообразно с моральным обликом почившего предположить, что Шахматов действовал в данном случае подобно ваятелло, который, создав отвечающую его творческим замыслам статую, затем с брезгливым чувством отвернулся от нее, увидев ее захватанной грязными и нечестивыми руками...

¹ [Шахматов 1919]

² Далее зачеркнуто: «наблюдений».

³ Далее зачеркнуто: «указания».

⁴ Далее зачеркнуто: «при этом».

⁵ По старым правилам правописания написано и последнее письмо дочери Софье (Опубликовано по машинописной копии, хранящейся в РНБ [Андреева, Вовина-Лебедева 2007]). Письмо написано во время предсмертной болезни, 8–10 августа 1920 г., на листах корректуры словаря русского языка убористым почерком с большим количеством сокращений ради экономии бумаги [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 592. Л. 1–2]. Глубокие мысли о предназначении человека и смысле жизни А.А. высказывает на полях словарных статей на букву К — клокастый и клокатиться, клозет и клозетный. Знаменательная примета времени...

⁶ *Hor. Ars poetica*, 305.

Переходя от этой частности, — которой, однако, нельзя не при-
дать большого принципиального значения, — в область более широ-
ких наблюдений, я хотел бы подчеркнуть одну характерную черту в
ученой работе покойного Алексея Александровича, которая бросается
в глаза при сколько-нибудь внимательном чтении его трудов. Я имею
в виду полное отсутствие в почившем научного квиетизма и автор-
ской самоудовлетворенности, вечное стремление вперед, вечное иска-
ние все более и более совершенных решений тих или других зани-
мавших его проблем. И если бы мы захотели символически
изобразить Шахматова как ученого, то я не знаю, можно ли было бы
представить его лучше, чем в образе крылатого гения, неустанно не-
сущегося по направлению к стоящей в туманной дали Истине.

И этот вдохновенный полет волею судеб был внезапно прерван.
Провидению было угодно, чтобы Алексей Александрович покинул нас в
то трагическое время, когда над¹ нами нависла свинцовая // (л. 5) туча,
обложившая весь русский горизонт и задушившая нашу родину тяжелой
атмосферой рабства во всех его противоестественных разновидностях.

Вот как описывает один из близких друзей Алексея Александро-
вича ту кошмарную жизнь, которая роковым образом привела его к
преждевременному концу: «Зимой, в утренние часы, которые он² пре-
жде мог и любил употреблять с наибольшей продуктивностью для на-
учной работы, ему пришлось надрываться от непосильной тяжести: в
поту, на морозе носить себе в квартиру бревна для печей и колоть
дрова. Потом, для того, чтобы спасти от разграбления и гибели биб-
лиотеки лиц, близких ему по научным интересам, Алексей Алексан-
дрович сам хлопотал над перевозкой книг в Академию, грузил и раз-
гружал подводы собственными руками, не жалея сил, носил тюки на
своих плечах... Перевозка библиотеки А. И. Соболевского, кажется,
была последним напором, сломившим его силы. Когда он вернулся
домой, его шатало из стороны в сторону. Через несколько дней он за-
хворал...»³. Этим отрывком из письма близкого к Алексею Алексан-
дровичу лица я обязан не частному, а официальному источнику: цитата

¹ Далее зачеркнуто: «нашей родиной»

² Далее зачеркнуто: «в прежние время».

³ Автора этого письма установить не удалось, хотя известно, что в переписке с Бонч-
Бруевичем состояли С. Ф. Ольденбург и В. И. Срезневский. Ср. свидетельство Д. Н. Ушакова:
«Когда я вчитываюсь в его слова, я слышу его голос; прежде он помогал мне вдумываться в со-
держание и говорил мне о русском языке, а теперь я слышу другие, гнетущие душу слова, — я
все слышу, как он говорит: “вот странно: мне носить дрова труднее, чем колоть”» [Ушаков: 267].
О каторжных бытовых условиях, в которых приходилось работать Шахматову в это время, писа-
ли В. М. Истрин, Д. К. Петров [Истрин 1920: 42; Петров 1922: 150].

эта приводится в фельетоне, помещенном в прошлогоднем № «Известий» от 12 октября, причем этот фельетон принадлежит не кому иному, как бывшему управляющему делами совета так называемых народных комиссаров Владимиру Бонч-Бруевичу¹. Едва ли тут нужны какие-нибудь комментарии. Читая эти жуткие строки, можно подумать, что они выхвачены из «Мертвого дома» Достоевского и что здесь изображена жизнь каторжника. Впрочем, чем иным, как не «Мертвым домом» является в настоящее время вся наша родина?

И вот в ночь на 17 августа прошлого года Алексея Александровича не стало². Весть о его кончине глубокой болью откликнулась в сердцах всех, кому дорога слава русского народа и кто в состоянии хоть сколько-нибудь оценить ту огромную утрату, которую понесла Россия в лице скончавшегося великого ученого и бесподобного по своей душевной красоте человека.

Да, господа, почивший Алексей Александрович был не только великим ученым, но и воистину лучезарной моральной личностью, с дивным совершенством воплощавшей в себе тот тип русского праведника, который так проникновенно умели изображать Достоевский и Лесков. Недаром гениальный учитель Алексея Александровича Ф. Е. Корш с любовной нежностью называл его голубицей. И вот этот светоч ума и таланта угас, это голубиное сердце перестало биться. Да будет вечный позор тем, кто не сумел сохранить для России Шахматова, // (л. 6) тем, кто замучил его голодом, холодом и непосильным трудом чернорабочего, не говоря уже о тех нравственных страданиях, через которые он, подобно всем честным сынам своей родины, прошел в последние для него три года жизни.

Невольно вспоминаются гневные строки Лермонтова, вылившиеся у него под свежим впечатлением безвременной гибели Пушкина:

Но есть и Божий суд, наперсники разврата,
Есть грозный Суд(ья), он ждет,
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед <...>
И вы не смаете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

¹ Некролог публикуется в Приложении.

² А. А. Шахматов скончался 16 августа в 4 часа утра [Биографическая канва: 77].

Грозный Судья, к которому взывал Лермонтов, уже воздал должное убийце великого поэта: будем верить, что он настигнет своей праведною карой и убийц великого ученого. Только эта мысль и эта вера дают нам силы жить и дышать...

А. Грушка

Литература

Андреева Т. В., Вовина-Лебедева В. Г. О смысле жизни: Предсмертное письмо А. А. Шахматова // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сб. статей памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007. С. 525–536.

Биографическая канва // Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) / Сост. С. Шахматова-Коплан, Б. Коплан. Л., 1930 (Очерки по истории знаний. VIII).

Ведомость о стипендиатах, оставленных при Московском университете по окончании курса для приготовления к магистерскому (или докторскому) экзамену за 1888 год // Отчет о состоянии и действиях Имп. Московского университета за 1888 год. М., 1890. С. 146.

Грушка А. А. Исследования из области латинского словообразования. М., 1900

Грушка А. А. Спорные вопросы в области латинского языкознания. СПб., 1909.

Грушка А. А. Федор Евгеньевич Корш. М., 1916.

Грушка А. А. Этюды по латинскому именному основообразованию. М., 1906.

Истрин В. М. А. А. Шахматов как ученый // Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1922. С. 23–43.

К биографии А. А. Шахматова (Из архива Московского университета. Сообщил Д.Н. Ушаков) // Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1922. С. 334–348.

Масальская Е. А. Воспоминания о моем брате А.А. Шахматове. М., 2012.

Отчет о состоянии и действиях Имп. Московского университета за 1894 год. М., 1896.

Петров Д. К. А. А. Шахматов как университетский деятель (1908–1920 г.) // Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1922. С. 141–150.

Покровский М. М. А. А. Грушка. Некролог // Известия Академии наук. Отделение гуманитарных наук. 1930. № 2. С. 79–81.

Расторгуев П. А. К характеристике личности А. А. Шахматова // Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1922. С. 318–325.

Состав тома // Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1922. С. V–VIII.

Трубецкой Е. Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск, 2000.

Учебные планы по всем факультетам за осеннее полугодие 1890 года и весеннее полугодие 1891 года // Отчет о состоянии и действиях Имп. Московского университета за 1890 год. М., 1892. С. 165–168.

Ушаков Д. Н. А. А. Шахматов — историк русского языка // Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1922. С. 255–267.

Хомяков А. С. Сравнение русских слов с санскритскими. СПб., 1855. Отд. отт. из: Прибавления к «Известиям II Отделения имп. Акад. наук».

Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919.

Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1886. С. 131–285.

Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893 (Отд. оттиск: РФВ. 1893–1894. Т. XXIX–XXXI).

Шахматов Алексей Александрович // Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук. Ч. 2. Пг., 1917. С. 230–232.

Korespondencija Vatroslava Jagića. Knjiga 3. Pisma iz Rusije. 1865–1886. II / Priredio Josip Hamm. Zagreb, 1983.

Schachmatow A. Zur Kritik der altrussischen Texte // Archiv für slavische Philologie. Bd. 5. 1881. S. 613–623

Schachmatow A. Beiträge zur russischen Grammatik // Archiv für slavische Philologie. Bd. 7. 1883. S. 57–77.

Приложение

В. Бонч-Бруевич. Памяти русского ученого А. А. Шахматова¹

17 августа скончался всесветно известный русский ученый, филолог, лингвист и историк, действительный член Российской академии наук, председательствующий Отделения русского языка и словесности, доктор многих европейских университетов, профессор Алексей Александрович Шахматов.

С ранних лет и до конца дней свой Алексей Александрович не отрывается от научных исследований в области истории и языков, и из-под его пера выходят в свет 125 различных произведений, причем главнейшие его труды создают эпоху в деле изучения древнейших источников истории России, внося действительный переворот в предшествующие знания этого предмета.

Сосредоточивая главнейшее свое внимание на изучении русских летописей, А. А. пишет в 1897 г. первую свою работу о летописях: именно в этом году им напечатана статья «О начальном Киевском летописном своде». Всего о летописях им напечатано 29 работ. Среди этих работ, кроме указанной, отметим книгу «О так называемой Ростовской летописи», «Симеоновская летопись XVI века и Троицкая начала XV века», «Повесть временных лет» (Т. I) и обратим особое внимание на классическую работу А. А. «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908 г.). Эта последняя работа сразу поставила А. А. в ряд самых первоклассных ученых Европы и дала ему полное признание всего ученого мира в области истории.

Помимо этой чисто научной деятельности, несмотря на умеренно-

¹ Опубликовано: Известия ВЦИК советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. 12 октября 1920 г. № 227 (1074). С. 3.

политический образ мыслей, в А. А. всегда легко было встретить самого отзывчивого человека, откликнувшегося тотчас же на многие политические беды, преследования и начинания. Вот примеры из моего личного опыта. Еще в 1905 году я предложил Алексею Александровичу развить при рукописном отделении библиотеки Академии наук отдел нелегальных книг и изданий. Ал. Ал. Тотчас же, без всяких колебаний согласился. Я предложил ему передать довольно обширную мою и В. М. Величковой библиотеку нелегальных изданий, собранных нами за границей во время эмигрантской жизни. Наступила черная реакция 1906г. Корзины прибыли из-за границы тогда, когда воспрянувшие дельцы самодержавия, жесточайшим образом расправлялись со своими политическими врагами. Ал. Ал. был непоколебим и потребовал от охранки, набросившейся было в таможне на эту кладь, немедленной выдачи всего багажа и уступил только револьвер, случайно там найденный, ибо в нем не было «никакой исторической ценности», как сказал он мне, шутя. И этот нелегальный отдел, несмотря на постоянное подозрительное отношение со стороны охранки и обыска, которые она производила у ученого хранителя рукописного отделения В. И. Срезневского, как у него дома, так и в библиотеке, продолжал все расти и расти и ко времени революции 1917 г. представлял из себя прекрасное и весьма ценное собрание этого рода литературы.

Во время разгула реакции после подавления революции 1905 г., когда всех деятелей этой эпохи, живших в России, взяла на подозрение охранка, Ал. Ал. приходилось много-много раз хлопотать и об освобождении заключенных, и за смягчение их участи. К Ал. Ал. шли все, и здесь действительно никогда никто не получал отказа. Он употреблял все свое влияние, все свои связи, чтобы так или иначе помочь тем политически, кто попал за каменные стены и железные решетки, и в большинстве случаев добивался своего. И здесь в нем всегда сказывались та непреклонная воля и настойчивость, которые так ярко проявлялись в его трудах.

Последние годы жизни ему давались трудно, но не в общественном, а чисто личном смысле. Он, будучи далек от практики революции, своим огромным умом быстро ощутил неизбежность развития событий, приведших к октябрьской революции и ее последствиям, и бодро переносил все те невзгоды, которые выпали на каждого честного гражданина в связи с шестилетней войной.

«Зимой, в утренние часы, — пишет мне один из самых близких его друзей, — которые он прежде мог и любил употреблять с наибольшей продуктивностью для научной работы, ему пришлось самому надрываться от непосильной тяжести: в поту, на морозе носить себе в квартиру бревна для печей, распиливать и колоть дрова. Потом, для спасения от разграбления и гибели библиотеки лиц, близких ему по научным интересам, А. А. сам хлопотал над перевозкой книг в Академию, грузил и разгружал подводы собственными руками, не жалея сил, носил тюки на своих плечах. Перевозка библиотеки Соболевского, кажется, была последним напором, словившим его силы: когда он вернулся домой после работы, его шатало из стороны в сторо-

ну... Через несколько дней он захворал желудком...».

Доктор, его лечивший, нащупал какую-то опухоль в области кишок. На консилиуме приглашенный к больному доктор Опель определил эту опухоль как внедрение кишок, инвагинацию, и указал на необходимость немедленно провести операцию. Привезенный тотчас после консилиума в клинику Алексей Александрович был оперирован доктором. Но, по-видимому, с операцией опоздали, так как в кишках уже образовались ганг्रेкозные нагноения, и рано утром на 17-е августа А. А. не стало.

Так погиб один из величайших русских ученых. Характерно, что незадолго до смерти, нуждаясь во всем, Ал. Ал. нашел для себя обязательным взять к себе в дом хорошо известного всем работавшим в рукописном отделении Академии служителя, курьера Илью, очень старого годами и совершенно немощного. Илья, совершенно изнемогавший под бременем жизни, дожил свой век в квартире А. Ал., который делился с ним своим более чем скромным иждивением, у него умер и им похоронен.

Теперь нет уже в живых и Ал. Ал. После него осталась большая семья без средств к жизни.

Кирикова Ольга Александровна
Санкт-Петербургский филиал
Архива Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

**По ступеням академических степеней:
публикация записок об ученых трудах А. А. Шахматова**

В 1893 году новый «Штат Императорской академии наук» определил для Отделения русского языка и словесности 7 единиц ординарных академиков [ПСЗ. Т. 13: 183–186]. На момент утверждения этого положения в ОРЯС насчитывалось шесть действительных членов. Эта цифра сохранилась за отделением, несмотря на протесты ученых, недовольных сокращением и без того скромных штатов¹. Когда в мае 1893 года скоропостижно скончался Я. К. Грот, последние годы жизни посвятивший составлению «Словаря русского языка», его уход коллеги по отделению восприняли, как «крайне чувствительную потерю». И все же, они не торопились в выборе нового члена, желая найти достойного кандидата, понимая, насколько трудно «включить в свой состав такое лицо, которое могло бы продолжать дальнейшее ведение словаря, так как между наличными членами нет никого, кто бы взялся за это дело, кропотливое и нелегкое»².

Примерно в это же время, в марте 1894 года, в Московском университете состоялась публичная защита диссертации Алексея Александровича Шахматова. «Виртуозно» написанная работа по фонетике русского языка имела такой «блестящий успех», что историко-филологический факультет университета присудил Шахматову сразу степень доктора русского языка и словесности, минуя степень магистра. Месяц спустя кандидатура Шахматова была предложена на степень адъюнкта по Отделению русского языка и словесности³. По академическому уставу, «ученый, ищущий чести быть академиком, или назначаемый кандидатом, должен быть известен в ученом свете сочинениями или полезными открытиями» [Устав ИАН 1836: 114]. Несмотря на свою молодость, Шахматов уже хорошо был известен в «ученом свете» своими научными трудами, среди них: «Исследование

¹ Письмо А. Ф. Бычкова И. В. Ягичу от 20 ноября 1895 года (Рукописный отдел Национальной библиотеки в Загребе — Voditelj Zbirka rukopisa i starih knjiga Nacionalna i sveučilišna knjižnica u Zagrebu. R 4610 b. Vučkov A.F. Pisma Vatroslavu Jagiću).

² Письмо А. Ф. Бычкова И. В. Ягичу от 31 мая 1893 года (Загреб).

³ СПФ АРАН. Ф. 90. Оп. 3. Д. 95, 111; Ibid. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1606, 1758.

о языке новгородских грамот XIII и XIV века», «О долготе и ударении в общеславянском языке», «О Киево-Печерском патерике». Каждая из его работ характеризовалась богатством использованных источников, «широтой взглядов и остроумием соображений»¹. В июне того же 1894 года кандидатура Шахматова была «очень сочувственно» принята в отделении, и А. Ф. Бычков, председательствовавший тогда в нем, доложил президенту академии о представлении молодого ученого на степень адъюнкта².

Предложение степени адъюнкта было совершенно оправдано: по Уставу Императорской академии наук и согласно установившимся традициям Шахматов не смог бы миновать этой ступени. Хотя он уже зарекомендовал себя как ученый, но молодость не позволяла ему сразу претендовать на высшую академическую степень. Члены ОРЯС (например, М. И. Сухомлинов, А. Ф. Бычков) на себе испытывавшие всю сложность избрания в действительные члены академии, непредсказуемость результатов баллотировки, особенно в Общем собрании, стремились обезопасить Шахматова от возможного провала. Кроме того, как подчеркивалось в Уставе академии, «обязанность адъюнктов есть одинаковая с обязанностью академиков. Независимо от сих последних они занимаются усовершенствованием своей науки и исполняют поручения, от академии на них возлагаемые» [Устав ИАН 1836: 115]. В ноябре 1894 года А. А. Шахматов практически единогласно был избран Общим собранием ИАН в адъюнкты по Отделению русского языка и словесности (29 голосов — за, 1 — против)³. А уже через месяц отделение поручило своему новому члену, адъюнкту А. А. Шахматову, представить программу дальнейшего издания «Словаря русского языка»⁴ [Алексей Александрович Шахматов 1930: 27].

Шахматов не ограничил себя одной лишь работой над словарем: вместе с А. Ф. Бычковым он возобновил выпуск «Известий ОРЯС», печатая в них научные работы по славянской филологии вообще и русской в частности; занялся изучением южнославянских говоров; опубликовал «Жития преподобного Феодосия», снабдив их подробными комментариями; начал совместно с М. И. Сухомлиновым работу по составлению Полного собрания сочинений русских писателей.

¹ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 54.

² Письма А. Ф. Бычкова И.В. Ягичу от 29 апреля и 11 августа 1894 года (Загреб).

³ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 1.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 680. Л. 73.

Ил. 3. Президент Императорской Академии наук вел. кн. Константин Константинович и академики А. А. Шахматов, И. М. Гревс, А. Ф. Бычков, неизв., А. Н. Веселовский, А. Н. Пыпин. Фотопортрет. [Не позднее 1 апреля 1899 г.]. СПФ АРАН[©]. Р. X. Оп. 2. Д. 106. Л. 1.

Заслуги Шахматова были настолько очевидны, что уже в мае 1897 года он стал экстраординарным академиком¹, хотя по Уставу академии полагалось отлично прослужить в адъюнктах шесть лет, чтобы получить «право просить достоинства и выгод экстраординарного академика». Эта степень изначально понималась «единственно для дальнейшего открытия пути адъюнктам», не отличаясь от нее по сути, тем не менее, воспринималась, как «настоящая» и давала человеку, ее занимавшему, несомненно, большие материальные выгоды. Следует при этом понимать, что число экстраординарных академиков зависело от числа адъюнктов, «заслуживших особенное одобрение академиков того класса, к коему они принадлежат» [Устав ИАН 1836: 115]. «Особое одобрение» получил вышедший вскоре после избрания в экстраординарные академики, а именно в декабре 1897 года, первый выпуск «Словаря русского языка» под редакцией А. А. Шахматова.

Эта работа, а также труды, посвященные истории ударений в славянских языках, образованию русских наречий и русских народно-

¹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 13.

стей и многие другие, написанные с необычайной тщательностью и знанием предмета, позволили вскоре представить кандидатуру Шахматова на степень ординарного академика по Отделению русского языка и словесности. На Общем собрании академии 4 декабря 1899 года его кандидатура была одобрена почти единогласно¹. Таким образом, в 1899 году Шахматов занял высшую академическую степень, поднялся на ступень ординарного академика.

Мы проследили «внешнюю сторону» продвижения А. А. Шахматова по «академическим ступеням», а что же происходило внутри, за «академическим занавесом»? Ответ на этот вопрос нам дают документы из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Это — целый комплекс документов, разных по времени и месту происхождения, авторству, характеру представления информации. Но с их помощью нам удастся проследить отлаженный механизм избрания нового члена Академии наук (тем более что пример А. А. Шахматова можно назвать идеальным по букве следования Уставу академии, всевозможным положениям, циркулярам и, вообще, принятым кулуарным правилам поведения внутри самого отделения и академии в целом). Итак, вначале появляются письма, которыми обмениваются академики ОРЯС между собой, а также с А. А. Шахматовым и Ф. Ф. Фортунатовым, профессором Московского университета, учителем и наставником Шахматова. Начало «академической истории» именно с таких почти личных писем легко объяснить. При том узком, очень тесном объединении, каким было Отделение русского языка и словесности в конце XIX века, и при том огромном объеме работы, которую вели его члены, для них было важно принять в свои ряды человека во всех отношениях достойного как по рабочим, так по личностным качествам. Кому как не И.В. Ягичу, основателю и редактору первого общеславянского журнала «Archiv für slavische Philologie», А. Ф. Бычкову и Ф. Ф. Фортунатову, признанным авторитетам в области отечественной филологии, не знать, насколько кандидатура Шахматова отвечала всем требованиям! Отсюда и переписка, в которой между ними обговариваются все рабочие моменты будущего избрания нового члена академии: какие документы необходимы для представления кандидата, когда могут состояться выборы, чем, возможно, он будет заниматься после своего избрания.

¹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 20.

И вот, с новыми документами появляются и новые лица, от которых теперь зависит принятие того или иного решения. Поэтапно это — президент академии великий князь Константин Константинович, который должен одобрить или отклонить предложенную отделением кандидатуру еще до проведения выборов (об этом говорится в письмах Ягича, Бычкова и Шахматова¹); затем — непрременный секретарь академии Н. Ф. Дубровин, которому направляет официальное циркулярное письмо председательствующий в ОРЯС А. Ф. Бычков, приложив к нему выписку из протокола заседания отделения и «Записку об ученых трудах» Шахматова с просьбой назначить дату избрания кандидата (как правило, это — ближайшее по времени Общее собрание²). После окончательного избрания Шахматова на степень адъюнкта (т.е. он прошел баллотировку в отделении и на Общем собрании) возникают новые документы, отражающие новый этап существования Шахматова уже внутри академии, и новые люди. Теперь это — министр народного просвещения, граф И. Д. Делянов, которому адресовано официальное письмо с просьбой об утверждении избранного действительного члена академии в его новом звании и отставке с прежнего места службы (А. А. Шахматов на тот момент числился земским начальником) с приложением формулярного списка³.

И в завершении — протокол собрания ОРЯС, в котором принимает участие адъюнкт А. А. Шахматов. И снова письма — от А. А. Шахматова Ф. Ф. Фортунатову с рассказом о начале работы в стенах академии, от И. В. Ягича Ф. Ф. Фортунатову и А. А. Шахматову с поздравлениями и планами на будущее⁴.

Из всего перечисленного выше документального комплекса самые интересные и показательные документы — записки об ученых трудах А. А. Шахматова. Интересны они по ряду причин. Во-первых, в записках могут содержаться сведения как биографические, так и служебные, потому что составлялись они, как явствует из письма Ягича Шахматову, на основании следующих источников: «*curriculum vitae*, перечень (хронологический) Ваших статей и сочинений; известие о Ваших путешествиях с диалектологической целью, о Ваших собранных материалах и т.д.»; и что немаловажно, все эти сведения пре-

¹ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1758. Л. 64.

² СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 671. Л. 1; Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 2.

³ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 8, 8 об.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 90. Оп. 3. Д. 95. Л. 21, 80; Ф. 134. Оп. 3. Д. 1758. Л. 68.

доставлялись самим кандидатом¹. Во-вторых, стиль записок, сухой, официальный или же, наоборот, цветистый, многословный, подсвечивает личности составителей, может быть, их отношение к кандидату, к его работам, готовность сотрудничать с ним дальше. Недаром немецкий историк-археограф Леопольд фон Ранке, живший в том же XIX столетии, говорил о подобных исторических источниках примерно следующее: «Правда, эти бумаги мертвы, но в них тлеет остаток жизни. Смотрите пристальнее: из них возрождается жизнь столетия».

Представленные записки об ученых трудах Алексея Александровича Шахматова рассказывают о его жизни с гимназических времен, когда он только вступил в круг научной жизни, и до начала XX века, когда он уже поднялся до академических высот, стал ordinary академиком, председательствующим в ОРЯС, директором Русского отделения БАН, всемирно признанным ученым-лингвистом.

Записки, как официальные документы, давали представление о профессиональном росте ученого и служили доказательством того, что он достоин членства в Академии наук, печатались в Сборниках ОРЯС (это указывается в легенде каждой записки, уже как документа, представленного для научной публикации). Здесь они снабжены подстрочными примечаниями по тексту и по содержанию. Примечания получились достаточно объемными. Продиктовано это стремлением автора статьи восполнить все текстовые и смысловые лакуны и неточности и желанием дать читателям, интересующимся жизнью и трудами Шахматова, развитием академической и научной мысли России дореволюционной, максимально полную картину событий того времени. При составлении примечаний по содержанию использовалась информация, взятая из подлинных документов, хранящихся в СПФ АРАН, а также из сборника, составленного дочерью академика Шахматова Софией Шахматовой-Коплан и ее мужем Борисом Копланом к 10-летию со дня смерти Алексея Александровича. К запискам сделано Приложение — перечень тех научных работ А. А. Шахматова, которые упоминаются в текстах записок, и Список сокращений.

Автор надеется, что данная публикация будет интересна и полезна специалистам в области истории, филологии и всем, кто неравнодушен к судьбе замечательного русского ученого Алексея Александровича Шахматова.

¹ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1758. Л. 66.

«Об ученых трудах доктора русского языка и словесности Алексея Александровича Шахматова. Записка ординарного академика А. Ф. Бычкова¹. Приложение к протоколу² Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук 6-го октября 1894 года, к ст. П»³

[Не позднее 12 ноября 1894 г.]⁴.

С кончиною Я. К. Грота Отделение русского языка и словесности лишилось представителя в области русского языка и его истории. Вместе с тем, почти остановился взятый на себя нашим покойным сочленом труд значительных размеров, требующий усиленных занятий — Словарь русского языка. Так как на отделении лежит нравственная обязанность продолжить это дело и довести его до конца, то академики Ягич и Бычков старались найти такое лицо, которое, кроме достаточной ученой подготовки, доказываемой его трудами, могло бы все свое время, всю свою энергию посвятить интересам, задачам и целям отделения. Они обратили внимание на доктора русского языка и словесности Московского университета Алексея Александровича Шахматова, удовлетворяющего изложенным требованиям, и с разрешения Его Императорского Высочества Августейшего президента академии предлагают его в адъюнкты Отделения русского языка и словесности.

Академик И. В. Ягич доставил следующую записку об ученых трудах нашего кандидата.

Алексей Александрович Шахматов родился в 1864 году. Быв еще учеником 4-й Московской гимназии, он познакомился с некоторыми профессорами Московского университета и с хранителем рукописей Московского Публичного и Румянцовского музеев А.Е. Викторовым и советам и указаниям этих лиц во многом обязан своим лингвистическим образованием. Любовь к филологии обнаружилась у него очень рано. Все свое свободное время он посвящал чтению памятников древней русской письменности по печатным текстам и по рукописям. Результатом этих занятий филолога-гимназиста были две следующие ста-

¹ Записка (11 страниц большого формата почтовой бумаги), на самом деле, была написана И. В. Ягичем по просьбе А. Ф. Бычкова на основании данных, представленных самим Шахматовым. Она была зачитана Бычковым в собрании ОРЯС 6 октября 1894 года, но для представления Шахматова Общему собранию ИАН ее сократили. СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1758. Л. 66; Ibid. Ф. 9. Оп. 1. Д. 671. Л. 1; Рукописный отдел Национальной библиотеки в Загребе — *Voditelj Zbirka rukopisa i starih knjiga Nacionalna i sveučilišna knjižnica u Zagrebu*. Byčkov A.F. *Pisma Vatroslavu Jagiću*, № 47.

Автора сокращенного варианта записки и местонахождение первоисточника установить не удалось. Возможно, ее отредактировал сам А. Ф. Бычков, поэтому в собственном заголовке документа в качестве автора указана именно его фамилия.

² Далее в тексте зачеркнуто: *Общего собрания 8 октября 1894 г.*

³ В тексте написано чернилами от руки в правом верхнем углу листа.

⁴ Датировано по дате заседания Общего собрания, на котором был зачитан сокращенный вариант записки; именно этот текст приводится в данной публикации.

ты, напечатанные в V и VI томах журнала *Archiv für slavische Philologie*¹: “Zur Kritik der altrussischen Texte” и “Zur Textkritik des Codex Sviatoslai vom J. 1073 nach der photolithographischen Ausgabe”.

Первая статья была посвящена указанию и перечету ошибок в печатном издании рукописного текста Жития Феодосия по рукописи XI–XII в., помещенного А.Н. Поповым в Чтениях Московского Общества истории и древностей 1879 года, а вторая — такому же указанию неточностей, находящихся в изданном Обществом любителей древней письменности, посредством фотолитографии, Изборнике Святослава 1073 года и обнаруженных при сличении текста означенного издания с подлинною рукописью, хранящуюся в Московской Синодальной библиотеке. В 1883 году г. Шахматов, окончив курс гимназии, поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, и в том же году появился первый самостоятельный труд его по истории русского языка, напечатанный в VII томе вышеупомянутого Архива, под заглавием: «Beiträge zur russischen Grammatik»². В этой статье, кроме критических замечаний на труд А.И. Соболевского «Исследования в области русской грамматики», г. Шахматов впервые указал на возможность применить приметы древнерусских памятников к исследованию древнерусских наречий, а этими приметам определять местность происхождения памятника.

Второй самостоятельный труд его, под заглавием «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв.», гораздо обширнее и значительнее, чем только что названный, представлен был в Отделение русского языка и словесности и отпечатан в 1884 году в I-м томе «Исследований по русскому языку»³. Это исследование можно считать одною из первых и притом весьма удачных попыток определить по грамотам и актам особенности говоров. К своему исследованию г. Шахматов приложил 20 грамот, вновь переизданных с большою тщательностью по оригиналам. Оба эти труда сразу обратили внимание специалистов на молодого ученого.

В 1884 году г. Шахматов совершил поездку в Олонецкую губернию для изучения тамошних живых говоров⁴. Высадившись в Петрозаводске, он посетил

¹ Журнал «Archiv für slavische Philologie» основан И. В. Ягичем в Берлине в 1876 году; это был первый международный славяноведческий журнал широкого историко-филологического профиля.

² В сентябре 1882 года А. А. Шахматов выступил в качестве неофициального оппонента на защите магистерской диссертации А. И. Соболевского «Исследования в области русской грамматики»; позднее Шахматов перевел свою рецензию на немецкий язык и положил в основу данной статьи, которая была напечатана в конце 1883 года.

³ «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века» приготовлено к печати в декабре 1884 года. Решено было напечатать эту работу в I томе «Исследований по русскому языку». Весь 1885 год шла подготовка к публикации этого тома, который увидел свет в феврале 1886. Подробнее см. Приложение.

⁴ За свою работу «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века» Шахматов, по ходатайству И.В. Ягича, получил от Академии наук 100 руб. на поездку на север России для изучения местных говоров. В конце мая – июне 1884 года А. А. Шахматов был командирован Советом Московского университета в Архангельскую и Олонецкую губернии.

Петрозаводский и Повенецкий уезды и особенно подробно ознакомился с так называемым Заонежьем. Ему удалось записать там много сказок, песен и несколько былин¹. По возвращении своем в Москву, в октябре 1884 года, он прочел в заседании Этнографического отделения Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии краткий реферат о своей поездке, напечатанный в трудах общества. В 1886 году он снова отправился в Олонецкую губернию; на этот раз он начал исследования с Повенца и прошел по восточному берегу Онежского озера, посетив, таким образом, Повенецкий и Пудожский уезды². Результатом этих двух поездок был большой лингвистический материал, собранный г. Шахматовым, который он до сих пор не успел систематически обработать, но которого отдельные факты были приняты им в соображение в последнем его труде³.

В 1887 году Алексей Александрович кончил курс университета по классическому отделению историко-филологического факультета кандидатом и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. В следующем году он написал кандидатское сочинение «О долготе и ударении в общеславянском языке»⁴ и начал готовиться к сдаче магистерского экзамена, занимаясь при этом главным образом историей русской литературы по обширной программе Н. С. Тихонравова. Одним из результатов этих занятий было написанное г. Шахматовым в 1890 году исследование «О Киево-Печерском патерике»⁵.

В это время в кружке московских ученых, в котором не последнее место занимал А. А. Шахматов, вновь заинтересовались известным Крижаничем и был поднят вопрос о полном и критическом издании всех сочинений этого замечательного мыслителя и полигистора XVII столетия⁶. Это намерение, приводимое мало-помалу в исполнение, внушило нашему молодому ученому заняться преимущественно языком Крижанича. Он начал исследо-

¹ Кроме изучения местных живых говоров А. А. Шахматов записал 71 сказку, несколько свадебных песен, причитаний и былин Петрозаводского и Повенецкого уездов Олонецкой губернии. Записанные им тогда сказки были опубликованы в 1908 году в сборнике «Северные сказки». Подробнее см. Приложение.

² Летом 1886 года А. А. Шахматов совершил повторную поездку в Олонецкую губернию для проверки результатов своей первой экспедиции.

³ Здесь, вероятно, имеется в виду магистерская диссертация А. А. Шахматова «Исследования в области русской фонетики». Подробнее см. Приложение.

⁴ А. А. Шахматов написал кандидатское сочинение на тему «О долготе и ударении в общеславянском языке» зимой — в начале весны 1887 года.

⁵ Киево-Печерский патерик — сборник произведений по истории монастыря. В первоначальном виде текст патерика до нас не дошел, состав его основной редакции был реконструирован А. А. Шахматовым. В 1897 году в «Известиях ОРЯС» была опубликована его работа «Киево-Печерский патерик и Печерская летопись». Исследование, о котором упоминается в данной записке, — часть лекции «По вопросу о составе Повести временных лет», подготовленной А. А. Шахматовым для чтения на историко-филологическом факультете Московского университета в 1890 году.

⁶ По инициативе и при активном участии А. А. Шахматова в Москве объединились молодые ученые, интересующиеся научным наследием Юрия Крижанича, работавшего над созданием общеславянского языка и упорядочением славянского правописания.

вания с ударений, поставив их в естественную связь с историей сербохорватского ударения вообще. Кто знает всю трудность этого лишь тонким слухом уловимого предмета, тот сумеет оценить высокий научный интерес, представляемый двумя обширными статьями г. Шахматова, под заглавием: «Об ударениях в рукописях Юрия Крижанича»¹.

В 1889 году Алексей Александрович сдал магистерский экзамен², но не терял связь с университетом, посещая постоянно курсы своего наставника, профессора Ф. Ф. Фортунатова, по сравнительному языковедению, литовскому и готскому языкам. В марте 1890 года он прочел пробные лекции; литературная тема была: «О сочинениях, принадлежащих летописцу Нестору», лингвистическая: «Об именительном множественного числа на *a* в русском языке»³. В осеннем полугодии этого же года он, в качестве приват-доцента, начал читать студентам V и VI семестров историко-филологического факультета Московского университета лекции по истории русского языка, которые были отлитографированы для слушателей, и на которые ссылается неоднократно профессор Брандт в своей книге: «Лекции по исторической грамматике русского языка. Выпуск I». В это же время вышло Дополнение Шахматова к переводу грамматики церковнославянского языка профессора Лескина, заключающее в себе особенности языка Остромирова Евангелия⁴. Но вся эта живая и энергичная деятельность неожиданно прекратилась, и в начале 1891 года он покинул Москву и переехал в Саратовскую губернию, где поступил на службу⁵.

Можно было предполагать, что А. А. Шахматов, подававший столько надежд, окончательно потерян для науки; но знавшие его короче были уверены, что перерыв в научных занятиях будет непродолжителен; и действительно, с осени 1892 года он стал употреблять все свободное время на продолжение любимых занятий и на написание будущей диссертации, в которой хотел попытаться подвести итоги своим многолетним занятиям по истории русского языка. В виду богатства материала, для непосредственной цели, конечно, необходимо было ограничиться и остановиться на одной какой-либо части

¹ Еще в начале 1889 года А. А. Шахматов обсуждал с И. В. Ягичем идею научного издания всех сочинений Юрия Крижанича. Работа Шахматова «Юрий Крижанич о сербохорватском ударении» была опубликована в «Русском филологическом вестнике» в 1894 и 1895 гг. Подробнее см. Приложение.

² В 1889 году А. А. Шахматов сдал два магистерских экзамена: по истории русской литературы у профессора Тихонова и по истории русского языка у профессора Брандта. Последний магистерский экзамен по всеобщей литературе у профессора Стороженко Шахматов сдал в январе 1890 года, после чего историко-филологический факультет Московского университета разрешил ему представить магистерскую диссертацию.

³ Пробные лекции А. А. Шахматова назывались «По вопросу о составе Повести временных лет. О сочинениях преподобного Нестора» и «Об именительном падеже множественного числа на *a* и *ь*».

⁴ В дополнении к переводу «Грамматики» А. Лескина А. А. Шахматов написал о фонетике и склонении Остромирова Евангелия. Подробнее см. Приложение.

⁵ В январе 1891 года А. А. Шахматов выбыл из числа приват-доцентов Московского университета, считая себя недостаточно подготовленным для преподавания в университете, и поступил на должность земского начальника V участка Саратовского уезда.

обширного вопроса, и А. А. Шахматов выбрал, идя по стопам новейшей лингвистической школы, область русской фонетики.

Напечатанные в 1893–1894 г. его «Исследования в области русской фонетики»¹, — обширная часть задуманного целого, в которой он на 318 страницах обработал только жизнь звуков *e—o—a*, проследив их через все столетия и все наречия русского языка, — вносят такой вклад в славянскую грамматику, что, без преувеличения можно сказать, в филологической литературе последних лет нет труда равного этому по широте взглядов, по богатству данных, по остроумию соображений. Такое впечатление производит последний труд г. Шахматова в целостности, хотя в частности можно, конечно, с тем или другим положением и не соглашаться. За это сочинение, представленное на степень магистра, после диспута, историко-филологический факультет Московского университета удостоил молодого ученого высшей академической степени².

В настоящем году г. Шахматов напечатал брошюру «К вопросу об образовании русских наречий», в которой он в общих чертах развил свои мысли об этом предмете³.

Вот беглый очерк трудов ученого, прекрасные сведения и испытанную энергию которого Второе отделение Императорской академии наук может употребить с пользою для себя, приняв его в свою среду.

Ко всему сказанному еще следует прибавить, что А. А. Шахматов обладает даром простого и ясного изложения своих мыслей, и что в исследованиях его, отличающихся богатым знакомством с западноевропейской лингвистической литературой, всегда выдержаны строгие научные приемы.

СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 53– 54. Типографский оттиск.

Рукописные исправления. Без подписей.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 4–5. Типографский оттиск. Без подписей.

Опубликовано: Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. ИАН, 1897. Т. 63. С. XX–XXIV.

¹ Диссертация А. А. Шахматова «Исследования в области русской фонетики» были напечатаны в 1893-1894 г. в журнале «Русский филологический вестник» (тома XXIX-XXXI), который выходил в Варшаве под редакцией А. И. Смирнова.

² А. А. Шахматов писал магистерскую диссертацию, но уровень выполненной им работы был столь высок, что решением историко-филологического факультета Московского университета ему была присуждена степень доктора русского языка и словесности, минуя магистерскую степень. СПФ АРАН. Ф. 90. Оп. 3. Д. 111. Л. 19.

³ Работа А. А. Шахматова «Об образовании русских наречий» вначале была опубликована в журнале «Русский филологический вестник», Т. XXXII, а затем уже вышла отдельным изданием. Подробнее см. Приложение.

Записка «Об ученых трудах адъюнкта А. А. Шахматова». Приложение к протоколу заседания Общего собрания Императорской академии наук от 5 апреля 1897 г.¹

[Не ранее 29 марта 1897 г.]².

Со времени избрания А. А. Шахматова в адъюнкты по Отделению русского языка и словесности прошло более двух лет³. Оценка его ученых трудов до выбора его в адъюнкты была дана в представленной мною записке по случаю избрания его в члены академии⁴. С конца 1894 года А. А. Шахматов усердно и много трудится по поручению отделения. На него было возложено собрание материалов для продолжения «Словаря русского языка»⁵, и в настоящее время к печатанию [второго тома]⁶ словаря уже преступлено. Г. Шахматов значительно расширил первоначальный его объем, введя в него, с одобрения отделения, элементы народной речи⁷. Составленный и напечатанный г. Шахматовым список источников, из которых он черпает материалы для словаря, показывает, какую массу труда он должен был употребить на это дело.

Одновременно со «Словарем русского языка» он редактирует «Материалы для областного словаря Олонезкого наречия», собранные г. Куликовским, к которому присоединяет и им самим собранный материал по этому наречию⁸.

Изучая народные говоры русского языка, предмет которым Алексей Александрович уже давно занимается, он составил и напечатал программы для собирания особенностей говоров северно-великорусского и южно-великорусского наречий. Эти программы являются плодом многолетних и тонких наблюдений над живым

¹ После избрания А. А. Шахматова на заседании ОРЯС записка вместе с официальным обращением председательствующего в ОРЯС А. Ф. Бычкова была направлена неперемennom секретарю Ф. Н. Дубровину для прочтения на ближайшем Общем собрании, которое состоялось как раз 5 апреля. См.: Письмо А. Ф. Бычкова неперемennom секретарю от 1 апреля 1897 года // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 12.

² 29 марта 1897 года состоялось заседание ОРЯС, на котором была прочитана данная записка и проведена баллотировка А. А. Шахматова в экстраординарные академики (избран единогласно).

³ А. А. Шахматов был избран в адъюнкты по Отделению русского языка и словесности в 1894 году (6 октября — на заседании отделения, 12 ноября — на Общем собрании Академии наук).

⁴ Речь идет о «Записке об ученых трудах доктора русского языка и словесности А. А. Шахматова», которую составил И. В. Ягич и прочел А. Ф. Бычков для представления кандидатуры Шахматова на степень адъюнкта. Сам текст записки см. здесь же, ранее.

⁵ О том, что отделение планирует возложить «нелегкое бремя редакторства словаря на плечи сочлена [Шахматова], располагающего и более свободным временем и большими сведениями», писал А. Ф. Бычков И. В. Ягичу еще 11 августа 1894 года. Рукописный отдел Национальной библиотеки в г. Загребе — *Voditelj Zbirka rukopisa i starih knjiga Nacionalna i sveučilišna knjižnica u Zagrebu*. R 4610 b. Vučkov A.F. Pisma Vatroslavu Jagiću.

⁶ В тексте написано над строкой.

⁷ Члены ОРЯС единодушно признавали первоначальную программу издания «Словаря русского языка» «неудовлетворительной» и требующей корректировки. Об этом говорилось на заседании отделения 17 декабря 1894 года, на котором впервые присутствовал А. А. Шахматов, позднее возглавивший редакцию словаря по новой расширенной программе. СПФ АРАН. Ф. 90. Оп. 3. Д. 95. Л. 80.

⁸ А. А. Шахматов совместно с Г. И. Куликовским составил специальный опросник для учителей Олонезкой губернии, отпечатанный Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии в 1887 году и разосланный по школам Олонезкой губернии. Сам «Словарь областного олонезкого наречия» вышел в 1898 году. Подробнее см. Приложение.

русским языком. На эти программы, разосланные разным лицам, отделение уже получило довольно значительное число ответов, во многих отношениях весьма важных. Извлечения из [тридцати двух]¹ рассмотренных г. Шахматовым таких ответов он напечатал в «Известиях» отделения².

За последнее время внимание г. Шахматова привлекла «Повесть временных лет». Плодом изучения этого памятника являются: напечатанная в «Известиях» отделения замечательная статья, обратившая на себя общее внимание, «Несколько слов о Несторовом житии св. Феодосия»; помещенная в Журнале министерства народного просвещения статья «Исходная точка летоисчисления Повести временных лет» и читанный в Обществе любителей древней письменности реферата «Кем и когда составлен летописный свод «Повесть временных лет», изложение содержания которого помещено в разных повременных изданиях³.

Нельзя пройти молчанием очень важной статьи, появившейся на страницах «Известий» отделения «К истории звуков русского языка. Смягченные согласные», составляющей первую главу исторической грамматики русского языка, которую занимается г. Шахматов.

Кроме этих главных трудов Алексей Александрович напечатал в «Русском филологическом вестнике» статьи: «Юрий Крижанич о сербскохорватском ударении» и «Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров» и поместил разборы разных сочинений в «Известиях» и «Журнале Министерства народного просвещения».

В виду такой ревностной ученой деятельности А. А. Шахматова он предлагается, с разрешения Августейшего президента академии, к избранию в экстраординарные академики⁴.

Академик А. Бычков.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 14-15 об. Черновой автограф А. Ф. Быčkова. Рукопись. Авторские исправления, канцелярские пометы.

Опубликовано: Сборник ОРЯС. СПб: Тип. ИАН, 1900. Т. 66. С. XXII–XXIII.

¹ В тексте написано над строкой поверх зачеркивания.

² Программы для соби́рания особенностей говоров се́верно-великорусского и южно-великорусского наречий, а также «Материалы для изучения великорусских говоров» были опубликованы в 1896 году. Подробнее см. Приложение.

³ История древней Руси, литературные памятники того периода всегда привлекали А. А. Шахматова: его первые еще детские сочинения были посвящены древнерусской истории, первая пробная лекция в Московском университете касалась состава Повести временных лет. Доклад «Кем и когда был составлен летописный свод — Повесть временных лет» был прочитан А. А. Шахматовым 31 января 1897 года и напечатан в «Отчетах Общества любителей древней письменности» за 1896/97 г. Подробнее см. Приложение.

⁴ 3 мая 1897 года на Общем собрании ИАН А. А. Шахматов был единогласно избран на степень экстраординарного академика по Отделению русского языка и словесности; подобное единодушное было, по словам А.Ф. Быčkова, случаем «экстраординарным». СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 13; Рукописный отдел Национальной библиотеки в г. Загребѣ — Voditelj Zbirka rukopisa i starih knjiga Nacionalna i sveučilišna knjižnica u Zagrebu. R 4610 b. Vyčkov A.F. Pisma Vatroslavu Jagiću.

«Записка об ученых трудах экстраординарного академика, доктора славянской и русской филологии А. А. Шахматова». IV-е приложение к протоколу заседания Общего собрания 6 ноября 1899 года¹

[Не ранее 16 октября 1899 г.]².

А. А. Шахматов в третий раз предстает на суд людей науки, ожидая приговора своей ученой деятельности³. Так как она совершалась и совершается на наших глазах и дважды была по справедливости оценена и отделением, и Общим собранием, то мне остается только упомянуть о трудах А. А. Шахматова, изданных после избрания его в экстраординарные академики и пользующихся вполне заслуженною известностью в ученом мире. Назову некоторые из них:

К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. 1899 г.

К истории ударений в славянских языках. 1898 г.

О начальном Киевском летописном своде. 1897 г.

К вопросу о происхождении хронографа. 1899 г.

Житие Антония и Печерская летопись. 1898 г., и др.

Критические разборы сочинений других ученых, составленные А. А. Шахматовым, являются, в сущности, самостоятельными исследованиями, ведущими к наиболее верному разрешению спорных научных вопросов⁴.

Богатые вклады в науку внесены А. А. Шахматовым его критическим разбором трудов:

И. А. Тихомирова: «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». 1899 г.⁵

Евгения Будде: «К истории великорусских говоров». 1898 г.

Я. Гебауера: «Historická mluvnice jazyka českého», и др.

Важною, неоспоримую заслугою А. А. Шахматова должно быть признано составление им «Словаря русского языка». Задача усложняется обширностью материала, приводимого в систему редактором. Как история народа не может ограничиться историею одной его части, одних высших слоев, так и история языка не может ограничиться употреблением его в одной только части общества, хотя бы и самой образованной. И наш ученый, руководствуясь

¹ В тексте напечатано в правом верхнем углу документа.

Дата заседания Общего собрания ИАН, на котором были представлены результаты выборов А. А. Шахматова в отделение.

² 16 октября 1899 года состоялось заседание ОРЯС, на котором была прочитана данная записка. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1—1899. Д. 208. Л. 71.

³ А. А. Шахматов уже дважды проходил процедуру выборов в действительные члены Академии наук, когда избирался на степень адъюнкта (1894) и экстраординарного академика (1897).

⁴ Подробный перечень рецензий и критических отзывов А. А. Шахматова на сочинения других филологов см. Приложение.

⁵ Так в тексте; на самом деле критический разбор сочинения И. А. Тихомирова, выполненный А. А. Шахматовым, был опубликован в 1898 году. Подробнее см. Приложение.

чисто научными соображениями, придал словарю самые широкие размеры. Собирая материалы для словаря, А. А. Шахматов обращается и к произведениям писателей, и к живому говору народа в различных местностях нашего обширного отечества¹.

Всестороннее научное исследование русского языка составляет одну из главнейших задач нашего отделения. Сознывая всю важность возлагаемой на него задачи и всю трудность ее выполнения, отделение остановило свой выбор на А. А. Шахматове. А. А. Шахматов — филолог по призванию. Не только со студенческой, но даже с гимназической скамьи он обнаружил изумительную для юноши любовь к филологическим изысканиям. Она скоро обратилась в страсть, которая с неодолимою и плодотворною для науки силою владеет им до настоящей минуты. Современники называли Ломоносова натуралистом в языке. Это же название, в несколько измененном виде, можно применить и к нашему ученому. С необычайною тщательностью и зоркостью он наблюдает все особенности языка, следит за всеми его тончайшими разветвлениями, и на основании строго изученных фактов делает свои выводы и притом с крайнею осторожностью.

Ту же методу и ту же требовательность применяет он и к памятникам русской литературы, преимущественно древнейшего ее периода. Он разлагает памятник на его составные части, рассматривает каждую из них до мельчайших подробностей, и благодаря верности научного приема и таланту автора, проливает желаемый свет на самые темные места в произведениях нашей древней истории и словесности. Большую цену имеют исследования А. А. Шахматова, касающиеся русских летописей, хронографа — этой, говоря словами автора, любопытной компиляции из византийских хроник, южно-славянских исторических памятников и русских летописей, и др.

Работа над частями, А. А. Шахматов имеет в виду целое — тот ожидаемый вывод, который облегчает путь к решению важнейших задач в истории внутренней жизни народа. Он говорит: «Современные русские говоры принято делить на три главные группы (наречия): великорусскую, белорусскую и малорусскую. Стоит ли такое деление русского народа в связи с племенными различиями, восходящими к отдаленным доисторическим эпохам? Не сложилось ли оно лишь недавно, на памяти истории, свидетельствующей о великих событиях, оторвавших юго-запад России от северо-востока и обособивших области западнорусские? Разрешение этого ряда вопросов историк языка ждет от историка народа; последний, в свою очередь, чувствуя иногда бессилие, в виду скудости данных, обращается к отдельным отраслям исторической науки и главным образом к той же истории языка, живого свидетеле-

¹ Отделение поручило А. А. Шахматову и М. И. Сухомлинову составить новую программу «Словаря русского языка»; 16 ноября 1895 года на заседании ОРЯС А. А. Шахматов говорил о словаре, который, по его мнению, «должен быть словарем всего живого великорусского языка со всеми его говорами». С 1897 по 1899 гг. вышли три выпуска II тома «Словаря русского языка» под редакцией и по программе, составленной А. А. Шахматовым. Подробнее см. Приложение.

ля самых отдаленных эпох жизни всякого народа. И действительно, изучение русского языка в его настоящем и прошлом, поставленное при этом в связь с историей русского народа, может дать до известной степени определенные ответы на только что поставленные вопросы»¹.

Значение научных трудов А. А. Шахматова единодушно признается учеными обществами и учреждениями с Академией наук во главе. Университет, в который представил А. А. Шахматов свою магистерскую диссертацию, признал справедливым удостоить его высшей ученой степени — доктора. В экстраординарные академики А. А. Шахматов избран как отделением, так и Общим собранием единогласно². Надежды, возлагавшиеся на молодого ученого отделением и получившие санкцию Общего собрания, оправдались самым блестящим образом.

Председательствующий в Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук М. Сухомлинов.

23 октября 1899 г.³.

СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 207. Л. 76–76 об.

Типографский оттиск. Без подписей.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 17–17 об.; 18–18 об.; 19–19 об. То же.

Опубликовано: Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. ИАН, 1901. Т. 69. С. LIII–LVI.

Приложение

Список научных трудов А. А. Шахматова за 1881–1908 гг.

1. Zur Kritik der altrussischen Texte // Archiv für slavische Philologie. — Berlin, 1881. — S. 613–623.
2. Zur Textkritik des Codex Sviatoslav vom J. 1073 nach der photolithographischen Ausgabe // Archiv für slavische Philologie. — Berlin, 1882. — S. 590–597.
3. Beiträge zur russischen Grammatik // Archiv für slavische Philologie. — Berlin, 1883. — S. 57–77.
4. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века // Исследования по русскому языку. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1886. —

¹ Начало статьи «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей», написанной А. А. Шахматовым в феврале 1899 года и опубликованной в апрельском номере «Журнала министерства народного просвещения». Подробнее см. Приложение.

² См. Протокол избрания А. А. Шахматова в экстраординарные академики. СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84. Л. 13.

³ Дата документа отличается от даты, указанной публикатором в заголовке из-за того, что это — типографский оттиск; ровно неделя уходила на то, чтобы набело переписать рабочий протокол, который вели во время заседания, и напечатать его в типографии, подшив к протоколу следующего заседания отделения.

- Т. I. — С. 131–285.
5. Программа для собирания особенностей народных говоров. — Ярославль, 1887. — 20 с.
 6. Русский язык: Лекции, читанные в Московском университете. — М., 1890. — 180 с.
 7. Лескин А. Грамматика старославянского языка / Пер. с нем. с дополнением по языку Остромирова Евангелия В. Н. Щепкина и А. А. Шахматова. — М., 1890. — XIV + 192 стр.
 8. Исследования в области русской фонетики // РФВ. — Варшава, 1893. — Т. XXIX, № 1. — С. 1–50; № 2. — С. 229–307; Т. XXX, № 3 — С. 86–149; № 4 — С. 193–251; 1894 — Т. XXXI, № 1 — С. 1–65. — [Отд. оттиск. — Варшава, 1893. — 317 + II стр.].
 9. К вопросу об образовании русских наречий // РФВ. — Варшава, 1894. — Т. XXXII — С. 1–12.
 10. Юрий Крижанич о сербскохорватском ударении // РФВ. — Варшава, 1894. — Т. XXXII — С. 250–260; 1895 — Т. XXXIII — С. 298–327; Т. XXXIV — С. 87–124, 204–222.
 11. Рецензия на труд Т.Д. Флоринского «Лекции по славянскому языкознанию Киев, 1895» // ЖМНП. — СПб., 1895. — Т. 298. — С. 455–459.
 12. Несколько слов о Несторовом житии св. Феодосия // ИОРЯС. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1896. — Т. I, кн. 1. — С. 46–65.
 13. Программа для собирания особенностей говоров северно-великорусского наречия // ИОРЯС. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1896. — Т. I, кн. 1. — С. 179–234.
 14. Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. I и II // ИОРЯС. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1896. — Т. I, кн. 2. — С. 335–354; кн. 3. — С. 549–573; кн. 4. — С. 953–1004.
 15. Программа для собирания особенностей говоров южно-великорусского наречия // ИОРЯС. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1896. — Т. I, кн. 3. — С. 593–646.
 16. К истории звуков русского языка. Смягченные согласные // ИОРЯС. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1896. — Т. I, кн. 4. — С. 695–743.
 17. О начальном Киевском летописном своде // ЧОИДР. — М., 1897. — Кн. 3 (182). — С. 1–58. — [Отд. оттиск].
 18. Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров // РФВ. — Варшава, 1896. — Т. XXXVI. — С. 60–99; 1897. — Т. XXXVIII. — С. 172–209.
 19. Кем и когда был составлен летописный свод — Повесть временных лет // Отчет Общества любителей древней письменности за 1896/97 г. — СПб., 1897. — С. 23.
 20. «F.N. Finck in Marburg. Zwei russischen Märchen in phonetischer Schreibung»: Рецензия // ИОРЯС. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1897. — Т. II, кн. 1. — С. 210–215.

21. «Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии, сост. Е. Якушкин. Издание Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль 1896. 46 стр. 4°»: Рецензия // ИОРЯС. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1897. — Т. II, кн. 1. — С. 210–215.
22. «Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф. Е. Корша, заслуженного профессора Московского университета. М., 1896. VIII + 550 стр. 8°»: Рецензия // ИОРЯС — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1897. — Т. II, кн. 1. — С. 210–215.
23. Киевопечерский патерик и Печерская летопись // ИОРЯС. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1897. — Т. II, кн. 3. — С. 795–844.
24. Исходная точка летосчисления Повести временных лет // ЖМНП. — СПб, 1897. — № 3. — С. 217–222.
25. «А. И. Соболевский. Опыт русской диалектологии. Выпуск I. Наречия великорусское и белорусское. СПб. 1897»: Критический отзыв // ИОРЯС. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1897. — Т. II, кн. 4. — С. 1157–1162. — [Отд. оттиск].
26. Словарь русского языка. — СПб., 1897. — Т. II. Вып. 1. — Е– Железный. — XXX + 1 — 320 столб.
27. К истории ударений в славянских языках // ИОРЯС. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1898. — Т. III, кн. 1. — С. 1–34. — [Отд. оттиск].
28. Отзыв о сочинении «Eugen Ščerkin: Zur Nestorfrage» // ИОРЯС. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1898. — Т. III, кн. 1. — С. 116–130. — [Отд. оттиск].
29. Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. — СПб, 1898. — Ч. CCCXVI, № 3, отд. 2. — С. 105–149.
30. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной // Записки АН. — СПб, 1898. — VIII серия, Ист.-фил. отд., Т. IV, № 2: Отчет XL наград гр. Уварова. — С. 1–134. — [Отд. оттиск].
31. Евгений Будде. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском у. Рязанской губ. Казань, 1896. 337 стр. + II стр.: Критический отзыв // Сборник ОРЯС. — СПб., 1898. — Т. LXVI. — С. 25–73.
32. Jan Gebauer. Historiká mluvnické jazyka českého. 1894-1896: Критический отзыв // Известия ИАН. — СПб., 1898. — V серия, Т. IX, № 4. — С. 17–105. — [Отд. оттиск — 1899].
33. Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. Г. Куликовский; под ред. А. А. Шахматова. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1898. — 320 стр. — Изд-е ОРЯС.
34. Словарь русского языка. — СПб., 1898. — Т. II. Вып. 2. — Железный — За. — XIV + 322 — 631 столб.
35. Древнеболгарская энциклопедия X века // Византийский временник. — СПб., 1899. — Т. VII, Вып. 1. — С. 1–35.

36. Путешествие М. Г. Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. (Посвящается Л. Н. Майкову) // ИОРЯС. — СПб., 1899. — Т. IV, кн. 1. — С. 200–222. — [Отд. оттиск].
37. Пахомий Логофет и Хронограф // ЖМНП. — СПб., 1899. — № 1. — С. 200–207.
38. К вопросу о происхождении Хронографа // Сборник ОРЯС. — СПб., 1899. — Т. LXVI, № 8. — 121 с. — [Отд. оттиск].
39. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // ЖМНП. — СПб., 1899. — № 4. — С. 324–384.
40. Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб. 1899: Критический отзыв // ИОРЯС. — СПб., 1899. — Т. IV, кн. 4. — С. 1463–1484. — [Отд. оттиск].
41. Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана (План нового академического словаря с точки зрения иноязычного) // Сборник ОРЯС. — СПб., 1899. — Т. LXVII, № 1. — С. 28–33.
42. Записи сказок Олонецкой губернии // Северные сказки: Сб. / Сост. Н.Е. Онучков. — СПб., 1908. — Записки РГО. — Т. XXXIII. — С. 201–351.

Источники

Рукописный отдел Национальной библиотеки в Загребе. Письма А. Ф. Бычкова И.В. Ягичу — Voditelj Zbirka rukopisa i starih knjiga Nacionalna i sveučilišna knjižnica u Zagrebu. R 4610 b. Vučkov A.F. Pisma Vatroslavu Jagiću
 СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198; 207; 208.
 СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 84.
 СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 671; 680.
 СПФ АРАН. Ф. 90. Оп. 3. Д. 95; 111.
 СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1606; 1758;
 ПСЗ. Собр. 3-е СПб, 1897. Т. 13. С. 394. № 9717; Приложения. I. Штаты и табели. Штат Императорской Академии наук, по Конференции, Канцелярии Конференции, Правлению и Библиотеке. С. 183–186.
 Сборник ОРЯС. СПб., 1897. Т. 63; 1900. Т. 66; 1901. Т. 69.

Литература

Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) / Сост. С. Шахматова-Коплан, Б. Коплан. Л., 1930.
 Устав Императорской Санкт-Петербургской академии наук. 1836 // Басаргина Е. Ю. Проекты академической реформы 1855–1917. СПб., 2013.

Громыко Сергей Александрович

Вологодский государственный университет

Россия, г. Вологда

А. А. Шахматов — политический оратор
(об одной речи, произнесенной в Государственном совете)

О политических взглядах и общественно-политической деятельности А. А. Шахматова на сегодняшний день собраны и проанализированы интересные материалы различного характера от личной переписки и мемуаров до стенограмм официальных заседаний [Робинсон 1971, Робинсон 1973, Робинсон 1985]. Институциональная политическая деятельность ученого была связана с созывом обновленного Государственного совета Российской империи в 1906 году. Государственный совет стал верхней палатой российского парламента, смог участвовать в законотворческой деятельности наравне с Государственной думой, получив право законодательной инициативы.

В этом же году А. А. Шахматов стал членом конституционно-демократической партии и ее петербургского городского комитета, а затем кооптирован в ее центральный комитет. 27 апреля 1906 года был избран членом Государственного совета от Императорской Академии

Ил. 4. Выборщики от Академии наук и девяти российских университетов для избрания шести членов Государственного совета. Фотопортрет. 1906.

СПФ АРАН®. Р. X. Оп. 1. Д. 43. Л. 9.

наук и университетов. В Государственном совете Шахматов вместе с В. И. Вернадским и другими известными учеными входит в состав так называемой «левой группы» (объединения наиболее либеральных членов верхней палаты). Однако уже 9 июля 1906 года Шахматов отказывается от звания члена Государственного совета в знак протеста против роспуска Первой Государственной думы [Бородин 2008: 317] Этот поступок не был единственным в своем роде, несколько представителей научной интеллигенции, будучи избранными в состав Государственного совета, отказались от своего членства. Например, В.О. Ключевский отказался от членства в Государственном совете на следующий день после своего избрания, заявив, что считает полномочия члена этого органа власти недостаточными для независимого обсуждения возникающих проблем. В тот же день, что и А. А. Шахматов, отказался от звания члена Государственного совета другой великий русский ученый — В. И. Вернадский (правда, 8 февраля 1907 года Вернадский был снова избран членом Государственного совета). Причиной разочарования в деятельности верхней палаты необходимо считать антагонизм между выборными членами и членами, назначенными императором. Особенно остро эту ситуацию ощущали члены конституционно-демократической партии. Их положение в Государственном совете было «тяжелое, а подчас и двусмысленное. Большинство соотечественников по Государственному совету считали их отщепенцами, случайно попавшими в общество седовласых бюрократов и промышленных тузов» [Демин 2008: 150–151].

За три с небольшим месяца своей институциональной политической деятельности А. А. Шахматов произнес всего одну развернутую речь в ходе дискуссии о проекте ответного адреса императору. Однако эта речь дает представление не только о политических взглядах ученого, но и о риторическом идеале, которого придерживался Шахматов. 4 мая 1906 года ученый принял участие в прениях по поводу проекта ответного адреса Государю Императору. В тот момент достигла своего пика дискуссия об упоминании в тексте документа амнистии. Ниже приводится фрагмент стенограммы, содержащий выступление А. А. Шахматова.

«*Шахматов*: Существенным отличием проекта адреса, составленного профессором Багалеем, мною и некоторыми другими членами Государственного совета, от проекта, выработанного комиссией, является включение в первый из них ходатайства о полной амнистии.

Скажу несколько слов, почему я в числе некоторых других членов Государственного совета считаю правильным ходатайствовать

именно о полной амнистии. Амнистия, о которой идет речь, будет амнистией политической. Политическая же амнистия отличается от прочих видов амнистий, большею частью случайных и произвольных, особым характером, делающим ее актом государственной необходимости. Только государственная необходимость может побудить главу государства к амнистии преступлений государственных. Сознание пользы и нужды государственных может привести монарха к необходимости объявить амнистию. Имеем ли мы основания, исходя из соображений государственных, допускать ту или другую градацию политических преступлений? Можем ли мы утверждать, что тот или иной шестнадцатилетний юноша, покушавшийся убить городского, не может быть выпущен на свободу в интересах государства, что тот или иной крестьянин, совершивший насилие во время аграрных беспорядков, должен быть оставлен в тюрьме или на каторге в интересах государства? Настолько ли нам известны эти государственные интересы, чтобы рядом с этим решить, что иные деятели революции могут быть отпущены и прощены все в тех же интересах государства? Не поставим ли мы случайную и произвольную оценку интересов государственных выше того высшего начала справедливости, которым предписывается государству амнистия? Высшее же начало это состоит в данный момент в сознании того, что, во-первых, преступления, совершенные после 17 октября вплоть до 27 апреля, имели место при совершенно особой, исключительной обстановке и что до 27 апреля ничего не было сделано для действительного успокоения общества, а напротив, было сделано очень много для его раздражения, для развития в нем преступных инстинктов.

Я вкратце поясню свою мысль: Манифест 17 октября большею частью России был понят как законодательный акт о свободах, между тем как он содержал только программу действия высшего правительства. Высшему правительству повелевалось даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы мысли, слова, собраний; между тем высшее правительство не исполнило этой возложенной на него обязанности, и население имело законные основания недоумевать по поводу такого неслыханного пренебрежения волею монарха. Все дальнейшее ясно: благоразумная и спокойная часть населения недоумевает по поводу загадочного поведения правительства, более живые, энергичные элементы его приходят в волнение, горячие и страстные люди отдаются революционному движению. Русское общество,

измученное, истерзанное уже давно царящим вокруг бесправием, получило первую надежду на лучшее будущее 17 октября. Из Манифеста оно узнало о непреклонной воле монарха принять общие меры к умиротворению государственной жизни. Но воля монарха осталась неисполненной до сих пор.

Высшее правительство может оправдываться тем, что оно было застигнуто революцией, что ему не дали работать, что пришлось все силы отдать на прямое подавление беспорядков. Но какую цену могут иметь эти оправдания, когда мы вспомним, что 17 октября была начертана полная программа борьбы с революцией, причем Манифест 17 октября, изданный во время волнений, грозивших, по словам этого Манифеста, целостности и единству России, не только обязал подлежащие власти принять меры к устранению прямых проявлений беспорядков, бесчинств и насилий, но вместе с тем возложил на высшее правительство выполнение общих предначертанных им мер к умиротворению страны. Первая часть программы выполнена подлежащими властями, выполнения второй части население ждало тщетно от правительства до середины апреля. Я не могу не видеть причинной связи между бездействием высшего правительства и преступными деяниями политическими. Если государство сознает эту связь, то вопрос об амнистии становится неизбежным, а всякая градация политических преступлений становится искусственной и противоречащую государственному сознанию о необходимости амнистии.

Нам говорят об опасности от амнистии. Принцип справедливости и правды — вот якорь, за который держится государство, и, идя с ним, государство может не бояться никаких опасностей. Опасность является следствием пренебрежения этим принципом, следствием компромиссов, совершенно затемняющих иной раз и правду, и справедливость. Правда и справедливость с совершенною ясностью подсказывают, что виновными в неслыханной смуте наших дней являются те, кто вместо общих мер умиротворения, предначертанных монархом, применили к русскому обществу неслыханные меры репрессии. И именно отсюда, из этого положения я заключаю, что общая полная амнистия есть акт государственной необходимости.

Сабуров Второй: Ваше Высокопревосходительство! Я не буду следовать примеру предыдущего оратора, прочитавшего свою речь, так как в Государственном совете чтение речей не допускалось. Не знаю, что скажет будущий наказ...

Вице-председатель: Я думаю, что наказ безусловно это воспре-

тит. Я в настоящее время считаю неудобным прерывать оратора, но я того мнения, что господа ораторы не вправе читать речи. В Государственном совете это прежде не было принято и вовсе даже не допускалось. Я надеюсь, что в нашем наказе этому предмету будет уделено особое правило» [Государственный совет 1906: 11–12].

В первую очередь обращает на себя внимание логичность, четкость и стройность выступления. Тезис, который выдвигает оратор, — необходимость включения в ответный адрес ходатайства о полной политической амнистии — подкрепляется несколькими рациональными аргументами, что выгодно отличает выступление от речей других членов Государственного совета в этой же дискуссии. Интересно, что и для Государственной думы этого же времени такая структура речи не была характерна, так как депутаты ориентировались на спонтанность выступления, особенно в процессе прений. Отсутствие какого бы то ни было сумбура в речи А. А. Шахматова свидетельствует о высокой степени подготовленности текста и о специфическом восприятии аудитории как коллективного собеседника, ориентированного на усваивание рациональных аргументов в традиционном рассуждении.

В то же время выступление Шахматова нельзя назвать сухим и слишком строгим: эмоциональное ядро речи составляют четыре идущих подряд риторических вопросов. Это свидетельствует о том, что оратор грамотно использует аргументы к пафосу как способ воздействия на аудиторию. В этом случае, наоборот, оратор логично вписывается в парламентскую речевую практику начала XX века. То, что А. А. Шахматов в качестве средства речевого воздействия выбирает каскад риторических вопросов, еще раз иллюстрирует наблюдение о доминировании риторического вопроса среди всех средств речевой выразительности в русской парламентской дискуссии начала прошлого века [Громько 2010: 76–80]. Однако следует заметить, что функция этих вопросов в выступлении Шахматова несколько иная по сравнению со складывающейся на тот момент практикой устной публичной речи в представительных органах власти. Вместо привычной для Первой и Второй Государственной думы амплификации (нанизываются равные по степени эмоциональности вопросы) либо градации (увеличение степени эмоциональности вопросов,ходящее в некоторых случаях до фактов речевой агрессии) риторических вопросов мы можем наблюдать своеобразное рассуждение при помощи четырех риторических вопросов. Первым вопросом («Имеем ли мы основания, исходя из соображений государственных, допускать ту или другую

градацию политических преступлений?)» открывается общий аргумент. Затем он поясняется следующим риторическим вопросом, в котором содержатся два примера (заключенные в тюрьму юноша, покушавшийся убить городского, и крестьянин, совершивший насилие во время аграрных беспорядков). Третий риторический вопрос («Настолько ли нам известны эти государственные интересы, чтобы рядом с этим решить, что иные деятели революции могут быть отпущены и прощены все в тех же интересах государства?») — также аргумент-пример, но противоположный предыдущим примерам. Четвертый риторический вопрос представляет собой вывод о неравнозначности понятий «государственный интересы» и «справедливость». Сравним это довольно сложное построение с типичными для Государственной думы каскадами риторических вопросов: *А что, спрошу я, в Риге те же самые условия? Что, Рига тоже сейчас отрезана от сообщения со всем миром? Что, из Риги нельзя переслать в Петербург кассационную жалобу? [Государственная дума 1906: 902] Да что же это такое, господа? Да это ли не насмешка? Да разве мало платили крестьяне разных земельных налогов? Мало ли они были обременены налогами всякого рода? [Государственная дума 1906: 985]* Очевидно, что, используя каскад риторических вопросов, оратор Шахматов был нацелен в первую очередь на объяснение, а ораторы Думы и Государственного совета в большинстве своем на эмоциональное воздействие.

В речи Шахматова частотны повторы и анафоры, что делает выступление легким для восприятия. Синтаксис выступления довольно сложен, ориентирован на книжную литературную речь, однако, думается, это не могло затруднить внимательного слушателя, на которого и ориентировался ученый. В своем выступлении оратор сознательно не идет по пути использования сниженных разговорных элементов. В мае 1906 года в Государственном совете пока еще сохранялась литературная речь, но в Государственной думе модой стало использование не только разговорной, но и просторечной лексики и фразеологии.

Речь ученого вызвала раздражение со стороны консервативной части Государственного совета, некоторые члены попытались публично осудить Шахматова за чтение речи по листку, хотя в нормативных актах Государственного совета на тот момент на это не было прямого запрета. В целом необходимо отметить, что основу политической ораторской практики Шахматова составляло академическое красноречие, усиленное некоторыми фигурами речи, придававшими выступлению эмоциональную насыщенность.

Литература

Бородин А. П. Шахматов Алексей Александрович // Государственный совет Российской империи 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008.

Виноградов В. В. А. А. Шахматов. Пг., 1922.

Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. СПб., 1906. Т. II. Заседания 19–38.

Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 1. СПб., 1906. С. 11–12.

Громыко С. А. Зачем политику риторический вопрос? (Особенности парламентской дискуссии начала XX века) // Русская речь. 2010. № 4.

Демин В. А. Левая группа // Государственный совет Российской империи 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008.

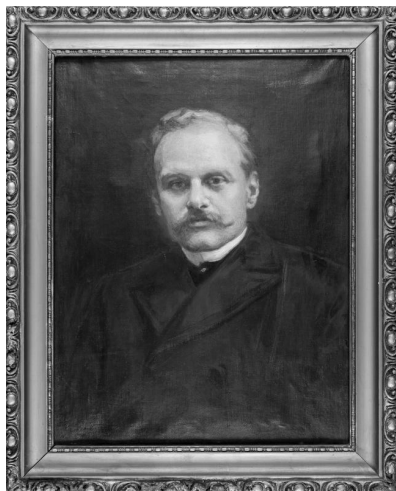
Робинсон М. А. А. А. Шахматов и студенческие волнения в Петербургском университете в 1911 году // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1971. Т. 30. Вып. 2.

Робинсон М. А. А. А. Шахматов и обыск в Библиотеке Академии наук в 1911 году / М.А. Робинсон // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1973. Т. 33. № 2.

Робинсон М. А. А. А. Шахматов и молодые ученые // Русская речь. 1985. № 1.

А. А. Шахматов и создание Рукописного отделения Библиотеки императорской Академии наук

Алексей Александрович Шахматов встречает всех посетителей читального зала Отдела рукописей БАН, радушно полуулыбаясь с большого портрета сер. XX в. (см. ил. 5).

**Ил. 5. Неизвестный художник. Портрет А. А. Шахматова. Холст, масло.
50-60-е гг. XX в. Читальный зал Отдела рукописей БАН.**

Каждый входящий может поклониться этому человеку, на рубеже XIX и XX веков сыгравшему главную роль не только в самом процессе организации отдела, но и в выработке стратегии работы и развития Рукописного отделения Библиотеки Императорской Академии наук на XX столетие. В большой литературе о жизни и творчестве ученого об этом нигде специально и подробно не говорится. Литература большая: есть тезисы, специально посвященные работе А. А. Шахматова в БАН [Копанева 1991: 246–251]. Имя директора неоднократно упоминается в монографии по истории библиотеки [История 1964] и в обзоре фондов Рукописного отдела [Исторический очерк 1958]. Существует не одна книга, подробно повествующая о жизни этой

неординарной личности не говоря уж о многочисленных статьях и научного, и научно-биографического характера (легче перечислить фамилии видных филологов и историков, которые не писали о А. А. Шахматове) [Виноградов 1922; Известия 1922; Масальская 1929; Шахматов 1930; Шахматов 1947; Макаров 2000 и др.]. И, тем не менее, об интересующем нас аспекте нигде не говорится специально, а в первой из опубликованных кратких биографий вообще единожды только упоминается о назначении на должность директора Первого отделения Библиотеки, и ни слова нет ни только о работе по Рукописному отделению, но даже и о докладе 2 октября 1998 г. и учреждении должности ученого хранителя [Шахматов 1930].

Учитывая же огромный профессиональный интерес А. А. Шахматова именно к рукописным материалам [Срезневский 1922: 243–246 и др.], заботы академика о Рукописном отделении вверенной ему части Библиотеки, несомненно, занимали в его жизни далеко не последнее место.

Выпускник Московского университета в 1894 г., после нескольких лет службы в должности земского начальника в д. Губаревка Саратовской губернии, получил известие об избрании в адъюнкты Императорской академии наук и переехал в столицу. Менее чем через три года он был уже экстраординарным, а в 1899 г. в возрасте 35 лет ординарным академиком.¹ В том же году молодой ученый стал членом Археографической комиссии [Материалы для библиографического словаря 1917: 232] и, после ухода в отставку по состоянию здоровья 84-летнего А. А. Куника (1814–1899), 40 лет стоявшего во главе I отделения академической Библиотеки, был назначен Общим собранием еще и директором оставшегося без руководства Русского ее Отделения.² Проблем у Библиотеки в это время хватало, и проблемы эти будущий директор за пять лет службы в Академии, предшествовавших назначению, имел возможность прекрасно изучить: в параграфах Протоколов заседаний общего собрания АН можно найти многочисленные записи о книгах, взятых Шахматовым на дом для себя и своих коллег,³ свидетельствующие о нем, как об активном читателе.

¹ БАН НИОР. Ф. 25. Протоколы заседаний Общего собрания Императорской академии наук. 1899. [4 декабря]. § 194. См. также IV приложение к Протоколу Общего собрания 6 ноября 1899 г.: Записка об ученых трудах <...> А. А. Шахматова.

² БАН НИОР. Ф. 25. Протоколы заседаний... 1899. [6 марта]. § 45.

³ См., например: БАН НИОР. Ф. 25. Протоколы заседаний... 1899. § 11, 38, 139, 189 и др. В СПФ АРАН сохранились требования на книги из фондов Библиотеки Имп. АН, написанные рукой А. А. Шахматова [Ф. 134. Оп. 1. № 475. Л. 2, 5, 9, 31]. Автор благодарит сотрудников Выставочной группы БАН С. Н. Федотову и А. М. Никифорову за право пользования сведениями подсобной картотеки, где были обнаружены сведения.

Молодой директор начал с ряда перемен: устранил привилегии в пользовании фондами Библиотеки, позволив посещение не только всем ученым, но и преподавателям гимназий и студентам [Срезневский 1922: 243; Круглый 1922: 247–252; Известия 1922], из-за катастрофической нехватки места, отдал директорский кабинет под читательский абонемент, получая академическое жалование, отказался от полагавшейся ему за директорство зарплаты и передал эти деньги на нужды Библиотеки [Копанева 1991: 250]. В Русском отделении были организованы новые отделы: картографический, иконографический, нотный, отдел отчетов и др. Принимая фонд рукописей, 8 марта 1899 г. А. А. Шахматов подписал вслед за старшим помощником библиотекаря Вс. И. Срезневским составленные им шкафные описи (подпись стоит в конце каждой полки), составленные в соответствии с крепостным принципом расстановки [Копанев 1973: 219–220]. Это было очень конкретным знакомством с фондом и его проблемами.

2 октября 1899 г., через полгода после назначения, новый директор докладывал на заседании Общего собрания Имп. АН о положении дел в Первом отделении Библиотеки. К этому времени здесь работали всего четыре человека. В тексте доклада, полностью опубликованном в Протоколах Общего собрания,¹ найдем сведения и относящиеся к положению дел с рукописными материалами, которые находились в то время в ведомстве старшего помощника библиотекаря. В обязанности его входила, кроме того, работа «по заведованию отделением газет и журналов».² А. А. Шахматов указал на большой объем и многообразие работ по журнальному отделению и на невозможность откладывать работы по своевременной регистрации периодики,³ обработкой и разбором которой, включая накопившуюся за почти два столетия и необработанную, занимался Вс. И. Срезневский.⁴ Его повседневные заботы о фонде журналов, обслуживание читателей, подготовка экземпляров для переплета и т. д., требовала по подсчетам нового директора четыре-пять часов в день, в результате чего работы по отделению рукописей и старопечатных книг для старшего помощника библиотекаря переходили на второе место.

¹ БАН НИОР. Ф. 25. Протоколы заседаний... 1899. §138.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Напомним, что именно в предшествующие годы (с 1893 по 1899) перешедший из Публичной библиотеки старший помощник библиотекаря Вс. И. Срезневский разобрал залежи журнального фонда БАН, накопившиеся за прошедшие два столетия и на основе фонда БАН, который был сличен с фондом периодики Императорской публичной библиотеки, составил первый «Список русских повременных изданий с 1701 по 1899 г.», опубликованный в 1901 г. Этим определенным этапом работы с периодикой, приведенной в полный порядок, был завершен.

«Между тем, рукописное отделение достойно гораздо большего внимания, чем то, которое ныне ему уделяется. Оно составляет то зерно, из которого образовалась вся библиотека Академии, ибо в нем хранятся рукописи, сопутствовавшие Петру Великому в его путешествиях, принадлежавшие к царевической библиотеке сыновей Алексея Михайловича, к библиотеке Алексея Петровича. До основания в начале XIX века Императорской Публичной библиотеки в библиотеку Академии наук поступало много старых рукописей и рукописей XVIII века: часть передавалась самими авторами, академической типографией, в которой они печатались, и различными собирателями; часть жертвовалась Особами императорского дома <...>. В текущее столетие академическое хранилище рукописей продолжало пополняться <...>. Библиотека продолжает расти и ныне: несмотря на все неблагоприятные условия, в прошлом году в нее вошло около 50 рукописей, в нынешнем около 100. Можно с уверенностью сказать, что рост ее не может остановиться, если только насильно его не останавливать, последнее едва ли желательно, напротив, надо стремиться к тому, чтобы оно явилось центральным хранилищем рукописей Академии, не имеющих характера деловых бумаг, чтобы в него входили собрания бумаг академиков. Приобретались рукописи, ими собранные, направлялись те, которые жертвуются в Академию частными лицами».¹

Помещая в текст столь длинную цитату, я хотела дать почувствовать читателю не только содержательную, но и, как кажется, передаваемую даже на уровне синтаксиса, эмоциональную сторону выступления молодого директора. Вкратце изложив историю фонда, он резко поставил вопрос о ненадлежащем уровне хранения уникального материала² и, с другой стороны, четко определил «не архивную», книжную специфику имевшегося в Академии рукописного собрания. Интересным было и высказанное пожелание о хранении бумаг академиков (речь, разумеется, идет о гуманитариях, занимавшихся изучением рукописного материала)

¹ БАН НИОР. Ф. 25. Протоколы заседаний... 1899. §138.

² Разумеется, такая организация как Академия наук не могла не осознавать значимость и специфику (особенность приобретения, обработки) рукописных фондов, поэтому они были фактически отделены от книжных еще в 1819 г., когда, во время разделения Библиотеки на две части, все рукописи были присоединены к Русскому Отделению. В течении XIX в. фонд рукописей неоднократно упоминался в различных бумагах как отдельное единое целое, однако отсутствие четкости в понимании статуса и специального ответственного сотрудника-хранителя при большом объеме уникальных материалов и их значимости, не позволяло надлежащим образом содержать фактически существовавшую институцию. Об этом подробно см.: [Исторический очерк 1958: 8–19].

вместе с материалами, которые они изучали.¹

Не преминул А. А. Шахматов коснуться проблемы учета и описания фонда, особенно отметив то, что единственная опись «далеко не полная, слишком краткая и без указания времени написания памятных и содержания рукописей, часто с неверным определением и общим заглавием, была составлена в 1818 году библиотекарем [П. И.] Соколовым [Соколов. Каталог... Священного писания; Соколов. Каталог... к российской истории и географии]. Для того, чтобы удовлетворить нынешним потребностям, эта опись должна быть не переделана и дополнена, а составлена заново. Эта работа должна стать главной обязанностью лица, хранящего рукописи, так как без описи «посторонним лицам нет возможности ни ознакомиться с библиотекой, ни пользоваться ею»².

Отметил директор и то, что «в свободное от текущих дел по журнальному отделению время, урывками, работа по приведению в порядок рукописей начата старшим помощником библиотекаря. <...> Но это лишь небольшая часть всей работы, так как, во-первых, в опись введено лишь около половины рукописей, не считая собраний бумаг; во-вторых, кроме рукописей в рукописный отдел входят до 1600 старопечатных книг; в третьих, рукописи нуждаются не в краткой, а в подробной и тщательной описи, подготовленной к печати, некоторые же в издании целиком. Если отделение рукописей откроется для публики, на библиотекаря ляжет ряд новых обязанностей по выдаче рукописей в чтение и, между прочим, перечет страниц рукописей и двукратная каждый раз проверка листов — обязанность чрезвычайно кропотливая и мелочная, но по своей важности необходимо лежащая на хранителя рукописей».³

Доклад А. А. Шахматова о положении дел во вверенной его руководству части Библиотеки был четким, лаконичным, научно выверенным. Он не просто дал характеристику положения дел с собранием рукописей, но и счел необходимым обратить внимание Общего собрания на такие технические моменты работы, как ведение документов учета и формы контроля сохранности рукописей при выдаче их в читальный зал. Директор предложил концепцию развития самостоятельного Рукописного отделения как собрания рукописных и старопечат-

¹ Во время Музейной реформы изыятие бумаг академиков из фонда Рукописного отделения станет одним из камней преткновения в конфликте директора Библиотеки И. Н. Яковкина и Ученого хранителя Рукописного отделения Вс. И. Срезневского [Копанев 1973: 244].

² БАН НИОР. Ф. 25. Протоколы заседаний... 1899. §138.

³ Ibid.

ных книг, а также личных архивов ученых. Работа Рукописного отделения должна была начаться с полной рекаталогизации и обработки неописанной части фонда. В результате предлагаемых преобразований фонд ценных рукописей и книг должен был превратиться из труднодоступного, и то лишь единицам ученых, а порой и недоступного в силу необработанности материалов, склада [Исторический очерк 1958: 18–19] в открытый для публики отдел Библиотеки, фонды которого раскрыты в научных описаниях, и, благодаря чему, рукописи могут быть выданы всем желающим специалистам.

В заключение А. А. Шахматов обратился к Конференции с просьбой возбудить ходатайство об учреждении при Библиотеке Им. АН, как это уже сделано в Санкт-Петербурге в Публичной библиотеке и в Москве в Румянцевском музее, особой должности Ученого хранителя рукописей, на котором бы «лежала обязанность не только хранения, но и ученого описания наших рукописных богатств»¹. Директор представил проект этой штатной должности.²

Выступление А. А. Шахматова было услышано и 11 февраля 1900 г. Департамент промышленности, наук и торговли Государственного Совета принял решение: «Учредить при Первом отделении библиотеки Императорской Академии наук должность ученого хранителя рукописей, с присвоением сей должности годового оклада содержания в одну тысячу восемьсот рублей (в том числе: 1200 рублей жалованья, 400 рублей столовых и 200 рублей квартирных), VII класса по чинопроизводству, VII разряда по шитью на мундире, а также пенсионных прав и преимуществ, предоставленных библиотекарям Академии (ст. 301 уст. пенс., свод зак. т. III, изд. 1896 г.)».³ Ученый хранитель рукописей должен был избираться Конференцией Академии «из лиц, имеющих высшее образование» по представлению директора I Отделения Библиотеки.⁴ 27 марта 1900 г. мнение Государственного Совета об учреждении с 1 января 1901 года должности ученого хранителя рукописей Библиотеки Императорской Академии наук было Высочайше утверждено (прот. заседания 13 мая 1900 г., § 95)⁵. 4 ноября того же года акад. А. А. Шахматов представил, на основании § 103 Устава Академии, на утверждение Общего Собрания выбранного им на эту должность кандидата, коллежского асессора

¹ БАН НИОР. Ф. 25. Протоколы заседаний... 1899. §138.

² Проект опубликован в Приложении к Протоколу заседания от 2 октября 1899, за подписью А. А. Шахматова.

³ СПФ АРАН. Ф. 158. Оп. 2. Д. 38. Л. 79.

⁴ Ibid.

⁵ БАН НИОР. Ф. 25. Протоколы заседаний... 1900. [4 ноября]. § 202

Вс. И. Срезневского.¹

Выбор директором на открывшуюся вакансию именно этого человека имел решающее значение для дальнейшей судьбы Рукописного отдела. Штат всего Русского, возглавляемого А. А. Шахматовым, отделения состоял к тому времени из 5 человек, не считая директора: библиотекаря Э. А. Вольтера, организатора и первого заведующего Славянским отделением, старшего помощника библиотекаря Вс. И. Срезневского, младшего помощника библиотекаря, А. Б. Ламбиной, на которой лежало все обслуживание в читальном зале и ведение картотек I Отделения [Библиографический сборник 1918: 17–21], А. О. Круглого, сначала работавшего в БАН privately, затем младшим помощником библиотекаря и избранного на должность старшего помощника библиотекаря 4 ноября 1900 г. вместо Вс. И. Срезневского,² и А. Д. Орлова, начавшего службу в Библиотеке в 1896 г. privately, а с 1900 г. ставшего, соответственно, младшим помощником библиотекаря.

А. А. Шахматов придавал особое значение личностям работников, принципиальная позиция директора-ученого касалась, возможно, большей самостоятельности отделов и их сотрудников: «администрация I Отделения полагала необходимым давать служащим Библиотеки большую самостоятельность, увеличивая тем самым их моральную ответственность» [Материалы для истории 1917: 10]. Вновь избранный ученый хранитель был прекрасным специалистом, коллегой и полным единомышленником А. А. Шахматова. Еще работа по разборке и описанию периодики, происходящая на глазах только что прибывшего в Петербург адъюнкта, показала неутомимую трудоспособность и прекрасную организованность Вс. И. Срезневского, его склонность к четкости ведения документации и умение хорошо систематизировать, столь необходимые при работе с большими объемами документов. Им был осуществлен для большого количества рукописей (1600) крепостной принцип шифровки,³ который позволил упорядочить хранящиеся материалы. Все это было хорошо известно членам Академии. «По произведенной баллотировке г. Срезневский оказался избранным, о чем положено сообщить в Правление для соответствующих распоряжений».⁴

¹ Ibid.

² БАН НИОР. Ф. 25. Протоколы... 1900. [4 ноября]. § 203.

³ БАН НИОР. Ф. 25. Протоколы заседаний... 1900. [4 ноября]. § 202. По инициативе А. А. Куника во второй половине XIX в. по крепостному принципу были перешифрованы все русские книги, см.: История: 249; БАН НИОР. Ф. 25. Протоколы заседаний... 1899. §138.

⁴ БАН НИОР. Ф. 25. Протоколы заседаний... 1899. §138.

Официально Рукописное отделение стало отдельным подразделением Русского отделения Библиотеки с 1 января 1901 г. и состояло в тот момент из одного человека — Ученого хранителя.¹ И, тем не менее, они и директором видели большое будущее созданного отдела, который планировался как научный центр собирания (регулярные археографические экспедиции и целенаправленные покупки) и изучения (плановое описание новых поступлений и научное описание сложившегося фонда по тематической системе) рукописных памятников.

Начало с конца XIX в. регулярных Археографических экспедиций, с некоторыми перерывами проводившихся Отделом рукописей вплоть до 1996 г., также связаны с именем А. А. Шахматова. В первый же год своего пребывания в Петербурге летом 1897 году молодой ученый самостоятельно отправился в диалектологическо-фольклорную экспедицию в Калужскую губернию. Только что избранный адъюнкт Имп. АН, со времен учебы в Московском университете, любил такие поездки по губерниям и умел хорошо вести «полевую работу» [Шахматов 1930: 18]. При его самом активном участии и всесторонней поддержке (включая ходатайства о выделении средств из общего бюджета АН, ОРЯС и о назначении специальных ежегодных дотаций для проведения экспедиций и приобретения рукописей, а также вложение личных денег на покупку [Исторический очерк 1958: 27]) были организованы в Имп. АН поездки по России и ряду славянских стран [Исторический очерк 1958: 29] с целью сбора старинных рукописей и печатных книг. Начиная с 1900 г. в продолжение нескольких лет Вс. И. Срезневский по поручению 1-го Отделения Имп. АН и при постоянной поддержке директора А. А. Шахматова провел пять научных экспедиций, собирая рукописи для БАН [Исторический очерк 1958: 28–30, 94–100, Копанев 1973: 222–225 и др.]. Финансы на поездки ученого хранителя и на приобретение рукописей давало в 1901–1905 гг. ОРЯС. Опубликованные Вс. И. Срезневским «Отчеты о поездках»² и «Сведения» о приобретенных материалах³ говорят самим за себя.

В аналогичные экспедиции ездили также Н. К. Никольский,

¹ Дата, как не странно, требует уточнений, так как в разных изданиях имеются на этот счет разногласия. Так в Истории БАН (С. 231) говорится об образовании отдела в 1900 г. и этот год, по понятным причинам, повторяется в целом ряде источников [Альшиц 2009: 474, Бубнов 2010: 18 и др.]. Точная дата указана в: [Исторический очерк 1958: 26].

² Отчеты о поездках регулярно публиковались в Известиях ОРЯС (с 1902, т. VII, кн. 2 и т.д.).

³ Сведения о рукописях, поступивших в РО БАН выходили отдельными изданиями (1902–1907, 5 томов). Кроме того вышел большой специальный том Описания рукописей и книг, собранных для АН в Олонецком крае. (СПб, 1913).

Ф. И. Покровский, Э. А. Вольтер, В. Д. Бонч-Бруевич и другие штатные и внештатные сотрудники Имп. АН [Исторический очерк 1958: 29–30]. Эта деятельность была непосредственно связана и с масштабной задуманной АН работой по составлению единой картотеки сведений обо всех сохранившихся в рукописных хранилищах славянских средневековых памятниках письменности. Толчком к созданию подобной картотеки послужило решение Академии об издания полного собрания древнерусских письменных памятников с X в. по XVII в., в принятии которого А. А. Шахматов принимал самое непосредственное участие. Подобная деятельность ОРЯС была связана с желанием достичь некоторой полноты в знаниях о сохранившихся памятниках славяно-русской книжности. Составление плана издания было поручено Отделением русского языка и словесности Н. К. Никольскому [Покровская 1948: 142–143].

В связи с этой работой 1 октября 1899 г. на службу в Академию наук «с особым поручением по сотрудничеству проф. Н. К. Никольскому в его командировках» был зачислен Ф. И. Покровский. Этот человек стал чуть позже незаменимым в начатой работе по Рукописному отделению. Понимая, что один Вс. И. Срезневский физически не в состоянии выполнить все задуманные планы, директор Библиотеки искал ему достойного помощника. Служба Ф. И. Покровского в Библиотеке началась с 1 января 1903 г., хотя формально этим числом он был официально зачислен на должность ученого корректора трудов ОРЯС при канцелярии Конференции Академии наук, фактически же он стал основным помощником Ученого хранителя Рукописного отделения. В должности помощника библиотекаря Ф. И. Покровский был утвержден только с 1 сентября 1912 г. [Подковырова 2010: 137–139]. Этот случай был не единственным. Не имея возможности взять людей в штат Библиотеки, директор вводил временные должности, привлекал увлеченных людей для работы приватно.¹

С появлением Ученого хранителя, занимающегося преимущественно рукописями, начинается планомерная работа по их научному описанию. Вс. И. Срезневским, при непосредственном участии А. А. Шахматова [Срезневский 1922: 245–246], разрабатывается методика систематического описания фондов². Принимается решение о

¹ Так сотрудники Библиотеки А. О. Круглый и А. Д. Орлов долгое время работали в Первом отделении приватно. См. об этом: [История 1964: 266–267; Круглый 1922: 247–252].

² Систематический принцип описания рукописей продолжал традицию общих для книг и рукописей систематических описаний, ведущих свое начало от каталогов XVIII через обновленные каталоги кон. XIX в., см.: [История 1964: 249 и др.]. О принципах систематического описания рукописей см.: [Копанев 1958: 127–130, Кукушкина 1981: 24–6, Бубнов 2010: 15–19 и др.].

создании охранных описей с воспроизведениями отрывков текста и копий наиболее ценных списков¹. Начиная с 1910 г. выходят тома систематического описания [Описание Рукописного отдела 1910], параллельно с 1902 по 1905 г.² и в 1913 г. издаются подробнейшие научные каталоги новых поступлений [Исторический очерк 1958: 29–30].

Но одна проблема рукописного фонда оставалась нерешенной — ставить новые материалы было некуда, а старые зачастую были из-за страшной тесноты не обработаны и не достигаемы. А. А. Шахматов с самого момента своего назначения на должность директора БАН включился в многолетнюю борьбу за строительство нового здания для Библиотеки. Лед тронулся только к 1912 г. 6 декабря 1911 г. Министерство народного просвещения направило в Государственную Думу «Изложение дела» о сооружении нового здания библиотеки АН и жилого дома для служащих.³ Строительство нового здания началось в 1913 на Биржевой линии. А. А. Шахматов и Вс. И. Срезневский много сделали для того, чтобы новое здание Библиотеки действительно отвечало всем требованиям хранения книг и было удобно для обслуживания читателей. В связи с этим, они последовательно критиковали первоначальные проекты здания, представленные архитектором Р. Р. Марфельдом и добились желаемых результатов.⁴ Зал для хранения рукописей, в котором с 1924 г. и по сей день размещен Отдел рукописей БАН, представляет собой не только просторное и удобное помещение, но и имеет специально утолщенные стены и сейфовые двери, что является большим достижением для архитектуры первой четверти XX в.

Учтя и эту заслугу А. А. Шахматова, подытожим некоторые результаты его деятельности на посту директора Библиотеки. За достаточно короткий срок (1900–1913) Рукописное отделение из мало систематизированного и далеко не полностью описанного фонда, почти склада, превратилось в активно развивающееся научное образование, в котором рукописи и старопечатные книги были разобраны, упорядочены, квали-

¹ См. [Охранная опись 1905]. Вышел только один том: из-за нехватки сотрудников составление подробных постатейных описаний не могло продолжаться при остальной ведущейся работе.

² Издание было остановлено из-за невозможности совмещать его с изданием томов систематического описания [Исторический очерк 1958: 37].

³ Ф. 158. Оп. 2. Д. 20. Л. 29–32 об. См. [История 1964: 264–265]. А. А. Шахматов был членом Государственного совета (в СПФ АРАН хранится его членский билет за 1906 г. Ф. 134. Оп. 1. № 443. Л. 1) и, соответственно, мог лоббировать в нем интересы Библиотеки. Автор благодарит сотрудников Выставочной группы БАН С. Н. Федотову и А. М. Никифорову за право пользования сведениями подсобной картотеки, где были обнаружены сведения о членском билете.

⁴ Материалы по истории строительства здания Библиотеки АН собирались А. Н. Анфертьевой, но ее безвременная кончина в декабре 2013 г. помешала завершению работы над статьей. Надеемся, что в ближайшее время удастся доработать и опубликовать собранные нашей коллегой материалы. См. также: [История 1964: 265].

фицированно описывались и для которого они целенаправленно приобретались. Заметим, что период создания и интенсивного развития Рукописного отделения прямо совпадает с годами экономического и культурного расцвета России (1900–1913 гг.): время было удивительно точно угадано и позволило в момент существования у Государства финансовых возможностей добиться изумительных результатов. Проводимая работа была очевидна, многие ученые отмечали большие перемены, произошедшие в Отделении¹ и передавали свои собрания Библиотеке [Библиотека 1964: 115–121, 125, Исторический очерк 1958: 35–40, Копанев 1973: 227–228 и др.]. Особенно в послереволюционные годы. Отдавали А. А. Шахматову и Вс. И. Срезневскому.

В тяжелую голодную зиму 1919–1920 г. директор жил в одном здании с книгами, своими руками заботился о хотя бы минимальном отоплении, до последних своих дней болел душой о ценных книжных собраниях умиравших и уезжавших ученых [Срезневский 1922: 245, История 1964: 311–314, 317–318, Исторический очерк 1958: 46–52].² А. А. Шахматов в эти тяжелые годы работал как всегда, на износ, и физически сгорел в непосильных трудах [Шахматов 1930: 73–77].

На посту директора его сменил единомышленник и многолетний соратник Н. К. Никольский (1863–1936), который завершил и продолжил многие начинания Шахматова, в том числе — переезд Библиотеки в 1924 г. в новое здание. При нем память об Алексее Александровиче хранилась свято, был создан уголок Шахматова, где стоял его рабочий стол.

На сохранившейся фотографии рядом с этим столом запечатлены дочери ученого Екатерина Алексеевна³ и Ольга Алексеевны,⁴ работавшие в БАН в 20-х годах (ил. 6).

¹ Прекрасно писал о феномене расцвета Рукописного отделения в рецензии на Описание рукописей и книг, собранных для АН в Олонецком крае (СПб., 1913) А. Я. Яцимирский: «Еще недавно, на нашей памяти, рукописное собрание этого Отделения не только было недоступно лицам посторонним Академии, но и сами академики слабо знали, что именно хранится среди принадлежавших Академии славянских и русских рукописей» и т.д., см.: [Русский филологический вестник 1914: 35].

² Хотя в двух последних источниках послереволюционный период освящен тенденциозно и имя А. А. Шахматова не всегда называется в связи пополнением фондов, также как не всегда корректно указаны источники поступавших книг, общая картина массового притока материалов нарисована верно.)

³ Екатерина Алексеевна Шахматова (1903–1942), с 1 августа 1921 г. работала в БАН помощником библиотекаря в Рукописном отделении: БАН НИОР Ф. 25. Протоколы заседаний... за 1921. 1 октября. § 148/4.

⁴ Ольга Алексеевна Шахматова (1897–1942), с 1 апреля 1923 г. работала в БАН библиотекарем (переведена с должности научного сотрудника): БАН НИОР Ф. 25. Протоколы общего собрания за 1923. 5 мая, § 88.

**Ил. 6. Дочери А. А. Шахматова О. А. и Е. А. Шахматовы.
После 1924 г. Фото. БАН®**

А. А. Шахматов, вместе с Вс. И. Срезневским, являются главными фигурами в истории Отдела рукописей БАН XX в., совместная работа которых дала такой блестящий результат. При этом директор являет пример наивысочайшей пробы эталона настоящего ученого, который на должности руководителя продолжал быть порядочным человеком, всегда думавшим об интересах науки и окружающих людей больше, чем о себе. Вспомнить о нем сейчас очень важно, потому что можно, оттолкнувшись от его примера, укрепиться в своих представлениях о том, что здравомыслие, уважение к ближним и порядочность должны быть присущи руководителям. И именно при таких руководителях работа подчиненных имеет кажущиеся почти невероятными достижения. За короткий срок на посту директора А. А. Шахматов сумел добиться того, что в управляемой им части Библиотеки появился Рукописное отделение, ставшее в XX веке одним из центров изучения археографии, палеографии и кодикологии в России.

Литература

Альшиц Д. Н. От легенд к фактам. Разыскания и исследования новых источников по истории Допетровской Руси. СПб., 2009.

Библиографический сборник. Т. II. Вып. 2. Биобиблиографические материалы / Сост. Э. А. Вольтер. Пг., 1918.

Библиотека Академии наук СССР / 1714–1764. Библиографический указатель. Л., 1964.

Бубнов Н. Ю. Систематическая серия описаний рукописей в Библиотеке АН: замысел и воплощение // Современные проблемы археографии. СПб., 2010.

Виноградов В. В. Методы изучения рукописей как материала для построения исторической фонетики русского языка в исследованиях акад. А. А. Шахматова // Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1922.

Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1922.

История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964. М.–Л., 1964.

Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. II. XIX–XX в. Л., 1958.

Копанев А. И. В. И. Срезневский — библиотекарь Библиотеки Академии наук // Сборник статей и материалов по книговедению. Вып. III. Л., 1973. С. 219–220.

Копанев А. И. Научное описание как основной метод раскрытия рукописных фондов Библиотеки Академии наук СССР // Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. III. М.–Л., 1958.

Копанева Н. П. Алексей Александрович Шахматов в библиотеке Академии наук // 275 лет Библиотеке Академии наук. Л., 1991. С. 246–251.

Круглый А. О. Воспоминания об А.А. Шахматове как директоре I-го отделения Библиотеки Российской академии наук // ИОРЯС. Т. 25. 1922. С. 247–252.

Кукушкина М. В. Итоги и перспективы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности в Библиотеке АН СССР // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981. С. 24–26.

Макаров В. И. «Такого не бысть на Руси преже...». Повесть об академике А. А. Шахматове. СПб., 2000.

Масальская Е. А. Повесть о брате моем А. А. Шахматове. М., 1929.

Материалы для биографического словаря действительных членов Имп. АН. Пг., 1917.

Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Ч.1. Пг., 1917.

Описание Рукописного отдела Библиотеки Имп. АН. Т. 1. I. Книги Священного писания; II. Книги богослужебные // Сост.: Вс. И. Срезневский, Ф. И. Покровский. СПб., 1910.

Охранная опись Рукописного отделения Имп.АН. I. Книги Священного писания с приложением четырех таблиц снимков. Сост. В. И. Срезневский. СПб., 1905.

Подковырова В. Г. Сотрудник Библиотеки Российской академии наук Феодор Иванович Покровский // Сборник научных трудов (по материалам научных конференций БАН). СПб., 2010.

Покровская В. Ф. Картотека академика Никольского // Библиотека АН СССР. Труды. Т. 1. Л., 1948.

Русский филологический вестник. 1914. № 2.

Соколов [П. И.] Каталог обстоятельный российским рукописным книгам Священного писания, поучительным и до церковной истории касающимся, в Библиотеке Императорской Академии наук хранящимся. СПб., 1818.

Соколов [П. И.] Каталог обстоятельный российским рукописным книгам, к российской истории и географии, принадлежавшим и в академической Библиотеке находящимся. СПб., 1818

Срезневский Вс. И. Из припоминаний об А. А. Шахматове в Академической библиотеке // Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1922.

А. А. Шахматов. 1864–1920. [Биографические материалы. Библиография] / Сост. С. А. Коплан-Шахматова, Б. Коплан. Л., 1930.

А. А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов. [Библиография]. Л., 1947.

Прохоренко Наталья Сергеевна
Санкт-Петербургский филиал
Архива Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

Фонд А. А. Шахматова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН

Фонд А. А. Шахматова был принят Архивом АН СССР из Рукописного отделения Библиотеки Академии наук в 1931 г., куда он поступил в 1923 г. от семьи учёного. В Архиве фонду присвоили № 134 [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1–4]. В дальнейшем поступления продолжались до 1949 г. Последнее было в 1975 г. В настоящее время в фонде 2781 дело. Дела распределены по 4 описям. Вошедшие в первую опись научные труды, документы к биографии и по деятельности были описаны без какой-либо схемы систематизации, поэтому к этой описи имеется предметно-тематический указатель («ключ»).

Каждый фонд, хранящийся в Архиве, имеет свою историю, которая отражается в деле фонда. В нём фиксируется всё, что с этим фондом происходит. Там находятся акты приёмки документов, обработки и переработки фонда, сведения о дополнительных поступлениях, акты о реставрации или консервации документов и др.

В деле фонда Шахматова отражено, к сожалению, не всё: в далёкие тридцатые годы ещё не существовало той скрупулёзности в отражении судьбы документов, которая появилась позднее. Имеется справка о фонде, в которой говорится, что он прошёл научно-техническую обработку в 1932–1936 гг. [СПФ АРАН. Дело фонда филолога, академика А. А. Шахматова (Ф. 134). Л. 77]. Имена обработчиков, к сожалению, не зафиксированы. Но нам достоверно известно, что дела описи № 1 «Научные труды, документы по деятельности и биографические» описаны в 1936 г. дочерью учёного Софьей Алексеевной Шахматовой-Коплан. Она работала в Архиве с 1936 г. до самой своей гибели в 1942 г. В её личном деле имеется отчаянная записка, присланная ею в Архив: «Дорогие товарищи! Умоляю вас, спасите нас. Мы совсем погибаем» [СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 54. Л. 81]. Спасти не удалось. В январе 1942 г. она и её сын Алёша умерли от голода в один день. Директор Архива Г. А. Князев писал в своём дневнике о том, что Софья Алексеевна была удивительно стойким и мужественным человеком, эта «замечательная женщина» выдержала бы все тяготы и испытания, но её сломил последний арест мужа в ноябре 1941 г. А это уже оказалось невозможным перенести [Князев 2009: 388–389, 391].

Первая опись фонда Шахматова, а также «ключ» к ней, до сих пор хранятся в Архиве в исполнении Софьи Алексеевны. От начала до конца они написаны её рукой. В опись входит большое количество научных трудов.

Имеются статьи и монографии по истории русского летописания и других памятников древнерусской письменности. Среди них работы:

«Несколько слов о Несторовом житии св. Феодосия» (1896), Киевский Патерик и Печерская летопись» (1897), «Древнейшие редакции Повести временных лет» (1897), «К вопросу о происхождении Хронографа» (1899), «Симеоновская летопись XV в. и Троицкая начала» (1900), «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.» (1900 г.), «Исследование о Радзивилловской или Кёнигсберской летописи» (1902 г.), «Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод» (1903 г.), «Иоасафовская летопись» (1904), «О так называемой Ростовской летописи» — предисловие к летописи (1904), «Сказание о призвании варягов» (1904 г.), «Толковая Палея и русская летопись» (1904 г.), «Жития и сказания, касающиеся князя Владимира» (1906) (в Архиве имеется только корректура с правкой Шахматова, рукопись хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина), «Один из источников летописного сказания о крещении Владимира» (1908 г.), «Корсунская легенда о крещении Владимира» (1908 г.), «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908), «Летописец Нестор» (1913 г.) и др. Сохранилась рукопись публикации «Повести временных лет», вводная часть и примечания написаны Шахматовым (1916 г.). «Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.» (дата не указана, опубликовано в 1938).

Большая часть работ Шахматова опубликована в «Известиях ОРЯС», «Чтениях Общества истории и древностей российских», «Журнале Министерства народного просвещения», каких-либо сборниках или же отдельными изданиями. Почти все его труды в фонде представляют собой рукописи (автографы Шахматова).

Имеются работы по истории русского языка и диалектологии:

«Исследование о языке новгородских грамот XIII–XIV вв.», (1884), «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» (1889); совместно с В. Н. Щепкиным «Особенности языка Остромирова евангелия» [1889 г.], магистерская диссертация Шахматова «Исследования в области русской фонетики» (1893), «Материалы для изучения великорусских говоров» (1896), «Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров» (1896 г.), «К истории звуков русского языка» (1896, 1902 и 1903), «К истории ударений в славянских

языках» (1898), «К истории звуков русского языка. Общеславянское ä» (1901 г.), «Русское и словенское акание» (1902 г.), «Исследование о двинских грамотах XV в.» (1903 г.), «Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ.» (1913 г.), «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915), «Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка» (1916), «Варанголимен и Россофар» (к вопросу о происхождении имён Варяги и Русь) (1918) и др.

Труды А. А. Шахматова в области славяно-русской письменности Н. К. Никольский назвал «шедеврами научного творчества и необъятных знаний» [Никольский 1920: 158].

Летом 1916 г. в Губаревке Шахматов впервые в жизни занялся разработкой синтаксических вопросов. В 1914 г. вышел в свет труд А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», который заинтересовал Шахматова: в фонде имеется сама работа Пешковского с пометами Шахматова и его заметки об этом труде 1916-го года. Этим же летом Шахматов создаёт курс лекций о синтаксисе русского языка, построенный на громадном материале памятников письменности и русских говоров. Эти лекции имеются в фонде, он их читал в Петербургском университете в 1916/1917 уч.г. На этом учёный не остановился и задумал фундаментальный труд о синтаксисе современного русского языка.

Имеются подготовительные материалы к этому труду (1916–1920): первые наброски, планы, незаконченные исследования «Задачи синтаксиса», «Синтаксис словосочетаний» «Учение о предложении» и др. Имеется также 77 конвертов, наполненных карточками с выписками для этой работы. Сохранилась незаконченная статья «Виды русских предложений» [1919–1920]. Наконец, есть и автограф работы «Синтаксис русского языка», опубликованной уже посмертно в 1925 и 1927 гг. под редакцией Е. С. Истриной. (В 2011 г. вышло 5-е издание этого труда).

Ещё в далёкие годы студенчества Шахматова выдающийся филолог-славист И. В. Ягич натолкнул его на мысль о том, что для изучения истории русского языка обращение к одним только письменным источникам является недостаточным, а нужны «свидетельства, почерпнутые из живого языка, и особенно его говоров». Шахматов не раз предпринимал экспедиции с целью изучения местных говоров. Сохранились фольклорные записи сказок, свадебных песен и причитаний, былин и загадок Петрозаводского и Повенского уездов Олонецкой губ., сделанные им во время учёбы в Московском университете летом 1884 г. И в дальнейшем периодически предпринимались такие поездки: сохрани-

лись записи народных песен Калужской губ. 1895 года; фольклорные и диалектологические записи, произведённые в Минской губ. в 1907–1908 гг., а также дневники поездок по Архангельской (1901) и Рязанской губерниям (1913), имеются отчёты о некоторых поездках.

А. А. Шахматову принадлежит идея создания программы для собирания особенностей народных говоров, такая программа была им создана в 1887 г., опубликована и разослана на места. Она хранится в фонде учёного.

Где ещё как не в таких поездках по российской глубинке можно познать духовную жизнь народа? По словам П. А. Вяземского язык есть код духа народа. В этих поездках Шахматов с удовольствием общался с простыми людьми, он любил их, а нередко и восхищался ими.

Например, во время своего пребывания в деревне Лека Егорьевского уезда Рязанской губернии в 1912–1913 гг. он познакомился с плотником Иваном Степановичем Гришкиным, который оказался талантливым человеком с широким кругозором, местным самородком. Гришкин, имея интерес к русскому языку и тонкую наблюдательность, преподавал самому Шахматову урок диалектной фонетики [Макаров 2000: 319]. Впоследствии восхищённый учёный даже рассказал о нём в письме к президенту АН Константину Константиновичу. В фонде имеются диалектологические материалы, собранные И. С. Гришкиным и другими жителями Егорьевского уезда, которые были опубликованы с примечаниями Шахматова в сборнике ОРЯС в 1916 г.

С большим уважением и интересом учёный относился не только к русскому языку, но также к языкам других народов, населявших Россию.

В фонде имеются работы по украинскому языку. Шахматов проявлял живой интерес к этому языку в то время, когда нередко его считали даже не самостоятельным языком, а диалектом русского языка. На Украине, как и в Белоруссии, правительством проводилась политика русификации. Шахматов всегда был против этого. Он как никто другой понимал: народ жив, пока хранит свой язык, свои традиции. Но в то же время он считал, что эти народы всегда должны жить в едином государстве. Он говорил «Развитие белорусского и малорусского языков есть для меня общерусское национальное приобретение. Это — одно из прекрасных проявлений русского же разнообразия» [Макаров 2000: 338].

Учёный с интересом относился к научным трудам по украинскому языку. В фонде имеются его отзывы: о Словаре украинского языка, представленном редакцией журнала «Киевская старина» на соискание премии Н. И. Костомарова» [1905]; Отзыв об украинской грамматике А. Е. Крымского (1909); «Несколько слов о новом труде по грамматике

украинского языка» (1913).

Сохранились лекции по украинскому языку, прочитанные в кружке украиноведения под руководством Э. А. Вольтера в Петербургском университете в 1908. В них Шахматов призывал украинцев углублять своё национальное самосознание, изучать свой язык и культуру. Из-за таких взглядов во время Первой мировой войны его обвинили в поддержке сепаратизма этих народов и даже предательстве.

В фонде имеется «Краткий очерк истории малорусского (украинского языка)» (1916), написанный для издания «Украинский народ в его прошлом и настоящем», задуманном М. С. Грушевским как украинская энциклопедия.

Сохранилось немного материалов по белорусскому языку: записи текстов, черновики лекций об истории этого языка и начало статьи «Белорусский язык» (дата не указана).

Учёный проявлял большой интерес к мордовскому языку. Ещё в двенадцатилетнем возрасте он прочёл в «Русском вестнике» статью о мордве, с тех пор эта тема увлекла его. Саратовская губерния была в то время многонациональна и многоязыка, здесь мирно уживались русские, немцы, мордва, эрзя, татары и другие народы. В 1905 г. во время своего обычного летнего пребывания в имении Губаревке на Саратовщине он занялся изучением мордовского языка. Ему помогал в этом местный учитель Р. Ф. Учаев. Сохранились упражнения по изучению языка. Этим же летом с помощью крестьян Саюшкина и И. А. Цыбина Шахматов принялся за исследование двух говоров в мордовских сёлах Оркино и Сухой-Корбулак. В фонде имеются записи мордовских текстов и фольклора, сделанные Шахматовым, черновик статьи о сухокарбулацком говоре, незаконченная статья «Мордовская свадьба», заметка о грамматике мордовского языка. В то же время у учёного возник замысел об издании «Мордовского этнографического сборника», впоследствии вышедшего в свет в 1910 г. Сохранился подготовленный к изданию рукописный экземпляр этого сборника, большая часть которого представляет собой автограф Шахматова. Почерк у него был мелкий и трудночитаемый, остаётся только удивляться, как наборщики осуществляли набор с таких рукописей!

В фонде также имеется большое количество материалов к мордовскому сборнику, собранных теми же Р. Ф. Учаевым и И. А. Цыбиным, а также Т. Е. Завражновым, С. А. Ларионовым, учителем сельской школы с. Оркина Ложкиным, и многими другими добровольными собирателями местных говоров и фольклора. Шахматов

умел увлечь и организовать людей на такие масштабные мероприятия.

Сохранились рукописи курсов лекций Шахматова, в основном в Петербургском-Петроградском университете. Исключение представляет курс лекций в Московском университете «Русский язык», который он читал в короткий период его работы приват-доцентом в 1890–1891 учебном году. Большая часть лекций издана литографским способом. В фонде представлены рукописи этих лекций, к некоторым из них приложен литографский экземпляр. Сохранилась также рукопись первой пробной лекции в Московском университете о сочинениях преподобного Нестора, прочитанной им в 1890 г.

В фонде хранятся курсы лекций в столичном университете за 1908–1915 гг.: «Курс истории русского языка», (1908/1909 уч. г.), «Краткий очерк истории русского языка», (1908/1909 уч. г.), «Очерк истории звуков русского языка» (1909/1910 уч. г.), «Русская историческая диалектология» (1910/1911 уч. г.), «Учение о формах» (1910/11 уч. г.), «Очерк современного русского литературного языка» (1911/1912 уч. г.), «Введение в курс истории русского языка» (1914/1915 уч. г.).

Имеются неизданные лекции: «Старославянский язык» (1913/1914 уч. г.), «Несторова летопись» (1913/1914 уч. г.); «Синтаксис русского языка» (1916/1917 уч. г.), «Состав совр[еменного] русского языка» (1910-е), и др.

Каким лектором был учёный? В биографической книге Макарова говорится: «Шахматов никогда не стремился в своей речи бить на внешний эффект, в ней всегда преобладал вес мысли, а не слова» [Макаров 2000: 350]. На своих лекциях «Алексей Александрович приобщал слушателей к своей творческой работе исследователя. Это научное обаяние и было той притягательной силой, которая влекла молодежь на лекции этого профессора, скромного, не бившего на внешний эффект, незаметно входившего на кафедру, и наполняла целиком одну из словесных аудиторий, которые обычно не особенно богаты слушателями в часы лингвистических занятий» [Голанов 1922: 328].

Шахматова интересовала проблема определения древнейшей родины славянства и путей его позднейших передвижений. Сохранились рукописи статей на эту тему, написанных в 1911 г.: «К древнейшим славяно-кельтским отношениям», «Древние ляхские поселения в России», «К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях», «Сполы — исконные соседи славян», а также статья «Древнейшие судьбы русского племени», написанная в [1918] году.

В опись входят работы с пометами, сделанными Софьей Алексе-

евной, «незаконченные и неопубликованные»: «Звуковые особенности памятника XII века Жития Феодосия списания Нестора. По Харатейному списку московского большого Успенского собора...» (1880), Житие Феодосия, рассмотренное по отношению к звуковым особенностям словоизменения и синтаксиса (1881), кандидатская диссертация Шахматова «О долготе ударений в общеславянском языке» (1887), а также работы «Кем и когда был составлен летописный свод “Повесть временных лет”» (реферат, читанный в Обществе любителей древней письменности в 1897 г.), «О владимирских летописных сводах домонгольского периода» (1890-е), ряд статей о Еллинском летописце (1890-е), «К хронологии древнеболгарских памятников» (1890-е), О звуковом составе общерусского языка [1890-е], «Разыскания о древнейших летописных сводах» (конспект, план, три главы) (1903–1904), «О государственных задачах русского народа и о разрешении национальных проблем народностей России» [1905], «Начальный свод». Первая глава (1918–1919), «Из прошлого русского племени» [1919], «К вопросу о единстве русского племени» [1919], «Историческая этнография восточной Европы» [1919–1920 гг.], «Исследование о начальном своде» с разделами «Введение», «Анализ отдельных летописных сводов», «Выводы из предыдущего исследования» (1900-е); «Проложная статья о Борисе и Глебе» (1900-е), «Исследование о Несторовой летописи» (дата не указана), «Списки древней летописи» (начало исследования)» (дата не указана).

Сохранились отзывы и рецензии на труды И. М. Белоруссова, Е. Будде, Н. С. Державина, Н. Н. Дурново, Л. Л. Васильева, Н. К. Грунского, Д. К. Зеленина, Е. Ф. Карского, А. Е. Крымского, С. М. Кульбакина, А. В. Михайлова, В. Пархоменко, В. Н. Перетца, А. Л. Петрова, В. И. Ламанского, Н. П. Лихачёва, М. Д. Приселкова, Е. Р. Романова, С. М. Середонина, А. И. Соболевского, К. Ф. Тиандера, Е. К. Тимченко, И. А. Тихомирова, Трубицына, С. К. Шамбинского, Л. В. Щербы, И. Эндзелина.

В фонде также находится разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной», представленного на соискание награды С. С. Уварова [1898].

Имеется ряд работ о жизни и деятельности учёных. Это очерк жизни и деятельности историка права, публициста, профессора Петербургского университета А. Д. Градовского [1903]. Градовский был тестем учёного, которого в живых Шахматов не застал. Очерк был помещён в 9-м томе собрания сочинений Александра Дмитриевича, издание которого предприняла его вдова, теща Шахматова Ольга Вла-

димировна. Шахматов же был редактором этого собрания сочинений — в фонде сохранились материалы по его редактированию. Сохранилась также статья «Булич С. К.» для словаря Брокгауза и Ефрона [1911], а также выступления на торжественных заседаниях, посвящённых юбилеям Ф. Е. Корша, Ф. Ф. Фортунатова, И. В. Ягича; выступления в честь памяти Я. К. Грота (1912), И. И. Срезневского (1913), Ф. Е. Корша (1916), а также вступительные слова и приветствия, посвящённые разным датам жизни и деятельности других учёных. Имеется приветствие Максиму Горькому в связи с его вторичным избранием почётным академиком по разряду изящной словесности в 1917 г.

Некрологи М. И. Сухомлинова (1901), В. Ф. Миллера [1913], К. П. Михайльчука (1914), Ф. Ф. Фортунатова (1914), Перо Будмани (1915), Ф. Е. Корша (1915), С. Новаковича (1915).

В фонде много подготовительных материалов к научным трудам: выписки имён и географических названий из летописей и юридических актов, заметки по разбору графических и фонетических особенностей древнерусских памятников, об ударениях в разных языках, о сличении различных списков летописей, языке грамот; описания летописей и других памятников древнерусской литературы (иногда полистные); выписки из словарей и грамматик славянских языков, из летописей, Хронографа, писцовых книг, купчих и других грамот, греческих хроник, трудов славистов; записи белорусских, сербских текстов и слов и многое другое. Всё это Шахматов записывал в тетради, которых в фонде огромное количество. Тетради разные: и тонкие ученические, и толстые в картонных и клеёчатых обложках. Причём, в одной тетради могли размещаться материалы по самым разнообразным темам. Только обладая такой истинно обширной и безграничной памятью, какая была у Шахматова, можно было в них ориентироваться и находить нужный материал.

В процессе подготовительной работы, кроме тетрадей, Шахматов использовал также карточки. Они в большом объёме представлены в фонде — в конвертах и пакетах. Много карточек по изучению летописей; имеются карточки для именных и географических указателей к издаваемым летописям, а также библиографические карточки главнейших работ по истории русского языка.

В фонде находятся печатные издания, которыми Шахматов пользовался в своей научной работе: это летописи, изданные Академией наук, Археографической комиссией и отдельными учёными, а также почти все тома Полного собрания русских летописей. Книги изданы в 1790, 1841–1911 гг., в них содержится большое количество помет учёного.

Биографические материалы фонда не отличаются полнотой. Они могли бы быть гораздо богаче, если бы не пожар в семейном гнезде Шахматовых имении Губаревке Саратовской губ., который произошёл в 1918 г. Об этом пишет в своих воспоминаниях старшая сестра Алексея Александровича Е. А. Масальская-Сурина. Она сетовала на скудность и недостаточность материала для написания воспоминаний о брате. В пожаре погибла семейная переписка, серия их с сестрой дневников, в которых на протяжении многих лет сообщались подробности жизни Алексея Александровича. Погибли также семейные портреты и фотографии [Масальская 2012: 9]. Последние, к большому сожалению, полностью отсутствуют в фонде. Не сохранились даже виды дома и парка такого дорогого для учёного места, с которым он был связан в течение всей своей жизни, — имения Губаревки.

Имеются автобиографии учёного [1890–1913], список научных трудов (1913). Сохранился первый «научный труд» десятилетнего Шахматова, написанный в Губаревке под влиянием рассказов дяди Алексея Алексеевича, пробудившего в ребёнке интерес к истории родной страны. Труд в 2-х частях и называется «Русская старина до Ярослава I» (1874). В фонде хранятся также детские тетради с сочинениями, диктовками и грамматическими упражнениями [1875], «филологическими разысканиями», выписками по древней истории России (1876–1879). Имеются перечни книг личной библиотеки А. А. Шахматова (1888–1889), переписка его с попечителем московского учебного округа П. Капнистом в связи с уходом из Московского университета (1891), когда он сделал решительный шаг и оставил должность приват-доцента в университете, так как чувствовал сильную потребность в какой-либо иной деятельности, более живой и близкой к жизни, приносящей пользу соотечественникам.

Несколько лет Шахматов был земским начальником в родных Саратовских краях, своим искренним заинтересованным отношением к крестьянам завоевал у них исключительное доверие, даже любовь, пользовался большим авторитетом. Помогал им и после оставления должности в течение всей своей оставшейся жизни. Сохранились материалы по деятельности в Саратовском земстве за 1891–1894 гг. : записка о необходимости введения начального образования, прошения и письма крестьян, записи расходов по волостям, по делопроизводству волостных правлений, о попечительстве сельских училищ, отношения саратовской уездной земской управы по разным вопросам, приговоры сельских сходов по случаю оставления Шахматовым должности зем-

ского начальника, а также адрес от крестьян в белой бархатной обложке с выражением благодарности за помощь при покупке ими земли у Крестьянского поземельного банка (1898).

Имеются документы о признании научного авторитета учёного: дипломы члена сербской Академии философских наук в Белграде (1904), доктора философии Пражского (1909) и Берлинского (1910) университетов, члена-корреспондента филологического отделения Краковской Академии наук (1910), почетного члена Новороссийского (1915), Казанского (1916) и др. университетов; документы об избрании почётным членом Витебской (1909), Саратовской (1911), Вятской (1912), Нижегородской (1912) и других учёных архивных комиссий; документы об избрании членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1910), Общества исследования Волыни (1911); имеется даже документ об избрании в члены совета Общества попечения о бесприютных детях (1910).

В фонде отложились грамоты о пожаловании орденами Святого Станислава третьей (1893), второй (1896) и первой (1906) степеней, ордена князя Владимира третьей степени (1903), свидетельства от Академии наук и Петербургского университета на право ношения на груди светло-бронзовой медали в память 300-летия царствования Дома Романовых (1913). Сохранилось небольшое количество поздравлений в связи с 25-летием научной и служебной деятельности: (1913) от Общества «Галицко-русская матица», института «Народный дом» во Львове и служащих отделений БАН; имеется также красиво оформленный солидный адрес от студентов (слушателей-почитателей) Петербургского университета, написанный с большой искренностью и теплотой. В нём говорится, что Шахматов учит любить славянские языки и с ними жизнь славянских народов, вникать в живую душу языка, отмечается гуманность и беспристрастие учёного, а также всегда внимательное и душевное отношение к студентам. [СПФ АРАН Ф. 134. Оп. 1. Д. 401. Л. 2–4] Хранится заметка Шахматова «О смысле жизни» (его предсмертное письмо к дочери Софье Алексеевне) (1920). Сохранились его визитные карточки, записные книжки с записями бытового характера [1895–1918], медная доска с двери его последней квартиры, заявление неременного секретаря АН в Военно-медицинскую академию о разрешении перевезти тело А. А. Шахматова в его квартиру (1820), некролог А. А. Шахматова, написанный С. Штрайхом (1920), вступительное слово А. А. Грушки на торжественном заседании памяти А. А. Шахматова (1920). Сохранились инте-

ресные воспоминания о нём его саратовской знакомой, соседки по имению, подруги его старшей сестры, а затем и жены Натальи Александровны — Елизаветы Алексеевны Ивановой.

Имеется небольшое количество фотографий других лиц: учёных Д. Н. Анучина, Я. И. Смирнова, П. И. Шафарика, Э. Мука, О. И. Брока и др.

Хранятся вырезки из газет, подобранные по интересам учёного, подборка газетных материалов о Ф. Е. Корше.

Документы по деятельности Шахматова в Академии наук: черновик отчёта ОРЯС за 1899 г., документы, напечатанные в протоколах ОРЯС и ОС, в основу которых легли проекты, подготовленные А. А. Шахматовым: об издании собрания сочинений русских писателей (1898), постановление ОС АН о занятии помещений АН войсковыми частями и полицейскими нарядами [1905], «записка АН по вопросу о свободе печати в России» [1905], записка об освобождении Академии наук от новой обязанности давать отзыв о книгах, признанных Комитетом министров вредными [1905], заключение ОРЯС по вопросу о введении латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Российской республики (1919); черновик письма Шахматова к президенту Академии наук Константину Константиновичу в связи с «Запиской 342 учёных» (президент обвинил учёных в том, что они из науки делают орудие политики) (1905), письмо президенту АН с просьбой ходатайствовать перед Верховным главнокомандующим о мерах охраны учёных учреждений Галиции в течение военного времени, инструкция, выработанная Комиссией по вопросу об охране исторических памятников и научных коллекций в районе военных действий для уполномоченного Академией лица, в основу которой легла записка Шахматова [1914], повестки на заседания ОС, ОРЯС и др.

Небольшое количество документов по деятельности в Библиотеке Академии наук, среди них записка директора 1-го отделения Библиотеки о реорганизации управления Библиотекой [1917].

В фонде отложились документы по редактированию академического словаря русского языка. На посту редактора учёный сменил умершего в 1893 г. Я. К. Грота. Шахматов сразу после избрания в состав ОРЯС убеждает членов Отделения в необходимости полного изменения программы Словаря. Он считает, что Словарь не может оставаться словарём писателей, он должен отразить всё богатство русского языка и прежде всего его основу — народную речь. Он составляет специальные программы-вопросники для северорусского и южнорусского наречий, которые хранятся в фонде. Эти программы

рассылаются учителям сельских училищ и школ по всей России. В фонде имеются присланные с мест ответы на эти программы-вопросники с пометами Шахматова, А. С. Будиловича, Ф. Е. Корша, А. Е. Крымского, Б. М. Ляпунова, В. Ф. Миллера и др.

Отложились также и другие документы: записка об издании Словаря с программой словарных работ, черновики записок, отчетов, предисловий к очередным томам; черновик образца словаря на слова жить, жизнь и живой; слова от Е до З с примерами; списки писателей, произведения которых должны использоваться для составления словаря; разнесённый по словам памятник древнерусской литературы «Житие Феодосия»; переписка с типографией и др.

Когда в 1897 г. вышел первый выпуск Словаря под редакцией Шахматова, И. В. Ягич, отдав должное титаническому труду молодого учёного, забеспокоился о его здоровье. Игнатия Викентьевича поразила объём проделанной Шахматовым работы. В письме к нему от 18 мая 1898 г. он писал: «... удивляюсь Вашей энергии, но и боюсь за Вас, Вы слишком напрягаете свои молодые силы» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1758. Л. 124].

Имеются документы о предварительном съезде русских филологов: доклад Шахматова об издании энциклопедии по славяноведению, проект издания общеславянской энциклопедии; список участников съезда с пометами Шахматова, программа съезда, корректура книги о съезде с исправлениями Шахматова, описание съезда рукой его жены Натальи Александровны и др. (1903).

Имеются документы по организации первого несостоявшегося съезда славянских филологов и историков: об избрании Шахматова в организационный комитет, черновик декларации о съезде, написанный Шахматовым, список приглашённых лиц и учреждений и др. (1903–1904).

Документы по деятельности в Петербургском университете представлены в основном ходатайствами за студентов и профессоров: заявление в Совет университета о необходимости ходатайствовать перед Временным правительством об отмене постановления об увольнении от должности профессоров, назначенных после принятия правительственного указа 27 августа 1905 г. об автономии высших учебных заведений [1905], черновик обращения к начальнику главного тюремного управления С. С. Хрулеву с просьбой о разрешении заключенному за участие в беспорядках студенту (в будущем известному пушкиноведа) П. Е. Щеголеву получать в камеру книги для научной работы (1909), заявление в совет Петербургского университета с протестом против репрессивных мер в связи со студенческими волнениями 1911 г., черновик обращения Совета Петер-

бургского университета к министру народного просвещения Л. А. Кассо, составленный А. А. Шахматовым, по поводу перевода, как неблагонадежных, профессоров права М. Я. Пергамента и И. А. Покровского в другие университеты [1912], ходатайство перед историко-филологическим факультетом университета о предоставлении стипендии С. П. Обнорскому для подготовки к магистерскому экзамену [1910-е], имеются также повестки и извещения на заседания историко-филологического факультета, различных обществ и кружков при университете.

В фонде представлены материалы по делу профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ в связи с осуждением его на заключение в крепость за издание в 1913 г. брошюры «Национальный и территориальный признак в автономии»: черновик ходатайства А. А. Шахматова за освобождение учёного, составленные также А. А. Шахматовым ходатайства от Петербургского университета и ОРЯС Академии наук, черновик письма к президенту АН вел. кн. Константину Константиновичу, выписки из брошюры Бодуэна де Куртенэ и др. (1914).

Отложились документы по деятельности в Русском географическом обществе (1899–1920), Археографической комиссии (1900–1917), Обществе любителей древней письменности (1897–1918), Книжной палате (1917) и др.

Шахматов никогда не стремился участвовать в политической жизни страны, считая, что такое участие будет отвлекать его от научных занятий. Но бурные революционные события 1905–1907 гг. не могли оставить его в стороне.

В фонде сохранились документы по его деятельности в кадетской партии (партии народной свободы): записки о политических забастовках октября–декабря 1905 г., свободе печати, черновики писем и заявлений в ЦК партии, повестки, извещения, воззвания и др. (1905–1907, 1917).

Имеются документы по деятельности в Государственной Думе и Государственном совете: членский билет, тексты выступлений по вопросу об амнистии, отмене смертной казни, повестки, приглашения, объявления и др. (1906–1909).

Шахматов проявлял интерес к проблемам образования. В фонде отложились документы по этому вопросу: записка в учёный комитет Министерства народного просвещения о реформе среднего и высшего преподавания [1899], доклад на I съезде преподавателей русского языка в средних учебных заведениях «К вопросу об историческом преподавании русского языка в средних учебных заведениях» (1903), набросок замечаний к учебному плану преподавания истории русской литературы в воен-

ных училищах [1907], записка о преподавании русского языка в средних учебных заведениях с предложением о введении в курс 7-го класса предмета «Краткий очерк истории русского языка» [1907–1908] и др.

Сохранились документы по участию в реформе по упрощению русского правописания (реформе русской орфографии): записка о работе Совещания по упрощению правописания, прочитанная на Общем собрании АН в 1917 г. Имеются черновики заметок и писем Шахматова к К. Я. Гроту и секретарю Государственной Думы М. В. Челнокову по этому вопросу (1904–1907) и др.

В фонде отложились письма Шахматова к разным лицам за 1894–1920. В основном это черновики, но имеются и подлинники, переданные в Архив после смерти учёного самими адресатами или их родственниками.

Имеются письма к В. Р. Барановскому, В. А. Богородицкому, И. А. Бодуэну де Кургенэ, Е. Ф. Будде, А. Н. Веселовскому, Э. А. Вольтеру, М. Горькому, М. Г. Долобко, В. М. Истрину, Н. П. Кондакову, А. Ф. Кони, Ф. Е. Коршу, Н. Я. Марру, Ф. Ф. Мартенсу, Е. А. Масальской-Суриной, В. Ф. Миллеру, Б. Л. Модзалевскому, П. В. Никитину, С. Ф. Ольденбургу, В. А. Пархоменко, Н. М. Петровскому, А. Е. Преснякову, С. П. Розанову, П. К. Симони, В. И. Срезневскому, А. И. Томсону, В. И. Чернышёву, П. В. Шейну, И. М. Эндзелину, И. В. Ягичу и др. Здесь же письмо В. Н. Перетца А. Н. Веселовскому.

Сохранилось огромное количество (около 17 тысяч) писем разных лиц к А. А. Шахматову за 1874–1920 гг.

Среди корреспондентов — Д. И. Абрамович, В. П. Адрианова, М. К. Азадовский, Д. В. Айналов, Н. Н. Аленников, И. Ф. Анненский, Д. Н. Анучин, Ф. Д. Батюшков, А. М. Башова, П. В. Безобразов, В. Н. Бенешевич, Л. С. Берг, Л. В. Бианки, Н. А. Бобровников, В. Г. Богораз (Тан), В. А. Богородицкий, И. А. Бодуэн де Кургенэ, В. Д. Бонч-Бруевич, С. Г. Бородинец, А. К. Бороздин, Р. Ф. Брандт, Ф. А. Браун, С. Н. Браиловский, О. И. Брок, В. Я. Брюсов, Д. В. Бубрих, С. А. Богуславский, Е. Ф. Будде, А. С. Будилович, В. А. Бузескул, С. К. Булич, С. А. Бурмистров, В. В. Буш, М. Ф. Быстров, А. Ф. Бычков, Н. Е. Васильев, М. Л. Васильева, С. А. Венгеров, В. И. Вернадский, А. А. Веселовский, А. Н. Веселовский, К. С. Веселовский, Н. Н. Виноградов, Ф. А. Витберг, В. А. Водарский, Ф. К. Волков, Э. А. Вольтер, С. Г. Вязовский, П. А. Гильтебрандт, Б. Б. Голицын, П. В. Голубовский, М. Горький, Н. Д. Градовский, А. Н. Грандильевский, И. М. Гревс, А. Д. Григорьев, К. Я. Грот, М. С. Грушевский, Н. С. Державин,

П. А. Дилакторский, В. Н. Добровольский, О. Т. Домашнева, А. И. Доронин, П. Д. Драганов, В. Г. Дружинин, Н. Ф. Дубровин, Н. Н. Дурново, П. М. Евдокимов, М. Е. Евсеев, И. Е. Евсеев, С. А. Еремин, С. А. Жебелёв, А. В. Жиркевич, П. А. Заболотский, К. Г. Залеманн, В. В. Зеленский, И. И. Замотин, Д. К. Зеленин, Ф. Ф. Зелинский, И. Зилинский, Н. Ф. Златорунский, П. А. Иваницкая, Н. А. Иваницкий, Е. А. Иванова, В. Ивановский, В. С. Иконников, Я. В. Илляшевич, Г. А. Ильинский, К. К. Истомин, Е. С. Истрина, В. М. Истрин, И. М. Калинин, В. В. Каллаш, И. Калленбах, И. Ф. Калининков, В. А. Каминский, Н. И. Кареев, Н. М. Каринский, А. П. Карпинский, Е. Ф. Карский, Н. П. Ка-шин, Т. Ф. Киевщинская, Б. Китерман, Ю. И. Клецанда, М. Ковалевский, М. О. Коген, Н. К. Козмин, П. К. Кокцов, Н. П. Кондаков, А. Ф. Кони, вел. кн. Константин Константинович, Ф. Е. Корш, Н. А. Котляревский, Р. И. Кошутич, Р. И. Кошутич, И. Ю. Крачковский, Е. Ф. Кречетович (урожд. Корш), Н. Кропоткин, А. А. Круазе ван дер Коп, А. В. Крубер, А. О. Круглый, А. Е. Крымский, И. А. Кубасов, Н. Д. Кузнецов, С. М. Кульбакин, П. А. Лавров, В. В. Ламанский, А. Б. Ламбина, А. С. Лаппо-Данилевский, В. В. Латышев, А. Лебедев, М. К. Лемке, Н. О. Лернер, П. Ф. Лесгафт, Е. Э. Линева, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачев, М. Ф. Лободовский, Б. М. Ляпунов, А. А. Лященко, В. А. Ляцкая, Е. А. Ляцкий, В. В. Майков, И. Е. Мандельштам, А. В. Марков, Н. Я. Марр, Ф. Ф. Мартенс, Е. А. Масальская-Сурина (урожденная Шахматова), П. Л. Маштаков, И. Ю. Миккола, Н. А. Милицын, В. Ф. Миллер, П. Н. Милуков, А. Н. Минх, Н. Н. Минх, А. В. Михайлов, Б. Л. Модзалевский, Э. Ю. Мука, М. Мурко, Ф. Мэнчик, В. Д. Набоков, Н. П. Некрасов, П. В. Никитин, Н. К. Никольский, С. П. Обнорский, С. Ф. Ольденбург, И. А. Орбели, А. Д. Орлов, К. П. Павлинов, И. С. Пальмов, В. А. Пархоменко, Э. К. Пекарский, В. Н. Перетц, Е. Ю. Перфецкий, А. Л. Петров, Н. М. Петровский, Е. В. Петухов, А. М. Пешковский, Н. К. Пиксанов, С. Ф. Платонов, Н. Плевако, К. П. Победоносцев, А. Л. Погодин, И. П. Поддубный, П. П. Подъяпольский, Ф. И. Покровский, И. В. Помяловский, С. И. Пономарев, В. М. Попов, А. Г. Преображенский, А. Е. Пресняков, М. Д. Приселков, М. М. Пришвин, С. Л. Пташицкий, В. М. Пуришкевич, А. Н. Пыпин, В. В. Радлов, Э. Л. Радлов, В. И. Резанов, И. Е. Репин, П. А. Ровинский, А. М. Рогозинский, С. П. Розанов, Е. Р. Романов, М. И. Ростовцев, А. Д. Руднев, С. Г. Сватиков, И. С. Свенцицкий, С. Н. Северьянов, А. П. Семенов-Тян-Шанский, В. П. Семенов-Тян-Шанский, И. А. Сербов, Ю. Сибирицев, П. К. Си-

мони, А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, В. И. Срезневский, В. В. Стасов, П. Н. Столпянский, В. Н. Строев, М. И. Сухомлинов, П. А. Сырку, В. И. Тростянский, Б. А. Тураев, гр. П. С. Уварова, Г. К. Ульянов, Ф. И. Успенский, Э. Э. Ухтомский, А. С. Фаминцын, Н. Фирсов, Т. Д. Флоринский, А. Г. Фомин, Ф. Ф. Фортунатов, И. В. Цветаев, С. К. Шамбинаго, В. А. Шахматов, П. В. Шейн, С. Д. Шереметев, Е. П. Шереметева, Н. Шляков, В. Ф. Шишмарёв, С. В. Штейн, П. Е. Щеголев, В. Н. Щепкин, Л. В. Щерба, Н. М. Элиаш, И. В. Ягич, В. Е. Якушкин, Н. А. Янчук, Н. В. Ястребов, А. И. Яцимирский и др.

В фонде отложилась семейная переписка родственников и предков учёного за 1835–1916 гг.

Имеются рукописи трудов других учёных и лиц, входивших в научное общение с А. А. Шахматовым. Большое количество выписок из исторических источников, записи образцов фольклора народов Российской империи, материалы по этнографии этих народов, записанные большей частью неустановленными лицами. Имеются также работы М. Апплетина, С. Бородинца, С. Н. Браиловского, В. М. Васильева, А. Н. Веселовского, Н. Виноградова, П. Девишина, В. Н. Добровольского, Н. Н. Дурново, Д. К. Зеленина, В. Качановского, Н. Ю. Крижанича, М. И. Мочалова, А. Л. Погодина, Ф. И. Покровского, П. А. Ровинского, К. К. Романова (К.Р.), А. А. Семенова, В. П. Семенова-Тян-Шанского, П. К. Симони, П. Сырку, В. Г. Богораза (Тана), А. Фаминцына, В. И. Чернышёва, И. Яблонского, Р. О. Якобсона, А. Ястребова и др.

Литература

Голанов И. Г. Воспоминания о курсах и практических занятиях А. А. Шахматова в Петербургском университете в 1913–1914 уч. году // Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1922.

Князев Г. А. Дни Великих испытаний. Дневники 1941–1945. / Под редакцией Н. П. Копаневой. СПб., 2009.

Макаров В. И. «Такого не бысть на Руси прежде...» Повесть об академике А. А. Шахматове. СПб., 2000.

Масальская Е. А. Воспоминания о моём брате А. А. Шахматове. М., 2012.

Никольский Н. К. Памяти А. А. Шахматова // Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1922.

Фонд Шахматовых в Государственном архиве Саратовской области

Академик А. А. Шахматов родился в семье саратовских дворян, и является потомком старинного рода, связанного с этим регионом на протяжении многих поколений. Шахматовы не выделялись среди русских дворянских родов знатностью, и их представители не играли заметной роли в российской истории. Они были обычными служилыми дворянами. Но в Саратовском крае их род был широко известен, так как служебная и частная жизнь его представителей была тесно связана с судьбой этого провинциального города.

В семье Шахматовых бережное отношение к фамильным документам было традицией, тянувшейся через ряд поколений. Знакомство ее членов с историей неизбежно происходило при соприкосновении с семейными реликвиями, которые хранились в родовых гнездах — усадьбах Саратовской губернии Хмелевке и Губаревке. Исторические интересы академика А. А. Шахматова сформировались под безусловным влиянием его близких родственников члена Саратовской Учёной Архивной Комиссии А. И. Шахматова и его сына генеалoga В. А. Шахматова. Впоследствии семейная традиция была продолжена сестрой академика Е. А. Масальской-Суриной, которая помимо записок о семье оставила свой след как историк, работая в архивном управлении.

Семейный архив Шахматовых накануне 1917 года содержал тысячи документов служебного и частного характера начинавшихся с конца XVII в. В Государственном архиве Саратовской области (ГАСО) в настоящее время находятся его незначительные остатки, выделенные в отдельный фонд (№ 660). Он был собран в советское время из нескольких разрозненных частей первоначального собрания документов¹.

По месту хранения архив изначально делился на два собрания — «Губаревский» и «Хмелевский», находившиеся соответственно в двух усадьбах Шахматовых: деревне Губаревке и селе Хмелевке Саратовского уезда.

Губаревский архив собирался, вероятно, владельцами сельца Губаревки Алексеем Александровичем Шахматовым (1797–1868 гг.) и его сыном Алексеем (1832–1882(?) гг.) — дядей и опекуном будущего

¹ Сведения об истории формирования фонда приведены в предисловии к описи фонда, описанного в 1984 г. сотрудником ГАСО О. Б. Киселевой.

академика. Большая часть Губаревского архива погибла во время революции. Та, что сохранилась, находится сейчас в ГАСО.

В период существования Саратовского краевого архивного управления фонд был заинвентаризован. Опись составляла Евгения Александровна Масальская-Сурина Шахматова — член Саратовской ученой архивной комиссии и работник Саратовского краевого архивного управления. Эта опись была составлена вскоре после революции, и не учитывает современные архивные правила. В сущности, никакой научной обработки фонда произведено не было, и эта опись является просто инвентарной.

В опись Е. А. Масальской-Суриной было внесено 4001 ед. хр. за 1642–1897 гг., что делает ее неоценимой (в настоящее время в ГАСО хранится только 563 ед. хр. за 1709–1897 гг.). Она дает представление о первоначальном составе фонда. В «Губаревском архиве» был собран богатейший материал по истории рода Шахматовых, материалы по землевладению и экономике помещичьего хозяйства, документы о служебной и общественной деятельности представителей рода. В документах, приведенных в описи, прослеживается жизнь нескольких поколений Шахматовых и родственных им фамилий: Тимашевых, Агафонниковых, Дубенских, Ченыкаевых, Челюсткиных и др.

Кроме того Е. А. Масальская-Сурина, хорошо зная историю своего рода, зачастую подробно аннотировала документы, иногда приводила биографии отдельных лиц, а также копии утерянных документов. В какой-то мере это восстанавливает содержание утраченных материалов. К описи приложено даже описание фамильных портретов, хранившихся в родовой усадьбе Хмелевке, что дает возможность поиска их в музеях.

Судьба Хмелевского архива была более печальна. Сын А. И. Шахматова, В. А. Шахматов, вывез его из Хмелевки в Ленинград и сдал на хранение в Корзухинские склады. Во время революции разрозненные остатки Хмелевского архива попали оттуда в различные хранилища Ленинграда:

1. Рукописное отделение Публичной библиотеки (ныне — Российская национальная библиотека), где, по всей видимости, до сих пор и находятся;

2. В вотчинную секцию Центрархива, которая формировалась в 1920-е годы на базе архива Министерства юстиции, и в дальнейшем вошла в состав РГАДА. Оттуда 29 ед. хр. за период 1810–1913 г. и поступили в Саратовский областной архив в 1965 году;

3. Архив Историко-бытового отдела Русского музея, который в

1934 году был частично передан Эрмитажу и лег в основу отдела русской культуры этого музея. Из Русского музея в количестве 4 ед. хр. за 1700–1916 гг. во 2-й половине 20-х гг. XX в. оказалась в ЦГИНХ, откуда была передана в ЦГИАЛ (сегодня РГИА). Эта часть фонда вернулась в Саратов в 1960-е г.

Большинство старых документов Хмелевского архива пропало при этих многочисленных перемещениях и пересортировках. К счастью, некоторые из утраченных документов были напечатаны ранее в книге А. И. Шахматова и в трудах Саратовской ученой архивной комиссии. Другие сохранились в копиях у Е. А. Масальской-Суриной, сестры академика, написавшей по фамильным документам и преданиям «Семейную хронику». Кроме того В. А. Шахматов собрал в бывшем Московском архиве министерства юстиции (вошел в РГАДА) ряд копий с документов XVII века.

Большая часть дел «Хмелевского архива» была обработана еще его владельцами. Документы сброшюрованы и вложены в одинаковые синие папки. На обложках — печатный ярлык с надписью: «Хмелевский архив Шахматовых». На всех делах имеются инвентарные номера.

Документы этой части фонда хотя и незначительны по объему, но все же отражают те же стороны жизни одной из семей рода Шахматовых (Ивана Александровича, его сына Александра и внука Вячеслава) и касаются главным образом хозяйственно-имущественных дел по имению. Здесь же сосредоточен материал по истории рода и общественной деятельности Александра Ивановича Шахматова.

В дальнейшем фонд Шахматовых в ГАСО пополнялся. В июне 1969 г. к описи «Губаревский архив» была составлена дополнительная опись в количестве 96 ед. хр. за 1832–1874 гг. По-видимому, эти материалы входили когда-то в состав «Губаревского архива», но не были обнаружены при первой проверке. Дополнительная опись включает в себя, в основном, документы по управлению именными и семейную переписку. К сожалению, почти вся переписка (35 дел) была впоследствии выделена в макулатуру.

Во время переработки архива Шахматовых в 1970 году к фонду была присоединена следующая группа материалов:

1. Россыпь за 1805–1888 гг. — сведения о посевах, урожае и доходах; переписка по управлению именными в Хмелевки и Губаревке, денежные документы и документы и службе младших представителей саратовской ветви рода. Вероятно, что эти материалы были также обнаружены во время текущей обработки архива.

2. Материалы, выделенные из состава фонда ГАСО № 407 (Саратовской губернской ученой архивной комиссии): 15 дел за 1788–1811 гг. — главным образом документы о размежевании земель и о спорных делах по имениям. В фонд Шахматовых в ГАСО № 660 вновь были возвращены копии «столбцов» XVII–XVIII вв., находившихся когда-то в семейном архиве Шахматовых, но переданных впоследствии Е. А. Масальской-Суриной в Саратовскую ученую архивную комиссию.

Обработка фонда Шахматовых сотрудниками ГАСО проводилась в конце 1960-х — начале 1970-х гг. В основу систематизации фонда был положен хронологический принцип.

В настоящее время опись имеет 3 раздела:

1. Имущественно-хозяйственные и служебные материалы всех представителей рода Шахматовых. Дела сформированы по номинальному и тематическому признакам. При их формировании принималась во внимание работа, проделанная самими фондообразователями. Дела и «книжки» сохранялись в первоначальном виде; разнородные документы, помещенные в одну папку, разъединялись осторожно, чтобы избежать нарушения их возможной органической связи.

При формировании дел строго выдерживался хронологический принцип, т.е. в единицу хранения помещались документы только за один год. Исключение составляют единицы хранения, сформированные самими фондообразователями, и дела, производство которых длилось несколько лет, например, дела по тяжбам и наследованию имений. Кроме того, в целях сокращения объема описи в одну единицу хранения объединялись такие материалы, как личные и служебные документы того или иного лица (за всю его жизнь) и мелкие приходо-расходные документы (квитанции по уплате налогов и пошлин, рекрутские квитанции, счета и пр.) — за несколько лет. Данный раздел описи систематизирован по хронологии. Внутри года единицы хранения располагаются по фондообразователям и их имениям. Из 563 дел этой части архива 221 дело относится к XVIII веку и 342 — к XIX.

2. Переписка. Раздел в целом систематизирован по семьям. Дела сформированы по корреспондентам. В случае большого объема переписки, она делится на тома. Внутри дела письма расположены по датам. В разделе имеется некоторое количество единиц хранения, сформированных и переплетенных самими фондообразователями. Они оставлены неприкосновенными и названы «Семейная переписка», «Частная переписка» того или иного лица. В тех случаях, когда писем

одного фондообразователя было немного, они тоже объединялись в одну единицу хранения с названием «Переписка» и указанием имени фондообразователя.

Эта часть фонда объединяет 80 дел, в которых собрано более 10 000 писем за период с 1828 по 1900-е гг.

3. Материалы к истории рода. В этот раздел описи входят несколько томов копий архивных документов XVII–XVIII вв. касающиеся рода Шахматовых. Часть этих документов была опубликована в Трудах Саратовской ученой архивной комиссии. Сбор материалов был начат А. И. Шахматовым, а затем начатое им дело продолжил его сын В. А. Шахматов и Е. А. Масальская-Сурина. Они производили розыски в архивных учреждениях разных городов России и собрали огромное количество сведений о представителях саратовской, курмышской, костромской и других ветвей рода. Были использованы документы Министерства юстиции, Сената, Синода, Главного штаба, дворянских собраний разных губерний. Имеются копии документов XVII века.

В этом разделе всего 9 дел, но он определенно имеет самостоятельную научную ценность, так как является результатом многолетней работы членов семьи.

В целом, в фонде Шахматовых собраны документальные материалы более чем о 20-ти представителях шести поколений саратовской ветви рода Шахматовых. Два или три поколения курмышских помещиков Шахматовых несли службу на Нижней Волге и проживали в Саратове в XVII веке в составе военного гарнизона. Очевидно, следует считать саратовскими тех представителей рода, которые приобрели недвижимость в городе и землю в губернии. В приложении к настоящей статье приведен перечень лиц, документы о жизни которых хранятся ныне в ГАСО.

Документов XVIII в. в «Губаревском архиве» было собрано одиннадцать папок, из которых к настоящему времени сохранилось только две, содержащие менее 300 документов. В конце 1920-х годов саратовский историк Е. Н. Кушева подробно изучила эту часть архива и опубликовала в докладах АН СССР работу «Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII в.» [Кушева, 1929: 575–604, 673–693]. В обширной статье, по сути, дела систематизируется по содержанию документов. Автор прослеживает служебную карьеру Шахматовых, приобретение ими имущества: земли, домов, крепостных. Прослеживает историю их кредитов и займов. Приводит сведения и о других имущественных приобретениях членов рода (мебели, посуды, одеж-

ды). Из работы мы узнаем, что фонд содержит ревизские сказки по имениям, межевые планы, духовные завещания членов семьи. Кроме того, в статье приводятся сведения из дел, позволяющие судить об образе жизни провинциальных дворян XVIII века: посылка крепостных в столицу для обучения профессиям, заказы костюмов артистам и т.д.

Документов XIX века существенно больше за счет того, что помимо хозяйственно-бытовых содержится много документов личного характера. К первым можно отнести служебные документы, документы об общественной и предпринимательской деятельности Шахматовых, инструкции по ведению хозяйства в имении, материалы о работе в комиссии по улучшению быта крестьян, дела об опеке малолетних детей (будущего академика и его сестры), постройке домов в Саратове и поместьях, семейного склепа на Волковом кладбище в Петербурге. И, конечно, особую ценность представляют письма более чем за полувековой период истории семьи.

Таким образом, мы видим, что содержание архива семьи Шахматовых даже в сегодняшнем объеме позволяет подробно изучить быт этой семьи, которую можно рассматривать как типичную для провинциального дворянства России. А благодаря тому, что в фонде сохранился широкий спектр личных документов, сегодняшний исследователь сможет увидеть в них не только хозяйственные и служебные дела членов семьи, но и подробности их повседневной жизни. В саратовском архиве этот фонд — безусловная жемчужина собрания, которая ждет своих исследователей.

Приложение

Перечень лиц, документы о жизни которых хранятся ныне в ГАСО

1-е поколение

1. **Алексей Тихонович** (ум. до 1749 г.), майор саратовских конных солдат — 4 ед. хр. за 1711–1744 гг.

2. **Лука Тихонович** (ум. в 1748 г.), капитан Саратовского гарнизона, судья по калмыцким делам — 3 ед. хр. за 1709–1728 гг.

2-е поколение

3. **Алексей Лукич** (ум. в 1773–1774 (?) г.), саратовский воевода, надворный советник в Дмитриевском соляном правлении — 38 ед. хр. за 1745–1774 гг.

4. **Артамон Лукич** (1733–1774 гг.), прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка (в августе 1774 г. повешен Е. Пугачевым) — 4 ед. хр. за 1749–1770 гг. и 3 ед. хр. его наследников.

3-е поколение

5. **Николай Алексеевич** (1748–1796 гг.), надворный советник (вышел в отставку в чине секунд-майора), член опекунства иностранных поселенцев, Саратовский уездный предводитель дворянства — 88 ед. хр. за 1773–1798 гг.

6. **Александр Артамонович** (1759 (?) — 1823 гг.), коллежский асессор, поручик лейб-гвардии Преображенского полка, предводитель дворянства Сердобского уезда — 18 ед. хр. за 1798–1817 гг.

4-е поколение

7. **Александр Николаевич** (1790–1791 (?) — 1859 гг.), действительный статский (возможно, тайный) советник, камергер, кавалер ордена Александра Невского и Мальтийского ордена — 100 ед. хр. за 1798–1874 гг.

8. **Иван Александрович** (1793–1860 гг.), подполковник в отставке — 15 ед. хр. за 1823–1864 гг., 1 ед. хр. семейной переписки за 1812–1864 гг.

9. **Ченькаева Мария Александровна** (урожд. Шахматова) (род. в 1796 г.), замужем за штабс-капитаном Николаем Тимофимовичем Ченькаевым, служившим в Провиантской канцелярии — 3 ед. хр. за 1821–1824 гг.

10. **Алексей Александрович** (1797–1868 гг.), действительный статский советник, служил по ведомству министерства финансов — 130 ед. хр. за 1815–1868 гг. и 25 ед. хр. семейной переписки за 1824–1868 гг.

5-е поколение

11. **Александр Иванович** (1826–1896 гг.), действительный статский советник, камер-юнкер Двора, историк Саратовского края, Саратовский уездный предводитель дворянства — 24 ед. хр. за 1860–1888 гг. и 4 ед. хр. семейной переписки за 1844–1869 гг.

12. **Александр Алексеевич** (1828–1871 гг.), тайный советник, сенатор — 30 ед. хр. за 1880-е–1911 гг. и семейная переписка 24 ед. хр. за 1837–1871 гг.

13. **Григорий Алексеевич** (1830–1878 гг.), генерал-майор в отставке — 2 ед. хр. за 1874–1875 гг. (переписка — 5 ед. хр. за 1842–1870 гг.).

14. **Алексей Алексеевич** (1832–1880 (1882?) гг.), штабс-капитан в отставке, саратовский уездный предводитель дворянства — 21 ед. хр. за 1852–1877 гг. (семейная переписка его — 6 ед. хр. за 1842–1875 гг. и Ольги Николаевны — 1 ед. хр. за 1862–1905 гг.).

15. **Наталья Алексеевна Трирогова** (урожд. Шахматова) (1838–1904 гг.), замужем за Владимиром Григорьевичем Трироговым — мировым посредником — семейная переписка: 8 ед. хр. за 1846–1904 гг.

16. **Варвара Алексеевна Зузина** (урожд. Шахматова) (1840–1904(?) гг.), замужем за нотариусом Николаем Александровичем Зузиным — семейная переписка: 2 ед. хр. за 1853–1906 гг.

6-е поколение

17. **Вячеслав Александрович** (1864–? гг.), полковник в отставке, генеалог и историк — 5 ед. хр. за 1900–1913 гг.

18. **Евгения Александровна Масальская-Сурина** (урожд. Шахматова) (1862 – после 1929 гг.). Член Саратовской ученой архивной комиссии. Написала

книгу «Повесть о брате моем А.А. Шахматове» — 2 ед. хр. 1) копии «столбцов», переданных ему из семейного архива Шахматовых в Саратовскую ученую архивную комиссию, 2) опись Шахматовского (Губаревского) и Агафонниковского архивов, письмо Евгении Александровны Масальской.

19. **Алексей Александрович** (1864–1921 гг.), академик. В фонде сохранилось всего одно письмо А. А. Шахматова за 1914 год, и ему же принадлежит детская записная книжка — ед. хр. 561.

20. **Наталья Александровна** («Наташенька») (1855–1921 гг.), внебрачная дочь сенатора А. А. Шахматова — 1 ед. хр. семейной переписки за 1864–1870 гг.

Литература

Кушева Е. Н. Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII веке // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. Л., 1929. С. 575–693.

**Рукописный листок А. А. Шахматова
в университетском Музее академика И. И. Срезневского**

20 января 1913 г. академик А. А. Шахматов, открывая торжественное собрание отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, посвящённое 100-летию со дня рождения И. И. Срезневского, сказал, что «по всей справедливости» это торжество «может быть признано праздником русской науки: Срезневский принадлежит к числу виднейших деятелей науки, прославивших и укрепивших её развитие». Он так охарактеризовал вклад своего предшественника: «Полувекковая деятельность Измаила Ивановича развернула во всей мощи силы, заложенные в его богато одарённой природе: они создали те памятники ума и таланта, которыми восторгаемся все мы, имеющие то или иное отношение к науке о русском языке, литературе, этнографии» [Шахматов 1916: V]. А. А. Шахматов высоко оценил стремление И. И. Срезневского использовать богатое содержание памятников письменности в их описании и издании. Особо отметил огромный труд по собиранию и обработке материалов этнографического и диалектологического содержания: «Во всё это Срезневский сумел вдохнуть жизнь; он сделал больше: он вселил ко всему этому научному сокровищу любовь в своих учениках и в своих детях. Вследствие этого пережившие его материалы стали не мёртвыми, а живыми памятниками его деятельности...» [Шахматов 1916: VII].

Научные интересы Шахматова и Срезневского развивались благодаря целеустремлённости и одарённости каждого из них: это и работа с первоисточниками — открытие, описание и во многом спасение их, диалектологические исследования, лексикографическая практика. Это рвение за успехи Академии наук, за совершенствование университетского образования в России. Это обширные интересы к славянской филологии, особый, неоценимый вклад в украинскую и русскую письменность. Отдавая дань памяти глубокоуважаемому предшественнику в науке, А. А. Шахматов подытожил своё выступление словами: «С глубокою благодарностью относится Отделение к тем, чьими трудами завершено и завершается то, что Срезневский создал в качестве прочного основания для последующего развития русского языкознания и истории русской словесности. Признательность Отделения

безгранична к тем, кто великодушным пожертвованием неопцененого научного сокровища навсегда соединил имя Срезневского с именем Академии Наук» [Шахматов 1916: VIII]. И сейчас, отмечая юбилей академика А. А. Шахматова, эти слова в полной мере можно отнести и к его необыкновенной личности, и к его подвижническому труду.

Эти слова Академика А. А. Шахматова о Срезневском вспоминали учёные-русисты в июне 2012 г. на международной научной конференции «И. И. Срезневский и русское историческое языкознание», посвящённой 200-летию учёного. Она прошла по предложению Института русского языка имени В. В. Виноградова и по инициативе Музея академика И. И. Срезневского в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина.

В университетском музее, посвящённом жизни и деятельности выдающегося учёного-слависта, замечательного профессора Санкт-Петербургского университета, тема развития науки и российского образования является основной. Во время экскурсий и научно просветительских мероприятий в центре внимания студентов — жизнь и деятельность выдающихся подвижников русско-славянской филологии, преданных науке и своему отечеству. Здесь, в музейном зале проходят научные чтения, конференции, актовые лекции, музейные гостиные, заседания студенческого научного общества срезневедов.

В музейной коллекции имеется ценный экспонат, подаренный доктором филологических наук, профессором В.И. Макаровым, автором замечательной повести об А. А. Шахматове «Такого не бысть на Руси прежде...». Этот экспонат — подлинный рукописный листок академика А. А. Шахматова — занимает особое место в экспозиции [Шахматов А. А. Письмо Евдокимову Павлу Матвеевичу. Рукопись: Архив музея академика И. И. Срезневского РГУ имени С. А. Есенина. 1 лист].

На пожелтевшей бумаге для писем убористым академическим почерком А. А. Шахматов 15 мая 1915 г. пишет ответ на письмо своему бывшему ученику-студенту Павлу Евдокимову, которого знал ещё со 2 курса. «Дорогой Павел Матвеевич! Наконец-то Вы дали о себе весточку», — такими словами начинается это короткое письмо. Далее автор сообщает, что после отъезда Евдокимова из Петербурга поступали «предложения с уроками», которые он успешно практиковал во время учёбы в университете и сразу после его окончания.

Евдокимов Павел Матвеевич родился 23 декабря 1884 г. в г. Боровичи Новгородской области в семье рабочих, выходцев из крестьян. Он окончил Боровичское приходское, затем городское училище, за-

вершил обучение в Новгородской классической гимназии. Своими усилиями подготовился к поступлению на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. А. А. Шахматов читал на его курсе лекции по истории русского языка.

Следует отметить, что к концу XIX в. в среде русского студенчества, под влиянием общего процесса обострения революционной ситуации в России значительно участились демонстрации и забастовки. Молодёжь требовала предоставления университетам истиной автономии в решении всех внутренних дел учебных заведений, свободы мысли и слова. Создавались студенческие организации, землячества. Они ставили своей целью оказание материальной помощи нуждающимся студентам, контроль над деятельностью администрации. Всё это запрещалось законом, а, значит, вызывало у студентов враждебное отношение к университету и соответственно к государственному строю. Студенты распространяли прокламации. Правительство отвечало на волнение студентов массовыми исключениями из учебных заведений. В кругах преподавателей по этому поводу тоже возникали протесты.

А. А. Шахматов стал вступаться за студентов. Так, он уверял полицейских в необходимости оставить в университете студента Водарского, который помогал ему составлять словарь к сочинениям Пушкина, а также опекал и других студентов. С риском для себя по просьбе других преподавателей он соглашался на переговоры с министром народного просвещения. Именно Алексей Александрович (один из 99 деятелей науки и литературы) подписал заявление министру внутренних дел с протестом против незаконного отношения к студентам. Объяснительное же письмо по этому поводу Шахматов заключает словами: «Относиться равнодушно ко всем этим порядкам, видеть, как топчут очаги нашего просвещения, как в них из-за неустройства погибает гордость и радость всякой страны — молодое поколение — я не мог». Такое отношение к студенчеству подтверждается словами в одном из писем к академику А.Н. Веселовскому: «Какая все-таки у нас замечательная молодежь! Сколько в ней идейности, самоуважения!» [Макаров 2000: 216].

Однажды Алексей Александрович запиской вызвал студента-второкурсника Евдокимова Павла. Сильно расстроенный профессор объяснил причину своего беспокойства: он узнал о приказе ректора на отчисление из университета большого числа студентов за неуплату за обучение. И это когда они через полтора месяца должны получить дипломы! Он попросил Павла, как успешного студента, пойти к ректору и объяснить, что один человек (не указывая имени) внесет эти 2 тыся-

чи рублей в кассу. Павлу удалось упросить ректора остановить действие приказа на неделю, за которую Алексей Александрович успел телеграфировать управляющему своего имения в Губаревке (Саратовской губернии), чтобы продали часть леса, внести деньги за студентов инкогнито. За что ректор попросил студента передать «благодарность этому неизвестному благородному человеку». Таким образом, студент Евдокимов оказался свидетелем бескорыстного поступка своего учителя, который по-особому отблагодарил его, пригласив на лето в Губаревку, где тот успешно под научным руководством Алексея Александровича занялся изучением местных говоров крестьян.

В дальнейшем А. А. Шахматову пришлось поддерживать его не один раз. Павел Евдокимов на 4 курсе оказался среди арестованных и затем исключённых из университета студентов. Первый раз по подозрению в участии по распространению прокламаций, за неимением точных доказательств был отпущен. Однако через две недели вновь был арестован и заключён в Петропавловскую крепость, как якобы имеющий отношение к делу братьев Яковлевых, готовивших покушение на царя в 1911 г. Алексей Александрович сразу же принялся хлопотать о его освобождении, так как был уверен, что отношение к делу его ученик имел весьма отдалённое. Павел в записке из крепости писал профессору: «Да я и не пишу вовсе г. профессору: человеку пишу, человеку, откликнувшемуся на моё горе... Спасибо Вам, глубокое спасибо за участие». Он был выпущен на свободу и получил разрешение уехать за границу. В период высылки за границу А. А. Шахматов всячески старался убедить его продолжать учиться. Ему удалось продолжить обучение на философском факультете Сорбонского университета. И всё-таки Евдокимов просил своего учителя вновь оказать ему содействие вернуться в Петербургский университет, «ибо знал, что там, на родине, Шахматов использует всё влияние, чтобы добиться восстановления своего бывшего студента в университете» [Макаров 2000: 301]. Его он закончил экстерном в 1914 г.

Надо отметить, что это был достойный ученик. Он овладел несколькими славянскими языками (сербским, польским, украинским, белорусским), немецким, французским, латинским, древнегреческим. После революционных событий работал научным сотрудником 1 разряда Института языка и мышления АН СССР, был ассистентом кафедры русского языка ЛГПИ им. А. И. Герцена, преподавал латинский язык, принимал участие в составлении Латинско-русского словаря. [Евдокимов Павел Матвеевич // Архив РГПУ имени А. И. Герцена. Д.

№ 554]. А в краеведческом музее городка Боровичи Новгородской области есть материал, рассказывающий о его кандидатской диссертации «Боровичский говор».

В небольшом тексте данного письма от 15 мая 1915 г. упоминается несколько интересных персоналий. Так Алексей Александрович предлагает Павлу Матвеевичу прислать статью для помещения в Известиях, обещает не критиковать, для «окончательной отделки» передать В. Н. Перетцу, профессору Саратовского университета, теперь и академику СПб Академии наук. С ним у Шахматова были хорошие доверительные отношения. Также своему адресату он сообщает о похоронах своего любимого учителя и соратника Фёдора Евгеньевича Корша: «Хоронили Е.Ф. Корша, и был много занят в последнее время его некрологом и устройством всех его дел» [Макаров 2000].

С Ф. Е. Коршем его познакомил Филипп Федорович Фортунатов, у которого 16-летний юноша Алёша Шахматов посещал университетские семинары, когда учился в гимназии и делал свои далеко не первые успешные исследования по древнерусским источникам.

Ф. Е. Корш (1843–1915) был человеком исключительно широких филологических познаний: превосходно знал античную литературу, имел значительные исследования в древнерусской литературе, владел 46 языками и наречиями, из них — всеми славянскими, многими европейскими и восточными. В 1864 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета, слушал лекции в университетах Берлина, Вены, Рима. В 1877 г. защитил докторскую диссертацию и стал профессором Московского университета.

С первого дня знакомства с Ф. Е. Коршем и до последнего дня его жизни А. А. Шахматов считал себя не только своим учеником, но и настоящим товарищем и другом. Об этом говорят 229 его писем к Коршу, хранящихся в Архивах СПб АН. Из всех преподавателей он выделял Фёдора Евгеньевича: «Сколько грации и остроумия обнаруживал в речах за кафедрой Корш! Казалось, что своей беседой он останавливал само время» [Макаров 2000: 98]. В другом письме он пишет уехавшему в Одессу Коршу «..Сиж у себя в «Петергофе» и составляю лекции для начатого уже мною курса. На каждой строке думаю о Вас, вспоминаю Вас и всё живее сознаю, что с Вашим отъездом исчезла ровно одна половина моих симпатий и интересов к Московскому университету» [ibid.: 138].

Действительно, А. А. Шахматову тяжело было сообщать Павлу Матвеевичу Евдокимову о трагическом для него событии: Ф. Е. Корш

скончался после операции в Московской хирургической лечебнице 4 февраля 1915 г. Больной и слабый, он всё-таки писал иногда А. А. Шахматову письма, которые были полны внимания и заботы о нём, поддерживали в нем жизненную силу и помогали сохранять гармонию в непростом мире. Вот и не стало человека, такого близкого, такого родственного. «Сколько нападков на себя им пришлось пережить вместе, быть соратником по борьбе за достоинство не только отдельных людей, но и целых народов» [ibid.: 342].

В некрологе Ф. Е. Коршу Алексей Александрович среди многих достоинств учёного, выделял в своём учителе усилия по созданию прочных братских межславянских связей с чехами, сербами, украинцами, белорусами. Мысли ученого об этом были актуальны в то время, как, впрочем, и сейчас, в наше время, спустя 100 лет.

Так в маленьком по объёму эпистолярном наследии, хранящемся в университетском музее, раскрывается образ не только учёного, педагога, но и заботливого, преданного и бескорыстного человека.

Дата, указанная в письме, позволяет напомнить о труднейших временах Первой мировой войны. Его автор, один из лучших представителей русского народа — выдающийся ученый А. А. Шахматов, вопреки всем трагическим событиям горячо поддерживал славянские народы, не желающие участвовать в бессмысленной кровавой бойне. Мы знаем, что его заступничество, например, за лингвистов из Чешской АН и Историографического института в Вене, не было напрасным.

Миссия университетского музея академика И. И. Срезневского, который посвятил свою жизнь славянской филологии и чей прах покоится в рязанской земле, по моему мнению, заключается в исследовании и изучении удивительно наполненных судеб учёных-подвижников, таких как академики-слависты И. И. Срезневский и А. А. Шахматов, так как их жизни служат примером преданности своему делу, своему народу.

Литература

Шахматов А. А. Вступительное слово на торжественном собрании отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, посвящённом памяти И. И. Срезневского // Памяти И. И. Срезневского. Кн. 1. Пг., 1916.

Макаров В. И. «Такого не бысть на Руси прежде...». Повесть об академике А. А. Шахматове. СПб., 2000.

А. А. ШАХМАТОВ
И
УЧЕНОЕ СООБЩЕСТВО
РОССИИ

Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна
Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

А. А. Шахматов и ученое сообщество России

Сучья в иссиня-белом снеге...
Коридор Петровских коллегий,
Бесконечен, гулок и прям.
Что угодно может случиться,
но он будет упрямо сниться,
тем, кто ныне проходит там...
Анна Ахматова. «Поэма без героя»

Тема этой статьи сознательно сформулирована очень широко. Хотелось подчеркнуть значение А. А. Шахматова в истории науки: и его творчества и его личности. И тут можно выделить два аспекта.

Во-первых, трудно найти другого исследователя в нашей сфере, труды которого внесли бы такое долговременное смятение, как камень, брошенный в воду — круги расходятся долго, камень уже погрузился, а они все идут. Спор с Шахматовым по разным вопросам — почти профессиональное занятие исследователей русских древностей. Шахматов построил схему русского летописания, многие звенья которой были слишком гипотетичны, что естественно, так как все это было сделано впервые и одним человеком. Потом поколения его последователей эту схему дорабатывали, убирали из нее слабые звенья, отказывались от ряда гипотез Шахматова. Причем, это делали именно те, кто считал себя его учениками. Так, уже давно историки древнерусской письменности фактически отказались от двух наиболее ранних по Шахматову и наиболее гипотетичных сводов: Древнейшего киевского и Древнейшего новгородского сводов. Наиболее известен спор вокруг существования «свода 1448 г.» (по Шахматову), а также отказ от шахматовского «Владимирского Полихрона». По поводу шахматовского Начального свода до сих пор идет полемика. Но мы видим и то, как бывает: уже, кажется, отказались от какого-то положения Шахматова, а потом — снова возврат к нему, и кто-то доказывает, и обосновывает, что Шахматов был прав в каком-то конкретном вопросе. Пример — обсуждение так называемой «третьей редакции» Повести временных лет. О. В. Творогов и Л. Мюллер пришли к выводу, что редакция, которую А. А. Шахматов считал третьей по счету и

связывал с именем князя Мстислава, является лишним звеном и искусственным построением. Но А. А. Гиппиус уже после этого нашел подкрепление аргументам Шахматова [Вовина-Лебедева 2011: 216–219, Творогов 1987: 341, Творогов 1997: 1997, Гиппиус 2002.]

Второй аспект, конечно, это А. А. Шахматов и его коллеги в их научном взаимодействии. Фонд Шахматова в СПб Филиале архива РАН — лучшим и богатейшем собрании документов по истории науки в России — позволяет показать это взаимодействие в подробностях и раскрыть роль Шахматова в истории интеллектуальной элиты эпохи. Но эта тема, разумеется, не может быть раскрыта в полном объеме в формате небольшой статьи. Наша задача сейчас — лишь набросать некоторые линии, по которым можно ее исследовать в дальнейшем.

Эта проблема имеет прямое отношение к исследованиям научной среды как культурного явления, в частности — к изучению ученого сообщества в России кануна революций начала XX в. Конечно, такое исследование уже начато, если иметь в виду многочисленные работы Б. С. Кагановича [Каганович 1995, 2007, 2014], Е. Ю. Басаргиной [Басаргина 2008], И. В. Тункиной [Тункина 2008], книгу Энди Байфорда [Andy Byford 2007], А. В. Свешникова [Свешников 2010] и др. Но фигура А. А. Шахматова в этой картине предреволюционной жизни ученой среды до сих пор, несмотря на свою значимость, еще не заняла надлежащего места, и вместе с ней — те многочисленные связи, которые тянулись от него к другим филологам и историкам эпохи.

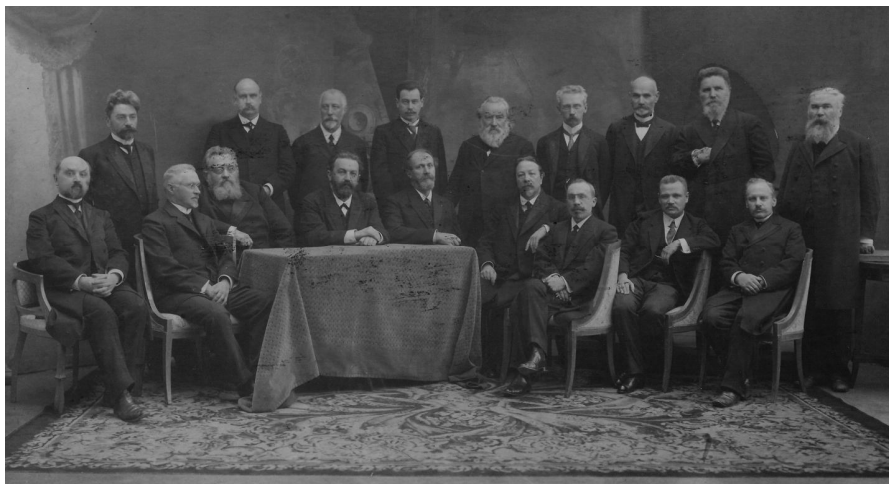
Став академиком и переехал в Петербург, А. А. Шахматов тратил неимоверно много времени на переписку. Он переписывался со всеми известными учеными в его области. Сейчас готовится к изданию избранная переписка А. А. Шахматова, которая покажет широкому читателю его участие в важнейших научных проектах в области историко-филологических наук и в формировании самой ученой атмосферы этого времени.

В частности, в письмах Шахматова обсуждались, без преувеличения, абсолютно все предположения и гипотезы, которые делались в его время по поводу исследования летописания и смежных с ним сюжетов. Подробно анализировались работы коллег. При исследовании всего комплекса переписки возникает представление о единой интеллектуальной среде, причем интернациональной.

Я и мои коллеги по этой работе с письмами А. А. Шахматова (Е. Н. Груздева, Н. В. Крапошина, А. Е. Жуков), прежде всего, занялись в рамках нашего проекта анализом переписки А. А. Шахматова с

Ф. Ф. Фортунатовым, Н. К. Никольским, В. М. Истриным и В. Н. Перетцем. Это одни из наиболее крупных комплексов писем. На наш выбор повлияло также то, что эти корреспонденты Шахматова занимались проблемами древнерусской письменности и на протяжении многих лет обсуждали с ним эти вопросы.

Другой посыл многих писем Шахматова заключался в том, чтобы оказать помощь (материальную или интеллектуальную) тем из коллег, кто в этом нуждался. Еще в деревне (в Саратовском губернии) в конце 1890-х гг., как следует из переписки с Фортунатовым, он писал, что быть членом Академии наук — это, прежде всего, огромные возможности помогать другим, сделать что-то не только для себя, но и для науки вообще. Для него это не было просто словами. Вообще, по складу личности Шахматов был человеком очень конкретных и точных слов и действий, что вероятно связано с его лингвистической выучкой.

Ил. 7. Группа профессоров историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Черно-белая фотография. 1913, 1 октября. 480 x 680. Сидят слева направо: Б. А. Тураев, С. Ф. Платонов, И. А. Шляпкин, Ф. А. Браун, Ф. Ф. Зелинский, С. К. Булич, С. А. Жебелёв, М. И. Ростовцев, А. А. Шахматов. Стоят слева направо: Д. В. Айналов, Д. К. Петров, И. М. Гревс, А. И. Введенский, Н. И. Кареев, Э. Д. Гримм, И. А. Бодуэн де Куртене, И. Д. Андреев, П. А. Лавров. СПФ АРАН®. Р. Х. Оп. 2. Д. 95. Л. 1.

Особенно это явно в переписке с более молодыми коллегами. Помогать начинающим ученым А. А. Шахматов считал едва ли не

главным своим занятием, и не жалел на него времени, о чем можно судить хотя бы из объема этой части его корреспонденции. Причем, для него не было различия, свои ли это ученики, ученики других, живущие в Москве, Дерпте, Петербурге, Варшаве, Берлине. В науке для Шахматова не имелось отечества, и что любопытно, не так важны были и школы (когда речь шла о поддержке ученых). Но что действительно имело значение — это оригинальный интеллектуальный продукт, без различия, кто его воздал, и даже без различия к тому, насколько это согласуется с его собственными работами (если он считал, что этот продукт достоин внимания).

Вот переписка Шахматова с С. А. Бугославским. Много места было отведено в ней хлопотам по поводу публикации одной из статей, в которой С. А. Бугославский критиковал научные построения Шахматова. Сам же Бугославский расписывал в письме Шахматову в 1914 г. свои переживания по этому поводу: «Мне нелегко было прийти к результатам, не сходным с «Разысканиями», .. которая для меня была настольным руководством, необходимым пособием». И он просил поместить эту статью в Известиях ОРЯС, а потом отзыва для получения стипендии, и Шахматов заботился об этом [Вовина-Лебедева 2011: 381]. Это нужно иметь в виду, если рассуждать о С. А. Бугославском — впоследствии принципиальном и остром критике не только конкретных выводов Шахматова, но и самого его метода исследования русских летописей.

Из переписки А. А. Шахматова с С. П. Розановым, которая началась, когда последний был еще выпускником Дерптского университета, занявшимся исследованиями Русского хронографа, становится ясно, что именно Шахматов всеми силами старался перетащить его в Петербург, что ему, в конечном счете, и удалось. Письма полны свободной полемикой, в ходе которой Розанов не раз упрекал Шахматова в разных огрехах, допущенных им в его научных исследованиях, в отсутствии осторожности в выводах, в незнании историографии вопроса и пр. Несмотря на это, понятно, что Розанов считал Шахматова учителем, и действительно являлся его учеником. Шахматов в свою очередь входил в детали не только всех исследований Розанова, но и его бытовых проблем, например, описывал квартиры в Петербурге и цены на них [Вовина-Лебедева 2011: 251–266].

Примерно такая же картина наблюдается при обращении к переписке А. А. Шахматова с В. М. Истриным: Истрин создал концепцию раннего летописания, фактически, направленную против концепции Шахматова. В цельном виде эта концепция была сформулирована уже

после смерти А. А. Шахматова. Но первые критические замечания в адрес приемов исследования, которые применял Шахматов, начали встречаться ранее, однако, это не влияло на дружеский характер их переписки, и не помешало Шахматову предлагать В. М. Истрину возглавить такой крупный исследовательский проект как издание хронографов. Подобно тому, как он вникал в детали организации научной и бытовой жизни своих молодых коллег, А. А. Шахматов готов был исполнять и разные бытовые поручения Истрина. В 1908 г. Истрин с подмосковной дачи давал в письмах наставления Шахматову по поводу своей петроградской квартиры, буквально следующие: «я думаю, что Вы уже перенесли вещи. Теперь сделайте вот что: возьмите у казначеев 55 р. и отнесите управляющей за квартиру... Не забудьте в старой квартире отвинтить две предохранительные цепи у дверей» [Вовина-Лебедева 2011: 285].

Уже в тяжелые годы революции А. А. Шахматов заботился о наследии В. М. Истрина, оставшемся в Петрограде, разыскивал его бумаги и высылал ему. Незадолго до смерти он занимался спасением также библиотеки А. И. Соболевского, отношения с которым в научном плане у него были еще более не простыми, особенно в начале. Последнее видно, даже в опубликованной переписке А. А. Шахматова с И. В. Ягичем [Переписка А. А. Шахматова].

Можно было бы подумать, что А. А. Шахматов был просто, что называется, безотказным человеком. Но он умел быть и жестким, и принципиальным. В том, что он так много времени уделял делам коллег, была заключена идея: науке нужно помогать, а это значит — помогать ученым. Особый интерес представляют переписка А. А. Шахматова и В. А. Пархоменко. Когда началась переписка, последний был никому не известным, провинциальным преподавателем из Полтавы (в позднейший период переписки он уже работал в Тифлисе). В. А. Пархоменко первым написал Шахматову, отослал ему одну свою работу, на которую до этого, в чем сразу же и признался, уже получил негативный отзыв такого знатока древностей каким был тогда С. А. Белокуров. Пархоменко начал развивать теорию Азовской Руси, которая вызвала сильную критику коллег, в том числе другого ученика А. А. Шахматова М. Д. Приселкова. Получилось, что в какой-то момент Шахматов активно переписывался и с М. Д. Приселковым, жестко критиковавшим В. А. Пархоменко, и с самим В. А. Пархоменко, критиковавшим М. Д. Приселкова [Подробнее: Вовина-Лебедева 2011: 301–318].

Дело в том, что А. А. Шахматов и сам не был в восторге от не-

которых черт работ В. А. Пархоменко. Во-первых, ему не импонировала сама идея Азовской Руси, а Пархоменко не разделял норманистских взглядов Шахматова. Но главное, сами методы научной работы В. А. Пархоменко были уязвимы. Он, видимо, сам осознавал это, когда писал Шахматову, что «большинство ученых людей относится к моим писаниям совершенно отрицательно». Тем не менее, Шахматов хлопотал о переводе Пархоменко в одну из столиц, о сдаче им магистерского экзамена в Петербургском университете. В итоге Пархоменко смог устроиться в Киевском университете и в 1920-х гг., уже после смерти А. А. Шахматова, сделать там карьеру. В разгар их переписки Шахматов написал ему следующее «мы... стоим с Вами на совершенно различных точках зрения, когда говорим об исторических документах». Он даже подчеркнул, что Пархоменко не проделал предварительной работы над своими источниками, что может считаться крайне негативным и критическим замечанием. Но, несмотря на это, Шахматову, по-видимому, была непереносима мысль о том, что оригинально и самостоятельно мыслящий ученый прозябает где-то вдали. Он писал: «Меня беспокоит и мучит мысль о том, что Вы так далеки от нас» и не уставал повторять, что видит у Пархоменко «крупный научный талант» [Вовина-Лебедева 2011: 309–310, прим.2].

Особый комплекс составляют письма Шахматову Степана Антоновича Еремина, сохранившиеся в фонде Шахматова. Это был его ученик-диалектолог, воплотивший некоторые юношеские мечты Шахматова: поехать по России, записывать живые говоры, исследовать их (эти мечты есть в письмах Фортунатову времени работы Шахматова земским начальником в Саратовской губернии). Шахматов занимался устройством дел С. А. Еремина, вникал во все их детали, высылал ему в деревню научную литературу. Краткая биография С. А. Еремина по документам его личного дела в СПФ АРАН изложена в статье А. Н. Анфертьевой [Анфертьева 2013: 23]. Более подробно о его жизни и отношениях с А. А. Шахматовым можно будет прочесть в моей статье, которая готовится к выходу в сборнике памяти Е. К. Ромодановской [Вовина-Лебедева 2015]. Кроме писем С. А. Еремина, сохранились и письма А. А. Шахматову В. Н. Перетца, из которых следует, что последний также считал С. А. Еремина своим учеником. Об этом же говорят и материалы студенческого дела С. А. Еремина, которые хранятся в ЦГИА СПб. В последние два года обучения С. А. Еремина в основном был членом просеминариев и посещал занятия как у А. А. Шахматова, так и у В. Н. Перетца, и был

членом знаменитого семинара последнего, сложившегося еще в киевский период его преподавательской деятельности, и продолжившийся в петербургскую эпоху. Узнав, что, в конце концов, Еремин все же решил заниматься лингвистикой, а не древнерусской литературой (дипломную работу С. А. Еремин писал у А. А. Шахматова, а не у В. Н. Еремина), В. Н. Перетц писал А. А. Шахматову о том, что не может не радоваться даже этому, так как лингвистикой занимается очень мало людей. Оба профессора понимали, что С. А. Еремин — талант, причем талант, соединенный с упорством и знанием той крестьянской среды, в которой он (сам крестьянин по происхождению) должен был собирать свой диалектологический материал.

Основная часть переписки С. А. Еремина с А. А. Шахматовым относится к годам революции и гражданской войны. Как и многих тогда, С. А. Еремина спасла деревня, куда он уехал из Петрограда и где пережил самые страшные годы. Но благодаря Шахматову он не утратил связей с Петроградским университетом, где как раз в самый момент революции был оставлен для подготовки к магистерской степени. Письма С. А. Еремина А. А. Шахматову показывают, как Еремин, благодаря продолжавшимся ученым занятиям, сумел выйти из состояния отчаяния по поводу рухнувшего мира культуры и науки, в который ему только-только удалось пробиться, настроиться на положительную работу сначала лектором и инициатором краеведческого движения в деревне, затем вернуться в академическую науку. Видимо, именно А. А. Шахматов сделал возможным переезд С. А. Еремина в Петроград и устройство его на работу в Рукописное отделение Библиотеки академии наук, директором которой он был. Но судьбы сложилась так, что этот горячо ожидаемый обоими переезд совершился в начале осени 1920 г., а незадолго перед этим А. А. Шахматов умер, поэтому они так и не увиделись.

Думается, что отдельной темой может быть отношение А. А. Шахматова к отношению науки и политики. Как представляется, Шахматов считал, что наука стоит вне политики. При этом, как известно, он вообще-то имел четкую политическую позицию, либеральную, очень внятно выраженную, и был, что называется, идейным человеком. Но вот в фонде А. А. Шахматова сохранились письма к нему Вл. Дм. Бонч-Бруевича [Переписка Я. С. Лурье]. Разумеется, он писал Шахматову не как политик и большевик (Шахматов не мог ему в этом смысле сочувствовать), а как исследователь истории и книжности русских сектантов. Инициатива, как и во многих других случаях, принад-

лежала В. Д. Бонч-Бруевичу, но затем, судя по его письмам (ответные письма А. А. Шахматова не сохранились), А. А. Шахматов вникал во многие обстоятельства научной жизни своего корреспондента, побуждал его к научной деятельности, стремился заполучить в БАН оказавшийся в руках Бонч-Бруевича архив русских сектантов. Шахматов оказал Бонч-Бруевичу помощь в одном очень важном для того вопросе. Когда последний попал в марте 1911 г. в тюрьму по политическому обвинению, Шахматов не колебался заступиться за него, писал официальные бумаги в суд (это можно понять из ответных писем и благодарностей Бонча-Бруевича), и, в общем, можно предположить, что это сыграло роль в освобождении последнего из тюрьмы. Шахматов заступился за человека, нужного для науки, за человека науки, который не должен быть от науки оторван.

Даже беглый анализ фонда, о котором идет речь, показывает, что А. А. Шахматову писала, без преувеличения, «вся Россия», если говорить о России ученой. С ним связывались все европейские исследователи, которые хотя отдаленно имели отношение к славянским древностям. Для русистов-древников начала XX в. в определенном смысле обратиться за помощью и советом к Шахматову было то же, как для литераторов поехать в Ясную Поляну к Толстому. Это был род паломничества, именно потому сохранившаяся переписка Шахматова с учеными и общественными деятелями столь обширна. На основании этой переписки мы можем увидеть, как вокруг А. А. Шахматова шло формирование ученой среды. Это был очень сложный процесс, возникали очень тонкие нити, часто переплетавшиеся между собой, нарастал тонкий слой культуры, который трудно создать. И как показала история послереволюционных лет, этот тонкий слой, тем не менее, ни сразу и даже не вполне окончательно удалось разрушить, но его все же разрушить можно, и мы должны об этом помнить.

Литература

Анфертьева А. Н. Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1924–1931 гг. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2013. С. 18–39.

Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011.

Вовина-Лебедева В. Г. К вопросу о школах А. А. Шахматова и В. Н. Перетца: Степан Антонович Еремин // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 2. М., 2015.

Басаргина Е. Ю. Императорская академия наук на рубеже XIX–XX вков. (Очерки истории). М., 2008.

Гиппиус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *Russian Linguistics*. 2002. Vol. 26. № 3. P. 401–436.

Каганович Б. С. Е. В.Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995.

Каганович Б. С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007.

Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014.

Переписка Я. С. Лурье и В. Д. Бонч-Бруевича (вводная статья, подготовка текста и комментарии /Вовина-Лебедева В. Г.) // *Я. С. Лурье. Избранные статьи и письма.* СПб., 2011. С. 213–263.

Переписка А. А. Шахматова и И. В. Ягича // *А. А. Шахматов. 1864–1920: Сб. статей и материалов.* М.–Л., 1947. С. 13–104.

Свешников А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010.

Творогов О. В. Повесть временных лет // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 1 (IX – перв. пол. XIV в.). Л., 1987.

Творогов О. В. Существовала ли треть редакция «Повести временных лет»? // *In memogram: Сб. памяти Я. С. Лурье.* СПб., 1997.

Тункина И. В. (составитель, автор вступит статьи, подгот. текста, коммент. и биограф. словарь-указатель). *Бузескул В. П.* Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX вв. М., 2008.

Byford Andy. Literary Scholarship in Late Imperial Russia. Rituals of Academic Institutionalism. London, 2007.

Крапошина Наталья Валентиновна

Санкт-Петербургский филиал
Архива Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

А. А. Шахматов и Н. К. Никольский¹

Деятельность академических учреждений нашла отражение не только в делопроизводственной документации, но и в частной переписке ученых, в значительной степени дополняющей официальные строки документов, в том числе в письмах академиков А. А. Шахматова и Н. К. Никольского. Несомненный интерес для исследователей истории Отделения русского языка и словесности конца XIX — начала XX в. (ОРЯС) представляет переписка, сохранившаяся в личных фондах ученых в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН². Важным дополнением к этим документам являются отпуски писем Н. К. Никольского к А. А. Шахматову: некоторые из них составлены в

**Ил. 8. Н. К. Никольский. Фотопортрет.
СПФ АРАН[®]. Ф. 247. Оп. 2. Д. 48. Л. 24.**

нескольких вариантах, другие, возможно, не были отправлены адресату или не сохранились в фонде А. А. Шахматова³.

Основная часть переписки Н. К. Никольского и А. А. Шахматова имеет непосредственное отношение к издательской деятельности Отделения русского языка и словесности (ОРЯС).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-01-00057-а.

² СПФ АРАН. Ф. 247 (Никольский Н. К.) Оп. 3. Д. 729. 210 л. (116 писем А. А. Шахматову к Н. К. Никольскому за период с 24 апреля 1898 г. по 12 октября 1919 г.; Ibid. Ф. 134 (Шахматов А. А.). Оп. 3. Д. 1064. 152 л. (98 писем Н. К. Никольского к А. А. Шахматову за период с 1894 г. по 1919 г.).

³ СПФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 191. 230 л. (149 п., 4 конв. за период с 24 апреля 1898 г по 4 октября 1919 г.

В 1896 г. отделение предприняло издание «повременного» журнала: «Известия Императорской Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», редактирование которого было поручено академиком А. Ф. Бычкову и А. А. Шахматову. В 1897 г. в этом издании Н. К. Никольский опубликовал несколько памятников рукописной книжности, в значительной степени дополнивших сведения о них библиографического характера [Никольский 1897: 153–162]. Таким образом, исследования Н. К. Никольского были хорошо известны А. А. Шахматову и, он, несомненно, способствовал их публикации.

Итоговые отчеты отделения 90-х гг. XIX в. свидетельствуют об обширной научной деятельности его членов (Среди них — академики М. И. Сухомлинов, А. Н. Веселовский, И. В. Ягич, профессора Е. Ф. Корш, М. Н. Сперанский). В течение десятилетий ОРЯС в организации своей научной работы руководствовалось основными статьями Высочайше утвержденного 19 октября 1841 г. «Положения об Отделении русского языка и словесности при Императорской Академии Наук», определившего основные задачи отделения — основательное изучение русского языка, совершенствование правил его употребления, издание полного словаря русского языка [ПСЗ. Т. 16. 1842: 853–856]. С именем А. А. Шахматова — ученого–энциклопедиста и талантливого организатора науки связан ряд издательских программ, ожививших работу ОРЯС. По мнению Н. К. Никольского, именно «... Шахматовские годы истории Отделения русского языка и словесности ознаменовались замечательным оживлением его деятельности. Утратив при Шахматове свою традиционную замкнутость и обособленность под руководством А. А. Шахматова отделение утратило свою традиционную замкнутость и обособленность, Отделение постепенно приобретало для русской филологии значение классических Афин» [Никольский 1820: 156].

В 1897 г. ОРЯС приняло решение подготовить обширное издание: собрание сочинений русских писателей. Составителями «Проекта», представляющего задачи этой работы, в состав собрания сочинений предполагалось включить произведения духовных деятелей XI века: митрополита Киевского Леонтия, игумена Печерского Феодосия, митрополита Киевского Георгия, митрополита Киевского Иоанна, черноризца Иакова, митрополита Киевского Ефрема, монаха Киево-Печерской обители Нестора, печерского подвижника Григория. В «Проекте» предусматривалось также издание слов и поучений, исторических повестей и сказаний, житий святых, составленных в XI в. [СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 706. Л. 6].

Представляя «Проект» для обсуждения научной общественности,

члены отделения наметили лишь основные направления издания, но предполагая публиковать сочинения русских авторов в хронологической последовательности, в полном объеме сохранившихся сочинений, с биографическими сведениями и библиографическими указаниями. Программа «Проекта» не могла не заинтересовать Н. К. Никольского, так как задачи, указанные в этом документе, полностью совпадали с его научными интересами. В 1898 г. Н. К. Никольский представил членам ОРЯС подробную записку, в которой предложил «... издавать вместе с изданием полного собрания текстов сочинений повременной список русских авторов и их сочинений» в качестве справочного пособия для оказания помощи авторам при подготовке к публикации рукописных памятников [СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 717. Л. 2 Записка Н. К. Никольского в ОРЯС. Автограф Н. К. Никольского].

25 апреля 1898 г. записка Н. К. Никольского была представлена на заседании отделения и, по свидетельству А. А. Шахматова, была одобрена его членами. В письме от 25 апреля 1898 г., после окончания заседания отделения, А. А. Шахматов сообщил Н. К. Никольскому: «Ваше предложение встретило общее и искреннее сочувствие в членах Отделения, которые выразились, что Вы кладете краеугольный камень в задуманном предприятии» [СПФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 729. Л. 4].

В ответном письме Н. К. Никольский выразил искреннюю благодарность А. А. Шахматову за успешное представление записки на заседании отделения: «Получив письмо Ваше, не могу воздержаться, чтобы не высказать Вам самой искренней и глубокой признательности за то участие, какое Вы приняли в судьбе моей записки о повременном перечне русских авторов и их сочинений. Лестное для меня внимание, уделенное ей членами Отделения русского языка и словесности во многом, конечно, обязано Вашему сочувственному к ней отношению <...> которое сообщило мне решимость представить записку в Отделение» [СПФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 191. Л. 4. (Письмо от 25 апреля 1898 г.)]. В течение последующих нескольких лет обсуждение структуры издания, принципов отбора и подготовки текстов для «Материалов для Повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.)» стали основной темой переписки Н. К. Никольского и А. А. Шахматова.

С 1 ноября 1899 г. по 1 октября 1900 г., по ходатайству Академии наук Н. К. Никольский был освобожден от чтения курса лекций в Санкт-Петербургской духовной академии и вместе с помощником — Ф. И. Покровским командирован в Москву и в другие российские го-

рода с целью обследования объема и состава рукописных собраний. Несмотря на официальное начало поездки с 1 ноября 1899 г., уже со второй половины сентября Н. К. Никольский начал работу в Москве. В письме к А. А. Шахматову от 21 сентября 1899 г. он сообщил: «Я стараюсь изучать здесь, прежде всего, рукописи малообследованные. <...> Благодаря содействию Второго Отделения, во всех книгохранилищах, в которые я имел надобность обращаться в Москве, я встретил полную предупредительность» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1064. Л. 9 об.–10.]. С первых же дней поездки Н. К. Никольского А. А. Шахматов интересовался ее результатами, так, в письме от 22 сентября 1899 г. он писал: «Весьма любопытно знать, насколько продвинулась Ваша работа и не требуется какой-нибудь помощи со стороны Отделения...» [СПФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 729. Л. 14 (Письмо от 22 сентября 1899 г.)]. В письме от 14 октября 1899 г. Н. К. Никольский ответил на внимание А. А. Шахматова следующими строками: «Сочту своим неперменным долгом поблагодарить Вас за все Ваши хлопоты, вызванные моей командировкою». 26 ноября — 1 декабря 1899 г. Н. К. Никольский вновь поблагодарил своего адресата и выразил желание представлять А. А. Шахматову отчеты о своей работе: «В Москве я пребываю уже с 11 ноября. Неоднократно вспоминая здесь о том, что моя командировка состоялась благодаря Вашему непосредственному содействию, я не раз приходил к предположению, что Вы, вероятно, не посетовали бы на меня, если бы изредка я посылал бы Вам краткие сообщения о своих занятиях. Но в первое время писать было — не о чем; а в настоящее время нередко приходится (чтобы не упустить случая) дорожить каждым часом дня и ночи» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1064. Л. 13]. Несмотря на многочасовую работу в рукописных хранилищах в дневные и вечерние часы, Н. К. Никольский представлял А. А. Шахматову подробные отчеты о своей работе для сведения лично ему и для представления членам отделения. Кроме того, в материалах канцелярии ОРЯС сохранились отчеты, представленные Н. К. Никольским историку, с 1899 г. — председателю отделения М. И. Сухомлинову, а сведения об ознакомлении членов ОРЯС с содержанием отчетов содержатся в академических протоколах [СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 717. Л. 33, 34, 40, 40 об.].

В ходе выполнения экспедиционных задач Н. К. Никольский столкнулся с определенными сложностями, связанными с режимом работы книгохранилищ, а также малодоступностью частных собраний. В письме от 26 ноября — 1 декабря 1899 г. он писал

А. А. Шахматову об условиях своей работы: «В Епархиальной библиотеке, открытой ежедневно в течение 7 часов, я успел просмотреть 380 рукописей в течение недели. Но другие библиотеки открываются на три или на четыре часа в сутки. Если иногда произойдет замедление при обмене рукописей или потребуется что либо списать, то много ли можно будет сделать за эти часы? — Я весьма благодарен Обществу Любителей просвещения за дозволение брать рукописи Епархиальной библиотеки на дом. Я делаю выписки из них по вечерам» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1064. Л. 14]. Спустя несколько месяцев, в письме от 27 (28) февраля 1900 г. ученый сообщил своему адресату: «В настоящее время по вечерам обзреваю монастырские московские библиотеки» [ibid.: Л. 51 об.].

В письмах к Н. К. Никольскому А. А. Шахматов неоднократно высказывал ученому слова поддержки. Так, в письме от 14 января 1900 г. он писал: «Должен оговориться: я такого высокого мнения о Ваших занятиях и организаторской способности, что уверен вполне, что намеченная цель будет Вами достигнута» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 729. Л. 23, 23 об. (Письмо от 14 янв. 1900 г.)], а в письме от 3 февраля 1900 г.: «Очень рад, что мы с Вами одинаково понимаем предстоящую Вам задачу, но зачем Вы так скептически относитесь к ее исполнению. Я убежден, что Вы готовите что-то значительное по своим последствиям» [ibid.: Л. 27 (Письмо от 3 февр. 1900 г.)].

В заседании 20 марта 1904 г. отделение постановило пригласить Н. К. Никольского принять на себя организацию издания сочинений русских писателей и других памятников русской письменности. Необходимые средства для издания сочинений регулярно по представлению А. А. Шахматова выделялись из Пушкинского фонда. Так, в письме от 20 марта 1905 г. А. А. Шахматов сообщил Н. К. Никольскому: «Финансы Отделения очень неважные, но в декабре можно было бы настоять еще на 1000 рублях для Вашего предприятия» [ibid.: Л. 100].

Благодаря поддержке отделения в 1906 г. был издан первый выпуск корректурного издания «Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.)» [Никольский 1906], но продолжить издание Н. К. Никольскому не удалось ввиду возникших разногласий с членами ОРЯС. В отчетах отделению и в письмах к А. А. Шахматову ученый неоднократно просил разъяснить для него статус издания, является оно академическим предприятием или частным изданием. В период полготовки издания А. А. Шахматов стал посредником между Н. К. Никольским и членами ОРЯС. Перед проведением всех заседаний, на которых рассматривались предложения по финансированию поездок и

других расходов, обсуждалась структура и состав издания, А. А. Шахматов предварительно встречался с ученым, чтобы согласовать организационные вопросы и выяснить позиции сторон.

В ответных письмах к Н. К. Никольскому А. А. Шахматов пытался найти компромиссное решение и тяжело переживал сложившуюся конфликтную ситуацию. В письме от 16 июня 1907 г. А. А. Шахматов предположил, что отношение Н. К. Никольского к изданию могло бы измениться: «В ответ на первое Ваше письмо, где Вы пишете о необходимости точно определить Ваше отношение к предпринятому Вами изданию, мне остается только выразить убеждение, что отношение это может определиться наилучшим образом только после избрания Вас членом Отделения, и пожелание, чтобы такое избрание состоялось. Но это убеждение и желание не препятствуют мне искренне надеяться, что Вы, как настоящий и единственный хозяин дела (Отделение выступает в качестве издателя), не станете искать затруднений там, где их нет, не будете создавать опасений там, где их не предвидится. Мне кажется и денежная и редакционная сторона дела обсуждена нами во всех подробностях» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 729. Л. 143, 143 об.].

В заседании 17 ноября 1907 г. члены отделения определили статус издания как академического и выразили желание продолжить подготовку издания древнерусских памятников под руководством Н. К. Никольского в качестве редактора [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а–1907. Д. 154 а. Л. 53]. В письме от 22 ноября 1907 г. А. А. Шахматов поддержал мнение членов отделения: «Горячо присоединяюсь к просьбе Отделения. Быть может, Вы укажете нам, на каких именно условиях Вы согласились бы оставить за собой редактирование издания» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 729. Л. 129].

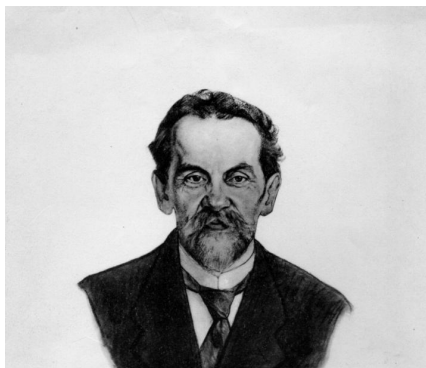
В течение нескольких месяцев А. А. Шахматов пытался найти компромиссное решение между Н. К. Никольским и членами ОРЯС, но достигнуть соглашения между сторонами ему не удалось.

6 декабря 1907 г., вследствие организационных трудностей Н. К. Никольский, как свидетельствуют академические протоколы, «сложил с себя обязанность редактора порученного ему академического издания “Памятники древнерусской литературы”» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а–1907. Д. 154а. Л. 273–274]. В начале 1908 г. Н. К. Никольский в письме к А. А. Шахматову с сожалением отметил: «Как Вы сами знаете, каждое из тех затруднений, о которых я писал, могло быть устранено Отделением, если бы оно того пожелало. Но оно дало мне понять, что ради меня оно не считает необходимым устранить хотя бы одно из них. Мое давнишнее предположение, что Отделение вовсе не

заинтересовано в том, чтобы я имел фактическую возможность осуществлять издание, оправдалось вполне. Поэтому дальнейшие мои обращения к Отделению были бы уже бесцельными» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1064. Л. 129. об. (Письмо от 6 янв. 1908 г.)]. Руководство дальнейшим изданием было поручено литературоведу, с 1907 г. — академику, В. М. Истрину, который занимался исследованиями древнерусских памятников в рамках намеченной ОРЯС программы в течение более десяти лет.

Таким образом, основная часть сохранившихся писем ученых содержит научную информацию, давая возможность исследователю заглянуть в творческую лабораторию ученых.

На протяжении многих лет Н. К. Никольский и А. А. Шахматов, чьи научные интересы соприкасались, прежде всего, по вопросам русского летописания, обменивались своими наблюдениями о местонахождении рукописных памятников, составе сборников, авторстве текстов.

Ил. 9. Н. К. Никольский.
Литография с рисунка неизвестного художника. 20-е гг. XX в.

Первое из сохранившихся писем А. А. Шахматова к Н. К. Никольскому содержит просьбу об уточнении содержания приписки в одной из книг Кирилло-Белозерского монастыря [СПФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 729. Л. 2]. В ответном письме Н. К. Никольский представил А. А. Шахматову подробную справку о заинтересовавшем ученого тексте как о заголовке, сделанном библиотекарем XVII века для включения в каталог книгохранилища [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1064. Л. 3 (Письмо от 27 апреля 1898 г.)]. Значительная часть писем корреспондентов, кроме научно-организационных вопросов, посвящена дискуссии о составе рукописных памятников, с приведением обширных фрагментов текстов, что делает этот комплекс документов уникальным для исследователей. Так, в письме от 16 марта 1900 г. А. А. Шахматов писал своему корреспонденту: «Еще раз благодарю за сообщение о летописях Синодальной библиотеки. Я только на днях распутал вопрос о летописном сборнике, в который вошла Троицкая летопись. Теперь я и покойнее и многое для меня прояснилось в лето-

писании XV века» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 729. Л. 36].

Сведения личного характера в письмах А. А. Шахматова и Н. К. Никольского немногочисленны. Но в конце ноября 1918 г. Н. К. Никольский, в связи с предстоящей ему операцией, беспокоясь о ее исходе и в связи с этим — о сохранности ценных для него материалов, находившихся в Детском Селе, обратился к А. А. Шахматову с просьбой о содействии в их охране: «Для удаления “инородного тела”, по моей неосторожности попавшего в пищевод мне на днях предстоит операция, исход которой, конечно, трудно предвидеть. На время я принужден оставить собранные для Академии материалы без призора. Авось какнибудь они уцелеют до моего возвращения из клиники (вероятно Федорова), если таковое состоится. В противоположном случае я просил бы Вас принять меры к их охране. Моя квартира числится в местном Совете как библиотека, находящаяся под покровительством Академии Наук и даже ей принадлежащая, а потому освобождена от платы и от вселения. Вам в виду этого можно было бы предпринять шаги к тому, чтобы все находящееся в ней вместе с академическими материалами и книгами не было бы реквизировано. Моим сестрам и жене, надеюсь, Вы не отказали бы в выдаче тех вещей, которые им принадлежат. Если же Вам не удалось бы отстоять свои права на материалы и книги, принадлежащие Академии, то, конечно, должны будут погибнуть и все начатые работы мои. При разборке карточек и списков с рукописей, мог бы оказаться Вам полезным Николай Николаевич Зарубин, стипендиат У[спенский], которого я посветил в планы моих занятий (адрес: Витебск, Больничная ул., д. № 15). Работы предстоит много, так как материалы и карточки находятся в “хаотическом” порядке, во многом зависевшим от условий жизни в минувшем году. Искренне Ваш. Н. Никольский» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 191. Л. 78, 79 (Письмо от 28 ноября 1918 г.)]. К счастью, операция прошла удачно, а переписка между А. А. Шахматовым и Н. К. Никольским продолжалась (по сохранившимся письмам) до 1919 г.

Для Н. К. Никольского общение со своим адресатом, несомненно, было очень важным как с единомышленником в научно-исследовательской работе и искренним человеком, оказывающим постоянную помощь членам академического сообщества. В письмах к Н. К. Никольскому А. А. Шахматов представляется исследователю как тонкий психолог и организатор науки, который, понимая сложность проведения трудоемких изысканий, делал все возможное, чтобы осуществить уникальное академическое издание, востребованное историками древнерусской литературы и в настоящее время.

Литература

Никольский Н. Материалы для истории древне-русской духовной письменности. I. К вопросу о неизданном поучении митрополита Климента Смолятича. II. Поучение старца Кирилла в неделю сырную. III. Молитва, составленная преп. Нилом Сорским. // Известия ОРЯС. Т. 2. Кн. 1. СПб., 1897.

Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). Корректурное издание. СПб., 1906.

Никольский Н. К. Памяти А. А. Шахматова. // Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1920.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 16. СПб., 1842.

А. А. Шахматов и В. М. Истрин¹

**Ил. 10. В. М. Истрин. Фотопортрет. 1907.
СПФ АРАН®. Р. X. Оп. 1-И. Д. 28. Л. 1.**

Исследователи неоднократно обращались к научному наследию А. А. Шахматова и В. М. Истрина. В первую очередь, рассматривалась их полемика по вопросам истории русского летописания.

В советской историографии «шахматовский» подход к изучению летописей получил наибольшее распространение. Поэтому почти все исследователи того времени воспринимали работы В. М. Истрина как шаг назад по сравнению с трудами А. А. Шахматова. Обзор этих работ был сделан В. И. Бугановым [Буганов 1975: 31–43].

В. Г. Вовина-Лебедева пишет, что В. М. Истрина упрекали в гипотезе о несамостоятельности первых русских летописей и их зависимости от византийских хронографов. Кроме того, его картина возникновения Повести временных лет оказалась слишком простой. В. М. Истрин отвергал идею А. А. Шахматова о Начальном своде как источнике Повести временных лет и первой части Новгородской I летописи, однако сплошного сличения текстов не провел [Вовина-Лебедева 2011: 274].

Вопрос о взаимоотношениях ученых внутри академического сообщества затрагивался не становился предметом специального изучения. Основной источник по данной проблеме — переписка А. А. Шахматова и В. М. Истрина. Она хранится в СПФ АРАН в фондах 134. Оп. 3. № 618 (В. М. Истрин) и 332. Оп. 3. № 181 (А. А. Шахматов). В фонде В. М. Истрина находятся письма А. А. Шахматова; напротив, в фонде А. А. Шахматова — письма

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-01-00057.

В. М. Истрина. К данному эпистолярному комплексу впервые обратилась В. Г. Вовина-Лебедева. Исследовательница пишет: «Несмотря на то, что Истрин продолжал критиковать Шахматова и в других письмах, между ними со временем установились искренние и доверительные отношения» [ibid.: 282]. Она считает, что А. А. Шахматов сыграл решающую роль в избрании исследователя в ординарные академики по ОРЯС. «Очевидно, что Шахматов принимал все жизненные проблемы Истрина близко к сердцу и продолжал всячески помогать ему и в последующие годы, и не только в научном отношении» [ibid.: 274], — пишет В. Г. Вовина-Лебедева. Однако исследовательница рассмотрела не весь эпистолярный комплекс. В центре ее внимания была научная полемика Шахматова и Истрина. Целостную картину отношений двух исследователей еще предстоит воссоздать.

Комплекс писем А. А. Шахматова и В. М. Истрина сохранился не полностью. Первое письмо В. М. Истрина датируется 1895 г., последние относятся к 1919 г. Письма А. А. Шахматова сохранились за 1904–1918 гг. Таким образом, о переписке за период до 1904 г. мы можем судить только по письмам Василия Михайловича. За последующий период также сохранились ответы не на все письма. Писем В. М. Истрина больше (всего 124 письма), чем писем А. А. Шахматова (всего 29 писем). На большинство посланий Алексея Александровича можно подобрать ответ Василия Михайловича, но также не во всех случаях. Иногда мы располагаем письмом А. А. Шахматова, для которого «парное» послание В. М. Истрина не сохранилось. Затрудняет работу с эпистолярным комплексом также тот факт, что многие письма В. М. Истрина не содержат указаний на точную дату. Написано число, но не указан год написания. Иногда дату того или иного письма можно восстановить на основании содержания. В письме приводятся сведения, которые могут помочь датировать его. Например, в одном из писем упоминается смерть некоего Ляпунова [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 112]. В АН было три человека с такой фамилией. В годы, когда еще был жив А. А. Шахматов, умер только математик Александр Михайлович Ляпунов. Он застрелился 3 ноября 1918 г. В письме на лл. 138–139 от 15 февраля исследователь спрашивает о смерти Веселовского, который умер 25 ноября 1918 г. Следовательно, это письмо относится к началу 1919 г. Однако не всегда упоминаются широко известные события. Чаще всего затрагиваются внутренние вопросы академической жизни (выплаты, отпуска, командировки и т.д.), сведения о которых фиксировались в протоколах заседаний Ака-

демии наук (Общего собрания и ОРЯС).

В качестве первого этапа переписки исследователей можно обозначить период до избрания В. М. Истрина ординарным членом Академии наук. В это время Василий Михайлович в основном находится не в Петербурге и поэтому пишет своему коллеге достаточно часто. Первое письмо В. М. Истрина А. А. Шахматову датируется 20 января 1895 г. В это время он находился в заграничной командировке, в ходе которой слушал лекционные курсы и работал с зарубежными собраниями рукописей. Исследователь пишет: «Сижу уже с месяц в Мюнхене, занимаюсь немножко византологией у проф. Хрумбекера, упражняюсь в палеографии. Возобновляю в памяти свои старые скудные познания по востоку у профессора Гоммеля. Между прочим занимаюсь византийской хронографией и разрабатываю славянский текст Малалы, имея в виду по возвращении начать его издание, обратив его в очень неприятную вещь — в диссертацию. Издание Александрии было первым опытом, второй опыт будет свободен от промахов и ошибок» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 1]. В. М. Истрин и ранее обращался к сюжетам русской хронографии. В письме он упоминает более ранний опыт своих научных изысканий - «Александрию русских хронографов», которым он не до конца оставался доволен [Истрин 1983]. Сохранились отчеты В. М. Истрина о командировках за границу. Согласно им незадолго до написания этого письма В. М. Истрин работал в рукописных собраниях Праги и Балканского полуострова — Белграда, Софии, Филиппополя, Афонских монастырей [Истрин 1896]. В отчете он довольно подробно излагает результаты своих изысканий. Там же он приводит некоторые любопытные сведения о тех сложностях, с которыми он столкнулся, в работе с материалами славянских библиотек. Он пишет: «Заниматься старою славяно-русскою литературой в означенных местах довольно затруднительно вследствие отсутствия необходимых пособий <...> Русские периодические издания получают большею частью неаккуратно, а в некоторых библиотеках, как например, Белградских — народной и академической — получается их ничтожное количество, а те, которые получают, находятся далеко не в полном составе» [Истрин 1896: 48]. Сложности возникали и с запросами необходимых материалов. В отчете Василий Михайлович пишет: «Повторяю, для посещения афонских библиотек нужно вооружиться терпением. Правда, многого нельзя требовать. Мы сами от этого ушли недалеко. Кто не знает, какого труда стоит пробиться в библиотеку Чудова монастыря в Москве» [Истрин 1896:

39]. Кроме того, научным изысканиям В. М. Истрина препятствовал бюрократический аппарат. Василий Михайлович пишет, как он обратился с запросом о предоставлении ему одной рукописи на дом в библиотеке св. Марка в Венеции. Библиотекарь попросил у исследователя засвидетельствовать его личность в консульстве. В. М. Истрин отправился туда, взяв в библиотеке специальный бланк. Консул сначала заявил, что не знает исследователя и бумаги о его командировке ему не поступало. «Вы можете уехать, не возвратив книги, а с меня взыщут», — заявил чиновник. Ученый собирался предъявить необходимые бумаги, но консул остановил его: «Да, может быть вы и действительно командированы министерством, но если вы не возвратите книги, то ведь не с министерства требуют деньги, а с меня же. Нет, я не могу дать вам никакого удостоверения» [Истрин 1896: 40]. В. М. Истрин пишет: «С тем он и отпустил меня, похвалив, впрочем, меня на прощание, за то, что я русский и православный и высказал удовольствие видеть соотечественника на чужой стороне <...> Подобный случай, хотя и единственный, за все время моего двухгодичного пребывания за границей, заставляет несколько примириться с беспомощностью при занятиях на востоке» [Истрин 1896: 40].

Столь обширная цитата из отчета приведена нами с одной целью — показать контраст между публикуемым в ЖМНП текстом и письмом коллеге, которое было написано сразу после этих событий. В послании А. А. Шахматову В. М. Истрин не затрагивает все любопытные подробности, связанные с его зарубежным путешествием, ограничиваясь лишь своими основными академическими планами. Он пишет в своем письме: «Я словно отчет в своих занятиях Вам пишу, но думаю, что, может быть не безынтересно Вам знать, что делает Ваш товарищ, когда-то бегавший от одного предмета к другому. Может быть, для чего-нибудь и примите к сведению. Дело издания памятников у нас стоит у нас еще очень не высоко. Не мешало бы Академии обратить свой взор на это и подождать, например, так роскошно издавать немецкие стихи с переводом Ломоносова, которые уже, конечно, менее найдут читателей, чем даже, например, Палея» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 1]. Таким образом, именно в письме от 20 января 1895 г. В. М. Истрин формулирует свой подход. Он планирует заняться изданием славянских переводов хроник и предлагает А. А. Шахматову принять это к сведению. Ниже мы попытаемся показать, что замыслы Василия Михайловича, касающиеся публикации исторических источников, изложенные еще в первом письме, были активно поддержаны Алексеем Александровичем.

Находясь за рубежом, В. М. Истрин иногда обращается к А. А. Шахматову с просьбами о помощи. В письме от 12 февраля 1895 г. он пишет своему коллеге: «Очень и очень благодарю Вас за все хлопоты и за присылку денег. Деньги вышло тотчас по получении, за хлопоты останусь у Вас в долгу. Удивительные порядки — дать отсрочку на 6 месяцев и два месяца не присылать денег! Только у нас это возможно. Я сам просил только на полгода и в июне вернусь в Москву» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 3].

Уже после возвращения на Родину, В. М. Истрин продолжает тесные профессиональные контакты с А. А. Шахматовым. Василий Михайлович обращается к своему коллеге по различным вопросам научно-производственного характера. В частности, именно с А. А. Шахматовым он согласовывает публикацию некоторых статей. Он пишет по поводу размещения своей статьи в Известиях Академии наук: «Теперь у меня есть до Вас дело. Еще до отъезда за границу мною были прочитаны два реферата, посвященные Толковой Палее. На днях я собрал старые заметки, исправил и дополнил и теперь хотел бы поместить в академических Известиях. Я чувствую себя в долгу, так как совершенно не заслуженно получил первую книжку Известий. Не найдете ли возможным взять мою статейку? Она небольшая, вероятно на лист с чем-нибудь. Только я просил бы Вас, нельзя ли поместить ее в ближайшей книжке. Я теперь нахожусь в очень стесненных обстоятельствах, так что не могу даже переселиться в Москву. Если бы я застал Вас дома, то я передал бы, что со мной сделало министерство, но теперь было бы долго распространяться. Скажу только, что помимо своего желания приходится смотреть на свою статью как на денежный источник». Письмо относится к 26 октября 1896 г. В последующие годы в ИОРЯС выходит целая серия статей В. М. Истрина о составе Толковой Палеи [Истрин 1897, I–III: 175–203, Истрин 1897, IV: 845–905, Истрин 1897, V–VI: 472–531]. В дальнейшем все эти статьи были изданы как единый труд «Замечания о составе Толковой Палеи» [Истрин 1898]. По всей видимости, в письме А. А. Шахматову идет речь именно об этой работе. Небольшая статья, в которой Василий Михайлович видел способ поправить свое материальное положение, переросла в масштабное исследование. Письма А. А. Шахматова за этот период нам не известны. Однако возникает вопрос: не способствовал ли он прямо или косвенно тому, что В. М. Истрин продолжил свои разработки в области изучения Толковой Палеи? Кроме того, именно к А. А. Шахматову В. М. Истрин обращается по поводу издания Хро-

ники Георгия Амартола. В последнем своем письме, отправленном из Москвы, он сообщает: «По некоторым основаниям мне очень приятно, что Вы отзываемся одобрительно о нашем предприятии. Ваше желание могу удовлетворить пока не вполне. Мы пока находимся в неизвестности относительно издания Амартола. Давно было известно, что Академия Наук хочет издавать один перевод, а ОЛДП — другой. Над последним, т. н. сербским давно работает Поливка, но его услуги профессор Васильевский, который заведует изданием ОЛДП, отринул» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 7–8 об.]. Пишет он также и о возможных финансовых трудностях с изданием Амартола.

В. Г. Вовина-Лебедева считает, что, несмотря на существовавшую между исследователями научную полемику по поводу русского летописания, А. А. Шахматов помог В. М. Истрину организовать один из важнейших проектов его жизни — издание Хроники Георгия Амартола [Вовина-Лебедева 2011: 284]. На момент написания письма споров еще не было. В. М. Истрин обратится к критике летописеведческих изысканий А. А. Шахматова несколько позже. Кроме того, Хроника Георгия Амартола — один из источников Повести временных лет, текстом которой занимался Шахматов. Однако критическое издание славянского перевода памятника с комментариями и исследование не было осуществлено. Поэтому в данной работе В. М. Истрина сам Алексей Александрович был заинтересован. Хроника Георгия Амартола была для Шахматова одним из основных источников, который мог дать толчок его собственным исследованиям. Он принял к сведению планы своего коллеги об издании памятников древнерусской книжности, о которых Василий Михайлович писал еще в первом сохранившемся письме от 20 января 1895 г., и оказывал ему содействие, в частности — материально-технического характера. Хотя во время написания письма 17 февраля 1897 г. В. М. Истрин еще не приступил к подготовке издания и сообщает, что относительно издания пока ничего не известно, примечательно, что именно с А. А. Шахматовым он делится сведениями о начале этой работы.

С 1897 по 1907 г. В. М. Истрин работал в Одессе. В Новороссийском университете он читал ряд курсов и спецкурсов по древнерусской литературе. В своих письмах А. А. Шахматову он пишет в основном о том, что университетская деятельность отнимает у него много времени, и он не может заняться исследованиями. В письме 1899 г. сказано: «Пушкинский юбилей совершенно выбил меня из колеи. Прежде всего, в течение великого поста пришлось читать пуб-

личные лекции, а затем готовился к произнесению речи <...> Нынешний год приходится читать 8 часов и самые разнообразные курсы: и русского языка, и литературы 17–18 вв. и западную средневековую литературу. Но скучно становится, когда подумаешь, что так много есть такого, что ждет исследования, и нет возможности ничего сделать. К тому же здесь и библиотеки нет» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 12 об.]. В письмах А. А. Шахматову он пишет о своей преподавательской работе только в том смысле, что она сокращает его время на занятие научной деятельностью. Кроме того, научным изысканиям препятствовало отсутствие необходимой материальной базы для изучения древнерусской литературы. В письме от 19 октября 1901 г. он сетует на то, что для полноценной полемики с А. А. Шахматовым ему просто не хватает материалов: «Как же я могу отвечать Вам по поводу Сим<еоновской> летописи, когда Вы пишете, что имеете какие-то новые рукописи, между тем, как я лишен и старых? Дождусь ли я того времени, когда и мне станут доступны новые материалы!» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 23]. На протяжении своего пребывания в Одессе он часто обращается к своему коллеге с просьбой выслать ему необходимые рукописи, издания или курсы лекций. В постскриптуме письма от 3 октября 1897 г. он пишет: «Читаю в университете, между прочим, русский язык, который доставляет мне немало хлопот. Только теперь сознаю особенно, как хорошо я сделал, что в университете занимался у Филиппа Федоровича (Фортунатова — *прим. А. Ж.*). Специалистом по языку я, конечно, не буду, но мои курсы все будут походить немного на научные. Жаль, что не имею Ваших лекций» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 11]. В письме от 18 сентября 1899 г. Истрин обращается к Шахматову: «Нет ли у Вас экземпляра Ваших лекций по русскому языку? Если есть, то не перешлете ли их мне на время. Не подумайте, что я хочу читать Ваши лекции, выдавая их за свои. Я хочу главным образом проверить себя — свой метод и план. Ведь если бы Вы их напечатали, я стал бы, конечно, ими пользоваться. Возвращены будут лекции в сохранности» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 15].

В письме 3 октября 1897 г. В. М. Истрин отмечает, что слушал лекции Ф. Ф. Фортунатова, учителя А. А. Шахматова в области лингвистики. В этой связи хотелось бы обратиться к вопросу об истоках метода А. А. Шахматова и В. М. Истрина. В самом начале статьи мы привели обширную цитату из монографии В. Г. Вовиной-Лебедевой. Исследовательница считает, что основы метода оба исследователя по-

заимствовали у своих учителей, которые в свою очередь были учениками одного и того же исследователя — Ф. И. Буслаева. Однако сам сравнительный метод ко времени студенчества А. А. Шахматова и В. М. Истрина обрел в гуманитарной науке широкое распространение. Во время обучения оба исследователя слушали лекции одних преподавателей. Впоследствии они продолжали тесное общение, в том числе и в научных вопросах. А. А. Шахматов и В. М. Истрин находились в одной ученой среде, с которой, на наш взгляд, также следует связывать сходство их методов.

В это время начинается полемика А. А. Шахматова и В. М. Истрина по вопросам истории русского летописания. Особый интерес представляет недатированное письмо от 9 марта. Дату можно восстановить по контексту. В. М. Истрин пишет в нем: «Я видел 1-й том нового словаря Венгерова» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 153]. Имеется в виду «Источники словаря русских писателей» С. А. Венгерова, первый том которого вышел в 1900 г. Впрочем, установить, вышел он в начале или в конце года, мы пока не смогли. Письмо может датироваться чуть более поздним временем. В нем В. М. Истрин пишет: «Приступив ближе к знакомству с Вашими статьями по летописи, я постоянно встречаю замечание «продолжение будет». Это останавливает сделать проверку Ваших выводов, т.к. считаешь решение каждого вопроса незаконченным, тем более, что у Вас есть странная манера в апреле отказываться от того, что сказали в марте. В виду этого, приходится желать окончить Ваши начатые статьи. Самое лучшее было бы, если бы Вы переработали вновь и издали в одной целой книге. Не сделаете ли Вы эту попытку?». Исследователь отмечает, что А. А. Шахматов иногда излагает факты, установленные до него как свои собственные открытия. По мнению Истрина, все, что писал Алексей Александрович про «Летописец патриарха Никифора», уже было известно. Кроме того, исследователь в своем письме затрагивал вопрос о несохранившихся редакциях, которые А. А. Шахматов «сокращает» или «распространяет» произвольно. В. М. Истрин пишет: «Неволью спрашиваешь себя, почему дошедшие до нас редакции дошли часто во множестве списков, а целый ряд придумываемых редакций не дошли, а только лишь каждая редакция отразилась» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 153]. По мнению исследователя, чтобы проверить выводы А. А. Шахматова, нужно изучить летописи столь же досконально.

В письме от 9 марта 1900 г. В. М. Истрин впервые обращается к

критике научных работ А. А. Шахматова по истории русского летописания. В прочих письмах замечания В. М. Истрина представлены не столь развернуто. В письме от 19 октября 1901 г. В. М. Истрин пишет А. А. Шахматову: «Мне кажется, что в Ваших словах по поводу моего совета я вправе усматривать выражение обиды по поводу «совета». Если это так, то это очень жаль. Обижать Вас я нисколько не был намерен: в моем якобы «совете» не было и тени высокомерного к Вам отношения, к Вашим «способностям» и т. п., на это наталкивает меня Ваш ответ. Неужели же нельзя высказать своего мнения без того, чтобы оно не обидело того, кого менее всего желаешь обидеть? Мне просто только жаль, когда Вам приходится отказываться от своих мнений, на которые иные успели уже положиться. Я говорю это и по опыту и отзываю других» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 22]. В. Г. Вовина связывает письмо от 19 октября 1901 г. и недатированное письмо от 9 марта. Она считает, что «совет» В. М. Истрина отразился именно в последнем послании [Вовина-Лебедева 2011: 279–280]. Это не противоречит предложенной нами датировке 1900–1901 гг. Вполне возможно, что перед нами два письма, следовавшие одно за другим. Таким образом, наиболее острая полемика по вопросам истории русского летописания в переписке пришла на 1901 г.

В письме от 17 июля 1905 г. В. М. Истрин пишет: «Вот у меня какое дело. Получив Вашу статью о Палее и прочитав, я очень рассердился и написал против Вас сердитую критику, в которой не согласился ни с одним Вашим положением. Но Ваша статья заставила меня подробнее остановиться на вопросе о редакциях, и теперь у меня пошло и мое собственное исследование. Весь вопрос — где все это напечатать?» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 44]. Для этого письма мы располагаем ответом А. А. Шахматова. Он пишет в письме от 28 июля: «С большим удовольствием напечатаем в Известиях Вашу статью и также полемическую часть ее. Вопрос настолько важен и интересен, что полемика может быть только полезна» [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 181. Л. 7]. Статья В. М. Истрина с подробным разбором исследования А. А. Шахматова о летописи Толковой Палеи была опубликована во втором номере Журнала Министерства народного просвещения за 1906 г. В ИОРЯС В. М. Истрин публикует уже не критическую статью, а исследование «Редакции Толковой Палеи». В. М. Истрин критикует суждение А. А. Шахматова о том, что и полная, и краткая Палеи восходят к одной хронографической и связаны друг с другом самым тесным образом. Исследователь пишет: «Я полагаю, что

основание для такого построения было дано несколькими замечаниями, брошенными вскользь в моем исследовании «Из области древней русской литературы». Указывая сходственные места в обеих Палеях, я иногда указывал, что ни одна Палея не вышла из другой, но что обе восходят к более древней, но определение этого более древнего источника я не давал» [Истрин 1906: 1–2]. Далее исследователь пишет, что оба памятника возникли независимо друг от друга и никакой хронографической Палеи на самом деле не существовало [Истрин 1906: 2].

В. Г. Вовина-Лебедева пишет, что полемика В. М. Истрина и А. А. Шахматова носила частный характер и не затрагивала самого метода, который у двух исследователей был сходен. Переписка «одесского» периода заставляет обратить внимание еще на одну особенность взаимодействия исследователей. Их труды дополняли друг друга. Еще в письме 9 марта 1900 г. Истрин предлагает Шахматову объединить все его основные выводы в единой монографии. Впоследствии это предложение будет воплощено. Появится основной труд А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах». В письме указано, что именно несогласие с выводами А. А. Шахматова дало толчок собственному исследованию В. М. Истрина. Метод обоих исследователей формировался в единой среде. Кроме того, они вели исследовательскую работу в тесном взаимодействии. Их полемику следует воспринимать скорее как уточнение частных вопросов на пути к разрешению более глобальных научных проблем, к которому исследователи шли совместными усилиями. В частности, исследователи сообщали друг другу обо всех своих последних изысканиях. Например, в одном из открытых писем Истрин пишет Шахматову: «В следующей книжке ЖМНП будет еще одна, для Вас любопытная, глава об Архивском протографе» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 38].

Весьма показателен в этом смысле также тот факт, что во время пребывания Истрина в Одессе, А. А. Шахматов всячески способствовал публикации «Хроники Георгия Амартола», над изданием которой работал В. М. Истрин. Именно А. А. Шахматов помогал своему коллеге получить для более эффективной работы рукописи, которыми Василий Михайлович не располагал. В одном из открытых писем Истрин обращается к Алексею Александровичу: «Многоуважаемый Алексей Александрович! Пришлите, пожалуйста, список с Георгия Амартола (по Троицкой рукописи), находящийся в Академии» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 32]. В другом письме исследователь

пишет по поводу другой рукописи: «Многоуважаемый Алексей Александрович. В Археологической комиссии находится список Георгия Амартола из Супрасльского монастыря. Как сделать, чтобы получить его и к кому обратиться?» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 35]. В следующем письме В. М. Истрин обращается к своему коллеге: «Мы решили отлитографировать хронику Амартола по Троицкой рукописи, прежде, чем начать печатание и разработку. Спишем мы сами, но на литографию у нас денег нет. Может ли Отделение взять на себя расходы по литографии? Взамен рукописной копии оно получит несколько экземпляров литографированных. Жду и на это ответа» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 34]. В ответном письме от 13 октября 1904 г. Шахматов пишет: «Очень благодарю за присылку Амартола. Как хорошо, что все-таки у Вас началась работа, несмотря на безденежье и на все прочие неблагоприятные условия. Не сомневаюсь в том, что Отделение выдаст на окончание литографического стекла нужные деньги, но только не в этом году. У нас не осталось ни одной копейки. Заявление сделаю в ближайшем заседании, но очень опасаясь, что заседания не будет раньше января» [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 181. Л. 3]. Если в письме от 17 февраля 1897 г. исследователь пишет только о том, что А. А. Шахматов одобрительно отзывался об этом «предприятии», то теперь Алексей Александрович начинает оказывать своему коллеге техническую помощь с изданием.

События революции 1905–1907 гг. мало отразилась в эпистолярном комплексе. Следует, впрочем, отметить, что в этот период ухудшается финансовое положение В. М. Истрина. В этих условиях исследователь обращается к своему коллеге за помощью: «Нынешний год тяжел всем, или он перевернул положительно все. Тяжел он и для меня — в денежном отношении. Все расчеты не оправдались: курсы не открываются, государственных экзаменов нет, гонорара нет. А между тем, моя женитьба связана была с новыми долгами, погасить которые намерен был экстраординарными доходами. Но их-то нет. А тут еще министерство удержало и 20 % прибавкою. А между тем, приходит срок выплатам. Разумеется, можно их отсрочить и заплатить %. Но я дошел до того, что даже на это денег не имел: у меня много расходов по семье. В половине ноября мне необходимо иметь 75 рублей для этой цели. Нельзя ли будет получить такую сумму авансом за статью?» [СПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 46–46 об.]. В ответе от 6 ноября 1905 г. А. А. Шахматов отвечает: «Сделаю, что возможно, чтобы выслать Вам 75 р. Быть может, это удастся в ближайшем заседании во

вторник. Если нет, извещу» [СПФА РАН. Ф. 332. Оп. 2. № 181. Л. 11].

Кроме того, с революционными событиями связано избрание А. А. Шахматова в Государственный совет. В. М. Истрин посылает коллеге свои поздравления: «Сегодня, т.е. только что, прочитал о Вашем избрании в Государственный Совет и спешу поздравить. Вот только, было ли желательно для Вас самое это избрание, и потому довольны ли Вы будете поздравлением. Я уверен, что многие вместе со мной испытывают двойное чувство: с одной стороны удовлетворение и удовольствие, что и в Совете будут люди, защищающие интересы науки, а с другой — опасение отвлечения от последней» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 49.]. В своем ответе А. А. Шахматов опровергает опасения Василия Михайловича: «Очень Вас благодарю за поздравление. Я не испытываю того чувства, что Вы: не боюсь, что избрание в Государственный Совет отвлечет нас, членов, от университетов и Академии, от науки, так как уверен в том, то пребывание наше в Совете будет весьма и весьма непродолжительно. Государственная Дума должна будет разрушить поставленное между нею и Государем средостение; она не сделает этого только в том случае, если ее разгонят, если ей не дадут работать» [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 181. Л. 13].

Нельзя отрицать участие В. М. Истрина в общественно-политической жизни в рамках академического сообщества. На листах переписки она почти не отразилась. Но в фонде В. М. Истрина в СПФ АРАН находится приглашение от Петра Александровича Лаврова принять участие в собрании «для обсуждения создавшегося положения в Сербии и способов оказать содействие сербам» [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 1. № 33. Л. 1]. Мероприятие должно было состояться на квартире А. А. Шахматова. Причем сам Алексей Александрович числится в списке приглашенных, как и В. М. Истрин. Были также приглашены и другие представители академического сообщества (К. Я. Грот, И. С. Пальмов, А. И. Соболевский и др.) [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 1. № 33. Л. 1–2].

«Одесский период» биографии В. М. Истрина завершается его избранием в Академию наук. А. А. Шахматов принял в этом деятельное участие. Именно он известил Василия Михайловича об избрании. В письме от 24 января 1907 г. он пишет: «Отделение русского языка и словесности желало бы видеть вас в своей среде. Не приступая к баллотировке, в положительных результатах которой не может быть сомнения, члены Отделения поручили мне спросить Вас, согласны ли Вы подвергнуться ей, т. е. согласны ли Вы перейти сюда ординарным академиком?» [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 3. № 181. Л. 21]. В ответе

В. М. Истрина от 6 февраля 1907 г. сказано: «Я послал Вам свое согласие на предложение Отделения и, так сказать, официальную Вам благодарность. Теперь позвольте принести Вам уже неофициальную благодарность и за честь, и за хорошее отношение. Меня, действительно, немного смущает денежная сторона, тем более, что в Академической деятельности я вижу ту, между прочим, хорошую сторону, что она дает возможность освободиться от преподавательской обузы. Я и теперь получаю больше академического жалованья, а жизнь в Одессе все-таки подешевле Петроградской. Но что же делать? Как-нибудь устроимся» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 53]. Баллотировка в ОРЯС состоялась 10 февраля 1907 г. Истрин был избран большинством (пять шаров против одного). В общем собрании выписка о результатах избрания в Отделении была доложена на заседании Общего собрания 10 марта. В приложении к Протоколу была напечатана записка об ученых трудах Василия Михайловича [Протоколы заседаний Императорской Академии Наук за 1907 г. Общее собрание: § 91]. В ней подчеркивались заслуги В. М. Истрина в изучении древнерусской и переводной литературы, а также важные заслуги в организации целой школы исследователей данного предмета. Авторами ее были А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов и В. И. Ламанский. В общем собрании Истрин был избран ординарным академиком с результатом 22 избирательных голоса против 7 неизбирательных.

После избрания в Академию В. М. Истрин переезжает в Петербург. Начинается новый этап его биографии, а также новый этап переписки с А. А. Шахматовым, объем которой сокращается, поскольку оба исследователя теперь проживали в одном городе. Чаше В. М. Истрин посылал краткие открытые письма объемом в одно-два предложения. В одном из таких писем Василий Михайлович пишет: «Не можете ли в субботу захватить с собой листа 4 Амартола (не оглавление): мне на время нужно — с страницы 21-й» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 62]. В другом письме: «Если Вы достали свой экземпляр Пыпина Ист. лит. т. 1 и 2-й, то не забудьте захватить с собой в [суб]боту или в понедельник» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 65]. Еще одно такое краткое уведомление: «Я забыл сказать, что на 8-е число у нас назначена комиссия о выдаче пособий и кажется — важная. Не перенесете ли наше заседание на вечер 9-го: я свободен с 2 1/2 часов» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 66]. Ответы А. А. Шахматова на открытые письма В. М. Истрина не сохранились.

Исследователи писали друг другу и более пространные письма,

когда кто-то из них находился не в Петербурге. В письме от 30 июля 1908 г., отправленном из Москвы, В. М. Истрин пишет: «Я получил письмо, что квартира наша готова. Теперь я думаю, что Вы уже перенесли из старой квартиры в новую. Теперь сделайте еще вот что. Возьмите у казначея 55 р. и отнесите управляющей за квартиру. Я точно не знаю цен, но не больше 55 р. Не забудьте в старой квартире отвинтить две предохранительные цепи у дверей» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 64]. В одном из писем А. А. Шахматов обращается к В. М. Истрину с просьбой дать отзыв о статье преподавателя В. М. Чулицкого. Сам Алексей Александрович эту статью счел слабой и хотел вернуть ее автору, однако просит Василия Михайловича дать отзыв, как специалиста по данной тематике. В. М. Истрин пишет: «Не нужно и ссылаться на мнение специалиста, чтобы отослать статью обратно. Цена ей — ноль» [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 181. Л. 36]. Еще одно обращение А. А. Шахматова к Василию Михайловичу связано с изданием Архива братьев Тургеневых. Алексей Александрович пишет: «Хорошо ли заглавие «Архив братьев Тургеневых»? Как будто напоминает название торговых фирм. Не лучше ли «Тургеневский архив»? Далее не лучше ли годы вместо года? Далее, не уничтожить ли скобки, в которых стоит «I том». Б. м. лучше, Том I» [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 181. Л. 37]. На листах этого же письма В. М. Истрин пишет свой ответ: «1. Заглавие «Архив бр. Тург.» узаконено Комиссией на том основании, что под «Тургеневским» Архивом все разумеют архив Ивана Сергеевича Тур-ва. 2. Годы можно переправить на годы. 3. (I том) следует оставить, ибо том 1^а будет означать, что 1806–11 гг. Есть еще 2^а-том, а такового нет; скобки заслоняют собой — «то есть» [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 181. Л. 37–37 об.].

Обсуждались исследователями также вопросы, связанные с баллотировкой в ОРЯС. В письме от 17 ноября 1913 г. А. А. Шахматов пишет: «Присутствовавшими в заседании членами намечены два кандидата на две вакансии: В. Н. Перетц и В. С. Иконников. Положено сообщить об этом до производства баллотировки не присутствовавшим и не находящимся в Петербурге членам. Надеюсь, Вы одобрите Наше предложение» [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 181. Л. 42]. Ответ В. М. Истрина на это письмо обнаружить не удалось. Протоколы заседаний АН сообщают относительно избрания этих двух ученых в Академию следующие сведения. В §299 заседания ОРЯС за 1913 г. от 12 декабря 1913 г. сказано, что В. Н. Перетц и В. С. Иконников были избраны в Отделении единогласно. На заседании 18 января 1914 г.

А. А. Шахматов донес эти сведения до Общего собрания [Протоколы заседаний Императорской Академии наук за 1914 г. Общее собрание: § 44, 45]. Записки об ученой деятельности исследователей были напечатаны в списках приложения к протоколу. На следующем заседании 8 февраля 1914 г. В. С. Иконников был избран 22 избирательными голосами против 3 неизбирательных, а В. Н. Перетц — 18 избирательными против 7 неизбирательных [Протоколы заседаний Императорской Академии наук. Общее собрание за 1914 г.: § 68, 69]. В протоколах нет дальнейших сведений относительно утверждения Перетца в Министерстве Народного просвещения. Однако в своем письме В. М. Истрину А. А. Шахматов пишет: «Заботят меня вопросы о Перетце: ну, как его не утверждать?» [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 181. Л. 46 об.]. Очевидно, что на финальной стадии возникли сложности, которые, впрочем, удалось решить. В. Н. Перетц был утвержден, о чем А. А. Шахматов сразу же сообщает В. М. Истрину [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 181. Л. 48–48 об.].

В годы, когда В. М. Истрин уже был ординарным членом Академии наук, исследователи не обращаются в своих письмах к спорам по вопросам истории русского летописания. В центре их внимания — научно-производственные проблемы: выплата жалований, избрание членов Академии наук и т. д. Будучи председателем ОРЯС, А. А. Шахматов берет в свои руки организационные вопросы. Ему удается собрать крупнейших исследователей того времени, занимающихся различными темами. Переписка Шахматова с Истриным позволяет изучить «методы» работы А. А. Шахматова по организации научной деятельности в Отделении. Он активно общается с его членами, советуется по всем основным вопросам, Особое внимание он уделяет жизненным проблемам своих коллег. После февральской и октябрьской революций переписка исследователей обретает совершенно иной характер. В своих письмах А. А. Шахматов и В. М. Истрин начинают затрагивать политические вопросы. Раньше эта тематика практически не возникала на страницах писем. Переписка становится более частой, поскольку В. М. Истрин в это время прибывает в Серпухове.

В письме от 19 июля 1917 г. Алексей Александрович пишет: «Россия пропала — это ясно! Совершенно не вижу выхода и возможности спасения. Отчаяние каждого из нас могло бы быть безграничным, если бы нас не отвлекали злободневные интересы. Неужели можно пережить позор и унижение Родины с легким сердцем. Вообще я лишен дара видеть что-нибудь впереди, но теперь события рисуются

мне так, что Керенский недели через две-три будет устранен, а Некрасов пойдет на сепаратный мир и позорные условия. А что дальше, трудно себе даже и представить. Выходу кадетов из министерства сочувствую в особенности после покрытого министрами предательства украинцев» [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 181. Л. 52]. Такова была реакция академика на военные неудачи, а также на признание автономии Украинской Центральной рады и включение в ее состав юго-западных губерний России, после чего кадеты покинули Временное правительство. Будущее России рисовалось ему в самых мрачных тонах. Ответа В. М. Истрина на это письмо не обнаружено. Впрочем, свои политические позиции он демонстрирует в целом ряде более поздних писем. В письме 13 июля 1918 г. он пишет: «Бог знает, может от города ничего не остаться. Я равнодушен к расстрелу, и только лишь в исследовании об Амартоле вложил подробные указания, как печатать и снабдил предисловием с проклятием большевикам» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 103].

Никакого «проклятия» предисловие к изданию Амартола, конечно, не содержит. В. М. Истрин пишет: «Но тут разразились события, остановившие всякое умственное движение и всю вообще научную и культурную жизнь. Произошла мартовская революция 1917 г., и всюду стало обнаруживаться понижение производительности труда <...> Следующая октябрьская революция и последовавшие за ней события сопровождались еще большим понижением работоспособности: типографские работы приостановились» [Истрин 1920: IV]. Книга была издана в 1920 г. и никаких выпадов против уже окончательно закрепившихся у власти большевиков содержать не могла. Возможно, первоначальный вариант предисловия был написан более остро.

В этом же письме А. А. Шахматову он пишет: «Понимаю Ваше тяжелое состояние, но кто и кого может теперь утешить! У меня являются иногда проблески фатализма. Несчастливая судьба России была связана с личностью Николая; не посмотрит ли теперь судьба на его печальную казнь как на искупление; и не настанет ли теперь поворот на лучшее? Всем нам нужно немного: порядок и спокойствие, чего при большевиках никогда не будет» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 104].

В письме от 11 октября 1919 г. В. М. Истрин сообщает: «Мужики и бабы в деревнях нуждаются в деньгах и ничего не дают, даже когда имеют, ни за деньги, ни за товар; у нас все есть, говорят они. Но рабочие бедствуют, фабрики останавливаются, тиф и холера уносят ежедневно десятками. Все с покорностью говорят, что скоро «все вымрут». Итак —

все во славу Советской власти и красноармейцев(!)» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 123 об.–124]. Таким образом, после октябрьской революции В. М. Истрин находился на антибольшевистских позициях. С властью большевиков он связывал общее падение уровня культуры, снижение темпов деятельности Академии наук, а также социальные потрясения эпохи. Однако критики конкретных мероприятий, проводимых действующей властью, в письмах не содержится.

Революция и гражданская война сопровождались ухудшением материального благосостояния и падением уровня жизни. В этой ситуации академики в своем общении обращаются к бытовым проблемам. В частности, В. М. Истрин в одном из писем говорит: «Мы теперь живем без прислуги, сами кухарим, стряпаем, ходим в лавку (т. е. все это делает жена), убираем комнаты; помогает только исполнять черную работу хозяйская прислуга. Но и то еле-еле живем» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 99]. Впоследствии материальное положение ухудшилось. Уже в следующем письме Василий Михайлович пишет: «У Вас выходит еще благодать: у нас цены: ржаная мука 250 р., пшеничная 350, картофель 40–15, масло 15 р., яйца 13 десятков. Извозчик от станции до города (версты 2) берет 15-20 р. и т. п. Как будем жить дальше — не знаем и мы. Жалованья и нам начинает не хватать» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 103–104]. В следующем письме от 31 декабря 1918 г.: «Живем здесь пока не голодаем, но довольно однообразно: преобладает картофель и ржаной хлеб. Но становится все хуже и труднее. Временами получали Советские обеды (3 р. 50 к.), но они стали никуда не годные: одна кислая-прекислая капуста» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 110]. В новом году цены увеличились. В. М. Истрин пишет: «Эта тревога представляется неизбежной и для нас, когда мы приедем в Питер. Здесь пока ее нет до весны: картофелем запаслись, муки немного купили недавно. Но что будет и здесь весной и летом — берет страх. Теперь мука дошла до 500 р., картофель до 200 р. и т. п.» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 123 об.].

Ответы А. А. Шахматова на эти письма обнаружить не удалось. Однако вопрос ухудшения материального состояния волновал его не в меньшей степени. В письме от 19 января 1918 г. читаем: «Здесь голод и вообще Петроград — город обреченный. В Москве, говорят, условия не лучше. Пугает вопрос о том, будет ли вообще Академия получать содержание. Он еще не выяснен. Без меня было совещание Академии и других учреждений, на котором решено войти в деловые сношения с правительством народных комиссаров. Решение еще не осуществлено;

боюсь, что кроме потока грязи мы на наши учреждения ничего не получим. Но понимаю, что другого нет выхода после разгона Учредительного Собрания» [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 181. Л. 55–55 об.].

В. М. Истрин первое время в Петроград возвращаться не хотел. Василий Михайлович пишет Алексею Александровичу: «Пальмов писал мне, что постановление было в том смысле, что командированные академики должны вернуться. Это так. Но ведь я не командирован, а просто живу в Серпухове, откуда каждую минуту могу приехать в П<етрогра>дь (что, впрочем, делать не хотел бы) и от поручений, поэтому, не отказываюсь. Будет ли это постановление касаться меня? Не могу ли я оставаться в положении Академика просто не посещающего заседания, но не командированного?» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 105 об.]. Впоследствии исследователь начинает задумываться о возвращении. Он пишет: «У нас было созрело твердое решение переехать в П<етрогра>дь в конце июля, но теперь мы несколько заколебались. Страшат очень голод и приходящие оттуда вести. Правда, и у нас надвигается нечто страшное: стали выдавать по $\frac{3}{4}$ фунта муки на неделю но в крайнем случае можно с большими усилиями купить (140–150 р. пуд), а в П<етрогра>де и этого нельзя. Жена откладывает свое решение до Вашего: если Ваше семейство переедет в П<етрогра>дь, то и она решается ехать» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. 96–96 об.]. В письме от 7 мая 1918 г. Василий Михайлович вновь обращается к своему коллеге: «Ваше письмо от 7-го мая очень огорчило. По нему выходит, что надежды на получение квартиры почти нет никакой. Это еще более заставляет нас не откладывать приезд до сентября, а приехать среди лета. Если нам суждено остаться [на] зиму на Зелениной, но надо бу[дет] позаботиться и о дровах, и вооб[ще] о будущем устройстве» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 100.]. А. А. Шахматов оказывает своему коллеге помощь в получении квартиры. В письме от 6 декабря 1918 г. он пишет Василию Михайловичу: «Относительно квартиры Заленского пишите А. П. Карпинскому. Нестор Алекс. в Правлении, я в частных переговорах поддержим Ваше желание, признавая исполнение Вашей просьбы желательным для Отделения» [СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 181. Л. 57]. В ответном письме от 31 декабря 1918 г. В. М. Истрин пишет: «После долгого обдумывания мы решили пойти на потерю содержания и остаться здесь до весны: теперь, зимой, при теперешнем сообщении с пересадкой в Москве, я ехать не могу. Перечитали свои припасы и решили, что как-нибудь до весны просуществуем. В этом духе я написал и Карпинскому в письме по поводу квартиры» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 618. Л. 109].

Подведем итоги настоящего исследования. Отношения А. А. Шахматова и В. М. Истрина — это отношения двух коллег, занимавшихся близкими темами. В общении они редко затрагивали вопросы личного характера. Однако их переписка дает своего рода срез жизни гуманитарного научного сообщества начала XX в. Касается это как собственно научных вопросов, так и производственной деятельности Академии наук. Важное место занимают также письма, в которых оба исследователя ведут научную полемику. Послания такого характера сохранились только среди писем В. М. Истрина, однако очевидно, что были и ответы А. А. Шахматова на них.

Научные интересы исследователей пересекались настолько же, насколько пересекались летописная и хронографическая традиции русского историописания. Уже в составе Повести временных лет удастся обнаружить заимствования из Хроники Георгия Амартола, Иоанна Малалы. Хроники и хронографы были важны для исследований в области истории русского летописания. К началу XX в. летописные тексты уже активно издавались. Дело издания славянских переводов хроник и хронографов, а также их научного изучения, было поставлено намного хуже, что затрудняло изучение летописных текстов. Поэтому появление целого ряда работ В. М. Истрина способствовало развитию исследовательской деятельности самого А. А. Шахматова. Полемика исследователей по вопросам истории русского летописания была крайне продуктивной. Отдельные суждения А. А. Шахматова способствовали развитию исследований В. М. Истрина. Напротив, сам Алексей Александрович опирался во многих своих выводах на результаты изысканий своего коллеги. Темы, которыми занимались оба исследователя, хотя и близки, но имеют свою специфику. Поэтому, на наш взгляд, саму фигуру В. М. Истрина следует рассматривать не столько как критика А. А. Шахматова, сколько как исследователя, труды которого оказали влияние на творческое наследие Алексея Александровича. С другой стороны, без поддержки Шахматова, в том числе и материально-технической, многие труды В. М. Истрина могли не состояться.

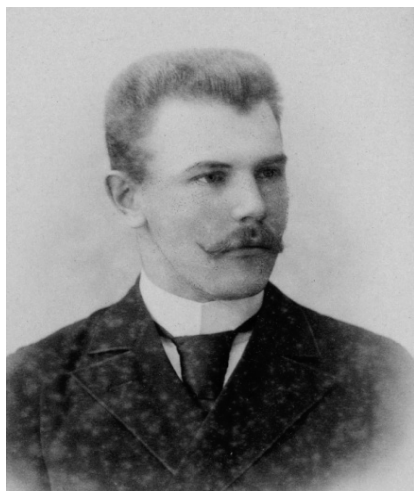
Литература

- Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания. М., 1975.
- Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследователей русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011.
- Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893.
- Истрин В. М.* Замечания о составе Толковой Палеи. I–III // Известия ОРЯС. Т. 2. Кн. 1. СПб., 1897.
- Истрин В. М.* Замечания о составе Толковой Палеи, IV. Книга «Кааф» // Известия ОРЯС. Т. 2. Кн. 3. СПб., 1897.
- Истрин В. М.* Замечания о составе Толковой Палеи, V. Златая матица; VI. Византийские прототипы Толковой Палеи // Известия ОРЯС. Т. 3. Кн. 1. СПб., 1898.
- Истрин В. М.* Замечания о составе Толковой палеи. Введение. I. Палейное сказание о столпотворении. II. Палейное сказание об Аврааме. III. Объяснение собственных имен. IV. Книга «Кааф»; приложение «Книга, нарицаемая Кааф, сиреч сборник». V. Златая Матица. VI. Византийские прототипы Толковой Палеи // Сборник ОРЯС. 1898. Т. 65. № 6.
- Истрин В. М.* Редакции Толковой Палеи. II. Взаимоотношение полной и краткой Палей в пределах текста Палеи Коломенской // Известия ОРЯС. Т. 9. Кн. 1. СПб., 1906.
- Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: текст, исследование и словарь. Т. 1: Текст. Пг., 1920. С. IV.
- Отчет командированного за границу приват-доцента Московского университета Василия Истрина за вторую половину 1894 года // ЖМНП. 1896. № 4.
- Протоколы заседаний Имп. Академии Наук за 1907 г. Общее собрание.
- Протоколы заседаний Имп. Академии Наук за 1911 г. Общее собрание.
- Протоколов заседаний Имп. Академии наук за 1914 г. Общее собрание.
- Протоколы заседаний Имп. Академии наук за 1918 г. Общее собрание.
- Протоколы заседаний Имп. Академии наук за 1911 г. Отделение физико-математических наук.

Груздева Елена Николаевна
Санкт-Петербургский филиал
Архива Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

**Владимир Николаевич Перетц в Киеве. 1903–1914 гг.
(из переписки В. Н. Перетца с А. А. Шахматовым)¹**

Одним из активных корреспондентов А. А. Шахматова был сла-
вист-филолог Владимир Николаевич Перетц: в архиве А. А. Шахматова
хранится большой корпус его писем, охватывающий период с 1897 по

**Ил. 11. В. Н. Перетц. Фотопортрет.
23.09.1894 г.**

СПФ АРАН[®]. Ф. 125. Оп. 1. Д. 45. Л. 10

1920 год.² В первые годы переписка
носила деловой характер: молодой
исследователь обращался к Шахма-
тову в основном как к редактору
«Известий ОРЯС» по вопросам пуб-
ликации своих научных работ, но
постепенно его письма окрашива-
лись более теплыми, доверительны-
ми интонациями.³ Покинув в 1903 г.
Петербург, В. Н. Перетц регулярно
писал бывшим столичным знако-
мым. Он рассказывал о своей науч-
ной и преподавательской работе, о
коллегам и учениках, о текущих по-
литических и общественных собы-
тиях. Эти письма являются важным
источником для истории науки. На-
стоящая статья затронет лишь одну
тему — пребывание В. Н. Перетца в

Киеве, где ученый прожил 10 лет.

Владимир Николаевич Перетц окончил Петербургский универ-
ситет в 1893 г., был оставлен А. И. Соболевским при кафедре русского
языка и словесности и после успешной сдачи магистерских экзаменов

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00057.

² См.: СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140, 1141.

³ Уже в 1900 г. В. Н. Перетц писал А. А. Шахматову: «Отношения наши чисто внешние и завязались совершенно случайно, но я в Вас вижу не только “полезного человека” (ради бога не думайте так!), но просто человека, глубоко мне симпатичного» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 7 об.].

в 1896 г. начал читать лекции в качестве приват-доцента. Успешно продвигалась и его научная работа: в 90-х гг. XIX в. он печатал работы по фольклору, по истории литературы XVII — начала XIX в., по истории театра. Главной же темой исследователя стала история русского стихосложения и начала современной поэзии в связи со старинными песнями. Этим вопросам были посвящены обе его диссертации «Историко-литературные исследования и материалы из истории русской песни» (1900) и «Историко-литературные исследования и материалы из истории развития русской поэзии XVIII в.» (1902), которые были удостоены Академией наук Макарьевской (1901) и половинной Ломоносовской премий (1903). В то же время В. Н. Перетц работал по истории апокрифической, точнее гадательной литературы, и за эту работу ему была присуждена Толстовская медаль (1903).

Однако, как писал один из биографов ученого, «несмотря на эти академические успехи, В. Н. не мог найти прочной службы в Петербурге. Этому препятствовало в значительной степени то обстоятельство, что он со студенческих лет находился под наблюдением Департамента полиции, участвовал в оппозиционной прессе (Северный Курьер), работал в запрещенном в 1898 г. Народном университете, организованном молодыми членами Петербургского педагогического общества, вследствие чего в течение петербургского периода работы не получал утверждения в штатной должности ни в одном учебном заведении, где ему удавалось получить занятия».¹

В 1903 г. В. Н. Перетц был избран по конкурсу профессором Киевского университета св. Владимира по кафедре русского языка и словесности. Он искал профессорства,² но понимал, что в столицах ему места нет,³ поэтому принял приглашение преподавать в Киеве, тем более что тема истории украинской литературы была ему хорошо знакома. Однако, еще не выехав из Петербурга, он уже сетовал: в Киеве «мне, избранному профессором, придется присноровляться к излюб-

¹ СПФ АРАН. Р. V. Оп. 1-П. Ед. хр. 39. Л. 35 об. — Эту биографию можно датировать концом 1933 — началом 1934 г., ее автор неизвестен, но машинопись содержит рукописную правку (рукой В. Н. Перетца?), и можно предположить, что текст написан кем-то из ближнего круга академика и его содержание получило одобрение В. Н. Перетца.

² В. Н. Перетц писал своему учителю А. И. Соболевскому: «Мне профессура нужна не как блестящее украшение, не как своего рода венец для честолюбивого человека, я хочу быть полезным, работать и других привлекать к работе <...> Мне возможно было бы устроиться теперь в Казани или Киеве или Одессе» [СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 337. Л. 38–38 об.]

³ В письме к А. А. Шахматову В. Н. Перетц с горечью замечал: «...сюда, в Университет, меня не пустят Платонов, Форстен и Введенский, маленькая, но “могучая” в своем роде кучка!» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 29 об.]

ленному приват-доценту, читать не то, что считаю нужным, а “заменять” Лободу¹ в общем курсе».²

Первые впечатления, полученные в Киеве после знакомства с новыми коллегами и учениками, не особенно обнадежили В. Н. Перетца. Рассказывая о том, как устроился на новом месте, он писал А. И. Соболевскому 19 сентября 1903 г.: «Встретили меня в Киеве в общем дружелюбно... Но в общем итоге я чувствую себя как в море обширном и просторном, где воды много, но пить нечего»³ и 2 октября: «Я сознаю, что я — лишний! Как ни мал я был в Петербурге, но знал, что там я нужен, там я колесо маленькое, но полезное, здесь же — умри я через день, год, два — никто не охнет. Дело пойдет, как и до меня».⁴ То же разочарование высказывал он и в письмах к А. А. Шахматову: «У нас здесь жизнь течет сонно и уныло... Ужасно грустно, я начинаю жалеть, что приехал сюда, тем более, что я здесь совершенно бесполезен: здешние студенты-южане преленивый народ и русскую литературу признают только с Максима Горького. О языке — не говорю уже. Их отлично ублаговлял Лобода, и все было бы благополучно. Простите, что жалуясь. Хотелось бы видеть не то, но уж очень плохи, особенно 3-й и 4-й курсы. Впрочем, я “всегда недоволен”, как кто-то из питерских давно уже заметил...».⁵ А. А. Шахматов, желая поддержать В. Н. Перетца, писал ему: «Не печальтесь по поводу отсутствия из Петербурга. Вы забываете, что киевский климат лучше для Вашего здоровья, чем здешний. Кроме того, у Вас теперь досуг для составления цельных систематических курсов. Ученики, наверное, найдутся со временем».⁶

Однако не только В. Н. Перетц был недоволен переездом в Киев. Местная университетская профессура тоже весьма сдержанно реагировала на появление в их среде петербуржца. Украинские коллеги видели в нем петербургского «варяга», «которого ценили, да не как своего», впрочем, и он «ощущал себя “приезжим из столицы”, и не давал другим забывать о более высоком уровне российской столичной филологии» [Росовецкий: 22]. Несовпадение представлений о «научном труде» у киевлян и В. Н. Перетца хорошо иллюстрирует его рассказ о защите магистерской диссертации фольклористом и литературоведом

¹ Лобода Андрей Митрофанович (1871–1931) — фольклорист, этнограф, историк литературы, профессор Университета св. Владимира по кафедре русского языка и литературы.

² СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 29–29 об.

³ СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 337. Л. 55.

⁴ Ibid. Л. 59 об.–60.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 32–32 об.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 4.

А. М. Лободой, состоявшейся в мае 1904 г. Владимир Николаевич писал А. И. Соболевскому: «Наконец-то я... свалил бремя... во образи диспута. Увы,.. меня за очень мягкий отзыв чуть ли не революционером и смутьяном аттестуют... Флоринский... после диспута, за ужином у Лободы, как бы в ответ на мое мнение (*что книга — напрасно затраченная энергия, что тема выбрана неудачно и разработана без системы*) превознес сей злосчастный плод здешней “школы” и пожелал, чтобы Лобода и впредь упражнялся именно в том же роде (*я пожелал совершенствования, поменьше неразборчивого эклектизма и побольше своего мнения*)»¹ (здесь и далее подчеркивание В. Н. Перетца; курсив мой. — *Е. Г.*). Несклонный к компромиссам В. Н. Перетц, даже стараясь смягчать свои оценки, давал научным трудам коллег весьма критические отзывы, что не прибавляло ему популярности. Он же в свою очередь поражался неоправданной мягкости киевлян и сетовал, что «здесь понятие о научности — весьма своеобразное: ценят количество цитат и библиографических справок, что до мнений и новизны их и доказательности — не спрашивают».²

Будучи по натуре борцом, В. Н. Перетц никому не давал спуска, если считал, что столкнулся с несправедливостью или непорядочностью. Когда же видел, что кому-то нужна помощь, сразу протягивал руку поддержки. Так, например, он просил Академию наук (через А. А. Шахматова) поддержать киевского магистранта И. И. Гливенко, готовившего диссертацию об итальянской драме и не имевшего возможности поработать в Венеции и других заграничных архивах. Свое обращение в Петербург В. Н. Перетц объяснял так: «Здесь... усиленно возгоняют местных молодых людей, таща их на кафедру “по льготному тарифу” и при всевозможных облегчениях. Так по западноевропейской литературе один из здешних (на мой взгляд, далеко не умный) получает уже вторую командировку за границу на 2 года от Министерства, первая была на год — от Университета, и все это с 100 руб. в месяц жалования. Нашим же, ученикам Веселовского (Делабарту и Гливенку), таких льгот нет, и хотя последний уже магистрант и приват-доцент, читающий обязательный курс, ему Дашкевич всячески тормозит дорогу, как и Аничкову, читавшему здесь несколько лет тому назад».³

¹ СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 337. Л. 99–99 об.

² Ibid. Л. 99 об.

³ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 38–38 об.

Постепенно В. Н. Перетц, многократно наблюдавший у киевлян отказ от объективной научной критики и стремление «порадеть родному человечку», сформулировал киевское университетское credo: «здесь — важнее всего “свой”».¹

Сам Владимир Николаевич «своим» в Университете св. Владимира не стал, хотя с жаром отдавался преподавательской работе, в 1906 г. был назначен ординарным профессором, в течение 8 лет (1905–1913) исполнял обязанности секретаря факультета.

Вместе с тем В. Н. Перетц — невероятно работоспособный и энергичный ученый — не ощущал в провинциальном Киеве пульса научной жизни, так памятного ему с петербургских времен, и очень страдал от этого. Он часто жаловался А. А. Шахматову: «Кисло у нас — невыразимо», «Хоть бы в воду, только бы вон отсюда», «У нас в Киеве сонно и тихо до тошноты. Что послушать в Университете, то уши вянут, такой закоптелый народ!», «У нас в Киеве жизнь течет вяло и медлительно»² и т. п.³ Общее впечатление усугубляла апатия местного студенчества, о котором у В. Н. Перетца сложилось весьма невысокое мнение, и он писал А. И. Соболевскому: «Студенты здесь не блестящи. Представьте себе, что из 30 тем по древней русской литературе и народной словесности, предложенных для практических занятий и курсовых сообщений, — не взята ни одна: все предпочли писать у Лободы по новой литературе. На спецкурсе по истории апокрифа у меня 6–7 человек (всего на отделении 25), хотя сам сознаю, что читаю добросовестно и недурно, готовлюсь хорошо».⁴ Через полгода он с возмущением и горечью жаловался, что на экзаменах студенты «отвечают более чем мерзко: не знают, например, на всеобщей литературе ни одной драмы Шекспира, не слыхали о драмах Шиллера, не знают “Фауста” Гете... На славистике до того обнаглели, что лезут в качестве “специалистов” по польскому языку и не умеют — факт! — не умеют читать по-польски!»⁵

В. Н. Перетц, шокированный таким положением дел, пытался переломить ситуацию, добиваясь от универсантов более вдумчивого и

¹ Ibid. Л. 61.

² Ibid. Л. 34, 36 об., 40 об., 66–66 об.

³ В письмах к А. А. Шахматову В. Н. Перетц в течение десяти лет подробно делился всеми злоключениями киевской жизни и своими переживаниями, признав однажды: «Почему-то в минуты горькой обиды, когда хочется просто плакать в бессилии, почему-то именно хочется Вас посвятить в дело» [ibid.: Л. 35 об.].

⁴ СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 337. Л. 60.

⁵ Ibid. Л. 99 об.–100.

ответственного отношения к учебе. Когда на экзамене обнаружилось, что студенты не умеют читать даже по-славянски, возмущенный Владимир Николаевич «пятерых из 22 прогнал, хотя следовало бы прогнать половину» экзаменующихся¹... Но молодой профессор не получил поддержки местных профессоров, напротив, заметил, что декан, «так свирепствовавший в году, теперь размяк и тянет всякую шушеру <...>, обещая, что к государственным экзаменам — поправятся».² В. Н. Перетц в отчаянии писал А. А. Шахматову, что декан, принимая сторону *своих* студентов, «все объясняет “политикой” и... очень милостиво (к ним) настаивает на разных послаблениях. Я противлюсь и уже Голубев³ разносит слух, что я роняю традиции (хороши же они!) факультета и обижаю бедное юношество».⁴ Такое положение дел весьма огорчало Владимира Николаевича, который был прирожденным педагогом, стремившимся к работе с молодежью, но молодежью отзывчивой и заинтересованной.

Не встретив понимания в Университете, он нашел выход в том, чтобы работать вне его стен: в 1907 г. В. Н. Перетц основал собственный центр научной работы — домашний «Семинарий русской филологии», который в течение многих лет объединял значительное количество молодых исследователей, студентов университета и слушательниц Высших женских курсов, с увлечением занимавшихся изучением древнерусской и украинской литературы. По воспоминаниям участников, собрания проходили на квартире у Владимира Николаевича, на четвертом этаже дома № 74 по Мариинско-Благовещенской улице (ныне ул. Саксаганского), обычно по средам вечером и, начинаясь в 8 часов, нередко затягивались до полуночи. Деятельность этого семинария освещена в литературе [Семинарий 1912; Семинарий 1929; Гудзий 1965, Гудзий 1968: 127–144, Назаревский 1968: 16–24, Назаревский 1974: 33–37, Адрианова-Перетц 1968: 9–15, Адрианова-Перетц 1962: 206–233, Робинсон (Гл. V: В. Н. Перетц и его научная школа), Росовецкий: 3–24, Ёлкина: 68–72 и др.] и здесь мы лишь напомним, что на занятиях молодежь знакомилась с научно-критическими изданиями памятников литературы и языка и овладевала приемами научного исследования. В. Н. Перетц вместе с учениками посещал библиотеки и архивохрани-

¹ Ibid. Л. 102–102 об.

² Ibid. Л. 102 об.

³ Голубев Степан Тимофеевич (1848–1920) — русский церковный историк, профессор Киевской Духовной академии и Университета св. Владимира. Активный член Клуба русских националистов.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 337. Л. 100.

лица, показывал, как следует работать со списками и рукописями, как вести поиск малоизвестных материалов. Каждый член семинария разрабатывал собственную научную тему. Завершенные индивидуальные исследования рецензировались двумя-тремя оппонентами и зачитывались перед участниками заседаний, удачные доклады «продвигались» В. Н. Перетцем в научную периодику. Многие из участников семинария были при его поддержке оставлены для подготовки к профессорскому званию в Киевском или в Санкт-Петербургском университетах, получали стипендии и пособия. Успехи молодежи радовали Владимира Николаевича и давали ему мощный стимул для продолжения работы. Он писал А. А. Шахматову: «И если бы не надежда, что авось выйдет кто-нибудь путный из моих слушателей — тогда право лучше служить в акцизе».¹ А в 1911 г. удовлетворенно признавал: «Могу сказать, что за мое время — за 8 лет — Киеву повезло: столько людей, интересующихся древней литературой! В Петербурге я с 1890-х годов знавал таких трех-четырех, не более, и то из “стариков”».²

Однако радость профессора омрачалась мыслями о будущем его «птенцов»: «в Киеве тесно, душно. Что я могу им здесь дать? Нужен Петербург, Москва. Нужно для моей молодежи общение с миром для создания научного мировоззрения. Масса тем и вопросов блекнут и увядают, и мы, сидя в нашей скорлупе, не можем “активно содействовать” их разрешению. Да и мне проповедовать в этой коробке — труд мало благодарный».³ В. Н. Перетц всеми силами способствовал устройству талантливых участников семинария: ходатайствовал о переводе в столичный университет, помогал находить преподавательскую работу, рецензировал и рекомендовал их статьи и диссертации к публикации в солидных научных изданиях. Он объяснял: «Как может быть ни провинциален мой взгляд, но я чувствую себя глубоко обязанным не покидать моих детей на произвол судьбы... исполнить долг перед молодежью, которую я так или иначе вовлек в известное “предприятие”».⁴

¹ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 36 об.

² Ibid. Л. 129.

³ Ibid. Л. 135–135 об.

⁴ Ibid. Л. 198 об.–199. — Итоги работы киевского «Семинария русской филологии» очень высоко оцениваются историками науки: благодаря его деятельности была сформирована солидная научная школа. Из семинария вышли такие известные научные деятели как академики АН УССР Е. К. Тимченко и Н. К. Гудзий, член-корреспондент АН СССР и АН УССР В. П. Адрианова-Перетц, члены-корреспонденты АН УССР С. И. Маслов и Б. А. Ларин, филологи Л. Т. Белецкий, А. К. Дорошкевич, В. И. Маслов, А. А. Назаревский, Б. В. Нейман, М. О. Скрипиль, С. А. Щеглова, музыковед С. А. Бугославский, фольклорист Д. Н. Ревуцкий, этнографы Е. А. Рыхлик, С. В. Савченко и др.

За годы своей работы филологический семинарий, несмотря на свой сугубо научный характер, неоднократно наталкивался на противодействие «и со стороны университетской администрации, не признававшей тогда за украинской наукой прав на существование, и со стороны шовинистических украинских элементов».¹ В 1908 г., вскоре после организации кружка, В. Н. Перетц писал: «На меня черносотенцы подняли гонение: запрещают занятия в моем филологическом семинарии, ибо таковые до сих пор происходили дважды в неделю на дому по вечерам. Плетут будто это — “политика”»,² «Флоринский»³ поднял на меня гонение за *privatissima*⁴ на дому, которые, якобы, воспрещены уставом (что есть вздор). Но за Флоринским попечитель и т. п. сонм негодаев-союзников киевского типа, готовых съесть человека не их лагеря».⁵ И одновременно «от попечителя в Министерство, а затем оттуда обратно идет на меня кляузный донос, будто у меня на практических занятиях в Университете читаются доклады на украинском языке».⁶ А это в глазах правых русофилов было очень серьезное обвинение, ибо, как утверждал Т. Д. Флоринский, «культурный сепаратизм гораздо опаснее политического».⁷

Когда В. Н. Перетц в 1903 г. появился в Киевском университете, Т. Д. Флоринский был деканом историко-филологического факультета. По словам Владимира Николаевича, он «безраздельно царил» в факультете, «изредка встречая сопротивление со стороны “немцев”»: Лециуса, Кнауэра и Сонни⁸»,⁹ был «пренесносен», изображая «какого-то директора гимназии, мня, что мы все — рабы его».¹⁰

¹ СПФ АРАН. Р. V. Оп. 1-П. Ед. хр. 39. Л. 35 об.

² СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 79 об.

³ Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919) — славист, профессор Киевского университета, правый политик. Стоял на позициях имперского панславизма, всемерно боролся с «украинским сепаратизмом», с 1908 г. один из почетных членов и руководителей «Киевского клуба русских националистов», с 1909 г. — председатель Киевского временного комитета по делам печати и цензор по иностранной цензуре.

⁴ *privatissima* (*лат.*) — частные занятия с университетскими профессорами или специальные занятия профессоров с небольшой группой студентов.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 77–77 об.

⁶ *Ibid.* Л. 95.

⁷ *Ibid.* Л. 103.

⁸ Киевские профессора немецкого происхождения: филологи-классики Адольф Израилевич Сони (1861–1922), Иосиф Андреевич Лециус (1860–?) и лингвист-санскритолог Федор (Фридрих) Иванович Кнауэр (1849–1917).

⁹ СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 337. Л. 60 об.

¹⁰ *Ibid.* Л. 62 об.

Вскоре по прибытии В. Н. Перетц заверил Т. Д. Флоринского, что не склонен к украинофильству,¹ и, тем не менее, оказался под пристальным вниманием российских «патриотов», так как продолжал изучение украинского языка и литературы и явно поддерживал сторонников возвращения всех прав официально запрещенной украинской мове²: в 1905 г. вместе с другими учеными подписал адресованную в Кабинет министров России официальную записку Российской Академии наук «Об отмене стеснений малорусского слова» в поддержку прав на свободное развитие украинского языка и литературы, свободы печати; в 1906 г. «обосновал в печати... проект учреждения в университетах “украинских кафедр” — для преподавания украинской литературы, языка, истории, этнографии и обычного права» [Адрианова-Перетц 1962: 222]; начиная с 1905 г. неоднократно публиковал свои статьи в изданиях Львовского Научного общества им. Шевченко, печатавшихся на украинском языке.³ Когда после провозглашения демократических свобод, в Киеве в 1907 г. было основано Украинское научное общество, преследовавшее задачу организации научной работы на Украине и популяризации родного языка, В. Н. Перетц стал его активным участником: возглавлял филологическую секцию и был одним из редакторов печатного органа общества — «Записок», публиковавших оригинальные работы, обзоры и исследования украинских ученых по всем отраслям науки. Такое его поведение сторонники «единой России» расценивали как предательство и В. Н. Перетц был ими отнесен к неблагонадежным «мазепинцам» — украинским сепаратистам.

Надо сказать, что годы, проведенные Владимиром Николаевичем на Украине, были наполнены драматическими политическими событиями: волнения и беспорядки 1905–1907 гг., активизация политической жизни и многоголосная партийная агитация, бурные выдвижения представителей в Государственную Думу, убийство Сто-

¹ В. Н. Перетц писал А. И. Соболевскому: «С Т. Д. я объяснился сразу по прибытии и заверил его, что, несмотря на свои симпатии к юго-западной литературе, никогда не стану украинофилом, и кажется, он успокоился» [ibid.: Л. 56].

² В Российской империи украинский язык назывался «малороссийское наречие русского языка». Указом 1876 г. Александр II запретил всякое издание литературных и научных произведений, обучение, а также спектакли и концерты на малорусском языке, снят этот запрет был лишь после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. Но спор о том, является украинский язык самобытным языком или одним из наречий русского языка, еще долго не утихал. В годы политической нестабильности и борьбы за право Украины на национальную самостоятельность эта лингвистическая полемика приобрела и политическую окраску.

³ Поскольку на территории Западной Украины, входившей в состав Австро-Венгрии, национальные языки не были запрещены, то Галиция и ее столица Львов стали центром легального украинофильства.

лыпина и «дело Бейлиса»,¹ непрекращающиеся еврейские погромы, украинофобия черносотенцев, ужесточение цензуры...

Ученый политикой не увлекался, однако и не закрывал глаза на происходившее вокруг. О еврейских погромах, прошедших в Киеве после оглашения Манифеста 17 октября 1905 года, В. Н. Перетц писал А. А. Шахматову: «Мы переживаем нечто такое, чего не знал Киев, несмотря на живущую еще память о погроме 1881 г. Сердце сжимается и руки немеют, описывая ужасы последних двух дней и ночей <...> Начались <...> погромы еврейских магазинов и избиение евреев организованными бандами с толстыми палками и револьверами. Полиция — исчезла. Солдаты являлись тогда, когда уже грабеж был закончен. Казаки и солдаты не только бездействовали, но даже сами предавались грабежу <...> Ночью с 18-го грабили и по улицам. Сожгли несколько домов и лавок на Подоле. Утром разгромили галицкий базар <...> Я поехал (19-го, 12 дня) в Университет. Никто, даже ректор не пожелал сопутствовать мне, и я один отправился к генерал-губернатору (временному), г. Карассу, оставил ему записку обо всем виденном и затем к командиру корпуса (какого — не помню), начальнику охраны г. Киева с представлением о необходимости энергичной охраны населения от подонков, облакающих в ризы “патриотизма”: они грабят с портретом Николая II и под пение “Спаси, Господи, люди твоя!” <...> Грабеж продолжается <...> только до утомления и пресыщения “грабителей-патриотов”. Говорят, Карасс на заявление подавить силой разнузданность босяков ответил, что в отместку за уничтожение революционерами портретов царя в Думе он отдал город на 3 дня на разграбление <...> Стыдно быть русским и жить в такой стране, где возможно все это!...»²

В. Н. Перетца возмущало ликование правых националистов, приветствовавших погромы, которые они называли «актом народного протеста против революционной еврейской пропаганды», и призывавших к кровавой расправе с «жидами» и забастовщиками. Ученый сравнивал Киев с «петербургским полицейским участком в увеличенном виде»³ и с тревогой следил за укреплением позиций черносотен-

¹ «Дело Бейлиса» — судебный процесс по обвинению киевского еврея М. Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего мальчика длился 2 года (июль 1911 — октябрь 1913 г.) и имел широкий общественный резонанс: антисемитская кампания, развернутая киевскими черносотенцами встретила протест в международном масштабе.

² СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 264 об.—265 об.

³ Ibid. Л. 53 об.

цев: «Дела у нас в Киеве не блестящи пока — “истинно русские люди” подняли головы»,¹ «Черносотенцы в Киеве страшно усилились».²

С первых месяцев пребывания в Киеве Владимир Николаевич замечал нарушения и университетской демократии, которые совершались с «благословения» и при участии администрации, придерживавшейся правых политических взглядов.³ Университетское начальство пыталось сохранять порядок в своих стенах старым испытанным способом: избавляясь от «неблагонадежных элементов» путем репрессий и чисток в студенческой среде и даже среди профессоров. В. Н. Перетц, известный своими «украинскими симпатиями», неоднократно подвергался нападкам правой прессы. В начале 1911 г. газеты «Новое время» и «Киевлянин», намекая на его активную преподавательскую и административную деятельность в Университете,⁴ писали, что «мазепинцы» завладели филологическим факультетом, а в одном из номеров «Киевлянина» даже было изображение того, как «киевские мазепинцы» готовят «вооруженное восстание».⁵

Убийство П. А. Столыпина потрясло всю страну, а киевляне не сомневались в том, что после похорон премьер-министра город накроет волна насилия: «Несмотря на строгое объявление генерала Трепова⁶, еврейское население в панике — бежит, куда глаза глядят. Полиция “успокоительно” обещает, что “до похорон Столыпина” ничего не будет. А потом несчастным тысячам придется отвечать за поступок безумца. Ждем погрома 8-го. Говорят, грабежей не будет, будут убивать. Об этом говорят открыто лавочники, базарная толпа...».⁷ Черносотенная антисе-

¹ Ibid. Л. 62.

² Ibid. Л. 72.

³ В мае 1904 г. В. Н. Перетц писал А. И. Соболевскому, что администрация Университета оказывает давление на студенческий суд, «то предавая студенческому суду, то отбирая назад дело», дискредитирует это учреждение. «Предаст суду за глупости, а действительно виновных в нарушении порядков и правил Университета — не предаст: так например студент побил ординатора — суду не предан; угрожал во время сходки револьвером — тоже; мошенничают, сдавая экзамены за других, — тот же результат. Интересно, что за “стрелка” вступилась администрация, ибо сей юноша — “националист” — и он спасен. Что же равенство студентов перед Уставом и правилами? Почему одни — козлища, другие — овцы, которым все позволено? Увы, здесь тоже политика, только с “другого конца”» [СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 337. Л. 104 об.–105].

⁴ Поскольку декан часто и подолгу отсутствовал, В. Н. Перетц как секретарь историко-филологического факультета фактически руководил факультетом. Вокруг Владимира Николаевича объединялись прогрессивно настроенные преподаватели, составлявшие оппозицию «славянобесию» Флоринского и Голубева.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 115.

⁶ Имеется в виду киевский генерал-губернатор Федор Федорович Трепов (1854–1938).

⁷ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 120–120 об.

митская кампания, бушевавшая в Киеве с весны 1911 г. в связи с печально известным «делом Бейлиса», получила новый импульс.

В этой атмосфере В. Н. Перетц всерьез опасался, что его недруги постараются от него избавиться: они «могут выбросить меня за борт, тем более, что вообще моя репутация, вне научной деятельности, — далеко не “правая” <...> Сильно опасаясь, что под давлением крикунов-черносотенцев Кассо может, если не уволить, то предложить перевод, например, в Казань <...> Флоринский и К^о не постоят за гадостями и инсинуациями, лишь бы выгнать меня из Университета, как они сделали это со мной на Курсах¹ <...> Пока жду, когда разразится “Киевлянин” руганью. Если б я был не я, а сам Соломон Премудрый, — они не постеснялись бы обляять “мазепинца” и “жида”, “шабесгоя” и т. д.»²

Владимир Николаевич говорил о себе: «Я никогда не был дипломатом; если кого считал правым и достойным — стоял за него, если нет — боролся с ним».³ И действительно, он обычно высказывал свое мнение открыто, часто даже слишком резко, увеличивая тем самым число своих недругов, но не опускался до своих противников, занимавшихся сплетнями и интригами, которых считал «людьми, потерявшими представление о порядочности».⁴ Ученый искренне огорчался, когда замечал, что «шкурные интересы и запуганность ломают даже хороших людей в нашем проклятом гнезде. Когда в Совете (университета. — *Е. Г.*) хотя бы мои друзья провести какое-нибудь дело, они просят меня ничего не говорить в пользу его: так власть имущая шайка не выносит меня... Слишком далеко мы разошлись по принципиальным основаниям. А с дикарями такое расхождение небезопасно: не с нами — значит против нас».⁵ Он замечал, что самые осторожные уже предпочитают отойти в сторону и на всякий случай укрыться «от морозного ветра, дующего из попечительской канцелярии...» Подобное поведение коллег и товарищей вызывало горькую обиду: «И главное — никакой поддержки, никакого акта со стороны немногочисленных друзей, который бы показал этим грязным Савенкам и Пихнам с Флоринскими и Кулаковскими, что не все так думают, как они».⁶

¹ 5 февраля 1910 г. В. Н. Перетц писал А. А. Шахматову: «меня в среду 3-го Совет Высших женских курсов вторично забаллотировал в ответ на почти единогласное (13 против 1-го) избрание факультетом ВЖК» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 95].

² Ibid. Л. 142 об.—143 об.

³ Ibid. Л. 134.

⁴ Ibid. Л. 36 об.

⁵ Ibid. Л. 186 об.—187.

⁶ Ibid. Л. 95 об.

В душевной «киевской берлоге» профессор находил утешение в совместной работе с молодежью — членами его семинария: «мой семинарий растет, уже человек 10–12 имеют скромное, но приличное имя. За ними идут новые».¹ За пять лет были достигнуты определенные результаты, и участники кружка строили дальнейшие планы, когда «университетская полиция» попыталась его закрыть. «Флоринский науськал ректора на меня, ректор уже написал декану запрос, на каком основании у меня занимаются “посторонние лица” (слушательницы ВЖК. — Е. Г.) и почему так много печатают по-украински, — писал В. Н. Перетц в апреле 1912 г. — В столице такой запрос вызовет улыбку у коллег, — но у “начальства” — жест, сопровождаемый развалом моего дела, что есть самое дорогое для меня».² После формального ответа³ дело как будто затихло, и осенью того же года Владимир Николаевич осторожно сообщал: «Действия моей семинарии начал; пока репрессий никаких, хотя в Университете “пахнет тлением”».⁴

Опасаясь, что как «неблагонадежного» его «для пользы службы» могут перевести подальше от Киева — в Казань, В. Н. Перетц хотел «покинуть Киев заблаговременно». Он неоднократно предпринимал попытки вырваться в столицу: в 1908 г., когда узнал, что А. И. Соболевский оставляет Петербургский университет⁵, и в 1911 г., когда заведовавший кафедрой русской словесности И. А. Шляпкин решил выйти за штат. Владимир Николаевич обращался к А. А. Шахматову, спрашивая «...как поступить намерен петербургский филологический факультет по уходе за штат Шляпкина? Это не за горами. Я слышал — в январе. Стыдно нищенствовать, но я прошу Вас, если это не против совести, поддержать меня — и если не будет конкурса — взять на себя тяжелую задачу рекомендовать меня».⁶ А. А. Шахматов, обещая свое содействие, писал: «Очень желал бы Вашего перехода сюда».⁷ Однако приглашения в столицу так и не поступило. Владимир Николаевич тяжело переживал нежелание петер-

¹ Ibid. Л. 135–135 об.

² Ibid. Л. 142.

³ «Я отписываюсь, что это — мой домашний семинарий, что для собрания гостей нет надобности в разрешении» [ibid.: Л. 145 об.].

⁴ Ibid. Л. 152 об.

⁵ Выясняя, есть ли шансы занять на кафедре освободившееся место, он не без обиды замечал: «К сожалению, Алексей Иванович не нашел почему-то удобным говорить обо мне. А между тем я в Киеве исполняю те же обязанности и думаю — не дурно, <...> это мне дает основание думать, что я не посрамил бы ни себя, ни свою almae matris, попавши в Питер...» [ibid.: Л. 80 об.–81].

⁶ Ibid. Л. 133 об.

⁷ РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 5.

буржцев видеть его на факультете, с обидой говорил: «Я сделал, видимо, ложный шаг, вообразив, что <...> имею <...> некоторое преимущество...» и сам отказывался от конкурса, «раз я настолько ничтожная величина в разработке истории русской литературы».¹

Когда А. А. Шахматов заговорил с ним о перспективе стать членом Академии наук, Владимир Николаевич вначале даже не принял этот разговор всерьез: «О Петербурге думать не буду, помятуя, что “несть пророк без чести, токмо в отечестве своем”. Моя игра тут сырана...»² Однако в марте 1913 г. он получил сообщение о том, что половина членов ОРЯС поддерживает его кандидатуру. Зная, насколько тяжелой для В. Н. Перетца стали жизнь и работа на Украине, А. А. Шахматов сделал приписку: «Быть может, мне не следовало бы посылать Вам это письмо. Но делаю это для того, чтобы Вы видели просвет: возможность вырваться из Киева, попасть в Петербург».³

Приняв официальное предложение баллотироваться на свободную вакансию ординарного академика по II Отделению, Владимир Николаевич просил о результатах выборов в Общем собрании Академии сообщить закрытым письмом, без огласки: «Может быть, это все до нелепости конспиративно и кажется излишним; но даже в случае благополучного исхода в Отделении я не хотел бы, чтобы даже слух проник в Киев: могут поднять агитацию черносотенцы и повредить. Да и вообще — об успехе и неуспехе я предпочел бы в Киеве умолчать: с одной стороны — пища злорадству, с другой — шипение гусей».⁴

Но сохранить секретность не удалось: в газетах появилось сообщение о выборах кандидатами в академики киевлян В. С. Иконникова и В. Н. Перетца. Это усилило опасения, что недруги ученого-«мазепинца» постараются повлиять на решение Общего собрания Академии. «У Киевских воротил кислые лица, — сообщал Владимир Николаевич в Петербург. — Ардашев, Довнар и Голубев уехали в Петербург и постараются, конечно, при удобном случае, а может быть и нарочито, повредить мне в Общем собрании инсинуациями политического свойства, изображая меня “опасным” украинофилом “ре-

¹ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 134 об. Очень нехарактерны для В. Н. Перетца слова, написанные тогда в минуты отчаяния: «помимо моих недостатков как ученого работника и человека — кому теперь, в эпоху торжества “belles letters” в науке — нужен старый малороссийский хлам! Кому нужен и тот гробокопатель, который вытаскивает его и проветривает пред лицом публики, мозоля ей глаза!...» [Ibid.: Л. 134 об].

² Ibid. Л. 134 об.

³ РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 10 об.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 201 об.–202.

волюционером”: ведь у нас к.-д. уже революционер!».¹ В столице тоже имели место попытки очернить ученого: «Я узнал, что в Петербурге разные грязные личности, не брезгающие даже анонимными письмами, воспользовались случаем, чтобы обругать меня... П. В. Никитину, который ко мне относится благожелательно, было прислано анонимное ругательное письмо за то, что он, “кадет Никитин” помог пройти в Академию “жиду-предателю” (т. е. мне), за что потомство “вобьет осиновый кол” в его (Никитина) гроб»². В Киеве В. Н. Перетц уже ощущал перемены в отношении к нему руководства Университета и понимал, что в случае, если его избрание в Академию не пройдет, то в Киеве его «добьют “своими средствами”».³

Осень и зима 1913/1914 гг. на Украине были отмечены усилением пропаганды националистов. «У нас в Киеве начались туманные дни — да и вообще туман. Дело Бейлиса⁴ его не развеяло. Черносотенцы озлоблены. Зверем смотрят»,⁵ — писал В. Н. Перетц. «Серьезные газеты штрафуются и конфискуются по распоряжению Флоринского»,⁶ а погромные листки наводняют город. В Совете университета нападкам «славянофилов» подвергся приват-доцент Клиnger,⁷ специалист по греческому языку, «имеющий несчастье быть при немецкой фамилии католиком». Его пытались забаллотировать, ссылаясь на давно отмененный циркуляр о запрещении принимать на службу поляков, «угрожали гибелью русской культуры в Юго-Западном крае оттого, что греческий язык *будет* преподаваться “поляком” (он между прочим — 3 года уже преподает в Университете и 4 — на ВЖК, где он профессор!)».⁸

Чтобы не привлекать к себе внимание озлобленной черносотенной прессы В. Н. Перетц сделался почти затворником: «Сегодня в общественном собрании вечер с Милюковым; но даже М. С. Грушевский⁹, и тот не советовал мне идти туда, а в Шевченковских торжествах, если они даже и будут, я не приму участия. Это-то

¹ Ibid. Л. 210–210 об.

² СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1141. Л. 15–15 об.

³ Ibid. Л. 18 об.

⁴ В сентябре–октябре 1913 г. состоялся суд, оправдавший М. Бейлиса.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 191.

⁶ Ibid. Л. 192 об.

⁷ Клиnger Витольд Павлович (1875–1962) — эллинист, приват-доцент Университета св. Владимира.

⁸ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 185 об.

⁹ Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) — российский и украинский историк, общественный и политический деятель, профессор Львовского университета, один из лидеров украинского национального движения.

меня и угнетает — сидение под колпаком в то время, когда другие свободно, хотя и с риском, осмеливаются обнаруживать свои симпатии и антипатии, что и я делал до сего времени, но претерплю, постараюсь, чтобы ни слова обо мне не проскочило в газеты»¹.

Выборы в Академию наук прошли благополучно и перед В. Н. Перетцем встали новые задачи: готовиться к переезду в столицу и завершить свои дела в Киеве. Особенно профессор переживал о будущем «птенцов» своего семинария, остававшихся без руководителя. Они были «очень удручены известием о возможности моего ухода из Киева, особенно самая зеленая молодежь, потому что старшие сдадут весною магистерские экзамены и поплывут по течению, а вот Багрий, Бугославский, Гудзий, Белецкий и Отроковский — останутся без моей помощи»,² — сетовал Владимир Николаевич и просил Отделение разрешить ему задержаться в Киеве, «дабы хоть кто-нибудь из учеников мог при мне закончить магистерские экзамены».³

Он выполнил все моральные обязательства перед своими кружковцами: у старших принял экзамены, оставил некоторых из них приват-доцентами при университете или ВЖК, младших, еще только окончивших курс университета, рекомендовал к оставлению в магистратуре. И в последующие годы академик В. Н. Перетц не забывал своих «птенцов», всемерно помогая им в научной работе уже из Петербурга, ибо в 1914 году киевский период его жизни завершился.

Литература

Адрианова-Перетц В. П. Начало пути. В киевском семинаре В. Н. Перетца // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. М., 1968. С. 9–15.

Адрианова-Перетц В. П. Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) // Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.–Л., 1962. С. 206–233.

Гудзий Н. Памяти учителя // Русская литература. 1965. № 4.

Гудзий Н. Автобиография // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. М., 1968. С. 127–144.

Ёлкина Л. В. Отчёты В. Перетца о научных экскурсиях в Санкт-Петербург членов филологического семинария // Научный вестник Николаевского государственного университета имени В. А. Сухомлинского: Сбор-

¹ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1141. Л. 17–17 об.

² СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 214 об.

³ Ibid. Л. 204.

ник научных трудов / Под ред. В. Б. Будака, М. И. Майстренко. Вып. 4.11(90) (Сер. «Филологические науки»). Николаев, 2013. С. 68–72; и др.

Назаревский А. А. Из далекого и недавнего прошлого // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. М., 1968. С. 16–24.

Назаревский А. А. Из воспоминаний о молодых годах В. П. Адриановой-Перетц // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 33–37.

Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004 (Гл. V: В. Н. Перетц и его научная школа).

Росовецкий С. К. Памятник истории литературоведения — или университетское пособие на все времена? // Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для студентов, преподавателей и для самообразования / Предисл. С. К. Росовецкого, А. Н. Дмитриева. М., 2010.

Семинарий русской филологии при Императорском Университете св. Владимира под руководством проф. В. Н. Перетца. 1-е пятилетие. 1907–1912. Киев, 1912.

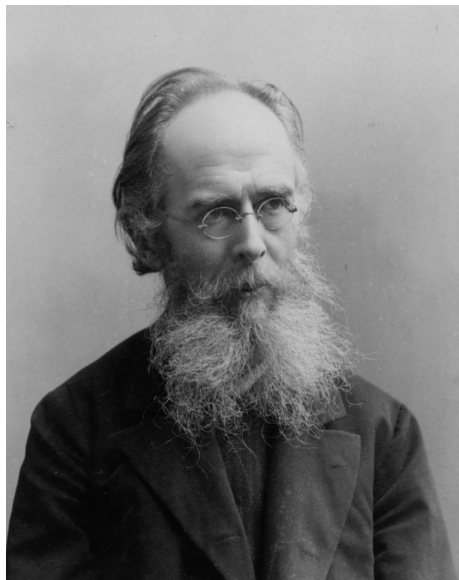
Семинарий русской филологии академика В. Н. Перетца. 1907–1927. Участники Семинария — своему руководителю. Л., 1929.

А. А. Шахматов и А. А. Потебня

Время поставило рядом имена А. А. Шахматова и А. А. Потебни, выдающихся русского и украинского ученых.

А. А. Шахматов, младший современник А. А. Потебни, блестяще продолжил развитие отечественного языкознания, начатое Потебней в середине прошлого столетия. «Синтаксис русского языка» Шахматова, по словам В. В. Виноградова, «не только вообрал в себя все плоды творческой мысли синтаксистов XIX ст., но и открыл новые пути синтаксического исследования вообще, русского литературного языка в частности. В истории разработки синтаксиса русского языка он достоин занять место рядом с гениальными трудами А. А. Потебни» [Виноградов 1946: 109].

С трудами А. А. Потебни А. А. Шахматов основательно познакомился еще на школьной скамье, о чем свидетельствует его переписка с И. В. Ягичем. В своих письмах молодой ученый постоянно ссылается на «Два исследования о звуках русского языка» и «Заметки о малорусском наречии», «К истории звуков русского языка» и другие труды Потебни. Из писем, например, можно сделать вывод, что именно в эти годы Шахматов усвоил идею Потебни о одновременности падения редуцированных в говорах. Позже эта идея нашла подтверждение во всех его работах по исторической фонетике. Так, в письме к Ягичу, датированном ноябрем 1881 г., он пишет: «Уже давно (Потебня. Два исслед[едования о звуках русского языка], Зам[етки о малорусском наречии]) выставили положение, что южнорусский раньше потерял глухие, чем северный. А. Потебня

Ил. 12. А. А. Потебня. Фотопортрет.

[апрель 1890 г.]

СПФ АРАН[©]. Р.Х. Оп. 1-П. Д. 61. Л. 1

в Заметках о малорусском наречии еще точнее определил эту особенность, заключая ее в пределах конечного глухого» [Академик 1947: 35]. Эта мысль Потебни была настолько усвоена начинающим ученым, что, развивая ее в своих трудах, он уже ни разу не сослался на ее автора. На этот любопытный факт обратили внимание исследователи научного наследия Потебни [Белодед 1964: 8].

А. И. Белодед, изучая историю редуцированных звуков в трудах А. А. Потебни, отмечает, что в исследованиях, посвященных этой проблеме, украинский ученый рассматривал в основном два вопроса — происхождение **ѣ** и **ь** и время их падения. Несмотря на ряд правильных положений, — утверждает Белодед, — общие теоретические выводы Потебни — с позиций позднейших исследований — являются устаревшими и неприемлемыми для современного языкознания [Білодід 1964: 156]. Позже Ф. П. Филин так прокомментировал наблюдение украинского лингвиста. «А. А. Потебня, — пишет он в статье, посвященной Потебне-русисту, — много внимания уделяет проблеме истории редуцированных гласных **ѣ** и **ь**. Далеко не все его положения и догадки выдержали испытание временем, однако тогда они были заметным шагом вперед; многое в этой области было предугадано верно и подтверждено дальнейшим ходом развития науки. А. А. Потебня совершенно правильно опроверг поддерживаемое тогда некоторыми учеными предположение, будто бы редуцированные гласные возникли из гласных полного образования **о** и **е**. Им было предугадано, хотя и не точно сформулировано, что **ѣ** и **ь** имели сильные и слабые позиции, что падение их началось прежде всего в слабых позициях. Интересно также мнение Потебни, что падение редуцированных происходило на восточнославянской территории неодновременно: на юге оно началось раньше, чем на севере. Позже эту мысль развил А. А. Шахматов, и она стала общепринятой» [Филин 1976: 140].

В трудах Шахматова нашли развитие и другие идеи Потебни, в частности идея о дифтонгическом переходе этимологических **о**, **е** в **і**. Как утверждает А.И. Белодед, именно А. А. Потебня внес немало ценных замечаний и в разработку вопроса о природе и происхождении **ѣ** в славянских языках. Располагая богатым (по тем временам) диалектологическим материалом, он впервые в отечественном языкознании дал наиболее полную и с современной точки зрения правильную характеристику процесса перехода **ѣ** в **і**, определив условия этого явления в зависимости от позиции в слове и от ударения, а также определил временные границы этого процесса [Білодід 1965: 98].

Открытие так называемого «нового **ѣ**» приписывается

А. И. Соболевскому. Шахматов же расширил и уточнил его наблюдения. Но еще раньше А. А. Потебня в рецензии на магистерскую диссертацию П. И. Житецкого «Обзор звуковой истории малорусского наречия» указал на «вторичный **ѣ**» на месте **е**, который появился в южнорусских памятниках с XII в. после падения редуцированного **ь** в новых слогах. Ф. П. Филин детально рассмотрел этот вопрос в упомянутой выше статье.

Значительный интерес представляет исследование А. А. Потебней явлений, связанных с возникновением и развитием первого и второго полногласий, которым были посвящены его книги «Два исследования о звуках русского языка» и «К истории звуков русского языка». Об эволюции взглядов А. А. Потебни на первое полногласие подробно говорится в диссертации А. И. Белодеда [Белодед 1964: 1–16].

Концепция А. А. Потебни, относящаяся ко второму полногласию, была предложена Потебней не только по внешнему сходству между первым и вторым полногласиями. Второе полногласие, как и первое, возникло на почве праславянской фонетики в эпоху распада праславянского языка, когда обособлялись отдельные славянские языки. Древнерусские написания типа *гърѣбъ*, *дълъжьсно* звучали как полногласные формы и лишь позже, после падения редуцированных, изменили свой вид (*гороб*, *должно*). Позже эта точка зрения, — отмечает Ф. П. Филин, — была отвергнута. Написание *гърѣбъ* и пр. стало рассматриваться как искусственные орфографические начертания, своего рода контаминации восточнославянского произношения (*гърѣбъ*) со старославянскими орфографемами (*грѣбъ*), или же как отражение искусственного церковного произношения. А. А. Шахматов утверждал, что второе полногласие как живое фонетическое явление возникло поздно, после падения редуцированных и вследствие этого падения, когда образовались закрытые слоги. По мнению Филина, авторитет А. А. Шахматова способствовал тому, что его гипотеза долгое время считалась единственно правильной. Однако оставалось непонятным, почему в эпоху появления закрытых слогов возникла, в противовес общей закономерности, необходимость устранения закрытости слога в частном случае — в сочетании **о**, **е** (из **ѣ**, **ь**) с плавными согласными. Анализ написаний типа *вьръхъ* в памятниках древнерусской письменности XI–XIII вв., данные живых говорков и соображения сравнительно-исторического порядка привели ряд ученых (Н. П. Гринкову, В. М. Маркова, В. Ф. Мареша, Ф. П. Филина и др.) к выводу, что второе полногласие возникло до падения редуцирован-

ных, примерно в то же время, когда формировалось первое полногласие, только реализация второго полногласия оказалась иной: оно в полной мере проявилось не на всей восточнославянской языковой территории, а только в северо-западных восточнославянских говорах. Так вновь ожила идея А. А. Потебни о втором полногласии. А. А. Потебня первым правильно определил и географическую область его распространения [Филин 1976: 141–142].

А. А. Шахматов не только развивал положения трудов признанного исследователя истории восточнославянских языков, но и обратил внимание на то, что в этих трудах Потебня не всегда мог опереться на достаточное количество фактов. «Такой знаток, как Потебня, мог бы сделать значительно больше, если бы под руками у него был удобочерпаемый и обильный материал... — пишет Шахматов Ягичу в октябре 1881 г. — Вот хотя бы его заключение о 2-м виде полногласия, которое Потебня считает, на основании нынешнего состояния русского языка, особенностью северных наречий, а не общерусского языка; но для древнего времени такое заключение должно бы быть подтверждено фактами, чего у Потебни нет» [Академик 1947: 29].

Благодаря Ягичу и Потебня смог ознакомиться со студенческим трудом Шахматова «Исследования о языке новгородских грамот». Экземпляр книги «О звуковых особенностях русских наречий», на полях которой рукой Потебни сделаны ссылки на этот труд Шахматова, хранится в архиве ученого [Ф. 2045. Оп. 1. Ед. хр. 159]. Материалы, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве [Ф. 2045. Оп. 1. Ед. хр. 266. Лл. 1–11] и Петербургском филиале Архива Российской Академии наук [Ф. 9. Оп. 4. Ед. хр. 656; Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1228], дают возможность составить представление о тех сторонах деятельности обоих ученых, которые до сих пор остаются недостаточно известными научной общественности. Так, влияние идей Потебни на труды Шахматова в какой-то мере уже было отмечено в отечественной науке.

Однако отношение Шахматова к научному наследию Потебни, его высокая оценка, высказанная в неопубликованных трудах и письмах, осталась неизвестной широкой научной общественности. Между тем из документов, хранящихся в архивах, вырисовывается образ чуткого человека, который и в научное дело умел вложить тепло своего сердца и тем выделялся на фоне бездушной казенной обстановки, царившей в Императорской Академии наук.

К сожалению, когда решалась судьба издания научного наследия

Потебни, Шахматов еще не был академиком. Как известно, А. А. Шахматов был избран адъюнктом Академии наук в ноябре 1894 после защиты диссертации «Исследования в области русской фонетики», за которую ему была присуждена ученая степень доктора русского языка и словесности вместо ожидаемой магистерской степени. 17 декабря 1894 он впервые присутствовал на заседании ОРЯС, где предложил полное изменение программы издания Словаря русского языка и получил поручение составить такую программу вместе с академиком М. И. Сухомлиновым. В опубликованных материалах не упоминается, однако, о том, что в эти же дни Шахматову поручили рассмотреть рукопись третьего тома «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебни, привезенную в Петербург его вдовой вместе с рукописью труда «Из записок по теории словесности». Жена ученого обратилась в Академию наук с просьбой помочь ей выхлопотать от Министерства народного образования пособие для их издания.

Рецензия на труд объемом около 40 листов была написана Шахматовым за две недели. Указав на то, что содержание третьего тома тесно связано с содержанием двух первых томов «Из записок по русской грамматике» и в нем развиты те положения, к которым пришел Потебня вследствие своих исследований по истории синтаксиса восточнославянских языков, А. А. Шахматов горячо поддержал идею издания его труда. Рецензия Шахматова на труд, без которого невозможно представить себе современное языкознание, может быть примером чрезвычайно ясности изложения мысли.

Оканчивалась рецензия такими строками:

«Но главный предмет труда — освещение исторических судеб русского языка дает ему настолько видное и почетное место среди исследований по русскому языку, что выход третьей части его будет встречен приветствиями со стороны всех, занимающихся родным языком, и притом не одних профессиональных ученых, но также преподавателей русской словесности в наших учебных заведениях: для лучших из них «Записки по русской грамматике» стали давно настольною книгою. Все они убедятся, что каждая страница этой третьей части сочинения Потебни является обогащением науки о родном слове: подбор фактов из истории русского языка в значительной степени увеличит наше знание в этой области, а научный взгляд автора на исследуемый предмет расширит понимание общих грамматических явлений языка. Нельзя упускать из виду, что в третьей части своего труда Потебня нередко исправляет положения, выставленные им в предшествующих двух частях: скорейший выход этой части тем более необходим, что может предостеречь от некоторых неправильных толкований и выводов из таких, отвергнутых самим

автором, положений.

Большинство очерков, составляющих материалы третьей части, соединены между собою общим содержанием; некоторые из них (например, главы о грамматическом роде; о безличных предложениях) представляются отдельными этюдами в области русского синтаксиса. Все эти очерки, за самыми ничтожными исключениями, оказываются в представленных рукописях готовыми к печати.

В силу всего вышеизложенного, скорейшее, и притом возможно точнее передающее оригинал, издание третьей части «Из записок по русской грамматике» Потевни представляется весьма желательным в интересах русской науки и отечественного просвещения.

Адъютант А. Шахматов
4 января 1895 года»
[Франчук 1974: 38].

В качестве рецензента Шахматову удалось убедить членов Отделения русского языка и словесности в необходимости издать за счет Академии третий том «Из записок по русской грамматике», но издать все труды ученого, о чем хлопотала Мария Владимировна, Отделение отказалось. Обиженная женщина сумела отличить позицию Шахматова от взглядов официальных представителей Академии наук. Переписка этих очень разных людей продолжалась 18 лет. Мария Владимировна посылала Шахматову корректуру издаваемых ею книг мужа, советовалась с ним по вопросам публикации его рукописного наследия и учитывала мнение по выбору текстов для переиздания уже известных трудов. Так, в 1914 г. она пишет:

«Глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Вчера послала Вам только что вышедшее из печати сочинение «О символах и пр.». Изданная в прошлом году «Мысль и язык» пошла, против ожидания, очень хорошо, что дало мне материальную возможность приступить к переизданию «Слова о полку Игореве» и посланной Вам книги. Теперь собираюсь приступить к печатанию, по Вашему указанию, [книги] «Два исследования о звуках русского языка». Предполагала начать с этого сочинения, но вышло затруднение. Случайно нашла истрепанный экземпляр этого сочинения, в которое вложено много листов исписанной бумаги с указанием на страницы, к которым относятся заметки, кроме того, много надписей на полях; всего этого наберется более полутора печатных листа. Все это мною уже переписано. Долго пришлось возиться: написано с большими сокращениями, а главное так мелко, что приходилось прибегать к лупе. К ней приходится прибегать при всей переписке. Все это и моя довольно продолжительная болезнь осенью заставили отложить печатание этого труда. Покойный, по видимому, до конца жизни вписывал в это свое сочинение все новое, что вы-

ходило и что считал ценным. Так, во многих местах книги и на листах карандашом приписано указание на Вашу книгу «Обл. н. гр.»...

Остановка еще в том, как разместить этот добавочный материал? Обратиться за советом не к кому, Харциев давно выбыл из Харькова, директорствует в уездном городе. Кто и мог бы прийти на помощь, все заняты своими делами и поисками хлеба насущного, который к тому же становится все дороже. При таких затруднениях, думаю, будет удобнее всего вынести в конец книги как дополнение? Из рукописей переписано, почти готово к печати «Об ударениях и о склонениях». Переписываю довольно большую рукопись «О глаголе». Хотелось бы, пока могу, пока жива, побольше переписать. Что останется после меня не переписано, вряд ли увидит свет. Не найдется охотников портить зрение за трудной перепиской. А будет переписано, то и после меня напечатать будет легко... Хотелось бы знать Ваше мнение насчет группировки, сделанной мною в последних двух изданиях. Делала это со страхом, так как всегда боюсь оказать медвежью услугу памяти покойного. Издавать же отдельно каждую брошюру, казалось мне, будет хуже. Простите, что отнимаю время своим длинным письмом.

Верьте в искреннее к Вам уважение М. Потебня»
[Франчук 1974: 42–43].

Шахматов отвечал пониманием необходимости добровольно взятой вдовой ученого обязанности и старался поддержать хотя бы добрыми словами о важности того, что она делала. В письме от 17 октября 1896 г. он пишет:

«Глубокоуважаемая Мария Владимировна!

Не нахожу слов, как благодарить Вас за Ваше внимание, выразившееся в присылке мне отпечатанных листов сочинения покойного Вашего мужа, которого я все более и более учусь ценить как великого научного мыслителя. Буду с нетерпением ожидать следующих листов и окончания труда. Вместе с тем позволяю себе выразить надежду, что Вы не откажетесь представить этот труд Александра Афанасьевича на соискание одной из премий, учрежденных при Академии наук. Срок представления на Ломоносовскую премию — 1 июня 1899 года. Академия наук, уверен в этом, почтет себя польщенной получить возможность дать оценку такому выдающемуся труду.

Искренне уважающий и преданный А. Шахматов»
[Франчук 1974: 41].

На выход в свет третьего тома «Из записок по русской грамматике» А. А. Шахматов отозвался в письме М. В. Потебне от 27 июня 1889 г.:

«Приношу Вам искреннюю благодарность за присылку посмертного труда Вашего мужа. Содержание его столь близко меня касается и так важно

для моих работ, что я уже засел за чтение той части, которой еще не имел в листах. При этом я убедился, что Ваше издание в полном смысле достойно памяти нашего великого учителя...» [Франчук 1974].

И в этом письме он просит разрешения М.В. Потебни представить труд ее мужа на премию.

Известно, что первые два тома «Из записок по русской грамматике» были высоко оценены Академией наук. По представлению И. И. Срезневского их автор был удостоен звания члена-корреспондента, а труду была присуждена полная Ломоносовская премия. Однако третий том М. В. Потебня решительно отказалась представить на соискание премии Академии наук. Лишь уступая просьбам Шахматова, она посылает ему рукопись отзыва Потебни на докторскую диссертацию А. И. Соболевского. С помощью Б. М. Ляпунова Шахматов подготовил этот отзыв к печати и опубликовал в первом томе начатого в 1896 г. по его инициативе периодического издания «Известия Отделения русского языка и словесности».

В последние годы жизни М. В. Потебня писала Шахматову о том, что привезет оставшиеся рукописи Потебни, чтобы посоветоваться с ним об их издании. Осуществлению этих планов помешала первая мировая война.

После Октябрьской революции начал свою деятельность редакционный комитет по изданию трудов Потебни, куда М. В. Потебня передала рукописи трудов ученого и большое количество писем. Ее переписка с Шахматовым раскрыла для будущих поколений такие черты выдающегося русского ученого, о которых невозможно было бы узнать из его научных трудов. В свете этой переписки становятся более понятными и строки, посвященные А. А. Потебне во вступительных лекциях по синтаксису, написанных Шахматовым в июне–августе 1916 г.:

«В самый год окончания труда Ф. Миклошича, т. е. в 1874 г., появилось у нас в России исследование А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике»; этим исследованием по справедливости гордится русская филологическая наука. Отличная подготовка и способность к глубокому анализу привели А. А. Потебню к созданию самостоятельной системы в изложении синтаксиса; она противоположна системе Ф. Миклошича и полагает в основание исследования не изучение значений и употреблений грамматических категорий, а изучение строения и состава предложения. Дальнейшие успехи синтаксических изучений в России всецело обязаны А. А. Потебне; лучшие исследователи пошли по его стопам» [Коротаева 1973: 111].

Переписка Шахматова с женой Потебни была полностью опубли-

ликована нами в журнале «Мовознавство» в 1974 г. [Франчук 1974: 36–44]. А в 1992 г. С. А. Гальченко опубликовал неизданную до этого времени статью И. Я. Айзенштока «Из истории научного наследия А. А. Потебни». В этой работе автор, лично знавший Марию Владимировну, ссылается не только на ее переписку с Шахматовым, но и приводит интересные детали их встречи [Гальченко 1992: 225–227].

В 1901 году¹, в десятую годовщину смерти А. А. Потебни, в г. Орле вышла из печати книга «Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни». Она представляет собой подробный конспект и вместе с тем сжатое изложение трех первых томов исследования Потебни «Из записок по русской грамматике», а также статьи «Значения множественного числа в русском языке».

Как сообщает в предисловии автор книги, он пытался не только отметить явления, наблюдаемые Потебней в истории восточнославянского синтаксиса, но и выявить внутренние мотивы, на основании которых ученый дает новое освещение фактов языка и нередко приходит к новым выводам по сравнению с предшествующими и современными ему исследователями. По его словам, именно поэтому он «отрешился от обычных и господствующих взглядов на синтаксис русского языка, намеренно подчинил себя всецелому влиянию Потебни и, находясь под исключительным его влиянием, заботился единственно о том, чтобы проникнуть в сущность основных его взглядов, уловить внутреннюю связь между ними и выразить весь строй его системы по возможности короче и вместе точнее» [Белоруссов 1902: 4–5].

Исполнителем оригинального замысла стал хорошо известный в научных кругах преподаватель русского языка и словесности Иван Михайлович Белоруссов. В предисловии к книге отмечено также, что во время ее написания автору оказывал дружескую поддержку и помощь А. А. Шахматов: «В заключение считаю своим долгом принести глубокую благодарность Императорской Академии наук за выданную мне субсидию на издание настоящей книги и ординарному академику А. А. Шахматову за его советы и указания, которыми он не оставлял меня при выполнении этой работы» [Белоруссов 1902: 8].

Среди бумаг А. А. Шахматова, хранящихся в Петербургском филиале Архива РАН, нам удалось выявить большое количество писем И. М. Белоруссова. В ряде писем речь идет и о книге «Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни» [Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 108,

¹ Эта дата стоит на белом заглавном листе; на цветной обложке — 1902 г.

лл. 1–41, 75 об., 76]. Фрагменты писем И. М. Белоруссова, относящиеся к его работе над этой книгой, опубликованы нами в статье «Роль А. А. Шахматова в распространении идей А. А. Потебни в начале XX в.» [Франчук 1983: 106–121]. Этот материал представил возможность обстоятельно проследить за процессом ее создания и участием в нем А. А. Шахматова. По свидетельству писем решение о составлении и издании конспекта трудов Потебни по синтаксису оформилось не сразу. Этой работе предшествовали следующие события. И. М. Белоруссов, известный педагог, автор школьного учебника русского языка, построенного на грамматической теории Потебни, был уволен от обязанностей директора Орловской гимназии. Потеряв с работой и средства к существованию, Белоруссов хлопочет о своем восстановлении. В тяжелое для него время Ивана Михайловича поддерживали три академика (Алексей Александрович Шахматов, Александр Николаевич Пыпин, Василий Васильевич Латышев). Во время встречи в Петербурге Шахматов предложил Белоруссову приняться за труд по историческому синтаксису восточнославянских языков. Из опубликованных ниже фрагментов письма Ивана Михайловича к Шахматову от 15 февраля 1900 г. можно сделать вывод, что составление конспектов синтаксических трудов А. А. Потебни и его ученика А. В. Попова оказалось необходимым исследователю именно для успешного выполнения предложенной ему работы.

«Прошло уже два месяца с лишним с той поры, как я, облаканный и ободренный Вами вкупе с Александром Николаевичем и Василием Васильевичем, вернулся в Орел, чтобы сесть за предложенную работу. По следам за мною прибыл и дорогой груз с необходимыми академическими изданиями ... В это же время занялся разыскиванием «Записок по русской грамматике» Потебни (2-е издание), которых не нашел в Петербурге, и «Vergleichende Syntax» Миклошича (обе книги нашел, слава Богу, в Саратове!).

Как видите, заботы о «насушном хлебе» отняли у меня больше двух месяцев и не позволили положить даже начала той работе, к которой лежит теперь душа моя. Впрочем, если бы я и был свободен, то едва ли бы успел приступить к ней серьезно за это время, так как предварительная подготовка должна быть выполнена с надлежащею предусмотрительностью. Главное — план работы, без которого немислимо и собиание материала. А план-то у меня и не установился еще. Сперва думаю проштудировать хорошенько исследование Попова об именительном, звательном и винительном падежах, «Записки по русской грамматике» Потебни и отчасти «Syntax» Миклошича, к чему и приступил уже с 10 февраля. Начал с исследования Попова с одновременным наведением справок из Потебни и Миклошича, но сейчас же увидел, что одного чтения с пометками на полях будет недос-

таточно. Необходимо делать правильный письменный конспект всего исследования, к чему и приступил. То же самое придется проделать и с Потебней и Миклошичем. Ваши исследования о языке летописей также необходимы мне. И только составив правильные конспекты этих исследований и сопоставив их между собою, я могу окончательно остановиться на подходящем для себя плане.

Вот вкратце намеченный мною план, который, может быть, придется еще изменить или переработать после тщательного сопоставления конспектов по исследованиям Вашим, Попова, Потебни и Миклошича. В частности, имею в виду собрать, по возможности, все данные, характеризующие синтаксис древнерусского языка от начала письменности по XIV век, как условились мы с Вами, и на основании совокупности всех материалов определить: 1) какими синтаксическими формами владел древнерусский язык исследуемого периода, 2) каких форм не развивает еще в древнерусском синтаксисе по сравнению с синтаксисом современного русского языка... 3) какие формы существовали, которых современный русский язык не удержал в себе, 4) чем заменены тогдашние характерные формы в современном русском языке, или же они окончательно исчезли вследствие постепенного изменения и перерождения живой речи, как и всякого живого организма, принимающего новые формы и оставляющего в себе неизменным только существенное и субстанциальное, 5) буду стремиться также указывать, где это будет возможно, каким образом создались некоторые новоформы современного языка из первичных форм древнерусского языка» [Франчук 1983: 107–109].

В марте 1901 г. И. М. Белоруссов еще раз побывал в Петербурге. Ознакомившись с составленным им конспектом трудов А. А. Потебни, Шахматов нашел его удачным и посоветовал опубликовать в одном из филологических журналов. Приехав в Орел, Иван Михайлович принял за оформление книги и написание предисловия. Однако его надежда найти издателя не оправдалась. Зная о тяжелом материальном положении педагога в отставке, А. А. Шахматов выхлопотал ему материальную помощь, которую Белоруссов получил в апреле 1901 г. В письме от 25 апреля, он благодарит Шахматова и снова возвращается к мысли о самостоятельной работе по древнерусскому синтаксису. И только в письме от 10 сентября 1901 г., И. М. Белоруссов сообщил Шахматову о том, что наконец приступил к печатанию своей книги:

«Так как ни А. И. Смирнов, ни наследники Хованского¹, при всем их желании, не в состоянии напечатать скоро моей работы по Потебне, то я решил издать ее сам, благо, что Вы исходатайствовали мне от Академии сто-рублевое пособие. Придется прибавить еще не больше 200 рублей, но зато

¹ После смерти основателя журнала «Филологические записки» Алексея Андреевича Хованского его дело с 1899 г. продолжали наследники.

работа моя к новому году будет, по всей вероятности, готова. Первый лист набора при сем прилагаю, и, если найдете свободную минутку, то пробегите его. Длинного предисловия писать не решился, да и вообще, после Вашего совета, я еще раз пересмотрел свои тетради и сократил их, так что и с Указателем выйдет, я думаю, не больше 200 страниц. Первых страниц моего изложения слишком строго не судите, потому что они наименее удовлетворительны по сравнению с дальнейшим, хоть и здесь старался я выжать сущность дела, насколько она необходима для связи с последующим...

Я был бы очень признателен и благодарен Вам, глубокоуважаемый Алексей Александрович, если бы *Вы* уделили мне несколько минут в здании Академии, когда на этих днях приеду в Петербург. Может быть, дали бы еще какой-нибудь совет и относительно печатанья моей работы по Потевне на основании первого печатного листа» [ibid.: 111].

Визит к Шахматову, вероятно, оказался счастливым. Во время встречи речь шла не только о трудах Потевни, но и о работе его одаренного ученика А. В. Попова (1855–1880). Подготовленную А. В. Поповым магистерскую диссертацию после его смерти издал А. А. Потевня под заглавием «Синтаксические исследования. 1. Именительный, звательный и винительный в связи с историческим развитием заложных значений и безличных оборотов в санскрите, зендском, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянских наречиях» (Воронеж, 1881). Этому труду и посвящено письмо И. М. Белоруссова от 26 сентября 1901 г. И только 10 марта 1902 г. И. М. Белоруссов выслал А. А. Шахматову книгу о Потевне с таким письмом:

«Наконец-то имею возможность послать Вам только что отпечатанный «Синтаксис русского языка в исследованиях Потевни».

Но не без опасения и страха выпускаю книгу свою: слишком большую ответственность, кажется, взял я на себя, ободряемый Вами. Понять надлежащим образом все синтаксические учения Потевни как в основах, так и в частностях; разрешить многие недоуменные места, зависящие отчасти от своеобразного языка Потевни; указать внутреннюю связь между некоторыми отделами, по-видимому, не имеющими этой связи (в 3-м посмертном томе); сделать многочисленные сноски на предыдущее и последующее, чтобы объяснить Потевню самим же Потевней; отметить и объяснить некоторые разночтения не только в частностях, но даже и в основных положениях, наконец — изложить 1300 страниц компактной печати на 250 страницах, т. е. сократить более чем в пять раз и удержать всего Потевню — это едва ли было посильной для меня работой. Теперь мне кажется, что гораздо легче было бы для меня напечатать 2 тысячи страниц и выяснять на них синтаксическое учение Потевни, чем то же самое исполнить на 250 страницах. Но это сделано, сделано!.. Остается выжидать, как посмотрят на мою работу? Сочтут ли ее про-

стым извлечением из Потебни или же заметят и тщательную обработку изложения с выяснением всех мест, представляющих то или другое затруднение при чтении самих исследований? Обратят ли внимание на мои многочисленные примечания и сноски, служащие необходимым разъяснением Потебни? Придадут ли им надлежащую цену и обратят ли на них вообще какое-либо внимание? А между тем многие из этих примечаний (увеличивших, к сожалению, объем книги) должны бы заставить подумать над некоторыми положениями Потебни, даже основными. Сомневаюсь, что придадут должное внимание и Алфавитному указателю, несмотря на то, что в нем под каждым словом я старался собрать в системе все, что говорится у Потебни по поводу данного слова. Вообще многое тревожит меня, но я считал бы себя удовлетворенным, если бы в конце концов оказалось, что по моей книге все-таки легче понимать Потебню, чем по его собственным исследованиям»

[*ibid.*: 112–113].

К сожалению, книга провинциального педагога признания в научном мире не получила. Вместо ожидаемого им отзыва Овсяннико-Куликовского в 1903 г. появилась рецензия приват-доцента Московского университета Н. Н. Соколова. Ее автор одобрил труд, в котором учение Потебни изложено достаточно кратко, достаточно точно и ясно, насколько это было выполнимо, и наконец в высшей степени удобно для пользования. Однако рецензент отрицательно отнесся ко многим положениям синтаксической системы Потебни и упрекнул Белоруссова за отсутствие собственного мнения при изложении его взглядов. «Если бы г. Белоруссов, — пишет в заключение Соколов, — отрешился от рабского подчинения авторитету Потебни и выбрал себе иной путь в изложении его работ, напр., изложение отдельных мест тех же «Записок по русской грамматике», касающихся какого-либо одного вопроса и объединенных определенной целью и пониманием дела на всем протяжении работы, то труд его мог бы быть образцовым как для науки, так особенно для школы, которая давно нуждается в такого рода книгах» [Соколов 1903: 366].

Рецензия Н. Н. Соколова не удовлетворила Ивана Михайловича, так как в ней давалась неправильная оценка всей научной деятельности А. А. Потебни¹. Возмущенный Белоруссов в письме Шахматову от 28 ноября 1903 г. пишет:

¹ Редакция журнала в примечании к статье Н. Н. Соколова отмечала, что она «не может согласиться с данной им оценкой и не находит справедливым суровый приговор Н. Н. Соколова» [Известия ОРЯС. 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 347]

«Отзыв г. Соколова о моем Потевне прочитал я со вниманием и вынес очень грустное впечатление. Вся рецензия намеренно направлена на развенчание Потевни и никоим образом не может быть названа беспристрастной...

Вот общее мое впечатление от рецензии г. Соколова, если не касаться некоторых частных мыслей и выводов, над которыми стоит, конечно, подумать или, по крайней мере, проверить их. Относительно взгляда г. Соколова на мою роль в изложении синтаксиса Потевни говорить нечего: он желает одного, а я при своей работе стремился совсем к другому; он порицает меня за то, что я не отнесся к Потевне критически и слепо следовал ему, я же имел в виду и считал необходимым прежде всего быть только интерпретатором синтаксических взглядов Потевни и добросовестным излагателем его сочинений по синтаксису. Я надеялся (и до сих пор уверен в этом), что книжка моя в этом виде будет гораздо полезнее для занимающихся наукой, чем смешение взглядов Потевни с моими личными...» [Франчук 1983: 115–113].

В самом конце этого длинного письма Иван Михайлович сожалеет о том, что рецензентом его книги не стал такой ученый, как Овсяннико-Куликовский. Д. Н. Овсяннико-Куликовский действительно не сделал обещанного разбора труда Белоруссова, хотя, как выяснилось, в Рукописном отделе Института русской литературы РАН в его фонде № 211, оп. 1, ед. хр. 250, л. 8 хранится письмо Шахматова от 24 марта 1902 г. с просьбой об этом одолжении. «Вы, вероятно, получили от Белоруссова его книгу по синтаксису, — пишет он. — Не будете ли так добры дать о ней отзыв для «Известий». Вам легче сделать это чем кому-либо другому».

Сохранилось и письмо И. М. Белоруссова к Овсяннико-Куликовскому от 7 апреля 1902 г., в котором раскрываются некоторые обстоятельства, приведшие к созданию «Синтаксиса русского языка в исследованиях Потевни», и роль Шахматова в появлении этого труда:

«Поводом к изложению синтаксических исследований Потевни послужила составленная мною русская грамматика для средних школ, в которую я попытался ввести научные начала. Грамматика моя, как необычная, прививалась туго среди преподавателей, привыкших к грамматике Кирпичникова. Не жаловал мою грамматику и самый Учебный комитет в лице своих рецензентов, но я не унимался и продолжал делать маленькие издания для тех немногих, которые все-таки пользовались и моей грамматикой. Назад тому два года я показал свою грамматику А. А. Шахматову, который вполне одобрил ее и дал мне при этом добрый совет изложить синтаксическое учение Потевни, который трудно читается обыкновенными смертными. Вот ближайший повод к появлению моего «Синтаксиса русского языка в исследованиях Потевни». Сперва я думал было ограничиться изложением лишь самого существенного,

но потом увидел, что это было бы только полуделом, и потому решил изложить и прокомментировать все три части «Записок по русской грамматике» и «Значения множественного числа» [ibid.: ед. хр. 17, лл. 1–2].

Переписка И. М. Белоруссова с Шахматовым продолжалась много лет, но вопросы, связанные с «Синтаксисом русского языка в исследованиях Потебни», они больше не обсуждали. Только в письме от 21 февраля 1917 г., присланном из Алушты, Белоруссов возвратился к этой книге:

«Мне очень лестно было услышать Ваш отзыв о моем Потебне, и благодарю судьбу, что вздумали Вы читать в нынешнем году курс синтаксиса в университете, иначе не представилось бы Вам случая познакомиться с моим «трудом», как Вы выражаетесь» [Франчук 1983: 118]. Что именно писал Шахматов Белоруссову, неизвестно. В 1916 г., читая курс синтаксиса, он отмечал: «Полезным пособием при изучении синтаксических трудов А. А. Потебни является конспект, который под заглавием «Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни» составлен и издан И. Белоруссовым» [Коротаева 1973: 112].

И. М. Белоруссов, очевидно, так и не узнал, что рекомендация его труда для широкого распространения была сделана Шахматовым еще в 1904 г.:

«Книга И. Белоруссова «Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни», Орел, 1902 г. (стр. 258 + XII), по выходу ее в свет, была допущена Учебным комитетом Министерства народного просвещения в библиотеки средних учебных заведений, учительских институтов и учительских семинарий. Ознакомившись с этой книгой и находя, что она представляет собой точное и удобопонятное изложение синтаксического учения такого выдающегося ученого, как Потебня, я находил бы справедливым, чтобы книга эта не только была допущена Учебным комитетом, но и рекомендована для обязательного приобретения ее, как в фундаментальные, так и ученические библиотеки всех средних учебных заведений Министерства народного просвещения.

6 ноября 1904 А. Шахматов»
[Франчук 1983: 119].

Давно стал библиографической редкостью труд педагога из города Орла. И все же до наших дней нет равных ему в доступности изложения научных идей А. А. Потебни по вопросам синтаксиса. Каждому, кто намерен углубиться в синтаксическое учение великого лингвиста, полезно начинать знакомство с ним по книге И. М. Белоруссова. А отдавая должное одаренности и научной эрудиции ее автора, важно помнить, что она была создана по инициативе и при непосредственном участии ученого с мировым именем — академика Алексея Александровича Шахматова.

Литература

- Академик А. А. Шахматов. Сборник статей и материалов. М.–Л., 1947.
- Белодед А. И.* Вопросы становления украинского вокализма в лингвистической интерпретации А. А. Потебни: Автореферат дисс. к. филол. н. Киев, 1964.
- Белоруссов И.* Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни. Изложил И. Белоруссов. Орел, 1902.
- Білодід О. І.* Питання історії редукованих звуків у працях О. О. Потебні // Дослідження з української та російської мов. Київ, 1964. С. 139–156.
- Білодід О. І.* О.О. Потебня про рефлексію *h* в українській мові // З історії української та інших слов'янських мов. Збірник статей. Київ, 1965. С. 80–98.
- Виноградов В. В.* Русская наука о русском литературном языке // Ученые записки. МГУ. 1946. Вып. 106. Роль науки в развитии мировой науки и культуры. Т. 3. Кн. 1.
- Гальченко С. А.* О работе И. Я. Айзенштока над биографией А. А. Потебни // О. О. Потебня і проблеми сучасної філології. Київ, 1992. С 191–227.
- Коротаева Э. И.* Учебные пособия по синтаксису и темы для семинарских сочинений, рекомендованные акад. А. А. Шахматовым / Публикация Э. И. Коротаевой // Вопросы языкознания. 1973. № 6. С. 110–119.
- Соколов Н. Н.* Синтаксис русского языка в исследованиях А. А. Потебни. Изложил И. Белоруссов. Орел. 1902 // Известия ОРЯС. 1903. Т. 8. Кн. 2.
- Филин Ф. П.* Александр Афанасьевич Потебня — русист // Традиции русского языкознания на Украине. Киев, 1977. С. 136–148.
- Франчук В. Ю.* О. О. Шахматов і наукова спадщина О. О. Потебні // Мовознавство. 1974. № 3. С. 36–44.
- Франчук В. Ю.* К истории распространения идей А. А. Потебни в начале XX в. // Из истории славяноведения в России. II. Труды по русской и славянской филологии. Сборник в честь 60-летия доктора филологических наук, профессора Никиты Ильича Толстого. / Ученые записки Тартуского государственного ун-та. 649. Тарту. 1983. С. 106–121.

А. А. Шахматов и Ф. Ф. Фортунатов¹

Ил. 13. Ф. Ф. Фортунатов. Фотопортрет.
СПФ АРАН[®]. Р. X. Оп. 1-Ф. Д. 66. Л. 1.

В переписке А. А. Шахматова с его учителем Ф. Ф. Фортунатовым, хранящейся в СПФ АРАН (машинописные копии части писем хранятся в фонде Б. И. и С. А. Коплан: ОР РНБ. Ф. 370) особое внимание привлекает начальный период переписки, относящийся ко времени 1891–1894 гг. В это время А. А. Шахматов сомневался в целесообразности продолжение научной карьеры в Москве, отказался оставаться для написания диссертации в Московском университете, и сосредоточился на работе в деревне (в родной ему Саратовской губернии, где находилось поместье Шахматовых) как земский начальник.

Письма А. А. Шахматова рассматриваемого периода хранятся в фонде Ф. Ф. Фортунатова: СПФ АРАН. Ф. 90. Оп. 3. № 95. (Далее — Шахматов). Письма Ф. Ф. Фортунатова рассматриваемого периода хранятся в фонде А. А. Шахматова. См.: СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 1606 (далее — Фортунатов).

Безусловно, это было связано с глубоким внутренним убеждением А. А. Шахматова в том, что интеллигенция должна активно включиться в дело помощи народу и дело строительства России. Эти идеи привели его позднее, как известно, в партию кадетов. В письмах этого периода, адресованных Ф. Ф. Фортунатову, А. А. Шахматов признавался в том, что он сильно привязался к крестьянам, делами которых он ведал, «полнобил их», почувствовал себя полезным. 3 февраля 1891 он писал: «Я откровен-

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-01-00057.

но Вам скажу, что так заинтересовался современным крестьянским управлением, будущей реформой, предстоящею мне деятельности, что отказаться от всего /предстоящего мне, не испытав его хоть один год, я положительно не могу» (Шахматов. Л. 21–21 об.).

А это желание — быть полезным другим людям, как он сам писал в одном из писем, вообще было ему глубоко свойственно. И вся переписка Шахматова с его корреспондентами (огромная по размеру) говорит о том, что он никогда не отказывался помогать тем, кто к нему обращался. В это не зависело от того, хорошо или плохо он знал человека, был ли этот человек известным ученым или начинающим исследователем, и были ли они согласны друг с другом по научным вопросам. Он, кажется, даже с особенным усердием помогал печатать те статьи, которые содержали его критику. Например, в его переписке с С. А. Бугославским обсуждалась просьба последнего напечатать его статью, содержащую критику Шахматова [Вовина-Лебедева 2011: 390–426].

Первое письмо А. А. Шахматова из изучаемой серии написано 22 января 1891 г. Оно наполнено впечатлениями о новой жизни и планами. В нем видна серьезность отношения к делу, предвидение трудностей, заранее готовность к ним: «Очень рад, что был в Саратове уже в первой половине января: это было самое горячее время по отношению к выбору кандидатов на земские начальники, и личное мое присутствие оказалось совершенно не излишним. Удивительно, сколько здесь интриг и личностей: единственная возможность сохранить душевное спокойствие — это держаться особняком и лично, без всякой помощи, поддерживать свои интересы. Переходное время, которое переживаю теперь, очень для меня тяжело; мало приходится заниматься именно тем, что теперь необходимо, и я, в сущности, только урывками, читаю различные законоположения и руководства; впрочем, каждое утро сижу у мировых судей. На днях буду допущен до занятия делами уездного крестьянского присутствия, т.е. такими делами, которые будут в ведении земских начальников. Я очень успокоился в отношении к предстоящей мне деятельности после того как увидел, что введение земских начальников — это восстановление мировых посредников, следовательно, населению и деятелям придется встретиться с уже пережитым и испытанным» (Шахматов. Л. 19–19 об.).

В этих письмах А. А. Шахматову Ф. Ф. Фортунатову видна и удивительно сильная и искренняя любовь к народу и России. Например, Шахматов обсуждал с Фортунатовым возможность получить места (в перспективе) в Варшавском университете, но собирался отка-

заться именно потому, что ему не хотелось уезжать из России, хотя это происходило не в начале его работы в деревне, а ближе к концу — когда его уже посетило отчасти разочарование. В сентябре 1893 г. Ф. Ф. Фортунатов писал ему: «Вчера получил из Вены письмо от Северьянова, касающееся Вас. По поручению Ягича он просит меня списаться с Вами относительно того, не согласитесь ли Вы занять в Варшаве кафедру, остающуюся свободною после отказа Лаврова» (Фортунатов. Л. 23). А. А. Шахматов отвечал: «Относительно Варшавы в настоящее время могу только написать, что уже несколько раз писал Смирнову: не чувствую никакого желания ехать туда, тем более на место лектора, тем более в Университете, и совершенно несимпатичном Университете. Если бы я стремился в Варшаву, я бы давно просил Вас устроить меня там» (Шахматов. Л. 44).

Тут была и прагматическая задача — А. А. Шахматов объяснял Ф. Ф. Фортунатову, что чувствует невозможным изучать русский язык, историю языка, не зная русского народа, который думал ближе понять, занимаясь решением его дел, деятельной помощью ему. Он рассматривал это как «командировку внутрь России», вместо традиционной командировки в Европу: «Убежден в том, что этот год будет употреблен мною с пользою и для будущей моей преподавательской деятельности: он разовьет меня во многих отношениях, поставит ближе к народу и послужит отличным преддверием для предстоящего мне научного поприща. Вместо заграничной командировки, которая так необходима при занятиях другими предметами, командировка внутрь России при занятиях русским языком более чем желательна. Преподавание истории русского языка предполагает знакомство с историей русского народа, с нравственным и умственным состоянием его в прошедшем и в настоящем. Здесь, в постоянном столкновении с живой народной струей, я запасусь той энергией, которая будет мне необходима, чтобы поднять тяжелое бремя профессуры, запасусь тем живым интересом к родному народу, который научит меня глубже и разностороннее вникнуть в его язык» (Шахматов. Л. 21 об.).

Что касается писем Ф. Ф. Фортунатова, то он старался любыми средствами вытащить своего ученика из деревни, не потому, разумеется, что это (лермонтовским языком) было отъездом «в глушь, в Саратов!», но потому, что он был убежден: дело жизни Шахматова — научная и преподавательская деятельность. Для того, чтобы отвратить ученика от желания заниматься общественной деятельностью, Ф. Ф. Фортунатов даже нажимал на болезненную в этой ситуации те-

му их личной дружбы, писал о заботах о Шахматове со стороны всей семьи Фортунатова: «Редкий день проходит без того, чтобы я не вспоминал Вас и не чувствовал бы потребности обменяться с Вами то теми, то другими мыслями» (Фортунатов. Л. 13). «Жена недавно видела Вас во сне очень худым и с большими рыжими усами. Она посылает Вам низкий поклон и вместе со мною просит Вас навестить нас поскорее» (Фортунатов. Л. 15 об.).

29 января 1891 г. Ф. Ф. Фортунатов просил своего ученика не отказываться принять стипендию для приготовления к профессорскому званию в Московском университете, которую должен предложить ему попечитель университета: «Самым настоятельным, самым убедительным образом прошу Вас не отказываться от данного Вам предложения; Ваш отказ так сильно огорчил бы меня, что я, право, не могу, не хочу представлять себе такого случая» (Фортунатов. Л. 4).

Ф. Ф. Фортунатов пытался беречь чувства любви и благодарности, которые, он знал это, испытывал к нему Шахматов. А. А. Шахматов, как известно, рано осиротел. К Фортунатову он относился как к отцу, видно, что заботу о себе со стороны Фортунатова и его жены чрезвычайно ценил. И тот старался внушить ему: пусть даже Вы сейчас не уверены, что нужно бросить деревню и ехать в Москву принимать место в Университете, но сделайте это для меня, осчастливьте меня, я всегда жил мечтой о том, что Вы будете преподавателем Московского университета и займете потом мое место! О том, насколько сильно действующие средства были тут пущены в ход, можно судить по следующему отрывку: «Еще с той поры, как я знал Вас в гимназическом мундире, я мечтал уже о том времени, когда Вы начнете преподавать в нашем университете, и заранее считал годы Вашего студенчества и годы приготовления к магистерскому экзамену. До сих пор все шло хорошо, мои мечты сбывались, и наконец, казалось — сбылись, но тут то они и готовы рухнуть. Вы знаете, что к Вашему решению оставить университет и взять место земского начальника я с самого начала не относился сочувственно, а если не восставал против этого решения еще сильнее, то лишь потому, что видел, что при данных обстоятельствах Вы не измените этого решения. В настоящее время, однако, изменились обстоятельства, и отказа от данного Вам предложения я, право, никак не могу допустить» (Фортунатов. Л. 4).

Такие эмоциональные обращения даже странно читать на фоне других, более сдержанных писем, написанных в академической манере. Видимо, Ф. Ф. Фортунатов был уверен, что на самом деле тут ин-

тересы А. А. Шахматова и его собственные не расходятся: «Я знаю, что поступаю страшно эгоистично, приставая к Вам чуть не с требованием уступить мне, т.е. пожертвовать своими интересами моим интересам. Я убежден в том, что Ваши действительные интересы в этом деле совпадают с моими интересами, но конечно, мне не убедить Вас в этом, и я скажу лишь то, что если Вам при согласии на данное Вам предложение пришлось бы разрушить план, созданный Вами лишь в самое последнее время, относительно приобретения ученой степени ранее занятия кафедры (как будто ученые степени сами по себе представляют достаточную гарантию), то и мне в случае Вашего отказа пришлось бы видеть разрушенными мои мечты и надежды, с которыми я сжился в течение многих лет» (Фортунатов. Л. 4).

И хотя Фортунатов, в общем, уважительно расспрашивал Шахматова о делах на его участке, но по всему видно, что он считал весь «деревенский проект» Шахматова если не блажью, то самообманом: «в том, что Вы пишете о побуждениях, заставляющих Вас отказаться от предложения попечителя, я не вижу, говоря откровенно, ничего убедительного... Почему же Вы не можете изменить этого решения, как скоро обстоятельства сложились так, что сильнейшим образом могут побудить к этому? Или мотивы, вызвавшие это решение, таковы, что не допускают и мысли о возможности изменить его? Я этого не понимаю, может быть, конечно, потому, что эти мотивы мне и прежде не казались такими, против которых нельзя было бы сказать многое и многое» (Фортунатов. Л. 5–5 об.).

В связи с этим обсуждался и нравственный аспект проблемы. А. А. Шахматов писал: «Если я вернусь, отказавшись от той точки зрения, которою я хотел прикрыть свое отступление, выход мой из Университета представится мне позорной страницей в моей жизни, когда я поступал бы несогласно своей совести и своим искренним стремлениям и будто бы торговался, обставляя торговлю благовидными формами» (Шахматов. Л. 21). А. А. Фортунатов на это отвечал: «Вас как будто останапливает и мысль о том, что скажут об Вас, если Вы примете предложение, не увидят ли здесь какой-то торговли. Вы пишете, что даже Вам самим это может показаться так. Этому я не верю, так как Вы сами знаете, и всегда будете знать, что никакой торговли в этом деле не было, то же знают не только все близкие к Вам в Москве, но и лица посторонние. А если даже кто-нибудь, не знающий ни Вас, ни обстоятельств, и предположил в этом деле торговлю, то Вам то какое дело до этого, когда Вы будете знать, что это неправда» (Фортунатов. Л. 6).

Ф. Ф. Фортунатов заранее возражал против всех доводов своего ученика о том, что в деревне он приносит большую пользу: «Что касается той пользы, которую Вы можете принести, то я вполне убежден в той громадной пользе, какую будет приносить Ваша преподавательская деятельность, чем раньше Вы ее начнете; между тем как относительно Вашей деятельности в качестве земского начальника я уверен только в том, что Вы употребите все силы на то, чтобы быть полезным, но я не знаю, насколько эта польза не будет ли парализована обстоятельствами, не зависящими от Вас» (Фортунатов. Л. 6 об.).

Можно понять, как трудно было Шахматову отказывать в этом вопросе своему учителю. И у нас есть чрезвычайно длинное и трогательное письмо 1891 г., в котором много раз повторяется личное обращение, как заклинание «Филипп Федорович!». А. А. Шахматов признается в этом письме в любви и уважении к Фортунатову, зародившихся в нем еще гимназистом: «Чувство любви и уважения к Вам — вот что постоянно сопровождало мои занятия наукой, постоянно оживляло их. Вы для меня не только руководитель и учитель: Вы воплощаете в себе ту самую науку, около которой сосредоточились все мои интересы и симпатии» (Шахматов. Л. 22).

Это породило у Ф. Ф. Шахматова глубокий внутренний разлад, пришедший на смену первой волне эйфории от нового дела. В апреле 1891 он писал: «Единственно, что меня расстраивало и продолжает мучить: — это то, что в одну из самых решительных минут моей жизни я не послушал ни моего чувства к Вам, ни Ваших убеждений; поступил я так после очень больших колебаний и чувствую себя бесконечно виноватым перед Вами за хлопоты и огорчение, которые я Вам доставил. Простите меня, дорогой Филипп Федорович, за все это: а в свое оправдание скажу, что покамест я очень счастлив, вследствие нахлынувшей на меня работы и, в особенности, в виду предстоящей деятельности, которой, право не грешно, отдаться на год или на два не ради пользы, которой можно и не принести, а в виду ее разностороннего интереса» (Шахматов. Л. 23). И тема сожаления теперь сопровождает все письма Шахматова: «Как мне грустно, дорогой Филипп Федорович, что могу быть с Вами только мысленно; но мысленно я почти постоянно с Вами» (Шахматов. Л. 26 об.). «Так тяжела мне разлука с Вами, что не могу и выразить и не могу дальше на этом останавливаться» (Шахматов. Л. 30).

Оторванный от учителя, в феврале 1891 г. А. А. Шахматов писал: «Вы вспоминаете то время, когда я явился к Вам еще гимназистом; для меня это

время имеет двойное значение: с одной стороны оно было началом моей ученой деятельности, с другой во мне зародилось тогда чувство привязанности, любви, уважения к Вам, чувство, которое все росло с годами, в особенности в связи с тем, что я более и более сознавал, за что я Вас люблю и что Вы для меня сделали» (Шахматов. Л. 20). Он теперь боится, что разочаровал Ф. Ф. Фортунатова: «Каждую почту ждал с нетерпением, и с грустию вижу, что опять четыре месяца не имею от Вас ни строчки. Мне это тем больше, что всякое такое продолжительное молчание я объясняю тем, что Вы хотите забыть меня. Я очень хорошо понимаю, что виноват перед Вами, как перед своим учителем и наиболее дорогим мне человеком. Но еще более виноват я перед собою, лишив себя всего того чем там дорожил, и вдруг так видимо от Вас оторвавшись» (Шахматов. Л. 34).

Ф. Ф. Фортунатов и сам понимал, видимо, что происходило в душе его ученика: «Простите меня, дорогой Алексей Александрович, за то, что я Вас так мучу; мне и самому тяжело, так как я хорошо представляю себе Ваше теперешнее душевное состояние, но что же делать! Я не простил бы себя никогда впоследствии, если бы побоялся теперь быть жестоким» (Фортунатов. Л. 7 об.–8).

Тем выше следует, конечно, оценить твердость А. А. Шахматова, когда он писал, что не может пойти навстречу своим стремлениям к научной работе и горячему желанию сделать так, чтобы Фортунатов был им доволен, поскольку пока не убежден, что он выполнил то, что должен сделать на своем поприще земского начальника. Он писал, что он не может бросить работу, только что начатую, которая ему была по душе: «Я откровенно Вам скажу, что так заинтересовался современным крестьянским управлением, будущей реформой, предстоящею мне деятельности, что отказаться от всего предстоящего мне, не испытал его хоть один год, я положительно не могу» (Шахматов. Л. 21). А. А. Шахматов надеялся, что, отбыв год в земских начальниках, сможет преодолеть эту «раздвоенность интересов», между стремлением к практической работе для общества и тяготением к профессорской деятельности, которую наблюдал в себе. Шахматов подозревал, и справедливо, что учитель не разделяет его энтузиазма: «Не думайте, Филипп Федорович, что это во мне лишь пустое увлечение: я слишком живо сознаю всю необходимость ответить известным стремлениям своей души, что отказаться от них делает меня неудовлетворенным и постоянно будет поддерживать во мне ту раздвоенность интересов, которую я с неудовольствием замечаю в себе уже давно; год в должности земского начальника исцелит

меня в этом отношении» (Шахматов. Л. 22).

А. А. Шахматов, по-видимому, действительно был хорошим земским начальником. Он получал удовольствие и чувствовал себя счастливым, когда понимал, что делает нужное дело. И он понимал все оборотные стороны своей работы. Летом 1891 г. он писал: «Очень тяжело втянуться в местную жизнь и не иметь власти вмешаться в случаях требующих безотлагательного вмешательства: так, мне насилу удалось остановить приведение в исполнение смертных приговоров волостного суда нашей волости, подлежащих исполнению в течение одного месяца (за несколько лет) до введения реформы. Приходилось хлопотать, чтобы не секли человека за то, что он украл моченые яблоки девять лет тому назад и т.д. Впрочем, я очень хорошо сознаю, что буду счастлив и доволен как только вступлю в свою должность. Зимой — я почти уверен в этом — буду заниматься диссертацией и обрету, может быть, тогда душевный покой, избежав разлада с самим собою» (Шахматов. Л. 26).

Но Ф. Ф. Фортунатов, даже после отказа Ф. Ф. Шахматова согласиться на предложения попечителя, продолжал подспудно склонять его вернуться в Москву. Теперь это видно в письма по рассыпанным в них мелким фразам. В марте 1893 г. он писал, например: «О некоторых пунктах хотел бы поговорить с Вами, но именно поговорить, а не беседовать в письме; надеюсь, что теперь уже недолго остается ждать мне того времени, когда опять начнутся наши разговоры с Вами» (Фортунатов. Л. 20).

И вот, по письмам А. А. Шахматова можно проследить, как постепенно в нем зрела готовность вернуться к прежней жизни. Без преувеличения можно сказать, что отношения с Фортунатовым играли тут главную роль. В августе 1892 он писал: «Пишу диссертацию, которая будет готова к печати к декабрю, но при непременном условии поддержки с Вашей стороны. Мне так грустно, что Вы мне не пишете, что вряд ли слажу и с диссертациею, если не буду иметь от Вас известий» (Шахматов. Л. 31). В сентябре того же года читаем: «Мне очень тяжело живется в разлуке с Вами и постоянно тянет в Москву, в особенности же теперь как я стал заниматься» (Шахматов. Л. 32).

Но теперь его уже тяготила неизбежность расстаться с делом, ставшим ему дорогим: «Оставляя Университет, я как то слепо повиновался охватившим меня чувствам и положительно не владел собою. И до сих пор не могу настоящим образом раскаяться: я так привязан к крестьянам, так их полюбил, что тяжело будет с ними расстаться»

(Шахматов. Л. 34). «Мне очень тяжело будет расстаться со своим участком, также тяжело, как было бросить Университет в 1891 году» (Шахматов. Л. 77). В марте 1893 он писал: «С самого момента, как я стал писать диссертацию, меня тянет к Вам, тянет и на покой, потому что работать урывками, беспрестанно и на целые недели отвлекаясь, невозможно. Чувствую, что близко время моего возвращения на прежний путь: очень грустно будет оставлять крестьян, моих новых знакомых» (Шахматов. Л. 37).

Из писем ясно, что в начале работы в деревне, несмотря на обещания Фортунатову вернуться в науку непременно, Шахматов еще колебался. Новые занятия увлекли его серьезно, ради них он жертвовал научными занятиями. Еще одной причиной окончательного выбора в пользу науки, кроме диссертации и нажима со стороны Фортунатова, стали сложности, с которыми А. А. Шахматов все более и более сталкивался в своей работе земского начальника. Эти сложности, как представляется, сделали для него ясным то, что дело, за которое он взялся, потребует его целиком, и что ему нужно будет посвятить всю жизнь. Кроме того, его как человека либеральных убеждений отталкивала неизбежность договариваться с начальством, он не был к этому готов: «перспектива возможного повторения прошлогодних историй, вмешательств в мой участок всяких усмиряющих властей, напустившихся на народ, который по деревням и не бунтовал, ограничиваясь болтовнею, положительно раздражает. А по всему видно, что губернские власти так прониклись страхами и холеры и верою в медицину, что своими неуклюжими распоряжениями уже теперь раздрожили народ, опять начинают болтать и болтать, пожалуй, основательно, так как вряд ли кто, а тем паче народ, может понимать целесообразность предпринимаемых мер. А как вспомнишь прошлое лето, вечное метание, бессонные ночи в ожидании поджогов соседних селений (кто погорел не вспомню), так опротивит должность земского начальника, оказывающаяся чисто полицейскою, причем не найдешь возможности оградить крестьян от всяких подобных ужасов и одной стороны, вмешательств усмирителей с другой» (Шахматов. Л. 38–38 об.).

Впрочем, уныние по поводу работы в деревне часто сменялось радостью, а энтузиазм в отношении своей научной работы, наоборот, сохранялся не всегда — роли менялись. Уже в октябре 1893 г., когда начались обсуждаться планы защиты диссертации, Шахматов писал Фортунатову: «Я точно понимаю теперь, что не уйду из земских начальников пока не женюсь... Диссертацию я кончил уже давно, ото-

слал ее ... еще в середине августа. Печатание быстро продвигается. Но я ею не доволен. Недостаточно разработал я предмет. Перечитываю корректуры и волнуясь: много невысказанного, и изложение немного запутанно. Как то я ее буду защищать! Последнее время исключительно занят своими делами по службе. Не нахвалюсь этою должностью» (Шахматов. Л. 44—44 об.).

Ходом научной работы А. А. Шахматов был недоволен все больше. В декабре 1893 г. по поводу своего будущего магистерского диспута он писал: «Диссертациею своею я очень недоволен: нет ничего труднее писать частями; постоянно приходится уже написанное, а другой раз и напечатанное, согласовать с теми выводами, которые являются при дальнейшей работе. Но зато самый предмет моего исследования вряд ли может найти себе равного по интересу в истории русского языка» (Шахматов. Л. 40). Ф. Ф. Фортунатова беспокоило, что А. А. Шахматов все медлил: «Напрасно Вы не подали до сих [пор] прошения о диспуте; теперь ближайшее заседание факультета будет во второй половине января, так что Ваш диспут может состояться не ранее февраля. Я хорошо понимаю, что Вы утратили всякую возможность судить о Вашей книге; я сам находился в таком же положении относительно своей диссертации, и даже слишком долго, так как в течение многих лет я не имел мужества прочесть из нее некоторые страницы» (Фортунатов. Л. 26).

В письмах этого времени поднимаются важные вопросы методологии исследовательской работы. Например, Ф. Ф. Фортунатов писал по поводу магистерской диссертации А. А. Шахматова: «Сам я нахожу в Вашей диссертации и массу фактов и постоянную работу мысли; читать ее не легко по тому самому, что ее надо изучать, но диссертация такой и должна быть. Вы ставите и решаете ряд совершенно новых вопросов; надо думать поэтому, что тут или там Вы ошибаетесь, но даже и в этом случае читатель, интересующийся вопросом, не может не быть благодарен Вам за то, что узнает от Вас» (Фортунатов. Л. 26—26 об.). Это очень важная мысль, которая была воспринята А. А. Шахматовы именно от Фортунатова: не нужно бояться ошибок, они даже неизбежны, потом можно будет исправить некоторые положения, вначале набросанные начерно. Почти все, кто потом писал об особенностях творческой манеры А. А. Шахматова, обращали внимание на эту его особенность — готовность отказываться от старых своих воззрений, выдвигать новые точки зрения, пересматривать прошлые гипотезы.

В феврале 1894 г. обсуждались уже детали диспута. Ф. Ф. Шахматов чуть было не обиделся на Фортунатова, думая, что тот не хочет быть его оппонентом. Когда дело прояснилось, он писал: «Я вполне вознагражден Вашим письмом за свои опасения, что Вы не хотите быть моим оппонентом. В моем огорчении сказывается главным образом грустное чувство разлуки с Вами, особенно ощутительной, как только я загляну в свои книги и вспомню про свое прошлое. Но теперь я приближаюсь к окончанию моего блуждания» (Шахматов. Л. 56).

Поездка в Москву и магистерский диспут окончательно, видимо, решили дело. А. А. Шахматов, хотя и погрузился затем вновь в служебные дела в губернии, но стало ясно, что «блуждания» его, действительно, закончились. В марте 1894 он писал: «Вот опять вдалеке от Вас среди как будто несвойственных мне занятий. Доехал я очень хорошо: у нас полная зима, даже на дворе в нашей усадьбе чуть-чуть виднеются ручейки. В самый день приезда у меня было много всяких посетителей, а вчера и сегодня до трех часов дня я не мог выйти из камеры. Понятно, что я сразу втянулся во все интересы своего участка, а пребывание в Москве начинает представляться каким-то мучительным сном, давшим мне опять много новых поправок и увеличившим во мне сомнения. Сознаю очень хорошо, что при таком настроении не усидеть мне земским начальником: здесь — удовлетворение временных интересов, а исполнение долга, будто не здесь, а где-то в ином месте» (Шахматов. Л. 61).

И когда именно в этот момент он получил письма одновременно Ф. Ф. Фортунатова и И. В. Ягича относительно возможности стать адъюнктом Академии наук, реакция была уже совершенно другая, чем в 1891 г. 7 апреля 1894 г. он написал Фортунатову: «Неужели я могу дать другой ответ, кроме да! Правда, мне даже неловко произнести да согласен, потому что слишком хорошо сознаю, какой я удостоиваюсь незаслуженной чести... Вам я скажу еще, что со времени возвращения сюда я положительно решил перебраться как-нибудь в Университет или университетский город. Не думаю, что на меня повлияло получение ученой степени, но чувствую, что перемена эта произошла от того, что видел Вас, говорил с Вами, убедился, что Вы от меня ожидаете еще и еще работ и т.д. ... Я очень хорошо представляю себе положение академика. Какими огромными средствами располагают они, чтобы поставить свою науку на должную высоту! И неужели у меня хватило бы духу отказать от подобной перспективы. Нет, напротив во мне является дерзость и решимость изъявить свое полное согласие на

приобщение к Академии» (Шахматов. Л. 66–66 об.).

Но и тут А. А. Шахматов остался самим собой, его радость касалась не столько устройства собственной судьбы, сколько перспективами помогать теперь другим ученым: «Вы, конечно, понимаете, как для меня приятно это предложение и какую великолепную перспективу оно передо мною открывает. Можно будет вполне отдаться науке, а вместе с тем благодаря положению быть полезным другим деятелям на том же поприще. Обо всем этом мне трудно даже судить пока, но я чувствую, что привилегированное положение, в которое я может быть попаду, даст мне возможности быть полезным ... для науки вообще» (Шахматов. Л. 71).

Письма, рассмотренные здесь, как представляется, дают основание предположить, что если бы не Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов мог бы не вернуться к научной жизни, и мир потерял бы в нем выдающегося ученого. Вероятно, он сам хорошо это понимал. Возможно, именно это было причиной того, что в дальнейшем он всю свою жизнь заботился о молодых коллегах, не уставал помогать им, тратил на разрешения разных вопросов их научной и даже бытовой жизни множество времени, о чем свидетельствует его переписка. Как уже упоминалось, это делалось даже в тех случаях, когда он не был согласен с учениками в научных вопросах и даже, иногда, сомневался в их методах [Вовина-Лебедева 2011: 301–317]. Можно сказать, что он выполнил свою мечту «быть полезным», находясь в Академии наук.

В учениках он надеялся увидеть то, что не удалось ему самому. Например, в одном из писем Фортунатову саратовского периода он писал: «С удовольствием мечтаю о предстоящих мне, может быть, когда-нибудь поездках по России для изучения живых говоров. Во всяком случае, что бы меня впереди ни ожидало, хотелось бы мне после достижения ученых степеней посвятить все свои силы, которых для нескольких дел оказывается недостаточно, занятиям лингвистическим» (Шахматов. Л. 40 об.). Позднее он очень поддержал своего ученика С. А. Еремина, работы которого как раз были посвящены результатам диалектологических поездок по России [Вовина-Лебедева 2014].

С другой стороны, ощущение раздвоенности, видимо, все же осталось с ним на всю жизнь, хотя он в итоге понял, что желание работать в науке в нем пересиливает стремление к общественному поприщу. А. А. Шахматов уехал из деревни, связав жизнь затем с Академией наук и Университетом в Петербурге. Кроме того, его активная общественная жизнь в Петербурге также хорошо известна. Возможно, правда, она не давала ему того эмоционального чувства

причастности к народной жизни, которое он ощутил в Саратовской губернии в 1891–1894 гг. Во всяком случае, в предсмертном письме дочери он сокрушался, что, как ему казалось, жил не достаточно гармонично, жил больше умственной жизнью в ущерб «деятельной любви» [О смысле жизни].

Мы намеренно не касаемся в данной статье научных сюжетов, о которых шла речь в переписке А. А. Шахматова и Ф. Ф. Фортунатова, так как это должно быть темой отдельной работы. Заметим лишь, что это, в основном, обсуждение наблюдений А. А. Шахматова (разрозненных) о различных вариантах славянских языковых форм, которые он выявлял в старославянских рукописях, а также в диалектологических материалах.

Литература

Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011.

Вовина-Лебедева В. Г. К вопросу о школах А. А. Шахматова и В. Н. Перетца: С. А. Еремин // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 2. М., 2015.

«О смысле жизни». Предсмертное письмо А. А. Шахматова / подготовка текста к публикации, вступительная статья, комментарии / В. Г. Вовина-Лебедева, Т. В. Андреева // Государство и общество в дореволюционной России XV – начала XX века. Сб. ст. памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007.

Супрунович Галина Павловна

Библиотека Российской академии наук

Россия, г. Санкт-Петербург

Переписка А. А. Шахматова и А. Ф. Кони: неизвестные страницы истории Пушкинской премии

Пушкинская премия, существовавшая 37 лет (ровно столько, сколько жизни было отведено самому Пушкину), была учреждена в 1881 г. на средства, оставшиеся от расходов на памятник работы А. М. Опекушина в Москве. Присуждение премий доверялось Отделению русского языка и словесности Императорской Академии наук.

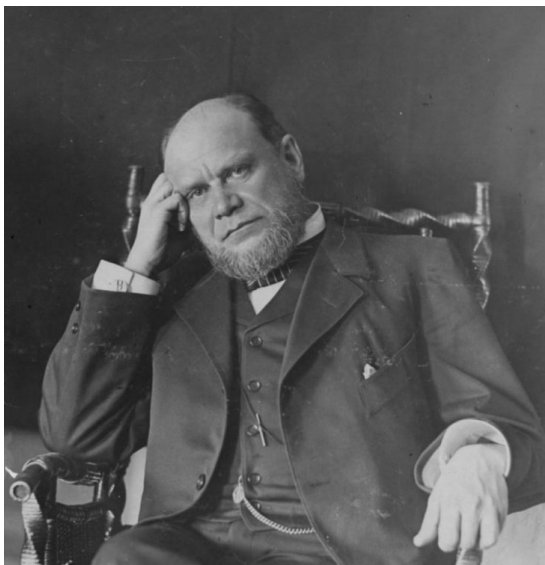
Премия планировалась как поощрительная акция наиболее ярких произведений отечественной словесности в прозе, в стихах

и в переводческом искусстве. Процедура премии была пронизана символизмом — конкурс ежегодно закрывался 29 января, в день смерти Пушкина, а отчет о премиях читался на публичном собрании 19 октября того же года, в день основания Царскосельского лицея.

Но, как и многие благие начинания, история Пушкинской премии — это драматичная история борьбы рационального с иррациональным.

При самом общем взгляде на ситуацию проблемы были в двух основных слагаемых проекта: в составе решавших вопрос о присуждении премии и в списке представленных на соискание авторов.

Первая проблема заключалась в том, что те, кто должны были прочитывать и рецензировать произведения, представленные на соискание премии, *действительные* члены Академии наук, были крайне заняты своими делами, и перспектива бескорыстного участия в проекте была для большинства из них не слишком заманчивой. В связи с

Ил. 14. А. Ф. Кони. Фотопортрет.
СПФ АРАН®. Р. Х. Оп. 1-К. Д. 510. Л. 1

этим обстоятельством привлекались *почетные* академики и сторонние лица — сперва такие статусные, как Николай Страхов, Орест Миллер, писатель Иван Гончаров, позднее — просто видные общественные деятели, имена которых были на слуху. Несмотря на то что привлекаемые для рецензирования члены Пушкинской академии несли на себе основную часть нагрузки, они не были признаваемы как равные титулованными членами Академии наук, и их отзывы чаще становились предметом дебатов.

Вторая проблема — это литературные достоинства произведений, выдвигаемых на премию. Отмечать ли премией известных мастеров слова? Поддерживать ли начинающих перспективных авторов? Поощрять ли социальную направленность, или оценивать произведения лишь по эстетическим параметрам? Эти и многие другие вопросы приходилось решать членам академии. Разделение на полную премию, половинную, поощрительную и почетный отзыв невольно формировало своеобразную иерархию литературного пантеона того времени. Сегодня, спустя годы, крайне важным и показательным представляется не только список тех, кто получил награду, но и тех, кто ее не получил. Достаточно сказать, что полностью был раскритикованы Вячеслав Иванов, и Александр Ремизов, имевший впоследствии в эмигрантских кругах наравне с Буниным репутацию самого крупного русского писателя.

Как бы то ни было, любое опубликованное произведение, пусть даже очевидно низких литературных достоинств, должно было быть прочитано кем-то из членов академии. В результате на рассмотрение представлялась аргументированная рецензия. Это была огромная работа, требовавшая немало временного ресурса.

В числе последних был Анатолий Федорович Кони, получивший всероссийскую известность после процесса Веры Засулич и избранный почетным академиком в 1900 году [Басаргина 2008: 345]. В более узких кругах он был известен как рецензент, откликавшийся на многие заметные явления современной литературы. С 1880 года А. Ф. Кони усиленно работал над произведениями чисто литературного характера. Литература для него была вторым призванием, а писательская среда — основным миром его духовного общения. Кони написал блестящие очерки о Д. В. Григоровиче, И. Ф. Горбунове, А. Ф. Писемском, А. Н. Апухтине, А. П. Чехове, В. В. Стасове, А. Н. Островском, М. Ю. Лермонтове и других.

Ординарный академик Алексей Шахматов и *почетный* академик Анатолий Кони были членами комиссии по присуждению премии.

Обоих отличало то, что они крайне ответственно подходили ко всем вопросам, связанным с конкурсом — как к литературным, так и к организационным аспектами.

Переписка Шахматова и Кони берет начало в марте 1900 года и заканчивается 1919-м годом, с прекращением работы Пушкинской комиссии и за год до смерти Шахматова.

Небольшая часть переписки опубликована в собрании сочинений А. Ф. Кони [Кони 1969].

Письма Кони к Шахматову хранятся в Архиве Академии наук в фонде Шахматова [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 710–711] и насчитывают 366 наименований. Письма Шахматова к Кони находятся в архиве Пушкинского дома.

Интерес двух академиков друг к другу был связан не только с их совместной работой в Пушкинской академии, но и с рядом других факторов. Так, Шахматов с интересом знакомился с материалами из архива Кони, связанными с судебно-бытовыми процессами, и в то же время помогал Кони доставать редкие и нужные для его работы или хобби книги. Присутствовал и личный момент: в одном из писем Кони характеризовал Шахматова как самого симпатичного и отзывчивого человека в Академии.

В письмах к Шахматову, и ни к кому более, Кони мог позволить себе говорить о проблемах Пушкинской академии с предельной откровенностью или, цитата из письма Кони 8 декабря 1901 года, «совершенно доверительно».

Критике со стороны Кони подвергался новый устав Академии и сложившаяся система присуждений премий. В письме от 8 октября 1901 года Кони пишет Шахматову «Мне — да и не одному мне — кажется неудобным то суммарное производство, которое было в последний раз. Причем премию присуждает, в сущности, рецензент. Но к чему тогда собрание академиков? Где тот обмен литературных мнений и взглядов, который составляет живой нерв всякого ученого и литературного собрания? Не следует ли отдавать больше времени на заседания и читать всю рецензию? Другой вопрос, касающийся премий, никому из почетных академиков возбуждать неудобно (каждого из нас, при всем доброжелательном отношении, можно заподозрить, что мы говорим «Pro domo sua»), но ему следовало бы возникнуть и быть категорически разрешенным в недрах 2 Отделения <...> Если Вы меня хоть немного знаете, Вам должно быть известно, что я совершенно равнодушен ко всякого рода отличиям и знакам внимания и дорожу лишь мнением весьма немногих, к которым с радостью отношу и Вас» [Кони 1969: 179].

В свою очередь, Шахматов очень дорожил дружбой с Кони и поддерживал его в трудные минуты. Именно ему принадлежит заслуга, что Кони, уже собравшийся было уходить из Академии, изменил свое решение. Шахматов всячески поддерживал друга. В письме от 21 марта 1903 года он писал: «Меня сильно беспокоит возможность Вашего ухода из Академии. Хорошо понимаю, как у вас наболела душа. В особенности, когда большинство членов отделения считают полезным оставить деятельность разряда, то желательно ваше участие в наших трудах. При свидании сообщу вам о подходах и предположениях, очень трудно осуществимых и без вашей помощи. Пишу вам для того, чтобы просить вас не предпринимать ничего решительного, до нашего свидания. Только на днях вернулся из деревни. Какие ужасные впечатления. Здесь в Петербурге чувствуешь себя хуже, чем где-нибудь» [ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 14. Д. 1. Л. 42].

Будучи оба тонкими ценителями языка и обладая отменным литературным вкусом, оба академика сходились в неожиданных, подчас, решениях. Так, многих удивило предложение удостоить премии либретто В. И. Бельского к опере Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии». Шахматов писал об этом Кони в письме от 22 января 1915: «Сердечно Вас благодарю за Ваши добрые строки. Они меня успокоили. Потерять Ваше расположение — было бы для меня большим ударом. Внесение на конкурс Пушкинских премий либретто «Града Китежа» представляется мне вполне возможным. Позволяет ли это только срок — время появления либретто» [ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 14. Д. 1. Л. 170].

Шахматов многократно помогал своим коллегам из мира науки. В частности, известно, какую роль он сыграл в судьбе известного украинского историка М. С. Грушевского, не чураясь для этого привлечь все возможные связи. Предыстория следующего документа из переписки Шахматова и Кони такова. Михаил Сергеевич Грушевский — известный украинский, российский (а затем и советский) историк, а также общественный и политический деятель, автор фундаментального десятитомного (к 1915-му году — восьмитомного) исследования «История Украины-Руси» и шеститомной «Истории украинской литературы».

В год начала Первой мировой войны году Грушевский переехал в Киев, где занимался издательской и научной деятельностью. Там он вскоре он был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Австро-Венгрии, и после нескольких месяцев тюрьмы был выслан по приказу начальника Киевского военного округа в Симбирск, как указано в приказе, «на время состояния местностей, из коих он выслан, на военном положении». В конце 1915 г., благодаря участию А. А. Шахматова и его

связям Грушевскому удалось добиться разрешения на переезд в Казань, а через год в Москву, где он и прожил до Февральской революции. Исторические воззрения Грушевского воспринимались и воспринимаются неоднозначно, однако это был крупнейший ученый, судьба которого не могла не волновать его современника и коллегу А. А. Шахматова, и тот сделал все возможное, чтобы привлечь внимание своих влиятельных знакомых к участию в судьбе ученого.

В письме к А. Ф. Кони от 9 апреля 1915 года Шахматов писал: «Глубокоуважаемый и дорогой Анатолий Федорович. Вопрос о М. С. Грушевском сильно меня волнует. Очень было бы желательно облегчение его участи и удовлетворение его просьбы. Ученый он выдающийся. Его история Украины в восьми томах представляется ценнейшим вкладом в русскую историческую науку. Критический аппарат, содержащийся в этом труде, может быть поставлен вровень с одной только историей Н. М. Карамзина. Живой темперамент М. С. Грушевского был причиной того, что он горячо откликался на современные вопросы. Он любит свою родину и свой родной язык. Всячески содействуя культурному развитию Малороссии и Галиции, М. С. Грушевский никогда не был сепаратистом и всегда [чуждался] австрофильства. Значение и влияние его в малорусских кругах весьма значительно. И то, кто не желал развития мазепинства и украинского сепаратизма, могут стремиться к тому, чтобы Россия оказалась для М. С. Грушевского родной матерью, а не мачехой» [ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 14. Д. 1. Л. 175].

Последующая судьба М. С. Грушевского, его учеников и родных при Советской власти была трагична. Знать этого, конечно, Шахматов не мог, но тенденцию он угадал верно. Вскоре после Октябрьской революции Шахматов признавался Кони: «Что Россия гибнет, для меня ясно. Но неужели она, действительно, безвозвратно погибла? Целый ряд впечатлений подсказывает мне уверенность, что [нужно] занять всех почетных академиков, дать направление всей деятельности их. Как я хотел бы, чтобы Вы взяли на себя инициативу в организации разряда изящной словесности» [ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 14. Д. 1. Л. 206].

На протяжении почти двадцати лет общения частой темой переписки Шахматова и Кони становились литературные проблемы. Так, 2-го декабря 1910 года Кони писал: «Пробежал прилагаемые строки из «Всеобщего ежемесечника». Неужели это наш Бунин?! (речь идет об отзыве на «Деревню» И. Бунина, опубликованном во «Всеобщем ежемесечнике» 1910 г). Шахматов отвечает: «Возвращаю Вам листки «Всеобщего ежемесечника» — надо будет достать рассказы Бунина.

Несомненно, что Бунин, вероятно, вследствие своей болезни, клонится к упадку» [ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 14. Д. 1. Л. 117.].

Заметим, эти реплики звучат в период расцвета грандиозного таланта Бунина, у которого впереди стало более тридцати лет блистательного литературного творчества.

Но дело, конечно, не в том, что тот или иной академик мог оказаться иногда не слишком хорошим пророком. Рубеж 19-го и 20-го веков — это период ментального перелома — как в области искусства, так и в социальной сфере. И для историка культуры крайне важно ощутить специфику этого перелома — через сознание носителей культуры того времени. Переписка Анатолия Кони и Алексея Шахматова в этом отношении — ценный документ, требующий дальнейшего изучения в самых разных аспектах.

Литература

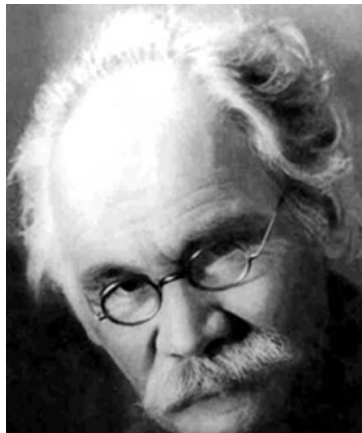
Басаргина Е. Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. Очерки истории. СПб., 2008.

Кони А. Ф. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1969.

Андреева Татьяна Васильевна

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

А. А. Шахматов и С. Н. Чернов

**Ил. 15. С. Н. Чернов.
Фотопортрет.**

С. Н. Чернов никогда не был прямым учеником А. А. Шахматова. Видный российский историк, яркий представитель петербургской исторической школы Сергей Николаевич Чернов (1887–1941) вошел в отечественную историографию как классик советского декабристоведения и один из основателей саратовской школы по изучению освободительного движения в России первой половины XIX в. [Андреева 1997: 87–99, Андреева 2004: 6–62, Андреева, Соломонов 2006]. Однако при ближайшем рассмотрении творчества ученого, облику С. Н. Чернова добавляются су-

щественные характеристики, связанные с его вкладом в изучение истории средневековой Руси и «русского феодализма». Причем находящееся в полузабвении, растерянное и даже утраченное¹ научное наследие историка, относящееся к древнерусской истории, теснейшим образом связано с именем А. А. Шахматова.

Сама же линия — Шахматов и Чернов — на мой взгляд, отражает основное содержание петербургской исторической школы как ученого сообщества, объединенного единым источниковедческим методом научного познания и общими принципами построения исследовательского процесса. В их основе всегда лежал приоритет источника и факта при создании концептуальных построений. Вопрос о месте школы в дореволюционной исторической науке и ее взаимоот-

¹ Среди трудов С. Н. Чернова, начатых, но не законченных, приготовленных или сданных автором в печать, но так и не изданных и погибших во время оккупации г. Пушкина были: Нижегородское княжество, 1 а.л.; Заметки по древней географии Руси, 2 а.л.; Из истории русско-хазарских отношений, 1,5 а.л.; Термин «род» в «Повести временных лет», ок. 1 а.л.; Из литовско-русских отношений XII–XIII вв., ок. 2 а.л.; Заметки о челяди XIII в., ок. 1 а.л.; Критические заметки о смердах на Руси XI–XIII вв., ок. 3 а.л. [Список 1960: 413–415].

ношениях с московской государственной школой по-разному решали еще П. Н. Милюков [Милюков: 161–162] и А. Е. Пресняков [Пресняков 1920: 6–7]. Сегодня он остается предметом жарких научных дискуссий, обусловленных отсутствием общепризнанных критериев определения «историческая школа» [Погодин 1998: 14–26, Мягков 2000: 153–154, Шаханов 2003: 374, 393] и различной интерпретацией термина «петербургская историческая школа» [Цамутали 1993: 138–142, Цамутали 2001: 5–8, Жуковская 1997: 10–14, Панях 1998: 107–111, Ананьич, Панях: 105–113, Брачев 2001: 7–9, 68–69, Ростовцев 2004: 38–47, Андреева, Соломонов 2006: 13–16, 38–84].

Понятие «петербургская (петроградская) историческая школа», под которой понималось направление, было введено в научный оборот в 1918 г. А. Е. Пресняковым.¹ Историк не только выявил ее истоки, указал на основателей и лидеров, прежде всего С. Ф. Платонова, сформулировал методологические принципы, но четко отделил и даже противопоставил государственной школе. В речи перед докторским диспутом и предисловии к докторской монографии критикуя Б. Н. Чичерина, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского за их «слишком теоретический подход к материалу», А. Е. Пресняков подчеркивал, что, будучи «строителями исторических систем», они переводили «данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, не на них выведенной схемы». И хотя институционализация принципов петербургской школы была сделана в конкретном историографическом контексте, связанном с историей создания великорусского государства в XIII–XV вв., сам факт их оформления и озвучивания способствовал ее методологической самоидентификации. Историк утверждал: «Иное направление дала своим питомцам Петроградская историческая школа — школа В. Г. Васильевского, органической ветвью которой стала и наша школа русских историков, воспитанная в аудитории С. Ф. Платонова. Я определил бы ее характерную черту как научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции» [Пресняков 1920: 6–7, Пресняков 1918: 5].

Действительно, учителя С. Н. Чернова — С. Ф. Платонов и А. Е. Пресняков — среди своих учителей на первое место «в отношении метода и техники» ставили основоположника отечественного ви-

¹ Приватно понятие «петербургская школа» было употреблено А. Е. Пресняковым гораздо раньше, в письме матери – М. П. Пресняковой – от 16 декабря 1891 г. [Александр Евгеньевич Пресняков 2005: 72].

зантиноведения В. Г. Васильевского, от которого ими была воспринята научная критика источников [Платонов 1921: 105–130, Платонов 1993: 259–262, Валк 2000: 36–92]. Но сам В. Г. Васильевский, как справедливо подчеркивал С. Н. Валк в своей классической работе 1948 г. «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет», являлся представителем уже среднего поколения историков петербургской школы. Концептуально оформляя и развивая идеи А. Е. Преснякова о существовании «особой», отличной от московской, школы «научного реализма», Сигизмунд Натанович утверждал, что одну «школу-направление» от другой отделяли различия в методологии построения исследовательского процесса. Более того, идя дальше, он убедительно обосновал существование двух школ в востоковедении, антиковедении, медиевистике, византиноведении, новистике, а также показал сложный процесс содержательной трансформации самой петербургской школы, продемонстрировал силу и значимость ее научных принципов [Валк 2000: 7–107].

Однако в посмертной статье С. Н. Валка 1978 г., посвященной 100-летию со дня рождения Н. П. Лихачева, просматривается конструктивная мысль, впервые высказанная еще П. Н. Милоковым [Милоков: 162–163], о явном сближении, начиная с 1880-х — 1890-х гг., петербургской и московской школ и условности их противопоставления. Как подчеркивал С. Н. Валк, с этого времени «никто на университетских кафедрах уже не выдвигал новых широких исторических построений». Все внимание уделялось критике источников и доминировало такое построение исследовательского процесса, при котором «собственно историческое исследование должно быть последующей ступенью работы, которая возможна только на основе свода мельчайших фактов, свода систематического, по возможности исчерпывающего». Уже В. О. Ключевский, в отличие от С. М. Соловьева, посвятил свою магистерскую диссертацию исследованию житий святых как исторических источников, не говоря о диссертационных работах, созданных в Петербургском университете и имевших «аналогичное источниковедческое направление» [Валк 1978: 336].

Данная традиция, развитая и обогащенная в работах современных историографов [Цамутали 1986: 80–81, 88–89, Цамутали 1996: 547, Цамутали 2001: 5–8, Корзун 1999: 171–175, Корзун 2000: 60–62, 71, 85, 91–92, Шаханов 2003: 5, 405–406, Ростовцев 2004: 44], находит подтверждение в высказывании одного из первых учеников С. Ф. Платонова — И. И. Лапы. Историк и краевед, профессор Дертского университета, он указывал на то, что именно 1900-е гг.

ознаменовались «могучим расцветом» русской исторической науки, обусловленным ее государственным финансированием, «открытием для научных работников... правительственных архивов», а также совместной собирательской, издательской, исследовательской работой историков не только Петербурга и Москвы, но других российских университетских центров [Шаханов 2003: 5].

Итак, сочетание анализа закономерностей внутренней эволюции петербургской школы с рассмотрением ее внешних взаимосвязей дает основание утверждать, что в конце XIX — начале XX в. происходит оформление синтетической «конструкции» построения исследовательского процесса, основанной на взаимодействии и взаимовлиянии петербургской и московской школ. Не отказываясь от задачи научного синтеза и создания общей схемы русской истории, историки стремились реализовать ее путем исследования, прежде всего материальной стороны исторических явлений, изучения важнейших проблем социально-экономической истории, а главное — предварять их источниковедческой работой, привлечением новых видов источников, углублением и расширением методов их изучения. Именно этим можно объяснить практическую, непосредственную связь «Курса русской истории» и обобщающих монографий В. О. Ключевского, а также фундаментальных трудов С. Ф. Платонова и А. Е. Преснякова с их предшествующими источниковедческими исследованиями.

В основе же познавательного процесса все больше утверждалась концептуальная идея петербургской школы об историческом источнике как основе любого анализа и синтеза, усиливалось отрицание господства концептуальных построений в ущерб «научному реализму». В данное время устанавливается и более тесная внутренняя связь между историей и смежными гуманитарными науками, в особенности филологией и лингвистикой, что способствовало изучению все новых сторон исторической действительности, расширению знания за счет его специализации, развитию указанных наук посредством усиления в них элементов историзма.

Между тем, все указанные тенденции, характерные для русской исторической науки рубежа веков — взаимосвязь и взаимовлияние петербургской и московской школ, соединение внимания к общему ходу русской истории с источниковедческой методикой исследования, синтез разных направлений исторического знания — нашли, на мой взгляд, яркое и талантливое выражение в научном творчестве А. А. Шахматова.

Выдающийся лингвист и филолог, блестящий знаток русских летописей, впервые системно исследовавший историю русского летописей,

сания XI–XVI вв., А. А. Шахматов был выпускником Московского университета, учеником создателя первой в России школы сравнительного языкознания и главы московской лингвистической школы Ф. Ф. Fortunatova. Еще в конце XIX в. московские ученые, под его руководством применяя метод компаративистики, выявляли общие корни восточной ветви индоевропейских языков и занимались выяснением происхождения русского языка. Из этих занятий вырос интерес А. А. Шахматова к русскому летописанию, в изучении которого им был совершен настоящий переворот, заключавшийся в том, что он применил к летописному материалу метод исторического языкознания. Раскрывающий детальный путь эволюции текста, данный метод позволил ученому приемы исторической критики адаптировать применительно к изучению летописей. Целью исследования становилось не установление их состава, а анализ внутреннего развития текста, каждого его элемента как продукта определенных исторических условий и конкретное историческое явление. В свою очередь, принцип комплексности изучения текстологических фактов, т.е. исследование текста в составе включающего его произведения, использованный А. А. Шахматовым, способствовал выявлению и изучению сложной системы родственных связей летописей, определению места каждого списка в общей системе летописания. В целом все это способствовало тому, что решение собственно источниковедческой проблемы выносилось за узкие рамки самого источника и переносилось на общеисторическую почву.

Как видно, новаторство А. А. Шахматова не ограничивалось только тем, что исследование русских летописей он проводил в тесном взаимодействии с языкознанием. Алексей Александрович был первым, кто попытался связать историю летописания с общим ходом русской истории. В результате не только содержание летописных сводов раскрывалось в рассмотрении процесса их оформления, но само изучение источников переходило в анализ исторических условий их возникновения. Так «источниковедческое исследование», по словам Н. Л. Рубинштейна, «сливалось в своем содержании с общей системой исторического изучения» [Рубинштейн 1941: 491]. Поэтому не удивительно, что труды А. А. Шахматова по истории русского летописания, обобщенные в его основном труде «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», опубликованном в 1908 г. [Андреева, Вовина-Лебедева 2007: 525], произвели глубокое впечатление на историков обеих школ. По сути, вся источниковедческая работа последнего дореволюционного периода отечественной историографии несла на себе,

в той или иной мере, печать влияния А. А. Шахматова.

Как подчеркивал А. Е. Пресняков — один из первых последователей шахматовского новаторского историко-критического метода — это «дерзновение гениального ума», соединенное «с подвижничеством упорством» [Пресняков 1922: 133], привлекло к Алексею Александровичу университетскую ученую молодежь. С. Н. Валк же прямо указывал, что именно среди молодых петербургских историков А. А. Шахматов «нашел первое признание своих совершенно новых взглядов на историю летописания, на задачи и приемы ее изучения, нашел первых, кто приложил новое учение о летописях к задачам исторического исследования» [Валк 2000: 64]. Одним из них был С. Н. Чернов. Это дает основание утверждать, что отличительной чертой университетской среды предреволюционных лет было наличие научно-личных связей «учитель — ученики», которые базировались не столько на единстве проблематики, сколько на методологическом наследстве.

А. А. Шахматов и С. Н. Чернов связали свою судьбу с историко-филологическим факультетом Петербургского университета почти одновременно. Алексей Александрович, переехавший в Петербург в 1894 г., официально стал столичным профессором весной 1908 г. [Валк 2000: 63]. За год до этого и Сергей Николаевич окончательно перешел с юридического на историко-филологический факультет, осознав, что его истинное призвание — историческая наука. И вскоре очутился в сложной, напряженной, но чрезвычайно живой и интересной атмосфере факультета, после революционной бури 1905 г. переживавшего подъем и большое оживление в преподавании именно русской истории.

Данный факт был связан с несколькими моментами, прежде всего со сменой на факультете научного поколения В. Г. Васильевского поколением Кружка русских историков, являвшегося научной базой петербургской исторической школы. Преподавание русской истории стало приоритетным и перешло в руки С. Ф. Платонова, читавшего общий курс единолично в течение около 25 лет [Валк 2000: 58], а также — А. С. Лаппо-Данилевского и А. Е. Преснякова. Помимо этого, революция во многом изменила, как подчеркивал С. Н. Валк, «внутренний строй университетской жизни и университетского преподавания». Состав факультетских преподавателей пополнился и обновился [Валк 2000б: 107]. На этом же настаивал и С. Н. Чернов, по словам которого, в 1907–1908 гг. «не только увеличивается число преподавателей семинариев и специальных курсов, но больше, чем прежде, обращается внимание занятиям и чтениям по русской истории..., растет количество же-

лающих работать и специализироваться по ней студентов».¹

В их числе был и сам Сергей Николаевич, который, несмотря на всю глубину и высоту постановки лекций и семинарских занятий по всеобщей истории у профессоров И. М. Гревса и Э. Д. Грима и посещаемых им приватно семинариев по каноническому праву В. Н. Бенешевича², начал специализироваться по русской истории. И хотя основной курс и семинарские занятия С. Ф. Платонова, «при всем мастерстве его устной речи, были организованы», как вспоминал С. Н. Чернов, «не так живо интересно», в основании его, как, вероятно, и других студентов, «русского выбора» лежали два обстоятельства: «Во-первых, специализация именно по русской истории — и при том во всех ее отделах — могла впоследствии дать могучее политическое орудие... и, во-вторых, ... сулила — с такими обещаниями был построен и основной курс по ней — гораздо более легкую возможность, чем специализация по всеобщей истории, обращения к источникам, в том числе неопубликованным, и для проверки чужих построений, и для создания своих — момент чрезвычайно важный...».³ Не вызывает сомнений, эти «обещания» отражали систему исторического мышления не только С. Ф. Платонова, но и А. Е. Преснякова, принятого в 1907 г. в число приват-доцентов университета, а также А. А. Шахматова, занявшего, как уже отмечалось, профессорскую должность в 1908 г. Причем приход последних на историко-филологический факультет способствовал усилению внимания к изучению древнерусской истории и русского летописания.

В целом же подъем в преподавании русской истории был обусловлен и тем фактом, что именно в 1900–1917 гг. происходило завершение процесса становления дореволюционной петербургской исторической школы, что нашло отражение в оформлении и деятельности двух ее внутренних «школ» во главе со С. Ф. Платоновым и А. С. Лаппо-Данилевским. Ведь единство источниковедческой методологии школы вовсе не предполагало единства философских, научно-теоретических взглядов ее крупнейших представителей и их учеников, на которых наибольшее влияние оказали позитивизм и неокантианство.

Вопрос о том, что лежало в основании «раскола» и насколько он

¹ См. первоначальный вариант статьи С. Н. Чернова «Памяти историка П. Г. Любомирова»: Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Ф. 297 (С. Н. Валк). Оп. 1. Д. 249. Л. 81. (Далее — «Памяти историка П. Г. Любомирова»).

² См. Curriculum vitae С. Н. Чернова. 8 декабря 1929 г. Автограф: СПФ АРАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 8. Л. 43.

³ «Памяти историка П. Г. Любомирова». Л. 81.

был глубоким до сих пор остается дискуссионным. С точки зрения одних исследователей, различия носили научно-профессиональный, уровневый характер, поскольку «школа» С. Ф. Платонова «была по преимуществу учебной», а — А. С. Лаппо-Данилевского являлась «классической, научно-исследовательской» [Чирков 1990: 19–27, Корзун 2000: 91–92, Погодин 1998: 23, Шаханов 2003: 394]. По мнению других, постепенное оформление двух внутренних направлений петербургской школы было обусловлено различиями научно-теоретических взглядов их лидеров. Начавшееся в 1890-х гг. отдаление А. С. Лаппо-Данилевского от Кружка русских историков, в 1900-е гг. завершилось его явным разочарованием в позитивизме как теоретико-философской основе исторического знания и отрицанием эмпирического подхода, как к конкретным задачам источниковедения, археографии, дипломатики, так и в целом к концептуальному осмыслению исторического процесса. К этому же времени относится, как считают некоторые историографы, начало неприязненных личных взаимоотношений А. С. Лаппо-Данилевского и С. Ф. Платонова и оформления вокруг каждого из них научных «школ». Все больше дававшее о себе знать соперничество «школ», имевших разные организационные базы — Петербургский университет для «дружины» С. Ф. Платонова и Историко-филологическое отделение Академии наук для «Общества историков для занятий теорией и методологией социальных наук» А. С. Лаппо-Данилевского — в 1900–1917 гг. усиливалось «напряженностью личных отношений» лидеров [Ростовцев 1999: 136–137, 150, 154, 157–158].

С моей точки зрения, в целом более обоснованной представляется вторая точка зрения, но тезис о соперничестве двух «школ» вызывает большие сомнения. Ведь по свидетельству самих представителей, как «дружины» С. Ф. Платонова, к которой принадлежал С. Н. Чернов, так и «Общества...» А. С. Лаппо-Данилевского, членом которого был С. Н. Валк, именно столкновение научно-мировоззренческих позиций, а не личных амбиций, таких крупных и неординарных фигур на факультете, какими были оба мэтра, притягивало к ним студенческую молодежь. Однако в ее рядах не было соперничества, а доминировало осознание различия двух «школ» в подходе к основополагающим гносеологическим проблемам исторической науки. Суть разногласий, но не столкновений, заключалась в различной интерпретации роли методологии истории, а также целей и задач истории как науки. А. С. Лаппо-Данилевский, являвшийся лидером неокантианства в русской историографии, относился

к методологии истории как к строго научному знанию, и посему приоритетное внимание уделял теоретическим целям познавательного процесса. С. Н. Валк писал, что им как «теоретикам» было присуще стремление к строго научному методу исследования и конструированию системы «исторического целого путем критики источника и факта, подчиненной общей методологии истории» [Валк 1931: 114–115].

С. Н. Чернов также подчеркивал, что главное отличие двух «школ» состояло в постановке задач научного познания. Не принадлежа к теоретическому направлению, но осознавая масштаб личности и научной силы его лидера, он отмечал «тонкие и глубокие теории методологии источниковедения и отчасти методологии построения исторического факта, которые излагал в своих лекциях эрудит и систематик А. С. Лаппо-Данилевский». ¹ Сергей Николаевич одним из первых в ряду других представителей младшего поколения петербургской школы, как «теоретиков» (А. И. Андреева, С. Н. Валка, В. И. Веретенникова [Валк 1920: 189–199, Веретенников 1920: 200–206]), так и «платоновцев» (Б. А. Романова [Романов 1920 181–188]), обратился к историографическому осмыслению творчества А. С. Лаппо-Данилевского, высоко оценивая его теоретическое наследие и либеральную концепцию российского исторического процесса. При этом С. Н. Чернов подчеркивал, что именно русская история давала ученому «материал, как в смысле источников, так и в смысле изучаемых явлений для экспериментального применения, проверки и конкретизации общих представлений о методологических и феноменологических задачах исторической науки» [Чернов 1922: 177].

С. Ф. Платонов же, будучи устойчивым адептом позитивизма, считал, что история как наука должна изучать конкретные явления и факты в условиях «конкретного времени и места», был далек от излишнего теоретизирования и большее внимание уделял конкретно-историческим проблемам источниковедения. Еще его учитель В. Г. Васильевский говорил о нем: «Платонов — гораздо уравновешеннее, более определен и гармоничен. У него удивительно счастливо сложенная голова, мысль его, равно как и исследование, всегда отличается ясностью и определенностью, выражается с полной точностью». ² Поэтому не удивительно, что С. Ф. Платонов главной целью истории считал приближение к объективному знанию, а важнейшими задачами определял — «систематическое изображение развития и из-

¹ «Памяти историка П. Г. Любомирова». Л. 82.

² Цит. по: Валк 2000: 57.

менений отдельных исторических обществ и всего человечества». Для их достижения, как он полагал, следует собрать все необходимые источники, критическими приемами проанализировать их достоверность, восстановить на этом основании исторические факты и выявить внутреннюю связь, а затем «свести их в общий научный обзор или художественную картину» [Платонов 1917: 3].

Как видно, «платоновцы», также как и «теоретики» отдавали предпочтение «научному реализму» и пытались восстановить «права источника и факта вне зависимости от исторической традиции», но другими путями, граница «школ» была прозрачной и достаточно размытой. Более того, через студентов-исследователей, посещавших заседания у обоих лидеров (а это, прежде всего сам С. Н. Чернов, бывавший в среду у С. Ф. Платонова, а в пятницу — А. С. Лаппо-Данилевского), «школы» приходили в живейшее соприкосновение между собою, завершившееся в 1909 г. созданием единого студенческого Исторического кружка. Его председателем был избран А. С. Лаппо-Данилевский, секретарем и казначеем — Б. А. Романов, а «основными работниками» являлись С. Н. Чернов и П. Г. Любомиров.¹ Этот «малый» университетский круг, имевший «глубокую, хотя и своеобразную личную связь»,² сохранялся и в послеуниверситетские годы. Причем после смерти в 1919 г. А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонов стал восприниматься младшим поколением петербургской школы обоих направлений как их общий лидер.³

На мой взгляд, взаимосвязь и взаимовлияние двух внутренних «школ» петербургской исторической школы с очевидной наглядностью проявлялась и в том, что, как «платоновцы»⁴, так и «теоретики» [Лихачев 1991: 334] считали одним из своих учителей А. А. Шахматова, который являлся как бы «мостом» между ними. Дело было не столько в свойственной ему сердечности и благожелательности по отношению к тянущейся к научным исследованиям студенческой молодежи [Валк 2000: 98], сколько в методологическом значении наблюдений историка над ле-

¹ См. Curriculum vitae С. Н. Чернова. 22 июля 1940 г. Автограф: Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Ф. 302 (С. Н. Чернов). Оп. 1. Д. 7. Л. 2; «Памяти историка П. Г. Любомирова». Л. 82. Также см.: [Валк 2000б: 114, Панях 2000: 28].

² Письмо Б. А. Романова и Б. В. Александрова С. Ф. Платонову от 21 августа 1918 г.: ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Оп. 1. Ч. 2. Д. 2069. Л. 1.

³ Об этом свидетельствуют письма к С. Ф. Платонову за 1920–1929 гг. историков обеих внутренних «школ» — А. И. Андреева, С. Н. Чернова, П. Г. Любомирова: ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Оп. 1. Ч. 2. Д. 2096, 3440, 4540, 4541.

⁴ Curriculum vitae С. Н. Чернова. 8 декабря 1929 г. Автограф: СПФ АРАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 8. Л. 50; Панях 2000: 21.

тописными текстами для исследования других видов источников. Новый взгляд А. А. Шахматова на задачи и приемы изучения летописей, его стремление связать историю отечественного летописания с общим ходом российского исторического процесса были востребованы и развиты молодым поколением школы разных направлений — С. Н. Валком [Шмидт 1991: 336–345] и П. Г. Любомировым [Андреева, Смирнова 2003: 456–468], Б. А. Романовым [Панеях 2000: 381, 383–384, 402–404], которые приложили его учение, с собственной интерпретацией, к общим задачам исторического исследования. В том числе это относится к С. Н. Чернову, синтетическая, по своему характеру, исследовательская культура которого несла на себе печать сильного влияния А. А. Шахматова.

Как уже отмечалось, ученик С. Ф. Платонова, под руководством которого начинал свою научную деятельность, наряду с этим еще в университетские годы С. Н. Чернов испытал прямое и опосредованное воздействие историко-критического метода, шедшего в университете от А. А. Шахматова и А. Е. Преснякова. Причем именно в 1907–1917 гг., т.е. в годы обучения и оставления Сергея Николаевича при Кафедре русской истории, история и источниковедение Киевской Руси, идущие от последних, определили круг его первоначальных научных интересов. В Curriculum vitae 1929 г. он писал: «Первоначально мои интересы были связаны с ранним периодом русской истории».¹ Однако отечественное летописание в его концептуальном аспекте не оказалось в сфере научных интересов историка. При том что Сергей Николаевич хорошо знал и высоко ценил классическую работу А. А. Шахматова, в которой впервые системно была исследована история отечественного летописания,² а также посещал в 1907–1908 гг. семинарий А. Е. Преснякова по летописному источниковедению [Валк 2000б: 108].

По свидетельству самого А. Е. Преснякова, вначале он «порядочно» боялся и не знал, как приступить и даже «как готовиться» к практическим занятиям³ и просил помощи и совета у А. А. Шахматова⁴, но позже «лед был сломан и дело пошло». «Я читал стоя, очень спокойно; слушали чрезвычайно внимательно, даже кивая головами в знак внима-

¹ Curriculum vitae С. Н. Чернова. 8 декабря 1929 г. Автограф: СПФ АРАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 8. Л. 43

² Письмо С. Н. Чернова А. А. Шахматову от 20 февраля 1909 г.: СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1653. Л. 1–2.

³ Письма А. Е. Преснякова жене Ю. П. Пресняковой (урожд. Кимонт) от 7 и 15 сентября 1907 г. [Александр Евгеньевич Пресняков 2005: 568, 572–573].

⁴ Судя по письмам А. Е. Преснякова матери — М. П. Пресняковой и жене — Ю. П. Пресняковой (урожд. Кимонт), отношения между ним и А. А. Шахматовым всегда были весьма близкими и сердечными [Александр Евгеньевич Пресняков 2005: 342, 491, 509, 520, 568, 576, 689].

ния и понимания» — делился Александр Евгеньевич своим впечатлениями с женой от первых семинариев, с особым чувством говоря об А. А. Шахматове: «Может быть, он мне поможет разобраться в этой мудреной задаче — практических занятиях по летописям! Милый он человек, с каким он интересом относится к моему курсу, даже уверяет, что охотно сам бы его послушал! И это — от души... Такое доверие человека, которого считаешь большим, — сильно подбадривает».¹

Вместе с тем, следует признать, что, хотя А. Е. Пресняков испытал сильнейшее научное воздействие А. А. Шахматова, в своих трудах исходил из развитых последним критических приемов изучения летописей, по отношению к которым также отрицал принцип «механического свода», но все же принял шахматовский новаторский метод со свойственной ему ученой самостоятельностью. Дело в том, что А. Е. Пресняков выступил на поприще изучения летописей еще до появления первых работ А. А. Шахматова, а с 1900-х гг. их научные изыскания шли параллельным курсом. В письмах матери от 15 июня и 20 сентября 1900 г. Александр Евгеньевич писал: «Во вторник на Святой у нас rendez-vous с Шахматовым — потолкуем, чтобы определить и разграничить его и мои задачи в деле изучения летописей... Вчера я был у Шахматова — он много наработал в области летописей, а теперь печатает в Журнале Министерства народного просвещения ряд статей о московских летописных сводах, т.е. составляет мне сильную конкуренцию. Но это не беда; дела на двоих хватит, да и то, что им сделано, требует проверки и пересмотра» [Александр Евгеньевич Пресняков 2005: 323, 333–334]. Будучи, по словам С. Ф. Платонова, «первым после А. А. Шахматова знатоком летописей»,² русское летописание А. Е. Пресняков понимал как эволюционный процесс, протекавший в контексте развития политической теории и идеологической борьбы в эпоху отечественного средневековья. Так, в 1900 г. изучая те же московские летописные своды, он видел в них «историю некоторых понятий и идей того времени, т.е. страничку из истории русской культуры».³ И все же историк подчеркивал, что до работ А. А. Шахматова к древнерусским летописным сводам «относились исключительно как к источнику фактических известий разного рода», лишь в трудах Алексея Александровича «наука на них взглянула как на драго-

¹ Письмо А. Е. Преснякова жене Ю. П. Пресняковой (урожд. Кимонт) от 17 сентября 1907 г. [Александр Евгеньевич Пресняков 2005: 576].

² Жизнеописание А. Е. Преснякова: СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1а. Д. 45. Л. 13.

³ Письмо А. Е. Преснякова матери от 20 февраля 1900 г. [Александр Евгеньевич Пресняков 2005: 320].

ценные памятники общественной мысли и литературно-публицистического творчества» [Пресняков 1920: 450].

Что касается С. Н. Чернова, то проблематика истории Древней Руси под влиянием специального курса А. Е. Преснякова 1907–1908 гг. «Киевская Русь», состоявшего из лекций [Пресняков 1938–1939] и источниковедческого семинария по истории социального строя и политических отношений в Киевской Руси, нашла отражение в позднейших исследованиях Сергея Николаевича. Научный формат курса, на котором проходили апробацию концептуальные «наработки» А. Е. Преснякова, в 1909 г. защитившего магистерскую диссертацию и выпустившего ее в виде монографии «Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий» (СПб., 1909), обусловил исследовательский интерес С. Н. Чернова к Киевской Руси. Причем именно проблема «русского феодализма» в контексте историко-социальных и историко-юридических вопросов, поставленная и разрабатываемая учителем, нашла отражение в его творческом наследии, связанном со средневековой историей Руси. Главным предметом изысканий Сергея Николаевича стал процесс феодализации древнерусского общества, к которому он подошел, используя историко-критический метод А. А. Шахматова.

Проблема «русского феодализма», прежде всего, нашла отражение в опубликованном выступлении С. Н. Чернова в прениях по докладу Б. Д. Грекова. Дело в том, что в январе 1933 г. руководство Академии наук СССР приняло решение о возобновлении подготовки академического издания Русской Правды и поручило Историко-Археографическому Институту (ИАИ) АН СССР «проработать» феодальную проблематику. В конце марта — начале апреля того же года вопросам рабства и феодализма в древней Руси, тесно связанным с формированием писаного права, прежде всего с созданием Русской Правды, было посвящено особое заседание в Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). С основным докладом «Рабство в Киевской Руси», который в 1934 г. был напечатан в «Известиях ГАИМКа» под названием «Рабство и феодализм в Древней Руси» [Свердлов 1996: 195–197], выступил заместитель директора ИАИ Б. Д. Греков. Не прибегая к источниковедческим методам «старой буржуазной» науки, решающей эти вопросы под углом зрения истории форм государственной власти, он стремился рассмотреть их, увязывая изучение Русской Правды с новым истолкованием хода развития древнерусского общества, основанным на марксистско-

ленинском учении об общественно-экономических формациях. Выступая с новой «советской» концепцией происхождения и общественно-политического устройства древнерусского государства и основываясь на догмах классиков марксизма-ленинизма, которые определяли строй Киевской Руси как «феодально-крепостнический», Б. Д. Греков также стремился показать его как раннефеодальное государство, а представление о «русском феодализме» сужал до тезиса о соединении крупного землевладения с крепостничеством.¹

Б. Д. Греков подчеркивал, что «так называемая Киевская Русь в IX–XII вв. твердо вступила на путь феодализации, который, с некоторыми своеобразными отклонениями ... протекал в основном параллельно, по крайней мере, в главнейших центрах этой части Европы, занятой восточным славянством» [Греков 1934б: 6]. Рабство в эту эпоху «завершает полный цикл своего диалектического развития», продолжая существовать, но «в недрах успешно развивающегося феодального общества» [Греков 1934б: 66]. Рабы в эту эпоху не являлись основой производства, хотя «играли роль рабочей силы, но не господствующей». Киевская Русь была обществом классовым, возникшим в результате ожесточенной классовой борьбы и имеющим ведущие классовые отношения — «отношения землевладельца и крепостного». Сам же «обычный процесс феодализации, характерный для всех стран, переживавших феодализм», был основан на формировании крупного землевладения, которое постепенно вытесняло свободный крестьянский труд и крестьянское землевладение [Греков 1934б: 5–7, 40, 60–62, 64–65]².

Эти грековские «новые» идеи, базировавшиеся на формационном подходе, соответствии производительных сил и производственным отношениям, теории классовой борьбы и основанные на использовании источников только в качестве иллюстраций «готовой, не из них выведенной схемы», не могли не вызвать отторжение историков «старой» школы. Прежде всего, это относится к С. Н. Чернову, который в своем выступлении в прениях, признавая большое значение доклада Б. Д. Грекова для развития отечественной медиевистики, указал на иллюстративно-потребительский характер использования им археологических, этнографических, летописных и историко-правовых памятников. Так, Б. Д. Греков не принимал во внимание огромной разницы Древнейшей Правды, Правды Ярославичей и Пространной Правды, а, следовательно, различий в политических и социально-экономических отношениях

¹ Позже эти идеи были развиты Б. Д. Грековым [Греков 1934: 30–69, Греков 1935].

² Подробнее о творчестве Б. Д. Грекова [Горская 1999].

этих периодов в истории Киевской Руси. Причем С. Н. Чернов показал это на методе грековских доказательств. Ведь докладчик для подтверждения особенностей политического строя и социально-экономического быта, явлений и фактов X–XI и XII–XIII вв. привлекал более поздний материал XIV–XV вв. Как отмечал оппонент, «мы знаем из этих фактов, которыми, можно сказать, наполнена наша историография, что иметь единство термина ничего не значит, и что это единство термина часто прикрывает совершенно различные социально-политические явления» [Чернов 1934а: 111]. При этом Б. Д. Греков, изучая рабовладение Киевской Руси, как образно писал о его методике С. Н. Чернов, «потребляет несколько очень вкусных блюд и спокойно вкушает их, не интересуясь, как эти блюда высокого напряжения приготовлены». В первую очередь, это относится к Русской Правде, источнику «в высшей степени сложного состава и трудного потребления». «Я и считаю, что в некотором превышении потребительского момента над моментом исследовательским в отношении к источнику и заключается... грех Бориса Дмитриевича против современного состояния русской историографии. В молчаливом обходе труднейших источников — другой грех» [Чернов 1934а: 111–112], — делал основные выводы по докладу Б. Д. Грекова С. Н. Чернов.

Однако и по частным вопросам грековская концепция происхождения и социально-политического устройства Киевской Руси вызвала критику оппонента. Прежде всего, С. Н. Чернов был не согласен с тезисом Б. Д. Грекова о полном разложении к XI–XII вв. родового строя. Здесь Сергей Николаевич, вслед за А. А. Шахматовым, стремясь содержание источников раскрыть в самом процессе их формирования и эволюции, а при анализе памятников акцентировать внимание на исторических условиях их возникновения, подчеркивал, что тексты, демонстрировавшие его сохранение относились не только к периоду Древнейшей Правды, но и к более позднему времени, к эпохе Правды Ярославичей и «Повести временных лет». «Оказывается, что еще и в это сравнительно позднее время у летописца с поразительной яркостью живет мысль о родовом строе... и, мы опять-таки видим, как со всей полнотой живет родовой быт в развалившихся уже условиях Киевской Руси», — писал С. Н. Чернов. Говоря, что в эпоху создания Русской Правды элементы родового строя были весьма ощутимы, историк подчеркивал, что искать их следует не в социальных верхах, как это сделал докладчик, а социальных низах, прежде всего деревни [Чернов 1934а: 113–114].

Недоверие С. Н. Чернова вызывало и положение Б. Д. Грекова, что в эпоху раннего средневековья основой хозяйственной жизни было крупное землевладение, базирующееся на труде феодально-зависимых крестьян. Как считал историк, во-первых, в данное время социальные верхи в большей степени жили еще «торговлей, а не землевладением»; во-вторых, землевладение стало развиваться в этой среде в большей степени на труде рабов. «На рабах, в очень значительной степени на рабах. Ведь, прежде всего, никогда и нигде не было доказано, что рабы не участвовали в сельском хозяйстве», — указывал он [Чернов 1934а: 114–115].

Подчеркивая, что рабы в хозяйственной жизни Киевской Руси занимали гораздо более важное место, чем представлял докладчик, в связи с этим С. Н. Чернов не согласился с ним и в определении закупа как юридического и социально-экономического института. Ведь Б. Д. Греков под закупом понимал «человека, не просто продавшего свою рабочую силу, но при помощи долга попавшего в особого вида личную зависимость». Полагая, что закуп был тесно связан с частной земельной собственностью и частным сельским хозяйством, он заключал: «Это одна из категорий феодальной зависимости сельского населения, в какой находились непосредственные производители в средние века» [Греков 1934б: 46–47].¹ С. Н. Чернов же, указывая на нарастание в конце XI–XII вв. хозяйственного кризиса, когда только на закупа «нельзя было основывать землевладение», все же отрицал юридическое построение закупничества как самозаклада крестьянина-должника кредитор-феодалу и полагал, что «закуп есть только дополнение к рабу», «восполнение раба». Вовлеченный в сельское хозяйство закуп, «отделенный от рабства», по его мнению, через какое-то время вновь «становился рабом» [Чернов 1934а: 115–116].

В этой связи выясняя место смердов в общественном строе и сельском хозяйстве Киевской Руси, С. Н. Чернов также не согласился с грековской трактовкой этого вопроса. Б. Д. Греков, определяя смердов «основой производства» и «базой сельского хозяйства», полагал, что их подавляющая масса находилась «в крепостной зависимости от своих феодалов» [Греков 1934б: 40–41]. С. Н. Чернов же, следуя за А. А. Шахматовым в переносе историко-критического метода на другие виды источников, прежде всего Русскую Правду и актовый материал (княжеские жалованные грамоты) и развивая концепцию

¹ Эти идеи были развиты Б. Д. Грековым в упоминавшейся уже статье «Проблема феодализма в России» [Греков 1934а: 30–69].

А. Е. Преснякова «о князем праве» и «княжей защите», выдвинул иной тезис. По мнению Сергея Николаевича, в сфере частного землевладения (кроме монастырского) «о смердах говорить, в сущности, не приходится». Анализ Русской Правды, летописей, жалованных грамот привел его к заключению, что в отличие от холопов, которые были княжескими, боярскими и монастырскими, «смерды это — люди, не работающие на частной земле и связанные как-то с князем»: «Если мы возьмем “Русскую Правду”, то найдем в ней целый ряд как бы подчеркнутых мест, связывающих смерда именно с князем». Как считал С. Н. Чернов, киевские князья, стремившиеся усилить и укрепить социальную базу своей власти, включали смердов в сферу княжеской юрисдикции. Поэтому, в отличие от холопов, смерды находись в зависимости чаще всего от князей, т. е. их социально-правовой статус в большей степени зависел от государства [Чернов 1934а: 116–117].

Как видно, в своей критике грековской концепции С. Н. Чернов демонстрировал свое отрицательное отношение не только к его потребительско-иллюстративной методике работы с источниками, но и в целом к «новой советской» концепции происхождения феодализма на Руси, основанной на марксистско-ленинской методологии с ее жестким каркасом исторического материализма и соответствия «базиса и надстройки». В отличие от схематизма и прямолинейности Б. Д. Грекова, С. Н. Чернов подходил к проблеме феодализма в Киевской Руси осторожно и гармонично, указывая, что процесс формирования феодальных отношений шел «постепенно, неравномерно» и «одновременно вглубь и вширь». Древнерусское общество представлялось ему весьма архаичным, находящимся на начальном этапе вызревания феодальных отношений.

Однако публикацией выступлений Б. Д. Грекова и С. Н. Чернова в Известиях ГАИМК в 1934 г. [Греков 1934б: 5–66, Чернов 1934а: 110–120.] их полемика о Киевской Руси и смердах не была завершена, а в 1935 г. продолжена серией статей обоих историков. «Тогда в ГАИМК’е я был лишен возможности прочно аргументировать каждое свое положение; поэтому, может быть, они кажутся голословными. Но я недавно перечитывал Бориса Дмитриевича и твердо стою на том, что я прав в своих утверждениях. В том числе твердо стою на том, что как раз наиболее его обидело: на потребительском характере его отношения к источникам» — писал Сергей Николаевич в письме от 9–10 ноября 1935 г. П. Г. Любимову [Андреева, Смирнова 2000: 364]. Об этом же свидетельствуют строки из последующего письма С. Н. Чернова ближайшему другу от 22 ноября 1935 г.: «Греков свои-

ми работами заставил меня вновь вернуться к Киевщине... Считаю, что грековское творчество есть самый грубый и бездарно сделанный фальсификат когда-то бывшей исторической действительностью». ¹ Тем не менее, концепция Б. Д. Грекова, после ряда дискуссий 1933–1937 гг., ² была поддержана большинством историков-медиевистов, развита в его знаменитой монографии «Киевская Русь» [Греков 1935б] и легла в основу историографии советского периода, посвященной проблемам образования древнерусского государства и его роли в судьбах Восточной Европы эпохи Средневековья.

Вопросу о смердах на Руси посвящены две статьи С. Н. Чернова. Первая имела целью дать общее представление об институте смердов в Киевской Руси и не выходила за рамки взглядов историка, высказанных в прениях по докладу Б. Д. Грекова [Чернов 1935: 761–777]. Вторая — была посвящена псковским смердам и волнениям в их среде в связи с изменением их социально-правового статуса в более позднюю эпоху [Чернов. 1939: 5–54]. Главной задачей последней работы С. Н. Чернов поставил пересмотр основных положений двух специальных трудов по этой проблематике — С. В. Юшкова и Б. Д. Грекова [Юшков 1934: 3–45, Греков 1935а: 58–75], которые решали вопрос о смердах почти идентично. С. В. Юшков считал, что псковские смерды XV в., по аналогии с киевскими XI–XIII вв. и новгородскими XI–XV вв., делились на два вида: одни — находившиеся в феодальной зависимости от города, другие — от землевладельцев. Обосновывал же он свою позицию тем, что их повинности носили, как публично-правовой (городская повинность), так и частноправовой, сеньориальный характер. Поэтому, если «московский крестьянин знал одного хозяина — князя, феодала, помещика, монастырь, епископскую кафедру», то псковский и новгородский смерд — двух — псковского или новгородского землевладельца и Господина Великого Новгорода или Пскова» [Юшков 1934: 42].

Б. Д. Греков, вслед за С. В. Юшковым, признавал для Пскова два вида смердов — «смердов, находящихся в крепостной зависимости от своих феодалов... и смердов-общинников, под влиянием успехов феодализирующего процесса к XV в. почти исчезнувших в Великом Новгороде и особенно Пскове». Развивая идеи своего коллеги, Б. Д. Греков полагал, что именно подавляющая масса крепостных

¹ Письмо С. Н. Чернова П. Г. Любомирову от 22 ноября 1935 г.: ОПИ ГИМ. Ф. 470 (П. Г. Любомиров). Оп. 1. Д. 234. Л. 28об–29.

² О дискуссиях вокруг концепции Б. Д. Грекова и ее эволюции см. [Свердлов 1996: 196–257].

смердов в конце XV в. восстала против своих господ. Однако, не имея силы, они обратили свой взор к Москве, которая, стремясь к усилению своих позиций и господству в славянском мире, «поддержала классовую рознь в полузависимой от нее провинции» [Греков 1935а: 71–73].

В рамках историко-критического метода А. А. Шахматова стремясь проверить правильность утверждений обоих историков, С. Н. Чернов обратился к известиям Первой и Второй Псковских летописей об истории псковских смердов и волнениях в их среде в конце XV в. и пришел к следующим важным выводам. Во-первых, решая вопрос о том, что же представляли собой псковские смерды, и сколько их было видов, т. е. «на чьей земле они сидели и в чью пользу платили дань и отбывали повинности», исследователь указывал на один их вид, но две группы. По его мнению, даже смерды, дань и повинности которых носили публично-правовой характер, находились в феодальной зависимости от Псковского веча и великого князя: «Все смерды находятся в зависимости от веча и князя, и что ни одна их часть не связана с частным землевладением и частными землевладельцами — все равно полностью или в порядке двоеподданничества... смерды несли свои повинности совсем не в пользу землевладельцев... а в пользу Господина Пскова» [Чернов 1939: 44–45]. Во-вторых, выясняя общий смысл проблемы смердов в политической конъюнктуре 1480-х гг., исследователь пришел к важному выводу, что «смердий» вопрос был использован различными социально-политическими силами для решения своих проблем и удовлетворения своих интересов. Прежде всего, С. Н. Чернов проанализировал позицию Москвы, подчеркивая, что московские князья стремились не только создать «земельные фонды и крестьянские кадры для организации поместного строя... но и ослабить политическую роль Псковского веча, от которого им, конечно, никак нельзя было ожидать содействия, а приходилось опасаться оппозиции всем своим начинаниям в решительном переустройстве социального и политического строя Пскова». Одним из наиболее надежных и верных средств для ослабления политического значения веча и могло стать освобождение смердов от тягловых повинностей в пользу Пскова, т. е. прекращение их зависимости от него [Чернов 1939: 45–46].

Таким образом, рассматривая социально-правовой статус и волнения псковских смердов в конце XV в. в контексте важнейших проблем истории средневековой Руси этого времени, С. Н. Чернов не только посчитал бездоказательным тезис С. В. Юшкова — Б. Д. Грекова о наличии двух их видов — частновладельческих и на-

ходившихся в феодальной зависимости от Пскова, — но квалифицировал «смердый вопрос» как важнейший в разрешении социально-политического конфликта. Причем именно «смердый вопрос» был использован различными сторонами в своих корпоративных интересах. Прежде всего, это касалось бояр-землевладельцев, которые воспользовались им для подчинения социальных низов Пскова и расшатывания псковского «народоправства»: «Как видно, псковские социальные верхи решили воспользоваться затруднительным положением социальных низов города, стиснутых между ними и смердами, извне угрожаемых Москвою, чтобы по старому подчинив эти низы своей воле, отстранить ценою капитуляции перед Москвой в важном, но частном вопросе, надвигающемся конечном крушение последних остатков псковской самостоятельности» [Чернов 1939: 24].

В целом следует подчеркнуть, что для антигрековских статей С. Н. Чернова была характерна непосредственная связь исторического исследования с приемами источниковедческой работы, важнейшим из которых было использование принципа комплексности при изучении текстологических фактов, также идущего от А. А. Шахматова. То есть, изучение текста С. Н. Чернов стремился проводить в составе включающего его произведения, в составе всего источникового окружения. При этом сам источник рассматривался как отражение известных исторических условий и продукт определенной социальной среды. В силу этого история источника в работах С. Н. Чернова становилась прямым отражением истории государства и общества, в которых он возник.

Те же тенденции были характерны для серии работ С. Н. Чернова по теме его так и незаконченной магистерской диссертации «Суд над Максимом Греком» [Чернов 1922: 48–71, Чернов 1934: 465–474]. Крупный деятель средневекового русского просвещения Максим Грек был обвинен в антигосударственной деятельности, подрывавшей устои нарождавшегося русского самодержавия и направленной на сохранение «автономности» церкви. Это возвращение к проблематике, так и не защищенной магистерской диссертации, вероятно, было связано со вниманием С. Н. Чернова к имевшему давнишнюю традицию вопросу о виновности или невиновности старца. Для того чтобы решить этот вопрос историк предпринял текстологический анализ отрывков следственного дела, впервые опубликованных в двух разных изданиях 1830-х гг. — Актах Археографической экспедиции и сборнике М. А. Оболенского — и переизданных В. С. Иконниковым в его книге «Максим Грек и его время» (Киев, 1915). Выявляя в следст-

венном деле осколки политико-идеологической стороны мировоззрения Максима Грека с постановкой каждый раз проблемы достоверности, как текста документов, так и самих его показаний, С. Н. Чернов пришел к выводу: «Максим Грек, несомненно, был человеком очень твердых и выношенных убеждений — более того, он был совершенно способен на мученичество во имя идеи, и своими долгими страданиями во время заточения и ссылки убедительно доказал это». Однако «старец» не являлся идеологом Совета, защищавшего «дорогую старину политического и церковного строя», а был только «слушателем, собеседником, и может быть, самое большое — консультантом» [Чернов 1934б: 472]. В итоге С. Н. Чернов пришел к заключению о невиновности Максима Грека, что позже нашло подтверждение в анализе Н. Н. Покровского полного текста Судного списка Максима Грека [Судные списки 1971].

Как видно, в первой половине 1930-х гг. научная деятельность С. Н. Чернова изменила свою направленность. Декабристская проблематика все больше отходила на второй план, а доминирующими становились изыскания по истории средневековой Руси. «Вероятно, менее всего я сейчас занимаюсь тем, чем ранее занимался более всего — декабристами», — писал он П. Г. Любомирову в 1935 г.¹ При этом внешнее ученичество у А. А. Шахматова имело для Сергея Николаевича своим результатом не только расширение проблематики исследований, но главное — дальнейшее развитие историко-критического (источниковедческого) метода, сочетающегося с его собственным пониманием истории Киевской Руси как эволюционного процесса, протекавшего в контексте развития социальных отношений и идеологической борьбы в эпоху отечественного Средневековья.

Литература

Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927 / Отв. ред. А. Н. Цамутали СПб., 2005.

Ананьич Б. В., Панях В. М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105–113.

Андреева Т. В. Некоторые вопросы истории либерального движения александровского царствования в освещении С. Н. Чернова // Третьи Мартовские чтения памяти С. Б. Окуня в Михайловском замке: Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 87–99.

¹ Письмо С. Н. Чернова П. Г. Любомирову от 22 ноября 1935 г.: ОПИ ГИМ. Ф. 470 (П. Г. Любомиров). Оп. 1. Д. 234. Л. 31–31об.

Андреева Т. В. Сергей Николаевич Чернов — ученый и человек // Чернов С. Н. Павел Пестель: избранные статьи по истории декабризма / Сост. и комм. Т. В. Андреева, В. С. Парсамов. СПб., 2004. С. 6–62.

Андреева Т. В., Вовина-Лебедева В. Г. О смысле жизни: Предсмертное письмо А. А. Шахматова // Государство и общество в России XV — начала XX века. Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 525–536.

Андреева Т. В., Смирнова Т. Г. 1928–1935 годы в судьбе С. Н. Чернова (Письмо С.Н.Чернова П.Г. Любомирову от 9–10 ноября 1935 г.) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 1. СПб., 2000. С. 345–370.

Андреева Т. В., Смирнова Т. Г. П. Г. Любомиров и С. Н. Чернов // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С.456–468.

Андреева Т. В., Соломонов В. А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов, 2006.

Брачев В. С. Наша университетская школа русских историков и ее судьба. СПб., 2001.

Валк С. Н. Воспоминания ученика // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 189–199.

Валк С. Н. Выступление на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г. // Проблемы марксизма. 1931. № 3. С. 114–115.

Валк С. Н. Николай Петрович Лихачев // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. IX. Л., 1978.

Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб., 2000. С. 7–106.

Валк С. Н. Борис Александрович Романов // *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб., 2000. С.107–145.

Веретенников В. И. Памяти дорогого учителя // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 200–206.

Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.

Греков Б. Д. Проблема генезиса феодализма в России // Исторический сборник. Л., 1934а. № 1. С.30–69.

Греков Б. Д. Рабство и феодализм в Древней Руси // Известия ГАИМК. Вып. 86. М.–Л., 1934б. С. 5–66.

Греков Б. Д. Земледелец и землевладение в Пскове XV века // Проблемы истории докапиталистических обществ за 1934 г. М., 1935а. № 5. С. 58–75.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М.–Л., 1935б. Переиздано: Греков Б. Д. Киевская Русь. М.–Л., 1949; Он же. Киевская Русь. М., 1953; Он же. Киевская Русь. Избранные труды. Т. II. М., 1959.

Жуковская Т. Н. Точка пути. Некоторые размышления о «петербургской школе» // Третьи Мартовские чтения памяти С. Б. Окуня: Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 10–14.

Корзун В. П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н.Миллюкова С. Ф. Платонову // Отечественная история. 1999. № 5. С. 171–175.

Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: анализ отечественных историографических концепций. Екатеринбург; Омск, 2000.

Лихачев Д. С. Штрихи из облика С. Н. Валка // Валк С. Н. Избранные труды по археографии. Научное наследие. СПб., 1991. С. 334–335.

Милюков П. Н. Воспоминания: В 2 т. Т.1: 1859–1917. М., 1990.

Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

Панях В. М. К вопросу о петербургской исторической школе // Политика и культура в контексте истории: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Л. Е. Кертмана. Пермь, 24–25 сентября 1997 г. Пермь, 1998. С. 107–111.

Панях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1917.

Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Исторический журнал. 1921. Кн. 2. С.105–130.

Платонов С. Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело. 1929–1931 гг. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С.256–288.

Погодин С. Н. Научные школы в исторических науках: К постановке вопроса // Клио. 1998. № 2 (5). С. 14–26.

Пресняков А. Е. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1938–1939.

Пресняков А. Е. Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918.

Пресняков А. Е. [Рец.] Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов // Дела и дни: Исторический журнал. 1920. Кн.1.

Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великоорусского государства» // Летопись занятий Археографической комиссии. 1917. Пг., 1920. Вып. 30. С. 6–7.

Пресняков А. Е. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // Известия ОРЯС. Т. 25. Пг., 1922.

Романов Б. А. А. С. Лаппо-Данилевский в Университете // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 181–188

Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сборник научных работ. СПб., 1999. Вып. 1. С. 128–165.

Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.

Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.

Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996.

Список научных трудов Сергея Николаевича Чернова // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории декабризма. Саратов, 1960. С. 413–415.

Судные списки Максима Грека и Исака Собака / Изд. подгот. Н. Н. Покровским. М., 1971.

Цамутали А. Н. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа // *Малинов А. В., Погодин С. Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С.5–8.

Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. Л., 1986.

Цамутали А. Н. Петербургская историческая школа // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. СПб., 1993. Ч.1. С. 138–142.

Цамутали А. Н. Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // Историки России. XVIII–начало XX века. М., 1996. С. 538–552.

Чернов С. Н. Выступления в прениях // Известия ГАИМК. Вып. 86. М.; Л., 1934а. С. 110–120.

Чернов С. Н. Заметки о псковских смердах и волнениях 80-х годов XV века // Труды Горьковского государственного педагогического института им. М. Горького. Горький, 1939. Т. III. С. 5–54.

Чернов С. Н. Заметки о следствии по делу Максима Грека // Сб. ст. к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934б. С. 465–474.

Чернов С. Н. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 48–71.

Чернов С. Н. О смердах Руси XI–XIII вв. // Академику Н. Я. Марру XLV. М.–Л., 1935. С. 761–777.

Чернов С. Н. Рец.: Русский исторический журнал. Кн. 6. 1920 // Дела и дни. Исторический журнал. 1922. Кн. 3. С. 173–181.

Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX — начала XX в. // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 19–27.

Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX–начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шмидт С. О. С. Н. Валк и развитие археографической культуры // Валк С. Н. Избранные труды по археографии. Научное наследие. СПб., 1991. С. 336–345.

Юшков С. В. Псковская аграрная революция в конце XV века // Записки научного общества марксистов. М., 1934. № 11. С. 3–45.

Аристов Вадим Юрьевич

Институт истории

Национальной академии наук Украины

Украина, г. Киев

Шахматовские исследования летописей в европейском контексте XIX — начала XX в.

Методы и подходы А. А. Шахматова в изучении летописей обсуждались неоднократно. Однако при этом труды Шахматова рассматривались чаще всего изолировано или в сравнении с довольно узким кругом работ его коллег. Это были преимущественно знаковые летописеведы предыдущих поколений (типа К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Л. Шлецера, Н. И. Костомарова) или его современники и последователи (вроде В. М. Истрина, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье). В некоторых случаях Шахматова и летописеведение в целом сравнивали с «западной» критикой текста, чаще всего сводя последнюю к т.н. «методу Лахмана» или стемматическому методу, а точнее — к тому или иному образу последнего.

В литературе можно выделить две крайние позиции по этому вопросу. Одну из них олицетворял Д. С. Лихачев, который подчеркивал преимущества Шахматова и якобы основанной им «текстологии». В работе 1947 г. можно найти такие пассажи: «западно-европейская филология не знает таких тщательных и вместе с тем таких смелых по своим выводам работ, как труды академика Шахматова»; «русская летопись не знает себе равных в Европе» [Лихачев 1947: 4, 10]. Несколько позднее, в своей «Текстологии» Лихачев противопоставлял формальной и механистической, неисторичной, по его словам, «критике текста», которую практикуют на «Западе», комплексную и историческую «текстологию» российско-советской науки. На фоне «кризиса западной критики текста» он рисовал образ передовой, революционной, дисциплины — «текстологии», которая якобы выросла из работ Шахматова [Лихачев 2001: 25–29, 54–58].

Другая позиция обозначена в работах Д. Островского, где доказывается отсталость «текстологии» от «западной» критики текста. Летописеведение, по мнению исследователя, оставалось вне влияний «западной» методологии, что и стало причиной хаотичности и субъективности методов исследования летописей [Ostrowski 1981: 14–15; Ostrowski 2003: XLV–LIV]. Несмотря на полярность позиций, в них использовался еди-

ный базовый тезис — об уникальности методов исследования летописей и (в случае Лихачева) уникальности летописей как таковых. Не углубляясь в анализ непосредственной обстановки, в которой были высказаны эти мнения, следует заметить, что сама по себе идея уникальности летописей и методов их изучения не нова. Еще в начале XIX в. ее высказал А. Л. Шлецер: «осмеливаюсь сказать, что для русской критики требуется совсем особенная критика, для которой надобно еще отыскать многие новые правила»; «величайшие люди, посевшие над классическою и библейскою критикою <...> будут здесь, как будто в новой земле» [Шлецер 1809: XVI]. Вряд ли такая оценка была обусловлена чисто научными соображениями. Это скорее влияние общей культурной установки «западного» ученого по отношению к России, а точнее — ко всей *Slavia Orthodoxa* и кириллической письменности.

В середине XIX в. на преимущества древнерусских летописей перед западными хрониками указывал М. П. Погодин: «теперь будем говорить о внутреннем достоинстве летописей: они “верны” ... до самого XVI века вы не найдете пяти показаний неверных или умышленных, и в этом драгоценном свойстве состоит их отличие от западных хроник, наполненных сказками» [Погодин 1848: 84]. Сходное настроение улавливается и в словах одного из современников Шахматова, Г. А. Ильинского: «древне-церковно-славянская “письменность” <...> была носителем весьма определенных культурных идеалов, которые довольно резко отличались от культурных стремлений романо-германского Запада, но совпадали большей частью с византийскими» [Ильинский 1906: 49].

Такая, православно-славянская, перспектива, превалировавшая в тогдашнем так называемом «славяноведении»,¹ не способствовала сравнению древнерусских летописей с наиболее типологически близкими памятниками — европейскими анналами и хрониками (хотя, конечно, отдельные попытки такого рода предпринимались). Соответственно это ограничивало возможность обращения к современному опыту их изучения.

История летописеведения, как кажется, давно нуждается в «нормализации»: преодолении предубеждения об уникальности летописей и методов их изучения и введения летописеведческих студий в широкий европейский контекст. В первую очередь это касается т.н. «метода Шахматова» и самого Шахматова — личности, можно ска-

¹ Этот комплекс дисциплин, по словам И. В. Ягича, занимался духовной жизнью славянских народов, насколько она была отражена в их языке, памятниках письменности, обрядах и т.д. [Ягич 1910: 1].

зать, мифологизированной в литературе. Лишь относительно недавно ситуация на этом поприще начала меняться. При этом следует особенно выделить исследования В. Г. Вовиной-Лебедевой [Вовина-Лебедева 2010: 59–186, 174–209], расширяющие горизонт рассмотрения творчества летописцев и, в частности, Шахматова¹.

Что может служить адекватным сравнительным контекстом до-революционного российского летописеведения, в частности, методов и идей Шахматова? На мой взгляд, наиболее естественно сопоставлять практику критики летописей с практикой исследования аналогичных источников — средневековых анналов и хроник. При этом следует совмещать типологическую и генетическую перспективы: выявление общих и отличных черт, обусловленных как схожестью условий и материала, так и интеллектуальными связями.

Исходя из этого, остановлюсь на трех аспектах, которые позволяют вписать творчество Шахматова в широкий научный контекст:

- Общие тенденции в изучении древнерусских летописей и типологически близких средневековых текстов на протяжении XIX – начала XX в.;
- Распространение идеи об «утраченных источниках» и смещение внимания с реальных текстов на гипотетические;
- Сходства и различия в теории и практике реконструкции текстов.

В данной работе делаю два ограничения. Во-первых, говоря об исследованиях Шахматова, я подразумеваю работы, посвященные раннему (древнейшему) летописанию. Во-вторых, обсуждая европейский контекст летописеведения XIX – начала XX в., я рассматриваю лишь немецкие и польские работы того времени. Российское источниковедение тогда было теснее всего связано именно с этими (особенно — немецкой) научными традициями, а их представители работали над памятниками, наиболее близкими к летописям (средневековыми анналами и хрониками).²

Общие тенденции. Если присмотреться к тому, как на протяжении XIX — начала XX в. изучались средневековые анналы и хроники (немецкими и польскими учеными), а также летописи, можно заметить, что эти исследования проходили как бы по единому сценарию.

¹ Что касается, сравнения летописей с иностранными источниками, нужно обратить внимание на работы Т. В. Гимона, последовательно изучающего англосаксонскую анналистику и древнерусское летописание в сравнительной перспективе [Гимон 2011]

² Здесь важно не только типологическое сходство франкских (каролингских) анналов, ранних польских рочников и древнерусских летописей. Например, в отличие от англосаксонских анналов, сохранившихся в довольно древних, нередко оригинальных, рукописях, все название тексты дошли преимущественно в относительно поздних списках или в составе компиляций.

Сначала внимание западных исследователей и издателей сосредотачивалось на поиске оригинальных произведений, отделении текстов древних авторов от их позднейших продолжателей, а также на сегментировании сохранившихся текстов на отрезки, предположительно написанные одним автором [MGH 1826: 127, 134–218, Giesebrecht 1865: 191, Waitz 1877: 462, МРН 1826: 826–827]. Аналогичным образом первые исследователи летописей (такие, как Шлецер, Карамзин, Бутков и др.) пытались различить в «летописном материале» целостные авторские произведения — «временники» Нестора и его продолжателей.

Представления о природе древних анналов, хроник и летописей отвечали глубине анализа. Сначала, когда эти тексты анализировали на уровне больших отрезков, то и представляли их как довольно однородные произведения. Позже, когда анализ углубился до уровня небольших фрагментов, отдельных сообщений и даже слов, на смену пришла концепция компилятивного характера анналов /хроник /летописей. Теперь они представлялись составленными из отдельных записей или блоков сообщений разного происхождения и авторства [МРН 1826: XVI–XVIII, 816–826, Smolka 1873: 17–18, Zeissberg 1877: 48–56, Kętrzyński 1896: 2–93, Wibel 1902: 6–7]. В российском летописеведении этому этапу соответствует развитие концепции летописи-сборника.

Между тем, ученые скоро научились в рамках одного фрагмента или даже сообщения выделять части разного происхождения. Это несколько меняло перспективу: вместо фрагментов, которые якобы существовали отдельно и были собраны одним компилятором [Kaufmann 1885: 66], теперь речь шла о многоразовом редактировании одного и того же текста и о разных текстуальных пластах [Ebrard 1873: 428–429, Giesebrecht 1865: 191–192, Dünzelmann 1877: 480–492, Warmiski 1879: 6, Wojciechowski 1880: 180]. Метод стал более виртуозным. Главной задачей теперь было не просто разложить текст на мелкие части, а снять несколько редакторских слоев. Именно этому новому представлению отвечала «теория сводов» Шахматова в летописеведении. Вместо того, чтобы выделять в рукописях сегменты, отдельные произведения, и «очищать» их от ошибок, задачей ученого стало как можно более точное расслоение известных текстов на временные пласты и реконструкция целостных образов тех произведений («сводов»), от которых эти пласты остались. С имеющегося текста снималась редакция за редакцией, в результате чего исследователь доходил до некоторого начального текста (который не мог не оказаться простым нарративом).

Летописеведы и исследователи европейских анналов и хроник

использовали сходную терминологию, что вытекало из подобия представлений, подходов и самих источников. Одним из центральных понятий в немецких и польских работах к концу XIX в. становится «анналистическая компиляция» [Perlbaeh 1886: 44, Regel 1892: 38–43, Dieterich 1897: 271–275]. Его буквальным соответствием было русское «летописный свод». Примечательно, что российские медиевисты, которые работали с западной анналистикой, оперировали «домашними» терминами: «летописный свод», «редакция летописного свода» [Беркут 1910: 6–15, Перфецкий 1932: 207–238, Perfeckij 1925: 43–70].

Общая тенденция немецких, российских, а также польских исследований над средневековой историографией была одинаковой — в направлении все большего разложения текстов на элементарные части и усложнения схем их формирования. Оценивая успехи польских и немецких исследователей, М. Перльбах в конце XIX в. писал: «в результате разнообразных источниковедческих исследований мы научились разделять на составные части такие анналистические труды, которые раньше считались единым целым» [Perlbaeh 1898: 383]. Невиданная скрупулезность работ Шахматова имеет прямые аналогии в синхронных трудах польских и немецких ученых. Параллельно с детализацией и усложнением гипотез, во второй половине XIX в. в немецкой науке происходила «филологизация» источниковедческих исследований — возрастание внимания к лингвистическим характеристикам изучаемых текстов [Ussner 1882: 36]. С отставанием на пару десятилетий, в конце XIX — начале XX в., обозначился филологический «уклон» летописеведов, ярким примером чего явился Шахматов.

Немецкое «хваленое источниковедение». Очерченная близость дисциплин в теории и практике было обусловлена не только (или не столько?) подобием материала, но и общими методологическими образцами немецких, польских и российских ученых. На один из таких образцов, и на вектор поиска в целом, недавно указала В. Г. Вовина-Лебедева [Вовина-Лебедева 2010: 134–150; 2011: 3–12]. Как показала исследовательница, П. М. Строев, первым выдвинувший идею о летописи как «сборнике», а также его коллеги (С. С. Уваров, Р. Ф. Тимковский, М. Т. Каченовский) находились под влиянием немецких дискуссий по «гомеровскому вопросу», в частности работ Ф. А. Вольфа. Труды Гомера были признаны сложными произведениями (фактически «сборниками»), в которых соединились тексты различного происхождения.

Представляется, что наиболее существенное влияние Вольфа заклю-

чалось именно в методологической плоскости. Он приучил ученых обращать внимание на внутренние противоречия (в содержании, языке, стиле) и трактовать их как следы вставок [Mahler: 187–189]. Это настроило оптику исследователей так, чтобы видеть в ныне едином тексте отдельные фрагменты, иначе говоря, смотреть сквозь известный текст и распознавать вместо одного реального много гипотетических прото-текстов.

Одним из образцовых примеров применения этих подходов на материале не античной классики, а средневековой историографии, являются исследования «Гетики» Иордана — как и ПВЛ, первого опыта истории варварского народа. В XIX в. на основе этого произведения пытались реконструировать «Готскую историю» Кассиодора. Иордана при этом считали неумелым редактором последнего [Goffart 1988: 23–31]. Рассмотрение «Гетики» как «руины» Кассиодора, «как коллекции выдержек, а не как целостного литературного замысла», поднимало значение исследовательского воображения и способствовало свободной атрибуции отдельных фрагментов. По словам, У. Гоффарта, «заметная тенденция в исследованиях германских древностей заключалась в уничтожении непосредственно доступных текстов, которые обычно имели позднюю датировку, и дополнении их «лучшими предшественниками» — исчезнувшими рассказами или текстами, которые имели раннюю датировку и чьи остатки считались искаженными включениями в сохранившиеся материалы» [Goffart 1988: 31].

Наверно, самым крупным проектом XIX в., где воплотились указанные Гоффартом принципы, было изучение текста Ветхого Завета. Он хотя и не относится к средневековой литературе, но заслуживает внимания как яркий и влиятельный пример. Усилия нескольких поколений исследователей подытожила работа немецкого ученого Ю. Вельгаузена «Prolegomena zur Geschichte Israels». В ней излагалась гипотеза о том, что Ветхий Завет состоял из четырех частей, которые изначально были самостоятельными произведениями, написанными в разные периоды [Wellhausen 1899: 6–10]. Еврейская Библия оказывалась компиляцией, сборником. Соответственно задача ученых заключалась в том, чтобы правильно разложить существующий Ветхий Завет на элементы и реконструировать историю их создания. Методологической основой такой работы с текстом был поиск усложнений (дублей, фактических дополнений, хронологических сбоев), тенденций на отдельных участках текста (в употреблении терминов и устойчивых выражений, проявлениях лояльности, религиозных представлениях, особенностях стиля) и противоречий (лингвистических, стилистиче-

ских, идеологических и так далее). Итак, опять же, исследовательское внимание смещалось с реальных текстов на гипотетические.

По наблюдениям Гоффарта (и по признанию современников [Gutschmid 1889: 3–5, Bernheim 1908: 441]), именно ученые т.н. «немецкой школы» больше всего работали над добычей «утерянных источников» из реально сохранившихся текстов. Российское источниковедение¹ (в том числе Шахматов) находилось в основном в немецкой зоне интеллектуального влияния, и не удивительно, что именно здесь описанные исследовательские практики особенно распространились.

В этом смысле очень показательны не замеченные до сих пор удивительные сходства исследований Шахматова и его немецких и польских коллег: Ф. Курце и В. Кентшиньского.² Работы первого касались реконструкции текста и истории древнейших каролингских анналов, а также так называемых «Королевских анналов». Как и Шахматов, Курце претендовал на то, чтобы охватить все известные источники и объяснить происхождение чуть ли не каждого сообщения. От «неудобных» чтений он избавлялся, «реконструируя» якобы измененные переписчиками оригинальные чтения [Hellmann 1912: 65]. В схемах Курце гипотетические тексты доминировали над реально дошедшими [Kurze 1903: 626–627, 670–674, Wibel 1902: 7–17, 32–36, 247, Kurze 1913: 5]. В то же время они выглядели очень реалистично: ученый пытался установить их авторство, время, место и условия написания, даже когда оснований для этого было недостаточно.

Подобные черты демонстрируют и исследования Кентшиньского [Kętrzyński 1896: 2–93], занимавшегося древнейшими польскими рочниками (что сходно с предметом исследования Курце и Шахматова). По признанию критиков, «образ взаимосвязей и зависимости между <...> рочниками, очерченный Кентшиньским, неслышанно сложен, а понятие утерянного источника употребляется в нем слишком часто» [Zajączkowski 1932: 92].

Один ведущих немецких исследователей того времени, Г. Вайтц, жаловался на «нашу хваленую источниковедческую критику», которая не могла обойтись без допущений об утерянных источниках [Waitz 1873: 588]. Далек не все коллеги Курце и Кентшиньского работали так, как они. Существовали намного более осторожные работы, в которых ученые специально обсуждали разные методологические риски

¹ Об истории термина в русском научном языке см.: [Топычканов 2004: 149–153].

² Конечно, следовало бы назвать больше имен. Здесь ограничиваюсь наиболее показательными примерами.

изучения средневековых исторических текстов [Waitz 1873: 594–597, Wojciechowski 1880: 152–156, Kaufmann 1885: 67–70, Wibel 1902, Semkowicz 1910: 241–295]. К сожалению, такого рода рефлексии появились в летописеведении с большим опозданием и не имели в свое время значительного влияния.

Шахматовские реконструкции текстов в сравнительной перспективе. Два самых известных и влиятельных труда Шахматова 1908 и 1916 гг. были посвящены реконструкциям текстов: в первом случае — древнейших летописных сводов, во втором — редакций ПВЛ. Яркие и оригинальные на фоне работ предшествующих летописеведов, эти проекты могут быть адекватно поняты только в более широком контексте развития источникововедения до начала XX в. Сначала посмотрим, насколько шахматовские реконструкции отвечали уровню достижений критики текста того времени.

Суть развития критики текста как дисциплины заключалась в выработке наилучших методов реконструкции оригинального текста [Porter: 4, Souter: 3, Maas: 5]. Ее двигателем была библейская и классическая критика. Изучая средневековые исторические тексты, ученые только пользовались достижениями дисциплины, адаптируя их к своему материалу, зачастую в упрощенном и общем виде [Hoffmann 1996: 199–200, 208]. Изобретением современной критики текста стало *recensio* — процедура упорядочивания и отбора списков, а также сравнения вариантов для дальнейшей реконструкции произведения [Timpanaro 1971: 1–11].

Принципы классификации списков и оценки вариантов, в частности с использованием генеалогического метода, были разработаны еще на протяжении XVIII в. [Timpanaro 2005: 69–74, Dummel 1992: 57–58]. Однако начало XIX в. ознаменовалось возвращением к более субъективным критериям в отборе чтений («вкус» и «стиль») и более свободным эдиционным практикам (конъектуры и «эзегетизм» — сопровождение изданным текстом толкованиями) [Timpanaro 2005: 76]. Реваншем объективизма стала формулировка и внедрение стемматического метода К. Лахманом в 1830–1850-х гг. [Dummel 1992: 58], хотя при этом ученый фактически возродил и упорядочил подзабытые достижения XVIII в. [Timpanaro: 76, 90]. Лахман предлагал на основании общих ошибок определять зависимость списков и выстраивать их генеалогию, чтобы осуществить отбор оригинальных чтений не путем сопоставления вариантов как таковых, а исходя из истории рукописной традиции.

Замечу, что лахмановское требование «чисто критических» из-

даний и демонстрации трансмиссии текстов с минимальным вниманием к их содержанию отвечала тому позитивистскому настроению, что и попытка Л. фон Ранке подавать только факты без их оценки. Общий посыл сводился к «механизации» метода, к борьбе за наименее субъективные критерии отбора оригинальных чтений.

Знал и пытался ли применять Шахматов стемматический метод? Классических стемм ученый не строил. В «Разысканиях» перед текстами древнейших сводов помещена схема владимирских и ростовских сводов XII–XIV вв. [Шахматов 1908: 537]. В «Обзрении русских летописных сводов IV–XVI вв.» приведено тринадцать подобных схем для разных памятников [Шахматов 1938: 21, 55, 141, 160, 172, 175, 181, 187, 206, 215, 230, 254, 282]. Однако они только внешне напоминают стеммы. На схемах реально сохранившиеся памятники не отделены от гипотетических. Схемы отражали не столько филиацию списков, сколько соотношения летописных произведений и их источников. Если стемма должна была быть инструментом реконструкции оригинального текста, то эти схемы иллюстрировали результат исследования — историю текстов и их взаимосвязь.

Аналогичные источниковедческие схемы (или «реальные схемы», «l'arbre réel») [Timpanaro 1971: 121–123] известны в западной литературе по анналистике [Wojciechowski 1880: 222, Kurze 1895: 18]. Важно, что их отличали от стеммы — «дерева списков» (Stammbaum). Один и тот же автор мог использовать в разных случаях схемы обоих видов, и это делает наглядным принципиальную разницу между технической схемой рукописей (стеммой) и исторической схемой зависимости гипотетических текстов.

В рамках стемматического метода результат реконструкции зависел от общей схемы родства списков, которое устанавливалось с помощью формальных процедур. Позиция Шахматова в корне отличалась тем, что представление о родстве списков он ставил в зависимость от схемы истории оригинальных (гипотетических) летописей. «Обнаруженные генетические связи сложной истории возникновения и редактирования летописных сводов служили ключом к определению взаимоотношения издаваемых списков летописи» [Чирков 1975: 34], а не наоборот (когда зависимость списков служила бы ключом к истории летописей).

Задачей Лахмана и его последователей было максимально ограничить количество вариантов при реконструкции архетипа, а также провести отбор чтений, по возможности, механически — без оценки содержания. Шахматов и его предшественники, напротив, проводили

преимущественно логическую, содержательную, оценку чтений. В сравнении со стемматизмом порядок исследования был обратным: сначала выбор чтений, потом — построение схемы. Итак, схема филиации списков (а точнее самих памятников) была не методом, а целью.

Несмотря на серьезные сомнения в объективности и возможностях стемматизма, выдвинутые в ходе разгоревшейся с подачи Ж. Бедье дискуссии [Timpanaro 1971: 24–25, 65–67, 80, 115–116, 135–137, Colwell 1947: 124–132, Maas 1950: 30–31, Кузьмин 1977: 28–33, Вовина-Лебедева 2010: 158], до конца XIX в. критика текста накопила значительный методический арсенал, который дисциплинировал исследователя и уберегал от «изобретения велосипеда». Хотя на стемматизм были наложены значительные ограничения, сами по себе строгие принципы критики текста могли быть применены в работе с различными видами источников. Между тем, именно этой строгости и дисциплинированности в шахматовских работах по раннему летописанию (в частности, в его реконструкциях) не заметно.

Приведенные наблюдения служат, однако, не для того, чтобы просто сопоставить стемматизм и шахматовскую методологию — это было бы некорректно. Важно другое, а именно то, что летописеведение до начала XX в. еще развивало тот теоретический потенциал, который был заложен в достемматической критике текста.

В немецкой и польской литературе, посвященной анналам и хроникам, напротив, можно найти попытки применения стемматизма в чистом виде [Annales Regni Francorum 1895: VIII, Kurze 1895: 330–333, Kurze 1896: 79]. Впрочем, большинству исследователей было ясно, что идеи Лахмана плохо работают на материале средневековых исторических произведений — продолжаемых текстов с открытой, неконтролируемой, традицией [Wibel 1902: 11, 17, 46–47, 70, Sybel 1879: 267, Semkowicz 1910: 277, Hoffmann 1996: 220–225] (примечательно, что сам Лахман работал с профанными текстами иначе, чем с библейскими и классическими [Timpanaro 1971: 32–33]).

Если на «верхнем этаже» располагалась библейская и классическая критика, то студии над летописями и подобными им текстами занимали нижний этаж, где поневоле исследователи действовали по несколько другим правилам. Различия в теоретической оснащенности исследований здесь были не слишком заметны. Шахматовские «Разыскания» и издание ПВЛ 1916 г. напоминают многочисленные исследования немецких и польских ученых того же времени, которые предлагали аналогичные «приблизительные реконструкции» гипотетических

анналов или хроник [Scheffer-Boichorst 1870, Kętrzyński 1878: 237–242, Kętrzyński 1896: 147–157, Regel 1892: 39–44, Dieterich 1897: 264–268]. Эти работы отличались от классических филологических реконструкций. Если в последних речь шла о дословном восстановлении реального, но сохранившегося только в списках, произведения, то в первых — о реконструкции содержания, состава и общего образа гипотетического источника, самостоятельного произведения, которое лишь частично могло отразиться в других произведениях.

В конце XIX в. образцовыми источниковедческими реконструкциями считались работы В. Гизебрехта и П. Шефера-Бойхорста [Bernheim 1908: 440, Беркут 1910: 17]. Гизебрехт в 1841 г. восстановил Альтаихские анналы — вполне реальный памятник, рукопись которого считалась утраченной [Giesebrecht 1841: 35–118]. Реконструируя текст анналов по ранним изданиям, выпискам историков и другими родственными анналами, Гизебрехт выполнил работу, которая напоминала восстановление М. Д. Приселковым Троицкой летописи (правда, в отличие от Троицкой летописи Альтаихские анналы были найдены в 1867 г., и сравнение текстов подтвердило филигранность работы исследователя).

Шефер-Бойхорст в 1870 г. сделал издание на основе исследования общего текста Хильдесхаймских, Кельнских и Саксонских анналов (а также ряда других текстов), который, скорее всего, отражал их общий источник — Падерборнские анналы [Scheffer-Boichorst 1870]. Речь шла не столько о буквальном восстановлении текста, сколько о том, чтобы — подобно шахматовской ПВЛ 1916 г. — «представить текст» утраченных анналов и установить их приблизительный состав и содержание.

Проекты Шахматова перестают казаться слишком оригинальными, становясь в длинный ряд сходных источниковедческих реконструкций. Их распространение имело несколько общих причин: улучшение технических возможностей исследователей, общее интеллектуальное поле и тяготение к немецкому источниковедению. В то же время реконструкции Шахматова (как и некоторых польских и немецких ученых) выглядят лишь неудачными репликами «образцовых» реконструкций Гизебрехта и Шефера-Бойхорста. Не углубляясь в детали, это связано с тем, что проекты Шахматова и некоторых его коллег избобилуют неоправданными гипотетическими построениями, цепочками допущений, воспринимаемых как факты, и излишним «отдалением» от реальных текстов.

Подведу итог этому, по необходимости краткому, обзору. Можно утверждать, что взгляды и приемы работы Шахматова, как и сам факт их появления в то конкретное время, не были чем-то уникальным, скорее — закономерным. «Теория сводов» и текстуальные реконструкции А. А. Шахматова легко вписываются в контекст распространенного тогда «виртуального источниковедения». Надо признать, однако, что они стали его крайней формой.

Литература

Беркут Л. Н. Возникновение и характер средневековой анналистики. Варшава, 1910.

Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011.

Вовина-Лебедева В. Г. Издания и исследования русских летописей в первой половине XIX в. на фоне европейского опыта // Вестник СПбГУ. Серия 2. Вып. 4. СПб., 2011. С. 3–12.

Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование. М., 2011.

Ильинский Г. Значение и место науки о древне-церковнославянском языке в ряду других дисциплин славяноведения // ЖМНП. 1906. Январь.

Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947.

Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII веков / при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва. Изд. третье, перераб. и доп. СПб., 2001.

Перфецкий Е. Ю. Общий источник древнейшего чешского и древнейшего польского летописания // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Л., 1932. Т. 1. С. 207–238.

Погодин М. П. Источники для удельного периода русской истории. Летописи // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1848. Т. 2.

Топычканов А. В. К истории раннего бытования слова «источниковедение» в России // Археографический ежегодник за 2003 г. М., 2004. С. 149–153.

Чирков С. В. Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX в. // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 24–37.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л., 1938.

Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером...

- / Перевод Дм. Языкова. Ч. 1–3. СПб., 1809–1819.
- Jguch II. B.* История славянской филологии. СПб., 1910.
- Annales Regni Francorum inde ab A. 741 usque ad A. 829. Qui dicuntur Annales Laurissenses majores et Einhardi. Post editionem G. H. Pertzii recognovit Fredericus Kurze. Hannoverae, 1895.*
- Bernheim E.* Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1908.
- Colwell E. C.* Genealogical method: its achievements and its limitations // *Journal of Biblical literature*. Vol. 66. No. 2. 1947. P. 124–132.
- Dieterich J. R.* Die Geschichtsquellen des Klosters Reichenau bis zur Mitte des elften Jahrhunderts. Gießen, 1897.
- Dymmel P.* Stemma codicum — tradycja i nowoczesność // *Discernere vera ac falsa*. Lublin, 1992.
- Dünzelmann E.* Beiträge zur Kritik der karolingischen Annalen // *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde*, 2, H.3, 1877. S. 480–492.
- Ebrard F.* Die Fränkischen Reichsannalen von 741 bis 829 und ihre Umarbeitung // *Forschungen zur deutsche Geschichte*. XIII Band. Göttingen, 1873.
- Giesebrecht W.* Annales Altahenses, eine Quellenschrift zur Geschichte des elften Jahrhunderts aus Fragmenten und Excerpten hergestellt. Berlin, 1841.
- Giesebrecht W.* Die fränkischen Königsannalen und ihr Ursprung // *Münchener historisches Jahrbuch für 1865*. München, 1865.
- Goffart W. A.* The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton University Press, 1988.
- Gutschmid A.* von. Kleine Schriften. Erster Band. Leipzig, 1889.
- Hellmann S.* Die Annales Fuldenses // *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde*, 37, 1912.
- Hoffmann H.* Die Edition in den Anfängen der Monumenta Germaniae Historica // *Mittelalterliche Texte. Überlieferung — Befunde — Deutungen.* — Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1996.
- Kaufmann G.* Die karolingischen Annalen // *Historische Zeitschrift*. Bd. 54. H.1. Oldenburg, 1885.
- Kętrzyński W.* O roczniku małopolskim. Przyczynek do annalistyki polskiej w XIII i XIV wieku // *Roczniki Towarzystwa przyjaciół nauki*. Wydział filologiczny i historyczno-filozoficzny. Poznań, 1878.
- Kętrzyński W.* O rocznikach polskich. Kraków, 1896.
- Kurze F.* Über die karolingischen Reichsannalen von 741-829 und ihre Überarbeitung. 1 Teil // *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde*, 19, 1893.
- Kurze F.* Über die karolingischen Reichsannalen von 741-829 und ihre Überarbeitung. 2 Teil // *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde*, 20, 1895.
- Kurze F.* Über die karolingischen Reichsannalen von 741–829 und ihre Überarbeitung. 3 Teil // *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Ge-*

schichtskunde, 21, 1896.

Kurze F. Zur Überlieferung der karolingischen Reichsannalen und ihrer Überarbeitung // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 28, 1903.

Kurze F. Die karolingischen Annalen bis zum Tode Einhards. Berlin, 1913.

Maas Paul. Textkritik. Leipzig, 1950.

Mahler A. Did philologists write the *Iliad*? Friedrich August Wolf's criteria of style and the demonstrative power of citation. P. 187–189 / Режим доступа: <http://publikationen.ub.uni-frankfurt.de/frontdoor/index/index/docId/22923> — дата доступа 12.10.2014

MGH. Tomus I. Hannover, 1826.

MPH (PDP). Tom drugi. Lwów, 1872.

Ostrowski D. Textual criticism and the Povest' vremennykh let: some theoretical considerations // Harvard Ukrainian studies, vol. V. №1. Cambridge, Massachusetts, 1981.

Ostrowski Donald. Introduction // The Povest' vremennykh let: an interlinear collation and paradosis. Cambridge, Massachusetts, 2003. P. XLV–LIV.

Perfekij E. Die deutsche Quelle der Sazaver Chronik // Archiv für Slavische Philologie. Bd. 40. H. 1–2. Berlin, 1925. S. 43–70.

Perlbach M. [Рецензия на:] Kętrzyński W. O rocznikach polskich. Kraków, 1896 // Kwartalnik Historyczny. Tom XII. Lwów, 1898.

Perlbach M. Preussisch-polnische Studien zur Geschichte des Mittelalters. H. 2. Halle, 1886.

Porter J. S. Principles of Textual Criticism with their application to the Old and New Testament. London, 1848.

Regel W. Über die Chronik des Cosmas von Prag. Dorpat, 1892.

Senkowicz W. Rocznik t.zw. Świętokrzyski dawny // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. Seria II. Tom XXVIII. W Krakowie, 1910.

Scheffer-Boichorst P. Annales Patherbrunnenses eine verlorene Quellenschrift des zwölften Jahrhunderts aus Bruchstücken wiederhergestellt. Innsbruck, 1870.

Smolka S. Polnische Annalen bis zum Anfange des 14 Jahrhunderts. Eine Quellen-Untersuchung. Lemberg, 1873.

Souter A. The text and canon of the New Testament. New York, 1913.

Sybel H. Die karolingischen Annalen // Historische Zeitschrift. Bd. 42. H.3. Oldenburg, 1879.

Timpanaro S. Die Entstehung der Lachmannschen Methode. Hamburg, 1971.

Timpanaro S. The genesis of Lachmann's method. Chicago, 2005.

Usener H. Philologie und Geschichtswissenschaft. Bonn, 1882.

Waitz G. Georg Heinrich Pertz und die Monumenta Germaniae Historica // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde, 2, H.3, 1877.

Waitz G. Über die Annales Sithienses // Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft von Wissenschaften und der Georg-Augustus-Universität aus dem Jahre 1873. Göttingen, 1873.

Warmski M. St. von. Die Großpolnische Chronik. Eine Quellenuntersuchung. Krakau, 1879.

Wellhausen J. Prolegomena zur Geschichte Israels. Fünfte Ausgabe. Berlin, 1899.

Wibel H. Beiträge zur Kritik der Annales Regni Francorum und Annales q.d. Einhardi. Strassburg, 1902.

Wojciechowski T. O rocznikach polskich // Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie. Wyd. Filologiczny i Historyczno-Filozoficzny. Kraków, 1880. T. 4.

Zajczkowski S. Рец. на: David P. Recherches sur l'annalistique polonaise du XI au XVI siecle. Bordeaux, 1932.

Zeissberg H. Dziejopisarstwo Polskie wieków średnich. Tom 1. Warszawa, 1877.

**ТРАДИЦИИ А. А. ШАХМАТОВА
В ИЗУЧЕНИИ
ИСТОРИИ ЛЕТОПИСАНИЯ**

Бобров Александр Григорьевич

Институт русской литературы

(Пушкинский Дом)

Российской академии наук

Россия, г. Санкт-Петербург

А. А. Шахматов и спорные вопросы раннего новгородского летописания

Труды академика А. А. Шахматова в области летописания в целом и новгородского летописания в частности составили целую эпоху в отечественной историко-филологической науке [Лурье 1976: 87–107, Вовина-Лебедева 2011: 210–227]. Взгляды исследователя эволюционировали, и он не раз пересматривал многие положения, касающиеся истории новгородского летописания. В данной статье мы попытаемся дать краткий обзор точек зрения исследователя на важнейшие памятники раннего новгородского летописания XI — первой половины XII в., а также рассмотреть их судьбу в последующей научной традиции. Реконструируемые в трудах А. А. Шахматовым ранние новгородские летописи анализируются в хронологическом порядке.

Новгородская летопись 1017 года. В работах А. А. Шахматова конца XIX — начала XX вв. достаточно определенно говорится о существовании летописи 1017 года, составленной в Великом Новгороде при владыке Иоакиме, бывшем, согласно церковной традиции, первым епископом Новгорода в 992–1030 гг. Этот гипотетический летописный свод, по мнению исследователя, время от времени пополнялся на протяжении XI в. новыми записями, которые с XII в. стали вестись полнее и обстоятельнее: «Трудно сомневаться, что Иоакимова летопись велась именно там, где она возникла, т. е. при дворе новгородского владыки» [Шахматов 1900: 183–188]. В одной из своих ранних работ А. А. Шахматов специально оговаривал, что он «мало занимался Иоакимовой летописью» и поэтому ничего не может «сказать о ее существовании» [Шахматов 2003: 52¹]. Позже ученый с определенной уверенностью отмечал, что в Новгороде уже при владыке Иоакиме в начале XI в. была составлена первая на Руси летопись; «она в начале сообщала кратко о крещении Новгорода прибывшим туда Иоакимом, поставлении им церковью, посажении Вышеслава, приглашении на стол Ярослава и затем подробно говорила о событиях 1015–1016 гг.; в конце была вписана

¹ Первое изд. см.: [Шахматов 1897: 1–58].

Ярославова грамота» [Шахматов 2002: 339¹].

Характеризуя летопись, составленную предположительно при владыке Иоакиме Новгородском, А. А. Шахматов не опирался на выписки из некоей старой рукописи, опубликованные В. Н. Татищевым в 4-й главе 1-го тома его сочинения «История Российская». Как известно, эти выписки также получили в историографии наименование «Иоакимовская летопись». В наше время существуют как сторонники, так и противники древности известий этой «Иоакимовской летописи». С. Н. Азбелев говорит о летописи Иоакима, составленной около 1017 г., соглашаясь с наблюдениями А. А. Шахматова о существовании летописного текста, созданного около этого времени, но при этом он использует труд В. Н. Татищева. В несохранившейся «Иоакимовской летописи» С. Н. Азбелев видит отражение той самой летописи 1017 г., о которой писал А. А. Шахматов [Азбелев 2003: 5–27], однако в современной науке преобладает взгляд на «татищевскую» «Иоакимовскую летопись» как на произведение позднейшего времени, относящееся либо к XVII — началу XVIII в., либо даже к творчеству самого Василия Никитича Татищева (последняя точка зрения наиболее подробно аргументирована в монографии А. П. Толочко). Древность «Иоакимовской летописи» — якобы несохранившегося до наших дней источника сведений В. Н. Татищева, содержащего уникальные сведения о ранней истории Новгорода, по меньшей мере, сомнительна [Толочко 2005: 196–245, Свердлов 2009: 76–93]. Заметим, что в более поздних работах А. А. Шахматова речь уже не идет о новгородском своде 1017 года, и летопись Иоакима как памятник начала XI в. не рассматривается.

Новгородский свод 1050 года. Следующий по времени создания новгородский летописный памятник, гипотетический свод 1050 г., появляется в построениях А. А. Шахматова в его монографии 1908 года («Разысканиях о древнейших русских летописных сводах»). Согласно выводам исследователя, в Новгороде еще в начале XI в. (около 1017 г.) были составлены краткие летописные записи, но впоследствии ведение летописи было прекращено и возобновилось лишь около 1036 г. [Шахматов 2002: 340–342]. Записи 1017 и 1036 гг. около 1050 г. вошли в состав обширного новгородского летописного свода, созданного по инициативе князя Владимира Ярославича и епископа Луки Жидяты по случаю окончания строительства каменного Софийского собора. Этот свод, согласно А. А. Шахматову, представлял собой переработку киев-

¹ Первое изд. см.: [Шахматов 1908].

ского Древнейшего свода 1039 г., дополненную новгородским материалом. В дальнейшем, согласно А. А. Шахматову, новгородский свод середины XI в. время от времени пополнялся новыми записями, а лишь после 1108 г. летописание в Новгороде стало вестись из года в год. Новгородский свод 1050 г. послужил, по Шахматову, источником для киевского Начального свода 1095 г. и для более поздних новгородских сводов, начиная с новгородского свода 1167 г. А. А. Шахматов осуществил реконструкцию текста новгородского свода 1050 г. с продолжением до 1079 г. [Шахматов 2002: 431–449].

Гипотезу о Новгородском своде 1050 г. с теми или иными коррективами и поправками в целом приняли многие исследователи летописания: Б. А. Рыбаков [Рыбаков 1963: 193–206], А. Г. Кузьмин [Кузьмин 1977: 362–382], А. А. Зимин [Зимин 1999: 140–141],¹ В. А. Кучкин [Кучкин 1995: 87–102], С. Н. Азбелев [Азбелев 2003: 5–27] и др. Однако высказывались и мнения о том, что новгородского свода 1050 г. (XI в.) вообще не существовало (В. М. Истрин, Д. С. Лихачев, М. Н. Тихомиров [Тихомиров 1962: 63] и др.). Некоторые авторы полагали, что в Новгороде XI в. велись не летописи, а отдельные записи (С. В. Бахрушин, М. Х. Алешковский, А. В. Поппэ, А. Накадзава [Накадзава 2006: 264–265] и др.).

Наиболее подробно рассмотревший этот вопрос Т. В. Гимон приходит к выводу, что шесть отдельных новгородских известий Синодального списка Новгородской первой летописи старшего извода (далее: НПЛ ст.), за 1045–1079 гг. — это краткие записи, делавшиеся в Новгороде в это время и не входившие в состав какого-либо более обширного памятника [Гимон 2014: 82–97]. Аргументы Т. В. Гимона в пользу того, что новгородское летописание XI в. представляло собой не целый самостоятельный свод, а лишь единичные записи, представляются не только убедительными, но и принципиально важными для интерпретации многих известий, ранее воспринимавшихся как древние и полностью достоверные. Весьма авторитетная и почтенная гипотеза, подробно обоснованная А. А. Шахматовым, теперь должна быть существенно скорректирована.

Начальный свод 1095 г. Этот летописный свод, существование которого являлось одной из краеугольных идей А. А. Шахматова, оказался наиболее авторитетной из его гипотез. Долгое время она не подвергалась пересмотру. Лишь сравнительно недавно появились ра-

¹ Время работы А. А. Зимина над этой монографией — 1950–1970-е годы.

боты киевской исследовательницы Т. Л. Вилкул, которая обосновала новый взгляд на историческое повествование Древней Руси, включающий принципиальный отказ от шахматовской концепции «Начального свода» 90-х гг. XI в. — предшественника текста «Повести временных лет» (далее: ПВЛ). По мнению исследовательницы, дошедший до нас текст Новгородской первой летописи младшего извода (далее: НПЛ мл.), в котором А. А. Шахматов видел отражение «Начального свода», сложился не в XI, а в XIV–XV вв. Этот пересмотр является стержнем монографии «Літопис і хронограф: Студії з текстології домонгольського київського літописання», в которой были разобраны проблемы, касающиеся шахматовских гипотез о Начальном своде и Хронографе [Вилкул 2015].

Исследовательница привлекла для анализа текст НПЛ мл. на тех участках, где он коррелирует с ПВЛ и заимствованиями из хроник, т.е. там, где обычно видели отражение новгородской летописью ранних киевских записей. В результате детального анализа Т. Л. Вилкул пришла к выводу, что текст НПЛ мл. не отражает более ранний этап летописания, чем ПВЛ, а наоборот, находится в зависимости от нее. В монографии убедительно показано, что шахматовский взгляд на текст НПЛ мл. как первичный по отношению к ПВЛ может быть по меньшей мере подвергнут сомнению. Вряд ли шахматовская гипотеза окончательно может быть сдана в архив, но киевская исследовательница создала целостную альтернативную концепцию, по сути дела, равнозначную той, которая кажется почти аксиомой для медиевистов.

Я думаю, что если верна предлагаемая Т. Л. Вилкул датировка «XIV–XV вв.» появления версии текста НПЛ мл., где Олег предстает не князем, а воеводой, то ее можно уточнить и говорить именно о первой половине XV в., когда на смену «лествичной» системе престолонаследия, «сеньорату», приходит новая — по нисходящей линии «от отца к старшему сыну», куда князь Олег уже никак не вписывается, и летописец вынужден делать его «воеводой» при сыне Рюрика, князе Игоре.

Летопись Кирика Новгородца 1136–1137 гг. Впервые о Кирике как о летописце заговорил А. А. Шахматов. В работе 1908 г. «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» он посвятил один из параграфов (134-й) обоснованию предположения, что Кирик был причастен к созданию годовых статей 6644/1136 и 6645/1137 гг. НПЛ ст.: Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Цернигова, от брата Всеволодка, мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ недѣлю, на сборъ свята Еуфимие, въ 3 час дне, а луне небеснѣи въ 19 день. Томъ же

лѣтъ, наставъши индикта 15, убиша Гюргя Жирославица и съ моста съвергоша...»; «Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Цернигова, от брата Всеволодка, мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ недѣлю, на сборъ святыя Еуфимие, въ 3 час дне, а луне небеснѣи въ 19 день. Томъ же лѣтъ, наставъши индикта 15, убиша Гюргя Жирославица и съ моста съвергоша...» [Новгородская первая летопись 1950: 24].

Аргументация А. А. Шахматова заключалась в следующем: не могли быть случайными совпадения записи 6644/1136 г. НПЛ ст. со временем, «когда Кирик писал свое Учение»; отмечались сложность календарного счета в летописной статье и в сочинении Кирика (счет календами, лунный день), а также трехкратное упоминание «индиктов» в летописных статьях 1136–1137 гг. при том, что «до этого 6644 г. индикты в Новгородской 1-й не обозначаются», а в следующий раз индикты упоминаются только под 6676/1168 г. Завершая свой краткий анализ текста НПЛ ст. под 6644/1136 и 6645/1137 гг., исследователь задался вопросом: «Не следует ли из этого, что Кирику принадлежали во владычном своде только записи 6644 и 6645 гг.?» [Шахматов 2002: 137–138].

Позже Е. Ю. Перфецкий предположил, что Кирик писал и обрабатывал новгородскую летопись на протяжении не только двух лет, как думал А. А. Шахматов, а на протяжении трех десятилетий (1130-е – 1160-е гг.) [Перфецкий 1922: 68–69].

Д. С. Лихачев надежно установил факт перехода ведения новгородского летописания от князя к владыке около 1136 г. Объяснение этого перехода он находил в изменениях в государственном управлении Новгорода в те же годы. Особенностью его исследовательского подхода было привлечение широкого историко-культурного контекста, свидетельствующего о синхронных переменах в новгородском искусстве, что явилось серьезным аргументом в пользу участия Кирика в создании нового владычного летописания [Лихачев 1944: 98–106, Лихачев 1948: 240–265¹].

Впоследствии В. Л. Яниным было уточнено, что изгнание Всеволода и приглашение Святослава было лишь этапом на пути трансформации княжеского правления в республиканское. Хотя этот процесс продолжался с конца XI до XIII в., все-таки смена летом 1136 г. на новгородском столе Мономаховича на Ольговича явилась бескомпромиссным примером реализации принципа «вольности в князьях», который именно в этом году, по словам В. Л. Янина, «окончательно восторжествовал» (курсив мой. — А. Б.) [Янин 2003: 88–106].

¹ Переизд.: [Лихачев 1986: 154–184]. См. также: [Бобров 2010: 128–141].

А. А. Гиппиус уточнил, что переход княжеского летописания в руки новгородского владыки мог произойти не в 1136 г., а в 1132 г., когда новгородцы с союзниками уже выгоняли из Новгорода князя Всеволода, но через недолгое время позвали обратно. По мнению А. А. Гиппиуса, вклад Кирика был не столь велик, поскольку замены «Повести временных лет» на Начальный свод вообще не было, и в новгородском летописании уже находился Киево-Печерский свод 1095 г. с продолжением до 1115 г. Но исследователь признает, что переход от княжеского свода к владычному осуществил именно Кирик. А. А. Гиппиус считает, что «предполагаемый Д. С. Лихачевым механизм превращения софийской летописи из княжеской во владычную в связи с изменением статуса св. Софии кажется вполне правдоподобным. Оправдано и отнесение этого преобразования к 30-м гг. XII в. Действительно, если в статье 6638 (1130) г. еще чувствуется рука княжеского летописца, то уже через шесть лет, в статье 6644 (1136) г. в летописи обнаруживает свою редкостную календарно-астрономическую осведомленность Кирик — автор «Учения о числах» и приближенный епископа Нифонта» [Гиппиус 1997: 40–41].

В качестве дополнительного соображения в пользу гипотезы Шахматова-Лихачева о роли Кирика Новгородца в реформе новгородского летописания могут быть более подробно рассмотрены «аргументы индиктов». В статье 6644 г. впервые в новгородском летописании индиктом датируются не сакральные события церковной истории или торжественное вокняжение, а бурные события политической жизни. Такое явление мы видим в статье 1136 г. («Томъ же лѣтѣ наставъшу индикту 15»), когда сообщается об убийстве «Гюргя Жирославиця», а также в статье 6645/1137 г., индикт 15, где говорится о переходе посадника Константина на сторону князя Всеволода. Далее следует перерыв более чем в тридцать лет, и индикт появляется только в следующих статьях: 6676/1168 г., индикт 1, приглашение князя Романа Мстиславича; 6686/1178 г., индикт 10, смерть князя Мстислава Ростиславича, вокняжение его брата Ярополка. Далее индикты появляются только в дополнительных записях Синодального списка XIV в. Таким образом, датировка по индиктам в раннем новгородском летописании была достаточно редкой.¹ Трехкратное упоминание «индикта» в двух

¹ В семи из восьми случаев упоминание «индиктов» в НПЛ ст. оказалось сокращенным в НПЛ мл., в которой есть только два случая упоминания индиктов, и оба — в известиях о торжественных церковных событиях: 2 мая 6623/1115 г., индикта 8 — перенесение мощей Бориса и Глеба (есть и в НПЛ ст.); 6842/1334 г., индикта 2 — поездка новгородского архиепископа Василия Калики к митрополиту во Владимир.

годовых статьях 1136 и 1137 гг. на фоне исключительной редкости таких упоминаний в новгородском летописании убеждает в том, что, вопреки сомнениям некоторых исследователей, что эти статьи писал Кирик Новгородец, автор «Учения» 1136 г., в котором находился целый раздел, посвященный индиктам.

О тождестве летописца и Кирика также говорят: использование в статье 1136 г. весьма редкого в новгородском летописании указания на точный час описываемого события (все такого рода упоминания в Новгородской I летописи младшего извода сокращены как избыточные); указание в летописной статье лунного дня, подробно рассмотренного Кириком; уникальное для раннего летописания использование хронологического термина «каланда». Интерес к единицам измерения времени, в том числе необычным, и схожее использование их обозначений являются очень убедительными аргументами в пользу отождествления летописца и автора «Учения о числах».

Таким образом, гипотезы А. А. Шахматова о раннем новгородском летописании имеют различную судьбу в последующей научной традиции. Мысль о Своде 1017 г., судя по всему, была оставлена самим автором, но ее подхватили сторонники древности «татищевской» Иоакимовской летописи. Гипотеза о Своде 1050 года долгое время считалась авторитетной и в неё вносились лишь уточнения (состава и датировки), но в последнее время Т. В. Гимон в своих исследованиях ее практически опроверг. Начальный свод 1095 г. (киевский по происхождению, но новгородский по бытованию) до сих пор упоминается в основных учебниках и обзорах по истории древнерусской литературы, однако серьезную альтернативную точку зрения высказала Т. Л. Вилкул. До конца дискуссии здесь еще далеко. Наконец, соображения А. А. Шахматова о Кирике Новгороде как о летописце, авторе статей 1136 и 1137 гг., нашли впоследствии полное подтверждение.

Как бы ни складывалась дальнейшая судьба шахматовских гипотез, они сыграли свою стимулирующую и плодотворную роль в истории науки, побудили последующие поколения ученых к углубленным разысканиям, невозможным без учета и осмысления основополагающих трудов создателя отечественной текстологии.

Сокращения

НПЛ мл. — Новгородская I летопись младшего извода

НПЛ ст. — Новгородская I летопись старшего извода

ПВЛ — Повесть временных лет

Литература

- Азбелев С. Н.* К изучению Иоакимовской летописи // Новгородский исторический сборник. 2003. Вып. 9 (19). С. 5–27.
- Бобров А. Г. Д. С.* Лихачев как исследователь новгородских летописей (Диссертация «Новгородские летописные своды XII века») // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 128–141.
- Вілкул Т. Л.* Літопис і хронограф. Студії з домонгольського ківського літописання. К., 2015.
- Вовина–Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 210–227.
- Гимон Т. В.* Новгородское летописание XI — середины XIV в. как социокультурное явление. Дисс. ... доктора исторических наук. М., 2014. URL: http://www.igh.ru/upload/information_system_8/6/3/4/item_634/gimon-dissertazia.pdf (дата доступа 26.05.2015).
- Гитиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской Первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
- Зимин А. А.* Правда Русская. М., 1999.
- Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- Кучкин В. А.* «Съ тоя же Каялы Святоплъкъ...» // *Russia Mediaevalis*. 1995. Vol. 8. № 1. Р. 87–102.
- Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки. 1948. Т. 25. С. 240–265.
- Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 154–184.
- Лихачев Д. С.* Новгородские летописные своды XII в.: (Автореферат) // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1944. Т. 3. Вып. 2–3. С. 98–106.
- Лурье Я. С.* О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976. С. 87–107.
- Накадзава А.* Исследования новгородских и московских летописей XV века. Тояма, 2006.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.
- Перфецкий Е. Ю.* Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922.
- Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963.
- Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009.
- Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. Вып. 1. М., 1962.
- Толочко А. П.* «История российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.–Киев, 2005.
- Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древ-

нейших русских летописных сводах. СПб., 2002.

Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003.

Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде // Чтения ОИДР. 1897. Кн. 3. Отд. 3. С. 1–58.

Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. Ч. 332. С. 183–188.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.

**Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии
(к интерпретации летописной статьи 6604 г.)**

Статья 6604 (1096) г. «Повести временных лет» (ПВЛ) принадлежит к числу тех узловых фрагментов текста, которые, собирая в себе, как в фокусе, спорные проблемы истории начального летописания, становятся полем испытания различных концепций этой истории. Новым свидетельством неугасающего исследовательского интереса к данному повествованию стали опубликованная в IX томе киевского альманаха «Ruthenica» статья И. Н. Данилевского [Данилевский 2010: 7–17] и отклик на нее в виде заметки А. П. Толочко [Толочко 2011: 224–227], помещенной в следующем выпуске издания. Смысл этих публикаций, если резюмировать его одной фразой, состоит в окончательном опровержении попытки А. А. Шахматова использовать слова летописца о слышанном им «преже сихъ 4 лѣтъ» рассказе новгородца Гюряты Роговича для обоснования гипотезы о «3-й редакции» ПВЛ 1117/1118 гг. Оба автора уверены в том, что в обсуждении вопроса о значении этого хронологического указания можно ставить точку, а на трактовке его А. А. Шахматовым — жирный крест.

Цель настоящей работы — показать, что эта уверенность преждевременна и базируется на ряде ошибочных положений, меж тем как шахматовская трактовка знаменитой фразы сохраняет свою объяснительную силу в рамках современного представления о редакции 1117 г.

Прежде, чем обратиться непосредственно к дискуссионному пассажи, бросим взгляд на общую композицию статьи, точнее, ее центральной части, содержащей рассказ о набеге половцев на Киево-Печерский монастырь и комментарии к нему. Эта часть статьи отчетливо распадается на три фрагмента: **А)** собственно рассказ о нападении на монастырь (до слов: «безбожнии сынове Измаилеви пущени на казнь хрестьяномъ»); **В)** этно-генеалогический экскурс о происхождении половцев (до слов: «И по сихъ 8 колень к кончине вѣка изидуть заклепени в горе Александром Макидонскимъ нечистыя челоувѣкы»); **С)** изложение беседы летописца с Гюрятой Роговичем о заточенном в горе «на полунощныхъ странахъ» диком народе.

Общеизвестно, что во фрагментах **В** и **С** летопись использовала

апокрифическое *Откровение* Мефодия Патарского. В меньшей степени отрефлектирован в научной литературе тот факт, что *Откровение* послужило источником и для фрагмента А. Понятно, что именно к нему восходит само именование половцев «сынами Измаиловыми». Но не только оно. Объединив описание набега половцев на Печерскую обитель с описанием половецкого нашествия 1093 г. (для чего литературная однородность этих текстов дает все основания), можно указать целый ряд моментов, в которых летописный текст обнаруживает зависимость от *Откровения*. Эта зависимость проявляется не в прямой цитации (что особенно заметно на фоне обильного цитирования в тех же статьях Священного писания)¹, но в общей аранжировке рассказа и комментария, использующих ряд мотивов, заимствованных из описания нашествия измаильтян у Псевдо-Мефодия. Это и описание опустевших городов и разоренной земли, и образ скорбного пути, которым идут пленники, и мысль о том, что Бог навел на землю язычников не из любви к ним, но за грехи живущих на земле, и трактовка нашествия как испытания, которому Бог подвергает верных, как «огня искушения», призванного «отделить избранных».

<p>Откровение Мефодия Патарского первый перевод, Берлинский сборник XIV в.</p>	<p>ПВЛ, Ипатьевская летопись [ПСРЛ. Т. 2 1908: 213–214]</p>
<p>И прѣдана бжде(т) земѣ перскаа въ тлж и въ пагоубж, и живѣще на неи въ плѣнь ведѣни бж(д)тъ и исѣчени [Берлински сборник 2008: 310–311].</p>	<p>ови ведутся полоненѣ, а друзии посѣкаеми бывають (1093)</p>
<p>И наре(ч)т са пжтъ ихъ пжтъ печаль, поиджтъ по немуо старца и старицж, богат-и убозы, альчни и жжж(д)ни извазано [Берлински сборник 2008: 314].</p>	<p>Половцѣ же, приемше градъ, запалиша огнемъ, и люди разделиша и ведоша я у вежѣ к сердоболямъ своимъ и сродникомъ своимъ; мучими зимою и оцѣпляемъ, у альчбѣ и в жажѣ и в бѣдѣ, побледѣвши лица и почернивше телеса, незнаемою странюю, языкомъ испаленомъ, нази ходяще и бося, ноги имуще избодены терньемъ (1093).</p>
<p>и посѣчена бж(д)тъ дрѣвеса лжжнаа неплодиемъ, и доброта горь погыбнетъ, и гради впоустѣжтъ, и бждетъ земѣ непроходна запустѣниемъ ѿ члвкъ [Берлински сборник 2008: 315].</p>	<p>И градъ вси опустѣша, и переидѣмъ поля, идѣже пасома быша стада: конѣ, овцѣ и волове, се все тще нынѣ видим, нивы порожъше (в др.поростъше) стгять, звѣремъ жилище быша (1093)</p>

¹ Анализ этих цитат см. в работах: [Дорошенко 2007: 370–382, Лаушкин 2013: 76–86].

<p>а си ходити начноуть оутворишесе акы зетие и хвалити са начнѣтъ глѣще. погыбоше кр(с)тиѣне ѿ рѣкъ нашихъ [Берлински сборник 2008: 321]</p>	<p>тѣмже и глаголаху: «Гдѣ есть Богъ ихъ, да поможетъ имъ и избавитъ я отъ насъ?» И ина словеса хулная глаголаху на свѣтыя иконы, насмихающесе (1096)</p>
<p>Ре(ч) бо Гѣ къ Излю: ви(д)ши, не любве твоѣ ради въвож(д)ж тѣ на землѣ общаниѣ прѣети ж, нѣ грѣ(х) ради живѣщихъ на неи тако имъ створѣ. Також(д)е и сномъ Измаиловомъ ре(ч): <u>не любѣ бо ихъ да(с) имъ силѣ, да прѣимѣтъ кр(с)тиѣнскѣж землѣ, нѣ грѣ(х) ради и безаконей многихъ</u> [Берлински сборник 2008: 309].</p>	<p>Се на ны Богъ пусти поганяя, <u>не милуя ихъ, но насъ казня</u>, да быхом ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ (1093).</p>
<p>Чесо дѣла же прозритъ Бѣ вѣрныхъ людеи подѣжти толикѣ печаль? Не дали са ѿлжчатъ вѣрны и невѣрны и ѿлжчитъ са плевѣль ѿ ныхъ? Занеже угнь искушение врѣ(м) то, и трыпитъ Гѣ праведны(х) ради и невѣрны(х), да са ѿлжчатъ избрании.</p>	<p>Богъ казнить рабы своя напастьми и ратьми, да явятся яко злато искушено у горьнилѣ... (1096)</p>

Рассмотренные по отдельности, эти элементы, возможно, не дали бы надежного основания предполагать использование «Откровения» в качестве литературного образца. Но, располагая «тематическим ключом» в виде сочетания «сынове Измаилеви» в конце фрагмента, мы можем смело трактовать их именно таким образом.

На переходе к фрагменту **В** характер изложения резко меняется. Оттолкнувшись от последней фразы фрагмента **А**, летописец дает справку о происхождении половцев, теперь уже прямо апеллируя к Мефодию Патарскому как авторитетному источнику по этнической генеалогии¹. Эмоциональную, проникнутую пророческим воодушевлением речь проповедника сменяет деловитый «академический» дискурс с полемическими выпадами в сторону оппонентов, видящих в половцах «сынов Амоновых». Характер ученой справки имеет и указание на то, что по выходе из пустыни восьми колен измалътян, «к кончине века», имеет явиться и нечистый народ, заточенный в горе Александром Македонским.

Упоминание «нечистых человек» дает почву для еще одного экскурса, выдержанного, однако, в совершенно ином ключе: следует занимательное изложение беседы летописца с Гюрятой Роговичем, в которой текст «Откровения» используется иначе, чем в первом и вто-

¹ Специально об этом экскурсе см.: [Карпов 1994: 7–26, Ведюшкина 2000: 53–58].

ром фрагментах — в виде обширной выдержки из него.

Таким образом, в трех смежных фрагментах статьи 1096 г. мы встречаемся с тремя разными риторическими стратегиями, и одновременно — разными формами привлечения одного и того же источника.

Эта литературная гетерогенность сама по себе ничего не говорит об истории текста — смена повествовательного модуса вполне может происходить и под пером одного и того же книжника, что и предполагают многие писавшие на эту тему.

На присутствии в статье 1096 г. разновременных напластований настаивал, как известно, А. А. Шахматов. Согласно его концепции, фрагменты **А** и **В** читались в Сильвестровской редакции ПВЛ, тогда как фрагмент **С** появился в той редакции, которую Шахматов сначала называл «второй», а позже «третьей», датируя ее 1117 или 1118 г. Основания для текстологического противопоставления этих фрагментов Шахматов видел, во-первых, в смысловых противоречиях между ними, и, во-вторых, в выражении «преже сих 4 лѣтъ», которое понимал как «четыре года назад», по отношению ко времени работы летописца. Считая, что беседа с Гюрятой имела место в 1114 г., во время поездки летописца в Ладогу, и отсчитывая 4 года от этой даты, Шахматов получал 1118 г., которым и датировал составление «третьей редакции» [Шахматов 2003].

Что касается противоречий между двумя фрагментами, то их, как мы увидим ниже, в действительности нет. С фразой про «четыре лета» дело обстоит значительно сложнее. Трактовка ее Шахматовым много раз критиковалась, как и гипотеза «третьей редакции» в целом. После работ В. М. Истрина [Истрин 1923: 45–102, Истрин 1924: 207–251], Л. Мюллера [Müller 1967: 171–186], О. В. Творогова [Творогов 1997: 203–209] и А. Тимберлейка [Timberlake 2000: 219–238] это построение казалось к началу XXI в. окончательно отвергнутым текстологией начального летописания. Установившийся было негативный консенсус нарушила наша работа 2007 г. [Гиппиус 2007: 20–44, Гиппиус 2008: 3–24], в которой было показано, что

1) центральный аргумент против шахматовской гипотезы — присутствие так называемой «ладожской» версии рассказа о Рюрике не только в Ипатьевской, но и в Радзивиловской летописи — исходил из упрощенного понимания структуры рукописной традиции ПВЛ, не учитывавшего контаминированного характера радзивиловского текста;

2) идея «постсильвестровской» редакции 1117 г., адаптирован-

ная к современной трактовке соотношения ПВЛ и Начального свода¹, освобождается от противоречий, присущих гипотезе Шахматова в ее оригинальном виде, и сохраняет объяснительную силу.

Представленная в нашей работе аргументация до сих пор не встретила системных возражений и заставила одного из наиболее последовательных критиков Шахматова, Л. Мюллера, изменить свою точку зрения. В своей последней прижизненно опубликованной работе Л. Мюллер согласился с тем, что редакция ПВЛ 1117 г. существовала [Müller 2008: 86–99].

Между тем, критика шахматовского построения в его оригинальной форме далеко не сошла на нет. Именно это направление представляет уже упомянутая статья И. Н. Данилевского с красноречивым названием «“Сии 4 лета”: когда они наступили?». Работа Данилевского, по оценке А. П. Толочко, «не только подводит итог столетней дискуссии вокруг этого предложения, но и предлагает совершенно удовлетворительную разгадку смысла сказанного автором Повести» [Толочко 2011: 219]. Посмотрим, в чем заключается эта разгадка, проследив за ходом рассуждения современного оппонента А. А. Шахматова.

Присоединяясь к скептикам, считающим неубедительным предложенное Шахматовым толкование знаменитой фразы, И. Н. Данилевский отмечает, что принятие этого толкования порождает неустранимое противоречие, сознававшееся сами Шахматовым:

«В обоих отрывках [“первый, сообщающий о приходе половцев, торков, печенегов и торкменов, и второй, сообщающий о приходе других полунощных народов”] повторяются одинаковые фразы, доказывающие пользование Откровением Мефодия Патарского, но в первом отрывке народы, “заклепанные” Александром Македонским, представлены уже вышедшими из заточения, это — торкмены, печенеги, торки и половцы, между тем, как во втором отрывке югра рассказывает о каком-то народе, заточенном в горах, откуда он не может высвободиться, — этот народ и отождествляется с “заклепанными” Александром Македонским народами, но они еще не высвободились из заточения» [Шахматов 2003: 510].

По мысли И. Н. Данилевского,

«[п]ри отказе [...] от признания точкой отсчета 4-х лет от

¹ Под современной трактовкой этой проблемы мы понимаем восходящую к М. Х. Алешковскому и развитую нами и А. Тимберлейком идею, согласно которой в основу составленной в 1013–1016 гг. ПВЛ лег Киево-Печерский свод начала 1090-х гг. вместе с продолжившей его погодной летописью (см.: [Алешковский 1971, Гиппиус 1997: 50-51, Timberlake 2000].

1117/1118 (или от 1096) г. отмеченное А. А. Шахматовым “противоречие” исчезает само собой: рассказ Гюряты Роговича объясняет теперь летописцу, что народы, пришедшие на Русь, и есть те самые “нечистые челове́кы”, о которых ему рассказывал отрок, вернувшийся от югры, и о которых предупреждал Мефодий Патарский. Другими словами, предсказание о пришествии “челове́ков”, “заклепанных” Александром Македонским, свершилось. Остается только ждать конца света, поскольку, согласно Откровению Мефодия Патарского, они вырвутся из заточения “въ послѣдняя же дньи на сконьчание мира — и от лица их смятутся челове́цы и начнутъ бѣгати и крытися в горах и в пещерах...”» [Данилевский 2010: 13].

Подтверждение своей мысли И. Н. Данилевский находит в конце сокращенной нами цитаты:

«и истлять землю и осквернять ю, и не будет терпяшаго на неи прорекуть вси людие въ 3 лета [выделено мною — *И. Д.*] да иж и до Иеросалима, и послеть Господь Богъ архистратига своего Михаила и посечеть их ношию на оудоли Асафатове» [ibid.: 13].

«Собственно, в этом и кроется смысл “этих четырех лет”», — заключает Данилевский, очевидно, имея в виду трехлетний срок, отведенный цитируемым источником на владычество Гога и Магога. Этот срок играет в рассуждении исследователя чрезвычайно важную роль, сопоставляясь с двумя другими трехлетними периодами. Это: 1) три с половиной года, которые освободившийся Сатана, согласно *Разрешению неизреченнаго откровения*, приписываемому Ипполиту Римскому, будет прельщать мир, и 2) те три года, о которых югорцы говорили Гюряте Роговичу: «Дивно находимъ мы чудо ново, егоже нѣсмь слыхали преже сихъ лѣтъ, се же нынѣ третье лѣто поча быти».

Это «третье лето, — пишет Данилевский, — явно входит в общий срок, прошедший с момента, когда летописец услышал рассказ Гюряты, и не должно плюсоваться к нему» <...> «Предсказание о «нечистых человеках» летописец слышал от Гюряты четыре года назад — и вот уже третье лето, как предсказания начинают сбываться...» [ibid.: 17].

«Сии 4 лѣта», совмещающие в себе перечисленные сроки и обнимающие период с 6601 по 6604 г., понимаются исследователем как время, предшествующее концу света, чем, по его мнению, объясняется и насыщенность этого периода, каким его рисует летопись, разного рода дурными предзнаменованиями. Как заключает И. Н. Данилевский, «[в] таком контексте упоминание “сих 4 лет” в пересказе разговора летописца с Гюрятой Роговичем практически полностью утрачивает значе-

ние аргумента, который может использоваться при установлении даты создания очередной редакции Повести временных лет, зато приобретает вполне ясный эсхатологический смысл, еще раз подтверждая гипотезу об общей ориентации древнерусского летописания на “последние времена”» [ibid.: 15–16].

Такова общая схема рассуждения И. Н. Данилевского. Прокомментируем теперь его отдельные составляющие.

Не подлежит сомнению, что указанное Шахматовым противоречие между двумя фрагментами с упоминанием народа, заточенного в горе Александром Македонским, в действительности — мнимое. На самом деле в первом фрагменте, как и во втором, этот народ не отождествляется с вышедшими из пустыни измаильтянами, но противопоставляется им. Аналогичным образом, идентифицируемых с измаильтянами половцев, чье нашествие есть уже свершившийся факт, летописец никоим образом не отождествляет с «заклепанным» народом из рассказа Гюряты¹.

Трудно сказать, что вызвало ошибку Шахматова. Удивительно однако, что именно это ошибочное положение как раз и разделяет И. Н. Данилевский, утверждая, что для летописца «народы, пришедшие на Русь, и есть те самые “нечистые челоѡѡки”, о которых ему рассказывал отрок, вернувшийся от югры». Впрочем, здесь же выясняется, что «остается только ждать конца света», когда «они вырвутся из заточения». Значит, «заклепанные» народы еще не вырвались из заточения? Тогда в чем же заключается их «пришествие на Русь»? Если Шахматов просто ошибся, констатировав несуществующее противоречие в источнике, то утверждения И. Н. Данилевского противоречивы сами по себе.

Говоря, что нашествие «нечистых народов» продлится, по «Откровению» Мефодия Патарского, три года, И. Н. Данилевский, по видимому, не отдает себе отчета в том, что текст памятника цитируется им по так называемой интерполированной редакции, один из списков которой воспроизведен в использованной публикации В. В. Милькова. Хотя датировка этой редакции остается дискуссионной, совершенно ясно, что в ПВЛ была использована не она, а один из древних переводов «Откровения». Это принципиально важно, поскольку трехлетний срок нашествия Гога и Магога упоминается только в интерполированной редакции; в древнейшем же («первом», по В. М. Истрину) переводе избиение архангелом «нечистых народов» происходит «по недѡлных же лѡтѡхъ» (во «втором» переводе: «по

¹ О значимости противопоставления этих двух фаз апокалиптических нашествий см.: [Гарькавый 1998: 87–89].

седморицнѣмъ времени», греч.: μετὰ οὖν ἑβδομάδων χρόνων) [Истрин 1897: 44, 97 (вторая пагинация)]¹.

Странным парадоксом выглядят слова И. Н. Данилевского о том, что три года, на протяжении которых югра, по ее словам, наблюдала удивительное явление, входят в четыре года, прошедшие с момента разговора летописца с Гюрятой. Это утверждение сделано в полемике с точкой зрения А. Ю. Карпова, также предполагающим эсхатологический смысл обоих сроков, однако совершенно иной:

«Не исключено, — пишет А. Ю. Карпов, — что и указание на “третье лето”, в течение которого Югре является зловещее знамение, также несет эсхатологическую нагрузку. Летописец подчеркивает, что слышал рассказ Гюряты “преже сих 4 лет”; значит, со времени начала расшатывания “северных врат” прошло уже 7 лет — а ведь, согласно “Откровению” Мефодия Патарского и “Сказанию” Ипполита Римского, мир “седморичен”: и торжество измаильтян, и их поражение в войне с “греческим царем”, и власть над миром Гога и Магога, и царствование антихриста должны продлиться кратное семи число лет или ровно семь лет» [Карпов 2002: 11].

Совершенно очевидно, что в оценке соотношения двух сроков прав А. Ю. Карпов, а не И. Н. Данилевский. И дело даже не в том, что время Псевдо-Мефодия действительно «седморично», но в том, что летописный текст в данном месте не содержит и тени двусмысленности: югорцы наблюдали шум в горе третий год к моменту, когда рассказывали об этом отроку Гюряты; разговор же Гюряты с летописцем, явно имевший место после поездки отрока, состоялся за четыре года до момента, являющегося точкой отсчета (где бы ни полагать эту точку отсчета — в 1096 или 1117 г.) Никакой иной возможности, кроме как «плюсовать» один срок к другому, летопись не дает — если только не считать что ее время течет в обратную сторону.

Что же касается «сихъ 4 лѣтъ», в которых И. Н. Данилевский видит особое, эсхатологически отмеченное время, вынося данное сочетание в название своей статьи, то в тексте это атрибутивное слово-

¹ А. П. Толочко, развивая ошибку И. Н. Данилевского, пишет: «Согласно Мефодию, выйдя из заточения, “нечистые” народы будут бесчинствовать в течение трех лет, после чего – в четвертое лето – наступит конец света. Весьма сходное толкование имеется и у Ипполита Римского, указывающего на “три с половиной года”» [Толочко 2011: 225]. В действительности в интерполированной редакции «Откровения» трехлетнее нашествие «нечистых» народов выступает лишь как одна из фаз, предшествующих концу света, что не дает никаких оснований отождествлять этот период с теми тремя с половиной годами, о которых идет речь у Псевдо-Ипполита. Совмещение этих эсхатологических сроков происходит лишь в воображении исследователей.

словосочетание как таковое отсутствует. Как видно из материала, приведенного в 8-м томе «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» (статья «преже»), конструкция «преже сихъ 4 лѣтъ» представляет собой контаминацию двух генитивных конструкций: «преже сихъ» ‘до этого’ и «преже 4 лѣтъ» ‘за четыре года’ [СДРЯ XI–XIV 8: 136]. Точная параллель к рассматриваемому обороту, обнаруживаемая в «Житии Феодосия Печерского» — «преже сихъ .д. лѣт. видѣхомы и въ нашемъ градѣ ходаща» — означает всего лишь ‘четыре года назад’¹, то есть имеет в точности то же значение, какое приписывал А. А. Шахматов летописному выражению.

Как видим, построение И. Н. Данилевского, заставляющее, по мнению автора, окончательно оставить шахматовское понимание знаменитой фразы, и — не по этой ли причине? — воспринятое А. П. Толочко как «совершенно удовлетворительное» решение вопроса, оказывается на поверку сотканным из противоречий, недосмотров и прямых ошибок.

Сказанное не означает, разумеется, что мы считаем несостоятельной саму попытку прочтения спорного хронологического указания в эсхатологическом ключе. Эксплицитный эсхатологизм рассказа Гюряты в принципе оправдывает поиск отражений того же умонастроения в отдельных элементах повествования. Весьма важным в этом отношении представляется уже приведенная мысль А. Ю. Карпова о возможной эсхатологической нагруженности сочетания трех- и четырехлетнего сроков, дающих в совокупности семь лет. Семантическую однородность этих временных указаний

¹ А не ‘за четыре года до этого’, как переводит А. П. Толочко, считая, что в летописи отсчет идет от даты (1096), под которой записан рассказ Гюряты [Толочко 2011: 226]. Исследователь ссылается также на близкое сочетание, приведенное в словаре Ф. Миклошича из сербского Патерика XIV в.: «преже сихъ четырехъ дньехъ» [Miklosich 1972: 728]. Благодаря любезности Й. Райнхарда, проверившего данное место по рукописи (Vindob. slav. № 42), мы можем привести цитату более полно: «и въ друугыи (днь) расточи иманіе свое оубогымъ. и въ третій изыде съ мною въ поуустыню. и прѣбысть съ мною .д. лѣта въ съвршенѣмъ послушаніи, и нѣ о ги сконча се прѣжде сихъ четырехъ дньехъ» (л. 108 об., а 8–9). По сообщению Й. Райнхарда, в другом списке того же текста, читаемом в рукописи Зографского монастыря № 80, представлен вариант, структурно идентичный летописному: «прѣжде сихъ четырехъ дний» [Николова 1980]. Как видим, и здесь, как и в Житии Феодосия, формула ориентирована на момент речи рассказчика: ‘скончался четыре дня назад’. Это не означает, конечно, что *сихъ* в данной конструкции не может относиться ко времени описываемых событий — теоретически, такая возможность имеется. Мы констатируем лишь, что обе до сих пор выявленных точных параллели к летописному обороту имеют то значение, какое предполагал за ним А. А. Шахматов. Между тем, параллель из статьи 1169/6678 Лаврентьевской летописи, приведенная А. П. Толочко («слышахо^н бо през трии лѣ^т бывшеи знаменье Новѣгородѣ»), не содержит местоимения *сихъ*, что делает ее неполной. С другой стороны, сочетание *преже трии лѣтѣ* относится здесь, скорее, не к *слышахо^{мъ}*, а к причастию *бывшее* (‘мы слышали о чуде, бывшем за три года до этого в Новгороде’).

подчеркивает параллелизм оформления, ср.: «яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ» и «егоже нѣсмы слыхали преже сихъ лѣтъ, се же нынѣ третее лѣто поча быти». Похоже, что для летописца было действительно важно донести до читателя мысль, что с момента начала «расшатывания врат» нечистыми народами прошло почти семь лет.

Откуда же следует отсчитывать эти семь лет? При выборе в качестве точки отсчета 1096 г., искомый момент приходится на ничем в интересующем нас плане не примечательный 1190 (6598) г. Преждевременной выглядит при этом и готовность Гога и Магога вырваться на просторы ойкумены еще до того, как вступило в свою кульминационную фазу нашествие «измаильтян».

Совсем иной результат дает отсчет от 1117 г. Годом начала семилетней активности заключенного в горе народа оказывается в таком случае 1111 — год победоносного похода русских князей на половцев, представленного в ПВЛ как великая победа христиан над «погаными». В композиции «Откровения» эта победа находит очевидный «прототип» в виде победы анонимного «греческого царя» над измаильтянами. За ней, согласно Псевдо-Мефодию, должен наступить период абсолютного благоденствия и мира, чреватого, однако, финальной катастрофой:

«И бжде(т) на земли тихость велика, **ѿ**ка же нѣ(с) была николиже, ни бждеть потом, **ѿ**ко последнаѿ е(с) година **Ѹ**же и на конецъ вѣка. И бждеть на земи веселие велие и жити начнѣ(т) члвци миромь, и начнѣ(т) творити градовии, и **Ѹ**празнет сѧ попове **Ѡ** бѣдѣ своихъ. И то е(с) мирь, еже ре(ч) ап(с)ль Павель проповѣда гл҃а: ег(д)а рекѣ(т) мирь твердь, тогда внезапно**ѿ**падет на нѧ пагоуба и погыбѣль. **ѿ**ко же и Гб в еу(г)ли ре(ч): **ѿ**ко же въ дни Ноевы бѣхѣ чловци **ѿ**адѣще и пиѣще и посагаѣще, тако бждеть въ послѣдни днѣ. Въ тыж **Ѹ**бо днѣ бж(д)тъ члвци живѣще миромь на земи, и не бжде(т) на срдци имь страха ни **Ѡ** когоже ни печали. Тогда **Ѹ**бо **Ѡ**врѣзѣт сѧ сѣверскаѿ врата, и изыдетъ сила **Ѹ**зыкь, иже бѣхѣ заключени въ внѣтрней пѣстыни, и подвижит ся земь **Ѡ** лица ихъ...» [Берлински сборник 2008: 323].

В полном соответствии с этой схемой, семилетнее «расшатывание врат» происходит — если принять точку зрения Шахматова — не на фоне «лихих 1090-х», но напротив, в период затишья, принесенного победой 1111 г. Именно поэтому в изображении летописца оно выглядит особенно зловеще, встраиваясь в апокалиптическую перспективу «Откровения»¹.

¹ Видя в победе над половцами точку отсчета эсхатологической «седмицы», истекавшей в год создания редакции 1117 г., невозможно пройти мимо того обстоятельства, что в

Как видим, прочтение в эсхатологическом ключе хронологических указаний, содержащихся в изложении летописцем его беседы с Гюрятой Роговичем, не только не опровергает шахматовской трактовки эпизода, но напротив, отлично согласуется с нею.

Отвлекаясь от эсхатологии, хотелось бы обратить внимание на еще одно обстоятельство, также, косвенным образом, подтверждающее идею Шахматова. Гюрята Рогович, отправивший отрока за югорской данью, давно и с полным основанием отождествляется с посадником Гюрятой, известным по летописным спискам новгородских магистратов. Имя Гюряты стоит в этих списках десятым и принадлежит к группе имен, лишенной точных хронологических привязок и ограниченной именами Остромира, погибшего в 1057 г., и Добрыни, умершего в 1117. В эту группу входят восемь имен: Завид, Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула [Новгородская первая летопись 1950: 164]. В литературе обсуждались два варианта распределения сроков посадничества названных лиц в указанном хронологическом интервале. Согласно первому, Завид занял свой пост вскоре после Остромира, его сменил Петрята и т. д. [Молчанов 1974: 81–87]. Согласно второй гипотезе, обоснованной В. Л. Яниным, Завид был посадником при юном Мстиславе Владимировиче в конце 1080-х — начале 1090-г. [Янин 2003: 84–87]. В таком случае он и его преемники до Добрыни включительно находились на посадничестве в общей сложности около тридцати лет, а не около шестидесяти, что предполагает первая гипотеза.

Большинство исследователей в настоящее время отдают предпочтение второй возможности [Дубровин 2007: 45–59]. Выбор же ее автоматически означает, что Гюрята, седьмой в списке после Завида, никак не мог быть посадником в начале 1090-х гг.; посадничество же его в 1113 г. (когда, согласно нашим выкладкам, отрок Гюряты ездил в Югру за данью) оказывается, напротив, вполне вероятным.

В заключение вернемся к общей композиции статьи 6604 г., с которой мы начали свой анализ. В ней, как мы видели, выделяются три участка (А, В, С), в литературном отношении существенно

интерполированной редакции «Откровения Мефодия Патарского» легендарный греческий царь, полагающий конец владычеству измаильтян, носит имя Михаил. Именно так, как известно, звали в крещении Святополка Изяславича, предводительствовавшего русскими войсками в походе 1111 г. Хотя в древнем переводе «Откровения», использованном в ПВЛ, это имя, скорее всего, отсутствовало, оно представлено в цикле болгарских историко-апокалиптических сочинений XI в. («Видении Даниила», «Толковании Даниила», «Сказании Исая пророка») и, в принципе, вполне могло быть известно и на Руси (см. [Тъпкова-Заимова, Милтенова 1986: 66–68]). О роли эсхатологических ассоциаций в восприятии на Руси фигуры Михаила-Святополка Изяславича см. также: [Котышев 2012: 47–51].

отличных один от другого. Как я пытался показать, фрагмент С есть все основания, вслед за Шахматовым, считать дополнением редакции 1117 г. Что же касается первых двух, то они, на наш взгляд, могут и должны быть соотнесены с двумя предшествующими этапами складывания Начальной летописи, а именно: фрагмент А (описание половецкого набега на Печерский монастырь) принадлежит погодной Киево-Печерской летописи, которой был продолжен созданный в начале 1090-х гг. Начальный свод, а фрагмент В, содержащий экскурс о происхождении половцев, был написан составителем основной редакции ПВЛ, работавшим между 1113 и 1116 гг.

К такой стратификации подталкивает не только литературная разнородность двух фрагментов, но и стилевые и содержательные связи каждого из них с другими текстами в составе ПВЛ. Фрагмент А, как уже говорилось, не отделим от описания половецкого нашествия 1093 г., и, как и он, явно написан по горячим следам событий. В свою очередь, построение фрагмента В находит ближайшие соответствия в этно-географическом введении, которое, в его известном нам виде, есть все основания считать появившимся на этапе составления ПВЛ. Особенно примечательно упоминание в этом фрагменте «хвалисов и болгар», выступающих в том же сочетании в описании пути из Варяг в Греки. Аналогичным образом, «югра и самоядь» в рассказе Гюряты еще раз появляются в рассказах ладожан, приводимых летописцем в статье 1114 г. и, очевидно, также включенных в редакцию ПВЛ 1117 г.; примечательно, что во введении к ПВЛ эта связка отсутствует. Общим для Введения и генеалогического экскурса статьи 1096 г. является также довольно спокойное, можно сказать, заинтересованное отношение к половцам, которое Д. А. Добровольский справедливо считает свойственным составителю ПВЛ, противопоставляя его однозначно негативному восприятию «сынов Измаиловых» летописцем 1090-х гг. (продолжателем Начального свода) [Добровольский 2013: 286–294].

Литература

Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.

Берлински сборник / Изд. подг. Х. Миклас, Л. Тасева, М. Йовчева. София; Wien, 2008.

Ведюшкина И. В. Генеалогии «нечистых» народов в Повести временных лет // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2000. С. 53–58.

Гарькавый И. В. «Измаильтяне» или «нечистые люди»? Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей // Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998. М., 1998. С. 87–89.

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 [16]. СПб., 1997.

Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44; 2008. № 2. С. 3–24.

Данилевский И. Н. «Сии 4 лѣта»: когда они наступили? // Ruthenica. 2010. № 9. С. 7–17.

Добровольский Д. А. Восприятие половцев в летописании XI–XIII вв. // Диалог со временем. 2012. М., 2013. № 39. С. 286–294.

Дорошенко М. Ю. Ветхозаветная топонимика в статье 6604 (1096) года Повести временных лет // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 18. М., 2007. С. 370–382/

Дубровин Г. Е. Петрятин двор и проблема раннего посадничества в Новгороде // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2007. № 1. С. 45–59.

Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания: (по поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи) // Известия ОРЯС. Т. 26. 1923. С. 45–102. 1924. Т. 27. С. 207–251.

Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические Видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897.

Карпов А. Ю. Генеалогия хвалисов и болгар в летописной статье 1096 г. // Архив русской истории. Вып. 4. М., 1994. С. 7–26/

Карпов А. Ю. Эсхатологические ожидания в Киевской Руси конца XI — начала XII в. // Отечественная история. 2002. № 2.

Котышев Д. М. Царь Михаил и Михаил-архангел летописной статьи 6619 г. Повести временных лет // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2012. № 1. С. 47–51.

Лаушкин А. В. Наследники праотца Измаила и библейская мозаика в летописных известиях о половцах // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2013. № 4. С. 76–86.

Молчанов А. А. Новгородские события 1054–1064 гг. и возникновение посадничества нового типа // Вестник МГУ. История. 1974. № 6. С. 81–87.

Николова С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 8. М., 2008.

Творогов О. В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 203–209.

Толочко А. П. «Слышахомъ преже три лѣтъ» // Ruthenica. 2011. № 10.

Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната

книжнина в Византия и в средновековна България. София, 1986.

Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.

Miklosich F. Lexicon paleoslovenico-graeco-latinum. Emendatum auctum. 2 Neudruck der Ausgabe Wien 1862–65 (Aalen, 1972)

Müller L. Die «dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967. S. 171–186.

Müller L. Die Herkunft des Textes der Erzählung über Boris und Gleb im Chronikartikel über das Jahr 6523 (1015) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). S. 86–99.

Timberlake A. Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. 2000. №1. С. 219–238.

Вилкул Татьяна Леонидовна

Институт истории

Национальной академии наук Украины

Украина, г. Киев

Ремесло историка в «Повести временных лет».

О влиянии переводных византийских хроник на летопись

Влияние хронографических сочинений на ПВЛ проявилось не только в прямых цитатах, парафразах и сюжетных заимствованиях, оно затронуло сам процесс историописания и понимания древним книжником принципов составления летописи. Современные ученые могли бы сказать — теории и методики работы историка. Благодаря тому, что ПВЛ является Начальной летописью (the Primary Chronicle) в ней явственно обозначилось то, что сгладилось в последующих сводах. Автор ПВЛ считал необходимым пояснить читателю, как ведутся записи, от какого события отсчитывается первая годовая статья. Он проявил критическое начало: обозначил, что одним источникам доверяет, а к другим относится скептически. Не сказать, чтобы киевский книжник останавливался на этих пунктах подробно, но он время от времени отмечал свои подходы и, в целом, показал себя эдаким «теоретиком» среди ле-

тописцев. Насколько можно судить, начатки ремесла историка¹ ему подсказали хроники. Разумеется, историописание на Руси начиналось не с Геродота, Фукидида или Тацита, которые не были переведены в то время, а с хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы. Приведу примеры «теории написания истории» из Начальной летописи и попытаюсь обозначить их связь с хрониками. В основном, речь пойдет о вполне хрестоматийных эпизодах, хотя их обычно не сравнивают с хронографическими текстами и не оценивают в таком ключе.

Прежде всего, составитель ПВЛ отмечает наличие нескольких источников, в особенности, если дело доходит до расхождений в описании событий. Например, излагая легенду о трех братьях, Кие, Щеке и Хориве и описывая княжение Кия, летописец далее представил и вторую версию, менее достойную, с его точки зрения, доверия. «Инии же не свѣдуше рекоша . яко Кии есть перевозникъ былъ...» [Лаврентьевская летопись 1997: 9]. Т.е. он приводит два варианта одной и той же истории и дает оценку историческому повествованию. Аналогично, летописец указывает несколько версий и в рассказе о месте крещения Владимира и «конях медяних» за св. Богородицей². Далее, он отметил основания, по которым начинается в ПВЛ отсчет лет («... числа положимъ...») и дважды — в названии своего текста и в первой годовой статье 6360/852 г. — сообщил, о чем собирается вести речь. «Се повѣсти времянных лѣт^т . откуда есть пошла Руская земля . кто въ Киевѣ нача первѣе княжит^т...» [ibid.: 1]; «Яко от Адама до потопа... а от смърти Ярослави до смърти Сѣополчи... скажемъ што ся оудѣяло [в лѣ]та си» [ibid.: 18]. Что касается исходной даты, он сослался на начало царствования Михаила, «наченшо Михаилу цѣртоват^н», и первый поход руси на греков, — и объяснил: «о семь бо увѣдѣхомъ, яко при семь цѣри приходиша русь на Црѣгородъ... «отселѣ почнем . и числа положим^б» [ibid.: 17–18]³. Указание на «лѣтописание гречьское» в этой первой да-

¹ Ср. знаменитую работу Марка Блока *Apologie pour l'histoire ou metier d'historien* («Апология истории или Ремесло историка») 1941 г. Обзор ранних этапов развития «исторического ремесла» см., напр. в: [Яковенко 2007: 1–115].

² Иногда это расценивали как примеры полемики, см. напр.: [Никольский 1930: 25]. «Только в двух местах Повести временных лет мы встречаем полемические выходы летописца против несведущих людей, которые распространяли ложные исторические сведения, вызвавшие с его стороны особые опровержения. Это, во-первых, вопрос о занятиях и звании родоначальника киевских полян, положивших начало «русской земле и киевскому княжению, и, во-вторых, вопрос о месте крещения Владимира, просветившего всю русскую страну... Заметка летописца под 6496/ 988 годом о медных конях, привезенных Владимиром из Корсуни... относится к материалу, а не к историческим фактам старины».

³ Вполне вероятно, что еще одной причиной отсчета от Михаила III было то, что именно при этом императоре была осуществлена миссия Кирилла и Мефодия (апелляции к общности

тированной статье ПВЛ оказывается подтверждением авторитетом. Упреждая возможное недоверие к описаниям чудес, под 912 г. летописец вновь ссылается на хронографические тексты: «се же не дивно яко от волхвованна собывае^тся чародѣство^м» (за чем следует рассказ об Аполонии Тиянине из Амартола, [ibid.: 39]); под 1114 г. аналогично: «аше кто сему вѣры не иметь, да почтеть хронографа» [Ипатьевская летопись 1998: 278].

Все эти начатки ремесла ведут к хроникам. У Амартола теоретические пассажи сосредоточены в основном в начальной части его сочинения. У Малалы они рассредоточены по тексту, но разработаны не столь подробно. Особенно характерны для Хроники Малалы указания на несколько источников, при этом, часто отмечается расхождение версий. Сирийский автор приводит массу имен историков и хронографов, и ссылки на нескольких авторов у него встречаются едва ли не чаще, чем одиночные упоминания. См., напр., только во 2-й книге: Мал.2.1 — упомянуты «Омиръ» (Гомер) и «Илефратъ» [Истрин 1994: 69¹]; Мал.2.13 и 2.15 — одновременно 3 писателя [ibid.: 85, 90]. В Мал.2.2 после рассказа о происхождении имен «прѣходнихъ звѣздъ» (т.е., планет) от имен языческих божеств отмечено, что египетский книжник излагает иначе: «...Манфонъ списа, в него * книгахъ *инако* глѣють имена» [ibid.: 70]. В Мал.2.5 разные авторы противопоставлены одному в описании смерти героини рассказа Ио: «отшедъши въ Сирию Ио тоу оумре, яко же Феофиль премоудрыи списа . *друзіи же положиша* . яко въ Египтѣ оумре Ио» [ibid.: 73].

В Хронике Амартола также довольно много ссылок на источники, но цепочки имен авторов исторических сочинений — явление более редкое. Как правило, так происходит в том случае, если предпочтение отдается той или иной версии. См., напр., Ам. [Истрин 1920: 51]: перечислены великие «писатели» истории, «Исиодъ (Гесиод)... Климянтъ, Африканъ, Татианъ... Иосипъ, Иустъ». Специально отмечен автор церковной истории Евсевий: «много же оучивыися и многохудожникъ Евсевии истовое время исписания створивъ». Чуть выше из массы выделяется пророк Моисей, Ам.: «и премоудрѣиша преже всѣ^х елинь бывшаго премоудра же и писателя» [Истрин 1920: 51]. Хронист охотно раздает оценки. Например, в Ам. высказано сомнение относительно написанного древними о

славян и славянской грамоте достаточно сильно проявились в ПВЛ, хотя ее составитель стремился на первое место перед «общеславянским событием» все же поставить деяния «русии»). См. [Вілкул 2015: 234–235].

¹ Далее в ссылках на Хронику Малалы отмечены только книги, главы и страницы этого переиздания. Так, Мал.2.1 — книга 2, глава 1.

посмертных магических деяниях Сарданапала, убитого Персеом: «но оубо *лжю писали* пишущей» [ibid.: 35]. Автор противопоставляет один авторитет иному: «яко же есть писано яко бѣ створи члѣва блѣга . *ови же* възискаша размышления многа» [ibid.: 60]. Далее рассказывает о том, насколько ложно эти «овии» еллинские «размыслившие» представляют себе создание человека. В другом месте отмечается, как неверно воспринимают историю («блзнятсѣ») еврейские книжники: «жидове же яко вѣщавае^т Федорить *блзнятсѣ* о вавилоньстѣмъ исхоженіи глѣють реч^{но} се бы^с . и не дивно се есть яко ^ж бо и въ прочихъ пррч^{ств}иихъ *блзнятсѣ* тако и о семь» [ibid.: 206]. В целом, у Амартола видим стандартное противопоставление светской мудрости и Священного Писания. Но иногда у него сталкиваемся с противоречиями, поскольку «история» — это одновременно «писание», «сказание» и «изъобразие». Кроме того, «нехристианские авторы» могут цитироваться в подтверждение Писания, что приводит к некоторым смещениям на шкале авторитетов. Напр., в Ам. ссылка на Иосифа Флавия в подкрепление слов Писания об Иоанне Предтече и Иисусе: «Но *Иосифъ* любьзноюистецъ сы поминаше Пр^чно . Ю^б . Х^сва . о Иоанѣ же глѣше тако... о Х^сѣ же паки глѣ ть же» [ibid.: 225]. Конечно, встречаются и такие примеры, когда несколько свидетельств согласованы. Например, в Ам. о размерах Соломонова ковчега: «двокровенъ бо бы^с яко ^ж глѣть Иосифъ . *тако* ^ж и Паралипоменьскія книги являют^{сѣ}» [Истрин 1920: 139]; о Мелхиседеке и Иерусалиме-Салиме: «яко ^ж глѣ Ио-сифъ его же и *препѣвае*та . Ю^бнь . и Кюриль прп^бная еп^спа» [ibid.: 86].

Примечательно сравнить название ПВЛ и обеих хроник. Горас Лант и А. А. Гиппиус писали о том, что в выражении «повѣсти временныхъ лѣтъ» отразился один из стихов древнеславянского перевода Деяний Апостолов (1.7) [Lunt Ногасе 1997: 17–326; Гиппиус 2000: 448–460] «Рече же къ нимъ: нѣ^с вамъ разоумѣвати *врѣмень и лѣтъ*, ѣже о҃ць положи своею областію» [Kałużniacki 1896: л. 1]. Такое предположение весьма вероятно, но в целом Апостол — не столь уж близкий летописи текст. Обращение к хроникам наталкивает на мысль, что программа ПВЛ корректировалась также согласно зачал хронографических сочинений, где в названиях видим обозначения: «временникъ», «лѣта», «повѣсти», «изложение», указания на то, кем и о чем пишется история. Ср. два заголовка из многочисленных заголовков и подзаголовков Амартола — параллели к летописному «время». 1) «*Временникъ* выпростѣ» [Georgii Monachi Chronicon 1904: 6]

от различны^х же хронографъ же и сказатель¹ събранъ же и сложень Георгиемъ грѣшникомъ мнихомъ» [Истрин 1920: 31]; 2) «Начало *временнымъ* книгамъ Георгия Мниха» [ibid.: 53]. А также у Малалы — к «повѣстии... лѣтъ»: «Изложение Иоанна бывшаго от антиохийска^г великаго града . Сирия малыя о *лѣтъхъ* мируу . Сѣло добро мню е^ж въкратцѣ сказати . куюж^до главизноу *повѣстии* . ю^ж Моусеомъ хронографомъ и Африканомъ . и Евсѣвиемъ Панфиловымъ . и Паоусаниемъ . и Дидоумомъ^м . и Феофиломъ и Климянтомъ . и Диодоромъ^м . и Домниномъ^м . и Еоустафиемъ и инѣ^х много тру^дл^лвши^хся, хронографъ и историкъ . и творецъ . сказати и мнѣ по истиннѣ . случившаяся в части . и в *лѣта* црѣ . вше^дша въ оуши мои» (Мал.1) [Истрин 1994: 17].

Определение реперов отсчета лет и своеобразный «план-проспект» летописи в первой датированной статье 852 г. имеет близкую параллель в Ам.51–52. Здесь в Хронике Амартола сделан переход от пространного вступления-прооймиона к основной части сочинения (и изложение возвращается от преемников Александра Македонского вновь к сотворению Адама, ср. [Истрин 1920: 31–51 и 53 и далее]). Объемная связка Ам. [ibid.: 51–52], так же как и ПВЛ под 852 г., помещает и рассуждения автора, о чем он собирается писать, и определение «хронологических рамок работы». В Ам. хронист отмечает, как он будет проводить расчет лет: «число же *временныхъ* (τὴν δὲ γὰρ ἀπαρίθμησιν τῶν χρόνων) [Georgii Monachi Chronicon 1904: 40] от великаго Моисия да створимъ» [ibid.: 51]. Следует добавить, Георгий Амартол вообще уделял большое внимание вопросам хронологии (см. Ам.: «*время исписания створивъ*» [ibid.: 51] или же легендарную версию происхождения расчета времени: «тако же и чтоуще днѣи 354 творять от года до года . зане оубо *архнглъ къ Данѣлоу* глѣ моужю жидовиноу и *числа лѣ^м сказа* емоу» [ibid.: 212]).

Довольно часто и традиционно при анализе древних исторических текстов противопоставляют «письменное» / книжное слово, и «устное». Но на материале хроник этот подход не действует, не было существенным это разделение и для летописцев. Дело не только в том, что нормальной практикой считалось, если последняя часть хроники написана по устным свидетельствам самим летописцем, а в начале использованы сочинения предшественников, т.е. устное слово становилось одним из основных источников для книжников. Дело еще и в том, что в средневековых исторических сочинениях вообще нет противопоставления устного и писанного слова. Так, история в

¹ χρονογράφων τε καὶ ἐξηγητῶν [Georgii Monachi Chronicon 1904: 6].

древнеславянском переводе Амартола переводится как сказанное, написанное и образное. Во многих пассажах «явленное», «изображенное», «исписанное» и «глаголанье» прямо отождествляются. См., напр.: Ам. об Адаме: «и гробъ емоу въ Иер^сльмъѣти земли бы^с. еврѣйская *преданая изобразуеть яко глѣть Иосифъ*» [Истрин 1920: 53] (Εβραϊκή τις ἱστορεῖ παράδοσις, ὡς φησιν Ἰώσηφος [Georgii Monachi Chronicon 1904: 44]). Аналогично в Ам. о том, как Давид сменил Саула на троне: «яко *являетъ история глѣци* и приложи гнѣвъ г^с ражещися въ Изѣли» [Истрин 1920: 134]. Подобно Ам. об описаниях Храма: «*являетъ паки история глѣци*» [ibid.: 140]; о Соломоне: «и се *являя исписание нарицаеть глѣя* и дасть г^с Соломоноу оумъ и премдр^ть многоу зѣло» [ibid.: 144], и т.д. Более того, именно в повествование об очевидно древних временах могут включать «свидетельства очевидцев», создавая фиктивные ссылки на устные источники. Как, напр., в рассказ о полемике в Риме ап. Петра и волхва Симона. В Ам. слова Петра своему ученику Фифу, с которым волхв Симон якобы «обернулся личинами», сбежав таким образом от кесаря [ibid.: 258]. Апостол Петр пророчесствует, что ученик вскоре вернет свой прежний облик: «измѣнить ты от Симонова образа перьвоюю свою ти подасть въскорѣ . абые съ словомъ тако бы^с. *встѣмъ намъ зрящемъ*».

Из хронографических сочинений автор ПВЛ черпал и определенные идеологические установки. В том числе, о взаимосвязи истории, мудрости, науки и моральных принципов. См., напр., о связи геометрии («земночествства»), «исписания», «мудрости» и «смысла»: в Ам. «ибо земночествство егоуптяне преже глѣть обрѣтъше от *непрестоупления землі* и раздѣления . наоучивъшеся и *исписаши* от тѣхъ егери прияша *тѣмъ преמודрыя* древле и *смыслныя* тѣхъ нарекоша» [ibid.: 55]¹. ПВЛ же начинается «разделением земли» сыновьями Ноя, а «не преступати въ предѣлъ братень» — одна из главных заповедей, которые летописец пытался внушить своим читателям. В Начальной летописи неоднократно с вариациями повторено положительно маркированное высказывание о «мудрых и смысленных», и т. п.

Вероятно, из хроник взяты некоторые значимые детали. Например, такая как наименование города по имени его основателя или правителя. Ср. об Адрианополе — «Адрианъ граде» [Лаврентьевская летопись 1997: 42–43, Истрин 1920: 545–546] и подобные ей². В Хронике Малалы наименование города по герою-основателю — также схема наиболее расп-

¹ Этот пассаж соседствует с выражением из египетском локте, равном сажени. Он вошел в летопись: «наоучи бо ся Моиси всея премдр^тти егоупетьскыя земночествскыим локоть ре^н. аще кто сяженъ велии имать» [Истрин 1920: 55]. См.: [Шахматов 1940: 148].

² Эта и некоторые другие из приведенных далее параллелей ПВЛ к Хронике Амартола отмечены в перечне из 26 цитат и парафраз Хроники: [Шахматов 1940: 41–61].

роstrаненная, иногда сопровождается формулой «сътвори градъ въ имя свое»¹. Обычно хотя бы частично совпадают имя персонажа и название города². Возможно, интересом к этнической истории составитель ПВЛ также частично обязан хронистам. Прямо из Амартола он заимствовал обширный отрывок о законах и обычаях разных народов [Лаврентьевская летопись 1997: 14–16, Истрин 1920: 49–50]. Кроме того, оттуда же взято несколько видоизмененное отождествление «от скуфъ рекше от козарь» [Лаврентьевская летопись 1997: 11, Истрин 1920: 36]. Любой читатель Хроники Амартола мог обратить внимание на аналогичные пассажи — например, такие, где отмечена разница в именах по разным источникам у разных народов: «и нынѣ глѣмое въ время Дѣдово Авимелехъ наре^чся въ писании. общее же ц^ркое имя . Ахоусъ же историею глѣться еже присно бы^с емоу от рж^ства наре^чное» [Истрин 1920: 128]; о царице Савской, отождествленной с Сивиллой: «ц^рца Саванская иже глѣма бѣ от елинъ Сивоула» [ibid.: 145], об Астарте-Афродите среди «еллин»: «Астарты оубо есть яже въ елинѣхъ Афродитии глѣмая» [ibid.: 149].

У последующих древнерусских «историков» заметна тенденция сокращать начатки «ремесла». В летописях размышлений о летописании как таковом, его источниках и пр. практически не встретим³, во всех древнерусских хронографах акцент также делается скорее на фактической стороне рассказа⁴. Размышления и теоретические пассажи составители были склонны опускать, и потому они в компиляции не попадали. «Теория» либо шла в освоенную обработку источников, либо оставалась неусвоенной. В целом, именно составителя ПВЛ можно считать наиболее внимательным и вдумчивым читателем и автором, более всего усвоившим из «теории написания исторического сочинения».

¹ Мал.2.9: «Прьсеоу^с... побѣди ликаоны . и прише^л въ вѣсь нарицаемоую Ман^троу . сътвори в ней гра^н . и поставивъ своего глѣа обра^з прѣ^л враты . и жрътвою сътворивъ наре^ч яко града того Прьсида, въ свое имя». Также Мал.2.12, 4.9, 4.10, 8.1.

² Мал.4.12: «ц^рт^вова Пелексъ лѣ^т 38 от него * Пелепонисѣ^л прозвашася, елладиистии създа * гра^н, и* Пелопонисъ наре^ч отголѣ . Пелепониско ц^рт^во, ц^рт^во наре^чся Еллади^нско». Также Мал.8.1, 10.3, 10.7.

³ Исключение составляет Галицко-Волынская летопись, содержащая подобные размышления, также заимствованные из хронографии. Ср. из Хроники Малалы: «хронографоу ноужа есть писати...» [Ипатьевская летопись 1998: 819; Истрин 1994: 359]. Но эта летопись далека от обычных «летописных» форм написания. Справедливо полагают, что на нее оказал влияние Иудейский хронограф 2-й пол. XIII в.

⁴ Ср. замечания: [Творогов 1975: 10, 28 и др].

Сокращения

Ам. — Хроника Георгия Амартола

Мал. — Хроника Иоанна Малалы (с указанием номеров книги и главы)

ПВЛ — Повесть временных лет

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

Литература

Вілкул Т. Л. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. К., 2015.

Гиттус А. А. «Повесть временных лет»: О возможном происхождении названия // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 448–460.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.

Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Репринтное издание материалов В. М. Истрина / Подг. изд., вступительная статья и приложения М. И. Чернышевой. М., 1994.

Истрин В. М. Книги времяньныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1: Текст. Пг., 1920.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.

Никольский Н. К. «Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменной культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании» // Сборник по русскому языку и словесности. Т. 2. Вып. 1. Л., 1930.

Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. Т. IV. М.–Л., 1940. С. 9–150.

Яковенко Н. М. Вступ до історії. К., 2007.

Georgii Monachi Chronicon. / Edidit Carolus de Boor. Vol. 1–2. Lipsiae, 1904.

Kalužniacki Aemilianus, Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice: Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti. Vindobonae, 1896.

Lunt Horace, Повесть временныхъ летъ от Повесть времянь и летъ // Palaeoslavica. 1997. Vol. 5.

Χρονικόν συντομόν: Georgii Monachi Chronicon. / Edidit Carolus de Boor. Vol. 1–2. Lipsiae, 1904.

Зиборов Виктор Кузьмич

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

Монах Григорий — автор Повести временных лет

Перед тем как обратиться к монаху Киево-Печерского Григорию следует сказать несколько слов о более известных предполагаемых авторах ПВЛ. Начать необходимо с монаха Киево-Печерского монастыря Нестора. Для широкой публики и даже для многих исследователей авторство Нестора неоспоримо. В специальной литературе вопрос об его авторстве, начиная с сер. XIX в., стал постепенно переосмысляться. Поводом к сомнению в его авторстве служили явные противоречия между произведениями им написанными (Житие Феодосия Печерского, Житие Бориса и Глеба) и текстом летописи в рамках ПВЛ (Лаврентьевская — ЛЛ и Ипатьевская — ИЛ летописи). Например, в житие Феодосия он говорит, что пришел в монастырь после смерти Феодосия при игумене Стефане: «азъ грешный Несторъ...Приять же быхъ въ не преподобнымъ игоуменьмъ Стефанъмъ, и яко же от того остриженъ бывъ и мьнишьския одежда съподоблень» [Нестор 1971: 67a28–67b26]¹, а в летописи под 1051 г. летописец сообщает, что он пришел в монастырь при игумене Феодосии. Таких противоречий насчитывается более десятка. Чтобы хоть как-то объяснить эти противоречия исследователи стали тиражировать Нестора: один монах по имени Нестор написал жития, а другой монах тоже по имени Нестор написал летопись. Тиражирование доведено до пяти Несторов, после чего стала понятна абсурдность подобного исследовательского приема. На смену был введен нигилистический довод: имя автора ПВЛ не имеет большого значения, ПВЛ — памятник уникальный и его можно анализировать без учета имени автора. Такой подход ставит крест на многовековой историографии: вопрос об авторстве Нестора начал решаться еще в раннем средневековье, а после написания и опубликования в 1661 г. его Жития в Киево-Печерском патерике, подразумевающего его канонизацию, этот вопрос был и остается одним из главных вопросов нашей ранней письменности [Гиппиус 2012: 36–63]²

Когда я обратился к решению этого вопроса, то взял за основное наблюдение А. А. Шахматова о первичности текста Новгородской первой летописи младшего извода (Н1МЛ) по отношению к ЛЛ-ИЛ

¹ При цитировании буква ЯТЬ заменена буквой Е.

² В этой статье представлен обзор последних публикаций по теме ПВЛ.

[Шахматов 2003: 428–464]. Он доказал, что в этой летописи до нас дошел более ранний летописный свод, чем ПВЛ. При сравнении характерных особенностей текста Житий, написанных Нестором, с текстом Н1МЛ оказалось, что они близки и, что самое главное, отмеченные в литературе противоречия между житиями Нестора и летописью исчезают, если их сравнивать не с ЛЛ–ИЛ, а с Н1МЛ. По этому сюжету мной опубликована монография и целая серия статей, защищена докторская диссертация [Зиборов 2006: 18–56, Зиборов. 2013: 8–10, Зиборов 1995, Зиборов 2012: 164–183]. Главное положение этих работ следующее: монах Нестор является автором более раннего летописного свода, чем ПВЛ. Первоначально он составил летопись в 1077 г., после чего продолжал записи событий до 1094 г. С летописи, составленной им в 1077 г., была снята копия и увезена в Новгород, где ее положили в основание новгородского летописания, благодаря этому первоначальная работа Нестора до нас и дошла. Таким образом, Нестор не был автором ПВЛ.

Игумен Выдубицкого Михайловского монастыря Сильвестр благодаря своей знаменитой приписке 6624 (1116) г. тоже претендовал на авторство ПВЛ. На моей памяти три исследователя (А. Г. Кузьмин, Б. М. Клосс, С. М. Михеев) в разной форме высказывали это положение. Наиболее фундаментально (кандидатская диссертация, две монографии) оно представлено у С. М. Михеева [Михеев 2011]. Аргументация последнего, построенная в основном на анализе лексики памятника, который не дошел до нас в первоизданном виде начала XII в., а доступен только в рукописях XIV–XV вв. весьма неубедительна. Остановлюсь на нескольких примерах того, что игумен Сильвестр не был автором ПВЛ. В своей приписке он говорит: «написах книги си Летописець» [ПВЛ 1996: 121], т.е. не Повесть временных лет, а летописец. Казалось бы пустяк, но это только на первый взгляд. Автор ПВЛ единственный из всех русских летописцев назвал свою работу Повестью временных лет, а не летописцем. Игумен Сильвестр автор родословной легенды о князе Рюрике не был автором ПВЛ потому, что автору ПВЛ князь Рюрик не был известен. Об этом говорит перечень русских князей, помещенных под 6360(852) г., где первым русским князем назван Олег; перечень доведен до князя Святополка (ум. в 1113 г.) [ibid.: 12]. Игумен Сильвестр не был автором ПВЛ потому, что он вернулся к традиционной хронологии, не признав нововведения автора ПВЛ (разница в два года) [Зиборов 2013: 8–10]. Игумен Сильвестр не был автором ПВЛ потому, что не был монахом Киево-Печерского монастыря.

Теперь, когда магия двух имен монаха Нестора и игумена Сильвестра, как предполагаемых авторов ПВЛ слегка померкла, можно обратиться и к поиску настоящего автора ПВЛ. Начнем с того, что известно нам об авторе ПВЛ. В ИЛ, где два названия памятника (Летописец и ПВЛ) во втором заголовке говорится: «Повесть временных лет черноризца Федосьева монастыря Печерьскаго...» [Ипатьевская летопись 1998: 1]. Имя не указано. О том, что автором ПВЛ был монах Киево-Печерского монастыря становится ясно из летописных записей 1051, 1074, 1091 годов (авторство этих статей раньше приписывалось Нестору). Там рассказывается о первоначальной истории этого монастыря [ПВЛ 1996: 70, 79–85, 89–91]. В Н1МЛ под 1051 г. ничего не говорится о монастыре, а под 1074 рассказ более краткий [Новгородская первая летопись 1950: 181, 198–201], чем в ЛЛ–ИЛ, т.е. записи под этими годами сделаны не Нестором, а его преемником. О себе автор ПВЛ говорит: «Феодосьеви же живущо в монастыри...к нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приять мя лет ми сущо 17 от роженья моего» [ibid.: 70]. Напомню, Нестор пришел в монастырь после смерти игумена Феодосия при игумене Стефане. Под 1074 г. автор ПВЛ в рассказе о кончине игумена Феодосия полностью использовал текст Нестора, немного уточнив его и значительно расширив. Судя по тому, что в дополнительном тексте упоминается игумен Иоанн, возглавивший монастырь в 1088/89 г., текст 1074 г. дополнялся после этого года. Под 1091 г. сообщаются об обретения мощей игумена Феодосия, автор ПВЛ был непосредственным участником обретения мощей игумена, весь рассказ ведется от первого лица («бых азъ грешный первое самовидецъ», «Азь же пришедь» и т. д.) [ibid.: 89]. Заканчивает он свой рассказ словами: «Молися за мя, отче честный, избавлену быти от сети неприязнины, и от противника врага сблуди мя твоими молитвами». Важным моментом для характеристики автора ПВЛ является та часть статьи 1091 г., где автор показывает свое знание и умение в составлении церковных служб, об этом говорят следующие слова похвалы, им написанных: «Радуйся, отче нашъ и наставниче, мирьскыя плища отринувъ... Радуйся, укрепься надежею вечныхъ благъ» [ibid.: 91].

Итак, мы выяснили, что автор ПВЛ был монахом Киево-печерского монастыря; он принимал личное участие в обретении мощей игумена, о чем подробно написал в летописной статье 1091 г.; он имел навыки написания церковных служб; свою работу над летописью он довел до смерти князя Святополка. Зададимся вопросом, а был ли сре-

ди монахов Киево-Печерского монастыря монах, отвечающим всем этим качествам? Ответ удивительно простой: такой монах был, его имя Григорий, он известен как автор канонов Феодосию Печерскому.

О монахе Григории, авторе канонов, известно немного. Н. К. Никольский в своей фундаментальной книге говорит следующее: «О нем упоминает чернец Поликарп в послании к архимандриту печерскому (в сказании “о Никите затворнице”). Перечисляя “богочестныхъ отцевъ”, молившихся за Никиту затворника, он называет в этом перечне “Григория творца канонемъ” непосредственно вслед за Нестором, “иже написа летописецъ”, но ранее Феокиста, “иже бысть епископъ Чернигову”. Так как последний был поставлен на черниговскую кафедру 11 января 1113 (6621) года... а умер 6 августа 1123 года...то отсюда можно заключить, что Григорий был монахом печерского монастыря в конце XI или начале XII века... Какие каноны желал приписать черноризцу Григорию Поликарп, остается неизвестным, так как до сих пор (1906 г. — В. З.) не удалось найти в рукописях каких либо канонов с именем этого песнотворца... Итак, с именем Григория черноризца могут быть связаны предположительно каноны св. Владимиру и св. Феодосию (хотя никаких фактических оснований к тому в надписях канонов не имеется), а также каноны на перенесение мощей св. Бориса и Глеба и св. Николая» [Никольский 1906: 442, 444]. В словарной статье, посвященной Григорию, О. В. Творогов примерно так же характеризует жизнь и творчество Григория [Творогов 1987: 108–109], ему не была известна работа Ф. Г. Спасского (первое издание в 1951 г.), где впервые приведены аргументы в пользу авторства монаха Григория по отношению в службе Феодосию, совершаемой в день его кончины — 3 мая. Ф. Г. Спасский, анализируя один из списков Миней [ср. Голубинский 1997: 513–517], где находится служба (канон) преподобному Феодосию, обнаружил акростих с именем Григория. Не так часто в нашей историко-филологической науке происходят такие находки, поэтому приведу дословно ход его мысли: «... в каноне...обнаруживается полустершийся акростих и в нем имя автора, сохранившееся лучше... Первое слово акростиха отчетливо и ясно: ПЕНИЕ. Очень часто акростихи этим словом и начинались, ибо в отношении канонов в богослужебных книгах нет нигде указания о чтении канона и везде указано “петь” их... Далее, в середине акростиха, намечается слово ОТЧЕ, и в конце, в песнях 8 и 9, обычно отводящихся для указания имени автора, ясно читается почти полностью имя в форме прилагательного притяжательного (Петров,

Иванов) ХРИГОРОВ...То обстоятельство, что акростих так мало сохранился, говорит в пользу давнего написания его» [Спасский 2008: 74–75]. Монах Григорий, по мнению Ф. Г. Спасского, был автором и другой службы (14 августа), посвященной перенесению мощей Феодосия в 1091 г. Он считает монаха Григория свидетелем перенесения мощей Феодосия, основываясь на двух фрагментах из этой службы: 1) «Составы вся целы, и тлению непричастны, и главныя власы присохша к главе, лице же светлостно, очи и устне богословия соединены» (стихира 3 на Г. В.); 2) «Днесь ангельская явления видена быша, преподобне, в обретении мощей твоих: являхубося всем яко столпи огненыи, и яко дуги светозарны стояще над пещерою и оттуду приидоша на верх святыя церкви» (сед. по полиелеи)» [Спасский 2008: 78–79]. Попробуем сравнить приведенные Ф. Г. Спасским эти два фрагмента из службы Феодосию с летописным текстом, где рассказ ведется одним из монахов от первого лица и этим монахом был автор ПВЛ. Первому фрагменту в летописи соответствует следующий: «...и видехом лежащъ мощьми, но состави не распалися беша, и власи главнии притяскли бяху» [ПВЛ 1996: 89]. Слово «состави» есть и в службе и в летописи, любопытно, что это слово в ЛЛ–ИЛ встречается единственный раз [Творогов 1984: 138]. Более наглядным примером очевидной близости и даже зависимости текста службы от летописи являет собой второй фрагмент. Жанр богослужебный несколько иной, чем летописный, все мирские реалии для службы малозначимы, поэтому, когда явились столбы, кто видел дуги над церковью и прочие мелочи опускаются, но в летописном тексте все они есть: «Егда удариша в било, видеста 3 столпы, яко дуги зарны, и стоявше придоша надъ верхъ церкви, идеже положен бысть Феодосий. В се же время виде Стефанъ... въ своеемъ монастыри чрес поле зарю велику надъ печерою... видеста (вместе с игуменом Климентом — В. 3.) свеще многы надъ печерою...» [ПВЛ 1996: 89]. Именно эта летописная зарисовка, написанная участником обретения мощей Феодосия, легла в основу второго фрагмента текста службы, указанного Ф. Г. Спасским. Напомню, летописный текст принадлежит очевидцу, участнику обретения мощей, автору ПВЛ, а текст службы по мнению исследователей написан также участником обретения мощей.

Несколько спорным подтверждением авторства монаха Григория по отношению к ПВЛ может служить и Летописец Переяславля Суздальского, точнее комментарий к тексту ПВЛ. Автор ПВЛ привлек для своей работы Хронику Георгия Амартола как внелетописный дополнительный источник, цитаты из Хроники перечислены в одной из

работ А. А. Шахматова [Шахматов 1940]. В Летописце Переяславля Суздальского два указания на Амартола прокомментированы следующим образом: «Григорий рече в летописании...» и «Рече бо книга царская Григорием Мнихом о Соломоне...» [Летописец Переяславля Суздальского 1995: 6, 22]. Имя Георгия заменено на Григория, но заменено именно в тех местах, где автор ПВЛ привлекал Хронику Амартола. Не произошло ли у комментатора наслоение имен двух авторов, имевших отношение к этой хронике?

Совпадение биографий автора ПВЛ и монаха Григория, оба они знакомы с составлением церковных служб, оба присутствовали при обретении мощей Феодосия, отдельные тексты того и другого весьма близки и в чем то зависят друг от друга, все это позволяет высказать предположение, что автор ПВЛ и монах Григорий одно и то же лицо.

Вопрос об авторе ПВЛ решается в нашей историко-филологической науке уже несколько столетий, он не может быть решен ни статьей, ни серией монографий. Думаю, еще несколько поколений отечественных исследователей будут обращаться к этому вопросу. Цель данной статьи проста — указать новое, на мой взгляд, наиболее перспективное направление.

Сокращения

ИЛ — Ипатьевская летопись

ЛЛ — Лаврентьевская летопись

Н1МЛ — Новгородская I летопись младшего извода

ПВЛ — Повесть временных лет

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы

Литература

Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси. Александра Якимовича // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. акад. Н. А. Макаров. М.–Вологда, 2012. С.36–63.

Голубинский Е. История русской церкви. М., 1997. Т. 1. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. 926, XVII с.

Зиборов В. К. Биография Нестора — историографический миф.// От древней Руси до современной России: Сб. науч. ст. в честь 60-летия А.Я. Дегтярева. СПб., 2006. С. 18–56.

Зиборов В. К. Летописный свод в русском летописании XI — начале XII века // Историческое повествование в средневековой России. К 450-летию Сте-

пенной книги: тезисы Всероссийской научной конференции. СПб., 2013. С. 8–10.

Зиборов В. К. О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995.

Зиборов В. К. Нестор летописец и его предшественники. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2012. Т. 3. Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука. Посвящается Н. И. Яковкиной. С. 164–183.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. 938, 87, Л с.

Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.

Никольский Н. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. (X–XI вв.) [Корректурное издание]. СПб., 1906.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. 640 с.

Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей) // ПСРЛ. М., 1995. Т. 41.

Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и комм. Д. С. Лихачева. СПб., 1996.

Нестор. Житие Феодосия Печерского. // Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. М., 2008. 546 с.

Творогов О. В. Григорий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI – первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. С. 108–109.

Творогов О. В. Лексический состав «Повести временных лет» (Словозаказатели и частотный словарь). Киев, 1984.

Шахматов А. А. Киевский начальный свод 1095 г. // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. Раннее русское летописание XI – XII вв. СПб., 2003. С. 428–464.

Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.–Л., 1940. Т. 4. С. 9–150.

«Ипатьевские» дополнения к «Повести временных лет»¹

Речь здесь пойдет о частном сюжете, однако хорошо известном каждому, в чьи интересы входит текстология «Повести временных лет» (далее: ПВЛ). В тексте Ипатьевского и Хлебниковского списков «Повести временных лет» имеется серия известий, отсутствующих в Лаврентьевском, Радзивиловском и Московско-Академическом списках (далее: Ипат., Хлебн., Лавр., Радз., М.-А.). Тематическое единство многих из этих известий (связанных с Владимиром Мономахом и его семьей²) заставляет думать, что перед нами не случайные пропуски общего протографа Лавр.–Радз.–М.-А., но именно добавления, в первоначальном тексте ПВЛ отсутствовавшие [Бестужев-Рюмин 1868: 29–29, Шахматов 2003: 552, Приселков 1996: 82, Лихачев 1947: 77, Повесть временных лет 1950: 503, Творогов 1997: 207, Бугославский 2006: 65, Добровольский 2009: 59].

Всё это достаточно очевидно и почти никогда не ставилось под сомнение³. По-разному, однако, решался вопрос о том, кем и на каком этапе истории текста ПВЛ были сделаны эти дополнения. А. А. Шахматов атрибутировал их составителю третьей редакции ПВЛ, работавшему, по мнению ученого, в 1118 г. в окружении старшего сына Владимира Мономаха Мстислава [Шахматов 2003: 551–553, Шахматов 2001: 91–92]. Впоследствии одни ученые соглашались с гипотезой Шахматова о третьей редакции ПВЛ или каким-то образом его модифицировали, а другие (Л. Мюллер, О. В. Творогов, А. Тимберлейк) по-

¹ Статья написана в Государственном Академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания № 2014/321 Минобрнауки России (проект «Письмо и повседневность: Древняя Русь в сравнительно-исторической перспективе»).

² Например, А. А. Шахматов писал: «известия эти обличают в их составителе, во-первых, современника, во-вторых, лицо, близкое к Владимиру Мономаху, ибо большая часть их имеет то или иное отношение к этому князю» [Шахматов 2011: 91].

³ Альтернативное мнение высказывал М. Х. Алешковский, писавший о том, что среди «ипатьевских дополнений» «есть факты не только о Мономахе, но и о Святополке и о “злых” знамениях, т.е. тексты... которые вполне могли быть еще у Нестора» [Алешковский 1971: 50]. Этот взгляд вписан в предложенную Алешковским схему соотношения версий ПВЛ (Лавр. основывается на несколько сокращенной копии, сделанной Сильвестром уже в Переяславле с редакции Василия 1119 г. [Алешковский 1971: 49–52]) и вне ее вряд ли может иметь вес: пусть не все, но *большинство* «ипатьевских» дополнений касаются Мономаха и его семьи (см. перечень ниже).

лагали, что эта гипотеза лишена оснований. Мне представляется наиболее убедительным взгляд А. А. Гиппиуса, в целом возвращающегося к гипотезе Шахматова о третьей редакции, однако с рядом уточнений [Гиппиус 2007: 20–44, Гиппиус 2008: 3–24¹]. После выхода в свет работы Гиппиуса спор продолжился. Так, С. М. Михеев поддержал взгляд Гиппиуса на редактирование ПВЛ [Михеев 2011: 28–31, 146–154], тогда как Д. А. Добровольский, наоборот, не видит оснований для гипотезы о третьей редакции [Добровольский 2009: 58–72].

Хочу подчеркнуть, что нижеследующие рассуждения, в общем, никак не зависят от решения вопроса о третьей редакции ПВЛ. Вставной характер серии «ипатьевских» известий очевиден; ясно также, что внесены в текст они были уже после составления основного текста ПВЛ, поскольку отразились не во всех ее списках, а только в двух из них. В настоящей статье меня в первую очередь будет интересовать вопрос, до сих пор остававшийся на периферии внимания исследователей: каково происхождение «ипатьевских» дополнений или, иначе говоря, откуда эти сведения почерпнул книжник, добавивший их в ПВЛ?

Для начала необходимо составить список этих дополнений. Собственно, таковой уже имеется в работах К. Н. Бестужева-Рюмина [Бестужев-Рюмин 1868: 28, примеч. 80], А. А. Шахматова [Шахматов 2003: 552, Шахматов 2011: 91–92], А. Г. Кузьмина [Кузьмин 1977: 84–85], О. В. Творогова [Творогов 1997: 206–207] и А. А. Гиппиуса [Гиппиус 2007: 36], однако он не вполне идентичен у всех ученых.

Так, в отличие от Шахматова и Творогова, Гиппиус справедливо исключает из этого перечня известие о рождении Святополка в 1050 г. Оно читается только в Синодальном списке Новгородской I летописи (далее: Н1) (а вовсе не в Ипат.–Хлебн.) и, конечно, не имеет никакого отношения к «ипатьевским» дополнениям [Гиппиус 2007: 40, примеч. 15²]. Также соглашусь с А. А. Гиппиусом в том, что из списка следует исключить известие 1107 г. о землетрясении. Оно читается не только в Ипат.–Хлебн., но и в Радз.–М.–А., а также в Н1. Отсутствует оно только в Лавр., где, видимо, было механически пропущено [Гиппиус 2007: 37, примеч. 13].

Некоторые сомнения вызывает и отнесение к числу «ипатьевских» дополнений краткой статьи 1086 г., сообщающей о закладке Всеволодом Ярославичем церкви св. Андрея, основании при ней мо-

¹ Там же см. разбор предшествующей дискуссии.

² Шахматов считал, что в Синодальном списке отразилась третья редакция ПВЛ, однако это вряд ли так; о проблеме источников Синодального списка см.: [Гимон 2012: 615–641]; отсылки к литературе о том, какая версия Начальной летописи была использована в Синодальном списке см.: [Гимон 2012: 616, примеч. 125].

настыря и пострижении в нем дочери Всеволода Янки. Эта статья отсутствует в Лавр.–Радз.–Акад. и тематически близка к другим «ипатьевским» дополнениям (речь идет о сестре Мономаха, а в другом «ипатьевском» известии, под 1105 г., говорится об обрушении церкви св. Андрея). Однако отмечалось, что в статье 1089 г., в тексте, общем для всех списков ПВЛ, имеется отсылка к статье 1086 г.: «Янька... нареченая преже», — а Янка, кроме как в статье 1086 г., ранее в ПВЛ нигде не упоминается [ПСРЛ. Т. 1: 206, примеч. Г, Повесть временных лет 1950: 506, Творогов 1997: 207, примеч. 15, Добровольский 1009: 58–59]. Из этого как будто следует, что статья 1086 г. присутствовала в основном тексте ПВЛ и пропущена в Лавр.–Радз.–М.-А. механически. Однако довольно вероятно и другое. Как показал А.А. Гиппиус, в некоторых фрагментах текста Лавр.–Радз.–М.-А. отразилась уже третья (а не вторая) редакция ПВЛ. Ученый предположил, что в «рукописи Сильвестра» (вторая редакция — архетип Лавр.–Радз.–М.-А.) была заменена как минимум одна тетрадь, переписанная из третьей редакции [Гиппиус 2007: 42]. Именно в этой, замененной тетради находился рассказ статьи 1096 г. о встрече летописца с Гюрятой Роговичем [Гиппиус 2008: 4]. Однако где точно начиналась эта тетрадь, неизвестно. Между тем «ипатьевские» дополнения отсутствуют на значительном участке текста — между статьями 1087 и 1098 гг. Кажется вероятным, что в действительности дополнения были и на этом участке, однако, поскольку тетрадь была заменена, они отразились и в Лавр.–Радз.–М.-А. и, таким образом, неотличимы от основного текста ПВЛ. В таком случае слова «нареченая преже», а может быть, и все известие 1089 г. о Янке, тоже были «ипатьевским дополнением». Конечно, это объяснение пока довольно гипотетично, но оно все-таки не является чистой догадкой, поскольку основано, с одной стороны, на хорошо обоснованном выводе Гиппиуса о замене тетради, а с другой — на факте отсутствия «ипатьевских» дополнений между 1087 и 1098 гг. Поэтому предпочитаю не исключать пока запись 1086 г. из списка «ипатьевских» дополнений.

Ученые относят к числу «ипатьевских» дополнений «подробности о походе на половцев» 1106 г. [Шахматов 2003: 552, примеч. 2, Гиппиус 2007: 36] В этой статье, во-первых, есть добавление к имени «Яня» («Вышатича и брата его Пуятю»), которое является глоссой Ипатьевского списка, отсутствует в Хлебн. и, скорее всего, относится к числу тех дополнений Ипат., которые были сделаны уже в XV в., на основе летописей Новгородско-Софийской группы [Гимон 2013: 72–

76]. Во-вторых, только в Ипат. имеются слова «до Дуная». Возможно, это уточнение добавлено тогда же, когда и рассматриваемые здесь «ипатьевские» известия, однако учитывая его размер и отсутствие в Хлебн.¹, предпочитаю в нижеследующий список его не включать.

Напротив, я не вижу оснований вслед за А.А. Шахматовым исключать из этого списка известие о смерти польского князя Владислава под 1102 г. Ученый считал, что это известие было в общем протографе Лавр., Радз. и М.-А. опущено «механически»; пропущен был текст между двумя одинаковыми формулами «В се же лето» [Шахматов 2003: 552, примеч. 2, 900, примеч. 16²]. Гаплографического пропуска, конечно, исключать нельзя, однако вероятность такого ничуть не больше, чем с большинством других летописных известий, располагающихся, как правило, между подобными формулами.

Кроме того, к перечню «ипатьевских» дополнений можно добавить дневную дату вокняжения Всеволода Ярославича (1 января) под 1076 г., читающуюся только в Ипат.–Хлебн. непосредственно перед «ипатьевским» известием о рождении Мстислава Владимировича. Эту дату в число «ипатьевских» добавлений включил А.А. Шахматов, но только в работе, до самого недавнего времени остававшейся неопубликованной [Шахматов 1011: 91]. В других перечнях «ипатьевских» дополнений она не упоминается. И наоборот, Д.А. Добровольский считает отсутствие точной даты в Лавр.–Радз.–Акад. свидетельством того, что сообщение о рождении Мстислава — это не «ипатьевское» дополнение, а, напротив, пропуск Лавр. [Добровольский 2009: 58] Надо заметить, что в Лавр. (но не Радз.–Акад.) имеется указание на месяц («месяца генваря»), и только дневная дата («въ 1 день») уникальна для Ипат.–Хлебн. Тем не менее у нас нет твердых оснований считать дату вокняжения Всеволода и запись о рождении Мстислава пропущенными в Лавр.–Радз.–Акад.: они в равной мере могут быть и вставкой Ипат.–Хлебн. А поскольку они тематически близки другим вставкам Ипат.–Хлебн., касаясь отца и старшего сына Мономаха, будем относить их к числу «ипатьевских» дополнений.

Не во всех перечнях «ипатьевских» дополнений указано известие о рождении Святослава Игоревича, читающееся только в Ипат.–Хлебн. под 942 г.³ Оно очень далеко отстоит от других «ипатьевских» вставок, однако

¹ В Хлебн. целый фрагмент текста пропущен в результате гаплографии.

² С этим согласны: [Гиппиус 2007: 37; Добровольский 2009: 59].

³ На него указывают: [Бестужев-Рюмин 1868: 28, примеч. 80, Прил. 1: 12, Кузьмин 1977: 84]; ср. также: [Бугославский 2006: 65].

вне всякого сомнения должно рассматриваться в их ряду, поскольку тематически близко к «ипатьевскому» известно о рождении Мстислава (1076 г.).

Наконец, некоторые исследователи добавляют в этот перечень не целые известия, но небольшие добавления Ипат.–Хлебн. к известиям, читающимся во всех списках ПВЛ¹: слова «зять Романов» (об императоре Константине под 913 г.) [Творогов 1997: 206], панегирическое добавление о надвратной церкви Благовещения (под 1037 г.) [Творогов 1997: 206], дату 10 февраля (смерть жены Ярослава Мудрого, только в Ипат. под 1050 г. [Бестужев-Рюмин 1868: 28, примеч. 80; Прил. 1: 47]²), слова «на Выдобычи» (о строительстве церкви под 1070 г.) [Творогов 1997: 207]. Какие-то из этих чтений могут быть дополнениями к основному тексту ПВЛ (а не пропусками Лавр.–Радз.–М.-А.), однако решить этот вопрос всякий раз однозначно нельзя³. Тем более не относятся к числу «ипатьевских» дополнений слова «[Варяжко] много воева съ печенѣги на Володимера» в статье 980 г. [Бестужев-Рюмин 1868: 28, примеч. 80; Прил. 1: 16], которые присутствуют в Радз., и указание на то, что Изяслав на момент смерти Ярослава Мудрого княжил в Турове (под 1054 г.) [Бестужев-Рюмин 1868: 28, примеч. 80; Прил. 1: 48, Кузьмин 1977: 84], где вариант Лавр.–Радз.–Акад. явно дефектен⁴ и чтение Ипат.–Хлебн. следует признать первоначальным⁵.

В результате список «ипатьевских» дополнений к ПВЛ должен, на мой взгляд, выглядеть следующим образом:

[942] В се же лѣто родися Святославъ у Игоря.

[1076] *(о вокняжении Всеволода Ярославича в Киеве в январе)* ...въ 1 день. В се же лѣто родися у Володимера сынъ Мъстиславъ, внук Всеволож.

[1086] Всеволодъ заложи церковь святого Андрѣя, при Иванѣ преподобномъ митрополитѣ, створи у церкви тоя монастырь, в нем же пострижесе дщи его дѣвою, именемъ Янька. Сия же Янка совокупивши черноризци многи пребываше с ними по монастырьскому чину.

[1087] В се же лѣто ходи Всеволодо къ Перемышлю.

¹ Кроме добавлений под 1076 и 1109 г., непосредственно примыкающих к целым «ипатьевским» известиям.

² В Хлебн. данное известие опущено целиком.

³ Дату смерти жены Ярослава (под 1050 г.) можно считать «ипатьевским» дополнением по аналогии с датой смерти Всеволода под 1076 г., однако я бы не рискнул сейчас этого делать.

⁴ В Лавр.–Радз.–М.-А.: «Изяславу же тогда сущо, а Святославу Володимери».

⁵ Также я не рассматриваю здесь те разночтения между Лавр.–Радз.–Акад. и Ипат.–Хлебн., которые отражают осознанную правку уже существовавшего текста (например, известные расхождения в заглавии ПВЛ или в рассказе о призвании варягов). Вполне вероятно, впрочем, что эта правка принадлежит перу того же книжника — создателя третьей редакции ПВЛ. О некоторых других специфических чтениях Ипат.–Хлебн. см.: [Творогов 1997: 206–208].

[1098] В се же лѣто заложи Володимеръ церковь камяну святоѹ Богородицѹ в Переяславлѣ¹ на княжѹ дворѹ. Того же лѣта заложи Володимеръ Мономахъ городъ на Вѣстри.

[1099] В се же лѣто бысть знаменье надъ Володимеремъ, месяца априля, два круга, а в нею аки солнце, и до шестаго часа, а ночь аки 3 стязи свѣтлѣ, оли до зорь.

[1101] В се же лѣто Володимеръ заложи церковь у Смоленскѹ святоѹ Богородицѹ камяну епискупью.

[1102] В се же лѣто преставися Володиславъ Лядскій князь. [...] В то же лѣто родися у Володимера сынъ Андрѣи.

[1105] Увалися верхъ святого Андрѣя. [...] Томъ же лѣтѣ явися звѣзда с хвостомъ на западѣ и стоя месяц. Того же лѣта пришедъ Бонякъ зимѣ на Зарубѣ на² Торкы и Берендѣѣ.

[1106] Того же лѣта помраченье бысть в солнци августа.

[1109] (*о походе Дмитра Иворовича на половцев*) ...1000 вѣжъ взя, а послани Володимеромъ князомъ.

[1110] Того же лѣта пришедше половци³, воеваша около Переяславля по селомъ. Того же лѣта взяша половци у Чина⁴.

Итак, перед нами серия вставок в текст ПВЛ. *Каким образом* были сделаны эти вставки и, главное, *на основании чего?*⁵

Начнем с первого вопроса. По мнению О. В. Творогова, «создается впечатление, что дополнения эти — целиком или по большей части — глоссы на полях, впоследствии внесенные в текст» [Творогов 1997: 207]. Напротив, А. А. Гиппиус считает, что «ипатьевские» дополнения не могли быть приписками на полях, поскольку на месте одного из них (а именно, известия 1106 г. о солнечном затмении) в Лавр., Радз. и М.-А. читается другое известие («В то же лѣто прибѣже Избыгнѣвъ к Святополку»), которого нет в Ипат.–Хлебн. По мнению ученого, известие о затмении могло вытеснить сообщение о Сбигневе только в процессе *переписки* летописного текста [Гиппиус 2007: 37]. На мой взгляд, данный пример ничего не доказывает. Сообщения об Сбигневе и о затмении —

¹ Чтение Хлебн., в Ипат.: «Переяслава и».

² «На» — только в Хлебн. В Ипат. «здесь в строку, конец которой был незаполнен, написано другим почерком: *и побѣди*» [ПСРЛ. Т. 2: 257, примеч. в].

³ В Хлебн. нет текста до этого слова включительно, но это явно вторичный гаплографический пропуск.

⁴ В Хлебн.: «взяша полонъ половци у Тчючина». В Ипат. «у Чина» более поздним почерком поправлено на «идучи назад много сель» [ПСРЛ. Т. 2: 260, примеч. 48, О].

⁵ Повторюсь: вопрос о том, *кто и когда* добавил эти известия к тексту ПВЛ, предпочитаю в данной статье не затрагивать, хотя в целом согласен с видением А. А. Шахматова и А. А. Гиппиуса, согласно которым вставки были сделаны создателем третьей редакции ПВЛ во второй половине 1110-х годов.

примерно одинаковой длины¹, т.е. одно могло «вытеснить» другое не только при переписке, но и в том случае, если редактор выскоблил одно известие и написал другое на освободившемся месте.

В пользу последней версии как будто говорит тот факт, что не только под 1106 г., но и в трех других случаях (в статьях 942, 1098 и 1101 гг.) там, где в Ипат.—Хлебн. вставлено дополнительное известие, в Лавр.—Радз.—М.-А. имеется какой-то фрагмент текста, отсутствующий в Ипат.² Можно предположить, что книжник, вставлявший «ипатьевские» известия, делал это на полях или, скажем, на свободном месте в конце погодной статьи (если следующая статья начиналась с новой строки), но иногда прибегал и к выскабливанию небольших фрагментов текста. Таким образом, мне кажется более вероятным, что «ипатьевские» известия были серией добавлений в уже существовавшей рукописи ПВЛ, а не появились при ее переписке. Впрочем, полной уверенности здесь пока быть не может.

Более важен другой вопрос: что послужило источником для дополнительных известий Ипат.? А.А. Шахматов считал эти известия «полученными, быть может, отчасти и посредством устных сообщений» [Шахматов 2003: 552]³. Ученый эту мысль никак не обосновал, а другие исследователи, насколько я знаю, вообще не задавались вопросом о происхождении интересующей нас серии известий.

Между тем это вопрос интересный и важный для истории летописания в целом. Альтернатива здесь очень простая: или эти известия впервые возникли под пером книжника, добавившего их в ПВЛ (на основании припоминаний, устных сообщений и т.д.), или в распоряжении этого книжника был письменный источник. Попробуем выбрать одну из этих двух возможностей.

В дополнительных известиях Ипат. нет дневных дат (если не считать даты вокняжения Всеволода, добавленной [?] к уже имевшемуся в ПВЛ сообщению под 1076 г.); лишь дважды в известиях о знамениях указывается месяц (под 1099 и 1106 гг.)⁴. Однако важно, что как мини-

¹ Без учета выносных и пропущенных букв известие о Сбигневе в Лавр. состоит из 32 знаков, а известие о затмении в Ипат. — из 36 знаков.

² Под 942 г.: «Болгаромъ» (в конце известия о воцарении Петра в Болгарии); под 1098 г.: «якоже и в прежнее лѣто сказахъ» (после известия о мире у Городца — отсылка к «Повести об ослеплении Василька» под 1097 г.); под 1101 г.: «и разидошася разнѡ» (в конце известия о мире с половцами).

³ В другой работе ученый назвал «ипатьевские» дополнения записями о «современных летописцу (т.е. создателю третьей редакции ПВЛ. — Т. Г.) событиях» [Шахматов 2011: 92].

⁴ С. В. Цыб ссылается на то, что в Тверском сборнике к «ипатьевскому» известию 1102 г. добавлены точные дата рождения и имянаречения Андрея Владимировича — 11 и 18 августа, и

мум в трех случаях точность *годовых* датировок может быть подтверждена независимыми данными. Под 1102 г. Ипат. сообщает о смерти польского князя Владислава. Князь Владислав I Герман умер 4 июня 1102 г., что подтверждается целым рядом польских и чешских источников [Jasiński 1992: 162]. Комета, отмеченная в Ипат. под 1105 г. (сказано, что она в течение месяца была видна на западе), известна по зарубежным источникам и наблюдалась в разных странах со 2 февраля по 20 марта 1106 г. [Святский 2007: 189–190, 224, примеч. 85] При мартовском стиле летосчисления (когда 6613 г. закончился февралем 1106 г.) датировка снова оказывается точной. Известие 1106 (6614) г. о солнечном затмении в августе подтверждается астрономическими данными: оно имело место 1 августа 1106 г. [Святский 2007: 42, 608¹].

Сложнее обстоит дело с сообщением о строительстве церкви в Смоленске под 1101 (6609) г. Об этом же событии говорят и летописи Новгородско-Софийской группы, причем под 1100 (6608) г. и с указанием на точную дату закладки храма: «марта 7, на Средохрестие». Очевидной текстуальной связи между двумя известиями нет; скорее, перед нами две независимые записи об одном и том же событии (в Новгородско-Софийских летописях, наверное, запись смоленского происхождения) [Гимон 2012: 677–678]. Средокрестье приходилось на 7 марта в 1100 г., т.е., если год начинался 1 марта, на начало 6608 мартовского или 6609 ультрамартовского года. Следовательно, в известии Ипат. или использован ультрамартовский стиль², или (что более вероятно, учитывая мартовскую датировку рассмотренных выше сообщений) произошла ошибка на год в результате того, что данное известие было записано позже. Не исключено также, что строительство церкви, начатое в марте 1100 г., было завершено в 1101 (6609 мартовском) году; впрочем, в сообщении Ипат. все-таки использован глагол «заложит», т.е. речь идет о начале строительства. В любом случае, если перед нами хронологическая ошибка — это ошибка всего на один год.

Итак, те из дополнительных известий Ипат., датировки которых

полагает, что эти даты восходят к древнему источнику [Цыб 2011: 57–58]. Здесь не место обсуждать вопрос об источниках Тверского сборника (в основе — Ростовский свод 1539 г.), однако возведение этих дат к третьей редакции ПВЛ или источнику «ипатьевских» дополнений как минимум требует дополнительного обоснования.

¹ М. Л. Городецкий отмечает, что «затмение было существенно сильнее в Новгороде, чем в Киеве» [Святский 2007: 101, примеч. 39], однако, конечно, у нас нет других оснований думать, что это известие было записано на севере Руси.

² С. В. Цыб считает ультрамартовским «ипатьевское» известие 1102 г. о рождении Андрея — впрочем, на основании чтения Тверского сборника, древность которого еще надо доказывать (см. примеч. 45).

можно проверить, оказываются хронологически точными или почти точными. Невероятно, что все эти сообщения были «по припоминанию» добавлены в текст ПВЛ в конце 1110-х годов; напротив, несомненно, что добавивший их книжник черпал их из письменного источника. Об этом же говорит и содержание «ипатьевских» известий: среди них есть сообщения о знаменьях, о церковном и гражданском строительстве, о рождениях, т.е. те виды сообщений, которые характерны для записей, делающихся из года в год, а не для ретроспективного, «монотематического» повествования [Алешковский 1976: 134–138, Guimon 2015].

Не может быть никаких сомнений, что перед нами летописные записи, ведшиеся в окружении Владимира Мономаха до того, как он стал киевским князем: почти все «ипатьевские» известия связаны с Мономахом и его семьей. Местом ведения этих записей мог быть Переяславль-Южный, о котором идет речь в известиях 1098 и 1110 гг. Также местом ведения записей мог быть Андреевский (Янчин) монастырь в Киеве (о нем говорится в известиях за 1086 и 1105 гг.). Впрочем, в центре внимания «ипатьевских» известий, очевидно, находится Мономах, а он в 1093–1113 гг. княжил в Переяславле.

Каков был характер этих записей? Состоял ли этот утраченный письменный источник только из записей, попавших в Ипат., или он был более пространной летописью?

Можно предположить самые разные варианты. Например, это могла быть особая редакция Начальной летописи с дополнениями (предположим, что в Киево-Печерском монастыре велась основная летопись, а в Переяславле находилась ее регулярно пополнявшаяся копия с местными добавлениями). Или это мог быть отдельный краткий (или не краткий?) летописец, совершенно независимый от печерского летописания. Это могла быть серия записей на пасхалии или на какой-то церковной книге. Предположения можно строить до бесконечности, однако есть ли у нас хоть какие-то данные для ответа на поставленный вопрос?

Таких данных немного, но все же они имеются. Прежде всего, надо обратить внимание на то, как «ипатьевские» дополнения размещены относительно текста ПВЛ, общего для всех списков. Конечно, если они первоначально были глоссами, то, как их разместил в тексте последующий переписчик, не так уж и важно. Однако все-таки это может отражать первоначальные взгляды глоссатора на правильное расположение известий, особенно если добавления были сделаны со знаком вставки, вписаны на свободном пространстве в продолжение основного текста или (как, возможно, было с известием 1106 г.) до-

бавлены поверх выскобленного текста.

«Ипатьевские» дополнения 942, 1076, 1087, 1098 и 1101 гг. вписаны в конце соответствующих погодных статей, что наиболее естественно. Сообщение 1086 г. составляет единственное содержание этой статьи В то же время известие о знаменнии 1099 г. находится между двумя сообщениями о военных событиях; возможно, летописец как-то учел здесь указание на апрель в известии о знаменнии. Также посредине статьи находится известие о смерти Владислава Польского (1102 г.). Перед ним находится сообщение о знаменниях января и февраля, после — о смерти князя Ярослава в ноябре. Владислав, как известно по другим источникам, умер 4 июня¹, т.е. известие оказалось на его хронологическом месте, несмотря на отсутствие в нем самой даты. В конце той же статьи — другое «ипатьевское» добавление: о рождении Андрея Владимировича, т.е. два дополнения оказались разделены двумя известиями, уже имевшимися в первоначальном тексте ПВЛ. В статье 1105 г. «ипатьевские» дополнения находятся в начале и в конце статьи, как бы обрамляя общий текст всех списков ПВЛ. В общем тексте речь идет о событиях августа, ноября и декабря. В каком месяце обвалилась церковь св. Андрея («ипатьевское» дополнение в начале статьи), мы не знаем. Однако оба дополнения, читающиеся в конце статьи, относятся к зимним событиям (комета была видна в феврале–марте², а о походе Боняка прямо сказано: «зимѣ»). В статье 1106 г., наоборот, относительная хронология при вставке не соблюдена: после общего для всех списков ПВЛ известия о пострижении Евпраксии в декабре следует «ипатьевское» дополнение о затмении в августе, а затем — снова общее для всех списков известие о пострижении Святоши в феврале. Однако это известие, как уже говорилось, возможно, вписано по затертотому (т.е. редактор просто нашел подходящее по объему — и не слишком интересное ему³ — известие и вписал на его месте сообщение о затмении). Наконец, в статье 1110 г. «ипатьевское» дополнение, похоже, привязано по тематике к первому известию статьи (тоже о войне с половцами), расположившись после него и перед рассказом о февральском знаменнии в Печерском монастыре.

Таким образом, анализ расположения «ипатьевских» дополнений относительно общего текста всех списков ПВЛ показывает отсутствие

¹ См. примеч. 46.

² См. примеч. 47.

³ Между прочим, стерто было известие о прибытии к Святополку Сбигнева, сына Владислава, сообщение о кончине которого, наоборот, является одним из «ипатьевских дополнений». Вряд ли, однако, одно как-то связано с другим.

какого-либо единого принципа. Таким принципом могло бы быть размещение этих известий или всегда в конце погодных статей, или всегда по хронологии, или всегда по тематической связи. Между тем мы видим применение всех трех этих принципов в разных случаях. Более того, дважды мы видим, что «ипатьевские» дополнения вставлены хронологически верно, хотя в самих этих известиях точных дат нет.

О чем это может говорить? Мне представляется, что только об одном: источник «ипатьевских» дополнений был летописью, включавшей в себя *не только* эти известия, но и другие, дублировавшие те, что уже были в ПВЛ (или, по крайней мере, какую-то часть из них). Об этом же говорят те из дополнений, которые представляют собой не целые известия, но отдельные детали (дата под 1076 г., детали похода в статье 1109 г.): если эти детали были взяты из того же источника, то, значит, в этом источнике, как и в ПВЛ, были известия о вокняжении Всеволода в 1076 г. и походе на половцев в 1109 г.

С другой стороны, как кажется, источник «ипатьевских» дополнений не был совершенно тождествен ПВЛ. Ведь часть дополнений все-таки располагается в Ипат. в конце погодных статей, т.е. там, где естественно было бы вписать сведения, в источнике никак не соотнесенные с другими событиями того же года.

Конкретизировать все эти соображения дальше вряд ли возможно, однако сделать общий вывод вполне допустимо: источником «ипатьевских» дополнений была летопись, скорее всего, менее пространная, чем «классическая ПВЛ», однако имевшая в своем составе целый ряд известий о тех же событиях, что были зафиксированы в ПВЛ.

Для рубежа XI–XII вв. у нас есть прямой аналог такой летописи — в Великом Новгороде. В основе новгородского летописания XII–XIV вв. лежал летописный свод, представлявший собой сокращенную выборку из киевской летописи с местными новгородскими дополнениями, впоследствии продолженную новгородскими известиями. В более или менее первоизданном виде текст этого свода можно наблюдать сейчас в Синодальном списке Н1. Датировки этого свода несколько расходятся в литературе (обычно речь идет о 1114–1117 гг.; К. Цукерман предложил 1126 г.; по гипотезе автора этих строк, новгородский свод был впервые создан ок. 1095 г., а ок. 1115 г. пополнен на основе киевской летописи и припоминаний о новгородских событиях) [Гимон 2012: 625–631]¹. Для нас сейчас важна не датировка, а харак-

¹ Отсылки к другим датировкам: [Гимон 2012: 616, примеч. 123].

тер этого свода: он частично состоял из выписок из киевской летописи, а частично — из оригинальных новгородских известий. При этом даже тогда, когда новгородская летопись стала вполне самостоятельной (со второй половины 1110-х годов), в ней продолжали фиксироваться в том числе и южнорусские события, на уровне содержания (но не на текстуальном уровне) перекликавшиеся с делавшимися тогда же записями киевской летописи. Вероятно, нечто подобное представлял собой и источник «ипатьевских» дополнений.

Довольно трудно определить время начала ведения этой летописи. Большая часть «ипатьевских» дополнений приходится на вторую половину 1080-х — 1100-е годы. Дополнения в более ранних статьях (942, 1076 гг.), скорее всего, являются ретроспективными. Собственно, они могли родиться и под пером того книжника, который внес «ипатьевские» известия в текст ПВЛ. Если верна гипотеза о третьей редакции ПВЛ, то этот книжник был близок к Мстиславу Владимировичу, и для него естественным было бы добавить в ПВЛ известия о рождении Мстислава и его прямого предка — Святослава Игоревича¹. С другой стороны, эти известия могли быть взяты и из источника «ипатьевских» дополнений, где, в свою очередь, были ретроспективными вставками.

Со второй половины 1080-х годов записи уже явно не носят характера ретроспективных вставок (ср. особенно известие о походе Всеволода к Перемышлю под 1087 г.). Правда, между 1087 и 1098 гг. «ипатьевских» дополнений снова нет, однако, как я предположил выше, это может объясняться соотношением двух редакций ПВЛ: в этой части Лавр.–Радз.–М.–А. восходят к третьей редакции, т.е. «ипатьевские» дополнения здесь читаются во всех списках ПВЛ и их нельзя вычлениить. Поэтому кажется вероятным, что ведение летописи — источника «ипатьевских» дополнений началось во второй половине 1080-х годов. Несомненно, она уже велась в конце 1090-х годов.

Вполне вероятно, что пополнение этой летописи продолжилось и после 1110 г. А.А. Гиппиус справедливо отметил, что, хотя серия «ипатьевских» известий обрывается там, где заканчивается общий текст всех списков ПВЛ, т.е. на статье 1110 г., почти наверняка такие дополнения «имеются и в последующих статьях Ипатьевской летописи, где их, однако, сложно отличить от основного текста. В одном случае, впрочем, такая возможность имеется» [Гиппиус 2007: 37]: в статье

¹ Известия о рождении Ярослава Мудрого (под 980 г., при перечислении сыноией Владимира), Всеволода Ярославича (под 1030 г.) и Владимира Всеволодича Мономаха (под 1053 г.) в ПВЛ уже были. Нет только записи о рождении Владимира Святославича.

1113 г. известие о сооружении Мстиславом Николо-Дворищенского собора в Новгороде является явной вставкой, поскольку в предыдущем и в следующем сообщениях субъектом является Мономах, но при этом в следующем сообщении подлежащее опущено («Того же лѣта посади сына своего Ярополка...»). Иными словами, текст логично бы читался без известия о Николо-Дворищенском соборе (где субъект — Мстислав), и это известие, следовательно, является вставкой [Гиппиус 2007: 37–39¹]. К этой же серии вставок Гиппиус предположительно относит еще два известия о строительной деятельности Мстислава в Новгородской земле (под 1114 г.) — о сооружении новой стены Новгорода и каменного города в Ладоге. Зачало первого из этих сообщений идентично началу известия о Николо-Дворищенском соборе («В се же лѣто Мстиславъ заложи...»); все три записи обнаруживают нехарактерное для южнорусского летописца знакомство с топографией северо-запада Руси. Наконец, к этим предположительным вставкам примыкает подробный рассказ статьи 1114 г. о чудесных явлениях, о которых летописец слышал в Ладоге [Гиппиус 2007: 39].

А. А. Гиппиус относит к тому же слою дополнений два известия статьи 1115 г.: о солнечном затмении и о смерти Олега Святославича. Аргумент здесь такой же, как для статьи 1113 г.: после названных известий сказано: «Того же лѣта устрои мость чересь Днѣпръ», т.е. опять подлежащее опущено, а речь идет о Владимире Мономахе, который является субъектом не в предыдущих двух сообщениях (предположительно, вставных), а до этого — в рассказе борисоглебских торжествах [Гиппиус 2008: 19]. Однако, в отличие от статьи 1113 г., здесь возникают сомнения. Во-первых, сам Гиппиус указывает, что подлежащее «Володимиръ» в известии о строительстве моста все-таки есть — в Ипат. оно дописано другим почерком на полях, а в Хлебн. — в основном тексте. Ученый полагает, что «в этом следует видеть скорее независимое позднейшее восполнение по смыслу, считая чтение основного текста Ипат. первоначальным» [Гиппиус 2008: 19]. На мой взгляд, наличие имени «Владимир» и в Ипат. (пусть в виде глоссы), и в Хлебн. говорит, скорее, о том, что это слово было в их общем протографе. Во-вторых, слово «Володимиръ» имеется в соответствующем известии Лавр.–Радз.–М.–А.² Конечно, вставного характера этих двух

¹ Гиппиус основывается на наблюдении А.Г. Кузьмина, но интерпретирует его по-другому.

² Хотя отношения между Ипат.–Хлебн. и более кратким текстом Лавр.–Радз.–М.–А. за 1110-е годы не вполне ясны, думаю, что чтение последних списков подтверждает первоначальность наличия подлежащего в данном известии.

известий исключать полностью нельзя, однако продолжать ими ряд «ипатьевских дополнений» вряд ли корректно, тем более что эти сообщения (в отличие от названных чуть выше известий 1113 и 1114 гг.) не обнаруживают никакой связи ни с Мономахом, ни с Мстиславом.

Если отмеченные А. А. Гиппиусом известия 1113–1114 гг. восходят к той же летописи — источнику «ипатьевских» дополнений, то придется предположить, что между 1110 и 1113 гг. она была перевезена в Новгород и продолжена там. Это, однако, представляется маловероятным: во-первых, Мстислав стал новгородским князем сильно раньше, в 1095 г.; во-вторых, в Новгороде, скорее всего, в это время уже имелась своя летопись¹. Скорее, составитель третьей редакции ПВЛ внес несколько сообщений о новгородской деятельности Мстислава по припоминанию², а из источника «ипатьевских» дополнений мог заимствовать какие-то еще известия за 1110-е годы, вычленив которые не представляется возможным.

Таким образом, анализ «ипатьевских» дополнений к ПВЛ позволяет говорить о существовании особой южнорусской летописи, ведшейся как минимум в конце 1090-х — 1100-х годах (а может быть, и раньше, со второй половины 1080-х, и позже, в 1110-х годах). Состав этой летописи не может быть сколь-либо уверенно реконструирован, однако, скорее всего, он в значительной степени совпадал с составом ПВЛ за эти годы (и вероятно, эта летопись была ответвлением от «основного ствола» киевского летописания). Возможно, она была похожа на новгородский свод конца XI — начала XII в., представляя собой краткие выписки из киевской летописи в сочетании с оригинальными дополнениями. Ясно только, что она пополнялась из года в год, о чем говорит тематика и хронологическая точность «ипатьевских» дополнений. Местом ведения, вероятнее всего, был Переяславль-Южный.

¹ О ней уже шла речь выше, см. примеч. 55.

² Известия о строительстве стен в Новгороде и Ладоге под 1114 г. находят себе параллель в Н1, однако под 1116 г. Обычно считается, что датировка в Ипат. первоначально и более точна [Гиппиус 2006: 208, Гиппиус 2007: 41, примеч. 16, Михеев 2011: 148–149]. Однако это, строго говоря, ниоткуда не следует. Вопреки А. А. Гиппиусу и С. М. Михееву я не думаю, что слова «заложи Новьгород болии перваго», присутствующие и в Ипат., и в Н1, обязательно предполагают общий письменный источник. Эта словесная формула вполне могла использоваться и устно, когда говорилось о строительстве новгородских стен. А если так, то наиболее простым объяснением будет *независимая запись* этих событий киевским и новгородским летописцами. Именно этим и должно объясняться расхождение в датировке, особенно естественное, если киевская запись была сделана создателем третьей редакции ПВЛ в 1117 или 1118 г.

Сокращения

Ипат. — Ипатьевская летопись
Лавр. — Лаврентьевская летопись
М.-А. — Московская Академическая летопись.
ПВЛ — Повесть временных лет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
Радз. — Радзивилловская летопись
Хлебн. — Хлебниковский список Ипатьевской летописи

Литература

Алешковский М. Х. К типологии текстов “Повести временных лет” // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1975. М., 1976. С. 134–138.

Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.

Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века: 1) Повесть временных лет; 2) Летописи южнорусские. СПб., 1868.

Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет. М., 2006.

Гимон Т. В. События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // Древнейшие государства Восточной Европы, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 615–641.

Гимон Т. В. Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // Древнейшие государства Восточной Европы, 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 72–76.

Гитцуус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44; 2008. № 2. С. 3–24.

Гитцуус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении). I // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2004–2005. М., 2006.

Добровольский Д. А. Этническое самосознание древнерусских летописцев XI — начала XII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.

Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

Лихачёв Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947.

Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.

Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. М.–Л., 1950.

Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996.

ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.

Святский Д. О. Астрономия Древней Руси. С каталогом астрономических известий в русских летописях, составленным М. Л. Городецким. М., 2007.

Творогов О. В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997.

Цыб С. В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». 2-е изд., испр. СПб., 2011.

Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. Т. 2. СПб., 2011.

Guimon T. V. What events were reported by Old Rus chroniclers? // COL-LEGIUM: Studies across disciplines in the humanities and social sciences. Helsinki, 2015 (<<http://www.helsinki.fi/collegium/journal/index.htm>>).

Jasiński K. Rodowód pierwszych Piastów. Warszawa; Wrocław, [1992].

Соколова Лидия Викторовна

Институт русской литературы

(Пушкинский Дом)

Российской академии наук

Россия, г. Санкт-Петербург

Об источниках рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. (Троицкой летописи)

В изучении памятников Куликовского цикла сделано уже немало. Большой вклад в их исследование внесли классические работы А. А. Шахматова по летописанию и его рецензия на книгу С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище», в действительности представляющая собой самостоятельное исследование. Тем не менее, многие проблемы нуждаются в дополнительном изучении, поскольку по вопросам датировки, взаимоотношений памятников Куликовского цикла и по большинству других проблем единого мнения не существует.

Обратимся к летописным повествованиям о Куликовской битве с целью уточнить историю создания *рассказа* о Куликовской битве.

Рассказ о Куликовской битве читается в Рогожском летописце (далее — Рог.)¹ и Симеоновской летописи (далее — Сим.)¹ восходя-

¹ Список РГБ, ф. 247, № 258, лл. 335 об.–337 об., второй половины 40-х гг. XV в. Изд.: [ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. 1922: 1–187]. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца с вариантами по Симеоновской летописи см.: [Кучкин 1998б: 9–11]. О Рог. см.: [Муравьева 1998].

щих к своду 1412 г. Со стилистическими изменениями рассказ читается в Белорусской I летописи (далее — Бел. I).² Общим протографом рассказа Рог.—Сим. и Бел. I является свод 1408 г., выделяемый на основании Троицкой летописи (далее — Тр.),³ заканчивавшейся 1408 г. В Новгородской I летописи младшего извода (НІЛ мл.) читается новгородская редакция рассказа [Новгородская первая летопись 1950: 376–377, Новгородская первая летопись 2000: 376–377], составитель которой наряду с рассказом свода 1408 г. использовал и другой источник [Соколова 2014: 305–353].

Существует также более пространное повествование о Куликовской битве — «Летописная повесть», которая дошла в составе Софийской I (далее — СИЛ)⁴ и Новгородской IV (далее — НІVЛ)⁵ летописей, а также во второй подборке Новгородской Карамзинской летописи (далее — НК2).⁶ Последней общей для СИЛ и НІVЛ статьей оказывается статья 6926 (1418) г., из чего А. А. Шахматов сделал вывод, что в основе этих летописей лежал общий протограф, доведенный до этого года. В свою очередь выделенный им гипотетический «свод 1448 г.», или (по позднему уточнению А. А. Шахматова) «Новгородско-

¹ Список БАН 16.8.25, лл. 251 об.–255 (нижней пагинации), второй четверти XVI в. изд. [ПСРЛ. Т. 18. 1913, ПСРЛ. Т. 18. 2007].

² Списки Никифоровский (далее — Нкф.) (БАН 45.11.16, XV в.) и Супрасльский (далее — Супр.) (Архив СПбИИ, ф. 115, № 143, первая половина 30-х гг. XVI в.) изд.: [ПСРЛ. Т. 35. 1980: 29–30 (Нкф.), 49–50 (Супр.)]; [ПСРЛ. Т. 17. 1907: 1–83 (Супр. с вариантами по Нкф.); репринт: М., 2008]. Лучшим списком, сохранившим более исправные и древние чтения, является Нкф. А. В. Шеков, не учитывая установленное исследователями зависимость Бел. I от свода 1408 г., посчитал рассказ Бел. I первичным по отношению к тексту Рог.—Сим. [Шеков 2004: 13–22]. Ученый сослался, в частности, на то, что в Бел. I нет списка погибших на Куликовом поле, заимствованного из пергаменного Синодика. Однако С. Н. Азбелев справедливо отметил, что рассказ в Бел. I «основан на сокращении текста, восходившего к Троицкой летописи», и что «неактуальный для смоленского летописца середины XV в. перечень одиннадцати московских воевод, убитых в 1380 г., был заменен двумя общими фразами, прославлявшими павших на Куликовом поле» [Азбелев 2010: 98, примеч. 31].

³ Троицкая летопись, оканчивавшаяся 1408 г., сгорела во время московского пожара 1812 г. Ее текст реконструирован М. Д. Приселковым с выделением в тексте выписок Н. М. Карамзина: [Приселков 1950, Приселков 2002]. Дополнительный материал к реконструкции М. Д. Приселковым Тр. с привлечением новых источников см.: [Муравьева 1991: 72–127]. По словам Л. Л. Муравьевой, поддержавшей мнение М. Д. Приселкова, Д. Феннела, М. Х. Алешковского и Б. А. Альтшуллера, Троицкая рукопись свода начала XV в., которая находилась в руках Н. М. Карамзина, «была все-таки ранней (с ремарками) копией с оригинала, написанного вскоре после 1408 г.» [Муравьева 1991: 201, 205]. М. Д. Приселков датировал оригинал Тр. временем от 1408 (окончания в ней изложения) до 1413 г. (появления тверской обработки Тр. — так называемого свода 1412 г.) [Приселков 1950: 47].

⁴ Изд.: [ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. 2000; ПСРЛ. Т. 39. 1994; Памятники Куликовского цикла. 1998: 28–62].

⁵ Современное изд.: [ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. 2000].

⁶ Единственный список НК читается в сборнике РНБ, F.IV.603. Изд.: [ПСРЛ. Т. 42. 2002].

Софийский свод 30-х годов XV в.» (далее — НСС), опирался, очевидно, на две летописные традиции — общерусскую (типа Лаврентьевской–Троицкой) и новгородскую. А. А. Шахматов предполагал, что этот гипотетический свод (НСС) восходит к Владимирскому Полихрону митрополита Фотия 1423 г. М. Д. Приселков, принимая гипотезу о существовании свода 1448 г., датировал Фотиев Полихрон 1418 г. [Приселков 1996: 204–210]. Аргументация А. А. Шахматова относительно того, что НСС предшествовал более ранний источник — Полихрон Фотия, была позднее опровергнута исследователями [Лурье 1976: 70–71, Клосс 2000: XI]. А. Г. Бобров возводит СИЛ и — опосредованно — НИВЛ к своду митрополита Фотия, который датирует 1418 г. [Бобров 1993: 6–11, Бобров 2001: 128–160]. Эту датировку свода Фотия поддержали Б. М. Клосс [Клосс 2000: XII–XIII] и М. А. Шибав [Шибав 2000: 368–383].

Происхождение рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. (Тр.), к которому восходят опосредованно рассказы Рог. и Сим., до сих пор вызывает споры. По одной версии, рассказ Рог.–Сим. является первоначальным по отношению к Повести текстом [Шахматов 1901: 65, Приселков 1996: 208–209, Салмина 1966: 364, Дмитриев 1980а: 15–19, Дмитриев 1980б: 227, 228, Кучкин 1998б: 15], по другой же — рассказ Рог.–Сим. представляет собой сокращение Повести [Шамбинаго 1906: 81–83, Шахматов 1910: 125¹, Греков 1975: 334²]. По третьей версии, текст Рог.–Сим. составлен на основе не дошедших до наших дней памятников [Кучкин 1998б: 15, Зайцев 2005: 44–45, Шеков 2004: 13–22].

М. А. Салмина, возражая С. К. Шамбинаго, считавшему рассказ Рог.–Сим. сокращением Повести, доказывала, что рассказ о Куликовской битве является первоначальным летописным повествованием о Куликовской битве, поскольку, по ее мнению, рассказ этот «на всем протяжении стройный, в нем нет ни одного повторения, события описываются в четкой последовательности, никаких литературных “источников” в нем не обнаруживается» [Салмина 1966: 356].

¹ А. А. Шахматов поменял свою первоначальную точку зрения под влиянием рецензируемой им работы С. К. Шамбинаго.

² По словам И. Б. Грекова, «краткая редакция Повести» (т.е. рассказ о Куликовской битве) возникла «как результат радикальной переделки пространной редакции Повести, осуществленной в соответствии с существовавшими тогда в Москве политическими настроениями» для включения в свод 1408 г. [Греков 1975: 442]. С. Н. Азбелев считает, что первоначальный текст внелетописной Повести дошел в Новгородской летописи Дубровского, он был сокращен составителем свода 1408 г., а затем составителем НСС [Азбелев 1974: 164–172, Азбелев 2011: 83–90]. Эта точка зрения не получила признания у исследователей, с ней не согласились М. А. Салмина, Я. С. Лурье, В. А. Кучкин и др., см. об этом: [Соколова 2014: 314–315].

Однако А. А. Шахматов указал в рассказе четыре дублировки, которые обычно считаются классическими индикаторами присутствия в одном тексте двух разных источников [Шахматов 1910: 125–126¹]. Еще две дублировки в Рог.–Сим. были затем отмечены Л. А. Дмитриевым [Дмитриев 1982: 324] и В. А. Кучкиным [Кучкин 1998б: 14–15], все они приведены и проанализированы в статье А. К. Зайцева [Зайцев 2005: 44–45]. В. А. Кучкин, поставив под сомнение две из приведенных А. А. Шахматовым дублировок, признал, что два других примера (1 и 4)² бесспорно свидетельствуют о дублировании текста в рассказе Рог.–Сим. и что «вывод А. А. Шахматова об использовании в этом рассказе двух источников оказывается вполне обоснованным» [Кучкин 1998б: 14]. По мнению В. А. Кучкина, рассказу Рог.–Сим. предшествовали «не дошедшие до наших дней памятники, возможно, как летописного, так и внелетописного происхождения, в которых победа на Куликовом поле и связанные с нею события излагались подробнее, чем в дошедших текстах Рогожского летописца и Симеоновской летописи» [Кучкин 1998б: 15].

Из предполагаемых источников рассказа исследователь исключил известную нам «Летописную повесть», сославшись на то, что «М. А. Салмина доказала зависимость рассказа Новгородской IV летописи и близких к ней сводов от рассказа в Симеоновской, а не наоборот» [Кучкин 1998б: 15]. Но можно ли считать эту зависимость доказанной?

Основной текстологический довод М. А. Салминой в пользу первичности рассказа Рог.–Сим. сводится к следующему: «В кратком рассказе великий князь лишь после битвы узнает о том, что Олег готовился быть союзником Мамаю, это первое упоминание о роли рязанского князя. В “Летописной повести” же с самого начала уже известно об измене Олега, и Дмитрий Иванович узнает о ней еще в Москве <...> поэтому сходная с кратким рассказом фраза — “поведаша князю великому, что князь Олег Рязаньский посылал Мамаю на помощь свою силу” — в данном эпизоде “Летописной повести” явно не уместна. Совершенно очевидно, что эта фраза была переписана механически (из рассказа в Повесть. — Л. С.) вместе с остальным текстом, где речь

¹ По мнению А. А. Шахматова, источником рассказа Рог.–Сим. помимо «Летописной повести» была Ростовская летопись.

² Первый пример дублировки: «И бысть поле чисто и велико зъло» — «бѣ бо поле чисто на усть Непрядьвы рѣкы»; четвертый пример: «и убѣжа Мамай въ малѣ дружинѣ въ свою землю Татарскую» — «тогда же Мамай не во мнозѣ утече съ Доньскаго побоища и прибѣже въ свою землю въ малѣ дружинѣ». О том, чем в действительности объясняются дублировки в Рог.–Сим., см.: [Соколова 2014: 337–339].

шла уже о действиях Олега после битвы (он переметал мосты, грабил возвращавшихся с битвы)» [Салмина 1966: 359].

Этот довод нельзя признать неопровержимым. Во-первых, описание последствий битвы: судьбы Олега Рязанского, Мамаю и Тохтамыша — логичнее предполагать в развернутой Повести, нежели в рассказе, очень кратко сообщающем о самой битве, на что указал еще С. К. Шамбинаго.

Во-вторых, повторение в конце Повести сообщения о том, что Олег посылал на помощь Мамаю свою «силу», не доказывает первичности рассказа Рог.—Сим. по отношению к Повести. Исследователи неоднократно отмечали в Повести ряд несообразностей; они относятся, по словам А. К. Зайцева, и к «публицистическим» сюжетам, и к изложению фактических сведений. Поэтому справедливо замечание, что «в авторе Повести трудно увидеть опытного стилиста и тщательного компилятора» [Зайцев 2005: 50]. В таком случае нет ничего удивительного в том, что автор (или редактор первоначального текста), внесший известия о союзе Олега с Мамаем в начало повествования, повторил в конце Повести, где речь шла уже о действиях Олега после битвы, сообщение о том, что рязанский князь посылал на помощь Мамаю своих воинов.

В-третьих, М. А. Салмина допускает в рассуждениях серьезную ошибку, приписывая рассказу Рог.—Сим. фразу, отсутствующую в нем. Она по сути дела утверждает, что в кратком рассказе (т.е. в Рог.—Сим.) в данном фрагменте речь шла не только о том, что Олег посылал на помощь Мамаю свою силу, но и о том, что он совершил уже после битвы: «на реках мосты переметал» и *грабил возвращавшихся с битвы*. И весь этот текст якобы был переписан из Сим. в Повесть. Однако известия об ограблении рязанцами возвращавшихся с битвы воинов в Рог.—Сим. нет. И это явный пропуск в Рог.—Сим., поскольку не разрушение мостов было главным преступлением Олега против русских воинов, возвращавшихся с ожесточенной битвы, а ограбление воинов и взятие некоторых из них в плен. Этот факт произвел сильное впечатление на современников, он был зафиксирован в договоре («Докончании») Дмитрия Ивановича с Олегом Рязанским 2 августа 1381 г.,¹ а также отразился в современных Куликовской битве немецких

¹ В «Докончании» говорилось о возвращении пленных и награбленного: «А что князь великий Дмитрий и брат, князь Володимер, билися на Дону с татары, от того веремени что грабеж, или что поиманые у князя у великого людии у Дмитрия и у его брата, князя Володимера, тому межи нас суд вопчии, отдати то по исправе» [Собрание государственных грамот и договоров 1813: 54. Грамота 32]. Судя по тому, что вопрос о донском полоне ставился затем и в договор-

хрониках (ошибочно приписавших ограбление воинов литовцам) [Азбелев 2008: 146]. Почему же сообщение об ограблении русских воинов оказалось пропущено в своде 1408 г.? Возможно, потому, что его составитель счел этот факт снижающим воинскую доблесть ратников, победивших Мамай, или потому, что признал его не заслуживающим упоминания в кратком рассказе о первом крупном сражении между татарами и русскими, завершившемся победой русских.

О первичности текста Повести свидетельствует явная вторичность по сравнению с ней и другого сообщения в Рог.–Сим. — о возвращении Дмитрия Ивановича в свою землю. В конце описания битвы в Рог.–Сим. сказано о возвращении князя Дмитрия Ивановича в Москву, где ему стало известно о поведении Олега после битвы, туда же к нему прибыли бояре рязанские. После сообщения о том, что Дмитрий Иванович внял просьбам рязанцев и не послал на них рать, в тексте Рог.–Сим. и Бел. I (т.е. в своде 1408 г.) ошибочно повторено сообщение о возвращении Дмитрия Ивановича в свою землю: «рати на них не посла, а сам поиде въ свою землю, а на Рязанском княжене посади свои намѣстници» (ср. в Повести: «рати на нихъ не посла, а на Рязанскомъ княжении посажа намѣстници свои»).

Доказывая первичность текста рассказа по отношению к Повести, М. А. Салмина исходила, видимо, из убеждения, что «Летописная повесть» создана в 40-е годы XV в., а следовательно, гораздо позднее рассказа свода 1408 г. Однако существует аргументированная точка зрения, согласно которой Повесть о Куликовской битве как самостоятельное (внелетописное) произведение была создана еще в конце XIV в.

Указав на «крайне страстный, негодующий тон повести», «в высшей степени резкую характеристику Олега», а также на фразу о будущем посмертном суде («придетъ ему день, великий день Господень въ судъ»), А. Марков в рецензии на книгу С. К. Шамбинаго высказал мысль, что Повесть написана еще при жизни Олега, т.е. до июля 1402 г. [Марков 1908: 434–435]. С этим мнением согласились А. А. Шахматов,¹ М. Н. Тихомиров,¹ И. Б. Греков,² С. Н. Азбелев [Аз-

ных грамотах наследников Дмитрия Ивановича и Олега Ивановича — их сыновей («Докончание» 1402 г.), а потом и внуков («Докончание» 1447 г.), Рязань так ничего Москве и не вернула. О Московско-рязанском договоре 1381 г. см.: [Кучкин 2003: 245–249, 264–265].

¹ А. А. Шахматов вслед за А. В. Марковым отметил, что «даже в Москве образ Олега Ивановича не мог бы вызвать у представителей следующих поколений той злобы, которую он вызывал у современников» [Шахматов 1910: 103]. Ученый предположил, что Повесть создана еще при жизни Дмитрия Донского, в течение 1381 или в начале 1382 г., поскольку в ней нет намеков на взятие и сожжение Москвы Тохтамышем в 1382 г. [Шахматов 1910: 119–121, 170].

белев 2011: 90–91], А. К. Зайцев [Зайцев 2005: 55], Л. Л. Муравьева [Муравьева 1991: 171–172].³

Сообщение о существовании рязанско-ордынского союза в 1380 г., о посылке Олегом войск к Мамаю вызывает у ряда современных исследователей серьезные сомнения, обоснованные прежде всего В. А. Кучкиным, по словам которого эти сведения носят не фактический, а публицистический характер [Кучкин 1998б: 19, Кучкин 1998а: 49–51, 53, 54, 57]. Поэтому исследователи предполагают, что поводом для столь гневного пафоса Повести послужило другое, более позднее событие.

С. Н. Азбелев, датирующий Повесть 1386 г., и А. К. Зайцев, датирующий ее второй половиной 1385 г., связывают гневный выпад автора Повести в адрес Олега Рязанского с нападением последнего на Коломну 25 марта 1385 г., когда он в день двойного праздника — Благовещения и Лазаревой субботы — совершил набег на Коломну, пограбил ее, увел с собою с целью выкупа коломенского наместника, бояр и «лучших мужей» [Азбелев 2011: 91, Зайцев 2005: 53–55]. В. А. Кучкин полагает, что гневный выпад против Олега вызван скорее событиями 1382 г. — нашествием на Москву Тохтамыша [Кучкин 1998а: 49].⁴ Взять Москву татарам помог Олег Рязанский, который «обведе царя около всея своей земли и указа ему вся броды на Оце», рассчитывая тем самым уберечь от татар свое княжество, но тщетно: на обратном пути Тохтамыш «взя всю Рязанскую землю и огнем пожже и люди посъче, а полона поведе въ Орду множество бесчисленное». Досталось Олегу и от москвичей, наказавших его за предательство: той же осенью москвичи его «землю всю до остатка взяша и огнем пожгоша и пугу сотвориша». «Пуще ему и татарьские рати!» — восклицает летописец [ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. 1922: 146].

Есть основание предполагать, что в авторском тексте Повести сообщалось только о разрушении мостов рязанцами, об ограблении ими воинов, возвращавшихся с битвы, и взятии некоторых из них в плен. Все остальные сведения об Олеге Рязанском — о его союзе с

¹ М. Н. Тихомиров пишет: «Летописная повесть появилась не позже смерти Олега Ивановича рязанского (1402 г.), так как о нем говорится как о живом и еще опасном противнике московских князей» [Тихомиров 1959: 346].

² По мнению И. Б. Грекова, Повесть была создана в начале 90-х гг. XIV в. в связи с составлением общерусского свода конца XIV в. — «Летописца великого русского», в который и была включена [Греков 1975: 334, 435].

³ Л. Л. Муравьева вслед за И. Б. Грековым полагает, что Повесть о Куликовской битве была включена уже в «Летописец великий русский».

⁴ В. А. Кучкин не рассматривает это как датирующий признак. По его мнению, Повесть создана в составе НСС в 30-е гг. XV в.

Мамаем и Ягаило, о посылке им войск к Мамаю, о его посланиях к Мамаю и Ягаило, о его послании к Дмитрию Ивановичу, гневные обличения рязанского князя внесены позднейшим редактором Повести (текстологические доказательства этого — тема особой статьи). Эти вставки в текст Повести, обличающие Олега, могли быть вызваны событиями последующего времени, скорее всего, 1382 г., когда Олег действительно вел себя как пособник Мамаю.

Исследователи, в частности С. Н. Азбелев и А. К. Зайцев, отмечают, что столь резко обличающая Олега Повесть не могла появиться позже 1386 г., в котором Олег «навечно» помирился с Дмитрием Донским, после чего действительно до конца жизни не вел двусмысленной политики в отношениях между Русью и Ордой. «Повесть же, несомненно, составлена в обстановке самой крайней неприязни к Олегу» [Азбелев 2011: 91].

Таким образом, Повесть о Куликовской битве была создана, скорее всего, между 1380 и 1386 г. и содержит текст, первичный по отношению к рассказу Рог.—Сим., восходящему к своду 1408 г. Поэтому одним из источников сводного текста рассказа вполне могла быть внелетописная Повесть 80-х гг. XIV в., а не некое недошедшее «московское пространное повествование о Куликовской битве», как предполагает В. А. Кучкин.

Позднее Повесть была включена в летописный свод Фотия 1418 г., заменив собой *рассказ* о Куликовской битве, читавшийся в своде 1408 г. То, что составитель свода 1418 г. заменил рассказ, читавшийся в своде 1408 г., внелетописной Повестью, подтверждается характером его работы. По наблюдению М. Д. Приселкова, он «привлек для своей работы немало новых материалов, в большинстве случаев внелетописного характера (сказания, повести, послания, грамоты), которые должны были придать новому своду характер не только исторического обзора прошлых судеб Русской земли, но и назидательного чтения» [Приселков 1996: 207].

В таком случае какой текст помимо Повести был источником для сводного рассказа?

По моему мнению, это был текст краткой летописной заметки, дошедший в Московско-Академической летописи (далее — МАк).¹ А. А. Шахматовым установлено, что летописный текст в МАк. — ком-

¹ МАк. известна в единственном списке рубежа XV–XVI вв.: РГБ. Ф. 173.1 (Фундаментальное собр. б-ки МДА), № 236. Изд.: [ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. 1928: 489–540]. По крайней мере с XVII в. кодекс принадлежал Троице-Сергиеву монастырю (он зафиксирован в описи монастырской библиотеки 1641 г.). Вероятно, там он и был создан [Новикова 2012: 187].

пиляция, состоящая из трех разнородных частей [Шахматов 1938: 222–230]. Причем, по наблюдению Б. М. Клосса, МАк. «представляет собой оригинал летописного свода, поскольку ряд палеографических примет в точности соответствует смене его источников» [Клосс 1997: К]. Третья часть МАк. (конец 1238–1419 гг.), в которой читается заметка о Куликовской битве, восходит к ростовскому владычному своду 1419 г., объединившему летопись конца XIV в. с ростовскими известиями.

Летописную статью 1380 г. в МАк. все исследователи считают сокращением рассказа Рог.–Сим. [Шахматов 1938: 228, Салмина 1966: 355, Муравьева 1991: 89, Зайцев 2005: 39]. Это мнение основывается, вероятно, на том, что МАк. (рукопись 80-х гг. XV в.) моложе свода 1408 г., к которому восходят Тр. и Рог.–Сим. Реконструируя состав Тр. на основании сопоставления известий различных летописей, Л. Л. Муравьева пишет: «МАк. относительно широко (при отсутствии 19 статей и сокращения записей) представляет общий текст Тр.–Сим.–Рог.–Вл<адимирского летописца> за 1359–1408/9 гг.; целый ряд сообщений об одних и тех же событиях эта летопись хранит в самостоятельных записях с оригинальными чтениями, иной датировкой...» [Муравьева 1991: 116–117]. При такой характеристике МАк. нельзя ли предположить обратной зависимости текстов Тр. и МАк. и допустить, что не МАк. опустила 19 статей и сократила текст оставшихся статей, а составитель свода 1408 г. добавил 19 статей в протограф МАк. и расширил объем имевшихся в нем статей? По сравнению с другими летописями, в том числе сокращенными сводами, МАк. содержит краткие, лаконичные по языку и при этом чисто информационные по характеру известия, представляющиеся первичными по отношению к текстам других летописей.

Как выяснил Я. С. Лурье, ростовский свод 1419 г., отразившийся в третьей части МАк., и московский свод 1408 г., отразившийся в Тр., находились в довольно сложных отношениях друг с другом. Некоторые совпадения между ними могут объясняться влиянием старшего свода (1408) на младший (1419).¹ Но в других случаях, по наблюдениям Я. С. Лурье, заметно и обратное влияние; ученый полагал, что некоторые известия могли проникнуть в свод 1408 г. из источника (или источников) ростовского свода [Лурье 1976: 45, примеч. 45, 56, Лурье 1989: 45–47].

Что это был за источник?

¹ К текстам ростовского свода 1419 г., испытавшим влияние свода 1408 г., Я. С. Лурье отнес, в частности, рассказ о Куликовской битве 1380 г. и рассказ о нашествии Тохтамыша в 1382 г., но не обосновал этого [Лурье 1976: 45, примеч. 92].

По мнению Я. С. Лурье, общерусская летопись, лежащая в основе ростовского свода, — это та же летопись, которая послужила протографом для свода 1408 г. [Лурье 1985: 198–199].¹ А. А. Шахматов и М. Д. Приселков отождествляли протограф последнего с «Летописцем великим русским», на который как на документ, не вызывающий сомнений, ссылается составитель Тр. под 6900 (1392) г.²

В таком случае ростовский свод 1419 г., отразившийся в МАк., мог лучше сохранить текст «Летописца великого русского», который был дополнен и отредактирован в своде 1408 г. Следовательно, рассказ о Куликовской битве в МАк. вполне может содержать текст, первичный по отношению к рассказу свода 1408 г.

Предположение Л. Л. Муравьевой, что «Летописец великий русский» включал большее количество повестей, чем Тр. [Муравьева 1991: 180],³ вряд ли оправданно, как и утверждение о наличии в «Летописце великом русском» пространного текста о Куликовской битве — «Повести (или подробного Рассказа) о Донском побоище» [Муравьева 1991: 181, 182], который якобы был сокращен в своде 1408 г. Более убедительна обоснованная точка зрения М. Д. Приселкова о расширении, дополнении составителем свода 1408 г. своего протографа, «Летописца великого русского» [Приселков 1996: 168–179, 187–203]. М. Д. Приселков пишет: «Ближайшее рассмотрение текста Лето-

¹ См. здесь генеалогическую схему летописей на с. 196. Предположение, что в основе ростовского свода 1419 г. лежит общерусский свод 1392 г., подтверждается и тем, что именно после 1391 г. (за 1394–1415 гг., статей за 1392–1393 гг. нет) в ростовском своде идут в основном ростовские известия.

² Говоря о сложностях в отношениях новгородцев с великими князьями, составитель Тр. предлагает открыть книгу *Летописец великий русский* и прочесть там текст «отъ великаго Ярослава и до сего князя нынѣшняго» в подтверждение того, что новгородцы — «человѣци суровы, непокоривы, упрямы, непоставни» по отношению к великим князьям. Под «нынешним» князем составитель свода 1408 г. имел в виду Василия Дмитриевича, вступившего на престол 15 августа 1389 г. Последней статьей «Летописца», по предположению А. А. Шахматова, была статья 1390 г. [Шахматов 1900: 151], а по предположению М. Д. Приселкова — статья 1389 г. [Приселков 1996: 178]. Однако тот факт, что за свидетельством о ссорах новгородцев с великими князьями автор свода 1408 г. отсылает ко времени от Ярослава Великого до Василия Дмитриевича включительно, конфликт которого с новгородцами имел место в 1392 г., ясно указывает, что «Летописец» был доведен до этого года. В. Л. Комарович, сличив Тр. с близкими к ней текстами Сим. и Рог., отметил, что текст Рог. тождествен Тр. до 1392 г. включительно, и пришел к выводу, что именно 1392 г. оканчивался летописный свод, предшествовавший Тр. [История русской литературы 1945: 193–195]. К этому же мнению пришел и Г. М. Прохоров [Прохоров 2014: 298].

³ По заключению Л. Л. Муравьевой, специально рассматривавшей соотношение «Летописца великого русского» (ЛВР) с Тр., «в ЛВР, вполне вероятно, были уже Повесть о битве на Пьяне, Рассказ о битве на Воже, Повесть (или подробный Рассказ) о Донском побоище, Повесть (или подробный Рассказ) о Тохтамыше и Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче» [Муравьева 1991: 181]. Как видим, исследовательница посчитала, что в «Летописце» были все повести, «лежащие в хронологических границах ЛВР», т.е. описывающие события, произошедшие до 1392 г.

писца великого русского, положенного сводчиком 1408 г. в основу своего свода, не оставляет сомнения в том, что при включении этого Летописца в свод 1408 г. он был подвергнут некоторого рода обработке». И приводит убедительные тому свидетельства на примере статей 1330 и 1328 г.¹ Исходя из этого, можно предположить, что и заметка о Куликовской битве под 1380 г. в «Летописце великом русском» была расширена сводчиком 1408 г. путем включения фрагментов из Повести о Куликовской битве.

Предположение, что в МАк. дошла краткая летописная заметка свода 1392 г., послужившая одним из источников для рассказа свода 1408 г., подтверждает текстологическое сопоставление текстов МАк. и Рог.²

Во-первых, заметка МАк. в ряде фрагментов первична по отношению к рассказу Рог.–Сим. Об этом свидетельствуют сходные известия в МАк. и Повести, отсутствующие в Рог.–Сим. и Бел. I (т.е. своде 1408 г.). В МАк. содержится известие о том, что русские воины после своей победы прославили наравне с Богом и его «всенепорочную мать». Это сообщение отразилось в Повести, но при этом отсутствует в Рог.–Сим. и Бел. I (следовательно, отсутствовало в своде 1408 г.). Если считать, что заметка МАк. первична по отношению к рассказу Рог., то общие чтения МАк. и Повести объясняются просто: заметка МАк. (т.е. свода 1392 г.), с одной стороны, использована в Повести (отсюда их общие чтения), а с другой — при создании рассказа свода 1408 г., в котором упоминание о прославлении Богородицы было опущено. Если же принять мнение исследователей, что МАк. — это сокращение Рог., то невозможно объяснить, как попало в МАк. известие, отсутствующее в Рог. и при этом содержащееся в Повести.

Во-вторых, если считать, что в МАк. рассказ Рог.–Сим. был сокращен, то придется допустить, что многие важные фактические известия о битве составитель МАк. опустил. В МАк. отсутствуют следующие фактические сведения Рог.–Сим: сообщение о том, из кого состояло войско Мамаю, сведение об ожидавшемся соединении войск Мамаю с войском Ягайла, о погоне русских воинов за татарами до реки Мечи, где многие из татар утонули или были убиты, о бегстве Ма-

¹ Характеризуя переработку, которой подвергся свод 1392 г. в своде 1408 г., М. Д. Приселков отметил, например, что изложение статьи 6838 (1330) г. может быть разбито на две части, при этом вторая часть «никак не может относиться по времени к «Летописцу великому русскому», а значит, «переработка известия 1330 г. Летописца великого русского (т.е. добавление второй части. — Л. С.) сделана сводчиком 1408 г.» [Приселков 1996: 196–202].

² Сопоставление текстов заметки МАк., рассказов в Рог., Бел. I, НИЛ мл. и соответствующих фрагментов Повести по НК2 с комментарием к таблице см.: [Соколова 2014: 327–341].

мая «в свою землю»; нет в МАк. и даты битвы. Если допустить, что в заметке МАк. сокращен текст Рог.–Сим., то как объяснить, почему составитель МАк. убрал важный фактический материал? Для сравнения укажем на то, что составитель Бел. I сокращал текст свода 1408 г. (полнее представленного в Рог.–Сим.), убирая «лишние» слова и выражения, делая изложение более лаконичным, но при этом он везде сохранял фактический материал (за исключением имен погибших русских воинов, ничего не говоривших ему и его читателям).

Итак, взаимозависимость рассмотренных текстов о Куликовской битве представляется мне следующей:

1. Первым произведением Куликовского цикла была *летописная заметка* под 1380 г. в великокняжеской летописи Дмитрия Донского — «Летописце великом русском», завершеном известием под 1392 г. Эта заметка через ростовский свод 1419 г. дошла в составе третьей части МАк.

2. В конце XIV в. (по предположению А. А. Шахматова, в 1381 или в 1382 г.) была создана внелетописная воинская *Повесть о Куликовской битве*, которая в своем изначальном виде до нас не дошла. Не исключено, что Повесть создана тем же летописцем великого князя Дмитрия Ивановича, который внес в «Летописец великий русский» краткую заметку под 1380 г. о битве с Мамаем. Вероятно, уже до 1386 г. Повесть была отредактирована, в нее были внесены фрагменты, обличающие Олега за союз с Мамаем.

3. На основе заметки под 1380 г. в «Летописце великом русском» и заимствованных фрагментов из внелетописной Повести, содержащих фактические сведения, был составлен сводный *летописный рассказ* в своде 1408 г.¹ Он отразился в своде 1412 г. (дошел в Рог. и Сим.) и в Бел. I, а также (в качестве одного из источников) в НЛ мл.

4. В своде Фотия 1418 г., одним из источников которого был свод 1408 г., рассказ о Куликовской битве был заменен *Повестью о Куликовской битве*, которая при включении в свод подверглась редактуре.

Сокращения

Бел. I — Белорусская I летопись

ЛВР — «Летописец великий русский»

МАк. — Московско-Академическая летопись

МДА — Московская духовная академия

¹ Реконструкцию рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. см. в Приложении к статье: [Соколова 2014: 349–353].

НІVЛ — Новгородская IV летопись
НІЛ мл. — Новгородская I летопись младшего извода
НК2 — вторая подборка Новгородской Карамзинской летописи
Нкф. — Никифоровский список Белорусской I летописи
НСС — Новгородско-Софийский свод
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
Рог. — Рогожский летописец
СІЛ — Софийская I летопись
Сим. — Симеоновская летопись
Супр. — Супрасльский список Белорусской I летописи
Тр. — Троицкая летопись

Литература

- Азбелев С. Н.* Куликовская битва в народной памяти: Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб., 2011.
- Азбелев С. Н.* Новгородцы и Куликовская битва // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. № 11 (21).
- Азбелев С. Н.* О связи московских и новгородских летописей в XIV и XV столетиях // Проблемы филологии: Язык и литература. 2010. № 4.
- Азбелев С. Н.* Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 164–172.
- Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 6–11.
- Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. СПб., 2001.
- Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.
- Дмитриев Л. А.* Куликовская битва 1380 г. в памятниках литературы Древней Руси // Русская литература. 1980. № 3. С. 15–19.
- Дмитриев Л. А.* Куликовская битва в памятниках литературы Древней Руси // Поле Куликово: Сказания о битве на Дону. М., 1980.
- Дмитриев Л. А.* Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982.
- Зайцев А. К.* Памятники Куликовского цикла и Летописная повесть «О побоище иже на Дону» // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005.
- История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.–Л., 1945.
- Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 1997 г. [Лаврентьевской летописи] // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997.
- Клосс Б. М.* Второе предисловие к изданию 2000 года // Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. XI.
- Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003.

[Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

[Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

Лурье Я. С. Летопись Московско-Академическая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 2: Л–Я. С. 45–47.

Марков А. [Рецензия на кн.:] С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (СОРЯС. Т. 81. № 7) // ЖМНП. 1908. Ч. 14. № 4.

Муравьева Л. Л. Московское летописание второй половины XIV–начала XV в. М., 1991.

Муравьева Л. Л. Рогожский летописец XV в. М., 1998.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.–Л., 1950.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов [репринт с добавлением нового предисловия Б. М. Клосса, приложения и обновлением указателей] // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.

Новикова О. Л. «Летописец русский» в рукописях и в истории русского летописания XV в. // Летописи и хроники : Новые исследования. 2011–2012. М.–СПб., 2012.

«О воинѣ и о побоищи, иже на Вожѣ» / Подгот. текста, вводн. ст., текстол. коммент., примеч. В. А. Кучкина // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996.

Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.–Л., 1950.

Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002.

Прохоров Г. М. Древнерусское летописание: Взгляд в неповторимое. СПб., 2014.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Приложения: Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Указатели. Л., 1928.

ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. Пг., 1922.

ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. СПб., 1907.

ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. 2-е изд. М., 2008.

ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913.

- ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. 2-е изд. М., 2007.
- ПСРЛ. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М., 1980.
- ПСРЛ. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994.
- ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
- Салмина М. А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла : К вопросу о времени написания «Слова». М.–Л., 1966.
- Собрание государственных грамот и договоров. Т. 1. М., 1813.
- Соколова Л. В.* Летописные повествования о Куликовской битве (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63 С. 305–353.
- Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М., 1959.
- Шамбинаго С.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (СОРЯС. Т. 81. № 7).
- Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л., 1938.
- Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. № 9.
- Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1901. № 11.
- Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище»... // Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910.
- Шеков А. В.* Рассказ о сражении на Дону 1380 г. в Белорусской I летописи // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. [Сб. статей] В двух томах. Т. 2: История. Этнография. Искусствоведение. Тула, 2004. С. 13–22.
- Шибяев М. А.* Редакторские приемы составителя Софийской I летописи // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000.

Рассказ о преставлении митрополита Киприана в летописной традиции XV — начала XVI веков

Сообщение о преставлении митрополита Киприана содержат подавляющее большинство летописных памятников XV века и более позднего времени¹. В одних летописях содержится лишь краткая информация о преставлении святителя, другие содержат пространный рассказ и текст его Прощальной грамоты. Анализ текстов о кончине митрополита дает материал для уточнения общей картины последовательности возникновения и взаимоотношений между собой летописных памятников XV — первой половины XVI веков.

Итак, первую группу составляют летописные памятники, в которых читается лишь краткая информация о кончине митрополита. Таково известие в Новгородской I летописи: «Преставися митрополит Киприянь на Москвѣ» [Новгородская первая летопись 1950: 399]. Столь же лаконична сугубо новгородская Большаковская летопись: «В лѣт(о) ꙗ~сиді. Киприянь митрополит успе на Москвѣ» [Новгородский исторический сборник 2005: 360]. Тверской сборник содержит два сообщения о смерти Киприана под 6913 (Того же лѣта, мѣсяца септевра въ 16 день, преставися митрополить Киприанъ) и 6914 («Въ то же время преставися Киприанъ митрополить» [ПСРЛ. Т. 15: 472]) годами. Летописные статьи данного памятника за эти годы представляют собой крайне сложную картину, разнящуюся по спискам², но оба известия настолько кратки, что высказываться о причинах возникновения дублировки затруднительно.

Чуть более подробным предстает сообщение в Московской Академической летописи (далее — МАк): «В лѣт^ѣ. ꙗ~с. цѣ . еї . индикта . еї . престависа пресцѣнныи митрополи^ѣ Киприанъ Киевскыи . и всеа Русы . семь³ . еї . въ . а . ча^ѣ ноци . пась цркѣв Бжѣю лѣ^ѣ . лѣ» [ПСРЛ. Т. 1, вып. 1–3: 538]. Здесь сообщение датировано 6915 годом, а не 6914,

¹ Анализ текста Прощальной грамоты в летописях (в сравнении с более поздними подобными грамотами) был проведен в диссертации О. В. Морковиной [Морковина 2005], однако анализ сосредотачивался в основном на Никоновской и Воскресенской летописях.

² См. об этом: [Конявская 2007: 252–267].

³ Сентября.

как в большинстве летописей. Тот же 6915 читается в Симеоновской летописи, и мог быть в Троицкой. По выписке Н. М. Карамзина мы можем судить лишь о том, что Повесть, включающая Прошальную грамоту митрополита, в этой летописи была, и, возможно, заключительная фраза Грамоты содержала указание на 6915 год (в других летописях год опускался). М. Д. Присёлков разместил весь текст под 6914 г., но реконструировал он его по Воскресенской летописи [Присёлков 1950: 462–464]. Как справедливо заметил Н. М. Карамзин, в самой Грамоте Киприан мог исходить из сентябрьского года. Летописцы же, еще не перейдя на сентябрьское летосчисление, помещали известие о смерти пастыря под 6914 мартовским годом, а противоречащее ему указание в тексте самой Грамоты опустили, оставив лишь данные о дне, месяце и индикте написания духовного завещания.

Возвращаясь к МАк, следует заметить, что в этой летописи указано не 16, а 15 сентября как день смерти Киприана, а также зафиксирован час его преставления — 1 час ночи. Почему именно в этом известии, где конкретизирована время смерти, иной оказалась дата, сказать трудно, но можно выказать предположение. Как известно, начало дня, как в Древней Руси, так и в Византии, традицию которой могли соблюдать в ближайшем круге митрополита, считалось с рассвета. Возможно, составитель известия имел точные сведения от тех, кто был при митрополите в его последние часы (либо сам был среди таковых). Этот текст не получил распространения. Тот же рассказ, который переписывался и редактировался, отразил ту ситуацию, когда, о событии стало известно в Москве, — уже после рассвета 16 сентября.

Хотя в известии Мак, как и в нарративах других летописей, говорится о 30 годах святительства митрополита, здесь нет добавления «без полутретиа месяца», которое появилось в летописных рассказах, очевидно, по недоразумению. О 30 годах святительства говорит в Грамоте сам Киприан, но там это звучит следующим образом: «А понеже съчтохъ лѣта своя, огнели въ митрополиты поставленъ быхъ, и обрѣтесе числомъ, яко тридесятое лѣто течеть къ приходящему мѣсяцю декамврию въ 2 день» [ПСРЛ. Т. 18: 152]. Речь идет о течении тридцатого года, который стремится к 2 декабря, когда исполнится 31 год, что и подтверждается нашими знаниями о поставлении Киприана на Русскую митрополию 2 декабря 1375 года. До 2 декабря митрополит не дожил, стало быть, был в святительстве полных 30 лет, или 31 год «без полутретиа месяца». Своих собственных подсчетов составитель пространного рассказа не производил, да и, возможно, не располагал необходимыми для этого данными, а

слова Киприана понял неправильно.

Отличается от пространного рассказа фраза МАк и в текстуальном отношении: «пас церковь Божию» (в то время как в рассказе: «был въ митрополитех в святительстве»). Таким образом, это известие МАк можно считать независимым от магистральной линии развития повествования о смерти митрополита, оно, скорее всего, попало в текст летописи практически синхронно, информацию летописец мог получить от ростовского архиепископа Григория, бывшего первым лицом на похоронах святителя.

Остальные летописи (кроме Никифоровской и Супрасльской, о чем будет сказано ниже) содержат развернутый нарратив, варьируя один и тот же текст. Можно выделить две основные редакции этого текста.

1-ю Редакцию представляют летописи, восходящие к Новгородско-Софийскому своду. Можно сказать, «в чистом виде» — без разного рода добавлений — нарративная часть текста читается в Софийской I летописи (далее — СI):

«М(е)с(я)ца сем(тября) 16 д(е)нь преставися прес(вя)щенны митрополит Киевський и всея Руси Киприянь, а былъ в митрополитѣх в с(вя)тительствѣ лѣтъ 30 без полутретия м(е)с(я)ца. И проводиша его ч(е)стно весь град, и еп(и)ск(о)пи служиша над нимъ Григорей еп(и)ск(о)пъ ростовський, Иларионъ еп(и)ск(о)пъ коломеньський, Митрофанъ еп(и)ск(о)пъ суждальський, и архимандрити и игумени и вес(ь) сборъ с(вя)щ(е)ньський пѣвши над нимъ обычное надгробное пѣние. И положиша его въ зборной ц(е)ркви С(вя)т(ы)я Б(огороди)ца на Москвѣ, в ней же есть гробъ Петра и Феоноста, ту же и сего положиша на правой сторонѣ в степени¹ по его повелѣнию. Сии же митрополит въ старости велицѣ быв и разболѣся на Голянищовѣ, идѣже есть ц(е)рк(о)вь его опришня, поставлена во имя с(вя)т(ы)х Трех С(вя)т(и)тель, идѣже и часто любяше быти, яко бѣ мѣсто тихо и безмятежно, и покоино. Тамо разболѣся и боленъ лежаше нѣколико дни и ту и преставися.

Преже преставления своего за 4 дни написа грамоту незнаемому и страннолѣпну, акы пращальную и акы въ образъ прощения, рекше всех пращая и бл(а)г(о)с(ло)вляя и от всех прощения и бл(а)г(о)с(ло)в(е)ния требуя. Се же мноу, яко неконечнаго² ради любомудриа и цѣлом(у)дрия, сице отходя сего свѣта, заповѣдаша еп(и)ск(о)помъ и сущимъ ту и при-

¹ Так в старшем изводе СI и Вологодско-Пермской летописи, в остальных летописных памятниках «стенѣ».

² Ошибочно только в списке Оболенского СIст, во всех остальных летописных памятниках «конечнаго».

ставником, г(лаго)ля: “Еда мя въ гробъ въкладаючи, тогда сию грамоту надъ мною прочтите вслух людемъ”, еже и быст(ь), еже и створи пр(е)п(о)д(о)бныи Григорей Ростовьскыи, прочте ю велегл(а)сно, да будетъ услышано въ ушию всему народу. И внегда чтуще ему, тогда многы от предстоящих на слезы подвиже. Бе же грамота писана тако» [ПСРЛ. Т. 6, вып. 1: 526–527]¹.

Идентичными оказываются тексты летописей, чьим источником является Софийская I старшего извода: Никаноровской летописи, Софийской I по списку Царского, Вологодско-Пермской летописи. На этой версии основан и текст в Никоновской летописи.

Вариантом редакции является «новгородская группа» летописей: Новгородская Карамзинская (2-я подборка) (далее — НК2), Новгородская IV (далее — НIV) и Летопись Авраамки. Эти летописи содержат дополнение: о коломенском епископе Иларионе сказано, что он «бывъ преже игоумень Лисицкоя лавры» [ПСРЛ. Т. 42: 170]. Как отмечал А. Г. Бобров, такое добавление можно связать с именем новгородского архиепископа Евфимия II [Бобров 2001: 127], игуменствовавшего в Богородицком монастыре до получения владычной кафедры. Кроме того, отличительной чертой НК2, НIV и Летописи Авраамки является наличие философского прибавления, следующего за текстом Прощальной грамоты, ему посвящена отдельная работа Г. М. Прохорова².

Характерно, что в Новгородской IV летописи обнаруживается дублировка сообщения о рассматриваемом событии. В первый раз это краткое известие: «Того же л,та преставися богол,пныи Квприянь митрополить Роуский на Москв,» [ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2: 399]. Эта форма известия читается в Новгородской Карамзинской (I подборка) (далее — НК1) [ПСРЛ. Т. 42: 94].

Поскольку повторная информация в НIV в той же статье 6914 г. представляет собой вышеупомянутый пространный рассказ о преставлении и похоронах митрополита, почерпнутый, видимо, составителем протографа летописи через какое-то посредство из митрополичьего Свода 1408 г., первое краткое сообщение, совпадающее к тому же с НК1, можно считать происходившим из новгородского летописного источника, который использован в «новгородской редакции» Новгородско-Софийского свода (о ней будет сказано далее).

2-я Редакция рассказа читается в Симеоновской летописи, Московском своде конца XV века, Владимирском летописце, Ермолинской (в со-

¹ Далее следует текст Грамоты митрополита.

² См. об этом тексте: [Прохоров 1987: 123–154].

крашении), Типографской, Софийской II, Воскресенской летописях.

От 1-й Редакции имеются следующие отличия.

Добавлено:

1) На Голенищеве Киприан любил бывать «на дѣле книжного писанія»

2) Церковь Трех святителей Киприан «сам постави»

3) Большинство летописей содержит приписку о том, что по образцу этой грамоты и другие русские митрополиты составляют подобные духовные завещания.

Опущено:

1) Киприана хоронят в соборе, где «есть гроб Петра митрополита и Феогноста»

2) Его хоронят в этом месте «по его повелению»

3) Заболев, Киприан на Голенищеве «болен лежаше неколико дней».

4) В конце Прощальной грамоте слова «да не¹ подписал есмь немощи ради своя».

Характер двух отличий указывает на вторичность этой реакции: явно добавлена (а не убрана в С1) фраза том, что преемники Киприана пишут такие же грамоты, могла быть именно добавлена в более поздней редакции. А фраза о том, что святитель сам не подписал Грамоту немощи ради, наоборот, могла быть в более поздней редакции именно опущена, а не добавлена.

Основания для такого рода редактирования могут быть самые разнообразные. Хотелось бы высказать весьма гипотетичное предположение относительно упоминания гробов Петра и Феогноста. Не означает ли отсутствие такого упоминания во 2-й Редакции, что к моменту ее создания в этой же стене был похоронен митрополит Фотий? Умолчать об этом, если говорится о похороненных в соборе митрополитах, летописец не считал возможным, а развитие этого сюжета потребовало бы внесения в текст уже серьезных дополнений, связанных с преемником Киприана.

Здесь стоит вспомнить мысль А. А. Шахматова о том, что «Прощальная грамота» Киприана попала в общерусские летописи из Фотиева Полихрона [Шахматов 1901: 66]. Если исходить из логики ученого, то можно думать, что Грамота была внесена в оформляемый по представлению митрополита Фотия свод, в связи с тем, что сам Фотий последовал примеру Киприана и также перед кончиной составил подобную грамоту.

¹ В НК2 «не» пропущено.

Однако серьезные аргументы, выдвинутые М. А. Шibaевым против шахматовской гипотезы существования Полихрона [Шibaев 2012: 83–95], заставляют отказаться от столь удачно складывающейся картины. М. А. Шibaев выдвинул концепцию, согласно которой в 1418 году был составлен другой свод, так же сыгравший значительную роль в летописании XV–XVI веков, — Новгородско-Софийский свод, инициатива составления которого, по мнению исследователя, принадлежит архиепископу новгородскому Евфимию II. М. А. Шibaев исходит из того, что новгородский владыка располагал Киприановой летописью, а далее дополнял ее имевшимся у него новгородским и небольшим количеством неновгородских известий. Предположив, что у него был доступ к Киприановскому своду 1408 года, естественно предполагать и то, что он имел и список Прощальной грамоты митрополита. Но, как было показано, с Евфимием должно связывать второй этап формирования рассказа, «новгородскую обработку». Никак иначе объяснить добавление информации о Лисицком монастыре нельзя. Стало быть, наиболее первоначальное отражение общерусского летописного (великокняжеского?) свода — как бы его не называть — представлено в С1, которая открыла перспективу использования, пополнения и дальнейшего редактирования сложившейся общерусской летописи в дальнейшем летописании XV — начала XVI веков.

Как уже говорилось, ряд летописей, ведшихся в начале XV века, содержали краткие сообщения о преставлении святителя, не связанные с пространным рассказом. Но есть и более сложный феномен — текст, где частично использована Повесть в соединении с оригинальным материалом. Такое известие читается в Супрасльской и Никифоровской летописях. Текст их рассказа имеет и элементы, сходные с известием МАк. С МАк совпадает начало фразы (правда, с добавлением про месяцы): «пас церков Божию 30 л, т без полутретья месяца». Как и в МАк, говорится, что преставился митрополит 15 сентября, правда, в не час ночи, а просто «на ночь». Далее речь идет уже о 16 сентября, когда преставившегося митрополита «проводиша в город, нешоша на головах». И надо сказать, что в вышерассмотренном пространном рассказе не хватает как раз этого эпизода — перенесения покойного из Голенищева в Москву. В повествовании большинства летописей сразу говорится: «Проводиша его честно весь град, и епископи слоужиша надъ нимъ».

Совпадают с пространным рассказом слова в начале известия: «приставися преосвященный Киприянь, митрополить Киевьски и всея Руси» [ПСРЛ. Т. 35: 32, 54], а также заключительная фраза об отпева-

нии и похоронах митрополита в Успенском соборе в Москве.

А. А. Шахматов указывал три основных общерусских источника протографа Супрасльской летописи: митрополичий свод середины XV века, CI и NIV [Шахматов 2001: 845]. М. Д. Присёлков [Приселков 1996: 158], а вслед за ним Я. С. Лурье [Лурье 1976: 115], уточняли, что в так называемой Белорусской I (далее — BI) летописи отразилось митрополичье летописание, ведшееся при митрополитах Фотии¹ и Герасиме (едва ли оформлявшееся в своды). В. А. Чемерицкий высказывал идею, что в основе общерусской части Белорусской I (по его классификации — I свод) летописи лежат два источника: митрополичий Свод 1446 года и «Свод 1409 г.» [Чамярцькі 1969: 76–77]. Таким образом, хотя во взглядах на источники этих летописей нет полного единства, все, начиная с А. А. Шахматова, отмечали в числе источников митрополичью летопись. Солидаризируясь в этом с историографической традицией, можно предположить, что уникальный материал о времени суток и переносе тела Киприана в Москву происходил либо из митрополичьей канцелярии, либо был внесен по припоминанию.

Изначально рассказ о преставлении митрополита Киприана, по видимому, был внесен в свод 1408 г. при его оформлении. Летописи, не связанные с его традицией, сохранили собственные краткие известия. Такие известия могли выступать в сводах и как дублирующие по отношению к информации пространного рассказа. В более сложной ситуации составления и редактирования сводов и их источников могут иметь место компиляции в одном известии «своего» материала и полученного через какие-то посредства текста митрополичьего свода.

Интересно отметить, что рассказ о преставлении святителя был столь широко известен, что лег в основу проложного Жития митрополита, известного в двух списках: РГБ. Ф. 98 (Егорова). № 1299, 40-е годы XVI в. и РНБ. Титова. № 1220, 70-е годы XVI в. Причем использован «новгородский вариант» 1-й редакции. Другое Житие Киприана, созданное, видимо, уже в XVII в., известно по спискам Торжественников (РГАДА. Ф. 201 (собр. М. А. Оболенского). № 20; РГБ. Ф. 863 (собр. магазина «Антиквар»). № 3²; РГБ. Ед. пост. (Ф. 722). № 205.) сложилось на основе соответствующей главы Степенной книги³, которая, в свою очередь, опиралась на Никоновскую летопись.

¹ О материале Супрасльской летописи, связанном с Фотием, специально писал М. А. Шибаев [Шибаев 2012: 89–94].

² С миниатюрами, изображающими святых в полный рост.

³ По мнению А. В. Сиренова, это могли быть Чудовская либо Думинская редакции Степенной книги. Приношу большую благодарность А. В. Сиренову за эту информацию.

Сокращения

БІ — Белорусская I летопись
Мак — Московская Академическая летопись
НК1 — первая подборка Новгородской Карамзинской летописи
НК2 — вторая подборка Новгородской Карамзинской летописи
НIV — Новгородская IV летопись
ПСРЛ — Полное собрания русских летописей
СІ — Софийская I летопись

Литература

- Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М., 2007.
Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.
Морковина О. В. Проблема взаимоотношения литературы и деловой письменности в традиции древнерусского завещания: Дисс. ... кандидата филолог. наук. Новосибирск, 2005
Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20).
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.
Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.–Л., 1950.
Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987.
ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3.
ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Софийская I летопись старшего извода.
ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью.
ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. Симеоновская летопись.
ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. Летописи Белорусско-Литовские.
ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись.
Чамярыцкі В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969.
Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. // Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.
Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1901. № 11.
Шибеев М. А. Владимирский полихрон и Новгородско-софийский свод // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48). С. 83–95.

Азбелев Сергей Николаевич
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург
Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого
Россия, г. Великий Новгород

Об уникальных известиях Никоновской летописи

Самая обстоятельная редакция летописного повествования о Куликовской битве содержится, как известно, в Никоновской летописи. В этом тексте есть сведения о фактах боевых действий, отсутствующие в других летописях и восходящие к свидетельствам современников событий 1380 года. С. К. Шамбинаго в своем труде, посвященном Повестям о Мамаевом побоище, назвал эту редакцию Киприановской редакцией и временем ее составления считал начало второй четверти XV столетия [Шамбинаго 1906: 182]. Позже, под воздействием критического отзыва А. А. Шахматова, Шамбинаго в коллективном труде определил ее как вторую редакцию, а вторую (согласно его начальной классификации) — как первую [История русской литературы 1945: 215–219].

А. А. Шахматов, подвергнув суровой критике работу Шамбинаго за его суждения о последовательности и взаимоотношениях редакций Повести, согласился с тезисом о вымышленности сведений Киприановской редакции относительно роли митрополита Киприана в событиях на Руси, связанных с Куликовской битвой 1380 года [Шахматов 1910: 194–195]. Но если для С. К. Шамбинаго создание этой редакции явилось как бы реализацией тенденциозного прославления Киприана вскоре после его кончины, то А. А. Шахматов относил возникновение такой тенденции к первой четверти XVI века и объяснял общим стремлением составителя самой Никоновской летописи, либо — предшествовавшего ей, но недошедшего митрополичьего свода, превозносить роль митрополитов в истории Руси.

Некоторые авторы коллективных публикаций середины и второй половины XX столетия, посвященных Куликовской битве, предпочитали скептически воспринимать сведения источников о позитивной роли русской Церкви в освободительной войне 1380 года, в особенности, все, что относилось к деятельности митрополита Киприана [Повести о Куликовской битве 1959; «Слово о полку Игореве» 1966; Сказания и повести о Куликовской битве 1982; Памятники Ку-

ликовского цикла 1998]. Дело не только в том, что у историков-атеистов преобладало заведомо негативное отношение к церкви и к ее деятелям вообще. Подобная позиция не была свойственна историкам дореволюционным, но умеренно критическая тенденция, неявно шедшая, в сущности, еще от Н. М. Карамзина и утвердившиеся в начале прошлого столетия с работой С. К. Шамбинаго, была вскоре подкреплена авторитетом А. А. Шахматова.

В начале XXI столетия в русской историографии произошел отход от одного из закрепившихся ранее параметров в изучении исторической основы Повести о Мамаевом побоище. Еще в 1987 году киевский историк Ф. М. Шабульдо оспорил довольно основательно ставшее к тому времени уже хрестоматийным представление об отсутствии митрополита Киприана на Руси в 1380 году [Шабульдо 1987: 130–131]. Представление, обязанное как раз авторитету Н. М. Карамзина, который вполне доверился хронологическому указанию Троицкой летописи XV века (и летописей, восходивших к ней), хотя и знал о противостоящем указании в летописи Никоновской. Вскоре выводы Ф. М. Шабульдо поддержал в своей научно-популярной книге Н. С. Борисов [Борисов 1990: 209]. Затем К. А. Аверьянов аргументировал их в докладах на международных научных конференциях в 2000 и в 2005 годах [Аверьянов 2002: 15–16; Аверьянов 2006а: 186–193]. Подробно вопрос рассматривался К. А. Аверьяновым в его книге о преподобном Сергии Радонежском [Аверьянов 2006б: 239–340]. С точки зрения истории общественного сознания и истории летописания эта тема обсуждалась в моем докладе, прочитанном на конференции 2010 года и полностью напечатанном в 2012 году, а годом ранее — сокращенно в составе монографии [Азбелев 2011: 105–116, 134–136; Азбелев 2012: 77–82]¹.

Наиболее важный вывод заключался в том что «Лѣтописецъ великий Русьскій» (ЛВР), составлявшийся, как выяснил А. А. Шахматов, еще

¹ Благодаря интернету я ознакомился с документами Константинопольского патриархата, из которых следует, что Киприан мог прибыть из Константинополя в Москву в мае 1380 года (о чем ясно сообщала Никоновская летопись), и, соответственно, мог лично участвовать в событиях, связанных с Куликовской битвой. Один из крупнейших историков византийской церкви Мануил Гедеон (1851–1943) — «великий хартофилак» (архивариус) Константинопольского патриархата — установил «продолжительность патриаршества Нила от июня 1379 до конца 1388 г.» (цитировано по: [Прохоров 1978: 91]) Патриарх Нил санкционировал назначение Киприана митрополитом. После этого Киприан спешно уехал (получив, очевидно, сведения о начавшейся войне с Мамаем). Поэтому подпись Киприана присутствует в перечне участников Собора в Константинополе, но отсутствует в его заключительном акте. Наиболее существенные материалы доступны в приложениях к книге, изданной недавно на русском языке в Париже [Мейендорф 1990]. Между тем, неподтвержденное представление об отсутствии Киприана а в Москве летом 1380 года послужило поводом для отрицания его причастности к Куликовской битве.

при митрополите Петре, дополненный и отредактированный под руководством митрополита Киприана, должен был содержать подробные сведения о судьбоносных для России событиях 1380 года.

Напомню известные заключения А. А. Шахматова об общерусском летописном своде, составителем которого «всего вероятнее», был еще митрополит Петр. «Новая редакция» этого летописного свода «принадлежала митрополиту Киприану» и «была доведена до 1390 г. О ней упоминает Троицкая летопись начала XV века, называя ее «Лѣтописцемъ великимъ Русскимъ». Составитель этой московской летописи, сказав о разрыве, последовавшем в 1392 г. между великим князем Василием Дмитриевичем и новгородцами, восклицает: «Кого от князь не прогневаша? Или кто от князь угоди им, аще и великий Александр Ярославич не уноровил им?... и аще хощещи распытовати, разгни книгу, Летописец великий Русьский, и прочти от великаго Ярослава и до сего князя нынешняго» [Карамзин 1993: 282]. Итак, московскому летописцу начала XV века была известна книга, содержащая общерусский свод, ибо, что другое можно разуметь под «Великим летописцем»? Свод этот был доведен до великого князя Василия Дмитриевича; московская летопись воспользовалась им как источником: вот почему мы найдем в ней тверские, новгородские, нижегородские известия». Сопоставив Троицкую летопись с Симеоновской, которые «тождественны до 1390 г. включительно» А. А. Шахматов резюмирует: «Троицкая летопись положила в свое основание московскую летопись в редакции 1390 г. Появление же этой редакции, воспользовавшейся общерусским сводом, указывает, что свод этот был доведен до 1390 г., то есть, до окончательного утверждения в Москве митрополита Киприана. Вот откуда мы получаем основание говорить о Киприановской редакции общерусского свода» [Шахматов 1900: 151].

ЛВР в одной из позднейших его обработок, очевидно, послужил одним из источников Никоновской летописи и был тем митрополичьим сводом, к которому некогда возводил эту летопись А. А. Шахматов. Известно, что М. Д. Приселков был убежден в существовании помимо редакции ЛВР, обязанной непосредственно митрополиту Киприану, и двух последующих редакций «Лѣтописца великого Русьского», датируя их предположительно 1426 и 1463 годами [Приселков 1996: 231–242]¹.

Находившаяся в составе ЛВР Повесть о сражении 1380 года естественно должна была отразиться в Никоновской летописи.

¹ Впрочем, без достаточно объясненных причин Приселков, в отличие от Шахматова, считал ЛВР летописью великокняжеской, а не митрополичьей.

А. А. Шахматов, датируя шестнадцатым веком находящуюся в этой летописи Киприановскую редакцию Повести о Мамаевом побоище, довольно бегло упоминал о присутствии в ее тексте оригинальных описаний хода военных действий. Часть этих фрагментов летописного текста вовсе не находила соответствия в других редакциях Повести, другие в Никоновской летописи оказывались полнее. Отнюдь не ставя под сомнение достоверность фактического содержания таких фрагментов, А. А. Шахматов склонен был возводить их отчасти к недошедшему Слову о Мамаевом побоище, отчасти — к московской летописи [Шахматов 1910: 200–201]. Судя по ранее мною упомянутым суждениям А. А. Шахматова, речь идет о том митрополичьем своде, который был использован составителями Никоновской летописи, то есть — о «Лѣтописце великом Русьском» в его позднейшей редакции.

Обращусь к текстам упомянутых оригинальных описаний: «Тоя же ноши, утру свитающу, мѣсяца сентября в 8 день на праздникъ Рождества пречистыа Богородицы, и возходящу сълнцу, бысть мгла велия по всей землѣ, аки тма, и до третьяго часа дни, и потомъ нача убывати. Князь велики же отпусти брата своего изъ двоюродныхъ князя Володимера Андрѣевича вверхъ по Дону въ дубраву, западной полкъ, давъ ему достойныхъ изъ своего двора избранныхъ; еще же отпусти съ нимъ известнаго воеводу Дмитрея Боброкова Волынца; еще же устрои той воевода Дмитрей и полки» [ПСРЛ 1897: 58]. Если отвлечься от находящихся здесь, хотя и беглых, но все же существенных дополнительных сведений, то можно утверждать, что содержание этого фрагмента присутствует и в других летописях.

Дальнейший же текст Никоновской летописи представляет уникальное повествование о схождении двух войск, русского и ордынского, которые двигались навстречу друг другу с двух противоположных холмов на открытой местности Куликова поля. «И исполчишася христианьстии полцы вси и возложиша на себе dospѣхы, и сташа на полѣ Куликовѣ, на усть Непрядвы рѣки; бѣ же то поле велико и чисто и отлогъ великъ имѣа на усть-рѣки Непрядвы. И выступиша татарскаа сила на шоломе и поидоша съ шоломяни; такоже и христианьскаа сила поидоша съ шоломяни и сташа на полѣ чистѣ, на мѣстѣ твердѣ» [ПСРЛ 1897: 58].

Холмы, о которых говорится в Никоновской летописи, отсутствуют около впадения Непрядвы в Дон. Они расположены на реальном месте сражения — вблизи верховья Непрядвы. Их нетрудно определить согласно нынешним топографическим картам. Вершина «татарского» холма — около тогдашнего истока Непрядвы из озера Волова

(у теперешнего районного центра Волово). Она имеет отметку 276 м, а вершина противоположащего «русского» холма (вблизи теперешнего поселка Ольминка) имеет отметку 260 м. Седловина между этими холмами (около истоков речек Малевка и Кузовка, впадающих, соответственно, в Непрядву и в Упу) имеет отметки 245 и 247 м. Она находится приблизительно на равном расстоянии от вершин обоих холмов. Соответственно, перепад высот на месте встречи двух войск у центра Куликова поля составлял от 15 до 30 метров, причем более пологим был скат «русского» холма. Дистанция между вершинами холмов — 22 км. [Общегеографический региональный атлас 2006: 18–19; Атлас автомобильных дорог 2010: 17].

Последующие сведения лишь деталями повествования и некоторыми именами отличаются от других редакций. Здесь сказано, что великий князь сам объезжает и вдохновляет войска, ставит не свое место Михаила Бренка и обращается с молитвой к Господу. Прибывают посланцы от преподобного Сергия Радонежского с его благословением и ободрением. Великий князь, обратившись с молитвой к Богородице, приказывает своему войску «вмалѣ выступати». При этом названы «передовыя воеводы его Дмитрий Всевожъ, да Владимиръ братъ его, с правую же руку прииде Микула Васильевичъ, да князь Семень Ивановичъ, да Семень Меликъ со многими силами» [ПСРЛ 1897: 58–59]¹.

Но далее снова идет оригинальный почти во всем текст: «И бѣ уже 6 часъ дньи; сходящимся имъ на усть-Непрядвы рѣки и се внезапно сила великаа татарскаа борзо с шоломяни грядуще, и ту паки, не поступающе, сташа, ибо несть места, где имъ разступитися; и тако сташа, копиа покладше, стѣна у стѣны, кождо их на плещу предних своих имуще, преднии краче, а заднии должае». Дело в том, что открытое ровное пространство между верховьями упомянутых мною рек на пути татарского войска сужалось от десяти до двух километров, и ордынский авангард оказался вынужден или остановиться, или замедлить здесь свое движение.

«А князь великий такоже с великою своею силою русскою з другаго шоломяни поиде противу им. И бѣ страшно видѣти двѣ силы великиа сънимающесе на кровопролитие, на скорую съмерть; но татарскаа бяше сила видѣти мрачна потемнена, а русскаа сила видѣти въ свѣтлыхъ доспѣхех, аки нѣкаа великаа рѣка лиющися, или море колеблющесе, и солнцу свѣтло сияющу на нихъ и лучи испущающи, и аки свѣтилници издалече зряхуся» [ПСРЛ 1897: 59].

¹ В других редакциях отсутствуют в этом фрагменте упоминания воевод князя Семена Ивановича и Семена Мелика.

Как следует из топографии местности, ордынский авангард двигался по направлению на северо-восток, то есть почти спиной к солнцу. Это были, как можно заключить из приведенного текста, не татарские всадники, а «фряжские» копейщики генуэзской пехоты. Навстречу им шли, очевидно, пешие ратники русского ополчения, чьи металлические доспехи блестели в лучах взошедшего солнца.

Приведенный текст передал впечатления, не участника самой битвы, а стороннего наблюдателя, который, не будучи человеком военным, принял генуэзских воинов за татарских. Все это могли видеть взятые великим князем, как сообщено в летописях, еще при выходе войска из Москвы, «десять мужей сурожанъ, гостей, видѣннѣ ради: аще что Богъ случитъ, имуть повѣдати въ дальныхъ земляхъ... си же суть имена ихъ: Василей Капица, Сидоръ Елферьевъ, Константинъ, Кузма Коверя, Семионъ Антоновъ, Михайло Саларевъ, Тимофѣй Весяковъ, Дмитрей Саларевъ, Иванъ Шихъ» [ПСРЛ 1897: 54].

Не все они, может быть, действительно, наблюдали за ходом боя. Но в Никоновской летописи написано, что двое из этих гостей сурожан — Василий Капица и Семен Антонов — в ночь перед битвой имели видение: святой митрополит всея Руси Петр побивает «от поля грядуща множество ефиоп» [ПСРЛ 1897: 58]¹. Другие летописи не содержат этой вставки. В них находится только эпизод видения бывшего разбойника Фомы Кацыбея, где подразумевается, что полк врагов Руси побивают святые Борис и Глеб. В Никоновской же летописи эпизод видения Фомы Кацыбея сокращен, а следовавшая за этим эпизодом молитва Дмитрия Ивановича перемещена. Она в несколько измененном виде находится непосредственно вслед за эпизодом с видением гостей сурожан, а святые Борис и Глеб фигурируют здесь уже в связи с митрополитом Петром — после рассказа сурожанами великому князю о видении ими чудесной победы святого Петра над врагами Руси.

Как известно, митрополит Киприан после Куликовской битвы со-

¹ Привожу полный текст: «И тогда въ той же ноци видѣннѣ видѣша Василей Капица да Семень Антоновъ: видѣша от поля грядуща множество ефиопъ въ велицей силѣ, ови на колесницяхъ, ови на конехъ, и бѣ страшно видѣти ихъ и абие внезапно явился святыи Петръ митрополити всея Руси, имѣя въ руцѣ жезлъ златъ, и прииде на нихъ съ яростию велию, глаголя: «почто придосте погубляти мое стадо, его жа ми дарова Богъ съблюдати?». И нача жезломъ своимъ ихъ прокалати, ови же на бѣгъ устремишася, и ови избѣжаша, друзии же въ водахъ изтопаша, овии же язвени лежаша. И сии вси сказаша вся видѣннѣ сѣя великому князю Дмитрею Ивановичю; он же повелѣ имъ никому же сего повѣдати и начать со слезами молитися Господу Богу и пречистѣй Богородицѣ и великому чудотворцу Петру, хранителю Русской землѣ, и святымъ мученикомъ Борису и Глѣбу, да избавятъ ихъ от татарския сѣя ярости и да не поперуть свѣта пси и да не поястъ татарскый мечъ православнаго христьянства».

чинил собственную редакцию Жития московского митрополита Петра. Она вошла как составная часть в написанную Киприаном Службу митрополиту Петру. В ней содержатся «выражения радости по поводу недавно одержанной победы над “агарянами”, т.е., очевидно, победы над Мамаем в Куликовской битве» [Дробленкова, Прохоров 1988: 466].

Естественно предполагать, что если не Киприаном было сочинено, то Киприаном было инспирировано добавленное в Повесть описание видения митрополита Петра гостями сурожанами в ночь накануне сражения на Куликовом поле. Поскольку данное описание есть только в Никоновской летописи, напрашивается и предположение о причастности к одному из ее источников митрополита Киприана¹.

В данной связи обращает на себя внимание находящееся в Никоновской летописи оригинальное завершение летописной характеристики поведения великого князя в бою: «Преже всѣхъ нача битися съ татары; да одесную его и ошуюю его оступиша татарове аки вода и много по главѣ его и по плещамъ его и по утробѣ его бьюще и колюще и сѣкуще, но отъ всѣхъ сихъ Господь Богъ милостию своею, и молитвами пречистыа Его Матере, и великого чудотворца Петра и всѣхъ святыхъ молитвами, соблюде его отъ смерти. Утрудень же бысть и утомлень отъ великого буания татарьского толико, яко близъ смерти. Бѣаше же самъ крѣпокъ зѣло и мужественъ, и тѣломъ великъ и широкъ, и плечистъ и чревать велми, и тяжекъ собою зѣло, брадою же и власы чернь, взором же дивен зѣло» [ПСРЛ 1897: 63]. Две последние фразы, отсутствуют в других летописях. Эта концовка выдает в ее авторе современника, который лично знал великого князя.

Сравнительно недавно было обосновано мнение, что сам митрополит Киприан мог участвовать в создании Повести о Мамаевом побоище [Греков 1970: 31]. Из всех ее редакций именно текст Никоновской летописи дает этому подтверждение. Только в ней находится обширная вставка, не имеющая прямого отношения к Куликовской битве, а объяснявшая правомерность поставления Киприана московским митрополитом в 1380 году и осуждавшая поступки тогдашних его соперников Митя и Пимена [ПСРЛ 1897: 49; об этой вставке см.: Шамбинаго 1906: 169]. Подобный пассаж, естественно, утрачивал актуальность в контексте повествования о сражении на Куликовом поле через полтора столетия после этого события, когда составлялась Никоновская летопись. Тем более,

¹ Впрочем, С. К. Шамбинаго почему-то считал, что эпизод с видением Василия Капицы и Семена Антонова вставлен самим составителем Никоновской летописи [Шамбинаго 1906: 182] что вызвало удивление А. А. Шахматова [Шахматов 1910: 160].

что в ней под 1378 годом уже рассказывалось весьма подробно и о Митяе и о Пимене [ПСРЛ 1897: 35–41]. Вторично о том же кратко написано в ней же под 1379 годом [ПСРЛ 1897: 44].

Однако такие сведения были еще важны для самого Киприана, в то время, когда он, после своего окончательного утверждения митрополитом в Москве, редактировал «Лѣтописецъ великий Русьскій».

Мнение же Шамбинаго и Шахматова относительно вымышленности тех сведений Повести о Мамаевом побоище, которые ведут речь об участии митрополита Киприана в событиях 1380 года на Руси, нельзя признать справедливым. Документация Константинопольской патриархии позволяет заключить, что Киприан находился в Константинополе только до весны 1380 года¹.

Прибыв в Москву, митрополит, конечно, благословил великого князя на противостояние ордынской агрессии. Лишенный реальной возможности непосредственно влиять на ход победоносной для его паствы войны 1380 года, но редактируя впоследствии свой «Лѣтописецъ», митрополит Киприан озаботился подобающим ее интерпретированием. Не будучи, однако, человеком военным, он это делал, как бы мы теперь сказали, без должного профессионализма.

Исследователей не раз смущало находящееся только в Никоновской летописи чрезмерно гиперболичное число сражавшихся на Куликовом поле русских воинов — 400000. Изначально такая цифра могла, очевидно, присутствовать в контексте, где речь шла об общем количестве участников сражения. При редактировании часть фразы оказалась перемещена несколько далее, в результате цифра 400000 стала выглядеть как количество одного только русского войска. Привожу реконструируемый исходный текст.

«И тако поидоша обѣ силы вмѣсто сниматися, оттуду татарская сила великаа, а отселѣ самъ князь велики Дмитрий Ивановичъ, со всѣми князи русскими; и бѣ видѣти русьская сила неизреченна многа, такоже и татарская сила многа зѣло. И уже близъ себя сходящимся обѣимъ силамъ, яко вѣще четырехсот тысящъ и конныя и пѣшия рати, выѣде изъ полку татарскаго богатырь великъ зѣло»².

Ошибочность перестановки доказывает тот факт, что несколько ранее в той же Никоновской летописи, как и в предшествовавших ей

¹ См. выше, примеч. 1.

² При цитировании устранена, по-видимому, ошибочная перестановка группы слов: «и бѣ видѣти русьская сила неизреченна многа, яко вѣще четырехсотъ тысящъ и конныя и пѣшия рати; такоже и татарская сила многа зѣло. И уже близъ себя сходящимся обѣимъ силамъ, выѣде изъ полку татарскаго богатырь великъ зѣло» [ПСРЛ 1897: 59].

летописях, была сообщена вдвое меньшая общая численность армии великого князя Дмитрия Ивановича, зафиксированная после перехода ею границы и вступления в рязанские пределы: «И прешедшу всему воинству его чрезъ Оку рѣку въ день недѣльный, и на заутрие въ понедѣльникъ самъ перевезеся... И повелѣ счести силу свою, колико ихъ есть, и бѣше ихъ вяще двоусот тысящъ»¹. Навероятно, чтобы после этого исчисления, произведенного уже за рубежом враждебного Москве Рязанского княжества, количество московского войска могло увеличиться еще на двести тысяч.

По-видимому, для согласования с упоминанием четырехсот тысяч в приведенной фразе Никоновской летописи, в нее еще дважды был введен повтор понравившейся редактору гиперболы. В первый раз ее содержат две фразы, которые были дополнительно введены им в Повесть, и на фоне общего ее контекста выглядят несколько неуклюже. В них говорится, что во время дискуссии военачальников о том, следует ли уже готовой для сражения русской армии переходить Дон, «ту приидоша много пешаго воинства, и житейстии мнози людие и купци изо всѣхъ земель и градовъ; и бѣ видѣти зѣло страшно, многое множество людей собираяся, грядущие в поле противу татар. И начаша считати, колико ихъ всѣхъ, и изочтоша вяще четырехсот тысящ воинства коннаго и пѣшого» [ПСРЛ 1897: 56]. Во второй раз такой повтор, — в сущности, еще менее уместный, — добавлен после указания числа оставшихся в живых после битвы: «Тогда глагола князь великий Дмитрий Ивановичъ: «изочтите, братие, колико осталось всѣхъ нас. И изочтоша, и глагола Михайло Александровичъ, московской бояринъ: “Господине княже, осталось всѣхъ насъ 40000. А было всѣхъ вяще четырехсотъ тысящ и конныя и пѣшия рати”» [ПСРЛ 1897: 65].

В остальных редакциях Повести о Мамаевом побоище итоговые цифры потерь хотя и гиперболичны, но, при небольших отклонениях от средних, довольно стабильны: говорится, как правило, что погибло 250 тысяч или 253 тысячи, осталось 40 или 45 или, 50 тысяч [Поведание и Сказание 1838: 67; Шамбинаго 1906: 35, 72, 122, 164, 190; Русские повести 1958: 37; Повести о Куликовской битве 1959: 17, 201 (здесь странное уточнение: погибло «от безбожнаго царя Мамая 200000 без четырех человек»); Сказания и повести о Куликовской

¹:«И бѣ ему печаль, яко мало пѣшия рати; и остави у Лопасны великого воеводу своего Тимофѣя Васильевича тысяцкаго, да егда пѣшия рати или конныя поидеть за нимъ, да проводить ихъ безблазно, и никто же отъ тѣхъ ратныхъ, идя по Рязанской землѣ, да не коснется ничему и ничтоже да не возьметъ у кого» [ПСРЛ 1897: 54–55].

битве 1982: 126; Памятники Куликовского цикла 1998: 186, 249, 335]. Таким, очевидно, запомнилось исчисление павших, устоявшееся при бытовании Сказания о Мамаевом побоище в устной передаче.

С. К. Шамбинаго едва ли ошибался, считая, что Киприановская редакция Повести о Мамаевом побоище предшествовала почти всем другим ее разновидностям. Мнение А. А. Шахматова, объяснявшего нарочитое прославление в ней митрополита Киприана общей тенденцией или самой Никоновской летописи, или использованного в ней митрополичьего свода XVI века [Шахматов 1910: 194–195], трудно согласовать с тем фактом, что о роли митрополита сказано более или менее подробно во всех редакциях Повести о Мамаевом побоище.

Но о Киприане, как известно, вовсе не говорит подробная Летописная повесть о Куликовской битве, обязанная устным своим первоисточником воинской среде и составлявшаяся тогда, когда Киприан находился вне пределов Руси, будучи изгнан великим князем [ПСРЛ 2004: 131–137; Повести о Куликовской битве 1959: 16–25].¹ Значит, препарирование исторической реальности с целью подчеркнуть роль митрополита Киприана — это особенность самой Повести о Мамаевом побоище, возникшая в ходе той обработки устного Сказания о сражении на Куликовом поле, которая была закреплена именно в этом письменном произведении. Но подобное прославление — в ущерб даже роли великого князя и его сподвижников — не могло устойчиво и повсеместно продолжаться в устной традиции и в ее письменных отображениях. Другие редакции Повести о Мамаевом побоище либо более или менее скупо сообщали о роли Киприана, либо удерживали некоторые следы и фрагменты тенденциозных пассажей Киприановской редакции. Однако она оказалась востребована, очевидно, целиком при составлении Никоновской летописи, ибо отвечала ее общему стремлению подчеркивать историческое значение высших иерархов русской Церкви — стремлению, которое и проследил А. А. Шахматов [Шахматов 1910: 195].

Литература

Аверьянов К. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский накануне Куликовской битвы // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев посад, 2002. С. 15–16.

Аверьянов К. А. О местонахождении митрополита Киприана в 1380 г. // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006. С. 186–193.

¹ Подробно об этой Повести см.: [Азбелев 2011: 70–96].

- Аверьянов К. А.* Сергей Радонежский: Личность и эпоха. М., 2006.
- Азбелев С. Н.* Куликовская битва и православная церковь // Куликовская битва в истории России. Вып. 2. Тула, 2012. С. 77–82.
- Азбелев С. Н.* Куликовская победа в народной памяти: Литературные памятники Куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб., 2011.
- Атлас автомобильных дорог Тульской области и прилегающих территорий / Руководители проекта А. П. Притворов, А. Н. Бушнев. М., 2010.
- Борисов Н. С.* И свеча бы не угасла... М., 1990.
- Греков И. Б.* О первоначальном варианте Сказания о Мамаевом побоище // Советское славяноведение. 1970. № 6. С. 27–36.
- Дробленкова Н. Ф., Прохоров Г. М.* Киприан митрополит // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 464–475.
- История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.–Л., 1945.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. М., 1993.
- ЛВР — Летописец великий Русский.
- Мейендорф Иоанн, протоиерей.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Paris, 1990.
- Общегеографический региональный атлас: Тульская область / Редакторы Д. Трущин, В. Пятницкая. М., 2006.
- Памятники Куликовского цикла / Сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. СПб., 1998.
- Поведание и Сказание о побоище великаго князя Димитрия Ивановича Донскаго / Изд. И. Снегирева // Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 2. Кн. 1.
- Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 11. СПб., 1897.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 43. М., 2004.
- Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
- Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Л., 1978.
- Русские повести XV–XVI веков / Сост. М. О. Скрипиль. М.–Л., 1958.
- Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева. Л., 1982.
- «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла // Редакторы Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. М.–Л., 1966.
- Шабильдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.
- Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.
- Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. № 11. С. 135–200.
- Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» // Отдельный оттиск из «Отчета о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария». СПб., 1910.

Сиренов Алексей Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

О приемах составления частных летописцев в XVI в. (на примере Медоварцевских летописцев)¹

Одна из важнейших проблем в изучении древнерусского летописания состоит в том, что в большинстве случаев до нас дошли поздние списки летописей, на основании которых затруднительно определить, когда, кем и для какой цели составлялись содержащиеся в них летописные подборки. Эту проблему осознал и А. А. Шахматов, обращаясь к позднему летописанию и находя в нем материалы, непосредственно отражающие работу летописца.

Традиционно считается, что XVI век — время прекращения традиции общерусского летописания. Как известно, созданный в разгар опричнины Лицевой летописный свод стал последним звеном в ряду так называемых обобщающих историко-литературных предприятий этого столетия. Однако летописная традиция не пресеклась, на протяжении XVI–XVII вв. появлялись небольшие по объему летописцы, а с середины XVII в. — даже обширные летописные компиляции.

Для истории летописания, для изучения методов и приемов работы древнерусского летописца большую ценность представляют частные летописцы XVI–XVII вв. В них с наибольшей вероятностью и надежностью можно определить личность автора и мотивы составления летописи. Иногда частные летописцы обладают столь выраженными особенностями, что на их основании оказывается возможно составить достоверное представление об интеллектуальном кругозоре составителя летописца и его современников. Таким, например, является летописец БАН, 24.5.32. Он составлен на рубеже XVI–XVII вв. в Казани, по видимому, представителем местного белого духовенства. Этот летописец существенно отличается от других известных летописей прежде всего тем, что его автора интересовали только астрономические и атмосферные явления, наблюдаемые на Руси с древнейших времен до середины XVI в.: кометы, солнечные и лунные затмения, падения метеоритов, гало, паргелии, антигелии и т.п. Все эти явления он тщательно зарисовывал. Характер изображений таков, что приближается к чертежам или схемам. Присутствующие в рукописи иллюстрации-схемы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-01-00288а.

свидетельствуют об интересе к астрономии, о зачатках естественнонаучных знаний в России начала XVII в. [Маркелов 2005: 42–51].

Таких примеров можно привести несколько. Но даже в случае ярко выраженной индивидуальности летописца известные затруднения представляет задача реконструкции его источников и, главное, алгоритма работы летописца. В этом контексте особое значение приобретают те случаи, когда удается реконструировать составление летописца поэтапно, что имеет значение также для изучения летописей не только XVI–XVII вв., но и более раннего времени.

В этом отношении представляют интерес летописцы, переписанные известным книгописцем первой трети XVI в. Михаилом Яковлевичем Медоварцевым — ГИМ, Синодальное собр. 939 и БАН, Арханг. Д. 193 (имеется в виду третья рукопись в составе конволюта). Факт участия Медоварцева в написании этих рукописей выявила Н. В. Сеницына [Сеницына 1972: 313–314; Сеницына 1974: 146]. По филиграням летописцы Медоварцева датируются 20–30-ми гг. XVI в. Последнее известие летописца Арханг. Д. 193 относится к 1527 г.¹, а Синод. 939 — к 1532 г. Известно, что Медовацев был осужден на церковном соборе 1531 г. и сослан в Коломну, после чего известий о нем мы не имеем. Таким образом, Медоварцевские летописцы были созданы, видимо, в конце 20-х — начале 30-х гг. XVI в., т.е. в то время, до которого доведен их текст.

Текст Медоварцевских летописцев обнаруживает близость с Воскресенской летописью и ее источниками, в частности, с Софийской I летописью по списку Царского. Учитывая это обстоятельство, а также раннее происхождение Медоварцевских летописцев, исследователи видят в них источник для изучения создания и редактирования Воскресенской летописи [Левина 1957: 695, 702–704; Клосс 2000].

Обе рукописи введены в научный оборот еще П. М. Строевым [Строев 1882: 134, 363], и в последующее время они довольно активно привлекались исследователями, и это несмотря на разную историю их бытования: рукопись Синод. 939 не покидала Синодального собрания², а сборник Арх. Д. 193 из Антониево-Сийского монастыря поступил в Архангельское епархиальное древлехранилище, а оттуда — в Историко-археографическую комиссию и далее в Библиотеку Акаде-

¹ Данное уточнение сделал А. А. Амосов, ранее считалось, что известие относится к 1528 г. [Амосов 1976: 39].

² Рукопись была неоднократно описана: [Савва (Тихомиров) 1858: 201; Описание рукописей Синодального собрания 1970: 123–124].

мии наук¹. Обе рукописи имеют сходную структуру: в начале помещены статьи историко-генеалогического характера, близкие к вводным статьям Воскресенской летописи, а далее — летописный текст, также обнаруживающий родство с Воскресенской летописью².

М. Н. Тихомиров обратил внимание, что в Синодальном собрании хранится еще один летописный сборник, ГИМ, Синод. 940, близкий по составу с Синод. 939. Обе рукописи происходят из Кирилло-Белозерского монастыря, причем Синод. 940, датирующаяся третьей четвертью XVI в., по мнению Тихомирова, является копией более ранней Синод. 939. Исследователь отметил, что в Синод. 940 повторены ошибки Синод. 939, а также интерполированы в основной текст глоссы. Действительно, приписка к статье «Родословие литовского князенья» в Синод. 939 «Жидимонтов сын Жидимонт Аугустус» (л. 21 об.) читается в Синод. 939 в основном тексте (л. 40 об.). М.Н. Тихомиров обратил внимание и на отсутствие в Синод. 939 некоторых статей, имеющих в Синод. 940. В Синод. 939 летописный текст оказался продолжен позднейшими записями за XVI в., которые и привлекли внимание М. Н. Тихомирова. Он охарактеризовал их как летописание периода опричины и опубликовал [Тихомиров 1941: 89–92].

По какой-то причине не ссылаясь на статью М. Н. Тихомирова, оба летописца Синод. 939 и Синод. 940 вторично ввела в научный оборот С.А. Левина. Она полагала, что Синод. 940 не является копией Синод. 939, поскольку в его составе более полный комплекс вводных статей, чем в Синод. 939. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Синод. 939 — это кодекс в четвертую долю листа, с поздним дощатым переплетом. На разновременность переплета и рукописи указывает как несколько меньший размер досок относительно блока рукописи, так и отверстия для фицбундов от предыдущего переплета (см. л. 8–9, 80–81, 88–89, 97–98 и др.). Кроме упомянутых в литературе записей о принадлежности Кирилло-Белозерскому монастырю и Типографской библиотеке, укажем на запись скорописью XVI в. на нижнем поле последнего листа (л. 116 об.): «У старца соборново у Пахомия был». Видимо, имеется в виду соборный старец Пахомий Григоров, ставший в 1604 г. строителем монастыря, а в 1615 г. умерший. Если это так, то вполне естественно, что данная рукопись не фигурирует в описи Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г., поскольку в это время она находилась у старца Пахомия. Синод. 940 числится в

¹ Описание рукописи см.: [Описание рукописного отдела 1965: 126–133].

² Публикацию текста летописцев и их характеристику см.: [Сиренов 2015: 235–347].

монастырской описи 1601 г.: «Летописец Волынского в кожице, в четверть» [Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1998: 134]. Сомневаться в правильности атрибуции не приходится, так как в рукописи на л. 1 имеются соответствующие записи: «Летописчик Волынского», «Летописец Волынских».

Блок рукописи Синод. 939 состоит из 15-ти тетрадей, бумага которых имеет три филигрانی: 1. Литера R (?) с двумя лилиями под короной в гербовом щите — вид: Лихачев 1899: № 1497–1499 (1520 г.); 2. Рука с розеткой — вид: Piccard 1997: № 643 (1530 г.); 3. Рука — вид: Piccard 1997: № 248 (1521 г.).

Обратим внимание на расположение текста в тетрадях.

Тетрадь I: л. 0 — без текста; далее следуют статьи: «От летописца вкратце князи рустии» (л. 1–3 об.), «Цари ординские» (л. 4 об.).

Тетрадь II содержит статьи: «От летописца» (л. 5), «А се имена всем градом русским далним и ближным» (л. 5–9), «А се рустии митрополиты» (л. 9), «А се новгородские епископы» (л. 9 об.–10), «А се архиепископы» (л. 10–11 об.), «Короли» (л. 12 об.).

Тетрадь III: л. 13–13 об. — без текста; далее следует начало статьи «Родословие Литовскаго княжества» (л. 14—21 об.).

Тетрадь IV содержит окончание статьи «Родословие Литовскаго княжества» (л. 21—21 об.), «Сказание въкратце сущымъ отъ Адама до днешняго времени родословие» (л. 22–25 об.), «Царие царствующии в Константинограде, православнии же и еретици» (л. 25 об.–28); л. 28 об. — без текста.

Тетрадь V: л. 29–29 об. — без текста; с л. 30 начинается летописец.

Тетради VI–XII содержат продолжение Летописца.

Тетрадь XIII: окончание Летописца (на л. 101); л. 101 об.–102 об. — поздние приписки.

Тетрадь XIV: л. 103–106 — поздние приписки; л. 106 об.–110 без текста.

Тетрадь XV без текста.

Летописец написан на бумаге с филигранью 2, а вводные статьи в большинстве своем (за одним исключением — написанная на бумаге с филигранью 2 тетрадь III) и чистые листы в конце рукописи имеют бумагу с филигранями 1 и 3. Кроме того, тетради, с которых начинаются блоки вводных статей (тетради I и III) и летописец (тетрадь V) начинаются с чистого листа. Этот лист в начале каждого блока, по видимости, имел значение защитного листа, т.е. рукопись бытовала «в тетрадях», без переплета. Таким образом, рукопись состоит из четырех частей; двух блоков вводных статей, летописца и чистых листов в

конец кодекса. Летописец писался отдельно от предшествующих и последующих блоков. На это указывает и количество листов последней тетради летописца — десять вместо восьми (тетрадь XIII). Для того, чтобы завершить переписку текста, не выходя за пределы тетради XIII, Медоварцев увеличил количество листов в этой тетради до десяти, видимо, первоначально не предполагая добавлять чистые листы.

Итак, последовательность в создании рукописи была, по нашему мнению, следующей: на первом этапе Медоварцев написал летописец на бумаге с филигранью 2 (тетради V–XIII); далее на бумаге с той же филигранью началась переписка второго блока вводных статей (тетрадь III), но закончилась она на бумаге с филигранью 3; на завершающем этапе на бумаге с филигранью 1 был переписан первый блок вводных статей (тетради I и II) и вставлены чистые листы в конце кодекса (тетради XIV и XV).

По всей видимости, первоначально в Синод. 939 присутствовали и другие тексты. На это указывает содержание сборника Синод. 940. Обе рукописи начинаются с вводных статей, а далее следует текст летописца с 6370 г. по 7041 г., причем, как отметил М.Н. Тихомиров, в Синод. 940 известия 7036–7041 гг. переданы в сокращении по сравнению с Синод. 939 [Тихомиров 1942: 268]. Оканчивается летописец Синод. 940 известием о построении церкви Воскресения в Коломенском. В Синод. 939 далее помещены известия об освящении этой церкви и о рождении и крещении второго сына Василия III — Юрия. Эти особенности текста не противоречат предположению М. Н. Тихомирова о восхождении Синод. 940 к Синод. 939. Сложнее дело обстоит с вводными статьями. Как верно показала С. А. Левина, в составе Синод. 940 присутствуют почти все вводные статьи, читающиеся в Воскресенской летописи. В Синод. 939 состав статей тот же, но имеется отсутствующая в Синод. 940 статья с перечнем новгородских епископов и архиепископов и нет статей с родословием некоторых удельных князей. Соотношение недостающих относительно Воскресенской летописи статей Синод. 939 и 940 показано С.А. Левиной, но в составленной ею таблице статьи размещены в том порядке, в каком они читаются в Воскресенской летописи. Чтобы определить соотношение Синод. 939 и Синод. 940, сопоставим находящиеся в этих сборниках статьи в том порядке, в каком они расположены в этих рукописях:

Номер тетради Синод. 939	Синод. 939	Синод. 940
I	«От летописца вкратце князи русии» (л. 1 об.–2)	«От летописца вкратце князи русии» (л. 1–3)
	«От великого князя Всеволода Владимировского ростовстии князи» (л. 2–2 об.)	«От великого князя Всеволода Владимировского ростовстии князи» (л. 3 об.–4)
	«От того же Всеволода Володимировского тверские великие князи» (л. 2 об.)	«От того же Всеволода Володимировича тверские князи» (л. 4–5)
	«Смоленстии князи от великого князя Владимира Манамаха» (л. 2 об.–3)	«От великого князя Владимира Мономаха смоленские князи» (л. 4 об. — 5)
	«От великого князя Ярослава от Всеволодича суздальские князи» (л. 3–3 об.)	«От великого князя Ярослава Всеволодича суздальские князи» (л. 5–6)
	«А се ярославстии князи» (л. 3 об.)	«А се ярославские князи» (л. 6)
	«Цари ординские» (л. 4 об.)	«Цари ординские» (л. 6 об.)
	[нет]	«Начало муромским князем» (л. 7–9)
		«А пронские князи пошли от рязанских князей» (л. 9–10 об.)
		«Начало великим князем тверским» (л. 10 об.–13 об.)
	«От тверских дорогобужские» (л. 13 об. — 14 об.)	
	«От тверских же холмские князи» (л. 14 об. — 15 об.)	
	«От тверских же микулинские князи» (л. 16–17 об.)	
II	«От летописца. Рим старее Византия» (л. 5)	«От летописца. Рим старее Византия» (л. 23 об.)
	«А се имена всем градом русским далним и ближним» (л. 5–9)	[эта статья ниже]
	«А се русстии митрополиты» (л. 9)	«А се русстии митрополиты» (л. 24)
	«А се новгородские епископы» (л. 9 об.–11 об.)	[нет]
	«Короли» (л. 12 об.)	«Короли» (л. 24 об.–25)
III–IV	«Родословие литовского княжества» (л. 13–21 об.)	«Родословие литовского княжества» (л. 25 об.–40 об.)
IV	«Сказание вкратце сущим от Адама до днешняго времени родословие» (л. 22–28 об.)	«Сказание вкратце сущим от Адама и до сего времени родословие» (л. 42–49)
	[нет]	«О турках, како приидоша...» (л. 50–51)

		«В лето Ираклия царя» (л. 51–52)
		«Знамение в царства первых царей» (л. 52–55 об.)
	[эта статья выше]	«А се имена всем градом русским дальним и ближним» (л. 56–64 об.)

Как видим, в Синод. 940 оказалась переставлена относительно Синод. 939 одна статья — «А се имена всем градом русским дальним и ближним» и пропущен перечень новгородских епископов и архиепископов. Пропуски Синод. 939 относительно Синод. 940 носят более системный характер. Это два блока текстов. Первый приходится на утраченную вторую половину первой тетради Синод. 939 (в ней осталось только четыре листа), а второй располагается после четвертой тетради. Вполне возможно, на этом месте в Синод. 939 изначально существовала тетрадь с сохранившимися в Синод. 940 текстами. Правда, отсутствующие в Синод. 939 тексты («О туркех, како приидоша», «В лето Ираклия царя» и «Знамение в царства первых князей») по своему объему занимают места меньше, чем тетрадь Синод. 939. Однако следует иметь в виду расположение вводных статей в Синод. 939: они помещены не подряд одна за другой, зачастую их разделяет страница или несколько строк без текста. Не исключено, что в Синод. 939 изначально присутствовали и те статьи, которые оказались утрачены в этой рукописи и не отразились в Синод. 940, так как в последней, например, не были скопированы перечни новгородских иерархов, читающиеся в Синод. 939.

Таким образом, Синод. 939 изначально содержал более полный комплекс вводных статей Воскресенской летописи, который частично отразился в Синод. 940 — копии Синод. 939. Впоследствии отдельные листы и по меньшей мере одна тетрадь Синод. 939 были утрачены¹. Такое могло произойти, если рукопись бытовала в тетрадях, без переплета. Получается, что Медоварцев написал свой летописец, затем сопроводил его вводными статьями Воскресенской летописи и чистыми листами — последнее, видимо, для продолжения летописных записей. Продолжали летописец в два приема. Первый раз — на материале статьи 7041 г. Воскресенской летописи (л. 101 об. — 102), а второй раз —

¹ На первых листах некоторых тетрадей Синод. 939 сохранились остатки срезанных с нижнем поле при последнем переплете тетрадных сигнатур (л. 21, 37, 45, 53, 69, 77, 93, 111), причем на первом листе четвертой тетради — остатки буквы «Д», а седьмой тетради — буквы «S» или «З». Словом, эти сигнатуры соответствуют нынешней структуре кодекса. Однако у нас нет уверенности, что они первоначальны. Полагаем, что они появились позднее, уже после утрат листов.

статьями за 7042–7082 гг., опубликованными М.Н. Тихомировым. Первое продолжение летописца весьма характерно, поскольку имеет тот же источник, что и предшествующий текст (см. Приложение). Медоварцев закончил свой летописец известием за 3 ноября 1532 г., а следующее известие за 7 ноября того же года написано уже другим почерком. Неясно, по какой причине Медоварцев, написавший весь предшествующий текст летописца, прервал свою работу. Н.В. Сеницына, можно думать, для объяснения этой ситуации предположила, что Медоварцев осенью 1532 г. умер [Сеницына 1974: 146]. Представляется, что смену почерка, но не источника можно объяснить по-другому. Медоварцев использовал в качестве основного источника первоначальную редакцию Воскресенской летописи [Сиренов 2014: 115–124; Сиренов 2015: 249–272]. В момент завершения его работы над летописцем текст Воскресенской летописи был доведен до 3 ноября 1532 г., а известие от 7 ноября в нем еще отсутствовало. Следующий владелец летописца продолжил его текст на основе той же Воскресенской летописи, но несколько позднее, когда ее текст был доведен до конца ноября. Во всяком случае, в нем уже имелась запись о событиях 18 ноября, но еще отсутствовала запись о событиях 23 декабря 1532 г. Если наше предположение верно, то Медоварцев завершил работу над летописцем Синод. 939 между 3 и 7 ноября 1532 г., а его последователь продолжил текст летописца между 18 ноября и 23 декабря 1532 г.

Кодикологическая структура Арх. Д.193 подробно и обстоятельно описана А. А. Амосовым [Амосов 1976: 34–42]. Согласно его наблюдениям, в рукописи Медоварцева, которая является частью конволюта, можно выделить единый комплекс, написанный на бумаге с одной филигранью. Это сам летописец (л. 447–473). Сопровождающие его материалы написаны на отдельных тетрадах с другими филигранями. Некоторые из них оказались приплетенными в конце всего комплекса, но это не значит, что они там находились изначально. А. А. Амосов считал, что весь комплекс был создан не одновременно: сначала были написаны вводные статьи, а затем, через несколько лет, в 1527 г. — текст летописца. Разная датировка вводных статей и летописца предложена исследователем на основании анализа филиграней и ряда косвенных признаков, не имеющих доказательной силы сами по себе. Полагаем, что такого вывода делать не следует. Можно лишь утверждать, что медоварцевская рукопись Арх. Д.193 состоит из двух отдельных частей — летописца и сопровождающих его статей. Таким образом, организация материала в Арх. Д.193 подобна той, которую

видим в Синод. 939: отдельно написан текст летописца, к которому присоединены различные историко-литературные материалы.

Характерно, что оба Медоварцевских летописца были продолжены записями за последующие годы. Причем, если в Арх. Д.193 продолжение написано на чистых листах той же тетради, где помещено окончание Медоварцевского летописца, то в Синод. 939 ситуация иная. Здесь Медоварцев, по всей видимости, сам добавил несколько чистых листов после текста своего летописца.

Возникает вопрос: с какой целью Медоварцев дважды составлял сборники сходного состава, ядром которых был летописец, доведенный до современности? При этом в случае Синод. 939 в конце кодекса приложены чистые листы. Полагаем, что перед нами своего рода заготовка для частного летописца, сделанная Медоварцевым по чьей-то просьбе или на заказ. Получив такую рукопись, заказчик мог продолжать ведение летописца, занося на чистые листы (специально для этого приложенные) события своего времени. В результате получался полноценный летописец, начальная часть которого была скомпилирована Медоварцевым, а события последних лет записаны заказчиком. Следует отметить, что оба Медоварцевских летописца имеют продолжения, причем наиболее вероятное место записи этих известий — Москва. Это особенно хорошо видно на примере дописанных известий Арх. Д.193¹. Например, известия о прославлении Оковецкой иконы Богоматери (7047 г.) явно записаны москвичом, поскольку происшествия в Ржевском уезде изложены со слов приехавшей в Москву делегации, а все московские события — без ссылки на источник информации. Известия 7044 и 4046 гг. написаны по-разному заточенным пером. Это значит, что сделаны эти записи не одновременно². Обратим внимание, что основной текст Медоварцевского летописца в Арх. Д.193 оканчивается на л. 469 об. известием 7036 г. Далее половина страницы оставлена без текста, приписанные известия начинаются со следующей страницы — с л. 470. Этот пропуск может быть вызван тем обстоятельством, что дописывать летописец начали в 7042 г. и, возможно, планировали впоследствии восполнить образовавшуюся лауну за 7037–7041 гг.

Так на примере Медоварцевских летописцев можно проследить процесс создания частных летописцев в XVI в. Разумеется, ценность Медоварцевских летописцев этим не исчерпывается. Они отразили ранние этапы истории текста Воскресенской летописи. Но даже без

¹ Текст этих дополнений опубликован [Богуславский 1904: 993–995].

² Последнее известие (7055 г.) написано другим почерком и явно в гораздо более позднее время.

учета особенностей их летописного текста они представляют интерес для изучения процесса составления частных летописцев. Не случайно именно написанная Медоварцевым, так сказать, «заготовка» для частного летописца Синод. 939, без дописанных позже статей, в третьей четверти XVI в. была тщательно скопирована — так появилась рукопись Синод. 940.

Приложение

Продолжение летописца ГИМ. Синод. 939

(л. 101 об.) **Тоя же** осени ноября 7 приѣхаль к великому князю из Волохъ паробокъ его Ивашко Елизаровъ, да с нимъ вмѣстѣ пришелъ к великому же князю Василию Ивановичю волошьскаго воеводы Петра посланникъ его Юшко з грамотою, а шли на Крымъ. А сказалъ Ивашко великому князю, что Саидеть-Гирѣя царя Крымскаго с Крыма сослалы, а царемъ взяли на Крымъ Ислама, а Исламъ прислалъ к великому государю своего человекъ Маньмуша, что учинился на Крымѣ царемъ.

Того же мѣсяца 18 прииде ис Казани на Москву великаго князя посоль Яковъ Поплевинъ да диакъ Афанасий Курицинъ, по великаго князя наказанию Яналѣя царемъ на Казани // (л. 102) посадили и всю землю Казанскую к шерты привели.

Тоя же осени приѣхаль ис Крыма великаго князя казакъ Темешъ Кадышовъ, а сказалъ великому князю, что Исламъ на царствѣ не сѣлъ, а стоитъ на Саньгирѣ, а послалъ Исламъ къ салтану Турецкому просити на царство Саипъ-Гирѣя царемъ.

Литература

Амосов А. А. Из истории кодекса сборника Д. 193 Архангельского собрания РО БАН СССР // Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР: Сб. науч. тр. Л., 1976. С. 34–42.

Богуславский Г. Один из рукописных «Сборников» XVI в., хранящихся в Древлехранилище Архангельского епархиального церковно-археологического комитета // Архангельские епархиальные ведомости. 1904. № 20–24. С. 880–886, 912–919, 956–963, 991–999.

Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 г. // Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 7. М., 2000.

Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи. По поводу статьи В. В. Лаптева «Воскресенская летопись» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1957. Т. 13. С. 689–705.

Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1–3. СПб., 1899.

Маркелов Г.В. «Явился на небеси знамение чудно» // О древней и новой литературе: Сб. ст. СПб., 2005. С. 42–51.

Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К.И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. Ч. 1. М., 1970.

Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 2. Исторические сборники XV–XVII вв. М.–Л., 1965.

Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / Сост. З. В. Дмитриева и М.Н. Шаромазов. СПб., 1998.

Савва (Тихомиров), архим. Указатель для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. 3-е изд., доп. М., 1858.

Синицына Н. В. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 286–317.

Синицына Н. В. Новые рукописи Михаила Медоварцева // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник второй. М., 1974. С. 145–149.

Сиренов А. В. О времени создания Воскресенской летописи // Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. ст. Вып. 7. М.–СПб., 2014. С. 113–125.

Сиренов А. В. Летописцы в рукописях Михаила Медоварцева // Летописи и хроники. Новые исследования 2013–2014. М.–СПб., 2015. С. 235–347.

Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882.

Тихомиров М. Н. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания // Исторические записки. М., 1942. Т. 13. С. 256–283.

Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 84–94.

Piccard G. Wasserzeichen Hand und Handschuh. Stuttgart, 1997. V. 17.

**Новгородская Корнильевская летопись
в русской историографии XVIII–XX вв.
и в научном наследии А. А. Шахматова**

Во второй половине XVII в. в Новгороде создается ряд летописных памятников, в числе которых такие крупные произведения, как Новгородская Третья летопись (далее — НЗЛ), Новгородская Уваровская летопись (далее — НУВЛ), Новгородская Забелинская летопись (далее — НЗабЛ), Новгородская Корнильевская летопись (далее — НКорнЛ).

Особое место среди них занимает НКорнЛ, которая сохранилась в единственном списке (БАН 34.4.1.). В основе летописи — материалы Софийской Первой летописи младшей редакции с включениями из Лаврентьевской, Воскресенской, Новгородской Второй, Четвертой и Пятой (по Хронографическому списку) летописей и других сочинений. Изучение летописи и ее сравнение с другими новгородскими памятниками этого времени показывает, что именно она послужила основой для создания НУВЛ, НЗЛ (как пространной, так и краткой редакций), а также, но в меньшей степени, НЗабЛ [Яковлев 1997: 5–11].

Ее первоначальная редакция была создана в конце 1650-х — начале 1660-х гг. На это указывают филигранные бумаги, на которой была написана летопись (четыре типа филиграней: герб с лилией и буквами LD, щит с лентой, щит с ягненком и хоругвью, а также голова шута, представленная также четырьмя вариантами). Их изучение показывает, что практически все они относятся ко второй половине 1650-х гг. О том, что эта редакция была создана до середины 1660-х гг., указывает и приписка на полях к основному тексту, датированная 1665 годом (БАН. 34.4.1. Л. 401 об., в дальнейшем эта дата поновлялась).

Впоследствии проводилась большая работа по дополнению текста. Значительная часть нового материала была внесена в 1670–1680-х гг. Точное количество работавших со списком установить трудно: некоторые из них делали отметки и дополняли текст не один год. Можно утверждать, что их было не менее семи человек. Наиболее ранние хронологические выкладки на полях рукописи прочесть очень трудно — они неоднократно исправлялись. Но в любом случае первые отметки относятся ко времени не позднее 1665 г., о чем свидетельствует упомянутая выше запись на полях, датированная этим годом. Второй

этап приходится на 1672–1674 гг. Затем, после небольшого перерыва, работа проводилась в 1677–1678 и 1681–1682 гг. уже другими авторами. Четвертый, наиболее активный период работы приходится на деятельность не менее двух человек в 1683–1685 гг. Редкие приписки вносились в самом конце XVII в., например, в 1692 г., и принадлежали уже другому лицу. Следовательно, этот список НКорнЛ весьма активно использовался в работе почти тридцать лет.

К летописной работе этого времени мог быть причастен митрополит Корнилий. Практически вся основная работа по дополнению НУвЛ, приведшая к появлению НКорнЛ, созданию НЗЛ и НЗабЛ, приходится на период его пребывания на новгородской кафедре, которую он занимал более двадцати лет — с 1674 по 1695 г. Учитывая размах этой работы, продолжительность, интерес именно к церковной истории, многообразие источников, разыскиваемых и привлекаемых составителями, использование ими церковных и монастырских летописцев и местных святынь и др. материалов, можно предположить, что по крайней мере без одобрения Корнилия такая работа не состоялась бы. На его участие указывает и следующий примечательный факт. В 1695 г. он оставляет Новгород и уезжает в Троицкий Зеленецкий монастырь, где и проводит последние годы жизни вплоть до своей смерти в 1698 г. Выбор монастыря был не случайным — там он в свое время принимал постриг, в течение пяти лет был архимандритом этого монастыря. При нем обитель достигла своего расцвета, именно благодаря стараниям Корнилия возводились новые храмы, колокольня, прокладывались дороги, монастырю были приписаны новые земли, он снабжается книгами, колоколами, церковной утварью [Троицкий Зеленецкий монастырь 1912: 18]. Существует мнение, что Корнилий принимал участие и в создании Жития Мартирия Зеленецкого и канона ему [Азбелев 1960а: 155–182; Филарет (Гумилевский), архиеп. 1882: 279–283; Филарет (Гумилевский) 1884: 254]. Оно не нашло поддержки у ряда историков [Ключевский 1871: 346; Крушельницкая 1993: 182–184; Мартирий Зеленецкий 1998: 22–25, 27–28]. Вместе с бывшим митрополитом в монастырь отвозится и сборник, содержащий НКорнЛ. Об этом свидетельствует запись в нижней части ряда листов рукописи (БАН. 34.4.1. Л. 13–25). Очевидно, что это был не случайный выбор. Быть может, работа продолжалась и в Троицком Зеленецком монастыре. В частности, благодаря этому и было предложено автором данной статьи именно такое название летописи — Новгородская Корнильевская.

В 1698 г., уже после смерти Корнилия, летопись вместе с частью книг монастырской библиотеки, а также различная церковная утварь

отправляется обратно в Новгород. Об этом сохранилось несколько противоречивое свидетельство Летописца Зеленецкого монастыря, в котором, в частности, упоминается, что за книгами в монастырь приезжал новгородский архиепископ Феодосий [Мартирий Зеленецкий 1998: 133; Троицкий Зеленецкий монастырь 1912: 18]. Однако Феодосий Яновский, ставший архиепископом лишь в 1721 г., в конце XVII в. в таком качестве приезжать в монастырь не мог. Вероятно, здесь была допущена неточность, и Феодосий назван архиепископом исходя из его дальнейшего продвижения. Действительно, при нем из различных церквей и монастырей было вывезено значительное количество книг и рукописей — всего несколько сотен [Луппов 1973: 278]. Правда, приезжать мог и другой Феодосий — казначей Софийского дома, иеромонах, близкий к новгородскому митрополиту Иову человек. Он от имени Иова делал вклады в монастыри, снабжал рукописными книгами царевича Алексея Петровича, принимал участие в переводах книг с греческого и латыни, которые осуществлялись в Софийском доме [Исторический очерк 1956: 137, 142].

Летопись оказывается в Софийском соборе, о чем свидетельствует запись на первом листе рукописи, сделанная в то время: «Сия книга Гранограф соборная церкве Софии Премудрости Божия казенная и Великаго Новаграда» (БАН 34.4.1. Л. 1). Упоминается она и в описи 1725 г. (в это время ризница Софийского собора насчитывала 120 книг и рукописей), с отметкой, что привезена из Зеленецкой пустыни [Луппов 1973: 285–286]

В дальнейшем Софийская библиотека теряет свое значение. Многие книги оказываются в частных руках, пересылаются в Петербург, Москву, вывозятся высокопоставленными чиновниками, в частности, А. И. Мусиным-Пушкиным. Не миновала этой участи и НКорнЛ. Она оказывается у новгородского дворянина П. Н. Крекшина, собирателя древностей, автора ряда исторических трудов. От него рукопись 31 октября 1746 г. попадает в библиотеку Академии наук (по «Камерному каталогу» рукопись поступила в библиотеку в 1742 г.), где она и находится по сей день [Исторический очерк 1956: 219].

Работал с этой рукописью в академической библиотеке М. В. Ломоносов. Наряду с другими летописными памятниками новгородского происхождения он использовал ее в ряде своих работ («Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера “Происхождение имени и народа российского”», «Древняя Российская история», «Краткий российский летописец с родословием», «Краткое описание разных путешествий по северными морям и

показание возможному проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» [Ломоносов 1952: 20, 27, 38, 44, 215, 296, 443]). По мнению Г. И. Моисеевой, М. В. Ломоносов был знаком с НЗЛ и НЗабЛ, при этом она ошибочно определяет список БАН 34.2.26 как список НЗЛ, который в действительности содержит НЗабЛ [Моисеева 1971: 102–105, 134–136]. В частности, в 1749 г. он работал с НКорнЛ (Г. И. Моисеева охарактеризовала ее как летопись, сходную с НЗЛ, однако в это время в библиотеке не было ни одного списка этой летописи, М. В. Ломоносов имел дело именно с НКорнЛ, послужившей основным источником для НЗЛ, что, вероятно, и привело к подобным наблюдениям). Материалы летописи М. В. Ломоносов использовал, в частности, и в полемике с Г. Ф. Миллером, который весьма критически относился к ее известиям: им «новгородский летописец весьма дерзновенно опровергается», — возмущался Ломоносов [Ломоносов 1952: 38]. Однако в своих печатных работах Миллер воздерживался от критических отзывов о новгородских летописях [Миллер 1761].

Также скептически относился к летописи и другой известный историк XVIII века — А. Л. Шлецер, что, впрочем, не помешало ему использовать ее при работе над книгой, посвященной Нестору. Шлецер называл список Софийским (вероятно, потому, что на первом листе рукописи содержится упомянутая выше запись начала XVIII в. о принадлежности ее Софийскому собору), отмечая, что он «совершенно нов, писан нерадиво грубым невеждой» [Шлецер 1806: IV], и охарактеризовал его не самым лестным образом: «самый дурной список, какой только есть в академическом архиве» [ibid.: 163]. Замечания Шлецера понятны, но не совсем справедливы. Действительно, для него он был «совершенно нов», хотя бы потому, что был старше его самого менее чем на полвека. И искать в нем уникальных сведений о работе Нестора было бы излишне оптимистично. Но оценка степени «дурности» есть понятие условное, в академическом архиве столько всего хранится, что подобные оценки теряют смысл. Тем не менее, работа с новгородскими летописями велась Шлецером достаточно активно — сохранились его выписки из них, сделанные на немецком языке с включением цитат из летописей (135 л.). Особо выделена часть, отраженная в Повести временных лет. По всей видимости, это рабочий материал для книги, посвященной Нестору (РНБ. Эрмитажное собр., нем., № 139).

В конце XVIII века была предпринята попытка издания летописи — вышла только первая часть, включившая статьи до 1424 г. Примечательно небольшое предисловие С. К. Котельникова, подготовившего рукопись к печати, которое открывало книгу: «Сия рукопись

весьма неисправна: чего ради должен я упомянуть, что намерение Академии есть доставить любителям Российской истории чтение самых подлинников, каковы они есть, и тем самым подать беспрепятственной способ и совершенную свободу к изысканию исторической истине» [Российская летопись 1795]. Качество издания было далеко от научного, характеристика издателя оптимизма не внушала, что и повлияло в дальнейшем на то, что летопись не привлекала особого внимания исследователей. Что и понятно, поскольку подавляющее их большинство имело дело именно с этим изданием, в то время как ценность этого памятника можно оценить исключительно при непосредственной работе с рукописью. Она не заинтересовала издателей Полного собрания русских летописей, которые обратили самое пристальное внимание на новгородские памятники, в том числе поздние (была издана, а в дальнейшем переиздана и активно использовалась во многих работах НЗЛ, которая является вторичным памятником относительно НКорнЛ). Часть тиража издания 1795 г. так и осталась на складах типографии Академии наук не востребовавшей. В начале XX в. Ю. Битовт поместил книгу в «Список продающимся до сих пор в императорской Академии наук по номинальной цене, книгам XVIII века, но слывающим за редкие у некоторых библиографов и антикваров» [Редкие русские книги 1905: 577].

В начале XIX в. НКорнЛ была привлечена П. Строевым при публикации Софийского временника. Он отнесся к летописи более объективно и отмечал, что «сей список не столь дурен, как говорит об нем Шлецер... Я находил в нем многие места исправными, между тем как в других летописях они искажены переписчиками» [Софийский временник 1820: XVIII]. Критически отзывался П. Строев и об издании летописи в 1795 г.

На печатное издание летописи неоднократно ссылались и другие историки этого времени, в частности Н. С. Арцыбашев [Арцыбашев 1838], митрополит Макарий (Булгаков) [Макарий (Булгаков), митр. 1995] и др. Краткая характеристика памятника была дана Д. Поленовым, который в своих выводах основывался только на опубликованной ее части. Останавливаясь в основном на недостатках этого списка, часть которых может быть объяснена ошибками, допущенными при подготовке к тексту к изданию, он отмечал такие его достоинства, как наличие известий о новгородских церквах и монастырях, епископах и архиепископах, отсутствующих в других летописях [Поленов 1849: 115–121]. Следует отметить, что в это время летопись воспринималась только как один из списков Софийского временника и в качестве са-

мостоятельного памятника не выделялась.

В дальнейшем летопись более чем на сто лет практически пропадает из поля зрения исследователей. Даже С. Н. Азбелевым, проделавшим огромную работу в архивах и рукописных собраниях по выявлению списков новгородских летописей XVII в., она была обнаружена уже после завершения основной работы по воссозданию истории летописной традиции Новгорода второй половины XVII в. [Азбелев 1960а]. В рамках изучения НУвЛ им была дана краткая ее характеристика с замечанием, что этот список является черновиком другого летописного свода [Азбелев 1960б: 271]. За этим исключением статья полностью повторяет соответствующую главу монографии того же автора.

Дальнейшее изучение НКорнЛ было осуществлено автором настоящей работы, благодаря чему и удалось установить ее особое место в истории новгородской историко-литературной традиции XVII столетия [Яковлев 1997].

Впрочем, как удалось недавно выяснить, было одно исключение. В архиве А. А. Шахматова сохранилось печатное издание летописи 1795 г. с пометками академика (СПб филиал архива РАН. Ф. 134. Оп. 1, № 358). А. А. Шахматов внимательно просмотрел весь текст, им были сделаны карандашные пометки на полях, в основном касающиеся параллелей с другими памятниками (Лаврентьевской, Новгородской Четвертой, Софийской Первой и др. летописями). Отдельные статьи, сведения, фразы и даже слова подчеркнуты и порой сопровождаются знаком вопроса (6523, 6560, 6691, 6693, 6700, 6703, 6704, 6705 гг. и др.) или записями на полях: «откуда?» (6533, 6539, 6577, 6775 гг. и др.), «ошибка!» (известие 6671 г. об обретении мощей Сергия и Германа Валаамских при архиепископе Иоанне прокомментировано следующим образом: «Ошибка! Жили в XIV ст.» (с. 165)), «ср. выше», «ср. ниже» и пр. В случае, если в других летописях содержится иная датировка события, это также отмечается с соответствующей отсылкой (напр., известие о смерти епископа Никиты помещено под 6615 г., рядом находится заметка А. А. Шахматова о том, что в Софийской и Новгородской Четвертой летописях оно отнесено с 6616 г.; упоминания 6874 г. о церкви св. Троицы на Рядитине улице и 6899 г. о церкви св. Климента в Плотницах сопровождается отсылкой на Новгородскую Четвертую летопись, в которой они содержатся соответственно под 6873 г. и 6894 г. и т. д.). Часть записей полустерты и крайне неразборчивы.

По всей видимости, летопись не заинтересовала исследователя, поскольку никаких ссылок на нее в его работах обнаружить не удалось. Да и судя по отличному состоянию книги, особой работы с ней более не

проводилось. Скорее всего А. А. Шахматов ограничился знакомством с ней только по этому изданию и не обращался к рукописи. Если бы такое желание возникло, то, думается, ее нашли бы в БАН для академика. К тому же на форзаце книги наряду с автографом А. А. Шахматова содержится шифр рукописи с ее датировкой — конец XVII в. (правда, не понятно, когда она была сделана). Вероятно, это связано не только с низким уровнем издания, но и с тем, что А. А. Шахматова тогда интересовала тема, связанная с Повестью временных лет, и поздние летописные своды здесь не представляли для него первоочередного значения. Но в любом случае факт примечательный. Более чем на сто лет летопись выпала из поля зрения исследователей. И единственным человеком, который с ней в это время работал, был А. А. Шахматов.

Сокращения

НЗЛ — Новгородская Третья летопись
НУвЛ — Новгородская Уваровская летопись
НЗабЛ — Новгородская Забелинская летопись
НКорнЛ — Новгородская Корнильевская летопись

Литература

- Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960.
- Азбелев С. Н.* Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи // ТОДРЛ. Т. XVI. М.—Л., 1960. С. 270–287.
- Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. Т. 1. Кн. 1.; Т. 2. Кн. 2.; Т. 2. Кн. 3.; Т. 2. Кн. 4. М., 1838.
- Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век. М.—Л., 1956.
- Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- Крушельницкая Е. В.* Корнилий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 182–184.
- Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М.—Л., 1952.
- Лутнов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.
- Макарий (Булагаков), митр.* История русской церкви. М. 1995. Кн. 2.
- Мартирий Зеленецкий и основанный им Троицкий монастырь. СПб., 1998.
- Миллер Г. Ф.* Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761. Июль. С. 3–5; Август. С. 99–158; Сентябрь. С. 195–240; Октябрь. С. 291–323.
- Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.

Поленов Д. Библиографическое обозрение русских летописей // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1849. Ч. 64. Отд. 2. № 11. С. 73–134.

Редкие русские книги и летучие издания 18-го века / Сост. Ю. Битовт. М., 1905.

Российская летопись по списку Софейскому Великому Новаграда в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук, по ее повелению. Ч. 1. СПб., 1795.

Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 гт. Ч. 1. М., 1820.

Троицкий Зеленецкий монастырь и его основатель преподобный Мартирий. СПб., 1912.

Филарет (Гумилевский), архиеп. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Т. 1. СПб., 1882.

Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы. Кн. 1. СПб., 1884.

Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древнеславенском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером. Ч. 1. СПб., 1806.

Яковлев В. В. Новгородское летописание XVII века: Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1997.

**НАСЛЕДИЕ А. А. ШАХМАТОВА
И
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО
ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

Иванова Ирина Сергеевна

Лозаннский университет

Швейцария, г. Лозанна

Роль А. А. Шахматова в формировании культурно-исторического подхода к языку

Научное наследие Алексея Александровича Шахматова (1864–1920) настолько богато и многоаспектно, что к нему будет обращаться еще не одно поколение специалистов из самых разных областей гуманитарного знания. Ученики, коллеги и даже критики Шахматова отмечали как одну из его характерных особенностей сочетание в нем лингвиста, литературоведа, историка, этнографа и организатора науки. Более того, если ограничиваться только областью языкознания, то можно говорить о Шахматове как об историке языка, диалектологе, текстологе, лексикографе, фонетисте, специалисте по морфологии и синтаксису, — т. е. его научные интересы связаны практически со всеми аспектами языка. Думается, что трудно найти другого современного Шахматову русского филолога, занимавшегося таким широким кругом вопросов и имеющего такие энциклопедические знания по филологии, истории и этнографии.

Но эта многогранность Шахматова создает и свои сложности для анализа его научных взглядов. Исследователь наследия Шахматова сталкивается, во-первых, с необходимостью учитывать данные разных научных областей, а во-вторых, с невозможностью однозначно определить позиции Шахматова и отнести его к какому-то одному научному направлению.

На первый взгляд, в деятельности Шахматова и в его научных концепциях содержатся противоречивые черты: Шахматов — ученик и последователь Ф. Ф. Фортунатова (1818–1914), относящийся к Московской лингвистической школе, и Шахматов — профессор Петербургского университета, занимающийся вместе с И. А. Бодуэном де Куртене (1845–1929) — основателем Петербургской лингвистической школы — проблемами живого языка; Шахматов — специалист по древним русским летописям и Шахматов — отдающий предпочтение в своих исследованиях живым славянским говорам; Шахматов — скрупулезно анализирующий языковые факты и Шахматов — высказывающий смелые гипотезы и обладающий удивительным интуитивным прозрением¹, Шахматов — как продолжатель традиций русской

¹ Колесов В. В.: «В любой работе Шахматова можно проследить внутреннюю борьбу двух стихий: интуиции и факта» [Колесов 2003: 269].

филологии и Шахматов — как новатор, который определил некоторые направления лингвистики, получившие свое признание и развитие только во второй половине XX века. Для того чтобы понять феномен Шахматова и определить его роль в развитии науки в России, потребуются усилия многих исследователей, связанных с разными областями гуманитарных знаний. В данной статье мы ограничимся областью истории лингвистических идей и более того, поставим только один вопрос: какую роль сыграл Шахматов в развитии культурно-исторического подхода к языку?

1. Развитие Шахматовым культурно-исторического подхода к языку. Попытки привлечения фактов языка для описания истории и географии встречаются в России уже в XVIII веке в работах В. Н. Татищева. В свой вопросник, разосланный по губерниям, он включил и пункты, требующие указать «слова такие, которые немного переменяются, яко счисление <...> бог, небо, солнце, месяц, огонь...» [Татищев 1950: 95], а также топонимы, названия народов, месяцев и дней недели¹.

Но собственно культурно-исторический подход к языку был сформирован в XIX веке. Мысль о том, что история языка должна изучаться вместе с историей народа, была высказана Ф. И. Буслаевым (1818–1897) в его работе «О преподавании отечественного языка» (1844), в которой он наметил основные задачи этого подхода. Это положение было развито И. И. Срезневским (1812–1880) и проходит и через всю его работу «Мысли об истории русского языка» (1849): «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может. Оба вместе обуславливают иногда нераздельность свою в мысли одним названием: так и мы, русские, вместе с другими славянами искони соединили в одном слове «язык» понятие о говоре народном с понятием о самом народе» [Срезневский 1887: 1–2]. Но направление, которое в целом было обозначено Буслаевым и Срезневским, требовало четкой формулировки конкретных задач и разработки последовательной методики. Это и было сделано Ф. Ф. Фортунатовым (1848–1914), который разработал сравнительно-исторический анализ языка, введенный в России еще А. Х. Востоковым (1781–1864). В своих лекциях по сравнительному языковедению Фортунатов исходил из зависимости языка от общества и указывал, что «те изменения, которые происходят в составе общества, сопровождаются и в языке соответствующими изменениями: дробление общества на те и другие части соответствует дроб-

¹ Интересно отметить, что именно Шахматов выступал за критическое переиздание «Истории Российской» Татищева.

лению языка на отдельные наречия, а объединение частей общественного союза соответствует и в языке объединению наречий <...> Таким образом, изучая историю известного языка, лингвист путем правильного сравнения этого языка с языками родственными по происхождению, открывает то прошлое в жизни изучаемого языка, когда он составлял еще одно целое с другими родственными ему языками» [Фортунов 1901: 6]. Задачу языковедения Фортунов видит в том, чтобы исследовать человеческий язык в его истории. Это требует «определения родственных отношений между отдельными языками и сравнительного изучения тех языков, которые имеют в прошлом общую историю, т. е. родственные по происхождению» [ibid.: 8]. При этом, Фортунов указывает, что факты истории языка дают информацию о прошлом самих общественных союзов, в которых существовали данные языки [ibid.: 13].

Эти идеи Фортунова и легли в основу исследований А. А. Шахматова. Однако если Фортунов привлекал прежде всего старославянский язык и сравнение родственных языков, Шахматов развил сравнительно-исторический метод вширь, за счет включения в сопоставление материала всех славянских языков, и вглубь, доведя анализ конкретного явления до эпохи индоевропейского праязыка. Последовав за своим учителем, Шахматов стремился создать четкую картину исторического развития языкового явления от современного состояния до праязыка, а также охватить географическую широту распространения конкретного явления.

Основу его сравнительно-исторического анализа составил ретроспективный метод поэтапных реконструкций, который позволил ему сделать выводы о существовании общерусского (точнее, единого восточнославянского) и общеславянского праязыков [Шахматов 1941а: 229]. Так, в своем «Курсе истории русского языка» Шахматов отмечал, что «сравнительно-историческое изучение славянских языков... приводит исследователя к точным и неопровержимым заключениям относительно звукового и морфологического строя общеславянского праязыка; но полное восстановление этого языка не может быть достигнуто без сравнительно-исторического изучения родственных общеславянскому праязыку языков, составлявших некогда вместе с ним одну общую индоевропейскую семью» [Шахматов 1910: 334]. Опираясь на сравнения, Шахматов создал многоступенчатую схему происхождения каждого восточнославянского языка и его родственных связей с другими языками.

При этом Шахматов воспринимал праязыки как историческую реальность, что иногда вызывало критические замечания его современников.

менников. Так, А. И. Соболевский писал в своей рецензии на диссертацию Шахматова: «Как будто общеславянский язык нечто вроде говора Саратовского уезда, который г. Шахматов ежедневно слышит...» [Соболевский 1894: 424].

В это время среди европейских лингвистов был распространен другой подход к праязыкам, который хорошо выразил современник Шахматова Антуан Мейе (1866–1936): «Единственная реальность, с которой сравнительная грамматика имеет дело — это соответствия между засвидетельствованными языками. Соответствия предполагают общую основу, но об этой общей основе можно составить себе представление только путем гипотез и притом таких гипотез, которые проверить нельзя: поэтому только одни соответствия и составляют объект науки. Путем сравнения невозможно восстановить исчезнувший язык» [Мейе 1938: 73–74].

Однако позиция Шахматова не мешала ему видеть относительность его гипотез, и он сам корректировал их в зависимости от появления новых научных данных. В качестве примера можно назвать изменение его взглядов на прародину славян или на основу древнерусского литературного языка.

Еще одной особенностью культурно-исторического подхода Шахматова было то, что конкретные данные языков были положены в основание истории народа. Развивая и здесь идеи Фортунатова, Шахматов фактически создал твердую лингвистическую базу для широких историко-культурных построений. Как он отмечает в своем «Курсе истории русского языка»: «Жизнь языка протекает параллельно и согласно с другими явлениями из жизни народной... Историк языка в праве отождествлять открытое им явление с соответствующим явлением народной жизни. Факт, наблюдаемый в области языка, оказывается непререкаемым показателем соответствующего ему факта в жизни народа» [Шахматов 1910: 11, 13].

Опираясь на сравнительно-историческое изучение и славянских письменных языков, и славянских диалектов, Шахматов выдвигает свою гипотезу славянского этногенеза, которую он развивает в статьях и лекционных курсах. При этом он привлекает данные не только славянских языков, но и других языковых групп, которые соприкасались со славянами. Так, исследуя географическую терминологию в области бассейнов Вислы, Немана, Западной Двины и дополняя полученные данные свидетельствами древних историков, он устанавливает древние славяно-кельтские связи [Шахматов 1912]. Фактически он первый в русской лингвистике создает целостную концепцию этногенеза славян.

Конечно, за прошедшие почти сто лет новые научные открытия в истории и в археологии внесли свои коррективы в историко-этнографические гипотезы Шахматова, но сам метод опоры на данные языка для исторических исследований продолжает развиваться и в работах современных ученых (работы В. И. Абаева, О. Н. Трубачева, В. Н. Топорова, В. В. Седова).

Таким образом, можно сказать, что Шахматов, опираясь на традицию сравнительно-исторического анализа младограмматиков, развил культурно-исторический подход, внося в него свои коррективы и создав тем самым свой собственный метод, который трудно определить однозначно.

С одной стороны, Шахматова можно рассматривать как позитивиста, потому что он стремится к наиболее полному, исчерпывающему охвату фактов. Его исследования поражают своей фактографической стороной. Так, В. В. Колесов приводит пример того, что для построения своей теории редуцированных Шахматов тридцать лет изучал это явление по древнерусским источникам [Колесов 2003: 272]. Но именно такой подход, свойственный естественным наукам, позволяет обоснованно выделять общие и дифференцирующие характеристики изучаемых объектов.

С другой стороны, Шахматов выходит за рамки чистого позитивизма, так как его детальное, глубокое изучение фактов ведет к широким обобщениям, к построению гипотез и концепций, выходящих за пределы языка. Нам представляется, что именно такая логика исследования и стремление Шахматова охватить каждое явление в единстве и взаимодействии его разных сторон является движущей силой развития его научного подхода, создавая иногда впечатление внешней противоречивости.

Стремление Шахматова к всесторонности охвата языкового явления определяло и еще одну особенность его методики анализа. Изучаемое явление он рассматривал во взаимосвязи с близкими, однородными явлениями на синхронном уровне, а затем уже путем сравнения углублялся в историю данного языкового явления. При этом Шахматов не употреблял терминов «синхрония» и «диахрония», но фактически разрабатывал основы этих двух типов анализа в их взаимосвязи. Тем самым он закладывал основы системного подхода к языковым явлениям, уходя от изолированного, атомарного анализа младограмматиков.

2. Шахматов и рождение социологического подхода к языку. В начале XX в. кризис в лингвистике показал исчерпанность сравнительно-исторического метода и привел языковедов как России, так

и Европы к проблеме социального аспекта языка. Поэтому на первый план вышел вопрос о соотношении индивидуального и социального в языке. Шахматов как позитивист считал реальностью только индивидуальный язык. Так, в своей работе «Введение в курс истории русского языка» (1916), он пишет: «Перед нами, таким образом, в настоящее время множество различных друг от друга русских индивидуальных языков: их столько же, сколько индивидуумов, говорящих по-русски. ... но эти индивидуальные языки могут быть распределены на более или менее обширные группы, образующие части еще больших групп. Эти подгруппы, вмещающие однородные индивидуальные языки, можно назвать говорами, а группы сходных между собой говоров называют поднаречиями или наречиями. Обширные языковые группы, наречия, оказываются таким образом, делениями того великого целого, которое называется языком (народа, племени), заключающим в себя всю совокупность индивидуальных языков, связанных между собой сходством; сходство же это зависит, прежде всего, от единства происхождения» [Шахматов 1916: 8]. Таким образом, Шахматов понимает целое как сумму отдельных сходных явлений: «язык села, города, области, народа оказывается известною научною фикцией, ибо он слагается из фактов языка, входящих в состав тех или иных территориальных или племенных единиц индивидуумов» [Шахматов 1941б: 9]. В таком случае единственным возможным объектом лингвистического исследования становится только язык индивида. При таком подходе изменения в языке объясняются явлениями индивидуальной языковой жизни. Как замечает Шахматов, «начало изменениям кладут отдельные личности». А успех изменений зависит от того, будет ли этот почин согласован с общим настроением языковой группы, т. е. примет ли его языковая среда. Шахматов заключает, что это нормальный процесс, проводящий взаимодействие индивидуального и общественного начала» [Шахматов 1916: 8]. Интересно, что сходные взгляды на механизм языковых изменений высказывали уже в середине 20-х–30-х годов XX-го века и Евгений Поливанов (1891–1937), и известный советский лингвист, автор книги «Язык и общество» Розалия Шор (1894–1939).

Но в то же время положение об индивидуальном языке как единственном объекте лингвистики не мешает Шахматову видеть в языке историко-культурное явление, продукт духовной деятельности целого народа. Утверждая, что «человеческие общества сближаются или разделяются единством или различием в культуре», он вводит понятие «культурного языка», которое отличается от «этнографических

терминов великорусский, малорусский и белорусский языки». Шахматов считает, что «индивидуальные языки... нельзя отрывать от той или иной этнографической обстановки... Напротив, культурные языки стремятся перейти за этнографические пределы» [Шахматов 1916: 16]. Таким образом, понятие культурного языка оказывается связанным уже с общественными явлениями.

Внимание Шахматова к социальному аспекту можно видеть и в его положении о социальном расслоении языка Киева XI в., в котором ученый различает «язык господствующих классов», «язык образованных классов, т. е. духовенства» и говоры сельской местности. При этом термин «класс» Шахматов употребляет для обозначения любой общественной группы. Можно сказать, что здесь Шахматов подходит к вопросу отражения в социальной дифференциации языка социальной структуры общества.

Шахматов говорит и о влиянии на язык таких исторических событий, как образование Киевского государства, татарское нашествие и возвышение Москвы, т. е. включает в свой анализ и социальные события, приводящие к изменениям языка.

Богатый материал для выявления социальной природы языка давали сбор и описание русских диалектов. Шахматов и сам отправляется в диалектологические поездки, и разрабатывает программу для собирания диалектологических сведений, и участвует в создании Московской диалектологической комиссии, и комментирует издаваемые материалы говорков. Если Программа сбора материала, по которой велась работа в Русском географическом обществе, ограничивалась готовым списком слов, которые были даны в литературной кодифицированной форме, то программа, составленная под руководством Шахматова, а затем включенная в общую «Программу для собирания особенностей великорусских говоров» [Чернышев 1900], подготовленную его учеником Василием Чернышевым (1867–1949), включала подробные инструкции по сбору диалектологического материала и указывала на необходимость давать информацию социального плана. Так, от собирателя материала требовалось дать краткое описание села или деревни, указать город или торговое местечко, куда ездит местное население, описать отношения между населением этого села и населением соседних местностей, указать различия в говоре старшего поколения и младшего, в говоре женщин и мужчин. Эта программа использовалась потом в России многие годы для сбора материалов русских диалектов.

Такое внимание к социальным условиям, влияющим на язык, нашло отражение и в курсе лекций Шахматова, которые он начал читать в

1908–1909 учебном году в Петербургском университете. Уже во «введении», где он определяет основы своей лингвистической теории, Шахматов говорит, что «Внимательное изучение народной речи ... показывает, что в каждой почти деревне язык подрастающего поколения отличается от языка старших, что женщины говорят иначе, чем мужчины, что старики и старухи имеют в своем языке такие особенности, которые избегаются прочим населением» [Шахматов 1910: 5]. И далее Шахматов добавляет: «Совершающееся на наших глазах изменение языка, например, в указанных великорусских местностях зависит, между прочим, от влияния на мужскую часть населения городских центров, где крестьяне ищут заработков, куда они ездят по торговым и хозяйственным своим делам...» [ibid.: 6.]. Все эти наблюдения над различными внешними факторами, влияющими на язык, над спецификой языка разных поколений, разных социальных групп, способствовали формированию концепции социальной дифференциации языка.

Таким образом, мы видим, что признание Шахматовым индивидуального языка в качестве основного объекта лингвистики не вступало в противоречие с его пониманием социального аспекта языка. Думается, что именно принцип всестороннего охвата изучаемого объекта в единстве его разных аспектов и учет связи языка с его носителем — членом общества — способствовали созданию шахматовского комплексного подхода к анализу языковых фактов.

Более того, шахматовское понимание социального в языке перекликалось со взглядами его современника, главы французской социологической школы, Антуана Мейе, который в своей вступительной лекции в Коллеж де Франс, говорил о том, что основным элементом, который влияет на постоянные изменения языка, является структура общества, так как язык «в высшей степени явление социальное». Мейе утверждал, что «социальный аспект языка определяется тем, что каждый язык принадлежит определенной группе говорящих субъектов, тем, что язык — это средство коммуникации между членами одной группы...» [Meillet 1921: 1–18]. Такой взгляд на социальное, как у Шахматова, так и у Мейе, вступал в противоречие с пониманием социального у одного из их современников — Фердинанда де Соссюра, который утверждал невозможность ни индивида, ни общества повлиять на язык [Соссюр 1933]. Если в европейской лингвистике социологический метод де Соссюра со временем занял доминирующее положение, то в русской лингвистике долгие годы активно развивался подход, намеченный А. А. Шахматовым. Этот факт, на наш взгляд, сыграл немаловажную

роль в том холодном приеме, который получил социологический метод де Соссюра в советском языкознании 1930-х–1940-х годов.

Размышления Шахматова о природе языка, о связи языка с его носителем, говорящим субъектом, о влиянии на язык различных факторов, в том числе и социальных, логично приводят его к постановке проблемы «язык как средство общения». Уже незадолго до смерти Шахматов начинает разрабатывать коммуникативную концепцию языка, которую он кладет в основу своего синтаксиса. Такой подход был совершенно новаторским и для русской, и для европейской лингвистики. Он получил свое развитие только во второй половине XX века. К сожалению, смерть Шахматова помешала ему довести эту работу до конца.

3. Заключение. Итак, все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы.

Восприняв от Ф. Ф. Фортунатова методику сравнительно-исторического анализ языковых фактов во взаимосвязи с историей общества, т. е. в единстве с культурно-историческим подходом, Шахматов развил эти идеи, создав свой метод. Это выразилось, прежде всего, в том, что он практически соединил данные языка с историей народа: в его исследованиях анализ языковых явлений не иллюстрирует теоретические положения или историю, а служит основой лингвистических и исторических выводов. Можно сказать, что в работах Шахматова лингвистика и история занимают равные места. Изучение лингвистического явления было для Шахматова не самоцелью, а служило для открытия, выявления какого-либо исторического события.

Второй особенностью метода Шахматова является то, что он вышел за рамки младограмматизма с его установлением строгих фонетических законов и применил свой метод к анализу и лексики, и морфологии, и синтаксиса. Причем, в этом анализе Шахматов основывался не только на данных письменных памятников, но и на живых диалектах, отдавая преимущество последним. При этом Шахматов не ограничивался данными только родственных языков, а широко привлекал материал языков других групп.

В качестве третьей особенности метода Шахматова надо отметить то, что языковое явление рассматривалось не изолированно, как это практиковалось у младограмматиков, а во взаимосвязи с другими языковыми явлениями как того же уровня, так и других уровней. Например, при изучении истории редуцированных Шахматов обращался к анализу просодических изменений древнерусского языка, а явление второго полногласия рассматривалось им в связи с первым и третьим

полногласием. Поэтому можно с полным правом сказать, что Шахматов заложил основы системного подхода к анализу языка, не используя понятий системы и структуры.

С самого начала культурно-исторический подход определил логику исследования Шахматова, так как отвечал его стремлению охватить каждое явление в единстве и взаимодействии его разных сторон. Именно это качество явилось движущей силой развития научного творчества Шахматова.

Шахматова можно было бы отнести и к позитивистам. Но эмпиризм Шахматова, опора на анализ конкретного языкового материала, взятого в системе и включенного в широкий исторический контекст, вели его к созданию смелых гипотез и к открытию новых явлений в языке. Шахматов вышел за рамки чистого позитивизма с его фактографией и на основе анализа конкретного материала создавал свои гипотезы, которые затем корректировал с появлением новых научных данных. Поэтому Шахматова невозможно однозначно отнести к компаративистам или к младограмматикам, или к какому-либо другому широко известному направлению в лингвистике. Можно сказать, что он прошел путь от младограмматизма Фортунатова и позитивизма до постановки проблем, свойственных уже лингвистике конца XX века.

Логика развития концепции языка Шахматова вела его от культурно-исторического подхода к социологическому методу, получившему развитие в работах его учеников и последователей, которые занимались историей русского языка, диалектологией, социолингвистикой: здесь можно назвать имена таких русских советских лингвистов как С. И. Бернштейна (1892–1970), Л. П. Якубинского (1892–1970), В. В. Виноградова (1894–1969), С. П. Обнорского (1888–1962), В. И. Чернышева (1867–1949).

Если современная западная лингвистика и в наши дни в поисках идей постоянно обращается к научному наследию Фердинанда де Соссюра, который определил развитие европейской лингвистики XX-го века, то можно с полным правом сказать, что в научном творчестве Шахматова содержатся идеи, определившие тот путь, по которому в XX веке пошла русская советская лингвистика.

Литература

Бернштейн С. И. А.А.Шахматов как исследователь русского литературного языка» // А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 3–57.

Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. М., 1867.

Колесов В. В. А. А. Шахматов // В. В. Колесов. История русского языкознания. Очерки и этюды. СПб., 2003.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.–Л., 1938.

Соболевский А. И. Рецензия на диссертацию А. А. Шахматова «Исследования в области русской фонетики» // ЖМНП. 1894. апрель.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933

Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб., 1887.

Срезневский И. И. Обзорение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных. СПб., 1865.

Татищев В. Н. Предложение о сочинении истории и географии Российской // Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 77–92.

Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1899–1900 гг. Литограф. изд. 1900.

Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в.. Ч. 1–2. СПб., 1903.

Шахматов А. А. Материалы для изучения великорусских говоров. СПб., 1896–1903. Вып. 8. СПб., 1903.

Шахматов А. А. Курс истории русского языка. Ч. 1 за 1908/09 уч. год. Литогр. издан. 1910/1911.

Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч.1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916.

Шахматов А. А. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка. // А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 223–244.

Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941а (1925).

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.–Л. 1941б.

Чернышев В. И. Программа для собирания особенностей великорусских говоров... // Сборник ОРЯС. 1900. Т. 68. №1.

Meillet A. «L'état actuel des études de linguistique générale. Leçon d'ouverture de Grammaire comparée au Collège de France lue le mardi 13 février 1906», in Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1921. P. 1–18.

А. А. Шахматов о происхождении русского литературного языка: многообразии классики

Установившееся мнение о старославянской генетической основе русского литературного языка теснейшим образом соединилось с именем А. А. Шахматова. При этом хрестоматийное восприятие научных взглядов XIX — начала XX вв. как традиционных и однородных является во многом кажущимся и в первую очередь потому, что для учёных того времени проблемы языковой природы литературного языка как таковой не существовало: они в основном осмысливали феномен сосуществования двух языковых стихий и свои впечатления по поводу их совмещения в отдельных памятниках древнерусской письменности. Именно поэтому в XX в. сторонники той или иной концепции, используя высказываниями учёных XIX в., с одинаковой степенью убеждённости относят их к «своему лагерю» в качестве своих предшественников [Бекасова 2008].

Однако внимательное рассмотрение отдельных замечаний, ряда наблюдений и некоторых мнений лингвистов XIX – начала XX вв., в той или иной степени касающихся взаимодействия южнославянских и восточнославянских элементов, свидетельствует о неоднозначном восприятии сложных взаимоотношений двух языковых стихий, далёком от категоричности решений в пользу церковнославянского языка. Об этом со всей определённостью впервые написал А. И. Горшков, отметивший, что «в нашей филологической науке возникла тенденция высказывания всех филологов прошлого распределять на две группы с точки зрения признания той или иной «основы» русского литературного языка. Между тем наши филологи далеко не всегда вообще рассматривали вопрос об «основе» или, по крайней мере, далеко не всегда ставили этот вопрос во главу угла» [Горшков 1987: 18–19].

Тем более это касается классических трудов по истории языка: великолепное знание памятников древнерусской письменности, широкий филологический кругозор, гениальные провидения и предвидения учёных такого уровня, как Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, позволяли создавать свою картину развития языка, без искажений и сгущений красок, без ложного патриотизма и порывов космополитизма, которая пройдёт и испытание временем, и проверку новым фактическим материалом, и актуальными на-

правлениями и в которую по-прежнему можно всматриваться как в актуальное научное полотно. А. А. Шахматов, безусловно, относится к филологам такого уровня. Именно поэтому его труды всегда современны и значимы, что иногда влечёт за собой желание их мифологизировать и внести нотки догматизма, чем никогда не страдал великий учёный, находившийся в постоянном научном поиске. Достаточно привести оценку А. А. Шахматова своих исследований в предисловии к «Разысканиям о русских летописях»: «Предстоит ещё решение общего вопроса: правильно ли поставлена мною задача и каковы должны быть приёмы исследования. Теперь я уже вижу несколько существенных недостатков в своей работе, неустраняемых и непоправимых после отпечатывания книги» [Шахматов 2001: 5].

Феномен закрепления гипотезы южнославянской основы русского литературного языка за именем А. А. Шахматова объясняется прежде всего его авторитетом учёного энциклопедического типа, сыгравшего выдающуюся роль в развитии отечественной лингвистики и филологии вообще. По справедливому замечанию В. В. Виноградова, «история русского языка в её современном состоянии носит на себе неизгладимую печать шахматовского влияния. Даже борьба с теориями Шахматова чаще всего ведётся при помощи того же оружия, а иногда и тех же средств, которые извлекаются из научных арсеналов самого же Шахматова. Исторические задачи, не решённые Шахматовым, стоят и перед нами» [Виноградов 1978а: 236].

К сожалению, строки из «Очерка современного русского литературного языка», оставшегося незавершённым и не отражающего динамичного развития взглядов истинного исследователя на историю языка, не только кочуют из одного учебного пособия в другое, но и нередко становятся отправной точкой исследований. Однако даже у «основателей» историко-лингвистической концепции возникновения и развития древнерусского литературного языка из церковнославянского языка, к каким обычно причисляют М. А. Максимовича и К. С. Аксакова, нет приписываемой однозначности. С. П. Обнорский достаточно убедительно объясняет «приверженность» своего учителя устоявшимся традиционным взглядам: «Шахматов специально проблемами истории русского литературного языка не интересовался и не занимался. Но в лекционном своём курсе современного русского языка... должен был коснуться вопроса об образовании русского литературного языка и изложил его в согласии с обычными представлениями своего времени» [Обнорский 1960: 30]. Традиционность деклараций А. А. Шахматова подчёркивается и В. В. Виноградовым: «Тут прежде всего выдвигается давняя историче-

ская концепция русского литературно-языкового процесса, вновь с особым блеском и талантом развитая Шахматовым. Историческая схема Шахматова не очень сильно разнится от той, которую развивал Соболевский» [Виноградов 1978б: 326]. При этом В. В. Виноградов отмечает, что в «красивой и величественной картине болгарского языкового книжного и устного влияния на разные типы языка Киевской Руси нельзя не видеть сильного увлечения и преувеличения» [Виноградов 1978а: 227].

В этих случаях показательно восприятие взглядов А. А. Шахматова на историю русского литературного языка как определённый абрис сложнейших процессов в системе и структуре восточнославянского и русского языков. При таком отношении снимается ряд упреков в адрес великого учёного. В частности, в этом ключе становятся объяснимы противоречия, указанные В. В. Виноградовым: «при гениальной новизне и широте тех задач, которые выдвигались Шахматовым перед историей русского литературного языка и последовательно осуществлялись в его собственных исторических трудах и теоретических построениях, в концепции Шахматова были и слабые, уязвимые места», к которым В. В. Виноградов относит равнодушие Шахматова к стилистическому многообразию литературной речи, недооценку процессов нормализаторства, то есть проблемы собственно литературного языка Шахматова не интересовали [Виноградов 1978а: 227]. Иными словами, А. А. Шахматов не задавался целью выстраивать концепции и выдвигать гипотезы: его интересовал язык во всём его многообразии письменных и устных текстов, структурных и системных особенностей на протяжении почти тысячи лет, при этом А. А. Шахматов не ограничивался рассмотрением отдельных составляющих языка — он был прежде всего его исследователем, далёким от односторонности и предвзятости.

В частности, в статье «Русский язык» («Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона) именно под этим углом А. А. Шахматов представляет историю русского литературного языка: «Родоначальником письменного русского языка следует признать церковнославянский, который вместе с духовенством и священными книгами был перенесён к нам из Болгарии. Но под инославянской оболочкой рано стал пробиваться живой язык народа... В скором времени русский язык получил доступ и в самостоятельную, зародившуюся в центре русской земли письменность: летописи, исторические сказания, юридические акты пишутся языком, близким к живой речи и только в подборе слов и синтаксических оборотов обличающим свою зависимость от церковной письменности <...> До XVIII в. письменный язык московский

имеет постоянного соперника в языке церковнославянском: некоторые отрасли литературы принадлежат исключительно языку церкви <...> В XVIII в., оставаясь в основе своей народным, литературный язык обогатился неистощимым запасом церковнославянских слов», а во второй половине XVIII в. формируется единый литературный язык, «который, не покидая народной почвы, сознательно пользуется церковнославянскими и западноевропейскими заимствованиями» [Шахматов 1899: 565].

Здесь, на наш взгляд, следует акцентировать внимание на том, что под оболочкой церковнославянского языка «рано стал пробиваться» исконный, на протяжении многих веков успешно с ним соперничающий язык, а в XVIII в. литературный язык **оставался** (!) «в основе своей народным» и, «не покидая народной почвы», обогащался заимствованиями, в том числе и церковнославянскими. Таким образом, различаются судьбы «родоначальника» и русского литературного языка, но при этом подчёркивается исконность литературного языка и до, и после его формирования в единый язык.

В очерке «Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка» (Очерк развития современного русского литературного языка) А. А. Шахматов отталкивается от положения, что «по своему происхождению русский литературный язык — перенесённый на русскую почву церковнославянский (по происхождению древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий своё иноземное обличие» [Шахматов 1916б: 60]. По мнению А. А. Шахматова, эти процессы интенсивны с XV в., когда книжный язык «отличается от живого только обилием слов, особенностями оборотов и некоторыми грамматическими формами. Книжная речь вследствие этого оказывалась естественным и единственным органом литературного творчества. В ней открывалась широкая дверь для живых народных элементов; она может входить с ним в самые разнородные сочетания: перевес книжных или народных элементов зависел от содержания, от предмета речи. Всё это придавало сильную устойчивость нашему книжному языку. Попытке оторвать его от народной речи, облечь его в инославянское произношение и искусственное правописание было противопоставлено всё дальнейшее его развитие, которое сблизило его с народной речью. На пути к этому сближению, в результате которого предвиделось полное совпадение разговорного языка образованных классов и их письменной речи, могли встретиться только искусственные преграды: они создавались иноземным влиянием. В XVII в. ...многочисленные

представители южнорусской образованности обновят ту южнославянскую стихию, которою был некогда окружён книжный язык, с течением времени успевший, однако, заглушить её и затереть [выделено мною. — *Е. Б.*]. Но это уклонение в жизни русского книжного языка было только кратковременным, в XVIII в. следы его исчезают почти бесследно» [Шахматов 1916б: 60–62].

Как видно, исходный тезис о южнославянском происхождении русского языка не совсем вписывается в судьбу очевидно выделенных далее двух языков: филологическая эрудиция и чуткость А. А. Шахматова обуславливают противоречивость в описании и начал литературного языка, и степени сближения «народных» и «церковнославянских» элементов, а также специфики и времени «заглушения и затирания» южнославянской стихии.

Однако более значимыми для решения в том числе и проблем генезиса русского (восточнославянского) литературного языка следует признать реконструкции А. А. Шахматова древнейших летописных сводов, где он строго придерживался выработанных им на основании анализа конкретных текстов древнерусских памятников чётких позиций, которые в той или иной степени корректировались филологической интуицией учёного: «Я не решился производить слишком решительных отступлений от рукописной традиции и не стремился к введению единообразия в язык восстанавливаемого текста; имея ввиду показания рукописей, я допустил в своём тексте всё то разнообразие, какое замечается в русских памятниках XI–XII вв.» [Шахматов 1916а: LXIV]. Судя по нашим исследованиям генетического фона древнерусских памятников, восстановленный А. А. Шахматовым текст «Повести временных лет» и реконструкции текстов Первого Киево-Печерского свода 1039 г. и Новгородского свода 1050 г. можно рассматривать как один из возможных вариантов реального соотношения и взаимодействия генетически соотносительных диагностических признаков в языке старшей поры, которые в дальнейшем определяли действие механизмов генетической организации системы русского литературного языка [Бекасова 2010; 2013].

Прежде всего следует отметить, что в восстановленных А. А. Шахматовым древнейших летописных сводах наблюдаются существенные различия между группами генетически соотносительных элементов. Это обстоятельство представляется весьма важным, потому что с момента столкновения и на протяжении всего развития русского языка данные группы праславянских рефлексов имели собственную историю, обусловленную целым рядом факторов. В замечаниях, касающихся «поправки языка», А. А. Шахматов особо отмечает специфику передачи отношений внутри каждой из указанной групп.

Заявленный А. А. Шахматовым принцип генетического «разнообразия» в реконструкциях текстов подкрепляется им соответствующими примерами *trat-* и *totot-*лексем: «наряду с формами как градъ, власть, страна, злато, брегъ, время, Древляне я допускал русские полногласные формы городъ, волость, сторона, золото, берегъ, веремя, Древляне, если их предлагал основной список» [Шахматов 1916а: LXIV–LXV]. Ссылка в этом плане на полногласную и неполногласную лексику весьма показательна, так как именно эта группа обладает самой высокой степенью гетерогенности в памятниках древнерусской письменности, особенно в случаях её представления корнесловами. В реконструкциях не только значительно ниже уровень варьирования полногласия и неполногласия (33,6%, ср.: в ПВЛ по Лаврентьевскому списку — 52,5%), но и преобладают неполногласные лексемы. Более того, в ряде случаев А. А. Шахматов идёт на сознательные замены полногласных лексем соответствующими коррелятами, о чём свидетельствуют его подстрочные примечания, например: *единое страны* (в Лавр.: *«одинокую стороною»*) 386 (здесь и далее стр. по [Шахматов 2001]), *ово старь, ово младь* (в Лавр.: *«молодь»*) 449 и под. Однако А. А. Шахматов не избегает совместной встречаемости для большинства возможных коррелятов, которая настолько отчётливо представлена в сохранившихся списках ПВЛ, что её можно назвать универсальным показателем генетической организации текста. Иными словами, принцип выдвинутого А. А. Шахматовым разнообразия восстановления древнейшего летописного текста, несмотря на более низкую степень корреляции с соответствующей гетерогенностью основных списков ПВЛ, достаточно чётко реализуется, особенно в контекстах, где к варьированию полногласных и неполногласных сочетаний добавляются особенности реализации других генетически соотносительных примет, которые также рассматриваются дифференцированно. В частности, группа «глагольных форм и отглагольных существительных» [Шахматов 1952: 250–252], как и в сохранившихся летописных списках, фиксирует диаметрально противоположные результаты реализации праславянских рефлексов – практически стопроцентное наличие исконного *dj и южнославянского по происхождению *tj. Однако в выделенной А. А. Шахматовым «группе отдельных слов» с рефлексами *tj (а также *kt, *gt) и *dj наблюдается характерное для древнерусской рукописной традиции разнообразие: 41% слов с восточнославянским /ч/ (типа *плечо, печера*) и 18,4% слов с южнославянским /жд/ (*прежде* (при *преже*), *одежда, даждь, надежда, жажда*).

Таким образом, в восстановленном А. А. Шахматовым тексте Древнейшего Киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г. прослеживаются те же тенденции реализации генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний, что и в древнерусских летописях. При этом преимущественное употребление южнославянских по происхождению рефлексов не следует рассматривать как следствие приписываемой А. А. Шахматову теории церковнославянского происхождения русского языка, поскольку при нарушении того или иного генетического фона в реконструкциях А. А. Шахматова прослеживаются определённые закономерности, свойственные в целом складыванию гетерогенности системы русского литературного языка, и соблюдается правило преимущественного генетического фона, характеризующее все древнерусские рукописи. Дифференцированный подход к разным группам рефлексов обуславливал совместную встречаемость генетически неоднородных элементов в пределах тесно связанных контекстов, например: и отътолѣ «се не добро, еже мало *городъ* около Кыева». И нача ставити *грады* по Деснѣ и по Остри 410, Бѣ же уже в заморозъ и стояше Святопѣлкъ межю двѣма озерома и всю ноцъ пиль бѣ с дружиною своею. Ярославъ же заутра, испълчивъ дружину свою, противу свѣту *перевезеся*. И вышѣдъше на брегъ, отъринуша *лоди* отъ брега ... 422, яды хлѣбъ сухъ и то *чресъ* днь ... копая *печеру* и не дада себѣ упокоя ни днь ни ноцъ 434, а сам *хоцю* въ ону гору ити единъ, якоже и *преже* бяхъ обыклъ уединивъся жити 435 и под.

Подобные совмещения полностью укладываются в представленную древнерусскими рукописями систему гетерогенности. А. А. Шахматов, сверяя и поверяя свои реконструкции списками ПВЛ, выстроил восстановление текста в том же ключе, что подтверждает верность реконструкции летописного свода, который уже в самом начале не мог быть генетически однозначным. В какой-то степени А. А. Шахматов, проникнув в самую суть летописных текстов, «поверяя алгеброй гармонию», сам выполнял роль летописца, который, несомненно, имел определённые представления об образцовом тексте и следовал значимым для него языковым установкам. Гениальная интуиция, базирующаяся на доскональном знании разновременных списков и редакций ПВЛ, позволила А. А. Шахматову создать «восстановленные» летописные своды, которые можно рассматривать как потенциально возможные. Подобный сплав текстов разных составителей изначально характеризовался гетерохронностью и гетерогенностью. В связи с этим в них сохранялись сложившиеся параметры соотношения генетически соотносительных рефлексов — в той или иной степени

варьирование полногласной/неполногласной лексики и «отдельных слов» на фоне южнославянского по происхождению рефлекса *tj и преимущественной реализации исконного *dj в системных глагольных образованиях, что в полной мере представлено и в реконструкциях А. А. Шахматова, в том числе с тем колебанием отмеченного им в древнерусских рукописях «разнообразия», которое также проявлялось в соединении южнославянских и восточнославянских соотносительных языковых примет в тесно связанных контекстах.

Литература

Бекасова Е. Н. Генезис текста // Бекасова Е. Н., Москальчук Г. Г., Прокофьева В. Ю. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис. М., 2013. С. 150–208.

Бекасова Е. Н. Проблема происхождения русского литературного языка. Очерк гипотез и концепций. Оренбург, 2008.

Бекасова Е. Н. Генетический фон древнерусского текста. Оренбург, 2010.

Виноградов В. В. История русского литературного языка в изображении академика А. А. Шахматова // История русского литературного языка. Избранные труды. М., 1978а. С. 216–236.

Виноградов В. В. Русская наука о русском литературном языке // История русских лингвистических учений. М., 1978б. С. 277–336.

Горшков А. И. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 7–30.

Обнорский С. П. Происхождение русского литературного языка старейшей поры // Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 29–32.

Шахматов А. А. Русский язык и русская литература // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. XXVIII. С. 564–581.

Шахматов А. А. Повесть временных лет и её источники. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916а.

Шахматов А. А. Разыскания о древнерусских летописях. М., 2001.

Шахматов А. А. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка // История русской литературы до XIX в. Допетровская литература. М., 1916б. Т. 1. С. 39–63.

Шахматов А. А. Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952.

А. А. Шахматов и его «Введение в курс истории русского языка»

Из трудов выдающегося русского ученого академика Алексея Александровича Шахматова (1864–1920) следует особо выделить читанный им в 1914–1915 гг. на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского (Петроградского) университета курс «Введения в историю русского языка»¹, предполагавший впервые в полном объеме дать главные сведения по трем основополагающим отраслям русского исторического языкознания и источниковедения:

1. «Исторический процесс образования русских племен и наречий».
2. «Данные для восстановления исторического процесса языковых изменений».

3. «Главнейшие труды по изучению русского языка» [Шахматов 1916: 5].

Но этот план не был завершен А. А. Шахматовым, и в печати появилась только его первая часть (отдельные лекции второй части есть лишь в очень немногих литографированных материалах). Они представляли собой обширный очерк о современных русских говорах, памятниках языка, славянских наречиях и заимствованиях из древнерусского языка и др.

Задачи своего курса А. А. Шахматов определяет так: «Введение в курс истории русского языка» имеет своей задачей сообщить ряд сведений, необходимых для уяснения тех языковых явлений, которым посвящены последующие отделы моего курса, — явлений звуковых, морфологических, синтаксических.

Наиболее существенным представляется мне, во-первых, уяснить в таком видении исторический процесс, пережитый русским языком в связи с историей русского народа, во-вторых, познакомить Вас с тем сложным материалом, которым должен пользоваться исследователь при восстановлении тех или иных языковых явлений» [ibid.: 3].

Но и в таком виде ценность «Введения» исключительна и как подлинно научного сочинения, и как лекторского курса с присущими ему «отступлениями» и экскурсами. А. А. Шахматов по сути пред-

¹ Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Часть I. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916. (При цитировании в тексте сохранены авторские выделения). Далее по тексту ссылки даются на это издание: [Шахматов 1916].

ставляет картину славянского языкового развития от первых зафиксированных свидетельств бытования общеславянской семьи языков до создания древнерусского государства, дробления великорусских наречий. Здесь даются и общие сведения, например, о языке Киева, говорится об объединяющем значении христианства, сообщаются данные о древнерусских племенах. Ученый особо говорит о прародине славян, т. е. касается очень спорного и дискутируемого по сей день вопроса, который нашел более рельефное выражение только в серии работ уже современного ученого академика О. Н. Трубачева.

В этом курсе А. А. Шахматов выступает перед слушателями и как историк, и как славист-лингвист, реконструирующий события далекого прошлого и показывающий главные факторы, приведшие к становлению «диалектических групп». В книге приводятся также и интересные этнокультурные наблюдения ученого, сопоставляются данные древних географов и историков с фактами лингвистической палеонтологии.

Следует заметить, что традиционно А. А. Шахматова причисляли к компаративистам, последователям академика Ф. Ф. Фортунатова. Но в работах по истории языка 1910-х гг. он, несомненно, идет в ногу со временем и использует потенциал синхронического подхода к анализу языковых явлений даже в традиционном для Московской лингвистической школы плане. Так, например, ключевой тезис его лекций (специально выделен автором разрядкой) звучит следующим образом: «История языка основывается главным образом на данных современного живого языка в его говорах, ибо эти данные, если они точно описаны, могут служить наиболее надежными отправными точками для исследования; сравнительное изучение современных говоров ведет к восстановлению общего для этих говоров языкового основания и дает, таким образом прочный и надежный материал для заключений о составе языка в более отдаленные эпохи и о процессах, по которым шло его изменение» [Шахматов 1916]. Этот подход с конца XIX столетия все шире начинает применяться в России (вспомним классическое сочинение И. А. Бодуэна де Куртенэ о резьянских говорах, диссертацию Л. В. Щербы, пионерские работы по диалектологии и истории языка Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушакова и т. д.).

Но А. А. Шахматов не противопоставляет историков и «синхронистов». Он полагает, что использование их методологии будет способствовать наиболее полному и корректному анализу языковых и культурных процессов прошлых времен.

«Знакомство с русским языком в его современных говорах и исторических памятниках, — писал он, — несомненно освещает про-

шлое языка и ход постепенных его изменений; умелое пользование извлекаемыми из говоров и памятников данными приводит к восстановлению фактов языка той отдаленной эпохи, от которой до нас не дошло памятников» [ibid.: 4].

Задача, которую ставит перед собой А. А. Шахматов на самом деле шире: проникнуть в глубины языковой истории, понять механизмы развития языка в древние эпохи, восстановить и описать эти процессы: «Древнейший период русского языка мы определяем как *период общерусского праязыка*, ибо некогда русский язык, в противоположность современному, представлял большее единство, препятствовавшее распадению его на обособленные наречия. Восстановление общерусского праязыка достигается не только изучением данных позднейших эпох и современной нам эпохи жизни русского языка, но также сравнительным изучением других славянских наречий. Все славянские наречия, а в том числе и общерусский праязык, выделились из одного общего основания, определяемого как *общеславянский праязык*. Познание ближайшего предка общерусского языка — праязыка общеславянского — ведет неминуемо к лучшему пониманию состава языка в древнейший русский период» [ibid.].

Итак, в первом отделе книги автор говорит об историческом процессе образования русских племен и наречий. Прежде всего А. А. Шахматов дает определение самого понятия *русский язык*: «Под *русским языком* в научном употреблении этого термина мы разумеем совокупность тех наречий и говоров, которыми как в настоящее время, так и в предшествующие эпохи пользовались в качестве материнского, родного языка русские племена. Все эти наречия и говоры восходят к одному общему основанию: это видно для поверхностного наблюдателя из близкого их сходства между собою; это вытекает в виде научного вывода из более глубокого исторического изучения названных наречий и говоров. Каждый представитель русского племени, будь то великорус или белорус или малорус (украинец), может назвать свой родной язык *русским*: он русский по его происхождению и в силу этого своего происхождения останется русским, каким бы изменениям не подвергся с течением времени. Перед нами, таким образом, в настоящее время множество различных друг от друга русских *индивидуальных языков*: их столько же, сколько индивидуумов, говорящих по-русски» [ibid.: 7].

Интересны наблюдения А. А. Шахматова над общеславянской семьей языков: «*русские, поляки, чехи, словаки, лужичане, словенцы, сербы, хорваты, болгары* произошли все от одной племенной группы; их языки восходят частью непосредственно, частью посредством промежу-

точных групп к тому общему языку, которым говорило раздробившееся впоследствии, а некогда единое славянское племя. Я упомянул о промежуточных группах: так великорусы, малорусы и белорусы связываются с общеславянской семьей промежуточной группой — *общерусскою*; чехи и словаки ведут свой язык от группы — чешско-словацкой; *верхние и нижние лужичане* — от группы *лужицкой*; сербы и хорваты — от группы *сербско-хорватской*. Сравнительное изучение языков славянских ведет к восстановлению *общеславянского праязыка*; более сложное сравнительное же изучение других этнографических особенностей отдельных славянских племен может привести к более или менее полному восстановлению общего этнографического облика единого славянского племени» [ibid.: 18].

Последний вопрос, как мы сейчас понимаем, становится ключевым не только в этнолингвистических исследованиях, но и в социологии, политике. Задача А. А. Шахматова состояла здесь в том, чтобы воскресить подлинную историю славянства, проанализировать его языковые реликты, богатую и противоречивую культурную историю. И в этом отношении методика академика А. А. Шахматова-компаративиста удачно вписалась в концепцию сравнительно-исторического языкознания России того времени и может использоваться сейчас. Обратимся вновь к его мыслям: «Славянское племя представляется отраслью обширной племенной группы, обнимающей большую часть языков Европы и несколько языков Азии. Распавшаяся в далеко стоящем за пределами истории периоде племенная группа, определяемая условными терминами *индоевропейская*, или *индогерманская*, или, наконец, *ариоевропейская*, представляла некогда единство, обуславливавшее возможность пользования одним языком. Язык этот восстанавливается путем сравнения отдельных индоевропейских языков — *славянских* (в лице их общего родоначальника), *греческого*, *латинского*, *германских* (в лице их общего родоначальника), *кельтских*, *иранских*, *индийских* (в лице их общего родоначальника — *древнеиндийского* языка) и др. языков. Подобно тому, как мы из сопоставления великор. слова *дом* с белор. и малор. *дiм* заключаем о том, что это слово восходит к общерусскому праязыку, так же точно из сопоставления, напр., слов, как древнеболг. *мати* с греческим (дорическим) *μάτηρ*, латинск. *mater*, древнеинд. *mātār-*, немецк. *Mutter* и т. д. следует, что слово *mātēr* восходит к индоевропейскому праязыку. Восстановив путем сравнительного изучения индоевропейских языков словарный запас и звуковой состав предполагаемого индоевропейского праязыка, мы получаем определенные указания на тот языковой материал, с которым начал свою отдельную жизнь обо-

сбившийся от прочих индоевропейских языков *язык славянский* или *праславянский*, как он может быть определен в древнейших стадиях своего развития. Таким образом, данные сравнительного индоевропейского языкознания в значительной степени освещают явления славянских языков, в особенности же общеславянского праязыка» [ibid.: 18–19].

А. А. Шахматов касается и такого важного вопроса, как индоевропейская прародина, оценивает подходы и взгляды европейских ученых XIX века на этот вопрос, приводит собственные аргументы. И хотя в последние десятилетия в этой области достигнуты большие успехи, голос А. А. Шахматова должен быть услышан. Ниже приведем фрагменты его размышлений по этому поводу:

«Где же в Европе могла создаться почва для возникновения и развития производной (ибо вся культура Европы в доисторическое время была производной, заимствованной), но вместе с тем однородной и активной культуры, культуры индоевропейцев? <...>

Всего вероятнее, что мы должны искать ее в средней Европе, быть может в современной южной Германии и западных областях Австрии, которые издревле находились под непосредственным влиянием Средиземноморской культуры, проникавшей сюда по исконным, в доисторическое время проторенным торговым путям. В этих странах, в преддверии аванпостов Средиземноморской культуры, свивавшей себе прочные гнезда на Балканском и Апеннинском полуострове, должна была естественно сложиться своя, производная по существу, но самобытная по условиям этнографическая культура, которая приобщала к цивилизации дикие племена Европы. Проникшая в указанные области культура прежде всего вооружила их жителей такими орудиями и таким оружием, которые позволили им стать господами средней и северной Европы, а потом дали им возможность мечтать об овладении самими источниками культуры — Италией, Грецией, Малой Азией. На сравнительно небольшом, ограниченном пространстве возникла и развилась своя особая Индоевропейская культура, поведшая и к определенному развитию языка, к созданию того *индоевропейского праязыка*, который лег в основание языков так называемой *индоевропейской семьи*» [Шахматов 1916: 22–23].

Далее ученый обсуждает такие вопросы, как распадение индоевропейской семьи, предпосылки о прародине славян, прародина восточных индоевропейцев, общая прародина балтийцев и славян и др. Показательно, что гипотеза о «балто-славянском единстве» находит у А. А. Шахматова отклик. Он писал:

«В исконных своих местожительствах — в северо-западной России, в Прибалтийском крае — остаются балтийцы и славяне. <...>

Сравнительное изучение индоевропейских языков доказывает особенную близость между славянскими и балтийскими языками. Близость эта не может быть случайною и не может зависеть только от общего их происхождения из индоевропейского праязыка: в балтийских и славянских языках замечается ряд общих отклонений от исконных отношений, и эти общие отклонения свидетельствуют об общей их жизни в такую эпоху, когда они отделились уже от остальных индоевропейских языков. Входить в доказательства этого положения не представляется мне уместным здесь; сошлюсь на то, что большинство лингвистов принимает существование *славяно-балтийской эпохи*, допускает, следовательно, в прошлом единство балтийских и славянских языков.

Существование такого единства свидетельствует весьма определенно о том, что славяне и балтийцы жили некогда на одной территории. Соглашаясь с утверждением многих лингвистов и археологов о том, что балтийцы в Прибалтийском крае были автохтонами, признаем, что этот край был прародиной предков славян, когда они составляли одно целое с балтийцами.

Указание на общую славянам и балтийцам прародину на востоке Европы извлекается еще из следующего обстоятельства. Ни в славянских, ни в балтийских языках нет своего исконного названия для обозначения дерева *бук*; бук же, как известно, не растет восточнее черты, идущей приблизительно от Кенигсберга через Польшу на Подолью.; следовательно, славяне и балтийцы жили восточней этой черты. Правда, в славянских языках есть общее многим из них слово *бук*, но звуковая сторона этого слова не оставляет сомнения в том, что оно заимствовано из германского» [ibid.: 26–27].

В этой части А. А. Шахматов приводит факты историков и этнографов, которые могли бы пополнить сведения об этнографическом рисунке Европы прошлого. Так, он упоминает имена Геродота, Тацита, Птолемея.

Оставляя позади другие важные моменты, обсуждаемые в данной книге, хочется остановиться на еще одной проблеме, которой ученый специально посвятил соответствующий раздел — «Вопрос о “Руси”». Наблюдения А. А. Шахматова опираются на данные историков, этнографов, лингвистов и во многом показательны в свете вечной дискуссии. Приводим его высказывания с небольшими сокращениями:

«Сделаю небольшое отступление для разъяснения того, что такое Русь, громко заявившая о себе на юге в IX веке и давшая название основанному на Днепре государству. Из всех попыток объяснить это имя я

считаю единственно удачною ту, которая ставит имя *Русь* в связь с финским названием для Швеции *Ruotsi* (швед по-фински — *Ruotsalainen*). Эта связь, во-первых, совершенно безупречная с точки зрения лингвистической — ср. передачу финск. *Suomi* через древнерусское *Сумь* (финское **ts** должно было быть передано через русское **с** (**s**), ибо русское **ц** было мягким звуком, не тождественным с **ts**); во-вторых, эта связь согласуется вполне с тем, что мы узнаем от нашего летописца о происхождении имени *Русь*: летописей считает Русь одним из варяжских племен; следовательно, *Русь* в его представлении означала некогда шведов и Швецию, подобно тому как *Ruotsi* означает в устах финнов Швецию и до сих пор. Почему финны называли Швецию — *Ruotsi*, остается неясным, вопрос остается раскрытым, но это нисколько не подрывает многозначительности самого факта. Скандинавы были известны на финском севере давно и, конечно. Гораздо раньше прихода туда из Поднестровья севернорусов. Скандинавов ... севернорусы называли *варягами*, принеся, по-видимому, это название с юга, где оно означало вообще западноевропейцев; но скандинавов туземных, живших среди финнов и даже частью утративших связь с заморскими своими родичами, севернорусы, подражая финнам, должны были естественно назвать *Русью*. Греческое название Ρῶς показывает, думаю, что финское *Ruotsi* скандинавами произносилось, как *Rōs*: ср. эстонское *Rõts*, вотское *Rõtsi*.

Великое стихийное движение... сильно всколыхнуло весь славяно-финский север. Оно подняло и всю Русь, всех туземных скандинавов, поспешивших стать во главе движения. Когда именно двинулись первые несметные полчища севернорусов и финнов на юг, определить трудно; но весьма правдоподобно думать, что это случилось еще в первой половине IX века, быть может — даже в его начале. Предводительствуемые туземными скандинавами полчища естественно назвались *Русью*, и под этим именем их узнала и южная Русь, и херсонесские греки, и Византия» [ibid.: 67–68].

Далее А. А. Шахматов обсуждает не менее актуальные проблемы, связанные с зарождением Киевского государства и его роли в истории русских племен. Он говорит здесь об объединяющем значении христианства и роли Киева как городского центра. Интересны его соображения о языке господствующих классов Киева, который он соотносит с языком южнорусского племени полян [ibid.: 80], о языке образованных классов столичного города, которые отлично владели «древнеболгарским языком» (в терминологии А. А. Шахматова). Именно этот язык он и называет языком «киевской интеллигенции» [ibid.: 82].

Обширная часть работы посвящена источникам сведений о древнерусских племенах (данным Константина Багрянородного, русских летописей, Начального свода, «Повести временных лет»).

А. А. Шахматов также подробно освещает проблемы взаимоотношения южнорусского и великорусского наречий, останавливается на характеристике их звуковых черт, выделяет «средневеликорусскую диалектическую группу». Заметное внимание в заключении уделено говору города Москвы. Ученый пишет: «Между *среднерусскими* говорами совершенно особое положение занимает *язык города Москвы*.

Он представляется наиболее типичным среди всех остальных смешанных говоров. Это зависит от того, что севернорусские и восточнорусские особенности распределены в нем без сколько-нибудь явного пересева одних пере другими. Московский говор в отношении гласных — вокализма — можно определить как говор южновеликорусский (восточнорусский), в отношении же согласных — консонантизма — как говор северновеликорусский (севернорусский). Но и вокализм московский существеннейшею своею особенностью (весьма умеренным аканьем) не так резко отделяется от говоров севернорусских именно потому, что в предударном слоге после мягких согласных в соответствии со звуком *а* является либо звук *е*, склонный к *і*, либо звук *і*, то есть те же звуки, которые в этом положении известны и в северновеликорусских говорах, — по крайней мере, в положении перед мягким, смягченным согласным. В отношении к консонантизму язык Москвы точно так же занимает срединное положение: в общем согласные московского говора того же характера, что в севернорусских говорах, но при этом отсутствует смешение *ч* и *ц*, оба эти звука различаются между собой» [ibid.: 120–121].

Книга А. А. Шахматова представляла собой учебное издание и предназначалась для студентов, но была написана и оформлена по всем признакам академической традиции: имела Указатель географических имен и названий, Указатель названий народов, племен и т. п., Указатель языков, явлений и слов, Указатель предметный, Указатель хронологический. Её текст в содержательном отношении может являться образцом скрупулезного анализа не только собственно языковых, но и смежных явлений славянской истории, этнографии, культуры. Хочется надеяться, что университетский курс академика А. А. Шахматова по истории русского языка и сейчас будет на книжной полке у каждого мыслящего филолога, приносящего дань уважения мыслителям прошлого, которые во многом своими научными работами предопределили настоящее и будущее отечественной науки и наши исторические судьбы.

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович
Дагестанский государственный университет
Музумова Анна Львовна
Дагестанский государственный
педагогический университет
Россия, г. Махачкала

Некоторые проблемы истории русского языка в контексте его древних и раннесредневековых взаимоотношений с тюркскими (булгарскими) языками в трудах А. А. Шахматова: ареальный и историко-этимологический аспекты

К числу рассматриваемых проблем относится вопрос об области первоначального обитания славян, их дальнейшем расселении и формировании восточнославянского этноса и его отдельных. Как известно, А. А. Шахматов [1916: 40, 42] полагал, что первой прародиной славян было нижнее течение Немана и Двины, откуда они продвинулись на свою вторую прародину — Повислинье. Отсюда после падения гуннов, не раньше второй половины V века, когда «южная группа славянского племени» ушла к Дунаю, анты — предки русских <восточных> славян — заняли Поднестровье, далее южное, а затем и среднее Поднепровье, где следует искать, на его взгляд, колыбель русского племени [Шахматов 1941: 223].

Контакты с гуннами отмечал и близкий к А. А. Шахматову по взглядам на локализацию прародины славян В. В. Седов [2003: 599, 603], который считал, что они появились вместе с гуннами в северных окраинных регионах среднего Подунавья после конца IV в. Он же обращал внимание на самые ранние известия о движении славянского населения на Балканский полуостров, которые датируются первой половиной VI в. Им не исключается и более раннее оседание небольших групп славян в этом регионе, и, по его мнению, последний период праславянской истории завершается V–VII веками¹.

Следует отметить, что и сторонник висло-одерской (до V–VI вв.) прародины славян В. В. Мартынов [1985: 48, 49] не исключал рассмотрения северной Паннонии в качестве южной границы праславянской территории, где древние славяне могли контактировать с гуннами. Об-

¹ Дальнейшая история их передвижений представляется недостаточно убедительной (см. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Праславяне-сакалиба на Волге, Дону и в Дагестане в аспекте древних взаимоотношений русского языка с тюркскими языками Северо-Восточного Кавказа и «аргумент ржи» // IX Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие». Ярославль, 2008. С. 15–17).

ращаясь к ареально близкой к предшествующей локализации славянской прародины на Среднем Дунае у О. Н. Трубачева [2003: 330, 254], нельзя не заметить, что этот видный славист допускал возможность (пра)славянско-булгарских контактов, ибо здесь авары¹ «всюду заставляли уже славян». Тем более, что им практически была снята возможность праславянско-иранских языковых контактов, если принять во внимание то, что из многочисленных «традиционных» славяно-иранских («скифских») лексических схождения О. Н. Трубачев относит к «общеславянским» иранизмам лишь два слова -*koť* ‘загон, небольшой хлев’² и *torogъ*, распространенные к тому же далеко за пределами славянского пространства [Эдельман 2002: 174–175].

Пребывание праславян на среднем Дунае, в Паннонии, документируется, в принципе, первой половиной V в. и на материале тюркских языков, если принять во внимание получившие отражение у Приска Панийского и Иордана лексические свидетельства их древнейших контактов с гуннами — заимствования из славянского в гуннский (*međos* ‘мед’ и *strava(m)* ‘тризна’). Об обратном влиянии говорит упоминаемое у тех же авторов *káčov* ‘напиток из ячменя’, ‘ячменное пиво’³ [Дёрфер 1986: 83–86; Трубачев 2003: 88–89, 315–317].

О локализации древних славян в пределах одной из возможных своих прародин — в Карпатах и среднем Подунавье — свидетельствуют и их языковые связи с булгарами — общеславянские булгаризмы, представленные почти во всех славянских языках [Добродомов 1974: 23–24]. При этом булгары, которые проникли в Центральную Европу еще с гуннами Аттилы (434–453 гг.), к 475 г. — в Подунавье, откуда, как указывал А. А. Шахматов, после падения гуннов, видимо, Аттилы, будущие восточные славяне-анты продвигаются в Поднепровье и Поднестровье, входили до этого в гуннскую державу Баламбера (вт. пол. IV в.). К более позднему времени, началу V в., относится по-

¹ Авторы разделяют точку зрения О. А. Мудрака. Аварская надпись на сосуде из клада Надь-Сент-Миклош // *Orientalia et Classica. Аспекты компаративистики*. Вып. VI. М., 2005. С. 81–103] о булгарской принадлежности языка авар.

² Ср. пратюрк. *qotan* ‘загон’, которое относится к числу монголизмов при известном мнении о культурном характере данного слова, распространившегося в алтайских и других языках из какого-то пока неизвестного источника (Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 2001. С. 524.) Его возможный общеалтайский генезис поддерживается, в частности, относящимся к числу дальневосточных алтайских языков — айнским, в котором *котан* — ‘селение’ (Алтайские языки. М., 1993. С. 415).

³ Оно может быть возведено к пратюрк. **qam* (/ *qɑ:m -?) ‘шаман’ / * ‘действие шамана’ (см. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1997. С. 240–241) + -(ы)м ~ -(у)м и -(ы)н ~ -(у)н ~ -(а)н — общетюркские (общеалтайские) (Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981. С. 82) аффиксы причастий, полностью перешедших в разряд имен существительных и прилагательных, т. е. «вызывающий действия шамана (опьянение)».

явление булгар на северо-западных склонах Карпат, где они, таким образом, расселяются рядом со славянами, в то время, как на Балканах они известны с 471 г., и уже в 480 г. какая-то группа булгар находилась в Западном Причерноморье [Гадлю 1979: 57; Гусейнов 2013: 61].

В последнем контексте обращают на себя внимание у А. А. Шахматова [1916: 63–64] в составе южной ветви русских славян «угличи, сидевшие некогда между Днепром и южным Бугом, а потом перешедшие в область между Бугом и Днестром; тиверцы, жившие по Днестру до Черного моря». Последние, согласно «Повести временных лет» [1950: 14, 210], «седаху бо по Днестру, приседяху к Дунаеви. Бе множество их; седаху по Днестру оли до моря, и суть гради их и до сего дне». Их подчинение Киевской Руси произошло не ранее второй половины 30-х — самого начала 40-х гг. X века, и после этого они перестают упоминаться в русских источниках, но, по крайней мере, до начала середины XI в. они находились под ее властью [Рабинович 2007: 26–27].

Как полагал А. А. Шахматов [1919: 32] (с ним соглашался К. Г. Менгес [1979: 148]), тиверцы «Повести временных лет», названные в ней под 907 г. *толковинами*, были тюркизированными или частью тюркизированными группами *уличей*, понимавшими тюркский язык, и потому назывались «переводчиками». Вместе с тем он считал, что «поганые толковины», упоминаемые в «Слове о полку Игореве», — это торки или берендеи, соседствующие с двуязычными тиверцами. Здесь же он излагает мнение А. И. Соболевского о том, что тиверцы были не славяне, но скорее тюрки-печенеги, отождествив с ними печенежское племя (Воро)Тáлмат.

Н. А. Баскаков, принимая интерпретацию термина ТЪЛКОВИН как ‘истолкователь’, ‘переводчик’, считал его весьма возможным синонимом к также огузскому по происхождению названию печенежского племени *tylmač* [Басков 1985: 123–126]. В отношении же генезиса этого этнонима он считал более близким к истине мнение А. И. Соболевского, полагая однако, что этой же точки зрения придерживался и А. А. Шахматов.

Кроме того, этноним ТИВЕРЬИЦИ, ТИВЕРЦИ, ТЕВЕРЦИ, ТЕВЕРЬЦИ считается И. Г. Добродомовым, как и обозначаемый им этнос, тюрко-булгарским по происхождению и заимствованным до появления печенегов в южнорусских степях, т.е. до конца IX века [Добродомов 1970: 161–163]. Возможность подобного происхождения названия ТИВЕРЬЦИ подтверждается, на его взгляд, «судьбой этнонима *уличи*, относительно которого доказано тюркское влияние в

формировании названия»¹. В свою очередь, значение ТЪЛКОВИНЫ объясняется им проживанием его носителей на периферии восточного славянства, в пограничье с греческим населением Северного Причерноморья и тюркскими кочевниками южнорусских степей.

Вместе с тем, принимая во внимание довольно существенные критические замечания, высказанные К. Г. Менгесом [1979: 149–150] в отношении вышеупомянутых, принадлежащих И. Г. Добродомову этимологий, следует полагать не вполне исчерпанной возможность интерпретации происхождения соответствующих лексических форм с позиций болгарских языков. Так, рассматриваемый этноним может быть возведен к упоминаемому каганом Иосифом (60-е гг. X в.) названию хазарского рода *таврис* ~ *таурис* [Баскаков 1985: 38]. Его первая часть может быть отождествлена с чув. диал. *tāw* ‘гора’ [Егоров 1964: 254], возможно, ранне-чувашского (древнеболгарского — до IX в.) характера [СИГТЯ 2002: 680, 682]. Вторая — с показателем *-ar/-er/-ir*, характерным для тюркских этнонимов [Еремеев 1970: 133–134], последняя — с *-*s* – дунайско-болгарским формантом множественности [Хакимзянов 1997: 51], что указывает на совокупное значение «горцы» данного этнонима и возможность его локализации на Балканах. Его носители — ТИВЕРЬЦИ — обитали, как уже было отмечено, по р. Днестр до Черного моря и в устье р. Дунай, и к XII в. под ударами печенегов и половцев отошли к северу [БСЭ, 25: 544], проживая еще в IX вв. в среднем течении р. Днестр по соседству с дулебами на Подольской возвышенности [Русск. яз. 1998: 480–481 карта]. Название последних, в котором отложилось наименование болгарского рода *Dulo/Dula* (к нему относился основатель дунайско-болгарского государства Аспарух, ушедший в 679 г. на Балканы), также имеет значение «горец», аналогичное анализируемому этнониму и обусловленное их обитанием в горной области [Гусейнов 2010: 33]. Причем, согласно новейшим данным, Булгария отца Аспаруха Кубрата из рода *Dulo/Dula* находилась не на Кубани, как это было принято считать до недавнего времени, а на Днепре, в непо-

¹Со сноской на О. Н. Трубочева. (О племенном названии улицы // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961. С. 186–187), полагавшему, что данный этноним, известный в русских летописях как *уличи* / *улучи* / *угличи* / *улицы* / *ульци* / *улучичи* / *улутичи* / *лутичи* и *Ulici*, *Uglici*, *Unlizi* в средневековых латинских памятниках, восходит к слав. **Uglъ* ‘угол’, который вследствие посредства тюркских языков гармонизировался (с развитием $\gamma > l$) по аналогии с тюрк. *oγlu* ‘сын’, *oγlan* ‘молодой’ (*угличи* > *улучи/улучи*). Однако, как указывал Г. А. Хабургаев (Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. С. 198–199), вариант ‘угличи’ является позднейшей этимологизацией летописцев, пытавшихся осмыслить этот вариант в традициях «народной этимологии».

средственной территориальной смежности с рассматриваемым регионом [Рона-Таш 2005: 116–117].

В отношении племени уличей известно мнение, что оно было родственно западнославянскому племенному союзу, располагавшемуся в VIII–XII вв. между Одером, Эльбой и Балтийским морем, называвшемуся *вильцы* и *лутичи*. При этом предлагалась индоевропейская (славянская) тотемистическая этимология их названия, связанная с волком [Рабинович 1997: 178–180].

В дальнейшем тот же автор [Рабинович 2003: 298–299] приходит к выводу, что «неславянское происхождение этнонима “уличи”... не противоречит тому, что в IX–X вв. уличи представлялись современникам славянами». Их предыстория (ср. *улутичи* в предшествующем изложении), связываемая им с *ултинзурами* «Гетики» Иордана, византийского автора Агафия Миринейского и болгарской летописи Гази-Бараджа, дает ему основание «предполагать, как индоевропейское, так и тюркское [гуннское, болгарское?] этническое происхождение уличей».

Ултинзуры известны среди «гуннских», точнее, болгарских племен Восточной Европы V–VI вв. под сходными названиями: *ултин-дзур* (в некоторых рукописях — *ултинзуры*), *ултин-чур* у Иордана (середине VI в.) и Агафия (536–582) — *ултидзуры* и с таким же показателем *алтил-дзур* у Иордана. При этом следует принять во внимание, что вторая часть этих названий — *-чур/-дзур* — встречается в титульном наименовании одного из восьми племен печенегов — *куар-чи-чур* [Джафаров 1993: 16–17], которое также обнаруживает близость к еще одному вышеупомянутому названию уличей — *улучичи*, ауслатный *-(и)чи* в котором поддерживается аналогичными древнерусскими формами *вятичи*, *радимичи*, *кривичи*, *дреговичи* и *лутичи*. Это название могло развиваться из формы *улутичи* вследствие древнеболгарской (до VIII в.) шипящей палатализация зубных взрывных *t > č* перед гласными переднего ряда [Гусейнов 2010: 34], что указывает на исходное *улут-/улт-ин-* при его явно метатезном варианте *лут-ичи*, каковой в данном случае не обнаруживает генетической связи с западнославянскими *лутичами*. Варианты с цоканьем *улицу/ульци*, поддерживаемые вышеупомянутыми лат. *Ulici, Uglici, Unlizi*, могут, что показательно, отражать более позднюю свистящую палатализацию (*t > c', d > dz'*), которая имеет место под болгарским влиянием в период дифференциации позднего праславянского языка (VII–IX вв.) в большинстве западнославянских, лехитских и серболужицких говорах, а также в белорусском языке и территориально смежных с ним говорах русского языка [Гусейнов 2010: 34]. Известно, что в болгаризмах южных славянских (дунайских), а также поздних болгаризмах венгерского языков, в т.ч. в позиции перед *l*, анлаут-

ному пратюрк. [*a] отвечает [o], которое в чувашском и южнославянских булгаризмах может сузиться до [u] [см.: Дыбо 87–88, 131 табл. 2; Ср.-ист. гр. 2002: 679 табл. 3; Мудрак 2005: 88]. Поэтому источником рассматриваемых форм *улт-* и *ултин* могли стать возможные булгарские лабиализованные варианты обще-, межтюрк. *alt* ‘низ, нижняя часть’ < *al* ‘низ’ (пратюрк. **al* ‘перед, склон горы’ [Ср.-ист. гр. 2002: 199]) + пространственный показатель *-t*, *-d* и его производного *altyn*, представленного в древних тюркских языках в значениях: 1) ‘внизу’, 2) ‘нижняя сторона’, 3) ‘нижний, низкий’ [Севортян 1974: 140].

Таким образом, название улчей, в отличие от горных тиверцев и дулебов, может отражать булгарское название низменной области их обитания. Аналогичный характер носят названия ареально смежной улчам и тиверцам Волыни и волынян, которые известны в составе Древнерусского государства с середины X века, то корень этих наименований *вол(ы)-* также является булгарским по происхождению и может восходить вместе с болг. *вало//г* ‘широкая, ровная долина’ к обще- и межтюрк. *olluq* ‘желоб, борозда’, в т. ч. ‘канал’, ‘река’, ‘русло’ [Гусейнов 2010: 34]. Подобная интерпретация в целом отвечает особенностям ландшафта исторической Волыни, которая включает в свой состав Волинскую и Ровненскую области, а также западную часть Житомирской и северные части Тернопольской и Хмельницкой областей Украины. Почти три четверти территории Волинской области расположено в пределах Полесской низменности, и только меньшая — южная — занимает северо-западную окраинную часть Волинской возвышенности.

Достаточно давнее проживание болгар на территории нынешней западной Украины, где, как полагал А. А. Шахматов, сформировалась южная ветвь русских славян, подтверждается установленными топонимическими данными, обнаруживающими близость к соответствующим чувашским лексическим формам [Стецюк]. Соответствующие топонимические факты, чувашская (булгарская) интерпретация которых представляется в целом убедительной, поддерживаются тем, что зап.-укр. и подляшским¹ говорам свойственна т. н. (обратная) гармония гласных. Она заключается «в том, что безударное *o* переходит в *u* перед слогом с гласными (как ударяемыми, так и безударными) верхнего подъема, т. е. с *u* и *i*, и сохраняется как *o* пред слогом с гласными среднего подъема, т. е. с *o* и *e*, а также и перед слогом с *i*; безударное *e* может изменяться в

¹ В южной части бывшей Гродненской губернии (ныне ее большая часть находится в составе Белоруссии, меньшая — в составе Польши, незначительная часть в пределах Литвы и Украины — на запад от Кобрина) и в северной части бывшей, входящей в настоящее время в состав Польши Холмской губернии с ее преобладающим украинским населением.

i перед слогом с **i** и **u** и сохраняться как **e**, ясно отличающееся от **i**, перед слогом с **e** и **o**. В вост.-укр. говорах подобная гармония наблюдается редко, в собственно полесских, полес.-укр. и в большей части карпатско-русских отсутствует» [Дурново 1969: 194].

Аналогичные процессы наблюдаются и в языке дунайских болгар, и не только в связи с переходом **o** в **u**, но и **e** в **i**. Ср. в последнем отношении *z'it* при тюрк. **jeti* 'семь'; *ic'irGon* 'усердно работающий' при чув. *ažargen* 'усердно работать'; *kip-e* 'вид, форма' при чув. *kep-ə*, тюрк. **kep-i*; *tul-či* 'наполняться, достигать, увеличиваться' при чув. *tol-*, тюрк. **tol-*; *pil-e* соединительное деепричастие от глагола 'знать, уметь, мочь' при чув. *pəl-* и др. [Мудрак 2005: 85–86]. Это позволяет предполагать с учетом возможной прошлой болгарской этнической принадлежности племен тиверцев, уличей, дулебов и волынян, что рассмотренное явление может быть отнесено к категории субстратных. Ср. в указанном отношении известное, принадлежащее В. И. Абаеву [1956: 59] определение, согласно которому «языковой субстрат выявляется как совокупность закономерных ошибок, которые делают носители побежденного языка, переходящие на новый язык».

В конечном итоге представляется возможным полагать, что формирование позднеславянской (вторая славянская прародина у А. А. Шахматова) и восточнославянской (русские славяне у А. А. Шахматова) общностей имело место в условиях сравнительно тесных контактных их связей с древними тюркскими (гуннскими) и раннесредневековыми болгарскими языками и диалектами. Причем воздействие последних в более позднюю эпоху на некоторые западноукраинские говоры могло носить субстратный характер.

Литература

Абаев В. И. О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. № 9. М., 1956. С. 57–60.

Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.

Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 25. М., 1976.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.

Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. Махачкала, 2010.

Гусейнов Г.-Р. А.-К. Об области первоначального расселения протоболгар и происхождении их названия по историко-лингвистическим данным // *Palaebulgarica / Старобългаристика*. София, 2013. Вып. XXXVII. С. 60–74.

Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып. 1. С. 71–134.

- Джафаров Ю.* Гунны и Азербайджан. Баку, 1993.
- Добродомов И. Г.* Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках. Автореф. дис. докт. филол. наук. М., 1974.
- Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.
- Дыбо А. В.* Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // Fin-nisch-Ugrische Mitteilungen Band 32/33 Helmut Buske Verlag 2010. S. 83–132.
- Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Еремеев Д. Е.* К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. М., 1970. С. 133–142.
- Мартынов В. В.* Глоттогенез славян. Опыт верификации в компаративистике // Вопросы языкознания. 1985. №6. С. 43–54.
- Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
- Мудрак О. А.* Заметки о языке и культуре дунайских болгар // Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Аспекты компаративистики. Вып. VI. М., 2005. С. 83–103.
- Повесть временных лет. Т. 1. М.–Л., 1950.
- Рабинович Р. А.* “Волки” русской летописи (о тотемическом происхождении этнонима “уличи”) // Stratum Plus. 1997. №1. С. 178–199.
- Рабинович Р. А.* От ултинзуров к уличам, или Предыстория одного летописного племени // Stratum Plus, № 5 (2001–2002). 2003. С. 282–299.
- Рона-Таш А.* Хазары и мадьяры // Евреи и славяне. Хазары. Иерусалим-М., 2005. С. 111–124.
- Русский язык. Энциклопедия. М., 1998.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
- Седов В. В.* Этногенез ранних славян // Вестник РАН. Т. 73. № 7. 2003. С. 594–605.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 2001.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 2002.
- Стецюк В.* Булгарская топонимика в Восточной Европе // <http://www.v-stetsyuk.name/ru/Топо/Bulg.html> (дата обращения — 15.09.2014).
- Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003.
- Хакимзянов Ф. С.* Булгарский язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С. 47–52.
- Шахматов А. А.* Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916.
- Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
- Шахматов А. А.* Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка // Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 223–246.
- Эдельман Д. И.* Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М., 2002.

**Этимологический комментарий к нескольким
славянским изоглоссам в труде А. А. Шахматова
«К истории звуков русского языка»**

Среди восточнославянских слов, привлеченных А. А. Шахматовым в исследовании «К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях» (СПб., 1903) для обоснования его взгляда на историю развития восточнославянской лексики, демонстрирующей полногласие, есть ряд таких, которые и сейчас, спустя сто с лишним лет, еще нуждаются в этимологическом освещении. Ученый не вдавался специально в детали их морфологии, поэтому представляется, что этимологический взгляд на структуру этих лексем поможет не только дополнительно аргументировать некоторые частные предположения А. А. Шахматова, но и внести ясность в исследование истории нескольких лексических гнезд, тем более что в позднейшей профильной литературе нет единства во мнениях об их генезисе.

1. Рус. диал. псков., остащк., соликам. *телепéнь* (р. п. – *телепня́*) ‘дородный ребенок’, влад. *тэлепень* ‘толстяк’, росл. *теляпень*, *тиляпень* ‘грузный, толстый человек’, *тэльепень* имеет параллели в блр. диал. *цэлепéнь* ‘неповоротливый толстяк; обрубок’ [Шахматов 1903: 97; Шахматов 1902: 358, 359, 361] и укр. *тэлепень* ‘неповоротливый, медлительный, медленно соображающий человек’, ст.-укр. *Телепня*, 1649 г. — антропоним [Ресстр 1995: 37].

Насколько нам известно, впервые эти вост.-слав. формы были сопоставлены в упомянутой работе А. А. Шахматова, и, видимо, именно к ней восходит традиция объединять в одном ряду как родственные такие существительные и глаголы, как рус. *отелёпши* ‘толстяк, увалень’ и *телепáться* ‘болтаться, качаться’, укр. *телепáти* ‘трясти, болтать, тихо идти, пачкать’ и *тэлепéнь* ‘недотепа, увалень, тёпа’ [см., напр., Шахматов 1902: 360–361 и далее: Фасмер IV: 38–39; Топоров 1975: 10–14; ЕСУМ 5: 539]. В этимологической литературе более позднего времени наблюдается расширение этой группы внешне близких слов за счет их фонетических и словообразовательных вариантов, однако исследователи расходятся в одном принципиальном вопросе: идет ли речь о сохранении в славянском реликтов обширного и.-е. этимологического гнезда

(так см. у В. Н. Топорова, который возводил лексику с основой *телеп-* к и.-е. **telp-/*talp-* со значением емкости, полноты, заполнения пространства, возрастания, скученности, стесненности, ср. лит. *telpi* ‘помещаться’, ‘вмещаться’, лтш. *talpa* ‘пространство’ [Топоров 1975: 13]) или же о позднем образовании слов звукоподражательного, аффективного свойства [см.: Фасмер IV: 38–39; ЕСУМ 5: 539?]

Однако смысловая взаимообусловленность элементов указанно-го лексического гнезда, которая, как будто, не дает причин усомниться в их этимологическом тождестве¹, может оказаться мнимой. Понимается вероятность смешения в процессе этимологической процедуры элементов двух разнокоренных групп слов, чему немало способствовала их формальная близость. Не исключено также, что фонетическое сходство основ рус. *телепáться* ‘болтаться, качаться’ ~ *тэлепень* ‘толстяк’ и др. в сумме с представлением о неустойчивости, медлительности увальня, его раскачивании при ходьбе действительно привели к их вторичному сближению в вост.-слав. диалектной речи. Потому, как нам кажется, есть смысл присмотреться пристальнее к семантике единиц рассматриваемой лексической семьи.

По значению они четко распадаются на две группы (ниже материал дается по: [Шахматов 1902: 361; Фасмер IV: 38–39; ЕСУМ 5: 539; СРНГ 44: 5, 6]). К **первой** относятся приведенные выше рус. и блр. имена со знач. ‘толстяк’, ‘неповоротливый, неуклюжий человек’, а также рус. яросл. *тэлепень* ‘обрубок дерева, бревна; толстый тяжелый чурбан’, курск., мурман., новг. и др. ‘о здоровом, крепком, упитанном человеке’ и укр. *тэлепень* ‘увальень, тѣпа’. Ко второму — рус. *тэлепень* ‘кистень, ядро на цепи’, курск., орл., твер., влад. и др. ‘о ленивом человеке’, ‘о недалеком, неразвитом, бестолковом человеке’, ‘о ребенке, который любит, чтобы его качали на руках’, ‘о болтливом человеке’, ‘язык, било у колокола’, ‘шлепок, удар ладонью по задней части тела ниже спины’, укр. *тэлепень* ‘то, что болтается; пустомеля, болтун’, ‘дурак, недотепа’, ‘коса (волосы)’, диал. *телепѣнка* ‘бессмысленный, пустой разговор’, *телепѣний* ‘говорливый, глупый’, *зателепѣна* ‘неряха’. Семантика **второй** группы имен вполне объяснима с позиций их словообразовательной зависимости от соответствующих глаголов в духе ‘болтаться’, ‘свисать’ → ‘коса’, ‘ядро на цепи’, ‘язык

¹ Ср. трактовку В. Н. Топоровым принципа формирования семантики внутри рассматриваемой совокупности слов: ‘телепать(ся)’ → ‘неупорядоченное, разнонаправленное движение’ → ‘нечто, отличающееся большими размерами’ [Топоров 1975: 13]. Включая в одно этимологическое гнездо как вост.-слав. слова типа *телепень*, *телепаться*, так и *толпа*, (вместе с приведенной выше балт. лексикой), он признает, что ряд деталей их связи «остается не вполне понятным».

колокола’ (ср. рус. курск., ворон., смол. и др. *телепáться* ‘болтаться, мотаться, качаться (о веревке, поясе и т. п.)’, ‘свисать’, укр. диал. *ти-лѣпатися* ‘болтаться’ как производящие для существительных с указанными знач.), **‘болтать(ся)’** → **‘болтун’, ‘пустомеля’** (→ **‘глупец’**), **‘бессмысленный разговор’** (ср. рус. смол. *телепáться* ‘заниматься болтовней, пустословить’, брян. *языком телепáть* ‘болтать, пустословить’, укр. диал. *телѣпкати* ‘говорить глупости’, от которых образованы названия болтуна, недалекого человека¹, пустого разговора), **‘медленно передвигаться’** → **‘лентяй’** (рус. брян., дон. *телепáть* ‘медленно ходить, едва передвигаться’, блр. *целѣнаць* ‘идти’, укр. *телѣпати* ‘идти медленно, тяжело переставляя ноги; трясти’ ~ рус. диал. *те’лѣпень* ‘ленивый человек’), **‘пачкать’** → **‘неряха’** (укр. *телѣпати* ‘пачкать’, диал. ‘жадно есть’ и *зателѣна* ‘неряха’), **‘качать’** → **‘капризный ребенок’** (рус. брян. *телепáть* ‘слегка шевелить, качать что-л. (о ветре)’ ~ пск., твер. *тѣлѣпень* ‘ребенок, который любит, чтобы его качали на руках’), **‘бить’** → **‘удар’** (рус. волог. *телепáться* ‘бить друг друга, драться’, укр. диал. *телѣпнути* ‘ударить; выпить’ ~ рус. пск., твер. *тѣлѣпѣнь* ‘шлепок, удар’).

Но не является установленным фактом, что значения первой группы обязательно производны от ‘ударить’ (и далее — ‘выпить’, ср. рус. разг. *врезать* перен. ‘то же’), ‘жадно есть’, ‘трясти’, ‘болтать(ся)’ ‘говорить глупости’, ‘медленно, тяжело идти’². Объективна лишь вероятность ассоциативного сближения, напр., семем ‘дурак’, ‘болтун’ с ‘увалень’ и установление логической связи между *телѣпати* ‘идти медленно’ и *тѣлѣпѣнь* ‘увалень’ на основе их материальной близости, что в итоге могло привести к сращиванию всех единиц двух разных этимологических гнезд.

Первое действительно представлено звукоподражательными глаголами³ и их дериватами (см. выше второй ряд имен и глаголов). В основе же второго этимон **tel-/*tɨl-*, имевший, судя по семантике рефлексов, значение ‘выпуклый предмет’ (→ ‘толстяк’, ‘увалень’). Элемент *-p-* име-

¹ Ср. еще значения ‘о бестолковом человеке’, ‘о несговорчивом, неуступчивом, непокладистом человеке’, ‘о беспутном, ветреном человеке’, отмеченные у бессуфф. рус. диал. *телѣна*, *телѣна* (волог., новг., территория Бурятии [СРНГ 43: 349]).

² Достоверный пример производности ‘увалень’ ← ‘медленно идти’, ‘медленно работать’ представлен словообразовательной парой из укр. диал. *мáмляти* ‘вяло работать’, ‘медленно идти’ и *мамліі* ‘увалень, ленивый человек’ [ЕСУМ 3: 376], где эта семантическая зависимость прозрачна и подтверждена самим характером модели.

³ Ср. еще вариантыные (в плане оформления исхода основы губными *-п-* : *-б-* : *-м-*) к *телепáть* ‘медленно идти’ рус. курск., орл. *телебить* ‘тихо, медленно идти’, 1850 г., новг. *телемáться* ‘быть неустойчивым, шататься’ [СРНГ 43: 342, 347].

ет функцию детерминатива наравне с другими звуками, ср. расширение ими варианта этого же корня с редуцированным вокализмом: *тъl-p-, отраженное в рус. диал. ряз. *толлѣга* ‘о толстом, упитанном человеке’, ‘глупый человек’, ‘толстуха’¹, подмоск. *толбѣшка* ‘пробка, втулка’, укр. диал. полт. *товнѣга* ‘ироническое название глупого, тупого мужчины’, (с другими суфф.) рус. диал. *телпеш*, *телпень* ‘сильный ребенок’, чеш. диал. *tělpatý* ‘толстый, сильный’ [Machek 1957: 525: соотносит с рус. *тѣлпень* ‘шар; неуклюжий ребенок’, определяя в итоге как неясное; подробнее о *тъl-p- см.: Илиади 2001: 87–88: с литературой; Илиади 2005: 70–71: с литературой]; *тъl-b-, засвидетельствованное в укр. диал. *тѳвба* ‘неповоротливый, неуклюжий, толстый человек’, блр. диал. *тоўба* ‘неповоротливый, толстый человек’ [Козлова 1998: 101: к и.-е. *tel- ‘нечто круглое, выпуклое’; ЕСУМ 2006, 5: 586, 589: с констатацией «не совсем ясное» и рядом сопоставлений, среди которых и укр. *товнѣга*]; *тъl-m-, предполагаемое в блр. полесск. *тыльма* ‘надкопытный сустав у коня’, *тоўмуга* ‘безрогая корова’, ‘неаккуратный человек’ [Козлова 1998: 101, 104]². Что касается дальнейших генетических связей слав. *telp-/*тъlp-, то весьма вероятным представляется предлагаемое В. Н. Топоровым сопоставление рус. *телпень* с лув. *talurpi* ‘ком’, ‘глыба’ [Топоров 1975: 32].

В фонетико-типологическом отношении этимон, лежащий в основе указанной лексической семьи, примыкает к группе и.-е. корней со структурой «смычный согласный + гласный + плавный l», от которых часто образовывались названия предметов выпуклой, округлой формы. Ср. аналогичные структурно-фонетические характеристики псл. *къl-, так же как и *тъl-, засвидетельствованного в составе детерминативно усложненных основ: *къlbъ > укр. диал. *ковб* ‘свиной желудок’, блр. диал. *коўб* ‘узел из волос, затянутых на затылке’, ‘желудок у скотины’, *коўп* ‘то же’, (произв.) *къlbатьjъ > блр. диал. *каўба* ‘ты ‘пузатый’; *къlma/*къlmo > укр. *ковмо* ‘вязанка конопли и льна’ и произв. (см. выше; [ЭССЯ 13: 181, 182, 188, 189]).

Далее наше внимание будет сосредоточено на вариантной к *тъlp- основе *telp- (приводимое в [ЕСУМ 5: 539] пол. диал. *telepac* ‘трясти; шататься’, ‘блуждать’, ‘шляться’, ‘лезть’, ‘медленно идти’ не опровергает

¹ Возможно, сюда же рус. яросл., иван. *теленѣга* ‘о толстом, неповоротливом, неуклюжем человеке’, нижегор. ‘о толстой, дородной женщине’ [СРНГ 44: 6]. Не исключено, что *-елетут* — результат изменения *-ол-* (сохранено в рус. *толлѣга*, укр. *товнѣга*) под влиянием *телепаться*, *телень*.

² К типологии развития семем ‘выпуклость’, ‘безрогий’, ‘неаккуратный’ в генетически тождественных формах ср. рус. диал. *колмѣга* ‘большой засохший ком земли’ и *калмѣтый* ‘безрогий’, блр. *калматы* ‘косматый, лохматый’, образованные от псл. *къlma/*къlmo [ЭССЯ 13: 181, 182, 188, 189].

такую реконструкцию, т. к. является поздним ареальным заимствованием из вост.-слав.). Именно к ней восходят перечисленные выше вост.-слав. лексемы, чей древний возраст впервые был косвенно признан А. А. Шахматовым, рассматривавшим их (без укр.), правда, как результат фонетического развития первоначальных форм с сочетаниями $a\bar{l}$ ($> e\bar{l}y$ в рус. диал. *теля́пень* ‘грузный, толстый человек’), $a\bar{l}$ ($> ele$ в рус. диал. *телепень* ‘дородный ребенок’), $a\bar{l}$ ($> тельпе\bar{н}ь$ ‘то же’) в корне, где a — особый редуцированный звук, отличный от \bar{y} и \bar{y} по месту образования и количеству [Шахматов 1902: 331–332, 358]. Констатация древности производящей основы, хоть и с признанием краткости ее вокализма, фактически отличается от толкования этих же форм в современных этимологических словарях, где говорится только об их звукоподражательном происхождении без акцента на их хронологию.

Морфология рус. диал. *телепе́нь* (р. п. – *телепня́*), *те́лепень*, блр. диал. *целепе́нь*, укр. *те́лепень*, а также рус. диал. *отелёпыш* ‘толстяк, увалень’ и *телепёга* ‘довольно толстая, здоровая женщина’ позволяет выделить в них суффт. *-ен-*, *-ыш-*, *-ег-*, присоединенные к основе, которая в «чистом» (бессуффиксном) виде не встречается, что также свидетельствует в пользу их архаики. Если же в качестве производящей предположить основу, представленную в рус. диал. новг. *телёпа*, *телёпа* ‘о вялом, нерасторопном, неуклюжем человеке’ [СРНГ 43: 342, 347, 349] или *за-телёпа* ‘вялый, нерасторопный человек’, ‘крепыш, здоровяк’, *зателёпа* ‘толстый, неповоротливый ребенок’ [Шахматов 1903: 96–97; Шахматов 1902: 360; СРНГ 11: 86–87], то мы в очередной раз сталкиваемся с неоднозначностью семантики как свидетельства слияния двух разных лексических гнезд: нужно ли действительно видеть в ней результат развития ‘увалень, толстый человек’ (и далее – ‘вялый, неуклюжий’) ← ‘выпуклый, крупный предмет’ или же она вторична от ‘медлительный человек’ (→ ‘вялый, нерасторопный’) ¹ и далее – к *за-телепать*, о чем говорит наличие глагольной приставки *за-*? Правда, последнее обстоятельство также не имеет решающего значения, т. к. соответствующие непроизводные имена могли полу-

¹ Точно такой же случай двусмысленности семантического развития (отсюда этимологическая неоднозначность слова) представлен еще одной рус. лексемой с основой *телеп-*, а именно – перм. *теленй* ‘толстый, неповоротливый человек’, 1856 г. [СРНГ 44: 5]. В частности, знач. ‘толстый’ (→ ‘неповоротливый’) тут можно рассматривать и как реализацию в славянском сумми семантических признаков ‘круглый крупный предмет (обрубок дерева, толстый чурбан)’, восстанавливаемых для и.-е. **tel-*, и, наоборот, как эволюцию ‘неповоротливый’ ← ‘медленно идущий, «телепающийся»,’ отмечаемых в производных от указанного выше экспрессивного, звукоподражательного глагола. Кажется, этот пример также может свидетельствовать о тесном переплетении двух словообразовательно-этимологических гнезд.

читать глагольную приставку под давлением аналогии омонимичных им префиксальных deverбатов в условиях отождествления двух рядов разнокоренных образований (видимо, как раз такой случай представляет рус. диал. *зателёныш* ‘крепыш, здоровяк’, ‘толстяк’, ‘толстый ребёнок’ [СРНГ 11: 87]).

Итак, восстанавливаемые в качестве исходных для указанных выше форм псл. архетипы **telpenь*/**telpьnь* нужно относить к той немногочисленной группе слов, которые демонстрируют вост.-слав. отражение группофонемы *telt* не в виде ожидаемого «классического» *tolot*, как в *молоко* < **melko*, а в виде *telet*. Таким образом, **telpenь* продолжает ряд лексем, состоящий из **belbenь* (укр. диал. *бѣлѣбень* ‘возвышенное и открытое место’, ‘открытая или опустошенная местность без построек и растительности’, *бѣлѣбѣнъ* ‘незаросший голый бугор, пустошь’ [ЭССЯ 1: 184]), **čelnь*, **čelnьkь* (рус. диал. *челено* ‘три ряда нижних бревен сруба’, ‘звено бревен в плоту’, *целено* ‘плот’, *чѣлень* ‘известное количество паёв в поле’, укр. диал. *челенок*, *челенко* ‘в пальце: кость, сустав’ [ЭССЯ 4: 44–45]), **želsti*, **želdŏ* (рус. *желеду*, *желести* ‘платить, искупать вину’ при ст.-сл. *жлѣсти*, *жлѣдж* [Фасмер 1986: II, с. 42]), **želd-* (рус. диал. *ожелѣдица* ‘гололедица, ледяной наст на снегу’, укр. *о́желѣдь*, *о́желѣда* ‘гололедица, дождь со снежной крупой’ при пол. *żłód*, *żłódź* ‘гололедица, дождь с градом’ [Фасмер III: 124]), **tel-menь* (укр. *Телемень* — название притоков р. Ризни, Ирши, Тетерева и Днепра), сопоставляемое с др.-гр. *τέλμα* < **tel-mn̥* ‘стоячая вода, болото’ [Откупщиков 2005: 255: *Теле-мень*; по-другому см. Козлова 1998: 104: к этимону **tel-* ‘выпуклость’].

Причина такого «незакономерного» развития в восточнославянском слов с формулой *telt*, видимо, заключается в существовании древних ареальных вариантов произношения этой последовательности звуков. Это значит, что в некоторых позднепраславянских диалектах, что стали основой будущих древнерусских говоров, не было, как в других, лабиовеляризации плавного *l*, потому *telt* здесь изменилось в *telet*, а не *tolot* или *telot*¹. В эпоху миграций населения в границах восточнославянской территории носители идиомов, где *telt* дало *telet*, оказались в меньшинстве, и нормативное для них *telet* было вытеснено привычным

¹ Материал, подтверждающий возможность такого развития *telt*, обычно выпускается из виду, потому что в учебной литературе господствует традиционная точка зрения (*telt* > *tolot/telot*), основанная на небольшом стандартном наборе примеров (преимущественно лексемы литературного языка), кочующих из одного пособия в другое. Ср. соответствующие разделы таких классических учебников по истории русского языка, как, напр.: [Якубинский 1953: 125; Черных 1962: 82–83] (с утверждением «достоверных примеров с *еле* из *ел* не имеется»). С. 82); [Иванов 1964: 153–154 и др.].

большинству *tolot/telot*. И только на периферии (она вообще является консервирующей средой для архаичных явлений) сохранились свидетельства древнего диалектного варьирования *telet: tolot/telot*.

Изменение в историческую эпоху огласовки рефлексов **telp-* (ср. блр. диал. *теля́пень, тиля́пень* ‘грузный, толстый человек’, *цяля́пень* (р. п. *цяля́ння*) ‘неповоротливый, неловкий человек’, рус. диал. *зате́ляпа* ‘нерасторопный, вялый; неуклюжий человек; толстый неповоротливый ребёнок; крепыш, здоровяк’ [Шахматов 1903: 95; Кавалёва 1960: 90], а также формы типа рус. диал. псков., осташ. *тельпéнь* ‘дородный ребенок’ [Шахматов 1902: 340]) обусловлено¹:

1) фонетическими процессами, протекавшими в вост.-слав. диалектах (напр., ослаблением *e* в безударной позиции и его выпадением, ср. еще рус. псков., осташк. *тельпéнь, тельпéиш* ‘дородный ребенок’, *тюльпéнь* ‘толстый, неповоротливый человек’ [Шахматов 1902: 349, 350]);

2) дальнейшей контаминацией продолжений **telp-* и единиц словообразовательного гнезда таких экспрессивных глаголов (и производных от них имен), как рус. диал. *теля́пнуть* ‘стащить, украсть’, *растеля́пило* ‘разнежило’, курс. *цяля́стать* ‘украсть’, черепов. *тюля́ишить* ‘идти неповоротливо’, *тилипáть* ‘очень скоро есть, уплетать молча’, укр. *тіліпати, тіліпа́тися* ‘болтаться’ [Шахматов 1902: 359, 362], блр. *цяля́паць* ‘болтать’, ‘мотать’, *цяля́пацца* ‘болтаться’ и др. [приведены по: Топоров 1975: 12].

Подведем краткие итоги этимологическому комментарию этой вост.-слав. изолексы. 1. Существительные со знач. ‘увалень’, ‘толстый человек’ и глаголы с формально близкой основой (*телен-/телип-/цяляп-*) целесообразно рассматривать порознь как этимологически и хронологически разные единицы. 2. Фонетические и семантические схождения между единицами обоих лексических гнезд имеют вторичный характер и сложились относительно поздно. 3. Этимон **telp-* ‘ком, шар’, ‘округлость’, лежащий в основе *телен-* и др. имен, представляет собой консонантное лабиальное расширение корня на плавный сонант, аналогичное вариантным **тыlb-*, **тыlm-*. Фонетика его продолжений указывает на возможность развития формулы *telt* > *telet* в вост.-слав. ареале древнейшей эпохи.

2. Вост.-слав. глаголы с основой *селеп-* типа блр. диал. *селепáць, селепануць* ‘проворно черпать; хлебать, хлестать’, укр. диал. *селепі́тися* ‘пристать к кому-нибудь, привязаться’, *обселéпитися* ‘напиться

¹ Ср. аналогичное изменение *-еле-* в репрезентантах псл. **belbens?/*belbelb:* укр. диал. *бѣлѣбень* ‘возвышенное и открытое место’ наряду с *бѣлибѣнь* ‘незаросший, голый бугор, пустошь’ [ЭССЯ 1: 184].

ся' у А. А. Шахматова даны как примеры развития *-еле-* из первоначального сочетания *al* (с долгим неслоговым плавным) [Шахматов 1903: 95, 96; в ЕСУМ 5: 209; укр. *селенітися* истолковано как «Неясное; очевидно, афективное образование»]. Эта изоглосса продолжается на территории русских говоров, ср. смол. *селенáться* 'возиться в грязи', *заселеннѹть* 'зачерпнуть' [СРНГ 11: 28; 37: 132].

Фонетически заманчивое сопоставление упомянутых ранее укр. и блр. форм с укр. *солоніти*, *вісолонити* 'высовывать язык', блр. *солуннѹць* 'высунуть язык, лизнуть', укр. *совп* 'рыболовная сеть', серб. *сѹп* 'род рыболовной изгороди' [Шахматов 1902: 360, 369] приходится оставить в стороне, поскольку сам А. А. Шахматов в более позднем исследовании предложил сравнение укр. *солонити* со ст.-сл. **вѣсла-пити**, **вѣслапяти** 'отгонять, удерживать, укрощать' [Шахматов 1915: 51]. В работах же современных авторов укр. *солоніти*, *вісолонити* и под. были убедительно истолкованы как рефлексы псл. **solpiti* с этимологом **solp-* ~ и.-е. **sel-* 'двигаться' [подробно см. Аникин 1988: 23–28, 89–90: с анализом различных точек зрения].

Разница в наборах значений лексем с основами *солон-* и *селен-* четко уловима (*солон-*: 'высовывать язык', сводимое к *'выталкивать'; см.: [Аникин 1988: 25]; *селен-*: 'хлебать', 'пить', 'черпать', 'возиться'¹, 'привязаться', 'хлестать') и вряд ли сводима к одной семантической основе, потому возникает сомнение в их родстве. Так, *селен-* может быть объяснено как экспрессивный глагол со структурой, вариантной к *сербать*, ср. рус. брян. *сербáть*, *сѣрбать* 'есть (жидкое), черпая ложкой, хлебать', смолен., краснояр. *сѣрбать*, *сѣрбать* 'громко, шумно есть, пить, хлебать' [СРНГ 37: 181].

Под вариантностью вост.-слав. *селен-*: *серб-* подразумевается результат отражения в них псл. **selp-*: **syrb-* как разновидностей одной и.-е. звуко-подражательной основы (об этой последней см., напр., ЕСУМ 5: 493: с литеатурой), ср. более полное сходство **selp-*: **serb-* (> слвн. *srébat*, чеш. *střebati* 'сербать' [ibid.]). Касательно чередования *l*: *r* в корнях-ономатопах укажем на отношения укр. диал. *мáмляти* 'вяло работать', 'медленно, неохото есть' и *мáмрати* 'то же' [ЕСУМ 3: 376–377].

К развитию значений 'хлебать', 'пить' (фигурально о жадно пьющем человеке — 'черпать') и 'хлестать' в одном слове ср. рефлексы псл. **xlapati* (чеш. диал. *chlapác* 'пить, лакать (о скотине)', 'хлес-

¹ Связь значений 'хлебать', 'пить' и 'высовывать язык' как возможное связующее звено между двумя сериями слов (если считать их однокоренными) слишком ненадежна (неясно, действительно ли речь идет о животном, которое пьет, используя язык) и сама по себе не объясняет природы других семем в вост.-сл. *селен-*.

тать (о дожде)', **xlestati*/**xlěstati*/**xlostati* (слвц. *chl'astat'* 'хлебать', 'много пить', диал. *chlostat'* 'хлестать'), **xlipati* (слвн. *hlipati* 'хлебать', 'бить') и др. [ЭССЯ 8: 24, 26, 34]. Ср. также зеркальную ситуацию 'бить' → 'пить', 'хлебать', отмеченную, напр., в просторечном употреблении рус. глаголов *хлестать* (водку), *трахнуть*, *дерябнуть*, *дербулызнуть*, *врезать*, *нарезать* и др.

Суммируем сказанное: рассмотренные глаголы продолжают псл. **selpati*, **selpiti*, чьи вост.-сл. рефлексy имеют ту же особенность, что и рефлексy описанных выше **telpenь*/**telrнь*, а именно — эволюцию формы основы типа *telet*. Эти лексемы следует отличать от омонимичного **selpati*, отраженного, напр., в рус. *силпать* 'высовывать язык, пить' и ст.-сл. *слѣпати* 'течь' [Аникин 1988: 27], где рус. пример (из **селепать*) также демонстрирует *telet*. О возможном смешении единиц двух лексических семей в рус. диал. речи свидетельствует семантика 'высовывать язык' и 'пить' в рус. *силпать*.

Литература

Аникин А. Е. Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Новосибирск, 1988.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1964.

Илиади А. И. Об одной группе соматической лексики в связи с вопросами славянской именной суффиксации // *Folia onomastica Croatica*. Zagreb, 2001. Knj. 10. С. 83–94.

Илиади А. И. Основы славянской этимологии. К., 2005.

Кавалёва Е. 3 лексікі вёсак Абідавічы і Журавічы // *Матэрыялы для слоўніка народна-дзялячэцкай мовы*. Мінск, 1960. С. 83–91.

Козлова Р. М. До етнолінгвістичної інтерпретації деяких гідронімів басейну Дніпра // *Ономастика України та етногенез східних слов'ян*. К., 1998. С. 93–105.

Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. 2-е изд. СПб.–М., 2005.

Реєстр Війська Запорозького 1649 року: Транслітерація тексту / [підгот.: О. В. Тодійчук (гол.упоряд.) та ін.; передмова Ф. П. Шевченка]. К., 1995.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–45. М.–Л./СПб., 1965–2013.

Топоров В. Н. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями // *Славянское и балканское языковедение. Проблемы интерференции и языковых контактов*. М., 1975. С. 3–49.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. 3-е изд. М., 1962.

Шахматов А. А. К истории звуков русского языка // Известия ОРЯС. Т. VII. Кн. 2. СПб., 1902. С. 304–382.

Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб., 1903.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11. Пг., 1915.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева. Вып. 1–38. М., 1974–2012.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: У 7 т. / [гол. ред. О. С. Мельничук]. К., 1982–2012. Т. 1–6.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка / [с предисл. и под ред. акад. В. В. Виноградова; прим. проф. П. С. Кузнецова]. М., 1953.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: ČSAV, 1957.

**Русское диалектное *вѣрзать* и этимологическое гнездо с корнем
vьrz-* / **Vьrz-*

Описывая рефлексы сочетаний редуцированный + плавный под ударением (русск. диал. *вѣрзать* и др.), А. А. Шахматов писал, что качество корневого гласного зависело от гласного последующего слога, т. е. -ѣ- изменялся в -а-, когда в соседнем слоге было -а-; в -у-, когда в соседнем слоге было -у-; в -и- перед -и- и т. д. [Шахматов 1903: 69].

Лексический материал восточнославянских языков (особенно диалектный), по заключению Р. М. Козловой, свидетельствует о том, что тембровая неопределенность вокального элемента -ѣ- в сочетании с плавным -r- (ударный вокализм) могла развиваться в “определенность”, равную пятифонемному ряду (-ѣr- > -ap-, -op-, -yp-, -ыр- > -ип-, -эp- > -'ep-), т. е. не всегда зависела от качества гласного следующего слога. Полагают, что причины этого явления, не объяснимые только лишь ассимиляционными процессами, следует искать в артикуляционных и акустических характеристиках -ѣ- в бинарной группе -ѣr-. См. [Козлова 1997: 29]. Проиллюстрируем сказанное на основе лексико-словообразовательной микросистемы с корнем **vьrz-*. При этом нами объединяются факты с ударным и безударным вокализмом (к тому же в источниках проприальной лексики ударение в большинстве случаев отсутствует).

Безаффиксные псл. **vьrza*, **vьrzь* > **Vьrza*, **Vьrzь* восстанавливаются с учетом реализации:

а) -ѣr- > -ap- в корневой морфеме: ст.-русск. Ивашко *Варза* [АИ 1859: 84], русск. *Варза* – прозвище [Вальтер, Мокиенко 2007: 124], *Варзов*, *Варзин* [ЖПТ], *Арзин* [ЖПТ] < **Варзин* – фамилии, *Варзино*, *Варзины*, *Варзовская* – ойконимы в бывших Костромской, Вятской, Вологодской губ. [RGN 1964: 648], блр. *Варзов* (г. Витебск) — современная фамилия, для которых имеются апеллятивные соответствия: русск. диал. *варзá* ‘придирчивый человек’ [СРНГ 1969: 52], *вѣрзá* ‘человек, неаккуратно приготавливающий пищу’ [НОС 1992: 107], *вѣрза* и *варзá* ‘проказник, шалун (о ребенке)’ [СГРС 2002: 26], ориентированные на балтийский первоисточник [Куркина 1967: 187];

б) -ѣr- > -ыр- / -ип-: русск. диал. *вѣрза* ‘тот, кто вирзает (врет)’ [СРНГ 1969: 292], *Ирза* [ЛЖС 2009: 142] < **Вирза* < **Вырза* < **Вьрза*

(вследствие артикуляционной близости звуков -ъ-, -ы-), укр. *Ірза* (Горпинич 2000: 100) < **Virza* – антропонимы, блр. *Вырзы* – ойконим в бывшей Витебской губ. [RGN 1965: 234]. Ср. еще узкорегionalное русск. диал. *ирз* ‘веселье, шум’: *дети ирз устроили* [ССГ 1985: 152], которое через стадии **virz* < **вырз* < **върз* восходит к **vъrзь*;

в) -ъr- > -op-: русск. диал. *ворзá* ‘проказник, шалун (о ребенке)’ [СГРС 2002: 175], *Ворзы* (2 фиксации), *Ворзовка* – наименования населенных пунктов в бывшей Псковской губ. [RGN 1965: 180], блр. *Ворзов* [ЖПТ] – фамилия, *Ворзава* – ойконим в Витебской обл., мотивированный антропонимом **Ворз*, хорв. *Vorza* [LP 1976: 726] – фамилия. Ср. еще укр. *Орза* [Горпинич 2000: 186], русск. *Орзов* [РУС 2007: 304], славянск. *Орза* – в языческом антропонимиконе чувашей [Магницкий 1905: 62] < **Ворза*, **Ворзов* (в результате ослабленной артикуляции анлаутного В-);

г) -ъr- > -ур-: русск. диал. *вурза* ‘грязнуля; измазанный чем-либо ребенок’ [ССГ 1980: 89], ст.-укр. Иван *Урзенко*, 1654 г. [ПК 2003: 286] < **Вурзенко* – патроним на -енко, укр. *Урза* [ПД 2004: 354] < **Вурза*, блр. *Урзов* (г. Минск) < **Вурзов*, *Юрзов* (г. Витебск) < **Урзов* (йотация), пол. *Urza* [SN 1994: 29] < **Wurza* – антропонимы.

Апеллятив **vъrza* реализовался и в других классах онимов, ср., например, русск. *Арза* – ойконим в бывшей Астраханской губ. [RGN 1962: 169], *Варза* – название выселка в бывшей Псковской губ. [Василев 1882: 43], *Ворза* – левый приток Сергосьмы, вытекающий из озера *Ворзо*, – в бывшей Псковской губ. [СРОП 1899: 26].

Из редких композитных образований с компонентом **Vъrз-* / **vъrз-* следует назвать ойконим *Ворзогоры* – в Онежском р-не Архангельской обл., фиксируемый под 1559 г., мн. от **Vъrzogora* и соотносительный с ним антропоним – ст.-русс. Семен Кондратьев сын *Ворзогор*, 1550 г. [АСМ 1988: 99, 150] ~ диал. *ворзогórка* ‘жительница села Ворзогоры’ [АОС 1987: 87]. Ср. еще русск. *Варзаносцев* – фамилия в Омской обл. (ЗНП 2001: 60) < **Vъrzonosъсь*, диал. *ворзогубый* ‘с губами как у жеребца, в пене’ [цит. по: Кретов 1994: 200] < **vъrzogôbъjъ*.

Фактический материал позволяет реконструировать деминутивы:

**Vъrзьсь*: ст.-русс. Григорий *Ворзецовъ*, XVII ст. [Титов 1903: 32].

**Vъrзика*, **Vъrзикъ* / **Vъrзиць*: русск. *Урзик* [ЖПТ], укр. *Урзик* [Новикова 2007: 853] < **Вурзик*, *Урзика* [Глуховцева 2011: 2, 272], *Урзика* [СП 1002: 357] – фамилии, *Варзичи* – название населенного пункта в бывшей Вятской губ. [RGN 1964: 648], серб. *Врзић* – современная фамилия, хорв. *Varzić*, *Vrzić* [LP 1976: 706, 731] – антропонимы.

Лексическая микросистема субстантивов достаточно разветвлена. Ср.:

**vъrzeba* / **vъrzoba*, **Vъrzobъ*: русск. диал. *варзѣна* ‘плохой, неаккуратный работник’ [СРНГ 1969: 53] < **варзѣба*, *варзѣна* ‘т. ж.’ [СРНГ 1969: 53] < *варзѣба*, *Арзубов* [ЖПТ] < **Варзобов*, *Варзыбов* [ЛР 2007: 61] – фамилии, *Арзубово*, *Арзубиха* – ойконимы в бывших Костромской и Вологодской губ. [RGN 1962: 169], блр. диал. (производ.) *варзѣнать* ‘делать что-либо неумело, плохо’ [Абабурка 1979: 88] < **варзѣбать*, болг. *вързѣн* ‘связка кукурузы’ [БЕР 1971: 210] < **вързѣб*.

**Vъrzegъ* / **Vъrziga*: ст.-русск. *Ворзига*, 1614 г. – волжский казак [Тупиков 1903: 94], русск. *Варзегов* [ЖПТ] – антропоним, *Варзегу* – ойконим в бывшей Вятской губ. [RGN 1964: 647].

**Vъrzuga*: ст.-русск. Иванко Зиновьевъ *Варзуга*, 1599 г. [СГКЭ 1922: 364], Калинка Иванов сын *Варзуга*, 1623 г. [Мосин 2001: 76], русск. *Варзугин* [ЖПТ] – антропонимы. Ср. также *Варзуга* – приток Белого моря и одноименный населенный пункт в Мурманской обл., известный с 1465–66 гг. [ГВНП 1949: 242; МО 2004: 186]. Гидроним ошибочно отнесен к заимствованиям из карельского языка [Свиньин 1829: 416]. О предполагаемом субстратном происхождении ойконима см. [Аникин 2012: 87].

**vъrzuxa* > **Vъrzuxa*: русск. диал. *варзѣха* ‘нечистоплотный, неопрятный человек; пачкун, пачкунья, грязнуля, неряха’ [СРНГ 1969: 53], *Варзухин* [ЖПТ] – антропоним.

**Vъrzixa*: русск. *Вързиха* – микропоним в Архангельской обл., ареально ограниченное производное на *-иха*, ошибочно отнесенное к финно-угорским заимствованиям [Кабинина 2012: 125]. Праславянская древность архетипа (как и в некоторых других случаях) проблематична по ареальным причинам.

**Vъrzajъ*: русск. *Варзаев* [ЖПТ], хорв. *Vrzajko* [ЛР 1976: 731] – антропонимы. Ср. также формально трансформированные славян. *Арзай*, *Орзай* [Магницкий 1905: 29, 62], заимствованные чувашами, вероятнее всего, от волжских славян (болгар), из **Варзай*, **Ворзай*, а также русск. *Рзаев*, укр. *Рзай* [РУС 2007: 355] < **Вързаев*, **Вързай*.

**Vъrzēja*, **vъrzějъ*: ст.-русск. Перфирий Костянтинов сын *Варзеина*, 1574/75 г. [Анхимюк 2000: 36], русск. диал. *варзѣй* ‘мотылек’ [Мызников 2010: 36].

**Vъrzaka*, **Vъrzakъ*: ст.-русск. Фетко *Варзакин*, 1563 г. [ПКОП 1930: 69], русск. *Варзаков* [ЖПТ], *Урзаков* [Ратиѣс 1987: 370] < **Вурзаков*, *Ирзаков* [ЖПТ] < **Вурзаков* < **Вырзаков* < **Вързаков* – фамилии, *Варзаково* – ойконим в Пермском крае [Колотилов 1904: 13], чешск. *Vrzak* [МФ] – антропонимы ~ русск. диал. *варзѣка* ‘тот, кто

плохо работает’, ‘пустомеля, болтун’ [СРНГ 1969: 52], болг. *вързак* ‘связка; узел’ [БЕР 1971: 210].

**Vъrзukъ*, **Vъrz’ukъ*: русск. *Арзюков* [ЖПТ], славянск. *Арзукъ* [Магницкий 1905: 29] < **Варзукъ* ~ русск. диал. *варзўка* ‘неопрятная, неряшливая женщина’ [СКГ 1994: 13], *варзўчка* ‘непоседливая, вертлявая девочка’ [СОГ 1989: 136] < **vъrзuka*.

**Vъrzala*, **Vъrzalъ*, **Vъrzalbъ*: укр. *Варзаль* [СП 2002: 66], хорв. *Vrzal*, *Vrzaljko* [LP 1976: 472], чешск. *Vrzal* [МФ], словц. *Vrzal* [TZ Trnava 2004: 184], *Vrzala* [TZ Bratislava 2002: 394] – антропонимы.

**Vъrzelъ*, **Vъrzelъ*, **Vъrzьlbъ*: блр. *Ворзэ’лы* – ойконим в Гродненской обл. [Рапанович 1980: 48], хорв. *Vrzel* [LP 1976: 731], словн. *Vrzel*, *Vrzlič* [ZSSP 1974: 692], пол. *Wurzel* [SN 1994: 353] – антропонимы, мотивированные апеллятивной лексикой типа болг. диал. *вързъл* ‘узел’ [Стойков 1968: 55], *вързълъ* ‘т. ж.’ [БЕР 1971: 210], словн. диал. *vrzel* ‘дыра в ограде’ [Gregorič 2014: 495]. Корневой вокализм южнославянских фактов неоднозначен.

**Vъrzoлъ* / **Vъrzulъ*, **Vъrzulъ*: русск. *Ворзолов*, укр. *Ворзуль* – современные фамилии, *Арзул* [КПЗ 2005: 42] < **Варзул*, *Орзул* [Глуховцева 2011: 2, 105] < **Ворзул* – антропонимы, соотносительные с апеллятивной лексикой типа русск. диал. *варзўля* ‘неряшливый, нечистоплотный человек; пачкун, пачкунья’, ‘проказник, шалун’ [СРНГ 1969: 53], блр. диал. *варзўла* ‘недовольный человек’ [СБГ 1979: 283], болг. диал. *варзўл’ка* ‘узел в пряже или ткани в домашнем стане’ [Ковачев 1968: 195], *вързўла* ‘сплетенная пряжа’, ‘дерево, полено, которое трудно расколоть’ [Петков 1974: 23].

Исходя из укр. *Ворзило* [РУС 2007: 83], русск. *Варзилов* [ЖПТ] – фамилии, можно восстанавливать псл. **Vъrзidlo* отапеллятивного происхождения, мотивированное глаголом **vъrзiti*. Из числа его континуантов ср., например, блр. диал. *вўрзиць* ‘хлебать’ [ЭСБМ 1978: 228] и др.

Русск. *Варзалин* [ЖПТ], *Варзалово* (вариант *Варзелово*) – ойконим в бывшей Петербургской губ. [RGN 1964: 647], словн. *Vrzala* [ZSSP 1974: 692] – антропоним – континуанты псл. **Vъrзadlo* < **vъrзadlo*, производного от **vъrзати* (*se*). Последнее реализовалось в русск. диал. *в́арзать* ‘делать что-либо наспех, неумело, небрежно, кое-как’, ‘пачкать, грязнить’ [СРНГ 1969: 52], *варз́ать* ‘баловаться, озорничать’, ‘говорить вздор, лгать’, ‘делать что-либо кое-как, плохо’ [СГРС 2002: 27], квалифицированное как недостаточно ясное [Аникин 2012: 86], *в́арзаться* ‘возиться, много заниматься чем-то’ [НОС 1992: 107], *вўрзать*, *вўрзаться* ‘медленно делать что-либо, «копаться»’ [СГРС 2002: 114], *вирз́ать* ‘есть, жевать’ [ПОС 2013: 24], ‘говорить

неправду, лгать, врать' [СРНГ 1969: 292], корневой вокализм (-и-) которого объясняют как продление гласного презентной основы (-ь-) глагола **verzti* *‘вязать, завязывать’ [Аникин 2013: 218–219], *ворзатъ* ‘проказить, вредить, бедокурить’ [СРНГ 1970: 99], *ворзатся*, *ворзатся* ‘возиться’ [АОС 1987: 87], укр. диал. ю *рзатисі* ‘толкаться, дёргаться, беспокойно сидеть или лежать’ [Негрич 2008: 183] < **урзатисі* (йотация) < **вурзатисі* (утрата слабоартикулируемого билабиального в-) и под.

Русск. диал. *варзли́вый* ‘непоседливый, шаловливый’ [СРГС 1999: 118] – континуант псл. **vъrзьlivъjь*. С т. зр. структуры ср., например, псл. **kvapъlivъjь* < **kvapiti* [ЭССЯ 1987: 149], **manъlivъjь* < **maniti* [ЭССЯ 1990: 203–204], укр. *лесли́вий* ‘льстивый’ < **lьstlivъjь* < **lьstiti* и под.

Отдельные факты свидетельствуют о потенциальности part. passiv. praes. на *-o-m-, *-i-m-:

**Vъrzimъ*: болг. *Варзимовото*, *Вързимовото* – микропонимы отантропонимного происхождения, соотносительные по структуре с *Русим* и под. См. [Ковачев 2001: 96, 103].

**Vъrzmotъ*: русск. *Вурзум* [ЛЖС 2005: 49] < **Вурзом*, *Арзамов* [ЛЖС 2008: 213] < **Варзомов* – фамилии, *Варзумовска Лопатка*, *Варзумовский Верхний*, *Большой Александра Михайловича Варзумова* – названия пожен на рр. Ура и Сидра в Архангельской обл. [МСТИ 1969: 29, 30]. Усиление лабиализации -o- > -y- обусловлено влиянием лабиального -m-.

**Vъrzapъ*, **Vъrzapъ*: ст.-русск. *Урзанъ*, XVI ст. [Чечулин 1890: 84] < **Вурзанъ*, русск. *Варзан*, *Варзанов* [ЖПТ], *Арзанов* [Глуховцева 2011: 1, 55] < **Варзанов*, *Юрзанов* [ЖПТ] < **Урзанов* (йотация), укр. *Варзан* [КПХ 2001: 162], болг. *Варзàнов*, *Вързàнов* [Илчев 1969: 102, 120], хорв. *Vrzap* [LP 1976: 731], чешск. *Vrzáň* [МФ] – антропонимы.

**Vъrzina*, **Vъrzinъ*: ст.-русск. Куземка *Ирзинъ*, 1538 г. [АГР 1860: 64], русск. *Варзин*, *Ворзин*, *Ирзин* [ЖПТ], *Урзин* (г. Киев), хорв. *Vrzina* [LP 1976: 731] – антропонимы. Ср. еще *Варзина* – приток Северного Ледовитого океана в бывшей Архангельской губ. [МГС 1865: 43].

**Vъrzona*, **Vъrzonъ*: русск. *Варзонин* [КЛ 2007: 39], *Ворзонин* [САМ 1939: 45], чешск. *Vrzoň* [МФ], словц. *Vrzoňova* ж. [TZ Трнава 2004: 184] – антропонимы. Относительно апеллятивных соответствий ср., например, русск. диал. (производ.) *заварзòнить* ‘измарать, измазать’ [ССГ 1985: 44].

**vъrzunъ*: русск. диал. *варзун* ‘внимательный, заботливый человек’ [СРГК 1994: 162], *ворзун* ‘проказник, шалун (о ребенке)’ [СГРС 2002: 176].

**vъrъnъ(jb)* > **Vъrъnъ(jb)*: русск. диал. *варзно* – ‘прозвище неворотливого, вялого и грубого человека’ [СРНГ 1969: 53], которое реконструируют как **vъrъnъ* [Горячева 1986: 47], ср. **kъrъnъ* [ЭССЯ 1987: 244]. Ср. также гидронимы укр. *Ворзна* – в бассейне Днепра [СГУ 1979: 121], членение которого на **v-orzъn-a* представляется искусственным [Кретов 1994: 200], русск. *Варзенка* в Поочье, отнесенная к балтизмам [Топоров 1988: 176].

**Vъrzarъ*, **Vъrzarъ* / **Vъrzorъ*: русск. *Арзаров*, *Варзарь* [ЖПТ], *Варзар* [САМ 1939: 35], укр. *Ворзар* [КС Од. 2005: 573], *Варзор* [Горпинич 2000: 330] – антропонимы.

**Vъrzitъ*: славянск. *Орзитъ*, заимствованное в чувашский языческий антропонимикон [Магницкий 1905: 62] < **Ворзитъ*.

**vъrzota*: русск. диал. (производ.) *ворзотня* ‘шумные беспорядочные игры, движения, возня’ [АОС 1987: 87].

**Vъrзotъ*: славянск. *Варзутка*, *Вырзутка* [Магницкий 1905: 35, 36], *Арзутка* [Магницкий 1905: 29] < **Варзутка* – антропонимы, мотивированные part. act. praes. **vъrзotъ* < **vъrztî*.

Ст.-русск. Васька *Варзовин*, XVII ст. [ТК 1950: 728], русск. диал. *в́арзовка* ‘?’ [АОС 1983: 47] свидетельствуют о потенциальности адъективов **vъrzonъ(jb)*, **vъrzavъ(jb)*.

Псл. **vъrzonitъjb* – производное с суффиксом *-it-* от **vъrzonъjb* – можно реконструировать на основе русск. диал. *варзовитый* ‘проказливый’ [СГРС 2002: 27].

Фактический материал позволяет восстановить некоторые префиксальные дериваты:

**jъzvъrzati (se)*: русск. диал. *изв́арзать* ‘испачкать, запачкать’, *изв́арзаться* ‘испачкаться, запачкаться’ [СРНГ 1977: 101].

**kavъrza* > **Kavъrza*: русск. диал. *кавы́рза* ‘шалун, пакостник’ [СРНГ 1977: 295], *кав́урза* ‘сплетня, клевета’ [СРНГ 1977: 293] < **кавы́рза* < **кавъ́рза*, *Каварза* Гостюнин, 1701 г. [ПКВМ 159] — антропоним.

**kovъrzati (se)*: русск. диал. *кув́арзать* ‘говорить пустяки; болтать’ [СРНГ 1979: 388], *кув́урзаться* ‘в детской игре – кидать рюхи так, чтобы они летели кувыркком’ [СРНГ 1979: 389].

**Kovъrza* < **kovъrza*, **Kovъrzъ*: ст.-русск. *Ковырза* Яков Михайлов, 1624 г. [Веселовский 1974: 146], *Коворза* Василий, 1647 г. [Раздорский 2001: 505], *Куварзин* Родион [ДСП 1975: 268], русск. *Куварзин* [КПН 1997: 535], *Коварзино* – ойконим в Вологодской обл., ст.-блр. Dawid Kowarza, XVII ст. [АВК 1910: 45], чешск. *Kovrzek* – современная фамилия [МФ], мотивированные апеллятивной лексикой типа

русс. диал. *кувѣрза* ‘плохой, неумелый работник’ [СРГСУ 1996: 268], укр. диал. *кувирзѧ* ‘большой соломенный сосуд для хранения зерна’ [Корзонюк 1987: 145].

**kovъrzatъjъ*: русск. диал. *коварзѧтый* ‘некрасивый, изуродованный’ [СГРС 2011: 200].

**navъrzati* (*se*): русск. диал. *навѣрзѧть* ‘напроказить, набедокурить’, *навѣрзѧть* ‘испачкать, напачкать’, ‘сделать что-либо плохо, испортить’, *наварзѧть* ‘наделать неприятностей’ [СРНГ 1983: 150–151], ‘напроказить’, включенное в число отглагольных производных на *-ati* с корневым вокализмом *-ъ-*. См. [ЭССЯ 1997: 61, статья **navъrziti*], *навѣрзѧть* ‘надеть что-нибудь’ [СРГК 1996: 301], *навѣрзѧться* ‘много поработать; наработаться’ [ПОС 2008: 289].

**Navъrza*: ст.-русс. Богдан *Наворзин*, 1613 г. [ДПП 1994: 339].

**obvъrzati* (*se*): русск. диал. *обвѣрзѧться* ‘вымазать лицо едой (чаще о детях)’ [СРНГ 1987: 12].

**orzvъrzati* (*se*): русск. диал. *развѣрзѧть* ‘размазать’ [ССГ 2000: 86], *развѣрзѧться* ‘сильно утомиться, устать, измучиться’ [СРНГ 1999: 281], *разварзѧться* ‘порвать с кем-л. всякие отношения’ [Тимофеев 1971: 97].

**orzvъrza*: русск. диал. *развѣрза* ‘неряшливая, неопрятная женщина’ [СРНГ 1999: 281].

**orzvъrzajъ*: русск. диал. *разварзѧй* ‘неопрятный и неуклюжий человек’ [СРНГ 1999: 281].

**orzvъrziti*: русск. диал. *развѣрзѧть* ‘размазать’, ‘разбросать, растоптать’ [ССГ 2000: 86]. Префиксальные архетипы в ЭССЯ пропущены.

**ravъrza* / **rovъrza*: русск. диал. *навѣрза* ‘шелковый пояс с кистями, вышитый бисером’ [СРГМ 2013: II, 776], болг. диал. *пѣварза* ‘повязка’, ‘веревка для привязывания скота’ [Стойчев 1965: 238], *пѣвѣрза* ‘повязка для раны’ [БЕР 1971: 210].

**Provъrza*: русск. Григорий Тимофеев с. *Проурзинъ*, 1702 г. [Кунгур 1886: 6], *Проурзин* [ЖПТ], *Праурзин* (г. Москва) < **Проворзин* – антропонимы.

**sъvъrzati* (*se*): русск. диал. *свѣрзѧть* ‘сделать что-л. наскоро, небрежно, кое-как’, *свѣрзѧться* ‘сблизиться, завести с кем-л. общие дела (обычно невыгодные или предосудительные)’ [СРНГ 2002: 212].

**uvъrzati*: блр. диал. *увѣрзаць* ‘запачкать, замарать’ [СБГ 1986: 170], словц. *uvrzat* ‘быстро убежать’ [Kalál 1923: 754].

**zavъrzati*: русск. диал. *завѣрзѧть* ‘запачкать’ [СГРС 2009: 24], *заварзѧть* ‘испачкать, загрязнить’ [СРГК 1975: 91], *завѣрзѧть* ‘запачкать’ [ЯОС 1985: 59], *завѣрзѧть* ‘запачкать, загрязнить’ [ССГ 1985: 50] < **завѣрзѧть* (-у- < -о- под влиянием лабиального -в-).

**Zavъrza* < **zavъrza*: ст.-русс. Якушко *Заварза*, 1658 г. [Тупиков 1904: 154], русск. *Заварзин* [РУС 2007: 151], *Заворзин* [ЖПТ] – патронимы на *-ин*, *Заварзина*, *Заварзино*, *Заварзы* – ойконимы отантропонимного происхождения в бывших Тамбовской, Псковской, Смоленской губ. [RGN 1967: 347] ~ русск. диал. *завърза* ‘неряха, грязнуля’, *заворза* ‘неряха’ [СРНГ 1972: 296, 336], укр. *Заварза* [КПХ 1995: 103].

**zavъrzajъ* > **Zavъrzajъ*: русск. диал. *заварзай* ‘неряха (?)’ [ПОС 1995: 58], *Заворзаев* [ЖПТ] – фамилия.

**zavъrziti* (*se*): русск. диал. *завурзйтись* ‘запачкаться, загрязниться’ [ССГ 1985: 50].

**Zavъrzunъ*: укр. *Заворзун* [РИК 2006: 314] – фамилия.

Таким образом, к разветвленному этимологическому гнезду производных от **verz-*, **vorz-*, **vъrz-* [Белетич 2003: 34 и след. – с литературой; Бјелетич 2006: 189] стоит добавить еще один фрагмент, восстановленный выше, – с редуцированным гласным *-ъ* в корне.

С точки зрения структуры **vъrz-* соотносится с **vъrz-d-*, **vъrz-x-*, **vъrz-k-*, **vъrz-l-*, **vъrz-t-* и т. д., производными от и.-е. **uer-* ‘гнуть, сгибать; крутить, вертеть’ (с различными направлениями эволюции семантики в славянских языках) в ступени редукции корневого вокализма *o*-ряда, но с иными детерминативами.

Литература

Абабурка М. і інш. Са слоўніка Магілёўшчыны // Народная словатворчасць / рэд. А. А. Крывіцкі, І. Я. Яшкін. Мінск, 1979. С. 82–93.

АВК 1910 — Акты, изд. Виленскою Археографическою комиссиею. Т. XXXV. Вильна, 1910.

АГР 1860 — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский. Т. I. СПб., 1860.

АИ 1859 — Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собр. Степаном Мельниковым. Т. 1. Казань, 1859.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 6. М., 2012; Вып. 7. М., 2013.

Анхимюк Ю. В. Солигаличские акты из “Архива Волыньских” // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 25–43.

АОС 1983, 1987 — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 3. М., 1983; Вып. 5. М., 1987.

АСМ 1988 — Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / Сост. И. З. Либерзон. Л., 1988.

Белетич М. К изучению праслав. **verg-* / **verz-* // *Этимология*. 2000–2002 / Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М., 2003. С. 28–38.

БЕР 1971 — *Български етимологичен речник* / Съст.: В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. Т. 1. София, 1971.

Бјелетић 2006 — *Бјелетић М.* Исковрнути глаголи. Београд, 2006.

Вальтер Х., Мокиенко М. Большой словарь русских прозвищ. М., 2007.

Василев И. И. Опыт географическо-статистического словаря Псковской губернии. Псков, 1882. Вып. 1.

Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

ГВНП 1949 — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* / под ред. С. Н. Валка. М.–Л., 1949.

Глуховцева К. Д., Глуховцева И. Я., Леснова В. В. Словник прізвищ жителів Луганщини. Т. 1–2. Луганськ, 2011.

Горнич В. О. Прізвища степової України: Словник. Дніпропетровськ, 2000.

Горячева Т. В. К изучению славянской метеорологической терминологии // *Этимология*. 1984 / Отв. ред. О. Н. Трубаев. М., 1986. С. 43–49.

ДПП 1994 — *Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.): Сборник* / Сост. С. Б. Веселовский. Отв. ред. Б. В. Левшин. М., 1994.

ДСП 1975 — *Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг.* / Сост.: А. И. Аксенов, Р. В. Овчинников, М. В. Прохоров. М., 1975.

ЖПТ — *Жертвы политического террора в СССР*. Режим доступа: <http://lists.mono.ru>

ЗНП 2001 — *Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области* / гл. ред. А. И. Казанник. Т. 2: В–Г. Омск, 2001.

Илчев С. Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969.

Кабинина Н. В. Антропонимы финно-угорского происхождения в топонимии Архангельского Поморья // *Язык и прошлое народа: Сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева* / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2012. С. 123–134.

КЛ 2007 — *Книжная летопись*. М., 2007. № 27–39.

Ковачев Ст. Троянският говор // *Българска диалектология*. Проучвания и материали. Кн. IV. София, 1968. С. 161–243.

Ковачев Н. Местните имена във Великотърново. Велико Търново, 2001.

Козлова Р. М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. Гомель, 1997.

Колотилов А. Н. Указатель к Пермской летописи В. Н. Шишонко // *Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии*. Пермь, 1904. Т. VIII.

Корзониюк М. М. Матеріали до словника західноволинських говірок // *Українська діалектна лексика: Зб. наук. праць* / Голова ред. колегії І.Г. Матвіяс. К., 1987. С. 62–267.

КПЗ 1995, 2005 — *Книга пам'яті України: Запорізька область*. Дніпропетровськ, 1995. Кн. 6; 2005. Кн. 16.

- КПН 1997 — Книга памяти Украины: Николаевская область. Кн. 4. Николаев, 1997.
- Кретов А. А.* Балтийские и славянские продолжения и.-е. **orǵ-*. Статья I: лит. *išarža* и прасл. **kъnorzъ* // *Linguistica Baltica*. 1994. 3. С. 197–206.
- КС Од 2005 — Книга скорби Украины: Одесская область. Одесса, 2005. Т. 3.
- КПХ 1995, 2001 — Книга пам'яті України: Харківська область. Т. 7. Харків, 1995.; Т. 17. Харків, 2001.
- Кунгур: Материалы для истории города XVII и XVIII ст. М., 1886.
- Куркина Л. В.* *Варакать* // Этимология. 1965 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1967. С. 184–188.
- ЛЖС 2006–2009 — Летопись журнальных статей. М., 2005. № 14–26; 2008, № 46; 2009. № 47.
- ЛР 2007 — Летопись рецензий. М., 2007. № 7.
- Магницкий В. К.* Чувашские языческие имена // Известия Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. 1905. Т. 21. № 2–4. С. 1–102.
- МГС 1865 — Материалы для географии и статистики России, собр. офицерами Генерального штаба: Архангельская губерния / Сост. Н. Козлов. СПб., 1865.
- МО 2004 — Мурманская область: Путеводитель / Сост.: С. Верещагин, Н. Скворцова, А. Шамшадинова. Тула, 2004.
- Мосеев И. И.* Поморьска говора (Краткий словарь поморского языка). Архангельск, 2005.
- Мосин А. Г.* Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001.
- МСТИ 1969 — Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории (бассейн реки Юлы, Пинежский район, Архангельской области). Л., 1969.
- МФ — Мужские фамилии граждан Чешской Республики по сведениям Министерства внутренних дел ЧР на 1.04.2004. Режим доступа: <http://www.mvcr.cz>
- Мызников С. А.* Русские говоры Беломорья: Материалы для словаря. СПб., 2010.
- Негрнич М.* Скарби гуцульського говору: Березові. Львів, 2008.
- Новикова Ю. М.* Практичний словозмінно-орфографічний словник прізвищ Центральної та Східної Донеччини. Донецьк, 2007.
- НОС 1992 — Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1. Новгород (Великий Новгород), 1992.
- Петков П.* Еленски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. VII. София, 1974. С. 3–177.
- ПД 2004 — Повернені імена: Мартиролог. Т. 4. Кн. 3. Дніпропетровськ, 2004.
- ПК 2003 — Присяжні книги 1654 р.: Білоцерківський та Ніжинський полки / Упоряд. М. Кравець. К., 2003.

ПКВМ 2011 — Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / Изд. подг. О. Н. Адаменко, Н. В. Башнин, М. С. Черкасова (отв. ред.). Вологда, 2011.

ПКОП 1930 — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

ПОС 1995–2013 — Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. коллегия: Б. А. Ларин, А. С. Герд, С. М. Глускина и др. Вып. 11. СПб., 1995.; Вып. 19. СПб., 2008.; Вып. 23. СПб., 2013.

Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII веке (По материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001.

Рапановіч Я. Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Гродзенскай вобласці. Мінск, 1980.

РИК 2006 — Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым. Симферополь, 2006. Т. 2.

РУС 2007 — Російсько-український словник прізвищ мешканців м. Дніпропетровська / Авт.-упоряд. Т. С. Пристайко, І. С. Попова, І. І. Турута, М. С. Ковальчук. Дніпропетровськ, 2007.

САМ 1939 — Список абонентов Московской городской телефонной сети. М., 1939.

СБГ 1979, 1986 — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / Рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. Т. 1. Мінск, 1979; Т. 5. Мінск, 1986.

Свиньин П. П. Изъяснение некоторых карельских слов, доказывающих существование там чуди // Отечественные записки. 1829. Июнь. С. 410–418.

СГКЭ 1922 — Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. I. Пб., 1922.

СГРС 2002–2011 — Словарь говоров русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2002. Т. 2; 2009. Т. 4; 2011. Т. 5.

СГУ 1979 — Словник гідронімів України / Укладачі: І. М. Железняк, А. П. Корепанова, Л. Т. Масенко та ін. К., 1979.

СОГ 1989 — Словарь орловских говоров: Учеб. пособие по рус. диалектологии / Науч. ред. Т. В. Бахвалова. Орел, 1989. Вып. 1.

СП 2002 — Словник прізвищ: практичний словозмінно-орфографічний (на матеріалі Чернівеччини) / Укладачі: Н. Д. Бабич, Н. С. Колесник, К. М. Лук'янюк (гол. ред.) та ін. Чернівці, 2002.

СРГК 1995, 1996 — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1995. Вып. 2; 1996. Вып. 3.

СРГМ 2013 — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2013. Ч. II.

СРГС 1999 — Словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1999. Т. 1.

СРГСУ 1996 — Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.

СРНГ 1969–2002 — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Л., 1969. Вып. 4; 1970. Вып. 5; 1977. Вып. 12; 1979. Вып. 15; 1983. Вып. 19; 1987. Вып. 22; СПб., 1999. Вып. 33; 2002. Вып. 36.

- СРОП 1899 — Словарь рек и озер, орошающих Псковскую губернию // Памятная книжка Псковской губернии на 1899 год. Псков, 1899. Отд. IV. С. 1–210.
- ССГ 1980–2000 — Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой. Смоленск, 1980. Вып. 2; 1985. Вып. 4; 2000. Вып. 9.
- Стойков С. Лексиката на банатския говор. София, 1968.
- Стойчев Т. Родопски речник // Българска диалектология: Проучвания и материали. София, 1965. Кн. II. С. 119–315.
- Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.
- Титов А. А. Синодики XVII века Переславльского Никитского монастыря. М., 1903.
- ТК 1950 — Таможенные книги Московского государства XVII в. / под ред. А. И. Яковлева. М., 1950. Т. I.
- Топоров В. Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья // Балто-славянские исследования. 1986 / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 1988. С. 154–177.
- Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. 1903. Т. 6. С. 86–914.
- Чечулин Н. Личные имена в писцовых книгах XVI века, не встречающиеся в православных святцах // Библиограф. СПб., 1890. № 7–8. С. 80–84.
- Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб., 1903.
- ЭСБМ 1978 — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэд. В. У. Мартынаў. Т. 2. Мінск, 1978.
- ЭССЯ 1987–1997 — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 13. М., 1987; Вып. 17. М., 1990; Вып. 24. М., 1997.
- ЯОС 1995 — Ярославский областной словарь: Учеб. пособие / Науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1995: *дикаряться–иштык*.
- Gregorič J. Kostelski slovar / Uredili: S. Horvat, I. Šircelj-Žnidaršič, P. Weiss. Ljubljana, 2014.
- Kálal M. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1923.
- LP 1976 — Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske / Urednici: V. Putanec, P. Šimunović. Zagreb, 1976.
- Рамієć. Память / Сост.: Я. Пшимановский, Х. Прокопчук, Р. Мурани. Пер. с пол. под ред. К. Козакевич. Ч. 2. Варшава, 1987.
- RGN 1962–1967 — Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M. Vasmer. Wiesbaden, 1962. Bd I; 1964–1965. Bd II; 1967. Bd III.
- SN 1994 — Słownik nazwisk współcześnie w Polsce używanych / Wydał K. Rymut. Kraków, 1994. Т. X.
- TZ Bratislava 2002 — Bratislava. Telefónny zoznam. 2002–2003. Bratislava, 2002.
- TZ Trnava 2004 — Trnava. Telefónny zoznam. 2004–2005. Trnava, 2004.
- ZSSP 1974 — Začasni slovar slovenskih priimkov / Odg. red. F. Bezljaj. Ljubljana, 1974.

Астахина Людмила Юрьевна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
Россия, г. Москва

Роль А. А. Шахматова в развитии лингвистического источниковедения

А. А. Шахматов охватывает своим взором
всю историю явлений языка
от глубочайшей древности и до настоящего времени.
В. М. Истрин. 1920 г.

Сборник статей «Лингвистическое источниковедение» был опубликован в 1963 г. С этого времени начинается отсчёт этой новой ветви языкознания. Однако теоретические основы этой науки увидели свет в следующем 1964 году, когда С. И. Котков опубликовал статью «О предмете лингвистического источниковедения» в сборнике «Источниковедение и история русского языка» (М.: Наука. С. 3–13). Здесь он обосновал предмет, основные категории этой науки и её метод. В 1980 г. вышла его книга с названием «Лингвистическое источниковедение и история русского языка», в которой автор уточнил терминологию лингвистического источниковедения и предложил изучение наших рукописных сокровищ проводить, объединяя памятники письменности в серии на основе их лингвистических характеристик.

Первые шаги тогда же были сделаны: были описаны десятки, поручные записи, явочные челобитные, кабальные, отказные, ужинные, умолотные и посевные книги, бортные писцовые, таможенные и приходо-расходные книги. Начато изучение ревизских сказок XVIII в. Дальнейшего развития это направление в лингвистике пока не получило.

Однако работа в историческом «Словаре русского языка XI–XVII вв.» выдвинула свои вопросы к лингвистическому источниковедению, которое способствовало их решению на основе присущих ему категорий.

По мере продвижения к концу алфавита по материалам Картотеки ДРС всё чаще стали встречаться слова, которые, как оказывалось в процессе исследования, никогда не существовали в языке. Они возникали вследствие определённого отношения к первичным источникам — рукописям. В нашей монографии «Слово и его источники» эти слова названы псевдогапаксами и приведён список их [Астахина 2006: 327–331].

Однако словом *псевдогапакс* назвал это явление в статье 2003 г. А. Б. Страхов. Он применил этот термин к встреченному в «Материалах

для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского слову “гаснь (отъ гадати): Елико при гаснехъ родъ исполиньскїи. Гр. Наз. XIV в.” (Срз. I, 510). “Псевдо-гапакс гаснь, — пишет А. Б. Страхов, — не попал ни в *Древнерусский словарь XI–XIV вв.*, ни в *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, зато чтение и этимология Срезневского были приняты составителями ЭССЯ [6, 105]: Из *gad-snъ? Ср. *gadati (см.)” [Страхов 2003: 210]. Доказывая, что там должно быть слово *баснь*, А. Б. Страхов продолжает: “В *Слове о нищелюбии (De pauperum amore)* Григория Назианзина, из перевода которого взят этот фрагмент, сказано следующее: *περ ἤν τι τὸ παλαιὸν, ὄσον ἐπὶ τοῖς μύθοις, γένος γιγάντων καὶ τῶν λοιπῶν ἀνθρώπων (Patrologia graeca 35, p. 888, ln. 40)*. В *Трудах св. отцов* в переводе Епифания Славинецкого (Московский печатный двор, 1655 г., л. 78, 2-ая фол.) интересующее нас место переведено правильно: И якоже бѣ что древнее, елико при баснехъ, родъ Исполиновъ, и прочихъ Человѣкъ. Впрочем, ἐπὶ τοῖς μύθοις, как можно догадываться, и в переводе XIV в., которым пользовался Срезневский, тоже было переведено правильно: при ааснехъ, но, видимо, нижняя петелька буквы а осыпалась, и Срезневский поэтому принял а за букву ѣ <...> Увлечение лингвистов однократно фиксируемыми формами известно, и доверие к ним достойно решительного осуждения. На гапаксах (самого сомнительного свойства) в славистике и русистике зиждятся целые теории” [ibid.]. Знаменательно возникновение у разных исследователей сходного термина, применяемого к одному и тому же языковому явлению. Слова эти названы *псевдогапаксами*: *гапакс* — слово употребленное один раз, *псевдо* — ложный, мнимый

Как видим, в процессе работы с текстами первичных, естественно сложившихся источников могли происходить различные «преобразования», обусловленные влиянием человека, который первым обращался к рукописи, копировал ее, готовя к изданию, или делал выписки, создавая картотеку. Именно о таком случае говорится в письме А. И. Соболевского от 2 марта 1884 г., адресованном из Киева председателю Отделения русского языка и словесности Академии наук А. А. Шахматову: “Кажется, что переписчик списывает не особенно точно, т. е. опускает титла и надстрочные буквы пишет в строку. Вследствие этого желательно было бы, чтобы он при продолжении работы (пусть он продолжает и списывает другой №, указанный мною) был бы более точен и сохранял по возможности все особенности оригинала” [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 1429. Л. 1]. По-видимому, А. И. Соболевский проверил, что именно выходит из-под пера человека («переписчика»), который первым прикасается к руко-

писи, готовя её к изданию. Это «не особенно точно» и является причиной того, что теперь, работая с текстами публикаций, учёные встречаются со словами, ошибочно переданными при издании рукописи.

Для выявления таких слов-псевдогапаксов приходят на помощь категории лингвистического источниковедения — лингвистическая содержательность источника и его информационность, применение которых показало, что издания существенно отличаются от рукописей, которые положены в их основу. При сравнении таких источников, стало ясно, что их невозможно считать идентичными. Способ введения в научный оборот оставлял свой отпечаток на каждом из них. Сопровождающий их справочный аппарат делал их в разной степени пригодными к изучению по ним особенностей древнего языка.

Оказалось, что недостаточно было выделить два вида лингвистических источников, как это сделал С. И. Котков: первичные, естественно сложившиеся (рукописи) и вторичные — разнообразные картотеки и лексиконы — источники, формируемые исследователями с различными целями. Необходимостью явилось выделение в особую группу лингвистических источников *публикаций* рукописей различного характера. Они названы *промежуточными* источниками (между первичными и вторичными). Достоверность их, т. е. адекватность отображения языка рукописей в них, вызывает вопросы и сомнения. Именно из них в Картотеке ДРС выявляется больше всего слов, которых никогда не было в языке.

Вследствие таких свойств изданий пришлось не только пересмотреть классификацию источников, но и проследить историю формирования публикаций как особой группы лингвистических источников. Это, пожалуй, самая многочисленная группа источников, по которым издавна изучаются особенности языка. Имеются в виду публикации не столько фототипические (их немного), сколько изданные наборным способом.

Первым, кто задумал в России издавать рукописи, был В. Н. Татишев. Он подготовил (дважды) к изданию «Русскую Правду» и Судебник 1550 года (в 1738 и 1750 гг.), но издание не состоялось. Однако в 1750 г. в «Истории Сибирского царства» Г. Ф. Миллера в качестве подстрочных примечаний было опубликовано 100 грамот середины XVI в.

«Русскую Правду» с комментариями и примечаниями опубликовал А. Л. Шлёцер ещё через 17 лет — в 1767 г. В этом же году вышла Радзивилловская летопись (Г. Н. Теплов и И. С. Барков) и первый том (из шести) Никоновской летописи (А. Л. Шлецер и С. С. Башилов).

Большинство последующих изданий летописей и других памятников было ориентировано на подготовку материалов для создания *истории* России. О передаче в издании исторических особенностей русского языка задумался первым К. Ф. Калайдович, изучивший текст первого тома «Собрания государственных грамот и договоров» (1813 г.) и обнаруживший в нём много погрешностей против рукописей. Второй том в 1819 г. был издан с соблюдением всех особенностей древнего языка под наблюдением контркорректора К. Ф. Калайдовича. В третьем томе отражение трудностей древнего языка было запрещено как неуместное. Поэтому К. Ф. Калайдович предложил правила издания текст из пяти пунктов (они в его архиве), которые в основе своей сохранились до сих пор для публикации источников по истории.

В 1773–1775 и в 1789–1791 годах в качестве источников по истории России были изданы 22 тома «Древней Российской Вивлиофики» Н.И. Новиковым. В двух изданиях были опубликованы те новгородские грамоты, которые в 1886 г. переиздал А. А. Шахматов. Но Н. И. Новиков в обоих изданиях приводит краткий пересказ их содержания. Помещаем тексты первых двух грамот из «Древней Российской Вивлиофики» 1773 г.: “Сия грамота писана от епископа новгородского, от посадника и от всех старейших. В ней они требуют, чтобы князь Ярослав Ярославич учинил присягу сохранить их прежние права: исправил бы учиненные оных нарушения братом его Александром, и возвратил бы взятые им данные грамоты отцом его Ярославом. Входя в некоторую подробность своих прав, описывают, где он может подати собирать и какие, которые земли и города принадлежат к Новгороду, кои должны сими правами пользоваться; как ему суд и расправу производить; когда может в некоторые области Новгородские ездить, как может торговать на Немецком дворе; и заключают, чтобы не гневался и не мстил их епископу, посаднику и другим новгородцам; и какие права их купцы имеют в Суздальской земле” [ДРВ, II: 41–42].

С тем же названием даётся грамота № 3: “Так же, как и в прежних требуют, чтобы сей князь учинил при послах их присягу в сохранении их прав, и чтоб без посадника волостей их не раздавал, также описывают принадлежащие страны Новгороду, чтоб ему самому ни другим окроме новгородцев никаким образом земель себе в Новгородских областях не приобретать; предписуют [так!] время, когда судьям для суда и расправы ездить, и требуют возвращения земель, которые брат его князь Александр у Новгорода захватил” [ibid.: 42–43].

А. А. Шахматовым эти грамоты изданы полностью и с соответствующими примечаниями. В первом же томе «Собрания государст-

венных грамот и договоров», вышедшем в Москве в 1813 г., 20 новгородских грамот напечатаны по орфографии XIX в. без примечаний. Это издание, как авторитетное, А. А. Шахматов использует для сравнения в своей публикации.

Издание новгородских грамот XIII в. А. А. Шахматовым является одним из этапов на пути формирования промежуточных источников русского языка, которое хотя ещё и робко, но уже отражает особенности древнего языка и сопровождается палеографическими и языковыми примечаниями. Получилось не совсем еще лингвистическое издание: в нем (как у историков) есть Указатель географический и Указатель личных имен, но нет указателя слов, важного для языковедов.

А. А. Шахматов считал, что историю языка нужно изучать как по говорам, так и по рукописным источникам. «История языка основывается главным образом на данных современного живого языка в его говорах, ибо <...> сравнительное изучение современных говоров ведёт к восстановлению общего для этих говоров языкового основания и даёт, таким образом, прочный и надёжный материал для заключений о составе языка в более отдалённые эпохи и о процессах, по которым шло его изменение <...> Но, — продолжал он, — история языка получает яркое освещение и со стороны письменных памятников. Наша письменность восходит к XI веку; анализ памятников письменности XI–XIX века даёт весьма ценные, иногда непререкаемые данные о наличии тех или иных звуковых явлений в указанных хронологических пределах» [Шахматов 1916: 3].

Указывая на важность изучения памятников письменности, А. А. Шахматов в середине 80-х годов XIX в. предпринял издание двадцати самых древних (XIII в.) из сохранившихся новгородских грамот. Примечательно, что в предваряющей публикацию статье он сформулировал правила издания этих деловых текстов: «Правила, которым мы следовали, самые простые: передавать оригинал настолько, насколько это не затруднительно в печати; различные формы одной какой-нибудь буквы или одного значка передавать одинаково, одним печатным знаком; соблюдать всякие сокращённые написания подлинника, состоят ли они во введении одного знака титла или в выносе букв; вводить в текст отдельные буквы на место неразобранных в подлиннике, но тщательно отделяя их скобками и оговаривая, когда это важно, в подстрочных примечаниях; в тех же грамотах, где восстановить все стёршиеся и попорченные места невозможно, мы совсем не вводили кониектуральных чтений в текст и предлагали их в примечаниях. Наконец, в кратком описании при каждой грамоте, а

также в подстрочных примечаниях мы делали указание на внешность грамоты, а иногда также на форму букв, где это может быть важно в каком-нибудь отношении; в примечаниях же мы отмечали случаи, где в Собрании госуд. грамот и договоров вместо буквы подлинника стоит другая” [Гр. новг.: 288]. Этими правилами в основном руководствуются лингвисты [Князевская, Котков 1961].

В этом издании автору было важно отразить лингвистический аспект текстов, поэтому комментарии и примечания касались их лингвистической информативности. Перед текстом он пишет, где находится грамота, каким способом и где была издана прежде.

Характерны примечания, данные после текста: «К строке 1: няни в слове покланяние в подлиннике нет, на этом месте вырван кусочек пергамента; точка, может быть, бывшая над е в этом слове, была на вырванном кусочке; и в слове посадника трудно разобрать: видна только первая палочка, над ней, кажется, точка; К строке 49: и поставленное нами в скобки в слове (и)ной в подлиннике не видно под красножелтым пятном; К строке 55: Весьма любопытно, что после слова нашихъ стояло раньше трое- или четвероточие, которое ставится обыкновенно на конце грамот; но эти точки были стерты и обрезаны, вероятно, после прибавления 56-й строки (грамота № 1).

Перед изданием Шахматов даёт их фонетическое и морфологическое исследование (С. 131–226): «О звуковых особенностях», «О формальных особенностях», а в Дополнении исследуются рефлексы буквы “ять”. Часть, где помещаются тексты двадцати грамот, названа «Приложение».

В другой работе А. А. Шахматова «Исследования о двинских грамотах XV в. Ч. I и II» (1903 г.) помещены грамоты, большинство из которых не издавалось раньше. Своеобразна композиция книги: сначала – исследование (140 стр.), в Приложениях I–II с буквальной точностью переданы тексты 123 грамот. В Приложении III автор пишет: “Благодаря любезному содействию С. Л. Пташицкого... получил фотографический снимок с грамоты № 86. Нелишним считаю перепечатать текст её ещё раз по этому снимку”. Снимок дан в конце книги вместе со снимками грамот № 15 и 24.

Публикацию двинских грамот XV в. А. А. Шахматов сопроводил Указателем личных имён, встречающихся в грамотах № 1–115, и в грамотах, помещённых в Приложении (№ I–VII), а также Указателем географическим.

В первом указателе о людях сообщаются все сведения, которые можно почерпнуть из грамот (даются номера грамот). Приведём примеры:

Авдей, собственник в Тойнокурье (Арх[ангельский] мон[астырь]). Авдук: № 42, 46;

Акинфий, собственник на Косткове горе, отец **Софонтия** (Арх[ангельский] мон[астырь]): № 44 (ср. № 51);

Александр, дяк, писец (Лод[омская церковь]): № 101;

Антон Кузьмин, свидетель (Чухч[енемская] вол[ость]): № 35;

Воляшь, сын игумена, брат Григория и Федота, собственник (Чухч. вол.): № 26;

Гаврилковская полоса земли, принадлежащая Гавриле Малафеевичу, а потом игумену Василию (Чухч. вол.): № 12;

Гаврилова земля (Чухч. вол.): № 22, 24, 25.

Есть в указателе и отсылочные статьи типа: **Георгий** см. Юрий.

А. А. Шахматов выступает и как археограф. В некоторых местах исследования он возвращается к вопросу о том, где хранятся оригиналы грамот, кто, где и когда публиковал их, каково качество этих публикаций. Некоторые грамоты он переименовывает по указаниям других учёных или в соответствии с более ранними наименованиями. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть “длинный ряд поправок к изданным текстам, а также к примечаниям и указателю” [Гр. Дв. II: III–V].

Перед каждой грамотой А. А. Шахматов даёт подробное археографическое описание, включающее двенадцать позиций.

1. Название грамоты.
2. Место хранения подлинника.
3. Дата.

4. Описание ситуации отражённой в грамоте сделки и связь её с другими актами этой публикации. Приведём описание, данное при грамоте № 6: “*Духовная схимника Федота Острохвоста*. Подлинник в Имп. Публ. Библ. Любопытно, что на обороте указан 6939 (1431) год, но указание это сделано позднейшею рукой. Общих с другими грамотами имён, кроме имени игумена Чухченемского игумена [так в изд., монастыря? – Л.А.] Василия нет. Впрочем, Фефилову землю надо, кажется, сопоставить с Фефиловою пожней № 24, так как и та и другая земля на носу за озером (ср. № 12 и здесь слова: напротив на носу)”. [Гр. Дв. II: 9–10].

5. К какой территории (волости) относится грамота: “Относится на [к – ?] Чухченемской волости. Вероятно, Федотова земля находилась на Курострове (напротив на носу); ср. «за рекою на носу на великом острове» № 12” [ibid.: 10].

6. Характеристика подлинника: “Подлинник писан на лоскуте пергамена длиною почти 3 и вышиною 1½ вершка” [ibid.: 10].

7. Сведения о наличии печати: “От печати сохранилась только часть шнура” [ibid.].

8. Пометы на обороте грамоты: “На обороте имеются отметки: $\overline{\text{KS}}$ (зачеркнуто) № 37 $\overline{\text{AZ}}$ $\overline{\text{II}}$ $\overline{\text{SIL}}$ по ко^лмогору № 54. На обложке рукой А. Ф. Бычкова написано: около 1400” [ibid.].

9. Где ранее была напечатана грамота: “По подлиннику, как грамота XIV в., эта духовная напечатана во Врем. Общ. Ист. и Др. Росс. XVI, с. 19–20. Позднейший список в сборнике Архива Мин. Юст. № 14385 (1), гл. 216. [После этого номера главы А. А. Шахматов даёт указание на подстрочное примечание: “Там, на стр. 10, прочтено: почнѣтъ”, тогда как в грамоте в 10-й строке написано иначе, что он и передаёт в своей публикации: “а хто почнѣ ѿимати” — Л. А.]. Из описи 1612 г., имеющейся в том же сборнике, видно, что в то время духовная хранилась в Чухченемском монастыре (л. 260 об.)” [ibid.].

10. Есть ли копии и где они хранятся: “Другая копия — в сборнике Троицкой Лавры № 532, гл. 37. Упомятается в акте 1611 года, копия с которого помещена в Пам. книге Никольской Чухченемской церкви («Духовная Федота схимника Острохвоста <...> а в котором году та духовная писана, и того не написано, печать у духовной свинчатая»). Также в описи 1615 г. (см. ту же Пам. книгу)” [ibid.].

11. Замечания по правописанию текста: “*Правописание*. В начале слов ou , в середине y ; в начале слога pa , после согласных au ; o в начале слов больше, чем в середине, i имеет над собой две точки; пишется ty ; йотированное e обозначается буквой je ; над буквой i не после согласных обыкновенно две точки” [ibid.].

12. В этой позиции А. А. Шахматов указывает, по какому источнику печатается грамота. О грамоте № 6 сказано: “Печатается по подлиннику” [ibid.].

Грамота состоит всего из 14 строк, но ей предпослано обширное введение, в котором А. А. Шахматов помещает это исчерпывающее археографическое описание письменного памятника. Необходимо отметить, что все грамоты здесь переданы кириллицей, а примечания — гражданским шрифтом.

Задачу дать фототипическое воспроизведение грамот в издании А. А. Шахматов перед собою не ставил, он поместил только 6 фотокопий в качестве иллюстраций. Тексты грамот, написанные полууставом, разделены им в издании на слова и переданы буква в букву. В круглых скобках в самих текстах грамот он обозначил номера строк подлинника. Такая адаптация не затрагивает содержания текста и не искажает источник, а делает его доступным читателям и исследователям, не

владеющим навыками чтения сплошного уставного, полууставного или скорописного текста.

Но А. А. Шахматов не останавливается только на издании грамот, он сам исследует тексты. Для него грамоты “заговорили” языком XV в. в процессе решения его основной задачи — по письменным памятникам воссоздать картину языка давнего времени, причём языка звучащего. Поэтому в главе IV «Исследование о языке двинских подлинных грамот» он на первое место выдвигает “правописание” и даёт большое исследование о соотношении звуков и букв, посвящая этому всю первую и вторую части главы. По записям в грамотах он находит слоговые и неслоговые гласные, дифтонги и трифтонги, рассматривает согласные по способу артикуляции, корреляты по смягчённости — твёрдости и др.

Если смотреть с точки зрения категорий лингвистического источниковедения, то выясняется, что А. А. Шахматов не только описал фонетико-орфографическую и лексическую содержательность источника, но постарался воспроизвести особенности двинского говора XV в. по орфографическим данным. Историческая фонетика и диалектология без обращения к этому исследованию теперь не обходятся.

Что может извлечь лингвистическое источниковедение из работ А. А. Шахматова, посвящённых изданию письменных памятников делового характера? Сформированы промежуточные источники для изучения русского языка XIII и XV веков, обладающие высокой филологической достоверностью, так как рукописи переданы в издании с высокой точностью. Приведены обширные исследования разнообразных аспектов жизни и деятельности русских людей в это время. Издания новгородских и двинских грамот А. А. Шахматова ещё раз убеждают в том, что идеальной публикацией являлось бы параллельное воспроизведение текста наборным и факсимильным способом. Передавать же особенности рукописи в издании наборным способом необходимо с максимальным приближением к оригиналу, используя все буквы кириллицы, в том числе и не включённые в “гражданку” в 1708 г. Палеографические и археографические сведения — необходимый атрибут лингвистической публикации. О справочном аппарате издания в расчёте на работу лингвиста (и в частности, лексикографа) с текстами А. А. Шахматова не говорит, хотя, как выяснилось позже, этот аппарат должен включать не столько географический и именной указатели, сколько указатель слов. Сами же исследования А. А. Шахматова двинских и новгородских грамот показали, какие разнообразные аспекты могут быть раскрыты учёными разных специальностей при изучении рукописей делового характера и их изданий.

А. А. Шахматов видел в издании текстов рукописей своего рода иллюстрацию для подтверждения выводов исследования, помещая их в Приложении. Но лингвистическая чуткость подсказывала: недостаточно ограничиваться выписками из грамот, нужно их публиковать полностью. “Конечно, такое издание, — писал он, — заменить подлинников не может; палеографу оно даёт мало, но лингвисту достаточно и такое издание, если оно исполнено аккуратно” [Гр. новг.: 288]. В публикациях деловых грамот А. А. Шахматов предначертал будущие параметры лингвистических изданий. Издание рукописей, в котором наборный текст сопровождается фототипическим воспроизведением, признаётся лингвистами оптимальным, а из указателей им необходимы указатель слов или слов и форм.

А. А. Шахматов не формулировал принципов, категорий и методов лингвистического источниковедения, не определял предмета этой науки, но его издательский опыт способствовал развитию именно этого направления и знаменовал важный этап на пути формирования промежуточной группы лингвистических источников, ориентированных на решение языковедческих задач.

Литература

Астахина Л. Ю. Слово и его источники. М., 2006.

Гр. новг. — *Шахматов А. А.* Исследования о языке новгородских грамот XIII и XIV века // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895.

Гр. Дв. — *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. Ч. I–II // Исследования по русскому языку. Т. II. Вып. 3. СПб., 1903.

Князевская О. А., Котков С. И. Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности. М., 1961.

Котков С. И. О предмете лингвистического источниковедения // Источниковедение и история русского языка». М., 1964. С. 3–13.

Страхов А. Б. К древнерусской текстологии (замечания и поправки к изданиям разных лет) // *Palaeoslavica*, XI. 2003. P. 199–213

Шахматов А. А. Введение в историю русского языка. Пг., 1916.

Позиция А. А. Шахматова в извечном споре о языковой принадлежности Остромирова евангелия

Остромирово евангелие с момента его обнаружения оценивалось по-разному. Большинство исследователей склонны были считать этот памятник древнерусским, учитывая место его написания, восточнославянский характер Послесловия, принадлежащего переписчику, дьякону Григорию, и некоторых русизмов, встречающихся в самом тексте памятника. Одновременно высказывалась и противоположная точка зрения, по которой Остромирово евангелие признавалось памятником, близким по языку к первопереводам солунских братьев. Эти споры не затихают до сих пор, несмотря на то, что А. Х. Востоков, издавший памятник в 1843 г. и сопроводивший его научным комментарием, а также «Словоуказателем» [Востоков 1843/2007: 39–315], пришёл к выводу: «Хотя писец был русский словенин <...> однако он вообще сохранил древнейшее правописание церковнославянского языка, в других позднейших рукописях более или менее изменённое; а потому-то рукопись сия особенно достопримечательна, как ближайший к началу славянской письменности памятник церковнославянского языка» [ibid.: II].

В том, что Остромирово евангелие написано общелитературным языком славян Средневековья, не сомневались ни Ф. Ф. Фортунатов [Фортунатов 1908а, 1908б, 1919/1957], фактически не расставившийся с Востоковским изданием Евангелия и читавший университетский курс старославянского языка с опорой на его материалы; ни Г. А. Ильинский, издатель нескольких старославянских рукописей (см., напр., [Ильинский 1915]), ни Н. Н. Дурново, который исследовал лексику старославянских рукописей, возникших на восточнославянских землях [Дурново 1924–1926]. Не мог обойти вниманием Остромирово евангелие и А. А. Шахматов, ученик Фортунатова, занимавшийся широким кругом проблем, связанных с историей славянских языков. Когда вышло 2-е издание книги “Handbuch der Altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache: Grammatik. Texte. Glossar” [Leskien 1886], А. А. Шахматов обнаружил, что у её автора кардинально изменилось отношение к Остромирову евангелию. В 1-м издании [Leskien 1871] старославянскую грамматику немецкий учёный «выводил» по

преимуществу из текстов Остромирова евангелия, так как в 1860-е — начале 1870-х гг. считал, что язык, рассматриваемый в его книге, «всего лучше дошёл до нас» именно в Евангелии-апракосе 1056–1057 гг. [Лескин 1890: IV]. Но к моменту подготовки 2-го издания, когда были открыты и опубликованы Зографское евангелие и другие близкие к нему «объёмистые» памятники, Лескин решил, что раньше он «заблуждался» «и что язык кирилло-мефодиевских переводов дошёл до нас в чистом виде лишь в Зографском евангелии и родственных ему глаголических и кириллических памятниках», а потому «совсем исключил русский, сербский и так называемый среднеболгарский изводы и пользовался как источниками Грамматики исключительно памятниками, которые только в собственном и самом тесном смысле слова могут быть названы древнеболгарскими (древнеславянскими)» [ibid.]. Германский славист причислил к таковым лишь 8 памятников: 6 глаголических — «Сборник барона Клоца», «Ассеманово Евангелие», «Зографское Евангелие», «Мариинское Четвероевангелие», «Синайский Молитвослов», «Синайскую Псалтырь» — и 2 «кирилловских» — «Супрасльскую рукопись» и «Саввину книгу».

Фортунов, назвал 2-е издание Грамматики Лескина «лучшим учебником старославянского языка» своего времени [Фортунов 1957, I: 10], но считал существенным недостатком то, что «Лескин останавливается исключительно на старославянском языке паннонских памятников» [ibid.: 6]. Термин *паннонские* Фортунов признавал условным и использовал его по отношению к старославянским текстам, которые нельзя было отнести к памятникам ни русской, ни болгарской, ни сербской редакции. «Вместе с тем, — писал глава Московской лингвистической школы, — я не могу признать, чтобы паннонские памятники старославянского языка являлись единственным критерием при определении чистого старославянского языка, как думают некоторые слависты. Известные различия в языке, существующие между памятниками паннонскими и, например, древнейшими старославянскими памятниками русской редакции, могут восходить к самому старославянскому языку, который <...> дробился на наречия и говоры» [Фортунов 1919/1957: 6–7]. К сожалению, цитируемые здесь работы Ф. Ф. Фортунатова при его жизни опубликованы не были, а значит, не получили должного резонанса.

А. А. Шахматова всерьёз взволновала оценка языка Остромирова евангелия, которую А. Лескин вполне определённо высказал в предисловии ко 2-му изданию своей Грамматики и отразил в практической части своей работы. Лескин был убеждён, что при описании грамматики общелитературного языка славян Средневековья вполне

можно обойтись без материалов из Остромирова евангелия: он убрал из своего учебника все примеры, которые когда-то были им тщательно подобраны для реконструкции фонетического и грамматического строя языка кирилло-мефодиевских переводов. Шахматов ответил именитому немецкому учёному своеобразно. Вместе с Вяч. Н. Щепкиным он перевёл Грамматику Лескина на русский язык и сопроводил её дополнением под названием «Особенности языка Остромирова евангелия». Здесь Шахматов доказал, что «оригинал, с которого Григорий списал <...> евангелие-апракос <...> был рукописью югославянского происхождения, занесённую в Новгород; вряд ли это была русская копия с югославянского подлинника. Если бы югославянский оригинал Остромирова евангелия сохранился, то смело можно сказать, что он бы занял первое место среди известных старославянских памятников. Но и переписанный русским диаконом, памятник этот сохранил всю свою важность, что зависело от тщательного отношения к передаче списываемого подлинника, отличавшего Григория от современных ему переписчиков» [Шахматов 1890: 157]. Дополнение заняло пятую часть изданной на русском языке Грамматики А. Лескина. Шахматов поставил перед собой задачу убедить читателей в том, что евангелие-апракос 1056–1057 гг. — старославянский памятник, и тем самым «ввести Остромирово евангелие в круг памятников, на которых основал свою Граматику Лескин» [ibid.: 158]. И он блестяще справился с этой задачей. Чтобы быть вполне объективным, Шахматов вначале остановился на «русизмах» Остромирова евангелия. К русизмам он отнёс 1) путаницу между **ж** и **оу**, между **ѡ** и **ѡ**, **ѡ** и **ѡ**; 2) смешение **ѣ** с **ѣ** и **ѣ** с **ѡ**; 3) появление **ж** вместо **жд** на месте ***dj**; 4) случаи написания **ѣр**, **ѣр**, **ѣл** на месте старославянских слоговых плавных; 5) примеры с полногласными сочетаниями, обнаруженные ещё А. Х. Востоковым в Послесловии (володимиро**оу**, нов**ѣ**город**ѣ**) и перегъ**нжвѣ** (на л. 265г). Затем фактически к каждому параграфу фонетической и морфологической частей Грамматики Лескина Шахматов привёл примеры из Остромирова евангелия, доказывающие принадлежность памятника к старославянским рукописям. Так же, как Фортунатов, Шахматов полагал, что -ть в окончаниях глаголов наст. и буд. времени 3-го лица ед. и мн. числа (один из важнейших аргументов противников отнесения апракоса 1056–1057 гг. к старославянским памятникам) — особенность того диалекта общелитературного языка славян Средневековья, на котором был написан антиграф Остромирова евангелия, а не отражение древнерусского говора дьякона Григория.

Правомерность причисления Остромирова евангелия к старославянским памятникам подтверждается не только обстоятельной аргументацией А. А. Шахматова, но и достижениями славистики конца XX – начала XXI столетия. Так, например, исследовательница из шведского университета г. Упсала И. Люсен, создавая «Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий», опиралась на лексический состав трёх так называемых *канонических старославянских* памятников (Мариинское, Зографское, Ассеманиево евангелия), и «древнейший список древнерусского евангелия апракос *Codex Ostromiri* 1056–57 г.» [Lysén 1995: 7]. Наиболее глубокими и основательными в этом плане следует признать работы Е. М. Верещагина [Верещагин 2011, 2012, 2013 и др.]. Он убедительно доказал, что антиграф Остромирова евангелия был переписан до 885 г., то есть гораздо раньше антиграфа Саввиной книги (который мог появиться, судя по месяцесловным записям, лишь после 885 г.) и антиграфа Ассеманиева евангелия, созданного после 915 г. [Верещагин 2012: 470]. Комплексный текстологический анализ рукописи 1056–1057 г., проведённый российским учёным, свидетельствует о том, что Остромирово евангелие «в целом написано на языке Кирилла и Мефодия (или в согласии с привычным термином, на старославянском языке» [ibid.: 477]. В «Заклучении» к книге «Кирилло-Мефодиевское книжное наследие» Е. М. Верещагин пишет: «Близость евангельского текста к Кирилло-Мефодиевскому первопереводу не зависит напрямую от извода и от локализации на панноно-моравской или болгарской территории. Хотя Остр(омирово евангелие) принадлежит к восточнослав(янскому) изводу и рукопись была переписана явно после того, как завершился Моравский этап миссии Кирилла и Мефодия, эти признаки (в иных аспектах) не мешают опережать по древности Мар(иинское) и Зог(рафское евангелия)» [ibid.: 478].

Несомненно, большую роль сыграл А. А. Шахматов и в укреплении позиций самого термина *старославянский язык* среди славистов России. Разные наименования языка, возникшего в процессе переводов Кириллом и Мефодием христианских богослужебных книг и ставшего общим достоянием славян Средневековья, связаны с проблемой поисков языка-первоисточника, которым воспользовалась «солунская двоица». «Жизнь и дело святых Кирилла и Мефодия лежат в основе славистики, а вопрос об их происхождении и языке представляет сердцевину этой международной науки», — справедливо пишет болгарский учёный Т. Крыстанов [Крыстанов 1999: 20]. Эта проблема встала перед учёными в начале XIX столетия, когда появились работы «отца сравнительно-

исторической славистики», чешского просветителя Й. Добровского («Глаголитика» 1807, «Основы древнеславянского языка» 1822, «Моравские легенды о Кирилле и Мефодии» 1828). А в 1820 г. А. Х. Востоков сделал свой знаменитый доклад «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к Грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам». До них вопрос о происхождении языка древнейших славянских текстов всерьёз не ставился: этот язык просто называли *словенским/славянским* или *древнеславянским/древнесловенским*. Добровский считал, что в основу древнеславянского языка лёг болгаро-сербо-македонский говор (сербами он называл всех славян, живших к югу от Дуная), а Востоков указал на фонетические черты первого славянского книжного языка, свидетельствующие о его сходстве со славяноболгарским языком.

В последней же трети XIX века, когда была опубликована Грамматика А. Лескина, существовало, помимо уже упоминавшихся выше терминов, ещё несколько наименований языка, возникшего в результате переводов Кирилла и Мефодия. А. Лескин называет язык, грамматику которого он описывает, *древнеболгарским*, хотя считает справедливыми возможные возражения, так как в период возникновения кирилло-мефодиевских переводов, этот язык *болгарским* не именовали. Автор Грамматики не рискнул использовать предложенный Францем Миклошичем термин *древнесловенский (altslovenisch)* [Miklošič 1862–1865]. Он был убеждён: не Паннония была родиной единого литературного языка славян Средневековья; «родина языка находилась в области тех наречий, которые мы *теперь* (Выделено нами. – С. Ш.) называем “болгарскими”», — пишет Лескин в «Предисловии ко 2-му немецкому изданию» Грамматики [ibid.: VI].

Лескин считал использование применительно к общему литературному языку славян IX–XI вв. термина *церковнославянский* нецелесообразным, а замену его «выражением» *древнецерковнославянский* – «бесполезным», «так как под ним очень легко можно бы разуместь также язык Остромирова евангелия и других не “древнеболгарских” памятников» [ibid.]. И в 1-м, и во 2-м издании заглавие книги Лескина включает два термина — *altbulgarische* и *altkirchenslavische Sprache*, правда, прилагательное *altkirchenslavisch* автор заключил в скобки (см. [Leskien 1871, 1886]). Для германских учёных термин *altkirchenslavische Sprache* был привычным в XIX в. и остаётся таковым до сих пор, хотя наряду с ним они могут употреблять и термин *altbulgarische Sprache*.

Точка зрения А. Лескина, обладавшего огромным авторитетом в лингвистической научной среде, имела достаточно серьёзные последст-

вия, проявление которых можно наблюдать даже в современной славистике. Его последователи ограничивают круг источников изучения общелитературного языка славян Средневековья, ибо считают классическими старославянскими только те рукописи, которые были созданы на болгарской территории. Мне уже раньше доводилось писать о том, что многие слависты XX и начала XXI столетия игнорируют материалы Остромирова евангелия, не говоря уже о материалах других памятников X–XI вв., созданных на восточнославянских землях, при составлении словарей общего литературного языка славян Средневековья. Так, Остромирово евангелие не включено в перечень источников краткого древнецерковнославянского словаря Л. Садник и Р. Айтцетмюллера [Sadnik, Aitzetmüller 1955], опубликованного в Германии; принципиально не использованы данные этого уникального памятника в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)», изданном в России [СтСл 1994]; по вполне понятным причинам его лексический состав не отражён и в двухтомном «Старобългарском речнике» [СБР 1999–2009], хотя на данный момент их следует признать лучшими словарями общелитературного языка средневекового славянского мира. Исключая Остромирово евангелие из числа так называемых «классических» (или «канонических») старославянских рукописей, слависты не используют в должной мере и его данные в монографических исследованиях, посвящённых описанию лексического фонда старославянского языка (см., напр., [Цейтлин 1977; Вендина 2002; Ефимова 2011]). Как нам представляется, «привязка» (через термин) языка, отражённого в славянских памятниках X–XI вв., только к одной определённой территории или к определённому этносу снижает статус этого языка. Сразу возникает вопрос: «А был ли у славян в принципе общий литературный язык после принятия христианства, если на языке переводов Кирилла и Мефодия писали богослужебные книги только на болгарской земле или только в Паннонии? А может быть, этот язык стоит назвать *древнемакедонским*? Ведь связь древнеславянского литературного языка с македонским наречием была доказана ещё В. Облаком в «Македонских штудиях» (опубликованных посмертно в 1896 г.), и его гипотеза горячо поддерживается учёными современной Македонской Академии наук (см. об этом: [Трајкоски 2014]).

Назвав язык грамматики Лескина не *древнецерковнославянским*, не *древнеболгарским*, а *старославянским*, Шахматов тем самым способствовал упрочению в отечественной славистике позиции термина *старославянский язык* применительно к общелитературному языку славян Средневековья (см., например, [Дурново 1923–1926; Вайан

1952; Селищев 1951, 1952; СтСл 1994; Толстой 2002; Вендина 2002; Ефимова 2011; ФССЯ 2011 и др.]).

Подтвердилась и поддержанная А. А. Шахматовым в 1890 г. гипотеза А. Х. Востокова о диалектном членении старославянского языка. А. Вайан, автор «Руководства по старославянскому языку», опубликованного в Париже в 1948 г., указывает на то, что ещё на самой ранней стадии своего существования старославянский язык подразделялся на два диалекта — древнеболгарский и древнемакедонский. Рукописи же X–XI вв. представляют конец старославянской эпохи, а потому отражают «в своих областных вариантах специфические черты различных славянских языков» [Вайан 1952: 13], что не мешает им оставаться в пределах общелитературного языка славянского мира, ибо «письменный язык стремился сохранить традиции старославянского языка и удержать своё единство» [ibid.: 18]. К старославянским памятникам, считал А. Вайан, «следует присоединить <...> памятник русской редакции (ввиду его особой древности и особой важности), воспроизводящий старославянский оригинал, с древнеболгарскими чертами» [ibid.: 20–21]. Доказательства истинности этой точки зрения, объединившей и мнение о старославянской принадлежности Остромирова евангелия, и гипотезу о диалектном членении старославянского языка X–XI вв., можно найти в трудах известного отечественного слависта Н. И. Толстого, который считал, что старославянский язык (2-я половина IX — начало XII в.) пережил два этапа. Первый связан с деятельностью Кирилла и Мефодия и его учеников, второй — с распространением богослужения на славянском языке, славянского письма и славянских переводов Священного Писания среди южных и восточных славян, когда в старославянских текстах спорадически проступают «локальные языковые черты в основном в области фонетики и лексики». Так появились, считает Толстой, «изводы (или редакции) старославянского языка: болгарский, сербский, хорватский, чешский и русский (восточнославянский)» [Толстой 2002: 82]. Концепция Н. И. Толстого отражает ещё одну грань решения проблемы о языковой принадлежности «Остромирова евангелия», которая так волновала А. А. Шахматова. Она связана с огромной ролью старославянских текстов в развитии русского литературного языка и русской культуры в целом после Крещения Руси. Признав древнейший датированный памятник русского извода старославянским, Н. И. Толстой замечает: «С этого памятника можно начинать почти тысячелетнюю историю русского литературного языка» [ibid.].

Литература

- Вайан А.* Руководство по старославянскому языку / пер. с фр.; под ред. В. Н. Сидорова. М., 1952.
- Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка: монография; отв. ред. А. Ф. Журавлёва. М., 2002.
- Верецагин Е. М.* Азбукотворческая, переводческая и языкотворческая деятельность Кирилла и Мефодия М., 2013.
- Верецагин Е. М.* Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межпредметные и междисциплинарные разыскания. М., 2012.
- Верецагин Е. М.* Лингвистические свидетельства в поддержку ключевого тезиса А. Х. Востокова относительно Остромирова евангелия // Вопросы филологии. 2011. №2(38). С. 97–108.
- Востоков А. Х.* Рассуждение о славянском языке, служащее введением к Грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оногo письменным памятникам. 1820 (рукопись).
- Востоков 1843/2007* — Остромирово евангелие 1956–1057 года по изданию А. Х. Востокова. М., 2007.
- Дурново Н. Н.* Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Южнославен. Филолог. Кн. 4–6. Београд, 1924–1926. Кн. 4. С. 72–94. Кн. 5. С. 88–90, 94–97, 112–117. Кн. 6. С. 11, 13, 22, 24, 34–44, 47, 54–64.
- Ефимова В. С.* Наименования лиц в старославянском языке: способы номинации и приоритеты выбора / отв. ред. А. Ф. Журавлёв. М., 2011.
- Ильинский Г. А.* Охридские глаголические листки // Памятники старославянского языка. Т. 3. Рн. 2. Пг., 1915.
- Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия / Науч.-исследоват. словарная лаб.; сост.: О. С. Климова, А. Н. Михин; Л. Н. Мишина, А. А. Осипова, Д. А. Ходиченкова, С. Г. Шулежкова; гл. ред. С. Г. Шулежкова. Магнитогорск, 2012.
- Индекс устойчивых словесных комплексов памятников восточнославянского происхождения X–XI вв. / Науч.-исследоват. словарная лаб.; сост.: А. Н. Михин; А. А. Осипова, Д. А. Ходиченкова, С. Г. Шулежкова; гл. ред. С. Г. Шулежкова. Магнитогорск, 2014.
- Кръстанов Т.* Какъв е езикат на св. Кирилл и Методий? // Славянските култури и съвременната цивилизация. Славянски летописи. Т. III. София, 1999. С. 20–37.
- Лескин А.* Грамматика старославянского языка / пер. А. А. Шахматова, В. Н. Щепкина. М., 1890.
- СБР 1999–2009 — Старобългарски речник: в 2 т. / Българска академия на науките; отв. ред. Д. Иванова-Мирчева. София, 1999 – 2009.
- СтСл 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

Толстой Н. И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Вопросы языкознания. №1. 2002. С. 81–90.

Трајкоски Д. Старословенскиот јазик не потекнува од Бугарија // Вечер. 2014.05.14. [Эл. ресурс]. URL: <http://217.16.95.55/?itemID=919C530CA10E074A8A2FE5F7B315A2D4> (дата обращения 25.05.2014).

Фортунатов Ф. Ф. Состав Остромирова евангелия // Сб. ст., посвящ. В. И. Ламанскому. СПб., 1908а. Ч.2. С. 1416–1479.

Фортунатов Ф. Ф. Старославянский –ть в 3 лице глаголов (Посвящает-ся И. В. Ягичу) // Известия ОРЯС. Т. 13. Кн. 2. СПб., 1908б. С. 1–44.

Фортунатов 1919/1957: Фортунатов Ф. Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка. Пг., 1919. [2-е изд.: Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М., 1957. С. 5–256].

ФССЯ 2011 — Фразеологический словарь старославянского языка: св. 500 ед. / Науч.-исследоват. словарная лаб. МаГУ; отв. ред. С. Г. Шулежкова, чл. редкол.: М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. М., 2011.

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.

Шахматов А. А., Щепкин В. Н. Дополнение. Особенности языка Остромирова евангелия // Лескин А. Грамматика старославянского языка / пер. с нем. А. А. Шахматова и Вяч. Н. Щепкина. М., 1890. С. 157–192.

Leskien A. Handbuch der Altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache: Grammatik. Texte. Glossar. Weimar, 1871.

Leskien A. Handbuch der Altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache: Grammatik. Texte. Glossar. Weimar, 1886.

Lysén I. Greek-Old Church Slavic concordance to the oldest versions of the translation of the Gospel texts codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri // Acta universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia. 1995. №36.

Miklošič F. Lexicon Palaeuslovenico-graeco-latinum: 1–6. Vindobonae, 1862–1865.

Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.

Бурыкин Алексей Алексеевич

Институт лингвистических исследований

Российской академии наук

Россия, г. Санкт-Петербург

**Мог ли переводчик «Повести об Акире Премудром», «Девгениева Деяния» и «Сказания об Индийском царстве» написать «Слово о полку Игореве?»
(к сравнительному изучению лексики древнерусских памятников конца XII века)**

Проблема автора «Слова о полку Игореве» — одна из сложнейших проблем в истории изучения древнерусской литературы и особенно — в изучении такого сложного для филологической науки и междисциплинарных исследований памятника, как «Слово о полку Игореве». Неслучайно библиография к статье Л. А. Дмитриева «Автор «Слова о полку Игореве» в биобиблиографическом справочнике [Дмитриев 1987: 16–32; Дмитриев 1995: 24–36] занимает почти две страницы, а одна из серии книг Б. А. Рыбакова, посвященных «Слову» посвящена обоснованию точки зрения автора, согласно которой создателем «Слова» был киевский тысяцкий Петр Бориславич [Рыбаков 1991]. В рецензии на этот труд было отмечено, что, несмотря на все усилия, предпринимаемые в отношении данной проблемы, точку в дискуссиях ставить рано [Буганов 1994: 220].

Все гипотезы и предположения, от наиболее надежно обоснованных до самых легкомысленных, основанных на произвольной связи того или иного имени, мелькнувшем в летописи, со «Словом о полку Игореве», основываются на тексте памятника и прежде всего на его событийной составляющей. Разумеется, сопоставление сведений о подробностях похода Игоря и Всеволода на половцев, перипетии сражений, обстоятельства бегства Игоря и Овлура из плена, соотносительная топография — взаимное местоположение героев «Слова» на момент тех или иных событий, даты жизни персонажей «Слова» с принципом *terminus ante quem* дают некоторые основания для реконструкции авторского портрета создателя «Слова» и датировки памятника. Альтернативой данному подходу являются предположения, основывающиеся на языке «Слова» в сравнении его с другими известными нам памятниками древнерусской литературы второй половины XII–начала XIII века (если принимать самые расширенные датировки написания «Слова»), примером чего являются работы О. В. Творогова [Творогов 1975] и В. Ю. Франчук [Франчук 1976; 1977; 1985]. Одна-

ко, как это ни странно, лингвистическая проблематика в проблеме индивидуального авторства «Слова», как показывают работы Л. А. Дмитриева, почти не затрагивалась, хотя занимала значительное место при обсуждении вопросов подлинности «Слова» и его роли для изучения истории русского литературного языка старшего периода.

Настоящая работа основывается на гипотезе о том, кто мог быть автором «Слова», появление которой было бы ожидаемым явлением для истории древнерусской литературы, по крайней мере с конца XIX века до начала XXI века, тем не менее в обзорных статьях по проблематике авторства «Слова» нет и намека на что-либо подобное. Сущность этой гипотезы состоит в том, что автором «Слова о полку Игореве» является тот самый книжник, которому принадлежат переводы на русский язык «Повести об Акире», «Девгениева Деяния» и «Сказания об индийском царстве» — тех самых повестей, тексты которых находились в мусин-пушкинском сборнике, в котором было найдено «Слово».

Автор данной работы высказал в осторожной форме такое предположение еще во второй половине 1980-х годов [Бурыкин 1988: 80–81], заметив, что словосочетания *лютый зверь* или *зверь лютъ* встречаются в «Слове» и во всех трех названных выше переводных произведениях. Исследовательский аппарат, включающий основные положения о датировке создания «Слова» и его авторстве, был выработан еще в 1980-е годы при обсуждении соответствующих проблем [Mescersky, Burykin 1987] и представлен в одной из недавних работ [Олядыкова, Бурыкин 2012: 179–180]. Предполагается, что «Слово» было создано в конце лета или осенью 1185 года (после нападения половцев на Переяславль, но до смерти Владимира Глебовича Переяславского, получившего тяжкие ранения при обороне города в феврале 1187 г). Автор «Слова», по нашему мнению, не был участником похода, возможно, он жил в Киеве и был каким-то образом связан с Переяславлем, о чем говорят его симпатии к князю Владимиру Глебовичу Переяславскому и к Всеволоду, который женат на «красной Глебовне», возможно, сестре Владимира. Высокий профессионализм литературного творчества, отмеченный Л. А. Дмитриевым для автора «Слова», побуждает искать создателя этого выдающегося литературного произведения в среде книжников — при этом не обязательно автор «Слова» должен быть связан с цехом летописцев, что предполагали Б. А. Рыбаков и другие авторы; он мог быть и переводчиком.

Данное предположение по-своему имеет довольно длительную традицию в изучении «Слова о полку Игореве» как литературного произведения: литература, посвященная параллелям в образной системе «Слова» и

по крайней мере двух рассматриваемых нами произведений — «Повести об Акире» и «Девгениева деяния» по существу необозрима (например, отмечены следы влияния «Девгениева деяния» на «Слово» [Орлов 1934: 47]), и в «Словаре-справочнике “Слова о полку Игореве”» регулярно указываются параллели к «Слову» из этих памятников. Влияние этих произведений на поэтику, топику и язык «Слова» отмечалось многократно, но эти вопросы никак не связывались с проблемой авторства «Слова», которая изначально имела иную область поисков.

Изучение поставленной проблемы накладывает обязательство подтвердить или взять под сомнение то предположение, что переводы трех названных выше памятников принадлежат одному и тому же переводчику. Этот вопрос весьма сложен и мы пока не можем обратиться к оригиналам повестей (тем более, что для «Повести об Акире» он не установлен, а в отношении «Сказания об Индийском царстве» этот вопрос остался дискуссионным). Считается, что «Повесть об Акире» была переведена с сирийского или с армянского языков [Салмина 1995а: 124]. Любопытно, что этот дискуссионный вопрос о языке, с которого была переведена «Повесть об Акире», иногда не обсуждался вовсе [Орлов 1934: 61]. То, что перевод «Девгениева Деяния» был сделан с греческого языка, сомнений не вызывает [Творогов 1995а: 98–99]; вопрос о языке оригинала «Сказания об Индийском царстве» в справочных работах последних лет не ставился [Салмина 1995б: 299], но, как указал А. С. Орлов, «Сказание об Индийском царстве» могло быть переведено с латинского языка [Орлов 1934: 27]. Можно, конечно, задаваться вопросом: мог ли один переводчик перевести «Повесть об Акире» с армянского или сирийского языка, «Девгениево деяние» — с греческого, а «Сказание об Индийском царстве» — с латинского? Впрочем, как писал Владимир Мономах задолго до создания «Слова», «отец мой (Князь Всеволод Ярославич, 1030–1093 — *А. Б.*), дома сидя, изуменяше 5 языкъ». Этот вопрос — мог ли знать три языка древнерусский книжник — не играет для нас существенной роли: мы ставим вопрос иначе: могли ли переводы трех рассматриваемых нами повестей принадлежать одному автору на основании сходств языка древнерусских переводов этих повестей. Такая задача сравнения лексического состава разных текстов делается вполне решаемой и не требует особенных усилий.

В изучении языка памятников древнерусской литературы и книжности уже обращалось внимание на особую роль полных словоуказателей к текстам для изучения их языка и конкретно — лексики [Творогов 1984]. Нами с аналогичной целью осуществляется сравнение алфавитных словарей «Слова» и трех повестей, находившихся в одном с ним сбор-

нике. В настоящее время есть возможности сверить словники интересующих нас текстов при помощи компьютерных программ, анализирующих частотность лексики текстов, и тем самым избежать той «выборности» примеров, которая характерна для картотек и словарей.

Для нашей темы существенно, что две из трех этих повестей («Повесть об Акире» и «Сказание об Индийском царстве») встречаются в конвое «Задонщины» (в сборнике со списком V [Дмитриева 1966: 203, прим. 20]), что однозначно свидетельствует о следующем: автор «Задонщины» имел перед собой не рукопись «Слова», а сборник того же самого состава, что и мусин-пушкинский сборник. Данный вопрос является принципиальным в ряде отношений: прежде всего это археография и история текста «Слова» в рукописной традиции, о которой мы таким образом можем судить по судьбе текстов произведений — ближайших «соседей» «Слова» — и о составе сборников, предшествующих дошедшим до нас или известным нам рукописным сборникам. Интересно, что и этот факт — совместная встречаемость интересующих нас повестей в одних и тех же сборниках — не привлек к себе внимания. Отмечен лишь один подобный случай [Творогов 1995б: 290], в то время как наличие этих произведений в составе сборника со «Словом» и в конвое «Задонщины» значительно важнее совместной представленности переводных повестей в разного рода дискуссиях и выстраивании оригинальных концепций и гипотез.

Рассуждения тех, кто оспаривает подлинность «Слова» или сомневается в ней (из которых значимой фигурой является только А. А. Зимин), согласно которым сходства в составе «Слова» и трех указанных повестей объясняются тем, что составитель «Слова» XVIII века пользовался указанными текстами для написания «Слова», лишены смысла. Среди замечаний палеографов нет свидетельств того, что листы со «Словом» как-то отличались от оформления всего остального мусин-пушкинского сборника или второй его части, за вычетом Хронографа, датируемого началом XVII века. Налицо присутствие двух из трех интересующих нас повестей в конвое «Задонщины», не известной издателем «Слова» на 1800 год (иначе их можно было бы заподозрить в намеренном конструировании конвоя к «Слову»). Наконец, абсурдность и научная бездоказательность самой идеи о «поддельности» Слова, трещащая по всем швам и по существу рухнувшая посла выхода книги А. А. Зимина [Зимин 2006]: здесь против А. А. Зимина выступает все, начиная с нереальной для него вторичности Краткой редакцией «Задонщины» и кончая тем, что Иоиль Быковский вообще не имеет отношения к мусин-пушкинскому сборнику со

«Словом». Кстати, стоит обратить внимание на то, что «Слово о полку Игореве» уникально среди древнерусских воинских повестей и летописных повестей отсутствием мотивов смерти, столь типичных для русской воинской ментальности и присущих иным воинским повестям.

Поставленная в названии статьи проблема заставляет выявлять не только сходства в лексики «Слова» и трех переводных повестей, но и лексические отличия данного корпуса текстов, по нашему мнению, предположительно написанных одним автором, от других текстов, близких по времени к созданию «Слова» и времени перевода трех повестей, которые датируются по косвенным признакам и по характеру языка второй половиной XII — началом XIII века. Как думается, для решения этой задачи было бы необходимо сопоставить лексику «Слова» и трех повестей мусин-пушкинского сборника с другими произведениями, близкими по времени создания и по жанру с интересующими нас текстами. Исследованию данной проблемы сопутствует проблема выявления общего лексического фонда произведений близких по жанру, т. е. такой лексики, обнаружение которой в нескольких близких по хронологии и жанру текстах не будет иметь доказательной силы. С целью решения этих задач нами для сопоставления были выбраны три текста второй половины или последней трети XII века: «Слово о князьях», «Сказание о князьях Владимирских» и «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» как произведения, соответствующие хотя бы в общих чертах «Слову» по тематике и жанру. Сравнение лексики этих текстов позволит увидеть в сравниваемых текстах ожидаемо общие элементы, обусловленные жанром и темой, и дифференцирующие элементы, которые можно относить к специфическим элементам языка их авторов. В частности, здесь ожидаемо появятся отдельные слова и целые тематические группы, по тем или иным причинам отсутствующие в «Слове» или интересующей нас группе памятников. Яркий пример — в «Девгениевом деянии» есть слово *гусли*, а в «Повести об Акире» — слово *гудец*, то самое слово, которым автор «Задонщины» назвал Бояна — но ни того, ни другого нет в «Слове» даже при метафоризованном описании игры на гусях: таков авторский замысел оригинального текста.

Лексический материал, показывающий взаимные сходства отдельных памятников, входивших в состав мусин-пушкинского сборника и близких к ним по времени, классифицируется следующим образом:

1) Совпадения лексики «Слова» и трех или двух повестей из мусин-пушкинского сборника при отсутствии их в других текстах:

вѣдати, гнѣздо, гора, дѣвица, мыслити, повѣдати, птици, рѣка, слѣдъ, серебряни, старъ, творити, трава, чрълени, ѳздити.

2) Нераритетные совпадения лексики «Слова» и «Повести об Акире»: *бѣда, велми, веселие, вино, вода, вѣлкъ, вступати, вѣжа, година, голова, дань, день, жесток, забыти, здравъ, знаемъ, искусити, летети, лжа, метати, минути, мыслити, обѣдъ, одѣти, орель, печаль, плавати, побѣгоша, ползти, помянути, полетети, порох* (с реинтерпретацией в СПИ, где в сочетании пороси поля прикрывают присутствует не порохъ, а порось — (Порось, ж. Мелкие капли росы на траве, растениях [СРНГ 30: 80] , *послушати, потечи, похоть, привести, проливати, ратаи, ратный, ржати, рогъ, рядити, свѣдати, стрѣла, утро, хула, черный, чюжъ.*

3) Нераритетные совпадения лексики «Слова» и «Девгениева деяния»: *Бѣжати, битися, величие, вергнути, враны, вскочити, задни, зверин, знаменье, издалече, красный, крыло, летати, лисицы, милый, молния, обычай, поехати, пожрети, плакати, покрыти, похитити приклонити, пудити, песнь, рыкати, сѣдло, сѣдлати, сидѣти, скочити, сабля, сапогъ, свать, соколъ, сонъ, струна, темно. тьма, успети, хитръ, хотети, христиане. худъ, часто, человекский.*

4) Нераритетные совпадения лексики «Слова» и «Сказания об Индийском царстве» (таких слов не так много вследствие небольшого объема самого «Сказания...»): *воскочити, гора, дубъ, дети, емлють, искати, каменный, море, погаснути, столп, створити, устье.*

5) Лексические раритеты «Слова» и «Повести об Акире»: *беберъ, вверже, въсплакатися , въстонати, глядати, изронити, подкнутися, рядить.* Здесь присутствуют и редкие слова (бебер ~ бебрянь), и редкие префиксальные или суффиксальные образования.

6) Лексические раритеты «Слова» и «Девгениева деяния»: *въскормити, златокванный, къмети, кожухъ, паволока, похытити, сабля, стрежати.* Тут вместе с редкими лексемами и производными словами присутствуют и ранние фиксации слов, ставших распространенными значительно позже, например, *сабля.*

7) Лексические раритеты «Слова» и «Сказания об Индийском царстве»: *емлють, король, погаснути, свивати.* При немногочисленности этой группы слов она все-таки весьма показательна: слово *король* встречается в одинаковом написании, обращает на себя внимание и употребление производных глаголов в одинаковом оформлении и в одних и тех же видовых значениях.

8) Совпадения в лексике всех сравниваемых памятников «Слова», трех переводных произведений и трех оригинальных повестей,

созданных примерно в одно время со «Словом», не имеющие доказательности. В данную группу входят слова *Братъ, братия, великий, видети, власть, вои, врѣмя, глаголати, глать, господинъ, единъ, животъ, земля, златъ, злато, князь, многъ, нѣбо, нести, ноцъ, отецъ, очи, речи, святой, слава, слово, солнце, сынъ, человекъ, честь*. Как кажется, эти лексические единицы, несмотря на разнородность включающих их тематических и лексико-семантических групп, составляют топический реквизит и средства оформления хронотопа древнерусской светской «княжеской» повести периода XII – начала XIII веков.

Репрезентативные совпадения лексики «Слова» и произведений, не входивших в мусин-пушкинский сборник, буквально единичны. Так, в «Сказании о князьях Владимирских» встречаются слова *ввергнути, жребии, заити, наполнитися, хорюговъ*, в «Слове о князьях» — *жребии* и *наполнитися*. Такие совпадения, как мы полагаем, не могли бы быть сочтены показательными для любых текстов.

Подведем некоторые итоги. Произведения, входившие в мусин-пушкинский сборник, то есть и «Слово о полку Игореве», и три переводные повести, имеют ряд общих черт не только среди редких слов, и, возможно, индивидуальных авторских новообразований (к ним вполне можно отнести слово *златокованный*), сходство которых замечено давно и отмечено в «Словаре-справочнике “Слова...”», но и в фоновом лексическом массиве, характеризующем описание природы и мир артефактов окружающего мира. Наряду с лексикой, общей для воинских повестей второй половины XII в., в них имеется довольно много специфических лексем, как мы полагаем, характеризующих ментальный лексикон и художественную картину мира их автора и переводчика. Морфологические и синтаксические черты языка этих четырех произведений в целом не противоречат тому сходству, которое мы наблюдаем на материале лексики, а сходство на уровне производных слов оттеняет близость языковых черт всех этих памятников весьма выразительно.

В свете наблюдаемых соответствий лексики, которым не противоречат факты грамматики, гипотеза о том, что «Слово» может принадлежать переводчику «Повести об Акире», «Девгениева Деяния» и «Сказания об Индийском царстве», выглядит вполне убедительной. Одновременно появляется уверенность в том, что «Слово» не может принадлежать авторам других оригинальных княжеских повестей второй половины XII века: различия между лексикой «Слова» и словарным составом этих повестей оказываются слишком велики.

На фоне указанных здесь различий непонятными и интригующими выглядят лексические соответствия «Слова» и такого памятника, как

«Повесть об убиении Андрея Боголюбского» по Ипатьевской летописи. Общими для этих произведений оказываются такие слова, как *Въскладати, вѣтрило, глядати, дружина* (не попавшее в группу 8, объединяющую нерепрезентативную лексику), *златоверхий, мужество, оксамить, наволока, плакатися, пригвоздити, поткнутися, сабля, узорочье*.

С одной стороны, наличие таких сходств, среди которых есть и необычные производные (*златоверхий, ветрило, пригвоздити*), как представляется, закономерно при общности языковой основы древнерусских памятников XII века и постепенном расширении круга текстов, привлекаемых к исследованию проблемы. Кстати, упоминание *сабли* в «Девгениевом деянии» и *стрелы* в «Повести об Акире» заметно контрастирует с оригинальными повестями XII века, однако *сабля* есть в «Повести об убиении Андрея Боголюбского», что противоречит указаниям А. А. Зимина [Зимин 2006: 121]. Редкость этих слов в летописях до XIII века понятна: ни стрелы, ни сабля не являются княжеским оружием.

С другой стороны, эти неожиданные сходства побуждают обратиться к истории «Повести об убиении...» и проблеме ее авторства, а также, вслед за многими другими исследователями «Слова», — попытаться связать авторство «Слова» с конкретными персонами.

Б. А. Рыбаков в своем исследовании сочинений летописцев-претендентов на авторство «Слова» внимательно рассматривает «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» и атрибутирует эту повесть Кузьмищу Киянину [Рыбаков 1972: 78, 104], обсуждая и иные мнения, известные в литературе [ibid.: 100], но получающие распространение без ссылок на первоисточники [Библиотека литературы Древней Руси 1997]. По определению Б. А. Рыбакова, Кузьмище Киянин был «хитрецом», т. е. специалистом по внутренней декоративной отделке зданий [Рыбаков 1972: 109], знал и любил архитектуру, и соответствующие пассажи служат указанием на его стиль в изложении событий на письме. Он был приглашен во Владимир из Киева или Чернигова [ibid.: 110] — у северского князя Святослава Всеволодича служил некто с прозвищем Киянин [ibid.: 125], хотя прозвище выдает в нем скорее киевлянина. В последний раз в летописях манера Кузьмища Киянина усматривается в 1184 г. [ibid.: 122]. Интересно наблюдение Б. А. Рыбакова относительно связи присутствия повествования Кузьмища с наличием миниатюр в летописи [ibid.: 126], которые иногда точнее передают содержание, чем рассказ. Странно, что Б. А. Рыбаков не решился атрибутировать Кузьмищу протографы этих миниатюр: декоратор или дизайнер должен был уметь рисовать.

Б. А. Рыбаков отводит кандидатуру Кузьмища Киянина на авторство «Слова» так: «Как летописец одного из Ольговичей, как автор, любящий щеголять цитатами из церковной литературы, Кузьмище Киянин не сближается с автором великой поэмы. Кроме того, по своему образу мыслей Кузьма (мастер золотого узорочья?), нигде не поднимался на высоту такого судьи князей, каким был автор “Слова”» [ibid.: 500]. Но тут у нас возникает ряд вопросов: каково было настоящее имя архитектора — Кузьмище, то есть Кузьма, или же Косма? Был ли он уроженцем Киева, за что в других землях именовался Киянином, или прибыл в Киев из Константинополя? В последнем случае (даже если он не был византийцем, а только изучал в Византии архитектуру), он должен был знать в совершенстве греческий язык и мог знать еще несколько языков, распространенных в Византии. Нет ничего противоречивого в том, что в 1184 году, отойдя от строительных дел и будучи отлученным от летописания (если его участие в летописании не преувеличено), знаток языков и письменности вполне мог найти себе занятие в переводе литературных произведений, а в 1185 году вспомнил прошлое — написание «Повести об убиении Андрея Боголюбского» — и составил между переводами небольшое произведение о драматических событиях похода Новгород-Северского князя на половцев, включив в него вместо подписи слова, по которым его манеру могли бы узнать — «Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовърсѣмъ», «высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ...».

Сказанное здесь — разумеется, еще одна гипотеза, связанная с персонификацией авторства «Слова о полку Игореве», не имеющая других оснований, кроме сходства лексики «Слова» и одной из повестей второй половины XII века. Автор видел задачу своей работы только в обосновании своей гипотезы о единстве личности автора «Слова» и переводчика трех повестей, ставших известными в последней трети XII–начале XII века. Впрочем, мы полагаем, что, подобно другим исследователям «Слова», нам также дозволено иметь право на красивые предположения о личности автора «Слова о полку Игореве»...

Литература

Библиотека литературы Древней Руси. XII век. Т. 4. / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 1997.

Буганов В. И. [Рец.] Б. А. Рыбаков. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 215–220

Бурыкин А. А. Из лексикологических комментариев к тексту "Слова о полку Игореве" // Всесоюзная конференция "Методология и методика историко-

словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры. Тезисы докладов. Л., 1988. С. 80–81.

Дмитриев Л. А. Автор «Слова о полку Игореве» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI– первая полов. XIV в.). Л., 1987 С. 16–32.

Дмитриев Л. А. Автор «Слова» // Энциклопедия "Слова о полку Игореве": В 5 т. Т. 1. А–В. 1995. С. 24–36

Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков и редакций «Задонщина» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.–Л., 1966. С. 199–263.

Зимин А. А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006.

Олядыкова Л. Б., Бурыкин А. А. «Слово о полку Игореве». Современные проблемы филологического изучения. Элиста, 2012.

Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства. М., 1934.

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.

Салмина М. А. Повесть об Акире Премудром // Энциклопедия "Слова о полку Игореве": В 5 т. Т. 4. П–Слово. СПб., 1995а. С. 124

Салмина М. А. Сказание об Индийском царстве // Энциклопедия "Слова о полку Игореве": В 5 т. Т. 4. П–Слово. СПб., 1995б. С. 299.

Творогов О. В. Мова «Слова о полку Игореве» (підсумки и завдання вивчення) // Мовознавство. 1975. 6. С. 6–31.

Творогов О. В. Лексический состав «Повести временных лет». Словоуказатели и частотный словарь. Киев, 1984.

Творогов О. В. Девгениево деяние // Энциклопедия "Слова о полку Игореве": В 5 т. Т. 2. Г–И. СПб., 1995. С. 98–99.

Творогов О. В. Мусин-пушкинский сборник // Энциклопедия "Слова о полку Игореве": В 5 т. Т. 3. К–О. СПб., 1995. С. 287–291.

Франчук В. Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве?» (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи) // Труды Отдела Древнерусской литературы. Л., 1976. Т. 31. С. 77–92.

Франчук В. Ю. Досліджуємо мову «Слова о полку Ігоревім» // Мова. Людина. Суспільство. Київ, 1977. С. 253–261;

Франчук В. Ю. К вопросу об авторе // Вопросы литературы. 1985. № 9. С. 157–163.

Meschersky N., Burykin A. Sulla datazione e la paternita dello "Slovo..." // Annali di Ca' Foscari. Rivista della facolta di lingue e letterature straniere dell'Universita di Venezia. XXVI. 1–2. 1987. P. 161–175.

Левичкин Александр Николаевич

Сухачев Николай Леонидович

Институт лингвистических исследований

Российской академии наук

Россия, г. Санкт-Петербург

«Лексикон славеноросский» Памвы Берынды и румынская лексикография

«Лексикон...» Памвы Берынды (Киев, 1627; переизд.: Кутеино, 1653) (титулы см. илл.)¹ насчитывает 6982 словарные статьи². Перевод заглавных форм, охватывающих апеллятивы и ономастику церковнославянского, еврейского и польского происхождения, отражает книжный язык начала XVII столетия, включая некоторые лексические особенности, характерные для Малороссии³. Румынский славист И. Богдан охарактеризовал язык переводов следующими словами: «...истолкования даются на некоем искусственном литературном наречии, являющемся наполовину церковным, наполовину народным, т. е. церковнославянским и малоросским, смешанным, помимо того, с бесчисленным количеством полонизмов. Так писали в XVII и XVIII веках книжники южных русских школ из Галиции, западной Руси, Киева и др.» [Bogdan 1891: 196].

Из четырнадцати славяно-румынских словарей, относящихся к раннему периоду румынской лексикографии (см. ниже раздел 2.1), семь явно являются переделками труда Берынды. Две рукописи, похожие, представляющие собой разные списки одной версии перевода «Лексикона...» на румынский язык, находятся в российских собраниях. Первичной, вероятно, является рукопись, хранящаяся ныне в Москве, исполненная анонимным автором в середине XVII в. [см.: Чебан 1914: 84; Joukovsky 1973: 221]. Петербургская рукопись, датируемая второй половиной того же столетия, рассматривалась в качестве несколько сокращенной копии предыдущей [Сергиевский 1928: 323–326]⁴.

¹Последующие изд.: Сахаров 1849 (произвольная ред. автора); *Лексикон* 1961 (фототип. воспр. изд. 1627 г.).

²«“Лексикон” Беринди налічує близько 7000 словникових статей» [Німчук 1961: XVI]. Причем В. В. Нимчук подчеркивает: «У словнику Памви Беринди наявні елементи тлумачного, енциклопедичного і етимологічного словників» [ibid.: XVII].

³А. Жуковский, напр., считает возможным именовать их украинизмами [Joukovsky 1973: 221], что вряд ли корректно для начала XVII в.

⁴В конце статьи помечено: Москва. 22.XII.1926.

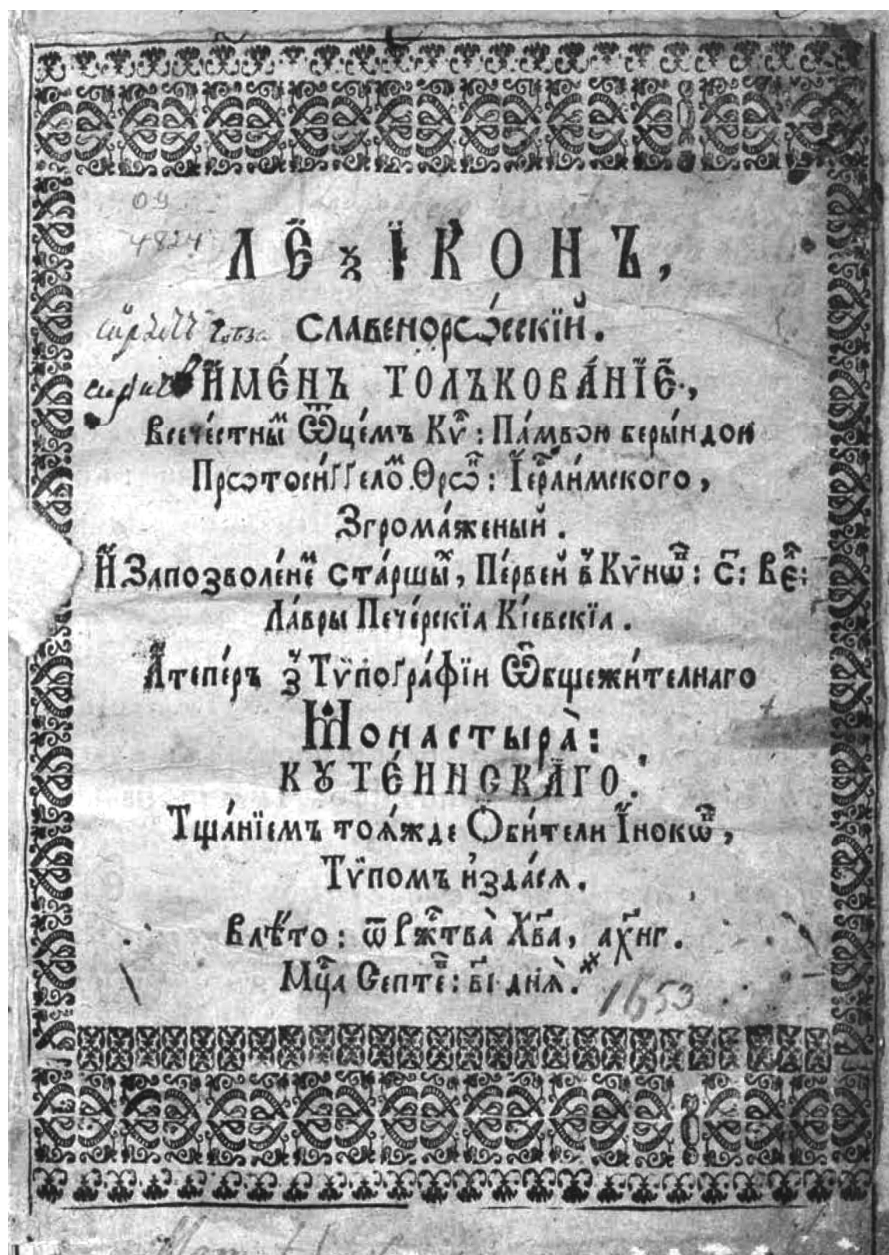
Л Е К С И К О Н ъ
С Л А В Е Н О Р О С С К И Й,
И И М Е Н Ъ
У Л Ъ К О В А Н І Е .

П р ѣ в о е Т ѣ п о м ѣ И з ѡ б р а з ѣ н і а .

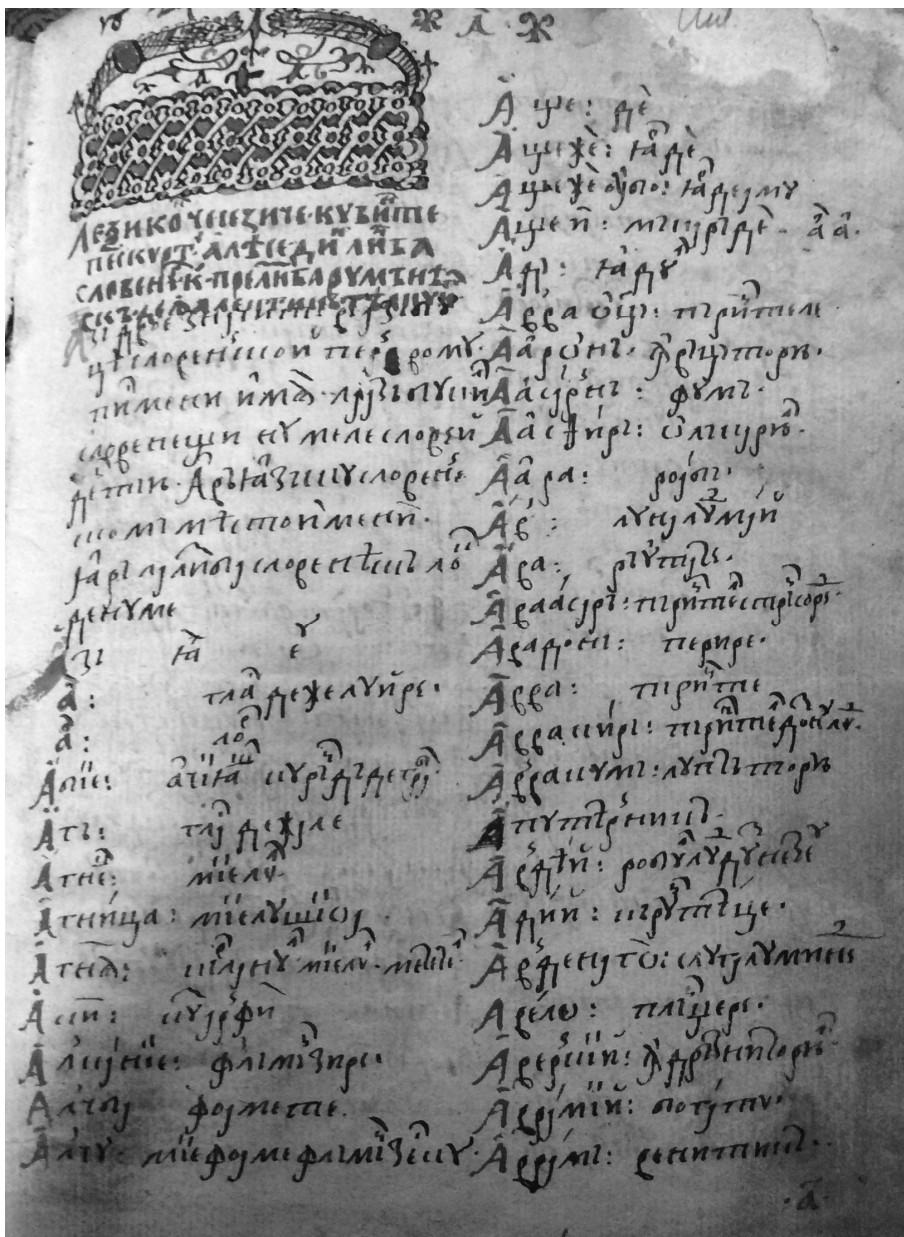
Б Ѹ К И Н О В И Н С К І Е : У д о б о р н ы я Л а н у р ы
П Е Ч Е Р С К І я К І Е В С К І я .
С т а в р о п і л і а Ч х и е п . Н . р . К с с т і а : П а т р і а р х и В с е л і :
Л е т а Б г і а М і р а , з р л е . Ѡ р ж в а ж е Л в а . А Х К С ,
К у р с о п а с х а . И н д і с т а ѣ Т .
о р с т а , а .

Т щ а н і е м ѣ , в ѣ д ѣ н і е м ѣ ж е и
и ж д а н і е м ѣ м а л ѣ и ш а г ѡ в т І е р о м с ѡ н а с е х ѣ
П Ч М В Ы Б Е Р Ы Н Д Ы П р с т о у б л е а
О р ѡ н ѣ І е р о у с а л ѣ м с к о г о .
(*)

Ил. 16. Титул первого издания «Лексикона...». П. Берынды. Киев, 1623.

Ил. 17. Титульный лист второго издания «Лексикона...» П. Беринды. Кутеино, 1653.

Ил. 18. «Лексикон...» П. Беринды. РНБ®. ОСРК. Q.XVI.5. Л. 1.

Эти рукописи, предположительно «молдавские», в истории румынской лексикографии, как и в русской, представлены в основном упоминаниями, краткими описаниями и отдельными выборками.

В силу исторических обстоятельств «последним словом» по существу рассматриваемого вопроса остался обзор М. В. Сергиевского: «...оба словаря представляют переработку “Славно-русского лексикона” Памвы Берынды, впервые напечатанного в Киеве в 1627 г. Богдан выяснил это для словаря Публ<ичной> библ<иотеки>¹; Яцимирский в своей рецензии предположил то же относительно московского словаря <...> у румынских ученых существует мнение, что оба словаря возникли в Валахии, причем Богдан относил время возникновения словаря Гос. публ. библиотеки приблизительно к 1693 г.

Уже Чебан возражал против валашского происхождения московского словаря, относя его к Молдавии ко времени самого конца XVII в. Полагаю, что он прав в первом своем утверждении, но по времени словарь относится к более раннему периоду. Вместе с тем надо думать, что и словарь Гос. публ. библиотеки также принадлежит Молдавии, так как он является, по всем данным, списком с московского, с некоторыми сокращениями» [ibid.: 341–342].

1. О жизни и трудах Берынды. О «малорусском ученом, лексикографе и типографе» Памве Берынде (светское имя Павел, ум. в г. Киеве, 13 / 23 июля, 1632) в XIX в. было известно, что он «...родом из Молдавии <...> Львовский епископ Гедеон Балабан вызвал его в Галичину и поручил ему надзор за печатанием книг в стратинской и крыльской типографиях и исправление книг. Киево-печерский архимандрит Елисей Плетенецкий вызвал Памву в Киев и поручил ему исправление книг и заведывание киево-печерской типографией. Памва пользовался славой ученого, носил титулы протосингела иерусалимского патриарха и архитипографа российской церкви» [Сумцов 1897: 664].

В цитированной заметке резюмированы почти все факты, в том числе легендарные, о жизни и деятельности автора и издателя «Лексикона...». Предполагается, что после смерти Федора (1606) и Гедеона (1607) Балабанов Беринда работал в типографии Львовского братства [Німчук 1961: X]. В 1616 г. во Львове были изданы поэтические произведения Памвы Берынды [см.: Сычевская 1912; Колосова 1979]. В том же году типографию Федора Балабана выкупил настоятель Киево-

¹ См.: [Bogdan 1891]; Сергиевский ссылается на него по: [Среџу 1990: 47 и сл.]; далее ссылки на: [Яцимирский 1906; Чебан 1914: 82–83].

Печерской лавры, архимандрит Елисей Плетенецкий (в миру Александр Михайлович, по другим данным Томашевич, 1550–1624) – основатель первой типографии в г. Киеве, поручивший Берынде печатание «Антологиона» (букв. «цветник (молитв)»). После выхода книги в свет (январь 1619 г.) Берында возвращается во Львов, а осенью 1619 г. окончательно переезжает в Киев вместе со своим сыном Лукашом (Лукианом) и, вероятно, братом Степаном Берындой — типографом [Німчук 1961: X].

Посетивший Киев в 1620 г. патриарх Иерусалимский и всей Палестины Феофан III (ок. 1570–1644, патриарх с 1608) удостоил Берынду звания протосингела [ibid.: XI]¹. Из напечатанных им книг известны также «Номоканон» (1620), «Иоанна Златоустого ... беседы» (1623), «Святого ... Андреа ... Тлыкование на Апокалифин...» (1625), «Триодион» (1627), цитируемый В. В. Нимчуком в качестве доказательства «украинского» происхождения Берынды [ibid.: VIII]², «...Аввы Дорофея поучения» (1628) и др. [ibid.: XI]. По словам Нимчука, «Крім рідної української мови, Беринда добре знав церковнослов'янську, старогрецьку, латинську и польську мови» [ibid.: IX].

В составе посольства православного епископа луцкого и острожского — Исаакия³ Памва побывал в Москве и 4 января 1625 г. преподнес царю и патриарху книги своей печати [ibid.: XI].

Лакуны в биографии Берынды породили немало гипотез, в основном связанных с его происхождением. Если, например, Г. Крецу приводит доказательства в пользу молдавских корней патронима Берында [Crețu 1900: 14–15]⁴, В. В. Нимчук настойчиво оспаривает это предположение, восходящее, по его мнению, к Е. Л. Болховитинову [Німчук 1961:

¹ И. П. Сахаров, Н. Ф. Сумцов и др. ошибочно полагают, что Берында посещал Иерусалим, где и принял монашество.

² В послесловии к «Триодиону» отмечено, «что перевод синаксариев (краткий житий святых) на украинский литературный язык “сотворися ревностью и желанием рода нашего Малой России”»; ссылка на: [Тітов 1924: 178].

³ Исаакий (Борискович-Чернчицкий, ум. в 1641, епископ с 1621) в 1624 прибыл в Москву с предложением присоединить Малороссию к остальной Руси.

⁴ Со ссылкой на авторитет Б. П. Хаждеу, который «открыл» румынским филологом «Лексикон...» [Hașdeu 1877: 262]. Г. Крецу упоминает также И. П. Сахарова, опубликовавшего произвольно отредактированную им версию этого труда [Сахаров 1849] и сообщившего, что его автор родился в Молдавии. Отмечено и мнение И. Богдана [Bogdan 1891], считавшего Берынду «малоросом», так как «столь четкое знание русинского языка (a limbii rutene) и польского невозможно допустить для румына в то время» [см.: Crețu 1900: 14]. «Биографические» споры, опирающиеся в том числе на язык «переводов», вряд ли разрешимы при отсутствии документальных свидетельств, а для судьбы основного труда Берынды они нерелевантны [ср.: Німчук 1979].

VI–VIII)¹; он и против допущения, что автор «Лексикона...» был словаком [ibid.: IX]². Причем Нимчук повторяет: «Богдан писав, що Беринда, напевно, був українцем, що в Галичині й Буковині багато українських сімей з таким прізвиськом» [ibid.: VII]. Большое число исследований, посвященных жизни и деятельности Берынды, опубликовано украинскими авторами, рассматривающими его «Лексикон...» прежде всего как «важный памятник украинского языка» [Німчук 1979: 26]. Польские лингвисты, в свою очередь, уделяют ему внимание как источнику, свидетельствующему о состоянии польского языка [ibid.: 28–29].

В авторском послесловии к «Лексикону...», обращенном читателю, упоминается «множество книг» библиотеки Феодора Балабана; особо называются сочинение Лаврентия Зизания («Лексис»), семязычная Библия (Антверпен, 1569–1573), седьмой том которой, посвященный именам собственным, был использован Берындой, наряду с «Инока Максима Грека толкованием именам по азбуце» (рукопись, ред. 1615–1619 и др.)³, и Мануил Ритор — византийский автор конца XV – начала XVI вв. [см.: Лексикон 1961: 243; ср.: Німчук 1961: XIX]. Дополнительно к этим источникам Нимчук называет азбуковники (без уточнения), новгородские перечни слов (1281 и 1431 гг., публ.: Сахаров 1949: 192–193 и 194) и Франциска Скорину [Німчук 1961: XVII–XVIII].

Проблема взаимовлияния лексикона Берынды и азбуковников мало изучена, их исследовательница – Л. С. Ковтун (1975) не успела разработать эту тему. Но известно, что «Лексикон...» оказал большое влияние на развитие лексикографической традиции в России. Например, он вошел в состав самого большого по объему Азбуковника — Соловецкого (РНБ, Соловецкое собр., № 18/18), см.: [Левичкин 1999]. Возможно, и азбуковники были одним из источников Берынды.

Связь с «Лексиконом...» прослеживается и в других изданиях Берынды — в предшествовавшем ему «Антологионе», в «Беседах Иоанна Златоуста...», в «Поучениях...» аввы Дорофея [ibid.: VIII]. А помимо упоминавшихся румынских переложений и подражаний, рассматриваемое издание Берынды послужило образцом для труда Мариана из Яслиськ («*Dictionarium Slauo-Polonicum: hoc est Vocabula quedam Illyrica seu Dalmatica Polonice explicata ordine alphabetico.* 1641) [Karaś, Karasiowa 1969; Дзендзелівський, Волошин 1979: 40–47].

¹ Ссылка на: Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина... Изд. 2-ое. СПб., 1827. Т. 2: 150.

² Ссылка на: Wiszniewski M., *Historia literatury polskiej*, t. VIII. Kraków, 1851. S. 450–451.

³ См.: [Ковтун 1975: 116–205 (исследование), 313–349 (тексты)], ср.: [Ковтун 1949; Німчук 1976: 183–188].

2. Из истории румынской лексикографии. Влияние восточно-славянской книжности на румынских авторов хорошо засвидетельствовано. Для славянских школ в Дунайских княжествах копировали «Граматику» Мелетия Смотрицкого (Вильно, 1618)¹. Количество же словарей, адаптирующих «Лексикон...» Памвы Берынды или составленных по его образцу, «достаточно велико, что доказывает привычность их использования в школах своего времени» [Istoria... 1964. Vol. 1: 342]². По наблюдению М. Секе, «*Два фрагмента славяно-румынского словаря XVI века, сохранившиеся до наших дней, доказывают что двузычная лексикография на румынской почве появляется почти одновременно с первыми церковными текстами, переведенными со славянского языка*» [Seche 1966 1: 7].

Первой половиной следующего столетия датируется фрагмент «Библейского сербско-румынского³ словаря» (ок. 1630 г.) и «Славяно-румынский лексикон Мардария из [монастыря] Козиа» (1649)⁴ — «единственный лексикографический труд, дошедший до нас полностью» [ibid.]. Секе обращает внимание на значение для ранней «мунтенской» лексикографии труда Берынды, в сравнении с которым «...румынские авторы всегда удаляют или добавляют слова. Своей оригинальностью по отношению к образцу особенно отмечаются *Словарь, сохранившийся в Кодексе Стурдзы* (ок. 1660–1670 гг.)⁵ и *Словарь [логофета] Михая* (1672) — работы относительно обширные: более 8000 заглавных слов⁶, включающие несколько тысяч терминов, отличающихся от труда Берынды» [ibid.: 8].

И. Гецие, в свою очередь, отмечает «...серию славяно-румынских лексиконов, составленных по образцу “Лексикона славенороссийского” Памво Берынды (Киев, 1627). Следует упомянуть в этом отношении Мардария из Козиа (1649), логофета Михаила (1678–1683), фрагмент из рукописи Чипария (ок. 1627–1679) и др. (всего 7-мь)» [см.: Istoria... 1978: 16].

¹ Позже ее перепечатали [Снагов 1697]. Этот труд стал образцом для оставшейся в рукописи румынской грамматики со славянскими параллелями, составленной в 1667–1669 гг. дяконом Стайку из Тырговиште (ibid), а спустя столетие — для «Румынской грамматики», напечатанной монахом Макарием, см.: [Joukovsky 1973: 221], ссылка на: [Strungaru 1960: 298, 300–305].

² Авторы цит. раздела: П. П. Панаитеску, О. Шкиау, Дж. Антонеску, Н. Камарино.

³ Под *сербским* здесь подразумевается древнеславянский.

⁴ Датировка Г. Крецу [Crețu 1900].

⁵ Свод разнородных рукописей (апокрифы, жития святых, апокалиптические тексты и др.), скопированный в 1580–1619 гг. попом Григорием из Мэхачь (р-н Хунедоара), см.: [Istoria... 1964 1: 323; Публ.: Nașdeu 1879. Т. 2]; Б. П. Хашдеу полагал, что «Лексикон Стурдзы» послужил моделью для Берынды [ibid. Т. 1: 261], см.: [Poghirc 1968: 97].

⁶ Цифра явно суммарная.

2.1. Румынские переводы и подражания «Лексикону...» Берынды. Мы считаем целесообразным воспроизвести данные Г. Крецу о славяно-румынских словарях, которые в большей или меньшей мере опираются на «Лексикон...»¹. Первый из перечисленных словарей ему предшествует.

1. “Fragmentul de la Belgrad” («Белградский фрагмент»), обнаружен Е. Калужняцким в составе конволюта из Национальной Библиотеки Сербии: “Codex miscellaneus”, N 321 [Crețu 1900: 23–24, ссылка на: Kałużniacki 1890]. Первая часть рукописи идентична словарю «Тлъкование неудобъ познаваемом въ писанных речамъ» (1431)²; вторая — представляет собой перечень из 66 словарных статей, расположенных в произвольном порядке и содержащих церковнославянские формы с их румынскими соответствиями, который по орфографическим критериям Г. Крецу датирует второй половиной XVI в.

2. “Fragmentul Cipariu” («Фрагмент Чипариу»)³, л. 22 об. и 23 рукописи XXV из собрания румынского филолога и историка Т. Чипариу (1805–1887), датируемой началом XVII в. [Crețu 1900: 24–28]. Фрагмент, названный его владельцем «Vocabular biblic sîrbesc-romînesc» («Сербско-румынский библейский словарь»), содержит 48 славянских форм (буквы А и Б, в том числе имена собственные) с румынскими соответствиями: «многие из которых обнаруживаются у Берынды, а значит у Мардария и в Кодексе Стурдзы, но их перевод не всегда совпадает» [ibid.: 26–27]. Крецу считает этот источник «самостоятельной работой, хотя толкование чужих слов сначала было сделано по-славянски».

3. «Lexicon slavo-romînesc și tâlcuirea numelor» («Лексикон славено-влашский и имен толкование», рукопись 1649 г., 397 с., обнаружена в 1890 г. среди книг монастыря Козиа (близ г. Кэлинешть, р-н Вылча, обл. Олтения; ныне в Библиотеке Румынской академии; publ.: ibid.: 99–300). Она составлена Мардарием – монахом того же монастыря, и с некоторыми сокращениями и добавлениями воспроизводит труд Берынды. Содержит 4574 славянских слов и имен.

¹ Со ссылкой на Г. Крецу двенадцать славяно-румынских словарей упоминает А. Жуковский [Joukovsky 1973: 221], их перечень воспроизводит также А. И Яцимирский в рец. на изд. словаря Мардария [Яцимирский 1906], которое «им оценивается строго – как “ненаучное”, обнаруживающее полное незнакомство автора “ни с среднеболгарской графикой, ни с русской диалектологией”» [Домосилецкая 2009: 114]. О Григоре Крецу (1848–1919) как библиофиле, фольклористе и исследователе старой румынской литературы см.: [Pavel 1966: 124–129].

² Крецу ссылается на публикацию Сахарова и Калайдовича (без уточнений).

³ Порядковые номера соответствуют перечню Г. Крецу; они подхвачены далее в примечаниях к таблице М. В. Сергиевского.

4. “Lexiconul din codicele Sturdza” («Лексикон из кодекса Стурдзы»), лл. 41–215 рукописи (282 с. in 4°), датированной 1740 г. Словарь предположительно восходит к первой половине XVII в. [ibid.: 29, – ссылка на Б. П. Хаждеу]¹. Рукопись принадлежала историку и политическому деятелю Димитрие А. Стурдза (1833–1914); ныне хранится в Библиотеке Румынской академии. По мнению Г. Крецу, словарь составлен выходцем из Мунтении, а поскольку в нем много соответствий с киевским лексиконом, румынский библиофил даже полагает: «Имеется много оснований, чтобы думать о том, что Берында мог бы использовать этот мунтенский лексикон, а именно: 1) Алфавитный порядок некоторых статей из Берынды на фоне их неупорядоченности в словаре г-на Стурдзы; 2) Некоторые пассажи в последнем полнее, чем у Берынды, например, на с. 46 и 37; 3) Более архаическая орфография рукописи; 4) Некоторые выражения, которые, похоже, после 1600 г. румынами нигде не употреблялись» [ibid.]. Все эти «основания» остаются допущениями, и Крецу тут же соглашается с гипотезой Б. П. Хаждеу, «что оба автора пользовались одним и тем же предшествующим источником» [ibid.].

5. Московская рукопись² хранилась в библиотеке Общества истории и древностей российских (ОИДР), ныне в РГАДА, Ф. 188, рукописное собрание ЦГАДА, Оп. 1. Ч. 2. С. 491: «1383. Азбуковник русско-молдавский. XVII в. перв. пол., в 8, лл. 1–282, скоропись, переплет — доски в тисненой коже, застежки медные. См. Строев, отд. I, № 240»³. По языковым особенностям Крецу локализует ее в Мунтении, датируя 1670 г. [ibid.: 39, ср. XV]. С. Чебан сообщает, что рукопись могла попасть в Библиотеку ОИДР до 1845 г. через Ю. И. Венелина⁴. Судя по бумаге, словарь мог быть создан в самом конце XVII в. Хотя труд Берынды и послужил ближайшим источником московской рукописи, она не является простым переводом его объяснительной части на румынский язык. Составитель, по мнению Чебана, преследовал практическую цель: «составить словарь, которым можно было пользоваться при чтении церковно-славянских книг, который служил бы пособием при изучении церковно-славянского языка» [Чебан 1914: 81]. Поэтому он сводит обе части «Лексикона...» Берынды в одну и дает

¹ Далее Крецу уточняет эту датировку, ссылаясь на водяные знаки, относящиеся к 1651–1670 гг. [ibid.: 32].

² Ее упоминали Б. П. Хаждеу и И. Богдан [Haşdeu 1877 1: 260; Bogdan 1891: 193], ср.: [Чебан 1914].

³ Ссылка на.: [Строев 1845: 113]. «№ 240. Словарь Румынского (Молдавского или Волошского) языка, кем составлен неизвестно...».

⁴ О нем см.: [Яцимирский 1912].

краткое толкование в каждой словарной статье. Также отброшены библиографические указания и цитаты. Встречаются и сознательные пропуски словарных статей [ibid.: 81–82]. Язык словаря характеризуется Чебаном как «обыкновенный молдавский с значительной примесью славянизмов» [ibid.: 82].

6. “Lexiconul lui Mihaiu” («Словарь Михая»), рукопись in 16°, более 804 с. (ок. 10000 статей), составлена в Валахии; на с. 34 сообщается: «писа^x аз’ михаю», на с. 376 маргиналия «1672» [Crețu 1900: 41]. Текст является переработкой словаря Берынды и воспроизводит некоторые его литературные отсылки.

7. “Lexicon slavo-român scris de Mihail Logofetul ot Târgoviscea, leat 7186” («Лексикон славяно-румынский, написанный Михаилом логофетом¹ из Тырговища, лета 7186»), рукопись in 4°, составлена в 1678 г. логофетом г. Тырговиште — Михаилом, сыном дьякона Опри. Как предполагает Крецу, это также переработка «Лексикона...» Берынды [ibid.: 47].

8. Петербургская рукопись² озаглавлена «Лезикоⁿ чиезиче кувиⁿте пескурт алесе диⁿ ли^mба словенѣ^cк^a прели^mба-румънѣаскъ дежалектикъ тълкуи», то есть “Lexicon ci [s]e zice cuvinte pe scurt alese din limba slovenească pre limba rumenească dealectiĉi tâlcui[ri]” («Лексикон сиречь слова[м], прямо отобранны[м] из речи словенской в речь румынско[го] диалекта, толкования»³), ныне хранится в РНБ, Основное собрание рукописных книг (ОСРК), Q.XVI.5, 100 лл. in 4°. По сведениям Г. Крецу, рукопись «содержит заметку от 13 сентября 7202. Она составлена надо полагать, около 1670. Написана в Валахии (Țara Românească), как утверждал г-н Точилеску⁴ и как подтверждает язык» [ibid.: 48]. Несколько далее Крецу, ссылаясь на ряд лексических совпадений, считает ее источни-

¹ Логофет, упоминается в документах из княжества Валахии (1390–1440 гг.) и княжества Молдовы (1399 г.) как сановник, отвечавший за канцелярию господаря. В XV–XVII вв. в Валахии он является третьим по рангу боярином (после великого бана и великого ворника). Начиная с XVI в., в Молдове он становится первым после господаря.

² Крецу приводит ссылки на: [Hașdeu 1877 1: 260–261; Bogdan 1891: 193–204]. В свою очередь, Б. П. Хаждеу ссылается на: [Калайдович, Строев 1825: 265–266], где сообщается: «Словарь Славено-Молдавский, составленный, кажется в 7203 (1695) году». Писан молдавской скорописью; на 100 листах».

³ По мнению Г. Крецу, слово dealectiĉi «объясняется, как и все заглавие, отчасти ошибочным подражанием заглавию сходной книги» [Crețu 1900: 49], а именно: Лаврентия Зизания «Лексис Сірѣчь Реченіѣ, Вькрѣтъѣѣ събранъ(ъ)ны. И из слове(н)скаго языка, на прѣсты(й) Рускій Діале(к)тъ Истол(ъ)кованъ» (1596). О нем см.: [Німчук 1980].

⁴ Точилеску Г. (Tocilescu Grigorie, 1850–1909), археолог и фольклорист, член Румынской академии (с 1891 г.), работал в архивах России, Болгарии, Франции, Италии. Сделанная им копия Петербургской рукописи хранится в Библиотеке Румынской академии.

ком «Лексикон из кодекса Стурдзы» (см. выше № 4) и датирует рукопись ок. 1693 г. [ibid.: 50, ср. XV].

9. “Fragmentul de la Bistrița” (Фрагмент из Бистрицы, сохранился в составе рукописи, написанной ок. 1700 в Мунтении, 351 с., in 4°. Прослеживается влияние Берынды [ibid.: 51].

10. “Lexiconul lui Misail” («Лексикон Мисаила»), в составе рукописи «Хроника славян Илирика Мизии» Г. Бранковича, составленной в Мунтении ок. 1689 г.¹ Словарь (ок 7750 статей) расположен двумя колонками на с. 1–157. На левой стороне первого форзаца расписался автор: Мисаил — иеродьякон Бухарестской митрополии. Г. Крецу датирует этот «Лексикон...» 1740 г. [ibid.: 54], отмечая его отличия от словаря Берынды, как и ошибки в румынских переводах славянских форм.

Две последующие рукописи, указанные Г. Крецу, прямого отношения к «Лексикону...» Берынды не имеют.

11. “Păcurariul sau lexiconul păcurariului slavo-românesc” (1778)² («Пастырь или Лексикон славяно-румынский пастыря»), in folio, составлен в Бухаресте неким монахом Макарием [ibid.: 55–56].

12. “Lexiconul lui Andronic” («Лексикон Андроника»)³, славяно-румынский лексикон середины XIX в., рукопись in 4°, 83 лл. полууставом и курсивом, в кожаном переплете. Написана рукой архимандрита Андроника [ibid.: 56–57].

С. Чебан добавляет к перечню Крецу также латино-греко-славяно-румынский словарь [Чебан 1914: 76], вероятно, вслед за А. И. Яцимирским.

«13. Латино-греко-славяно-румынский словарь XVII–XVIII в. Бодлеанской библиотеки в Оксфорде (Marsch, № 187). Рукопись известна Гр. Крецу, и отрывки из нее будут изданы в продолжении статьи П. Сырку о слав<янских> рукописях Бодлеанской библиотеки...» [Яци-

¹ Один из 4-х известных списков «Хроники...» опубликован А. Денсушану в основанном им журнале “Revista critică literară” (Iași). 1893. Т. 1. По этой публикации Г. Крецу и отождествляет рукопись, предоставленную ему владельцем — филологом-классиком и фольклористом, бывшего первым директором библиотеки Бухарестского университета, а также министром образования, Г. Д. Теодореску (1849–1900).

² Ссылка на: Hașdeu 1877. 1: 260.

³ Ссылка на: Яцимирский 1898: 105. Андроник (1820–1893), библиофил, духовный писатель, был иноком и библиотекарем Нямецкого монастыря. Когда объединение Дунайских княжеств (1859 г., окончательно оно состоялось в 1861 г.) вызвало запрет богослужений на славянском, вместе с другими монахами он перебрался в Бессарабию, успев спасти часть древнеславянских рукописей и став сначала библиотекарем, а позже и настоятелем основанного в Кицканах (в 1859 г.) Свято-Вознесенского Ново-Нямецкого мужского монастыря. Книги и документы из его собрания в связи с закрытием в 1962 г. были переданы в Центральный государственный архив МССР. В 90-х годах, часть документов вернули возрожденному монастырю.

мирский 1906a: 441]. Неясно, какую статью Сырку имел в виду автор? Под указанным шифром в каталоге библиотеки следует описание: “118. MS. Marsh 187 — Polyglot Glossary, 17th cent. A paper in-folio volume, of 187 ff., the pages being not of a uniform size. Modern binding of half leather. It contains a polyglot glossary of several language: Latin, Modern Greek, Turkish, Tatar, Armenian, Slavonic or Russian, Moldovie. Each language has a separate column...” [Catalogue... 1918: 244].

14. «Греко-славяно-молдавско-латинский словарь» Николая Милеску-Спафария, считавшийся ранее утерянным, примыкает к рассматриваемой группе рукописей. Известен царский указ 1672 г., согласно которому «Указаль велкій государь отпустить съ Московы въ Палестину Газского митрополита Паисія; а на Симоновскомъ подворьѣ, где онъ митрополить жилъ, хоромы, и садъ, и погребъ и всякое строеніе, по его великого государя указу, приказано беречь Посолского Приказу Греческого языку переводчику Миколаю Спотаріюсу, и жить ему Миколаю на томъ подворьѣ въ его митрополиськихъ хоромахъ, и переводить Греческіе и Латинскіе книги, и писать Греческой и Словенской и Латинской лексиконъ» [см.: Арсенев 1900: 8–9]. В 1986 г. этот «лексиконъ» был найден А. Н. Никитичем в рукописном фонде Центральной научной библиотеки Академии наук УССР [см.: Никитич 2003–2004]. Словарь содержит свыше 47 тыс. слов и словосочетаний (в том числе более 22000 на молдавском языке, около 17500 греческих, около 8000 славянских).

3. Московская и петербургская славяно-румынские рукописи в сравнении с лексиконом Мардария [по: Сергиевский 1928: 324 — таблица соответствий]. В качестве иллюстрации, отображающей характер соотношения между названными лексикологическими источниками, мы решили использовать примеры отечественного филолога-романиста, уделявшего особое внимание языку Молдавии (в его время Молдавской АССР в составе УССР), образующего на уровне естественной нормы диалектный континуум с сопредельными говорами области Молдова в Румынии. В его таблицу мы внесли некоторые исправления и дополнили ее переводом на русский язык румынских форм (при более развернутой дефиниции), сверенных по *MDA* (175 тыс. заглавных слов), где отражена вся лексика, представленная в двух сериях многотомного академического словаря (см.: *DA*; *DLR*). В примечаниях старорумынская лексика соотнесена с современной¹.

¹ Принятые румынскими лингвистами этимологии приводятся в соответствии с данными *MDA*, сверенными по: Ciogañescu 2002 (альтернативные этимологии даны в скобках).

багор: шар ¹ мохорът ² киноварь ³	шар мохърът кентъварю «краска баг- ровая, киноварь»	мохорътъ
баграница: кафтан ⁴ мохорът «красный кафтан»	кафтан мохорът	кафтанъ
балій: фърмекъто- рюл ⁵	фърмекъторю	дескѣнтѣторю ⁶ фѣрмекъторюсау ⁷ декунторю ⁸ «за- клинатель, чародей или ворожей»
баиа: баіа ⁹ ботезул ¹⁰	баа ботезул «купальня, крещение»	баа
буесловъ: мъскъричю ¹¹	мъскърич	дшелѣторю ¹² . ка- реле ¹³ грѣаше ¹⁴ ку- винте ¹⁵ небунѣщи ¹

¹ Crețu 1900: 105 (= 3, p. 14): Bâro^p; MDA 2: 1086: șar¹ *уст.* ‘краска’ < слав. шарь *id.*; Ciorănescu 2002: N 7436 (ср. венг. sár).

² Crețu 1900: 105 (= 3, p. 14); MDA 2: 41: mohorât *adj.* ← (a se) mohorî ‘окрашиваться в темно-красный цвет’ ← mohor² ‘пурпурная одежда’ < венг. mohor ‘сорт шелка’; Ciorănescu 2002: N 5386.

³ MDA 1: 382: chinovar < н.-греч. κινναβαρι; Ciorănescu 2002: N 1802.

⁴ Crețu 1900: 26 (= 1): 31: баграница къфтаⁿ; 115 (= 3); MDA 1: 274: caftan¹ < тур. kaftan; Ciorănescu 2002: N 7436.

⁵ Crețu 1900: 26 (= 1): 44. балѣа; 105 (= 3, p. 14) балѣа; MDA 1: 896: fermecător(u) ‘чародей’ + -l *det.* ← fermeca ‘ворожить’ farmec ‘ворожба’ < ср.-лат. pharvacum ‘отравитель’; Ciorănescu 2002: N 3283 (farmec < греч. φάρμακον ‘яд’ → fermeca).

⁶ MDA 1: 654: descântă + -tor + -iu *det.* ‘исцеляющий заговором, знахарь’ ← descânta ‘заклинать’ < ср.-лат. *discantāre; Ciorănescu 2002: N 2879.

⁷ MDA 2: 762: (fermecătoriu) sau ‘или’ < лат. sēu = sive *id.*; Ciorănescu 2002: N 7492.

⁸ Вариант формы de(s)cântător.

⁹ Crețu 1900: 105 (= 3: p. 14); MDA 1: 157: baia *det.* = baie¹ ‘купальня’, *уст.* ‘крещение’ < ср.-лат. bannea ‘купальня’; Ciorănescu 2002: N 612 (< лат. balnea).

¹⁰ MDA 1: 236: botez ‘крещение’ + -ul *det.* ← boteza ‘крестить’ < лат. baptizāre *id.*; Ciorănescu 2002: N 1057.

¹¹ Crețu 1900: 113 (= 3: p. 30): баеслов; MDA 1: 1460: măscărici(u) ‘шут’ ← mascar(a) *id.* + ici(u) ← < тур. maskara *id.* (< араб.); Ciorănescu 2002: N 5131.

¹² MDA 1: 1249: înșelător(u) ‘обманщик, притворщик’ ← înșela² ‘обманывать’ < слав. мьшель.

¹³ MDA 1: 298: care + le *det.* = ‘тот, кто, который’ < ср.-лат. qualis ‘какой’; Ciorănescu 2002: N 1471.

¹⁴ MDA 1: 1018: grăește 3 *sg. pres.* ← (a) grăi ‘говорить’ < серб. грајати ‘шуметь, кричать, галдеть’; Ciorănescu 2002: N 3856.

¹⁵ MDA 1: 587: cuvinte *pl.* ← cuvânt ‘слово’ < лат. conventum ‘уговор, соглашение’; Ciorănescu 2002: N 2748.

		«притворщик, кото- рый говорит слова безумные»
бумага: бумбак ²	бумбаку	хрътіе ³ : сау фіешче ⁴ моале ⁵ сау бумбак «бумага; или что- либо мягкое или хлопок»
браздна: холда ⁶	холда «поле»	царина ⁷ агру ⁸ id.
бремя: сарчинъ ⁹ по- варъ ¹⁰	сарчинъ «ноша» по- варъ id.	таръ ¹¹ сарчин
бдение: привигъре ¹²	привигіаре «бдение»	
бдеть: привегеел ¹³ въвериць ¹⁴	приваге ель «он бодр- ствует» въвериць «белка»	Первое дополнение
бервно: вьргіе ¹⁵	вьргіе «бервно»	в конце буквы Б.
било: тоакъ ¹⁶	тоакъ «било»	У Мардария нет
белма: нимик ¹⁷	нимик «ничто, ничего»	

¹ *MDA* 1: 116: *nebunește adv.* 'неоправданно; без страха' ← *ne bun* 'не хороший' + *-ește* (*bun* < лат. *bōnus id.*); *Ciorănescu* 2002: N 1201.

² *Crețu* 1900: 113 (= 3: p. 30): бѹмага; *MDA* 1: *bumbac(u)* 'хлопок' < ? ср.-лат. **bombacum*; *Ciorănescu* 2002: N 1198 (< ср.-лат. *bombax* или **bombacum*).

³ *MDA* 1: 1055: *hârtie* 'бумага' < слав. *хартия* < н.-греч. *χαρτία pl.*; *Ciorănescu* 2002: N 4124.

⁴ *MDA* 1: 901: *fie(ș)ce adj. indef.* 'каждый, любой, всякий' (*fie* < ср.-лат. *fiat* 'да будет' + *ce* < лат. *quid* 'зачем, к чему'); *Ciorănescu* 2002: N 3344.

⁵ *MDA* 2: 33: *moale adj.* 'мягкий' < лат. *mōlis id.*; *Ciorănescu* 2002: N 5370.

⁶ *Crețu* 1900: 113 (= 3: p. 31); *MDA* 1: 1081: *holda det.* = *holdă* 'поле (со знаками)' < венг. *hold* 'мера, мерка'; *Ciorănescu* 2002: N 4151.

⁷ *MDA* 2: 1315: *țarina det.* = *țarină* 'поле (обработанное, со знаками)' < ?; ср. серб. *царина* 'пошлина'; *Ciorănescu* 2002: N 8535 (< серб. *царина id.*, 'поле').

⁸ *MDA* 1: 30 *agru* 'пашня' < *āgrum acus.* ← *āger*; *Ciorănescu* 2002: N 137.

⁹ *Crețu* 1900: 113 (= 3: p. 31): бремІ; *MDA* 2: 758: *sarcină* 'ноша; обязанность' < лат. *sarcīna*; *Ciorănescu* 2002: N 7449.

¹⁰ *MDA* 2: 492: *rovařă* 'ноша, бремя' < слав. *подъвора* 'носилки'; *Ciorănescu* 2002: N 6728 (слав. *товарь* 'груз' ↔ ? *подъвора*).

¹¹ *MDA* 2: 1157: *tar* 'груз' < венг. *tár*; *Ciorănescu* 2002: N 8510 (< венг. *tár* < слав. *товарь*).

¹² *MDA* 2: 552: *priveghere* 'стража; надзор; бдение' ← *priveghea* 'бодрствовать' < лат. *pervigilāre*; *Ciorănescu* 2002: N 6873.

¹³ См. выше: *privegă el* = 3 *sing. pres. ind.*

¹⁴ *MDA* 2: 1467: *veveriță* 'белка' < слав. *вѹверица* < н.-греч. *βερβερίτσα*; *Ciorănescu* 2002: N 9229.

¹⁵ *MDA* 2: 1439: *vârghină* 'бервно' < слав. *вѹрдина*.

¹⁶ *MDA* 2: 1230: *toacă* 'било' < *toca* < ср.-лат. **toccare*; *Ciorănescu* 2002: N 8803 (← *toc onomatop.*, подражание звуку от удара).

¹⁷ *MDA* 2: 156 *nimic* 'ничто, ничего' < ср.-лат. *ne mica*; *Ciorănescu* 2002: N 5683 (< ср.-лат. *nemīca* 'немного')

бодец: болду ¹	болду «стрекало (острая палка), шип, колючка»	
боденец: мъчешул звк унїи къ дентрачеста фъкуръ вврѣи ши кунуна луй хс	мъчѣшул звк унїи къ дентрачеста фъкуръ вврѣи ши кунуна луй хс «терний, говорят некоторые, что из одного сделали евреи и венец Христу»	
босмани: пѣсмаци ²	пѣсмаци «сухари»	Второе дополнение в конце словарей.
бердо: спатьдецесут ³ , щов ⁴	спатьдецесут «гребень для прядения, бѣрдо», щов	У Мардария нет
береза: местѣкън ⁵	местѣкън «береза»	
берест: улмул ⁶	улмул «вяз»	

Заключение. Культурно-исторический контекст в дунайских княжествах во второй половине XVII века позволяет допустить, что некоторые из рассмотренных в разделе 2.1 румынских словарей могли предназначаться не только для распространения в рукописном виде. В это время и в Молдавии и Валахии активизируется деятельность по организации печатного дела. Так, митрополит Досифей (1624–1693) обращается к московскому патриарху Иоакиму с просьбой «...пришли нам типографию и создадим себе книги. Я перевел книги с греческого и славянского на волошский язык, ибо исчезло у нас книжное учение и мало есть таких, что знают книжный язык» [Мохов 1961: 178]⁷.

Завершая краткий обзор культурно-исторических и научных свя-

¹ *MDA* 2: 1446: măceș + -ul *det.* ‘шиповник’ < ?; *Ciorănescu* 2002: N 4965.

² *MDA* 2: 480: posmag ‘сухарь’, posmagi *pl.* < слав. посмагъ; *Ciorănescu* 2002: N 6682 (< венг. *pezmeg* или др.-рус. посмагъ).

³ *MDA* 2: 942: spată de țesut ‘гребень для прядения’ – spată ‘лопатка’ < ср.-лат. *spatha*; *Ciorănescu* 2002: N 8051.

⁴ Неясно; если речь идет о детали ткацкого стана, ср.: *MDA* 2: 1120: șovăi ‘менять направление движения’, ср. болг. шавам ‘шевелиться, двигаться’.

⁵ *MDA* 2: 1493: mesteacăn ‘береза’ < лат. *masticinus* ‘мастиковый’ < греч. *μαστίχινος*; *Ciorănescu* 2002: N 5233.

⁶ *MDA* 2: 1362: ulm ‘вяз, ильм полевой’ + -ul *det.* < ср.-лат. *ŭlmus*; *Ciorănescu* 2002: N 5233.

⁷ Н. А. Мохов уточняет, что речь идет о славянском книжном языке и письме Досифея «свидетельствует о далеко зашедшем процессе замены в письменности славянского языка молдавским» [Мохов 1961: 178].

зей между славянской и румынской традициями в области знания, состоящего «на службе слова» (по выражению Г. В. Степанова), хотелось бы подчеркнуть, что московская и петербургская рукописи заслуживают того, чтобы засвидетельствованный их анонимными составителями языковой материал был введен в научный оборот. По нашему мнению, для этого необходимо осуществить факсимильное и критическое издание текста московской рукописи с последовательной привязкой к нему петербургского списка и всех доступных румынских лексиконов, для которых труд Памвы Беринды стал источником информации и ее адаптации для румынских книжников или же образцом для подражания. Отметим также отсутствие критического издания «Лексикона...».

Литература

Арсенев Ю. В. Новые данные о службе Н. Спафария в России (1671–1708). М., 1900.

Дзедзеливський Й. О., Волошин Г. В. Церковнослов'янсько-польський словник 1641 р. Маріана з Яєльськ та «Лексикон словеноросський» Памва Беринди // *Питання...* Київ, 1979. С. 40–47.

Домосилецкая М. В. Изучение румынского языка и культуры румын в России (XIX – начало XX в.) // *Балканское языкознание: Итоги и Перспективы.* СПб., 2009. С. 51–151 [Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 5. Ч. 1].

Калайдович К., Строев П. (Изд.). Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника, сенатора двора Его Императорского Величества, действительного камергера и кавалера, графа Федора Андреевича Толстова. Москва: В типографии С. Селивановскаго, 1825.

Ковтун Л. С. К истории русской лексикографии древнего периода. Автореф. канд. дис. // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.* 1949. Т. 8. Вып. 2.

Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л., 1975. С. 116–205 (иссл.), 313–349 (тексты).

Колосова В. П. Літературна діяльність П. Беринди // *Питання...* Київ, 1979. С. 163–165.

Левичкин А. Н. К истории русской лексикографии середины XVII в. (изменение азбучного тезауруса). Автореф. ... канд. дис. СПб., 1999.

Лексикон словеноросский Памвы Беринди / Підг. тексту і вступ. стаття В. В. Німчука. Київ, 1961 (Институт мовознавства ім. О. О. Потебні; Пам'ятки української мови XVII ст.) [Фототип. воспр. изд. 1627 г.].

Мохов Н. А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времен до начала XIX века. Кишинев, 1961.

Никитич А. Н. Уникальная находка: Греко-славяно-молдавско-латинский словарь Николая Милеску-Спафария // *Stratum plus.* 2003–2004. № 6. С. 227–243.

- Німчук В.* Памво Беринда і його «Лексіконъ славенорѳсскій и имени тлъкованіе» // *Лексікон...* Київ, 1961. С. V–XL.
- Німчук В. В.* Мовознавча спадщина Максима Грека в «Лексіконі» П. Беринди // *Слово і труд.* Київ, 1976. С. 180–190.
- Німчук В. В.* Життя і творчість П. Беринди у світлі нових досліджень // *Питання...* Київ, 1979. С. 6–29.
- Німчук В. В.* Систематични підручник церковнослов'янської мови: «Граматіка словенска» Л. Зизанія // *Зизаний Л. Грамматика Словенска.* Київ, 1980.
- Питання східно-слов'янської лексикографії XI–XVII ст. Матеріали симпозиуму [в Запоріжжі, жовтень 1977 р.] / Відп. ред. В. М. Русанівський.* Київ, 1979.
- Сахаров И. П.* Лексикон Памвы Беринды // *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. Т. 2. Кн. 5. Словари русского языка. СПб., 1849. С. 5–118.
- Сергиевский М. В.* К истории славяно-румынской письменности XVII века // *Статьи по славянской филологии, посвященные А. И. Соболевскому.* Л., 1928. С. 323–326.
- Строев П. М.* Библиотека Императорского Общества истории и древностей Российских. М., 1845.
- Сумцов Н. Ф.* Памва Беринда // *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона.* 1897. Т. 22 (44). С. 664.
- Сычевская А. И.* Памва Беринда и его Вирши на рождество Христово и др. дни // *Чтения в историческом обществе Нестора-летописца (Киев).* Кн. 23. 1912. С. 12–17.
- Тимов Ф.* Матеріали для історії книжної справи на Україні в XVI–XVII вв. Всезбірка передмов до українських стародруків. Київ, 1924.
- Чебан С.* Славяно-румынский словарь библиотеки Московского общества Истории и Древностей. № 240 // *Русский филологический вестник.* 1914. Т. 80. С. 75–88.
- Яцимирский А. И.* Рукописи, хранящиеся в Ново-Нямецком монастыре в Бессарабии. Славянские рукописи Нямецкого монастыря в Румынии. М., 1898.
- Яцимирский А. И.* [Рец. на:] Mardarie Cozianul. Lexicon... / Publ. de Gr. Grețu. București, 1900. // *ИОРЯС.* 1906. Т. 11. С. 439–443. (a)
- Яцимирский А. И.* Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV–XVII вв.: Введение к изучению славянской литературы у румын. Тырновские тексты молдавского происхождения и заметки к ним. М., 1906. С. XXIII–XXVI (Памятники древней письменности и искусства. Т. 162). (б)
- Яцимирский А. И.* Венелин Юрий Иванович // *Новый энциклопедический словарь.* Т. 10. СПб., [1912]. Стб. 106–108.
- Bogdan I.* Un lexicon slavo-român din secolul XVII // *Convorbiri literare (Iași; București).* 1891. Т. 25. P. 193–204.
- Catalogue of the armenian manuscripts in the Bodlean library by the rev. Sukias Baronian and F. C. Conybeare, F.B.A.* Oxford, 1918.
- Ciorănescu A.* Dicționarul etimologic al limbii române / Ed. îngrijită de Tudora Șandru Mehedintși și Magdalena Popescu Marin. București, 2002 (исп. изд.:

Cioranescu A. Diccionario etimológico Rumano. Tenerife, 1954–1966. Fasc. 1–7).

Crețu G. (Ed.). Mardarie Cozianul. Lexicon slavo-românesc și tâlcuirea numerelor din 1649 / Publ. cu studiu, note și indecele cuvintelor românești de G. Crețu. București, 1900.

DA — Dicționarul Limbii Române / Sub conducerea lui Sextil Pușcariu. București: Libr. Socec, 1913. T. 1. P. 1 (A–B); Tipogr. ziarului “Universul”, 1940. P. 2 (C); “Universul”, 1949. P. 3. Fasc. 1 (D – de); Imprimeria națională, 1934. T. 2. P. 1. (F – I); “Universul”, 1937. P. 2. Fasc. 1 (J – lacustru); [s. l., 1940]. [P. 3.]. Fasc. 2 (ladă – lepăda); 1948. Fasc. 3 (lepăda – lojniță) (Acad. Română).

DLR — Dicționarul Limbii Române. Serie nouă / Red. responsabili: I. Iordan, A. Graur, I. Coteanu. București, 1965–1968. T. 1. P. 3–7 (deabă – E); T. 6. Fasc. 1–13 (M – muzur-aga); 1971. T. 7. P. 1 (N); 1969. P. 2 (O); 1972. T. 8. P. 1 (P – păzui); 1974. P. 2 (pe – pânar); 1977. P. 3 (până – pogribanie); 1980. P. 4 (pogrijenie – presimțire); 1984. P. 5 (presin – puzzolană); 1975. T. 9 (R); 1987. T. 10. P. 1 (S – slăbuc), P. 2 (scladă – semînțarie); 1990. P. 3 (semn – sîveică); 1992. P. 4 (slab – spongios); 1994. P. 5 (spongios – swing); 1970. P. 6 (Ș); 1982. T. 11. P. 1 (T – tocăliță); 1983. P. 2. (tocană – twist); 1994. T. 12. P. 1. (Ț); 2010. P. 2. (U); T. 13 (V – veni); 2000. T. 14. (Z). (Acad. Republicii Socialiste Române).

Hașdeu B. P. Cuvente den bătrâni. T. 1. Limba vorbită între 1550–1600. București, 1877.

Istoria lingvisticii românești / De M. Avram, V. Drimba, I. Geție e.a.; Coord.: acad. I. Iordan. București, 1978.

Istoria literaturii române / Red. șef. acad. G. Călinescu. Vol. 1. Folklorul. Literatura română în perioada feudală (1400–1780) / Red. resp. al volumului. A. Rosetti. București: Ed. Acad. RPR, 1964.

Joukovsky A. Les relation culturelles entre l’Ukraine et la Moldavie au XVIIe siècle // Revue des études slaves. 1973. T. 49. P. 217–230. (Communication de la délégation française au VIIe Congrès internationale des slavistes. Varsovie, 21–27 août 1973).

Kalužniacki E. Über ein Kirchenslavisch-rumänisches Vocabular // Archiv für slavische Philologie. 1890. Jg. XVI.

Karaš M., Karasiowa A. (Ed.). Mariana z Jaślisk Dykcjonarz słowjańsko-polski z roku 1641 // Dictionarium Slauo-Polonicum: hoc est Vocabula quedam Illyrica seu Dalmatica Polonice explicata ordine alphabetico. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.

MDA — Micul dicționar academic (MDA) / Red. responsabili: acad. M. Sala și I. Dănăilă; Cuv. înainte de E. Simon; Pref. de M. Sala. București, 2010. Vol. 1–2 (Acad. Română, Inst. de lingvistică «I. Iordan – Al. Rosetti»).

Pavel E. Antologia Textului. Cluj-Napoca, 2012.

Poghirc C. B. P. Hașdeu lingvist și filolog. București, 1968.

Seche M. Schiță de istorie a lexicografiei române. Vol. 1. De la Origini pînă la 1880. București, 1966.

Strungaru D. Gramatica lui Smotrițki și prima gramatică românească // Romanoslavica (București). 1960. An. 4.

Грамматические варианты восточных заимствований в русском языке XV–XVII вв.

Вариативность как свойство языковой системы «является одним из внутриязыковых факторов развития и изменения языка, действие которого связано с другими внутренними и внешними факторами языкового развития» [Солнцев 1984: 41]. Вопросам системы и типологии языковых вариантов посвящены работы Р. П. Рогожниковой [Рогожникова 1966], Э. Д. Головиной [Головина 1983], В. Н. Немченко [Немченко 1992] и др. Диахронический аспект исследования вариативности является особым направлением в языкознании, возникшем в 70-е годы XX столетия (ср. работы В. М. Маркова, Е. М. Верещагина, Ю. С. Азарх, Л. А. Глинкиной, С. И. Иорданиди, М. В. Шульги, Н. И. Тарабасовой, В. Н. Ярцевой и др.).

Следует отметить, что наличие вариантов, проявляющихся в процессе языковых заимствований, явление закономерное. В истории иноязычных слов русского языка, в том числе и восточных заимствований эпохи Московского государства XV–XVII вв., наблюдаются формальные разновидности, варианты одной и той же иноязычной лексемы как результат освоения на новой языковой почве. Характерно, что восточные заимствования, отличающиеся отсутствием генетического родства с заимствующим русским языком и характеризующиеся типологическими различиями, подвергаются значительной формально-грамматической адаптации в языке-реципиенте.

Лингвисты подчеркивают, что в заимствованных словах, как правило, отражаются основные грамматические закономерности, существующие в языке-реципиенте. В этой связи А. И. Смирницкий утверждает: «если лексическое ядро слова и сохраняется как тождественное себе, переходя при заимствовании из одного языка в другой, то его прежнее грамматико-морфологическое оформление сменяется другим» [Смирницкий 1956: 234–235]. Восточные слова, как и вообще все иноязычные единицы, заимствуются русским языком в своей исходной форме, лишаясь исконных способов выражения грамматических категорий.

С точки зрения своего структурно-морфологического состава восточное заимствование представляет собой нечленимую единицу. В основной массе заимствования из восточных языков — это имена су-

существительные. Восточные заимствования, как и другие иноязычные лексемы, дифференцируются в русском языке по грамматическому роду, что особенно важно, поскольку в языке-источнике отсутствует данная категория (прежде всего мы имеем в виду тюркские языки).

Часто родовое оформление неодушевленных заимствованных существительных получает зависимость от финали слова. Так, субстантивы с финалью на гласный -а приобретают грамматические характеристики женского рода (*алафа* 'награда, жалованье', 'оброк', *арба* 'двух- или четырехколесная повозка'), а существительные восточного происхождения с финалью на согласный приобретают категорию мужского рода (*арбуз*, *лагун* 'род бочонка', *майдан* и др.).

Заимствованные из восточных языков существительные среднего рода — явление довольно редкое. Выявлено заимствование *пул*, которое на протяжении длительного времени сохраняло родовую вариативность (муж., жен., ср.). Первая регистрация этого слова обнаруживается в надписях на монетах XV в. с непоследовательным отражением грамматического рода. Ср.: *Пуль каишиньски ... Пули каишиньскои*. Мед. монеты, 147, 198. до 1426 г. *Пуло тфрское ... Пуль твБрискои ... пло твярски ... плои твБрскои*. Там же, 167, 178, 179, до 1485 г. [СлРЯ XI–XVII 21: 44]. В основном заимствование было представлено формами мужского (*пул*) и среднего рода (*пуло*). Заимствование в форме женского рода *пула* впервые фиксируется в Псковском разговорнике начала XVII в.: *Пула — 1/24 deng*. Псков. разгов. I, 121 [ibid.]. Из лексикографических источников XVIII века слово фиксирует «Лексикон трехязычный» Федора Поликарпова (1704 г.): *Пуло, пуль, пБнязь <...> moneta* (Лексикон трехязычный). Ср. также в материалах «Словаря церковнославянского языка и русского языка, составленного Вторым отделением императорской Академии наук» (1847 г.) — *пуло* (ср. р.) и *пул* (муж. р.) 'старинная мелкая монета', где имеется довольно подробное описание самой реалии: *Пуло, величеством и образом съ копейку, дБлано изъ красной мБди и чеканъ денежной, а продавали их по 10 за серебряную денгу*. Опис. рук. Рум. Муз. II. 5 [СЦРЯ 3: стлб. 577].

Таким образом, к XIX столетию отмечается архаизация лексемы *пул* (*пула*, *пуло*) 'мелкая монета, незначительные деньги', которая функционировала в художественной литературе с определенными стилистическими целями. Например, в романе И. И. Лажечникова, лексема используется в форме жен. р. для воссоздания картины прошлого — *пула: Не последний ломоть делил ты, не последнюю пулу отдавал* (В. В. Лажечников. Басурман). В современном русском языке слово *пул* находится на периферии лексической системы, ср. в «Словаре современного русского литературного языка», где отразилась ро-

довая вариативность заимствования: Пуло, а, ср. пул, а, м. и пула, ы, ж. Мелкая медная монета восточного происхождения, имевшая хождение на Руси XV–XVI вв.; полушка. Тверские пулы. Московские пулы. Новгородские пулы [ССРЛЯ 11: стлб. 1673].

Что касается имен существительных восточного происхождения с конечным мягким согласным, то, как правило, попадая на русскую почву и подвергаясь влиянию системы заимствующего языка, они употребляются как существительные либо мужского (*ревень*, *чекмень* ‘верхняя мужская одежда вроде казакина’), либо женского рода (*десть* ‘единица счета писчей бумаги’, *дугень* ‘лавка, магазин’, *елань* ‘ровное безлесное место’, ‘равнина’, *нефть*, *шерть* ‘клятва’).

Нередко заимствованные существительные с мягким конечным согласным проявляют родовую вариативность. В этом плане показательна история заимствований *мечеть* ‘мусульманский молитвенный дом’ и *мизгитъ*, появившихся в русском языке в различные периоды.

По мнению этимологов, заимствование *мечеть* восходит к араб. *masǧid* ‘мечеть’, ‘молельня’, буквально ‘место для коленопреклонения’, где *ma-* — префикс местонахождения, а *sǧid* — образование от глагола *saǧada* ‘падать ниц, бросаться на землю’. Заимствование в русский язык произошло при тюркском посредстве, ср. тур. *māçit*, каз.-тат. *мэчет*, кирг. *мечит*, узб. *мачит* [Фасмер II: 612, Черных I: 528].

В русском языке слово *мечеть* известно со второй четверти XVI в. и впервые обнаруживается в паломническом тексте «Поклонение св. града Иерусалима», где заимствование с мягким согласным в форме *мѢчить* имеет мужскую родовую принадлежность, на что указывает прилагательное *срачинский* ‘арабский, мусульманский’: *А прочих црѣкве<и> малыхъ внутрь монастыря: греческихъ ·ГГ·, а ·ДГ· сербская, ЕГ· иверьская христианская и латинскы костел и срачинский мѣчить*. Покл., 56. XVI в. [СлРЯ XI–XVII 9: 133].

В XVI–XVII столетиях наблюдается родовое варьирование заимствования. Так, в «Хожении Трифона Коробейникова» слово *мечеть* употребляется с мягкой финалью (жен. р.): *Ту зделана турская мечеть, а у нихъ словеть Чюмасы* (Х. Тр. Короб., 82. 1593–1594 гг.), тогда как в «Хожении Ионы Малого» отмечается вариант заимствования с твердой флексией — *мечитъ* (жен. р.): *И въ тотъ домъ всѣхъ 5 врата, а посреди того двора мечитъ турская, именуется Еро* (Х. Ионы Малого, 14. 1649–1652 гг.). Иногда в пределах одного текста встречаются формы мужского и женского рода, например, в «Проскинитарии» Арсения Суханова — *мечеть* (муж. р. и жен. р.): *Тутъ же въ великой церкви придѣланы полаты прекрасныя, и мечеть турской,*

а подъ тѣми полатами и мечетемъ пещера (Арс. Сух. Проскинитарий, 195. 1649–1653 гг.); *Тут же цистерна учинена и мечеть турская, разорилась теперь* (ibid., 183).

Любопытно, что у слова *мечеть* в XVII в. появляются дополнительные значения, которые отмечаются прежде всего при описании чужих земель. Так, культовое здание у язычников и буддийский храм также называли *мечетью*. Ср., например, в «Похождении в землю святую» Радивилла Сиротки: *На другой странѣ острова при брегу морскомъ есть невелика, но довольно цѣлая мечеть Венеры (kościolek)*. Х. Рад., 1628 г. [СлРЯ XI–XVII 9: 134]. Или в путешествии русского посла Ф.И. Байкова в Китай: *А от Белых Вод до Кабан-Гусана ходу 3 дня. А в Кабан-Гусане поставлена мечеть калмыцкая, кирпич жженой*. (Ст. сп. Байкова, 116. 1653–1657 гг.). К XVIII столетию слово *мечеть* оформилось как существительное женского рода с основой на мягкий согласный, см. в «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.): «Мечеть, ти. с. ж. Капище, въ кое Магометане собираются на молитву» [САР¹ IV: стлб. 103].

Следует отметить, что в XIV в. на Руси было известно заимствование *мизгитъ* ‘мусульманский молельный дом’, пришедшее в русский язык через тюркское посредство от арабского слова *maṣḡid* [Черных I: 528]. Ср. ст.-тюрк. *māzgit* ‘мечеть’ в среднеазиатском тефсире XII–XIII вв. [Тефсир: 221]. Слово было впервые зарегистрировано в Никоновской летописи (1389 г.) в форме мужского рода с твердым конечным согласным (*Срацинскый мизгитъ*), в некоторых списках памятника представлен и мягкий вариант окончания (*мизгитъ*): *А на подоль идучи во градъ Иерусалимъ была церковь греческая, а нынѣ Срацинскый мизгитъ* [вар.: *мизгитъ*]. Ник. лет. XI, 107 [СлРЯ XI–XVII 9: 149]. Позднее, начиная с XV в., стала утверждаться форма слова в мягком варианте *мезгитъ/мизгитъ*, соответствующая в русском языке категории женского рода, ср.: *Надъ гробомъ тѣмъ стоитъ мезгитъ саракинская* (Х. Зос., 21. 1419–1422 гг.); *Гордый Салтанъ Египетский... хотя разорити святой храмъ, церковь господню, иже надъ святымъ его господнимъ гробомъ, до основания, и помышляише на мѣстѣ томъ поставити свою мизгитъ*. АИ I, 127. 1464 г. [СлРЯ XI–XVII 9: 149]; *Да у монастырско-го двора Илантовского мизгитъ, что была Муралеева* (Кн. п. Казани, 8. 1565–1568 гг.); *И в техъ городехъ мусульманские веры люди живут по своему обычаю и мизгити и кишени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит – всякой иноземец в своей вере живет* (Ст. сп. Новосильцева, 77. 1570 г.); *И приезжаетъ царь [Сламу-гирей] х кладбищу к татарскому, а тут стоит мизгитъ, а по руски церковь* (Пов. о разуме, 325. XVII в.).

В дальнейшем лексема *мизгить* как дублетная форма заимствования *мечеть*, не выдержав конкуренции, исчезла. Так, в «Словаре Академии Российской» (1789–1794 г.) *мизгить* квалифицируется как устаревшее существительное мужского рода с указанием на дублетную заимствованную лексему *мечеть*: «Мизг'ить, тя. с. м. *старин*. Тоже что *мечеть*, см.: сие слово» [САР¹ IV: стлб. 130].

В русском языке до наших дней сохранилось единственное наименование молельного дома для мусульман — *мечеть*, утвердившееся в качестве существительного женского рода на мягкий согласный. В целом на формирование рода существительного *мечеть* оказало влияние несколько факторов: род дублетной формы *мизгить*, а также, по всей вероятности, род соотносительных по значению слов — *ропать/ропата* ‘иноверческий храм’, *церковь* (жен. р.).

В исследуемый период зафиксировано родовое варьирование слова *харчь* ‘съестные припасы, продовольствие’ (через тур. *harç* из араб. *ḫarǧ* ‘доход, хозяйственные расходы’), которое со времени вхождения в лексическую систему русского языка (XV в.) употреблялось то как существительное мужского рода, то как существительное женского рода. Вероятно, это обусловлено тем, что в русском языке эпохи Московского государства существительные на мягкий согласный [ч'] могли относиться и к мужскому (*мечь*), и к женскому роду (*печь*). Так, употребление *харчь* (муж. р.) отмечено в хождениях, памятниках народно-разговорной речи, региональных словарях, деловых источниках (таможенные книги) исследуемого периода: *А жити в ГундустанѢ, ино вся собина исхарчити, зань же у них все дорого: одинъ есмь человѣкъ, и язъ по полтретия алтына на дню харчию идетъ* (Х. Афан. Никит., 25. 1466–1472 г.); *Посланъ къ Москве слуга Гуляй, дано ему на конской кормъ и на харчь полтину* (Сл. Смол. кр., 312. 1598 г.); *И всякого харчию, и овощей на маидане продают много* (Х. Котова, 40. 1624 г.); *А въ Новгородѣ къ твоимъ Государевымъ боярину и воеводамъ и къ диакомъ велѣлъ послати твою Государеву грамоту, чтобъ они велѣли призвать къ себѣ стрѣльцовъ и имъ бы сказали имянно, чтобъ изъ нихъ охочие люди харчь всякой про Нѣмецкихъ наемныхъ людей готовили* (Переп. Мих. Фед., 290. 1631 г.); *Тавары всякие и хлѣб и харчь всякой дорог* (Грамотки, 22. XVII в.). Однако встречается и *харчь* (жен. р.): *Посылали слугу Дмитрея Корнеева въ Смоленскъ для монастырьского дела, и харчи стало, живучи въ Смоленску и едучи дорогою, своего корму и конского шесть алтынъ пять денегъ* (Сл. Смол. кр., 312. 1598 г.); *Изошло харчи на хмел и на дрова от воды и роботникомъ шесть алтнъ 4 денги*. (Там. кн. южн., 40. 1620–1621 г.);

А учинилос в Московском гсдрстве и всѢхъ городех и в уѢздех великая безмѢрная дараговь хлѢбная и соленая и всякая харчь и всякие товары и то учинилос не от хлѢбного недороду и соленого промыслу но от мѢдных денег (МДБП, 135. 1662 г.).

По нашим данным, вариант мужского рода заимствования *харчь* в памятниках эпохи Московского государства преобладает. В XVIII столетии заимствование употребляется преимущественно как существительное мужского рода. Например, в материалах «Памятников московской деловой письменности XVIII века»: *Прикажите выписать ... что каких расходов было на прогоны в проѣздех на харчь приказнымъ и прочимъ людем* (ПМДП, 57. 1722 г.). Ср. данные лексикографических источников, где *харчь* регистрируется в мужском роде: в Лексиконе Вейсманна — *на своем харче содержати* (Вейсм. Лекс., 1761 г.), в Российском Целлариусе — *харчь*, муж. р. (Рос. Целлар., 1771 г.).

В «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.) при собирательном существительном муж. рода *харчь* с семантикой ‘съестные вещи, съестной припас’ обнаруживается форма множ. числа *харчи* с пометой *Речение торговое* в значении ‘путевые издержки в доставлении и провозе товаров’ [САР¹ VI: стлб. 505].

Характерно преимущественное использование в произведениях русской классики XIX века существительного *харчи* (мн. ч.) ‘еда, пища, съестные припасы’ наряду с *харч* (муж. р.) и редко *харчь* (жен. р.), например: *Нет ничего пошлее мещанской жизни с ее грошами, харчами, нелепыми разговорами и никому ненужной условной добродетелью* (А. П. Чехов); *Сначала харчи плохи были. Ну, а потом народ обиделся, и харчи стали хорошие, и работать стало легко* (Л. Н. Толстой); *Мне ваши деньги не нужны, а вам моя харчь, — толковал он, словно открывающая каждое слово, — не детей нам с вами крестить...»* (И. С. Тургенев).

Позднее произошла лексикализация формы множественного числа *харчи* в русском языке с дальнейшим перемещением лексемы на периферию языковой системы. В Словаре Д. И. Ушакова находим: *харчи* (мн. ч.), ед. *харч*, а, м. и (обл.) *харчь*, и, ж. ‘еда, пища, съестные припасы’ с пометой *просторечное. Харчи хозяйские, есть-пить свое* (стар. шутол. поговорка). *На своих харчах. Харч хороший. ... У него были на руках деньги, платья, вся харчь.* Гоголь [Ушаков IV: 1135].

Отличие от неодушевленных иноязычных существительных восточного происхождения, род одушевленных существительных не зависит от конечного оформления слова. В соответствии с правилом родовой принадлежности одушевленных имен существительных в русском языке распределение по родам зависит от соотношенности с

полом живого существа. Показательно, что в ряду исследуемых одушевленных восточных заимствований большую часть слов составляют существительные мужского рода, обозначающие лицо мужского пола. Ср.: *абдал* (из араб., тур. *abdal* ‘нищий, дервиш’) ‘персидский монах’, *агун* (тат., тар. *aḡun* ‘старший мулла’, бараб., тоб. *akun*) ‘ученый, богослов, мулла’, *азиф* (от араб. *hāfīz*) ‘знаток, чтец Корана’, *аминь* (тур., кыпч., уйгур. из араб. *āmin*) ‘высокопоставленное лицо при дворе»; *паша* ‘военачальник и правитель области в Османской империи’, *рахтан* (перс. *rahdan, rahdar*) ‘сборщик дорожных пошлин’ и др.

У заимствованных наименований лиц мужского пола отмечается вариативность форм: *бакша* и *бакши* (др.-тюрк. *baqši* ‘учитель, наставник’, уйг. *baqši* ‘учитель, буддийский ученый’, п.-монг. *baqši*, калм. *baqši* ‘учитель, наставник’, бурят. *багша*), *тайша* и *тайчи* (п.-монг. *tajīči* ‘княжич, князь’, ‘знатный калмык’, бурят. *тайшаа* ‘тайша, глава степной думы’) ‘титул у некоторых местных народов Сибири’. Причиной колебания формы в данных парах является влияние разных языков-источников заимствования.

Наблюдается параллельное употребление форм заимствования *амир* и *амира* (араб. ‘*amīr* ‘правитель, предводитель’) ‘титул правителя в странах мусульманского Востока’, ср.: *ВнѢ града Иеросалима есть двор Пилатовъ, въ немъ же живетъ амира* (Х. Зос., 17. 1419–1422 гг.); *Абие изыдоша во срѣтение нашихъ абазы ихъ, сеиты, молвы, предъ великимъ бискупомъ, а по ихъ съ великимъ ... амиримъ, имянемъ Кулишерифъ-молвою* (Курб. Ист., 198. XVI в.). Вероятно, ранний вариант с окончанием на *-а* (*амира*), представленный в «Хождении» инока Зосимы, явился результатом либо гиперкоррекции формы заимствования, либо влияния уже существующей формы, ср. *амира* в «Хождении» Грефения: *И въ полатахъ дрѣжатъ казну и оружиа амиры иер<у><с><а>лимьскаго*. Х. Грефения, 409. XV в. ~ 1370 г. [СлРЯ XI–XVII 1: 36].

Вариантные формы существительных, относящихся к женскому роду и обозначающих лицо женского пола, немногочисленны. Например, древнейшее заимствование *катуна* с окончанием на гласный *-а* в значении ‘жена, женщина, госпожа’ (ср. казах., кирг., кумык. *katun* ‘замужняя женщина, жена’, бараб. *kadun* ‘жена, женщина’, тур. *kadun* ‘дама, знатная женщина’, монг. *hatun* ‘жена’) в «Казанской истории»: *И восплакашася горко, и воскричаша по мужех своих катуны, и дети по отцех своих, просящеся во единех срачицех за ними, на Русь* (Каз. ист., 109–110. XVI в.). «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.» Л. Г. Панина отмечает варианты заимствования с твердым (*катун*) и мягким консонантным ис-

ходом (*катунь*) для обозначения титула в феодальной Монголии, ср.: *Мать мою, Чечен-катуню, бранил* (Сл. Сиб., 60. 1636 г.); *А с царем кочуют вместе мать ево царева Чечен-катун да сын ево кутухта, и все его дети, и царицы, и лабы, и ближние его табуны* (ibid., 60. 1638 г.).

Таким образом, вариативность является отражением закономерного процесса адаптации восточных заимствований старорусского периода. Дифференциация по родам восточных лексем как регулярное явление зависит от характера конечной флексии. Заимствованные слова, обозначающие неодушевленные предметы и понятия, с окончанием на согласный, употреблялись как существительные мужского рода, соответственно, с окончанием на гласный — женского рода. Существительные, относящиеся к среднему роду, — явление довольно редкое. У некоторых восточных заимствований на мягкий согласный сохраняется родовой параллелизм на протяжении длительного времени. На род иноязычной лексемы оказывает воздействие семантическая близость двух слов: заимствованного и уже имеющегося дублета в русском языке, а также смысловых аналогов. Отмечаются также семантические особенности, влияющие на процесс морфологизации одушевленных заимствованных существительных восточного происхождения в русском языке исследуемого периода.

Сокращения

Арс. Сух. Проскинитарий — Проскинитарий Арсения Суханова // Православный палестинский сборник. Т. 7, вып. 3 (21). СПб., 1889. С. 3–300. 1649–1653 гг.

Вейсм. Лекс. — Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.

Грамотки — Грамотки XVII – начала XVIII века / Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

Каз. ист. — Казанская история / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.–Л., 1954. (1564–1565 гг.)

Кн. п. Казани — Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. Материалы по истории Татарской АССР. Л., 1932. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 2.

Курб. Ист. — История о великом князе Московском // Сочинения князя Курбского. Т. I. СПб., 1914. (РИБ. Т. 31). Стлб. 161–354.

Лексикон трехязычный — Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по словенскому алфавиту в чин расположенное/ Сост. Ф. Поликарпов. М. 495 л.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешникова, И. С. Филиппова. М., 1968.

Перепис. Мих. Фед. — Переписка царя Михаила Феодоровича // Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1. М., 1848. С. 9–298. 1619–1631 гг.

ПМДИ — Памятники московской деловой письменности XVIII века / Под ред. С. И. Коткова. М., 1981.

Пов. о разуме — Повесть о разуме человеческом // Скрипиль М. О. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. Труды отдела древнерусской литературы. Т. VI. 1948. С. 324–327.

Рос. Цел. — Российский Целлариус, или Этимологический российский лексикон, изданный магистром Франциском Гелтергофом. М., 1771.

САР¹ — Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб., 1789–1794.

Сл. Сиб. — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII вв. / Сост. Г. Г. Панин. Новосибирск, 1991.

Сл. Смол. кр. — Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / Отв. ред. Е.Н. Борисова. Смоленск, 2000.

СЛРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2011.

СРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–20. СПб., 1984–2013.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.–Л., 1948–1965.

СЦРЯ — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии Наук: в 4 т. СПб., 1847.

Там. кн. южн. — Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1982. 1615–1652 гг.

Тефсир — Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тефсира. М., 1963.

Ушаков — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986–1987.

Х. Афан. Никит. — Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. М.–Л., 1958. – 284 с.

Х. Зос. — Хождение инока Зосимы 1419–1422 гг. / Под ред. Х. М. Лопарева // Православный палестинский сборник. Т. 8. Вып. 3. СПб., 1889. С. 1–27.

Х. Ионы Мал. — Повесть и сказание о походе в Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря диакона Ионы по реклому Маленького (1649–1652 гг.) / Под ред. С. О. Долгова // Православный палестинский сборник. Т. 14. Вып. 3. СПб., 1875. С. 1–56.

Х. Котова — Хождение купца Федота Котова в Персию (1624 г.) / Публикация Н. А. Кузнецовой. М., 1958. С. 25–60.

Х. Тр. Короб. — Хождение Трифона Коробейникова 1593–1594 гг. Под ред. Х. М. Лопарева // Православный палестинский сборник. Т. 9. Вып. 3. СПб., 1889. С. 1–103.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 4-е изд. М., 2001.

Литература

Головина Э. Д. К типологии языковой вариантности // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 53–63.

Немченко В. Н. Вариантность слова в русском языке. Н. Новгород, 1992.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.

Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 40–48.

Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке. М., 1966.

Вариантность в языке деловых памятников начала XVIII века¹

Деловые тексты в силу особенностей их создания и ведения (составление по обязательному формуляру) обладают определенным набором повторяющихся элементов (формул), что позволяет тексты одного жанра рассматривать как некий варьирующийся текст и применить к исследованию таких текстов текстологический анализ.

Приемы текстологического исследования создавались и совершенствовались прежде всего при изучении древних памятников письменности (евангельских текстов, летописей, т. е. текстов с богатой рукописной традицией). «Представление о том, что язык памятника отражается не в одном, а во всей совокупности его списков, является выражением более общего принципа, согласно которому язык рассматривается как динамическая, развивающаяся во времени и пространстве система. ... Привлечение нескольких списков к изучению языка памятника дает возможность открывать новые слова и новые значения известных слов, изучать синонимические средства выражения, стилистические функции синонимов, более обоснованно подходить к выделению лексики определенного ареала и т. д.» [Камчатнов 1983: 121].

Однако исследователи не исключают возможности использования текстологического подхода и к текстам делового характера. В частности, А. А. Алексеев пишет следующее: «Несмотря на то что актовые источники представлены всегда в одном экземпляре — своем оригинале, устойчивость формуляра деловых документов, ограниченность языковых средств и однообразие приемов изложения основного содержания позволяют в качестве рабочей концепции предложить оценку отдельных документов одного разряда приказной письменности как списков или копий одного архетипа» [Алексеев 2013: 130]. Опыт подобного исследования памятников деловой письменности у лингвистов есть, например, работы В. Я. Дерягина, который считал, что «принципы научной текстологии, сформулированные Д. С. Лихачевым, целостный анализ текста (списка), комплексное сравнительно-историческое изучение текстов, подход к сознательным и «бессозна-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-00428 «Вариантность в русском языке XVIII века».

тельными» изменениям текста как к проявлению индивидуальности писца — имеют важные следствия для рассмотрения вопросов истории языка по данным письменных памятников» [Дерягин 1976: 4–5].

В ряду памятников делового письма первой половины XVIII века одно из важных мест в качестве лингвистических источников занимают документы таможенного делопроизводства: они датированы, представляют разные регионы России того времени, содержат богатейший лексический материал; сохранились черновые и беловые документы одной территории (например, архангельские); одна таможенная книга может быть написана несколькими почерками, что дает возможность сравнительного анализа языковых черт разных писцов и т. д.

Таможенные документы, может быть, как никакой другой деловой текст, дают возможность сопоставительного изучения близких или подобных текстов. Одной из существенных особенностей таможенного делопроизводства является то, что регистрация товара проходила несколько этапов (явка, досмотр, отпуск, продажа или мена, отъядка непроданных товаров в следующий год и др.). В XVIII веке законодательными документами предписывалась обязательная раздельная регистрация разных видов таможенных процедур (это связано с правилами обложения пошлинами). Такой принцип ведения дел приводил к появлению повторяющихся списков одних и тех же товаров — параллельных текстов, которые нередко содержат разночтения, в том числе отражающие и различные типы языкового варьирования [Малышева 1991]. Варьирование текста в таможенных документах не связано с задачей изменения содержания (для финансовых документов, которыми по сути являлись таможенные документы, это было недопустимо): оно или является произвольным (писец отражает свои языковые «пристрастия»), или направлено на уточнение, дополнение, развертывание того, что зарегистрировано в таможенной записи (это важно для размера пошлинного сбора). В связи с этим, например, записи досмотров товаров чаще более подробны, развернуты, чем записи явок.

В данной статье явление варьирования в памятниках делового письма начала XVIII века рассматривается на материале одной из таможенных книг — архангельской книги 1710 г.: *Список со щетныхъ выписокъ архангелогородской таможни ярмоночного таможенного сбора 1710 года* (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. № 145. Ч. 1–5. 1756 л.) [См.: Малышева 2009].

Книга является беловым документом и представляет собой копию (список) счетных выписок, которые составлялись в конце года и подводили итог годовым торговым операциям иноземных купцов,

имевших большой торг в Архангельске. По данным, содержащимся в книге, в 1710 г. в Архангельске было 150 иностранных судов: в книге зарегистрированы торговые операции англичан, голландцев, датчан, гамбургских купцов («анбурцы»), бременцев и др.¹ В Архангельск и другие северные города (Сольвычегодск, Устюг Великий) большой поток товаров шел не только морским путем, не менее значительным был торг с южными территориями, например, с Астраханью².

По правилам таможенного делопроизводства, как уже сказано, все таможенные операции регистрировались отдельно. Следовательно, учитывая очень большой объем торгов с иностранцами, можно предположить, что существовало несколько черновых или рабочих книг, в которых были зафиксированы торговые операции иностранных купцов. Они могли содержать или записи отдельных таможенных процедур (явка и досмотр, продажа, покупка и т. д.), или торговые операции каждого иностранного купца³. К сожалению, черновые книги, на основе которых составлены данные списки, не сохранились.

В названной книге (Списке) регистрируются следующие таможенные операции: явка «остальных» товаров (т. е. не проданных в прошлом году и предъявленных для продажи в новом году), их досмотр целовальниками; явка товаров с кораблей, их досмотр и пропуск целовальниками; записи покупок и продаж по месяцам; явка, досмотр, отпуск товаров до Москвы; взятие пошлин с товаров и т. п. Запись досмотра, как правило, повторяет запись явки товаров (с необходимыми формулярными изменениями), то же самое касается записей явки и записи продажи, записи явки и отпуска товара в другой город, записи явки товара и покупки его другим купцом (в последних случаях списки товаров могут совпадать частично). Таким образом возникали тексты, создававшиеся один на основе другого. Подобную цепочку, которая могла включать более десяти полностью или частично повторяющихся текстов, можно назвать параллельными текстами [Мальшева 1997: 52–57, 136–141].

Параллельные тексты могут принадлежать одному или разным писцам, составляться данным писцом (при записи явки или досмотра) или переписываться им с другой записи (при отпуске товара в другой

¹ Полный список иностранных купцов, торговавших в Архангельске в 1710 г., приведен в статье В. Н. Захарова [Захаров 1997]; см. также: [Велувенкамп 1997; Овсянников, Ясински 1997].

² По данным историков, в 20–40-х годах XVIII в. товары из Астрахани вывозились в 70–75 пунктов страны. [Юхт 1990: 145]; в частности, в данной архангельской книге зарегистрированы торговые операции армянских торговцев.

³ Например, за 1720 г. сохранилась книга таможенных операций английского купца Виллима Парсонаса (РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. № 32744), имя В. Парсонаса встречается и в анализируемой архангельской книге.

город) и т. д. Поскольку Архангельская книга 1710 г. является белой, очевидно, что весь ее текст составлен на основе других книг — черновых, рабочих. При этом не следует исключать, что часть варьирующихся фрагментов таможенных статей могла быть перенесена переписчиками из черновых книг, а часть — привнесена самими переписчиками. Как отмечает В. Я. Дерягин, «в результате сравнительно-исторического изучения текстов в них могут быть выявлены языковые варианты, служащие для выражения одинаковых или близких между собой элементов содержания. В дальнейшем интерпретация материалов такого исследования может быть различной: во-первых, варианты описываются как принадлежность системы языка на определенном этапе ее развития, во-вторых, варьирование языковых средств изучается как свидетельство творческого подхода писцов к созданию (переписыванию, переводу, правке и т. п.) текстов» [Дерягин 1976: 5].

Сопоставительный анализ параллельных текстов данного памятника выявляет целый ряд разночтений различного характера:

1) по сравнению с текстами явок более развернутые записи в текстах досмотров:

*Датчанин Андреи Андрѣевъ сынъ
Мееръ ... явкою с анбурского ка-
рабля ... 2 ящика посуды склянон
(л. 1030=)¹*

*А по досмотру таможенного це-
ловалника пѣнежанина Ивана
Маслова Меншего ... въ 2 ящиках
посуды стекляной 390 стоканов
болшихъ и малыхъ простыхъ
бѣлыхъ 270 сосудовъ стекляныхъ
роморок гладкихъ малыхъ (л. 1030–
1030 об.=)*

*Явка: 4 зуба кости слоновои
(л. 754)*

*Досмотр: 3 бочки да коробка кос-
ти слоновои в горбах (л. 755)²*

2) синонимические замены:

*Явка: 150 выбоекъ калемхаревыхъ
(л. 49)*

*Досмотр: Кипка оберчена в коврѣ
и в холстах бѣлыхъ обвязана ве-
ревою а в ней 141 косячек выбо-*

¹ Орфография дается в упрощенном виде, буквенные обозначения чисел заменены цифровыми, выносные буквы обозначены отсутствием курсива, знак = показывает, что записи сделаны одним писцом.

² Слово *горб* в подобном употреблении не отмечено СРЯ XVIII, однако зафиксировано прилагательное *горбоватый* ‘в виде горба, выпуклый’ [СРЯ XVIII 5: 166]; см. также *горбоватый* ‘изогнутый’ [СлРЯ XI–XVII 4: 81].

Явка: *Махавокъ цветныхъ 7 дюжинъ слоновой кости да 7 дюжынъ в деревѣ крашенныхъ* (л. 488)

Отъявка: *25 кружекъ глиняныхъ пивныхъ* (л. 503 об.)

Явка: *5 бочекъ да боченка ягод коринки* (л. 593 об.)

Явка: *11 дюжин с полдюжиною колпаков спальных* (л. 654)

Явка: *Ящик флаков шерстяныхъ* (л. 851)

екъ персицких печатных тонкихъ (л. 50)

Продажа: *3 дюжыны ваерьъ деревянныхъ травчатыхъ* (л. 493)

Продажа: *23 кружки пивныхъ каменныхъ* (л. 504 об.)

Досмотр: *ягод коринки 2 бочки и 4 обрѣза* (л. 596 об.)

Продажа: *продал ... бочку ягод коринки* (л. 626), *2 обрѣза ягод коринки* (л. 627)

Досмотр: *11 дюжин с полдюжиною шапок спальных* (л. 660 об.)

Досмотр: *Флаков гарусныхъ красныхъ и синихъ и бѣлыхъ въ ящикѣ 60 кусков* (л. 852)

3) использование словообразовательных параллелей при обозначении товаров или их характеристик (межсловная вариантность)¹:

Явка: *3 дюжыны зубочистковъ* (л. 476 об.)

Явка: *10 фу порошку носового в жести* (л. 491)

Явка: *10 ставочковъ маленькихъ деревянныхъ простыхъ в нихъ по садочку игрушешныхъ с попугайками костяными* (л. 982)

Продажа: *3 дюжыны зуботычекъ медныхъ* (л. 481)²

Продажа: *12 фу порошку носого*³ (л. 494 об.)

Продажа: *10 ставочковъ маленькихъ деревянныхъ простыхъ в нихъ по садочку игрушешныхъ с попугайками костяными* (л. 1006)

4) варьирование слова (внутрисловная вариантность):

Явка: *150 фунтъ сакалатѣ* (л. 272)

Явка остальныхъ товаров: *6100 ромокъ стеклянныхъ бѣлыхъ* (л. 591)

Явка: *ящыкъ рюмокъ* (л. 1446)

Продажа: *150 фунтъ соколату* (л. 275)

Досмотр: *А по целовальничьимъ досмотрамъ ... рюмки бѣлые во 11 ящыкахъ* (л. 592)

Досмотр: *Ящыкъ рюмокъ в немъ 100 ромокъ болшеи руки 200 ру-*

¹ Термины *межсловная вариантность* и *внутрисловная вариантность* используются в статье Э. Д. Головиной [Головина 1983: 59, 61].

² В СРЯ XVIII дано слово *зубочистка*, слово *зуботычка* не зафиксировано [8: 235].

³ Прилагательное *носный* отсутствует в КС XVIII и не отмечено СРЯ XVIII.

По явкѣ с караблеи ннѣшняго привозу ... ящикъ в нем кругъ мѣдной называютъ **астралбия** (л. 595 об.)

Явка: Ящикъ в немъ 117 кусков **расовъ** или саржы (л. 1123 об.)

Явка: Ящикъ в нем **шкапецъ** малои дитячей деревянной под красками (л. 533 об. =)

Явка: 2 ящика **басаментовъ** золотныхъ и серебряныхъ (л. 1328)

мок малои руки бѣлого стекла (л. 1447 об.)

Послано к Москве: 2 ящика в них **астролобинюмъ** (л. 632 об.)

Отъявка непроданного: 117 кусков **расы** (л. 1168 об.)

Досмотръ: Ящик в нем **ихапецъ** малои дитячей деревянной под красками (л. 538 об. =)

Продажа: 2 ящичка **пузоментовъ** золотныхъ и серебряныхъ вѣсомъ 2 пуда 4 фу 18 золотниковъ (л. 1343)¹

В таможенных книгах разных типов формуляр выдерживался не только в начальном и конечном протоколах, но и основная содержательная часть (список товаров) также подчинялась четкому правилу: каждый товар записывался по определенной формуле (количество+название+характеристики). В связи с этим фрагменты таможенных статей, содержащие названия одних и тех же или подобных товаров с общими или подобными характеристиками, можно рассматривать как параллельные микротексты (или параллельные контексты). Например, варианты ряды *анчоус–ончоус–ансовис–анчовись–ансовиш–аньсьювес*, *шкап–шхп–шкаф–шхав–шхпф*, *шеколат–щеконат–чакалат–соколат–секалат* и др.; *кофейный–кофяной–кофный* и др. отмечены не только в параллельных, но и в аналогичных текстах (параллельных контекстах). В связи с этим предлагаемый далее материал извлечен как из собственно параллельных текстов, так и из параллельных контекстов.

Для развития русского языка XVIII в., особенно первой половины, характерна многоконтактность, которая интенсивно протекала и в местах такого постоянного взаимодействия с иностранцами, как крупные ярмарки, в первую очередь в портовых городах. В этом отношении Архангельская ярмарка и в целом Архангельск, где торговало большое количество иностранных купцов, играли существенную роль. Именно поэтому архангельская книга 1710 г., в которой регистриро-

¹ Варианты *басамент* и *пузомент* 'позумент' в КС XVIII отсутствуют. Вариант *пузомент* в данной книге встречается неоднократно.

вались новые для русского быта иностранные товары, по сравнению с другими аналогичными памятниками первой половины XVIII века содержит наиболее интересный материал.

В книге содержится достаточно много заимствованной лексики (преимущественно из голландского, немецкого и английского языков), время вхождения которой в русский язык (или ее активизация) определяется петровской эпохой. По своему характеру это лексика метрологическая, в проникновении которой торговля играла ведущую роль, и бытовая (названия мебели, одежды, продуктов питания, украшений, предметов роскоши и др.): *анкирек*, *алексир*, *анчоус*, *галун*, *галстук* (в варианте *галздук*), *грош* '12 дюжин', *канфор* 'жаровня для подогрева' (в варианте *камфор* и производное *камфорик*)¹, *каперс*, *кофь* (вариант *кофь*), *менгиль* 'мера жидкости', *парик*, *портупея* (в варианте *портупей*), *пудра*, *саржа*, *тафта*, *трип*, *тюк*, *флаг* (в варианте *флак*), *флюр* 'ткань', *шелдерей* 'картина', *штоф* 'ткань' (в варианте *стоф*) и др.

Адаптация иноязычного слова проявляется, в первую очередь, в многообразном варьировании его материальной формы, что нередко связано с параллельным вхождением слова из разных языков, при этом «характер модификаций предопределен ... возможностями дающей и принимающей системы, которые очерчивают предел возможных колебаний» [Биржакова, Войнова, Кутина 1972: 12].

Примерами активного варьирования заимствуемого слова в период его вхождения в русский язык, что связано как с разными языками-источниками, так и с разными процессами трансформации иноязычного слова (транслитерация, трансфония, комбинирование этих способов), могут служить слова *анчоус*, *шоколад*, *шкаф* и др.

Анчоус: 5 боченекъ рыбъ **анчовись** (л. 24), 5 боченекъ **анчоусь** (л. 25), 4 боченки рыбъ **ансьювес** (л. 168 об.), Боченка рыбъ **ончоусь** (л. 407 об.), 2 боченки рыбъ **ансовишь** (л. 443 об.), 6 боченекъ маленьких рыбъ **анчоусь** (л. 532 об.), боченка **ансовис** (л. 551 об.), **Ансовишь** въ 2 пестерях 75 боченках маленьких (л. 977 об.).

Как показывает приведенный материал, слово *анчоус* в данном памятнике встречается в шести вариантах, отражающих как разные источники вхождения слова в русский язык (англ. *anchovies*, голл. *anchovis*, *antsouwe*, нем. *Anschovis*) [Биржакова, Войнова, Кутина 1972: 342], так и разные способы его адаптации. КС XVIII за этот период показывает три варианта (*анчоус* 1706 г., *анчоус* 1707 г., *анчаус* 1715 г.), остальные варианты относятся к более позднему времени

¹ СРЯ XVIII датирует вхождение слова *канфор* в русский язык 1731 г., а вариант *камфор* – 80-ми годами [СРЯ XVIII 9: 237], уменьшительное *камфорик* в Словаре не отмечено.

(анчовис 1724 г, анчафши 1742 г., анишоус¹, анишовиш 1747 г., анчовиш 1765 г., ансовиш 1768 г., анишуфши 1775 г.). Если большинство вариантов имеет единичную фиксацию, то *анчоус* употребляется на протяжении всего столетия и к концу века остается единственным, именно он фиксируется и в САР¹ [САР¹ I: 38].

Шоколад: 16 фу *шекалата* (л. 600 об.), *ящичекъ в немъ 30 фу шекалата* (л. 86 об.); 4 *ящика чакалата* (л. 171), 150 фунтъ *сакалату* (л. 272), *ящичкъ с сакалатомъ* (л. 1564 об.), 6 фу *секалату* (л. 636), 150 фунтъ *соколату* (л. 275).

По данным этимологических словарей, первоисточником вариантов слова *шоколад* в европейских языках является исп. *chocolate*, «формы на *ч-* — из ит. *cioccolata*, на *ш-* — через нем. *Schokolade* “шоколад”» [Фасмер IV: 465], в русский язык слово *шоколад* входило из исп. *chocolate*, ит. *cioccolata*, через нем. *Cocolade*, голл. *chocolaat*, фр. *chocolat* [Биржакова, Войнова, Кутина 1972: 404].

КС XVIII содержит более 60 карточек-цитат, в которых зафиксировано 13 модификаций данной лексемы: *чекулад*, *чекулат*, *чоколат*, *шокелат*, *шеколад*, *шеколат*, *шекалат*, *шекулат*, *шикулад*, *шикулат*, *шаколад*, *шоколат*, *шоколад*². Ранняя фиксация (в варианте *чекулат*) относится к 1698 г., следующий вариант *шокелад* — к 1719 г. Одни из вариантов более частотны (*чекулат* — в самом начале века, *шоколат*, *шоколад*, *шеколад*) и употребляются в текстах разных жанров и у разных авторов. Другие (*чоколат*, *шекулат*) единичны и могут быть обусловлены авторскими или жанровыми особенностями³. К концу века вариантов становится несколько меньше, уходят варианты на *че-* (они отсутствуют уже и в середине века), но сохраняются варианты *шеколад*, *шеколат*, *шекалат*, *шоколат*, *шоколад* (отмечаются в разных текстах). Смену вариантов можно проследить на материале одного автора. Так, у А. Кантемира в «Описании Парижа и французов»

¹ Этот вариант как эквивалент немецкого слова дан в Лексиконе Волчкова [ЛВ¹ I: 96].

² Материал КС XVIII может быть дополнен прилагательным *соколатовый*: Ящичъ в нем 160 бумажекъ по 2 пряника черныхъ соколатовыхъ (л. 984 об.); в Картолке есть прилагательное *шоколадный*, представленное материалами конца века. Варианты *шекалат* и *чекалат* отмечены в архангельских книгах 1719 и 1720 гг.: *ящичкъ шекалату* (РГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 8, № 32762, л. 199), 18 фунтов *чекалату* (ibid., № 32744, л. 15).

³ Единичен вариант *шикулад*, который встретился в комедии В. Колычева «Дворянющей-ся купец» в речи персонажа, в словах автора употребляется *шиколад*. Однако вариант *шикулат* отмечен и в Записках М. Данилова (1771 г.). Интересны примеры из «Кораблекрушения на Индийском море и возвращения из Индии в Европу» (пер. с франц. Ф. Каржавина. СПб., 1790). В тексте равноправно употреблены два варианта *шоколат* и *каколата*, однако второй имеет комментарий: «*Шоколат*, *chocolat*, а правильнѣе сказать *каколата*, есть напитокъ здѣланной из разваренного на молокѣ или просто на водѣ, с примѣсью сахара или чистого сыропа, нѣкотораго тѣста здѣланнаго из толченыхъ в ступкѣ бобковъ *какаовыхъ* .. оныя бобки называются болѣе *како* нежели *какао*, от чего и напитокъ назван *каколата*» (с. 226).

(1726 г.) употреблен вариант **чоколат**, позже в «Сатирах» (1729 г.) появляется вариант **шоколад**.

Шкаф: 4 **шкана** дерева ор^ѣхового под красками с травками золочеными съ ящичками с м^ѣдною оправою (л. 405 об.–406), 3 **шкафа** с коронами деревянными р^ѣзными золочеными (л. 269), 5 **ихафов** ор^ѣховых (л. 975), **ихавь** дубовой оклеень ор^ѣховым деревомъ (л. 1451), **шапъ** держаной дубовой (л. 500 об.), **шап** ор^ѣховой заморского д^ѣла (л. 627), **шаф** ор^ѣховой величиством средней двери створные з замками (л. 984 об.)¹.

Слово **шкаф** (в варианте **шкан**) вошло в русский язык в середине XVII века: в КДРС ранняя фиксация относится к 50-м гг., с 70-х гг. отмечается вариант **шкаф**. Согласно этимологическим словарям, слово восходит к немецкому языку: ср.-в.-н. *schar(p)*, «шкаф ... скорее всего преобразовано из *шкан* под влиянием нов.-в.-н. форм *Schaff*» [Фасмер IV: 446, 447]; Н. Смирнов в качестве источников данного слова называет ниж. нем. *scharp*, верх. нем. *schaff*, голл. *schar*, шв. *scår* [Смр. 331].

В КС XVIII слово **шкаф** (варианты **шкафа**, **шкан**) представлено большим количеством примеров, ранний из которых (**шкаф**) относится к 90-м гг. XVII в., **шкан** — к 1701 г., однако этот материал может быть дополнен вариантами **ихап** и **ихаф** (**ихав**) и дериватами **ихапец** (в КС XVIII есть **шкапец**, 1716 г.)² и **шавной**: *Ящик в нем шхапецъ малой дитячей деревянной под красками* (л. 538 об.), *Ящыкъ в немъ верхъ шхавной створы со стеклами* (л. 271 об.). Прилагательное **шкафный** — **шканный**³ в Картотеке представлено только по данным соответственно САР¹ и ФРЛ¹.

В анализируемом памятнике вариантность отмечена и в таких словах, как:

Кофь (ж. р.) — **коф** (м. р.): *Коробка жел^ѣзная кофи ззженои* (л. 435), *10 фунтъ бобовъ кофи* (л. 600 об.), *51 меленка дерева ор^ѣхового что кофъ мелють* (л. 271 об.).

Кренгель — **крендель**: *3 бочекъ .. кренгелеи заморскихъ* (л. 1125), *Боченка полуамная кренгелеи заморскихъ* (л. 1450) — *Бочка кренделеи* (л. 112 об.). В СРЯ XVIII слово дано со знаком входа, вариант **крендель** отмечен под 1724 г., вариант же **кренгель** датируется 1792 г. [СРЯ XVIII 10: 250].

Усторс — **устерс**: *2 полуанкирка усторсу* (л. 346) — *Боченка анкирка устерсь в росол^ѣ* (л. 531 об.), *Боченка устерсь* (л. 1303 об.).

Это самые ранние известные фиксации слова **устрица**. В КС XVIII зафиксированы варианты: **устрези** (1719 г.), более поздние

¹ Варианты **шап** и **шаф** не зафиксированы ни в КДРС, ни в КС XVIII.

² В КДРС зафиксированы дериваты **шкапец** (1671 г.) и **шкафик** (1696 г.).

³ Прилагательное **шканный** отмечено в псковской таможенной книге 1749 г.: *Дватцат замковъ шканных* (РГАДА, ф. 1600, № 7, л. 146).

фиксации дают только вариант *устрицы* (1735 г.)¹, первая словарная фиксация — Вейсманнов лексикон (1731 г.) [ВЛ 61].

Распространенность, активность тех или иных вариантов заимствованных слов на протяжении столетия можно подтвердить употреблением лексемы в текстах других жанров. «Первым вопросом, связанным с судьбой заимствований, является вопрос о распространенности засвидетельствованных памятниками лексем иноязычного происхождения в речевой практике носителей русского языка на первом этапе после заимствования и затем вплоть до наших дней» [Рейцак 1969: 186].

Вариативность слова в памятнике региональной принадлежности, тем более раннего периода бытования слова, может вызвать сомнение в актуальности того или иного варианта: не являются ли многие из них фактом неграмотного произношения, искажения из-за незнания слова и т. п. В такой крупной таможене, как архангельская начала XVIII века, пропускавшей большой поток иностранных купцов и не меньший поток русских купцов, имевших обширные торговые связи с европейскими портами и хорошо знавших «заморские» товары, обязанности таможенников (бурмистров, целовальников) выполняли, как правило, опытные торговцы. Общая характеристика языка архангельских таможенных книг показывает, что и писцами были грамотные опытные люди. В связи с этим вероятнее считать, что отражение многовариантности в большей степени все же связано с общими процессами освоения иноязычного слова².

Подтверждением могут служить материалы КС XVIII, показывающие, например, многовариантность таких слов, как *анчоус* и *шоколад*, в текстах разных жанров на протяжении всего столетия.

Освоение «чужеземных» слов проявляется не только в появлении различных модификаций слова, но и в процессе включения их в русскую словообразовательную систему: возникают новообразования от иноязычных слов, в которых также отражается процесс варьирования.

¹ В материалах князя Б. И. Куракина под 1711 г. употребляются варианты слова *устрецы*, не вошедшие в КС XVIII, — *остреги*, *острюжи*, *устрежи*: *Часть телятины зажаренной под соусом с остреги или с капром* (АК III 220), *Телятина поджареная, под соусом с острюжи* (АК III 221), *По краям поставить по блюду порцелиновому устрежей сырых* (АК III 220). Варианты *устерс*, *устрецы*, *устроси* зафиксированы в словаре Шмидта [Сл. Шмидта 273].

² Как показывает материал, прямой зависимости того или иного варианта от того, в записи товаров какого иноземца он встречается, не обнаруживается. Так, в таможенных статьях голландцев отмечены варианты *анчоус*, *ансовиш*, *ансовис*, *роморка*, *рюмка*, *секалат*, *шекалат*, *икаф*, *шпан*, *шхав*, *шхавф*; в статьях англичан — *анчоус*, *рюморка*, *рюмка*, *соколат*, *саколат*, *икаф*, *шкан*; в статье гамбургца — *роморка*, *рюмка*; в статье датчанина — *роморка*. В названной выше книге записей таможенных операций английского купца В. Парсона 1720 г. отмечены слова *анчовис*, *чекалат*, *рюмка*.

Кофяной — **кофный** — **кофейный**¹: 6 чайниковъ малых мѣдныхъ золоченыхъ **кофяныхъ** ... коробочка жестяная крашеная **кофяная** (л. 95 об.), кружка **кофяная** ... с носкомъ (л. 503), В боченки 20 фунтъ бобовъ **кофяныхъ** (л. 1306 об.) — в данном памятнике это наиболее частотный вариант; 10 кружекъ **кофныхъ** лосчатыхъ зеленои мѣди на ношкахъ по верху рѣзаны травочки (л. 977); 8 горшечков оловянныхъ **кофейныхъ** (л. 65), 354 чашечекъ и блюдецъ малыхъ чайныхъ и **кофейныхъ** 3 чаши **кофейныхъ** средних (л. 502 об.).

Частотность употребления того или другого варианта, вероятно, связана с частотностью производящего слова: например, наиболее частотным является вариант **кофяной** (<**кофь**, именно эта форма зафиксирована не только в данной книге, но и в таможенных книгах других территорий), менее частотно **кофейный** (<**кофе**, в таможенных книгах данная форма существительного не отмечена), единичными является как прилагательное **кофный**, так и форма м. р. **коф**.

Рюмка («Рюмка .. производят из нем Römer, Römerglas» [Фасмер III: 533]): 60 **рюмокъ** стекляныхъ бѣлыхъ аглинскихъ 120 **рюмокъ** среднихъ такихъ ж 100 **рюмокъ** такихъ ж малыхъ (л. 271), ящыкъ **рюмокъ** в немъ 100 **ромокъ** болшей руки 200 **рюмокъ** малои руки бѣлого стекла (л. 1447 об.), 3 **румки** точеные деревянные (л. 1343), 150 **роморокъ** скляныхъ бѣлыхъ средней руки 140 **роморокъ** скляныхъ кубасныхъ зеленого стекла среднихъ ж (л. 98 об.)², 2 чайника ценныхъ большихъ дюжина **рюморокъ** скляныхъ 2 дюжины кѣмокъ з блюдами глиныхъ (л. 306 об.).

Слово *рюмка* (и производное *рюмочка*) известно в русском языке со второй половины XVII в. [СлРЯ XI–XVII 2: 280], в КС XVIII слово *рюмка* представлено преимущественно материалами из словарей: Номенкл., ЛП, РГЛ, ВЛ, ЛВ¹, Сл. 1763, САР¹, текстовый пример только из «Путешествия» П. А. Толстого 1698–1699 гг., иные варианты отсутствуют. Однако данные анализируемого источника свидетельствуют еще об определенной новизне слова в языке начала XVIII века и идущих процессах его освоения: варианты *ромка*, *румка*, *роморка*, *рюморка* показывают, что номинация данного предмета связана с голл. *roemer* [РГЛ 192], нем. *Rumer* [ЛВ¹ I 270], *Römer* [ВЛ 508].

Ценность представленного материала (помимо его лингвистической значимости) и в том, что он извлекается из текстов, в значительной степени отражающих живой разговорный язык, т. е. текстов, показывающих процессы адаптации (приспособления) иноязычных заимствований и связанные с ними словообразовательные процессы, происходящие

¹ Варианты *кофяной* и *кофный* в СРЯ XVIII отсутствуют [СРЯ XVIII 10: 210].

² Ср.: ромор, голл. гомег, гоетег, рюмка ... Роморов скляных голанских 30 дюжин. Меньшик. арх. 13 стр. [Смр. 266].

в живом употреблении¹. Архангельская книга 1710 г. в этом отношении наиболее информативный источник: в связи с характером своего содержания (регистрация всего обилия и разнообразия ввозимых через Архангельск новых иностранных товаров) она дает обширный и важный материал для лингвистических наблюдений над одним из аспектов развития и функционирования лексики в начальный период формирования русского литературного языка на национальной основе.

Сокращения

ВЛ — Вейсманн Э. Немецко-латинский и русский лексикон ... СПб., 1731.

КДРС — Картотека «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (Институт русского языка им. В. В. Виноградова, г. Москва).

КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург).

ЛВ¹ — Новый лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках, переводу ассессора Сергея Волчкова. Ч. 1–2. СПб., 1755–1764.

ЛП — Поликарпов Ф. П. Лексикон трехязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.

Номенкл. — Копиевский И. Ф. Номенклатор, на русском, латинском и немецком языке. Амстердам, 1700.

Нрд. — Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь. Ч. 1–2. СПб., 1780–1782.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РГЛ — Брюс Я. В. Книга лексикон или Собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык. СПб., 1717.

САР¹ — Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб., 1789–1794.

Сл. 1763 — Полетика Г. А. Словарь на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском. СПб., 1763.

СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.

Сл. Шмидта — Christoph. Schmidt. Kurzes russisch-teutsches und teutsch-russisches Wörterbuch. [1770-е гг.] Halle, 1798.

Смр. — Смирнов Н. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. (Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого) // Сб. ОРЯС. Т. 88. СПб., 1910.

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–20. Л./СПб., 1984–2013.

¹ Варьирование в параллельных текстах и контекстах в значительной мере характерно и для исконных слов: *махальце* – *махавка*, *плетюха* (*плетюшка*) – *плетень*, *погребец* – *погребчик*, *подклад* – *подкладь*, *склянка* – *скляница*, *стеклянный* – *скляный*, *носовой* – *носный порошок* ('нюхательный табак') и др.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

ФРЛ¹ — Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на русский язык переведенный. Т. 1–2. СПб., 1786.

Литература

Алексеев А. А. Цели и методы текстологического исследования лингвистических источников XI–XVII вв. // Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. С. 107–131.

Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

Велувенкамп Я. В. Голландские купцы и их роль в торговле с Архангельском в XVII–XVIII веках // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 99–107.

Головина Э. Д. К типологии языковой вариантности // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 58–63.

Дерягин В. Я. Варьирование языковых средств в текстах деловой письменности (важные денежные отписи XVI–XVII вв.) // Источники истории русского языка. М., 1976. С. 3–37.

Захаров В. Н. Иностранцы купцы в Архангельске при Петре I // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 181–209.

Камчатнов А. М. Лексическая вариативность и лексические значения // Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 121–129.

Мальшева И. А. Комплексы таможенных документов первой половины XVIII века (лингво-текстологическая характеристика параллельных текстов) // Историческая лексикология и лингвистическое источниковедение. Красноярск, 1991. С. 90–98.

Мальшева И. А. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997.

Мальшева И. А. Архангельская таможенная книга 1710 г. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.. Курск, 2009. С. 129–134.

Овсянников О. В., Ясински М. Э. Голландцы. «Немецкая слобода» в Архангельске XVII–XVIII вв. // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 108–180.

Юхт А. И. Торговые связи Астрахани с внутренним рынком (20–50-е годы XVIII в.) // Исторические записки. Т. 118. М., 1990. С. 139–201.

Ваганова Ксения Ринатовна
Московский государственный
областной университет
Россия, г. Москва

Омские розыскные рапорты XVIII века как пример стандартизации делового документа

Изучение парадигмы розыскного делового языка начала XVIII в. занимает важное место при определении направлений развития и функционирования структуры русского литературного языка в данный исторический период. Обособление единой лексико-семантической и функционально-прагматической базы данного подстиля официально-делового стиля было обусловлено рядом экстралингвистических факторов: усилением основ кабального холопства, ссылкой на Урал и в Сибирь для освоения их территориального пространства, тяжёлыми социальными условиями жизни крестьян, солдат и иных менее защищённых слоёв населения.

Под *розыскным деловым документом* мы понимаем деловой текст, направленный на репрезентацию поисковой информации о том или ином человеке в рамках конкретного жанрового источника. Условия успешности такого типа сообщения играют важную роль, поскольку только качественно созданный с функционально-прагматической точки зрения документ эксплицирует точную информацию по вопросам розыска. Обращение к документам регионального розыскного делопроизводства начала XVIII века необходимо для репрезентации картины становления русского литературного языка в данную историческую эпоху и осознания трансформационных процессов в общественной жизни. Потому нам кажется верным замечание А. А. Шахматова о важности принципа историзма: *описание фактов языка статистическими и синхронными способами возможно, но не даёт их объяснения в полной мере* [Шахматов 1910: 8].

Омские розыскные рапорты XVIII века, анализ которых будет представлен в данной статье, в системе документооборота и официально-деловой коммуникации были распространены на всей территории Российского государства. Шаблон оформления деловых бумаг несколько отличался от правил создания розыскных источников прошлого столетия. Так, например, самоназвание источника выносилось в отдельный абзац, располагалось строго посередине строки в заглавном регистре:

РАПОРТЪ

Генераль майора Станиславскаго

Высокопревосходительному господину генераль порутчику

И кавалеру Ивану Александровичу Бескалону

[ГАОО. Ф.1. Оп. 1 Д.193, Л. 226].

В самоназвание розыскных рапортов XVIII века вынесена система реквизитов, а именно — номинация ‘автора текста’ и его ‘адресата’. Семантические признаки данного элемента текста таковы:

— иерархичный статус коммуникативной пары «адресат/адресант» (высшее–низшее звено);

— возможность письменной и/или устной коммуникации, следование стандарту при оформлении;

— отчётно-исполнительный характер общей системы работы в рамках данной жанровой модели.

Для некоторых деловых документов характерно употребление номинации *репорты*. Такие тексты составляют значительную часть письменного наследия М. В. Ломоносова. Как отмечает О. В. Трофимова, анализ его документов показал, что их основная, текстовая часть, как правило, состоит из казусного фрагмента, в котором излагаются дела, и прагматического, диспозиции, содержащей соответствующую просьбу [Трофимова 2002: 452].

Реквизит «дата» эксплицировался с помощью предложно-падежной конструкции генетивного типа: *от 2 майя 1775 г., от 23 июня 1775 г., от 4 сентября 1786 г.* Обязательными в этом случае являлись указание на конкретное число, месяц и год. Реквизиты ‘автор’ и ‘адресат’ были закреплены в самоназвании. В отличие от документов XIX века в этот период повторной номинации в основном тексте не наблюдается. Реквизит ‘автор’ имеет первостепенное значение, поэтому публикуется сразу же после самоназвания в форме Родительного падежа без предлога: *генераль майора Станиславскаго*.

В тексте омских розыскных рапортов XVIII века выделяем три функционально-семантических блока: начальный блок, блок основного содержания, конечный блок.

I. Начальный блок представляет репрезентацию причин составления первичного текста: *ссылной колодникъ Юреи Болотновъ которои роду латышскаго неведомо куда отлучился и помногу иску нигде ненаидень*. Обязательным оказывается название имени и фамилии *описываемаго лица*. Некоторые розыскные рапорты XVIII века фиксируют «биографические» сведения. Чаще всего актуализируется на-

циональный признак с помощью определительного придаточного: *которой роду латышского, которой роду немецкого*.

II. В блоке основного содержания представлена информация о внешности человека. Словесный портрет в начале XVIII века включает элементы внешности, наиболее чётко подчёркивающие индивидуальность человека: *ссылный колодник Матвей, а приметами оной росту малаго лицемъ бель глаза серые **бить кнупомъ ноздри рваны на лбу и на лице ирам**; ссыльной колодникъ Юреи Болотовъ которой роду латышского неведомо куда отлучился и помногу иску нигде не наидень которой приметами росту средняго волосы русы глаза серые **бить кнупомъ на щекахъ и на лбу указные штемпели ноздри рваны*** [ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 15, 33, 226]. Актуальным становится описание особых примет в силу их больших идентификационных возможностей.

В качестве описанных элементов телосложения выступают *особые отметины*, свидетельствующие о социальном статусе ссыльных. Подобное словосочетание отсутствует в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» под ред. И. И. Срезневского. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует появление этой характеристики внешности человека в начале XVII в. со значением *‘отметь, часть конской гривы, перекинутая на противоположную сторону’* [СлРЯ XI–XVII 13: 272].

В этот исторический период функционирует и другая лексема — *отмѣта*. В первом значении — это ‘примета’, во втором значении выявляется её функциональная направленность как ‘знака, отметки’ [ibid.]. Однокоренные *отметина* и *отмѣта* имеют жанрово-стилистическую дифференциацию: первая лексикализуется в таможенных книгах, регистрационной документации (описях, ведомостях, приходно-расходные книгах) и сделочно-договорной документации (купчих, вкладных, векселях). С другой стороны, номинация *отмѣта* также встречается в описях и приходно-расходных книгах XVII–XVIII вв., но предполагает обобщающий характер репрезентации смысла, не имея строгой прикреплённости к способам описания отдельных элементов внешности (у людей или животных). Появление таких характеристик в XVIII веке было обусловлено, прежде всего, экстралингвистическими причинами: социально-политическим устройством общества и многочисленными ссылками в Сибирь.

Номинации признаков ‘роста’ и ‘возраста’ носят факультативный характер, поэтому в проанализированных рапортах практически не встречаются. Исключением является конструкция *росту малаго*, которая употребляется по традиции составления деловых бумаг. В начале

XVIII века *лицо* является основным соматизмом, который подлежал параметризации. Также лексикализуются описания цвета кожи (*лицемъ бѣль, лицемъ смугловатъ*), описания цвет глаз (*глаза серые, глаза карие*) и, наконец, описания цвета волос (*волосомъ черень, волосы русы*) [ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 15, 33, 226]. Частотными в начале XVIII в. оказываются адъективно-субстантивные словосочетания с терминологическим значением: *лицемъ бѣль, лицемъ смугловатъ черноватъ, морсковатъ. волосомъ черень* [ibid.]. Такие номинации по-прежнему иллюстрируют, на наш взгляд, только нормы приказного языка. Отсюда наблюдается некоторый параллелизм с конструкцией *волосы русы*.

III. Конечный блок в рассматриваемых розыскных рапортах оказывается факультативен с точки зрения языкового наполнения. Предикация *велено о приматриваніи и поимки онаго беглеца* программирует дальнейшей способ активности адресата/адресанта деловой коммуникации. Безличный способ выражения глагола прагматически оправдан моделью поведения основных коммуникантов рапорта: нижестоящее официальное лицо давало отчёт о том, что поиски беглого будут продолжены. Функциональная направленность текста рапорта определяется следующим образом:

— сообщить вышестоящему человеку информацию конкретного розыскного содержания (*обнаружень* или *поиски продолжаются*);

— определить степень выполнения уже проделанной работы или фиксировать факт первичных поисковых мероприятий.

Анализ омских розыскных рапортов XVIII в. позволил нам предположить, что для истории русского делового стиля особенно актуально рассмотрение «свободных» источников, формуляр словесного портрета которых формируется в недрах региональной канцелярской школы, а не предписан руководителями циркулярами. Локально ограниченные деловые тексты иллюстрируют процесс дальнейшего становления жанра документа.

В этот исторический период документы о розыске людей направляются губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам различных областей. Например, в розыскных приказах начала XVIII в. словесный портрет имеет чётко выраженную пространственную локализацию в тексте документа, располагаясь в постпозиции по отношению к сообщению о разыскивании беглого подданного и к распоряжению о *розыскѣ* названного иностранца. В начальной части приказа сообщается факт бегства *подлежащего безвозвратной высылкѣ за границу подданного другого государства*. Называются имя этого человека и исправительная организация, из которой он бежал. Далее ре-

презентируется распоряжение о розыске иностранца в пределах той области, куда был направлен настоящий приказ.

Наконец, составители розыскных приказов указывают такие приметы внешности, как ‘возраст’ ссыльного, ‘рост’ и ‘лицо’ и ‘особые приметы’. Отметим, что в словесных портретах полностью отсутствует общее ‘описание телосложения’:

— 27 лѣтъ, роста средняго, волосы и брови темнорусые, глаза карие, носъ и ротъ умѣренный, на правой рукѣ выше кисти имѣеть бородавку;

— 27 лѣтъ, ростъ 2 ар. 7 вер., волосы черные, глаза карие, лицо круглое, бороду брѣеть носъ и ротъ умеренные;

— 65 лѣтъ, роста ниже средняго, волосы сѣдоватые, брови темнорусые, глаза серые, носъ широкий, ротъ умеренный, губы тонкие, лицо осповатое;

— 34 лѣтъ, роста средняго, волосы русые, глаза пивные, лицо чисто, подбородокъ круглый, носъ и ротъ умѣренные

[Ф. 14. Оп. 1. Д. 1171. Л. 11; Д. 1185. Л. 22, Л. 23; Д. 1192. Л. 244].

Таким образом, изучение явлений розыскного делового языка, представленное в диахронической перспективе, необходимо в силу малоизученности этой системы. До сих пор не существует многомерного исследования, в котором бы освящались все вопросы, связанные с этапами становления, развития и функционирования розыскного делового языка в том или ином регионе, начиная с XVII века. И поэтому именно научно-историческое описание «берёт язык во всём его целом; <...> открывает внутреннюю связь между явлениями в их последовательности и приходит таким образом к определению причин тех или иных изменений языка, законов, ими управляющих» [Шахматов 1910: 8].

Литература

Омское городское полицейское управление // Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 1171. Л. 11; Д. 1185, Л. 22, 23; Д. 1192. Л. 244.

Рапортъ Порутчику Омской коменданской канцелярии // Государственный архив Омской области/ Ф.1 «Военно-походная канцелярия главного командира Сибирского корпуса (1710–1800 гг.). Оп. 1. Д. 193 (Л. 15, 33, 226–260).

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3-х тт. СПб., 1895–1903.

СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. Опась–Отработыватися. М., 1987.

Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.): дис. ... докт. фил. наук. СПб., 2002.

Шахматов А. А. Курс истории русского языка. Ч. 1. СПб., 1910.

Соколов Александр Иванович
Санкт-Петербургский государственный
технологический институт (технический университет);
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

**Фонетическая адаптация заимствований как источник
вариантности в русской химической терминологии
XVIII — начала XIX веков¹**

Значительное количество языковых единиц, составивших основу русской химической терминологии, было представлено заимствованиями, которые в процессе вхождения в лексическую систему могли проходить через стадию вариантности. В статье анализируются варианты лексических единиц, рассматриваемые составителями СРЯ XVIII как фонеморфологические [Проект 1977: 42–43]. Признаками данного типа вариантов являются исторические чередования в части исконной лексики, а также «свободное варьирование в иноязычных словах, причины которого лежат вне действия звуковых законов русского языка» [Указатель 1984: 15]. Если исторические чередования в исконной лексике объясняются эволюционными процессами в фонетической системе русского языка, то второй вид альтернатив, также соотносимый с фонетическим уровнем, имеет свою специфику: регулярность, воспроизводимость, с одной стороны, и асистемность как нарушение исторически сложившейся, гомогенной фонологической системы русского языка — с другой. Подобные фонетические трансформации в заимствованных словах достаточно подробно описаны и названы «пустыми вариантами» [Биржакова и др. 1972: 184]. Анализ русской химической терминологии, складывающейся в XVIII веке, позволяет дополнить и уточнить картину вариантности внутри иноязычной лексики данного периода и проследить динамику вариантности конкретных терминов².

При инкорпорировании заимствования в текст автор или переводчик стоит обычно перед выбором: передать слово либо через транслитерацию, отражая его графическую оболочку, либо через транскрипцию, транскрибируя слово, приближая его к произношению в языке-источнике и одновременно приспособлявая его к фонетической

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-00428 «Вариантность в русском языке XVIII века».

² В ряде случаев, помимо внутрисловной, рассматривается и надсловная вариантность — акцентологические варианты терминов.

системе принимающего языка, либо наделить слово материальной оболочкой с использованием обоих способов.

Так, в частности, в химической терминологии могла появляться вариантность в словах греческого происхождения на *у* или на гласный с густым придыханием. В европейских языках указанные начальные звуки в грецизмах приобрели устойчивую традицию графической передачи через *h*. В XVIII веке формирование русской научной терминологии (в том числе и химической) во многом происходит благодаря заимствованиям из латыни и западноевропейских языков, при этом складывается традиция передачи западноевропейского *h* с помощью русской графемы *г*, в том числе в словах греческого происхождения.

Однако и к началу XIX века различия в способах оформления греко-латинских заимствований продолжают сосуществовать. В ряду единиц, относящихся к химическим терминам, отметим варианты *гигрометр* — *игрометр*, *гигроскоп* (*гигроскопия*) — *игроскоп* (оба слова с одним и тем же значением 'прибор для измерения влажности воздуха'). Согласно Картотеке «Словаря русского языка XVIII века» (далее — КС XVIII), первая фиксация слова *гигрометр* с начальным *г* относится к 1734 г., она отмечена в «Примечаниях к Ведомостям», где, как известно, помещались переводы с немецкого языка: *Уже давно выдуманы гигрометры, которые от славнаго господина Волфа вѣсы погоды .. называются* (Прим. вед. 1734 309)¹.

Позже традиция передачи европейского *h* через *г* частично нарушается в связи с возвращением византийского (новогреческого) прочтения грецизмов. Так, во втором периоде² наблюдается вариантное употребление как слова *гигрометр*, так и слова *гигроскоп*: *Чрез Игрометр или Игроскоп разумѣтся инструмент, которой показывает сухость и влажность воздуха* (Влф. физ. (Лом.) 60). *Разное множество волглости, на воздухѣ в разныя времена чрез инструменты сыскивается .. которая имянуются, Гигрометра, Гигроскопия, Ноциометра* (О воздухе 18)³. *Начальное понятие о вѣсах, игрометрами называемых* (Физ. Крафта I 45).

Та же тенденция сохраняется в третьем периоде: *Инструменты показывающие прибыль и убыль сырости воздуха, называются игро-*

¹ Сокращения источников Картотеки и «Словаря русского языка XVIII века» см.: [Указатель 1984].

² Периоды называем в соответствии с организацией материала в КС XVIII: I период — с конца XVII в. до конца 30-х гг. XVIII в., II — с 1740 г. до конца 70-х гг., III — с 1780 г. по 1805 г.

³ К концу века к данному синонимическому ряду добавляются кальки *мокрометр* и *влагометр*.

метрами (Винк. 56). **Гигрометр** или орудие для измѣрения сухости и влажности воздуха (Жак. П. II 242).

И если в «Лексиконе» И. Аделунга представлены лишь варианты *гигрометр*, *гигроскоп* (Ад. I 849), то в «Словотолкователе» Н. Яновского фиксируются оба варианта: *Гигрометр*, *Гигроскоп* или *Игрометр*, *Игроскоп* (Ян. I 583). Указанные слова не включены ни в ФРЛ¹, ни в САР¹, но в ФРЛ¹ представлены другие слова с греческим корнем *гидр*– в вариантном написании: *гидравлический*, *идрографический*, *гидростатический* (ФРЛ¹ I 619). Сохраняющаяся вариантность фиксируется и в САР², где даны, например, *гидрография* и *гидростатика* (САР² I 1098), но с пометой *см.*, отсылающей к вариантам *идрография* и *идростатика*, представленным в качестве заголовочных слов.

«Пустое» чередование *г/ноль* звука наблюдается, в частности, и в европеизмах с *h* в интервокальной позиции [Биржакова и др. 1972: 192–193]. Для химической терминологии показателен пример варьирования в слове *алкоголь* — номинации, вошедшей в русский химический лексикон в 80–е гг. XVIII в. через переводы с французского и немецкого. Отмечен, в частности, вариант *алкооль*, очевидно отражающий одно из написаний (и произношение) данного слова во французском (*alcoool* и *alcohol*): **Алкооль** получаемый первою перегонкою содержит еще много излишней воды (Куз. 143). В другом переводе с французского фиксируются варианты *алкоголь* и *алкооль* с разными субститутами графемы *h*: **Алкооль** есть бѣлая влага, крѣпкой запах и теплой острой вкус имѣющая (Фурк. 130). Смола <есть> сгараемая материя, в **Алкоолю** растворяемая (Фурк. 108–109). Но преобладающим вариантом становится *алкоголь*, отмеченный в переводных и оригинальных химических трактатах третьего периода XVIII в. и начала XIX в.: Самая же чистѣйшая водка называется **алкоголем** (Эркс. 141). Наливал он <химик Брюньятели> в трубчатую реторту (*retorta tubulata*) два унца **алкоголя** или весьма чистаго виннаго спирта и столько же крѣпкой селитряной кислоты (*acid. nitricum*) (Петров 132). Древние называли **алкоголь** (слово арабское), многия летучия существа и даже мѣлкие порошки. Новѣйшие химики приняли сие название для означения того, что прежде сего называли винным спиртом, *Espirit de vin* (Каде I 15).

И в САР¹, и в САР² данный термин представлен как *алкоголь* (основной вариант, словарное слово) и *алкооль* (САР¹ I 21) с той разницей, что САР² фиксирует оттяжку ударения на последний слог: *áлкооль* (САР¹ I 21) — *алкоо́ль* (САР² I 21).

Мена б/в отмечается в целом ряде заимствований греческого происхождения. В химической лексике отметим лишь три единицы: *бал(ь)сам* — *вал(ь)сам* ‘ароматическая смола, масло’, *цинобер* — *киноварь* ‘сернистая ртуть, красная краска’, *алебастр* — *алавастр* ‘минерал; гипс’. Здесь вариантность обусловлена, с одной стороны, латинизированным написанием и прочтением слов (б-варианты — лат., нем. *Balsam*, лат. *Cinnabar*, нем. *Zinnober*, лат. *alabastrum*) и написанием, ориентированным на их новогреческое произнесение, с другой (в-варианты — гр. *τό βάλσαμον, ἡ κιννάβαρι, ὁ ἀλάβαστος*).

Согласно материалам КС XVIII, конкуренция вариантов слова *бальзам* с начальными б и в отмечена в первом и втором периодах, а в третьем периоде сильным оказывается латинизированный вариант. Анализ наших источников показывает, что как во втором, так и в третьем периодах в химических трактатах используется только б-вариант: *Бальзам и смола не что другое суть, как благовонное масло, которое соединилось со многим количеством кислоты, и чрез то сгустилось* (Умозр. химия I 235). *Бальсамы отличаются от смол одною своею жидкостью и тем, что содержат большее количество эфирного масла, имѣют от того сольнѣе запах и нѣсколько вкусу* (Жак. П. II 33).

Оба академических словаря дают б-вариант, правда, с различным ударением: *бáльсам* (САР^I I 91–92), *бальсáм* (САР^{II} I 94).

Варианты *цинобер* — *киноварь* достаточно сильно различаются по своей манифестации. Первый, очевидно, появляется в русском языке в результате заимствования нем. *der Zinnober, Cinnober*, являющимся, в свою очередь, латинизированным эллинизмом (лат. *Cinnabaris, Cinnabar*). В КС XVIII вариант *цинобер* представлен единственной цитатой из источника к. XVII — н. XVIII вв.: *Пол-фунта цинобору* (ДМТ 13). Наши материалы обнаруживают, что данный вариант «всплывает» в переводе алхимических трактатов Исаака Голланда в третьем периоде (1787): *Возми купороса Римскаго, циноберу, сѣры .. всего по одному фунту* (Голл. 49). Однако к концу XVIII в. вариант *цинобер* утрачивает актуальность в пользу эллинизма *киноварь*: *киновар* (ФРЛ^I I 192), *киноварь* (Ад. II 1029; Каде II 102; Сврг. Хим. кн. 16), *киноварь* (САР^I III 530; САР^{II} III 123) — и в СРЯ XVIII небезосновательно показан со знаком ухода из употребления [СРЯ XVIII 10: 36].

Материалы КС XVIII показывают, что *алебастр* (б-вариант) является основным на протяжении века, в СРЯ XVIII в-вариант снабжен пометой *слав.* [СРЯ XVIII 1: 44–45]. Последний представлен в двух лексикографических источниках первого периода: *алавáстр, ἀλάβαστος, ἀλάβαστρον, alabastrum* (ЛП 20), *алавáстр* (Супр. лекс. 2), а

также в двух источниках третьего периода: *Алавастр* камень (КИБ 128). *Алебастр*, или *Алавастр*. *Род мрамору мягкаго и удобнаго к тесанию* (Сл. комм. I 24). В САР¹ представлены оба варианта, однако в качестве заголовочного слова дается вариант с греческим прочтением термина: *Алебастр*. *Зри Алавастр* (САР¹ I 19) — с тем, что при последнем варианте дана помета о его функционально архаическом, стилистически ограниченном употреблении в религиозной литературе: *Алавастр* .. в кн. церк. (САР¹ I 18).

В специальных словарях представлен исключительно латинизированный вариант *алебастр* (Каде I 11; Сврг. Хим. кн. 98) (ср. лат. *alabastrum*, англ. *alabaster*, фр. *albâtre*).

В ряду вариантов с чередованием б/в вариантная пара *бисмут* — *висмут* занимает особое положение, т. к. слово является не грецизмом, а германизмом, в котором при его адаптации в научной латыни и других европейских языках имел место переход *v (w) > b* [Partridge 1978: 48]. В немецком написании это *Wissmuth*, в научной латыни слово имело вариантное написание (*wismuthum*, *bismuthum*), а в романских языках и английском XVIII в. фиксируется как *bismuth*.

Согласно СРЯ XVIII, вариант *бисмут* имел хождение в 10–20-х гг. (показан со знаком ухода к концу века). В наших материалах данный вариант представлен единственной фиксацией в третьем периоде: *Полуметаллы суть: шпиаутер или цинк, бисмут* (Жак. В. I 313). Сильным вариантом оказывается *висмут* (отмечен в трактатах Ломоносова, Валлериуса, Лемана, Кронштедта и др.): *Висмут, извѣстный так же под именем оловянной марказиты, есть полуметалл, почти подобный с виду сурьяному корольку* (Умозр. хим. I 199). *Висмут* (*Bismuthum*, *plumbum cinereum*) *есть изкрасна бѣловатой полуметалл* (Эркс. 289).

Данный вариант отмечен как единственная форма в словарях (ФРЛ¹ I 121; Ад. I 286; Ян. II 756), в том числе в специальных (Каде I 161; Сврг. Хим. кн. 13). В обоих академических словарях представлена акцентологическая норма *висмѹт* (САР¹ I 713; САР² I 518).

Мену *к/ц* в заимствованиях следует рассматривать в зависимости от языка-источника и времени заимствования. Так, на протяжении XVIII века в словах греческого происхождения с *к* в начале и середине слова наблюдается тенденция к их латинизированному чтению (*[k] > [c]*): многие из них в связи с усилением роли латинского языка как бы подвергаются вторичному заимствованию из последнего. Как отмечают авторы «Очерков», латинизация образования в России XVIII в., распространение западноевропейских языков «определяют в дальнейшем отношении известного безразличия к воспроизведению

грецизмов» [Биржакова и др. 1972: 203], в том числе к сохранению классического воспроизведения эллинизмов с начальным *к*. В отдельных, однако, словах, вошедших в русский язык в допетровский период, эллинизированное произнесение (и написание) согласного сохранялось. Так, грецизм *керамида* (гр. *ὁ κέρακος* ‘глина’) ‘обожженная глиняная плитка, черепица’ и его производные *керамидие*, *кераменник*, известные с XI века [СлРЯ XI–XVII 7: 114], в языке химии начала XIX века имеют продолжение в сложном слове *гугиокерамы*, мн. ч. (Сврг. Кн. хим. 118) и позже (в середине XIX в.) в словах *керамика*, *керамический*. В рассмотренной выше паре *киноварь* — *цинобер* более сильным, стабильным в общем и специальном употреблении также оказывается эллинизированный вариант.

Мена *к/ц* в латинизмах была связана с разными традициями чтения *с* перед *e*, *i* и некоторыми дифтонгами. Эти правила в русском языке рубежа XVII–XVIII вв. были описаны Ф. Поликарповым в «Букваре» (читать как *ц*), и они совпали с аналогичными правилами чтения в польском и немецком языках [Биржакова и др. 1972: 202]. Тем не менее, слова латинского происхождения в зависимости от языка-источника заимствования, а также интенций переводчика (автора) могли воспроизводиться по-разному. Этим, как нам кажется, может объясняться появление вариантной пары *кементация* — *цементация* в значении ‘соединение металла для придания ему прочности с углеродом (например, превращение железа в сталь)’¹: *Другой способ, которым соединяют одно существо с другим помощью огня, однако не расплюя ни одного из них, называется кементацією (cementation)* (Умозр. химия I 138). *Составы оные .. суть тверже, нежели мѣдь. Приготовляются .. чрез цементацию мѣдных бляшек между самородною цинковою известью или цинковым камнем с толченым углем* (Жак. П. I 318). Форма *кементация* нерегулярна, представлена единичным употреблением и, по-видимому, отражает стремление переводчика к передаче классического прочтения *с* как [*k*] перед *e*, *ae* в латинском ориентире *sementatio*, *caementatio* — вопреки французскому оригиналу и правилам чтения в данном языке: .. *se nomme en général Cémentation* (Масц. I 112).

Сильным вариантом к началу XIX в. становится форма *цементация* (ФРЛ¹ I 167; Каде IV 223). В однокоренном синониме *цементование* вариантность не отмечена (Ад. I 351; Сврг. Хим. кн. 13, 95).

В то же время у слова *цемент*, как производящей основы, отмечено два значения: ‘строительный материал из песка, извести и битой

¹ В другом значении ‘очищение золота и серебра от примесей (в афинажном деле)’ вариантность форм слова не отмечена.

черепицы' и 'состав, применяющийся для очистки золота и серебра от примесей'. В первом значении зафиксирован вариант *семент*, являющийся, по-видимому, транслитерантом фр. *cément*: *Употребленные в .. каменные строения нѣкоторые сементы и извести к дѣлам каменным .. неудобны* (ПСЗ XIII 281). Вариантность *цемент* — *семент* в указанном употреблении отражена в «Лексиконе» Волчкова: *С песком смѣшанная известь; семент или цемент* (ЛВ¹ I 269)¹. В дальнейшем закрепляется форма *цемент* в соответствии с принятыми правилами латинского произношения (ФРЛ¹ I 191; Ад. I 350; Сврг. Хим. кн. 13), подкрепленная, возможно, немецким корреспондентом *Zement*².

Мена *с/з* наблюдается в целом ряде грецизмов и латинизмов, вошедших в западноевропейские языки. В некоторых языках, например во французском, глухое произношение гр. *σ* и лат. *s* в позиции перед гласным сохранялось. В немецком языке в той же позиции данные согласные произносились звонко. В результате транслитерации или трансфонии возникала вариантность. В составе химической лексики отметим варианты пары *сода* — *зода* 'углекислая соль натрия', *бальсам* — *бальзам*, *сандарак* — *зандарак* 'соединения мышьяка с серой'. Причем выбор переводчиком варианта с глухим или звонким согласным далеко не всегда определялся только языком оригинала, но и, по-видимому, теми разновекторными тенденциями в произношении, которые сосуществовали в научном языке. Так, согласно материалам КС XVIII, первая фиксация слова *сода* в варианте *зода* относится к 1763 г. и отмечена в переводе с итальянского языка, однако очевидно, что переводчик трансфонирует термин «по-немецки»: *Соль варят там <в Мурано> из зоды (Алкалической соли) чего в других мѣстах не дѣлают* (ЕС 1763 VI 526).

Вместе с тем в переводах с французского стойким оказывается *с*-вариант (латинский) — *сода*: *Сода, получаемая из морских растѣний чрез сожжение, составляет основание морской соли* (Фурк. 36). *Сода извлекается чрез сожигание приморских растѣний* (Куз. 56).

В переводах же с немецкого фигурируют оба варианта: *Сода или огнепостоянная щелочная минеральная соль (soda seu alcali fixum mineralis)* (Жак. В. I 111). *<Глауберова соль> во время возгонки подымается вверх, и не только чрез поташ и зоду, но и известную землю*

¹ Ср. данные в других источниках [Шапошников II: 508], согласно которым словарная фиксация слова *цемент* датируется 1782 годом.

² В немецком языке XVIII века уже существовали орфографические варианты *Cement* — *Zement* (Hübner 353; Zedler 1804). Во второй форме очевидна установившаяся в языке традиция произношения лат. *c* как [ts] перед *e*, *ae*.

состав ее разрушается (Эркс. 173).

На рубеже XVIII–XIX вв. сильным становится вариант *сода*, зафиксированный в САР¹ (САР¹ V 634), у Яновского (Ян. III 699), а также в специальных словарях (Каде III 416; Сврг. Хим. кн. 267).

Конкуренция латинизированного (транслитерация) и немецкого (трансфония) проявляется в «метаниях» переводчиков в поисках способов передачи заимствований внутри одного и того же текста. Ср., например, наличие вариантов *бальсам* — *бальзам* в одном и том же переводе с немецкого, как и наличие з-варианта в переводе с французского: *Наибольшия кисляя алкалическия и жидкия материи к асфальту недѣйствителны были, только одна купоросная кислота с ним мѣшалась, и сѣрной бальсам производила* (Прим. вед. 1739 320). *Известных трех родов <нефти> в тинктурѣ и соединении сѣрной бальзам выходит* (Прим. вед. 1739 319). *От сего происходят винныя душистыя воды (aquae vinosae, spirituosae), которыя иногда так же и бальсамами (balsami) называются* (Эркс. 145). *Всѣ оныя растворы горючей сѣры в маслах, кои балзамами сѣрными называются, суть цвѣтом или красные или темные* (Эркс. 194). *Тогда походит оно <благовонное масло> много на весьма масляныя существа, которыя текут из некоторых дерев; такая существа называются бальзамом или смолою по их состоянью* (Умозр. химия I 233).

Как уже отмечалось выше, общие и специальные словари к. XVIII–н. XIX вв. останавливают свой выбор на с-варианте, отражающем произношение слова в латинском (и французском) языке.

Слово *сандарак*, встречающееся в сочинениях по химии и химической технологии, а также минералогии, употребляется в двух значениях: ‘смола, используемая для производства лаков’, и ‘соединение мышьяка с серой’. Согласно материалам КС XVIII, первая фиксация слова относится к раннему первому периоду; его этимологическим корреспондентом следует, очевидно, считать лат. *sandaraca*, *sandaracha* (от гр. ἡ σανδράκη, ἡ σανδράχη ‘красный опермент’, т. е. сульфид мышьяка); слово входит в русский специальный язык через фр. *sandaraque*, нем. *Sandarach*, *Sandarak*. Во втором значении оно отмечено в сочинениях Ломоносова, Генкеля: *Ртуть с примѣсом ея <серы> перемѣняется в киноварь, мышьяк также в красную матерю, называемую Сандарак или Реалгар, которой живописцы употребляют* (Лом. ОМ 25). В материалах Картотеки при этом не зафиксирован вариант с начальным звонким согласным — *зандарак*, отражающий немецкое произношение слова и не закрепившийся в языке: *Сей опер-*

мент у древних арсеником или ядом, а обожженной в горикѣ и в огнѣ красной цвѣт получившей **зандарак**ом назывался (Минер. В. 347). Ср. нем.: .. *ward es* .. *Sandrach genennet* (Минер. W. 294). Общие и специальные словари на рубеже веков показывают сильную форму *сандарак* (ФРЛ¹ II 664; Ад. II 341; Каде III 293; Сврг. Хим. кн. 56, 255).

Особым образом, как кажется, объясняется вариантность *висмут* — *визмут*. Выше указывалось на немецкое происхождение слова: в «Лексиконе» Цедлера оно представлено отдельной статьей с написанием *Wißmuth* без каких-либо комментариев о его заимствованном характере (Zedler 57 1532). В «Этимологическом словаре» В. Скита есть указание на то, что *висмут* — «одно из очень немногих немецких слов в английском языке» [Skeat: 61]. Представляется, что авторы «Очерков» ошибочно относят данное слово к гречизмам и рассматривают его в парадигме колебаний в воспроизведении σ перед μ в словах греческого происхождения [Биржакова и др. 1972: 210]¹. Скорее всего, вариант *визмут* мог появиться по аналогии с рефлексами σ перед μ в греческих словах ряда *нумизматика*, *сарказм*, *энтузиазм*, где в разные периоды развития русского языка XVIII в. тенденции к закреплению той или иной преобладающей формы у конкретной лексемы не всегда были очевидны. Вариант *визмут* отмечен нами в оригинальных (Шлаттер) и переводных сочинениях с немецкого языка, относимых ко второму периоду: *Оная крѣпкая водка совершенно растворяет .. визмут и шпиаутер* (Монет. иск. II 77). *В короткое время получают полуметалл извѣстный под названием визмута или марказита* (Эллер 77). *Острая купоросная кислота растворяет .. визмут .. отчасти* (Лем. Проб. 143). Динамика вариантности слова и его отражение в словарях описаны выше.

Термин *газ*, введенный в язык науки ван Гельмонтом и возводимый к гр. *χάος*, впервые фиксируется в русском языке, согласно материалам КС XVIII, в статье петербургского химика, почетного члена Академии наук И. Г. Моделя «Мнение и примечания о винокурении» (1766 г.) в форме *гас*: *Сей воздух пока продолжается брожение, сопряжен с таким существом, которое естьли его много, имѣет смертельныя свойства. Что древними Гас (то есть чад) именовалось* (ТВЭО III 279). Статья является переводом (вероятно, с немецкого), переводчик не указан. Очевидно, что вариантность и в данном случае обусловлена разными источниками заимствования и связана с вари-

¹ Некоторые исследователи, правда, полагают, что нем. *Wißmuth* восходит к араб. *b[i]sīmūyūn* от гр. *ψιμίθιον* 'белила' [Pfeifer: 1574].

антным фонетико-орфографическим оформлением слова в европейских языках. Так, написание *gas* утвердилось в латинском, английском, немецком, итальянском, испанском языках, а форма *gaz* закрепилась, прежде всего, во французском, хотя периферийно была представлена в английском и итальянском языках в XVIII — начале XIX вв. В русских переводах конца XVIII — начала XIX вв. обнаруживается пестрая картина в использовании переводчиками вариантов *gaz/gac*. Переводчик не столько ориентировался на закрепившуюся в языке оригинала форму, сколько отражал существовавшую вариантность данного термина в русском языке, в котором формировалась тенденция к закреплению латинской (*gac*), а не французской формы.

С одной стороны, вариант *gaz* представлен не только в переводах с французского языка, но и с немецкого: *Смертоносные пары, которые выходят из горящаго угля; пары материй, находящихся в спиртном, или гнилом брожении .. могут называться Газами всѣх сих тѣл* (МНИ II 57–58). *Водородное начало есть составляющая часть воды, с теплотворною материею и материею свѣта составляющая водородный газ* (Фурк. 39). *Горючий, с водою смѣшивающийся, или стрѣльбиной воздух. Прочия названия оному: возгорающийся воздух жирный газ Гелмонтиев и горючий воздух Шеелев* (Галле I 82). С другой — в переводах с французского фиксируется форма *gac*: *Для наполнения воздушных шаров употребляют .. водотворный гас* (Куз. 38).

Кроме того, в разных переводах одного и того же немецкого трактата фиксируются разные варианты: *При сем отдѣляется и улетает сѣрноокислый газ* (Жак. В. I 401). *<Серная печенка> .. притом испускает сѣро-печоночный гас* (Жак. П. I 204).

В оригинальных источниках, тем не менее, присутствует только один вариант — *gac*: *Есть еще и четвертаго рода тѣла, которыя .. находятся наипаче в нашей атмосферѣ, каковы суть различные гасы и проч.* (Минер. Сврг. I 2). *Водотворное вещество чрез соединение с теплотворным составляет водотворный гас* (Петров 41). *Гасы или воздухообразныя вещества* (Зах. 336).

В общих и специальных словарях начала XIX в. представлена единственная форма — *gac* (Ян. I 525; Каде I 305; Сврг. Хим. кн. 24; САР² I 1084).

Мена *с/ш* отмечена в двух заимствованиях: *спиаутер* — *шпиаутер* ‘цинк’ и *смал(ь)та* — *шмал(ь)та* ‘краситель, содержащий кобальт’, а также ‘искусственное цветное стекло’.

Согласно материалам КС XVIII, вариант *шпиаутер* впервые фиксируется в «Минералогии» Валлериуса (1763). В наших материалах он появляется несколько ранее, также в переводе с немецкого: *Из красной мѣди смѣшенной с галмеею бывает мѣдь зеленая, а буде смѣшается с шпиаутером, то получит цвѣтъ подобной золоту* (ЕС 1759 359).

Шпиаутер в разных фонетических модификациях представлен в целом ряде европейских языков. Согласно «Краткому Оксфордскому словарю», англ. *spelter* соотносится со ст.-фр. *espeautre*, ср.-голл. *speaute*, нем. *spialter* [COD 1982: 1020]. В. Скит считает слово *spelter* заимствованием из нижненемецкого языка [Skeat: 578], откуда оно, очевидно, в виде вариантов *шпиаутер* — *спиаутер* вошло в русский язык химии¹. В рукописных памятниках делового языка отмечена хронологически более ранняя фиксация данного слова в форме *шпинтор*: *Явил каргополец Александр Бѣлыхин товару своего по отявочной росписке из 746 году из мѣди зеленои и красной и шпинтору зделанные семь паникадил* (Каргоп. там. кн. 1747 г., л.10)². Указанная форма, скорее всего, появилась в результате искаженной передачи немецкого варианта сл. *Spiauter* — *Spianter*, зафиксированного, в частности, в «Лексиконе» Цедлера (Zedler 62 830).

В рассматриваемый период вариант *шпиаутер*, как отражающий произношение немецкого корреспондента, оказывается сильным. Его «орфографический» конкурент занимает периферийное положение и фиксируется лишь в одном переводе с немецкого: *Цинк или Спиаутер (Zincum) есть с синевою бѣлой из листочков особливим образом расположенных состоящей полуметалл* (Эркс. 373). В лексикографических источниках отмечен только вариант *шпиаутер* (ФРЛ¹ II 693; Ад. II 226; САР¹ VI 915; Сврг. Хим. кн. 267).

История вхождения слова *смальта* в русский язык XVIII в. достаточно подробно описана Н. С. Араповой, согласно которой первая фиксация лексемы в форме *шмал(ь)та* (лат. *smaltum*, фр. *email* возводятся к нем. *Schmeltz*) относится к 40–60-м гг. («Минеральный каталог» Ломоносова, «Минералогия» Валлериуса), тогда как *с*-вариант *смальт* (м. р.) появляется в 90-е гг. («Словарь коммерческий») [Арапова 2002: 117–118]. Согласно нашим материалам, вариант *смалта* впервые встречается в «Начальных основаниях деятельной химии» Макера (1775 г.): *Синяя металлическая земля (safre) или смалта* (Деят. химия 579). Можно предпо-

¹ Ср. данные многоязычного «Коммерческого словаря», где голл. и нем. *Zink*, *Spiauter* соответствуют англ. *Zinc*, *Spelter* и рус. *Schiauter* (Nemnich 571). См. также (Kauffman 379).

² Из материалов И. А. Малышевой.

ложить, что вариант *смальта* является видоизмененным транслитерантом лат. *smaltum*, а вариант *имал(ь)та* — транскриптом немецкого корреспондента *Schmalte*¹. Лексикографические источники на русском языке достаточно ясно отражают переход от «немецкого» варианта к «латинскому»: *ималта* (Ад. II 416), *имальта или смальта* (Ян. III 1195), *смальта* (Каде III 398; Сврг. Хим. кн. 58).

Слова греко-латинского происхождения с дифтонгом *au* имели в русском языке двойкий рефлекс, о чем в сфере химической лексики свидетельствуют варианты *аурипигмент* — *аврипигмент* ‘минерал; соединение мышьяка с серой’, т. е. имело место как его воспроизведение, так и отражение его разрушения на русской почве. В химической литературе анализируемого периода такая пара вариантов встречается не очень часто: *аурипигментум* (Монет. д. 30), *аврипигмент* (Лом. МК 104). Единичны и случаи употребления данного латинизма в его французской фонетико-графической модификации, с переходом *au* > *o* (фр. *orpiment, orpin*) — *орпимент*, например, в переводе с немецкого: *Материя сия, если цвѣтом желтая, то желтым мышьяком или орпиментом .. называется* (Эркс. 317–318). Ср. в оригинале: *Diese Materie heißt, wenn sie gelb ist, gelber Arsenik, oder Operment* (Erxl. 357). И напротив, переводчики гораздо чаще используют немецкую модификацию (с метатезой) французского заимствования — *опермент* (ср. нем. *Operment* < фр. *orpiment*), что отмечается как в переводах с немецкого, так и с французского языков: **Опермент** (*Auripigmentum. Arsenicum citrinum*) *есть арсеник содержащая руда зеленого или красножелтого цвѣта* (Минер. В. 347). Ср. нем.: *Operment .. ist ein arsenicalisch Erz* (Miner. W. 293–294). *Мышьяк легко соединяется с сѣрою и выжигается с нею в состав желтого цвѣта, который оперментом называется* (Умозр. химия I 218). Ср. фр.: .. *qu'on nomme Orpin ou Orpiment* (Масq. I 176).

Вариант *аурипигмент* представлен в «Аналогических таблицах» (АТ I 24), тогда как другие словари фиксируют вариант *опермент* (Нрд. II 473; ФРЛ² II 203; Ад. II 172). Весь вариантный ряд с комментариями дан в САР¹: *Аурипигмент .. употребительнѣе Аврипигмент, или сокращенно от Французскаго Орпимент, Опермент* (САР¹ I 62). В специальных словарях отмечен лишь «немецкий» вариант *опермент* (Каде III 58; Сврг. Хим. кн. 11).

¹ В немецком языке на рубеже веков также существовала вариантность в написании данного термина: нем. *Schmalte* и латинизированное *Smalte* (Porre 265), причем последняя форма оценивалась как чуждая немецкому языковому сознанию — «ganz undeutsch» (ALZ 54).

Подведем итоги. Фономорфологические варианты в русской химической терминологии XVIII — начала XIX вв. из числа заимствований появляются в результате их фонетико-орфографической адаптации на русской почве. В процессе инкорпорирования слова взаимодействовали, переплетаясь, различные факторы, среди которых «воздействие разноязыковых передаточных сред, наличие различных типов чтения греческих слов, различие в чтении латинских слов на Западе и в России, колебания в передаче чужих звуков и т. п.» [Проект 1977: 40].

Помимо того, что заимствование могло иметь несколько языковых источников (во многих случаях практически невозможно установить, из какого языка в письменном русском языке появилось то или иное слово), при включении слова в русскую лексическую систему соперничающими оказывались две универсальные тенденции в способах его освоения: с одной стороны, тенденция к передаче орфографического облика заимствования через графическую систему языка, с другой — стремление передать звуковой состав данного заимствования.

В научном языке (включая язык химии) на взаимодействие указанных факторов оказывала влияние тенденция к ориентации в целом на латинизированное прочтение терминов, в том числе ряда этимологических эллинизмов. Последние, если относились к числу старых заимствований, могли сохраняться в своей прежней фонетико-орфографической форме (*керама, киноварь*). Среди новаций XVIII в. немецкое «звуковое» оформление сохраняют некоторые германизмы (*висмут, иннаутер*, отчасти *опермент* < фр. *орпимент* из гр.-лат. *auripigmentum*).

Сравнение оригиналов на западноевропейских языках и их переводов на русский обнаруживает, что переводчик, создавая свой вариант адаптации термина, далеко не всегда следует его произношению в языке оригинала и часто ориентируется на латинский прототип, фиксируемый, как правило, автором трактата в скобках. Переводчик, таким образом, мог отражать приверженность к традиционной научной латыни и одновременно учитывать явные тенденции к утрате ее господствующего положения в европейской науке в связи с формированием национальных языков и их научных терминологий, также в период становления проходивших через стадию вариантности.

Сокращения

Винк. — Винклер И. Г. Физика или Естественная философия / Пер. с лат. Иоанна Ушакова. М., 1785.

Галле — Галле И. С. Открытые тайны древних магов и чародеев: в 8 ч. / Пер. с нем. В. А. Левшина. М., 1798–1804.

Гирт. — Гиртаннер Х. Начальные основания химии, горючее существо опровергающей / Пер. с нем. Якова Захарова. СПб., 1801.

Голл. — Голланд Иоанн Исаак. Собрание разных достоверных химических книг... СПб., 1787.

Деят. химия — Господина Макера Начальные основания деятельной химии... Перев. с фр. яз. Косма Флоринский. СПб., 1775.

Жак. В. — Жакен Й. Ф. Всеобщая и врачебная химия: в 2 ч. / Пер. с нем. Ивана Венсовича и Николая Дьякова. М., 1795.

Жак. П. — Жакен Й. Ф. Начальные основания всеобщей и врачебной химии: в 2 ч. / Пер. с нем. Максима Парпуры. СПб., 1796–1797.

Зах. — Захаров Я. Разсуждение о Российском Химическом словозначении // Умозрительныя изследования Императорской Санкт-петербургской Академии наук. 1810. Т. II. С. 332–354.

Каде — Каде де Гассикур, Шарль Луи. Словарь химический ... обработанный на российском языке трудами Василья Севергина: в 4 ч. СПб., 1810–1813.

Крон. — Кронштедт А. Ф. Опыт Кронштетова рудословия / Пер. с нем. Матвея Курдымана. СПб., 1776.

КС XVIII — Картотека Словаря русского языка XVIII века (Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург).

Куз. — Кузен Ж. А. Начальные основания физики / Пер. с фр. В. Севергина. СПб., 1800.

Лем. Проб. — Леман И. Г. Пробирное искусство / Пер. с нем. Алексеем Гладким. СПб., 1772.

Петров — Петров В. В. Собрание физико-химических новых опытов и наблюдений. СПб., 1801.

Сврг. Хим. кн. — Севергин В. М. Руководство к удобнейшему разумению химических книг иностранных. СПб., 1815.

Фурк. — Фуркруа А. Ф. Химическая философия / Пер. с фр. Ивана Книгина и Ивана Каменского. Владимир, 1799.

Эллер — Эллер И. Т. Опыт о начале и рождении металлов / Переведен с нем. яз. студентом Андреем Пикароном. СПб., 1780.

Эркс. — Эрксleben И. Начальные основания химии / Пер. с нем. Никиты Соколова. СПб., 1788.

ALZ — Allgemeine Literatur-Zeitung vom Jahre 1788. Band 2. Jena; Leipzig; Wien. 1789.

Bailey — Bailey N. An Universal Etymological English Dictionary. London, 1731.

Cron. — Cronstedt A. F., Brünlich M.T. Cronstedts Versuch einer Mineralogie / Vermehret durch Brünlich. Copenhagen; Leipzig, 1770.

Erxl. — Erxleben J. Ch. Anfangsgründe der Chemie. Göttingen, 1775.

Hübner — Hübner J. Curieuses und Reales Natur-, Kunst-, Berg-, Gewerck- und Handlungs-Lexicon. [Leipzig], 1714.

Jacq. I — Jacquin J. F. Lehrbuch der allgemeinen und medicinischen Chemie. Thl. I. Wien, 1793.

Kauffman — Kauffman C.H. The Dictionary of Merchandize, and Nomenclature in All Languages. London, 1803.

Macq. I — Macquer P. J. *Éléments de chymie théorique*. Paris, 1749.

Miner.W. — Walleruis J. G. *Mineralogie, oder Mineralreich / Übersetzt von J. D. Denso*. Berlin, 1750.

Nemnich — Nemnich P. A. *Waaren-Lexicon in zwölf Sprachen*. Hamburg, 1797.

Poppe — Poppe J. *Handbuch der Technologie*. 4. Abteilung. Frankfurt am Main, 1810.

Zedler — Zedler J. *Grosses vollständiges Universal-lexicon aller Wissenschaften und Künste*. B. 1–68. Leipzig, 1731–1754.

Литература

Арапова Н. С. Эмаль и смальта // *Русская речь*. 2002. № 4. С. 116–120.

Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

Проект 1977 — *Словарь русского языка XVIII века*. Проект. Л., 1977.

СлРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 1–29. М., 1975–2011.

СРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–20. Л./СПб., 1984–2013.

Указатель 1984 — *Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарем. Указатель источников*. Л., 1984.

Шапошников 2010 — *Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т.* М., 2010.

COD 1982 — *The Concise Oxford Dictionary*. 7th ed. Oxford, 1982.

Partridge E. *Origins: A short etymological dictionary of modern English*. London; Henley, 1978.

Pfeifer W. *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. 4. Auflage. München, 1999.

Skeat W. *An etymological dictionary of the English language*. New ed. rev. and enl. Oxford, 1958.

Дягилева Ирина Борисовна

Институт лингвистических исследований

Российской академии наук

Россия, г. Санкт-Петербург

К истории одного антропонима в русском языке XIX века¹

Изучение русского языка XIX века показывает тесную связь притока новых заимствований со знаменательными событиями данной исторической эпохи. В 1821–1830 гг. большое внимание российской и европейской прессы привлекала борьба за независимость греческого народа с Турцией. Почти каждый год выходили отдельные издания, посвященные описанию событий в Греции: Ринальдо Ринальдини «Бобелина, героиня Греции нашего времени» (1823 г.), «Записки полковника Вутье о нынешней войне греков» (1824 г.), «Картина историческая и политическая Новой Греции» (1829 г.), Константин Базили «Архипелаг и Греция в 1830 и 1831 годах» (1834 г.) и др. Широкую известность в это время получило имя гречанки Бобелины (Марии Пиноци). В русском языке, как и в европейских языках, оно употреблялось в различных фонематических вариантах. Ср. *Бобелина*, *Боболина*, *Бубулина*; *Bobelina*, *Bouboulina*, *Bobolina* (англ., франц.), *Bobelina*, *Bouboulina*, *Bobbelina* (нем.), *Bobolina* (итал.).

Ее имя включается в энциклопедические словари как «единственный пример женщины, начальствовавшей флотом» [ЭЛ: 130], ее портреты «разносятся по всей Европе» [ibid.], Бобелина становится героиней русских лубочных картинок, которые издаются огромными тиражами и попадают в дома людей разных сословий.

Тут и постель кухарки, и имущество ее, заключающееся в небольшом сундуке; тут красуется и двухвершковое зеркальце, обклеенное бумагою, и рядом с ними наклеена какая-нибудь "греческая героиня Бобелина", или картинка с помадной банки; тут и лук растет на окне, а иногда судьба занесет и герань. (И. Т. Кокорев. Кухарка. 1849 г.)

Садашь, Чичиков взглянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах все были молодцы, все греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Миаули, Колокотрони, Канами. Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу. Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, помещился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, № 15-04-00032 «Лексико-семантические новации в русском языке XIX в.».

узеньких рамках. Потом опять следовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех щеголей, которые наполняют нынешние гостиные. (Н. В. Гоголь. *Мертвые души*. 1842 г.)¹

Постепенно имя Бобелина получает символические черты, принимает прецедентный характер. Сначала оно включается в художественные и публицистические тексты в составе сравнений для характеристики тех или иных персонажей, а позже приобретает свойства имени нарицательного.

*Хотя талии и не было у этой привлекательной и милой особы, однако тем не менее она была очень стройна и походила как две капли воды и ростом и дородством на одно историческое лицо, а именно на Бобелину, героиню Греции, портрет которой (с саблей при бедре) можно еще видеть на шторах у некоторых обывателей Забубеньева. (М. Л. Михайлов. *Адам Адамыч*. 1851 г.)*

*Мы видели ксендза, — конечно несчастную, неразумную жертву цезуита, — у которого не дрогнула рука зарезать женичину, и какую женичину! Не воинственную Бобелину какую-нибудь, а бедную, деревенскую бабу, побоявшуюся выдать на смерть своего мужа! (Е. М. Короленко. *По поводу свежих бытий в Польше*. 1863 г.)*

Переносно-характеризующие значения антропонима формируются на основании двух устойчивых ассоциативных рядов. Первый, преобладающий, основан на внешнем сходстве: с именем Бобелины связывается сила, высокий рост, дородность, грубые черты лица. Второй ряд строится на необычных для женщины свойствах и чертах характера — необычайная смелость, стойкость, мужество, воинственность, способность к совершению мужского поступка. В качестве имени нарицательного слово Бобелина фиксируется в словаре М. И. Михельсона², употребляется такими ведущими русскими писателями, как И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков. Особенностью употребления антропонима Бобелина следует признать прямо противоположные коннотации имени, влияющие и на ряды его сочетаемости. Ср. *настоящая Б., чудесная Б., суцая королева Б., походка Б., полнота Б., неуклюжая Б.*

*Ср.: Странно, что мужчины здесь малорослы и далеко не так красивы, как женщины. Эти Бобелины поморские содержат летом морское сообщество по всему кемскому и онежскому побережью, возят богомольцев оттуда в Соловецкий монастырь, а иногда и дальше. (В. И. Немирович-Данченко. *Беломорье и Соловки*. 1892 г.) 19 [ноября] К общему великому удовольствию сегодня, наконец, я окончил портрет гусароподобной м[адам] Варенцовой и*

¹ В поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» портрет Бобелины — это не только деталь интерьера дома Собакевича, но и важное средство авторской сатиры.

² Бобелина (иноск.) — энергичная, крепкая по натуре женщина (намек на греческую героиню Бобелину). М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое.

ее будущего собачника-сына. Она чрезвычайно довольна портретом, потому что он похож на какую-то кокетливую нимфу в амазонке с хлыстом, а я еще больше доволен, что, наконец, развязался с этою неуклюжею Бобелиною. (Т. Г. Шевченко. Дневник. 1857–1858 гг.).

В своем творчестве Н. С. Лесков употребляет антропоним в романе «На ножах» и рассказе «Зимний день», однако в обоих случаях пишет его как *бобелина*. По всей видимости, употребление слова в таком написании свидетельствует об авторской иронии и языковой игре (*бобелина* — *баба*). Это подтверждает и его написание со строчной буквы, характерное для перехода имени собственного в нарицательное.

В морозной мгле то тихо выплывали и исчезали, то быстро скакали взад и вперед и чем-то размахивали какие-то темные гномы — это были знакомые нам сторожевые бобелины, вооруженные тяжелыми цепями. Чем ближе к Аленину верху, тем патрули этих амазонок становились чаще и духом воинственнее и нетерпеливее. (Н. С. Лесков. На ножах. 1870 г.).

Мальчик дулся и молчал, а кучерявая бобелина рассмеялась и, потянув его за фартук в кухню, бойко продолжала: — Полно дуть губу!.. Дурак! Ведь жив, чай, остался! (Н. С. Лесков. Зимний день. 1894 г.)

В современном русском языке антропоним Бобелина утратил свою прецедентность. При включении его в исторические словари, в примечания к произведениям писателей XIX века необходим историко-культурный комментарий.

В Греции на острове Спеце создан музей Ласкарины Бубулины (такой вариант преобладает в современных текстах), а в порту ей воздвигнут прекрасный памятник...

Литература

Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Т. 1–2. СПб., 1902.

ЭЛ — Энциклопедический лексикон. Т. 6. СПб., 1836.

Лексика с корневыми компонентами *аква-* / *гидро-* / *водо-* как часть тезауруса и динамическое звено лексико-семантической системы русского языка XIX века¹

В выстраданной и внутренне противоречивой статье академика А. А. Шахматова «О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию», написанной в непростые для русской истории годы, есть строки, посвященные истокам и сути российской государственности, содержание и смысл которых проецируется и на историю становления русского литературного языка: «Русский дух, русская мысль складывались при разных условиях жизни, при разных культурных влияниях, различных политических обстановках совершенно различно и многообразно. Мы должны дорожить нашим прошлым с этой стороны: многостороннее развитие русского духа подготовило нас к той великой задаче, которую мы несем, к задаче мировой державы» (1910-е гг.).² Становится понятно, почему именно идея словаря-тезауруса, который бы заключал в себе все накопленное веками словарное богатство языка, являя его интеллектуальные, эстетические и эмоционально-экспрессивные возможности, так близка была Шахматову-ученому, историку, лингвисту и гражданину. Термин «тезаурус» в языке-оригинале имеет двоякий смысл, заключающий в себе как материальную, так и духовную составляющие означаемого: *θησαυρός* ‘сохраненное, сбереженное, запас, сокровище, казна; всё, чему можно порадоваться, предмет радости’ (И. Коссович. Греческо-русский словарь. Ч. I. М., 1848. С. 870). Именно с этих позиций предполагается рассмотреть лексику в данной статье.³

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 14-04-00388 «Дифференциальный словарь «Словаря русского языка XIX в.».

² Статья впервые была опубликована в издании: Вопросы филологии. 2006. № 2 (23). С. 74–85 (подготовка текста к публикации, предисловие и примечания д.ф.н. О. В. Никитина).

³ Аналогичные попытки синхронно-диахронного подхода к анализу лексики русского языка XIX века уже делались авторами статьи, результаты исследований отражены в публикациях: см. [Калиновская, Эзериня, Старовойтова 2013; Калиновская, Эзериня 2014].

Лексика с корневыми компонентами *аква-* / *гидро-* / *водо-*, являясь одним из динамических звеньев лексико-семантической системы русского языка, демонстрирующих чрезвычайную словообразовательную активность в период XVIII–XIX вв., представляет собой существенную часть языковой картины мира русского человека, сложившейся к концу XIX века. Обращаясь к данной лингво-философской категории, мы должны согласиться с теми лингвистами, которые считают, что «в понятие языковой картины мира следует включать не только стереотипные способы языковой репрезентации мышления, а скорее, принципиальную возможность вербализации любого содержания мышления», означающую «осмысленность языковых выражений», что достигается опорой на определенную концептуальную систему, которая «образуется не только в результате воздействия так называемой объективной действительности. Она есть и результат рефлексии как процесса самостоятельной работы мышления над структурированием своего содержания» [Пищальникова 2001: 487–488].

Системный характер дифференцированного распределения оригинального или иноязычного лексического материала наглядно проявляется в структуре сложных слов с участием отмеченных компонентов. Функционально-семантический анализ данной лексики, подкрепленный статистическими данными, позволяет определить специфику и место каждого из компонентов в вербальном выражении представлений о воде как источнике жизни, как основе разного рода пространственных отношений и связей (транспортной артерии) и как движущей силе, элементе различного рода производств.

В основу настоящего исследования легли материалы 14 исторических, толковых и энциклопедических словарей русского языка, охватывающие период его развития вплоть до начала XX века, что позволяет с достаточной степенью объективности выделить лексические новации XIX века, относящиеся к данной группе лексики, и увидеть динамику и основные тенденции в развитии рассматриваемых лексических рядов на протяжении отмеченного отрезка времени.

Статистические данные относительно лексических заимствований XIX века с компонентами *аква-* и *гидро-* являются особенно показательными в сравнении с данными предшествующего периода, когда впервые слова с указанными корневыми компонентами начинают встречаться в текстах на русском языке. Так, в XVIII веке в активное употребление начинает входить лексика с *аква-*, обозначающая достижения европейского искусства и различных технологий (*аквамарин*, *аквамариновый*, *акведук*). Из 27 лексем с корневым

компонентом *аква-*, включающих как сложные образования (компози- ты), так и некомпозиты, на XIX век приходится 16 новых слов: компо- зитов — 9 ед. (сущ. — 7: *акватинта, аквафорта, аквафортист, акви- легия, аквинары* и др., прил. — 2: *акватинтный, акватинтовый*) и не- композитов — 7 ед. (сущ. — 4: *акварелист, акварель, аквариум/аквариум,* прил. — 3: *акварельный, аквариумный, аквариумовый*). Новая заимст- вованная лексика с нарастанием фиксируется в толковых и энциклопедических словарях (*акварель, акварельный, акватинта*. — Сл. 1847, *ак- вариум* — Сл. Даля, *акварелист, аквафорта, аквафортист, аквилегия* — Сл. Грота), отражая определенные нормативные тенденции в литератур- ном русском языке и становясь частью русской речевой культуры

Также с XVIII в. заимствованная лексика с *гидро-* (18 в. также вар. *идро-*) начинает составлять конкуренцию традиционным русским словам в сфере производственной и научно-технической терминологии (е.г. *гидрав- лик, гидравлика, гидравлический, гидрограф, гидрографический, гидрогра- фия, гидродинамика, гидрология, гидрометр, гидроскоп, гидроскопический* и др.). Всего в этот период было заимствовано 26 новых слов (существи- тельных — 15, прилагательных — 11). К XIX веку в русском литературном языке насчитывалось уже 176 новых лексических единиц с *гидро-*, из них 160 ед. композитов + 16 некомпозитов, состав которых постепенно допол- нялся как дериватами (*гидродинамический* — Сл. 1847, *гидротехнический, гидрофобический* — Сл. Орлова и др.), так и новыми лексемами (*гидрото- ракс, гидроце(ке)фал* — Сл. Даля, *гидрофил* и его производные — Сл. Орлова, *гидроцеллулоза, гидроэлектрическая машина* — Бр.-Ефр. и др.). Из 130 новых слов, представляющих исключительно научную и узко- специальную терминологию, большую часть составили существитель- ные — 103 ед.: *гидробензамид (хим.), гидробилирубин (биохим.), гидрогас- тер (мед.), гидрогеология, гидродикциевые (бот.), гидрозоль (физ.-хим.), гидроиндикатор (тех.), гидроксил (хим.), гидролейцит (биол.), гидролит (минерал.), гидромания (мед.), гидромант, гидромантка, гидромедузы (зоол.), гидрометрия, гидронефроз (мед.), гидропат, гидропатия (мед.), гидротерапия (мед.), гидрофан (минерал.), гидрофил, гидрофилит (па- леонт.), гидрофилка, гидрофилловые (бот.), гидрофитология, гидроцеллу- лоза, гидроце(ке)фал (мед.), гидроэкстракт (тех.) и др.; прилагатель- ные насчитывают 27 ед.: *гидрогенный, гидрогеновый, гидродинамический, гидроксиламиновый, гидролитовый, гидрологический, гидрометрический, гидротатический, гидроскоповый, гидротехнический, гидрофильский, гид- рофитологический, гидроэлектрический* и др.*

Несмотря на то что сфера научно-технической номенклатуры оказывается наиболее подверженной вторжению заимствований —

процесс этот, начавшись в XVIII веке, продолжился и в последующий период, — тем не менее, анализируя состав лексики с корневым компонентом *водо-*, вошедшей в состав литературного русского языка в XIX веке, можно отметить, что и в этой области особенности национального бытия и сознания на протяжении всего времени оказывали значительное влияние на формирование терминологии, создаваемой на русской основе. Ярким свидетельством специфики русской языковой картины мира является количественное соотношение заимствований и традиционной русской лексики с компонентом *водо-* в составе сложного слова, которое указывает на явное преобладание последней в ряду новых слов: так, только неология XIX в. составляет **272** лексические единицы (существительные — **133**: *водобоязнь, водовидность, водовладение, водоводец* (2 зн.), *водовозка, водовозница, водогнёт, водогной, водогон* (3 зн.), *водогрельня, водогрейная, вододействие, водоемкость, водожил* (зоол.), *водозапас, водозвездка* (бот.), *водоизмещение* (мор.), *водокач, водокачалка, водокачалья, водокачка* (2 зн.), *водокрас* (бот.), *водокрасовые* (бот.), *водокрот* (зоол.), *водокруть, водолазничание, водолазничество, водолейщик, водолейщица, водолечебница, водолечение, водолист* (бот.), *водолюб* (бот., зоол.), *водомеритель* (тех.), *водомерка* (зоол.), *водомерчик, водомышь* (зоол.), *водоненавистник, водоносничество, водоношение, водообразность, водописание), водоописатель* (= 'гидрограф'), *водоопреснитель, водоотвод, водоотлив, водоперица* (бот.), *водопеха* (шутл. о бурлаках), *водописец* (= 'акварелист'), *водопись* (= 'акварель'), *водоподъем, водоподъемник, водопользование, водопор* ('ботапорт'), *водопроводик, водопроводище, водопроводчик, водопропица, водопрят* (бот.)/ *водопрятка* (бот.), *водопряха* (шутл. о прачке), *водопьяница, водорад* (бот.)/ *водорадка* (бот.), *водораздел* (геогр.), *водоразделение, водоразлив, водоразлитие, водорезник* (бот.), *водород, водосбор* (бот.), *водосвет* (= 'гидрофан': наполненный водой стеклянный шарик, использ. для усиления света свеч, ламп), *водосвинка* (зоол.), *водослив, водоснабжение, водоспуск* (гидротех.), *водостояние, водостроитель* (= 'гидравлик'), *водотолча* (шутл. о бурлаках), *водотолчение* (ирон.), *водохлёб* (2 зн.), *водохлёбка, водоходничание, водоходчик, водохруц* (зоол.), *водочерпка* (тех.), *водицит* (бот.)/ *водицитка* (бот.), *водоямина, водоямица* и др.; прилагательные — **135**: *водобойный* (тех.), *водовидный, водовозовский, водовощичий, водовыпускной(ый), водогнётный, водогонный, вододейственный, водоёмкий, водожильный, водожильный, водокачальный, водокачный, водокрепкий* ('нерастворимый'), *водокропильный, водокрутный, водолазовский, водолазовый,*

водолечебный, водомерительный, водоналивной(ый), водонапорный, водонепроницаемый, водоносильный, водоноснический, водоносковский, водообильный, водообразный, водоописательный (= 'гидрографический'), водоопреснительный, водоотводный, водопадистый, водопадный, водопадовый, водопитательный, водопитейный, водоплавкий, водоплавный, водоплотный ('непромокаемый'), водоподпорный, водоправый ('горизонтальный'), водопрелый, водоприспособительный (гидротех.), водопроницаемый, водопропускной(ый), водопроточный, водопрямый ('горизонтальный'), водопьяный, водоразделительный, водораздельный, водоразлитный, водорастворенный, водорезный, водорезовый, водородистый, водорослевый, водосветовый, водосерный, водосирый ('бедный водой'), водоскатный, водосодержащий, водоспускной(ый), водостойкий, водостоковый, водостолбный (гидротех.), водостолбовой (гидротех.), водостроительный, водотленный ('неводостойкий'), водоудержательный, водоудерживальный, водоудерживательный, водоудержный, водоупорный, водоупрямый ('водостойкий'), водоустойный ('водостойкий'), водохранилищный, водоцедеильный, водоцельный ('водостойкий'), водочерпальный, водочистильный, водочистительный и др.; глаголы — 4: водоносничать, водопьяничать, водопьянствовать, водоходничать). Как видим, в составе новообразований с корнем *водо-* можно обнаружить большее разнообразие в смысле частеречной принадлежности, примечательно также, что все 4 глагола обнаруживаются в Словаре В. И. Даля, их структурно-семантический анализ чрезвычайно важен для моделирования языковой картины мира русского человека.

Безусловно, в тезаурусе русского языка лексика с корнем *вод-* занимает особое место, определяемое представлениями, отчасти мифологическими, славянских народов о воде как природной стихии (наряду с землей и воздухом), среде обитания и основе жизни, о «воде» как базовой составляющей повседневной научно-практической деятельности человека. Вербальное выражение концептуальных смыслов представлено системой лексических значений слова *вода* в русском языке. Словари позволяют выделить три основных значения компонента *водо-*, послужившие основой для новаций XIX века: 1. Субстанция, выступающая а) *субъектом* действия, описываемого второй частью композита (*водобязнь, водогнёт, вододейный, вододействие, водомытный, водоплеск, водопрелый, водопроток, водоразлив, водоразлитие, водорытвина, водосверлый, водостолбный, водостояние* и др., также производные от них *вододейственный, водопадистый, водопадный, водопроточный, водоразливный, водостоковый, водотоковый* и др.); *объектом*

преимущественно антропогенного действия, а также природного воздействия, описываемого второй частью композита (*водовладение, водоводка, водовозка* (2 зн.), *водовозница, водовозня* (2 зн.), *водовыпускной(ый), водогон* (3 зн.), *водогрейка, водогрейня, водогрельня, водозорный* ('*водоочистный*'), *водокачалка* (2 зн.), *водокачка* (2 зн.), *водокачальня, водокропленный, водомеритель, водомерка* (зоол.), *водоненавистник, водоопреснитель, водоотвод, водописец* ('*акварелист*'), *водопись* ('*акварель*'), *водопитательный, водоподпорный, водоподъемник, водопользование, водоприспособительный, водопропускной(ой), водораздел, водоразделение, водослив, водоснабжение, водоспуск, водостеснительный, водотолчение* (ирон.), *водоудержательный, водоудержный, водочистильня* и др., также производные от них и варианты более ранних форм лексем *водоводский, водовозничание, водогонный, водокачный, водокропильный, водолазничание, водолазничество, водолазнический, водолазовский, водолейщик, водолейщица, водолитный, водомерительный, водоносильный, водоносничать, водоотводный, водоразделительный, водоскатный, водоспускной (ый), водочерпальный* и др.). 2. Среда обитания живых организмов, область осуществления антропогенного действия (*водоброд* 'шутл. о бурлаках', *вододудка* (зоол.), *водожил* (зоол.), *водожила* (бот.), *водожильный, водожук, водозвездка* (бот.), *водокрот, водокрушный* 'спасенный после крушения судна', *водолист* (бот.), *водолюб* (бот., зоол.), *водомышь, водоперица* (бот.), *водопляс* 'шутл. о купальщиках', *водопрят* (бот.), *водорадка* (бот.), *водорастворенный, водорезник* (бот.), *водосвинка, водоцит* (бот.) и др., а также производные от них *водолазничание, водолазничество, водолазовский, водолазовый, водолистный* (бот.), *водолюбовые* (зоол.), *водорослевый* и др.). 3. Телесная жидкость (*анат. и мед.*).

Главенствующая позиция русской лексики в корреляции *аква- / гидро- / водо-* в структуре сложного слова наглядно подкрепляется статистическими фактами: общее количество сложных слов с *водо-* в словарном составе к концу XIX в. насчитывает 479 единиц, к которым следует добавить 2 образования с *водно-* (*водноземный, воднотрудный*) и 1 с *водяно-* (*водяно-воздушный*). Соотношение отглагольной и отыменной лексики складывается примерно 10:1 в пользу слов с глагольной производящей основой (430 ед. versus 43 ед.), что также является чрезвычайно показательным. В связи с этим любопытной с точки зрения семантики представляется группа новообразований XVIII–XIX вв. с глагольными основами глаголов *деяти* и *действовати* (*вододейный, вододейственный, вододействие, вододействующий, вододействуе-*

мый); семантика этих слов в полной мере проявляется в составе сложных наименований технических сооружений и механизмов.

Состав композитов с компонентом *водо-*, являющимся семантическим и культурным маркером в структуре слова, по данным толковых и исторических словарей, начинает формироваться примерно с XII–XIII вв. (*водокрещи* ‘водокрещение’ и *вододержа* ‘водоем’), постепенно пополняясь новыми лексемами (*водовзводец*, *водовзводный*, *водовозник*, *водовороть*, *водокрещение* и др.) и тем самым являя собой существенную и значимую часть тезауруса. Следует отметить, что значительное количество этих разнородных — с точки зрения их функционального статуса — слов сохраняет свою фиксацию в словарях в течение всего XIX века, в ряде случаев отражая изменения в области стилистической оценки (*водоважда* ‘водопровод’ — Сл. 1847, Сл. Даля, *водоброд*, *водопеха*, *водотолча* ‘шуточн. о бурлаках’ — Сл. Даля, Сл. Орлова, *водопляс* ‘шутл. о купальщиках’ — Сл. Даля) или степени употребительности отдельных единиц, постепенно вытесняемых новообразованиями на периферию (*водобег* ‘ручей’ Малоупотр.; *водоводный* ‘чаще *водопроводный*’ — Сл. Грота).

Одной из черт словообразовательной активности в этой части лексикона является развитие новых словообразовательных гнезд на базе композитов с начальным компонентом *водо-*: *водовод-* (8 ед., с XVIII в.), *водовоз-* (12 ед., с XVII в.), *водогрей/водогрель-* (5 ед., с XVIII в.), *вододей-* (5 ед. с XVIII в.), *водоем/водоём-* (11 ед., с XVIII в.), *водокач-* (7 ед., с XIX в.), *водокрест/водокрещ-* (6 ед., с XII в.), *водолаз-* (9 ед., с XVII в.), *водолеј/водолиј-* (8 ед., с XVI в.), *водоли(в, т)-* (7 ед., с XV в.), *водомер-* (7 ед., с XVIII в.), *водомер/водомерец-* (6 ед., с XVIII в.), *водонос/водонош-* (18 ед., с XV в.), *водопад-* (7 ед., с XVIII в.), *водоплав/водоплыв-* (7 ед., с XVIII в.), *водопой-* (7 ед., с XVII в.), *водопровод-* (11 ед., с XVIII в.), *водотек/водотеч/водоток-* (8 ед., с XV в.), *водоточ-* (6 ед., с XIII в.), *водоход/водохожд-* (12 ед., с XVIII в.), *водохран-* (6 ед., с XVIII в.), *водочерп-* (10 ед., с XIII в.). Многие из таких словообразовательных гнезд появляются в XVIII в., другие же, более старые, количественно увеличиваются, например у гнезда *водочерп-*, известного с XIII в., большая часть дериватов появляется именно в XVIII–XIX вв.

Существенным элементом динамики лексической системы является вариативность ее единиц. Отдельные вариантные ряды с постепенным выделением доминанты формируются на протяжении достаточно длительного времени (*вододержа* ‘старин. водоем’ (Сл. 1847, Сл. Даля) — *водоем*, *водовместилище* (Сл. рус. яз. XVIII в.) — *водо-*

приемник (Сл. Орлова). Проблема словообразовательных вариантов, составляющих неотъемлемую черту тезауруса, в данном случае возникает в связи с вариативностью (лексической, морфонологической) производящей глагольной основы (ср. *водобой* и *водовет*), либо суффиксального элемента (ср. *водокачка* — *водокачалка* ‘машина’ и *водокачалка* — *водокачалня* ‘строение’).

Системный характер отношений между словами внутри этой группы композитов наблюдается в виде развитой полисемии (*водовозка* — 3 зн., *водогон* — 3 зн., *водолаз* — 3 зн., *водолей* — 4 зн., *водорез* — 5 зн., *водотечь* — 3 зн. и др.), многочисленных синонимических рядов (*акведук* — *водовод* — *водопровод* — *водотеча*, *водоверть* — *водоворот* — *водокруть*, *водопицца* — *водопропицца* — *водопьяница* — *водохлёб*, *водонепроницаемый* — *водоплотный* — *водостойкий* — *водотерпкий* — *водоупорный* — *водоупрямый* — *водоустойный*, антонимии (*водолюб* / *водолюба*, *водорад* / *водорадка* (бот., зоол.) — *водоненавистник*, *водохай* (о человеке)).

Отметим, что последний из синонимических рядов целиком относится к XIX веку, являясь вербальным отражением научно-технической мысли в поиске наиболее точного эквивалента значения ‘не подверженный действию воды, не пропускающий воду, защищающий от проникновения воды’; к настоящему времени этот ряд сократился более чем вдвое при ведущем статусе первого элемента триады, в семантическом отношении более мотивированным: *водонепроницаемый* — *водостойкий* — *водоупорный*.

Безграничные возможности «языкового расширения» русской лексики отчетливо проявились в желании найти соответствующий русский эквивалент заимствованному слову, которое отразилось уже в первом русском словаре иностранных слов (Н. Яновского), что в небольшой степени способствовало выделению компонента *водо-* в структуре сложного слова и активизировало его словообразовательные потенции. Сходные тенденции наблюдаются и в процессе выработки норм словоупотребления (Сл. 1847, Сл. Грота). Одновременно с этим процессом интернационализация языка науки с формированием общей терминологической базы в XIX в. приводит к вытеснению и архаизации возникших в XVIII в. на момент заимствования русских дублетов-калек к иноязычным терминам (*водобоязнь* — *гидрофобия*, *водоописатель* — *гидрограф*, *водописание* — *гидрография*, *водословие* — *гидрология*, *водогадание* — *гидромантия*, *водоврач* — *гидропат*, *водовесие* — *гидростатика*, *водовесный* — *гидростатический* и т.п.). Исключения носят единичный характер, их «жизнеспособность», по

всей видимости, объясняется принадлежностью к сфере медицины, выходящей за пределы узкоспециальной области знания в достаточно широкие слои общества, эти пары равноправных дублетов сохраняются на протяжении XIX–XX вв. и доходят до наших дней: *гидрофобия* — *водобоязнь* и *гидропатия*, *гидротерапия* — *водолечение*. Интересно, что наиболее жизнеспособной русской калькой стал химический термин *водород*, вытеснивший к концу XIX в. как базовое иноязычное заимствование *водород*, так и первоначальную русскую кальку XVIII в. *водотвор*.

Композиты-заимствования с компонентами *аква-* и *гидро-* при встраивании в систему русского языка и дальнейшем функционировании в ней в подавляющем большинстве случаев сохраняют свою терминологичность и однозначность (если уже не заимствуются с сохранением исходной полисемии из языка-источника, е.г. *акварель*, фр. в 2 знач. — ‘живопись с использованием акварельных красок’; ‘рисунок, картина, выполненная в такой технике’).

Заимствования с инокультурным начальным компонентом встраиваются в особую нишу, нехарактерную для традиционного уклада русской жизни, тогда как образования с *водо-* активно заявляют свое присутствие в наименованиях, отражающих глубинные представления народа о воде как источнике жизни и движущей силе. Все слова с корневым компонентом *водо-*, засвидетельствованные в словарях XIX века, располагаются между двумя полюсами старой и новой историко-культурных парадигм. С одной стороны, в семантике одних «вода» выступает как элемент священного, религиозного ритуала, как носитель, вместилище божественного начала, сущности (*водокреци*, *водокречение*, *водоосвящение*, *водосвятие* и т. п. церковнославянизмы), очевидно, связанного с представлениями о ее живительных, целительных свойствах, с другой — можем наблюдать развитие у отдельных слов с компонентом *водо-* новых лексических значений, актуализирующих семантику «стихии» с ее порой разрушительной энергией и обусловленных новыми контекстными условиями употребления ранее известных слов.

Так, необыкновенно интересной представляется семантическая история лексемы *водоворот* в текстах XIX века. Первая фиксация слова именно в таком варианте (морфонологическом и грамматическом) относится к первой трети XVIII века — оно приводится в переводном словаре как русский эквивалент к немецкому *Strudel* и соответствующим латинскому и французскому словам [Вейсманов лексикон 1831, л. 618], в более ранних письменных источниках слово встречается только

в форме женского рода *водоворот* [СлРЯ XI–XVII 2: 255]. В текстах и словарях XVIII века к ним присоединяются еще два других варианта: русская форма *водоверть* (без полногласия) и, возможно, искусственная, книжная *водоворот* (Российский целлариус 1771, Словарь Нордстета), почти сразу же вышедшая из употребления [СРЯ XVIII 3: 254]. Следует отметить, что сосуществование двух вариантов *водоверть* и *водоворот*, фактически дублетов, сохраняется на протяжении всего XIX века: в словаре Грота каждый из вариантов представлен самостоятельной словарной статьей, однако развернутое толкование лексического значения слова дано только при форме *водоворот* ‘место в море или в реке, где вода кружится на значительном пространстве, пучина, водоверть’ [Грот 1891: 456]. Примечательно, что словарь показывает то же значение, в каком слово употреблялось в литературно-письменном языке, начиная с XVII века; активная жизнь слова в условиях формирования новой культурной парадигмы — то многообразие образных и переносных употреблений, которое встречаем в текстах XIX века, — остается за рамками академического словаря. Новая семантика, отмеченная впервые составителями словаря под ред. Д. Н. Ушакова ‘стремительное, увлекающее за собой движение’ (2-е знач., перен.) [Ушаков II: 247], проявилась в многочисленных употреблениях слова *водоворот* в текстах русских авторов, начиная примерно с 40-х годов, за счет расширения синтагматических связей слова на базе лексических сочетаний атрибутивного типа. Такого рода лексическая сочетаемость, содержащая характеристику различных явлений и частных моментов социальной жизни, общественных настроений XIX века, найдет отражение в «Словаре русского языка XIX века» в виде строк лексических сочетаний свободного типа. Например:

ВОДОВОРОТ, а, м. ... / *Образно* и *Перен.* Водоворот жизни, событий, .. балов и собраний; в. общества, людей; в. столкновений, .. драмы, судьбы, неизбежности; в. мысли, стихов. ... / *Перен.* .. Водоворот журналистики; в. мелкой промышленности... Водоворот бумажный, литературно-публицистический. ... Жизненный водоворот; общественный в. .. Бесмысленный, мутный водоворот. Водоворот умеренности. ...

Материалы дифференциальной картотеки Словаря как раз позволяют проследить динамику формирования переносного значения у слова *водоворот* в текстах XIX века, которое было зафиксировано словарем под ред. Ушакова (см. выше). Данные образные контексты, в которых лексема *водоворот* употреблена в атрибутивных конструкциях двух типов: «сущ. + род.п. им. сущ.» и «прил.+ сущ.», — передают ощущения человека XIX века от динамично развивающегося про-

странства (*водоворот балов и собраний*) и ускоряющегося времени (*водоворот жизни, событий*), меняющихся человеческих связей, отношений, (*водоворот общества, людей, столкновений*), выхватывая отдельные характерные детали экономической, социальной и культурной жизни эпохи («меркантильный дух», «железный век», «бес печатания»):

*Происхождение деятелей мелкой промышленности очень обыкновенно. Вольноотпущенные, которые имели прежде свои занятия в многочисленной дворне какого-нибудь вельможи старого века — занятия, сделавшиеся никуда непригодными на свободе, при современной скромной жизни, ...; вдовы, оставшиеся с несколькими детьми на руках и, следовательно, лишенные возможности идти в услужение; иногда мещанин, которого разные таланты совратили с истинного пути; рядом с ним артист, играющий на каком-то неизвестном инструменте; реже всех отставной солдат, почему-либо не нашедший себе приличного места, — вот почти и все. Разумеется, и здесь нет правила без исключений, и здесь из девяти десятый не попадет в **водоворот мелкой промышленности**. Зато уж кто попал в него, только успевай повертываться, если не хочешь поссориться с желудком; берись за все, что ни случится, являйся всюду, где можно пустить в оборот свою сметливость, трудись без усталы и хлопоты до упаду (И. Т. Кокорев. Очерки о Москве. 1849);*

*Несмотря, однако ж, на свою страсть к литературе и на порывы к литературной славе, Томас Гуд не ринулся рано в неусыпно клубящийся и шумящий **водоворот журналистики**, в котором сокрушается и гибнет столько неокрепших дарований, столько еще не вполне развившихся сил (М. Л. Михайлов. Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд. 1861).*

Авторы XIX века пользуются словом-образом *водоворот* не только для передачи внешних впечатлений от объективно существующей реальности, но также передают с его помощью свои внутренние переживания и состояния (*водоворот мыслей; водоворот драмы, судьбы, неизбежности*):

*«Мы — дрожжи для роста общественного самосознания, для подъема его жизненных эмоций; смерть единиц вызывает новые ферменты брожения. Химическая работа произведет благодетельный подъем... без ломки, без ужасов... этому и я верю так же, как и вы. Я знаю: вы отдаете всю силу сохранившейся у вас любви этой сиротке, так не завейте же в ее чистую душу презрения к бродяге-отцу, а шепните ребенку хоть один раз, что его любит дико, без границ и отверженец доли, увлекаемый в **водоворот неизбежности**...». Рыдая, окончила чтение письма Галя и положила его под подушечку Леси. (М. П. Старицкий. Рассказ из невозвратного прошлого. Из эпохи 70-х годов. 1882).*

Сочетание с существительными отвлеченной семантики не может не влиять на переосмысление содержания понятия, стоящего за словом *водоворот*, как, например, в следующем тексте:

*Что жалеть об этих франтах в желтых перчатках, толкующих о демократии в Америке и не знающих, что делать дома, об этих франтах, проникнутых презрением к народу, уверенных, что из русского народа ничего не выйдет, хотя в сущности не выйдет из них-то ничего... Но об этих господах толковать нечего, есть другого сорта люди, которые желают действительно народу добра, но не видят перед собою пропасти и с пылкими надеждами, увлеченные в общий **водоворот умеренности**, ждут всего от правительства и дождутся, когда их Александр засадит в крепость за пылкие надежды, если они будут жаловаться, что последние не исполнились, или народ подведет <их> под один уровень с своими притеснителями (Н. А. Добролюбов. Письмо из провинции. 1860).*

Смысл, который приобретает слово *водоворот* в данном контексте, как, впрочем, и в предыдущей цитате, это 'нечто губительное, приносящее гибель', близкий к конкретному значению, выделяемому в речевой традиции 'пучина' (о затягивающей на дно водной стихии).

Можно заметить, что постепенно меняется характер сочетаний в пользу модели с прилагательным, что свидетельствует о большей семантической независимости существительного в такой конструкции (выделяется переносное отвлеченное значение 'активная, бурная деятельность'):

*Иван Иванович Половин .. Был скромный человек и не жаждал славы, но вдруг случилось обстоятельство, поставившее его в центр **общественного водоворота**: предводителя дворянства хватил паралич, так что он оказался неспособным председательствовать на предстоящем земском собрании. И воля судьбы указала Ивану Ивановичу взять на себя эту почетную и трудную обязанность (Вс. Мих. Гаршин. Подлинная история Энского земского собрания. 1876).*

Можно также наблюдать развитие оценочного социокультурного компонента в семантике слова *водоворот*, к концу века усиливающего отрицательную окраску: ср.

*Никак не могу себя убедить никакими логическими доводами уважать это общественное мнение. Все точно обьелись дурману. Все на студентов смотрят как на мучеников. Их дерзость, неповиновение закону и власти считают геройством, а правительство позорят всеми возможными способами. Клевета, выдумки, искаженные факты составили какой-то **мутный водоворот**, который уносит и крутит в себе и старого и малого. Ни одного суждения умеренного, основательного, ни малейшего желания дойти до истины (А. В. Никитенко. Записки и дневник. 1826–1877);*

И как будто набежала какая-то волна, ужасающий гул почуявшего свободу зверя торжествуяще и радостно потряс воздух. Все двигалось воз-

бужденно и быстро, точно целые толпы стремительно бежали куда-то, налетая друг на друга и шибаясь в бессмысленном водовороте, и посреди этой гула и движения тонкий, молчаливый профиль мертвеца отчетливо чеканился в синем небе, казалось, навеки сохраняя выражение неуловимой таинственной иронии (М. П. Арцыбашев. Человеческая волна. 1905).

Для полноты картины приведем также пример того, как русское слово *водобоязнь*, именно в силу своей образной энергетике (ср. *гидрофобия*), служит образованию нового слова с участием компонента *людо-* по семантически мотивированной модели ‘болезненное состояние, вызванное страхом, боязнью чего-л.’:

Но, к несчастью, в жизни людей всё идет наперекор их желаниям и мечтам. Вот тоже несчастный человек Владислав Альбертович, как ему ужасно хочется поехать, но его болезнь состоит именно в том, что он боится людей: как бывает болезнь водобоязнь, так у него — людобоязнь. Несчастный человек, с этих пор уже такая ненормальная жизнь (Н. Ф. фон Мекк — П. И. Чайковскому. Belair, 18 февраля/1 марта 1888 г.).

Анализ лексической неологии, семантических и стилистических процессов в группе слов с компонентом *водо-* засвидетельствовал значимость культурной составляющей в структуре и семантике слов по отношению к материальной стороне бытия. В литературной лексике XIX в. отразились общие тенденции развития русского общества в данный период его истории, его заинтересованность в определенных сторонах жизни. Одновременно с новыми смыслами, привнесенными культурными и языковыми заимствованиями, русская лексика продолжает сохранять прочную связь с некогда синкретичным корнем.

Литература

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1863–1866.

Калиновская В. Н., Старовойтова О. А., Эзериня С. А. Динамика русской лексической неологии в контексте языковых споров первой трети XIX века // 200 лет "Беседе любителей русского слова". Материалы Международной научной конференции. СПб., 2013. С. 177–190.

Калиновская В. Н., Эзериня С. А. Системность как фактор лексической динамики (на материале лексики с начальным компонентом *аэро-/воздухо-* по данным картотеки Словаря русского языка XIX века) // V Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность». Труды и материалы. М., 2014. С. 231–232.

Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический словарь): в 3 т. / Сост. Ф. Толля. СПб., 1863–1864. Приложение. СПб., 1866.

Орлов А. И. Полный филологический словарь русского языка: В 2 т. М., 1884–1885.

Пищальникова В. А. Содержание понятия картина мира в современной лингвистике // Язык и культура. Факты и ценности. М., 2001 С. 484–489.

Российский, с немецким и французским переводами, словарь, сос. Иванов Нордстетом. Ч. 1–2. СПб., 1780–1782.

Русский энциклопедический словарь, изд. проф. С.-Петербургского университета И.Н. Березиным. Т. I–XVI. СПб., 1873–1879.

Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: В 6-ти ч. СПб., 1806–1822.

Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: В 6-ти ч. СПб., 1789–1794.

Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–5. СПб., 2004–2012.

Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–19. Л./СПб., 1984–2011.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2008.

Словарь русского языка. СПб., 1891–1916.

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3-х тт. СПб., 1890–1912.

Толковый словарь русского языка: в 4-х тт. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Энциклопедический словарь / Нач. проф. И. Е. Андреевским. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (СПб). Т. 1–82. СПб., 1890–1907.

Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. I–III. СПб., 1803–1806.

Об одной лексикографической лакуне¹

Многочисленные исследования и прошлых лет, и современные, посвященные развитию лексико-семантической системы русского языка XIX века, свидетельствуют о необычайной активности национального языкового сознания, проявляющейся в том числе в активности словообразовательных процессов. Результатом подобных процессов становится не только появление новых лексических единиц, но и формирование новых словообразовательных гнезд, а также усложнение отношений внутри гнезда. Изучение отношений слов внутри гнезда позволяет судить о различных процессах и важных тенденциях развития языковой системы.

В середине XIX в. в русском литературном языке начинает формироваться гнездо однокоренных слов разных частей речи с заимствованным компонентом *acclimat-*. Если собрать все лексемы, употребляемые на протяжении нескольких десятилетий XIX в. в разножанровых текстах, то они составят многоуровневую единицу языка — лексическое гнездо, объединяющее в своем составе несколько словообразовательных гнезд². Для удобства представим данное лексическое гнездо в виде словообразовательных цепочек внутри трех словообразовательных гнезд:

(1) *акклиматизировать* → *акклиматизирование, акклиматизировать* → *акклиматизировка, акклиматизировать* → *акклиматизировальный, акклиматизировать* → *акклиматизация* → *акклиматизационный, акклиматизация* → *акклиматизатор, акклиматизировать* → *акклиматизироваться*;

(2) *акклиматизовать* → *акклиматизование, акклиматизовать* → *акклиматизоваться, (акклиматизованный →) акклиматизованность*;

(3) *акклиматировать* → *акклиматация, акклиматировать* → *акклиматироваться*.

Быстрое и широкое распространение этих слов в русском языке вызвано прежде всего экстралингвистическими факторами: развитие в XIX в. естественнонаучных знаний, особенно биологии, способствовало активному вмешательству человека в перестройку организма при его приспособлении к новым условиям жизни (т. н. акклиматизация).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 14-04-00388 «Дифференциальный словарь «Словаря русского языка XIX в.».

² О понятии лексическое и словообразовательное гнездо см. в [Тихонов 1994: 148–161].

Акклиматизация растений, животных и самого человека становится в ряд важнейших проблем жизни XIX века благодаря переселению людей на новые территории и освоению новых земель, т. к. способствует решению насущных геополитических и сельскохозяйственных задач. Учение об акклиматизации связывают с именем французского зоолога Жоффруа Сент-Илера (1772–1844), чья книга «*Acclimatation et domestication des animaux utiles*» («Акклиматизация/Акклиматизирование и приручение/одомашнение полезных животных») (1849, 4-е изд. 1861 г.) была хорошо известна в России. Таким образом, идея приспособления живого организма к существованию в новых условиях оказывается чрезвычайно актуальной в российской науке и практике того периода:

В первое заседание комитета акклиматизации, 30 января 1857 года, профессор Рулье в речи своей указал такое экономическое основание необходимости акклиматизации животных в России. (А. П. Щапов. Реализм в применении к народной экономике, 1866)¹; *Помологический сад этот <в СПб.> имеет задачу не только испытание и акклиматизацию плодовых сортов, но и воспитание в большом размере, для дальнейшего распространения, приспособленных к нашему климату плодовых деревьев.* (Русская помология. Сочинение д-ра Э. Регеля, 1868).

Так вместе с новыми идеями в русском языке XIX в. появляются многочисленные слова с компонентом *акклимат-*.

Анализ отношений между словами в составе названного лексического (и словообразовательного) гнезда помогает определить специфику употребления каждого отдельного слова в языковой системе. Так, слово *акклиматизатор* появляется в середине века (параллельно происходит активное вытеснение лексемы *акклиматация* лексемой *акклиматизация*). В системе русского языка имя существительное с суффиксом *-атор* может называть лицо, орудие и помещение, но, поскольку лексическое значение — оформленная словом когнитивная структура, в отношении рассматриваемого слова можно определенно утверждать своеобразную категоризацию словообразовательной модели в культурной парадигме эпохи: при помощи суффикса *-атор* образовано имя — наименование лица, производящего действие, названное мотивирующим словом.

Связано это с тем, что акклиматизация представляет собой целенаправленную деятельность человека (например, в разных странах, в том числе в России, создаются общества акклиматизации, организу-

¹ Все примеры в настоящей статье взяты из Электронной картотеки «Словаря русского языка XIX века», поэтому их паспортизация дается в ограниченном объеме; частично сохранена орфография источников.

ются «акклиматизационные сады» (иное название — «сады (для) акклиматизации»). В 1860 году в России начинают издавать специальный журнал «Акклиматизация» как орган комитета акклиматизации животных и растений. Участие человека в процессе акклиматизации подтверждается употреблением соответствующих лексических средств и грамматических форм:

Если успели мы разные породы домашних животных и птиц акклиматизировать под разными широтами земного шара, то какая причина могла бы не допустить нас водворить, равным образом, у себя и экзотические роды и виды отборных рыб? (Современник, т. XXXIII, 1852).

Об активной роли человека и важности его деятельности по приспособлению растений и животных к существованию в новых условиях свидетельствует появление словосочетаний *опыты (по) акклиматизации, опыты с/над акклиматизацией*. Сообщениями о подобного рода занятиях пестрят посвященные обозрению жизни в стране и выходящей литературе разделы в журналах второй половины XIX в., сведения об этом виде деятельности включены в отчеты министерств:

Упомянем только о чрезвычайном собрании, состоящего при Московском Обществе Сельского Хозяйства Комитета Акклиматизации растений и животных, бывшее в самой середине лета, 23-го июля, в саду Московской Земледельческой Школы. Собрание это было созвано с целью: осмотреть опыты акклиматизации, производящиеся под руководством директора Комитета П. И. Анненкова. (Современная хроника России. Отечественные записки, т. CXIV, 1857);

...нужны даже опыты над приручением и акклиматизацией таких животных, от которых пользы ожидать нечего, просто для того, чтобы сделать эти опыты возможно многостороннее. (Н. А. Северцов. Несколько слов об акклиматизации животных, 1860);

Деятельность Севастопольской Биологической Станции выражалась: <...> 4) в опытах над акклиматизацией морских животных и 5) в предоставлении публике возможности знакомиться с морскими животными и их образом жизни (Всеподданнейший отчет Министра народного просвещения за 1903 год, 1905).

Таким образом, слово *акклиматизатор* появилось в русском языке со значением ‘человек, занимающийся акклиматизацией растений и животных’. Если мы учтем все то, что было сказано выше о роли акклиматизации в жизни человека XIX в., активном участии в данном процессе самых разных людей — не только профессионалов, но и любителей, такая семантическая история слова неслучайна. Следовательно, наличие в словообразовательном гнезде наименования лица является закономерным и «позволяет осмыслить направление языко-

вых изменений, отражающих актуальные фрагменты картины мира современника» [Черняк 2006: 173].

Существительное *акклиматизатор* со значением лица на протяжении десятилетий активно функционировало в русском языке. Подобное употребление хорошо вписывалось в направление функционально-семантического вектора развития соответствующего словообразовательного гнезда: данное слово, как и соответствующие глаголы и девербативы, проявляло тенденцию к употреблению в расширительном значении [Сорокин 1965: 420]:

Пересаживать ее <«Историю философии» Фишера> на нашу почву, стало быть, неудобно, да и совершенно напрасно; акклиматизовать у нас Фишера весьма трудно, потому что «общество акклиматизации» еще не выработало прочных начал для успешного ведения этого дела. (Современник, т. LXXXXI, 1862);

Здесь совершается великая тайна акклиматизации европейского прогресса, включительно до скандалиссимуса... (Н. Г. Помяловский. Молотов, 1861).

Слова с компонентом *акклимат-* оказались наиболее жизнеспособными, вытеснив практически все синонимы, которые использовались первоначально для пояснения нового в системе языка понятия: *акклиматизировать / окультивировать, отуземить, приспособить, акклиматизация (акклиматация, акклиматизирование) / водворение, подбор, порабощение.*

Поскольку в сознании носителя языка исследуемого периода узкоспециальные и стилистически ограниченные слова (термины, книжные, официальные, устаревшие) четко отделяются от общелитературных, следует говорить о детерминологизации слов с компонентом *акклимат-*. Данное обстоятельство подтверждается их активным использованием в разностилевых системах:

Обобщение приписывает пастуху непременно жадность. В пересказе Крылова эта черта введена в самую басню. В Эзоповской басне эта черта вовсе не намечена. Может быть пастух имел другие соображения, может быть он руководствовался желанием улучшить породу коз и не только своих, а домашних коз вообще? может быть он был акклиматизатор, герой? (А. А. Потебня. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка, 1894).

Об этом же свидетельствует языковая рефлексия носителей языка в отношении подобных слов:

— *Сударыня, поздний цветочек! — сказал нежданно Шкатулкин, вскакывая дорогой с козел, срывая цветок в поле и поднося его Оксане. Та засмеялась, не брала его. Она хоть и покорилась, или, как отзывался о ней полковник, акклиматизировалась, но при людях еще сильно дичилась (Г. П. Данилевский. Беглые в Новороссии, 1862).*

Они становились материалом и для языковой игры:

Московское общество акклиматизации присудит пекарю Филиппову медаль за разведение лучшей породы мышей и прусаков (А. П. Чехов. Календарь «Будильника» на 1882 год, март–апрель).

Существительное *акклиматизатор* со значением лица могло употребляться изолированно или в сочетании с род. п. другого существительного, указывающего на соответствующую сферу деятельности человека, например *акклиматизатор образования*, или на распространяемый предмет, явление: *акклиматизатор Домостроя*.

В отличие от наименований действия и процесса наименование лица (*акклиматизатор*) с самого начала функционирования в лексической системе не имело синонимов¹ и широко употреблялось во всех контекстах. Иногда оно оказывалось в непосредственном контакте с близкими по значению, но не синонимичными *разводчик*, *разводитель*²:

Поедая на своем пути огромное количество рыбьей икры по берегам рек и озер и выкидывая ее непереваренную вместе с пометом на берегах других вод, — перелетные птицы и тут являются акклиматизаторами и разводителями рыбьих пород, нередко населяя ими воды пустынного пруда или омута (С. И. Романов. Словарь ружейной охоты, 1877).

Необычайно активное и широкое употребление слов с компонентом *акклимат-* в русском языке второй половины XIX века приводит к определенным семантическим сдвигам. Это, в первую очередь, коснулось существительного *акклиматизатор*, поскольку суффикс *-атор* может указывать не только на лицо. Название места для проведения акклиматизации первоначально получило номинации *сад* (для) *акклиматизации* или *акклиматизационный сад*, причем вторая модель оказалась более продуктивной — на рубеже веков встречаются также названия *акклиматизационный огород*, *лес* и *акклиматизационная станция*. На рубеже веков у существительного *акклиматизатор* появляется новое значение — ‘специально отведенное пространство, место для осуществления деятельности по акклиматизации животных или растений’:

В этом отношении интересен метод, которым пользуется питомник «акклиматизатор», принадлежащий г. Фролову в Лигове, Петерб. губ. Ме-

¹ И не имеет их до настоящего момента. По данным Национального корпуса русского языка, слово **приспособитель* зафиксировано единожды, у А. И. Солженицына: *И можно сказать, что церковь, к моменту революции весьма одряхлевшая и разложенная, быть может из первых виновниц русского падения, выдержала испытание 20-х годов гораздо достойнее: имела и она в своей среде предателей и приспособителей (обновленчество), но и массою выделила священников-мучеников, от преследований лишь утвердившихся в стойкости и под штыками погнанных в лагеря.* (А. И. Солженицын. Образованщина 1974 [НК]) — и является синонимом к слову *приспособленец*.

² *Разводитель*, -ница, *разводчик*, -чица, кто разводит кого или что [Даль 1865: 14].

тод г. Фролова сводится к многократной прививке акклиматизируемых южных сортов в течение нескольких поколений до 7 раз (Сельское хозяйство и лесоводство, т. 228, 1908).

В отличие от первого (обозначение лица) второе значение существительного является терминологическим.

История рассматриваемого лексического гнезда на протяжении XX века в целом представляет собой процесс элиминации лексем, вызванный устранением избыточной вариантности, типичной для языка нового времени. В современном русском языке немногочисленные лексемы с компонентом *акклимат-* входят в состав словообразовательного гнезда с вершиной *климат*, отражая ближайшие живые словообразовательные связи в системе языка: *акклиматизировать* и *акклиматизовать*, устар.; *акклиматизироваться*; *акклиматизирование*; *акклиматизация* → *акклиматизационный*, *акклиматизация* → *акклиматизатор* [Тихонов 1985: 441].

Поскольку словообразовательный словарь современного языка не дает значений слов, обратимся к толковым словарям, чтобы узнать, в каком значении употребляется слово *акклиматизатор*. И здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией — данное существительное представлено в словарях только в одном (предметном), узкоспециальном значении: «*Акклиматизатор — птичник для выращивания молодняка кур, индеек, уток и гусей в условиях, близких к условиям содержания взрослой птицы*» [БАС 2004: 138], причем оно отмечено как новация 60-х годов XX века: «*Акклиматизатор — птичник для выращивания молодняка в условиях, близких к условиям содержания взрослой птицы*» [Новые слова 1971: 40].

Если же обратиться к разнообразным источникам, иллюстрирующим употребление слова *акклиматизатор* на всем протяжении XX века и в начале XXI века, получается следующая картина. Слово употребляется:

1) в значении лица:

По моему мнению, можно допустить выражение, что тот или иной другой сорт плодового растения акклиматизирован лишь тогда, когда, во-первых, данный сорт, будучи перенесён из местности с другим климатом, сам по себе в новом месте расти не мог, но вследствие целесообразных, сознательных приемов акклиматизатора помирился с условиями этого климата, причем не изменил качеств плодов. (И. В. Мичурин. Сочинения, 1948);

Казалось бы, это <неудачные попытки акклиматизации рыб> должно было охладить энтузиазм акклиматизаторов. Тем более что развитие техники — прежде всего транспортных средств — открывало перед любите-

лями охоты более заманчивые возможности.. (Б. Жуков. Звериная депортация // Вокруг света. 2010. №10).

Кроме общеизвестного значения оно развивает специальное — в полиграфическом производстве, согласно Единому тарифно-квалификационному справочнику работ и профессий рабочих, утвержденному Постановлением Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 23.11.1984 № 339/22-110, существует профессия «акклиматизатор». В его обязанности входит *«акклиматизация печатной и гуммированной бумаги малого формата (до 54x70 см) в акклиматизационных установках с помощью специальных приспособлений и путем укрытия: зарядка акклиматизационной установки бумагой или ее подвешивание»*. (<http://www.uwfoto.ru/bumagi21.html>). Под номером 1835 данная профессия числится и в более новых документах: «Акклиматизатор, занятый в цехах металлографской и глубокой печати» (Собрание законодательства Российской Федерации, Выпуски 10–13. 2000).

2) в значении помещения, предназначенного для акклиматизации не только молодняка (и не только птичьего), но и неодушевленных предметов:

*За 2009 год в ЗАО «Светлолобовское» построены за счет собственных средств и введены следующие объекты производственного назначения: <...> родильное отделение коровника на 200 мест, на сумму 13,6 млн. рублей; **акклиматизатор** для телят на 800 голов, на сумму 8,1 млн. рублей* (<http://graninow.ru/news/2011-12-12/962/>);

*Фондохранилище Государственного Эрмитажа в «Старой деревне», работающее по принципу «открытого хранения», дает посетителям возможность не только осмотреть экспонаты уникальных коллекций, но и ознакомиться с основными принципами и условиями размещения произведений искусства. <...> Система кондиционирования и вентиляции обеспечивает необходимый микроклимат в помещениях, а изолятор-**акклиматизатор** позволяет осуществлять постепенную адаптацию произведений искусства к новым условиям их хранения* (<http://artel-art.livejournal.com/660978.html>).

3) в значении прибора (приспособления), предназначенного для поддержания температуры и/или влажности воздуха в помещении:

*Впрочем, отечественное население уже давным-давно адаптировалось к таким перепадам температур и погодных условий. Тем более, что возможность установить кондиционер или **акклиматизатор** теперь есть практически у каждого работающего горожанина. Правда, не всегда для них есть место, но мобильные кондиционеры тут приходится очень кстати. 5 апреля 2011* (<http://www.mczone.ru/reviews/mobilnye-kondicionery-743>).

4) Кроме того, нами обнаружено еще одно употребление существительного *акклиматизатор*, семантический потенциал которого был заложен в данном лексическом гнезде. Дело в том, что в процессе

акклиматизации объект акклиматизации подвергается действию субъекта и одновременно сам приспосабливается к окружающей среде. Отсюда два значения глагола **акклиматизироваться**:

1. *Приспособиться (приспосабливаться) к новому климату, к новым жизненным условиям (о живых организмах)*. 2. *только несов. Страд. к акклиматизировать*.

Следовательно, потенциально существительное *акклиматизатор* может быть отнесено не только к субъекту деятельности, но и к ее объекту (традиционно именуемое при помощи причастных форм: *акклиматизируемый, акклиматизированный, акклиматизовавшийся*¹), т. е. акклиматизатором может называться животное или растение, подвергшееся акклиматизации:

Здесь <в реке Обь> встречаются такие ценнейшие виды рыб, как сибирский осётр, стерлядь, таймень, ленок, нельма, муксун, обской сиг, сибирский хариус. Значительную часть ихтиофауны (более пяти видов) составляют акклиматизаторы, среди которых особенно многочисленны лещ и судак, ставшие основными объектами рыбного промысла в области (<http://www.balatsky.ru/NSO/FISH.htm>).

Сложившаяся ситуация — разрыв между употреблением слова и его словарной фиксацией — требует, на наш взгляд, особого осмысления. Особенно это важно, если вспомнить предостережение В. В. Виноградова относительно опасности «оторвать судьбу слова от живых и изменчивых конкретных процессов в истории языка и исказить ход семантических изменений» [Виноградов 1995: 13] при изучении лексического состава русского языка.

Трудно не согласиться с утверждением: «В диалог “человек — словарь” вступают разные слои образованных людей.. <словарь> для филологов — источник лингвистических исследований..» [Перфильева 2009: 163]. Отсутствие в толковых словарях русского языка значения слова *акклиматизатор* в качестве наименования лица представляет собой лагуну². Осмысление современной лингвистикой системности явления лагунарности позволяет думать о неслучайности и рассматриваемого явления.

В связи с этим попытаемся объяснить, почему существительное *акклиматизатор* в качестве наименования лица, будучи таким упот-

¹ Субстантивированная форма причастия активно использовалась М. Е. Салтыковым-Щедриным как прием номинации типичного персонажа: «*Непрошенный глаз врывается в жизнь акклиматизируемого и наполняет ее бесполоквейшей путаницей самородных мирозерцаний*.» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма из провинции, 1868–1870).

² В качестве самого общего определения лагуны примем следующее: «лагуна — это определяемое путем внешней оценки наличие отсутствия» [Дымарский 2009: 189].

ребительным на всем протяжении своего существования в русском языке, было обойдено вниманием лексикографов.

По-видимому, оно не вошло в Академический словарь 1891 г. из-за субъективизма его автора Я. К. Грота, отчасти проявившегося в произвольности отбора слов, на что справедливо указывали современники:

Мы приводили и приведем еще немало слов очень употребительных и тем не менее отсутствующих, а одновременно с этим словарь роскошествует, даря нам, например, агальматолит — камень, вывозимый из Китая, антал — особаго размера бочонок для вина в Венгрии и пр., и пр. [Зотов 1892: 21].

Позднее в том же словаре в словарной статье КЛИМАТИЗОВАТЬСЯ появился метатекстовый комментарий, указывающий на чуждость российскому уху слова *акклиматизироваться*: *Климатизоваться, зуюсь. Искусственно образованное слово для замены нескладного акклиматизироваться. Житель Лондона быстро климатизуется во всяком большом городе. Серг. Васильев (Флёрв) (Моск. Вед. 1899, № 114) [Словарь 1910: 1029].* Однако достойной замены ни соответствующему глаголу, ни производным именам предложено не было (варианты, предложенные в Толковом словаре В. И. Даля: «акклиматизация — приурочивание, приурочение, приурочка», не прижились).

В дальнейшем судьба слов с компонентом *акклимат-* на долгие годы была предрешена: сама идея принятия, приспособления чужого в любой сфере человеческой деятельности вступала в противоречие с идеей государства «Мы наш, мы новый мир построим». Наименование лица, занимающегося акклиматизацией, оказалось за рамками и толковых словарей советской эпохи.

Таким образом, культурная «наполненность» слова *акклиматизатор* предопределила его историю в русской лексикографии, и только понимание глубокой взаимосвязи «века нынешнего» и «века минувшего» помогает нам восстановить «разрозненные временем и местом» связи.

Литература

- БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 1. М.—СПб., 2004.
- Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 5–34.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 4. М., 1865.
- Дьмарский М. Я. Возможна ли онтологическая интерпретация понятия лакуны? // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: Межвузовский сб. науч. тр. / Под ред. проф. Т. И. Стексовой. Новосибирск., 2009. С. 189–194.

Зотов В. Р. Новый академический словарь // Наблюдатель, журнал литературный, политический и ученый, издаваемый под редакцией А. П. Пятковского. № 5 май. СПб., 1892. С. 17–27.

Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971.

Перфильева Н. П. Лакуны при лексикографировании дискурсивных показателей // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. проф. Т. И. Стексовой. Новосибирск, 2009. С. 163–172.

Словарь русского языка, составленный II отделением Императорской академии наук. IV т. Вып. 4. СПб., 1910.

Тихонов А. Н. Лексические и словообразовательные гнезда как единицы сравнительного изучения восточнославянских языков // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков / Институт славяноведения и балканистики. М., 1994. С. 148–161.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. Около 145000 слов. Т. 1. М., 1985.

Черняк В. Д. Фрагменты русской языковой картины мира в зеркале неологических словарей // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления). СПб., 2006. С. 171–173.

Очерки путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» как источник лексикологического исследования¹

Изучение лексического состава и лексического своеобразия отдельно взятого произведения является важной научной задачей, что часто определено вниманием конкретного автора к работе над словом. Как писал Б. А. Ларин: «Писатель обновляет энергию слова, перезаряжает его для литературного выступления — разряда. А это возможно только через анализ словесного смысла. Нужна незаурядная острота и точность понимания слов, полнота языкового опыта, чтобы, поставив слово в фокус, заставив читателя увидеть в цепи слов одно звено как самое яркое, выразить именно этим словом свою мысль и вместе с тем отразить подлинную реальность» [Ларин 2003: 474]. Изучение лексического своеобразия произведения раскрывает перед исследователем сразу несколько научных перспектив: во-первых, такое исследование неразрывно связано с историческим изучением лексического состава русского языка в целом, во-вторых, даёт возможность проникнуть в суть особенностей той жанровой формы, к которой принадлежит произведение, в-третьих, выявляет важнейшие черты словопотребления автора, характеризует его идиостиль.

Очерки путешествия «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова — литературный результат путешествия, предпринятого автором в 1852-1855 гг. в составе русской экспедиции к берегам тогда ещё практически закрытой для мира Японии. Произведение Гончарова, по сути, подвело итог периоду 40-50-х годов XIX века, который можно считать временем расцвета литературы путешествий, выполняющих культурно-просветительские задачи, и одновременно послужило к дальнейшему его развитию (подробно отражено в диссертационном исследовании [Проценко 1984]). Жанрово-стилистическая специфика «Фрегата “Паллада”» отражает всю сложность жанра путешествия в целом: «путешествие, в силу своей структурной свободы, перерастает жанровые границы, вбирает в себя те или иные жанры — точнее, пользуется ими по своему усмотрению — и

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-34-01028.

разрастается до небольшой самостоятельной “литературы”, располагающейся на грани художественного и нехудожественного, искусства и неискусства» [Пономарёв 2014: 13]. Первое жанровое определение своему произведению дал сам Гончаров, назвав свою книгу «очерками путешествия». Любопытно, что в первых критических откликах на произведение каноны жанра, заданные этим определением, фактически не применялись: произведение, наоборот, противопоставлялось другим «путешествиям». Так, Д. И. Писарев подчёркивал, что на «Фрегат “Паллада”» «должно смотреть не как на путешествие, но как на чисто художественное произведение (разрядка наша — *Е. Ш.*)» (цит. по: [Орнатская 1986: 786])¹. В то же время, ещё при жизни Гончарова, взгляд на книгу, как замечает Б. М. Энгельгардт, изменился на противоположный: «Книга, строго говоря, была забыта. Она перестала ощущаться как литературное произведение (разрядка наша — *Е. Ш.*)» [Энгельгардт 1986: 722]. Обращает на себя внимание разница в жанровых определениях и в исследованиях разного времени и разных направлений: «путевые очерки» [Горенштейн 1955], «путевые заметки» [Чичерин 1985] «эпопея» [Дановский 2004] и даже «географический роман» [Недзвецкий 1993]. Эту эклектичность подходов к жанровой природе «Фрегата “Паллада”» можно объяснить его синтетичностью, ощущаемую многими исследователями и проявляющуюся на всех уровнях текста: в подаче материала, сюжете, стиле, языке. Как правило, исследователи говорят о сочетании научного, публицистического и художественного начала в подаче материала (см., [Проценко-Якеева 1995]). Выводы литературоведов подтверждает анализ языкового материала в произведении Гончарова. В этой связи кажется вполне обоснованным возвращение к несколько откорректированному первоначальному жанровому определению: «это книга очерков, тесно спаянных авторской концепцией. И. А. Гончаров не просто стремился сообщить определенную информацию о быте, нравах, истории, произведениях искусства разных стран, но ставил перед собой поистине грандиозную задачу — представить цельную картину мира, в основе которой лежала разработанная писателем концепция мировой жизни» (разрядка наша — *Е. Ш.*) [Мокеева 1992: 95]. Рассуждения о жанрово-стилистической природе произведения Гончарова приобретают особую

¹ «Фрегат “Паллада”» стал книгой для юношества, несущей воспитательную и образовательную функции, сам Гончаров в предисловии к третьему изданию пишет: «Если этот новый фрегат, вновь пересмотренный, по возможности исправленный и дополненный заключительною главою, напечатанною в литературном сборнике «Складчина» в 1874 году, прослужит <...> ещё новый срок, между прочим и в среде юношества, автор сочтёт себя награждённым сверх всяких ожиданий» [Гончаров 1986: 6].

научную значимость, учитывая возрастающее влияние научного и публицистического стилей на развитие русского языка второй половины XIX века, что отмечается всеми исследователями истории русского литературного языка. «Путешествие» как сложный синтетический жанр подвергается значительному влиянию языка научных и публицистических очерков, содержащихся в больших количествах на страницах периодических изданий того времени,¹ соответственно, изучение очерков путешествия Гончарова как произведения, отражающего языковые особенности своего времени имеет очевидную историко-лексикологическую перспективу.

Мысль о перспективах исследования лексического состава отдельных произведений для понимания общезыковых лексико-семантических процессов не нова и имеет давнюю историю. Уже у создателей академического Словаря 1847 г. возникал вопрос о необходимости составления отдельных словарей крупнейших писателей для работы над толковым словарём общего типа. Впоследствии эта идея была отклонена авторами, поскольку её исполнение отдалило бы время выхода Словаря.² Известно также, что А. А. Шахматов, идеи которого во многом определили направления отечественной лексикографии, приступая к составлению «Словаря русского языка», полагал необходимым предварительно составить словари 10 крупнейших русских писателей (в их число входил и Гончаров). Следует отметить, что А. А. Шахматов не предполагал в этих словарях семантической разработки лексики, а предполагал ограничиться лишь перечнем слов, «употребляемых писателем, с цитатой к каждому слову» [Рогожникова 2003: 21]. Большую роль отводил исследованию индивидуального авторского творчества с целью исторического изучения языка В. В. Виноградов: «Значение языкового материала, из которого состоит индивидуальное литературно-художественное произведение, может быть уяснено и осмыслено в аспекте истории литературного языка лишь в том случае, если этот материал будет всесторонне освещён и исследован с точки зрения активных, живых процессов и закономерностей развития грамматики, лексики, фразеологии и даже стилистической системы литературного языка в целом» [Виноградов 1955: 24].

Основная тенденция, характеризующая развитие литературного языка середины и второй половины XIX века, — чрезвычайная подвижность его лексико-семантической системы: активно заимствуется

¹ В предисловии к третьему изданию книги Гончаров замечает: «Вышло то, что мог дать автор: летучие наблюдения и заметки, сцены, пейзажи – словом, очерки» [Гончаров 1986: 6], что свидетельствует о значимости очерковой природы своего произведения для автора.

² Подробнее см. в Предисловии: [Сл1847: X-XI].

новая лексика, образуются множественные дериваты от уже существующих слов, происходят многочисленные семантические изменения. В этом отношении очерки путешествия «Фрегат “Паллада”» предоставляют богатый материал для научного анализа и систематизации. Произведение отличает филигранная точность в выборе лексических средств языка, помогающая сохранить стилистическое единство столь сложно устроенного произведения. В очерках путешествия обнаруживаются совершенно разные группы лексики: 1) терминология: а) термины, б) семантически переосмысленная научная лексика; 2) эмоционально-оценочные слова; 3) лексика иностранного происхождения: а) экзотизмы; б) иностранные вкрапления; 4) региональная лексика («сибирские» главы); 5) художественная лексика (поэтизмы) и т. п. При анализе каждой из этих лексических групп можно обнаружить отражение актуальных для того периода существования русского литературного языка процессов.

Так, в произведении Гончарова можно обнаружить отражение разных исторических этапов процесса заимствования. Чрезвычайно показательной в этом отношении является группа экзотических названий растений. Значимым представляется употребление Гончаровым латинских вариантов названий (пальма *areca*, *mitosa pudica*), отражающие актуальный для того времени процесс интернационализации системы научного знания. При этом в одном случае экзотизм сохраняет своё английское написание, что свидетельствует о незнании автором очерков русского эквивалента:

«По местам посажено было чрезвычайно красивое и невиданное у нас дерево, называемое по-английски *broomtree*. *Broom* значит метла; дерево названо так потому, что у него нет листьев, а есть только тонкие и чрезвычайно длинные зеленые прутья, которые висят, как кудри, почти до земли. Они видом немного напоминают плакучие ивы, но гораздо красивее их» [Гончаров 1997: 138].

Гончаров наблюдает это растение во время своего знакомства с Капской колонией в Африке. Вероятнее всего, учитывая внешний облик описываемого растения, речь идёт о ретаме или метельнике (последнее соотносится с переводом английского названия растения, данного Гончаровым, слово *метельник* содержится в Словаре русского языка XVIII века [СРЯ XVIII 12: 157]). В словаре Брокгауза и Ефрона в статье «Канарские острова» встречается упоминание ретамы: «Над ними до 1800 м. простираются зоны пиний и вереска, а на обнажённых вершинах попадают белые кусты почти безлистной *ретамы* (*Sparto cytibus nubigenus*)» [Брокгауз, Ефрон XX]. Примечательно, что в данном контексте при упоминании ретамы появляется тот же родовой признак отсутствия листьев. Подобное же

упоминание с тем же родовым признаком содержится и в описании Канарских островов в томе об Африке «Всемирной географии» под редакцией В. Сиверса [Ган 1993: 562]. Более раннее упоминание ретама можно обнаружить в описании Алжирии А. Н. Куропаткина, в этом случае растение имеет вариант названия *ртема*, но при этом сопровождается латинским вариантом, практически совпадающим с современным: у Куропаткина — *retama retam*; современное — *retama raetam* [Куропаткин 1877: 198]. Описывается это необычное растение и в Ботаническом словаре Н. И. Анненкова (заголовочное латинское название — *Spartium junceum L.*), при этом даются следующие варианты названия: *бобровник, испанский дрок, жерновец, ивановец, ива* или *птичья рута, яновец, ртема* (последнее снабжено авторским примечанием «Название “Ртема” взято с еврейского *Rothem*»), растение под этим названием, по свидетельству автора, упоминается в оригинале Библии, а на русский было переведено как *дрок* и *можжевелник*). Приводится автором словаря и английское название *Spanish Broom*: последнее указывает на то, что автор словаря в основной статье подразумевает в большей степени европейского собрата (как области произрастания указываются Южная Франция, Испания, Греция) того африканского растения, которое описывает Гончаров [Анненков: 338]. В современных словарях английского языка (например, в «The British & World English dictionary») описание данного кустарника приводится как одно из значений слова *broom*, при этом указывающиеся характерные признаки растения не оставляют сомнения в том, что речь идёт о том же самом растении (длинные зелёные ветви с мелкими и немногочисленными листьями). Возможно, в очерках Гончарова мы имеем дело с первым достаточно подробным описанием этого необычного африканского кустарника в русском культурном пространстве (что особенно интересно, учитывая его присутствие в библейских контекстах)¹. Сохранение Гончаровым английского названия экзотизма, а также множественность названий растения,

¹ Ср., современное описание ретама: «В древнееврейском каноне Ветхого Завета, написанном на иврите, Илия сидит под кустом с названием "ротэм". Большинство исследователей Библии идентифицируют его с растением *Retama raetam (Genista raetam)* — метельником метельниковым из семейства бобовых, который получил свое научное название от слова "ретама" на арабском языке и "ротэм" на иврите. <...> Это самый большой и наиболее заметный кустарник, растущий в Иудейской пустыне, преимущественно по вади и руслам ручьев. Его легко отличить от других кустарников по характерным длинным изогнутым веткам с немногочисленными листьями, небольшими и рано опадающими. Высота растения достигает трех метров. Короткий деревянистый ствол покрыт прижатыми к стеблю шелковистыми волосками. Прямые и чрезвычайно длинные корни проникают в глубину до 20 метров, что и позволяет метельнику безбедно жить в пустыне. В конце периода дождей растение покрывается несметным числом небольших, сильно пахнущих миндалем цветков с белоснежным венчиком с фиолетовыми прожилками» («Что есть что в мире библейских растений» [Сокольский 2006]).

обнаруженная в словаре Анненкова, свидетельствует о специфике становления терминологической системы в целом и терминологии конкретной научной области в частности.

Часть из представленных в очерках путешествий наименований немногочисленными примерами представлена в Картотеке и Словаре русского языка XVIII в. (цитаты преимущественно взяты из естественнонаучных сочинений справочного характера конца XVIII в., таких как «Словарь натуральной истории» 1788 г., «Словарь ботанический» 1795 г. и др.): *айва* [СРЯ XVIII 1: 33], *кокос* [СРЯ XVIII 10: 86], *манго* (в XVIII в. *манго*, *манг*, *манга* [СРЯ XVIII 12: 58]), *мангустан* (по данным КС XVIII *мангостан*, у Гончарова также *мангустэн*), *пампль-мусс* (в XVIII в., по данным КС XVIII, *пампелимуз*, *пампельмус*, *памплемус*) — в середине XIX в. эти заимствования всё еще сохраняют в языке статус экзотизмов, о чем можно судить по тому, что Гончаров даёт развёрнутые пояснения к ним, по-видимому, ощущая в этом необходимость.

Из названий плодовых деревьев только слово *мандарин*, не известное в XVIII в. (по материалам КС XVIII), стало общеупотребительным. В толковые словари XIX века это слово не представлено, однако весьма скудная информация о мандаринах как о небольших апельсинах содержится в энциклопедических словарях Толля и Березина; в частности, Березин уточняет, что они «дороже обыкновенных», тем самым подчёркивая статус деликатеса для этих плодов ([Толль II], [Березин II, I], см. также более подробно [Брокгауз, Ефрон XVIIIa]).

Присутствие столь редких слов в очерках Гончарова — уже повод обратиться к истории конкретных наименований. Так, например, плод *пампль-мусс* в XX веке поменял название на ставшее общеупотребительным *грейпфрут* (вероятнее всего, от английского *grapefruit*). В XIX веке описание фрукта под названием *пампельмус* можно найти в словарях Толля и Березина ([Толль III], [Березин III]). Возможно, этот утраченный экзотизм XIX в. восходит к латинскому эквиваленту названия *Citrus pampelmus*, приведённому у Березина; в словаре Толля находим *citrus pampelmus de cumanus*. Примечательно, что современное французское название плода именно *pamplemousse*. Интересно, что современное латинское название фрукта также поменялось, превратившись в *Citrus paradisi*.

Каждое слово из группы экзотизмов имеет свою необычную историю в языке, рассмотрение же всей этой группы даёт возможность дополнить и углубить историю терминологической лексики в словарном составе русского языка XIX века (см. [Щеглова 2013б]).

Кроме рассмотрения особенностей функционирования в тексте «Фрегата “Паллада”» слов, входящих в различные группы лексики, несомненный научный интерес представляет и историко-семантический анализ отдельных малоупотребимых языковых единиц. Так, неузуальным представляется употребление прилагательного *скотолобивый* по отношению к англичанам:

«Бесстыдство этого скотолобивого народа доходит до какого-то героизма, чуть дело коснется до сбыта товара, какой бы он ни был, хоть яд! Другой пример меркантильности англичан еще разительнее: не будь у кафров ружей и пороха, англичане одною войною навсегда положили бы предел их грабёжам и возмущениям. Поэтому и запрещено, под смертною казнью, привозить им порох; между тем кафры продолжали действовать огнестрельным оружием. <...> Они (английские суда — Е. Ш.) возили это угощение для своих же соотечественников: это уж — из рук вон — торговая нация!» [Гончаров 1997: 432].

Слово *скотолобивый* содержит яркий эмотивный элемент в своём значении, при этом семантика его является внешне мотивированной. Во-первых, общеизвестен исторический факт, что Англия добилась своего господствующего экономического положения, результаты которого наблюдает Гончаров во время своего путешествия, за счёт продажи овечьей шерсти. Во-вторых, в рассуждении, предшествующем приведённому примеру, Гончаров отмечает характерную особенность обращения англичан с подвластными народами:

«Они не признают эти народы за людей, а за какой-то рабочий скот, который они, пожалуй, не бьют, даже холят, то есть хорошо кормят, исправно и щедро платят им, но не скрывают презрения к ним» [Гончаров 1997: 430].

Таким образом, формант *скот-* в слове *скотолобивый* утрачивает своё прямое значение обобщённого названия домашних животных и приобретает ещё более обобщённое: ‘всё, из чего можно извлечь непосредственную выгоду’. Эмотивный элемент в значении слова усиливается контекстуальной близостью слов *бесстыдство*, *меркантильность*, сочетания *торговая нация*, фразеологизма *из рук вон*, обладающих отрицательным коннотативным смыслом. В данном случае нельзя с полной уверенностью говорить о слове *скотолобивый* как об окказионализме, поскольку были обнаружены ещё два примера его употребления в XIX в., однако следует отметить, что оба они относятся к более позднему периоду, нежели время написания очерков Гончарова:

«Фернан Кабаллеро основала в Севилье общество покровительства животным; но далее оказалось, что эта всеобъемлющая доброта умеет делать исключения. Леди Герберт доводит до нашего сведения, что ското-

любивая писательница горячится не в меру каждый раз, как осмеливаются восхвалять успехи известной цивилизации в Испании, как то: “захваты” монастырских земель, основание школ, взятых из-под влияния патеров, развитие литературы, независимой от этого влияния, и т. п.» (в статье Е. Конради «Хроника заграничной жизни» [Женский журнал 1867: 59]);

«Привольному житью этих собак не угрожает даже и смерть их покровительницы, так как, по заранее составленному завещанию, на содержание их назначается довольно крупный капитал... И эта *скотолобивая* дама, в конце концов, очутилась под наблюдением Маньяна и оказалась жертвою наследственного помешательства», и далее о другом подобном случае: «Так как несколько дюжин кошек, живших одновременно под крылышком *скотолобивой* хозяйки квартиры, обратили правительственное здание в какой-то громадный и шумный кошатник, то администрация и предложила оригинальным жильцам или очистить дом от кошек, или убираться самим с квартиры» («Научная хроника» [Наблюдатель 1884: 60]).

Заметим, что в обоих примерах ироничен контекст употребления слова *скотолобивый*, обнаруживающий определенное сходство с особенностями употребления слова в очерках Гончарова, что обусловлено актуализацией иного оттенка значения: этим прилагательным обозначается любящий животных человек. В данном случае можно говорить о формировании отрицательной социокультурной коннотации слова, возникающей в связи с противоречием, в которое вступают прямое значение слова и контекст.

Следует отметить, что интерес представляет историко-семантический анализ не только «редких» слов, но и лексики с высокой частотностью употребления, поскольку оттенки значений, актуализированных в тексте конкретного произведения, демонстрируют общие тенденции движения лексико-семантической системы. Примером слов с изменённой семантикой и необычной для своего времени сочетаемостью является употребление слова *благородный*. Завершая своё плавание на фрегате, перед тем как отправиться в обратный путь через Сибирь, Гончаров замечает: «Странно, однако ж, устроен человек: хочется на берег, а жаль покидать и фрегат! Но если б вы знали, что это за изящное, за *благородное* судно, что за люди на нем, так не удивились бы, что я скрепя сердце покидаю “Палладу”!» [Гончаров 1997: 627]. Интерес представляет употребление слова *благородный* по отношению к судну. Словарь 1847 г. даёт следующие дефиниции этого слова: 1) происходящий от дворянского рода; 2) имеющий обер-офицерский чин; 3) великодушный, честный [Сл1847 I: 56], — все эти качества характеризуют исключительно человека: с точки зрения происхождения, чина, качеств характера, — однако представля-

ются не сочетаемыми с неодушевлённым предметом. В словаре В. И. Даля слово *благородный* поясняется также как «происходящий от дворянского рода, дворянин; обер-офицер, чиновник обер-офицерского чина; || согласный с правилами чести и чистой нравственности; честный, великодушный, жертвующий своими выгодами в пользу других» [Даль I: 94]. В СРЯ XVIII в качестве третьего значения приводится «исполненный вкуса, изящества. || Возвышенный, высокий, важный» [СРЯ XVIII 2: 47–48], что, очевидно, является фактом иноязычного влияния. Однако у Гончарова в значение лексемы заложено не только описание внешних свойств предмета. В данном случае речь идёт о метонимическом переносе: благородством на фрегате обладают члены команды («что за люди на нём»)¹. Ближе всего в приведённом контексте семантику слова *благородный* передаёт иное значение, отмеченное как второе в БАС: «ыдающийся по своим внутренним и внешним качествам, изящный; возвышенный» [БАС I: 490].

Ещё одним примером семантической эволюции подобного рода может послужить характер употребления в тексте «Фрегата» оттопонимических прилагательных, наличие которых на страницах произведения естественным образом вытекает из его жанровой принадлежности. Особенности употребления оттопонимических прилагательных обусловлены экстралингвистическими причинами. Бурное развитие мировой торговли в то время приводит к необходимости появления номинаций товаров мирового рынка. Часто в роли таких номинаций выступают сочетания существительного с оттопонимическим прилагательным, обозначающим место производства данного товара, развиваются сочетания связанного типа с терминологическим значением. Оттопонимическое прилагательное в условиях функционирования в тексте может приобретать соответствующие коннотативные смыслы, содержащие качественную оценку производимого в этом месте товара. В этой связи на первый план выходит роль контекста, в которых оттопонимические прилагательные участвуют в сопоставительных конструкциях:

«Но, по качествам своим, эта шерсть (производимая на мысе Доброй Надежды — Е. Щ.) стоит наравне с австралийскою, а последняя высоко ценится на лондонском рынке и предпочитается ост-индийской» [Гончаров 1997: 163].

В этом случае *австралийская* в своей семантике приобретает коннотативное значение ‘хорошая’. Подобным образом эталоном качества для риса является *японский* рис в сравнении с произведённым на Ликей-

¹ Ср. устойчивое сочетание *благородный металл* означает особо ценный металл, субъектом оценки при этом является человек.

ских островах [Гончаров 1997: 504], в сравнении с *манильским* табаком — *гаванский* [ibid.: 554] (см. [Щеглова 2012]). Следует отметить, что приобретение относительными прилагательными качественных значений является характерной особенностью семантических преобразований языка второй половины XIX века [Сорокин 1965: 529].

В ряде случаев семантические изменения в структуре слова сопряжены с изменением его грамматической формы. Интересным примером такого рода динамики в очерках путешествия представляется слово *удобство* в конкретно-предметном значении, которое выражено грамматической формой множественного числа. Гончаров использует данную форму для обозначения той суммы средств (в большинстве своём — новейших технических изобретений), которые и делают жизнь комфортной. Это значение слова *удобство* не отражено в толковых словарях XVIII и XIX вв., не содержит примеров подобного употребления слова и Картоотека «Словаря русского языка XVIII века». Автор очерков употребляет его в описании английского образа жизни:

«Сколько выдумок для этого, сколько потрачено гения изобретательности на машинки, пружинки, таблицы и другие остроумные способы, чтоб человеку было просто и хорошо жить! Если обставить этими выдумками, машинками, пружинками и таблицами жизнь человека, то можно в pendant к вопросу о том, "достовернее ли стала история с тех пор, как размножились ее источники" — поставить вопрос, "удобнее ли стало жить на свете с тех пор, как размножились удобства"» [Гончаров 1997: 60].

Ключевое для этого отрывка слово *удобства* обобщает список предметов и явлений комфортной жизни, придавая вопросу о пользе цивилизации ироничный оттенок. Примечательно в этом случае и олицетворение *размножились удобства*: удобствам приписывается самостоятельная воля, в то время как количество их в окружающем мире зависит только от воли человека (работает тот же антропоцентрический фактор, что и в случае со словом *благородный*).

Подобные примеры употребления слова *удобство* характерны для очерков:

«После того, покойный сознанием, что он (англичанин — Е. Щ.) прожил день по всем удобствам, что видел много замечательного, что у него есть дюк и паровые цыплята, что он выгодно продал на бирже партию бумажных одеял, а в парламенте — свой голос, он садится обедать и, встав из-за стола не совсем твердо, вешает к шкафу и бюро неотпираемые замки, снимает с себя машинкой сапоги, заводит будильник и ложится спать» [Гончаров 1997: 61].

Ключевое для этого отрывка слово *удобства* обобщает список атрибутов комфортной жизни.

В данном случае необходимо отметить саму конструкцию *прожить по удобствам* (ср. *жить по правилам, по расписанию, по распорядку*). Развитие производства различных механизмов приводит, по мнению Гончарова, к механистичности жизни человека, что не может быть оценено как положительное следствие развития цивилизации. Отсюда и ирония автора по отношению к этим явлениям. Показательны примеры ироничного употребления слова *удобство* в значении ‘полезный предмет’ в единственном числе, что явилось следствием закрепления конкретно-предметного значения за формой мн. числа:

«Вот он, **поэтический образ**, в черном фраке, в белом галстуке, обритый, остриженный, с **удобством**, то есть с зонтиком под мышкой» [Гончаров 1997: 61].

Под поэтическим образом подразумевается обобщённый образ англичанина, а удобство в данном контексте становится необходимым аксессуаром, дополняющим образ делового человека с туманного Альбиона — нового героя мира того времени. Ещё один пример:

«Чьё это, **английское или американское удобство**» (о вертящемся стуле, показавшемся автору крайне неудобным) [ibid.: 415] (см. подробнее [Щеглова 2013а]).

В каждом языковом факте, представленном на страницах очерков путешествия И. А. Гончарова, можно найти отражение общих тенденций развития языка второй половины XIX века, следование канонам жанровой формы (в несколько условном понимании в случае жанра «путешествия»), обуславливающее присутствие определённых тематических групп лексики, проявление индивидуальных особенностей языка и стиля. Взаимодействие и взаимовлияние этих факторов в создании неповторимости жанрово-стилистических особенностей очерков путешествия невозможно разграничить. Слово обладает уникальной способностью сохранения культурной памяти, а значит, важное значение приобретает констатация мельчайших семантических сдвигов в значениях слов. Между тем, современные толковые словари не могут передать этой динамики изменений словарного состава языка. Это, безусловно, является задачей словарей исторических, одной из важнейших задач которых является отражение динамики лексико-семантической системы. Авторы Проекта Словаря русского языка XIX в., указывая на высокую интенсивность лексико-семантических процессов XIX в., отмечают актуальность диахронического подхода к описанию лексико-семантической системы этой эпохи и определяют предмет описания Словаря XIX в. как динамику «лексико-семантической системы в ходе эволюции нормы в направлении к современности» [Проект 2002: 12–13].

В свете всего сказанного очевидной становится научная значимость изучения состава лексики конкретного произведения, особенностей её употребления (в том числе на уровне лексической сочетаемости, грамматической формы, семантики).

Сокращения

Анненков — Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб., 1878.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.–Л., 1948–1965.

Березин — Русский энциклопедический словарь / Гл. ред. И. Н. Березин. СПб., 1873–1879.

Брокгауз, Ефрон — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. СПб., 1890–1907.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1863–1868.

КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века (Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург).

Сл1847 — Словарь Церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. СПб., 1847.

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–20. Л./СПб., 1984–2013.

Толль — Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический словарь): В 3-х т. / Сост. Ф. Толль. СПб., 1863–1864.

Литература

Виноградов В. В. Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы // Вопросы языкознания. 1955. № 4. С. 3–34.

Ган Ф. Африка // Всемирная география. СПб., 1903.

Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия: в 2-х тт. Л., 1986.

Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия: в 2-х тт. // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. СПб., 1997.

Горенштейн М. С. Путевые очерки И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”». Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Одесса, 1955.

Дановский А. В. Пушкинские поэтизмы в эпопее И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Русская речь. М., 2004. № 3. С. 10–15.

Женский журнал. СПб., 1867. Т. 4.

Куропаткин А. Н. Алжирия. СПб., 1877.

Ларин Б. А. О словоупотреблении // Ларин Б. А. Филологическое наследие. СПб., 2003. С. 473–482.

Мокеева И. Н. Жанровое своеобразие «Фрегата “Паллада”» И. А. Гончарова // Гончаров И. А.: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. Ульяновск, 1992. С. 95–104.

Наблюдатель. СПб., 1884. № 5.

Орнатская Т. И. История создания «Фрегата “Паллада”» // Гончаров И. А. Фрегат “Паллада”. М., 1986. С. 763–787.

Пономарёв Е. Р. Типология советского путешествия: «Путешествие на запад» в русской литературе 1920-х–1930-х годов: Дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2014.

Проценко Е. Г. Литература «путешествий» в России в 1840–1850е годы: Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1984.

Проценко-Якеева Е. Г. Традиции русской художественной прозы в жанре «путешествий» 40-х гг. XIX века // Из истории русской и зарубежной литературы. Чебоксары, 1995. С. 15–29.

Рогожникова Р. П. Сокровищница русского слова: История большой словарной картотеки ИЛИ РАН. СПб., 2003.

Сокольский И. Что есть что в мире библейских растений // <http://www.nkj.ru/archive/articles/5723/>.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30-90е годы XIX века. М.–Л., 1965.

Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного языка: Повествовательная проза и лирика. М., 1985.

Щеглова Е. А. Комфорт и удобство // Русская речь. 2013а. № 4. С. 120–124.

Щеглова Е. А. Особенности употребления отгопонимических прилагательных в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова // Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе. СПб., 2012. С. 200–209.

Щеглова Е. А. Особенности употребления фитонимов в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова // Acta Linguistica Petropolitana. Т. IX, ч. 2. СПб., 2013(б). С. 582–593.

Энгельгардт Б. М. Фрегат “Паллада” // Гончаров И. А. Фрегат “Паллада”. М., 1986. С. 722–760.

Дягилева Ирина Борисовна

Институт лингвистических исследований

Российской академии наук

Россия, г. Санкт-Петербург

Латинские слова и выражения в русских газетах первой половины XIX века¹

Иноязычные слова и выражения из европейских языков широко употреблялись в языке русских газет первой половины XIX в. Второе место по количеству употреблений после французского языка занимали латинизмы. Несмотря на то, что к началу XIX века латынь в научной сфере уступила место русскому языку, ее знание оставалось необходимым условием хорошего образования.

После образовательной реформы 1804 года в каждом губернском городе были открыты гимназии, в которых изучение латинского языка являлось обязательным. С 1811 года в Табели о рангах было повышено место преподавателей латинского языка: в отличие от всех других учителей, приравненных к чиновникам 10-го класса, им присваивался чин 9-го класса [Кнабе 1999: 777].

В это же время активно делались переводы на русский язык произведений античных поэтов и историков: В. А. Жуковский перевел отрывки из «Энеиды» Вергилия и «Метаморфоз» Овидия; в 1825 году вышла книга «Подражания и переводы из Греческих и Латинских Стихотворцев» профессора Московского университета А. Ф. Мерзлякова; выдающийся русский правовед А. П. Куницын перевел «Речь скифского посла Александру Македонскому» из Квинта Курция для журнала «Сын Отечества». В популярной газете этого времени «Северная пчела» (далее — СП) высоко оценивалось «распространение сведений в древних языках и Литературе», высказывалось мнение, что они «есть приобретение золотых рудников для отечественной Словесности», выражалась надежда, что в связи с распространением преподавания древних языков и литературы «быть может, что и мы наконец сравнимся по этой части с другими образованными народами, будем иметь отличные переводы стихами и прозою всех классических Писателей Греческих и Римских.» [СП 1825 № 46: 1]. Актуальность новых переводов оригинальных текстов в этот период была обусловлена еще и тем, что античные произведения нередко были переведены с евро-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 14-04-00388 «Дифференциальный словарь «Словаря русского языка XIX в.».

пейских языков, что не всегда указывалось при публикации. (Ср.: *Творения Тертуллиана / Пер. с фр. Е. Карнеева. Ч. 1–4. СПб., 1847–1850.*)

Таким образом, иноязычные вставки на латинском языке были хорошо понятны образованным читателям русской газетной публицистики начала XIX века как на языковом уровне, так и на уровне культурного пространства текста.

Изучение латинских слов и выражений в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» (далее — СПб) и «Северная пчела» (СП) показывает, что их употребление жанрово ориентировано. В материалах информационных жанров в рубриках «Внутренние новости», «Заграничные новости», «Разные известия», «Новейшие известия» употребляются юридические термины (*in contumaciam, silentium*), религиозная терминология католической церкви (*in partibus, motu-proprio*), политические термины (*tabula statuum 'стол сословий', locum tenens 'временный заместитель'*). При переводе заметок из европейских газет пространные цитаты на латинском языке переносятся в тексты русских газет без изменений, но с переводом.

На памятнике начертана будет следующая надпись: Ludovico decimo sexto, impie peccato, hoc monumentum Gallia moerens erexit, regnante Carolo decimo/ Anno MDCCCXXVI. (Лудовику шестнадцатому, беззаконно убиенному, воздвигла памятник сей сетующая Франция, в царствование Карла десятого, в 1826 году) [СП 1826 №57: 2].

Ботаническая, зоологическая, медицинская номенклатура представлена в газетных текстах в двух вариантах: на латинском языке без перевода или на русском языке с параллельным латинским термином. (Ср. мед. *cholera morbus, febris gastrica* — *желудочная лихорадка*, бот. *Cactus opuntia* — *Индийская фига*; зоол. *Accipenser ruthenus* — *стерлядь*, *Planaria torva* — *бурая планария*):

*29-го Сентября, в местечке Гросс-Галленберге, недалеко от Лайбаха, поймана в реке Саве, редкая рыба, стерлядь, **accipenser ruthenus**, которая, как известно, водится только в России и, если верить этой Немецкой газете, в Дунае. [СП 1840 №270: 2].*

*Дирекция Никитского Сада, приняв с благодарностью сей новый дар, немедленно приступила к размножению кошенильного растения (**Cactus coccinillifer**), которые поныне всегда сохранялись в оранжереях. Растение сего же рода, Индейская фига (**cactus opuntia**) хорошо выдерживает здеиные зимы, и так легко быть может, что и кошенильник привыкнет к климату южного берега Крыма. [СП 1825 №70: 1].*

Являясь стилистическим средством речевого выражения, цитаты, крылатые выражения, афоризмы, фразеологизмы на латинском языке, употребляемые в художественно-публицистических жанрах газет —

очерках, фельетонах, рецензиях, обладают ярко выраженной экспрессивно-эмоциональной оценочностью, выполняют дидактическую и сатирическую функцию, указывают на авторитетность автора текста. Наиболее известные выражения, вошедшие также в международный фразеологический фонд, приводятся в газетных текстах без перевода и ссылки на источник.

*В России, люблю блины на маслянице. При блинах веселая беседа, умный разговор не мешают — но не худо, когда и блины хороши: **utile dulci!*** [СП 1826 №25: 4].

В своем очерке «Мясопустная философия» Ф. В. Булгарин использует в усеченном виде выражение из письма Горация братьям Пизонам, получившего название «О поэтическом искусстве». *Ср. Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci.* 'Тот всем угодил, кто соединил полезное с приятным.' Полностью высказывание Горация цитируется в литературных статьях, посвященных осмыслению роли поэта и поэзии, начиная с «О качествах стихотворца рассуждения» М. В. Ломоносова до «Эстетики» Е. В. Аничкова. В русском языке XIX века латинизм имеет варианты (*соединять/соединить*) *utile cum dulci, dulci et utile*, при этом ссылка на автора постепенно заменяется ссылкой на неопределенный источник («давнее и мудрое изречение», «блистательно мудрое наставление древнего поэта» и т. п.). Калькированная форма фразеологизма: *соединять полезное с приятным/соединять приятное с полезным* — употребляется в текстах наряду с латинской формой и в современном русском языке становится преобладающей.

Латинизмы могут использоваться в газетном тексте в персуазивной функции, для аргументирования позиции автора.

В Романах Вальтера Скотта, вовсе нет или весьма мало чувствительности, и .. любовь трактуется в них весьма поверхностно, как постороннее чувство сердца человеческого, заглушенное сильными порывами страстей, ей противоположных. Воля ваша, почтенный основатель новой Романической школы, но это недостаток, а не красота в ваших сочинениях. Роман есть вымышленная История человеческой жизни, а жизнь (героя в Романах) без любви пламенной, благородной, рыцарской, не есть занимательное путешествие мыслящего и чувствительного существа, но поездка на почтовой тележке, без задержания, от колыбели к гробу. Я весьма далек от того, чтобы даже походить на Селадона — однако ж так думаю. Est modus in rebus [СП 1826 №89: 2].

В литературной рецензии на книгу Вальтера Скотта «Айвенго», напечатанной в рубрике «Новые книги», Ф. В. Булгарин опять обращается к Горацию. Афоризм *Est modus in rebus* является началом от-

рывка из «Сатир» древнеримского поэта. Ср. *Est modus in rebus, sunt certi de niq̄ue fines, Quos ultra citraque nequit consistere rectum*. ‘Мера должна быть во всём, и всему, наконец, есть пределы Дальше и ближе которых не может добра быть на свете’ [Овруцкий 1969: 95]. Афоризм широко употреблялся на протяжении всего XIX века в разножанровых текстах как в латинской, так и в калькированной форме: *всему есть мера; всему есть границы; всему есть пределы; всему есть мера и предел; всему есть мера и граница* (у В. Г. Белинского).

Латинские вставки в газетном тексте могут быть использованы журналистами для поучения и наставления, так как многие крылатые выражения и афоризмы представляют собой своеобразные сентенции.

*Этот господин <N. N.> сам причиною своего несчастья: он разорился на украшение своей деревни. Наглядевшись на Софиевку, Александрию, Малиновцы и другие прелестные места, украшенные природою и богатыми помещиками, он хотел подражать им в малом поместье; но это **inops potentem dum vult imitari perit**. Он продал большую часть своего имения, и теперь едва имеет одну деревушку, и ту еще с долгами* [СП 1825 №33: 4].

Латинское крылатое выражение *Inops potentem dum vult imitari perit* ‘Когда бедный хочет подражать богатому, то погибает’. (Федр). соотносится с русскими пословицами *За богатым не угоняешься, За богатым не утягаешься*.

Философский и общественно-политический смысл крылатых выражений и афоризмов может контрастировать с содержанием фельетонов, создавая яркий сатирический эффект.

*Холера и картофельная болезнь, каждая отдельно, напали врасплох на науку, и она, в изумлении, не нашлась. Неприятели одолели! Припомним при этом случае древнюю поговорку: «**ars longa, vita brevis, m. e., наука длинна, а жизнь коротка**». Пока одно поколение ученых мужей успеет осмотреться, другое поколение уже заняло место первого. Оно успело только ощутить зло, и сделать свое заключение, предложить догадки, и марш к праотцам (**ad patres!**)* [СП 1849 №179: 2].

Выражение является началом первого афоризма Гиппократа: *Ars longa, vita brevis, occasio praeceps, experimentum periculosum, iudicium difficile*. ‘Жизнь коротка, искусство же продолжительно, случай мимолетен, опыт опасен, суждение затруднительно’ [Овруцкий 1969: 32].

Фразеологические кальки с латинского изречения *Finis coronat opus* вошли во многие европейские языки: фр. *La fin couronne l'oeuvre*, англ. *The end crowns the work*, нем. *Das Ende krönt das Werk*, ит. *La fine corona l'opera*. В русском языке фразеологизм представлен в нескольких вариантах: *конец — делу венец, конец дело венчает, конец венчает дело*, однако выражение в своей оригинальной латинской форме упот-

ребляется в публицистике, а также в произведениях русских писателей и философов вплоть до конца XIX века.

*Балбесова бреют, стригут, причесывают, завивают и снова растрепывают и опять завивают и расчесывают. Все это делается по размеру, по масштабу, и за каждый сбритый волос брань и шум, за каждый клочок волос, повернутый в ту или в другую сторону, — спор и длинные прения с парикмахером. Наконец голова убрана, лице выглажено, вычищено, выскоблено, начинается важнейшая операция: чистка зубов и ногтей. Это в туалете то же, что соби- рание голосов в Парламенте: **Finis coronat opus** [СП 1833 №20: 4].*

В текстах газет в рассматриваемый период также употребляются следующие крылатые выражения и афоризмы: *Sic transit gloria mundi!* ‘Так проходит мирская слава’; *Parturiunt montes, nascetur mus.* ‘Гора родила мышь’; *De mortuis aut bene aut nihil.* ‘О мертвых говори хорошо или ничего’; *Suum cuique tribuere* ‘Воздавать каждому свое’; *Mare verborum, sed gutta rerum* ‘Море слов — капля дел’; *Omnis homo mendax* ‘Каждый человек — лжец’; *Ridendo dicere verum* ‘Смеясь, говорить правду’ и др.

Некоторые из цитат, использованных в газетных текстах, имеют единичное употребление и не получают дальнейшего распространения в русском языке.

*По крайней мере Сочинитель <о соч. В. Нарезного «Два Ивана, или страсть к тяжбам»> сделал свое дело, если хорошо развернул истину, изложил ее ощутительно, занял ум и воображение, и желавши не только нравиться, но вместе и учить, последовал мнению Плиния: **felicissimum docendi genus — exemplis docere.** Остальное — дело читателей [СП 1825 №94: 1].*

Цитата *felicissimum docendi genus — exemplis docere* ‘самый плодотворный вид поучения — учить на примерах’¹ взята из «Панегрика императору Траяну» Плиния младшего.

Большая часть приведенных в исследовании латинизмов в структурном плане соотносится с предложением и может состоять из двух-шести компонентов. Отмечаемое в газетных источниках сокращение лексического состава крылатых выражений и афоризмов, а также инверсия не приводят к их смысловым изменениям.

Частотность употребления в текстах газет латинизмов в оригинальной форме показывает, что они составляют неотъемлемую часть фразеологического состава русского языка, являются важным связующим звеном в историческом развитии культур. Использование большей части латинизмов без перевода и ссылки на источник пока-

¹ Перевод А. В. Грошевой.

зывает языковую тенденцию к афористичности речи, способствует калькированию фразеологизма и развитию вариантности.

Латинские выражения в газетном тексте используются журналистами как емкие в смысловом отношении высказывания, обладающие высоким эмоционально-экспрессивным потенциалом, способные выполнять различные стилистические функции.

Литература

Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 1999.

Мерзляков А. Ф. Подражания и переводы из Греческих и Латинских Стихотворцев. Ч.1–2. М., 1825–1826.

Овруцкий Н. О. Крылатые латинские выражения в литературе. М., 1969.

Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения. М., 2008.

Калиновская Валентина Николаевна
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

**Семиотические основания лексико-семантической деривации
в русском языке XIX века
(на материале производных от слова *крахмал*)¹**

*Самое удобное и правильное —
рассматривать слово как образ,
то есть словесное представление ...
Словесное представление —
сложный комплекс явлений, связь, «система».*
О. Мандельштам. О природе слова.

Заслуживают ли слова-неологизмы, о которых пойдет речь в статье, того, чтобы их отнести к разряду так называемых «культурных слов»? В философском аспекте вопрос о соотношении таких понятий, как «культура» и «быт» был поставлен Ю. М. Лотманом, который писал: «быт всегда находится в сфере практики, это мир вещей прежде всего. Как же он может соприкоснуться с миром символов и знаков, составляющих пространство культуры?» [Лотман 1994: 10]. Для самого ученого ответ был очевиден: «быт, в символическом его ключе, есть часть культуры» [ibid.: 11].

С этих позиций и попробуем подойти к рассмотрению лексического материала, являющегося объектом описания в «Словаре русского языка XIX века».² Дифференциальный принцип отбора лексики, выявляющий динамику словарного состава русского языка XIX века, обнаруживает зоны словообразовательной активности, вызванной экстралингвистическими обстоятельствами. «Экстралингвистическая мотивированность лексики обеспечивает исследователям возможность... извлечения культурной информации (представлений о мире и ментальном мире) из семантических мотивировок» [Толстая 2002: 123]. Как показывает анализ новой лексики, очагами словообразовательного и семанти-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, № 15-04-00032 «Лексико-семантические новации в русском языке XIX в.».

² В статье в качестве иллюстративного материала используется цитатная база электронной картотеки «Словаря русского языка XIX века»; также привлекались данные интернет-ресурса www.ruscorporga.ru.

ческого напряжения в указанный исторический период часто становятся заимствования, в том числе относящиеся к XVIII веку.

Одним из таких заимствований стало слово *крахмал*, вошедшее в русскую речь практически одновременно со словом *картофель* из немецкого языка (при посредничестве польского). О том, что лексические приобретения Петровской эпохи, равно как и означаемые ими реалии, быстро и прочно входили в русский обиход, свидетельствуют появившиеся уже в XVIII веке дериваты, особенно многочисленные от слова *крахмал* (*картофельный*; *кра(у)хмальный*, *кра(у/о)хмалить*, *кра(у)хмаление*, *кра(у/о)хмальщик/-щица*, *кра(у)хмаленный*). Любопытен процесс закрепления фонетико-графического варианта слов: раньше других современный облик получили единицы, чья функциональная активность была выше, чем у других слов (САР¹ *крахмальный*, *крахмаление*; ср. САР² *картофель*, *картофельный*).

Цитаты, характеризующие употребление новых лексем и их форм в текстах XVIII века, в лингвокультурном плане могут считаться исключительно репрезентативными, говорящими сами за себя: *Иноземка Елисавета Витлебениа обучает господских служанок мытью, утюженью и крахмалению*. СПб.в. 1760 № 35 [СРЯ XVIII 10: 246]. В них отражена значимая деталь нового быта (представление о европейском, или говоря современным языком — статусном, платье/=белье, требующем специального ухода): *Купила для сорочек их величества крахмалу синяго 6 фунтов*. Кн. Ек. I 550; *Белая прачка должна умЬть чисто мыть, крахмалить, бЬлить*. Тат. Эк. Зап. 32 [ibid.]. В «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина встречаем описание костюма европейского проповедника, поразившего воображение автора: *Цирихские проповедники являются на кафедрах в каких-то странных черных шушунах, с большими бЬльми и жестко-накрахмаленными крагенами*. Крм. ПРП III 68 [СРЯ XVIII 13: 222–223]; в сочетании «жестко-накрахмаленные крагены» уже вполне просматривается символическая значимость этой обязывающей детали платья в портрете человека, исполняющего определенную роль, эта деталь через костюм связывает человека и его социальную функцию.

Обращая внимание на «отчетливо выраженный семиотический характер» петровских реформ, Б. А. Успенский полагал, что революционность этих преобразований, выразившаяся в противостоянии «свое — чужое», была следствием того, что «Петр начинает с усвоения знаков, предполагая, очевидно, что содержание должно прийти вслед за формой ... знаки опережают содержание»; именно поэтому, замечает Успенский, формируется (применительно к одежде) отно-

шение к человеку в немецком платье как к ряженому [Успенский 2004: 18–19]. Примером устойчивости подобного восприятия европейской одежды как артефакта и всего, что связано с ним (качество ткани, детали кроя, уход и содержание, манера носить и т. д.), может служить цитата, иллюстрирующая употребление адъективной формы *накрахмаленный*:

*Несколько странно было видеть, когда Иван Горький, с удивленным лицом и растопыренными ногами, очутился на княжеском дворе, а Матрена, в пестрядинной шубенке и валенных сапогах, — между **накрахмаленными** и раздушенными горничными в княжеской кофишенской.* А.Ф. Писемский. Взмаламученное море (1863).

В данном случае мы имеем дело с культурной оппозицией «народное — дворянское», выраженной через противопоставление традиции и цивилизации; контекст, таким образом, способствует формированию оценочного компонента в значении слова, переводя форму причастия в разряд качественных прилагательных. Своеобразная аргументация такой точки зрения отражена в следующем высказывании героини из народа:

*Вечером пришла того дома хозяйка ... говорит, что я ей понравился и что она давно знает меня, и понравилась ей моя простота, как в словах, так и в одежде. По ее мнению, **накрахмаленный** и запудренный жених — не будет всегда такой, а деликатности и воздержанности, какие соблюдают в это время, то это святошные маски, которые скидают их скоро.* А. В. Воспоминания лавочника (1870–1900).

К середине XIX века наряду с употреблением слова в прямом значении заметно растет число контекстов, фиксирующих семантические сдвиги у прилагательных *крахмальный* и *накрахмаленный* в составе свободных лексических сочетаний. Расширение синтагматических связей в текстах XIX века становится почвой для развития качественных значений у изначально относительных прилагательных.

Участвуя в создании конкретной детали литературного портрета, прилагательное в подобных контекстах служит знаком социальной принадлежности, статуса того или иного персонажа, символом определенной традиции, этикета. Оно характеризует человека с эстетической стороны, оценивает этически. Употребление качественных прилагательных в произведениях русских авторов могло сопровождаться положительной оценочной коннотацией ‘свежий, чистый, сверкающий белизной’:

*В эту минуту к крыльцу подкатила карета, из которой в черном пальто, распахнушемся над **крахмальной** грудью, с красной ленточкой По-*

четного Легиона в петлице, выскочил Борниш <женех Аделаиды>. С. М. Волконский. Мои воспоминания (1894);

В прежних одеждах и в прежних плясках была всегда идея. В упрощенных нынешних одеяниях и в искаженных нынешних танцах — ее нет. Идея отлетела; символ утратился и остались только: условность тупой привычки без внутреннего значения и стариковская какая-то опрятность белой, **накрахмаленной груди** и белых или палевых перчаток! К. Н. Леонтьев. Не кстати и кстати (1889).

Отрицательный оттенок прилагательное приобретает, как правило, в тех контекстах, где речь идет о европейской действительности, об иностранцах. Ср.:

Оно <правительство> родилось в Кариньянском дворце среди ржавых готических мечей, пудренных старинных париков и **накрахмаленного этикета** маленьких дворов с огромными притязаниями. А. И. Герцен. Былое и думы (1856–1858);

<Джемма> рассказала ... как совершенно неожиданно явился **г-н Клубер**, более чопорный и **накрахмаленный**, чем когда-либо; как он изъявил свое негодование по поводу мальчишески-непростительной и для него, Клубера, глубоко оскорбительной (так именно он выразился) выходки <дуэли> русского незнакомца. И. С. Тургенев. Вешние воды (1872);

Вскоре приехал ее <графини> обыкновенный гость, — высокий. Лет шестидесяти, **мужчина**, в белом батистовом жабо, в черном фраке, с прозрачными ногтями, **накрахмаленный**, державший себя прямо, как палка. И. А. Гончаров. Май месяц в Петербурге (1891);

Ракутин бросил зубоскальство и стал прислушиваться к тихим разговорам пансионеров. Не нравилась ему эта чинная, **накрахмаленная**, буржуазно-самодовольная публика. Особенно возмутили его два англичанина, когда услышал, на что они держали пари. К. М. Станюкович. Дождалься (1901).

Механизмом замещения концептуальной семы в семантической структуре прилагательного становится сравнительный оборот, один из таких наиболее ранних примеров находим у Гончарова:

Доктор говорил по-французски прекрасно, как не говорит ни один англичанин, хоть он живи сто лет во Франции... У этого <доктора> мысль льется так игриво и свободно: видно, что ум не задавлен предрассудками; не рядится взгляд его в английский покррой, как в **накрахмаленный галстук**. И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855).

На фоне приведенных примеров вряд ли удовлетворительным выглядит толкование ‘О человеке в **накрахмаленном** платье’ к цитате из произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка «Падающие звезды» (1899):

— *А чемутвоя **накрахмаленная англичанка** научит?* [ССРЛЯ 7: 281].

Пожалуй, самый интересный случай полного переосмысления прилагательного **накрахмаленный**, употребленного в отношении рос-

сийской действительности с явно негативным оценочным оттенком находим в письме И. С. Аксакова к родным от 9-го июля 1849 года:

*Чем более обращаюсь я с купцами, тем сильнее чувствую к ним отвращение. Все это какой-то **накрахмаленный народ**, конечно, умный, но чопорный, тщеславный и чинный до невыносимости. И.С. Аксаков. Письма к родным (1849–1856).*

Автор письма не только употребляет слово в новом для него значении ‘несвободный от предрассудков; косный’, но и по сути выделяет новый денотативный признак. Эта цитата, дающая пример употребления слова в качестве своеобразного «ярлыка» при характеристике целого сословия, в материалах картотеки «Словаря» является самой ранней. В конце XIX века в аналогичной функции и почти с тем же значением ‘связанный условиями официального протокола, закона’ оно будет употреблено в качестве атрибута к наименованию государственного чиновника в мемуарах В. П. Мещерского:

*... были и другие отзывы <о татищевских четвергах>. Они исходили от разных **накрахмаленных сановников**, из тех, которые не допускали, чтобы можно было о государственных вопросах рассуждать иначе, как в определенных для сего государственных установлениях; ... первые годы введения и действия новых судебных учреждений были блестящими страницами честных нравов во всей области русской Фемиды: это был какой-то весенний воздух, где ободряюще веяли ароматы честности и где каждый из нас в то время чувствовал, что этот, часто **накрахмаленный**, часто недантический, часто либеральный новый **слуга юстиции** исполнял задачу честности, на себя принятой собственным вдохновением. В. П. Мещерский. Мои воспоминания (1897).*

Сопоставляя представленный в картотеке материал по хронологии, полагаем, что именно И. С. Аксаков, если не ввел, то закрепил в употреблении фактически новое слово, поскольку в тексте уже другого письма, датированного 5-м ноября 1849 года, в рассуждениях по поводу купечества, его автор фактически оформляет новое понятие категориально, определяя экзистенциальную (мелкобуржуазную) сущность третьего сословия:

*Набожность, благотворительностью и одеждой своей купец сходен с мужиком, сходен с ним и речью, ибо, если купец и любит иногда выражаться красною бессмыслицею, то он умеет владеть и народною речью. При всем том он очень от него далек, и в нем есть некоторые черты, не принадлежащие нашему сословию, но напоминающие древнего боярина. Это то же затворничество женщин, спесь, чванство и какая-то чопорность, **крахмальность** в жизни. И. С. Аксаков. Письма к родным (1849–1856).*

Однако отвлеченное существительное, формально связанное с прилагательным **крахмальный**, в этом значении не закрепляется в узу-

се, сохраняя лишь узко специальное значение в конкуренции с новым термином *крахмалистость* [ССРЛЯ, 5: 1607]. Само же слово-понятие, получившее такую образно-символическую оболочку, не только утверждается, но и распространяется на другие явления жизни, еще более абстрагируясь от конкретно-предметной мотивировки:

А. С. Суворин дал образчик стиля, которого до него публицисты не знали: стиля между фельетоном и передовой статьей. Его «Маленькие письма» в этом смысле могут быть поставлены наряду с классическими образчиками. Выведшими русскую поэзию и прозу из тисков накрахмаленности. В. М. Грибовский. Чествование А. С. Суворина в Малом театре (1906).

Литература

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.

САР¹ — Словарь Академии Российской. Ч. III. 3–М. СПб., 1792.

САР² — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. II. Д–К. СПб., 1809.

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб., 1997.; Вып. 10. СПб., 1998.; Вып. 13. СПб., 2000.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. М.–Л., 1956.

Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. № 1. 2002.

Успенский Б. А. Европа как метафора и как метонимия (применительно к истории России) // Б. А. Успенский. Историко-филологические очерки М., 2004.

Козловская Наталья Витальевна

Институт лингвистических исследований

Российской академии наук

Россия, г. Санкт-Петербург

Греко-русская полилексия в произведениях П. А. Флоренского: к проблеме вариантности термина в русской религиозной философии

Попытка описать авторскую терминосистему П. А. Флоренского позволила обнаружить одно из важнейших оснований для классификации терминов, которую предварительно можно обозначить как «русский язык — другой язык»: речь идет об особом режиме межъязыкового взаимодействия терминологических лексем. Автор очень часто и с разными целями «переключает» языковой регистр, вводя в текст — с последующим переводом или без перевода — разной протяженности цитаты из Библии, патристической, философской, естественно-научной и светской литературы. Нас интересует языковой облик терминов, который в авторской терминосистеме П. А. Флоренского может быть представлен — вне зависимости от степени терминологичности лексемы — разными вариантами: термин на русском языке и термин на языке источника (в подавляющем большинстве случаев это греческий), термин транслитерированный или переведенный на русский язык. В большинстве случаев мы имеем дело с полилексией, которую в лексикологии определяют как «содержательное и формальное варьирование» [Ганцовская 2007], а также явление, «при котором смысл имеет большое количество знаков [Бабенко 2008]. В применении к анализу авторских философских терминосистем полилексия понимается нами как различие лексем при тождестве семем, то есть различие плана выражения при одинаковом содержании сопоставляемых понятий.

Примером использования «разноязычного облика» слова может служить термин **апория**: эта лексема во Втором письме «Столпа» пишется по-русски с греческим переводом в скобках: *«Таким сомнительным складом отличается очевидность. Она — тупое первое, дальше не обосновываемое. А так как она и недоказуема, то философ попадает в апорию («ἀπορία»), в затруднительное положение»* [Флоренский 2012: 40]. В Примечаниях Флоренский предлагает подробный анализ этимологии и значения термина с отсылкой к этимологическим и толковым словарям: *«Слово ἀπορία образовано из ἀ privativum и*

√пор; <...> сродство его с латинским √par <...> заставляет думать, что первоначально в √пор содержалось понятие доставления именно чрез рождение, но рождение, как деятельность, производящую некий плод. <...> Поэтому, далее, ἀπορέω — быть без средств, находиться в безвыходном, беспомощном состоянии, терпеть нужду, недостаток — и ἀπορία — безвыходное положение, недоумение, уныние, недостаток, нужда и т. п. (Бензелер, стр. 93), в сущности, выражают идею бесплодия, производительного слабо- и бессилия, отсутствие мощи рождения. Философские же термины “ἀπορεῖν” и “ἀπορία”, при сравнительно внешнем их понимании, означают затруднительное положение ума, умственное недоумение, интеллектуальную безвыходность, а, для более глубокого разумения, должны означать бессилие творческой мысли, неспособность рождать мысли, умственное бесплодие» [Флоренский 2012: 620].

В данном случае основной облик термина — русский — соседствует с греческим переводом, который служит средством отсылки к этимологии, уточнению значения и дополнительным разъяснениям. Суть этимологических построений не является самоцелью для автора: Флоренский стремится отразить противоречия и их преобразования на уровне анализируемого слова.

Похожий пример встречается в разделе «Философская терминология» (и в авторских примечаниях к нему) книги «Философия культа»: используются и греческий термин и русский транслитерированный вариант с возможным переводом: «θεοὶ ἐπιφανεῖς — богочудотворцы, явившиеся, ἐπιφάνεια; **эпифанию** (Сириск, сын Гераклида, в Херсонесе — богини Девы — по поручению города). Чудотворцы. Тимахид Родосский — эпифанию Диоскуров. Существуют эпифанию Исиды» [Флоренский 2014: 122]. Не вдаваясь, по собственному признанию, в историю термина «явления», Флоренский обращается к происхождению теологической номинации: «Наше Крещение называется Богоявлением, Θεοφάνεια, **ἐπιφάνεια**. Почему? Потому что в древности оно совпадало с Рождеством Христовым, а в это время явился во плоти, явился миру Бог Слово. Но откуда взялся самый термин **ἐπιφάνεια**? ...термины очень живучи и берутся из предшествующих религий, хотя смысл их часто совсем меняется. **Эпифаниями** называлось празднество Диониса: являлся народу бог Дионис. Но так как участвовавшие бывали в масках (изображая, являя, показывая бога и его свиту)..., то, когда момент веры поддавался неверию и вместо бога, являющегося, открывающегося при помощи маски литурга, стали видеть по преимуществу человека, замаскированного, скры-

вающего свою сущность, обманывающего,— лицедея, тогда и слово *ἐπιφάνεια* получило момент прямо противоположный своему первоначальному значению,— момент сокрытия подлинной природы вещи» [ibid.: 525]. Отметим, что в данном случае греческие лексемы привлекаются для анализа исторического слоя концепта, лежащего в основе теологического термина **эпифания** (один из древнейших христианских праздников наряду с Пасхой и Пятидесятницей, посвященный рождению Иисуса Христа).

Иначе обстоит дело с терминами *ὁμοούσιος* / **омоусиус** и *ὁμοιούσιος*/ **омиусиус**, значения и смысл которых подробно рассматриваются в главе «Триединство». Ориентируясь на просвещенного читателя, знакомого с идеями арианства и решениями Никейского собора, П. А. Флоренский не всегда заботится о переводе терминов и часто использует их на греческом языке, раскрывая их смысл (но не приводя четкого определения) по-русски: «*Ὅμοιούσιος, омиусиос* <...> значит “такой же сущности”, “с такою же сущностью” <...> — оно никогда не может означать нумерического, т. е. численного и конкретного единства, на которое указывает *ὁμοούσιος*. Вся сила таинственного догмата разом устанавливается единым словом *ὁμοούσιος*, повластно выговоренным на Соборе 318-ти, потому что в нем, в этом слове — указание и на реальное единство, и на реальное же различие. Нельзя вспоминать без благоговейной дрожи и священного ужаса о том, без конца значительном и единственном по философской и догматической важности миге, когда гром “*Ὅμοούσιος*” впервые прогрохотал над Городом Победы. <...> И единым словом “*ὁμοούσιος*” был выражен не только христологический догмат, но и духовная оценка рассудочных законов мышления» [Флоренский 2012: 59].

К моменту написания «Столпа» термины эти были усвоены русской богословской литературой, но Флоренский, хорошо знавший греческий и часто ссылающийся на первоисточники, как будто намеренно не различает русского и греческого обликов слов и использует оба написания. Самый ход рассуждений философа оказывается своеобразным сопряжением разноязычных ипостасей одного понятия, благодаря чему в тексте соединяются древнегреческая и русская культуры.

Добавим также, что в терминосистему П. А. Флоренского «на равных правах» входят термины «едино-сущный» (*ὁμοούσιος*), «едино-сущие» (*ὁμοούσια*), «подобно-сущный» (*ὁμοιούσιος*), «подобно-сущие» (*ὁμοιούσια*) — с указанием греческого оригинала и без него.

Русские производные от греческих терминов приводятся без отсылки к греческим словам и без каких-либо комментариев: «Рациона-

лизм... может быть сжато охарактеризован как философия омиусианская. Это — философия плотская. Напротив, христианская философия, т. е. философия идеи и разума, философия личности и творческого подвига... может быть охарактеризована как философия омоусианская. Это — философия духовная. Стремление к чистому омиусианству как к своему пределу определяет историю новой философии в Западной Европе; тяготение к чистому омоусианству делает своеобразную природу русской и вообще православной философии» [Флоренский 2012: 86].

Наибольший интерес в плане выражения словесной формы представляют термины, которые, несмотря на частотность употребления и значимость для мировоззрения П. А. Флоренского, не переводятся и не транслитерируются на русский язык, сохраняя внутреннюю форму и ассоциативный ореол языка-источника: **ἔργον, ἐνέργεια, εἶδος**. Внимание лингвиста привлекает именно отсутствие вариантов термина, являющееся своеобразным «исключением из правила»: в качестве примера проанализируем термин **ἐποχή**, сохранивший свой «иноземный» облик не только в философской критике той эпохи, но и в современной истории философии.

Н. А. Бердяев в «Русской идее» отмечал: «Наиболее ценна в книге <<Столп и утверждение истины>. — Н. К.> ее психологическая сторона, особенно глава об **ἐποχή**» [Бердяев 2008: 206]. «Самоценным для такой установки оказывается внутренний мир религиозного опыта и тот риск имманентного познания Божьей правды, который Флоренский обозначил забытым словечком **ἐποχή**. <...> ...в **ἐποχή** подана антропологическая метафора страха обозначься и, если угодно, припоминание о трагической вине (самое ужасное — не опознать своей Судьбы...). <...> По Флоренскому, мышление, оттолкнувшись от точки **ἐποχή**, возвращается к мифологическому детству своей младенческой памяти» [Исупов 2001: 15–16].

Проследим, как вводится в текст «Столпа» этот термин и как объясняется значение стоящего за ним понятия. Первое употребление слова («**Ἐποχή**, или состояние воздержания от всякого высказывания, — вот последнее слово скепсиса» [Флоренский 2012: 41] сопровождается развернутым комментарием (раздел «Примечания»), в котором раскрывается внутренняя форма греческой лексемы, прослеживается изменение семантики слова и устанавливается связь термина с древним и новым скептицизмом: «Слово **ἐποχή** происходит от глагола **ἐπέχω** — имею что над чем <...> сдерживаюсь, медлю, жду и т. д. (Бензелер, — *id.*, стр. 270), Позднейшее слово **ἐποχή** означает остановку, задержку <...>. В философии, по определению Пиррона, <...> **ἐποχή**

есть остановка мышления, вследствие которой мы ни отбрасываем что-нибудь, ни устанавливаем его <...> для нас, в настоящую минуту, историческая сторона дела мало занимательна, и мы смело можем пренебречь тонкостями, разъяснение которых читатель найдет в специальной литературе по греческому скептицизму» [ibid.: 622].

Термин **ἐποχή** обладает высокой степенью терминологичности относительно системы объяснения его значения, каковой в данном случае выступают разнообразные и разноаспектные контекстуальные определения лексемы в главе «Сомнения». Отталкиваясь от этого сопоставления с термином **атараксия**, П. А. Флоренский продолжает разъяснение понятия через «двухсоставный тезис» («Я ничего не утверждаю»; «не утверждаю и того, что ничего не утверждаю») и ряд антиномий [ibid.: 42].

Родовыми и видовыми идентификаторами термина в контекстуальном определении выступают такие компоненты смысла: «абсолютное сомнение»; «невозможность утверждать... даже свое не-утверждение»; «собственное отрицание». Завершается контекстуальное определение целым рядом метафор и образных сравнений: «агония духа», «нечленораздельный философский вопль», «пирроническое, поистине огненное терзание», «безумное вскидывание и корча». *«Нет помощи, нет средств остановить пытку, ибо палящий огонь Прометея идет изнутри, ибо истинным очагом этой огневой агонии является самый центр философа, его «Я», домогающееся безусловного знания»* [ibid.: 43].

Приведенные контексты наглядно показывают значимость термина для понятийной и лексической структуры «Столпа». То, что автор использует исключительное греческое написание слова, можно трактовать как стремление показать читателю живую связь с традициями древнегреческих философов-скептиков и представителями «нового» скептицизма».

Термины **ἔργον** и **ἐνέργεια** не имеют русских соответствий и используются с отсылкой к Аристотелю: «*воспользовавшись терминологией Аристотеля*» [Флоренский 2013: 18] и к В. Гумбольдту: «*по ставшему классическим выражению Вильг. Гумбольдта*» [Флоренский 2012: 786].

«В одном случае мы имеем дело с раз навсегда застывшим бытием, а в другом — с бытием в его процессе, во внутреннем напряжении, в росте. <...> Камень есть ἔργον, но вдохновение поэта — не есть ἔργον, оно — живой процесс, оно — ἐνέργεια»[Флоренский 2013: 18].

«Скажем прямо: по ставшему классическим выражению Вильг. Гумбольдта, язык — не неподвижная вещь, не ἔργον, а вечно-живая деятельность, ἐνέργεια. Слово непрерывно создается, и в том — самая суть его» [Флоренский 2012: 786].

Таким образом, мы видим, что план выражения философских терминов в произведениях П. А. Флоренского может варьироваться: термин может использоваться на языке оригинала, в русском переводе и в русской транслитерации. Возможно также использование термина во всех «языковых одеждах» и — в ряде случаев — только на языке источника. Приведем еще несколько примеров смены языковых регистров при использовании терминов: атараксия, ἀταραξία, невозмутимость — в русской аллитерации, по-гречески и в переводе на русский; полнота и τὸ πλήρωμα; матесис и μάθησις, самоочевидность интуиции, evidentia и ἐνάργεια; ἀγύβαστη и противоречие.

Схожее «переключение языкового регистра» наблюдается в употреблении греческих слов ἀγάπη, φιλία и связанных с ними ἔρωξ, **сторүһ**: «Греческий язык различает четыре направления в любви: стремительный, порывистый ἔρωξ или любовь ощущения, страсть; нежную, органическую **сторүһ** или любовь родовую, привязанность; суховатую, рассудочную ἀγάπη или любовь оценки, уважение; задушевную, искреннюю φιλία или любовь внутреннего признания, личного прозрения, приязнь» [Флоренский 2012: 404]. Приведенный пример интересен отсутствием явлений заимствования или транслитерации: это перевод или, скорее, «подбор» русских эквивалентов, раскрывающий разницу фрагментов картин мира двух народов. Здесь нет варьирования термина, так как не наблюдается явление полилексии: понятийное содержание терминов в разных языках оказывается различным, и цель сопоставления состоит в выявлении этих различий. В этюдах, посвященных рассмотрению стоящих за словами понятий, греческое написание является опорным, основным, в ряде случаев единственным. Это не случайно: Флоренский рассматривает соотношения стоящими за этими словами понятий в греческой, а не в русской картине мира, а также анализирует употребление этих слов в Священном писании и святоотеческой литературе. Видимо, этим можно объяснить факт отсутствия в тексте русского слова **эрос**, уже освоенного к тому времени языком.

Интересно другое: во-первых, соотношение греческого ἀγάπη и русского **агана** (фактически это семантическое освоение греческого слова), во-вторых, русский облик дериватов: в производных от ἀγάπη и φιλία (от двух других слов дериваты не образуются) греческий корень соединяется с русскими аффиксами: аганический, филический.

Значения понятий объясняются довольно подробно: «Для античного общества такими двумя скрепами были ἔρωξ, как сила личная, и **сторүһ**, как начало родовое; именно в них лежал метафизический устой общественного бытия. Напротив, естественную почву»

для христианского общества, как такого, стали **φιλία**, в области личной, и **ἀγάπη**, — в общественной. Та и другая сила одухотворяется и претворяется, насыщаемая благодатью, так что даже брак, этот нарочитый приемник для **στοργή**, и древняя дружба, где преимущественно являлся **ἔρωξ**, в христианстве окрасились в цвет одухотворенных **ἀγάπη** и **φιλία**. <...> Но, чем ярче и красочнее «раскрывшийся цветок души», тем очевиднее, тем бесспорнее антиномичность двух сторон любви, их двойственная сопряженность. Чтобы жить в среде братии, надо иметь Друга, хотя бы далекого; чтобы иметь Друга, надо жить в среде братии, по крайней мере быть с ними духом. <...> Антиномия **ἀγάπη-φιλία** ... полностью впервые открылась в той Книге, в которой безумно-ясно и спасительно-остро выявились антиномии духовной жизни, — в Евангелии. <...> Равномерная любовь ко всем и к каждому в их единстве <...>; величайший демократизм — строжайший аристократизм; безусловно все — избранные и из избранных избранные; «проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16.15) — «не мечите бисера пред свиньями»; одним словом, **ἀγάπη-φιλία**, — таковы антиномичные двоицы Благой Вести» [Флоренский 2012: 411–412].

П. А. Флоренский пишет о различии значении лексем **ἀγάπη** и **φιλία**, которые часто смешиваются («кажутся... почти одним и тем же»): **φιλία**, или, по-русски, филическая любовь, определяется как уединенная дружба, получающая свое выражение в братотворении; **ἀγάπη**, или, по-русски, агапическая любовь — «вселенская любовь», получающая высшее выражение в обряде агапы. Лексема **агапа** — теологический термин, восходящий к греческому источнику, употребляется в тексте как обозначение вечерних собраний ранних христиан для молитвы и вкушения пищи, соединенное с воспоминаниями об Иисусе Христе. Следовательно, говорить о полилексии в данном случае не приходится: греческое **ἀγάπη** и русское **агапа** обозначают разные понятия, что, в свою очередь, создает дополнительную аргументацию для использования именно греческого слова. О вариативности можно говорить применительно к авторской терминосистеме, в структуру которой, в частности, «на равных правах» входят греческие термины **ἀγάπη** и **φιλία** и их русские соответствия — агапическая любовь, филическая любовь.

Производные слова — прилагательные **агапический** и **филический** (любовь, сторона жизни) — говорят о том, что греческие слова в сознании языковой личности Флоренского прошли два этапа ассимиляции: фонетическую и грамматическую, а также о явлении вариативности, связанной с написанием корней.

С переключением языковых регистров и их ролью в формировании терминологической системы тесно связано, на наш взгляд, явление этимологизации, которую Н. М. Азарова называет «типологической чертой функционирования философской лексики» [Азарова 2010: 71].

Как было показано уже в первых примерах, вводя новое понятие, П. А. Флоренский часто идет от этимологии, которая становится значимой частью контекстуального определения. Обращение к историческому слою концепта позволяет глубже проникнуть в суть понятия и способствует его философскому переосмыслению. Для оценки специфики авторской терминосистемы П. А. Флоренского большое значение имеет используемый им приём межязыковой этимологизации, результатом которого становится появление нескольких терминов, каждый из которых репрезентирует особую национальную картину мира.

Так, по Флоренскому, **истина** «в русском ее разумении» — это «*пребывающее существование; — это — “живущее”, “живое существо”, “дышащее”, т. е. владеющее существенным условием жизни и существования*» [Флоренский 2012: 23]. Иное понимание истины образует своеобразие стоящего за словом понятия в греческом, латинском и еврейском языках. «*Истина в понимании эллина, — пишет П. А. Флоренский, — есть ἀλήθεια, т. е. нечто способное пребывать в потоке забвения, в летейских струях чувственного мира, — нечто преодолевающее время, нечто стоящее и не текущее, нечто вечно памятуемое*» [ibid.: 24]. По содержанию Флоренский объединяет русское и греческое понятия общим смысловым компонентом «непосредственное личное отношение». В еврейском **эмет** и латинском **veritas** истина предстает опосредованной обществом: «*Религиозно-юридическое по своему корню, морально-юридическое по своему происхождению от юриста, слово veritas и впоследствии сохраняло и отчасти усилило свой юридический оттенок. <...> Неотменяемость... Божиего обетования, верность его, надежность его — вот что для еврея характеризовало его в качестве Истины*» [ibid.: 67].

Этимологический анализ, формальное и содержательное сопоставление понятий в разных языках не только позволяет установить связь этих понятий, но и высвечивает внутреннюю форму каждого из сравниваемых слов. Это сопоставление, «стратегической» целью которого является определение понятийного ядра русского слова «истина», «в тактическом плане» увеличивает количество элементов терминосистемы, включая в нее греческое, латинское и древнееврейское понятия.

Таким образом, проанализированный материал убедительно показывает, что отличительной чертой авторской терминосистемы Фло-

ренского является полилексия, в которой проявляется многоязычное богатство языковой личности автора.

Вариантность, конкретным проявлением которой является полилексия, можно признать одной из ярких отличительных черт терминологии русского религиозного текста. Неизбежность вариантности обусловлена, в первую очередь, теснейшими связями формирующейся в конце XIX — начале XX вв. русской философией с античной традицией и с произведениями западноевропейских философов. Известный лингвист Л. М. Грановская относит формирование языка и стиля русской философии только к 30-м годам XX века: *«весь предшествующий период представлен, главным образом, переводной литературой, причем все течения западной мысли находят отражения в России»* [Грановская 2013: 4]. Именно эти влияния и обусловили появления вариантов заимствованных терминов при их графической, грамматической и семантической адаптации в русском философском тексте.

Литература

Азарова Н. М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. М., 2010.

Бабенко Л. Г. Лексикология русского языка. Екатеринбург, 2008.

Бердяев Н. А. Русская идея. СПб., 2008.

Ганцовская Н. С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии. СПб.—Кострома, 2007.

Грановская Л. М. Язык и стиль русской философской литературы (вторая половина XIX-го — первые десятилетия XX века). Баку, 2013.

Исупов К. Г. Павел Флоренский: наследие и наследники // П. А. Флоренский: pro et Contra. СПб., 2001. С. 9–30.

Флоренский Павел, священник. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 2012.

Флоренский Павел, священник. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 2. М., 2013.

Флоренский Павел, священник. Философия культа (Опыт православной антроподицеи). М., 2014.

**РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКОЛОГИЯ
И
ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

Раздел включает статьи 9 выпуска периодического сборника «Русская историческая лексикология и лексикография», издаваемого в СПбГУ с 1972 г. Выпуск был подготовлен к изданию, но не был опубликован по независящим от авторов и редакторов обстоятельствам. Выпуск был включен в полном объеме в данное издание в качестве самостоятельного раздела. Отв. ред. раздела д.ф.н. О. А. Черепанова.

***Предисловие к 9 выпуску сборника
«Русская историческая лексикология и лексикография»***

Сборник «Русская историческая лексикология и лексикография» Вып. 9. является продолжением серии, выходящей с 1972 г. на филологическом факультете СПбГУ под грифом Межкафедрального словарного кабинета имени профессора Б. А. Ларина. Предшествующий вып. 8 вышел с измененным названием «Историческая лексикология и лексикография», однако решением редколлегии сборнику возвращено прежнее наименование. Выпуск содержит статьи по истории формирования и функционирования лексики русского языка эпохи Средневековья (XV–XVII вв.) и Нового времени (XVIII–XX вв.), а также по проблемам лексикографической обработки лексических материалов XV–XVII вв. Исследование лексики сопровождается культурологическими наблюдениями, а в ряде случаев для раскрытия темы оказался необходимым выход на другие уровни языка, в частности, грамматический.

Для специалистов в области русской и общей исторической лексикологии и лексикографии, историков русского языка, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами исторической филологии.

*Редколлегия сборника
«Русская историческая лексикология и лексикография»*

Думать и понимать в «Летописце Еллинском и Римском»

Мысль совершеннее всего остального в человеке.
Василий Розанов

Прекрасное исследование и издание текста О. В. Твороговым «Летописец Еллинский и Римский»¹ ввели в научный оборот русский памятник XV века — сборник древних и новых переводов с греческого языка, переработанных книжниками этого времени применительно к нуждам современников. Поражает обилие диалектизмов самого разного происхождения на фоне остаточных фонетических явлений древнерусского языка. В настоящей статье остановимся на лексике интеллектуального действия — актуальной для эпохи перехода от номинализма к платоновскому реализму.

Первый уровень интеллектуальных связей, взятых вне отношения к чувственным формам познания, соединяет процесс мышления с моментом уразумения — пониманием. Окончательный результат развития известен: на современном понятийном уровне мы говорим о *мышлении*, а не о *думании*, о *понимании* в понятиях, а не о *разумении* в образах, хотя моменты «думания» и «разумения» присутствуют на правах вспомогательного средства постижения истины и выбора верного решения. Косвенно это указывает на то, что в рефлексии момент мышления сознанием был выделен раньше момента понимания, что некоторое время синкретизм «мышления — понимания» сосредоточивал в себе в качестве основного момент мышления. Процесс представлялся более важным, чем его результат, понимание. Развитие рефлексии приводило к появлению промежуточных средств выражения как процесса, так и результата, причем по терминологическим поискам адекватного выражения рефлексии всегда заметно, что процесс и его результат не расчленены в сознании. Рассмотрим эти особенности на некоторых примерах.

Мынѣти. Совокупность всех контекстов показывает следующую цепочку смысловых переходов метонимического характера:

1.) 'думать' и в момент «думания», 2) 'понимать' ('полагать, считать' как проявление результата думания), потому что следует 3) 'помнить' (знание основано на памяти), а если это так, то следует

¹ Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. СПб, 1999; Т. 2, СПб, 2001. В статье все цитаты даются по этому изданию.

4) ‘сомневаться’ или попросту 5) ‘казаться’ (померещилось и может быть ошибочным). Рефлексивные формы в 4 и 5 указывают сосредоточенность действий на себе самом, сами действия неопределенны и сомнительны по результатам. Примеры для сравнения.

1. Егоже ради другое мянши приять имя 502 (также 474); мнѣль же еси, не вѣды, яко... 169; мнѣль ли ся еси угаити? 113; они же мянху, яко о имѣнии въпрашають ихъ 394 и др.

2. Да не мнить мене никтоже, яко еще в живых есмь 324; мнимъ, от нея яко богъ есть Аммон 89; в смысле ‘понимаю, полагаю’ также оборот *и мянше, яко...*; иногда в одном предложении возможны оба значения: мнѣвша (считая) Антиоха умрѣша... не бытии тому, якоже они мнѣша (думали) 184.

3. Соотношение *понимать* — *поминать*: мы же, рахманѣ, поминающее, како родихомся 185 — но рядом: и мы мянхомъ его суца в болѣзни 284 (думали — помнили).

4. Никтоже, пръвое усумнивъся, не яся за такого молитися 45; не всумнѣся, размышляя, яко... 322 и мн. др. Прилагательное мнимый только в таком значении: да мнят, яко нерукотворенъ есть мнимый богомъ 329; и мрши погребѣ на мнимой чести 275 и т. д. Часты промежуточные примеры с нерасчленным значением глагола: в тонцѣ снѣ мяншеся обрѣсти у столпа крестнаго 431 — полагаю=сомневался=казался?

5. Яко мнит ми ся, владыко 449; ее же аще мнит ти ся 297; и от вѣка да мнится богъ 330; и кони, яко мнѣтися, сами текуща 165 и др.

Мыслити. Имя существительное *мысль* употребляется очень редко, что характерно. Актуально развивающийся процесс интеллектуального действия еще не обрел понятийных определений или не нуждался в их особом выражении. При этом мысль определяется как *идея* — результат индивидуальной человеческой деятельности: мысль имый (что-то сделать) 51; едина бо мысль еллинска побѣждает народы 117.

Мыслити имеет единственное, но весьма определенное значение ‘думать, размышлять (сам в себе вне диалога)’, причем *мыслят умом* 130, *плотская мыслять* 5, *суетная мысливь* 494 и т. д., ср.: въ собѣ помыслив, яко... 368; «отче, что мыслиши о Паусании?» 98; мыслити же нача Александръ о сем 102 (также 140 и др.) — формы глагола показывают индивидуальность процесса, а также его восприятие со стороны (выражается в прямой речи).

Другие значения глагола: 1) ‘замыслить (что-то недоброе)’ — (Он) мысляше, како бы раздрушити Тура 109; и по вся дни на мя мыслят паче врагъ моих 153; хотящу ти мыслити на мя 387; вполне вероятны наводящие на такое значение библейские ассоциации: иже иному зло мыслит, о себѣ зло смыслит 96. 2) ‘решить’: И стуживси, мысляше

бѣжати 62; Самъ же Александръ мысляше приити къ рахманомъ 141; убоаяся и мысляше, егда ту ему скончатися 171 и мн. др.

Глагол *думати* встречается только трижды: Егда же удумахом ити от града... 233 — в повести о взятии Титом Иерусалима; и събрашася чернь, и волочаху добрый люди, думающее с ними, кого царемъ поставят 508; тогда же боярьѣ, убоаявъшеся введения фрягъ, и *сдумавше с Муръчю-фалом*, яша царя 508. Переведенные в Новгороде тексты сохраняют следы местной фразеологии, их содержание и форма выражения показывают, что *думати* — значит размышлять совместно (держатъ совет).

Архаический глагол *непщевати* использован однажды: людие же, на посланаго стекшися, непщева и, яко без ума и бѣсуаяся ест мних 464 (сообразили, что он сошел с ума). Имя существительное употреблено дважды без отрицания: исхытити замышлено пщеваниемъ написати Христово божество... на иконѣ 440; Домника же патрикиемъ створиша пщеваниемъ... 485. Во всех случаях это ‘соображение (основание)’ для исполнения дела в результате коллективного решения. Так переводятся и греческие формы оригинала, типа λέγουσιν ‘говорят’, λογιζεσθαι ‘полагать’ — это довод и основание, полученные в предварительных обстоятельствах и потому сомнительные, ср. *пщевати пщеваниемъ* ‘придумывать оправдания’ в тексте «Словаря XI–XVII вв.» (Вып. 21. С. 81). (*Непщевати* и *пщевание* связаны с той формой понимания сути дела, которая представлена как во-ображение = со-образ-ение в виде *образа*, а не понятия или символа.

Разумѣти. Исторические словари указывают до двух десятков значений у слова *разумѣ*. Такая дробность созначений определяется соответствиями с греческими текстовыми эквивалентами в переводах; реальное же значение славянских глагола и имени вполне синкретичного свойства, и выделять те или иные оттенки смысла приходится с оглядкой на греческие оригиналы или на современное понимание контекста. И то и другое опасно и нарушает основной принцип средневековой семантики: слово-символ не много-значно, а много-смысленно, т. е. именно символично.

В Летописце *разумѣ* представлен в трех основных значениях:

— ‘сознание’: тѣи в разумѣ мужа пришель 283; многа бо от них о смыслѣ его и добраго разума 502; от разума разумѣти 274 и др.;

— ‘соображение, понимание’: от уности имяше царьскыи разумѣ 273 (ср. разумѣ же истину 44 и под. — с конкретным указанием на понимание истины); створи всего человекѣ на разумѣ приити 32;

— ‘умение’: оттолѣ бѣ хытростыни разумѣ у ромѣанъ оскудѣ, царствующимъ разумѣ неразумиѣ възбранение погыбе 419 и др.

Различать указанные созначения сложно, и это видно по отдельным примерам, ср. яко плоть душевную душу живу [в воплощении] приять Господь, *разума* же нашего не приять. Ни просити же плотьному, — рече, — человекча *ума...*, нь не вмѣститися еи ину *разумну* от божественныя силы 262. Речь идет не об интеллекте, а именно о *представлении в понимании*, которое явлено в слове.

Связь *разума* со *словом* проведена последовательно. [Человек] — существо словесно и всѣх ово разумно и домыслено, и памятно же и свѣтно 263 (способно к советам); единь же разумь точью от единения всѣх словесных непоколѣблемо пребывати неподвижно от Божия любви и премудрости 373; явление и разумы от исхода слова вѣщати 285; въчеловѣчшыюся Слову неразумну суцу в разума же мѣсто 324 (ср.: многими же словесы замысливъ, рече... 325). Разум всегда связан со словом: *разумный* есть *словесный*. В этом отличие от *ощевания*, представленного как простое воображение. Сила разума — в слове.

Архангел говорит пророку Даниилу: «Азь придохъ... устроити тебѣ *разумь*... *свѣстити* тебѣ (известить тебя), яко мужь *помышлений* еси ты; *размысли* же въ *словесть* и *разумь*..., въ явлении...» 57. Понять (*размыслить*) можно только посредством слова в идее (в *разумѣ*) через явления (*въ явлении*) — это движение от слова через идею к вещи.

Глагольная форма конкретизирует смысловые оттенки словесного корня, но и она предстает в нерасчлененном виде, образно как метонимическая последовательность ‘видеть > думать > понимать’. Ср. несколько примеров.

— ‘видеть=думать’: в сочетаниях типа *и разумь, яко...* 74,76, 93 и мн. др.; *и разумѣти, яко...* 82, 105 и т. д.; *разумѣхомь, яко...* 112 и т. п., причем иногда значение «видеть» эксплицируется в тексте: и видите, и разумѣте 223, виждь убо тако и разумѣи 67, и т. д.

— ‘понимать’: еллинскою рѣчию силу книгъ разумѣти 180, разумѣвая явѣ, яко... 186; не разумѣюще по писаному 263; не разумѣша тайны Божия 197; смысляше не разумѣша 440 (думали не понимая) и др.

Глагол *понимати* не встречен ни разу.

Ср. также производные глаголы *проразумѣти* ‘догадаться’ и *уразумѣти* ‘сообразить’: егоже видѣвше жидове уразумѣша яко... 311; проразумѣвъ же блаженный Давидь духовнымъ разумомъ, яко... 179 и т. д.

Примеры показывают различие между глаголами *неощевати* и *разумѣти* — первый связан с неопределенным источником информации (*чюяти*), второй — с ясным и определенным (*видѣти*), к тому же выраженным словесно, т.е. доступным для проверки способом. В необходимых случаях специально требуется выделить *чювьственный*

разумъ там, где речь должна бы идти о полузабытом *непыщевании*: и раи чювьственным разумом и вѣчно имый вѣсприятие 408 — восприятие связано с чувством, оно чувственное, а не словесное. Наоборот, соотношение ‘видеть — понимать’ постоянно присутствует в контекстах, ср.: и разумѣша, како не разумѣють тщая прельсти 404 (и видели, что не понимают). Подобное соотношение сохранилось и в современном употреблении слов *видеть* и *понимать* — они взаимозаменяемы в переносном значении.

Сопутствующие разуму предикаты деятельности также характерны. Говорится о слове и разуме (*глаголание* и *разумъ* 196), о разуме и некоторых этических признаках поведения (*разумъ* и кротость 257, мужество и *разумъ* 494, *разумъ* и смыслъ 176); разум вообще противопоставлен *мутьному сръдцу* 250.

Умъ. Судя по контекстам, ум — *имеют*, по своим признакам он может быть *богочестным* 147, *божьим* 156, *вѣрным* 338, *высоким* и *льготным* 156, *мудростным* 157, *острым* 48, *смирненным* 322, *твердым* 9, *чистым* 302 и т. д. С помощью ума *размышляют* 267, может умъ человекъ разумѣти 369, только умом можно велико дѣло умыслити 116, буюю мысль уму побѣдити 9, рекоша въ своеъм умѣ: «Не без ума се есть писано» 30. Уму также учат (бѣ же мужъ хыгръ и уму учень 10), умом могут возвышаться (390) или, наоборот, им могут *развертити* 20. Ум сопоставляется с красотой, силой и другими особенностями внешнего порядка, но противопоставлен он *разуму*, *помыслу*, *смыслу* и *языку* как общий их всех хранитель, причем звери ума бо не имѣют 174 — *вашъ убо умъ — языкъ* есть и при устнах *смысль* (*разум*) 148. Всё, что без ума, бессмысленно: что без ума веселяся 152 — *почто без ума умираеши, младъ сын?* 149. Герои типа Александра Македонского упорно именуются *умникъ*, и всегда ясно, что *умнии разумѣють* 66, а *единоумень* ему бысть 488 значит является его единомышленником.

Производные вполне определенно располагаются в следующей последовательности смысла:

умѣти — быть способным к действию,

недоумѣти — сомневаться в способности быть способным к действию,

изумѣти — бояться способности быть способным к действию,

безумѣти — не быть способным к действию вовсе.

Ум предстает как исходная точка способности мыслить, одновременно и вместилище рассудка, разума, мудрости, и вместилище, т.е. смысл и рассудок вместе. Если *разумъ* (первое проявление ума) соотносится с языком (*словесным*), сам *умъ* предстает как модальная воз-

возможность всякого действия, в принципе не только интеллектуального: одновременно это и вместилище воли.

То, что невозможно исполнить, то *умѣти невозможна* 440, и всякий «уметель» тут бессилен, даже если он *бѣ умѣтель обоим книгам* 458: *да множайшая прельстят неумѣтеля* 412 и мн.др. С другой стороны, она недоумѣяше, чим бы ему помощи 450, и срьдце его пустошная недоумѣвает 438 — обрѣте развращень замокъ и изумѣвся..., своя власы торжа 465, той же изумѣвся смысломъ, рекый... 425 — в ответ он посмѣяшесе безумию его 425 и др.

Мудрость — высшая степень знания блага. Признаки мудрости сопровождаются указанием на соответствующие духовные потенции субъекта: мужъ дивень и мудръ 10. Именно Бог дает мудрость: Сифъ имѣяше мудрость от Бога 4, и дасть имъ Богъ смыслъ и мудрость въ всей книжнии премудрости 23, имѣя даръ и мудрость (от Бога) 55 и др. Только *мудрый повѣдает* тайное 5, и при этом *показа мудрость* 9,11 и др., при наличии *божиа премудрости* 151: от Христа дасться премудрость челоукомъ... истинно премудрость явленна 327. Мудрость относится к таким качествам ума, которые требуют трезвого образа жизни, так что осуждаются те, которые пианьствиемъ мудрость изыгнавшесе ись себе 157.

Наоборот, действие умудрения может оцениваться по-разному. С одной стороны, можно *добро мудрити* 393, и тогда люди *доброумудрятса* 381, поскольку добромудрествующа же силу мужа показывает 383. С другой стороны существует и злое *мудрование*, а всякий человек злочестным мудрованиемъ далече отгнашася 457. Отсюда постоянные призывы: Не мудрайся! 255, прекрати мудръствовати 9 — поскольку плохо жить, постоянно *мудрующе* 264. Еретики мудрствуют: на томъ съборѣ Несториево мудръствовуеть 357; отсюда совет: не мудрайся излише 255, и ина тако мудрующа впадая в грехи 264. Действие *умудрения* амбивалентно, сама мудрость имеет степени проявления.

Съмыслити. Субъект-объектный синкретизм, отмеченный на предшествующих уровнях описания, сохраняется и здесь. *Ум* = *разум*, *знание* = *сознание* (соединение процесса знания с объектом знания) и т. п. помогают понять и единство связей *мысль* = *съмысль*, т. е. соединение мысли с предметом мышления. *Мыслят* объективно, *смыслят* субъективно; на то же указывают выделенные сознанием предикаты: *мысленный* и *смышлѣный*.

(Через Дух Божий) смыслъ обрѣтесе в немъ, сказа сны 45; смыслъ и премудрость изобила обрѣтесе в тебѣ 45; многоаго смысла его и премудрости 176; яко скотъ, не имуща смысла челоуцьска, нъ акы звѣрие дивии без ума суще 132; их суетнаго диавольскаго смысла,

блядиваго смотрения 283; имѣяху же смыслъ не чловѣчь, но лаяху яко пси 133; бабескъ смыслъ прельстивъ 70; Ликиний же еллинскыя имѣ смыслы 289; отча смысла о всѣхъ имѣя 501 и мн. др. — во всех случаях значение слова *смысль* представлено как способность познавать некий подтекст событий и фактов. *Смыслити* — одновременно и ‘думать’, и ‘понимать’, *уже зная суть*. Тако смышлю, яко исписано имам 303; Съмысли и съвѣща сии папа Леон 456 — лично «мыслил», но вместе с тем и «советовался». Прочее видѣши или смыслиши 151 — т. е. осмысливал по косвенным признакам. *Смыслити* — скорее ‘соображать’, воображая: и яко смыслити въ всеи истинѣ твоеи, Господи? 56; Несторию съ июдѣемъ купно смыслящу 373; Ариа прокляша и смыслящая с ним купно 294 — т. е. разделявших мысли Нестория, Ариа и прочих еретиков (*купно с ними*).

Приставочные вообще употребляются чаще, чем глагол *мыслити*.

Домышляти ‘представить себе’: что ся домышлю о васъ? 113; се же царь есть домыслися 480; и безъсловесна домыслившесея 437.

Замыслити ‘выдумать’: никто же такового замыслиша 424; спротивное нѣкое замысли 489.

Помышляти ‘задумывать, замыслять’: ужасенъ бывъ, помышляше в себѣ, глаголя... 200 (ср.: и глаголааху убо въ себѣ, яко... 200) — мысль связана со словом; ср. также обороты типа въ себѣ помышляхъ 206, на мя помышляющи 206 и др., кого помышляет в сердци своемъ 5.

Размыслити ‘подумать, приняв решение’ обычно в сочетании с другими глаголами: помяни и размышляй 401; сих же бо прежде внимающе и размышляюще 401; часто имя существительное *размышление* (*размышления сердца своего* 25) — ‘сознание’ или ‘сомнение’.

Умыслити ‘задумать хитростью’: и умыслиша римляни бѣжати 226; умыслившее же се боляре 84, и т. д.

Контексты показывают, что эти глаголы передают внутреннее состояние субъекта (*въ себѣ*) в момент размышления или принятия решений.

Свьѣстити — слово, связанное с глаголом *въдати*, который очень распространен во всех возможных формах (при отсутствии глагола *знати*): *яз въдѣ, увѣдѣ, свѣдаю, вѣмъ убо, вѣси, увѣси, вѣсть, исповѣсть, вѣмъ, увѣсте* и др. Глагол используется во всех значениях, относительно как божественного, так и человеческого знания. Глагол же *свьѣстити* часто по форме пересекается с калькой *свьѣсть* ‘совесть’ и с именами *свьѣсть* ‘сестра жены’ и *свьѣсть* ‘светильник’. Исторические словари показывают «многосмыслие» этого глагола, связанного с переводами многих греческих глаголов. *Свьѣсть* также показано как ‘разумение, понимание’ или ‘знание, ведение’, и только в соче-

тании *чистая съвѣсть* предстает как калька с греч. *συνείδος* — в ново-заветных текстах выступающей со значением ‘совесть’.

Съвѣстите ми соотносится с *повѣдите мнѣ* в других фрагментах текста; *съвѣстити* можно — сказание, сон или тайну: имеется в виду необходимость истолковать непонятное и неясное, предварительно его уразумев. (Двое ослабели) и не съвѣстися сами себѣ болѣзни своеа, яко стыдятся 20 — не признались сами себе.

В Сказании о пророке Данииле слово употребляется особенно часто. Яко разумѣти сонъ его?... И сказание его съвѣстим так... Аще убо не съвѣстите сна и съказания его... 23; съвѣстите мнѣ..., съвѣстите ему.. съвѣщати прѣд мною... повѣдите мнѣ... съвѣстити слово се царю... иже съвѣстити прѣд царемь.. и съвѣсти сонъ... яко сонъ царев въсьвѣстиль ми еси сказати сеи царю... и сказание съвѣщу царю.. — все примеры на с.24 (*съвѣстити* = *повѣдите*, *сказати* можно, только открыв тайное). «Совесть» тоже еще не нравственная категория: бесы... мръскою съвѣстию ужасьшеса 332 (мерзкая совесть!), оскверненую свою и свѣдая свѣсть 400 — всегда уточняется характер «совести» — *разумения* чего-либо на основе внутреннего согласия. Это не просто «уразумение», а интуитивное осознание тайного и непостижимого — невидимого, например, снов. Все контексты показывают, что речь идет о 1) диалогическом обмене информацией 2) касательно её неопределенности, что в её постижении требует 3) исключительных умственных способностей (необходимо *въдати*, а не просто *знати*) для 4) истолкования в слове (понимания её *разума*) и 5) последующего сообщения её сути другим (в сопровождении глаголов *съвѣщааху*, *извъстовали*, *съвѣдати* и т. д.). В некоторых переводах с греческого находим соответствия *ковати* (*ковы*), *мыслити* (замышлять) и даже *съвѣстовати* для греч. *τεκταίωμα* — в переносном значении медиального глагола ‘мастерить, строить’ или ‘затевать козни, замышлять недоброе’.

Тот же смысловой подтекст находим в других местах Летописца: и тако убо увѣрився от своеа свѣсти, яко се есть самъ Александрь... 122 — убедился своим «нутром», своим «сознанием». И тут же в глагольной форме: сего же Дарий не съвѣсть, яко... 125, никто ни свѣсть ему имя 150, никтоже свѣсть до днешняго дни 310 (в последнем примере все грамматические формы указывают на древность выражения и его зависимость от греческого оригинала).

Всё сказанное позволяет восстановить семантическую последовательность переноса значений в данном глагольном слове: *он свѣсть* = *он думает*, поскольку нечто знает и потому сообщает — это происходит в последовательности интеллектуальных действий 1 — 3 — 5 с пропуском

моментов 2 «понимает» и 4 «толкует, именуя», потому что те предполагаются на интуитивном уровне сознания. Таково это, в своем роде энтимемное, представление известного знания, полученного на уровне «чутья», а не логического суждения в понятиях.

Общий результат рассмотрения промежуточных уровней интеллектуального действия показывает, что *умѣти* соединяет моменты 1 и 2, *смыслити* — моменты 2 и 3, тогда как сфера действия глагола *свьѣстити* гораздо шире, захватывает более широкое поле действий. Возможно, в этом причина того, что, в отличие от первых двух глаголов, *свьѣстити* не закрепил свои значения ни в одном из оттенков. Сегодня мы знаем, что значит *уметь* и *смыслить* в деле, но совершенно не понимаем таинственное движение *свьѣстити*. Может быть, потому, что старые формы интуитивного познания мы заменили рассудочным.

Если для окончательной реконструкции привлечь интуитивные определения русских философов, касавшихся нашей темы (Бердяев, Булгаков, Лосев, Флоренский), мы получим определенное соотношение в границах концептуального квадрата, отражающего содержательные формы концепта¹:

	+R	-R
+D	[<i>Понятие смысла</i> или <i>свьѣсти</i>]	<i>Образ разума</i>
-D	<i>Символ мудрости</i>	<i>концептум ума</i>

Итак, *умѣ* — это и смысл, и вещество мышления, определяемые модальностью «хотеть» — познавать. *Разумѣ* — первое воплощение ума, определяющее различие между субъектом и объектом познания: предметно-образная мысль. *Здравый смысл* (= *рассудок*), полностью соотносимый с умом как его прямое воплощение в чистом виде: схематично-понятийная форма мысли. *Мудрость* — «окончательное сознание» (А. С. Хомяков) — предстает как целокупность ума-разума и веры, личной совестью сплоченная в надличностное знание (с окончательным возвращением в ум): символически совместное ведение истины. Здесь нелишне вспомнить и ментальные определения В. И. Даля, согласно которым ум есть категория не ментальная, а *поведенческая*. Таким образом,

¹ В схеме: **D** обозначает денотат (объем понятия=предметное значение), а **R** – референт (объект) при наличии (+) или отсутствии (-) признака в клетке; *концептум* – «зерно первосмысла» (внутренняя форма) ‘смысл’.

основным термином данного ряда является не собственно ум, а его проявления: *умѣти* — то, что соединяет уровни «думать» и «понимать».

Следует оговориться: к началу XV в. понятийное мышление еще не сформировалось в законченном виде. В ходу были только «образные понятия», т. е. символы. Смысл — это проявление разума, смысл выходит из разума, определяясь им как отдаленным действием ума. Это еще не рассудок, который проявился в середине XVIII в., а приближение к нему. Древнерусский язык знает только *разсуждение*, которое так же относится к слову *судь*, как *разумь* — к *уму*: это проявление (соответственно) суда и ума в действии; *рассуждати* — ‘судить’, ‘выбирать’, ‘оценивать’. Точно так же и *смысль* как разумное действие представляет сознание в самом общем виде как приблизительное понимание. Наличие синонимов в «клетке» *понятие* (*свьѣсть*, *смысль* и под.) доказывает отсутствие понятия как самостоятельной содержательной формы концепта; префикс *съ-* в обоих случаях выражает связь. «вести» и «мысли» с чем-то помимо их.

Сравнение с действием тех же концептов в конце XV в., в сочинениях Нила Сорского, показывает изменения, произошедшие в языке под влиянием распространившейся идеологии реализма (см.: Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 7. СПб., 2008. С. 65–81). Значения слов обрели ясность и строгость в указаниях на означаемое, произошло распределение в оттенках смысла — в соответствии с основной идеей реализма: всякой сущей *вещи* соответствует ее живая *идея*.

Умь пребывает в «умном оке» и расположен в сердце как носителе божественных энергий, ум подвергается действию мистической интуиции. Наоборот, вещное подобие ума — *разумь* размещен в голове, это «телесное око» сознания, действующее в режиме чувственной интуиции. *Разумь на уме* амбивалентен: оба слова одновременно обозначают и силы мышления, и вызванные ею представления.

Мысли возникают в *речи* отдельного человека — *смыслы* находятся в текстах и принадлежат многим людям. Смыслы основаны на мысли. Смысл отчужден от субъекта на правах предметной соотнесенности с мыслью. Возникший позже термин *здравый смысл* — предшественник концепта «рассудок»; это остаток прежнего понимания смысла, которое в конце концов и обернулось «рассудком».

Мнения и *ощущения* указывают на недостоверные знания; первое слово в качестве исходного образа имеет связь с представлением о «надежде». Действие этих концептов — в сфере интеллектуальной интуиции, в границах которой они и приобретают необходимую ясность. *Мудрость* же по-прежнему выражает высшую степень понимания, доступного человеку. Это не вещный, а вечный предикат сознания.

Лествица Иоанна Синайского как источник Азбуковника XVI в.¹

Лествица Иоанна Синайского — одно из наиболее известных переводных произведений Древней Руси. Она была написана в VI в. и переведена на старославянский язык в X в. в Болгарии. Основное содержание Лествицы составляют тридцать слов с наставлениями о том, как преодолеть пороки и стяжать добродетели. Обращение к внутреннему миру каждого человека, стилистическая выразительность и содержательная глубина книги обусловили то, что Лествица была одним из наиболее читаемых произведений, многократно переписывалась и дошла до нас во множестве списков.

Кроме тридцати слов Иоанна Синайского, и греческие, и русские рукописи содержат, как правило, дополнительные статьи, которые предваряют слова Лествичника или следуют за ними. Это Слово к пастырю, Послание Иоанна игумена Раифского, Ответ Лествичника, Предисловия к Лествице, Житие Иоанна Синайского, святоотеческие комментарии [Ioannis Climaci... 1864; Попова 2010: 115–116]. Среди дополнительных материалов встречаются также списки слов с толкованиями, имеющие различные названия «Сии речи скупи суть, иже обретають в святом Исааце и Лествице», «Протолк Лествицы о речах покровенных», «Толк речем в Лествице», «Пословки лествичные», «Толкование неудобь познаваемым в писаниих речем» (далее — «Толкование речем»). Необходимость этих лексикографических сводов возникла в связи с тем, что переводы Лествицы были сделаны в разных славянских странах и могли содержать слова, имеющие локальное распространение и затрудняющие понимание текста. Они и получали объяснение в «Толковании речем». Кроме того, в «Толковании речем» объяснялись некоторые отвлеченные понятия: *качество, количество, свойство, омуся, ипостась*.

Подобные списки слов существовали и к другим произведениям литературы, в основном, книгам Нового и Ветхого Завета². В середине

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-34-01214 «Азбуковники как лексикографический жанр Московской Руси: традиции и инновации».

² Литературные источники первых древнерусских лексикографических сводов рассматриваются в монографии Л. С. Ковтун «Русская лексикография эпохи Средневековья» [Ковтун 1963].

XVI в. на Руси стали появляться лексикографические компиляции, которые собирали небольшие списки слов с толкованиями воедино и упорядочивали представленную в них лексику алфавитном порядке (по первой букве). Позднее они стали называться азбуковниками или алфавитами, но вначале сохраняли название своих предшественников — «Толкование неудобь познаваемым речем» Одной из таких словарных компиляций является азбуковник, дошедший до нас в списке конца XVI в. и хранящийся в РГБ, собрание МДА, фонд 173.I, № 35 (л. 80–94)¹. По классификации, предложенной Л. С. Ковтун, он относится к азбуковникам подготовительного этапа [Ковтун 1989: 9]. Данный азбуковник насчитывает 759 статей, кроме того, имеются позднейшие дополнения на полях, содержащие еще 319 статей и приписанные также в алфавитном порядке рядом с соответствующим буквенным разделом. Оформление лексикографического материала типично для азбуковников того времени: заголовочная часть и толкование разделяется знаком (т), над толкуемыми словами встречаются пометы, указывающие на предполагаемый язык-источник и литературный источник, однако еще очень нерегулярно.

Четыре статьи рассматриваемого азбуковника имеют ссылку с указанием на то, что литературным источником послужил текст Лествицы; кроме того, можно выделить еще как минимум 33 статьи, где источник не указан, однако мы можем предположить с достаточной степенью уверенности, что в их основе также лежит Лествица Иоанна Синайского.

Уже само название азбуковника «Толкованіе неудобь познаваемымъ рѣчемъ иже обрѣтаются во сватыхъ книгахъ русскаго языка» свидетельствует о том, что азбуковник генетически связан с первыми лексикографическими попытками — списками слов, составленными к древнейшей редакции преславского перевода Лествицы. По мнению исследователей, они имеют сербское происхождение, так как впервые появляются в сербской редакции преславского перевода [Попова 2010: 137; Трифуновић 1982: 81–82].

Выделяют две редакции «Толкования речем», составленного к тексту Лествицы [Ковтун 1963: 226–237]². Наиболее распространен-

¹ Азбуковник опубликован в монографии Л. С. Ковтун «Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в.» [Ковтун 1975: 268–312]; электронная копия рукописи доступна на сайте Троице-Сергиевой лавры — собр. МДА, ф. 173.I, № 35. Книга «Небеса» Иоанна Дамаскина с дополнительными статьями (<http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=5&manuscript=035&pagefile=035-0083>).

² Т. Г. Попова выделяет еще одну — третью — редакцию, обнаруженную в нескольких списках Лествицы и представляющую собой расширенный вариант второй редакции. Однако она является, по всей вероятности, типичным для своего времени словарным сводом переходного типа, когда

ной была вторая редакция: она сохранилась как минимум в 24 списках. Эта редакция имеет достаточно устойчивый состав словника, и большинство списков насчитывает 60 статей. Однако известны списки слов, которые имеют меньшее количество статей: это первые попытки собирания лексики, представленные в рукописи БАН 34.7.1 (9 статей) [Ковтун 1963: 225], «Толкование речем» первой редакции (в одном списке — 29, в другом — 47 статей) [Ковтун 1963: 226], сходные с первой редакцией списки слов, обнаруженные в четырех сербских рукописях (30 статей) [Neppel 1957: 248], а также список из 23 слов с толкованиями в Солов. 302/322 (л. 245 об.), не имеющий названия. Вероятно, один из таких словариков послужил основой для МДА 35, так как в основном тексте азбуковника мы находим лишь 25 статей, совпадающих с «Толкованием». Это следующие статьи:

Аиуѣ {ел}, (т). / туне рѣкше дѣром' (л. 81 об.)¹;

Бохма. / (т). *весма* (л. 82);

Бе³словѣсно. (т). *ско^мско* (л. 82);

Великодушень {р}. (т). / *иже всѣку скорѣ приражаю[щую]сѧ. мо/гѣи гдѧ ра^о понестѣ* (л. 82 об.);

Гаданіе, (т). *сокровѣніе глѣ* (л. 83);

Еша {з}, / (т). *ещѣ* (л. 84 об.);

Жупель {ел} (т). *сѣра* (л. 84 об.);

Накиваніе, (т). *ма/новѣніе* (л. 88 об.);

Непѣую. / (т). *мнѣ. оуповаю* (л. 88 об.);

Негли васнь. (т). / *непѣую. мнѣ. оуповаю. всѣ тѣ / рѣчи едино слово иму^м* (л. 88 об.);

На^оѧ. (т). *смѣшеніе. лоу воскѣ сосмердѣцимѣ ка/меніем'* (л. 89);

Обавлѣніе {з} (т). *іавлѣніе* (л. 89);

Омусѣа {ел} (т). / *едіносущество* (л. 89);

Пованіе (т). *дерзнове/ніе* (л. 89 об.);

Позыбаніе. (т). *поколебаніе* (л. 89 об.);

Пооуверзѣніе, (т). *румилѣ/ніе* (л. 89 об.);

Реснотівіе / (т). *истинно* (л. 90 об.);

небольшие списки слов с толкованиями стали объединяться в одну компиляцию (еще без алфавитного порядка). Подобным сводом является, например, «Толкование неудобъ познаваемым в писаниих речем» в сборнике старца Вассиана Кошки (ГБЛ, Муз. собр., №1257; опубликован в монографии Ковтун Л.С. «Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в.» [Ковтун 1975: 263-267]) или «Сказание речем неведомым», опубликовано [Коваленко 2014: 50–59]. Упомянутая у Т. Г. Поповой третья редакция [Попова 2010: 23], якобы выделенная Д. Трифуновичем, также не может являться таковой, так как исследователь рассматривает лексикографические своды первой редакции, по классификации Л. С. Ковтун [Трифунович 1982: 79-87].

¹ В фигурных скобках указываются ссылки на язык-источник или литературный источник, расположенные в рукописи над толкуемым словом или на полях, в квадратных — вставка пропущенных букв или слогов над местом пропуска.

Смѣрчь нб^сньи. (т). / о^блакъ дождѣвньи (л.91 об.);
Тѣзь. (т). едіно (л. 91 об.);
Тамичицие. / копеличицие. (т). и^{жс} не^жзаконныа / женьи отроча (л. 91 об.);
Оупостась. (т). составъ рѣкше лиц^е (л. 92);
Оузракъ. (т). / вина (л. 92);
Ѡаліа {з}, (т). / прутіе виніково (л. 92);
Ъвѣрнь. (т). супако (л. 93 об.);
Цгъца {ел}. (т). ради (л. 93 об.).

Кроме перечисленных, в азбуковнике имеется статья *В ресноту. (т). в' прѣвду* (л. 82 об.), которая была зафиксирована еще в первом кратком списке слов БАН 34.7.1 XIV в., но отсутствует в дальнейших сводах «Толкования речем». Статьи азбуковника заимствованы практически без изменений, лишь в *Негли васнь. (т). / непиую. мню. оуповаю. всть тѣ / рѣчи едіно слово иму^м*, вероятно, были ошибочно объединены две статьи.

В дальнейшем, по всей видимости, текст азбуковника МДА 35 сопоставлялся с более полным списком «Толкования речем» или другим азбуковником, включающим недостающие материалы, и на полях среди прочих дополнений было приписано еще 26 статей из лексикографического свода к Лествице.

Несмотря на достаточно устойчивый состав словника второй редакции «Толкования речем», отдельные списки содержат дополнительные статьи, составленные, по-видимому, на основе глосс уже другого, афонского, перевода Лествицы. Так, например, в Син. 233 среди прочих прибавлений имеется статья *Киркини тол. раки* [Ковтун 1963: 227 (в примечании)]. Глоссу *раки* к слову *каркина* или *каркини* мы находим в тексте Лествицы в рукописях БАН 33.1.2 (л. 252) и Тр.-Серг. 158 (л. 237 об.): *іако^{жс} глѣмїи каркина* (глосса на полях: *раки*) *оу//добъ емлеми бывають... такоже и иже бли^з мира добродѣ/тель проходящей* (БАН 33.1.2, л. 252–252 об.). Статья *Каркинъ. (т). ракъ* (л. 86) есть и в рассматриваемом азбуковнике.

Не раз встречаются глоссы *іастреби* к южнославянизму *крагуе* (БАН 33.1.2, л. 210; Соф. 1249, л. 21 об., Тр.-Серг. 158, л. 17 об.) и *в клѣ^мць* к слову *в кулвїи* (БАН 33.1.2, л. 142 об.; МДА 37, л. 153; Соф. 1249, л. 142 об.; Тр.-Серг. 162, л. 71) — возможно, они послужили основой для статей азбуковника *Крагуи (т). / іастре^б* (л. 86) и *Кулва {ев} (т). клѣ/тка* (л. 86 об.). Слово *вна/гръ* с пояснением в виде глоссы *с'рѣ^ч дивїи осель* (Погод. 73, л. 275) могло стать источником для статьи *Онагръ. (т). осе^т дївиш* (л. 89).

Трудным для переводчиков, по-видимому, был также перевод на-

званий металлов. Так, глосса *олово* поясняло слово *касистеръ* (Соф. 1249, л.106 об.). Статьи *Касистеръ, олово* еще нет в первичном тексте азбуковника, она приписана среди дополнительных статей на полях в виде *Каситиро. шлово* (л. 86) и встречается в некоторых других азбуковниках. Однако на основании этого можно предположить, что основой статьи первоначального текста азбуковника *Во^оноѣ сребрѣ. (т). ртуть {лг^с кѣ}* (л. 82 об.) послужила глосса *ртуть* к буквальному переводу греческого словосочетания ἄργυρος χρῆς, имеющего значение ‘ртуть’ (буквально ‘жидкое серебро’). Названия химических элементов не раз употребляются в тексте Лествицы, это связано с тем, что свойства веществ физического мира Иоанн Синайский использует в качестве образца для жизни духовной: «Как олово отличается от серебра, хотя и подобно ему по виду; так и различие между естественным и противоестественным страхом смерти для рассудительных ясно и очевидно»; «Ртуть может служить для нас, о други, превосходным образцом повиновения: она спускается ниже всякой жидкости, и никогда не смешивается ни с какою нечистотою» [Лествица... 1999: 96, 69].

Иносказательно употребляет Иоанн Лествичник и слово *алфавитъ*: *Добрѣиши всѣмъ ѱѣтъ алфавитъ / сѣи. послушаніе. поѣтъ. врѣти/ще. пепе¹ слѣзы. исповѣданіе. молча/ніе. смиреніе. бдѣніе. мужество / студень трудъ. страданіе. оуни/чиженіе. сокрушеніе. непама/тослобіе...* (МДА 37, л. 242). В азбуковнике же внимание уделяется лишь лингвистическому аспекту: предлагается два варианта перевода с объяснением внутренней структуры слова: *‘Алфави’^т. (т). азбуковни^к. илѣ азъ. / вѣдѣ. алѣа бѣ грѣческѣи, азъ {р}. ви/та {г}; вѣди* (л. 80 об.). Ссылка на полях указывает на 26 слово Лествичника (ошибочно написано *ѣли^с кѣ* вместо *лг^с кѣ*).

Слова, имеющие южнославянское распространение или транслитерированные с греческого явно вызвали затруднения у русских писцов. Так, в МДА 37 читаем *прагуе* вместо *крагуе* (л. 23). А писец Лествицы Тр.-Серг. 158, по-видимому, сверял славянский перевод с греческим и исправил распространенный перевод *іако іастреби в кулѣи ѿ гѣрести і іарости в себѣ сварлицаса* (БАН 33.1.2, л. 142 об.) на *іако^{жс} рабеи въ келіи ѿ горести и іа/рости въ себѣ сварлицаса* (л. 106 об.), попытавшись приблизить его к греческому оригиналу: *ὡς περδίκων ἐν τῇ κέλλῃ ἐκ πικρίας καὶ θυμοῦ καθ’ ἑαυτοῦς κλοβομαχοῦντων* [Ioannis Climaci... 1864: 832] ‘как куропатки в клетке, от раздражения и гнева наедине злились’.

Неудивительно поэтому, что указанные слова попадали в список «неудобъ познаваемых речей». Вероятно, таким же образом в азбуковник вошли статьи *Делѣа {р’’’}. (т). / бочка* (л. 83 об.); *Елѣи*

{ε}, / (т). *масло* (л. 84 об.); *Магирь*. / (т). *поварь* {лѣстви^{на}}^{14 1} (л. 87 об.). Слова *делѡа*, *елеи*, *магирь* оставлены в тексте Лествицы без перевода. В последней статье указан даже источник — *лѣстви^{на}*. Можно предположить, что к слову *магеро^м* в цитате *Единою оубо прише^дши^м во ѡбитель синайскую ко / ѡицу иѡанну игуме/ну, шесть со^м, / странны^х. съдѣжимже имъ и іаду/щимъ. зри^м при^дбныи ѡвва иѡаннъ / нѣкоего маами по^дстрижена, ѡдѣла/на іудейскы въсрачѣюу. обтѣчюща / и со властію повелѣвающа, магеро^м / і икономомъ, и келаре^м, и прочимъ / служителемъ* (МДА 37, л. 344 об.) была приписана глосса, найти которую пока что не удалось.

На полях Лествицы мы также находим пояснение слова *ересива* — транслитерированного греческого слова ἐρῶσιβη ‘медвяная роса (на пораженных спорыньей растениях)’ [Дворецкий 1: 669]: *е^{жс} е^с чернило в пшеници* (БАН 33.5.6, л. 241). Однако в азбуковнике толкование более странное: *Ересива. (т). черность нѣкаа, іа^{жс} во пше/ницы бивает. е^{жс} есть головна. си/нца (!) куколь, и сімъ подобна {лѣствица / к пастырѣ}* (л. 84 об.). Источником данной статьи послужили святоотеческие толкования, которые начали появляться в тексте Лествицы с начала XV в. Они могли быть анонимными или авторскими, приписывались в конце или включались в текст. Именно там мы и находим подробное объяснение греческого слова: *Ересива есть черность нѣкаа іаже / вопиеницы, еже есть плевелъ* (РНБ, Солов. 302/322, 245 об.).

Также из святоотеческих толкований к тексту Лествицы заимствована статья азбуковника *Смилѣѣ*. (т). *травѣ ѡ подобна хмелю / и вѣетса ѡкругъ дрѣва, иссушаа его / крѣпостію своею* (л. 91 об.). Она не содержит указания на литературный источник, но ее связь с толкованием не вызывает сомнений — она практически полностью совпадает с ним: *Смилѣѣ {лѣ^с кѣ} есть травѣ, подобна / хмелю. вѣетса кругъ дрѣва изсу/шаа его крѣпостію своею* (Солов. 302/322, л. 244–244 об.). Греческое слово σμίλαξ значит ‘выюнок (*Convolvulus*)’ или ‘повилика (*Cuscuta*)’ [Дворецкий 2: 1488], а в тексте Лествицы оно также могло глоссироваться гиперонимом *травѣ* (Тр.-Серг. 158, л. 229 об.).

Таким образом, начиная с первых переводов Лествицы Иоанна Синайского, в тексте всегда оставались слова, требующие пояснений — грецизмы и южнославянизмы. Прежде всего, это были богословские термины, названия животных, растений, металлов. Объясне-

¹ В рукописи специальная помета, что ссылка на Лествицу относится именно к данной статье отсутствует. Л. С. Ковтун в публикации азбуковника соотносит ее со следующей статьей *Магоуница (т) поварна* [Ковтун 1975: 291]. Однако другой азбуковник этого периода определенно относит ее к статье *Магеръ, поварь* (Солов. 302/322, л. 250).

ния к наиболее архаичному переводу Лествицы были собраны в отдельный лексикографический свод «Толкование речем»; непонятные слова афонского перевода глоссировались на полях или разъяснялись в святоотеческих толкованиях. Все это использовали составители азбуковников в качестве источников для своих компиляций. При этом толкования, в основе которых лежит текст Лествицы, составляют лишь 5% всех статей азбуковника МДА 35. Остальные материалы так же по крупницам заимствованы из других произведений богослужебной, богословской и исторической литературы. Это свидетельствует о том, что, сохраняя название предшествующего лексикографического свода «Толкование неудобь познаваемым речем», азбуковник стал принципиально новым лексикографическим жанром, в котором находила отражение работа над словом многих переводчиков и справщиков за несколько веков литературной истории Руси.

Сокращения

- БАН 33.1.2 — БАН, Основное собр., 33.1.2, конец XVI в., 348 л.
БАН 33.5.6 — БАН, Основное собр., 33.5.6, вторая четверть XVI в., 259 л.
БАН 34.7.1 — БАН, Основное собр., 34.7.1, начало XIV в., 298 л.
МДА 35 — РГБ, собр. Московской духовной академии, ф. 173.1, № 35, конец XVI в., 243 л.
МДА 37 — РГБ, собр. Московской духовной академии, ф. 173.1, № 37, первая треть XVII в., 350 л.
Погод. 73 — РНБ, собр. М.П. Погодина, № 73, начало XV в., 298 л.
Син. 233 — ГИМ, Синодальное собр., 233 (851), XVII в., 457 л.
Солов. 302/322 — РНБ, Соловецкое собр., № 302/322, начало XVII в., 267 л.
Соф. 1249 — РНБ, Софийское собр., № 1249, XVII в., 331 л.
Тр.-Серг. 158 — РНБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 158 (1683), начало XV в., 301 л.
Тр.-Серг. 162 — РНБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 162 (1670), начало XVI в., 527 л.

Литература

- Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. В 2-х тт. М., 1958.
Коваленко К. И. «Сказание речем неведомым» в рукописях из собрания РНБ среди лексиконов переходного этапа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. Вып. 3. С. 45–59.
Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв. (старшая разновидность). Л., 1989.
Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975.
Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.–Л., 1963.

Лествица, или Скрижали духовные в русском переводе с алфавитным указателем. Сретенский монастырь: «Троицкое слово», 1999.

Попова Т. Г. Славянская рукописная традиция Лествицы Иоанна Синайского. Северодвинск, 2010.

Трифуновић Ђ. Речник уз српске преписе Лествице: Прилог познавању српске средњовековне лексикографије // Јужнословенски филолог. Београд. 1982. Т. 38. С. 79–87.

Heppel H. Some Slavonic Manuscripts of the “Scala Paradisi” (“Lestvica”) // *Byzantinoslavica*. Prague. 1957. Т. XVIII. P. 233–270.

Ioannis Climaci Scala Paradisi // *Patrologia Graeca*. Vol. 88. Paris, 1864. P. 631–1164.

Аверина Светлана Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

«Преложися в сон тонок» (к интерпретации одной агиографической формулы)

Специфика агиографического жанра и специфическая особенность агиографического текста¹ обусловила систему жанрово-стилистических показателей такого текста. Это проявляется в использовании определенного набора языковых средств (в первую очередь, в лексике, но также в особенностях словоупотребления, в использовании определенных синтаксических конструкций, в своеобразных стилистических приемах), что фактически и позволяет говорить о стереотипе житийного жанра.

Каноничность житий как литературного жанра предполагает подчиненность поэтики определенному этикету, а это мотивирует выбор художественно-изобразительных средств предметом изображения.

В связи со сказанным особый интерес представляет топика житий как одна из наиболее устойчивых характеристик средневекового текста.

Не касаясь теоретических (дискуссионных на сегодня) вопросов, связанных с понятием топоса, критериями его выделения, — что свидетельствует прежде всего о различном понимании исследователями худо-

¹ Речь идет о следовании прежде всего византийскому агиографическому канону, причем генетическая связь оригинальной агиографии с переводными житиями и патристической литературой действительно оказалась определяющей в формировании ее жанрово-стилистических показателей.

жественной природы древнего текста,¹ — оговорим наше понимание базового термина в связи с лингвистическим, лингво-стилистическим рассмотрением именно агиографического материала.

Принятое в настоящее время широкое литературоведческое понимание топоса, когда топосом признается «любой повторяющийся элемент текста», — то есть общие места, устойчивые формулы, сюжеты, мотивы [Лихачев 1961: 5–16; 1979: 80–102; Панченко 1984: 197; 1986: 236; Буланин 1991: 218–219; см. также Орлов 1902; Адрианова-Перетц 1947; Čuževskýj 1956: 105–112; Руди 2005: 60–62; 107; Obermayer 1973; Arbusow 1963: 91–95 и др.] — в известном смысле представляется научно-методологически оправданным, поскольку такая его своеобразная «универсальность» позволяет, во-первых, признать сам термин «топос» «действительным как в отношении формальной, так и в отношении содержательной стороны текста» [Руди 2005: 61], а во-вторых, — оперировать им как равнозначным в процедуре филологического (и литературоведческого, и лингвистического) толкования текста.

Однако в последнем случае необходимо определенного рода уточнение: при лингвистической (лингво-стилистической) интерпретации требуется в дополнение к этому понятийно-терминологическая дифференциация, хотя бы на уровне бинарного противопоставления, которая бы учитывала и (по возможности) адекватно отражала в действительности представленную в тексте структурно-семантическую градацию «элементов» топики (макро- и микроструктуры).

В известной степени такую потребность может удовлетворить предложенное Ф. Н. Двинятиным выделение понятий «макротопики» и «микротопики» [Двинятин 1995: 81–82].

В группу микротопосов, а именно они, в первую очередь, представляют особый интерес для лингвистического исследования, должны быть включены те «строевые единицы языка», устойчивые/графаретные, традиционные формулы, — так называемые «исходные синтагмы» (В. В. Колесов), имея в виду изначальную формульность древнего текста, — которые в структурном отношении представляют собой словосочетания разного объема (от бинарных до многокомпонентных), репрезентируя различные типы семантико-синтаксических связей между компонентами внутри такой структуры.

¹ Следует сказать, что со временем происходит трансформация агиографического жанра, с чем связана и эволюция агиографического стиля, причем последнее свидетельствует о творческом развитии унаследованных от Византии и античности литературных видов и жанров и, в частности, агиографии.

Несомненна их особая роль в создании целостного текста и совершенно очевидны существенно важные и взаимосвязанные функции: стилистическая и текстообразующая.

Покажем это на некоторых примерах.

По справедливому замечанию Т. Р. Руди, «топика как элемент средневекового художественного канона базируется...на двух основных принципах: *следовании литературному этикету и ориентации на образцы...*» [Руди 2005: 62].

Действительно, «из произведения в произведение переносилось в первую очередь то, что имело отношение к этикету: речи, которые **д о л ж н ы** были бы быть произнесены в данной ситуации, поступки, которые **д о л ж н ы** были бы быть совершены действующими лицами при данных обстоятельствах, авторская интерпретация происходящего, приличествующая случаю, и т. д. **Должное и сущее** (выделено мной — С. А.; добавим: реальное и ирреальное) смешиваются» [Лихачев 1979: 89].

Несомненно, особенная атмосфера, создававшаяся житием, вызвала особое «мирочувствование»¹ (мировосприятие) и по-особому ощущалась читателем. И связано это не в последнюю очередь с тем, что имеющая место смысловая двуплановость/ двухслойность житийного текста реализуется на вербальном уровне, актуализируя бинарную семантическую оппозицию: небесное и земное, священное и обыденное, реальное и ирреальное.

В этом отношении показателен материал, извлеченный из описаний видений и чудес, являющих собой «инвариантный элемент жития» [Черепанова 1998: 74], обязательных «с точки зрения житийного жанра и со стороны церковно-канонических требований» [Дмитриев 1972: 193; см. также Ромодановская 1996: 144; Рыжова 2005: 160].

Функционирование их как одного «из древнейших в христианской литературе» [Рыжова 2005: 160] и наиболее распространенных в средневековье [Гачев 1962: 218] жанров дает основание для более точной дефиниции: «минижанр в рамках жанра жития» [Черепанова 1998: 70].

Определяя таким образом статус видений и чудес по отношению к тексту собственно жития, получаем возможность при интерпретации

¹ Цель агиографии — в «установлении определенной эмоционально-нравственной атмосферы особого «православного» мирочувствования». Поскольку «агиография не столько искусство, сколько «искусство спасения», стремящееся обрисовать... образец спасительной, т. е. святой, жизни и предполагающее подражание».

«Житие описывает не просто «должное» (как «назидательно-моралистическая литература») или «высший идеал жизни» («Идеал делания, превысивший закон, представляют евангелия»), а подвижническую жизнь, давая «образ воплощения идеальных требований в земную действительность» [Берман 1982: 161, 162, 173–174].

агиографического материала квалифицировать данные структуры как ситуативно обусловленные микротопосы в минижанре видений и чудес. Материалом для исследования послужили тексты 12 севернорусских (оригинальных) житий по рукописным спискам XVI–XVII вв.¹

АС, АСв, ДГ, ДП, КБ, КК, КН, ПО1, ПО2, СН изданы в серии «Памятники русской агиографической литературы» совместно Санкт-Петербургским Государственным университетом и Вологодским государственным педагогическим университетом под редакцией проф. А. С. Герда, АК — в совместной научной публикации Санкт-Петербургского государственного университета и Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры под редакцией проф. В. В. Колесова, ЕП — по рукописи нач. XVII в. Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

В целом язык этой группы житий может быть охарактеризован как церковнославянский («гибридный церковнославянский»), кроме, пожалуй, АС, каноничность текста которого (строгое соблюдение всех требований житийного жанра) отмечал еще И. А. Яхонтов [Яхонтов 1881: 110–118] и отчасти КБ, автором которого был Пахомий Серб (Логофет) [Словарь 1989, II: 168–169].

Трактуя видение как «необыкновенное (чудесное/чудо — С. А.) явление во снѣ или наяву», а также как «одинъ изъ способоувъ, посредствомъ которыхъ Богъ сообщалъ пророкамъ Свою волю», Г. Дьяченко обращает внимание на то, что «во время видѣнія человекъ подъ наитіемъ Св. Духа приходитъ въ восторженное состояніе», и «откровение чрезъ видѣніе обыкновенно дается въ бодрственномъ состояніи» [Дьяч.:76], т. е. как бы наяву. Очевидно, что это все-таки не вполне бодрствование, а какой-то некрепкий, чуткий сон.

Для передачи подобного состояния в житиях используется словосочетание *тонкий сон*². Тонкий (чуткий, легкий, неглубокий) сон — спе-

¹ Список исследованных источников и их сокращенные обозначения даны в конце статьи. Иллюстративный материал воспроизводится с сохранением орфографии источника, за одним исключением: выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках; после цитаты дается сокращенное название источника и указывается лист рукописи.

² Сон трактуется как «наступающее через определенные промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором полностью или частично прекращается работа сознания»; также «то, что снится (сновидение)» [МАС IV: 194].

Сънь (греч. ὕπνος), «сон (состояние)» или греч. ὄνειρος, ὄναρ — «сновидение, сон»; определенным образом соотносено с видѣніе, съпаніе, оуспѣніе, съніе [СС: 662].

Сон (сънь) — «сон (состояние сна); сновидение». «Видѣти, явитися во снѣ — *видеть, явиться в сонном видении* [СлРЯ XI–XVII, 26: 144]. Ср. еще: сонъ — состоянье спящего, отдыхъ тела в забытїи чувств; прѣвл. бдѣніе, бодрость, явь. Сонъ глубокой, крѣпкой, непробудный, сон легкой, будкой, чуткой, на-слуху, дрема» [Даль IV: 270].

цифическое состояние «пробывания человека как бы в двух мирах одновременно» [Черепанова 1998: 74], состояние полусна-полубодрствования, когда грань между сном и бодрствованием (явью) очень зыбкая:

И в сонъ тонокъ сведень бысть, тако же реци и ни же сплщз ни же бдщз емх. КН, 98;

томъ же ефргъмъ не же емх сплщз ни совершеннх бдщз... в тонокъ сонъ сведень бысть и зри(т)... ПО2, 58.

Происходящее во сне (в тонком сне) можно видеть настолько явственно, как если бы это имело место в действительности:

не тако бо просто ни тако (ж) слзчается во снъ ви(ди)ти но тако жива... и на тавъ видъ... КБ, 99; и оуже томоу посреди таковыхъ стражоуцоу тако в тонокъ сонъ сведень бысть и видить блженаго кўрила в светлы(х) ризахъ тако жива прише(д)ша, иже токмо от вьдънїа стго. КБ, 95.

В этом смысле представляет интерес описание ситуации пребывания в тонком сне, имеющееся в КН:

тои васіліи, малх w(t)радх w(t) болъзни прии(м), и в сонъ тонокъ сведень бысть, тако же реци. и ни же сплщз, ни же бдщз емх, но такъже мнвгажды слзчается плоти внъ предъль стцества свое(г) быти. дши же егв бдщзи во оумъ и молациса, такъ да прииме(т) млтвами стаго исцъленіе. КН, 98.

По-видимому, имеется в виду какое-то особое «пограничное» между сном и бодрствованием состояние, причем не просто близкое к тому, которое в классификации психологических (психо-физических) состояний атрибутируется как «парадоксальный сон» (сон со сновидениями, когда при общей физической расслабленности активизируется деятельность головного мозга).

Это настолько сильное самоуглубление, при котором происходит концентрация душевных сил и ощущается «воспарение духа», что каким-то особым внутренним «умственным зрением» можно воспринять (видѣти) нечто реальное как проявление Высшей силы.

Во сне или (чаще) в тонком сне и возможны разные видения.

Пребывающим во сне являются святые (Антоний Сийский, Сергей Нуромский, Корнилий Комельский, преподобный Кирилл (Новозерский), пресвятая Богородица, ангел Господень, «вселенские учителя» Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Златоуст и т. д.):

и абіе в тоно(к) сонъ преложиса стъи и тх... тавишаса стмх маніемъ бжїимъ вселеньскїи оучители васіліи великїи григорїе бгословъ и иваннъ златоустыи. ЕП, 31;

ники-воръ... по мѣтвене(м) бдѣнїи в ноцѣ нгъкѣ в сонѣ тонокъ сведенъ бысть зрїть сѣгао сергїа к немѣ прише(д)ша глѣоща емѣ... СН, 108 об.

и абїе в сонѣ тонокъ сведенъ бысть и авїса ему во снѣ прч(с)тад бѣца и рече ему тихимъ гласомъ... КН, 49–49 об.

некад прасковгїа болѣщи же ей в недѣзѣ то(м) много время и во единѣ от ноцей по мнозе(м) страданїи в сонѣ прїиде тонокъ зрїть абїе преподобнаго сергїа прише(д)ша к неи глѣоща к не(и)... СН, 124.

нгъкаа жена именемъ антонида... на тонокъ сонѣ оуклонїса видїть нгъкогого старца... ДП, 219 и др.

в тонокъ сонѣ сведенъ бысть. И зрї(т) вшедша к ни(м) при(д)бнаго павла. ПО2, 58.

и се в сонѣ тонокъ сведенъ бысть і абїе видїть к себѣ пришедша столѣпна старца. СН, 112 об.

сон тонокъ наиде на нь и зрї(т) агглоглѣпна старца прише(д)ша к нему. АС, 312 об.;

в тонокъ сонѣ сведенъ бы(с) и зрї(т) моужа сїценнолѣпна агглоглѣпными сединами ткрашена. АС, 129 об.

Но также:

[некому Юсифу] авїса ...при(до)бныи сергїи во снѣ ноцїю. СН, 138 об.;

ω(т) видѣнїа авлешагоса во снѣ сѣго позна. КБ, 59 об.

В рассмотренных житиях исходная синтагма (сон тонок), актуализирующая отношения атрибутивного характера (существительное+прилагательное), получает распространение за счет предикативного компонента, в качестве которого может выступать личная форма глаголов *преложитиса*, *прїити*, *уклонитиса*:

в сонѣ прїиде тонокъ. СН, 124;

в тоно(к) сонѣ преложїса. ЕП, 31;

на тонокъ сонѣ оуклонїса. ДП, 319 и др.

Ср. также: сонѣ тонокъ наиде на нь. АС, 319 об.;

и в тои ча(с) нападе на него сонѣ и оуспе. КК, 142.

Но преобладающей оказалась модель другого структурного типа, где в качестве распространителя-предиката выступает аналитическая форма (составное именное сказуемое): *в сон тонокъ сведенъ бысть*:

в сонѣ тонокъ сведенъ бысть. СН, 112 об.;

в тонокъ сонѣ сведенъ бы(с). АС, 129 об.;

в тонокъ сонѣ сведе(н) бысть. АС, 282 об.;

в сω(н) тоно(к) сведенъ бы(с). ДГ, 30 об.

сведенъ бысть в сонѣ тонокъ. КК, 93 об., 139; 319.

Однако в том и в другом случае структурное усложнение исходной формулы — это ее разрушение, но вместе с тем — семантическое обогащение, «приращение смысла».

Сочетание *сон тонок* отмечено в ситуативно обусловленных контекстах почти во всех рассмотренных житиях (кроме А Св и ПО1): АК (1), АС (3), ДГ (3), ДП (1), ЕП (4), КБ (1), КК (2), КН (3), ПО 2 (2), СН (3), и, как можно полагать, является отличительной особенностью именно поздней агиографии.

Заслуживает внимания замечание Е. А. Рыжовой о книжном характере формулы «тонкий сон»: «Это, как правило, признак ... литературной обработки «текста видения», «примета книжного стиля». Определенным образом в пользу такого предположения свидетельствует наличие определения «тонкий сон» в «монастырских» видениях — явлениях основателя монастыря монастырской братии, которые, безусловно, были сразу записаны и почти везде подвергались литературной обработке» [Рыжова 2005: 171].

В древнерусских (оригинальных и переводных) житиях примеры такого рода отсутствуют. Там в соотносительных контекстах отмечается лексема «сон», но без атрибутивных распространителей:

таче по сихъ мало оусъноувъшию томоу. и се видѣ въ снѣ блаженаго Феодосиѧ глѹща къ нему... Ж. Ф. Печ., 65 гб;

приспѣвши же ноци. снѣмъ объдѣржимъ есмь. Пов. об. Авр., 303 в 5, и др.

При этом не обязательно имеется прямое указание на то, что человек входит в такое состояние или находится в нем. Он может пребывать в состоянии бодрствования, действуя вполне активно:

И припадѣ къ гробомѧ стѹю молѧшесѧ къ богу исцѣлениѧ проста отъ стѹю и пребывааше днѣ и ноцѣ молѧ сѧ съ слѣзами... Но затѣм, когда: въ єдиноу ноцѣ пависта сѧ стѧта стрѧстотѣрнѣца. романѣ. ѿбѣдѣ и глѧста что въпишѣши къ нама. ономоу же показѹющую ногу и исцѣлениѧ прѹстѹю. и имѣша ногу соухѹю. прекрѣстиста ю трѣшѣды, оказывѧется, что он ... оубоужѣ сѧ отъ сна видѣ сѧ съдравѣ (Ск. Ром. Дав., 19в26–19г9),

а это косвенное указание на то, что имело место *пребывание во сне*.

Описание чудес и видений в древних житиях существенно отличается от того, что имеется в житиях более поздних: структурная схема размыта, текст чрезвычайно расширен, что достигается за счет насыщения его деталями, а также синтаксической экспликации (благодаря развернутому комментированию тех или иных частных моментов).

Характерный пример из Ж. Ф. Печ.:

сице же юмоу пребывающую и молѣщую сѧ. и се вънезаапоу предѣста оу водра юго блженни Ѳеодосии. иже и падъ на пърсехъ юго и любьзно цѣлоуѧ и глааше к нему. се в чадо в немъ же моли сѧзѧви се нынѣ посла ма извѣстити ти. ꙗко сице по прошенію твоѣмоу боудеть ти. и съ стѣми причѣтень боудеши. и съ тѣмъ въ цѣрствии оу нѣснааго влѣди обьышникъ боудеши... и се рекъ невидимъ бысть отъ него. тѣгда же разоумгѣвъ ꙗко ꙗвление (w)т бѧ бысть юмоу. не бо юго видѣ дѣврѣми изьлгѣзѣша ни пакы дѣврѣми вѣлгѣзѣша. нѣ на немъ же мѣстѣ ꙗвивъ сѧ. на томъ же пакы и невидимъ бысть. Ж. Ф. Печ., 46а6–46б5.

И еще:

и се въ юдинъ днь съпацію томоу въ полоудіне. и се ꙗви сѧ юму оѣць нашъ Ѳеодосии глѧ что тако печалоужеши сѧ. или мѣниши ꙗко азъ втдохъ вт васъ. аще бо и тѣлѣмъ втлоучихъ сѧ вт васъ. нѣ дѣхѣмъ въсегда съ вами юсмъ. и се въ оутрии днь призоветъ тѧ князь. не имыи гнѣва ни юдиноаго же на тѧ. нѣ и пакы въ своѣ мѣсто оустроить тѧ. то оуже не ꙗко въ снѣгъ видгѣвъ. нѣ въспраноувѣшию томоу. и задъ видѣ блаженааго излазѧца вѣнъ из дѣврѣи. и се же словоу дѣло бы. тако же и събѣс сѧ. Ж. Ф. Печ.; 65б16–65в6.

О. А. Черепанова, характеризую специфику прагматики текста чудес и видений как «создание эффекта реальности ирреального» [Черепанова 1998: 71], отмечает, что «в перемещении содержания из реальности вещественного мира в реальность мира невещественного, в создании плана ирреальности наиболее существенная роль принадлежит лексическим средствам». Эти средства — отдельные лексемы или их сочетания, получившие «традиционную устойчивую формульность» [ibid.: 73].

Как правило, видение/чудо (как минижанр) включает не одну, а несколько традиционных формул, что связано с вербальной актуализацией смысловой структуры видения¹.

В связи с обозначенной темой представляется целесообразным и достаточным рассмотрение некоторых ситуативно обусловленных

¹ Этот вопрос сегодня в известной степени дискуссионный. Так, Н. И. Прокофьев выявлял в свое время такие смысловые и структурные приметы литературного жанра видений, как: 1) молитва или раздумье видящего, после чего он обычно впадает в «тонок сон»; 2) появление чудесных сил, которые, сообщая видящему «откровение», разрешают какой-либо вопрос и призывают к действию; 3) испуг видящего; 4) смысл «откровения»; 5) приказание о проповеди среди народа «откровения» [Прокофьев 1964: 40]. Однако в настоящее время такая схема вряд ли может удовлетворить, не во всем являясь верной и не будучи исчерпывающей. [См.: Рыжова 2005: 164 и др.] Поэтому проецирование ее на текстовый материал, подлежащий лингвистической интерпретации, без каких-либо корректировок представляется невозможным. Однако это вопрос, требующий специального научного обсуждения и практического рассмотрения, а потому заслуживает самостоятельного исследования.

формул, имеющих семантические корреляции с интерпретируемой исходной синтагмой *сон тонок*.

Особо обозначается/передается процесс вхождения в состояние/ пребывания в состоянии особой чуткости, восприимчивости к откровению, в котором происходит восприятие видения.

Это маркирующие глагольные лексемы *оуснѹти, почити, (з)дремати(сА)*:

абіе малѡ оусне КН, 84 об.; *здремавса мало оусне* ПО1, 68; Ср.: *хотѣще почити... и абіе в сонъ (тонѡж) свѣде(н) бы(с)* ДГ, 58; а также глагольно-именные словосочетания формульного характера: *сон//сна приѹти/ приимати, сна//снѹ причаститиса: сна... приимаше* АС, 142; КН, 92,95; *ни малѡ сна приимаше* КН, 82; *ни сна причастити(с)* А Св, 487 об., 507;

ни снѹ причастити(с) А Св, 509;

ни снѹ причастити(с) А Св, 503;

ни снѹ ни (ж) пици... не при(ч)стити(с) А Св, 505 об.

Из представленных в рассмотренных житиях глагольных распространителей свою сопряженность со сном так или иначе сохранили в дальнейшем все лексемы. Хотя при этом могли происходить изменения в семантике и структуре слов, возникали новые стилистические коннотации и т. д.

оуснѹти: уснуть — «погрузиться в сон; заснуть». Уснуть вечным сном, уснуть навеки... (умереть) [МАС IV: 521]. Ср.: *оуснѹти (уснуть)* [СС: 749].

почити: почить — *устар.* «уснуть». Но также «перен. высок. и *устар.* умереть. ◊ Почить вечным сном» [МАС III: 34]. Ср.: *почити* «отдохнуть, почить, покоиться» [СС: 454].

(з)дремати/въздрѣмати: дремать — «находиться в состоянии полусна», *перен.* Не проявляться, быть, оставаться без применения... в бездействии. ◊ Не дремать — быть настороже, находиться в состоянии готовности [МАС I: 446]; *задремать* — «впасть в дремоту, заснуть легким сном» [ibid.: 517]. Ср.: *въздрѣмати (сА)* — «заснуть, задремать» [СС: 137].

Глагольно-именные словосочетания *сон//сна приѹти//приимати (только АС, КН), сна//снѹ причаститиса* (только АСв) есть основания считать по-своему уникальными.

Первое не имеет аналогии в иных текстах — ни в исторических, ни в современных.

Для второго отмечена параллель только в Ж. Ф. Ст.:

Бжественныи моужь...лежашие на земли мьртвъ всь. и ни мала же дыхати мога... ни пица. ни питию ни съна любо си мала

причаститиса *ѡко же сы. ни иномоу ничемоу же* (ὁὐ τροϋῆς, ὁὐ πόματος, ὁὐχ ὑπνοῦ... μετασχεῖν) Ж. Ф. Ст., XII, 135 об.

Здесь *причаститиса* трактуется как «вкусить (чего-л.), воспользоваться (чем-л.)» [СДРЯ XI–XIV 8: 627–628], что представляется не вполне корректным.

Выход из этого состояния (т.е. пробуждение) характеризуется целым рядом трехкомпонентных формул, демонстрирующих лексическую, грамматическую, синтаксическую вариативность, что с несомненностью свидетельствует об умелом стилистическом использовании разноуровневых языковых средств:

воста ѡ(т) сна КН, 85;

воспранѣвъ ѡ(т) сна КН, 63;

въспранѣвъ... ѡ(т) сна КБ, 58 об.;

въспранѣ(м) акы ѡ(т) сна ПО1, 502;

возб(н)ѣвъ... ѡ(т)сна АСв, 455;

возбноу(в)... ѡ(т)сна ПО2, 62 об.; 68;

възбноу ѡ(т) сна КК 130; *о(т) сна възбноѣвъ* СН, 124 об.;

возбѣдися ѡ т сна КН, 77, 98 об.;

возбѣдися... ѡт сна КН, 51;

возбѣж(ѡ)ьса ѡт сна СН, 125;

пробоу(ди)вшеса ... ѡ т сна КБ, 50-50 об.;

оубоудивса... ѡ т сна АК, 451.

Конструкции с предложно-именным сочетанием *ѡ(т) сна* и глаголами *востати*, *воспранѣти*, *возбноути*, *возбоудити(са)*, *пробоудити(са)*, *оубоудити(са)* — с общим значением процесса/состояния — не все имели одинаково широкое употребление в древнерусских агиографических текстах. Предпочтительным, по-видимому, было использование сочетаний, включающих глаголы *воспраноути*, *возбоудити(са)*, *возбноути* (даны в порядке убывающей частотности), реже — *востати*, *оубоудити(са)*.

В истории языка картина несколько меняется. В рассмотренных севернорусских житиях преобладают конструкции с глаголами *возбноути*, *возбоудити(са)*, *воспранѣти*; отмечено по одному случаю употребления сочетаний с глаголами *востати*, *оубоудити* и *пробоудити*.

Показательна динамика семантических и стилистических коннотаций базовых глагольных лексем.

Воспранѣти:

Первоначально *въспранѣти* — «встать, проснуться». Ср.: *възбнѣти* (*възбноути*), *въстати* [СС: 154]; «пробудиться, встав ото сна» [СДРЯ XI–XIV 2: 108–109];

Затем *воспрянути* (*вспрянути*) — «опомниться, очнуться, прийти в себя», но *въспрянути* отъ сына — «пробудиться, проснуться» [СлРЯ XI–XVII 3: 53].

В [СРЯ XVIII 4: 163–164] *Вспрянуть* (*вз-*) и (слав.) *воспрянуть* (*воз-*) — «проснуться, пробудиться». ◇ В. Ото сна, от ложа, одра.

Но ср.: *вос(вс)прядывать* или *воспрядать...* *вос(вс)прянуть* (*вспрыгнуть*), «вскакивать, вспрыгивать, восставать быстро, разом» [Даль I: 251].

В современном русском языке *воспрянуть* трактуется как «быстро подняться, встать». ◇ Воспрянуть духом — преодолеть уныние, обрести прежнюю бодрость. Воспрянуть ото сна — устар. «проснуться и встать» [МАС I: 216].

Возбноути:

възбнѣти — «проснуться, пробудиться». Ср.: *въспранѣти*, *въстати* (СС, 130), также [СДРЯ XI–XIV 2: 266]. Но *възбнѣти* и «очнуться, прийти в себя, собраться с силами», *възбнѣти отъ* (чего-л.) [ibid.: 12].

Возбнуть — «пробуждаться, просыпаться, возбнуть» со ссылкой на ФРЛ I 443 [СРЯ XVIII 3: 272].

В более поздних лексикографических изданиях не фиксируется.

Востати:

въстати — «встать» [СС:155];

възстати — «встать, подняться», но также «встать после сна, пробудиться», ◇ *възстати отъ сна* [СДРЯ XI–XIV 2: 125–126]. Ср.: *встати* (*востати*, *восстати*) — «подняться, встать» // «Встать, пробудиться ото сна» [СлРЯ XI–XVII 3: 151];

В [СРЯ XVIII 4: 166] *встать* — «подняться на ноги (из сидячего или лежачего положения)...// «Проснувшись подняться». ◇ В. с (из) постели, с (от) одра.

Обе семантические линии прослеживаются и в дальнейшем. Ср.: *вставать* или *возставать*, *восставать*; *встать* или *восстать* — «подыматься стоямя, становиться, переходить из сидячего или лежачего положения в стоячее; воздыматься, перейти от покоя к движению// просыпаться, пробуждаться...» [Даль I: 270]; *встать* — «принять стоячее положение, подняться на ноги» [Ушаков I: 412; МАС I: 235], но и «проснувшись, подняться с постели» [ibid.].

Восстать — «встать, подняться, воспрянуть» — характеризуется как «устар. и высок.» [МАС I: 217]; ◊ Восстать (воспрянуть, воспрянуть) ото сна (устар.) — «проснуться и встать» как «устар.» [МАС IV: 194].

Возбудити(с)а:

възбудити — «разбудить». Ср.: *оубоудити* [СС: 130];

възбудитиса — «пробудиться, проснуться» [СДРЯ XI–XIV 2: 12; СлРЯ XI–XVII 2: 268];

В XVIII в. *возбудиться* — «проснуться». ◊ «В. Ото сна» уже имеет помету «слав., поэт.» [СРЯ XVIII 3: 274].

В современном русском языке семантически со сном не сопряжено: *возбудиться* — «возникнуть, пробудиться», «прийти в состояние нервного подъема; взволноваться». Ср.: *возбудить* — вызвать, пробудить (мысль, чувство, состояние и т. д.) [МАС I: 196].

ОУбоудити(с)а:

оубоудити — «разбудить», *оубоудитиса* — «проснуться», «пробудиться». Ср.: *възбудити* [СС: 723];

Также — *убудити, -ся*. Церк., стар. «разбудить, пробудить», *убудитися* «проснуться» [Даль IV: 459]. Современными словарями русского литературного языка не зафиксировано.

Пробоудити(с)а:

пробудитиса — «перестать спать; проснуться». Фиксируется только в [СлРЯ XI–XVII 20: 98];

пробуждать, пробудить (кого) — «разбужать, будить, подымать со сна, прерывать сон, заставить проснуться»; -ся, «быть пробуждаему»; «просypаться, пробуждаться, очнуться ото сна» отмечено в [Даль III: 469];

Но ср.: *пробудиться* — книжн. «проснуться, перестать спать» [Ушаков II: 895].

В современном русском литературном языке *пробудиться* — «перестать спать, проснуться»// «ожить после зимы» (о природе). Ср. также: *пробудить* — устар. «прервать чей-л. сон, заставить проснуться, разбудить» [МАС III: 466]. Пожалуй, некоторый налет книжности здесь все же ощутим.

Таким образом, на современном этапе из числа рассмотренных глагольно-именных структур *восстать ото сна* и *вопрянуть ото сна* характеризуются как устаревшие.

Глаголы *возбнуть* и *убудиться* в русском литературном языке отсутствуют как в свободном, так и в связанном (в составе глагольно-именного сочетания) употреблении.

Глагол *пробудиться*, будучи семантически сопряженным со «сном», в синтаксической конструкции с лексемой *сон* не зафиксирован.

Глагол *возбудиться* семантически со словом *сон* уже не сопрягается.

Представляет интерес и отмеченное варьирование именных лексем в ситуативно обусловленных (сходных) контекстах:

во(з)бнѣвъ ѡ(т) видѣнїа АК 449, об., а также:

оубзди(х)са ѡ(т) дреманїа АК, 454

и *а(з) же оубзди(х)са ѡ(т) сна*, *ibid.*

Варьирование именных форм в трех последних синтагмах весьма показательно. Очевидная контекстуальная синонимия лексем *дрѣманїе–видѣнїе–сонъ* позволяет сделать некоторые дополнения к семантическому истолкованию выражения *сон тонок*. *Дрѣманїе*, *дремота* это все-таки не просто «состояние, когда клонит ко сну» (ср. разг. дрема, дрѣма) [МАС I: 446]. В древнерусском языке *дрѣманїе* — «дремота, дремание» [СДРЯ XI–XIV 3: 95] — в соответствии в греч. „αλονοσταζειν «быть сонливым, дремать», υποσταζειν «сонно покачиваться, дремать», перен. «дремать, быть сонливым» (Дворецк., 1, 211; 2, 1142): *ни дадита сна очима своима ни въкома своима дрѣманїа* ФСт, XIV, 175а; *не дадаше сна очима ні дрѣманьѣ въждама* ГБ, XIV, 160г, а также образн. «вялость, нерадивость»: *дїевное дрѣманье отътрасаѣа* ФСт XIV, 175г [СДРЯ XI–XIV 3: 95]. Это особое состояние полусна, легкого (неглубокого) сна, «полусон, легкий сон, забытье» [СРЯ XVIII 7: 7], еще *дремота*, *дрема* — «наклонность ко сну, сонливость или начало усыпления, самый легкий сон» [Даль I: 491], а потому *дремать* — «быть сонливым; сидеть в полусне; засыпать слегка, самым чутким сном» [*ibid.*: 492].

В этот момент и актуализируется *видѣнїе* — «видение, чудесное явление кого-л., чего-л.», сновидение; образ, облик; также «форма, видимость»; «воплощение, доступное созерцанию» [СДРЯ XI–XIV 1: 418–419]; «привидение, явленїе, грѣзы во снѣ и на яву, образы неплотскїе, зримые духом» [Даль I: 203], иначе — то, что представляется воображению в грезах, во сне и т. д. [МАС I: 173], «*аки гавъ*».

Как можно видеть, уже приведенный материал действительно демонстрирует разнообразные способы (и их комбинации) преобразования традиционных формул (исходных структур) в направлении разветвления текста.

Вместе с тем, как справедливо замечает О. А. Черепанова, «с теоретической точки зрения дело обстоит сложнее: «тонкий сон» — состояние, когда человек получает возможность находиться в двух реальностях — земной, обыденной и запредельной; в таком состоянии

устанавливается «информативный коридор», через который человеку высшими силами сообщается некая информация».

Безусловно, языковой материал такого рода требует и специального научно-богословского комментария.

В связи со сказанным позволю себе привести пассаж из церковного сочинения, весьма показательный с точки зрения трактовки подобных душевных состояний в христианской психологии.

«Из того, что представляется во время сна, иное есть мечтание, иное видение, иное откровение. *Мечтания* (здесь и далее выделено мной. — С. А.) суть такие сновидения, которые не стоят неизменными в воображении ума, но которых предметы примешиваются, одни вытесняют другие, или изменяются в другие; от них никакой не бывает пользы, и самое мечтание исчезает вместе с пробуждением... *Видения* суть такие сновидения, которые во все время стоят неизменными, не преобразуются из одного в другое и так напечатлеваются в уме, что остаются на многие лета незабвенными: они показывают событие будущих вещей, доставляют душе пользу, приводя ее в умиление... *Откровения* суть сущие выше всякого чувства созерцания чистейшей и просвещенной души, представляющие дивные некие божественные дела и разумения, тайноводство сокровенных Божиих тайн, событие наиважнейших для нас вещей» [Стифат 1889: 139].

Разумеется, подобная интерпретация религиозных психических состояний не может быть самодовлеющей и не должна проецироваться на исследуемый материал без соответствующих корректировок. Однако очевидно, что при филологической интерпретации такого материала важно учитывать и опыт церковной герменевтики.

В перспективе это дает возможность осуществить комплексный филологический анализ, с большей долей вероятности претендующий на полноту охвата материала и теоретическую значимость результатов.

Сокращения

АК— Житие Арсения Коневского, по рукописи РГАДА, 30–40 гг. XVII в., ф. 201, Собр. Оболенского, №52, лл. 442–455. Изд.: Житие преподобного Арсения Коневского чудотворца. Научн. ред. В. В. Колесов. СПб., 2002.

АС — Житие Антония Сийского, по рукописи РНБ, XVI в. Q.1.22, л. 73–369. Изд.: Житие Антония Сийского / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2003.

А Св — Житие Александра Свирского, по рукописи РНБ, XVI в. Погод, 874, л. 442–514 об. Изд.: Житие Александра Свирского / под ред. А. С. Герда. СПб., 2002.

ДГ — Житие Дионисия Глушицкого, по рукописи РНБ, 20-е гг. XVI в., Соф. 438, л. 22–68 об. Изд.: Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2003.

ДП — Житие Димитрия Прилуцкого, по рукописи РНБ, XVI в., Соф. 1361, лл. 201–221 об. Изд.: Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2003.

ЕП — Житие Евфросина Псковского, по рукописи РНБ, XVI в. Соф. 451/2, лл. 22 об.–173.

КБ — Житие Кирилла Белозерского, по рукописи РНБ, XVI в., Пог. 732, лл. 1–110 об.; Изд.: Житие Кирилла Белозерского / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2000.

КК — Житие Корнилия Комельского, по рукописи РНБ 1606 г. Пог. 787, лл. 68–180; Изд.: Житие Корнилия Комельского / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2004.

КН — Житие Кирилла Новоезерского, по рукописи РНБ, кон. XVII в., Кир.–Бел. 66/1305, лл. 25 об.–113. Изд.: Житие Кирилла Новоезерского / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2003.

ПО1 — Житие Павла Обнорского, по рукописи РНБ, XVI в., Погод. 659, лл. 487–519. Изд.: Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2005.

ПО 2 — Чудеса Жития Павла Обнорского, по рукописи РНБ, XVI в., Соф. 1470, лл. 38–71 об. Изд.: там же.

СН — Житие Сергия Нуромского, по рукописи РНБ, XVI в., Соф. 1470, лл. 89–139 об. Изд.: там же.

ГБ — Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Иракийского, XIV в., ГИМ, Син., №954, 213 л.: л. 26–213б.

Ж.Ф. Печ. — Житие Феодосия Печерского. Изд.: Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 71–135.

Ж.Ф. Ст. — Житие Феодора Студита. Изд.: Выголексинский сборник. Изд. Подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Гольщенко. М., 1977. С. 33 об.–171.

Львов. лет. — Львовская летопись, ч. 1–2. ПСРЛ, т. 20, 1-2-я половина. СПб., 1910–1914, сп. XVI в., вар. XVIII в.

Пов. об Авр. — Повесть об Авраамии. Изд.: Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 474–490.

ПНЧ — Панденты Никона Черногорца, XIV в. ГИМ, Чуд., №16, 207 л.: л. 1–45 б, 80а–127г, 38а–207г.

Ск. Ром. Дав. — Сказание о чудесах Романа и Давида. Изд.: Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 58–71.

ФРЛ1 — Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российский язык переведенный Собранием ученых людей. СПб., 1786. Т. 1–2.

Ф.Ст. — Огласительные поучения Феодора Студита, XIV в. ГБЛ, МДА, ф. 172(1), №52, 230 л.: л. 1в–230 б — текст.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1981–1982.

- Дворецк. — Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. М., 1958.
- Дьяч. — Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.
- МАС — Словарь русского языка. В 4 т. М., 1981–1982.
- СлДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1–9. М., 1988–2012. (изд. продолж.)
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008. (изд. продолж.)
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. / Под ред. Ю. С. Сорокина. Вып. 1–20. Л., СПб., 1984–2013. (изд. продолж.)
- СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка. / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935–1940.

Литература

- Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.–Л., 1947.
- Берман Б. И.* Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия // Художественный язык Средневековья. М., 1982. С. 159–183.
- Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. Мюнхен, 1991.
- Гачев Г. Д.* Развитие образного сознания в литературе // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер. М., 1962. С. 186–311.
- Двинятин Ф. Н.* Традиционный текст в торжественных словах св. Кирилла Туровского. Библейская цитация // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1995. Сб. 8. С. 81–101.
- Дмитриев Л. А.* Жанр севернорусских житий // ТОДРЛ. Т. XXVII. Л., 1972. С. 181–202.
- Лихачев Д. С.* Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения) // ТОДРЛ. Т. XVII. М., 1961. С. 5–16.
- Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3. М., 1979.
- Панченко А. М.* Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 236–250.
- Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902.
- Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984.
- Прокофьев Н. И.* Видение как жанр в древнерусской литературе // Уч. зап. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1964. № 231. С. 35–56.
- Ромодановская Е. К.* Рассказы сибирских крестьян о видениях // ТОДРЛ. Т. XXXXIX, СПб, 1996. С. 141–156.

Рыжова Е. А. Жанр видений в севернорусской агиографии // Русская агиография: Исследования. Публикации. Poleмика. СПб., 2005. С. 160–194.

Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Poleмика. СПб., 2005. С. 59–101.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 167–177.

Никита Стифат. Вторая сотница естественных психологических глав об очищении ума // Добролюбие. Т. 5. М., 1889. С. 120–154.

Черепанова О. А. Модус реальной ирреальности в минижанре видений и чудес (по материалам памятников XV–XVII веков) // Язык и текст. Проблемы исторического языкознания. Вып. 5. Межвузовский сборник памяти проф. М. А. Соколовой / Отв. ред. проф. В. В. Колесов. СПб., 1998. С. 70–79.

Яхонтов И. А. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881.

Arbusow L. Colores rhetorici. Eine Auswahl rhetorischer Figuren und Gemeinplätze als Hilfsmittel für akademische Übungen an mittelalterlichen Texten. 2. Aufl. / Hrsg. von H. Peter. Göttingen, 1963. S. 91–95.

Čyževskýj D. Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik. // Festschrift für M. Vasmer zur 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1956. S. 105–112.

Obermayer A. Zum Toposbegriff der modernen Literaturwissenschaft // Toposforschung / Hrsg. von Max Z. Baeumer. Darmstadt, 1973. (Wege der Forschung. Bd. 395). S. 252–267.

Классификация единиц в исторической фразеологии (из опыта лексикографической практики)¹

Опыт работы над составлением «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» (СОРЯ) показывает, что при квалификации и лексикографическом представлении фразеологизмов, употребляющихся в текстах памятников, часто возникают колебания. В частности, сомнения возникают по поводу определения степени семантической слитности компонентов фразеологической единицы (ФЕ). При обсуждении монографии автора [Зиновьева 2012] коллеги-лексикографы заметили, что в СОРЯ слишком щедро расставляются «треугольники», как лексикографические знаки, обозначающие фразеологические единства, по классификации В. В. Виноградова. Поэтому целью исследования явилось уточнение критериев отнесения ФЕ обиходного языка Московской Руси к определенному разряду.

Материалом для анализа послужили фразеологизмы, зафиксированные в СОРЯ. Для исследования были выбраны 1–5 опубликованные выпуски (2004–2012 гг.). Выбор данных источников обусловлен тем, что эти материалы неоднократно обсуждались на лексикографических семинарах авторского коллектива, прошли внутреннее и внешнее рецензирование и научное редактирование. В Инструкции, опубликованной в 4 выпуске СОРЯ, вслед за Инструкцией Псковского областного словаря [ПОС. Вып. 15] говорится о том, что в соответствии с классификацией, предложенной Б. А. Лариным [Ларин 1961: 18–19], в лексикографическом описании различаются три типа устойчивых оборотов в зависимости от степени семантической спаянности компонентов. Эти типы устойчивых оборотов выделяются в словарной статье знаками ромба (◊), треугольника (Δ) и угла (>). За знаком ромба приводятся идиомы (фразеологические сращения), значение которых не мотивировано значениями входящих в словосочетание слов. Знаком треугольника выделяются мотивированные фразеологизмы, образованные путем метафорического или метонимического переноса. За знаком угла даются устойчивые сочетания с обычным значением слов-компонентов (основным критерием их выделения являются их

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 14-04-00110).

устойчивость и повторяемость в текстах памятников) или с семантическим сдвигом в одном из них [СОРЯ. Вып.4.].

Самым объемным разрядом ФЕ, представленным в источниках Словаря, являются «углы». Их виды детально описаны в Инструкции СОРЯ. К «углам» относятся 1) расчлененные наименования, включающие в себя различные терминосочетания (*белая капуста*), номинации цветообозначений (*в рыже бур*), плеонастические сочетания (*взять возьмем что*), наименования титулов (*великий государь царь и великий князь*), составные наименования городов и единиц административного деления (*Великий Новгород*), наименования реалий, имеющих однословный синоним (*водяной ключ* — родник), предложно-падежные устойчивые сочетания (*на (в) весну*); 2) формулы деловых документов, в том числе стилистические штампы (*где ни есть (ни буди)*), формулы речевого этикета (*бить челом и плакаться*), обозначения типичных жизненных ситуаций (*волочиться меж дворы*); 3) наименования праздников (*Введение Пречистой Богородицы*); 4) ФЕ, отражающие христианские представления и ритуалы (*Будущий (оний) век*); 5) словосочетания, свойственные фольклорным жанрам (*белая лебедь*); 6) эмоционально-экспрессивные словосочетания (сдвоенные квазисинонимы: *веселие и радость*; сдвоенные синонимы, имеющие усилительное значение *бранить и ругать*; бранные словосочетания (*вишвая голова*); 7) составные союзы и частицы (*аще же*).

Гораздо менее представлены в Словаре «треугольники». Так, в 1 выпуске это всего 31 ФЕ, во втором — 37, в третьем — 16, в четвертом и в пятом — по 24 ФЕ.

Наименее представленными оказываются в Словаре «ромбы». Фразеологических сращений в СОРЯ в первом выпуске всего 3, во втором — 4, в третьем не зафиксировано совсем, в четвертом и в пятом выпусках — по 3 ФЕ.

Предложенная Б. А. Лариным трехчленная схема классификации ФЕ отражает основные этапы истории словосочетания — от «свободного» к неразложимому. Сперва наименование реалии — прямое выражение восприятия какого-нибудь явления действительности, затем переносно-образное выражение обобщающей мысли, наконец, условный символ, в котором образность, семантическая двуплановость затемняется. Чем дальше зашла внутренняя и внешняя деформация или перестройка первичного выражения, тем меньше образности, тем бледнее и отвлеченнее его значение [Ларин 1977]. Применительно к современному состоянию фразеологии ученый отмечал, что в класси-

фикации, прежде всего, должны быть четкими границы разрядов; что так и было бы, если бы деление имело историческую базу, если бы группировались достаточно оформившиеся, определившиеся разновидности, а не зыбкие «проходные» явления [ibid.]. Сложность же классификации фразеологического материала XVI–XVII вв. как раз заключается в том, что ФЕ находятся на стадии формирования, часто отражают переходное состояние от одного разряда к другому. В этом смысле наиболее зыбкой и подвижной, как нам кажется, оказывается граница между «углами» и «треугольниками».

Рассмотрим более детально, что представляют собой ФЕ, выделенные в СОРЯ знаком треугольника. Для этого проанализируем, к каким тематическим сферам относятся эти фразеологизмы, какие противоречия можно усмотреть при их лексикографическом представлении, с чем связаны эти противоречия, и каковы пути их преодоления.

В современном языке фразеологизмы этого типа, главным образом, с разных сторон характеризуют человека. Обиходный язык Московской Руси не является в этом смысле исключением. Ср.: *бояться кого-л. что огня*; *брать на ум* — ‘принимать к сведению’; *валиться в рот* — ‘доставаться без труда, без усилий’; *валяться у ног* — ‘лежать ниц в знак покорности, повиновения’; *пустить на ветер* — ‘разграбить, разорить’; *вернуть словом* — ‘нарушить данное обещание’; *взбрести на ум* — ‘случайно прийти в голову, вздуматься’; *света видеть о ком* — ‘получать помощь от кого-л; полностью зависеть от кого-л.’; *брань на воротах не виснет* — ‘оскорбления, ругань скоро забудутся’; *спихнуть на ворот чей* — ‘переложить заботы на кого-л.’; *из (с) ума выводить кого* — ‘доводить до состояния, когда человек лишается способности обдумывать свои поступки и отвечать за них, становится глупым’; *выпить из ума* — ‘лишиться рассудка из-за чрезмерного употребления спиртных напитков’; *медные глаза* — ‘о ком-л. наглom, бесстыдном’; *в рот глядеть кому* — ‘подобострастно слушать кого-л., заискивать перед кем-л.’; *гнуть спиною* — ‘выполнять тяжелую работу’; *рвать из горла* — ‘жадно, насильно отбирать’, *голову из петли вынуть* — ‘избегнуть больших неприятностей’ и многие другие, часть из которых сохранилась в языке и до сих пор. Но остается не ясным, почему не выделяются «треугольником» 1) такие метафорические ФЕ как *вооружить лицо на бой* — ‘о злобной гримасе’, *кровь вопиет на кого-л. к Богу* — ‘о выражении протеста, негодования’, *в уши внести кому* — ‘сообщить, доложить’ (при том, что *внити в уши кому* — ‘стать известным кому-л.’ — это «треугольник»), *вложить в сердце* — ‘внушить’, ирон. *Что взял?*,

пить быком — ‘пить не отрываясь, залпом’, *брюхо ворчит, бойкий на язык, наш брат, братская дружба, есть с одного блюда* — ‘о непринужденных, дружеских отношениях’, *лизать блюдо* — ‘угодничать’, *говорить на чью-л. руку* — ‘высказываться в чью-л. пользу’; 2) метонимические ФЕ *мертвая (убитая) голова* — ‘убитый человек’, *свою голову* — ‘самого себя’, *в глаза (говорить), за глаза (говорить)* и др. Думается, что в данных случаях необходимо принимать в расчет и сохранность единиц в современном русском языке.

Особое место в сознании средневекового человека занимала вера. Этим обусловлено большое количество ФЕ, относящихся к сфере религии. Объемный разряд «треугольников» составляют фразеологизмы с компонентом *Бог* и словообразовательными производными от этого существительного. Например: *Бог ведает (весть)*; *по чью-л. душу Бог пошлет*; *по Бозе*; *(как) право перед Богом*; *волею (изволением, изволом) Божию (-им)*; *судом Божиим (посещением)*; *Божие милосердие*; *Царствие Божие*; *Раб Божию*; *Бог дал, Бог взял* и др. Но выражения *в Божьей руке, по воле Божией* отмечаются при этом знаком «угла».

Значительную по объему группу «треугольников» образуют формулы речевого этикета, среди которых также преобладают ФЕ с компонентом *Бог*: *Как тебя Бог милует?*, *Бог с тобой*; *Спаси Бог*; *Бог на помощь*; *дал Бог здорово*; *слава Богу*; *чем Бог послал*; *(спаси Бог) на великом жалованье*, а также ФЕ *добрый день, добрая ночь*. Но *доброе утро* при этом фиксируется как «угол», как и ФЕ *буди Бог между кем-л.* — ‘пусть существует согласие и мир между кем-л.’.

«Треугольником» отмечаются некоторые церковные реалии и религиозные представления, например, *Святые ворота* — ‘главные ворота в монастырской ограде, над которыми помещалась икона’, *часть волчья* — ‘добыча темных сил, ада’, *смертные врата* — ‘конец земной жизни’, *дно адаво* — ‘преисподняя, ад’. Однако *день века* — ‘суд над людьми при наступлении конца мира’, *великий день* — ‘праздник Пасхи’ подаются как «углы».

Одну из групп «треугольников» составляют терминосочетания. Б. А. Ларин писал, что традиционные, средневековые сложные термины надо распределить между группами метафорических и неразложимых, смотря по их составу. [Ларин 1977]. Однако в СОРЯ большинство составных терминов справедливо относится к «углам», т.к. в них не наблюдается никакого метафорического или метонимического переноса, например: *ворота водяные* — ‘ворота с выходом к воде’; *воск черный, красный, белый* — ‘сорта воска’; *вохра подзолотная* — ‘охра светлых

оттенков, которая наносилась на доску под золото, чтобы золото выглядело более ярким' и многие др. Знаком треугольника (опять же абсолютно справедливо) в Словаре отмечены такие метафорические терминологические сочетания, как *замять дело* — 'не дать хода разбирательству'; *деревянное масло* — 'оливковое масло низкого сорта, используемое в лампадах', *змиев глаз* — 'нарыв, гнойное воспаление пальца'. Но целый ряд составных терминов вызывает вопросы относительно их лексикографического обозначения. Почему, например, ФЕ *выпадок змиев* — 'нарыв на кончике пальца, панариций', *камчужная болезнь* — 'подагра', *садиться на взыск* — 'приступать к следствию', *безвестная голова* — 'пропавший человек' помечаются знаком «угла»?

Противоречия наблюдаются и при подаче устойчивых наименований казней. Так, *бросить, стихнуть, убить с башни* в значении 'казнить, сбросив с башни (чаще во время военных действий)' отмечается знаком «треугольника», а *в воду посадить (сажать, посажат, всадить), в воду бросить (вкинуть, метать, пометать)* — знаком «угла». Выражение же *горлом карать* 'подвергать смертной казни, заливая горло расплавленным металлом' фиксируется в Словаре как семантически неразложимое и отмечается знаком «ромба». Представляется, что буквальный смысл сочетания был актуален для языкового сознания человека позднего средневековья.

Формулы деловых документов в подавляющем большинстве относятся в СОРЯ к «углам», что абсолютно правомерно, т.к., как правило, они закрепляют принятые обычаи и традиции. Например, *с вервью ходить* имеет значение 'измерять участок земли' и контекст раскрывает это устойчивое сочетание как актуальную реалию: «У того отводу были их Алешкин и Федкин отцы и он Федка с вервью ходил» [Сл. Перм. I, 72, 1701 г.]. Формула *нет (ни) двора ни кола (ни пашины)* также воспринимается в контекстах памятников буквально: «Пашут деи те пустоши и косят наездом хрестьяне троецкие, а **нет** деи на тех пустоших двора, **ни кола**... и яз [великий князь] его [А. Гладкого] пожаловал: поставит себе на тех пустоших двор» [АСЭИ I, 443, 1491 г.]; «[Пустошь] лежит деи пуста лет с петдесят и лесом поросла великим, **ни двора деи на ней нету, ни кола, ни пашины**» [ibid., 491, 1499 г.]. Лишь в последствии эта формула легла в основу ФЕ *ни кола ни двора*. Совершенно также правомерно образная метафорическая формула духовных грамот, предостерегающая от нарушения завещания — *костью чьей-л. двинуть* — 'нарушить чью-л. предсмертную волю', фиксируется со знаком «треугольника»: «А кои брат у не-

го [А. П. Плещеева] *ся вступит через мои* [П. М. Плещеева] *указ, а двинет моею костью, ино не будь на нем мое благословенье ни в сем вѣцѣ, ни в будущемъ*» [АРГ, 64, 1510 г.].

Но в некоторых случаях формула уже не имеет в XVI–XVII вв. буквального соблюдения обычая, употребляется только как дань традиции, в этой ситуации, на наш взгляд, она требует выделения ее знаком треугольника, например, ФЕ (*в (о)дер(е)нь*) *без выкупа* в формуле купчих грамот означала ‘в вечное владение, без права выкупа’. При этом компонент *водерень* (*в дернь*) употреблялся по традиции, клятва под куском дерна (земли) уже не совершалась. В СОРЯ же эта формула выведена за знаком «угла». Метонимическая ФЕ *отдать взажив головою* ‘передать кого-л. в кабалу до выплаты долга’ также фиксируется в СОРЯ знаком «угла». Выражение *лезть на поле битися* как формула подтверждения правильности искового требования при решении судебного дела поединком («Божьим судом») подается за знаком «угла», хотя ФЕ *дать Божию правду кому с кем* ‘решить судебное дело поединком’ приводится за знаком «ромба». С другой стороны, формула кабальных записей *полягут деньги по сроце* имела прямое и актуальное значение — ‘долг не будет выплачен в установленный срок’, но эта формула помещена в Словаре за знаком треугольника.

Особую группу образуют устойчивые бранные выражения, в которых явно присутствует метафоричность: *адов пес, лысый бес, бешеная собака, вонючая душа, волчья сыть, шишимора деревенский*. Из данных ФЕ только последняя отмечается знаком «треугольника», а *волчья сыть* фиксируется как «ромб». Представляется всё же, что подобные метафорически-образные выражения отличаются от таких, как *дура деревенская, скурвины дети, блядины дети*.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) Четкой границы разрядов ФЕ по степени семантической слитности компонентов применительно к XVI–XVII вв. провести нельзя. Существуют переходные типы ФЕ, и больше всего таких переходных случаев наблюдается между «углами» и «треугольниками», что особенно актуально в период становления фразеологизмов, формирования переносного значения.

2) Поскольку представляется нецелесообразным введение новых графических обозначений для выделения разных групп ФЕ, необходимо более строго и унифицировано соблюдать критерии отнесения фразеологизмов к разряду «треугольников». И, прежде всего, таким

критерием должна быть метафоричность (или метонимичность) и образность выражения.

3) Необходимо учитывать факты сохранения / несохранения буквального смысла формулы или обычая. Если буквальный смысл уже утрачен, то графически такой фразеологизм должен выделяться «треугольником».

4) При лексикографическом описании ФЕ, далеко отстоящих от нас по времени памятников, возникает соблазн руководствоваться восприятием единицы языковым сознанием составителя словаря, что неправомерно (например, в случае с *горлом карать*). Однако наличие фразеологического единства («треугольника») в современном языке может служить указанием на его существование в качестве такового (при подтверждении контекстом памятника) и в обиходном языке Московской Руси (например, *за глаза и в глаза говорить*).

Таким образом, на наш взгляд, авторы-составители СОРЯ даже слишком осторожно используют знак «треугольника» при квалификации ФЕ. Высказанные соображения, конечно, являются дискуссионными и нуждаются в дальнейшем коллективном обсуждении.

Сокращения

АРГ — Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1975.

АСЭИ I — Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XVI — начала XVII вв. Т. 1. М., 1952.

ПОС — Псковский областной словарь. Вып. 15. СПб., 2004.

Сл. Перм. I — Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века. Т. I. Пермь, 2010.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–5. СПб., 2004–2012.

Литература

Зиновьева Е. И. Очерки по фразеологии обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2012.

Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961.

Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.

Васильева Ольга Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

Проблема лексикографического представления вариантов в историческом словаре¹

Тексты прошлых столетий представляют собой большой интерес не только для филологов, но и для историков, культурологов, этнолингвистов, людей многих других специальностей и неспециалистов, поскольку доносят до нас самую разнообразную информацию о том, как жили и мыслили наши предки. Вместе с тем, каждый, кто обращался к таким текстам, не мог не заметить, что форма изложения в них существенно отличается от современной. Языковая изменчивость — предмет изучения историков языка. Однако даже если оставить в стороне архаические особенности стиля, устаревшие формы словоизменения и вычленив из текстов *слово* как объект лексикографического описания — проблема формы все равно остается. Одни и те же слова предстают в разных (а порой и в одних и тех же) текстах в разных графических обликах. При этом отдельные лексемы могут иметь не только два графических варианта, а три и более (в некоторых случаях до восьми). Причины подобного варьирования будут изложены в последующем тексте. Несомненно, что вариативность написания была частым признаком многих лексем в прошлом, а необходимость ее отражения в словарях являет собой проблему исторической лексикографии.

Подход к проблеме вариантов в историческом словаре рассматривается на базе Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков (далее — СОРЯ). Проект Словаря был предложен проф. Б. А. Лариным в 1959 году для реализации в Межкафедральном словарном кабинете на филологическом факультете ЛГУ — СПбГУ. Словарь обиходного языка явился дальнейшим развитием идеи Древнерусского словаря (ДРС), над которым Б. А. Ларин работал вместе с созданным им коллективом в 1934–1949 годах. Временные границы СОРЯ — вторая половина XVI в. — первая треть XVIII в. — начальный этап образования национального русского языка. СОРЯ, по мнению Б. А. Ларина, должен отразить происходящий в это время процесс формирования общенародной обиходно-разговорной речи, кото-

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ 14-04-00110-а «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков (седьмой и восьмой выпуски)».

рая в дальнейшем станет важнейшим компонентом словарного состава литературного языка национальной эпохи.

Авторы СОРЯ не только реализуют идею Б. А. Ларина о создании словаря эпохи формирования русского национального языка, но также следуют важному принципу полноты показа материала, что необычайно важно при описании лексики прошлых эпох. Принцип полноты состоит в том, что словарная статья содержит информацию не только обо всех значениях и оттенках значений слов, обо всех употреблениях, выявленных в источниках словаря, но вместе с тем и обо всех текстах, в которых встретилось то или иное слово, а также обо всех вариантах его написания в источниках.

К моменту написания данной статьи в пяти с половиной составленных выпусках СОРЯ было описано 5740 лексем, из которых финальную помету «Вар. ...», указывающую на наличие вариантов, имеют 1404 единицы. Это означает, что каждое четвертое слово (по крайней мере, из слов на первые буквы алфавита) варьируется в источниках словаря.

В отечественной лексикологии и лексикографии нет единого мнения о том, что включается в понятие *варианта слова*, особенно когда идет речь о лексике прошлых эпох (в исторических словарях) или лексике разных регионов (в словарях диалектных). Не случайно поэтому в предисловии к словарям всегда присутствует изложение позиции авторов относительно того, что в данном словаре считается вариантом слова и каковы принципы подачи вариантов в словаре. СОРЯ в этом отношении также следует принципу полноты и понимает вариативность широко.

Во Введении к первому выпуску СОРЯ о подходе к проблеме вариативности сказано следующее: «При конструировании словника обычно возникает вопрос, что считать единицей описания в словаре, так как слово употребляется в текстах в многочисленных графических, фонетических, орфографических, морфологических и других вариантах... В СОРЯ единство, тождество слова определяется единством основы и общностью семантики всех видоизменений, наличием между ними семантической производности. ... В одной словарной статье даются варианты слова — его видоизменения, сохраняющие тождество словообразовательной структуры и лексического значения и имеющие фонетические, фономорфологические отличия, отражающие колебания складывающейся орфографической нормы, включающие в свой состав морфемы одного значения, но разной стилистической окраски (*башмаки* и *бушмаки*, *блюдце* и *блюце*, ... *батожок* и *патожок*, *батырицик* и *батыйцик*, *батыцик* «пе-

чатник», *береженье* и *бережение*, *богатство* и *богатество*, *безпрестани* и *беспрестани*), варианты написания иноязычных слов, отражающие процесс их освоения в языке (*бастард* и *бастерт*, *бостер* «вино невысокого качества») [СОРЯ 1: 8–9].

В процессе работы над Словарем вырабатывались навыки описания материала, что потребовало новой, расширенной Инструкции, созданной авторами к моменту выхода в свет 4 выпуска СОРЯ. В ней после определения варианта слова приводится подробное описание разных типов вариативности. «Фонетические варианты отражают звуковые явления как общенародной, так и диалектной речи: *бездилие* (*безделие*), *воденой* (*водяной*), ... *гвостки* (*гвоздки*), ... *брацкий* (*братский*), *выграть* (*выиграть*)... Варианты с аканьем в Словаре не отмечаются ввиду их многочисленности. Орфографические варианты связаны с процессом устаревания прежних норм правописания и сложения новых норм орфографии в деловой письменности XVI–XVII вв.: *въдруг* (*вдруг*), ... *воскресеньский* (*воскресенский*); *взять* (*взять*), ... *безкормица* (*бескормица*), *безпомощный* (*беспомощный*), *бесрочно* (*бессрочно*). ... Морфологические варианты занимают промежуточное положение между отдельным словом и вариантом слова, что и определяет их представление в Словаре¹. Они характеризуются, как и другие варианты, полным совпадением лексического значения и основы слова, но имеют различия в мягкости или твердости последнего согласного основы и в принадлежности к разным грамматическим родам. Эти различия определяют несовпадение парадигм склонения: *воп*, м. и *вопь*, ж.; *бедро*, с. и *бедрa*, ж. ... Особый разряд вариантов возникал при вхождении иноязычных слов в русский язык XVI–XVII вв. В процессе освоения их в разговорной речи и письменном языке они обнаруживают признаки разных типов вариантов: *адютант*, *отъютант* (*адъютант*), ... *бизяга*, *бисага* (*бисяга* «попона под выюки»), *баарак*, *боерак*, *буярак* (*буерак*)» [СОРЯ 4: 12–13]. При фиксации всех подобных написаний как вариантных, в СОРЯ «в качестве вариантов не показываются: 1) написания слов, отражающие типичные особенности орфографии письменности XVI–XVII вв.: сокращения под титлом широкоупотребительных слов — *Бгъ* (*Бог*), *гсдръ* (*государь*), ... *де* или *днь* (*день*); отсутствие обозначения мягкости согласного (чаще всего л) перед следующим твердым согласным внутри слова — *болной* (*больной*), ... *батка* (*батька*); отсутствие разделительного ь (и ъ), указы-

¹ Морфологические варианты, в отличие от остальных, которые приводятся в конце словарной статьи при помете «Вар.», даются в заголовке статьи через союз «и».

вающего на наличие *j* в основе — *благовещенев (благовещеньев), брата (братья)*...; 2) искажения и повреждения написаний слов в результате описок писцов или плохой сохранности текста; 3) сомнительные или неточные написания слов в русско-иноязычных словарях и разговорниках, созданных в XVI–XVII вв. иностранцами: *гриминка (гривенка), зухари (сухари)*» [ibid.: 13].

Рассмотрим причины столь высокой вариативности графической передачи лексем и трудности, ею порождаемые.

Во-первых, за прошедшие столетия неоднократно реформировались русская графика и орфография, в связи с чем многие слова (из тех, которые существовали раньше и сохранились в современном русском языке) сейчас пишутся иначе, чем в текстах прошлых эпох. При этом современная оболочка слова могла быть известна в прошлом, сосуществуя с другой (например, *алмаз* и *олмаз*), а могла и вовсе отсутствовать в текстах исследуемого периода. Например, сущ. *ерик* — «небольшая протока между водоемами» — было известно и употреблялось в целом ряде текстов XVII века — источниках СОРЯ, но исключительно в форме *ерек*.

Во-вторых, при описании лексики предшествующего времени исследователь регулярно имеет дело с единицами, давно исчезнувшими в языке, графическая передача которых также может варьироваться. Приходится решать без опоры на современный язык, какое написание выбрать для включения подобных слов в словарь. Например, один раз встретилось написание *вальшивать* и один раз — *валяшевать* «кастрировать (животное)», есть *вертлуг, вертлужок*, но есть и *вертлюг, вертлюжок, ветчаный* и *ветианый* «ветхий»; драгоценный камень светло-красного цвета именовался в текстах *виниса, вениса, винисса, винюса*; поваленное, вывороченное с корнем дерево называлось *выскидь, выскат, выскит, выскыдь*.

В-третьих, тексты исследуемого периода содержат достаточно большое количество (варьируется по жанрам письменности) новых для языка того времени слов, как правило, заимствований из европейских и тюркских языков, написание которых еще не устоялось. Огромное количество заимствований представлено в словаре на букву *а*, причем иногда в пяти–семи и большем количестве вариантов написания (*аргамак* — вар. *аргемак, архимак, оргамак, оргомак*; *алтабас* [тур. *altynbāz* ‘парчовая ткань’ — вар. *алтобаз, алтобас, олтабас*). Есть слова, неизвестные современному русскому языку (*аба* [тур. *aba* ‘грубая шерстяная материя’] — вар. *оба; абаса* [перс. *abbāsi*] «персидская серебряная монета (по имени шаха Аббаса)» — вар. *обаса; агир*

[тур. *agir*] — вар. *ахир*; *азям* [азерб. *Adžam*] — вар. *озям*; *алафа* — вар. *олафа* и др. Существительное *иезуит* писалось в текстах XVII века как *езовит*, *езувит*, *езуит*. Наемный солдат в польско-литовском войске, обозначался лексемой, восходящей к польскому *zolnierz* из немецкого *Söldner*, которая в русских текстах писалась как *жалнер*, *желнер*, *желньер*, *желньыр*, *жолнер*, *жолньер*.

Во многих случаях варьировалось написание слов, прочно вошедших в русский язык и оставшихся в нем донныне (*алмаз* — вар. *олмаз*, *олмас*; *апрель* [из лат. *aprilis*] — вар. *априль*, *опрель*; *алтарь* — вар. *олтарь*, *атлас* — вар. *отлас*, *алебастр* — вар. *алавастр*, *альябастр*, *базар* — вар. *бозар*, *баран* — вар. *боран*, *жемчуг* — вар. *земчуг*, *женчуг*. При этом варианты могут обладать равной частотностью в источниках, как в приведенных примерах, но могут и существенно различаться, как, например, у лексемы *алтын*, написание которой с начальным *о* встречается в текстах намного реже. Отчасти это свидетельствует о том, что написание уже становится знакомым, традиционным, тогда как новые заимствования передаются в текстах по-разному. Например, сущ. *аптекарь* встречается в источниках Словаря в следующих написаниях: *ап-тикер*, *апотекер*, *обтекарь*, *оптекарь*, существительное *архипелаг* представлено в написании *асципелаг*, лексема *виконт* в вариантах *в-икунт* и *фиконт*, *генерал* — как *генарал*, *енерал*, *янарал*, а *генералиссимус* — как *генералисемус*, *генералисим*, *генералисмус*.

Многие варианты возникли вследствие того, что фонемный состав заимствованных слов не отвечал фонетическим законам русского языка. Так, например, лексема *ангел* и ее производные встречаются в написании, соответствующем греческому корню: *аггел*, *аггельски*, *аггельский*, однако наряду с ними широко употребляется русифицированный вариант с диссимиляцией согласных. Любопытно, что с фонемным составом заимствования *адмирал* происходит обратное явление: *аммарал*, имеющее диалектное объяснение (ассимиляция взрывного сонорному), о чем речь будет дальше. Заимствованное слово *аблаут* пишется в русских текстах с устранением зияния: *аблавут*. Лексема *деиус* представлена по этой же причине в написании со стяжением: *десус*. Лексема *аналой* представлена в русифицированном написании без начального гласного: *налой*.

Совершенно неудобной для произношения в славянских языках была звуковая оболочка лексемы *Англия* и ее производных, которые в источниках словаря представлены в разнообразных вариантах: жители этой страны именовались в русских текстах *аглинцы* и, реже, *англинцы*, *агличане* и *агличене*, а относительное прилагательное имело следую-

шие виды: *аглинский, аглицкий, агленский, агликский, аглицкий, агнецкий, англинский, англицкий*. По этой же причине варьировались звуковой и графический облик существительного *верблюд*, которое могло передаваться на письме как *велблюд, велбуд, верблуд*, существительное *гульден* передавалось на письме как *гулдент, гульдент, гулдин, гюлден, гюльден*. Лексема *есаул* писалась также очень разнообразно: *асаул, есоул, эсаул, ясаул, ясоул*, а в производной к тому же появляется протетический *в* перед *у*: *есовулишко*.

Вообще иноязычные топонимы и их производные регулярно писались в русских текстах прошлых веков с вариациями, иногда довольно существенными, что обусловлено не только неудобством или даже невозможностью произношения их звуковой оболочки русскими людьми, но также, что справедливо по отношению к любым группам заимствований, отсутствием внутренней формы. Например, прилагательное *амбургский* (производное от *Гамбург*) встречается в написаниях *амборский, амбургский, анбарский, анбуржский, анбургский*. Прилагательное *австрийский* представлено в вариантах *аувстрийский, аустрейский, аустрийский*, прил. *амстердамский* писалось также и *амстрадамский*. С производными от восточных по происхождению топонимов происходило то же самое: прил. *астраханский* передавалось в русских текстах как *астараханский, астораханский, астороканский, астороханский, астроханский* — то есть в большинстве случаев группа согласных разбивалась протетическим гласным.

В отдельных случаях варианты написания заимствований в русских текстах обусловлены вариантностью чтения в самих языках-источниках: *алфавит* и *алфabet*, *амвон* и *амбон* обязаны своим параллельным существованием разным прочтениям второй буквы греческого алфавита.

Одна из причин вариативности — сосуществование в текстах слов в церковно-книжном написании (южнославянском по происхождению) и собственно русском (восточнославянском): *вразумить* и *врозумить*.

Иногда уже сам путь, которым слово попадало в русский язык, мог варьироваться. Так произошло со словом *амбар*, которое и в древнерусский период, и в современных диалектах существовало и существует в двух вариантах произношения — с согласным *м* и с согласным *н*, что свойственно этой лексеме на всех этапах ее бытования в разных языках: согласно этимологии М. Фасмера, слово происходит от персидского *anbār* (соотносимого с древнеиндийским *sambhāra*) «сарай, кладовка». Так что варьирование сонорного было известно слову изначально и отразилось во многих языках (тур., кыпч., крымско-тат., тат. *ambar* — азерб., алт., казахск. *anbar*). Лексема *визирь* пи-

салась в текстах XV–XVII веков *возырь, везирь, возыр, възырь*, что отчасти объясняется долгим путем заимствования [возможно, через нем. *Vesier* из тур. *vāzīr* (от араб. *wazīr*)].

Очевидно, что производные лексемы передаются в текстах в еще большем количестве графических вариантов: *архангельский* — вар. *архаггельский, архаггельский, архангилский, архангельский, арханильский, арханьильский, орханилский*.

В-четвертых, одна из разновидностей источников Словаря общерусского языка Московской Руси XVI–XVII веков — разговорники, составленные иностранцами, в которых написание русских слов получает большое количество графических вариантов.

В-пятых, отсутствие единой нормы письменного отображения слов в предшествующие столетия способствует множественности способов фиксации их в текстах.

В-шестых, объективное историческое изменение языка увеличивает число графических вариантов. Традиционное сохранение знаков редуцированных в слабых позициях, не поддерживаемое современной для пишущего фонетикой, регулярно порождает множественные графические варианты. (При лексеме *векша* присутствует графический вариант *векьша*, а при слове *барский* — даже *барыский*, пишется *въверху, въдаток, въдове, въдова, възбежать, въдруг, великопермский* и *великопермьский, въклад, въкус* и даже *въладать* и *въпрос* наряду с написаниями этих же слов без редуцированных.) Прилагательное, производное от сущ. *дань*, пишется как *данский, даньский* и даже *данський*. Написание существительного *елка* как *елока* обусловлено, очевидно, исключительно графической меной *ъ* и *о*, так как есть и *елька*. Появляются даже вставные редуцированные при написании заимствований: *альлилуия*. Несомненно, что разнообразие подобных написаний в источниках Словаря во многом объясняется также и тем, что тексты создавались в разных регионах Руси.

В источниках Словаря сосуществуют отглагольные существительные, которые заканчиваются как на *-ие*, так и на более поздний исторически вариант этой флексии *-ье* (*безделие — безделье, варение — варенье, веление — веленье, введение — введенье, забытие — забытье*). При этом во многих случаях достаточно сложно определить, что должно даваться в строке заголовка, а что — в строке варианта (*венчанье —* вар. *венчание, верстанье —* вар. *верстание, вершенье —* вар. *вершение, взятье —* вар. *взятие* и т. д.)

В-седьмых, существовала противоположная графическая традиция необозначения еров и ерей на письме. Так, лексемы *батько* и

ба́тька часто писались в текстах-источниках как с ерем, так и без него: *батка, батко*. Мог отсутствовать ер после приставки перед йотированным гласным: *безявочно*, зачастую отсутствовал конечный ерь: лексема *вдаль* представлена и в написании *вдал, вдоль* — в написании *вдол*, встречаются *внов, вровен, грудь* — в написании *груд* — вряд ли все эти случаи отражали отвердение конечных согласных.

К вариантам разного времени возникновения относится также пара *авось* — *авося*, которые восходят к древнерусской форме *авосе*, утратившей впоследствии конечный безударный гласный. Аналогично наряду со старой формой союза *аже* в источниках словаря встречается и новая — *аж, ажь*, наряду с *даже* — *даж*, с «полной» формой лексемы *али* — ее редуцированный вариант *аль, докуда* — вариант *докуд, докуле* — вариант *докуль, ежели* — и *ежель*. Служебное слово *аки* писалось также и *акы*, а указательное слово *вон* — и в виде *воно*, указательная частица *весе* — и в виде *вось*, частица *вот* — и в виде *вото*. У сущ. *дочь* сохраняется старая форма *дочи*, но присутствует и более молодая форма *дочерь*.

Слова с приставками на *-з/-с* стали писаться по-разному после падения редуцированных, отсюда и вариативность: *вспоминать* и *возпоинать*, *восприимать* и *возпримать*, *воссиять* и *возсиять*, *восхитить* и *возхитить*. Падением редуцированных и дальнейшим упрощением группы согласных вызвано разнообразие обликов существительного *доска*: *достка, дска, дца, дца, тска, цка*. Союз *если* в текстах XVII века писался и как *естли*, и как *естли*, и в окончательном, еще более упрощенном виде. В эту же группу вариантов разного времени возникновения можно отнести написания, отражающие графическое (и фонетическое) освоение заимствований: от греческого *διάβολος* сначала *диавол*, потом *диявол*, и, наконец, *дьявол*. Сложна была графическая судьба другого заимствования — *дьяк*, который писался в текстах как *деяк, диак, диек, диок, дияк, дьяк, дьек, дяк*, что в полной мере отразилось и в написании многочисленных производных.

Производные наречия также пишутся по-разному, в старом и новом варианте, особенно в тех случаях, когда они образованы от предложно-падежных сочетаний: *втаях* и *въ таях*, *второпях* и *в то-ропях*, но и другой модели: *долон* и *домон* встречаются в старых написаниях *долов, долонь, домов, домонь*.

В-восьмых, при передаче на письме производных слов, содержащих на стыке морфем группы согласных, регулярно встречаются написания с пропуском букв непронизносимых согласных: *безвесно*, *весник*, *вечинка*, *вмесно*, *волский* (как вариант к *волжский*), *волосной* (прил. к *волость*), *выезной*, *галанка* (как вариант к *голландка*), *горазно*,

горска, с упрощением групп согласных: *безаконие*, *восиять*, *воставать*, *звалить* (как вариант к *взвалить*), *звеселить* (как вариант к *взвеселить*), *выслать* (как вариант к *выстлать*), *звесить*, *звоз*, *вощик*, *вороской* (как вариант к *воровской*), однокоренное сущ. в виде *воровсво*, *вороство*, фонетически сложное прил., производное от сущ. *Варзуга* — *варзужский* представлено и в виде *варзуский*, *воронежский* — в виде *воронеский*, сущ. *ватажчик* — «член промысловой рыболовецкой артели» — в написании *ватащик*, *днепровский* — в написании *непровский*, *дородство* — в виде *дороство*, даже *волишебство* встречается в написании *волишество*; отражается оглушение согласных: *веть*, *вести* как графический вариант к *везти*, *випенский*, *фкинуть*, *вклатчик*, *влесть*, *вотка*, *волошка*, *врят*, *фступаться*, *выгруска*, *выклатка*, *высатка*, *выласка*, пропуск безударных гласных: *вежство*, *вочью* как вариант к *воочю*. Стык конечного согласного корня *д* и суффикса *ск* мог давать разные варианты написания: *вологодцкиий*, *вологотцкиий*, *вологоцкиий*. Очевидно, к случаям упрощения следует отнести и мену сонорных: *ворваний* «добываемый из туш морских млекопитающих и рыб» встречается и в написании *волваний*.

Любопытно, что в источниках встречаются случаи гиперкоррекции: женский головной убор *волосник* обозначен в тексте *волостник* как раз по той причине, что писцу было известно о регулярном упрощении на письме группы согласных со средним непроизносимым *т* типа *волостной*. Аналогично наречие *всечасно* в одном из текстов написано в виде *всечастно*. А сущ. *вотчина* представлено в одном из написаний как *водчина* для устранения мнимого оглушения (это представлено и в производном *вотчинник*, отображенном в виде *водчинник*, а также в написаниях *вынезти*, *глюдка*). Вероятно, по этой же причине появилось странное написание глагола *всытять* со звонким в сильной позиции: *възытать*, а также написание незнакомого русскому человеку слова *граф* в виде *грав*. Примечательно, что эта замена сохраняется и в производных (*гравский*), причем даже перед гласным (*хравина* — *графиня*).

В-девятых, тексты создавались в разных регионах Руси, в связи с чем вариативность графической передачи слов повышается за счет диалектных особенностей, свойственных пишущим. По-разному обозначаются в источниках безударные гласные (отражение аканья на письме: *добрай* и т. п. — одна из характерных особенностей южных текстов, яканье: *вылягать*, *выстрыл*, *ялань*, *яндова*, *япанча*, еканье: *вежлевый*, *вылевать*, иканье: *вымилок* — вар. к *вымелок* — «деньги, полученные за помол зерна»), старый *ѣ* в текстах северного происхождения зачастую передается в соответствии с местным звучанием бу-

квой «и» (*билка* вместо *белка*, *бездилие*, прилагательное *белий*, производное от сущ. *белка* писалось и как *билий*, *ведьма* — и как *видьма*, *деверь* — как *диверь*, *девий* — как *дивий*, *ведом* — как *видом*, *веник* как *виник*, *выменивать* как *выминивать*, *деть* как *дить*, *досмотреть* как *досмотрить*); ударный *а* между мягкими может обозначаться как *е*: *гресь*; регулярно варьируется обозначение на письме сложных согласных звучаний (*щ* в виде *ш*: *барабанишник*, *всеношный*, *годовальшик*, *дневалишник*, *чн* в виде *шн*: *барошный*, *безлепишник*, *варнишний*, *вешно*, *волыношник*, *встрешник*, *втышной*, *выморошный*, *вьюшный*, *горшешник*, *гостинишний*, *греиновый*, *дранишний*, *дымоволошный*, долгий *ж*: *вожжи* писались как *вожджи*, *вожи*, *возжди*, *возжи*, и даже *вози*, а *дрожжи* — как *дрожди*, *дрозжи*, *дружжы*, прил. *дождевой* имеет графические варианты *дожжевой*, *дожжевой*); фиксируется цоканье (*времячко*, *всецяс*), соканье (*гречисный*); отражается диалектная ассимиляция согласных по мягкости (*медведь*), диссимиляция (*дехтевой*); может получить отражение на письме протетический согласный (*осень* и *восень*), а перед начальным *в* может появиться обозначение гласного призвука: *ван* — «наследуемый титул у монгольских народов, соответствующий русскому «князь» — вар. *уван*, либо согласный *в* и вовсе заменяется, в соответствии с диалектным произношением, на *у*: *усеодный*, *усполие*, *устреча*, *вдова* — вар. *удава*, *вдовый* — вар. *удоваи*, *взборье* — вар. *узборье*, а также *узвесить*, *узломить*, *укусный*, *улево*, *улить*, *уместе*, *унук* и т. п., а в группе из двух *в* отражается диссимиляция: *уверху*, *ввозный* — вар. *увозный*. Мена в говорах *в* и *у* может отражаться на письме и наоборот: *вже* как вариант лексемы *уже*. Многочисленные варианты с отсутствующим начальным *в* перед следующим согласным также свидетельствуют о диалектном произношении данного согласного как губно-губного: *звоз*, *звозный*, *здумания*, *здымка*, *здынуть*, *здыхать*, *зморье*, *зять* (вместо *взять*), а также *овсе* вместо *вовсе* и т.п. Отмечается диалектное изменение сочетания *в* с сонорным: *мнучишка*. За регулярным отсутствием начального *г* стоит его южнорусское фрикативное произношение: *енерал*, *енералитет*, *енаралов*, *ерб*, *ерманьский*, *етман*, *осподарев*, *осподарский*, *осподарыня*, *осподарь*, *осподин*, *Осподь*, *оспожин*. Замена *г* на *х* свидетельствует о том же: *грех* — вар. *хрех* (а также уже приводившийся по другому поводу пример *графиня* — вар. *хравина*).

Встречаются написания с диалектным вторым полногласием: *вервь* (при *вервь*), *должжик* (при *должник*), с редукцией безударных гласных: *веретно* (при *веретено*), *выпорток* (при *выпорток*), *выскордить* (при *выскородить* — «обработать участок бороной, вырвав расте-

ния с корнем», с упрощением групп согласных: *верес* (при *вереск*). Тексты содержат немало количество примеров с меной не только безударных, но и ударных *а* и *о*: *выбросывать* (при *выбрасывать*), *выкопывать* (при *выкапывать*), *горозно* (при *гораздно*), *досодно* (при *досадно*), а также *выброть*, *выгорь*, *выдовать*, *выдроть*, *выдумоть*, *вымонить*, *выстовить*, *вытощить*, *годать*, *голдеть*, *допохаться*, *доплотить* как варианты к более распространенным написаниям этих же лексем через букву *а*. Как пример одновременного варьирования ударной и безударной гласной можно отметить написание *выподак* вместо *выпадок* — «болезненный нарост, опухоль (у лошади)».

Присутствуют в текстах и фонематические диалектизмы: *вышня* как вар. к *вишня*. Написание лексемы *гуца* в виде *гусча*, а также *дощанка* в виде *дощанка*, *дощатый* в виде *досчатый*, вероятно, отражает стремление пишущего сохранить единообразие корня; отражается диалектное чередование *ж* и *з*: *выпорознить*, *зелезо*, мена *хв* и *ф*: *выфотить* (вместо *выхватить*).

В-десятых, диалектное варьирование языка порождает не только фонетические, но и грамматические особенности лексики, что выражается в разных флексиях номинатива (*батька* и *батько*), по-разному пишется в текстах флексия полных имен прилагательных (*добрый* — *доброй*, *дубленый* — *дубленой*, *дворовый* — *дворовой*, *второй* — *вторый*, *глухой* — *глухий*, *дневной* — *дневный*, *вводный* — *вводный*, *дальний* — *дальний* — *дальней* — *дальной*, *древний* — *древней* — *древный*, *верхний* — *верхней* — *верхний*, *воротный* — *воротней* — *воротной*), безударные суффиксы инфинитива могут сохранять гласный элемент (*водить* и *водити*, *ездить* и *ездити*, *выпустить*, *выслушати*, *даяти*, а также *высетчи*), на южнодиалектной почве появляются варианты инфинитива *везть*, *весть*, *внести*, *выскресть*, а также *войтить*, *дойтить*. Аналогично в производных от прилагательных наречиях: *верно* — *верне* (поэтому и *верноподданный* — *вернеподданный*).

Наречия, восходящие к форме творит. падежа существительных, которой присуща исторически возникшая вариативность флексии (*-ою* / *-ой*), также имеют этот вариант: *весной* — *весною*.

В-одиннадцатых, территориальное языковое варьирование порождает помимо указанных типов вариантов еще и другие, например, наличие в семантически тождественных морфемах чередований как гласных, так и согласных звуков (*березняк* и *березнег*, *вешняк* и *вешняг*) и т. д.

В написании многих слов в источниках могли сочетаться указанные типы вариативности, например, передача заимствования с аканьем, упрощением сочетаний и написанием редуцированных в слабых позициях.

Но даже в тех случаях, когда лексика была исконной, разнообразие в способах передачи ее на письме впечатляет разнообразием. Так, например, простое числительное «8» в источниках словаря встретилось в десяти написаниях: *восемь, восем, восим, восм, восьмь, восьмь*, а также *осемь, осмь, осьмь, осьмь*. Очевидно, что в производных словах, обозначающих количество 80, 800, 18, в порядковых числительных с этим же корнем количество вариантов написания очень велико, например, *восемьдесят — восемдесят, восмдесят, восмидесят, восьмьдесет, восьмьдесят, восьмьдесят, восьмьдесять, восьмьдесят*, а также *осемьдесят, осемдесят, осьмьдесят* (12 написаний).

Сущ. *вторник* имело графические варианты, обусловленные произношением начального согласного: *уторник, фторник*, а также *овторник, офторник*. В написаниях глагола *въезжать* варьировалось обозначение как ера, так и сочетания согласных: *вежжат, въежать, въеждать, въежжать, въезжать*. Приставочная производная от глагола *идти* писалась не только как *выйти*, но и *выдти, выитить, выитти, выти, вытить, вытти*. Наречие *где* — как *гди* (*и* на месте ятя), *игде* (с протезой), *хде* (с диссимиляцией).

Вполне понятно, что многие из обозначенных типов варьирования представляют собой существенную трудность при выведении исходной формы того или иного слова в словаре и, более того, при поиске ответа на вопрос о тождественности слова. В тех случаях, когда тождество лексемы не вызывает сомнений, зачастую возникает следующий вопрос: какому написанию следует отдать предпочтение при выведении заголовочного слова? Но даже тогда, когда ответ на этот вопрос найден или вовсе не стоит, графическое разнообразие в передаче лексемы продолжает череду вопросов: какие способы отображения слова в текстах следует считать его вариантами, следовательно, указывать в финальной строке словарной статьи, а также помещать в виде отсылок в словнике словаря, а какие, возможно, не считать таковыми, следовательно, не обозначать и не давать отсылочными строками.

Как относиться к случаям графического упрощения, существенно изменяющим облик слова (*всчин* — «начало» в написании *вцин*), а в некоторых случаях даже порождающим псевдоомонимы, как, например, написание глагола *везти* в виде *вести, вспарывать* в виде *спарывать, въезд* в виде *уезд*? Или написание глагола *вскрываться* в виде *скрываться*: *Весною лед скрываетца позно: до Петрова дни и Павлова святых*. Сл. Мангаз., 76, 1670 г.

Как, наконец, относиться к опискам, к единичному написанию глагола *вынимать* в виде *внимать*?

С одной стороны, научная объективность и научная достоверность требуют тщательной и беспристрастной фиксации всех написаний, в которых лексема встречается в текстах. Именно так были представлены варианты в первых выпусках СОРЯ. При невозможности представить весь материал на какое-либо распространенное слово, авторы тем не менее дают полную информацию о том, в каком написании слово встретилось в текстах, не включенных в иллюстративную часть. И такой исчерпывающий способ подачи всех графических вариантов слова давал возможным исследователям весьма ценный материал. Однако лексикографическое правило, обязывающее помещать каждый вариант в виде отсылочной строки в корпус словаря, влекло при этом за собой довольно существенное увеличение объема словаря. (Упомянутая цифра 1404 — именно таково количество конечных строк со словом «вариант(ы)» в пяти с половиной выпусках — должна быть увеличена в среднем в три раза, поскольку многие лексемы в текстах исследуемого периода имели не два, а гораздо больше вариантов написания.) Получается, что на 6 тысяч описанных лексем в словарь должно быть включено около 3 тысяч отсылочных строк. Что, разумеется, очень много. При этом ряд отсылок, безусловно, поможет тому читателю, который будет обращаться к словарю, идя от текста, в котором встретилось непонятное слово (*аксамит, аксаминт, аксимит, оксамит; алдермен, алдраман; алаканта, алкант, алкан, алкат; белый, билий; абаса, обаса; виниса, вениса, винисса, винюса* и т. п.). Однако во многих других случаях, когда читателю, несмотря на некоторые отклонения от современного написания, слово знакомо, отсылки вроде бы излишни (*олебарда, аггельский, онис, абтика, бараня, барабанишик, безвесно, велблюд, велбуд, волять* и т. п.). Правда, с третьей стороны, при понятности слова, но отсутствии среди многих вариантов современного, неясно, где же искать слово (*аглинский, аглицкий, агленский, агликский, аглицкий, агнецкий, англинский, англицкий; амбурхцы, амбуры* и т. п.). Да и критерий понятности слова достаточно размыт: то, что *баток* — это *ботог*, понятно, *ботог* вроде бы тоже понятно, но чуть меньше, *ботох* еще дальше отстоит от словарной формы, а *патог* вне контекста вообще неузнаваем. И такое написание встречается не в иностранном источнике, а в одном из памятников московской деловой и бытовой письменности. Поэтому вопрос о включении или невключении графических вариантов в соответствующую строку словарной статьи остается открытым. Может быть, здесь допустим компромисс: указывать в справочной строке все варианты написания слова, но отсылочными строка-

ми в словнике давать только часть из них, исключая явные примеры аканья, яканья, иканья, вставные еры и ери?

В таком случае, несмотря на наличие в строке вариантов, например, таких написаний, как *аммарал*, *адютант*, *отъютант*, *алавастр*, *альябастр* и многих других, им подобных, отсылочные строки в словаре отсутствуют. А при наличии у лексемы *анис* вариантов *аныши*, *онис*, при обязательной отсылке в первом выпуске «*аныши* см. *анис*» отсылка в выпуске на букву *о* будет необязательной. И совершенно правильно в первом выпуске словаря при фиксации у лексемы *аккуратно* графического варианта *акуратно* отсутствие отсылки в соответствующем месте словника (между словами *акулов* и *акы*), при наличии у лексемы *бакулки* графического варианта *бокулки* отсутствие отсылки в соответствующем месте словника (между словами *бокон* и *бол*). Столь же оправдано помещение в словник в виде отсылочных строк единиц *бол* и *бола*, поскольку вне контекста невозможно догадаться, что речь идет о лексеме *боль* в первом случае и форме глагола *быть* во втором. Тем более, что *боль-бол* в текстах XVI–XVII веков — это «больной человек», и, хотя написание без еря встретилось в рукописном лечебнике, для которого выносные буквы скорее правило, чем исключение, все же более правильно включить подобное написание как отсылочное.

Однако помещение в словник отсылочных строк «*боламут* см. *баламут*» и «*болумут* см. *баламут*» представляется излишним: хотя лексема, предположительно, и является заимствованной, [возможно, монг. *balamut* ‘необдуманно говорящий’], она входит в активный запас современного русского языка, и даже написание через *о* не препятствует ее узнаванию. Точно так же не нуждаются в отсылочных строках написания типа:

арбацкий, *безвесно*, *ватацки*, *великолуцкий*, *звеселить*, *воцки*, *волский*, *воровско*, *выежать*, *непровский* (упрощение группы согласных);

безаконие (графическое упрощение);

безявочно, *въверху*, *възвесить*, *въклад*, *воинство*, *въпрос*, *въезжее*, *въяве* (варианты с ерами и ерями, с их меной и без них);

богрец, *бозар*, *бархот*, *бусормане*, *боран*, *бараня*, *волить*, *вореный*, *валеный*, *ведоть*, *ведамо*, *вежливый*, *вингерский*, *видить*, *видемый*, *вмести*, *вспохать*, *вызбнуть*, *вылягать*, *вынимовать*, *выстрял* (обозначение безударного гласного);

вершек, *вершечный*, *горшек*, *горшечек*, *жолоб* (обозначение ударного гласного после непарных по мягкости согласных);

встречю, *голешицо*, *жолвак* (обозначение безударного гласного после непарных по мягкости согласных);

барабанишк, *дневалишик*, *гусча*, *досчанка* (диалектное произношение *и*);

волыношник, всеношный, вьюшный, горшешник, докушник (произношение чн);

времяцько (диалектное цоканье);

выфатить (диалектная мена хв-ф);

хде, осподарь, осподин (диалектное произношение з);

доложник (диалектное второе полногласие)

безрозвытно (приставки раз-/роз-);

уверху, увесить, унук, овторник (диалектное произношение в);

ворух, витепский, фкинуть, вклатчик, влесть, врят, фступаться (оглушение);

гоцикий (озвончение);

викунт, янарал, олмаз, губарнатор, дохтур, ясоул (вариант заимствования, которое позже вошло в литературный язык);

выкопывать (южнорусская замена ударного а на о);

выпорток, выскордить, дегть (отсутствие безударного гласного)

и подобные многочисленные случаи отклонения от словарного написания. Точно так же, как не даются отсылочной строкой, хотя показываются в строке вариантов различия в суффиксе инфинитива (безударные *-ти* и *-ть*) и флексии прилагательного (*-ый* / *-ой*). Между тем показ всех присутствующих в текстах вариантов не только интересен, но и полезен для дальнейших исследований.

Исторические словари русского языка прошлых веков поразному решают проблему вариантности формы слова.

Во Введении к **Словарю русского языка XI–XVII вв.** читаем: «Вопрос об орфографии заголовочного слова в словаре, охватывающем период с XI по XVII в., является особенно сложным. Отражение на письме исторических и диалектных изменений языка, различное написание в зависимости от орфографических школ и степени грамотности писцов привели к значительному многообразию вариантов написания слов... Обилие вариантов наблюдается также у многих заимствованных слов... Основной принцип, определяющий оформление заголовочного слова, — это стремление показать зрительный облик слова в конце охватываемого словарем периода. После написания, принятого за основное, в скобках даются древнейшие его написания (в тех случаях, когда различия значительны и отражаются на алфавитном месте слова) и варианты иного характера». [СлРЯ XI–XVII 1: 11]. Показ зрительного облика слова выражается, в частности, в наличии ятей, а также конечных еров после твердых согласных и ерей после мягких. И далее: «Словарь не ставит своей целью привести все орфографические варианты слова. В словаре даются лишь самые распространенные написания, из редких же написаний — только те, которые

представляют собой сильно измененный облик слова, мешающий его пониманию. В этих случаях варианты написаний даются каждый на своем алфавитном месте в виде отсылки к основному слову, где они помещаются в скобках рядом с заголовочным словом» [ibid.]. То есть в данном словаре с его широким временным диапазоном выбран оптимальный показ в словнике вариантов, существенно отличающихся от заголовочного. И далее: «Написания с ъ и ь в корне, отражающие графический облик слова в памятниках раннего периода, приводятся в круглых скобках сразу после написания, принятого за основное» [ibid.]. То есть разные виды вариантов (но не все) даются в этом словаре при заголовке. «Написания с ъ и ь не приводятся, если эти буквы содержатся только в суффиксе. Так, при слове *купецъ* не будет варианта *купьць*» [ibid.]. Далее во Введении читаем: «Если слово, имеющее в памятниках несколько вариантов написания, сохранилось в современном языке, в качестве основного берется написание, совпадающее с современным: *докторъ* (*дохторъ*, *дохтуръ*), м. <...>

Орфографические варианты, вызванные ассимиляцией и диссимиляцией согласных, приводятся на своем алфавитном месте только в том случае, если графический облик слова сильно изменен: *ищезнути* см. *исчезнути*.

В качестве основного берется по общему правилу современное написание, а для слов, не сохранившихся в современном языке — написание, принятое в современном русском языке для слов аналогичного словообразовательного состава: *грабешчикъ* (*грабетчикъ*, *грабезчикъ*), м.

Изменение *чи* в *ин* в словаре не учитывается; не учитывается также оглушение конечных согласных. <...>

Орфографические варианты, вызванные аканьем, не учитываются. ... Однако в ряде случаев, когда речь идет об алфавитном месте заимствованного слова, в словаре предусматривается приведение вариантов и взаимных отсылок: *амбаръ* (*онбаръ*), *онбаръ* см. *амбаръ*» [ibid.:12].

Во вводном выпуске к **Словарию русского языка XVIII века** читаем: «Как варианты в пределах письменного языка XVIII в. (при параллельном функционировании русского и книжно-славянского типа языка) расцениваются формы реликтовые и формы исторически более поздние (*любовь* и *любы*, *двенадцать* и *дванадесят* и т.п.). Особенности диалектной фонетики и морфологии... в качестве вариантов слова не рассматриваются» [Правила 1984: 14]. Далее приводится подробное описание разных типов вариантов. «Орфографическими вариантами признаются стойкие вариантные написания, зафиксированные в ряде орфографически авторитетных текстов XVIII в. (*зверский* — *зверьский*,

баимачник — баимашник, счастье — щастье, калач — колач, воскурить — возкурить и др.). ... Фонетические варианты — особенности произношения слов, связанные с действием живых звуковых законов (позиционные чередования гласных, явления ассимиляции и диссимиляции, упрощение групп согласных, перестановки, наращеня и т. п.). Словарь регистрирует подобные варианты только в пределах диалектно окрашенного просторечия и в словах иноязычных (*оспа — воспа, амбар — анбар, арифметика — арихметика* и др.). Фономорфологические варианты — отражение в слове звуковых закономерностей предшествующих этапов языкового развития (исторические чередования), а также свободное варьирование в иноязычных словах, причины которого лежат вне действия звуковых законов русского языка (*стыд — студ, озеро — езеро, жребий — жеребий, казнить — кажнить, пускать — пуцать, свинья — свиния* и др.). Морфологические варианты — модификации слова в типе склонения и роде (*вред — вреда*), в виде флексий (*дальний — дальный — дальней*), глагольных классов и типов спряжения (*зреть — зрить*), форм вида (*закладать — закладывать*), финалей наречий (*тепло — тепле, даве — давеча — давечь*). Этимологословообразовательные варианты — модификации в кругу слов иноязычного происхождения, связанные с отличиями в оформлении (на европейской почве) генетически родственного суффикса (*дезертир — дезертор — дезертер* и т. п.)» [ibid.: 14–17].

Следующий раздел посвящен подаче вариантов в словаре. Наиболее употребительный (сильный) вариант приводится в заголовке, а рядом с ним — другие указанные варианты. При других вариантах на их алфавитном месте даются отсылки, за исключением регулярных типов — флексий прил. *-ый/-ой*, суффиксов инфинитивов *-ть/-ти*, флексий сущ. *-ие/-ье*, неоглушенных согласных в приставках на *-з/-с* [ibid.: 15–17].

В региональных исторических словарях в силу меньшего объема описываемой лексики вариантам в теоретической части уделяется меньше внимания.

Так, в **Словаре лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века** читаем: «Фонетические и фонематические варианты слов обусловлены отсутствием в памятниках строгой нормы написания и разной степенью грамотности составителей документов. Такие варианты в словаре помещаются в одной статье. ... В качестве основного принимается слово современного литературного языка. ... Если же в литературном языке нет ни одного из представленных вариантов, то избирается в качестве основного вариант, фонетически наиболее близкий слову современного литературного языка (*анбар*, а не *онбар*) или наиболее

частотный» [Сл. Перм. 1: 5]. (В подобных случаях в Словаре XVIII века современная форма вводится в ломаных скобках в словник и от нее дается отсылка на зафиксированный вариант.) «Неосновные варианты помещаются на соответствующем по алфавиту месте с отсылками на основную статью: *онбар* см. *анбар*. Во всех остальных случаях, кроме фонетических и фонематических вариантов, связанные между собой слова поданы в разных статьях» [ibid.].

В **Смоленском историческом словаре XVI–XVIII веков** читаем: «Заглавное слово воспроизводится в соответствии с орфографией источников, при этом дается ссылка на вариантную форму. Иногда вариантное написание дается в скобках после основного» [Сл. Смол.: 11]. Выбор формы заглавного слова описан здесь весьма лаконично, без подтверждения примерами.

Однако ориентация на тексты не дает единообразия в подаче лексем. Открыв Словарь, находим в нем такие заголовки: *Поручикъ / порутчикъ, поруцикъ* [ibid.: 226] — фонетико-графические варианты, *Пороснягъ / поросникъ, парасникъ* (ibid.) — морфологические и фонетико-графические варианты, однако в ряде случаев авторы выводят заголовочную форму, восстанавливая ее и давая встретившееся в тексте написание в скобках: *Свестить /звестить/* [ibid.: 264]. В отдельных случаях написание слова все же приводится в соответствие с современной орфографией: *Крашенинный* [ibid.: 121], хотя в цитатах *крашениный, крашениньный, Забивственный* [ibid.: 85], хотя в цитатах *забивственный*. В целом, просматривая словарные статьи Смоленского словаря, видим, что писцы были достаточно грамотные и такого разнообразия написаний, какое встретилось нам при работе над СОРЯ, там нет (либо при составлении Словаря выбирались иллюстрации с «правильным» написанием).

Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам Нерчинских деловых документов XVII–XVIII веков.) ориентируется на читателя: «Заголовочное слово... ставится в начальной форме... и приводится в современной орфографии. Фонетические и орфографические варианты даются в одной словарной статье, обозначаются круглыми скобками после заголовочного слова: *анбар (амбар), голунец (галунец), боярак (буерак)*» [Сл. Нерч.: 10]. Правда, все приведенные примеры противоречат утверждению о выборе в качестве заголовка написания в современной орфографии. Действительно, в самом корпусе Словаря находим в качестве заголовка *амбар (анбар)*, однако *голунец (галунец), боярак (буерак)*, что противоречит утверждению предисловия.

Псковский областной словарь с историческими данными, работа над которым началась раньше, чем над многими региональными

историческими словарями, в принципах показа лексики прошлых веков однозначно ориентирован на читателя: «Для слов, извлеченных из средневековой письменности..., заголовок дается в современной орфографии» [ПОС 1: 8]. Во второй редакции инструкции, помещенной в 15 выпуске Словаря, есть уточнение: «Отмечаются фonomорфологические и графические варианты слов в памятниках письменности: *давний* — вар. *давный*, *дважды* — вар. *двожды*, *житье* — вар. *житие*, *есть* — вар. *ясти*» [ПОС 15: 21].

Обзор показывает, что в большинстве исторических словарей в качестве заголовка выбирается победивший в жестких условиях конкуренции и вошедший в современный русский литературный язык вариант написания, другие варианты указываются либо при заголовке, либо в конце словарной статьи, но не все типы вариантов помещаются в качестве отсылочных строк в словниках. Следовательно, компромиссы допустимы: при максимально развернутом перечне вариантов при слове только часть из них давать в качестве отсылок, оговорив это в дополнении к инструкции.

Составление словарей — творческий процесс, при котором совершенствование методики описания материала идет постоянно. Так, обсуждая словарные статьи 25 выпуска ПОСа, авторы на одном из заседаний пришли к выводу о необходимости определенной корректировки в подаче материала одного из источников, о чем написали в материалах к третьей редакции инструкции Словаря. СОРЯ — относительно молодой словарь, идет работа только над 7 выпуском, и авторскому коллективу предстоит еще очень многое уточнить для себя и для читателей Словаря.

Сокращения

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. Л., 1967. — СПб., 2014 (изд. продолж.).

Правила 1984 — Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984.

Сл. Мангаз. — Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Н. А. Цомакион. Красноярск, 1971.

Сл. Нерч. — Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам Нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.). Т. 1. Чита, 2003 (изд. продолж.).

Сл. Перм. — Е. Н. Полякова. Словарь лексики пермских памятников XVI–начала XVIII века. Тт. 1–2. Пермь, 2010.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011 (изд. продолж.).

СЛРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л., 1984 — Вып. 19. СПб., 2012 (изд. продолж.).

Сл. Смол. — Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. Отв. ред. Е. Н. Борисова. Смоленск, 2000.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–5. СПб., 2004–2012 (изд. продолж.).

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 1–4. М., 1964–1973.

Генералова Елена Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

О добром и вечном

**(заметки о семантике качественных прилагательных
в русском языке XVI–XVII вв.)¹**

Предметом статьи послужила семантика базовых прилагательных качественной оценки в памятниках обиходного и делового языка XVI–XVII вв. (по материалам картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.»). Широко используя в памятниках различной жанровой принадлежности, прилагательные качественной оценки именно в обиходном и деловом языке — в основном в непереводах источниках и оригинальных контекстах — развивают разнообразную семантику и в период начала сложения национального языка проходят стадию стратификации (выстраиваясь в синонимические ряды, закрепляясь как основные и второстепенные в языке) и семантической определенности.

Набор качественных² прилагательных в обиходном и деловом русском языке XVI–XVII вв. традиционен: используются преимуще-

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ 14-04-00110-а «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков (седьмой и восьмой выпуски)».

² Вопрос разделения прилагательных на лексико-грамматические разряды неоднозначен: «граница между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна. Она, по большей части, проходит внутри одного и того же слова, будучи обусловлена дифференциацией его значений» [Виноградов 1972: 170]. Однако нельзя и проигнорировать определенные морфологические, словообразовательные, семантические, функциональные тенденции в рамках пусть и не всегда четко выделяющихся разных групп прилагательных.

ственно базовые лексемы, доминанты синонимических рядов, в большинстве своем хорошо известные и в современном языке (*большой, долгий, грешный, гладкий, кривой, дурной* и т. д.), и это черта, сближающая обиходный язык XVI–XVII вв. с разговорной речью.

В разные периоды существования языка доля качественных прилагательных всегда меньше доли относительных и притяжательных, словообразование менее активно, чем процессы по образованию относительных прилагательных (ср. выводы исследователей о процессах в современном русском языке: «Производство имен прилагательных дает четкую картину противопоставления разрядов качественных и относительных имен по степени активности. В то время, как рождаются десятки суффиксальных ОП от все новых наименований, в том числе терминологических, суффиксальное производство качественных прилагательных дает единицы» [Русский язык 1996: 124]). Для XVI–XVII вв. — времени значительного накопления в языковой системе словообразовательных вариантов, семантических дублетов при невысокой доли заимствований — такое состояние особенно характерно. Относительные прилагательные в это время могут образовываться фактически от любой основы (напр., *амный* ‘содержащий амну вина’: *б бочек амных, гнездный* ‘растущий в тесном окружении других деревьев и кустов’: *гнездный дуб, бескуфейный* ‘отстраненный от священнических обязанностей’: *бескуфейной попь*, и т. д.), выделяют-ся целые ряды дублетных или частично совпадающих по семантике однокоренных прилагательных (*архиепископий — архиепископлев — архиепископов — архиепископский, вражеский — вражий — вражебный*). Для фонда же прилагательных качественной оценки словообразовательные процессы характерны в меньшей степени (напр., *безмочный* ‘слабый, бессильный’, *дождеватый, дождевой* и *дождивый* ‘дождливый, с обильными дождями’). Качественные прилагательные — это во многом непроемные слова (*глупый, худой, простой, глухой*) или слова, образованные от древних корней (*близкий, глубокий*), и этот исконный корневой фонд, естественно, ограничен.

Однако небольшое количество прилагательных качественной оценки в обиходном языке XVI–XVII вв. компенсируется их высокой частотностью, известностью в значительном количестве контекстов, и в языке XVI–XVII вв. велика «поляризация» качественных прилагательных по частотности: одни единичны, фиксируясь один-два раза (см. *варный* ‘жаркий, знойный, палящий’ (*варное солнце* (Хож. Аф. Ник.)), *диковинный* ‘замечательный, удивительный по своему высокому качеству’ (*чай диковинный* (Разг. Хеймера)), видимо, сибирский

диалектизм *воистый* ‘всегда готовый к войне, храбрый’ (*люди воисты* (Сл. Том.)), другие обладают очень широкой употребительностью.

Для высокочастотных полисемантических (т. е. ядерных) качественных прилагательных при всем их разнообразии можно выделить обобщенные типы развития значений; некоторые рассмотрены в статье на примере семантической эволюции прилагательных *добрый* и *вечный*.

Древнее, восходящее к праславянскому периоду и известное на протяжении всей истории русского языка прилагательное *добрый* в языке XVI–XVII вв. — одно из самых частотных, фиксируется во многих источниках разной жанровой и территориальной принадлежности, обладает широкой сочетаемостью, развивает разнообразную семантику, входит в значительное количество фразеологических оборотов, в ряде значений субстантивируется, является основой обширного словообразовательного гнезда, в т. ч. активно используется в сложениях.

Анализ семантики этого прилагательного в обиходном и деловом языке XVI–XVII вв. позволяет выделить определенные смысловые блоки, в рамках которых развиваются значения:

I. Обладающий положительными свойствами, выдающийся в своем роде.

1. Отличающийся хорошими качествами (обычно о предметах).
2. Хорошо знающий свое дело.
3. Здоровый, полный сил.
4. Справедливый.

II. Добродетельный, примерный в нравственном отношении.

5. Достойный, уважаемый, почтенный.
6. Состоятельный, занимающий определенное общественное положение.

III. Добросердечный, отзывчивый

7. Относящийся к людям доброжелательно, с сочувствием.
8. Основанный на добросердечном, доброжелательном отношении.

IV. 9. Противоположный плохому, дурному.

V. Большой, значительный.

10. Значительный по степени проявления, интенсивности
11. Значительный по количеству.

Отношение основных значений (трех первых смысловых блоков) друг к другу неоднозначно: едва ли можно говорить о непосредственной производности или какой-либо стратификации.

В обиходном языке XVI–XVII вв. *добрый* широко использовалось с семантикой ‘отличающийся хорошими качествами, выдающийся-

ся в своем роде', сочетаясь с нарицательными, как правило, конкретными существительными («в особенности широко — с названиями товаров» [Мжельская 2003: 64], как пишет О. С. Мжельская, подробно рассмотревшая семантику этого прилагательного на материале иностранных разговорников): *Мой товар доб [doeb, gutt]* (Разг. Шrove, 1546 г.), *Прислат восемь станов колес а коласа (!) б были добры ступицы и спицы и ободы добрые* (Арх. Пожарских, 1649 г.), *Архимандриту...по полуведру меду доброго* (Рус.-грузин. отн. I, 1681 г.). *Добрый* встречается и в контекстах, содержащих прямое указание на противопоставление товаров по качеству (где *добрый* 'лучшего качества'): *А пряные зелья купят... кореню мамраму купят батман по пяти лан середняго, а добраго по шти и по семи лан* (Ст. сп. Байкова, 1658 г.), *Половинка лосинная добрая цена полполтины половинка лосинная середняя цена пять алтын половинка малая цена гривна* (Товар. цен. роспись, 1687 г.). Формируются фразеологические обороты *добрый руки* 'выполненный мастером высокого уровня' и *дobre добр(-ый)* с усиленной семантикой.

В сочетаниях с лексемами конкретных тематических групп значение 'отличающийся хорошими качествами, выдающийся в своем роде' может быть уточнено: 'о земле, почве — плодородный' (*Паши добрые земли монастырской и крестьянской пятьдесят четвертей* (АФЗХ II, 1574 г.)), 'об одежде — парадный, нарядный' (*И невѣсту нарядаютъ въ доброе платье* (Котошихин, 1667.)), 'о погоде — ясный, солнечный' (*Добро [dobbro] погодые* (Разг. Шrove, 1546 г.)), 'о здоровье — вполне удовлетворительный, не вызывающий беспокойства' (см. характерные для формул речевого этикета устойчивые сочетания *доброе здоровье, в добром здоровье (здрави), добр здоров*).

В рамках этого значения в сочетаниях с одушевленными существительными реализуется семантика 'здоровый, полный сил' и 'хорошо знающий свое дело' (*Стольники государевы, по смотру добры, толко молоды и не служивали* (МДПП, 1625 г.), *А в Суздале, государь, городского наряду и пушечных запасов и зелья немного, и пушкарей добрых нет* (РД II-2, 1670 г.), *Сей кокъ розумѣтъ свое дѣло онъ доброй мастер* (Разг. Хеймера, 1696 г.)). В немногих сочетаниях с абстрактными существительными *добрый* означает 'искусный, высокого уровня': *3 книги писменные, в десть, доброва писма* (Вкл. Нижегород., 1648 г.).

Несмотря на кажущееся расхождение таких значений, они объединены идеей чего-то лучшего, превосходного в своем роде. Ряд синонимичных сложений с корнем *-добр-* уточняет значение с помощью второго компонента: *доброобразный* 'имеющий приятный внешний

вид', *доброродный* 'плодородный', *доброродный* 'имеющий здоровый, цветущий вид' и 'знатного происхождения' (наряду с синонимичными *благородный*, *высокодоброродный*, *высокородный*, *высокорожденный*, *высокоуроженный*, *добророжденный*), известные только в тексте Вестей-Курантов 1658 г. *добронарядный* 'одетый в праздничную одежду' (*добронарядными людми*) и *добростроинный* 'о войсках — отличающийся хорошей выправкой в строю' (*добростроинные новонанятые свѣиские роты*).

Ведущей для сочетаний прилагательного с обозначениями людей в языке этого периода является семантика 'добродетельный, примерный в нравственном отношении': *И вы бѣ въ Старую Русу послали дворянина добра* (А. Ивер. м., 1655 г.). С семантикой 'достойный, уважаемый, почтенный' прилагательное и используется как эпитет в обращении, и субстантивируется в формах *добрый*, *добрые*, и входит в устойчивое сочетание *добрые люди* (*добрый человек*): *А скажут в обыску, что он [кого приведут с поличным впервые] доброй человек, ино дело вершити по суду* (Судебник 1550 г.), *Ты члвкъ доброй так тебѣ добрые люди и надобѣ* (ИНРЯ, 1694 г.). См. использование этого сочетания в сравнениях, раскрывающих «образцовость» добрых людей: *Полно-тко милостивая душа Авраам-от миленькой, чадом зовет [богатого], да разговаривает, быт-то с добрым человеком* (Авв., 1675 г.), *И хочетца мне так же пожить, как добрые люди живут, да виликые мои недостатки* (Азб. о гол. и небог., сер. XVII в.). В специализированном деловом употреблении сочетание *добрые люди* (только во мн. числе) означает 'свидетели из числа уважаемых жителей, соседей'.

В описываемый период уже хорошо известна и основная семантика прилагательного *добрый* в современном русском языке: с одушевленными существительными — 'добросердечный, отзывчивый, обожелательный, относящийся к людям с сочувствием' (*Мужь еѣ Алексѣи Коробанов добръ былъ до еѣ Аннинных детеи* (МДБП, 1641 г.), *И табѣ бы пожаловат для моего прошания быт к нему добру и всякое вспоможения чинит* (ИНРЯ, 1696 г.)), с абстрактными существительными — 'выражающий доброту, отзывчивость, доброжелательность' (*Глаз чорной взгляд доброй абычей волковъ* (Сим. Послов., XVII в.)), и 'основанный на добросердечном, доброжелательном отношении' (*Мы с предком его с маршалком доброе и дружное суседство держали* (РШЭО, 1620 г.)). С такой семантикой *добрый* известно и в устойчивом сочетании *по доброй воле* и в сложениях гnezда *добр-вол-*. В контекстах, описывающих отношения между монархами и странами, прилагательное развивает оттенки 'дружественный, добро-

соседский (о межгосударственных отношениях)’, ‘имеющий результатом заключение межгосударственного договора’, ср. фразеологизм *доброе дело* ‘межгосударственное соглашение’: *После того с королевною Елизаветью многие ссылки государю нашему бывали, а дела доброго не совершалось* (Ст. сп. Писемского, 1583 г.), *А какъ посольство учнетъ приходить къ доброму дѣлу, и имь [послам] по зговору записи велятъ писать, по указу, и учиня бѣ межъ себя вѣру и крестное цѣлованье, розѣхався зъ другими послы, ѣхали къ Москвѣ не мѣшка* (Котошихин, 1667 г.).

Т. е. в разное время в языке ведущей оказывается разная семантика *добрый*, и период XVI–XVII вв. — рубежный в истории этого прилагательного. Изучив использование антонимов *добрый* и *худой* в качестве оценочных слов в языке XVI–XVII вв., О. С. Мжельская приходит к выводу, что в это время «древние исконные слова *добрый* и *худой*, несмотря на широкое употребление, уже стоят на пороге утраты ряда своих значений, тогда как относительно новые в языке слова с неясной этимологией *хороший* и *плохой*, распространяясь в речи и на письме, вступают в конкуренцию с древними словами и в дальнейшем, заменяя их во многих семантических позициях, отодвигая на второй план, значительно сужают их смысловый объем в литературном языке [Мжельская 2003: 69–70].

Обобщающей по отношению к первым трем — фактически равноправным — блокам можно считать семантику ‘противоположный плохому, дурному’, однако это значение не является главным для прилагательного *добрый* в период XVI–XVII вв. (такая семантика более актуализируется в существительном *добро* ‘все, что полезно, хорошо; благо’). Выделяются оттенки этого значения: ‘благополучный, счастливый’ (в составе этикетных формул приветствия и прощания (*добрый день, добра(я) ночь, добрый вечер, доброе утро*) и ‘содержащий положительные сведения, положительную оценку’ (в сочетаниях со словами *весть слава, беседа* и др. и в устойчивом сочетании *доброе слово: Ладану бѣгаетъ дьявол а дурак доброва слова* (Сим. Послов., XVII в.)). *Добрый* в обобщающем оценочном значении особенно близко одному из своих синонимов в языке XVI–XVII вв. *благой*.

Периферийными в семантике *добрый* являются значения ‘значительный по количеству’ и ‘значительный по степени проявления, интенсивный’ (в т. ч. ‘о цвете — насыщенный’: *Купити лаль добраго цвѣта въ ползолотники вѣсомъ въ 2 и въ 3 и 4 рубли* (Торг. кн.(С), 1575–1610 гг.)). Развивая такую семантику, *добрый* сближается с высокочастотными прилагательными *большой* и *великий*.

Важно, что *добрый* обладает яркой положительной оценочностью, которая имплицитно присутствует практически во всех контекстах с этим прилагательным. О. С. Мжельская приходит к выводу, что в языке XVI–XVII в. *добрый* было «основным словом, обозначающим положительное качество» [Мжельская 2003: 63].

Во многом с сильной оценочностью связан определенный синкретизм семантики прилагательного *добрый*¹. Характерно, что в ряде контекстов сложно выделить, какое именно значение имеется в виду, вероятно, следует говорить о диффузности семантики при общей положительной оценке. См., напр., *На людеи она дурнымъ ничем не похвалялас жена де она добрая* (МДБП, 1643 г.) (совмещаются значения ‘добродетельный, достойный, уважаемый’ и ‘добросердечный’), *И вы б послали от себя в Панишинской и в Качалинской городки, выбрав из войска... казаков добрых, сколько человек пригоже* (РД I, 1670 г.) (‘добропорядочный, почтенный’ и ‘хорошо знающий свое дело’, возможно, ‘здоровый, полный сил’), *добрый молодец* (‘добропорядочный, почтенный’ и ‘здоровый, полный сил’), *Отведен ли по посольскому договору твоим государевым торговым людем в Стекольне на приезд двор и какой двор отведен, добр ли или обычной, и в какове месте* (РШЭО, 1636 г.) (‘большой, просторный’ и ‘отличающийся хорошими качествами’) и т. д.

В целом, для семантической структуры прилагательного *добрый* характерны:

- сложная организация (позволяющая выделять и более крупные, чем значения, семантические единицы);
- развитие разнообразной и неоднородной семантики (в т. ч. за счет широкой сочетаемости с существительными разных разрядов и тематики);
- трудность реконструкции связей семантической производности;
- ядерно-периферийная семантическая структура (четко выделяются ведущие и второстепенные значения, при этом стратификация динамически изменяется во времени);
- развитие оценочной семантики;
- синкретизм значений в ряде контекстов;
- синонимичность другим базовым прилагательным качественной оценки.

Такого же типа семантическая эволюция имеет место в прилагательных *большой, великий, высокий, дородный, дорогой, здоровый* и др.

¹ О синкретизме в истории языка оценочных слов и слов, обозначающих моральные качества, см. напр. [Пименова 2011].

См. приблизительную семантическую схему прилагательного *большой*:

I. 1. Значительный по размерам, величине, объему.

2. Значительный по количеству, многочисленный.

3. Значительный по силе проявления.

II. 1. Главный, основной.

2. Занимающий высокое служебное положение.

III. Старший по возрасту, по годам.

Ярко выраженный синкретизм значений можно **наблюдать**, напр., в семантике прилагательного *бедный*, которое наряду со значениями 'не имеющий достаточных средств к существованию, неимущий', 'несчастный, вызывающий жалость, сострадание' и 'находящийся в бедственном положении' развивает характерную для деловых памятников языка XVI–XVII вв. синкретичную семантику 'неимущий, незащитный, ожидающий сострадания и помощи' (*А ныне мы, бедные, от разоренья помираем голодною смертью и наги и боси* (РД III, 1672 г.), *Умилис надо мною над такою бедною безродною и над детми* (ИНРЯ, 1696 г.), часто усиливаясь прибавлением близких по семантике прилагательных, используясь как традиционный эпитет челобитчика и выступая основой формирования устойчивых сочетаний (*бедный и беспомощный и беззаступный, скуден и беден, бедный и разоренный*).

Прилагательное *вечный* также частотно, многозначно, активно во фразеологических оборотах. Семантически это принципиально другой тип: все значения слова расходятся достаточно недалеко, составляя некое единство.

Для прилагательного *вечный* это единство определено концептом «независимости от времени». Конкретные реализации обусловлены прежде всего функциональной характеристикой, а также актуализацией той или иной семы в рамках единого смыслового ядра. Слово *вечный* активно используется в книжно-церковных текстах; в обиходный язык входил ряд единиц «религиозной лексики», при этом, по интересному наблюдению О. С. Мжельской, в источниках «отразилась «верхушка» религиозной лексики, все то, что так или иначе касалось повседневной жизни... основной же пласт христианской терминологии остался за пределами наших источников» [Мжельская 2003: 96].

Освоенную обиходным языком «христианскую» семантику *вечный* можно определить как 'в христианской религии: независимый от времени, вневременный': *Въчень, ewig* (Разг. Хеймера, к. XVII в.), *Избави, Господи, вечныя муки, а дай нам, Господи, светлый рай* (Пов. Гор.-Зл., XVII в.). Антонимами *вечный* в этом значении выступают

лексемы *временный, тленный*. Круг определяемых существительных показателей, это почти исключительно абстрактная книжная лексика: *вечные муки, вечные блага, вечный сон, вечный покой, вечная жизнь, вечное блаженство*. Большинство этих сочетаний могут рассматриваться как устойчивые, свойственные текстам литургического и евангельского содержания, т.е. фактически можно говорить о контекстуально связанном «христианском» значении прилагательного *вечный*. Интересно проникновение таких сочетаний — в качестве широко распространенных — в тексты не церковного, в т. ч. делового, содержания, напр., во вкладной в составе формулы: *Се язъ Истома Васильевъ... даль есми въ домъ Пречистой Богородицѣ... свою вотчинную деревенку... по своей душѣ... и въ наслѣдие вѣчныхъ благъ со всѣми угоды* (А. Угл., 1570 г.) (ср. широко известные в памятниках обиходного языка формулы *блаженные памяти, по Божію велению, слава Богу*, и др.). Достаточное конкретное, «обмирщенное» значение имеет фразеологизм *вечная память*: ‘а) заупокойная молитва’, ‘б) возглас при упоминании об умерших: чтобы всегда помнили!’.

В рамках концепта постоянства, независимости от времени развивается и основная семантика, с которой *вечный* используется в источниках обиходного и делового языка XVI–XVII вв., — ‘постоянный, не ограниченный сроком, бессрочный; существующий постоянно, всегда’. Разграничить эти значения и их оттенки достаточно сложно, они как бы перетекают друг друга. В некоторых контекстах (более характерны для частной переписки) актуализируется сема независимости от времени, постоянности: *Прошу у тебя гсдря своего приятеля одолжи меня вечнымъ своимъ пріятельствомъ даи мне млсть свою и пріяство на веки помнит* (ПНРЯ, XVII в.), *Детем моимъ Петровымъ Якову и Федору Петровичамъ отъ меня вамъ миръ и любовъ и вечное мое вамъ блгословение* (Гр. № 65, XVII — н. XVIII в.). В других контекстах (более характерны для памятников официально-деловой разновидности) на первый план выходит сема бессрочности, отсутствия каких-л временных ограничений: *Велеть его по вечному докончанью отпустить для торговли за рубежъ и проезжую ему дать* (РБС, 1649 г.), *Велеть по мирному вечному договору и по прежнему и по нынешнему его челобитию о томъ дворе... дати нашу грамоту* (РШЭО, 1645 г.), или сема сохранения постоянного действия, существования: *А чаяно было вечнаго поминка дочери своей и сожителнице а ты гсдрь и одиново не приезживал в мнстрь и перед собою панахиды не отпевывал* (ПНРЯ, XVII в.) (ср. *вечный синодик* ‘памятная книга, в которую вписывали имена умерших родственников для поминовения во время церковных

служб'), *И ранень я, холопъ твой... изъ мушкета возлѣ уха въ лѣвую щоку, а въ правую вышло, небо выломило, языкъ перервало... изувѣченъ я, холопъ твой, вѣчнымъ увѣчьемъ* (АЮБ III, 1659 г.).

В контекстах делового содержания *вечный* часто используется почти с терминологическим значением 'бессрочный, пожизненный': *Кто похочет остатца въ вѣчной службѣ, и имъ жалованье мѣсечной кормъ дается до вѣку ихъ* (Котошихин, 1667 г.), *А просить у меня ... тот воевода тое мою женишку к себѣ во дворъ в вѣчное холопство* (Южн. челобитные, 1649 г.) (ср. использование в этом значении и производного наречия *вечно*: *Галеченинъ Микита Ондреевъ сынъ Котенинъ поступился в монастырь старинново своего крестьянина Онтипки Степанова з женою и з дѣтми и з животы вѣчно во крестьянство* (Вкл. Нижегород., 1665 г.), *Онъ же Иван Шавкуновъ, бивъ ево Лазарка батогами, намучилъ на него и на жену ево и на дѣтей дворовую запись въ штидесять рублехъ и чтобъ ему Лазарку и зъ женою и зъ дѣтми жить у него Ивана во дворѣ вѣчно* (А. Кунг., 1698 г.)). В деловых контекстах используются устойчивые сочетания с усилительной семантикой *искони вечный, искони вечно* 'с давних пор', *в вечно* 'на всю жизнь'. Определяя одушевленные существительные (чаще всего слово *работник*), прилагательное *вечный* получает значение 'преданный до конца своих дней': *Млсть гсдрь над вѣшным своим работником покажи пожалуй прикажи смолот пшонки да ржи* (ПНРЯ, XVII в.); такие сочетания часто используются в частных письмах в зачине или в формуле выражения благодарности: *А семъ писав вешнои твои работник Андриюшка Безобразов со упрошениемъ челомъ бью* (ПНРЯ, XVII в.), *Челом бью гсдрь на гостинце, а я за млсть твою вѣчнои твои работникъ* (ИНРЯ, XVII — н. XVIII в.), *О сем вечнаи искател млсти твоеи къ себѣ Васка Челюскин раболепно челом бьет* (ibid., 60).

Постоянство действия основа *вечн-* обозначает и в сложениях *вечнопамятный* (*Одолжи вечнопамятным неоплатным долгом потрудисе поскорее* (Гр. № 171, 1697 г.)), *вечнхвальный* (*И тем великий государь наш... великую и вечнхвальную славу имяни своему учинил* (РШЭО, 1629 г.)).

Указание на предельный признак способствует развитию у прилагательного *вечный* семантики 'окончательный, полный' с частичной десемантизацией, особенно часто в сочетании с лексемой *разорение*, используясь в деловых контекстах: *И тебе за то от нас, великого государя, быть... в вечном разоренье* (РД I, 1666 г.) (ср. аналогичные контексты с наречием *вечно* в формуле просьбы в челобитных:

*Умсердись гсдрь Андреи Иличь заступи своею млстью не даи надо мною Федору Шекловитому насмеяцца и **вечна** ат нево розаритцца бесчестья себе и вам не принесть (ПНРЯ, XVII в.), Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович... пожалуй меня, иноземца, ...чтоб мне, иноземцу, от того **вечно** в разорении не быть (РШЭО, 1668 г.).*

Таким образом, для семантической эволюции прилагательного **вечный** характерно:

- определенное единство и однородность развиваемой словом семантики (значения расходятся недалеко);
- прозрачность семантических связей;
- относительное равноправие значений;
- определенная устойчивость смыслового ядра слова;
- незначительная склонность к потере лексического значения;
- неиспользование в оценочных контекстах.

Интересно исследование и сравнение случаев диффузной семантики прилагательных. Если в семантической эволюции таких прилагательных, как *добрый*, известны самые разные, достаточно далеко расходящиеся значения и в диффузных контекстах они объединяются как существующие одновременно, но не сливаются воедино, то для семантики прилагательных, как *вечный*, характерно плавное перетекание одного оттенка в другой и неразличение в ряде случаев этих оттенков именно в силу невозможности их выделения.

К этому же семантическому типу можно отнести развитие значений слов *богатый*, *глупый*, *готовый*, *вольный* и др. Напр., если для прилагательного *вечный* единый концепт поворачивается разными гранями в зависимости от функционального аспекта: ср. более книжное *огнь вечный* (Авв., 1675 г.) и обиходное *и коли онои (дичок) приметъся и взростет, будетъ плетень **въчныи*** (Назиратель, XVI в.), то у прилагательных *богатый*, *больной*, *глупый*, *готовый* и др. семантика варьируется в зависимости от сочетаемости с классом одушевленных или неодушевленных существительных.

См. **богатый** — с одушевленными существительными ‘обладающий большим имуществом, материальными ценностями’ (*богатои торговои члвкъ*), с неодушевленными существительными — ‘обладающий чем-л. в большом количестве’ (*Наша земля богата людми да не золотом* (Аноним. разг., 1568 г.)), ‘значительный по ценности’ (*богатая милость*), ‘щедрый, отличающийся обилием’ (*богатая трапеза*), ‘роскошный, великолепный’ (*пены богатые*);

глупый — с одушевленными существительными ‘ограниченный в уме, недалекий’ (*глупые люди, глупые де мужики, глупая княгиня неразумная* и т. д.), ‘незрелый разумом; неразумный по возрасту’ (*глупо робя*), с неодушевленными существительными — ‘неразвитый, слабый’ (об уме), ‘ложный’ (о сведениях);

голодный — с одушевленными существительными ‘испытывающий сильное желание есть; несытый’ (*Яз гораздо голодна, урѣѣжъ мнѣ кусочикъ мяса* (Копенг. разг., сер. XVII в.)), с неодушевленными существительными — ‘вызванный недостатком пищи, происходящий от недоедания’ (*голодная смерть*), ‘скудный продуктами питания’ (*голодные годы, голодное время*).

Таким образом, развитие семантики качественных прилагательных возможно разными путями. Интерес также может представлять исследование пополнения фонда прилагательных в период XVI–XVII вв. (словообразовательные и семантические процессы), границ между разрядами прилагательных в истории языка, изменения семантики качественных прилагательных и культурологическая оценка таких изменений, образования переносных значений прилагательных, в частности оценочной и абстрактной семантики, характеризующей моральные качества человека, у прилагательных физического восприятия (в том числе у параметрических прилагательных). Такой анализ важен в смысле изучения формирования фонда и определения семантики русских прилагательных на этапе начала сложения национального языка.

Сокращения

Авв. — Житие протопопы Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960.

А. Ивер. м Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706 гг.) / Собрал архимандрит Леонид // РИБ. Т. 5. СПб., 1878.

Аноним. разг. — "Ein Rusch Boeck..." Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert / Hrsg. von A. Fałowski. Köln; Weimar; Wien, 1994.

А. Кунг. — Кунгурские акты XVII в. (1668–1699 гг.) // Изд. А. Г. Кузнецов. СПб., 1888.

Арх. Пожарских — Das Hausarchiv der Fürsten Požarskii. Documente zur Geschichte russischer Güter 1633–1652. Herausgegeben und kommentiert von Maritta Schmücker-Breloer. Böhlau; Verlag; Köln; Weimar; Wien. 1996.

А. Угл. — Шумаков С. Угличские акты (1400–1749 гг.) // Чтения ОИДР. 1899. Кн. 1. Отд. 1. С. 1–208.

АФЗХ II — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. Ч. 2. М., 1951–1956.

- АЮБ III — Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изд. Археограф. комис.; Под ред. Н. Калачева. Т. 3. СПб., 1857–1884.
- Вкл. Нижегород. — Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря / Предисл. А. А. Титова // Чтения ОИДР. 1898. Кн. 1. Отд. 1.
- Гр. — Грамотки XVII — начала XVIII в. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.
- ИНРЯ — Котков С.И., Панкратова Н.П. Источники по истории русско-го народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964.
- Копенг. разг. — Sørensen H. Chr. Ein russisches handschriftliches Gesprächsbuch aus dem 17. Jahrhundert. København, 1962
- Котошихин — Котошихин Г.О. О России в царствование Алексея Михайловича: 2-е изд. СПб., 1859.
- МДПП — Материалы делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. 1. СПб., 1906.
- МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968
- Назиратель — Назиратель / Изд. подг. В. С. Гольщенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1973.
- Пов. Гор.-Зл. — Повесть о Горе-Злочастии // Русская повесть XVII в. / Подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц. Сост. М. О. Скрипиль. М., 1954. С. 103–115.
- Разг. Хеймера — Günther Erika. Das niederdeutsch-russische Sprachbuch von Johannes von Heemer aus dem Jahre 1696. Frankfurt am Main, 2002.
- Разг. Шпрове — «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. Cz. 2 / Oprac. A. Bolek, H. Chodurska, A. Fałowski, J. Kunińska. Kraków, 1997
- РБС — Русско-белорусские связи: Сб. документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963.
- РД — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 1. М., 1954 Т. 2. Ч. 2. М., 1959; Т. 3. М., 1962.
- Рус.-грузин. отн. I — Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII в.). Т. 1–2 / Документы к печати подг., предисл. и коммент. Г. Г. Пайчадзе. Тбилиси, 1974.
- РШЭО — Русско-шведские экономические отношения в XVII в. / Отв. ред. М. П. Вяткин, И. Н. Фирсов. М.–Л., 1960.
- Сим. Посл. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. СПб., 1899.
- Сл. Том. — Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII в. / Под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002.
- Ст. сп. Байкова — Статейный список Ф. И. Байкова // Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966. С. 113–145.
- Ст. сп. Писемского — Статейный список Ф. А. Писемского // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.–Л., 1954. С. 100–155.
- Судебник 1550 г. — Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича 1550 г. // Памятники русского права Вып. 4. М., 1956. С. 233–261.

Товар. цен. роспись — Городилова Л. М. Список с заручной товарной ценовой росписи 1687 г. // *Palaeoslavica*. XVI. 2008. № 2. Cambridge – “Palaeoslavica” – Massachusetts. S. 129–154.

Торг. кн. (С), 1575–1610 гг. — Торговая книга / Предисл. И. И. Сахарова // Зап. Отд. рус. и слав. археологии Археолог. о-ва. Т. 1. Отд. 3. СПб., 1851.

Хож. Аф. Ник. — Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. / Под. ред. акад. Б. Д. Грекова, В. П. Адриановой-Перетц. М.–Л., 1958.

Южн. челобитные — Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи. / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянова. М., 1993.

Литература

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.

Мжельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (на материале иностранных руководств для изучения русского языка). СПб., 2003.

Пименова М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания, 2011. № 3. С. 19–48.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996.

Лексика русского и славянского происхождения в сочинении Паоло Джовио (Павла Иовия) о России XVI века¹

Паоло Джовио (1483–1552), епископ Ночеры (1528–1552) (в русской исторической литературе часто используется латинизированная форма его имени: Павел Иовий Новокомский — Paulus Iovius Novocomensis), итальянский гуманист, церковный и политический деятель, писатель и историк, оставил после себя обширное литературное наследие. Среди его сочинений, посвященных истории, политике, военному делу и т. п. имеется небольшая книга «О посольстве великого князя Московского Василия», написанная на латинском языке и изданная впервые в 1525 г. [Iovius 1525]. Сам П. Джовио в отличие от некоторых современных ему авторов, например, Франческо да Колло или Сигизмунда Герберштейна, в России никогда не был, а составил книгу на основании своих бесед с русским послом Дмитрием Герасимовым, направленным великим князем Московским Василием III к римскому папе Клименту VII. И по объему, и по степени подробности сообщаемых сведений книга П. Джовио уступает труду С. Герберштейна «Regum Moschoviticarum commentarii» (на протяжении XVI в. эти два сочинения неоднократно издавались под одной обложкой), но она также содержит определенное количество русских слов (имен собственных и нарицательных), записанных средствами латинского алфавита, и потому может рассматриваться как лингвистический источник по истории русского языка.

Среди русских слов, зафиксированных П. Джовио, преобладают имена собственные: личные имена, топонимы и этнонимы. Примером употребления топонимической лексики является титул великого князя Московского Василия III, послание которого римскому папе Клименту VII П. Джовио дает в латинском переводе: *Clementi Papae Pastori ac Doctori Romanae Ecclesiae, magnus Dominus Basilius Dei gratia Imperator ac dominator totius Russiae, nec non magnus Dux Volodemariae, Moschoviae, Novogrodiae, Pleschoviae, Smoleniae, Ifferiae, Iugoriae, Permniae, Vetchae, Bolgariae, etc. dominator et magnus Princeps Novogrodiae inferioris terrae,*

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 14-04-00110-а «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков (седьмой и восьмой выпуски)».

Cernigoviae, Razaniae, Volotchiae, Rezeviae, Belchia, Rostoviae, Iaroslaviae, Belozeriae, Udoriae, Obdoriae, Condiniaeque etc. [Iovius 1525: B1]. Этот титул соответствует полному титулу великого князя Московского, употреблявшемуся им в сношениях с иностранными государями, ср. текст грамоты Василия III великому магистру Тевтонского ордена Альбрехту: *По Божьей волъ и по нашему жалованью, мы великий государь Василей, Божьею милостью царь и государь всеа Руси и великий князь, Владимирский, Московский, Ноугородцкий, Псковский, Смоленский, Тферский, Югорский, Пермьский, Вятцкий, Болгарский и иныхъ, и государь и великий князь Новагорода Низовский земли и Черниговский и Рязанский и Волоцкий и Ржевский и Бълский и Ростовский и Ярославский и Бълзерский и Удорский и Обдорский и Кондинский и иныхъ, дали есмя сю свою грамоту Албретху нгметцкого чину, высокому магистру Прусскому (1517 г.)* [Памятники 1887: 19].

Обращает на себя внимание, что в латинском тексте П. Джовио русские прилагательные, образованные от топонимов, заменены именами собственными — названиями городов и земель в родительном падеже. При этом все названия даются в форме женского рода (в латинском языке слова *urbs* и *civitas*, обозначающие город, принадлежат к женскому роду). Можно предположить, что П. Джовио в этом случае использовал в своем сочинении уже готовый латинский текст грамоты Василия III Клименту VII, возможно, тот, который был составлен в Москве. В своей книге П. Джовио пишет, что грамота была зачитана на латинском языке дважды, сначала русским послом Дмитрием Герасимовым, а затем папским переводчиком иллирийцем Николаем Сикским (возможно, балканским славянином): *Tum vero Basilii literae datae, quas ipse [Д. Герасимов] antea, et demum Illyricus interpretes Nicolaus Siccensis in hanc sententiam latinis verbis transtulerunt* [Iovius 1525: B1]. Прямое указание на то, что грамоты московских великих князей, адресованные западноевропейским государям, составлялись в двух вариантах, русском и латинском, находится в документах, относящихся к посольству Тевтонского ордена в Москву: *А каковь грамотъ великого государя быти у маистра, и ту грамоту напишетъ диакъ государской по рускии и по латынскии ... А рускую грамоту велель князь великий писати Менішему Путятину, а латынскую Истомъ Малому* (имеется в виду цитированная выше грамота Василия III великому магистру Альбрехту) [Памятники 1887: 18–19].

П. Джовио употреблял в формах женского рода названия городов, которым в русском языке соответствовали названия мужского рода (Устюг, Владимир, Новгород), и в своем авторском тексте, поэтому можно предпо-

ложить, что он в данном случае следовал уже установившейся традиции, ср.: *In Dividnam influit Iuga amnis, in ipsoque confluentium angulo celebre est emporium nomine Ustiuga a Moscha regia urbe Sexcentis miliaribus distans* [Iovius 1525: C1]; *Urbs quoque Volodemaria Regiae nomen adepta est* [ibid.: C6]; *Distat Moscha ab Urbe Novogrodia quingentis millibus passuum* [Iovius 1525: C7]. Исключением является название города Смоленска: *Ab ipsa vero Cracovia ad Vilnam Lithuaniae caput, quingenta¹, et totidem ab ea urbe ad Smolenchum ultra Borysthenem situm, et a Smolencho ad Moscham sexcenta computantur* [ibid.: C8].

Среди этнонимов, обозначающих народы, соседствующие с Московским государством, наряду с преимущественно тюркскими названиями: *Casanii* ‘казанские татары’, *Sciabani* ‘шибанские татары’, *Nogai* ‘ногаи’, *Zagathai* ‘чагатаи’, встречаются слова, образованные от славянских (русских) корней. Так, крымские татары в сочинении П. Джовио именуются *прекопумы*: [*Praecipitae*] *In Europa ad Dromon Achillis Taurica in Chersoneso sunt Praecipitae, quorum principis filiam Selymus Turcarum Imperator Uxorem duxit* [ibid.: B4] (турецкий султан Селим I был женат на дочери крымского хана Менгли-Гирея [Смирнов 1887: 371–372, 378]); *Sed adversus Tartaros et maxime Europeos Praecipitas, saepius secundo praelio a Moschovitis est dimicatum, ulciscendis fortiter iniuriis quas illi repentinis incursionibus intulissent* [ibid.: E3].

Это слово, судя по всему, было образовано от топонима Перекопъ, ср. старорус. *перекопъ* ‘канал, соединяющий два водоема или служащий для выпрямления русла реки’ [Словарь 1988, 14: 250], староукр. *перекопъ* ‘ров, канава’ [Словник 1978, 2: 137]. Этот топоним часто встречается в русских документах XV–XVI вв., относящихся к отношениям с Крымским ханством: *А се такову грамоту послалъ Махметъ-Аминь, царь казанской, къ Менли-Гирею ко царю въ Перекопъ съ своимъ челоувъкомъ съ Булгакомъ* (1493 г.) [Памятники 1884: 207]. Крымский хан также часто именуется «царем перекопским» в документах и Московского государства, и Великого княжества Литовского: *Послали есмя къ Менли-Гирею, ко царю перекопскому, своихъ людей, Кадыша Обашова, да Кожуха Карчеева, да Бъгиша Шадыкина, да Зяндербыша, да съ ними три паробки, а всгъхъ ихъ семь челоувкъ* (из грамоты великого князя Московского Ивана Васильевича дебрянскому наместнику князю Федору Ивановичу, 1495 г.) [Памятники 1884: 215]; *Александръ Божію милостію Великій Князь* [Литовский] *всказалъ: Што еси присылалъ къ Намъ своего*

¹ Исправлено из *quinquaginta*, см. также поправку в конце издания: *In C. Pagina. viii. versu. ii. quingenta* [Iovius 1525: E6].

посла Михайла Еропкина и всказаль еси до Насъ: Што царь Мендли Герей **Перекопскій** и Стефан воевода Воложскій съ тобою въ любви (1496 г.) [Словник 1978, 2: 137]. Перекопской Ордой называли Крымское ханство в России и в XVII в., ср. пример из «Скифской истории» Андрея Лызлова: *О Перекопской или Крымской орде и царех их* [Лызлов 1990: 5].

Сам же латинский этноним **Praecipitae** с выпадением первой гласной *e* появился, возможно, под влиянием польского языка, ср. **Przekop** 'город в Крыму, современный Перекоп' [Słownik 2003, 31: 398]. Польский автор Мацей Меховский, опубликовавший свой «Трактат о двух Сарматиях» в 1517 году, говоря о крымских татарах, использует обозначение **Thartari Praecipenses**, где прилагательное **Praecipenses** образовано от топонима **Пекепон** в форме **Praecip**: *Postremo Machomet .VIII., imperator Thurcorum, avus moderni Selambeci imperatoris, Tauricam insulam comprehendit, Caffam expugnavit, Thartaros Praecipenses seu Vlanos cum toto Chersoneso omagiales sibi fecit* [Меховский 1936: 151].

Описывая северные земли Московского государства, П. Джовио называет жителей Перми, Печоры, Пинеги, а также вогулов и других представителей финно-угорских народностей: *In Ustiugam a Permiis, Pecerris, Inugris, Ugulicis, Pinnagisque ulterioribus populis preciosae pelles Martarum, Zebellinorumque, Luporum, Cervariorum, et nigrarum, albarumque Vulpium comportantur, et ab iis vario Mercimonii genere permutantur* [Iovius 1525: C1].

Из имен нарицательных П. Джовио приводит только русские названия нескольких животных и птиц (лося, тетерева и соболя), обитающих на территории Московского государства. Но и это небольшое число лексических единиц, иногда представленных в сильно измененной фонетической форме, существенно различается по степени их адаптации в заимствующем языке (то есть латинском языке Средневековья и Нового Времени). Некоторые из этих слов по способу их представления в тексте условно можно определить как экзотизмы, то есть слова, относящиеся только к русским реалиям. П. Джовио в таких случаях особо подчеркивает, что это слова «московитского языка», названия, «данные московитами». Описывая лосей, автор не только называет их латинским словом **alces**, но и указывает, какими словами называют их «московиты» и германцы: *Ea in parte quae vergit ad Prussiam, Uri ingentes, et ferocissimi Taurorum specie reperiuntur, quos Bisontes vocant, itemque Alces Cervina effigie et cum carnea proboscide altisque cruribus et nullo suffraginum flexu Lozzi a Moschovitis, a Germanis vero Helenes appellati, quae animalia C. Caesari nota fuisse videmus* [ibid.: B3–B4]. Здесь форма **Lozzi** соответствует русскому сло-

ву *лоси* (удвоением буквы *z* П. Джовио, видимо, пытался передать мягкость звука *c* в этом слове), а форма *Helenes*, соответствует немецкому слову *Elen* ‘лось’.

Тетерева П. Джовио в первых изданиях своей книги обозначает латинизированной формой *Tetrao*: [*Tetrao avis lingua Moschovitica Plinio Erythratao*] *Capitur quoque Avis subnigra, puniceis superciliis, magnitudine Anseris, quae pulparum sapore Phasianorum superat dignitatem, Moschovitica lingua Tetrao nuncupata quae Plinio Erythratao vocatur, Alpinis populis cognita, et maxime Rhetis qui saltus ad Abduae amnis fontes incolunt* [ibid.: D8]. Сохраняя славянский корень в форме *tetr-*, преобладающей в южно- и западнославянских языках, ср. болг. *mempev*, серб. *mempeб*, словен. *tetrev*, чеш. *tetřev*, словацк. *tetrov* [Фасмер 1987, 4: 52], и зафиксированной также в русской редакции церковнославянского языка: *mempeвь*, мн. ч. *mempeви* в Златоструе XII в. [Срезневский 1912, 3: 954–955], слово *tetrao* приобрело окончание *-ao*, видимо, по аналогии с уже известным латинским названием *Erythratao*. В классификации К. Линнея термин *tetrao* обозначает глухаря, а термин *tetrao tetric* — тетерева-косача [Бёме, Флинт 1994: 55]. Форма *Tetrao* находится и в последующих изданиях книги П. Джовио, вышедших с 1527 по 1551 год. Начиная с издания 1556 года, на ее месте появляется форма *Tether*: *Moschovitica lingua Tether nuncupata, quae Plinio Erythratao vocatur* [Iovius 1556: 170]. Соответствующее слово *memepь* была зафиксирована И. И. Срезневским в рукописном сборнике XII в. Троице-Сергиевой лавры в статье «Слово о богатом и Лазаре»: *Брашьно много и различно: memepья, гуси, жеравие, ряби; Ты же яси memepья, гуси, ряби, куры* [Срезневский 1912, 3: 953]. В современном русском литературном языке закрепилась форма женского рода *memepья*, но в говорах также встречается и форма мужского рода, ср. *глухой me'мepь* (мн. ч. *глухие memepья*) [Архангельский 1996, 9: 127].

Показательно, что книга П. Джовио стала источником сведений и для последующих историко-географических сочинений, например, французский автор Пьер д'Авити (1573–1635) в своей обширной компиляции «*Le monde, ou la description générale de ses quatre parties*», широко использует сведения из книги П. Джовио, в частности, при описании обитающих в Московском государстве животных и птиц: Il y a^d (примечание на поле: d Paulo Iov.) *force Taureaux sauvages nommez Bisontes, des Alces, que les Alemans appellent Elans, et les Moscovites Lozzi, qui ont forme de cerf, et les iambes fort hautes, desours d'un grandeur extraordinaire <...> On y prend un oiseau noir, de la grandeur d'une oye, dont les chairs grasses surpassent le goust du saisan. Les Moscovites*

l'appellent *Tether*, et Pline en a eu connoissanceⁱ (примечание на поле: i Erythratao) [D'Avity 1660, 3: 782].

К числу слов славянского происхождения, вошедших в лексическую систему латинского языка, относится слово *zebellinus* (*zebellina*), которое П. Джовио использует для обозначения соболя: *Porro Demetrius ubi aliquot dierum quiete recreatus est, deterisis elotisque sordibus, quas longo ac laborioso itinere contraxerat, assumptoque insigni patrio habitu ad Pontificem deductus, eum de more supplex adoravit, munusque Zebellinarum pellium suo, Regioque nomine obtulit* [Iovius 1525: A8–B1]; *Zebellinos vero levium pilorum tenui canicie probatissimos, quibus nunc principum vestis fulcitur, et delicata matronar[um] colla, expressa vivae animantis effigie conteguntur, Permii, et Pecerri p[rae]bent* [ibid.: C1]. Это слово, как и итальянское *zibellino* ‘соболь’, восходит, вероятно, через посредничество средневерхненемецкого языка (предполагаемая форма **zebelè*) [Cortelazzo, Zolli 2004: 1436] к славянскому слову (рус. *соболь*, укр. *соболь*, чеш. *sobol*, словацк. *sobol'*, пол. *soból*), распространившемуся далеко на запад [Фасмер 1987, 3: 703–704]. Можно отметить, что в средневековой латыни существовали и формы, заимствованные непосредственно из славянских языков *sabelus* и *sabelinus* [Du Fresne du Cange 1678, 3: 650; Niermeyer 1976: 925; Nicolai 2003: 468–470], но П. Джовио использовал слово *zebellinus*, которое встречается и в других латиноязычных текстах, созданных в Италии той эпохи, например, в латинском переводе книги Марко Поло: *Inter parva vero animalia est quaedam species apud illos [Tartaros], quae delicatissimas suppeditat pelles, quas vulgo zebellinas vocant* [Paulus 1532: 415]. Соответствующее итальянское слово в форме множественного числа *zebelini* можно встретить в датированном второй половиной XV века сочинении И. Барбаро о путешествии в Тану и Персию: *Ultimo vano ad un arbor grande et a quello tagliano quelle rame li pare e di sopra fanno un solaro, suso el qual metteno questo caval in piedi, e cusí lo adorano, offerendoli zebelini, armelini, dossi, varri, volpe et le quali apichano a questo arbore — cusí como nui afferimo candele — in modo che questi arbore sono pieni di simil pellitarie* [Барбаро и Контарини 1971: 134].

В сочинении П. Джовио встречаются также слова иноязычного происхождения, вошедшие в русский язык. П. Джовио дает развернутое толкование тюркского слова *орда*, объясняя, что оно обозначает в языке татар: [*Horda quid sit*] *Dividuntur Tartari per Hordas, ea est eorum lingua consentientis in unum populi congregatio ad effigiem civitatis. Hordis singuli praesunt Imperatores, quos genus aut bellica virtus dedit, saepe enim cum finitimis bella gerunt, ac ambitiose admodum et atrociter*

de Imperio decertant. Hordarum infinitum prope numerum esse constat, quippe Tartari ad Cathayum usque celeberrimam in extremo ad Orientem oceano civitatem, latissimas solitudines tenent [Iovius 1525: B4]; *In ulteriore Volgae ripa Tartarorum oppidum est Casanum, a quo Casaniorum Horda nomen ducit* [ibid.: C5]. В русском языке XV–XVI вв. это слово употреблялось для обозначения татарских ханств, возникших после распада Золотой Орды (Большой Орды, Ногайской Орды, Крымского ханства), ср.: *А приѣхали ко мнѣ [великому князю Московскому Ивану Васильевичу] мои люди изъ Орды, а сказываютъ, что де въ Орды у царя у Муртазы и у Седехмата царя королевы послы Стрѣтъ да Ивашко Рагозинъ смолнянинъ, а ити деи имъ изъ Орды назадь часа того* (1484 г.) [Памятники 1884: 43]; *Великие Орды великого царя отъ Менли-Гирея царя великому князю Василью, брату моему, слово наше то* (1508 г.) [Памятники 1895: 27].

Следует также отметить, что в латинском языке слово *orda* встречается уже в «Истории монголов» Джованни дель Плано Карпини, где оно обозначает и совет при хане: *Nos autem non vidimus illam, sed fuimus prope ad dimidium diem, cum apud Syram ordam, quae curia est maior imperatoris eorum* [Plano Carpini, Rubruquis 1903: 44], и место пребывания хана и его приближенных: *Unde cum essemus apud ordam (sic enim stationes imperatoris apud eos et principum appellantur) iacebamus in terra prae magnitudine venti prostrati, et propter pulueris multitudinem videre minime poteramus* [ibid.]; *Primo etiam imperatori faciunt idolum, quod ponunt in curru, ante quam stationem honorifice, sicut vidimus ante ordam imperatoris istius, offerunt munera multa* [ibid.: 47], а также употребляется как синоним слова *tentorium* ‘палатка, шатер’: *Acceptisq[ue] munieribus duxerunt nos ad ordam sive tentorium ipsius* [ibid.: 94]. Это слово было также известно итальянским авторам XV в., писавшим о Восточной Европе; в форме *lordò* оно встречается в сочинениях И. Барабаро и А. Контарини, где оно имеет значение ‘народ, племя’ ср., например: *Signorezava in le campagne dela Tartaria del 1438 uno imperador, nominato Ulumahameth can, zoè gran Machometo imperador. Et havea signoregiato piu anni. Trovandosse costui in le campagne, che sonno verso la Rossia con el suo lordò, zoè populo, haveva per capitano questo Naurus, el qual fu figliolo de Hedighi, dal qual fu streta la Tartaria ala fede machometana* [Барбаро и Контарини 1971: 117].

В описании устройства русской церкви П. Джовио использует заимствованные из греческого языка термины *митрополум* (*Metropolita*) и *архимандрум* (*Archimandrita*): *Regem sacrorum quem ipsi Metropolitam vocant, a Constatinipolitano Patriarcha petunt.*

Archimandritae autem et Episcopi coniectis in urnam meliorum nominibus forte dicuntur [Iovius 1525: D4]. Но эти слова широко употреблялись в средневековой латыни, как в текстах, переведенных с греческого языка, так и в оригинальных памятниках, созданных на территории Западной Европы, ср. *archimandrita* ‘*abbas; quivis praelatus, etiam archiepiscopus*’ [Du Fresne du Cange 1678, 1: 306]; *metropolita* ‘*métropolitain, évêque d’une métropole*’ [Niermeyer 1976: 676], причем последнее слово зафиксировано не только в новеллах византийского императора Юстиниана, но и у галло-римского поэта VI в. Венанция Фортуната.

Конечно, такие слова, как *орда* и *архимандрит*, прочно вошедшие к XVI веку в лексическую систему русского языка, также можно рассматривать как русские в широком смысле слова. По-видимому, такой точки зрения придерживаются издатели русского перевода сочинения С. Герберштейна, включившие слова *архимандрит* и *орда* в список русских слов, транслитерированных Герберштейном [Герберштейн 1988: 388]. Но при этом необходимо учитывать, что эти слова были частью лексической системы латинского языка Средневековья и Нового времени, в который они входили не обязательно через посредничество русского или других славянских языков.

Здесь была предпринята попытка проанализировать употребление лексики русского (и шире — славянского) происхождения в одном латинском тексте XVI века, небольшом по объему и содержащем ограниченное количество слов, являющихся объектом изучения. Выбор этого текста объясняется помимо значимости фигуры его автора в контексте европейской культуры эпохи Возрождения также стремлением выработать адекватную методологию описания и исследования русских слов, встречающихся в такого рода памятниках. Иностранное историко-географические сочинения о России часто содержат весьма ценные лексические материалы, дающие новые данные для истории русского языка, а также позволяющие проследить культурные, экономические и политические контакты между народами Руси и Западной Европы, отразившиеся в сфере языка.

Литература

Архангельский областной словарь. Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–12. М., 1980–2004.

Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV веке. Вст. ст., подг. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971.

Бёме Р. Л., Флинт В. Е. Пятиязычный словарь названий животных. Птицы. М., 1994.

Герберштейн С. Записки о Московии. Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988.

Лызлов Андрей. Скифская история. Подготовка текста, комментарии А. П. Богданова. М., 1990.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. Л., 1936.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. 1. Изд. под ред. Г. Ф. Карпова. СПб., 1884. (Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 41).

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии 1516—1520 гг. Изд. под ред. Г. Ф. Карпова. СПб., 1887 (Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 53).

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. 2. Изд. под ред. Г. Ф. Карпова и Г. Ф. Штендмана. СПб., 1895. (Сб. имп. Русского исторического общества. Т. 95).

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2012.

Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1–2. Київ, 1977–1978.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Т. 1–4. М., 1986–1987.

Cortelazzo M., Zolli P. Dizionario etimologico della lingua italiana. Edizione minore a cura di Manlio Cortelazzo e Michele A. Cortelazzo. Bologna, 2004.

D'Avity Pierre. Description générale de l'Europe, quatrieme partie du monde avec tous ses empires, royaumes, estats et republicues. Т. 1–3. A Paris, 1660.

Du Fresne du Cange C. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Latinitatis: in quo Latina vocabula novatae significationis, aut usus rarioris, barbara et exotica explicantur, eorum notiones et originationes reteguntur. Т. 1—3. Lutetiae Parisiorum 1678.

Iovius P. Pauli Iovii Novocomensis Libellus de legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII. Pont[ificem] Max[imum]. Romae, ex aedibus Francisci Minitii Calvi, 1525.

Iovius P. Pauli Iovii Novocomensis, De legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII. Pontificem Max[imum] Liber // Rerum Moscoviticarum commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein, Neyperg, et Guettenhag: Russiae, et quae nunc eius metropolis est, Moscoviae, brevissima descriptio. Basileae, per Ioannem Oporinum, 1556. P. 158–172.

Niermeyer J. F. Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden 1976.

Nicolai G. M. Dizionario delle parole russe che s'incontrano in italiano. Roma 2003.

Paulus M. M. Pauli Veneti de regionibus Orientalibus libri III // [Grunaeus S., Huttichius J.] Novus orbis regionum ac insularum veteribus incognitarum, una

cum tabula cosmographica, et aliquot aliis consimilis argumenti libellis, quorum omnium catalogus sequenti patebit pagina. Basileae 1532. P. 330—417.

Plano Carpini J., Rubruquis W. The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis, as printed for the first time by Hakluyt in 1598, together with some shorter pieces. Edited by C. Raymond Beazley. London 1903.

Словник польсзчыzny XVI wieku. Т. 1–36. Wrocław, Warszawa, Kraków 1966–2012.

Мальшева Ирина Алексеевна

Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

«Досканы сахарные»: вопросы номинации в русском языке начала XVIII века¹

«Нет ничего более унылого и привычного, чем бытовая лексика» [Капанадзе 1982: 271]. Трудно согласиться с данной сентенцией, если занимаешься изучением процессов, проходивших в русской лексике в XVIII столетии. Для XVIII века, изменившего повседневный уклад русской жизни, принесшего в русский быт новые понятия, новые вещи, актуальными и непростыми стали вопросы называния новых предметов обихода: язык не всегда идет по более простому пути прямого заимствования — он ищет свои средства, часто не сразу останавливаясь на каком-либо одном способе выражения. Как отмечают исследователи, большую часть неологизмов XVIII века «составляют слова, образованные с помощью словообразовательных средств русского языка» [Мальцева, Молотков, Петрова 1975: 3].

Данная статья посвящена наблюдениям над процессами номинации в одном из памятников делового письма начала XVIII века — «Списка со счетных выписок архангелогородской таможни ярмарочного таможенного сбора» 1710 г. (СПБИН. Ф. 10. Оп. 3. № 145. ч. 1–5, 1756 л.).

Документ представляет собой копию (список) счетных выписок, которые составлялись в конце года и подводили итог торговым операциям иноземных купцов на архангельской ярмарке [Мальшева 2009: 129–

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-00428 «Вариантность в русском языке XVIII века».

134]. Названный источник характеризует не только его большой объем и широта представленного в нем лексического материала, но и то, что он в отличие от большинства таможенных книг первой половины XVIII века содержит значительный материал по новым заимствованиям (в том числе и более ранние фиксации, чем это показывают другие источники и словари) и более явно по сравнению с аналогичными источниками отражает поиски собственно русских наименований для входящих в русский быт новых (или еще редких) предметов обихода.

Книга относится к периоду активного проведения петровских реформ, бурного роста внешней торговли. В начале XVIII в. архангельский порт был единственным на Русском Севере, куда приходили иностранные торговые суда, «это была единственная пристань, где русские купцы могли запастись иностранными товарами, куда стекались все торговые богатства из всей России и Сибири» [Фоккеродт 1874: 70]. В частности, указанная книга содержит список кораблей, пришедших в архангельский порт в 1710 г.: *В нынѣшнемъ 1710 м году в приходе к архангелскому городу караблеи разныхъ земель было аглинскихъ 75 галанскихъ 55 анбурскихъ 12 дацкихъ 10 брабенскихъ 2 русскихъ 5 Всего 150 караблеи* (ТК Арх.¹ 1710, ч. 5, л. 1707)¹. До 1712–1713 гг. практически не было ограничений в торговле Архангельска, только к 1720-му году иностранные торговые суда пошли исключительно к новому порту — Санкт-Петербургу [Захаров 1997: 181]. Книги портовой и внутренней таможен Архангельска содержат пространные и насыщенные названиями заморских товаров статьи: через архангельский порт на внутренний рынок России поступали иноземные ткани, галантерейные товары, мебель, кареты, посуда, предметы роскоши², комнатные птицы (попугай, снегирь, канарейка), краски, благовония, пряности, новые для русского стола продукты (сыры, оливки, анчоусы, ракушки соленые (устрицы), каперсы, шоколад, вина рейнские, испанские, французские, венгерские) и др. По данным историков, ассортимент ввозимых через архангельский порт иноземных товаров

¹ Цитаты из рукописных источников даются в упрощенной орфографии, сохраняется буква ъ, снятием курсива показаны выносные буквы, буквенное обозначение чисел заменено цифровым.

² Например, в названной архангельской книге среди прочих товаров записаны такие, как куклы малые немецкие вошанные крашенные, куклы большие обшиты платьем и флюром белые, ящик в нем птица складна из полотна, ставочки маленкие деревянные простые в них по садочку игрушечных с попугайками костяными, в ящике араб сделан из дерева на деревянном поддоне платье на нем золоченое, кровать заморского дела с принадлежащими к ней потребами столбики и камфа обиты стофом гарусным красным обложена галунами лазоревыми 3 подушки стояные гарусные завеса гарусная с галунами и др.

насчитывает более 500 наименований, в том числе, в частности, 47 видов посуды и утвари [Захаров 1985: 193].

Ярмарочные таможенные книги (особенно книги крупных ярмарок) [Малышева 2002: 42–59] в силу своей специфики нередко показывают, с одной стороны, пути проникновения в русский язык новых заимствований (например, через архангельский порт поступали преимущественно английские и голландские товары), фиксируют первые (или наиболее ранние) их употребления, с другой — отражают поиски обозначения новых предметов средствами русского языка: русские новообразования на основе заимствований, описательные обозначения, собственно русские дериваты и др.: «в период наибольшей диффузности языка в отношении иноязычных вхождений формируются одновременно и силы сопротивления им, возбуждается семантическая и словообразовательная активность исконного состава языка» [Биржакова, Войнова, Кутина 1972: 5].

Новизна (или редкость) привезенной «заморской» вещи вызывала нередко у таможенников при досмотре и регистрации товара проблему, как эту вещь обозначить, наименовать, и чаще всего способом обозначения становился описательный, называющий какие-либо характеризующие признаки. Отличительной чертой указанных списков является именно то, что в них часты определительные конструкции с союзными словами *который, что, где*, отражающие процесс поиска обозначения нового для русского быта предмета или пояснения иностранного слова: *6 дюжинъ кисточекъ шелковых что в волосы пудру набиваютъ* (ТК Арх.¹ 1710, ч. 1, л. 54 об.),¹ *пол 7 дюжины чашекъ да пол 7 дюжины блюдецъ фарфоровых что чаи пьютъ* (ч. 1, л. 55 об.), *ящичъ в немъ 7 кувшинцов что калян тянутъ стеклянных бѣлых* (ч. 1, лл. 86 об.–87), *дюжина сумочекъ кожаных малых что кладутъ писма* (ч. 1, л. 95), *600 перышков каменных что пишут в книжках каменных* (ч. 1, л. 105), *51 меленка дерева орѣхового что кофѣ мелютъ* (ч. 1, л. 271 об.), *10 фунтъ морховъ что нашиваютъ на платье по подолу гарусомъ 20 фунтъ бахрама что кругомъ кровати окладываютъ шерстяныхъ* (ч. 2, л. 310), *камфор оловянной на котормъ ставятца блюда и торелки 4 подблюдника оловянных да камфорикъ² блюдной оловянной на ношкахъ ... 2 тюка рогож камышевых которые постилаются на полы под ноги* (ч. 2, л. 316 об.-317), *2 ящичка табаку крошеного в нихъ двѣсти восемь бахчей а по рускому на-*

¹ При последующих цитатах из данного источника указывается только часть и лист.

² Заметим, что СРЯ XVIII называет датой ранней фиксации в русском языке слова *камфор* 1731 г., варианта *камфор* 1780-е гг., а слова *камфорик* не фиксирует (9: 237).

званью фунтъ (ч. 2, л. 357 об.), *чашка серебряная в которой аглинской помягъ¹ строить* (ч. 2, л. 431), *шляпа плетеная из соломы женская которую покрываются от дождя* (ч. 2, л. 503), *ящыкъ в немъ 4 шилдерея что в окна ставят* (ч. 2, л. 503 об.), *в коробочкѣ 23 нитокъ помаранцовъ что кругъ шеи держат* (ч. 3, л. 985 об.), *6 коробочекъ галунчиков нитяных что около шляпъ обшивають ... 10 перя что около шляпъ живетъ* (ч. 5, л. 1564 об.), *12 свясков гвоздьа деревянного что в бочках живутъ ... 46 струнов что на скрипках* (ч. 5, л. 1565).

Однако чаще проявляются поиски способа обозначения нового предмета или адъективными словосочетаниями, или путем вариативного подбора русского соответствия, или образования нового слова.

Наиболее интересны случаи, когда прослеживается цепочка последовательной трансформации номинации от описательной синтаксической конструкции, содержащей придаточное предложение (или субстантивное словосочетание), к адъективному словосочетанию и далее к существительному, образованному, как правило, от прилагательного: *коробочка что пудра кладется* — *коробочка путреная* — *пудреница*; *коробочка что сахар держат* — *сахарный доскан* — *сахарница*; *нагалище на очки* — *нагалище очковое* — *очешник* и под.

В названной книге архангельской ярмарки отмечается одно из ранних упоминаний такого предмета туалета, как пудреница, которая обозначается описательно с использованием синтаксической конструкции с придаточным определительным: *2 дюжины коробочекъ кожаных крашенных что пудра кладетца круглых* (ч. 1, л. 54). Тариф портовый 1724 г., который содержит перечни многих ввозимых в Россию товаров, в том числе и галантерейных, называет этот предмет адъективным сочетанием: *Табакърки, или досканы роговые, костеные, и деревянные, пудреные коробки роговые, чернилицы коробки слоновые, и черепаховые всяких рук* (ТП 15)². Можно предположить, что именно это адъективное сочетание становится наиболее употребительным на протяжении всего столетия, однако и КС XVIII, и другие источники содержат лишь единичные примеры: *двадцать коробокъ путреных* (ТК М. 1736 л. 53), *употребляется оная <золоченая и се-*

¹ В КС XVIII ранние примеры употребления слова *пунчи* относятся преимущественно к 60-м годам XVIII века, указанного варианта нет.

² В статье используются сокращения источников, принятые в «Словаре русского языка XVIII века». См.: [Указатель 1984: 58–141]; списки дополнительных источников см.: нечетные выпуски Словаря. В список сокращений включены те рукописные памятники, которые не вошли в список источников СРЯ XVIII.

ребренная бумага > на оклѣйку ларчиков, **коробочек пудренных**, футляров, книг (Сл. комм. II 414).

Слово **пудреница**, по данным КС XVIII, отмечается только с конца XVIII в. (1796 г.): <Парикмахер> *примѣтил лишь при начатии своей работы, что он пудреницу свою оставил у музыканта* (Кн. муз. 50). Первая словарная фиксация дана в САР¹: Пудреница. Мешок кожаной или сосуд какой, в коем пудра хранится [САР¹ IV: 1174]. Однако значительно более раннее употребление в варианте *пуптриница* представлено в одной из ярмарочных таможенных книг 1725 г.: *явил ... товару своего серебра в дѣле в венцах в крестах в подносах ... в стаканах в пуптриницах* (ТК Брянск 1725, л. 95 об.).

Слово **табакерка**, видимо, относится к новообразованиям XVII века: СлРЯ XI–XVII относит данное слово к источнику XVII в., цитируемому по списку XVIII в. [29: 168]. КС XVIII показывает активное употребление данного слова на протяжении всего столетия. Одно из ранних употреблений датируется 1714 г. и встретилось в письме Петра I: *Пришлите сюда ... остинскихъ черепахъ нѣсколько черепов верхнихъ, изъ которыхъ табакерки точать* (МГО II 4); другое — 1716 г.: *Запони золотая ломаная, табакерка, 2 лоханки на ножках* (ДПС VI 555).

Тем не менее рукописные памятники первой четверти столетия (и в частности, указанная архангельская книга) показывают достаточно частотные случаи поиска средства номинации, которые проявляются в подборе русского соответствия. Как правило, это сочетания со словами *коробка*, *коробочка*, *досканец*, сопровождаемыми различными конкретизирующими пояснениями: *2 дюжины коробочекъ табашныхъ мѣдныхъ простыхъ гладкихъ* (ч. 1, л. 54), *дюжина коробочекъ деревянныхъ крашенныхъ что порошекъ кладут ... 2 дюжины коробокъ круглыхъ что порошекъ держатъ носной обвертныхъ* (ч. 1, л. 55), *дюжина коробочекъ деревянныхъ круглыхъ с обвертными кровелками что держат порошекъ носной* (ч. 2, л. 95 об.), *полфунта порошку носного 2 досканца черепаховыхъ в которыхъ порошокъ держатъ* (ч. 2, л. 345), *коробокъ деревянныхъ что порошекъ держатъ 5 дюжынъ с полдюжиною палмовыхъ пол 3 дюжыны кости слоновои да 2 дюжыны роговыхъ* (ч. 2, л. 488), *2 дюжины коробокъ желѣзныхъ табашныхъ* (ч. 4, л. 1233 об.–1234), *6 коробокъ черепаховыхъ в которыхъ порошокъ держатъ* (ч. 5, л. 1467). В другой архангельской книге этого же года (книга той же ярмарки, в которой регистрировались торговые операции русских купцов) также называются *20 дюжин коробокъ табашныхъ бѣлого желѣза и роговыхъ* (ТК Арх. 1710, л. 295). Описательные наименования встречаются и в конце столетия: *Подарил ему ко-*

робочку табачную (Зап. Блтв IV 391).¹ Первоначальное название табака *никоциан* или *никоциана* дали табакерке раннее название *никоцианской коробочки*: **Никоцианския коробочки** и *иные мелочи к никоцианскому курению принадлежащая* (ПСЗ III 450).

Нюхательный табак называли *порошок носовой*, *порошок носный*: 10 фу **порошку носового** в жести (ч. 2, л. 491), бочка порошку носового (ч. 2, л. 549), 16 горшечков **порошку носного** в ѳсом по фунту в горшечкѣ (ч. 3, л. 984). Отсюда другие варианты названий табакерки: *четыре ѳ дюжины коробочекъ роговых прошечных* (ТК Арх.⁴ 1725, л. 102 об., отпуск к Вологде), ср. в записи явки этого же товара: *четыре дюжины коробочекъ роговых табашных* (ibid., л. 101 об.). Ср. в Словаре Н. Курганова: Табак, прошек (ПК 1769 410).

В таможенных материалах **табакерка** (вариант *табакирка*), впервые встречается в астраханской книге 1725 г.: *две ѳ дюжины роговых табакирокъ* (ТК Астрах. 1725, л. 82); затем в московской книге 1737 г.: *четыре табакерки костяных с стеклами* (ТК М. 1737, с. 19); позже в московской книге 1743 г., астраханских книгах 1746 г.: *пятьдесят четыре дюжины табакерок лаковых черных и красных* (ТК М.¹ 1743, с. 523), *две дюжины табакерокъ плохих жестяных* (ТК Астрах. 1746, л. 14), *шесть табакирокъ железных* (ТК Астрах.¹ 1746, л. 178 об.). Первая словарная фиксация дана в Словаре Н. Курганова: Табакерка, доскан (ПК 1769 410).²

Футляр для очков в указанной архангельской книге называется словом *нагалище*. Примечательно, что в одной записи употреблены вариантные наименования: *бры очки хрустальные в серебряных ободках в нагалищах хозовых черных 9ры очки хрустальные ободки серебряные нагалища черепаховые 3 нагалища черепаховых очковых б нагалищъ на очки хозовых черных* (ч. 2, л. 317).³ КС XVIII материалов на слово *нагалище* по отношению к футляру для очков не содержит.

¹ Разрешение на ввоз травы никоцианы (табака) было дано указом Петра 1698 года: был заключен на семь лет договор с Английской компанией, который давал право англичанам привозить табак и торговать им исключительно «у города Архангельского», «окроме той английской компании ни кому в Россию Табаку вывозить и торговать им не велено под жестоким наказанием»; в 1700 г. в статьях о таможенном сборе у Архангельска было специально оговорено, что именно к Архангельску «в привозе будут .. трубки и **коробочки** и иные к табачному курению принадлежащие мелочи» (почеркнуто нами – И. М.). См.: [Чулков 1781: 428, 558].

² Мода на нюхательный табак широко распространяется к середине XVIII века, и, естественно, расширяется изготовление (в Петербурге работал «табакерочный цех») и ввоз из-за границы табакерок; в 90-е гг. быстро растет число табакерочных фабрик. См.: [Уханова 1981 114, 120].

³ *Влагалище* как обозначение футляра для очков и *нагалище очковое* встречаются в текстах XVII в. [СлРЯ XI–XVII 2: 206; 10: 46]. В материалах КС XVIII единственный пример употребления слова *влагалище* ‘футляр для очков’ отмечен в лексиконе Вейсмана.

Слово *очешник* в данной архангельской книге не отмечено, однако оно встретилось в двух ярмарочных книгах 1725 г., одна из которых относится к северной территории, другая — к западной: *полдюжины очешниковъ* (ТК Шенк., л. 142), *шеснатцать дюжин очков ... шесть дюжин очешников* (ТК Брянск 1725, л. 157). Вероятно, в какой-то степени показательно, что наиболее ранние фиксации слова *очешник* (как и слова *пудреница*) отмечаются именно в ярмарочных книгах: главным распространителем новых товаров служили именно крупные ярмарки.

Впервые слово *очешник* фиксируется в Вейсманновом лексиконе 1731 г.: Влагалище очков, очешник [ВЛ 111]. КС XVIII показывает фиксацию данного слова, кроме указанной, в словарях конца столетия: Очешник. Влагалище, служащее для клажи очков [САР¹ IV 624]; Футляр на очки, очешник [Ад. I 325]; текстовые иллюстрации отсутствуют.¹

Появление новых видов посуды (и, естественно, новых наименований) связано с вхождением в быт высших слоев городского населения блюд европейской кухни и с распространяющейся практикой европейской сервировки стола. В частности, как отмечают историки, «распространение обычая чаепития сильно повлияло на состав домашней утвари» [Рабинович 1988: 262]. Примером появления новых предметов и их наименований могут служить слова *масленник* (*масленница*), *кофейник*, *чайник*, *сахарница*.

В названной архангельской книге встретились только описательные наименования посуды для хранения и подачи на стол масла: *26 перешницъ и гдѣ масло держатъ столовых* (ч. 2, л. 378 об.), *26 перешницъ с поддонами в чем масло держатъ* (ч. 2, л. 380). Оба примера связаны с обозначением одного и того же товара: первая запись — явка англичанином своего товара, вторая — отсутствие названного товара при досмотре таможенниками. Показателен первый пример, в котором нет собственно названия посуды, а только указывается, для чего она предназначена. В архангельской книге 1726 г. отмечено слово *масленник*: *дюжина блюд глинных дюжина торѣлокъ глинныхъ дюжина чайников глинныхъ дюжина укусуников глинных ... дюжина масленниковъ глинныхъ* (ТК Арх.¹ 1726, л. 60 об.).² О неустойчивости и незакрепленности в языке обозначения небольшого сосуда для масла свиде-

¹ Ранний пример (1717 г.) употребления слова *футляр* для обозначения вместилища для очков отмечен в «Российско-голландском лексиконе»: Brillenfuttermal, футляр для очков (РГЛ 27), в текстах оно встречается с середины XVIII в.: *Куплены очки с ручками в футляре* (Ж. Анненк. 742), других примеров КС XVIII не содержит.

² Слово *масленик* (в таком написании) в значении ‘сосуд для масла’ приведено в СлРЯ XI–XVII под 1694 г. [СлРЯ XI–XVII 9: 32].

тельствуют вариативные образования: в РГЛ — *маслянка* (Кубышка масляная, маслянка) [РГЛ 98]; в ФРЛ¹ — *масленица* [ФРЛ¹ I: 616], это же слово фиксирует САР¹: Масленица, ... Сосудец, в котором держат масло. *Масленица фарфоровая* [САР¹ IV: 51]. Материалов из текстов в КС XVIII нет, и СРЯ XVIII представляет слова *масленица* и *маслянка* по данным словарей [СРЯ XVIII 12: 78, 80–81].

Посуда для подачи на стол колотого или толченого сахара (сахарница), вероятно, в первой половине XVIII века не была достаточно распространенным предметом, о чем могут говорить единичные примеры ее упоминания как в материалах КС XVIII, так и в текстах, содержащих пространные перечни того, что привозилось. покупалось и продавалось, — в таможенных книгах. В названной архангельской книге встретился единственный пример — характерное для данного источника описательное наименование: *20 коробочек что сахар держать* (ч. 3, л. 984), в московской книге 1743 г. находим *сахарный доскан: три медных сахарные досканы* (ТК М.¹ 1743, с. 275). Слово *сахарница* в значении ‘сосуд для сахара’ в КС XVIII представлено единственной иллюстрацией, относящейся к 1743 г., из описи имущества умершего академического контролера Якова Гофмана: *Глиняная белая сахарница галанская* (МАН V: 781); первую словарную фиксацию оно получило в САР¹: Сахарница. Сосуд, в коем рубленой или толченой сахар держат. *Фарфоровая, серебрянная сахарница* [САР¹ V: 345]; чуть раньше отмечено в переводной части ФРЛ¹: *Sucricr, s, m. Сахарница, сосуд высокой и круглой, с рѣшеточным колпаком, в которой кладут мѣлкой сахар, сахарная стеклянка* [ФРЛ¹ II: 557].

Сосуды для хранения чая, активно ввозившегося в XVIII веке из Китая (таможенные книги в перечнях сибирских товаров содержат многочисленные упоминания разных сортов чая) были, как правило, металлические: *трицеть пять жестянокъ чайных* (ТК Астрах. 1746, л. 15), *десять фунтов чаю в жестянках* (ТК Астрах. 1725, л. 147 об.). В книге архангельской ярмарки находим *коробокъ травы чаю* (ч. 3, л. 895 об.). В материалах КС XVIII зафиксирован единственный пример (1716 г.) употребления сочетания *коробочка чайная: шкатулка окладѣна кожею красною, вызолочена и выклѣнена замшею красною, в ней коробочка бѣлая чайная* (ДПС VI 544). Слово *чайница* в КС XVIII фиксируется только по САР¹: Сосуд для держания сухаго чая, когда подают чайной прибор. *Чайница серебрянная, фарфоровая* [VI: 659], примеров из текстов нет. Более раннее употребление данного слова встретилось в одной из московских таможенных книг 1743 г.:

четыре чайницы соломянных (ТК М. 1743, с. 88), пять соломянок чайницъ (ТК М. 1743, с. 89).

В архангельской книге 1710 г. отмечено составное наименование и сосуда для хранения кофе: *3 коробки кофяных мѣдных 2 коробки кофяных желѣзных* (ч. 1, л. 104); ср. в Тарифе портовом — *досканы кофейные* (ТП 33). В САР¹ зафиксировано слово *кофейница*, первым значением которого дано: Банка. Сосуд, в коем молотой кофей держат [САР¹ III: 882], других примеров, связанных с названием данного предмета, КС XVIII не содержит.

Заметим, что ранний пример слова *кофейник* датируется 1737 г.: *Дѣлания в токарной полатѣ секретарю Медеру двѣ ручки из чернаго дерева, одну к чайнику, другую к кофейнику* (МАН III 510). В названном источнике 1710 г. встречаем пока еще *горшочек кофейный* и *чайник кофейный*: *10 горшечков оловянных кофейных* (ч. 1, л. 65), *6 чайниковъ малых мѣдных золоченых кофяных* (ч. 1, л. 95 об.). Примечательно, что наряду со словом *чайник*, уже достаточно широко известном в языке этого времени (и употребляемом в названной архангельской книге)¹, встречаются и *котлики чайные*: *4 котлика чайныхъ мѣдныхъ* (ч. 1, л. 238).

Любопытны случаи, когда при существовании русского слова, обозначающего какой-либо предмет, привезенная вещь с ним не ассоциируется, и идут поиски наиболее точного обозначения. Примером может служить слово *поднос*. Непривычность к процедуре чаепития вызывает, вероятно, и непривычность к предметам, связанным с этой процедурой (подача чая на подносе — новая функция знакомого предмета), и поднос начинают обозначать описательными наименованиями, подчеркивающими эту новую функцию, указывающими на назначение предмета: *доска подносная, тарелка подносная, блюдо подносное, поддон чайный, доска чайная* и др. Подобными примерами богата названная выше архангельская ярмарочная книга: *192 доски чайныхъ деревянных под красками средних* (ч. 1, л. 57), *13 досокъ крашеных что пите носят* (ч. 1, л. 57 об.), *2 поддона чайныхъ деревянных крашеных что рюмки подносятъ* (ч. 1, л. 69), *доска подносная деревянная крашеная под красками* (ч. 1, л. 105), *2 блюда подносныхъ оловянных* (ч. 1, л. 105), *6 торелокъ подносныхъ* (ч. 2, л. 378 об.), *3 доски деревянных большихъ подносныхъ 9 досокъ малыхъ такихъ же подносныхъ* (ч. 2, л. 490); ср. *лакованные чайные, и кофейные дос-*

¹ В списках товаров чайники (оловянные, медные, серебряные, глиняные, фарфоровые) встречаются в таможенных книгах Архангельска (10–20-е гг.), Сольвычегодска (20-е гг.), Астрахани (20-е, 40-е гг.), Воронежа (40-е гг.), Пскова (40-е гг.), Москвы (30–40-е гг.). С середины XVIII в. началось активное изготовление чайников и чайниц на российских заводах, в частности уральских. См.: [Медные изделия б/г: 2, 4].

ки (ТП 34), в более поздних таможенных книгах: *три лакованья чайныя подноса* (ТК М.¹ 1743, с. 275), *четыре подноса лаковых з золотыми травками добротою плохих* (ТК М. 1743, с. 88).

Таким образом, наиболее частотным способом обозначения нового предмета является именно использование адекватных словосочетаний.

Другим способом номинации является замена иноязычного слова, называющего новый предмет, русскими однокоренными дериватами с прозрачной мотивацией: *веер* — *махальце* — *махавка*.

Слово *веер* является заимствованием XVII века, в XVIII веке отмечается в вариантах *вѣер*, *вейэр*, *везр* [СРЯ XVIII 2: 245]. Ранний пример относится к 1724 г. (ТП). В названной архангельской книге отмечен не зафиксированный в других источниках вариант *ваер* (из нем. Fächer): *3 дюжыны ваерь деревянных травчатых* (ч. 2, л. 491 об.). Однако чаще данный предмет в названной книге называется *махавка* (КС XVIII его не фиксирует) и *махальцо*: *махавокъ цвѣтных 7 дюжинъ слоновой кости да 7 дюжинъ в деревѣ крашенныхъ* (ч. 1, л. 488), *3 ящика в них 12 дюжин махавок женских бумажных* (ч. 2, л. 984), *36 дюжинъ махавокъ бумажныхъ простыхъ* (ч. 5, л. 1476 об.); *2 махалца в кости и в деревѣ с линтами шелковыми* (ч. 2, л. 533), *2 махалца женских* (ч. 2, лл. 601, 636), *55 дюжин махалцовъ бумажныхъ простых* (ч. 5, л. 1450). Примечательно, что единственный пример употребления в названном источнике слова *ваер* появляется как замена русскому *махавка*: в записи явки товара — *махавокъ цвѣтных 7 дюжинъ слоновой кости да 7 дюжынь в деревѣ крашенныхъ* (ч. 2, л. 488); в записи продажи — *3 дюжыны ваерь деревянных травчатых* (ч. 2, л. 493).

Слово *махальцо* ‘небольшое опахало’ (зафиксировано в [СлРЯ XI–XVII 9: 48]) первую словарную фиксацию получило в «Российско-голландском лексиконе» 1717 г.: *пахалцо*, *махалцо* [РГЛ 144]. КС XVIII содержит единственный текстовый пример из «Истории царствования Петра Великого» Н. Устрялова (описание имущества царевича Алексея): *Махалцо женское* (Устр.* 575). Более поздних материалов нет. Дополнением могут служить примеры из московской таможенной книги 1743 г., в которой слова *махальцо* и *веер* употребляются равноправно: *двадцать девят с полдюжиною махалцов* (ТК М.¹ 1743, с. 487), *три дюжины бумажных веэров* (ТК М.¹ 1743, с. 272).

Необходимость назвать новый предмет вызывала производство новых слов, нередко в дополнение к уже существующим. Новым в русском быту стал сосуд для сплевывания слюны. Первая фиксация обозначения данного предмета связана с «Русско-голландским лексиконом»: словом *плевок* Я. Брюс перевел голландское слово *Quispedoer*

— Сосудец в негоже плюют, сирѣчь плевков [РГЛ 210]. Далее появляется слово *плевальник*, зафиксированное словарями С. Волчкова (Плевальник, сосуд в которой плевать, или плюют) [ЛВ¹ I 601], И. Нордстета [Нрд. II 556] и И. Гейма (Гм II 426). Показательно, что И. Гейм, создававший свой трехязычный словарь на материале САР¹, слово *плевальник* включает несмотря его отсутствие в САР¹. В анализируемой архангельской книге обнаруживается слово *плюйник*: *полдюжины плюйников оловянных ... 2 перешницы да 2 солоницы оловянные плюйникъ мѣдной* (ч. 1, л. 69). Новизна и редкость употребления данных слов, вероятно, подчеркивается тем, что ни одно из названных слов не отмечается по текстам XVIII в.: КС XVIII содержит только названные словарные фиксации слов *плевков* и *плевальник*.

Обзор номинативных средств для обозначения новых предметов, входивших в русский быт, на материале одного из ранних текстов делового языка XVIII века (в сопоставлении с другими источниками) показывает, что наиболее частотным способом номинации новых галантерейных предметов или столовой утвари были адъективные словосочетания, иногда восходящие к синтаксическим конструкциям с определительными придаточными. Однако о последовательной смене подобных номинативных обозначений можно говорить лишь относительно, поскольку, во-первых, временная последовательность на протяжении столетия никоим образом не обнаруживается, во-вторых, далеко не всегда обнаруживается вся цепочка. Если, например, слово *пудреница* фиксируется в памятниках уже первой четверти века, то сочетание *коробочка (коробка) пудренная (пудренная)*, обнаруживается и в начале, и в середине, и в конце столетия; при активном употреблении слов *чайник*, *уксусник* встречаются и словосочетания *котлик чайный*, *горшок чайный*, *кувшинец уксусный* и т. п. Активность подобных словосочетаний объясняется тем, что они были открыто информативны, прозрачны по своей мотивации: содержали прямое указание на назначение предмета, его функцию.

Сокращения

Ад. — Полный немецко-русский лексикон, из большого грамматико-критического словаря г. Аделунга.. Ч. 1–2. СПб., 1798.

Гм — Новый российско-французско-немецкий словарь, соч. по словарю Российской Академии Иваном Геймом. Т. 1–3. М., 1799–1802.

КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург).

Нрд. — Российский, с немецким и французским переводами, словарь, соч. Иваном Нордстетом. Ч. 1–2. СПб., 1780–1782.

РГЛ — Брюс Я. В. Книга лексикон или Собрание речей по алфавиту с русского на голландский язык. СПб., 1717.

САР¹ — Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб., 1789–1794.

САР² — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–6. СПб., 1806–1822.

СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–20. Л./СПб., 1984–2013.

ТК Астрах. 1725 — Астраханская книга записная товаров верхового привоза и сбора таможенных пошлин. 1725 г. РГАДА, ф. 1361, № 2.

ТК М.¹ 1743 — Книга записная московской Большой таможни всяким привозным и иностранным товарам. 1743 г. РГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 8, № 32847.

ФРЛ¹ — Полной французской и российской лексикон... Т. 1–2. СПб., 1786.

Литература

Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

Захаров В. Н. Торговля западноевропейских купцов в России в конце XVII — первой четверти XVIII в. // Исторические записки. № 112. М., 1985. С. 177–214.

Захаров В. Н. Иностранные купцы в Архангельске при Петре I // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 181–209.

Капанадзе Л. А. Лексика повседневного обихода (наименования электробытовых приборов и машин) // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 271–282.

М. Чулков. Историческое описание Российской коммерции. Т. I. Кн. 1. СПб., 1781.

Мальшева И. А. Об одном типе таможенных книг XVIII века (ярмарочные книги) // Региональные памятники деловой письменности XVII–XVIII веков: материалы и исследования. Хабаровск, 2002. С. 42–59.

Мальшева И. А. Архангельская таможенная книга 1710 г. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Курск, 2009. С. 129–134.

Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975.

Медные изделия Уральских заводов (XVII–XIX веков). М., б/г.

Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.

Россия при Петре Великом по рукописному известию Иоанна Готт-гильфа Фоккеродта // Чтения ОИДР. Кн. II. М., 1874.

Указатель 1984 — Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984. С. 58–141.

Уханова И. Н. Русское лакирное дело в XVIII веке // Культура и искусство России XVIII века. Новые материалы и исследования. Л., 1981. С. 109–122.

Надписи на псковских нательных крестах XIV–XVIII веков

Надписи на нательных крестах — особый памятник письменности, который создавался на протяжении веков не на бумажном материале. Нательные кресты сопровождали человека всю его жизнь, представляя традиции материальной и письменной культуры народа. Совместное исследование лингвиста (Л. Я. Костючук) и историка-археолога Ю. В. Колпаковой, которая давно занимается этим объектом материальной культуры, посвящено надписям на псковских нательных крестах XIV–XVIII вв., обнаруженных при археологических раскопках или в виде «подъемного» материала.

Нательные кресты с сюжетом Голгофы (изображение на лицевой стороне плоского семи- или восьмиконечного креста на подножии), который встречается и на других религиозных предметах (например, иконах), были широко распространены в жизни верующих разных территорий, в частности и в жизни псковских жителей прошлого. Типы крестов по внешнему виду устанавливаются по идентичным признакам материального предмета. Это задача историка-археолога — Ю. В. Колпаковой, известного специалиста в своей области [Колпакова 2003: 57–66; 2009: 173–188; Колпакова, Салмина 1967: 63–71]. В псковских археологических и просто вещевых музейных коллекциях содержится 397 единиц «голгофских крестов». Причем продолжающиеся археологические раскопки пополняют эти коллекции новыми предметами личного благочестия. Исследователь выявил более 20 типов указанных крестов.

Классификация же крестов с надписями производится по содержательной стороне (плану содержания) надписей. А при анализе каждого сохранившегося для расшифровки текстового фрагмента обращается внимание на лингвистические особенности надписей. Это преимущественно задача лингвиста.

Впервые в нашем совместном исследовании, проводившемся в 2010–2012 годах, предметы личного благочестия из раскопок в Пскове, хранящиеся в Псковском, Печерском, Изборском музеях, рассматривались в качестве не только археологического, но и письменного источника. Проводилось сопоставление с псковскими материалами, хранящимися в Русском музее (Санкт-Петербург), и с материалами из других регионов (Вологодский, Ярославский музеи), с материалами

староверческой культуры, связанной с псковской (в Эстонии), поскольку русские староверы в ближнем для Пскова зарубежье являются выходцами из Псковской земли. Объединение усилий специалистов в различных областях науки (археологии, истории, филологии) позволило при анализе предмета исследования получить новые данные для каждой из названных наук.

В лингвистическом исследовании было обращено внимание на те двусторонние кресты, где есть хотя бы одна сохранившаяся буква, в том числе и на лицевой стороне, где сочетания букв в основном выполняли функцию номинации для соответствующей реалии, а не содержательную функцию относительно письменного текста. Такой материал важен для накопления хотя бы и минимальных сведений о надписях, начерках букв, чтобы можно было выяснять историю начерков не на бумажных носителях [Щепкин 1967], тем более что палеография для не бумажных материалов как следует еще не разработана.

Из 397 крестов с «голгофской» тематикой 250 крестов содержат в разной степени читаемые тексты на лицевой или на лицевой и оборотной сторонах. Совместными усилиями удалось расшифровать и расклассифицировать по содержанию обнаруженные тексты на 119 крестах. Из них наиболее ценными явились те 40, которые имеют тексты прежде всего на оборотной стороне, поскольку эта сторона и предназначалась для сакральных текстов.

На лицевую сторону креста в ходе исследования обращаем внимание в том случае, когда на ней есть буквенные знаки, то есть своеобразный текст, который несет соответствующую информацию, хотя и не развернутое сообщение.

Итак, на лицевой стороне креста располагалось изображение семи- или восьмиконечного креста на подножии Голгофы на лобном месте. Изображение горки могло быть и с изображением головы Адама (иногда встречалась монограммная надпись «ГА», то есть «Голова Адама»). Указанный сюжет часто сопровождается и сокращенными следующими надписями: «РБ МЛ» (= «Рай Бысть» или «Распят Бысть» и «Место Лобное»).

На концах горизонтальной перекладки креста, где располагались руки распятого Христа, последовательно следуют монограммы: «ИС» (= «Иисус») слева и «ХС» (= «Христос») справа.

В верхней части вертикальной части креста в разных сокращениях выступало «сообщение»: «Царь Славы», особенно часто с лигатурой букв «Ц» и «Р» для первого слова и с разнообразным сокращением второго слова. Примечательно, что буква «Ц» на псковских крестах изобра-

жалась не как типичная, а как буква «Ч». Это могло восприниматься как отражение псковского «чоканья», то есть произношения звука [ч] вместо звука [ц]. В. В. Седов подчеркивал, что в псковском и новгородском регионе именно такое написание характерно на предметах из не бумажного материала [Седов 1976: 102–107]. Однако в последнее время исследователи церковнославянских текстов и на бумаге часто замечают подобное написание. И все-таки широко распространенное использование буквы **ч** вместо буквы **ц** именно в псковском регионе даже на нательных крестах (наиболее доступных и для простых людей сакральных предметах) позволяет трактовать это явление как отражение «чоканья» в речи изготовителей местных крестов.

По бокам распятия находится обычно условное изображение орудий страстей, сопровождаемое краткими надписями «К» или «КОП» (= «Копие») и «Т» или «ТРО» (= «Трость»).

Обнаружены и другие элементы декора на лицевой стороне некоторых крестов.

В исследовании нательных крестов большой интерес представляют надписи на оборотной (тыльной) стороне креста — это так называемые молитвенные тексты, а не монограммы. Они несут важную в историко-культурном и лингвистическом отношении содержательную информацию. В большинстве случаев размещение и длина текста находится в зависимости от общего декоративного оформления культового предмета.

На псковских крестах обнаружено несколько разновидностей религиозных текстов прежде всего на тыльной стороне памятника (приходится это особо подчеркнуть, так как изредка содержательная надпись находилась и на лицевой стороне и даже...по периметру сторон креста). Некоторые надписи на крестах известны и по другим регионам, а некоторые уникальны. Укажем атрибутированные типы текстов:

- 1) «Да воскреснет Богь...» (фразы из 67-го Псалма Давида);
- 2) «Кресту Твоему покла/оняемься...» (первая из семи фраз Тропаря на Воздвижение Креста — Похвалы Кресту);
- 3) «Крестъ — хранитель Всея Вселенная» (вторая из семи фраз Тропаря на Воздвижение Креста — Похвалы Кресту. Одновременно с этой фразой встречаются и дальнейшие фразы Тропаря);
- 4) «Помилуй меня, Боже...» (надпись соотносится с «Покаянным Псалмом Давида»);
- 5) «Иисусе Христе, Сыне Божий...» (фраза представляет фрагмент Иисусовой молитвы);

б) многострочные нерасшифруемые кириллические надписи, которые абсолютно не поддаются прочтению прежде всего из-за времени и условий «жизни» нательного креста; некоторые подобные кресты наводят на мысль, что на кресте и не была нанесена соответствующая надпись (не обнаруживается даже намёка на кириллические буквы), а была сделана только «разлиновка» строк для имитации присутствия значимого сакрального текста, помогающего обладателю креста в жизни при ношении сакрального предмета.

Покажем примеры разных типов выявленных и расшифрованных надписей. По техническим причинам фотографии соответствующего предмета (креста) не приводим; их можно увидеть в наших статьях по другим изданиям [Колпакова, Костючук 2010: 96–106; 2011: 119–117; Костючук, Колпакова 2011: 48–61, 246–248].

Группа 1 крестов с надписью «Да воскреснет Богъ...», представляющей фрагмент из 67-го Псалма Давида (обнаружено 18 крестов). Полный текст Псалма в одном из переводов такой: «Да воскреснет Бог и разыдутся врази Его и да бежат от лица Его ненавидящи Его и яко исчезает воск от лица огня да погибнут бесы от лица любящих Бога нашего».

На исследуемых нами крестах были обнаружены надписи следующего вида, которые достаточно хорошо поддавались расшифровке.

Первый пример:

ДАВОС —
— КРЕС —
— ТЪБОГЪ (?) —
— ИРАЗЫДТЯВРАЗИЕГ —
— ОРАЗБЕЖАТЪГЛИЧАЕГО —
— НЕНАВИДАЩИ ЕГОЯКОИС —
— ЧЕЗАЕТ —
— ТЪДЫМЪ[Д] —
— ЛИСЧЕЗ —
— НЪТ[?] —
— ОТЕМ(?) —
— ВОЖКЪ —
— ЛИЧАЕГ —
— О[?]ЯКО

В этом случае бросаются в глаза некоторые разночтения в тексте надписи на кресте и в каноническом (более употребительном) тексте псалма. Отметим, что вместо «воск от лица огня» на кресте обнаружи-

ваем **ДЫМЪ** (более обычный образ). Но зато появляется какая-то незаконченная фраза: [Д]-АИСЧЕЗ-НУТ[?]-ОТЕМ(?) (да и не во всем понятная). Затем следует устойчивая и известная фраза ВОСКЪ-ЛИЧАЕГ-О[?]ЯКО (однако не «от лица огня», а Ѡ-ЛИЧАЕГ-О). И снова стремление привести сравнение с ЯКО. Но тут обрыв надписи, так как обнаружился конец вертикальной части креста.

Второй пример:

ДАВО—
 — **СКРЕ—**
 — **СНЕТЪ—**
 — **БОГЪИРАЗЫДУТС—**
 — **ЯВРАЗИЕГОИДА[Б]—**
 — **ЄЖАТЪѠЛИЧАЕГО—**
 — **ИНИ[??]—**
 — **ЛВИД—**
 — **АЩА(?)[Є]—**
 — **ГОЛК—**
 — **ОЯС(?)—**
 — [...]**Ъ**[...]
 — [...]**Ъ**[...]
 — **А**[...]

Восемь с половиной первых строчек (лучше сохранившихся) обнаруживают большую близость к каноническому тексту, но четыре с половиной нижних строчек позволили прочитать отдельные буквы, но связного текста восстановить не удастся.

Исследователи А. К. Станюкович, И. Н. Осипов, Н. М. Соловьев кресты с подобным размещением надписи относят к изделиям староверческих мастерских XVIII — начала XX веков [Станюкович, Осипов, Соловьев 2003: 222]. Некоторые наши кресты с такой надписью обнаружены в Старом Изборске. Отдельные квалифицируются как подъемный материал, то есть это те предметы, которые были найдены просто в земле, без специальных археологических раскопок, не в захоронениях. В округе же Старого Изборска, как свидетельствуют исторические источники, был староверческий скит.

Естественно, что большой текст на маленьком пространстве тельника не мог поместиться, поэтому «обрывался» в разных местах религиозного произведения.

Приводим третий пример с «обрывом» текста на глаголе в незаконченном предложении:

ДАВО—
 — СКРЕ—
 — СNETЬБОГЪИ—
 — РАЗЫДУТСА—
 — ВРАЗ—
 — ИЕГО—
 — И[Д]АБ—
 — ЕЖА—
 —ТЬ

Предполагалось, видимо, что верующий знал сакральный текст и при необходимости мог его продолжить.

Иногда только небольшие сохранившиеся фрагменты известного, узнаваемого текста позволяют включить предмет с надписью в указанную группу крестов.

Таков четвертый пример (крест датируется XVII–XVIII веками):

[...]—
 — РЕС—
 — NETЬБГЪ—
 — [...]—
 — [...]

В данном случае сохранился небольшой фрагмент текста, в котором сочетание букв РЕС-NETЬ из «да воскреснет» в сочетании с сокращенным словом БЪ (= «Богъ»).

16 крестов содержат надпись с первым словом крестъ в соответствующем падеже из первой или последующей фразы-строфы Похвалы Кресту — Тропаря на Воздвижение Креста: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко и Святое Воскресение Твое славим. Крест — хранитель всея Вселенней. Крест — красота церкви. Крест — верным утверждение. Крест — царем держава. Крест — ангелом слава. Крест — бесом язва». Каждая из строф самостоятельно служит успокоением для верующих.

Группа 2 крестов с надписью «Кресту Твоему поклоняемся...», представляющей первую строфу Тропаря, включает 7 крестов.

Первый пример:

КРЄ—
 ЄТҀ—
 — ТВО[...]ПОК[...]та(?)М
 ЄМҀ ЛОН[...]ГВВ
 ЛЛД
 [...]

На поперечной части креста надпись занимает две строки, но чтение следует вести по вертикальным «отрезкам»: от левого плеча через середину к правому плечу. И получается хорошо узнаваемый текст: «Кресту твоему покло/аняемся влад[ыко]». А далее нечитаемые и неузнаваемые буквы.

Историк, учитывая обстоятельства находки, датирует крест второй половиной XVII–XVIII веков.

Второй пример по сопутствующим находкам нумизматики датируется первой половиной XV века:

КР—
 — ЄЄ—
 — ТҀ—
 — ТВОЄМ—
 — Ҁ—
 — ПО—
 — КЛ—
 — ЛН—
 — [...]

Надпись занимала в основном центральную часть креста, что наблюдалось редко.

Третий пример — образец того, как по минимальной сохранности текста (по одной косвенной словоформе) можно атрибутировать весь текст — первую строфу Тропаря Кресту:

КР
 — [Є]ТҀ—
 — [...]

Сохранилась несколько ущербная словоформа дательного падежа единственного числа «кресту». Но она позволяет утверждать, что здесь была именно первая строфа Тропаря Кресту, так как ни в одной из других строф нет такой словоформы, тем более в самом начале фразы.

Четвертый пример по плохой сохранности и по принципу определения всей надписи именно из первой строфы Тропаря аналогичен предыдущему примеру. Но здесь сохранено как определение в дательном падеже единственного числа местоимение «твоему». Эта находка с одной словоформой на лицевой стороне под поперечной планкой «гогофского» креста (что не типично для расположения содержательных текстов) датируется последней четвертью XV–XVI веков:

[Т]ВОЕМУ

На оборотной же стороне креста находятся как будто заготовки для возможной надписи: определены строчки для текста, но, видимо, его и не было (изготовитель не предполагал наносить текст).

Пятый пример — редкий случай, когда содержательный текст (помимо инициальных наименований) находится на лицевой стороне креста над и под поперечной планкой «гогофского» креста:

**[К]Р[СТ]УТ | ВОЕМУПО
КЛОНЯЕМ | СВЛАДЫ**

Предположительно крест относится к XVI–XVIII векам.

Группа 3 крестов с надписью «Крестъ — хранитель Всея Вселенная» (вторая строфа Тропаря на Воздвижение Креста — Похвалы Кресту), может выступать в сочетании со следующей строфой «Крестъ краса церкви / церковная», даже в сочетании с последующими строфами. Эти кресты относятся к периоду XVI–XVIII веков.

Первый пример — надпись из двух строф (второй и третьей):

**КРѢ
— СТЪ¹
— ХРА —
— НИТЕЛЬВСЕИ(?)ВСЕЛЕ—²
— НА —
— ЄІ(?)К—
— РЄЄ—
— ТЪ—
— КРА—
— СѢТ—
— [...?]В(?)**

¹ Две последние буквы представляют лигатуру.

² Первые две буквы представляют лигатуру.

Второй пример — пространная надпись, включающая несколько строф, начиная со второй:

КРЕ—
— СТЪ—
— ХРАН—
— ИТЕЛ—
— ЪВСЕ—
— АВСЕЛЕННЕКРЕСТЪКРАСО —
— ТАЦЕРКОВНААКРЕСТЪБО(?)—
—[...]—
—[...]¹

Во второй, хорошо читаемой, фразе слово **КРАСО-ТА** сочетается не с родительным падежом существительного «церкве», а с прилагательным **ЦЕРКОВНАА** (что воспринимается легче, понятнее, чем архаичная церковнославянская форма существительного).

Стратиграфия раскопок позволяет датировать обе эти находки (первый и второй примеры) не позднее XVI веком.

Группа 4 крестов с надписью «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои...» (надпись соотносится с Покаянным Псалмом Давида).

Первый пример. Археологические раскопки в Пскове обнаружили нательный крест, относящийся, судя по керамическим и нумизматическим находкам, к XVII–XVIII векам, с необычной (так как оказалась редкой) надписью:

ПО—
— МИ—
— ДУ—
— МАБОЖЕПОВ—
— ЄЛ(?)—
— КОІ—
— МІА—
— ОСТ—
— ТВ

Фрагменты этого текста совпадают с началом 50-го Покаянного псалма Давида, который читается на исповеди и пробуждает у верующих искреннее раскаяние. История повествует, что Давид, глубоко

¹ Далее следуют еще девять строк, весьма неразборчивых: с трудом узнаются некоторые буквы.

раскаиваясь, получил прощение от Бога. Во время раскаяния Давид и составил эту молитву, помогающую людям в их стремлении исправлять свои ошибки.

Такой текст на нательных крестах в литературе до сих пор не был отмечен ни в одном регионе. На псковских крестах это тоже редкая надпись. В целях экономии места винительный падеж личного местоимения первого лица единственного числа (от азъ) представляет укороченную форму **мѧ**.

Второй пример. Есть в Пскове еще один крест XVI–XVII веков с указанным текстом, но в сочетании с другими, более распространенными текстами. Однако крест уникален и по расположению надписей на поверхностях креста (на оборотной стороне, по периметрам обеих сторон).

На оборотной стороне, как обычно, довольно полный текст «Да воскреснет Богъ...» (из 67-го Псалма Давида):

ДАВО—
— СКРЕ—
— СНЄ—
— ТЪ—
— БГЪ—
— ПРАЗЫДЪТЪГѧ(?) [ВР] АЗИЕГОИ—
— ДАВЕЖА [ТЪѠ] Л [ИЦ] АЕГОНЕНА—
— В [И] —
— Дѧ—
— ЩЄ—
— ЄГО—
— [А]КО —
— ИЗГ(?)—
— ЧЄ [З] —
— [Н]ЄТ —
— ЪДЫ—
— МЗА

По периметру лицевой стороны фрагментарные отрезки разных произведений: сначала из первой строфы «Кресту Твоему поклоняемся» Тропаря Кресту; затем из 50-го Покаянного псалма Давида:

[...]ЄТЪТВО[... ..]ТЪ
ТВОИХЪ[...]ИСТИ
БЄЗ [ЗА(?)] КОНИЄМОЄ[...] /
/ [...]ИМ[...] БОЖЄМОИ / [...]

По периметру оборотной стороны фрагментарные отрезки тоже из Покаянного псалма Давида (напомним, что этот периметр обрамляет довольно полный текста «Да воскреснет Бог»):

**МИ[...]НІЄ[...][?][...]
МО[...]НОТЄ[...]ѠБЄ[З]ЗАКОНІАМОІ[...]**

Поскольку Покаянный псалом Давида — большое и взволнованное произведение, то в приведенных двух фрагментах узнаем, естественно, немного: 1) «по множеству щедрот Твоих очисти [вместо “изгладь” в каноническом тексте/ — Л. К.] беззаконие мое [единственное число вместо множественного. — Л. К.]» с последующим четким «Боже мой» — в записи по периметру лицевой стороны; 2) только типичное для этого Псалма ѠБЄ[З]ЗАКОНІАМОІ [...] (родительный падеж множественного числа, как и в каноническом тексте) — по периметру оборотной стороны. Полный текст «Покаянного псалма Давида» приведен в нашей статье «Надписи на псковских нательных крестах (итоги работ по расшифровке)» [Костючук, Колпакова 2011: 60].

Группа 5 крестов с необычной надписью «Иисусе Христе, Сыне Божий...», включающей звательные формы (фраза, судя по характеру выражения, представляет фрагмент Иисусовой молитвы). Обнаружено всего два подобных креста с текстом плохой сохранности (особенно во втором случае), но напоминающим текст: «Господи, Иисусе Христе, Сыну Божий, помилуй мя, грешнаго».

Первый пример по ближайшим аналогиям с другими предметами материальной культуры, обнаруженными в этом же раскопе, можно отнести к XVIII веку:

ХЃТЄ
— **СЫНЄ** —
— [...] **БЖП(?)** [...] —
— [...] —
— **ИСО** —
— **ХЃТА** —
— **ГО** —
— [...] —

Обнаруживаются в тексте звательные формы от «Иисус Христос / Христ», «Сын Божий» с разрывом в расположении на кресте, причем звательный падеж от слова «Сынь» образуется по типу имени «Христь» с конечным -е, а не по более архаичному образцу. Далее

видна форма родительного падежа ХСТА, но буквенные фрагменты не позволяют пока обнаружить понятную связь фрагментов.

Второй пример: археолог Ю. В. Колпакова по псковским аналогиям материальных находок относит к XVII–XVIII векам:

Д(?)—
— [...]—
— [...]—
— [...]—
— **СНЪБЖ(?)БРТГВ** —
— **НОСТ[]ХТЕ(?)** —
— **МЛ**—
— **ГТВО**—
— **ГРТО(?)**—
— **ЖН(?)ГВО**—

Отдельные фрагменты позволяют отметить словосочетание «Сынъ Божий», имя «Христос».

Подведем итоги. Датировка нательных крестов чаще проводилась с использованием метода аналогий. Соотнесение дат для изученных нательных крестов с типами надписей на них убедило, что содержание надписи обычно не является ярким датирующим признаком. Относительная хронология позволила выяснить, что раньше (первая половина XV века) в Пскове появляются кресты с надписью «Кресту Твоему покло/аняемся...». Надпись «Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его...» чаще встречается на крестах XVII–XVIII веков. Возможно, больше информации о времени надписей удастся получить при палеографическом анализе, хотя методика такого анализа для небумажных начертаний букв не разработана. Однако некоторые наблюдения уже имеются, а исследование будет продолжаться.

Выявлены факты проявления местных особенностей в «речи» «писцов», отразившиеся в текстах на нательных крестах, например, чоканье, произносительное ца вместо написания тся, неожиданная звательная форма враже вместо множественного числа врази. Но об этом разговор может пойти в следующий раз.

Литература

Колпакова Ю. В. Нательные кресты с голгофской тематикой в фондах Псковского музея-заповедника // Археология и история Псковской земли. 2001–2002. Псков, 2003. С. 57–66.

Колпакова Ю. В. Нательные кресты с изображением Голгофы среди предметов личного благочестия жителей Пскова и Псковской земли // Европейский путь России. Ордин-Нащокинские чтения. Вып. 1. Псков, 2009. С. 173–188.

Колпакова Ю. В., Костючук Л. Я. Изучение нательных крестов XIV–XVIII вв. как памятника письменности: состояние проблемы и перспективы // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков на рубеже веков: Межвузовский сборник научно-методических статей. Вып. 10. Псков, 2010. С. 98–106.

Колпакова Ю. В., Костючук Л. Я. Псковские нательные кресты с надписями XIV–XVIII вв. (предварительные итоги наблюдений) // Вестник ПГПУ им. С. М. Кирова. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Вып. 13. Псков, 2011. С. 119–137.

Колпакова Ю. В., Салмина Е. В. Раскопки у церкви Богоявления с Запсковья в городе Пскове в 2001 году: погребальный обряд и инвентарь XVI–XVIII вв. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь, 2003. С. 63–71.

Костючук Л. Я., Колпакова Ю. В. Надписи на псковских нательных крестах (итоги работ по расшифровке) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 57-го заседания. М.–Псков, 2011. С. 48–61, 246–248.

Седов В. В. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. М., 1976. С. 102–107.

Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX вв. из частных собраний. М., 2003. С. 222.

Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967.

Власов Сергей Васильевич,
Демидов Дмитрий Григорьевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

О соотношении екатерининской копии «Слова о полку Игореве» и других сопутствующих материалов из архива Екатерины II

1. Рабочая гипотеза 1.1. Введение

В 1864 г. будущим академиком, а тогда еще адъюнктом Санкт-Петербургской Академии наук П. П. Пекарским, наряду со списком «Слова о полку Игореве» (в дальнейшем сокращенно — «Слово», или СоПИ), найденным среди бумаг Екатерины II¹, были опубликованы и другие материалы из Екатерининского архива — версия «Слова», названная П. П. Пекарским «Переводом»² и текст под названием «Содержание «Слова о полку Игореве»»³.

Уже самое беглое сравнение Е2 и Е3 показывает, что соотношения между этими двумя версиями «Слова» не укладываются в рамки наших привычных представлений об оригинале и переводе. Так, в зачине так называемого «Перевода» Е2 декларируется намерение безымянного составителя «Слова», названного инклюзивным местоимением 1-го лица множественного числа *мы* (=я=поэт-песнопевец и *вы*=дружины), «составить» «древнимъ слогомъ» «повѣсть о сраженіи Игоря Святославича» «изъ самихъ дѣяній тогдашняго времени, не употребляя вымысловъ Баяновыхъ». В тексте на древнерусском языке Е3 речь идет не о событиях далекого прошлого, а о «былинах сего времени», хотя и сохранено при этом намерение сложить песнь (а не просто повесть) о полку Игореве «старыми словесы».

¹Так называемая Екатерининская копия «Слова», в дальнейшем Е3: [Пекарский 1864: 9–19]. Наиболее полный обзор ранних работ о СоПИ см. в кн.: [Смирнов 1877-1879], и всей наиболее важной литературы о «Слове» до 90-х годов XX в. — в [Энциклопедия 1995]. Библиографию работ за 1963–2007 гг., посвященных спору о подлинности «Слова», см. в кн.: [Соколова 2010: 665-686]. Из последних работ сторонников позднего происхождения «Слова» заслуживает особого внимания опубликованная посмертно монография А. А. Зимина [Зимин 2006], взгляды которого на слишком скромную роль Екатерины II в работе над «Словом» и на Иоила Быковского как возможного автора СоПИ мы не разделяем (см. ниже).

²[Пекарский 1864: 21–37]. В дальнейшем — Е2.

³[Пекарский 1864: 20–21]. В дальнейшем — Е1.

Таким образом, в Е3 устраняется временной интервал между временем создания «повести» и описываемыми в ней событиями. Предпосылка к подобному изменению временной привязки событий (их привязки к моменту речи) содержалась уже в самом тексте Е2, для которого весьма характерен художественный, стилистический прием актуализации описываемых событий путем употребления так называемого «настоящего исторического» (*praesens historicum*), нетипичного для древнерусских текстов XII века, но уже встречающегося в краткой редакции «Задонщины» (вторая половина XV в.) и обычного для языка художественной литературы XVIII века. Например: «Волки, на подобіе птицъ своимъ воемъ по яругамъ предвѣщаютъ неудачу: орлы клеткомъ созываютъ звѣрей на трупы мертвые: лисицы лають на щиты червленые»¹. Настоящее историческое сохранено и в Е3².

Наряду с «настоящим историческим» (настоящим временем событий), выраженным глагольными формами, в Е2 встречается также и отсылка к воображаемому настоящему момента речи с помощью прилагательного «нынешний» (так называемый дейксис к воображаемому, *Deixis am Phantasma*): «Начнемъ же нашу пѣснь отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря», что создает иллюзию участия и «сочинителя» песни, и его читателей (слушателей) в описываемых актуальных событиях. Теперь читатель мысленно переносится во временной план «тогдашнего времени» и должен понять дейксис к воображаемому.

Устранение с самого начала Е3 временного интервала между временем «исполнения» песни и временем воспеваемых событий в корне меняет сам замысел произведения: из исторической повести о прошлых событиях, стилизованной под старину (вполне понятный замысел составителей XVIII в.), «Слово» превращается в песнь об актуальных событиях недавнего времени, но уже по непонятным читателю причинам написанную старым слогом, и только *нынешний Игорь*, понимаемый теперь буквально, вводит в контекст XII века³.

Это внутреннее противоречие Е3, отсутствующее в самом начале Е2, можно объяснить лишь тем, что текст Е3 был создан не до, а после написания текста Е2 и представляет собой более позднюю редакцию Е2. В статье будут показаны и некоторые другие признаки того, что более поздней редакцией текста является не Е2, а Е3. То, что

¹ [Пекарский 1864: 24]. Ср. в краткой редакции «Задонщины»: «Птицы небесныя пасушеся то под синие оболока, ворони грають, галици свои рьчи говорятъ, орли восклегчють, волци грозно воють, лисици часто брешють, чають побѣду на поганыхъ [...]» [Памятники 1998: 90].

² Ср. [Бондарко 1958: 69; Зимин 2006: 286].

³ Ср. [Зимин 2006: 375].

в ЕЗ повествуется не о событиях далекого прошлого, как в средневековом западноевропейском эпосе, а о событиях «сего времени», также свидетельствует скорее не о древнем, а о позднем происхождении текста ЕЗ, хотя последний и основан на летописных древних данных и практически представляет собой компиляцию древних текстов. Таким образом, текст Е2 приобретает исключительно важное значение как для реконструкции утраченного протографа Е*, так и для понимания хода работы над ЕЗ и и древнерусским текстом издания 1800 года¹.

Мы пытаемся подтвердить материалом следующее представление о процессе возникновения СоПИ как литературного произведения. Сначала появился общий рисунок сюжета с необходимыми оценками событий — так, как это изложено в Е1². Затем по летописным свидетельствам и Татищеву были уточнены исторические факты. После этого по спискам «Задонщины», летописей, других древнерусских памятников письменности компилятивным способом была составлена **древнерусская основа** будущего произведения в виде Е*; для придания ему целостного и законченного вида фрагменты, которых сразу не удалось найти в древних памятниках, восполнялись современными словами. Места, для которых не было готового решения даже на сюжетном уровне, обозначались многоточием. Так сложился текст Е2. С ним и с древнерусскими источниками трудился поэт, придавший сочинению совершенство и историческую достоверность. В результате такой редакции Е2 появился текст ЕЗ — художественно-научная реконструкция древней поэмы.

Использование в Е2 скрытых цитат из древнерусских текстов вовсе без перевода и, реже, в переводе на современный русский язык сочетается с глоссированием малопонятных древних слов и придает уже самому тексту Е2 (а не только тексту ЕЗ) мозаичный характер соединения разнородных языковых черт, отличных друг от друга как по времени их возникновения, так и по месту их происхождения. В этом своеобразии текстов Е2 и ЕЗ можно видеть опыт создания «словенороссийского языка», в котором прошлое объединено с настоящим в форме панхронического койне.

¹ В дальнейшем – П1.

² На важность Е1 как первоначального этапа работы над "Словом" указывал еще П. П. Пекарский [Пекарский 1864: 7–8; ср. Зимин 2006: 374].

1.2. «Образ текста» в «Слове о полку Игореве» и в оссианических поэмах Джеймса Макферсона (сходства и различия)

Ввиду отсутствия (во всяком случае на сегодня) подлинной древней рукописи «Слова», наше предположение о первичности по отношению к Е3 так называемого «перевода» Е2 не выглядит столь парадоксальным, как это может показаться на первый взгляд. Из истории европейской литературы XVIII в. известны и другие случаи, когда за перевод на современный язык авторы XVIII в. выдавали собственные сочинения на основе древних сказаний. Одним из самых ярких и известных примеров подобных мистификаций являются поэмы шотландского барда Оссиана, сочиненные в XVIII в. Джеймсом Макферсоном на основе фольклорного материала. По образцу Макферсоновых оссианических поэм с примечаниями исторического и языкового характера вполне мог быть создан и русский текст Е2, также включающий в себя исторические и языковые комментарии, но уже не с целью мистификации, а с целью художественно-научной реконструкции. Даже чисто внешне первое печатное издание «Слова» отражает приемы презентации текста в Е2, разработанные еще Макферсоном при издании поэм Оссиана: исторические примечания, призванные не только пояснить, о ком идет речь в художественном произведении, но и придать подлинность тексту, помещены так же, как в Е2, и в английских изданиях поэм Оссиана [Macpherson 1762], внизу страниц книги¹. Существенное различие заключается в том, что лексический комментарий к языку «Слова» дается в Е2 не в примечаниях внизу страниц, а в само́м тексте «Слова» в скобках рядом с труднопонимаемыми редкими словами. Еще более важное различие состоит также в том, что вместо «вымыслов» легендарного певца Бояна, русского Оссиана, «Слово» составлено на основе подлинных «дѣяній тогдашняго времени».

Методика работы Макферсона очень точно соответствует методике составления текста СоПИ, называемого переводом (но только в

¹ Об *образе текста*, созданном Макферсоном, в сопоставлении с модным во второй половине XVIII в. образом руин в садово-парковой архитектуре и живописи см. работу В. А. Лукова, написанную им при участии И. В. Вершинина: [Луков 2006: 234, 258-259]. Применительно к СоПИ о данном образе текста со ссылкой на монографию В. А. Лукова пишет исследователь и иллюстратор «Слова» художник-график А. Н. Лаврухин на сайте: «Форум “Слово о полку Игореве” и XVIII в.»: www.nasled.org › Список форумов › Главная › История. Дата обращения 10 сент.2013г. См также сайт www.nebosvod.co.uk/ptopic3848.html. Дата обращения 10 сент.2013 г.

других рукописях и изданиях, связанных со «Словом», а не в само́м рукописном тексте Е2, не имеющем никакого заглавия)¹.

Так же, как и у Макферсона, в предисловии к первому печатному изданию «Слова» говорится о подлинности и исторической достоверности текста. Но если Макферсон так и не предъявил любопытным читателям подлинный текст поэм Оссиана, то русские издатели «Слова» [Ироическая 1800] пошли дальше Макферсона: на основе протографа текста Е2, в котором уже был использован подлинный древнерусский языковой материал и даже многочисленные цитаты из древнерусских рукописей (в частности, из Ипатьевской летописи и «Задонщины»), они предъявили основанный на Е3 печатный текст, объявленный древнерусским, текст, заставляющий поверить в появление его в XII-м веке не только неискушенного читателя, но и многих выдающихся лингвистов, литературоведов и историков. В первоиздании 1800 г. П1 уже был снабжен его действительным переводом на современный русский язык П2, ориентированным не только и не столько на Е2, но в первую очередь на П1, хотя некоторые особенности первоначального замысла Е2, противоречащие тексту Е3, сохраняются и в переводе П2². Так, например, в зачине П2 еще сохраняется первоначальный замысел Е2 воспеть поход Игоря «древнимъ слогомъ» «по бытіямъ то́го времени», а не «по былинамъ сего времени», как в Е3 и П1.

Инерция восприятия читателями П1 как древнерусского оригинала и П2 как его перевода на современный русский язык, вероятно, способствовала и восприятию текста Е2 в качестве перевода Е3, а не более раннего варианта «Слова»; тем более что переводом он был озаглавлен П. П. Пекарским³.

1.3. К вопросу об участии Екатерины II в ходе работы над текстом «Слова о полку Игореве»

Сам по себе примечательный факт обнаружения подготовительных материалов к публикации «Слова» среди собственноручных бумаг Екатерины II и с ее пометами, содержащих не только ее заметки по поводу родословных русских князей и их жен, но и материалы, свя-

¹ Материал о текстуальных и тематических сближениях с Песнями Оссиана см. в кн.: [Гогешвили 1999]. Обращаем внимание на недопустимость уничижительного тона, который прослеживается по отношению к видным ученым-предшественникам в этой книге.

² Детальное исследование отличий Е2 и П2 в сравнении с П1 см. в работе: [Соловьев 1954: 1–30].

³ Симони [Симони 1890. Т. 13: 16–46] специально указывает, что Е2 никак не озаглавлен и приводит снимок первой страницы.

связанные с изучением императрицей истории Куликовской битвы, а также то, что древнерусский текст «Слова» (листы 25–33) идет сразу после написанного рукой императрицы Жития Сергия Радонежского (листы 6–24: «О преподобном Сергии историческая выпись»), составленного древним слогом, «с заметным желанием удержать обороты церковно-славянского языка» [Симони 1890. Т. 13: 1–2, 5], не получил еще до сих пор в научной литературе всестороннего объяснения в связи с литературными занятиями самой императрицы.

Екатерина II грешила переделками чужих литературных произведений, используя их сюжеты и непосредственно тексты в своих собственных (или приписываемых ей) сочинениях. Так, например, в «Сказке о царевиче Хлоре» Екатерина II использовала сюжет и сам текст французской сказки «Florine ou la belle Italienne» [Florine 1713], перенеся действие из Италии эпохи до рождения Ромула (*avant la naissance de Romulus*) в древнюю Русь «до времен Кия, Князя Киевского», заменив сказочную принцессу Флорину на русского принца Хлора [Сиповский 1910: 313].

Естественно возникает вопрос: не послужила ли работа Екатерины II над древними материалами, связанными с Куликовской битвой, толчком к созданию Е1 и ранних версий «Слова» (Е2 и Е3)?

Представляет также интерес в связи с принципами первого издания «Слова» с историческими примечаниями издание пьесы Екатерины II «Историческое представление [...] из жизни Рюрика» [Екатерина II 1792]. Наконец, исследователям СоПИ хорошо известно описание похода князя Игоря 1185 года на половцев в екатерининских «Записках касательно Российской Истории», впервые опубликованное в 12 части «Собеседника любителей российского слова» в 1783 году [Екатерина II 1783]. Не менее хорошо известно и об интересе Екатерины II к деятельности А. И. Мусина-Пушкина и других членов его кружка, начавших заниматься СоПИ еще при жизни императрицы. Отнюдь не случайно первое упоминание о СоПИ содержится уже в рукописи «Опыта повествования о России», написанной ближайшим советником Екатерины II и ее кабинет-министром И. П. Елагиным [Козлов 1988: 146–149]. В связи с этими и многими другими фактами, требующими еще специального исследования, нам представляется весьма правдоподобным, что не А. И. Мусин-Пушкин, а сама Екатерина II вполне могла быть инициатором опыта переложения на архаический русский язык текста СоПИ, вовсе не имея в виду **называть** его древнерусским произведением. Если это так, то следует рассмотреть версию процесса работы над СоПИ, который шел, вероятно, в направ-

лении от общего коллективного замысла, представленного уже в бумагах Екатерины II Е1, то есть кратким содержанием СоПИ, к тексту утраченного протографа Е2, представление о котором дает Е2, а от него к тексту Е3 и, наконец, к текстам П1 и П2 с параллельной разработкой примечаний к СоПИ.

В пользу именно такой последовательности работы над текстом «Слова» свидетельствуют некоторые особенности Е1.

1) Согласно Е1, «кровополитное сражение» между воинами князя Игоря и половцами произошло в 1185 году «при рѣкѣ Калкѣ близъ Дону». В окончательном тексте Е3 упоминается символическая река Каяла, а не река Калка, близ которой в действительности произошло другое — более позднее — сражение, не с половцами, а с татарами в 1223 г., то есть ошибка, навеянная не очень последовательным чтением летописей, исправлена.

2) В тексте Е1 Ярославна представлена не как жена князя Игоря, а как «супруга младаго Владимира». Примечательно, что именно Екатерина II исправила эту ошибку Е1 и установила, что Ярославна была Ефросинией Ярославной Галицкой [Моисеева 1993: 23–25, 27; Моисеева 1995: 159].

3) Сам текст Е1 почти дословно повторяет некоторые формулировки, заимствованные из описания похода князя Игоря в екатерининских «Записках касательно российской истории» [Моисеева 1993: 30].

Как видим, содержание Е1 отражает не некий подлинный текст средневековой поэмы, а более ранний этап работы над самим текстом «Слова».

Что касается времени появления Е2, то о более раннем появлении самой рукописи Е2 по сравнению с рукописью Е3 пишет уже Л. А. Дмитриев, хотя он и дает этому факту другую интерпретацию, объясняя «какой-то спешкой»¹ посылку Е2 Екатерине II «в полурабочем виде», без древнерусского текста Е3, переписанного отдельно, так как не хватило места в оставленной для него левой части листа, «чтобы потом подогнать под перевод (выделено нами, С. В. и Д. Д.) расположение в ней древнерусского текста»². Более вероятной причиной отказа от заполнения левой части страницы является не спешка, а обнаружен-

¹ Ср. [Лихачев 1978: 265–266]. В отличие от Д. С. Лихачева, который полагал, что текст Е2 отражал «какую-то промежуточную стадию подготовки текста «Слова», более позднюю, чем Екатеринбургская копия, но более раннюю, чем текст издания 1800 г.» [ibid.: 266], мы считаем, что текст Е2 предшествовал созданию Екатеринбургской копии Е3.

² [Дмитриев 1960: 313]. Заметим, что в другом месте своего исследования [ibid.: 276], Л. А. Дмитриев присоединяется к мнению Д. С. Лихачева о более позднем, чем Екатеринбургская копия, появлении текста «перевода» Е2.

ные писарем несоответствия в Е3 по сравнению с Е2 и физическое отсутствие готового текста Е3 еще в тот момент, когда переписывался Е2.

Рукопись Е2 и Е3 несет на себе следы работы Екатерины II над текстом Е3, которые неоднократно отмечались исследователями¹: это приписки рукой императрицы на левом чистом поле, представляющие собой объяснения непонятных слов и языковых форм (л. 27 об.: *воззръ* — в тексте: *възре*; *борзья кони* — в тексте *бързья комони*), подчеркивания отдельных имен собственных с цифрами на левом поле, обозначающими необходимость введения в текст исторического комментария (л. 29 об.: *Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе* — на левом чистом поле рукою Екатерины II поставлена цифра 2 *при Олзь Гориславичи* — на поле стоит цифра 3, *Даждь-Божа внука* — на поле цифра 4; л. 31 об.: *Бусова* — на поле цифра 5; л. 32: *Сыны Глѣбовы, буй Рюриче и Давыде* — на поле цифра 6, *Галичкы Осмомысле* — на поле цифра 7; л. 33: *Изяславъ сынъ Васильковъ* — на поле цифра 8; л. 33 об.: *Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ* — на поле цифра 9) [Моисеева 1984: 120].

Если считать Екатерину II непосредственно участвовавшей в работе над СоПИ, то из ее помет видно, что она предложила и сам *образ текста*, навеянный, возможно, образом текста Оссиановых поэм Макферсона, с объяснениями непонятных слов и учеными примечаниями, комментирующими имена собственные. В том же фолианте, в котором находится рукопись «Слова», на листе 269 сохранилось собственноручное распоряжение Екатерины II: «Требовать изъ Чернигова, Переяславля, Новгородка-Северскаго, чтобъ прислали реестры рода Рюрикова князей поименно, какъ въ тѣхъ городахъ сохранены. Также и супругъ тѣхъ князей и, буде отъищутся супруги, отъ какого рода. Также просить митрополита кievскаго и архіереевъ вышеписанныхъ городовъ, чтобъ изъ монастырей тѣхъ епархій такіе же реестры присланы были» [Пекарский 1864: 7]. Это распоряжение мы бы сопоставили с другим еще более «эпохальным» распоряжением Екатерины II — присылать ей из разных стран переводы на языки народов всего мира тематических списков слов для задуманного ею «Сравнительного Словаря всех языков и наречий»².

¹ См. [Пекарский 1864: 6, Моисеева 1984: 120]. Приписки и подчеркивания в Е2 отмечает и П. К. Симони, не называя, правда, имени императрицы: [Симони 1890: 16-46 + фотоснимки рукописи].

² Сравнительный Словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный. Ч. I–IV. СПб., тип. Брейткопфа, 1790–1791. В первом издании словарь имел другую структуру и несколько другое название: «Сравнительные Словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей Особы». Ч. II. СПб., тип. Шнора, 1787 (Ч. I); 1789 (Ч. II).

Г. Н. Моисеева полагает, что «перевод С. с комментариями [...] относится к более раннему времени (1791–нач. 93)», чем публикация в 1793 «Родословника князей великих и удельных рода Рюрика» Екатерины II¹.

Вышеизложенные обстоятельства позволяют нам предположить, что работа над «Словом» на первых своих этапах велась не в узком «кружке А. И. Мусина-Пушкина» независимо от Екатерины II, а была инициирована самой Екатериной II, опиравшейся в своей работе над «Словом» на кружок А. И. Мусина-Пушкина, а также, возможно, на некоторых из своих личных секретарей и помощников. Таким образом, работа над «Словом» из частного предприятия А. И. Мусина-Пушкина превращается в дело государственной важности.

2.1. Анализ лексических совпадений и лексических различий Е2 и Е3

Исходя из рабочей гипотезы о первичности Е1 по отношению к Е2, первичности Е2 по отношению к Е3 и Е3 — к П1, рассмотрим и другие особенности текста Е2 в сравнении с Е3, проявляющиеся в мозаичности текста, усиливающейся от Е2 к Е3. Что касается текста П2, то его вторичность по отношению не только к П1, но и к Е2 не вызывает никаких сомнений. Оговоримся сразу: данная статья представляет собой не конечный, а лишь начальный этап исследования, нуждающегося еще в дальнейшей всесторонней разработке.

Рассмотрим сначала в Е2 те синтагмы, в которых имеются (1) точные лексические соответствия (они отмечаются курсивом) и/или (2) однокоренные слова-эквиваленты (они подчеркиваются), совпадающие с Е3. Для изучения вопроса, насколько повлиял на единство Е2 и Е3 текст «Задонщины», привлечем параллели в «Задонщине»². Слева от знака « \Leftrightarrow » дается вариант Е2, справа — вариант Е3. Представим сначала только синтагмы, полностью или частично совпадающие с «Задонщиной». См. Приложение, п. 1) а).

Добавим другие полные лексические совпадения в Е2 и Е3 в более-менее обширных синтагмах так, как они оформлены в Е2 (в некоторых важных случаях после знака « \Leftrightarrow » приводится эквивалент из Е3). См. Приложение, п. 1) б).

¹ [Моисеева 1995: 160]. См. также: [Моисеева 1984: 118, Моисеева 1993: 11–126, 18–20].

² Они определялись по Приложению к кн.: [Зализняк 2008: 461–475].

1) Полных лексических совпадений, выделенных курсивом (см. также Приложение), оказалось достаточно много для того, чтобы уверенно считать Е3 редакцией Е2. Это не только имена собственные и редкие труднопонимаемые лексемы. Большие отрывки полностью совпадают после слов «Се ветри Стрибожи внуци», примерно там же, где и «Дѣти Бѣсови кликомъ поля прегородиша». Ближе к финальной части, где повторяется рефрен, таких больших совпадающих отрывков еще больше и они еще длиннее. Именно середина и конец СоПИ полностью исключают версию, согласно которой Е2 является переводом Е3.

2) Совпадений однокоренных слов (они отмечены подчеркиванием: братцы = братіе, Бояновыхъ = Бояню, пусканіемъ = пушашеть и под.) также существенное количество, как видно из материалов Приложения.

Совпадений 1) и 2) типа так много, что невозможно сделать вывод о том, что одно есть «перевод» другого. Всех вместе их уже достаточно, чтобы понять сюжет. Отношения между этими текстами суть отношения редактуры, а не перевода. Во второй части Е3 несколько расширяет Е2.

Практически все цитаты из «Задонщины» обнаруживаются и в этом материале Е2=Е3 (п.1) а) Приложения). Это означает, что «Задонщина» появилась до обоих текстов. Если бы сначала появился Е3, затем «Задонщина», затем зависимый непосредственно от Е3, но не от «Задонщины» текст Е2, то такой полноты совпадений с «Задонщиной» обнаружить было бы невозможно.

3) Сокращения синтагм и пропуски. В Е3 опущено: *он (бѣгаль) какъ, и поднимался, когда хотѣли, яко градъ, ихъ (меще(т) на противныхъ стрѣлы яко градъ, гремитъ мечемъ булатнымъ о шлемы ихъ = прыщещи на вои стрелами, гремлеши о шелома мечи харалужными) и др.* См. Приложение, п. 3). Способы сокращений синтагм с целью усиления художественной выразительности здесь разные, и все они настолько талантливо воплощены, что стали бы украшением любой хрестоматии по стилистике. Конечно же, они заслуживают отдельного и большого исследования.

По признаку пропусков в Е3 весь текст СоПИ очень четко разбивается на 2 части. От начала до слов «Дѣти Бѣсови кликомъ поля прегородиша» насчитывается всего 21 пропуск полнозначительных слов, которые трудно включить в расширяющие синтагмы, существенно не меняющие смысла. При этом добавлений в Е3 в этой же части всего 4, из них частица *ти*, анафорические местоимения *имъ, ему, а въ нихъ*. Никакого смыслового добавления не происходит. О 2-й части см. п. 6).

Пропусками считает Пекарский неупоминание в ЕЗ наименований рек *Ворскла*, *Хороль* и *Суугли*. Это им особо оговаривается. Мы, собственно говоря, только продолжаем и уточняем сопоставление Е2 и ЕЗ, начатое Пекарским. Если составители Е2 и ЕЗ общались, то видна открытая полемика: в сноске составитель Е2 настаивает на включении всех названий рек: «Ворскла, Хороль, Сула и Суугли суть реки, пограничные к половцам, которые близ их кочевали. На берегах Ворсклы бывали многие сражения у русских с половцами. На Хоролы съезжались россияне нередко для договоров с половцами. По Суле великий Владимир построил многие города и населил их славянами, кривичами, чудью и вятичами, дабы печенегам, приходящим часто в пределы киевские, положить преграду. Суугли есть та самая река, которую Святослав Ольгович и Владимир Игоревич, перешед, одержали в первый раз над половцами верх». Но составителю ЕЗ дороже была эстетическая сторона произведения, и он не включает неблагозвучные названия. Если конкретно-историческая ситуация создания СоПИ была действительно такой, то сама форма переписывания Е2 и *факт* преподнесения этого документа Екатерине Второй становятся понятными: между составителями Е2 и ЕЗ были разногласия, которые могла устранить только сама императрица. По пометам Екатерины видно, что она не дочитала до конца и не успела вынести какое-либо решение. Она скончалась до того, как работа над СоПИ была завершена. При Павле Первом в Петербурге деятельность, связанная со «Словом», была прекращена, ее продолжили в Москве, уже с целью публикации текста СоПИ, граф Мусин-Пушкин с помощниками.

Фактически вместо названий рек в ЕЗ мы видим другие существительные: вместо «Ворскле» — «влъзѣ», вместо «Хоролу» — «и по морію», вместо «по Суугли» — «и Сурожу». Следовательно, это вовсе не пропуски, как считал П. П. Пекарский, а лексические замены (п. 7).

4) Расширения синтагм и добавления. В ЕЗ добавлено: *ти, имь, ему, а въ нихъ, преградиша* и под. См. Приложение, п. 4). Большинство расширенных синтагм смысла не меняют. Добавляются различные частицы (*бо, же, уже*, особенно часто *бо* и *уже*), причем, как показал А.А. Зализняк, на «своем» месте; повторяются или вводятся глаголы, ясные из контекста; украшающие речь эпитеты. Особенно характерно расширение синтагм, упоминающих важнейших героев: русичей (*а храбрые Россіане щитами червлеными = а храбріи Русици преградиша чръвленными щиты*), Бояна (*Бояне, внуче Велесовъ! = вѣщей Бояне велесовъ внуче*), Игоря (*Игоря Святославича = Игоревѣ, Игоря Святѣславича; Игорь = Игорь князь*), Олега Святославича (сражения *Ольга Святосла-*

вичи = Полци Олговы, *Олга Святъславлича*). Но иногда, особенно в середине и конце, в ЕЗ добавляются целые словосочетания, существенно расширяющие или изменяющие смысл контекста, придающие ему несколько иную оценку. Целые вставки появляются, в частности, там, где в Е2 поставлено многоточие, а именно:

а) перед Плачем Ярославны: *къ гора(м) Кіевскимъ...* (так у Пекарского, поставлено 4 точки) = *къ горамъ Кіевьскимъ*: Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы адрузіи Давидови. Нѣ розинося имъ хоботы пашуть, копіа поють на Дунаи.

б) перед словами «Худо быть *головѣ* безъ *плечъ*»: *в поле Половецкомъ...* (у Пекарского поставлено 3 точки) = *въ полѣ Половецкомъ*. Рекъ Бояня, и ходы на Святъславля пѣснотворца старого времени Ярослава Ольгова коганя хоти.

В случае (а) добавлены указания на двух князей, разрозненные военные действия которых противопоставлены князю Владимиру, далеко выходящему за Киевские пределы. Если это так и если «розинося имъ» можно принять за неудачно построенный оборот «Дат. самост.» **розинувшемъ имъ*, то дальнейшие слова следует понимать так: «А вот в это (время) ныне остановились стяги (главнейшие полковые знамена) Рюриковы, а другие Давыдовы. Но поскольку они действуют разрозненно (глагол **роз-ино(у)тися* надо понимать как ‘действовать по од-ин-очке, разрозненно’, ср. *иной*), (вражеские) конские хвосты машут (другое толкование — порознь их хоругви (полотнища) развеваются), копыта поют на Дунае». В случае (б) снова, как и в начале поэмы, развернутая ссылка на Бояня, вводящая его мудрые слова, точно так же, как вводилась «припевка» «ни хытру, ни горазду».

Отметим и другие более-менее обширные вставки в ЕЗ, выходящие за пределы простого расширения готовых синтагм из Е2:

в) сильная тоска разлилась *среди земли Руской*. Князи вели войну междуусобную = *тоска разлилася по Руской земли*; печаль жирна утече *среди земли Рускыи*; а князи сами на себе крамолу коваху (вставлено «сами (на себе)», при синонимических заменах «сильная тоска» = «печаль жирна», «вели войну междуусобную» = «крамолу коваху»);

г) *а самъ подѣ червлеными щитами на кровавой травѣ посѣченъ мечами Литовскими*. Небыло тутѣ брата Брячисла (так!), ни другаго Всеволода = *а самъ подѣ чрълеными щиты на кровавъ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи*. И схоти ю на кровать, ирекъ: Дружину твою Княже птиць крылы пріодѣ, а звери кровь полизаша. Небы тутѣ брата Брячслова, ни другаго всеволода;

д) творишь при горести неспособными *тулы ихъ?* = тугою *имъ тулы* затче.

е) Сказаль *Гзакъ Кончаку*. Когда *Соколь къ гнѣзду полетѣль*, то *разстреляемъ* его соколицу *своими злачеными стрелами*. Отвѣтствовалъ *Кончакъ Гзаку*: когда *соколь къ гнѣзду полелѣль*, то *опутаемъ* его *красною дѣвицею*. Напротивъ сего Сказаль *Гзакъ Кончаку*: когда *опутаемъ его красною дѣвицею*, то *недостанетъ намъ ни сокола, ни красной дѣвицы*, и стануть насъ *птицы битъ въ полѣ Половецкомъ...* = Молвить *Гзакъ Кончакови*: аже *соколь къ гнѣзду лети*^т соколича *рострѣля* — *евъ* *своими злачеными стрелами*. Речь *Кончакъ ко Гзѣ*: аже *соколь къ гнѣзду летить*, а вѣ *соколица опутаевъ красною дѣвицею*. И рекъ *Гзакъ къ Кончакови*: аще *его опутаевъ красною дѣвицею, ни нама* *будеть сокольца*, *ни нама красны дѣвице*, то почнутъ *наю птицы бити в поле половецкомъ*.

Как видим, в случаях б) и д), и особенно а) и г), вставлены самые темные места в СоПИ, для переписчика ЕЗ малопонятными были также формы на -вѣ и в случае е) (но он добросовестно скопировал их, ничего не меняя! Отсюда следует, что копия эта вообще очень надежная и достоверная).

В случае е) в ЕЗ вставлен повтор «ни нама» в конце диалога Гзак с Кончаком. В начале же этого диалога внесен другой смысл: «его соколица» (то есть красна девица). По Е2, возникает спор: Гзак считает, что надо убить красну девицу, а Кончак, напротив, хочет опутать Игоря этой красной девицей; Гзак настаивает на своем. По Е3, как будто бы, в первой реплике Гзака в уста ему вложено предложение убить самого Игоря («соколича», вероятно, вместо «Святъславича»). Кончак предлагает более мирный и хитрый план остановить Игоря — опутать его красной девицей. Последние ответные реплики Гзака в Е2 и в Е3 по смыслу совпадают.

Между тем, стиль ЕЗ более динамичный и краткий (такова же и его оценка Л. А. Дмитриевым). Практически все расширения синтагм обусловлены какой-либо специальной задачей, например, более выпукло представить имя главного героя, так сказать, замедлить на нем речь, вставкой частиц привнести энергию и старинный дух произведения и под. Поэтому вставленные фрагменты преследуют совсем иную цель — не проводить дальнейшую стилистическую правку, а внести более существенные содержательные дополнения, влияющие на всю композицию, переходы от одной части к другой и на целостное восприятие СоПИ. Если предполагать движение от «Задонщины» в направлении усложнения текста редчайшими историзмами, архаизма-

ми и экзотизмами, то следует видеть следующий порядок: «Задонщина» — *Е — Е2 — Е3 — П1 — П2. Символом *Е обозначается текст, с которого писарь делал копию для Екатерины II.

Попутно отметим, что если различие *простерло* еси = *простре* рассматривать в отрыве от других, то ни в коем случае нельзя было бы заподозрить XVIII век, но сомнений нет в том, что Е2 создан в конце XVIII в. Одно это различие (не обычное копирование архаических фрагментов) доказывает (не просто показывает, склоняет к мысли, наталкивает на мнение и т. д., а именно *доказывает*), что Е2 не является переводом Е3.

Число, объем и качество добавлений резко возрастает после слов «Дѣти Бѣсови кликомъ поля прегородиша». При 22-х незначительных однословных пропусках и существенного сокращения одного фрагмента Е2 (Рассыпалась печаль *по земли Руской*. *Что слышу за шумъ, что за звукъ* толь *рано предъ Зорею?* = Тугою взыдоша *по Руской земли*. *Что ми шумить, что ми звенить* давеча *рано предъ зорями?*) мы встречаем следующие добавления в Е3: (1) преградиша, (2) Камо туръ поскачаше (в Е2 просто «где ни появится»), (3) и града Чернигова, (4) а сами на себе крамолу ковати (в Е2 только «раззорять»), (5) сами, (6) И схоти ю на кровать, ирекъ: Дружину твою Княже птицъ крылы пріодѣ, а звери кровь полизаша. (7) у святыя Софеи, (8) Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы адрузіи Давидови. Нѣ розинося имъ хоботы пашуть, копіа поють на Дунаи. (9) имъ лучи съпряже (может быть, вм. творишь неспособными тулы ихъ в Е2), (10) Коли, (11) рече, (12) Рекъ Боянъ, и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти. (13) пѣти (слава). Это говорит только о том, что в 1-й и 2-й частях применялись разные принципы работы с текстом. В 1-й части все содержание Е2 передавалось неукоснительно, но чуть более скупое, с незначительными сокращениями стилистического плана, никак не влияющими на смысл. Во 2-й части уже только 2 случая многоточия показывают, что текст Е2 оставлял простор для добавлений, причем весьма объемных и существенных (см. перечень из 13-ти пунктов). Если весь текст Е2 написан до Е3, то составитель Е3 именно дорабатывал текст до того вида, который был взят для П1. В П1 уже вносились совсем незначительные изменения — только корректорского, орфографического плана.

Ситуация с пропусками и добавлениями такова, что хорошо прослеживается тенденция: чем ближе к концу текста, тем добавлений в Е3 больше. Становится ясным, что до Е3 и Е2 существовал текст *Е (здесь мы частично согласны с Л.А. Дмитриевым), над которым рабо-

тал составитель Е2. Чувствуется, что во второй половине признаков перевода больше, но, чем ближе к концу, тем Е2 составлялся с бóльшим трудом. Положение было выправлено в Е3.

5) Лексические замены¹:

прилично = не лѣпо ли, представить = начати, жалостную = трудныхъ и под. Большинство лексических замен представляет собой замены синонимические. Однако значения некоторых эквивалентов настолько разнородны, что такие пары должны быть выделены в особую подгруппу. Вот ее состав: представить = начати, жалостную = трудныхъ, составим = начатимся, тогдашняго *времени* = сего *времени*, *не* употребляя = а *не* по, стихотворецъ = вѣщій, стихотворческими = вѣщія, нашу = сію, возвышаемъ = истягну, разжигаемъ = и поостри, *поѣдемъ* = *позримъ*, затмѣніе Солнечное = знаменіе, воспѣть подвиги = ушечкоталь, сравняя *славу* = свивая *славы*, древнюю съ *симъ временемъ* = оба полы *сего времени*, стремясь = рица, галки = Галици, летять = бѣжать, въ цѣль = къ мети (=къмети), они = сами, останавлиетъ = заступаше, Возставшая = стонуци, по Ворскле = влзѣ, *по* Хоролю, = и *по* морію, по Суугли = и Сурожу, готовить = пасеть, *добѣгалъ до Курска* = *дорискаше до Курь*, невидѣнь (свет зари) = (заря) запала, (быть грому) страшному = великому, (О Земля руская! уже) предѣлы твои открыты = не шеломянемъ еси, Къ чему было = кая раны дорога, никогда не внималь ему = по вся утра уши закладаше, былъ слышанъ разговоръ двухъ земледѣльцовъ = ратаевѣ кикахуть, и осталась побѣда *въ силахъ Дажбожева внука* = въстала обида *въ силахъ Дажь-Божа внука*, мечемъ = смагу, (а злата и серебра не) возвратити = потрепати, возстало = уже тресну, *и* милого (брата) = *и* много вои, (сокола) спускають, = (сокол высоко) бываетъ, Гостомысле = Осмомысле, къ подвигамъ великимъ = умъ на дѣло, *не побѣдами* = *не побѣдными*, счастливыми вы *власть себе* получили = жребіи *власти собѣ* расхытите, затмили (*славу*) = притрепа, (а сам) посѣченъ = притрепанъ, далеко отстали (от славы вашего деда) = выскочисте (издедней славе), *въ добромъ* (тѣлѣ) = *в* друзѣ, *и* справедливо = *и* первое, раздаются (голоса их) = вьются.

Эти замены в семиотическом плане могут быть прокомментированы следующим образом. Слово связано со своим понятийным содержанием и предметным содержанием. Синонимы и, шире, близкочастные слова в целом выражают одно и то же понятийное содержа-

¹ В. В. Виноградов называет такие замены «синонимобразными эквивалентами» [Виноградов 1966: 239].

ние, но имеют разные предметные отнесенности. В силу этого синонимические замены смысла текста не меняют. Представленные пары имеют разные предметные соотношенности, но всегда близкие друг к другу понятийные содержания, такие, которые так же, как и синонимы, общего смысла контекста не меняют. Если синонимы преобладали в эпоху идеации (ср. парные сочетания типа *тужа и печаль*), то такие замены стали возможны в эпоху идентификации, эпоху отрыва понятийного содержания слова от предметного, — первый признак рационализма¹. Стали мыслить настолько отвлеченно, что появилась возможность к разным предметным образам (например, зрительному ощущению человека и исчезновению последних лучей солнца) применять одно и то же понятие света: об одном и том же можно сказать *больше не виден свет зари* (с точки зрения человека и более отвлеченно) и *заря (за) свой свет запала* (другое толкование — *запала́*), то есть закрыла (другое толкование — зажгла, в любом случае — с точки зрения источника света, то есть более конкретно). Практически все пары представляют собой более отвлеченный, сосредоточенный на понятии или на каком-нибудь прототипическом предмете термин в Е2 и очень конкретный, образный, экзотический предметный термин в Е3. Такая конкретизация способствует зримому, наглядному, вещественному представлению смысла, который более ясно, но зато и менее образно и, в творческом отношении, гораздо более скромно и сухо представлен в Е2. Нередки случаи сохранения внешнего звукового сходства (*не употребляя = а не по*, *галки = Галици*, *Возставшая = стонущи*, по Ворскле = *вльзѣ*, *по Хоролу*, = и *по морію*, по Суугли = и *Сурожу*, и *осталась побѣда = встала обида*, *мечемь = смагу*, *возвратити = потрепати*, *милого = много*, *Гостомысле = Осмомысле*, *добромь = друзѣ*, *справедливо = первое*; случаи словообразовательно оправданного созвучия отмечены курсивными буквами в составе слов). Если бы до нас дошел только текст типа Е2, его бы не стали считать шедевром русской словесности *всех времен*.

Среди представленных пар находится несколько с антонимическими отношениями. Одни из них объясняются легко, напр., как грамматические перифразы в другом залоге. Другие (напр., тогдашнего *времени = сего времени*) радикально меняют точку зрения, см. выше. Полный, подробный и доказательный разбор их требует отдельной статьи на фоне существенного историко-лингвистического материала.

¹ Подробнее об этом см. в кн.: [Колесов 2002].

2. 2. Лексические новообразования в ЕЗ

ЕЗ в лексическом отношении совпадает с П1. Благодаря Словарю-справочнику, мы можем дать исчерпывающий список таких слов СоПИ, для которых отсутствуют древние параллели. Приведем такой список, особо отмечая случаи старейших находок в XVII в. (в этом перечне курсивом даются словарные формы П1 и примеры словоформ, по Словарю-справочнику):

босый (волк) — быстрый, *бусовъ* — серый (*бусови врани*), *бусовъ* (*время бусово*, от *Босъ*, отмечается *Бусова гора*, *Бусовица* под современным Киевом), *былина* (прим. только по сп. Унд. Зад. XVII в.), *Велесовъ*, *въсрожити* (*вльци грозу въсрожатъ по яругамъ*), *вътрило* — ветер, *возгряти* — зловеще каркать (прим. из Пов. о Г.Злоч. XVII в.), *втроскотати* — застрекотать, *гоголь* — птица из породы уток-нырков (прим. из Ск. о Ерусл. XVII в.), *горностаи*, *давеча* (прим. XVII в.), *деремела* — название народности, племени, *дорискати* — доскакать, добежать, *дотктися* — коснуться, дотронуться (прим. XVII в.), *Дудутки* — какое-то географическое название (селения, монастыря, рек ?), *заворочати* — поворачивать назад..., *закладати* — закрывать, затыкать, *зараніе* — раннее утро (*съ заранія*), *засапожникъ* — охотничий дорожный нож, *заступаше* (в Словаре-справочнике начальная форма дается *заступати*, но примеры приводятся на другой глагол (*заступити*, который стал ассоциироваться с сов. видом) *заступятъ* из Генн. Библ., *заступлен* из ДАИ 1670 г. Если бы имперфект был образован в действительности от реально существовавшего *заступити*, то мы ожидали бы **заступляше*), *збитися* — подняться наверх, *Карна* — олицетворене скорби, *Каяла* (по Е. В. Барсову, как в Ип.л. *на рѣць Каялы*, то есть раскаяния, значит, река Каяла имеет символическое, а не географическое значение), *кикати* — покрикивать, кликать, *Кисаню* (*дебрь Кисаню*; ср. у Державина в «Целении Саула» 1809 года: «Саул, Сиона царь, сын Кисов...»), *клекот* — клетать, крик орла, *кнѣсь* — матица, верхнее бревно, *ковыліе* (в примерах из древних текстов только *ковыль*), *крыльце* — крылышко, **куса* — при делении *«с три куса», но и при слитном прочтении «стрикусы» — секира, бердыш (с нем.), *лада* — ласкательное название супруга, возлюбленного, *лелѣяти* — тихо качать, бережно колыхать, *многовои* (в прим. *вои многи*, и *собраль много вои*), *нарискати* — совершить набег, нападать, *окони* — от **оконити* ‘сделать конным’, но в ЕЗ «о кони», трудностей с пониманием нет, иначе говоря, в данном случае Словарь-Справочник создает такое слово-фантом, которое только укрепляет точку зрения

скептиков, *Ольберы* — этноним (?), *орьтъма* — покрывало, попона, *папорозь* — наплечник, *полелъяти* — нежно перенести, колыхая, как бы убаюкивая, *полозие* (ср. полозъ ‘один из видов крупных змей’, не очень понятно, почему мелкие змейки, которые больно кусаются, но не содержат ядовитых зубов, охарактеризованы как «крупные», зато они, действительно, водятся в болотах стайками), *попоити* — напоить, *потрепати* (по Вс.Ф. Миллеру, необходимо сравнивать с сербск. *тръпати* ‘нагромождать, накапливать’, *потрпати* с тем же знач.), *потручатися* — ударяться (?), *прерыскати* — перебежать, пересекать (дорогу, путь), *прикрыти* — закрыть, заслонив собой, *приламатися* — поломаться, сломаться, *припъвка* — поговорка, *притоптати* (прим. XVII в.), *притрепати* — дергая, измять, испортить, *прыснути* — брызнуть водой, пеной, *путины* — путы, цепи, оковы, *раскропити* — растекаться, *расшибити* (в Словаре-справочнике этому слову приписано знач. «Перен. и образно. Нанести сокрушительные удары... *разшибе славу Ярославу*. 35», однако приводится единственная цитата из Мин.окт., 20 (1096 г.) «...умь ращибе (в др.сп. *рашибе*) словьмь благодати», в Сл.Срезн. — с (?)), *роспустити*, *ревугы*, *Римы* — город на р. Суле, *рокотати*, *рострети* — рассечь, расширить, *Русичь*, *свиснути* (прим. XVII в.), *славий* (прим. XVII в.), *соколец* — сын сокола (образно), *соколич* — сын сокола (образно), *спала* — либо от *спалати* ‘вспыхнуть, загореться, спалить’, либо от *спасти* ‘упасть, свалиться’ (*«спасти на умь» нет), *сронити* — сбросить с себя (прим. 1670 г.), *стрълка* — уменьш. от стръла (в 1-м знач.), *струга* — поток, ручей, *тектъ* — постукивание клювом о что-л. (о птицах), *тльковинъ* (приводится цитата: ...и тиверцы, яже суть толковины: си вси звахуться от грекъ Великая скуфь. Пов.врем.лет (Радз.), 23-24...», ср. *Толковникъ* — переводчик, толмач, истолкователь», среди первых переводов — ‘раковина’, так же толкует Карамзин, *топчаки* — этноним (?), *трещати* — издавать треск, *троскотати* — стрекотать, издавать резкие короткие частые звуки (автор СоПИ, видимо, не запомнил в точности детали звукового значения глагола, и он приписал ему звуковое значение паронима *стрекотать*; в дрр. ‘трещать’: ...яко персем троскотати Пов.врем.лет.), *Троянь* — притяж. прилаг. к *Троянь*, *трудный* (первые издатели: ‘прискорбную повесть’, в Словаре-справочнике под 1. знач. ‘требующий больших усилий, напряжения, труда’, в прим. из древних текстов: *трудное житье*, *дъло*, *трудная врчевания вещь* и под., *уедіе* — еда, пища (?), *упудити* — вспугнуть, встревожить, *ущекотати* — перен. и образно ‘воспеть кого-л. подобно соловью’, *харалугъ* — сталь, булат (образно), *ходы* (на) — ...и *ходы на Святъславя...*, в переводах

«походы», вариант *Ходына* — имя собств., *чаица* — название птицы (чайка или чибис), *чепь* (прим. 1677 года на *цепами*), *чернядь* — утка-нырок, *шельбиры* — этноним (?), *шереширь* — (?) (почему-то в Словаре-справочнике не дается старейшая версия наименования стенобитного орудия, с греч.), *шестокрыльць* — 1. эпитет сокола, а также сравнимого с ним героя-воина, 2. имеющий шесть крыльев (о серафиме) (цитаты из древних текстов имеются только для 2-го знач.), *шизый* — сизый, *щекоть* — пение соловья, *япончица* — уменьшит. от *япанча*, *епанча* — верхняя одежда, накидка, плащ, *Ярославнынъ*, *яруга* — овраг (прим. с 1704 года).

Очень красочные образные глаголы, отсутствующие в древних текстах, образованы при помощи приставок *воз-* (*возграяти*), *в-* (*втроскотати*), *до-* (*дорискати*, *доткися*), *за-* (*заворочати*, *закладати*, *заступати*), *с-/з-* (*збитися*), *на-* (*нарискати*), *по-* (*полелгяти*, *попоити*, *потрепати*, *потручатися*), *пре-* (*прерыскати*), *при-* (*прикрыти*, *приламатися*, *притоптати*, *притрепати*, сюда же отглагольное имя *припгьвка*), *раз-/роз-* (*раскропити*, *растекатися*, *расшибити* (?), *роспустити*, *рострети*), *с-* (*спалати* либо *спасти*, *сронити*), *у-* (*унудити*, *ущекотати*).

Живая образная система произведения создается в том числе и за счет многочисленных новых приставочных глаголов.

3. Анализ особенностей языковых форм Е2 и Е3

В отношении **морфологии** представленные пары должны быть проанализированы в двух аспектах: 1) образование форм, 2) употребление форм, их синтаксические значения. Приведем только отдельные случаи, которые показывают производность текста Е3¹.

1) Образование форм.

3.1. Звательный падеж

Звательный падеж образуется в целом правильно, но есть две пары разночтений, вновь подтверждающие, что мышление составителей Е3 не было строго парадигматическим. В паре «Храбрый *тур Всеволод* = *Ярь туре всеволоде!*» Им.п. Е2 заменяется Зв.п. в Е3, причем при преобразовании структуры предложения первый эпитет не оформляется по Зв.п. (*Яре). В Е2 Им.п. требуется описанием: «Храбрый тур Все-

¹ Подробную морфологическую характеристику П1 с перечнем множества инноваций см. в кн.: [Смирнов. Вып. II. 1879].

володь, стоя на рукѣ правой, мечеть на противныхъ стрелы яко градъ...». В Е3 это предложение начинается с обращения, и план 3-го лица заменяется на план 2-го лица: «Ярь туре всеволоде! стоиши наборони, прыщещи на вои стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными». Обращение к воюющему князю, несомненно, оживляет сцену, но эпитет *ярь* не подходит к слову *турь*. Судя по «Материалам...» Срезневского, типичными носителями этого признака были человек (*сварникъ*), око, смерть, наказание, гордость, ветер. Возникают трудности в объяснении этого эпитета как в семантическом, так и в морфологическом плане. Во всяком случае, видно, что происходит неудачная попытка передать идею храброго словом *ярь*, которое обозначало гневливость, невоздержанность, переменчивость, а судя по производным (*яркий, яровой*), также интенсивность света. В П1 это обращение приобретает гиперкорректный вид: «Ярь туре Всеволодѣ!» — вероятно, под влиянием списка из архива Белосельских-Белозерских.

В паре «*буй тур = Буй туру*» форма образована по аналогии, точнее сказать, линейной конгруэнции, с *Игорю* в значении Зв.п., хотя в предыдущем контексте эта форма имеет значение Дат.п. Правильно было бы **бую туре*. Во всяком случае, в Е2 видна явная попытка образовать все сочетание в Зв.п.: «Буй туру всеволоде владиміру Игоревичь». В П1 следующая редакция: «Буй туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу». Можно было бы подумать, что все сочетание оформляется по Д.падежу (контекст это позволяет), но форма «Всеволодѣ», уже употребленная в значении Зв.п., придает значение Зв.п. всему сочетанию.

Замена *юноше* в Е2 на *уношу* в Е3 связана, скорее всего, не со стремлением образовать Зв.п., а с правильным оформлением по В.п., но также и с дальнейшим механическим, чисто конгруэнтным согласованием со словосочетанием *князю Ростиславу*: «Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ». Ожидалось бы **князя Ростислава* или совсем архаич. неод. **князь Ростиславѣ*. При сочетании в Местн. п. закономерно пропущен предлог *при*, как это бывает в старых летописях.

3.2. Двойственное число

Двойственное число представлено в Е3 очень последовательно, но с опорой на Е2 можно заметить даже гиперкорректное написание. В паре «был слышан разговор двух земледельцев = ратаевѣ кикахуть» Е2 специально подчеркивает, что земледельцев было два. Числительное *два* лексически подкрепляет часто особые грамматические формы,

однако в этом контексте составитель ЕЗ решил сократить синтагму, что для него очень характерно, и выразить двойственность морфологически. Он хорошо знал окончание -вѣ, но перенес его, по созвучию, из глагольной парадигмы в именную. Вместо **ратая кикаста* он написал *ратаевѣ кикахуть*, показывая более знакомое и более яркое окончание несовершенного вида прош. времени (имперфекта). Окончание -евѣ навеяно, возможно, «Задонщиной», в списках которой такие варианты оформления мн.ч. возможны.

Для слова *брегъ* составляется несуществующая форма дв.ч.: «*Немиги брега кровавые = Немизъ кровави брезъ*». Форма *брезъ* была бы правильной и закономерной, если бы слово относилось к типу скл. на *-ā. В действительности же следовало бы оставить нынешнюю форму *берега*, в Е2 в славянской огласовке — *брега*. Однако стремление к архаизации привело к гиперкорректному образованию формы.

3.3. Формы множественного числа существительных

В XVIII веке развивалась тенденция полностью выравнять по роду окончания И.=В.п. мн.ч. существительных, не только в отношении м. и ж. родов, но и для ср. рода: *стеклы, окны*. Литературная норма не приняла этой тенденции, и она осталась в просторечии, но не свидетельствует об особой архаичности. Если в паре «*иссушил источники и болоты = иссуши потоки и болота*» происходит закономерная архаизация, то в паре «*забрала = забралы*» — случай обратный. Контекст не оставляет сомнения, что имеется намерение сложить форму Им.п. мн.ч.: «Унышабо градомъ забралы, а веселіе пониче». В П1 — то же. Следует расценивать и этот случай как гиперкорректную архаизацию.

Пара «*грады поделены = гради подѣлиши*» показывает, что меняется залог. Если в Е2 правильно образована форма XVIII в. Им.п. мн.ч., то в ЕЗ требуется форма прямого дополнения конструкции действительного залога, то есть В.п. В древнерусском эта форма не отличается от современного — *грады*, но она выглядит недостаточно архаичной и заменяется на древнерусскую форму Им.п. мн.ч. *гради*. Этот случай также можно квалифицировать как гиперкорректную архаизацию, приводящую к ошибке.

3.4. Склонение прилагательных

Среди форм прилагательных ед.ч. оставлена без изменений форма Р.п. ед.ч. ж.р.: *быстрой Каялы = быстрой Каялы*. Возможная

древнерусская форма — *быстроѣ (с «русским ятем»), либо славянизированная *быстрыа, в русифицированной орфографии *быстрыа. Редукция последнего гласного в этой форме — явление позднее и на письме закрепилось как вариант и только в светских стилях. В ПІ оставлено *быстрой*.

То же следует сказать о паре «от земли половецкой = отъ земли *Половецкыи*». Окончание -ыи с огласовкой -ы- совершенно искусственное. Это неудачная попытка архаизации. Ожидалось бы *отъ земль половецкыѣ*.

Среди форм мн.ч. в паре «своих борзых коней = свои бързьи комони», сообразно закономерностям древнерусской грамматики, устраняется категория одушевленности, однако прилагательное в этом случае должно было бы иметь окончание -ыѣ, -ыа, -ыа, либо -ыа. В истории парадигмы мн.ч. прилагательных выравнивание шло не по Им. падежу, как в случае *борзьи, а по В. падежу, что в конце концов дало общее внеродовое современное окончание -ые. В ПІ такая форма оставлена: «сѣдлай, брате, свои бръзьи комони». Это удивительно, ведь чуть выше в том же В.п. мн.ч. м.р. находим: «а всядемъ, братіе, на свои бръзьи комони», хотя и здесь вместо ожидаемого *своя видим форму = Им.п.

В паре «ляцкими = ляцкыи» чувствуется стремление заменить Тв.п. мн.ч. всех родов на Им.п. мн.ч., однако согласования по ж.роду здесь нет, ожидалось бы *лядьскыѣ или -ыа, -ыа, -ыа: «Ингварь и всеволодь, и вси три Мстиславличи, не худá гнѣзда шестокрыльци, не побѣдными жребіи собѣ власти расхытите, кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкыи и щиты». В ПІ дано отдельным восклицательным предложением: «Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкыи и щиты!», — но морфология сохранена. Возможно, происходит отталкивание от нормы XVIII в. *Ляцкыя (ж.р.).

3.5. Образование и употребление глагольных форм

В паре «замолкъ = убуди» *убуди* составлено как будто бы вместо *убы, убудяше*. По «Материалам...» Срезневского, *убыти, убуду* ‘уменьшиться, убавиться’, ‘удалиться’. Форма образована от основы простого буд. (наст.) времени и при контаминации с глаголом *убудити*.

В паре «сказал он боярам *одевали вы меня = одѣвахъте мя, рече*» искусственная форма *одѣвахъте* образована так же, как *пойдемте, *пошлите в разговорной речи, то есть путем агглютинации окончания 2-го л. мн.ч. к окончанию 1-го л. имперфекта. При этом база *одѣвахъ-* — это уже контаминированная форма *одѣвахъ* +

одъвахомъ + *одъваху*. Памятники XVI–XVII вв. широко показывают такую контаминацию; она проникает и в церковную речь XVIII века. Что касается формы *одъвахъте* вместо правильной *одъвасте*, то ее можно объяснить в контексте поздних контаминированных форм имперфекта. Появление этой формы лишней раз подчеркивает, что создатели ЕЗ опираются не на рационально вычлененные из текстов парадигмы, а на чутье и воспоминания. В ЕЗ уже не обязательно согласование по 2 л. мн.ч., поэтому *одъвахъте* можно расценивать и как фонетический вариант совершенно правильной формы 3 л. мн.ч. имперфекта *одъвахуть*. Форма оказалась выстроенной по ее источнику — Е2, но преобразованной на пути к оформлению по 3-му л. мн.ч.

Пара «*подали* = *подасть*» появляется в следующем контексте ЕЗ: «Нарѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, ивъ морѣ погрузиста, и великое буйство *подасть* Хинови». Здесь выражается мысль о силе половцев, распространившихся даже до Китая, которому они так же, как и Руси, стали угрожать. Правильной была бы форма **подаша*. Но следует думать, что, вслед за формой дв.ч. аориста 3 л. *погрузиста*, ожидается согласованная с нею форма **подаста*, и так же, как сокращается инфинитив или 2-е л. (*писать* вм. *писати*, *пишешь* вм. *пишеши*), сокращается и форма дв.ч. *подасть* = *подасть*. Дв.ч. вместо мн.ч. — это, вероятно, гиперкорректное образование аориста 3 л. мн.ч. Может быть, составители ЕЗ отталкивались от индивидуальных различий в старой и новой парадигме глагола 5-го кл. (по)дати: *подаси* = *подашь*. Можно восстановить такое рассуждение: если вместо *подашь* следует писать *подаси*, то вместо *подаша* — *подаста* или *подасть(ь)*. Вместе с тем, ничего из этих допусков и построений не потребуется, если увидеть согласование *гнездо... подасть*.

Пара «*погрузили* = *погрузиста*» вместо *погрузиша* также может быть объяснена гиперкорректным написанием.

2) Употребление форм¹.

Остановимся только на глагольных формах, обсуждавшихся в литературе больше других. Было сказано о паре «*простерло* еси = *простре*». Это дает повод для поисков семантических отличий аористов от эловых форм.

Так, глагол *спала* (*князю умъ по хоти*) должен рассматриваться, как обычный в череде аористов. Более того, параллельно этому образу

¹ Если не обозначается другой источник, цитаты даются по ЕЗ.

выражается и жалость ему знаменіе заступи, также на основе аориста. Следовательно, пара глаголов *спала*: *заступи* должна была бы оформляться как **съпаде*: *заступи*. Никаких оснований для появления эловой формы без связки (придаточное предложение, прямая речь, комментарий, выражение недостоверности или засвидетельствованности сообщения) не находим. Здесь явный «прорыв» грамматики светских стилей XVIII века. Если остаются лексические сомнения в толковании значения глагола *спала*, то, при условии предпочтительности аориста в этом контексте, приходится выбирать менее предпочтительное лексическое значение ‘воспылала’.

Ту же проблему видим в случае «Уныли голоси, пониче веселіе». Ожидается **Уньша*: *пониче*.

Эловая форма в предложении *Прѣти было пѣснь Игореву* — несомненный модернизм на месте **бѣше*. Связка *было* при инфинитиве возникала, но только в конструкции с сослагательным наклонением, напр.: «да бы ѿместникъ Бѣ . бѣлъ . и възложити было на Ба . ѿмъщенье свое» (Ип.л., л.92)¹. В СоПИ же отсутствует необходимый элемент *бы... бѣлъ(о,а,и)*. Ср. обычное выражение той же конструкции, что и в СоПИ: «аще поѣхати баше Гюбрину . не дадаше въпрачи кона...» (Ип.л., л.6). Подобный анахронизм усматриваем и в оформлении предложения «чили въспѣти было...» в м. *...бѣше...

В прекрасном описании природы «заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла, щекоть славій успе, говоръ Галичъ убуди» использовано две эловые формы и два аориста. Никакого функционального различия, тем не менее, между этими формами нет, поэтому естественно ожидать либо 4 перфекта (*запала, покрыла, уснуль, убудиль*), либо 4 не связанных друг с другом цепочкой последовательных во времени действий аориста (*западе, покры, успе, убуди*). Единственно, чем можно оправдать две попарно сгруппированных глагольных формы, это версификация — грамматическая рифма на ...-ла ...-ла и ...-е ...-и по схеме аабб. Но такого не было в практике словесности до эпохи барокко (сочинения виршей).

Контекст «въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступилъ дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ у Дону плещучи, убуди жирня времена, усобица княземъ на поганья погыбе» имеет схожие свойства, но здесь можно усмотреть особую перфектность в первых двух случаях.

Не совсем понятна эловая форма и в следующем контексте: «Уже соколома крилца припѣшали поганыхъ саблями, а самого опуташа въ

¹ Ипатьевская летопись дается по изд. [Ипатьевская летопись].

путины желѣзны». Здесь ожидалось бы либо две эловых формы, либо два аориста, причем первый — согласованный по дв.ч. **нрпнръиаста*.

Нагромождение эловых форм без связки вряд ли находит свое оправдание в древнем синтаксисе: «Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были Полци Олговы, Олга Святъславлича». Здесь совершенно ясное соседство состояние — действие — состояние в основном плане повествования, поэтому более соответствовало бы древнерусской грамматической реальности **бяху — *минуша — *бяху*.

Напротив, по контексту и прямому лексическому окружению вместо аориста «То же звонъ слыша давный великий Ярославъ сынъ всеволожь» требуется плюсквамперфект: **слышаль бяше* (общеславянский), либо **слышаль (есть) былъ* (русский), либо, как это уже бывало с древнейших времен, вовсе без связки: **слышаль*. Это как раз тот случай, где эловая форма предпочтительнее аориста. Ср. идеальную древнерусскую фразу с плюсквамперфектом: «Игорь и всеволодь уже лжу убуди, которую то *бяше успилъ* отецъ ихъ Святъславъ грозный выликий Кіевьскый».

Но наиболее показательными для определения времени создания ЕЗ являются употребления форм имперфектов. Так, если в описании фоновой картины в контексте «Тогда вступи Игорьъ князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тмою путь заступаше» *заступаше* появляется совершенно закономерно, то в такой же функции в случае «а Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычатъ телѣгы полунощи; рци лебеди роспущени» *крычатъ* похоже на настоящее историческое, которое начало вытеснять имперфект не ранее XVI века. Ожидаемая форма **крычаху*.

Обилие форм настоящего времени, конечно же, оживляет картину и делает ее более образной, но, сообразуясь со вкусом читателей XVIII века и более позднего времени. Считаем, что в древнерусском соседство времен вроде «Половци идутъ отъ Дона, и от моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя полки отступиша.» быть не могло. Ожидаемая пара **(но)идоша: отступиша* или даже **(но)идоша: *отступляху*, то есть ‘стали отступать’. Метафорического переноса настоящего времени в план прошлого быть не могло. Наоборот, был возможен вневременной (пророческий) аорист, выражающий любое неактуальное действие, не совпадающее с моментом речи.

Соседство имперфекта и изобразительного настоящего времени — это вряд ли характерная особенность древнего сочетания времен: «Камо туръ поскочаше, своимъ златымъ шеломо^м посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы Половецкыя». Здесь имеется в виду состояние,

непосредственно вызванное действием, следовательно, в древнерусском было бы **поскочи*: **лежаху*, либо, если подчеркивается многократность, *поскочаше*: **лежаху*. Та же ситуация в случаях «а Галици свою рѣчь говоряхуть, хотятъ полѣтъти на уедіе»; «сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великій женчюгъ на лоно, и нѣгують мя».

Схожая проблема и в столкновении аориста с наст.вр.: «Се бо Готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ златом: поють время Бусово, лелѣють мечь Шароканю». После аориста ожидался бы имперфект **лелѣяху(ть)*, как время, обозначающее действие, непосредственно вызванное действием, выраженным формой аориста. То же: «Овлуръ свисну зарѣкою; велить князю разумѣти». Ожидается **веляше*.

4. Заключение

Итак, мы считаем, что E2 является не переводом E3, а его более ранней редакцией. Текст E2 вообще нельзя считать переводом в строгом смысле слова, то есть переложением менее понятного на более понятное, поскольку он а) насыщен малопонятными словами, повторяющимися в E3, б) имеет многочисленные *действительные* переводы-гlossы многих из этих слов в скобках рядом с непонятными словами в том же тексте E2. Нет необходимости также предполагать какие-либо промежуточные варианты текста между протографом E2 и E3 ввиду тесной, неразрывной связи их друг с другом, такой связи, которая непосредственно объясняет происхождение одного текста из другого, а именно — происхождение E3 из протографа E2, о котором мы можем судить только по E2.

Мы далеки от мысли, что вопрос о происхождении текста СоПИ решен окончательно и бесповоротно. Судить о том, что это оригинальное произведение конца XII в., что это произведение, возникшее непосредственно по следам "Задонщины", или, наконец, что это научно-художественная реконструкция конца XVIII в., составленная из летописных источников, приписки к Апостолу 1307 г. и др., предоставляем читателям самим. Здесь представлены и систематизированы только факты, способствующие выработке суждения. Надеемся, что они помогут вынести и самоё суждение.

Лексические совпадения и лексические
разночтения Е2 и Е3.

1) а) Коль прилично нам = не лѣпо ли ны, братцы = братіе, повесть = повѣстїи, Игоря Святославича? = Игоревѣ, Игоря Святъславича (у Симони «Святъ славича»)?, то мысль его = то мыслію, по древамъ = по древу, серый волкъ = сѣрымъ волкомъ, по земли = по земли, Мы помнимъ = Помняшетъ бо, то = Тогда, пущаніемъ = пуцашетъ, десяти соколовъ = 10^{мб} соколовъ, прежде = преди, и запѣваль = пѣснѣ пояше, или старого Ярослава = старому Ярославу, Боянъ же = Боянъ же, братцы = братіе, не десять соколовъ = не 10^{мб} соколовъ, на стадо лебедей = на стадо лебедей, пускаль = пуцаше, но своими перстами = нѣ своя прѣсты, по живымъ струнамъ = на живая струны, а они уже сами = ониже сами, славу князей = славу Княземъ, ума = умъ, мужествомъ = мужествомъ, сердца = сердца своего, и исполненъ духа ратнаго = наполнився ратного духа, съ храбрымъ = храбрѣя, своим = своя, на землю Половецкую = на землю Половецкѣю, за землю Русскую = за землю Рускѣю, лучше быть убитымъ = Луцезѣ бы потяту быти, нежели быть плѣннымъ = неже полонену быти, Сядемъ = а всядемъ, братцы = братіе, на борзыхъ своихъ коней = на свои бѣрзѣя конони, на синий Донъ = синего Дону (в Задонщине только Дону), желание = по хоти, и жалость ему, на Дону = Дону великаго, или испить шлемомъ воды из Дону = а любю испити Шеломомъ Дону, О, Бояне, соловей = О Бояне соловію, Когда бъ ты могъ воспѣть подвиги воевъ сих = абы ты сіа полкы ущекоталъ, скача соловьемъ мысленно по древу = скача славїю по мыслену древу, Не буря соколы занесе = Не буря соколы занесе, через поля широкіе = черезъ поля широкая, галки = Галици, стадомъ = стады, къ Дону великому = къ Дону великому, Ржуть кони за Сулою = ржуть конони за Сулою, слава въ Киевѣ = слава въ Киевѣ, трубы трубятъ въ Новѣградѣ = Трубы трубятъ въ Новѣ-градѣ, стоятъ стязи (знамена) въ Путивлѣ = стоятъ стязи въ Путивлѣ, Буй туръ Всеволодъ = буї Туръ всеволодъ, И речь к нему = ему, ты одинъ мнѣ брат = одинъ братъ, о Игорю! = ты Игорю, и мы оба Святославичи = оба есвѣ Святъславичя, Ты седлай, брате, своихъ борзыхъ коней = сѣдлай, брате, свои бѣрзѣи (так!) конони, а мои для тебя готовы = а мои ти готови, еще прежде = на преди, у Курска оседланы = у Курьска осѣдлани (в Задонщ. только осѣдлани), сведомы = свѣдоми, под звуко(м) трубъ = подъ трубами, они повиты = повити, подъ шлемами взлелѣяны = подъ шеломи възлѣлѣяни, по конецъ копья вскормлены = конецъ копя въскрѣмлиени, пути имъ известны = пути имъ вѣдоми, какъ волки серые = аки сѣрыи вѣлци, себе чести ищучи = ищучи себѣ чти, а князю славы = а князю славѣ, Тогда вступивъ Игорь въ златъ стремянь = Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремянь, по полю чистому = по чистому полю, солнечное = Солнце, въ пути его ночью гроза разбудила птиц = путь ему ноцѣ грозою

убуди птичь, Дивъ (филин) = Дивъ, вверху древа = врѣху древа, въ земли незнаемой = земли незнаемъ, А половцы путями неготовыми = А Половци неготовыми дорогами, бѣгутъ къ Дону великому = побѣгоша къ Дону великому, телеги = телѣгы, в полунощи = полунощи, вои ведетъ = вои ведетъ, наподобие птицъ = подобію птиць, орлы клетомъ созываютъ зверей = орлы клетомъ зовутъ звѣри, лисицы = лисици, на щиты червленые = на чрвленыя щиты, О, русская земля! = О Руская земле!, уже за Шеломенью (в сн.: Шеломая была пограничная волость русская к половцам) = уже за Шоломянемъ, щекоть Соловьевъ = щекоть славій, говоръ Галокъ = говоръ Галичь, Россіане (так!) = Русичи, полямъ = поля, чрвленые щиты = чрвлеными щиты, ища себе чести = ищучи себѣ чти, а князю славы = а князю славы, узорочьа (уборы) половецкие = узорочьи Половецкыми, Оно нерождено терпеть обид = не было нѣ обидѣ порождено, и отъ сокола = ни соколу, ни от кречета = ни кречету, ни отъ тебя = ни тебѣ, черный воронъ = черный воронъ, поганый Половчанинъ = поганый Половчине, Гзак бежит, какъ стѣрый волкъ = Гзакъ бѣжитъ стѣрымъ волкомъ (в Задонщ. только стѣрымъ волкомъ), Кончакъ = Кончакъ, за нимъ = ему, въ слѣдъ = слѣдъ, к Дону великому = къ Дону великому, На другой день = Другаго дни, рано = рано, заря = зори, свѣтъ = свѣтъ, идуть = идуть, съ моря = съ моря, тучи черныя = черныя туча, хотятъ прикрыть = хотятъ прикрыти, четыре солнца = 4 солнца, синіи (так!) молнии = Синіи молніи, быть грому = быти грому, идти дождею стрелами = итти дождею стрѣлами, с Дону великаго = съ Дону великаго, о шлемы половецкіе = о шеломы Половецкыя, на рѣкъ на Каялъ = на рѣчь на Каялъ, у Дону великѣго = у Дону великаго, О Земля Руская! = О Руская земле!, уже = уже, Се вѣтри (так!) = Се вѣтри, внуки Стрибога = Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря = вѣютъ съ моря, Дѣти Бѣсовы оградили станъ свой = Дѣти Бѣсови поля прегородиша, а храбрые Россіане (так!) = а храбріи Русичи, щитами чрвлеными = чрвлеными щиты, Храбрый Туръ Всеволодъ = Ярь туре всеволоде!, стоя = стоиши, стрелы яко градъ = стрелами, гремитъ = гремлеши, мечемъ = мечи харалужными, тамо лежатъ = тамо лежатъ, поганые головы Половецкія = поганыя головы Половецкыя, шлемы поганыхъ = шеломы оварьскыя, храбрый Всеволоде = ярь Туре Всеволоде, ступаетъ въ златъ стремь = Ступаетъ въ златъ стремь, слава = слава, привела = приведе, на судъ = на судъ, Тогда = Тогда, по земли Руской = по Руской земли, рѣдко = рѣтко, но часто = нѣ часто, гряjali = гряхуть, вороны, = врани, дѣля между собою трупія = дѣляче трупіа себѣ, и галки своимъ голосомъ говорили = а Галици свою рѣчь говоряхуть, гремятъ сабли о шлемы = гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ = трещатъ, копья булатныя = копіа харалужныя, в полѣ незнаемомъ = въ полѣ незнаемъ, среди земли Половецкія = среди земли Половецкыи, черна земля = черна земля, подъ копытами = подъ копыты, костыми посѣяна = костыми была посѣяна, а кровію политá = а кровію польяна, Игорь полки свои обращаетъ = Игорь полкы заворочаетъ, Тутъ братъя между собою разлучились = Ту ся брата разлучиста, Поникла травá отъ жалости = Ничить травá жалошцами, и древо

= а древо, к земли преклонилось = къ земли преклонилось, всплескали лебедиными крылами = въсплескала лебедиными крылы, Жены Рускія = Жены рускыя, уже намъ = уже намъ, своихъ милыхъ ладъ = своихъ милыхъ ладъ, ни очима узрѣти = ни оочима съглядати, Его сильнымъ полкамъ = своими сильными полки, и булатнымъ меча(м) = и харалужными мечи, притопталъ холмы = притопта хлѣми, возмутить рѣки и озера = в'змутитъ рѣки и озеры, при заливѣ Морскомъ = изъ луку моря, Тогда Игорь съсѣлъ = Ту Игорь князь высѣде, и веселіе престало = а веселіе пониче, испить шеломомъ Дону = испити шеломомъ Дону, по Руской земли = по Руской земли, Половцы = Половци, Уже = Уже, хула = хула, хвалу = на хвалу, на вольность = на волю, уже поверглся Дивъ на землю = уже врѣжеса Дивъ на землю, Се бо = Се бо, Готскія красныя Дѣвы = Готьскыя красныя дѣвы (в Задонщ. красныя нет), звоня Рускимъ золотомъ = звоня Рускымъ златом, А вотъ дивно = А чи диво ся, братіе = братіе, ежели старикъ по молодѣть (так! раздельно) = стару помолодити?, кричи(т) подъ саблями половецкими = кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Владиміръ изранень = а володиміръ подъ ранами (в Задонщ. только подъ ранами), сыну Глебову = сыну Глѣбову, Великій княже Всеволоде! = великій княже всеволоде!, Ты можешь Волгу веслами разбросать = Ты бо можеш волгу веслы роскропити, а Донъ шлемами вылить = а Донъ шелома выльяти, Вступите = вступита, господіе = гна, въ златъ стремянь = въ злата стремянь, за обиду сего времени = за обиду сего времени, за землю русскую = зане землю Рускую, Грозы твои по землямъ текутъ = Грозы твоя по землямъ текутъ, стреляеши съ отеческого златаго Престола Султановъ = стреляеши съ отня злата стола Сальтани, въ чужи(х) землях = за землями, Стреляй, господине, Кончака и поганого Коцея = Стреляй господине Кончака, поганого Коцея, за землю Рускую = за землю Рускую, земля, и многіе страны = земля, и многы страны, Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела = Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половцы = и Половци, свои метальныя копыя повергли = сулицы своя поврѣгоша, а главы подклонили подъ тѣ мечи булатные = а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи, за землю русскую = за землю Рускую, Уняли голоса = Уняли голоса, поникло веселіе = пониче веселіе, трубятъ трубы Городенскія = Трубы трубятъ Городеньскіи, Стонать = стонати, русской земле = Руской земли, Ярославна рано плачетъ = Ярославна рано плачетъ, въ Путивль на забралѣ = въ Путивль на забралѣ, Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на забралѣ = Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, о Днепре славный! = о днепре словутицю, ты пробилъ каменныя горы = ты пробилъ еси каменныя горы, сквозь землю половецкую = сквозь землю Половецкую, Ты = Ты, и, скочивъ съ него, какъ волкъ = и скочи съ него босы(м)ъ волкомъ, и полетгль, какъ соколъ = и полетъ соколomъ (в Задонщ. только соколomъ), гусей и лебедей = гуси и лебеди, Игорь соколomъ полетгль = Игорь сокол(ом)ъ полетгъ, Овлуръ волкомъ = влуръ волкомъ (в Задонщ. только волкомъ), Увяли цвѣты отъ жалости = Уныша цвѣты жалобою (в Задонщ., цвѣты нет), и древа = и древо, къ земли преклонились = къ земли преклонило, Вороны тогда не гяяли = Тогда врани

не граахуть, галки замолкли = Галици помолкоша, путь къ рѣкъ кажуть = путь къ рѣць кажуть, свѣтъ предвѣщаютъ = свѣтъ повѣдаютъ (в Задонц. только повѣдаютъ), въ полѣ Половецкомъ... = въ полѣ Половецкомъ.

1) б) (варианты в ЕЗ приводятся только в сложных случаях) предь полками Косожскими, краснаго Романа Святославича, отъ стараго Владимира, до нынѣшняго Игоря, на землю Половецкую, воззрѣвъ Игорь, на светлое солнце, братіе и дружино!, конецъ поля Половецкаго, главу мою положить, летая умомъ подь облаки, съ симъ временемъ, в путь Трояновъ, чрезъ поля на горы, слава Игоря, внука Ольгова = того (Ольга) внуку, Бояне внуче Велесовъ!, Игорь ждет мила брата Всеволода, яруги (опасные места) знаемы, у ихъ луки напряжены, тулы отворены, сабли изострены, скачуть въ полѣ, по полю чистому, въ пути его ночью гроза разбудила птиц, и у тебя Болванъ Тмутороканскій, лебеди роспуцени, мгла поля покрыла, въ Пятокъ, поганые полки Половецкіе, красныхъ дѣвокъ половецкихъ, а съ ними злато и паволоки и драгія оксамиты, Ортмами, япончицами (плащами) и кожухами (шубами) начали мостить мосты по болотамъ, грязнымъ мѣстамъ, червлено знамя, бѣлая хоругвь, червленая чолка, сребренное стружіе, храброму Святославичу, Дремлють, в полѣ, Ольгово храброе гнѣздо, далеко залетѣло = далече залѣтѣло, ни отъ тебя, Кончакъ, На другой день, хотятъ прикрыти четыре Солнца, внуки Стрибога, на храбрые полки Игоревы!, половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, иотъ всѣхъ странъ, честь и жизнь, отеческій златый Престоль, прекрасной Глѣбовны, вѣчи (съезды) (у Карамзина поправка «сѣчи») Трояновы, лѣта Ярославли, Той бо Олегъ, мечемъ крамолу коваль, и стрелы по земли сеял, во градъ Тмуторокани, великій Ярославъ, сынъ Всеволодовъ, за обиду Ольга, младаго храбраго воина, Съ той же Каялы, между Угорскою конницею, ко Святой Софіи, стѣялись, и возрастали, внуку Дажбожеву, сокращались вѣки въ крамолахъ (в ссорах) Княжескихъ, съ утра до вечера, съ вечера до свѣта, летятъ стрелы каленныя, среди земли Половецкія, ибо жалъ ему мила брата Всеволода, Билися день, билися другой, на третій день, предь Полуднемъ, пали знамены Игоревы, на брегу быстрой Каялы, Туть недостало вина кроваваго, туть храбрые Россіяне докончали пиръ, сватовъ попоици, а сами полегли за землю Рускую, Уже братцы братцы = Уже бо братіе, в силахъ Дажбожева внука, вступили дѣвы на землю Трояню = вступилъ дѣвою на землю Трояню (Им.п. мн.ч. = Тв.п. ед.ч. — изменение смысла без изменения лексикки), на синемъ морѣ у Дона плещучи, И такъ, начавъ, о маломъ, какъ бы о великомъ, отъ всѣхъ странъ, птицъ бѣя, а Игорева храбраго воинства уже невоскресить, Карна, и Жля, ни мыслію не вмыслити, ни думаю вздумати, а злата и сребра, сильная тоска разлилась среди земли Руской, а поганые брали дань по бѣлкѣ со двора, два храбрые Святославичи, отецъ ихъ Святославъ грозный, великій, Кіевскій, Онъ былъ грозною, наступивъ на землю Половецкую, изсушилъ источники и болоты, а позанаго Кобяка, отъ желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, яко вихрь, И падеся Кобякъ во градъ Кіевъ, Тогда Нѣмцы и Венедицы, Морква (скорее всего, описка, надо чит. Морава) и Греки, воспѣли славу Святославию, Игоря, во днѣ Каялы рѣки

половецкiя, злато Руское, из сѣдла злата, въ сѣдло Коцеево, Святославъ смутенъ сонъ видѣль, Въ сію ночь, на Кіевскихъ горахъ, одѣвали вы меня, на тѣсовой кровати, синее вино, съ трупомъ смѣшанное, сыпали на лоно мое, изъ пустыхъ туль, изъ поганыхъ раковинъ (такъ же «тльковинъ») объясняет и Карамзин), и тѣмъ меня нежили, Уже дски безъ кнѣса (столы не убраны), въ моемъ теремѣ златоверхомъ, дебри Кисанской, къ синему морю, Се бо два сокола, съ златаго отеческаго Престола, слетѣли, поискать, града Тмутороканя, два багряные столпа погасли, молодые месяцы, Олегъ и Святославъ, На рѣкѣ Каяль, аки из гнѣзда Пардова, Они погрузили въ Морѣ, на берегахъ синяго моря, Поютъ времена Бусовы, златое слово, смешанное съ слезами, о мои дети Игорю и Всеволоде! = О моя сыновча Игорю, и всеволоде!, Ваши жестокия сердца = ваю храбрая сердца, изъ крѣпкаго харалуза скованы = въ жестоцѣмъ Харалузѣ скована, и в буйствѣ закалены, Се ли сотвористе, моей серебряной сѣдинѣ, Я уже не вижу власти сильнаго и богатаго, съ богатырями и съ татранами = съ Могуты и съ Татраны, и съ шелбирами, и съ топчанами = и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугами, и съ олберами = и съ Ревугы, и съ Олбѣры, безъ щитовъ = бесъ щитовъ, гремя прадѣднею славою, прежде славу = преднюю славу, недасть гнѣзда своего въ обиду, Се Уримъ, отеческiй златый престоль, Когда бы ты былъ, была бы чага по ногатъ, а Коцей по резанъ, Ты можешь по суху шерешеры стреляти, пособіемъ удалыхъ сыновъ Глѣбовыхъ, Руриче и Давиде! = Руриче и Давиде, не ваши ли златые шлемы въ крови плавали?, Не ваша ли храбрая Дружина рыкають, яко тигры изранены = аки тури, ранены, на полѣ незнаемомъ?, буяго Святославича, Галицкiй Гостомысле Ярославѣ, высоко сѣдяй на своемъ златокорванномъ престолѣ!, Ты заперъ горы своими угорскими железными полками, ты воспятилъ королю путь = заступивъ Королеви путь, затворилъ врата Дунаю, бремена чрезъ облаки, отворяеши Кіеву врата, за раны Игоря, А вы отважные Романе и Мстиславе! = А ты буй Романе и Мстиславе!, храбрая ваша мысль, на ветрель ширяся = на вѣтрѣхъ ширяся, подѣ шлемами латинскими = подѣ шелома Латынскымы, земля и многіе страны, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половцы, Но уже княже Игорю, и древо не отъ добра листвіе сронило, а Игореву храброму полку не воскреснуть, Донъ тебя, княже, кличетъ, и созываетъ Князи на побѣду, Ольговичи храбрые Князи поспѣшили на брань, Ингваръ и Всеволодъ и всѣ трое Мстиславичи, нехудаго гнѣзда шестокрилицы, вашими златыми шлемами = ваши златы шелома, и щитами ляцкими, Заградите полю врата, своими острыми стрелами, за раны Игоря отважнаго Святославича, струями серебряными, и Двина бото(м) течетъ, подѣ кликомъ поганы(х), Единъ Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвонилъ своими острыми мечами, о шлемы Литовскіе, затмилъ славу дѣду своему Всеславу, а самъ подѣ червлеными щитами на кровавой травѣ посѣченъ мечами Литовскими, брата Брячисла, ни другаго Всеволода, Единъже изрони жемчужну душу из храбраго тѣла чрезъ златое ожерелье, Ярославѣ и вси внуки Всеслави!, Уже понизите свои знамена, вы своими крамолами начали наводить поганыхъ на землю Рускую, на жизнь Всеславию, насиліе отъ земли Половецкой? =

насиліе отъ земли Половецкыи (так!), На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ = на седьмомъ вѣкѣ Зояни, метнуль Всеславъ жребій о дѣвицѣ, подпершись ключами о коней, скочилъ къ граду Кіеву, доткнулся стружіемъ до златаго престола Кіевскаго, лютымъ звѣре(м), синею мглою, поутру же, вонзивъ стрікусы, отворилъ врата Новуграду, скочилъ, какъ волкъ до Немиги, снопы стелютъ головами, молотятъ цепями харалужными, на тоцѣ животѣ кладутъ, вѣютъ Душу отъ тѣла, Немиги брега кровавые = Немизѣ кровави брезѣ, не добромъ были посяяны, посяяны костью Рускихъ сыновъ, Всеславъ князь людемъ судилъ, Князьямъ грады раздавалъ, а самъ ночью, какъ волкъ рыскалъ, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ, Хотя и вещь была душа, Тому вѣщій Боянъ, припѣвку, поминая первую годину, и первыхъ Князей, Того стараго Владиміра не лъзя было привязать къ гора(м) Кіевскимъ..., Ярославинъ гласъ слышится, зегзицею незнаемую, полечу, рече, зегзицею по Дунаю, омочу бѣбрянъ рукавъ въ рѣкѣ Каяль, утру Князю кровавыя его раны, на мужественномъ его тѣлѣ, О вѣтре, вѣтре!, къ чему, господине, насильно веешь?, къ чему мычешь, стрелковъ Хиновскихъ, Мало ли тебѣ горѣ подъ облаками, Къ чему, господине, развѣялъ ты веселіе мое по Ковылію?, Свтослави насады, чтобъ не слала къ нему слезъ, на море рано, Ярославна на морѣ плачетъ къ Путивлю, на забралъ, Светлое и пресвѣтлое Солнце!, всѣмъ тепло и красно еси, Къ чему, господине, простерло еси горячіе свои лучи, тулы их?, идутъ сморцы мглами, Игорю князю Богъ путь кажетъ, изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отеческому злату престолу, Погасла вечерняя Заря, Игорь спить, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ, отъ великаго Дона до малаго Донца, Овлуръ свиснуль за рѣкою, велитъ Князю разумѣть, Кликнуль: Князю Игорю не быть, Стукнула земля, зашумела трава, Заставы Половецкіе подвиглись, а Игорь князь скочилъ Горностаемъ, и бѣлымъ гоголемъ на воду, къ лугу Донца, на завтракъ, на обѣдъ и на ужинъ = завтраку и обѣду и ужинѣ, Донецъ, рече, Княже Игорю!, а Руской земли веселія, о Донце!, когда лелгяль ты Князя на волнахъ = лелгявишу Князя на волнахъ, постилая ему зеленую траву, на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвая его теплыми мглами, под стѣнію зеленого древа, имѣя его, какъ Гоголя на водѣ, какъ чаекъ на струяхъ, какъ Чернядей на вѣтрѣхъ, имѣя худое теченіе, пожираеъ чужія воды, и разбиваетъ струги на кустахъ, Юношѣ Князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ темныя берега, Плачется мать Ростиславля по юношѣ князь Ростиславъ, По слѣдамъ Игоревымъ ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ, а только ползали по вѣтвямъ, опутаемъ его красною дѣвицею, и стануть насъ птицы бить, Худо быть головѣ безъ плечъ (так!), худо быть тѣлу безъ головы, а земли Руской безъ Игоря, Солнце на небесе, Игорь князь въ земли Руской, Поютъ дѣвицы на Дунаѣ, голоса ихъ чрезъ море до Кіева, Игорь гѣде(т) по Боричеву ко святѣй Богородицѣ Пирогощей, Страны обрадованы, грады веселы, поя пѣснь старымъ Князьямъ, а потомъ молодымъ, Слава Игорю Святославичу, буй турь-Всеволоду, и Владиміру Игоревичу, Будте здоровы, Князи и Дружина, поборая за хрестианы на поганые полки!, Слава Князьямъ и Дружинѣ, Аминь.

2) См. подчеркнутые слова в др. пунктах.

3) Мы составимъ = Начатижеся; изъ самыхъ дѣяній = по былинамъ; не употребляя = а не по; *то мысль* его летала тогда *по древамъ* = *то* растекашется *мыслию по древу*; Мы помнимъ, = *Помняшетъ* бо; что въ древности, когда хотѣли какое сраженіе описать, = первыхъ времянь усобицѣ; и такъ *который* изъ нихъ скорѣе долеталъ, = *Который* дотечаше; или в честь *краснаго Романа Святославича*. = *красному Романови Святъславичю*; В то время = Тогда; затмѣніе Солнечное, = знаменіе; изведать счастья = искусити; Когда *бъ ты* могъ = *абы ты*; воспеть подвиги = ущекоталъ; сравня славу древнюю с *симъ временемъ* = свивая *славы* оба полы *сего времени*; *а мои Куряне* въ цѣль стрелять довольно *свѣдомы* = *а мои* ти *курани свѣдоми* къ мети; под звукомъ *трубъ* они *повиты* = подъ *трубами повити*; всѣ *пути им* извѣстны = *пути имъ вѣдоми*; своимъ воемъ *по яругамъ* предвѣщаютъ = въсрожать *по яругамъ*; на трупы мертвые: = на кости; *потоптали* они = *потопташа*; *мостить мосты по болотам* и другимъ грязнымъ *мѣстамъ* = *мосты мостити по болотомъ* и грязивымъ *мѣстомъ*; *синіи молніи*, предвѣщаютъ *быть грому* страшному = *Синіи молніи*, *быти грому* великому; *О Земля Руская!* *уже* предѣлы твои открыты = *О Руская земле!* *уже* не шеломянемъ еси; *стоя* на руке правой, = *стоиши* наборони; *Тогда по земли Руской рѣдко* былъ слышанъ разговоръ двухъ земледѣльцовъ: = *Тогда по Руской земли рѣтко* ратаевъ кикахуть; отлетая на мѣсто, гдѣ имъ была покормка = хотая полѣтѣти на уедіе; Вотъ такъ *то бывало* во время прежнихъ браней! = *То было* въ ты рати; *полки свои* = *полкы*; Туть бртья между собою *разлучились* = Ту ся брата *разлучиста*; возвратились къ нимъ *времена* богатя = у буди *жирня времена*; сильная *тоска* *разлилась* среди *земли Руской* = *тоска разліяся* по *Руской земли*; сказалъ онъ боярамъ = рече; *одѣвали* вы *меня* = *одѣвахъте мя*; *А вотъ дивно братіе*, ежели старикъ помолодѣть = *А чи диво* *ся братіе* стару помолодити?; Пришла на насъ несчастная *година* = *наниче* *ся години* обратиша; въ своемъ стремленіи = въ буйствѣ; свои *металъныя копья* = *сулицы своя*; вложите въ ножны поврежденные мечи свои = вонзить свои мечи вережени; отъ *славы* вашего дѣда = изъ дѣдней *славъ*; *жребій о дѣвицѣ*, которая ему была *люба* = *жребій о дѣвицю* себѣ *любу*; Пошоль въ *полночь* *дождь съ моря* = *Прысну море* *полунощи*; когда *лелгяль ты* *Князя* = *лелгявшу* *Князя*; *голоса ихъ* = *голоси*; *Страны обрадованы*, = *страны ради*.

4) *Игоря Святославича* = *Игоревъ*, *Игоря Святъславича*; что въ древности = первыхъ времянь; и запѣваль = пѣснѣ пояше; твердостію = крѣпостію своею; *сердца* = *сердца* своего; съ своимъ *воинствомъ* = *вся своя* *воя* *прикрыты*; пришло на мысль желаніе = *Спала* *умъ* *по хоти*, и жалость *ему* *знаменіе* *заступи*; на *Дону* = *Дону* *великаго*; Я хочу, = Хочу *бо*; *слава Игоря*, *внука Ольгова* = *Пѣти* *было* *пѣснѣ Игореви*, *того* (*Ольга*) *внуку*; пѣть = въспѣти *было*; тебѣ, *Бояне*, *внуче* *Велесовъ*! = *вѣщій* *Бояне* *велесовъ* *внуче*; *вступивъ* *Игорь* = *вступи* *Игорь* *князь*; *а храбрые* россіане *щитами* *чръвленными* = *а храбріи* Русици *преградиша* *чръвленными* *щиты*; *гремитъ* *мечемъ* = *гремлеши* *о шеломи* *мечи* *харалужными*; сраженія *Ольга Святославича* =

Полци Олговы, *Олга Святъславлича*; никогда не внималъ ему в *Черниговъ* = по вся утра уши закладаше въ *Черниговъ*; *Уже, братцы*, = *Уже* бо *братіе*: *начавъ* между собою о *маломъ*, какъ бы о *великомъ* ссориться, навели *отъ* *всехъ странъ поганыхъ* воевать и раззорять = *начаша* князи про *малое*, се *великое*, молвити, а сами на себе крамолу ковати: а *поганіи съ* *всѣхъ странъ* прихождаху съ побѣдами на землю Рускую; вели войну междуусобную = сами на себе крамолу коваху; а *поганые*, дѣлая на землю Рускую набегі = а *поганіи* сами побѣдами нарищуще на Рускую землю; *Игорь* = *Игорь* князь; *Уныли* = *Унышабо*; Они, утоптавъ плоскость *дебри Кисанской* = У Плъньска на болони, бѣша *дебрь кисаню*; *Тьма* = *Темно* бо; *восстало* = уже тресну; *а мы* = *А мы* уже; воевать *землю половецкую* = *Половецкую* землю мечи цвѣлти; и *милого моего брата Ярослава* = и много вои брата моего Ярослава; что мы *сами* = мужа имѣ ся *сами*; *Вы* имѣте = *Суть* бо у *ваю*; *Уже Сула не течеть* = *Уже* бо *Сула не течеть*; *Единъ Изяславъ, сынъ Васильковъ* = *Единъ* же *Изяславъ сынъ васильковъ*; Для его въ *Полотскъ* позвонили рано въ *колокола* къ *утрени* = *Тому въ Полотскъ позвонили* заутреннюю рано у святыхъ Софеи въ колоколы; *Мало ли тебѣ горь подѣ облаками* = *мало ли ти* бѣшетъ *горь подѣ облакы*; *Замучили* = претръгоста бо; *Не такова рѣка Стугна* = *Нетако* ли, рече *рѣка Стугна*; *поя пѣснь старымъ Князьямъ, а потомъ молодымъ* = *пѣвшие пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молоды(м)ъ* пѣти.

Сокращения

Е1 — текст под названием «Содержание «Слова о полку Игореве» [Пекарский 1864: 20–21].

Е2 — версия «Слова о полку Игореве», названная П.П. Пекарским «переводом» [Пекарский 1864: 21–37].

Е3 — так называемая Екатерининская копия «Слова» [Пекарский 1864: 9–19].

Ип.л. — [Ипатъевская летопись]

П1 — текст «Слова о полку Игореве» на древнерусском (архаизированном русском) языке [Ироическая 1800].

П2 — перевод «Слова о полку Игореве» на современный русский язык [Ироическая 1800].

СоПИ — «Слово о полку Игореве».

Литература

Бондарко А. В. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV–XVIII вв. // Учен. Зап. ЛГПИ. Л., 1958. Т. 173.

Виноградов В. В. О стиле Карамзина и его развитии (исправления текста повестей) // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.–Л., 1966. С. 237–258.

Гогешвили А. А. Три источника «Слова о полку Игореве». Исследование. М., 1999.

Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследование. М.–Л., 1960.

Зализняк А. А. Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста. М., 2008.

Зимин А. А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006.

[*Екатерина II.*] Записки касательно Российской Истории // Собеседник любителей российского слова. Часть 12. СПб., 1783.

Екатерина II. Подражание Шакеспиру. Историческое представление [...] изъ жизни Рюрика. Вновь изданное съ примъчаниями Генераль Маіора И. Болтина. СПб., 1792.

Ипатьевская летопись: <http://krotov.info/acts/12/pvl/ipat01.htm> (дата обращения 1 августа 2013 г.).

Ироическая песнь о походе на Половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800.

Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988.

Колесов В. В. Философия русского слова. СПб., 2002.

Лаврухин А. Н. Форум «Слово о полку Игореве и XVIII в.»: www.nasled.org > Список форумов > Главная > История. См также сайт www.nebosvod.co.uk/ptopic3848.html. Дата обращения 10 сент. 2013 г.

Лихачев Д. С. История подготовки текста «Слова о полку Игореве» к печати в конце XVIII в. // «Слово о полку Игореве и культура его времени. Л., 1978. [1-ое изд. статьи — ТОДРЛ. Т. XIII. Л., 1957] С. 237–277.

Луков В. А. Предромантизм. М., 2006.

Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Изд-е 2-ое. Л., 1984.

Моисеева Г. Н. «Слово о полку Игореве» и Екатерина II // XVIII век. Сборник 18. Санкт-Петербург, «Наука», 1993. С. 3–30.

Моисеева Г. Н. Екатерина II // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. СПб., 1995. С. 158–160.

Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

Пекарский П. П. Слово о полку Игореве по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II // Записки Императорской Академии наук. Т. V. Приложение №2. СПб., 1864.

Симони П. Текст Слова о полку Игореве по списку, хранящемуся в бумагах Имп. Екатерины II в Ст.-Петербур. Госуд. Архиве Мин. Ин. дел, с присовокуплением различных сведений о Переводе, Примечаниях и Содержании Слова, к нему присоединенных // Древности Моск. Археол. об-ва. М., 1890. Т. 13. С. 16–46.

Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. Т. I. Вып. 2 (XVIII-ый век). СПб., 1910.

- Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1–6. М.–Л., 1965–1984.
- Смирнов А.* О слове о полку Игореве. Вып. I–II. Воронеж, 1877–1879.
- Соколова Л. В.* История спора о подлинности «Слова о полку Игореве». Материалы дискуссии 1960-х годов. СПб., 2010.
- Соловьев А. В.* Екатерининский список и первое издание Слова // *Studies in Russian Epic tradition. First Issue.* «Слово о полку Игореве» в переводах восемнадцатого века. Leiden, 1954. P. 1–30.
- Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1–5. СПб., 1995.
- Florine ou la belle Italienne. Nouveau Conte de Fées.* Paris, 1713.
- Macpherson J.* Fingal, an Ancient Epic Poem, in six books: Together with several other Poems, composed by Ossian the Son of Fingal. Translated from the Galic Language dy James Macpherson. The Secons Edition. London, 1762.

Бурькин Алексей Алексеевич

Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

**Задачи исследования истории издания «Слова о полку Игореве»
в контексте проблемы его принадлежности к образцам
древней русской литературы XII века**

«...но пусть они мне сначала докажут!»

М. Жванецкий. Одесский пароход

Казалось бы, издание книги А. А. Зими́на «Слово о полку Игореве» [Зимин 2006], публикация материалов обсуждения этой книги [История спора 2010] и выход в свет работы А. А. Зализняка «Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста» [Зализняк 2008], должны были исчерпать вопрос о том, что «Слово о полку Игореве» может быть продуктом патриотически настроенных историков и филологов XVII в., как бы его ни именовать — подделкой для читательского рынка, фальсификацией для воздействия на корпус документов по истории, имитацией в целях удревления корпуса литературных памятников, подражанием с задачами приведения литературного контекста России в соответствие с историей литератур европейских стран на рубеже конца XVIII века и т. п. Обстоятельный разбор сочинений «скептиков» — разумеется, более сложная и объемная задача, которая не влезает в рамки дискуссионной статьи, однако же тут следует обозначить основные разногласия всех критиков «Слова», а вместе с ним истории древнерусской литературы и древнерусского языка старшего периода.

Вопрос первый: когда могло быть создано «Слово» в XVIII веке? В. М. Богданов и Н. В. Носов считают, что оно написано в 1766 году В. К. Третьяковским [Богданов, Носов 2005: см. Бурькин 2011], А. А. Зимин — в 1770–1790-е годы Иоилем Быковским [Зимин 2006: 326], в основном — между 1786–1790 годами и 1800 годом, то есть временем выходом в свет печатного издания. С чем именно следует увязывать замысел возможной мистификации, затянувшийся в исполнении почти на 15 лет, на который не повлияли ни уход из жизни Екатерины II, ни иные политические, культурные и научные события — непонятно.

Вопрос второй: кем могло быть написано «Слово» в конце XVIII века? А. А. Зимин называл в качестве его автора Иоила Быковского [ibid.: 328, 338]. Однако после опубликования книги А. А. Зими́на эта версия рушится вместе с его репутацией как комментатора древнерус-

ских текстов. А. А. Зимин, сравнивая фразу *Русскыя полкы отступиша* с фрагментом текста «Задонщины» «*Тогда погании ... отступиша*» [ibid.: 120], повторив неточность издателей, не увидел того, что словосочетание *Русскыя полкы* — форма винительного падежа, а в Задонщине *погании* — именительный падеж. Разумеется, образованнейший архимандрит явно не мог считать формы именительного падежа *плъци* и формы винительного падежа *плъкы* тождественными, хотя издатели памятника и не совсем верно расчленили текст на фразы. Аналогичная путаница с падежными формами отмечается в комментировании и сравнении слов *свои бръзьи комони* [ibid.: 164], с последующим выводом о том, что «Слово» по языку «вполне укладывается в состав тех книг, написанных на позднем церковнославянском языке, в которых, по словам Ф. П. Филина было «много ошибок, отступлений от древних норм» [ibid.: 286]; «... граматический строй «Слова» взят не из «Задонщины», а основан на нормах позднего церковнославянского языка, известных «Грамматике» Мелетия Смотрицкого» [ibid.: 288]. Наконец, сам А. А. Зимин воспроизводит фрагмент «Слова» так: «Не буря *соколи* занесе» [ibid.: 113], хотя все источники и даже полный текст в версии А. А. Зимины [ibid.: 485] дают нам корректный винительный падеж *соколы*, а обе редакции «Задонщины» — именительный падеж *соколи* [ibid.: 441, 444]. Ныне эти пассажи книги А. А. Зимины достойны стать предметом изучения на семинарах по исторической грамматике русского языка со студентами — как пример того, чего категорически нельзя делать с древнерусским текстом. А. А. Зализняк убедительно отводит мысль о том, что в создании «Слова» мог участвовать И. Добровский [Зализняк 2008: 344–405]. Поиски авторов внутри мусин-пушкинского кружка остаются единственным полем проявления скепсиса.

Вопрос третий, звучавший не раз — зачем могло быть написано «Слово» в конце XVIII века, восхваляющее поход малоизвестного князя, закончившийся поражением, когда в распоряжении историков и литераторов были куда более достойные сюжеты, подтвержденные «Повестью временных лет», другими известными на то время летописями и томами «Истории Российской» В. Н. Татищева? На пересмотр оценок исторических событий этот памятник не влиял и не влияет, количество важных персонажей в истории домонгольской Руси он не увеличивает, его поэтика мало отличается от поэтики известных древнерусских воинских повестей. Ведь не случайно скептики считают, что при написании «Слова» в конце XVIII века могли и обязательно должны были быть использованы известные нам литературные па-

мятники, прежде всего воинские летописные рассказы и «Задонщина». Проявлением интереса к славянскому язычеству «Слово» служить не может: все языческие теонимы служат в основном украшением его стиля — эпитетами и их компонентами, в то время как городскими ориентирами для его автора служат православные храмы. Влияние тех образцов фольклора, которые были известны во второй половине XVIII века, в «Слове» не прослеживается: параллели к нему были выявлены в более поздних записях.

Новые этапы изучения «Слова о полку Игореве» ставят перед исследователями и новые задачи в изучении памятника и его литературной и филологической истории. В частности, при рассмотрении и оценке сочинений скептического направления значимым оказывается не только бесконечное увеличение свидетельств подлинности «Слова», его аутентичности для русской литературы конца XII века, но и оценка внутренней логики, достоверности и правдоподобности аргументов и тех источников, которые могут так или иначе обосновывать неаутентичность «Слова о полку Игореве» и связывать его появление с персонажами и документами XVIII века.

С. В. Власов и Д. Г. Демидов в своей работе обращаются к одному из документов, связанных с историей издания «Слова» и сохранившихся среди бумаг Екатерины II, полагая, что данный документ Е2 (в обозначении авторов статьи, см. выше) представляет собой как бы более ранний фальсификаторский текст «Слова», отражающий этап работы над текстом, предшествующий появлению Екатерининской копии (Е3) и мусин-пушкинскому изданию «Слова». В свою очередь, тексту Е2 предшествовал текст Е1, представляющий в обобщенном виде содержание «Слова».

Что принципиально важно для авторов и не менее важно для критики их позиции — С. В. Власов и Д. Г. Демидов допускают, что в Е2 уже были учтены и исторические источники текста в полном объеме (то есть тексты повестей о походе 1185 года по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям вместе с материалом «Истории Российской» В. Н. Татищева), и филологические источники, прежде всего списки «Задонщины» и каких-то иных текстов XII–XV веков. В этой связи неясно: зачем издателям мнимо-древнего текста нужен был весь комплект исторических источников, если татищевские известия о событиях 1185 года потребовали от Б. А. Рыбакова попытки вычленив из «Истории» Татищева содержание Раскольничьей летописи, после чего аутентичность татищевских сведений, относящихся к «Слову», в итоге не вызывает сомнений [Рыбаков 1972: 242–276], и в то же время в издательских

исторических комментариях к «Слову» отражено далеко не все из того, что могло быть известно. Что касается филологических источников, то едва ли Е2 отражает и процесс проработки «Задонщины» в обеих редакциях, и использование иных текстов, сопоставимых со «Словом» по содержанию и поэтике. Скажем сразу: возникает вопрос в связи с параллелями лексики «Слова» с такими памятниками, как «Повесть об Акире», «Девгениево деяние» и «Сказание об индийском царстве». Как известно, эти повести находились в одном сборнике со «Словом о полку Игореве». Сходства языка «Слова» с языком этих памятников, по мысли скептиков, могут указывать на использование этих текстов при составлении «Слова» [Зимин 2006: 227]. По нашему мнению, эти сходства, как и состав второй части мусин-пушкинского сборника объясняются тем, что автором «Слова» является тот самый неизвестный книжник, кто переводил названные выше повести с греческого языка на русский язык в последней четверти XII века. Как известно, две из этих повестей выявлены в конвое «Задонщины» [Бурыкин 2005: 272–274], а это значит, что автор «Задонщины» имел в руках у себя не листы со «Словом о полку Игореве», а сборник того же состава, какой характерен для мусин-пушкинского сборника. К истории открытия «Задонщины» в связи со «Словом мы еще вернемся.

Наличие некоего текста ЕХ(икс), который показывал бы незнание его составителя с какой-то группой потенциальных исторических источников или с каким-либо из филологических источников, могло бы доказывать статус Е2 как протографической версии поддельного «Слова». Однако приходится полагать, что мифический составитель «Слова» из клуба Мусина-Пушкина получил все сразу — и летописи, и все списки «Задонщины», в том числе уникальный Кирилло-Белозерский список — автограф составителя краткой редакции Задонщины Ефросина. События, формирующие это допущение, разбросаны по десяткам лет, десяткам ученых персонажей и важнейшим проблемам текстологии «Задонщины», не решенным и ныне.

Альтернативой мнению С. В. Власова и Д. Г. Демидова является позиция большинства исследователей «Слова», согласно которой рукопись Е2 составляет какой-то вариант перевода «Слова», издание которого планировалось изначально как параллельное, в две колонки с изданием аутентичного древнерусского текста «Слова». Заметим — в конце XVIII века публикация литературной «древней» фальшивки с переводом на современный язык, точным, ясным и понятным по языку и содержанию, была бы весьма странной и маловероятной, поскольку текст «Слова», как показывают некоторые массовые издания XIX века

и шукинская рукопись «Слова», в целом был понятен грамотным читателям начала XIX века за вычетом «темных мест», не мешающих чтению «Слова», однако же не всегда понятных и современным филологам. Сосредоточившись на сходствах и различиях рукописей Е2 (перевода) и Е3 (одной из копий оригинала «Слова»), С. В. Власов и Д. Г. Демидов не рассматривают в своей статье вопросы о принципах работы над переводом и изданием древнерусских текстов в конце XVIII века, о том, что практиковали филологи круга А. И. Мусина-Пушкина в своей работе, а равно и о том, как мыслилась практика перевода с древнерусского или церковнославянского языков на русский язык на рубеже XVIII–XIX вв. и в начале XIX в., хотя эти проблемы обсуждались в литературе, в том числе на материале перевода Св. Писания в 1810-е годы [Рижский 1978; 2007: 168 и сл.]. Вместе с тем ничто не мешает нам полагать, что текст Е2 был подготовлен самим А. И. Мусиным-Пушкиным, а перевод издания 1800 года, как мы знаем — А. Ф. Малиновским. Но тогда реконструкция единого архетипа перевода «Слова» по переводам двух разных авторов несостоятельна.

Автор данной статьи несколько лет назад предпринял тщательное исследование того текста «Слова о полку Игореве», который был представлен как перевод древнерусского текста «Слова» в мусин-пушкинском издании [Бурыкин 2007], доказывать аутентичность которого для конца XVIII века нет необходимости. Принципы перевода «Слова», которыми руководствовался А. Ф. Малиновский (именно ему принадлежит перевод «Слова» в издании 1800 г.), включают разнообразные контекстные замены, изменения порядка слов, употреблены церковнославянских форм вместо русских и одновременные обратные замены, как бы уводящие современный текст от оригинала. То же самое характерно и для Е2 по отношению к древнерусскому тексту «Слова». В ходе этой работы нам удалось заметить, что некоторые формы «Слова» в переводе А. Ф. Малиновского восходят к такому тексту, который мог быть только древнерусским оригиналом. Так, форма винительного падежа «*дорогія бархаты*», с согласованием прилагательного в падеже, маловероятная для конца XVIII века, точно соответствует форме оригинала «*драгыя оксамиты*» [Слово 1800: 11], в то время как другие словосочетания демонстрируют привычное нам оформление — *нечестивые полки* [ibid.: 10], *на храбрые полки* [ibid.: 12], *об шлемы половецкие* [ibid.], есть еще *чужія ручьи* (*чужи* в оригинале: [ibid.: 42] и *чужія* в издании Л. К. Ильинского [Ильинский 1920: 80], хотя это написание также может передавать оригинал текста.

Разумеется, гипотеза С. В. Власова и Д. Г. Демидова должна была бы получить и иное обоснование — в частности, ее доказывало бы заметное отличие бумаги и почерка Е2 от бумаги и почерка Е1 и Е3, а равно других документов из архива Екатерины II, относящихся к «Слову», а также идентификация почерка писца Е2 (что было сделано по отношению к Е3). Мы не беремся предсказывать результаты этих разысканий.

Пожалуй, самое интересное для нас и не учтенное С. В. Власовым и Д. Г. Демидовым, это то, что тексты «Слова», аналогичные Е2, не представляют собой чего-то уникального и не принадлежат к монолитной цепи эксклюзивных продуктов мнимых авторов «Слова» в последние 15 лет XVIII века, как неизбежно было бы в реальности, если бы «Слово» на самом деле было сочинено сподвижниками А. И. Мусина-Пушкина. Рукописные переводы «Слова» — а для конца XVIII века это были именно *переводы* древнерусского текста — расходились в списках, были даваемы членами кружка Мусина-Пушкина для прочтения, списывались читателями и не всегда потом возвращались к своим владельцам. Точное число их едва ли можно установить, но один из таких рукописных переводов находился у Н. М. Карамзина, другой был издан Л. К. Ильинским в 1920 г. в качестве одного из документов по допечатной истории «Слова о полку Игореве» [Ильинский 1920], причем в этом издании имеются указания еще на два подобных списка переводов «Слова» [ibid.: 35, 53]. То, что издатели, готовившие фальсификат, могли представить один его список Екатерине II, будет еще как-то понятно, но то, что они раздавали свои находящиеся в работе материалы в копиях направо и налево — невероятно.

Сравнение фрагментов рукописи Е2, анализируемых в статье Д. Г. Демидова и С. В. Власова, с текстом, изданным Л. К. Ильинским, и проанализированными им же рукописями перевода «Слова» по другим указанным им спискам из РНБ (Ф.15.50: Ильинский 1920: 35) и рукописного отдела БАН (архив кн. Воронцова, шифр не указан: Ильинский 1920: 53), показывает следующее.

1) Все рукописные переводы «Слова», попавшие в поле зрения Л. К. Ильинского и сверенные им, восходят к одной рукописи, имеющей один и тот же состав: историческое содержание «Слова» (его нет только в рукописи из воронцовского архива) и его текст в приближительном переводе.

2) Рукопись, к которой восходят переводы, изученные Л. К. Ильинским, имеет множество чтений, совпадающих с Е2, но отличается от них большей близостью к древнерусскому тексту «Слова». При этом переводимые фрагменты «Слова» в Е2 и в переводе, издан-

ном Л. К. Ильинским, часто оказываются варьирующимися, что как раз и можно ожидать от разных переводов, а объем и характер идентичных древнерусскому тексту фрагментов в этих документах оказывается неэквивалентным и различающимся. То есть в заданной С. В. Власовым и Д. Г. Демидовым номенклатуре группа из трех копий перевода «Слова», опубликованного Л. К. Ильинским, не соответствует ни «Е-полтора», ни «Е2,5», хотя сам публикатор отмечает, что издаваемый им текст появился «до Екатерининского перевода» [Ильинский 1920: 34]. Существенно следующее: текст Е2 оказывается не уникальным в своем роде, и он определенно не имел «служебного» предназначения в том процессе создания «Слова» как фальсификата, который предполагается авторами статьи о Е2. Мы не приводим сходств и различий Е2 и перевода по публикации Л. К. Ильинского, поскольку данная работа была проделана издателем данного перевода [Ильинский 1920: 2, 7–9, 12–13, 20–23, 25–26, 28–32], а ее продолжение выходит по своим задачам за рамки данной работы.

Итак, Екатерининский перевод (Е2) и перевод, изданный Л. К. Ильинским, — это две версии одного текста, которые, конечно, можно свести к одному, но таким общим текстом будет только древнерусский оригинал «Слова о полку Игореве». Л. К. Ильинский писал: «Действительно, с точки зрения перевода 1-го издания (и перевода Малиновского) перевод «Рукописи» (и Екатерининский перевод) (т. е. Е2 — А. Б.) мог быть назван «неисправной перепиской» (слова А. И. Мусина-Пушкина о рукописях перевода «Слова» 1790-х годов — А. Б.), ибо близость к тексту, сохранение словарного материала, отдельных выражений не могла понравиться человеку, воспитанному на взглядах XVIII века на язык литературного перевода. Здесь еще не было той желанной ясности, до которой он и доведен в издании 1800 года» [Ильинский 1920: 51].

В тексте Е2 и в интересующих нас копиях перевода «Слова» конца XVIII века есть одна существенная деталь, характеризующая даже не столько хронологию разных переводов, сколько соотношение этих переводов с древнерусским текстом «Слова» и являющаяся сильным аргументом в пользу аутентичности древнерусского оригинала «Слова». С. В. Власов и Д. Г. Демидов в числе различий Е2 и Е3 указывают на фрагмент начала «Слова»: **«Мы помним = Помняшетъ бо»** Сравним это место с текстом и переводом издания 1800 года: текст «Помняшетъ бо речъ първыхъ времянь усобицѣъ» и перевод «Памятно нам по древним преданиям, что поведаю о каком-ли бо сражении» [Слово 1800: 3]. Непонятно почему в исходном тексте «Слова»,

то есть, по версии авторов статьи, в протооригигале древнерусского текста, 1 лицо мн. числа «мы помним» заменено на 3 лицо мн. числа. «помняшетъ». Объяснение тут одно. В начале работы над переводом «Слова» форма имперфекта глагола *помняшетъ* была прочитана публикаторами как *помняшемъ* по палеографическим причинам — при ясной реальности сходства начертаний букв Т с тремя ножками и М, и глагольная форма переведена как «мы помним». Где эта форма могла быть так прочитана? — С уверенностью можно сказать — только в древнерусском тексте «Слова» по рукописи. Далее в процессе работы над интерпретацией памятника чтение древнерусского текста «Слова» изменилось на корректное *помняшетъ*, а перевод, зафиксированный в Е2 и других копиях, остался неисправленным вплоть до выхода печатного издания 1800 года, включая и целый ряд переводов 1810-х-1820-х годов, от него зависящих. Перевод «Помнил он...» появляется только у Н. Грамматина [Ильинский 1920: 15].

Таким образом, текст Е2 не предшествует хронологически Е3 — Екатерининской копии «Слова», сделанной с древнерусского оригинала, отразившегося в Е2 и в его аналогах, изученных и изданных Л. К. Ильинским.

Более того, текст Е1 никак не может быть источником текста Е2. Преамбула «Историческое содержание...» наличествует не только в комплекте документов по «Слову» в бумагах Екатерины II, но она присутствует и в двух из трех копий переводов «Слова», рассмотренных Л. К. Ильинским, и, кроме того, она имеется и в печатном издании «Слова» 1800 года [Слово 1800: III–VIII]. Эти преамбулы, составляющие части одного документа (отнюдь не ранний и поздний варианты) рассмотрены Л. К. Ильинским [Ильинский 1920: 7–9], при этом оказалось, что фрагмент «Историческое содержание...» в издаваемой им рукописи оказывается значительно ближе к тексту вводной части издания 1800 года, в то время как аналогичная часть бумаг Екатерины II (Е1) несколько отличается от него. Но это не существенно: ясно, что документы Е1 и Е2 должны были дополнять, а не подменять друг друга, они составляли две части одной идеи, в конце концов реализованной в издании 1800 года. Какой фальсификатор будет публиковать эскиз своего замысла, пусть и исправленный позднее, вместе с готовым древнерусским текстом, да еще и с переводом, над которым издатели трудились около 10 лет?

Изучение материалов по переводам «Слова» в конце XVIII века лишает Екатерининский перевод уникальности, соответственно, утра-

чивается та его предназначенность, о которой пишут С. В. Власов и Д. Г. Демидов.

В свете сказанного с достаточной очевидностью представляется, что Екатеринбургский перевод «Слова» (Е2) не является возможным источником его фальсификации А. И. Мусин-Пушкиным и его окружением.

Задача оценки «внешних» источников предполагаемой фальсификации «Слова» в наши дни существенно осложняется нарастающим и ныне объемом позитивных знаний о «Слове». Мало того, что «Задонщина» была открыта Р. Ф. Тимковским в 1813 или в 1814 году, так при этом оказывается, что при компилировании «Слова» были использованы обе ее редакции, в то время как Краткая редакция (как выяснено, дошедшая до нас в автографе Ефросина, ее списки неизвестны) носит следы вторичной сверки и правки текста по «Слову». К числу инструментов фальсификации «Слова» в плане источников графики и орфографии придется отнести и Пролог 1479 года, исследованный Л. П. Жуковской [Жуковская 1985] — это единственная известная нам рукопись, орфография которой идентична мусин-пушкинскому изданию «Слова». Следует принять во внимание и данные картотеки «Словаря русских народных говоров», материалы которой, вошедшие в одноименный словарь, ныне проясняют многие экзотические лексемы, ареальная дивергенция которых указывает не на XVIII век, а на гораздо более раннее время — очевидно, на предшествующий период в 800 лет. Если следовать логике скептиков, то через 200 лет изучения «Слова» вот-вот должно выясниться, что среди фальсификаторов Слова был ... санскритолог, придумавший эпитет *харалужные* «поражающие остротой, сверкающие остротой» [Мещерский, Бурыкин 1984: 91–92] для мечей и копий по образцу индоевропейских эпитетов для оружия.

В количественном отношении сторонники и противники подлинности «Слова о полку Игореве» как памятника книжности XII века делятся как большинство к меньшинству. Также делится и исследовательская литература по «Слову. Позиция «скептиков» в настоящее время во многом сопрягается с положениями, высказанными в книге А. А. Зимина. Однако издание этой книги показало, что сам уважаемый историк был готов отказаться от своей теории, если будет доказано, что краткая редакция «Задонщины» окажется вторичной, ибо это создает неустрашимые противоречия в его концепции — как мы знаем, так и получилось [Бобров 2005].

«Слово о полку Игореве», как явствует из опыта изучения самого памятника и литературы о нем, обладает почти мистическим свойством — оно одаривает сторонников его подлинности новыми, не-

ожиданными открытиями — от целых произведений, как «Задонщина», до отдельных букв в оригинальном тексте и переводе, восходящих к древней рукописи.

Литература

Бобров А. Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // Acta Slavica Iaponica. Tomus 22. 2005. S. 238–298.

Богданов В. М., Носов Н. В. «Слово о полку Игореве» Великая мистификация. СПб., 2005.

Бурыкин А. А. Словарь к «Задонщине»: задачи: проблемы: перспективы // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб., 2005. С. 272–281.

Бурыкин А. А. Перевод первого издания «Слова о полку Игореве» 1800 года как памятник истории русского литературного языка XVIII века // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность». Сб. науч. тр. памяти З. М. Петровой (к 85-летию со дня рождения). СПб., 2007. С. 109–118.

Бурыкин А. А. Сон гоблинов, или великая мистификация по поводу поддельности «Слова о полку Игореве» (<Рец на кн.> Богданов В. М., Носов Н. В. «Слово о полку Игореве» Великая мистификация. СПб., 2005. 288 с.) // ЯЛИК. 2011. июнь, № 84. С. 20–21.

Власов С. В., Демидов Д. Г. О соотношении Екатерининской копии «Слова о полку Игореве» и других сопутствующих материалов из архива Екатерины II // Наст. изд.

Жуковская Л. П. О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве и его время. М., 1985. С. 68–125.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е доп. изд. М., 2008.

Ильинский Л. К. Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописи XVIII века. Пг., 1920.

История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: материалы дискуссии 1960-х годов. / Вступит ст., составление, подг. текстов и комментариев Л. В. Соколовой. СПб., 2010.

Зимин А. А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006.

Мецгерский Н. А., Бурыкин А. А. Заметки к восточной лексике "Слова о полку Игореве". 1. Харалуг, харалужный. 2. Шерешеры. // Вестник ЛГУ. 1984. N 14. Вып. 3. С. 91–94.

Рижский М. И. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.

Рижский М. И. Русская Библия: история переводов Библии в России. М., 2007.

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Черепанова Ольга Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

Из бестиария традиционной культуры в России XVIII–XX вв.: этнолингвистический аспект

В статье представлен взгляд на ряд лексических единиц, входящих в корпус русско-славянского бестиария с точки зрения их генезиса, структурных и номинационных особенностей, включающих эти единицы в круг культурно значимых феноменов.

Непосредственным материалом описания в статье служат элементы славяно-русского бестиария, а именно лексемы — наименования фантастических животных и антропозоидов, извлеченные из надписей, сопровождающих лубочные картинки XVIII–XIX вв., из лубочных изданий фантастических и мифологических повествований XVIII в. Тексты русского лубка в значительной мере связаны с литературно-книжной традицией, однако почти всегда переработанной народным сознанием, и функционально они вошли в народный обиход и народную культуру. Используются сведения из народных повествований на мифологические сюжеты в записях XX в., в первую очередь, в материалах этнолингвистических экспедиций кафедры русского языка СПбГУ 1980–2005 годов. Привлекаются также данные из исторически более ранних источников, помещенные в ряде исследований и компендиумов, преимущественно в «Славянском бестиарии» О. В. Беловой, составленном по памятникам *Rex Slavia Orthodoxa* XII–XVII вв. [Белова 2001].

Изучение бестиариев как собраний сведений в определенной области и как типа памятника актуально в области исторической когнитивистики. Содержание бестиариев, в том числе и сопровождающие текст миниатюры, позволяют в известной мере понять движения мысли и души средневекового человека, проникнуть в мир его образов, рожденных фантазией и стремлением познать окружающий мир — иными словами развертывает перед нами фрагменты понятийной и языковой картины мира человека более ранних эпох. Языковой материал бестиариев интересен тем, что в них представлена в значительной мере замкнутая, изолированная от широкой языковой среды группа лексики, специфичная с точки зрения отношений референции, служащая для обозначения отсутствующих в жизни реалий, как бы мы

теперь сказали — безэквивалентная лексика, т. е. содержащая слова, не имеющие референта или имеющие квазиреферент. Это, несомненно, маргинальная, но исторически устойчивая и культурно значимая группа, состав которой позволяет судить о возможностях языкового творчества в разные периоды истории.

Собрание сведений о животных, как о реальных, так и о преимущественно фантастических, об их свойствах, особенностях и возможностях оформилось в особый вид памятника — Бестиарий, который сложился еще в античном мире и стал весьма популярен в средневековой Европе, особенно в XIII вв. В Бестиариях продолжали жить языческие представления, элементы древней магии, переплетенные с христианским благочестивым морализмом и символикой. Основой для средневековых Бестиариев послужил текст, называемый «Физиолог», содержащий сведения по средневековой зоологии, который, как полагают, сформировался в Александрии во II–III вв. н. э. В нем совместились античная и древневосточная мифологические традиции. В дальнейшем текст «Физиолога» расширялся и видоизменялся, дополнялся новыми сведениями и нравоучительными комментариями, переводился на разные языки, в том числе он представлен и в древнеславянском переводе. Средневековые бестиарии обычно сопровождалась многочисленными миниатюрами, на которых изображались описываемые животные, в том числе и не существующие в реальной жизни.

Древнерусский «Физиолог» представлен многочисленными списками, различающимися по объему и содержанию. Так, «Физиолог» по списку Кирилло-Белозерского собрания № 68/1145, РНБ, конца XV в. [Физиолог 2002] содержит статьи, посвященные реально существующим животным: это лев, ящерицы, орел, птица неясить, змея, муравей, еж, лисица, бобер, горлица, жаба и некоторые другие. Однако не менее полно представлены фантастические с точки зрения современного восприятия животные. Так, есть статьи *«о птице хорадрь, о финиксе, о епопе птице, о сиринах, об окнокентаврех, о животе панъфирове, о мраволве, о ихнеюмоне, о животу инудри, об инорозе»*. Но и реальные животные нередко наделены фантастическими свойствами. Описательная статья о каждом животном содержит морализующую, христианско-нравоучительную часть.

Еще древнегреческие философы пытались осмыслить многообразие форм живых существ. Например, Эмпидокл считал, что первоначально возникли и сначала существовали независимо друг от друга отдельные органы и части отдельных животных: «голова выходила без

тел, двигались руки без плеч, очи блуждали без лбов...» [Лункевич 1960, 1:27; Иванова-Казас 2011: 173]. Они скреплялись между собой, кто с кем повстречался, к ним присоединялись еще другие. Появилось много существ с двойными лицами, несколькими головами, с головой человека и туловищем зверя, с телом, совмещающим признаки разных животных, т.е. существ, которые называют химерами и монстрами.

Химеры — полиморфные фантастические существа — присутствуют в библейских текстах, в частности, в Апокалипсисе, где они являются воплощениями дьявола (Зверя) и дьявольских сил. Например, в главе 13, стихах 11–17: «И видех из моря зверя исходяща, имуща глав семь и рогов десять... бе подобен рыси, и ноze ему яко медведи, и уста его яко уста львова. И видех инаго зверя, восходящаго от земли, и имееше рога два, подобна агнчим, и глаголаше яко змий». Эти библейско-книжные образы нередко находили подлинно народное визуальное воплощение: см. например, изображения в издании [Лицевые Апокалипсисы... 2008].

Элементы зооморфизма присущи в отдельных случаях и догматической христианской иконографии. Например, известны изображения св. Христофора с собачьей головой [Иванова-Казас 2011: 207].

Фантастические животные — порождение традиционного коллективного сознания, всегда присутствовали в народной культуре, как далекой от книжной традиции, так и связанной с ней разной степенью близости, в мифологических представлениях в их различных проявлениях, в фольклоре разных жанров. Но и в поздние эпохи развития цивилизации сознание человека не утратило способность и потребность создавать фантастические образы, выходить за пределы реальности. Так, например, интерес к бестиариям как литературно-художественному жанру оживился в конце XIX — начале XX в. в связи с появлением в культурной жизни Европы направления сюрреализма. В связи с этим в поэзии и в изобразительном искусстве «возник новый жанр сакральной поэтической анималистики. Созвездия житейских ассоциаций, сонмы душевных томлений, россыпи метафор рассеялись в пространстве «звериного стиля». Каждый зверь принял на себя частицу поэтического арсенала, получил на вечное хранение ослепительные сколы переживаний характера и судьбы главного персонажа» [Орлов 2012: 129]. К числу произведений, возрождающих жанр бестиария в начале XX в., можно отнести поэтический сборник Г. Аполлинера «Бестиарий, или кортеж Орфея» (1911), художественная и культурная роль которого значительно выросла благодаря иллюстрациям Рауля Дюфи. В России начала

XX в. к литературным произведениям, приближающимся по ряду черт к бестиариям, можно причислить сборник «Садок судей» (1910), куда вошли произведения Давида Бурлюка, Вл. Маяковского, Алексея Крученых, Елены Гуро и др., в том числе поэма Велемира Хлебникова «Зверинец». Так, Хлебников, если и не порождает собственных фантастических образов зверей, то устанавливает некие inferнальные связи между миром животных и людьми: «О Сад, Сал!...где нетопыри висят подобно сердцу современного русского..., где взгляд зверя больше значит, чем груды прочитанных книг..., где в зверях погибают какие-то прекрасныя возможности, как вписанное в Часослов слово Полку Игорю» (sic! — *О. Ч.*) [Садок судей 1910: 97–102]. Нить культурной связи с изобразительной стороной бестиариев тянется от Иеронима Босха, Гранвиля до Макса Эрнста, Сальвадора Дали, Марка Шагала. Мифологические животные, традиционные и рожденные фантазией авторов, стали излюбленными персонажами таких мастеров, как Пабло Пикассо, Павел Филонов, Хоан Миро, Осип Цадкин и т. д. В совокупности они собрали коллекцию фантастических образов, представили как бы всеохватный бестиарий, изучение которого могло бы дать многое в области ментальности и языка.

Собственно славянского бестиария нет, поскольку древнерусский перевод «Физиолога» отражает исконно неславянскую традицию, так же как и такие памятники, как «Шестоднев», «Летописец еллинский и римский», «Сказание о птицах небесных», в которых не ставится задача дать свод образов животных — реальных и фантастических, но содержатся сведения о них. Можно отметить возросший в последние годы интерес к древнему восприятию животного мира и кругу лексики, обслуживающей его, о чем свидетельствуют такие работы, как: «Мифологический бестиарий» (сост. И. М. Голь, Ф. А. Елоева и др., Калининград. 1999), «Фантастический бестиарий» Кира Булычева (СПб., 2009 и более ранние издания), упомянутый ранее «Славянский бестиарий» О. В. Беловой [Белова 2001] и ряд других описаний и исследований [Беляев 1974, Римский-Корсаков 1999; Соколова 1972; Иванова-Казас 2011].

Современному коллективному сознанию также не чужды образы фантастических зооморфных существ, наделенных специфическими функциями. Если некая Феня, понимаемая как причина всех компьютерных сбоев и неполадок, не имеет конкретизированного облика, то **гремлин**, злейший враг всякой техники, которому со времен первой мировой войны приписываются все неполадки в технике от велосипеда

до космических кораблей, предстает как помесь кролика с бультерьером, как существо ростом около 20 дюймов, одетое в зеленые брюки и красную куртку [Королев 2002: 109].

Образы реальных животных и связанные с ними языковые и речевые ситуации мы в целом оставляем в стороне, однако приводим несколько фактов, которые показывают, что и в этой сфере могут быть сделаны как содержательные, так и собственно языковые наблюдения. Интересно, например, использование явления паронимии в качестве основы одной из народных картинок первой трети XIX в.: изображено, как в 1812 году французы, услышав от старой крестьянки слово **коза**, обратились в бегство, так как приняли его за слово **козак** [Ровинский 1881, 1: 425]. «Заморское» имя кота **Алабрыс** (лубок «Как мыши кота хоронили», XVIII в.) в процессе народной этимологизации превратилось в **Збрыс**, затем в **Брыс** [ibid.: 389], очевидно под влиянием звукоподражательного **брысь**. Петух, «над которым был наряжен суд за его амуры с чужими курами» получил прозвание **Куропатка**, вероятно не без ассоциации с корнем **-пад-** (**падать**) в качестве второго элемента композита. Многочисленные наименования-прозвища мышей, участвующих в погребении кота, сообщают этим зверушкам определенные черты мифологизации; прозвища даются по разным основаниям, нередко с учетом рифмовки: **мыши Ермаки надели колпаки**; **Елеси мыши идут хвосты повеся**; некоторые отражают, очевидно, окказиональное народное словотворчество: **Емелька гробыляк** идет землю ковырять [ibid.: 391–392, 397]. В наименовании **Елеси** просматривается тонкая игра слов: имя может быть сопоставлено с древнееврейским ‘alās ‘веселиться, ликовать’, словом достаточно известным не только в среде книжников и начетчиков; еласса — название одного из видов птиц [Белова 2001: 105]. Если принять во внимание такие обозначения уныния, как сочетание ‘повесить нос’, ‘повесить голову’, то возникает ситуация содержательной антонимии, может быть, не лишенной политической подоплеки в контексте лубка о похоронах всемогущего Кота — Петра.

Референциальные характеристики лексем, образующих маргинальную группу зоонимов бестиария, составляют специфику этого словесного комплекса. Именования фантастических существ с позиций референциальных отношения образуют несколько групп.

I. Нереферентные имена, в основе которых лежат созданные человеческой фантазией образы.

а) Лексемы, соотносимые с моноструктурными образами, которых относительно немного: **медуза-горгона, дракон, огненный (летучий) змей** и некоторые другие;

б) Большая часть нереферентных имен соотносится с полиструктурными образами, которые также неоднородны: 1) это образы со статичной полиструктурностью: **кентавр-китоврас, Полкан, птица синрин, алконост, рыба-мелузина** (полиморфное существо с признаками рыбы, змеи, человека) [Лубок 1968: суперобложка], **ехидна** (существо наполовину человек, наполовину крокодил со змеиным хвостом [Белова 2001: 111], **камельопард** [ibid.: 164], **медведомышь** [ibid.: 174]. Полиструктурностью могут обладать и люди-монстры: «люди **Поподеси**... главы у нихъ человекѣчи, а руки и ноги какъ конскіе ноги, а ходять на всѣхъ четырехъ ногахъ»; люди **Потомія** ходять на рукахъ и на ногахъ, брады у нихъ долги, половина человекѣка, другая конь; 2) образы с подвижной полиструктурностью: **волкодлак**, принимающий облик то волка, то человека; многочисленные сказочно-мифологические персонажи — **царевна-лебедь, огненная лебедь, царевна-лягушка** и под.

II. Квазиреферентные слова, имеющие реальный референт, но наделенный ирреальными свойствами.

а) Эти лексемы могут эксплицировать новый облик существа. Так, в лубочных картинках и других источниках многочисленны свидетельства о людях-монстрах, называемых **люди дивы** или просто **дивы**. Особенно интересны в этом отношении картинки, в которых изображаются и перечисляются в текстах «Люди дивія найденыя царемъ Александромъ Македонскимъ» [Ровинский 1881, II: 238]. Перечень и описания людей-монстров в подобных картинках весьма разнообразны. Это, например, «люди **Астромове** или **Астаніи**, живутъ въ Индѣйской землѣ, сами мохнаты, безъ обеихъ губъ»; «люди **Атонасіи** — живутъ на полунощи окіана моря, уши у нихъ столь велики, что покрываютъ ими все свое тѣло». Интересно отметить, что эхо этнографической фантастики звучит в приходящих из дальневосточных земель России описаниях даже в конце ХУШ в, хотя эти описания и воспринимались как вымысел: «Того токмо жаль, что к сему невероятному объяснению некоторое баснословное присовокупление, а именно, будто в оной же земле есть люди, которые подобно собакам хвосты имеют и говорят своим языком... да там же будто есть народ с вороньими ногами, котораго де язык также от всех протчих разствуует [Ефимов 1850: 262].

б) Фантастические свойства референта могут проявляться в функциях и поведении. Это, например, **Микита-сокол**, имеющий способность общаться с людьми: «Микита-сокол, отдай мой топор!» Микита-сокол может тебя и матюком послать, и посвищет, и покричит тебе» (Волог. Чагод. 80-е г. XX в.). **Росомаха**, по некоторым источникам, может похищать младенцев. **Птица хорадр** — это болотная птица, которая поворотом головы в одну или другую сторону предсказывает, поправится больной или умрет [Белова 2001: 262].

в) Лексемы, референциальная природа которых обусловлена явлением трансмиссии, замещением реального референта ирреальным: **Хорь** — фантастическое существо в облике большой рыбы, которая может бегать по земле, особенно утром по росе (РК, Медв., 70-е гг. XX в.) и **хорь** — ‘пищевой червяк’ (Арх., Волог.) (трансмиссия с понятия **хорь** ‘животное из семейства куных’ менее вероятна).

Фантастические зоонимы славянского бестиария образуют две неравновеликие группы с точки зрения их генетической природы. Значительная часть из них является наследием античности и Средневековья и донесены до Нового времени книжной традицией. Меньшая часть является непосредственно порождением славянской этнической культуры и известна нам по записям диалектных текстов соответствующей тематики и произведениям фольклора. Фантастические зоонимы книжной традиции в подавляющем большинстве имеют иноязычное происхождение. Среди них есть непосредственные заимствования с большей или меньшей степенью формальных трансформаций: **агнус** — животное, подобное ягненку, которое вырастает из семян; животное-растение, от лат. *agnus*. Как специфичное для восточной части России отмечено Герберштейном в «Записках о Московии» [Белова 2001: 49]. **Аспид** — фантастический змей, гр. ἄσπις, ἄσπις; **дракон**, гр. δράκων; **монокули** — люди с одним глазом, лат. *monoculi*; **аримасти** — также одноглазые люди, гр. ἀρίμαστοι; **астромове** — люди, лишённые способности говорить, гр. ἄστίμος ‘безустый, не умеющий говорить’ [ibid.: 56, 58]; **иподеси** — люди с конскими ногами, гр. ἵπλος ‘нога’. Заимствования лежат также в основе таких персонажей бестиария, как **тигрисы** — полулюди, полупсы; **химаподеси** — люди, несущие яйца; **василиски**, **мантихоры** — люди с телом льва и зубами в три ряда; птицы **сирин**, **алконост**, **фараоны** — полулюди, полурыбы. Наименование **китоврас**, широко представленное в русских мифологических преданиях и в лубочных картинках, преобразовано из книжного **кентавр**, от гр.

Κένταυρος — название чудовища в апокрифических сказаниях о Соломоне; в древнерусской письменности встречается с XIV в. [Срезневский I: 1210]. По мнению Фасмера, слово подверглось влиянию гр. *Σαταναῖς* [Фасмер II: 241]. В древнерусском «Физиологе» упоминаются **онокентавры** < **онкокентавры** < **онокентавры** (первая часть слова связана с греч. ὄνος 'осел, ослица'. Другое название химерического получеловека, полуконя — **Полкан**. Считается заимствованием из итальянской версии повести о Бове — Pulikane. Унбегаун предполагает сложение *пол(у)* и итальянского *sane* 'пес' с последующим сближением в народной традиции с *конь* [Фасмер III: 311]. Из литературы и лубочных картинок слово вошло в народную традицию, став кличкой собак, получившей особое распространение в конце XVIII–XIX вв.

Достаточно многочисленны калькированные наименования. Один из персонажей текстов к лубкам — **Индрик-зверь**, варианты **Вындрик**, **Индрия**, **Индрок**, в устной народной традиции «мать всех зверей», в древнеславянских памятниках **иньрогъ**, **инорогъ** (Книга Иова, 1394); имя его есть калька с греч. Μονόκερος [Фасмер II: 132]. Наименование упоминается в «Физиологе», откуда и могло получить распространение. Кальками являются слова: **песьглавцы** из гр. κροκόφαλοι, **мраволев** из гр. μωριπολέων, **тельчеслон** гр. ταυρελέφας [Белова 2001: 179, 206, 247]. Как видно из приведенных материалов, основными источниками заимствования и калькирования являются греческий язык, в меньшей степени — латинский. Иноязычные зоонимы нередко представлены рядом вариантов, что вообще характерно для такого рода лексики, а в данном случае поддержано спецификой референциальной природы лексем. На одной из картинок из серии «Баба-яга дерется с крокодилом», имеющих политическую подоплеку (под крокодилом разумеется Петр I) и связанных, скорее всего, со старообрядчеством, т.к. именно в их среде этот зверь олицетворял царя-преобразователя, крокодил изображен с человеческим лицом, лапами обезьяны и пушистым хвостом [Ровинский 1881, I: 134–139]. Название заморского зверя крокодила в древней письменности использовалось для обозначения всякого хищного зверя, обычно наделенного фантастическими свойствами. Так, в Псковской 1 летописи под 1552 годом: «из рѣки (Волхова) вышли коркодилы лютеі звѣри, и путь затвориша, людии много поядоша, и ужасошася людіе, и паки спряташеся, а инехъ убиша» [цит. по: Ровинский 1881, IV: 158]. Заимствованное слово представлено вариантами **коркодиль**, **каркарладиль**. Также вошедшее в литературный язык слово **феникс** и даже получившее пе-

реносное значение, правда, помечаемое в словарях как устаревшее 'О ком-, чем-л. поразительном, единственном в своем роде' [МАС IV: 558] в книжных и народных источниках зафиксировано в вариантах: **фениксъ, афиник, афиниксъ, фениѣ, фиксъ, филиксъ, финииза, финикъ, финишь, финискъ, финишь, финифъ, финсь, фоунизь, фоуниѣ, фунишь, фюниксъ** [Белова 2001: 35]. Ср. в сказках **Финист-ясный сокол**.

Корпус фантастических зоонимов славянского/русского происхождения представлен значительно меньшим числом единиц. Образы фантастических зверей или людей с необычными и/или зооморфными признаками сохранились в фольклоре — сказках, заговорах, в народных мифологических представлениях, отраженных в различных записях народной речи. Например, болезнь скота «холера» предстает в облике полиморфного существа: «Голова коровья, копыта на ногах конские, руки есть, а вся обвешана саблями. Человек, не человек, скотина, не скотина, а так, смешана» (Печ.) [Черепанова 1983: 43]. Но и здесь, надо полагать, не обошлось без книжного влияния. Подобное описание возникло, вероятно, на базе образа смерти в переводной древнерусской повести «Прение живота и смерти».

Лексемы и поликомпонентные лексические единицы, которые могут быть причислены к исконному бестиарию, имеют различное понятийное наполнение. а) Это наименования персонажей народной мифологии, полностью или частично имеющих облик фантастических животных. Например, **кололозы, коловержи, коловержыши** — помощники колдуна, мифологические существа, похожие на зайца с большим зубом, в котором они приносят хозяину молоко и масло, украденные ведьмами (Тамб., Саратов.) [СРНГ 14: 149–150; Черепанова 1983: 49]. Это также **волкодлак, вурдалак, немал-человек** («кожа змеиная, рожа звериная...»), **змей-носак, змей-любак, мокрый теле-нок** — очевидно, одна из ипостасей водяного; может преследовать и погубить человека в воде, и другие. б) Это названия людей или животных, обладающих аномальными, фантастическими и/или волшебными свойствами: **земляная кошка**, которая ходит под землей, на поверхности видны только ее светящиеся уши [Гельгардт 1967: 489; Черепанова 1983: 38]; **Микита-сокол** — «пчушка така. Ей кричат: «Микита-сокол, отдай мой топор». Микита-сокол может тебя и матюгом послать, и посвищет, и покричит тебе» (Волог.) [Черепанова 1983: 13] В эту же группу могут быть отнесены наименования: **петух-хлоптун, сива кобыла, железны копыта; огненная лебедь, Соло-**

вей-разбойник, Змей-Горыныч, конек-горбунок, Усыня, Бородыня, Горыня, мальчик-с-пальчик и под. в) Это также имена сказочных персонажей, указывающие на мифологическую связь с тотемным предком-животным: **Иван Сучич (Быкович, Кобыльевич), Иван Медвежье ушко** и другие.

Отчетливо видно, что имена славянского бестиария в большинстве своем представляют собой сложные и составные слова, хотя их структура может быть затемнена: **кололозы, коловвер(ты)ши** — те, кто лазают, вертятся около, возле кого-нибудь; **волкодлаки** — люди, на теле которых есть часть волчьей шкуры (длака ‘волосы, шкура’). В других случаях это составные наименования, включающие согласованные или несогласованные определения: **огненная лебедь, лиса-огневка петух-хлоптун** и под. В отдельных случаях именование — лишь развернутое многокомпонентное определение при отсутствии непосредственно номинации самой мифологической сущности: **сам-с-ноготок-борода-с-локоток**. Очень ограничен круг суффиксальных образований типа **Усыня, Бородыня**.

Ряд образов и их наименований, которые могут быть включены в бестиарий, дают примеры слияния книжной традиции с народной культурой. Библейская легенда о переходе Красного моря иудеями, преследуемыми войском фараона, породила фантастический образ **фараонов, фараончиков** — полурыб, поллюдей, которые «расплодились» в реках и морях, иногда показываются людям. Образ представлен в западных и северо-западных районах территории восточных славян, на Украине, хотя **фараонка** как образ народной резьбы по дереву при украшении домов известна и в центральной России. Одна из популярных народных картинок представляет образ **рыбы-мелузины** [Ровинский 1881, I: 482]. На ней изображено существо, имеющее туловище рыбы на птичьих ногах (в вариантах — змееподобных ногах), женское лицо, хвост, оканчивающийся змеиной головой с жалом. Имя **Мелузина** — результат заимствования и преобразования образа средневекового европейского (старофранцузского) романа о красавице Мелузине, которая периодически по волшебному заклятию должна была превращаться в змею. Роман через посредство польской книжности в XVI–XVII вв. проник в Западную Русь, где в результате культурных трансформаций стал основой образов народной мифологии — **рыба-мелузина** в русском лубке, пол. **meluzina**, укр. **мелюзина, люзона** — полурыбы, поллюди, обитающие в водной среде. Тот факт, что в славянской традиции мелузина сблизилась с обитателями водной стихии — рыбами (ср.: во

французской традиции это змея) можно объяснить, скорее всего, тем что в говорах, слова с корнем *мел-* (<мелить) — *мелуз, мелуза, мелюза, мелузина, мелюзга*, имея общее значение 'что-л мелкое, измельченное', среди прочего служат наименованием мелкой рыбы, мальков (Твер., Новг., Волог., Арх., Вят., Сиб.) [ЭССЯ 18: 162–163]. Подтверждением этому может служить и то, что на лубочной картинке Мелузина изображается в сопровождении мелких рыбешек.

Считаю, что в славянский бестиарий должно быть внесено слово **яга** как обозначение реального животного — змеи — и фантастической сущности — бабы-Яги.

Змея играет исключительно важную роль в мифологиях многих народов как воплощение вредоносной силы, связанной с нижним, хтоническим миром, хотя в ряде мифологических традиций, преимущественно восточных, змея может быть персонажем амбивалентным. У славян мифические и реальные змеи нередко различаются и по своему родовому именованию: первые — это *змей*, вторые — *змея*. Имеется большое число даже родовых названий змей, не говоря уж о видовых: русск. *змея, гад*, сербск., словен. *кача*, пол. *смok* и т. д. В русском языке и его говорах огромное число наименований змей, их разновидностей: **болотянка, веретельница, гаврилка, гад, гадыня, гнусина, головёнка, горлянка, джиланка, жупельница, зюська, тварь, явидь** и т. д. В мифологических рассказах и быличках XIX в. в соответствии со своими мифологическими функциями змеи также имеют различные наименования: **летучий змей, огненный змей, змей-любак**, прилетающий к вдовам, тоскующим по своим покойным мужьям, **змей-носак** — помощник колдуна, приносящий своему хозяину зерно из чужих закровов, молоко, взятое у чужих коров и т. п.; **червоный змей**, наименование которого в равной мере можно возводить к слову **червь** и к названию цвета **червоный**, так как, по рассказам, этот змей может рассыпаться на множество светящихся искр-червячков. В русских заговорах в записях XVIII–XIX вв. также представлено большое разнообразие именовании змей, среди которых имена-эвфемизмы, трансформации заимствованных наименований книжного происхождения; есть именовании, не поддающиеся идентификации: **Осаха, Солоха, Куфия, Пусиха, Росиха, Рососветская, Кустица, Поляха, Скорбея, Скорбя, Скрыпидон, Шкурапея, Рабея, Рохля, царь змеинный Ир, царица Ирица** и др. Часть этих имен прозрачна по своему происхождению — **Кустица, Поляха**; часть отражает народную этимологизацию известных названий. На основе слова

скорпион из гр. Σκορπίος ‘скорпион’ возникли именованья **Скорбя**, **Скрыпидон**, **Шкурапея**. В Зографском и Мариинском евангелиях упоминаются **скорьпии**, **скорьпии**, а в «Златоструе» XII и Евангелии XIII в. представлена форма **скоропия**. В приведенных словоформах отмечается закономерный фонетический процесс преобразования закрытого слога *skorp- > скорьп-, скорьп-, скороп-. Возможно, в более позднее время словоформа **скоропия** подверглась народной этимологизации — объединение корней *скор(о)* и *ни(ть)* — т. е. ‘скоропяющая’, что отражает представления об особой связи змеи, а главным образом, мифического змея, с водой. В мифологии вредоносность змея по отношению к природе и человеку проявляется в том, что он поглощает воду и тем самым отнимает у природы производящую силу. В «Физиологе» связь змеи с водой имеет другую интерпретацию: там сказано, что у воды яд змеи теряет силу. Опосредованное отражение сведений из «Физиолога» можно видеть в записях народных преданий XX века, где также действие яда змеи соотносится с водой: «Если укусит, надо воды искать скорее, вперед её. Она первая найдет — то ты померешь» (Новг. Пест. 1986) Параллель к «Физиологу» можно видеть и в следующем факте; там сказано, что змея от нагого человека отойдет, а на одетого кинется. Мотив проявляется в следующей записи XX в.: «Змеи рты разинули, понеслись — и на него. Хорошо, он пиджак кинул, догадался, а то так бы и сожгли» (ibid.).

Само название — *змея* — как и у других животных с яркой мифологизацией, является эвфемистичным и восходит к слову **земля** — ‘ползающая по земле’ [Фасмер II: 100]. В науке нет достаточно достоверных сведений об исконном названии змеи, однако есть основания полагать, что это было индоевропейского характера слово, генетически связанное с санскр. áhi ‘змея’, (*ŋghi), авест. ažiš ‘то же’ и восходящее к праформе *eǵh(i). Слова с этим корнем образуют обширное гнездо в индоевропейских языках: гр. ἔχις ‘гадюка, уж’, Σχιδνα — Эхидна, дочь Тартара и Геи, кровожадное чудовище, полудева, полужмея, ’οφίς ‘змея’, ’εγγελίς ‘угорь’, лат. anguis ‘змея’, anguilla ‘угорь’, лит. angis, unguirys ‘змея’, герм. agiz ‘змея, дракон’, д-в-нем. unsc ‘уж’, арм. iz ‘змея’ [Mayrhofer, lff. 2: 68; Frisk, 1, 601 П, 539; Фасмер IV: 151]. Сюда же относится православ. oǵь ‘угорь’ с первоначальным значением ‘змееподобный’ [Фасмер II: 100] oǵь русск. ‘уж’, также праслав. eǵь ‘еж’, первоначально ‘змеиный’ — табуистическое название животного, враждебного змее, пожиратель змей [ЭССЯ 6: 37]. Генетически родственные названия мифологической змеи известны и

восточным соседям славян. Через иранский ареал (ср. зенд. *aži dahaka* ‘serpent perniciosus’, перс. *âZīdahā* ‘дракон, мифический змей’, тадж. *аждаҳо*, *аждарҳо* ‘то же’ слова с этим корнем проникли в тюркские языки, где имеют достаточно широкое распространение: азерб. *эждаһа* ‘дракон, мифический змей’, узб. *аждар*, *аждаҳо* ‘то же’, туркмен. *аждарха* ‘то же’, тат. *аждаха* ‘то же’ [указание на источники приведенных сведений см.: Черепанова 1983: 109]

В том, что слова *яга*, *язя* являются исконными названиями змеи в славянских языках, убеждают и следующие факты. Это сохранившийся отрывок заговора «на кровь» в записи XVIII в., в котором наименование *змея* непосредственно соотносится со словом *яга*: «ты, кровь, запекись, хрящом зятянись, ключом завернись. Коли ты, кровь, не запечешься, хрящом не зятянешься, ключом не завернешься, напущу я на тебя *язю змею буру*. *Яга змея бура* шерстью застелет, хоботом замок замкнет, Богородице ключ отдаст» [Материалы... 1892 X, 2: 234].

В украинских материалах упоминается мифическая змея *язя*: «Е також гадини, що мають більше ніж одну голову, вони зовуться *язями* (*язя*)» [Онищук 1909: 31] В украинском гусеница называется *язі-баба*, в русских говорах *язя* — особо ядовитая змея. В переводном с польского памятнике XVII в. «Гражданство обычаев детских» змееподобные существа греческой мифологии названы словом *язя*, соответствующим польскому *jędza*. Эти и некоторые другие факты дают возможность предположить, что наименование известного персонажа Баба-яга указывает на его исконную связь со змеей: первоначально это женщина-змея, змееногая богиня — персонаж, актуальный для многих мифологий мира [подробнее см.: Лаушкин 1970: 180–186, Черепанова 1983: 100–110].

Образ чудовищного змея актуален и в христианской традиции. Именно в виде змея с разверстой огнедышащей пастью изображается на иконах персонифицированный ад. На основе этого наблюдаем в говорах семантические переносы у слова *ад*: *ад* — это неодобр. ‘рот, пасть’: Закрой ад-то, что ад-от разинул (Костр.); ‘о ненасытном человеке, обжоре’: Ест, как ад (Яросл.); Ады, ек жрут (Яросл.); в применении к скупому, жадному человеку: ад несытый (Костр.) и под.

Материалы бестиария русской традиционной культуры в России в XVIII–XX вв. свидетельствуют о присутствии в общенациональном лексическом фонде маргинальной группы лексики, в большинстве своем книжно-заимствованного характера, включающей, вместе с тем, и собственно русские лексемы. Тем самым подтверждается факт достаточно активной межкультурной коммуникации в различные истори-

ческие периоды. Наличие такой лексики, соответствующей определенному кругу представлений, характеризует переходный характер культуры XVIII–XIX вв. в ее движении от средневековой мифологичности к рационализму Нового времени, демонстрируя при этом историческую устойчивость ранних представлений, свойственных определенным слоям российского общества. Рудименты традиционных представлений отмечаются и в XX в. Корпус рассмотренных лексем говорит о том, что фантастически-мистические образы и их наименования XVIII–XIX вв. в своем большинстве транслировались теми или иными способами в русскую культуру из Европы, и позднее Средневековье — время наибольшей активности этого процесса. Однако есть несомненные свидетельства исключительной древности славянских представлений такого рода, что помогает увидеть, например, мифология змеи и реконструкция древнего образа бабы-яги как полуженщины-полужмеи, древнейшей змееной богини.

Литература

- Белова О. В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2001.
- Беляев Ю. А.* 100 чудовищ древнего мира. М., 1974.
- Гельгардт Р. Р.* Фантастические образы горняцких сказок и легенд // Гельгардт Р. Р. Избранные статьи. Калинин, 1967. С. 474–523.
- Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1950.
- Иванова-Казас О. М.* Животные в мифологии и изобразительном искусстве. СПб., 2011.
- Королев К.* Энциклопедия сверхъестественных существ. М., 2002.
- Лаушкин К. Д.* Баба-яга и одноногие боги // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 181–186.
- Лицевые Апокалипсисы Русского Севера. СПб., 2008.
- Лубок. The Lubok, М., 1968.
- Лункевич В. В.* От Гераклита до Дарвина. М., 1960. Т. 1.
- МАС — Словарь русского языка. В 4-х т. М., 1981–1984
- Материалы этнографические / Сообщил А. Соколов. Изв. Общ-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. 1982. Т. 10. Вып. 2. С. 228–234.
- Онищук А.* Матеріали до гуцульської демонології // Матеріали до української етнології. Т. XI. У Львові, 1909. С. 1–139.
- Орлов С.* Бестиарии XX века // Собрание. № 1. 2012. С. 126–137.
- Римский-Корсаков А. П.* Химеры // Андрей Петрович Римский-Корсаков. СПб., 1999 С. 52–60.

- Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Т. 1–5. СПб., 1881.
Садок судей. б/м. 1910.
- Соколова З. П.* Культ животных в религиях. М., 1972 .
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т.1–3. СПб., 1893–1912. М., 1956.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 14. Л., 1978
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.
- Физиолог / Отв. ред. Л. А. Дмитриев. СПб., 2002.
- Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 6. М., 1979; Вып. 18. М., 1992.

А. А. ШАХМАТОВ
И
ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Костючук Лариса Яковлевна

Псковский государственный университет
Россия, г. Псков

**К выходу труда А. А. Шахматова
«Лекции по русской диалектологии»
(о прозорливости и актуальности идей Ученого)**

Прошедшая Международная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Алексея Александровича Шахматова [Материалы 2014], была одним из самых ярких и незабываемых научных событий не только самого последнего времени, причем на всех этапах ее подготовки, проведения и воспоминаний о ней. Это неслучайно: великий ученый оставил такое научное наследие, что трудно назвать специалиста в разных направлениях филологии, который не был бы заинтересован в познании деятельности А. А. Шахматова 1) в истории языка; 2) в исторической диалектологии, включая оригинальную теорию «древнейших судеб русского племени», созданную на глубоком изучении древних текстов в связи с реконструкцией языковых процессов при блестящем применении сравнительно-исторического метода [Шахматов 2010а: 217–260]; 3) в диалектологии как синхронной, так и исторической, тесно связанной с этнографией и лингвогеографией [Шахматов 2010б: 16–192]; 4) в освещении специфики системно-структурной организации языка на разных уровнях при внимании к литературным нормам современного языка и других периодов книжной деятельности (А. А. Шахматов создавал и теоретические основания для соответствующих областей науки о современном русском языке, например для синтаксиса); 5) в лексикографии с теоретически обоснованным подходом к максимально полному отражению в толковом словаре лексического состава языка; 6) в подготовке и проведении орфографической и графической реформы письма с учетом социальных условий представления и использования письменной формы языка и т. д.

Поистине поражает разнообразие, глубина интересов и идей А. А. Шахматова, ярких и непреходящих по своим результатам в научных достижениях ученого. Каждый раз, читая о том, как работал А. А. Шахматов, как организовал деятельность других коллег и как при этом углубленно, творчески и продуктивно работал сам над разными темами, объектами, объемами материала, постоянно создавая ценнейшие научные труды в разных сферах филологии, — читатель снова и снова преклоняется перед научным талантом и прекрасным искусством А. А. Шахматова писать доходчиво и увлекательно о сво-

их новаторских открытиях и идеях. Притягательна сила того, что оставил в науке ученый, потому что в его трудах отражается необыкновенно одаренный, эрудированный, щедрый на перспективные и захватывающие планы автор.

В 2010 году научная общественность ожидающе и неожиданно наконец получила новаторские не только для первых десятилетий XX века «Лекции по русской диалектологии» А. А. Шахматова [Шахматов 2010б: 16–192]. Изданы они, по стечению обстоятельств, через 90 лет после ухода ученого из жизни усилиями Б. А. Ларина, а затем его коллеги (Н. А. Мещерского) и ученицы (И. С. Лутовиновой) в содержательном томе [Шахматов 2010в].

По содержательной и программной статье Б. А. Ларина 1960 года «Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи» [Ларин 2010: 5–15] уже была известна значимость того, что оставалось недостижимым для широкого круга историков языка и диалектологов, — рукописные материалы лекций по русской диалектологии, которые академик А. А. Шахматов читал в Петербургском университете. Б. А. Ларин провел линию от 1849 года, когда «сделан был первый набросок плана и содержания русской исторической диалектологии в “Мыслях об истории русского языка” проф. И. И. Срезневского» [Ларин 2010: 5], к тому времени, когда «в последние десятилетия XIX в. и первые XX в. развернул свою работу акад. А. А. Шахматов, значительно приблизивший русских лингвистов к построению исторической диалектологии нового плана» [ibid.: 6]. Б. А. Ларин подчеркнул: «Со времени работ акад. А. А. Шахматова по истории русского языка данные живой народной речи стали выдвигаться как равноправный, а по временам и решающий источник для историко-лингвистических реконструкций» [ibid.: 6]. В результате «для акад. А. А. Шахматова возможна и необходима была отдельно задуманная и самостоятельно разрабатываемая русская историческая диалектология наряду с историей русского языка» [ibid.: 7].

Своей статьей Б. А. Ларин показал перспективу того направления развития диалектологии как науки, о котором заботился А. А. Шахматов в своих лекциях студентам и реализацию которого постоянно показывал в своих разносторонних и многочисленных исследованиях. Вспомним, во-первых, слова самого А. А. Шахматова: «Диалектологию можно признать одной из этнографических дисциплин» (цит. А. А. Шахматова по [Ларин 2010: 9]). Во-вторых, обратим внимание и на то, что Б. А. Ларин подчеркивал следующее: важней-

шему и в начале XXI века историко-лингвистическому аспекту А. А. Шахматов «уделял едва ли не больше внимания, чем этнографическому» [Ibid.]. Оценка труда А. А. Шахматова по русской диалектологии именно Б. А. Лариным, «филологом высокого профиля» [Мещерский 2010: 212], который уже в 1940 году подготовил рукописи ученого к печати в виде целостного тома со своими комментариями [Ларин 2010: 193–203], была очень важна для отечественной науки. В указанной статье Б. А. Ларин говорил: «Мне представляется необходимым извлечь из его [А. А. Шахматова. — Л. К.] незавершенной работы над курсом исторической диалектологии животворные идеи и образцы для исследований нашего времени» [Ларин 2010: 13]. Называя последователей академика А. А. Шахматова, ученых старшего поколения (Д. К. Зеленин, С. А. Еремин, С. А. Копорский, Н. П. Гринкова, Б. Л. Богородский, Г. Г. Мельниченко), Б. А. Ларин видел возможность и необходимость продолжения изучать язык в шахматовских традициях, в частности народный язык в направлении исторической диалектологии: «И такому жанру исследований надо распахнуть шире ворота, они ... необходимы для истории русского языка, органически связанной с историей народа» [ibid.: 9].

По прошествии десятилетий после публикации статьи Б. А. Ларина, доносившей необходимые идеи академика А. А. Шахматова при невозможности, к сожалению, опубликовать подготовленный том его «Лекций», многое в состоянии отечественной филологии того времени становится более понятным.

Б. А. Ларин уже сплотил коллектив своих учеников и последователей на реализацию тоже уникальной идеи создания диалектного словаря, во-первых, полного типа (с фиксацией и слов, известных литературному языку и попавших в поле зрения собирателей народной речи) и, во-вторых, со словами из местных памятников письменности — это «Псковский областной словарь с историческими данными» [ПОС 1967 — по наст. вр.]. Новаторская идея Б. А. Ларина относительно такого типа диалектного словаря [Ларин 1961] вызывала сначала горячие дискуссии. Но победила прозорливость ученого, интерес к словарю заинтересованных специалистов разных специальностей (не только лингвистов, но и литераторов, и историков, и археологов) в нашей стране и за рубежом. Были даже последователи в создании региональных словарей полного типа («Словарь брянских говоров», работа над которым, к сожалению, прекратилась [СБГ 1976–1988]; «Ар-

хангельский областной словарь», работа над которым продолжается [АОС 1980 — по наст. вр.]).

Понимая, что даже самые интересные идеи не сразу могут приниматься окружающими, Б. А. Ларин в указанной статье об А. А. Шахматове особенно подчеркивает, что говорил автор в своем лекционном курсе 1919/20 г. о спорах относительно происхождения псковских говоров, и приводит обширные цитаты из рукописи А. А. Шахматова [Ларин 2010: 8–9], особенно касающиеся несвершившегося в псковских говорах общеславянского изменения *dl, *tl > *l и наличие сочетаний согласных [гл], [кл] на месте древних *dl, *tl [ibid.].

Б. А. Ларин тоже понимал удивительные особенности псковских говоров. В краткой вступительной заметке 1963 года к готовившемуся первому выпуску «Псковского областного словаря с историческими данными» он писал: «Народная речь Псковской области представляет большой интерес в международном плане, не говоря уже о ее исключительном значении для историков и диалектологов русского языка, так как она отражает тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также и белорусами» [Ларин 1967: 3]. Ученый предвидел, что материал псковских говоров может принести неожиданные открытия, как и активно уже ведшаяся работа над разными лингвогеографическими, историческими и другими проблемами (атласы, словари, теоретические исследования).

Во второй половине XX века, действительно, появился ряд интересных открытий в отечественной науке, показавших исторические (общеславянские и восточнославянские) изменения например, в области фонетики, фонологии. Изучать такие явления невозможно было без учета условий жизни соответствующих древних племен (значимость исторической этнографии), без учета достижений других наук (в частности, археологии). Вспомним исследование С. М. Глускиной 60-х годов XX века о «несвершении» второй палатализации заднеязычных согласных в псковских говорах [Głuskińska 1966: 475–482; Глускина 1968: 20–43], отстаивать право на которое ученому пришлось в очень горячих дискуссиях. Поэтому справедливой оказалась сразу поддержка польского ученого З. Штибера [Stieber 1968: 3–7], а через несколько лет отечественного ученого А. А. Зализняка, который независимо пришел к такому же выводу на другом материале, к тому же признал первооткрытие С. М. Глускиной и предложил это назвать «эффектом Глускиной» в исторической грамматике.

После кончины А. А. Шахматова были научные публикации, возражавшие против его внимания к историческим, этнографическим фактам при объяснении соответствующих древних изменений, касающихся определенных звуков. Такова, например, статья Н. С. Трубецкого «О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства» 1925 года [Трубецкой 1987: 143–167]. В письме к Н. Н. Дурново от 20 октября 1925 года по поводу этой своей статьи Н. С. Трубецкой пишет об отголосках дискуссий: «В защиту Шахматова Вы приводите, что он в своих лингвистических построениях опирается на историю. По-моему, это и плохо. Историки, в сущности, знают очень мало о древнейшем периоде жизни русского племени и сами обращаются за сведениями к нам лингвистам. В частности, на построения Шахматова историки теперь постоянно ссылаются, сопровождая свои ссылки замечаниями вроде “как теперь доказано современными лингвистами”. А между тем то, что в данном случае, якобы, “доказано”, доказано не Шахматовым-лингвистом, а Шахматовым-историком» (А. А. Шахматов цит. по [Русаков: 432]).

Подход Б. А. Ларина к оценке курса диалектологии А. А. Шахматова очень показателен для ученого, заботящегося о развитии науки: «цель <...> статьи не в обнажении противоречий А. А. Шахматова ради “критичности”» [Ларин 2010: 13] (некоторые противоречия автор статьи видит), а в том, что «А. А. Шахматов открыл глубокий исторический простор диалектологии, — не до XIV в. как времени “рождения” русских диалектов, а до исходных диалектов индоевропейской эпохи» [ibid.]. В подтверждение своей позиции Б. А. Ларин приводит как раз из лекций А. А. Шахматова ряд утверждений самого автора. Например: «в изучение диалектологии необходимо вводится историко-сравнительный элемент», — пишет А. А. Шахматов [ibid.].

Во второй половине XX века появились серьезные лексикографические труды, прежде всего посвященные современному русскому литературному языку, русским диалектам; картографические труды (диалектологические атласы только русского языка или русского и других славянских языков).

Развернулись исследования, посвященные специфике «пограничных» говоров, языков. В псковском регионе значимо изучение своеобразия русских говоров в соседстве с латышскими говорами (в районе Латгалии, граничащей с Пыталовским районом Псковской области); с эстонским языком, с белорусским языком. Интересные факты выясняются при изучении поведения русских говоров псковского

происхождения в иноязычном окружении славянских языков (русские говоры старообрядцев в Польше [Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980]), неславянских языков (русские говоры староверов в Литве [Сивицкене 1988: 126–134.], в Латвии [Семенова 1979: 68–72], в Эстонии [Мурникова 1962: 345–363; 1988: 122–126], во всех бывших союзных республиках Прибалтики [Немченко, Синица, Мурникова 1963]).

Обнаруженные уникальные особенности псковских говоров называются «опознавательными знаками» в решении происхождения соответствующей русской народной речи, тем более за пределами «материнских» говоров, в иноязычном окружении: например, мена звуков [с] и [х] (мяхо вместо общерусского мясо; подпояхаться вместо общерусского подпоясаться) [см. Глушкина 1962: 28–52].

Яркая отличительная черта псковских говоров — это своеобразное сохранение общеславянских сочетаний звуков *dl, *tl в виде звуков [гл], [кл] (жергло ‘жерло; горло’; егла ‘ель’; прочкли ‘прочли’ с конем чет-/чт-). Чтобы понять такое явление, необходимо учесть особую судьбу предков современных псковичей в соседстве с носителями балтийских языков, для которых сочетания [gl], [kl] привычны были и в прошлом: «чужое» (балтийский факт в фонетике) поддерживало «свое» (славянское) отсутствие «несвершения» общеславянского перехода *dl, *tl > l в виде «чужого» [gl – гл], [kl – кл].

Памятники псковской письменности (летописи, грамоты) доносят свидетельства этого же явления. Например, в одной из псковских грамот XIV–XV веков обнаруживаем местное, народное слово мочигло для обозначения искусственного водоема для вымачивания стеблей льна при его обработке. Слово в тексте грамоты называет реалию в качестве одного из ориентиров определяемой границы земельного участка [Марасинова 1966: 55–56]).

Записи псковской речи начала XVII века немецким купцом Т. Фенне в составленном им русско-немецком разговорнике для купцов, зафиксировали большое количество примеров с указанной фонетической особенностью, особенно много глаголов прошедшего времени (в форме мужского рода, единственного числа) с корнем чет-/чт- типа разочклесь ‘расчелся’ [Разговорник Т. Ф.]. В данном примере есть еще одна черта, свойственная псковским говорам: использование в именной форме краткого действительного причастия прошедшего времени с суффиксом -л- (мужского рода единственного числа именительного падежа) окончания -е. В одной из грамот, опубликованных

Л. М. Марасиновой, подобное находим в существительном: «моужь Федоре» [Марасинова 1966: 73]).

Эти и ряд других особенностей псковских говоров позволили А. А. Зализняку обосновать свою теорию древнего псковско-новгородского диалекта [Зализняк 1995], которая соответствует предположениям археолога В. В. Седова (на основе археологических данных) о путях появления предков псковичей на территории нынешней Псковской земли [Седов 1982].

Труды А. А. Шахматова, как и его последователей, что фактически показал Б. А. Ларин, свидетельствуют, что исследователю невозможно обходиться без учета «внешней лингвистики» [Сосюр 1977: 59–61] для того, чтоб понять и объяснить иногда сложный языковой факт, который может иметь дискуссионные решения. Например, в русских старообрядческих говорах псковского происхождения на территории Польши нами были обнаружены слова кета ‘цепь’, кетка ‘цепочка’ [Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980]. Для понимания состава этих слов, с одной стороны, можно предположить древний корень *кер- (со звуком «ять», как и в псковском слове кеп в соответствии с общеславянским цеп) с упрощением сочетания звуков *pt > *t при первоначальном сочетании конечного согласного корня и согласного суффикса, но без свершения второй палатализации у звука [k] в корне. С другой стороны, учет соседства носителей псковской русской речи с немецким населением заставляет поставить вопрос, нет ли здесь заимствования из немецкого языка слова die Kette с дальнейшим вхождением в систему русского языка, включая фонетику и словообразование. Пока вопрос оставляем открытым.

Наука постоянно продолжает изыскания о «древнейших судьбах русского племени». А. С. Герд неустанно занимается исторической диалектологией, предлагая при решении проблем судеб древних славянских племен, по его словам, «иной подход», подразумевающий прежде всего «выделение, экспликацию и историческое обоснование границ и ареала того диалекта, который избирается объектом исследования». И только потом «исследование собственно языковых фактов строится как анализ истории ареала этого древнейшего диалекта» [Герд 2001: 5]. Несколько удивляет следующее утверждение автора: «все то, что составляет суть и ядро большинства историко-диалектологических работ, дискуссии об истории цоканья, аканья, второй палатализации, сочетаний tl, dl, kv, gv, этимологически отдельных слов, должно быть вынесено за скобки» [ibid.]. Ведь, как по-

казывают, в частности, и работы А. А. Шахматова, в понимании языкового объединения носителей соответствующего диалекта, большую роль играют общие языковые черты. Правда, в одном из выводов доклада, посвященного диалектам Верхней Руси, А.С. Герд подчеркивает: «История как внутриареального членения диалекта, так и его связей с другими диалектами может быть вскрыта только путем постоянного и поэтапного параллельного сочетания и сопряжения данных языкознания и смежных исторических наук» [Герд 2001: 18].

При чтении интересного повествования о Верхней Руси читатель не раз встречался как будто с разными подходами к выбору пути для познания древнего ареала. Но важно то, что теоретические предложения А. С. Герда подтверждают, что историческая диалектология развивается и во второй половине XX — начале XXI вв. приносит серьезные результаты на базе глубоких и широких экспериментальных, теоретически-практических исследований и обобщений фактического материала (словари, атласы, монографии, статьи). Авторские же обоснования, решения обнаруженных подчас невероятных лингвистических фактов-загадок — это шаги в понимании непознанного.

Мы были свидетелями того, что интересы многих ученых встречались при обсуждении проблем исторической диалектологии, которую научно обосновал А. А. Шахматов, за которую ратовал Б. А. Ларин. Ученики и сподвижники Б. А. Ларина сделали теперь доступным один из интересных и значимых трудов А. А. Шахматова по русской диалектологии [Шахматов 2010в]. Усилиями многих исследователей в XX — начале XXI вв. диалектология из «диалектографии» все увереннее становится исторической — одной из важных лингвистических наук, связанных прежде всего с историей, этнографией, географией и, конечно, с другими направлениями гуманитарных дисциплин. Об этом с надежной говорил Р. И. Аванесов еще в 1963 году на V Международном съезде славистов: «При большем проникновении в исследование диалектного языка и решении основных и глубинных вопросов описательная диалектология и история языка в значительной мере оказываются едиными» [Аванесов 1963: 315].

Литература

Аванесов Р. И. Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь, 1953). М., 1963. С. 293–317.

АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1–13. М., 1980–2004. (изд. продолж.)

Герд А. С. Очерк исторической диалектологии Верхней Руси (История ландшафта). СПб., 2001.

Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. П. Псков, 1968. С. 20–43.

Глускина С. М. Морфологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. I / Отв. ред. Б. А. Ларин. Псков, 1962. С. 28–52.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Ларин Б. А. [Вступление] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. С. 3.

Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961.

Ларин Б. А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи // Шахматов А. А. Русская диалектология: Лекции / Под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб., 2010. С. 5–15.

Ларин Б. А. Примечания редактора // Шахматов А. А. Русская диалектология: Лекции / Под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб., 2010. С. 193–203.

Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.: МГУ, 1966.

Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика А. А. Шахматова / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб., 2014.

Мецкерский Н. А. Б. А. Ларин в работе над «Лекциями по русской диалектологии» А. А. Шахматова // Шахматов А. А. Русская диалектология: Лекции / Под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб., 2010. С. 212–216.

Мурникова Т. Ф. Некоторые топонимические наименования на острове Пийрисаар // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988. С. 122–126.

Мурникова Т. Ф. Описание русского говора острова Пийрисаара // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 119. Труды по русской и славянской филологии. V. Тарту, 1962. С. 345–363.

Немченко В. Н., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. Л., 1967.– СПб., 2013. (изд. продолж.)

Разговорник Т. Ф. — Fenne's T Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970.

Русаков А. Ю. [Комментарии] // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. Переводы / Составление В. А. Виноградова, В. П. Нерознака; Под общ. ред. Т. И. Гамкрелидзе и др. М., 1987. С. 427–435.

- СБГ — Словарь брянских говоров. Вып 1–5. Л., 1976–1980.
- Седов В. В. Восточные славяне в VI–VIII вв. М., 1982.
- Семенова М. Ф. О словаре русских говоров в иноязычном окружении // Псковские говоры. Л., 1979. С. 68–72.
- Сивицкене М.К. Русские говоры Литвы в связи с исходной локализацией // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988. С. 126–134.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Перев. с франц. под ред. А. А. Холодовича. М., 1977. С. 59–61.
- Трубецкой Н. С. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. Переводы / Составление В. А. Виноградова, В. П. Нерознака; Под общ. ред. Т. И. Гамкрелидзе и др. М., 1987. С. 143–167.
- Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени // Шахматов А. А. Русская диалектология: Лекции / Под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб., 2010а. С. 217–260.
- Шахматов А. А. Лекции по русской диалектологии // Шахматов А. А. Русская диалектология: Лекции / Под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб., 2010б. С. 16–192.
- Шахматов А. А. Русская диалектология: Лекции / Под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб., 2010в.
- Gluskińska Z. O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich // *Slavia Orientalis*/ Roc. XV. № 4. Warszawa, 1966. S. 475–482.
- Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. Słownik gwary Starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1980.
- Stieber Z. Druga palatalizacja tylnojęzykowych w świetle atlasu dialektów rosyjskich na wschód od Moskwy // *Rocznik sławistyczny*. 1968. № 29. S. 3–7.

Лутовинова Ирина Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

Академик А. А. Шахматов и его лекции по диалектологии

Имя А. А. Шахматова, выдающегося представителя отечественной науки о языке, известно каждому русисту. Его работы являются классикой русского языкознания. Однако теоретических работ, посвященных русской диалектологии, при жизни у него не было. А. А. Шахматов, возможно, готовил такой труд, читая лекции студентам историко-филологического факультета Петербургского (Петроградского) университета в 1909–1915 и в 1919 гг., накапливал факты для публикации, но, видимо, считал, что публиковать их еще рано. Материал был собран обширный, была выстроена концепция.

После смерти Б. А. Ларина (1964 г.) в его архиве был обнаружен машинописный экземпляр 1940 г. «Лекций по русской диалектологии» Шахматова, которые были подготовлены к изданию, представлены в издательство в Москве, но в связи с началом Великой Отечественной войны публикация не состоялась, а впоследствии книга была снята с плана издательства. В 1977 г. по предложению проф. Н. А. Мещерского, который активно поддерживал это издание, рукопись вновь была представлена к публикации, но она опять не была осуществлена.

Несмотря на значительные достижения в современной науке по диалектологии восточнославянских языков, материал лекций А. А. Шахматова остается оригинальным и актуальным не только для истории русского народа и русского языка, но и для истории всех славянских народов в целом. В связи с этим комиссия по научному наследию Б. А. Ларина приняла решение вновь представить лекции к публикации.

В 2010 г. книга А. А. Шахматова «Русская диалектология. Лекции» была издана в издательстве филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. В этой же книге переиздана статья Б. А. Ларина 1960 г. «Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи» [Ларин 1960] и очерк А. А. Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени» [Шахматов 1919].

Б. А. Ларин в 1930-е гг., через 10 лет после смерти А. А. Шахматова, взял на себя смелость представить материал его лекций так, как мог бы это видеть А. А. Шахматов. Б. А. Ларин счи-

тал, что «в них мы находим первую теоретическую работу по русской диалектологии» [Ларин 2010а: 21].

Лекции, подготовленные проф. Б. А. Лариным, представляют собой обработку ряда рукописей и черновиков Шахматова, посвященных вопросам русской (точнее восточнославянской) диалектологии. В те годы, когда готовилось издание материалов восточнославянской диалектологии, она как наука продолжала накапливать фактический материал, но еще не определила качественно новых направлений своего дальнейшего развития, находилась на пороге последующих открытий. В этих условиях большую ценность представляли не только историко-диалектологические идеи А. А. Шахматова, но и та классификация фактического материала, которая предлагалась в его лекциях.

Цель настоящей статьи — не оценка научных взглядов А. А. Шахматова, не дискуссия с ним Ларина в отдельных случаях, а представление книги без каких-либо комментариев как лингвистического наследия великих ученых.

Книга состоит из пяти глав. Глава I. Великорусская диалектология. Основные предпосылки. Глава II. Диалекты русского языка. Глава III. Диалекты украинского языка. Глава IV. Диалекты белорусского языка. Глава V. Русская историческая диалектология (предпосылки). Завершается книга А. А. Шахматова «Примечаниями» редактора Б. А. Ларина.

Все главы составлены Б. А. Лариным по рукописным материалам Архива Академии наук. «Ни одна из этих рукописей не содержит законченного курса или хотя бы законченной части курса — все обрывается на полуслове. А в некоторых частях рукописи все листы представляют конспективные заметки, схематические наброски. Только благодаря помощи дочери акад. Шахматова, С. А. Шахматовой-Коплан, прекрасно изучившей почерк отца, оказалось возможным предоставить читателям полный текст этих драгоценных для нас черновиков» [ibid.: 21]. «Добытую из рукописных россыпей книгу А. А. Шахматова можно назвать научным заветом дореволюционной русской диалектологии. Она отличается от предшествовавших ей общих курсов широтой замысла, громадным научным горизонтом, какой всегда должен быть у исследователя-теоретика, стремящегося к творческому синтезу в науке» [ibid.: 24].

Глава I. Великорусская диалектология — начало последнего читанного А. А. Шахматовым курса в 1919/1920 уч. г. (изложена в осеннем семестре 1919 г.).

Б. А. Ларин предполагает, что мысль об издании русской диалектологии явилась у Шахматова в 1910 г., когда он читал курс впервые, а затем пополнял его новыми фрагментарными набросками, новыми записями различных частей этого курса, а в 1919 г. он систематизировал вводную часть (I главы) «видимо, в намерении завершить наконец это многолетнее накопление» материала [Ларин 2010а: 23]. Эта глава посвящена понятию диалектологии, месту ее среди других наук, тесной связи диалектологии и этнографии. В этой же главе А. А. Шахматов останавливается на значении терминов язык — диалект — наречие — говор, употребляемых диалектологами и этнографами, а также на вопросе языкового единства (в прошлом) русского, украинского и белорусского языков.

Глава II. Диалекты русского языка. Черновые записи А. А. Шахматова этой главы относятся к 1915/1916 гг. Все заголовки обозначены самим ученым. В этой главе Шахматов пишет, что диалектология — «это предмет истории языка, ибо ни одно языковое явление не может быть научно изображено и объяснено вне сравнительно-исторического изучения. Диалектология изучает взаимные отношения сложившихся в пределах того или иного языка говоров, характеризует особенности этих говоров и анализирует их, если это возможно, с точки зрения их диалектного же происхождения. Таким образом, в изучение диалектологии необходимо вводится историко-сравнительный элемент» [Шахматов 2010: 60–61]. Далее автор очень подробно анализирует фонетические и морфологические особенности севернорусского, восточнорусского и южнорусского наречий. Заканчивается глава таблицей звуков русского языка и их транскрипцией.

А. А. Шахматов «на практике исследовал отдельно современный русский литературный язык и язык древнерусской письменности, диалекты на разных исторических этапах и в особых работах или экскурсах — историю украинского и белорусского языков. В этом его большая заслуга, неоспоримый прогресс в изучении восточнославянских языков» [Ларин 2010б: 7].

Глава III. Диалекты украинского языка. Эта глава также составлена по рукописям Архива АН, которые относятся к 1915/1916 гг. Черновые записи почти не обработаны А. А. Шахматовым, текст лекции полностью скомпонован Б. А. Лариным: и разбивка на параграфы, и заглавия параграфов. Здесь и территория распространения украинского языка, и основные признаки его (на основе фонетических данных), и характеристика украинских наречий. Б. А. Ларин приводит

также список научных трудов по украинскому языку и украинской диалектологии со своими комментариями.

Глава IV. Диалекты белорусского языка. Печатается по рукописи Архива АН, которая относится к 1909/1910 гг., эта глава была напечатана литографским способом студентами в 1912 г. в составе II тома «Лекций по истории русского языка». Глава построена на огромном фактическом (фонетическом) материале. Каждый факт подтверждается или географически с указанием уездов записи, или с указанием фамилий ученых, в трудах которых приводились иллюстрации диалектных особенностей говоров, вошедших в состав белорусского языка.

Глава V. Русская историческая диалектология (предпосылки). Эта часть является записью лекций, которые читал в Петербургском университете А. А. Шахматов в 1909/1910 гг. Эта часть книги также печатается по рукописи Архива АН. Однако часть записей была литографирована студентами в 1911 г. под руководством В. А. Крачковского.

Ученый начинает эти лекции с формулировки задач и планов курса исторической диалектологии. Он пишет: «Я имел в виду предложить вашему вниманию, с одной стороны, систематическое изложение всех тех данных, извлекаемых из изучения языка, которые могут послужить к пониманию исторических судеб русского народа, а с другой стороны, установление связи между дошедшими до нас историческими свидетельствами, относящимися к истории внешнего и внутреннего быта русского племени, и разнообразными явлениями в области русского языка» [Шахматов 2010: 108].

А. А. Шахматов формулирует далее подробно задачи курса следующим образом:

«1) выяснить процесс выделения русского племени из общеславянской семьи языков и рассмотреть вопрос о первоначальной истории русского племени;

2) проследить историю расселения древних русских племен, выделявшихся из одного общего племени;

3) изложить историю первого объединения распавшихся племен при образовании Киевского государства;

4) выяснить причины распада этой державы и проследить те новые группировки населения, которые вызывались тогда действовавшими причинами;

5) указать на этнографические основания и главные политические факторы, приведшие к созданию новых политических организаций в разных местах русской территории;

6) определить ход колонизации ближайших областей, проведенной государственной властью тех или иных политических организаций;

7) проследить историю роста Москвы и создания великорусского государства, определившего состав и границы великорусской народности;

8) изложить историю литовско-русского государства и установить его значение для образования белорусской народности;

9) углубиться в вопросы колонизационной политики Московского государства;

10) выяснить историю колонизационных движений малорусского племени.

При этом, разумеется, свидетельства языка должны быть ярко освещены и поставлены в тесную связь с прочими историческими свидетельствами [Ларин 2010б: 14].

Указав на то, что именно должно войти в состав исторической диалектологии, я должен предупредить вас, что представить это во всей желательной полноте мне не по силам» [Шахматов 2010: 114].

Б. А. Ларин пишет, что «акад. Шахматов выполнил около половины своей программы в первой черновой редакции курса и в ряде опубликованных работ (Введение в курс истории русского языка. Ч. I. Пг., 1916; Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919) [Ларин 2010б: 14].

Отдельные выводы Шахматова к этой главе содержат предположения о древнейших соотношениях индоевропейских диалектов. Многие из этих высказываний представлялись необоснованными и слишком смелыми в начале XX века, но сегодня в свете проведенных археологических исследований оказываются поразительно верными [см. Герд 2012: 3–13].

Б. А. Ларин во «Вступительной статье от редактора» к лекциям А. А. Шахматова пишет о значении этой книги, ее предназначении: «Все эти страницы книги имеют документально-историческую ценность, как показания зоркого наблюдателя и проницательного исследователя-современника, но и относиться к ним надо как к историческим документам. Едва ли можно такую книгу дать в руки совершенно неискушенному, начинающему занятию диалектологией читателю. Книга отличается насыщенностью, лаконичностью изложения, в ней виден расчет автора на хорошо подготовленного читателя. Книга эта предназначается не столько для студентов, сколько для аспирантов и преподавателей вузов. Студентам, специализирующимся по языкозна-

нию, следует рекомендовать эту книгу как ценное пособие, но массовым учебником она служить не может» [Ларин 2010а: 23].

Знакомство любого читателя с лекциями акад. А. А. Шахматова позволяет заглянуть в его творческую лабораторию, проследить за развитием его мыслей, всегда подтвержденных многочисленными фактами, отметить уважение к ученым, отечественным и зарубежным, занимавшимся и занимающимся этими же вопросами.

Замечательно написал об этом В. В. Виноградов в 1922 г.: «И вот вся эта грандиозная работа гениального исследователя — на лекциях *воспроизводилась перед аудиторией* [курсив мой — И. Л.] А. А. [Шахматов] раскрывал перед своими слушателями систему исторического развития русского языка, вводя их в самый процесс своей творческой работы, уча их острому и четкому анализу сложного лингвистического материала и на их глазах освобождая его от противоречий силою широкой дедукции. Стиль его курсов был чрезвычайно точен, меток и лаконичен. Мысль двигалась, не останавливаясь. Не всем по силам было, особенно в начале, следить за этим планомерным, неустанным движением открывающей новые горизонты мысли. И наука А. А. Шахматова не была наукой для всех. Но те, кто с усилием подымался на такую высоту, чтобы деятельно созерцать эту воспроизводимую перед ним непрестанную победу гениального творящего ума над хаосом фактов, с неотрывным вниманием следили за ней и посылно усваивали не только содержание, но и самые приемы лингвистических исследований А. А. [Шахматова]» [Виноградов 2014 [1922]: 23–24].

Литература

Виноградов В. В. Алексей Алексеевич Шахматов // Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика А. А. Шахматова. СПб., 2014. [Петроград, 1922].

Герд А. С. «Русская диалектология» А. А. Шахматова — наши задачи и наши возможности // Севернорусские говоры. 2012. Вып. 12. С. 3–13.

Ларин Б. А. От редактора // Шахматов А. А. Русская диалектология. Лекции. СПб., 2010а.

Ларин Б. А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи // Шахматов А. А. Русская диалектология. Лекции. СПб., 2010б.

Ларин Б. А. Очерки истории языка // Ученые записки ЛГУ им. А. А. Жданова. 1960. № 267. Сер. Филологические науки. Вып. 52. С. 3–16.

Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

Михайлова Любовь Петровна

Петрозаводский государственный университет
Россия, г. Петрозаводск

Лексика заонежских сказок в записях А. А. Шахматова и материалы Словаря русских народных говоров (сходство и различие)¹

Фольклорное наследие А. А. Шахматова, в котором представлены уникальные сведения о состоянии русской народной речевой культуры и поэтического творчества конца XIX в., не в полной мере использовано в трудах по диалектной лексикографии. В поездках по Олонецкой губернии ученый записал 71 сказку в нескольких населенных пунктах [см. ФН], входящих в историко-культурную зону Заонежье. Карта этой зоны представлена в работе И. И. Муллонен [Муллонен 2008: 9]. Отметим как существенный тот факт, что «в отношении точности фиксации звука записям Шахматова нет равных в фольклористике» [ФН: 15]. Данное положение относится, естественно, и к местной лексике, которая часто сопровождается комментариями рассказчика или замечаниями самого А. А. Шахматова.

В текстах заонежских сказок, зафиксированных А. А. Шахматовым, содержатся слова, по-разному соотносящиеся с материалами Словаря русских народных говоров (СРНГ). Используя тексты, помещенные в указанном издании [ФН], выделим основные группы диалектных слов, отмечая при каждой лексической единице страницы ФН. Отметим, что А. А. Шахматов ставил ударения не в каждом слове, поэтому в используемых примерах соблюдена авторская запись. После иллюстрации в скобках указываем название сказки, населенный пункт, где она записана, сокращенное обозначение волости или уезда.

1. Значительная часть сопоставляемой диалектной лексики совпадает и имеет в СРНГ ссылку на «Северные сказки» Н. Е. Ончукова. Ограничимся некоторыми примерами: зябель 'холод, стужа, мороз' 118, складовить 'скопить, собрать что-л.' 116, наверёхнуть 'наложить чего-л. много, с избытком, верхом' 122, обзыянить 'причинить вред, испортить' 138; опяхать 'сразу съесть, слопать' 120; навесить (ужин, уху) 'ставить в

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

печь, на плиту (суп и т.п.)' 132–133, перепасть 'испугаться' 140, натущать 'предугадать накликасть что-л. (словами, разговорами)' 223.

2. Имеются слова, требующие уточнения семантики в сравнении со сведениями СРНГ.

Вьюноши 'детеныши животного': «И ён шоў, шоў, паў в яму, ёго там вьюноши (змеины) одва не заклёвали. Вдруг мать налетела, одва ёго не сјила. Вьюноши зарыцяли, што маменька не трожь, он нас спас» («Иван Ветрович», д. Илемская Сельга Кондоп.) 122; ср. вью'ноша 'юноша' Олон., Холмог. Арх., Волог., Перм., Барнаул. Том., вью'нош с более широкой географией [СРНГ 6: 68].

Корчить: «Хто круг озерка может обежать, того не корчить [сушить, опутать веревками], а хто не может обежать, того корчить. <...> Хто, скае, може эту лопату сдынуть, того, скае, не корчить, а хто не може, того и корчить» («Копыл, рогожа, лопата», д. Лижма Кондоп.) 129. В словарной части комментария В. И. Ереминой представлено слово ко'рчить в значениях 'мутить воду, опутывать веревками' [ФН: 739], которые не соотносятся с содержанием указанной сказки. В СРНГ данное слово не фиксируется, видимо, по той причине, что литературному языку известен оттенок значения при безличном употреблении глагола корчить — 'причинять неприятное ощущение, коробить' [БАС 5: 1482]. Приведенные иллюстрации могут свидетельствовать об особом значении данного слова, характерного для заонежских говоров.

Съёкнуть: «Потом пришоў да взяў и весь по́толок съёкнуў (срониў) на них» («ЦПолесник и разбойники», д. Илемская Сельга Кондоп.) 112; ср. съёкнуть 'упасть вниз, обрушиться' Онеж. Арх. [СРНГ 43: 114]. Как показывает контекст сказки, в Заонежье данное слово имеет значение 'обрушить, обвалить'.

Полянка 'небольшое ржаное поле вдали от селения': «Потом она пошла на полянку жать. Приходит и говорит: "Эту полянку сиводни выжну, эту завтра, а эту послезавтра", и сама спать ложитца» («Я, аль не я?», д. Лижма Кондоп.) 131. Среди конкретных предметных значений слова поля'нка при основном 'пашня (вдали от селения, за полями)' [СРНГ 29: 190], представленных в СРНГ, указанное выше с ориентацией на содержание сказки отсутствует. В СРНГ не отмечена и соответствующая география. Слово поля'нка 'маленькое поле, где сеяли злаки, чаще рожь' известно современным медвежьегорским и вытегорским говорам [СРГК 5: 70].

Пыльник: «Ригацник хватит пыльник (камень в ригаче), да ёго этим пыльником, давай с ним возиться» («Чернокнижник», д. Илем-

ская Сельга Кондоп.) 127, ср. пѣльник ‘верхняя часть свода русской печи’ Арх., Ончуков. Олон. [СРНГ 33: 192]. В сказке, надо полагать, речь идет о одном из камней, из которых сложена печь-каменка в овине, являющемся составной частью риги (ригачи).

3. Представлена и лексика, не отраженная в СРНГ.

Грабленник ‘человек, сгребаящий сено’: «Попадаются ему грабленники с граблями, и ён и говорит: “Грабленники, я вас съем.” <...> Ну, да съеѹ» («Обжора», д. Великая губа Петрозав.) 222. Данное слово известно современным медвежьегорским, пудожским и вытегорским говорам [СРГК 1: 386].

Разлиться ‘распаяться’: «Ну, на, матушка, этот перстень, когда этот перстень розолиется, тогда меня живого не буде» («Иван Ветрович», д. Илемская Сельга Кондоп.) 121. Именно указанное значение подтверждается контекстом, отражающим гибель героя сказки: «Матери перстень распайѹся» [ibid.] 122. В СРНГ данное значение у лексемы *разлиться* не отмечено.

4. Существенным является вопрос использования вариантов общеизвестных слов, имеющих в записях А. А. Шахматова, и включения их в СРНГ.

4.1. Лексические единицы, отличающиеся начальным согласным, в частности, наличием звука [j] на месте [г’]: етара ‘гитара’: «Взяѹ етару, заиграѹ, ёна расплесалась» («Иван Ветрович», д. Илемская Сельга Кондоп.) 121. На наш взгляд, такие слова следует включать в общерусский дифференциальный словарь как особые региональные лексикализованные произносительные варианты. Надо иметь в виду, что подобные лексемы — с начальным звуком [г] и без него — отражены в СРНГ, ср.: итѹн ‘украшение из бисера или с бисером’ Перемыш. Калуж. [СРНГ 12: 272] и гитѹн ‘женское украшение’ Перемыш. Калуж., Нижнедев. Ворон., ‘шнурок; гайтан’ Ворон., Тул., Курск., Орл., Ряз., Калуж. [СРНГ 6: 175]. В паре итан — гитан наблюдается утрата t-анлаута: ta- > a- [Михайлова 2013: 167], а именно звонкого взрывного звука [г], что может быть объяснено влиянием прибалтийско-финских языков, унаследовавших такую особенность финно-угорского лексического фонда, как отсутствие звонких согласных в абсолютном начале слова [Лыткин 1974: 125]. Надо полагать, и в варианте етара реализуется тенденция освобождения от начального звонкого согласного.

4.2. Москинка ‘половица’: «будет ёна’ стоять на одной моськинки, плакать буде горько» («Демьян и Кузьма», д. Верхне-Задняя Кондоп.) 85; москиночка ‘мостиночка, дощечка’ [ФН: 741]: «Све’л ёго в место тѣмное,

внизу ад окромешный, постави на одну москиночку его (Демьяна), москиночка колыбаецця, там стон, там крык, шум большой».

В разных диалектных словарях, включая СРНГ, приводится значительное количество слов, отражающих мену звуков [к'] и [т']: кеплúшка 'телогрэйка' [СРНГ 13: 182], кёсно 'тесно', кёсный 'тесный', кесóвый 'тесовый', кёсто, кесть 'тесть', кёстяник 'горшок для размешивания теста', кесьмá 'тесьма', кетивá 'тетива', кетрáдка, кетрáдь 'тетрадь', кеáтр, кибитёйка 'тюбетейка', кíхо 'тихо' [СРНГ 13: 190–194, 244]; тíпка 'кисть цветов, гроздь ягод' Петрозав. Олон. [СРНГ 44: 131], ср. кíпка 'гроздь' Медв., Пуд., Прион., Выт. [СРГК 2: 347].

Переход к' > т' перед гласными переднего ряда относится к явлениям исторического периода, известен по памятникам письменности [Зализняк 1995: 75; Соколова 1962: 75]. В русских говорах возможны взаимные замены, в частности, при усвоении прибалтийско-финской лексики (Мызников 2004: 348). Существенно замечание М. А. Соколовой о том, что подобная замена «шире всего проявлялась в заимствованной лексике, где не было четких критериев ее звучания, вызывала и обратное явление, а именно: т и д заменялись звуками к и г» [Соколова 1962: 75].

4.3. Начевать 'ночевать': «Шла, щла, опеть вецер приходит, опеть на ноцьлег. “Пуститя-ко ночёвать”. — “Ну, начуй, ноцьлегу с собо́й не нося, ночуй” <...> Ну, идёт опеть, день к ве́церу, и на ночлег опеть походит: “Пуститя-тко начевать”. — “А начуй ладно, начлегу с собо́й не нося”. <...> Вечер приходит, што и ночевать. Приходит на ноцьлег. “Пуститя-тко ночевать”. — “Ну, начуй, ночлегу с собо́й не нося”» («По лаптю курё, по куряте гусё», д. Великая Губа Петрозав.) 214. В тексте сказки постоянно чередуются варианты ночевать и начевать, что, по всей вероятности, говорит о фонетической вариантности, о неустойчивости формы с ударным гласным -á- даже в речи одного диалектоносителя, ее несамостоятельности.

Перенос ударения на первый слог А. А. Шахматов объяснял влиянием карельского языка: «В Петрозаводском и Повенецком уездах под карельским влиянием произошел перенос ударения с конца слова на его начало (то́пор, о́кно, го́ворить, му́жик, мо́лодой), а местами с таким переносом связывается изменение гласных е и о, перенесших на себя ударение, в дифтонги еа, оа, чуждые вообще русскому языку, но свойственные карельскому, вместо чего дальше и просто а (неáсу, по́апа, тоáпор, ня́су, па́па, та́пор)» [Шахматов 2010: 35].

4.4. Прўстить ‘простить’: «Брат х первой вины ю прустил (сёстру), ёна на другой день взяла, жерепыця убмла невеска, ну и брат в другой вины простиў» («Оклеветанная сестра», д. Тавой-гора Кондоп.) 106.

4.5. Лядётъ ‘глядеть’: «Придёт. Ну, придёт, говорит, и всяких кушаньёв нанесёт. Ляди, ну, смотри, говорит, идёт» («Попадья, дьчок и работник», Кондопога) 94. В данном случае представлено упрощение начальной группы согласных под влиянием прибалтийско-финских языков, в которых, как и в других финно-угорских, отсутствует скопление согласных в начале слова [Лыткин 1974: 119]. Подобное явление наблюдается в родственном слове: Лянутъся ‘нравиться’ Добрян. Перм. [СРНГ 17: 278], ср. глянуться ‘понравиться’ Белом. Карел. [СРГК 1: 344].

5. В некоторых статьях СРНГ не содержится сведений XIX в., подаются лишь позднейшие данные.

Тестяник: «Досюль ходиў заонежской мужик тестяник, по городу ходиў» («Смел да удал», д. Горки Кондоп.) 166, ср. тятенник ‘прозвище жителя Заонежья’ Медвежьегор. Карел. [СРНГ 46: 103].

В СРНГ приводится Русёя ‘Россия’, но не представлен вариант Русия в том же значении: «Ах ты, добрый человек, есть в Руси добрый человек, Иван Ветровиць, вот порён да силён» («Иван Ветровиць». д. Илемская Сельга Кондоп.) 121.

6. Словарные статьи СРНГ могут быть дополнены и значительно обогащены сочетаниями, употребляемыми в текстах заонежских сказок. Например, русский следует поместить такие фразеологические сочетания, как русский комар, русская муха ‘о слабой степени удара, укуса’: «Ну, ён пришоў к этому дедушкиному дому, взяў курик <...> удариў как куриком в спину. Он скае: “Как руський комар кусиў”». Другой раз удариў: “Как руська муха кусила”. Третий раз удариў: “Как руський комар кусиў” — Ну, ...» («Иван Ветровиць». д. Илемская Сельга Кондоп.) 122.

Герой сказки, оказавшийся в глубокой яме, из которой нет возможности выбраться, просит помочь ему — вынести в Россию ‘поднять наверх (из глубины)’: «Топерь мни ничего, скае, не надо, только, скае, В Россию вынеси меня» («Иван Ветровиць». д. Илемская Сельга Кондоп.) 122. По семантике данное выражение в некоторой степени близко к фразеологической единице выйти на Русь ‘родиться, появиться на свет’ Соликам. Перм., представленной в статье Русь ‘белый свет, мир’ [СРНГ 35: 273]. Материалы А. А. Шахматова дополняют

сведения об этнонимах Русь и Россия, употребляемых во фразеологических сочетаниях.

7. Уточнения могут касаться семантики и морфологической характеристики одновременно.

Подполосок 'конец сенокосного участка, полосы, луга': «Тебя бы, скае, с подполоска хоть вынеси бы, а ты не слышишь» («Я, аль не я?» Лижма Кондоп.) 132. В указанном значении слово подполо'сок дается с пометой Олон. со ссылкой 1852 г. и на Даля [СРНГ 28: 143].

Тятева, ж. 'одно из двух наклонных бревен крыльца, в которые крепятся ступени лестницы': «Пришоў домой, к ступеням да и хрястнуў о тя'тиву (боковые стороны), и сам побежал к начальству» («Пантелей», Великая Губа Петрозав.) 224. В СРНГ данное значение отмечено у лексемы тятево, с. (среднего рода) с пометами Олон., Медвежьегор. Карелия, но при лексеме тя'тева, ж. (женского рода) данное значение отсутствует [СРНГ 46: 104].

Лексема *ростеть* зафиксирована в СРНГ с пометами Волог. Волог. 1947, без указания значения [СРНГ 35: 196], ср. в записях А. А. Шахматова: *ростеть* 'расти': «Ну, и посадила, закопала там в землю под окно, ну и стал *ростеть* сад» («Одноглазка, двуглазка и треглазка», Великая губа Петрозав.) 219. Данное слово известно современным говорам Карелии: *Ростеть* 'расти, развиваться': «Ну, а потом дочка стала *ростеть*». Медв. [СРГК 5: 565].

8. Уточнение географии слова. Отражено употребление звука [з] на месте [ж]: рогоза 'рогожа': «Ну, приходит к озёрку, сидит у озёрка старик, рогозу поўстит старик» («Копыл, рогожа, лопата», д. Лижма Кондоп.) 129. В дополнение к широкой географии данного слова может быть указан. Кондопожский район Карелии (Кондоп.) для уточнения и конкретизации помет «Олон.» и «КАССР» [СРНГ 35: 126].

Приведенные сведения составляют лишь небольшую часть лексического материала исследуемых текстов. В итоге подчеркнем необходимость более полного использования текстов А. А. Шахматова при переиздании СРНГ.

Литература

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.–Л., 1948–1965.

Еремина В. И. Шахматов. Страницы жизни // Фольклорное наследие А. А. Шахматова / подготовка текстов, вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2005. С. 3–61.

- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Лыткин В. И.* Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 108–213.
- Михайлова Л. П.* Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск–М., 2013.
- Муллонен И. И.* Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.
- Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.
- Соколова М. А.* Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–46. М.–Л./СПб., 1965–2013.
- ФН — Фольклорное наследие А. А. Шахматова / подготовка текстов, вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2005. С. 73–224.
- Шахматов А. А.* Русская диалектология: лекции / под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб., 2010.

О микроареальном диалектном членении говоров Верхнего Прикамья в свете идей А. А. Шахматова¹

Инициированная А. А. Шахматовым и составленная в 1914 году Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым «Диалектологическая карта русского языка в Европе» [Опыт диалектологической карты... 1915] является наглядным отражением позиций самого А. А. Шахматова. Так, вышедшие в 1915–1916 гг. «Очерк древнейшего периода истории русского языка» и первая часть «Введения в курс истории русского языка» А. А. Шахматова, в которых подробно разъясняется генезис русских наречий, могут рассматриваться как историко-лингвистический комментарий к карте. Например, на карте мы видим границы между территориями распространения северновеликорусских и южновеликорусских говоров, частично проходящие по бассейну среднего течения Оки, что в какой-то мере согласуется с идеями А. А. Шахматова [Шахматов 1916: 35–36], для которого этот регион во многом был ключевым. Согласно наблюдениям А. А. Шахматова, в Поочье некогда жили «финские племена», радимичи, позже их сменили вятичи [ibid.: 101] и восточные кривичи [ibid.: 111], что, разумеется, повлияло на установление именно тех границ русских говоров, которые и отражены на карте.

«Опыт диалектологической карты русского языка» также впервые в отечественном языкознании развивает идею зоны вибрации², отображая различные типы переходных говоров, образовавшихся между диалектными группами русского языка [Опыт диалектологической карты... 1915: 1–3; карта]³.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта («Финно-угорский субстрат в топонимии и русских говорах Верхнего и Среднего Прикамья»), проект № 13-34-01018 (a1).

² Мы ни в коей мере не умаляем несомненных заслуг И. Шмидта, Г. Шухардта, Г. Веенкера Ж. Жильерона, М. Бартоли в развитии ключевых понятий лингвогеографии и, в частности, данного понятия. Понятие «зоны вибрации», по-видимому, было введено В. М. Жирмунским (например, см.: [Жирмунский 1954]).

³ Впрочем, это заслуга не столько А. А. Шахматова, сколько Н. Н. Соколова, на русском материале давшего определение переходных и смешанных говоров [Соколов 1908: 1–6] (цит. по: [Никитин 2002: 96]), и Н. Н. Дурново, изложившего теорию переходных говоров [Дурново 1917: 1–13] и прямо назвавшего средневеликорусские говоры переходными «между северновеликорусским и южновеликорусским наречиями» [ibid.: 9].

Кроме всего прочего, рассматриваемая карта примечательна тем, что отражает ареалы нерусского населения среди русского и наоборот. В исследуемом нами Верхнем Прикамье в пределах Пермской губернии на русскоязычном «фоне» выделены три островка иноязычного населения. Очевидно, островок в Камско-Косинском поречье репрезентирует территорию распространения северного наречия коми-пермяцкого языка, островок в южной части бассейна Иньвы представляет собой ареал южных коми-пермяков, а участок к северо-востоку от Соликамска показывает нам область былого распространения коми-язьвинского наречия.

Любопытно проследить, как изменилась лингвоэтническая ситуация в указанном регионе за прошедшее столетие. Границы распространения северных и южных коми-пермяков практически остались неизменными, в то время как ареал коми-язьвинского этноса сильно сократился. Это подтверждается материалами лингвистики (В. И. Лыткин, Р. М. Баталова, Р. Бартенс и др.), истории, этнографии (Г. Н. Чагин, А. В. Черных и др.), а также демографической статистики: если по данным переписи 1926 г. в пределах бассейна камской Вишеры «пермяками» по языку (т. е. носителями коми-язьвинского наречия) записались 3163 человека, то по переписи 2002 г. таковых осталось не более 900 человек [Народы Пермского края... 2010: 93]. По личным наблюдениям современной финской исследовательницы Р. Бартенс, коми-язьвинским наречием на рубеже тысячелетий владело и того меньше — всего лишь несколько десятков человек старшего поколения [Bartens 2000: 32]¹. По другим данным, «численность коми-язьвинцев в Пермском крае составляет около 2,5 тыс.» (без указания количества владеющих родным языком) [Чагин, Шестакова 2008: 103].

¹ Хочется надеяться, что эти пессимистичные цифры сильно занижены. Напомним, что в итоговом отчёте последней Всероссийской переписи населения, проводившейся в 2010 году, коми-язьвинцы ни по национальной принадлежности, ни по владению языком не дифференцированы от коми-пермяков, что не позволяет судить об их численности. При этом отдельными исследователями постулируется, что наречие язьвинских пермяков по целому ряду лингвистических особенностей не вполне корректно считается наречием коми-пермяцкого языка и заслуживает статуса отдельного языка (см. работы В. И. Лыткина, В. К. Кельмакова, Ш. Чуча, Г. Н. Чагина и др.). Возможно, причина подобного неразличения, кроме административных удобств, кроется также в неудачно сконструированном этнониме, который чужд носителям язьвинского идиома: «Мы в родном языке называемся пермяками, а теперь нас зовут и записывают коми-язьвинцами. Это сделано искусственно <...> лучше нас называть пермяками язьвинскими, так как мы это название лучше принимаем» [Чагин, Шестакова 2008: 103]. О введении в научный обиход искусственных этнонимов («коми-зыряне», «коми-пермяки», «коми-язьвинцы», «коми-зюдинцы» в 1920-е годы подробнее см.: [Баталова 2002: 133–134].

Развивая тезис А. А. Шахматова о том, что «даже в тесных границах волости и прихода язык вообще не представляет полного единства»¹ [Шахматов 1915: IV], предпримем далее попытку микроареального диалектного членения современных русских говоров Верхнего Прикамья на материале лексики и отчасти фонетики. На основе лингвистических данных в Верхнем Прикамье можно выделить внутрорегиональные микроареалы, сложившиеся в результате продолжительного заселения и освоения этого региона с XV в. носителями различных русских говоров, а также последующей ассимиляции ими автохтонного финно-угорского населения.

С одной стороны, выделяются микроареалы, обусловленные «точечным» заселением относительно изолированных территорий Верхнего Прикамья крестьянскими общинами, прибывавшими из отдельных регионов Северо-Запада, Подвинья, Поморья, Вятчины.

К примеру, в Юрлинском районе бывшего Коми-Пермяцкого автономного округа существует компактный куст деревень, заселённых русскими, которых к данному моменту принято считать отдельной этнографической группой в иноэтническом окружении — юрлинцами [СРГКП: 11–14]. Известно, что этот изначально населённый коми-пермяками край стал осваиваться русскими в XVII в. и что первыми на этих землях обосновались русские родом с Вологодского края и окрестностей Койгородка Вятской губернии (ныне — на территории Афанасьевского района Кировской области). Позже сюда переселились старообрядцы из Поволжья. Говоры Юрлинского района отличаются бытованием следующих уникальных, судя по имеющимся диалектным словарям, лексем: *áрик* ‘мелкая речная рыба; то же, что аржан, аргыш’²; *бéнгать* ‘ударять со звоном, бить’; *бóбгать* ‘ворчать, недовольно бормотать’; *бóньгать* ‘говорить возмущаясь’; *бори́ть* безл. ‘идти мелкому дождю’; *бры́днуть* ‘дать, добавить, подложить’; *брю́ньги* ‘о нестройных, беспорядочных звуках’; *ва́дера* ‘о грубом человеке’; *ва́чканы* ‘тумаки, побои’; *веза́нка* ‘крестная мать; то же, что вежанька’; *во́хлить* ‘говорить’; *вы́ргать* ‘каркать’; *го́лбеиный* ‘пожилой, очень старый’; *го́ргать* ‘греть’; *гы́жнуть* ‘разбросать с шумом в разные стороны’; ‘пройти дождю’; *дже́лька* ‘молодая овца’; *э́ргать* ‘скрипеть’; *зату́нгать*

¹ А. А. Шахматов чуть позже углубил эту мысль: «Перед нами, таким образом, в настоящее время множество различных друг от друга русских *индивидуальных* языков: их столько же, сколько индивидуумов, говорящих по-русски» [Шахматов 1916: 7].

² Здесь и далее в абзаце приводятся материалы из СРГКП с сохранением словарных дефиниций источника.

безл. ‘заморозить, сделать твердым’; *заузыма́ть* ‘поддаться сну, задремать’; *кани́юшка* ‘зонтичное растение’; *клéнгатъ*, *клéньгатъ* ‘находиться в постоянной занятости, в тяжелой работе’; *кны́чить* ‘болеть’; *крь́жить* ‘гулять, искать самца (о собаке)’ и мн. др.

Подобными изолированными группами русских с уникальной историей их формирования и уникальными языковыми особенностями являются гайнско-косинская группа русских, группа русского горно-заводского населения в Юсьвинском районе, группа русских Камско-Колвинского междуречья и т. д. Установлено, в частности, что русские говоры севера Пермского края дробятся на пять групп: гайнские, нижневишерско-колвинские, юрлинские, соликамские, вишерско-язвенские [СРГСПК: 16].

С другой стороны, несколько смежных или даже частично пересекающихся микроареалов внутри Верхнего Прикамья образует финно-угорский субстрат. Выделяются такие субстратные типы, как северо-коми-пермяцкий, южно-коми-пермяцкий, западно-мансийский, причём последний в свою очередь также чётко дифференцируется на северный и южный. Например, исключительно в ареале северо-коми-пермяцкого субстратного типа распространены такие лексемы, как *ла́бда* ‘крутой отвесный берег, подмываемый рекой’, *оль* ‘редкий невысокий лес, чаще чернолесье (ель, пихта), реже березник на низких сырых местах’, *урдым* ‘неширокая лесная дорога для вывозки леса’, *чурк*, *чурок* ‘невысокое скалистое возвышение’ и др. Все эти слова встречены в русских говорах относительно компактной территории в Колвинско-Вишерском поречье и не находят прямых соответствий с материалом живых коми-пермяцких говоров, хотя их коми происхождение неоспоримо. Таким образом, на основе субстратных лексических данных, имеющих чёткие границы, можно очерчивать диалектные микроареалы, сложившиеся в определённых лингвоэтнических условиях.

Подобными дифференцирующими лингвогеографическими критериями могут служить данные фонетики. Выявлено, к примеру, что особые фонетические особенности, характеризующие верхневишерские русские говоры, являются результатом непосредственного влияния мансийских говоров. К таким особенностям относятся: 1) мена [с] на [s], 2) произнесение сочетания «мягкий переднеязычный согласный + гласный непереднего ряда» как «долгий мягкий переднеязычный согласный + гласный непереднего ряда», напр., *бра[t':]а*, 3) произнесение сочетания «мягкий губной согласный + гласный не-

переднего ряда» как «губной согласный + /j/ + гласный непереднего ряда», напр., *жерѣб[jo]нок, роб[ja]та* и др. [Ерофеева 2013: 10]. При этом в верхневишерских говорах отсутствует повсеместно представленное в русских говорах Верхнего Прикамья произнесение т. н. средневропейского [ɹ] вместо обычного русского веляризованного [ʁ], что и полагается фонетической чертой, обусловленной коми-пермяцким влиянием. Иначе, такие особенности верхневишерских говоров, как субституция глухого велярного фрикативного [x] глухим велярным плозивным [k] (широко распространённая в русских говорах Верхнего Прикамья) и наличие сверхмягких (или шепелявых) [sʷ] и [zʷ] не могут считаться дифференцирующими при идентификации субстрата, так как они присущи и коми, и мансийским говорам.

В отдельных случаях видны ареалы субстратных финно-угорских диалектов и зоны пересечения лексических изоглосс. Так, в упомянутом Верхнем Привышерьѣ на более ранний мансийский субстратный тип с запада наложился более поздний (северо-)коми(-пермяцкий) субстратный тип (подробнее см.: [Гайдамашко 2014: 348–354; карта 2]). Иными словами, проявляющийся в русских говорах Прикамья коми субстрат в отдельных ареалах содержит в своём составе мансийский субсубстрат.

Таким образом, зная дифференцирующие лингвистические особенности, отличающие тот или иной микроареал, а также лингвоэтнические условия, в которых сложились эти особенности, возможно проводить границы между отдельными говорами, что, безусловно, имеет определённую ценность в лингвогеографической практике, историко-лингвистических и этимологических штудиях.

Литература

Баталова Р. М. О месте языка коми-язьвинцев в структуре пермских языков // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. И. В. Тараканов. Ижевск, 2002. С. 131–139.

Гайдамашко Р. В. Ландшафтная лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014.

Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. № 9 / Отв. ред. В. В. Виноградов. М., 1956.

Дурново Н. Н. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1. Южновеликорусское наречие. Вып. 1. М., 1917. (Труды

Московской диалектологической комиссии / Под ред. Д. Н. Ушакова. Вып. 6).

Ерофеева Е. В. Языковая ситуация Пермского края: особенности русской спонтанной речи и методы исследования // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3 (23). С. 7–16.

Жирмунский В. М. О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 3–25.

Народы Пермского края: Истоки. Становление. Развитие : научно-популярная энциклопедия / Отв. ред. С. В. Неганов; науч. ред. А. В. Черных. Пермь, 2010.

Никитин О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (Неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 91–102.

Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии / сост. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. М.: Синод. тип., 1915. // Труды Московской диалектологической комиссии / Под ред. Д. Н. Ушакова. Вып. 5.

СРГКП — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа [науч. ред. И. А. Подюков]. Пермь, 2006.

СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края: Вып. 1. А–В / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011.

Чагин Г. Н., Шестакова Е. Н. Современная социокультурная среда язынцев // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2008. Вып. 7 (23). С. 103–114.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1915. (Энциклопедия славянской филологии / Под ред. И. В. Ягича. Вып. 11.1).

Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племён и наречий. Пг., 1916.

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 372 s. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 238).

Региональная стратификация русского языка на картах лексического атласа самарских говоров

Самарские говоры относятся к числу переселенческих, и, как многие средневожские говоры, они отличаются своей разнотипностью, разновременностью образования и широкими возможностями варьирования под воздействием различных факторов. На территории Самарской области наблюдаются говоры окающие и акающие. Окающие говоры характеризуются однородностью: все они относятся к Владимирско-поволжскому типу. Согласно современной классификации, это среднерусские окающие говоры. Акающие говоры, напротив, неоднородны. Значительную часть их составляют говоры среднерусские, которые имеют сходство с восточными среднерусскими акающими говорами центральной России, кроме того, некоторые из них сформировались уже на самарской земле на основе южнорусских говоров. Спецификой самарских среднерусских акающих говоров является то, что они оказываются не только монодиалектными, но и полидиалектными. Местные южнорусские говоры тоже часто полидиалектны, и для речи представителей их традиционной части характерно сохранение исходных черт материнских говоров.

В лингвогеографическом аспекте самарские говоры изучены мало, хотя их исследование непрерывно ведется с конца 30-х годов XX века. Карты опубликованных региональных атласов [Баранникова 2000; Зиброва, Барабина 2009] дают довольно полное представление о фонетических и морфологических диалектных особенностях самарских говоров, а вот лексические особенности картографированы фрагментарно. На сегодняшний день единственным доступным источником сведений о лексике самарских говоров может служить вышедший в свет в авторской редакции Л. И. Баранниковой «Атлас говоров Среднего и Нижнего Поволжья», из 39 карт которого лексике посвящено лишь 17. Приходится констатировать, что комплексного лингвогеографического описания нашей территории мы пока не имеем, несмотря на то, что в результате многолетних регулярных экспедиционных обследований накоплен значительный материал. Наиболее остро стоит проблема системного описания диалектной лексики.

Лексический уровень языка долгое время вообще не принимался во внимание при определении ареальной и типологической характеристики говоров, очевидно, в силу недостаточности сведений. Это отмечается ведущими диалектологами до сих пор: «На сегодняшний день мы не располагаем информацией не только об ареалах многих диалектных слов (особенно об их семантической структуре), но и о самом их инвентаре: «из общего количества известных по областным картотекам и словарям диалектных слов (около 250 тыс.) изоглоссы определены едва ли не для 1% (карты ДАРЯ и некоторые другие источники)» (ЛАРНГ. Проект, 1994, 5)» [Вендина 2013: 108]. Думается, это и есть первопричина отсутствия всеобщего лексического атласа и фрагментарности сведений о словаре самарских говоров, представленных в опубликованных трудах и атласах. Нельзя не отметить также, что определение географии диалектных слов связано с рядом проблем, обусловленных прежде всего спецификой объекта картографирования.

В последние десятилетия лексика находится в фокусе особого внимания диалектологов, и импульсом в первую очередь является планомерная и масштабная работа по проекту «Лексический атлас русских народных говоров», в которой принимают участие самарские вузы. О плодотворности лингвогеографического изучения диалектной лексики свидетельствуют богатые материалы ежегодных совещаний по ЛАРНГ. Особую ценность имеют лингвогеографические исследования, авторы которых успешно используют ареальную характеристику диалектного слова в качестве самостоятельного критерия при определении специфики диалектного ареала и внутрдиалектного членения переселенческих говоров [Кудряшова 1998; Здобнова 2004; Долгушев 2006; Ганцовская 2008].

Теоретическое осмысление результатов лингвогеографического изучения нашей территории и проверка методики ареально-типологической характеристики лексических данных, функционально значимых для нашей территории, определило содержание нашей работы, проводимой в рамках научного проекта «Лексический атлас самарских говоров».

Электронные версии карт «Лексического атласа самарских говоров» охватывают значительную часть архивных полевых материалов по темам «Материальная культура», «Животный мир», «Полеводство и овощеводство», «Природные явления», «Свадьба» и др. (подготовлено уже более 40 карт). Преобладающая часть картографированных лексических материалов собрана экспедиционным путем в 30-90-е гг. XX в., и мы посчитали своим долгом сохранить для истории языка прежде всего

эти материалы, отчасти дополнив их новейшими сведениями, собранными в последние годы по специальной программе ЛАРНГ.

Материалы по лексике, отраженные на картах самарского регионального атласа, дали возможность представить пространственную стратификацию русского языка на одной из территорий бытования диалектов, известной своими разнообразными межъязыковыми контактами.

Лексико-семантическая система самарских говоров представлена в основном сложными многочленными оппозициями, в составе которых выделяются общеупотребительные (общенародные) и диалектные слова. Основу этой системы образуют общенародные слова (*ухват, квашня, сковородник, брезговать, кукушка, медведь, петух, усадьба, льдина, говорить, просватать* и под.), на фоне которых выделяются диалектные лексемы (*рогач, дежа, чапельник, гребовать, пустушка, ведмедь, кочет, позьмо, баять, пропить невесту*).

Из числа диалектных лексем выделяются отдельные слова, которые на нашей территории имеют полярную диалектную приуроченность и образуют ареалы. Ареалы этих лексем дополняют общую картину противопоставления северной, центральной и южной части области, составленную на основе лингвогеографического изучения фонетических и морфологических диалектных особенностей.

На уровне фонетики и морфологии к числу основных типологических характеристик самарских говоров относятся следующие: в окающих и в акающих среднерусских с севернорусской основой говорах — сохранение «этимологического» *a* в предупредном вокализме после мягких согласных (*пятёрка, гляди*), твердые *ч* и *шш*, стяжение, *e* в формах местоимений (*оне, моих, твоими*); в южнорусских и в образованных на их основе среднерусских говорах — системы неразличения гласных после мягких согласных (яканье с признаками диссимилиации предупредных гласных), рефлекс фрикативного *z* (*ʔ*), билабиального *v* (*w*) и др. Изоглоссы этих явлений достаточно четко делят территорию области 1) на окающие районы северо-запада, севера и северо-востока, 2) на районы запада (Самарская Лука) и центра, где сконцентрирована большая часть среднерусских акающих говоров, и 3) на южные, юго-восточные и восточные районы, заселенные преимущественно носителями южнорусских говоров. Картину единообразия нарушают многочисленные островки вторичных среднерусских акающих говоров, имеющих различное происхождение, и группа южнорусских говоров на севере области в междуречье Сока и Кондурчи.

На уровне лексики лингвистический ландшафт очень часто ста-

новится ещё более расчлененным и в некоторых случаях приобретает пестроту, но всё же можно отметить упорядоченность в лингвогеографическом представлении отдельных лексем. При картографировании противопоставленных диалектных лексических различий в целом ряде случаев мы обнаружили противопоставление северной и южной половины территории Самарской области, которое соответствует внутрдиалектному членению самарских говоров на основе диалектных особенностей фонетического и морфологического уровней [см. подробнее: Баженова 2014: 146–147]. Так, например, достаточно компактные ареалы слов *гребовать*, *корец*, *рогач*, *дежа*, *чапельник*, *ведмедь*, *сукотная*, *песни играть* наблюдаются в южных степных районах области, где бытуют неодинаковые по своей природе позднереселенческие южнорусские говоры и сформировавшиеся на их основе среднерусские говоры. На остальной территории в говорах бытуют общеупотребительные лексемы *брезговать*, *кови*, *ухват*, *квашня*, *сковородник*, *медведь*, *суягная*, *песни петь*. Таким образом, изоглоссы лексем, входящих в двучленные оппозиции, соответствуют той условной границе, которая установилась на нашей территории между говорами с владимирско-поволжской основой и говорами с различными южнорусскими основами.

Признаки диалектной приуроченности к материнским основам севернорусских или южнорусских говоров в лексике самарских говоров имеют нерегулярный характер, зато очевидна их связь с другими, преимущественно окающими, говорами Среднего Поволжья [Мызников 2005: 260–470]. Так, в самарских среднерусских окающих и акающих говорах бытуют слова *буш'ма* 'брюква', *волжанка* 'гриб волнушка', *ке'лья* 'вечерние собрания молодежи', *клев* 'хлев', *коку'шка* 'кукушка', *мо'рда* 'рыболовная снасть типа ловушки' и др. По этому ряду лексических особенностей можно, с одной стороны, ещё раз подтвердить генетическое единство самарских среднерусских акающих и окающих (владимирско-поволжских неполноокающих) говоров.

Картографирование показало, что, например, ареалы слов *позьмо* 'земельный надел, на котором расположены дом со всеми постройками, огородом и садом', *кртошка* и *картовь* 'картофель', *суягная* 'беременная (об овце)', *берёжая* 'беременная (о лошади)', *восе'йка* 'недавно', *полоу'з* 'постройка для хозяйственных нужд', *шиши* 'постройка для сушки снопов', *шкирд* и *кладь* 'большая продолговатая укладка снопов', *грухва* 'брюква' — группируются на севере, северо-западе и в центральных районах области, где преобладают

окающие и акающие говоры с владимирско-поволжской основой, а ареалы лексем *ворок* ‘огороженное место для содержания скота’, *плант* ‘земельный надел во владении одного хозяина’, *ведмедь* ‘медведь’, *сукотная* ‘беременная (об овце)’, *икры* и *крыги* ‘льдины’, *корец* ‘ковш’, *дюже* ‘очень’ — в южных районах области, где сосредоточена основная часть неодинаковых по своей природе южнорусских говоров и сформировавшихся на их основе среднерусских говоров.

Следовательно, учитывая фонетические и морфологические особенности, ареально дифференцированную лексику самарских говоров можно разделить на среднерусскую (имеющую владимирско-поволжскую основу) и южнорусскую.

Однако нередко изоглоссы диалектных лексем образуют дисперсные ареалы по всей картографируемой территории и имеют зоны пересечения с другими диалектными и общерусскими словами. Так можно охарактеризовать, например, лексемы *одонье* ‘большая продолговатая укладка снопов’, *картоха* ‘картофель’, *буква* и *бухня* ‘брюква’, *посконь* ‘мужская особь конопли’.

Большая часть картографированной лексики имеет широкое распространение в говорах Самарского края различной типологии. Это довольно большая группа диалектных слов: *изба* ‘традиционная жилая постройка, рубленый дом среднерусского образца’, *клев* ‘помещение для домашнего скота’, *городьба* ‘изгородь’, *клушка* ‘курица-наседка’, *по’дловка* ‘чердак’, *по’сконь* ‘мужская особь конопли’, *кули’га* ‘участок, делянка’, *по’роз* ‘мирской бык’, *посиделки* ‘вечерние собрания молодежи в помещении’, *шабёр* ‘сосед’, *зыбка* ‘колыбель’, *калякать* ‘говорить, разговаривать’, *ягода* ‘лесная земляника’, *пирог* ‘белый хлеб из сеяной пшеничной муки’, *кула’га* ‘каша из ржаной муки’, *запо’н* ‘передник’, *запой* ‘сговор, сватовство’ и т. д. Эта лексика активно используется всеми носителями говора и бывает известна даже городским жителям и носителям других языков. С. А. Мызников также отмечает широкое распространение многих перечисленных слов в средневожжских русских говорах Чувашии и Марий Эл [Мызников 2005: 489–550].

В отдельных говорах зачастую оказываются возможными слова разной диалектной приуроченности. Так, например, в соседстве с другими диалектными и общеупотребительными лексемами в пределах одного села бытуют на нашей территории слова *бирюк* и *волк*, *подловка* и *потолок*, *кочет* и *петух*, *баять* и *балакать*, *брешет* и *лает* (о собаке), *зыбка* и *люлька* и др. наиболее очевидные лексические особенности, имеющие полярную диалектную приуроченность в тра-

диционных говорах. Размытость ареально-типологической характеристики значительной части диалектной лексики и преобладание в частных диалектных лексических системах общенародных (общеупотребительных) слов соответствует статусу самарских говоров как говоров переселенческих и преимущественно среднерусских.

Самарские говоры характеризуются межъязыковыми контактами с нерусским населением (татарами, мордвой, чувашами), что подтверждается случаями заимствованной лексики в говорах, бытующих в северных и северо-восточных районах области. Носителями русских говоров активно употребляются слова *турлук* 'изгородь из жердей, частокол', *сабан* 'соха', *лабаз* 'хозяйственная постройка для хранения сена, инвентаря', *карда* 'огороженное место для скота', *вакан* 'общая деревянная посудина, из которой ели всей семьей', *салма* 'кушанье, суп из самодельной лапши или клёцек с травой и сметаной'.

На юге области выделяются своими лексическими особенностями позднепереселенческие говоры в районе реки Иргиз, преимущественно южнорусские по своему происхождению. Своеобразие лексики самарских южнорусских говоров степных районов состоит ещё и в том, что в её составе наблюдаются тюркизмы: *ирян* 'напиток из кислого молока, разведенного водой', *башмак* 'теленочек по первому году', *чакан* 'стебли камыша', *байгуш* 'пьяница', *таган* 'тренога, подставка для варки на открытом огне', *бахча* 'участок земли, засаженный тыквой, капустой, огурцами', *талы* 'заросли ивняка', *кизяк* 'топливо из сухого помета, смешанного с соломой' и др. Встречаются здесь и украинизмы: *цыбуля* 'особый сорт лука', *жменька* 'горсточка', *побачить* 'посмотреть, встретиться'.

Таким образом, на территории Самарской области наблюдается своеобразная ареальная дифференциация диалектной лексики, отличная от её традиционной характеристики в материнских говорах. Об этом свидетельствуют факты диалектных соответствий, сложившихся уже на территории самарского Поволжья.

Литература

Баженова Т. Е. Лексика самарских говоров в ареально-типологическом аспекте // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 2. С. 145–150.

Баранникова Л. И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов, 2000.

Вендина Т. И. Лексический атлас русских народных говоров и прин-

цип системности в лингвогеографической проекции лексики // ЛАРНГ (Материалы и исследования) 2013. СПб., 2013. С. 102–118.

Ганцовская Н. С. Роль лексики в типологической характеристике ареала // Известия Волгоградского ГПУ. 2008. Вып. 7. С. 37–40.

Долгушев В. Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономазиологическом аспектах: Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. М., 2006.

Зиброва Т. Ф., Барабина М. Н. Атлас говоров Самарского края. Самара, 2009.

Кудряшова Р. И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филол. наук. Волгоград, 1998.

Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб., 2005.

Колесова Ирина Евгеньевна

Вологодский государственный университет
Россия, г. Вологда

Электронная версия «Диалектного словаря строения слов»: проблемы отождествления корней¹

Разрабатываемый сотрудниками кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникаций Вологодского государственного педагогического университета (в настоящее время — Вологодский государственный университет) проект «Диалектный словарь строения слов» — это сложное комплексное исследование, связанное, в первую очередь, с изучением структуры диалектного слова. Разработка концепции словаря и воплощение задуманного идет уже на протяжении достаточно длительного времени, начиная с 2007 года. Достигнутые коллективом промежуточные результаты были представлены на нескольких диалектологических семинарах и конференциях в докладах Е. Н. Ильиной (Шабровой), И. Е. Колесовой, А. Б. Крыловой. Целью проекта является создание «Диалектного словаря строения слов», в котором были бы наглядно отображены особенности структуры диалектного слова. При этом планируется, что данный словарь будет существовать одно-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых МК-1544.2014.6.

временно в двух вариантах: традиционном печатном и электронном. Электронная версия представляет собой оснащенную различными видами поиска базу данных, в которую на данном этапе работы входит около 25 000 разделенных на морфемы слов. Лексической базой «Диалектного словаря строения слов» является «Словарь вологодских говоров».

При реализации столь масштабного проекта создатели «Диалектного словаря строения слов» во многом опираются на идеи А. А. Шахматова, считавшего, что современные явления языка, в том числе диалектные, это результаты многовековой жизни языка и народа, явление языка может получить надлежащее освещение и объяснение только с исторической точки зрения. Именно поэтому при работе над «Диалектным словарем строения слов» активно привлекаются этимологические, исторические и другие аспекты существования диалектных слов.

Предполагалось несколько этапов работы по созданию словаря, часть из которых к настоящему моменту уже пройдена. Первым этапом стала первичная сегментация слов, входящих в «Словарь вологодских говоров», то есть механическое разделение их на отдельные морфемы. Это позволило составить лексическую базу, на которую опирается электронный словарь. На этом же этапе была создана рабочая оболочка программы, в которую была включена возможность интерпретации морфемной структуры слова, позволяющая в свою очередь осуществлять различные виды поиска в существующей лексической базе.

На втором этапе предполагалось свести формальные варианты корней и аффиксов в группы, что позволило бы программе осуществлять поиск по базе не только опираясь на формальное соответствие морфем, но и учитывая явления корневого и аффиксального варьирования. Третий этап должен был представлять собой серию полевых экспедиций, в ходе которых можно было бы выверить полученные результаты. И на четвертом этапе предполагался выход в свет лицензированного электронного продукта (поисковой системы) и книжного издания. При создании электронной версии словаря была создана рабочая оболочка программы, позволяющая осуществлять различные виды поиска: по алфавиту, по месту фиксации, по семантике, по корневым гнездам, по структуре, по частям речи и др.

Алфавитный поиск предполагает формирование поискового запроса по первой букве слова. Нажатие на кнопку с любой буквой русского алфавита инициирует выполнение процедуры формирования списка слов, которые начинаются с соответствующей буквы, к примеру, буква «А»: *аглечуха, аглицкий, агромат, адина, адовищье, ажно,*

азям и т.д. Счетчик слов показывает точное количество отображаемых лексем. В перспективе предполагается также возможность обратной алфавитной сортировки диалектных данных, позволяющей систематизировать и описывать слова определённых грамматических классов и структурных моделей, обладающие сходными финалями словоформ, например: *баба, жаба, изба, сподоба* и т.п.

Поиск по точному вхождению используют тогда, когда известно слово, которое ищет пользователь. Отдельной интерфейсной запросной формы для данного вида поиска не реализовано, а выполняется он при наборе букв, составляющих слово, после фокусировки на списке слов. Курсор списка автоматически позиционируется на слове, обладающем максимальной релевантностью к последовательности вводимых с клавиатуры букв.

Словарная статья, помимо семантических характеристик слова, содержит и морфологические (часть речи, а также грамматические пометы внутри части речи). Поиск позволяет при формировании условий запроса задавать выбор конкретной части речи, интересующей исследователя. К примеру, при выборе для анализа имён существительных в специальном окне отобразятся слова только этой части речи (11972 слова). При применении внутреннего грамматического фильтра можно создать список слов данной части речи, отображающий частные грамматические характеристики. К примеру, при выборе имён существительных можно задать параметры поиска среди них только существительных мужского (4460 слов) или женского рода (5683 слова), слов *pluralia tantum* (631 слово) и т.д. В перспективе предполагается детализировать грамматический поиск слов по отдельным морфологическим признакам (вид и переходность глаголов и пр.).

Для диалектного словаря дифференцированного типа актуален поиск по территории фиксации. При таком виде поиска список формируется из слов, для которых в качестве территории фиксации указан отмеченный пользователем район Вологодской области. В результате подобного поиска могут быть выявлены особенности лексического состава отдельных территорий, степень исследованности говоров того или иного района, специфика ареальной дистрибуции слов одного корневого гнезда или аффиксальной парадигмы (особенно это актуально для описания ареалов распространения диалектных корней и аффиксов).

К примеру, в вологодских говорах отмечены собирательные имена существительные с суффиксам *-няг- // -яг* (*сосняг, ильняг, вицняг* и пр.), сравни с общерусским вариантами *-няк- // -ник-* (*березняк,*

ольховник, сосняк). При использовании фильтра территориальной фиксации слов можно получить точные данные, в каких именно районах зафиксированы образования с *-няг-*. Анализ полученного списка позволяет предположить, что в вологодских говорах образования с *-няг-* // *-яг-* составляют немногочисленную группу, связанную с наименованиями совокупностей деревьев, которые исконно произрастают на вологодских землях (*сосна, ольха, ива*). Такие образования фиксируются достаточно широко — от Кирилловского района на западе Вологодской области, границе вологодских и белозерско-бежицких говоров, до Великоустюгского района в восточной части региона.

Поиск по структуре — ключевой тип запроса в данном электронном словаре. С помощью специальной формы можно задать структуру целевых слов, применяя условные обозначения (рг, R, s, i, рt, f, где x — любой разделитель морфов). В строке запроса можно указать типы и последовательности морфов, к примеру, при запросе Rsf система отыщет все слова с последовательностью морфов: корень, суффикс, окончание: *амбар/ушк/а, андр/ец/0, ар/ка/ть, атлас/ник/0, атаc/нищ/а* и пр. (общее количество найденных слов с такой структурой составляет 4995).

Поиск по корням позволяет отобрать слова, содержащие выбранный пользователем корень из списка, например, при выборе корня *-прост-* в специальном окне отображаются следующие однокорневые слова: *непростой, опростать, опростаться, опростить, припросто, пропростой, просто, простоватый, простоведь, простовик, простоволоска, простоденный* и т.д. (всего — 38 слов).

Поиск по корневым группам предназначен для преодоления ограничения поиска по корням. Здесь реализован механизм, позволяющий свести алломорфные и вариантные корни в единую морфему и осуществлять последующую фильтрацию списка слов по выбранной пользователем корневой группе. Корневые группы в словаре выполняют консолидирующие функции. К примеру, корень *-прощ-* является вариантом корня *-прост-*. Поиск по корням выдаст только список слов с конкретно указанным корнем. И только поиск по корневым группам поможет отобразить все слова с корнем *-прост-//-прощ-* (*простой, опростить, опрощать* и т.п.). Именно в связи с разработкой функции поиска по корневым гнездам возникла острая необходимость разграничения омонимичных корней и отождествления их формальных вариантов.

Проблема разграничения и отождествления корневых морфем в диалектной системе языка уже неоднократно рассматривалась исследователями. Общая типология таких вариантов в диалектной системе

представлена в работах О. И. Блиновой [Блинова 1975] и ее последователей [Богословская 1983; Кошарная 1992], а также ряда других ученых, которые отмечают большую продуктивность корневого варьирования в говорах. В работах некоторых исследователей, например, З. М. Богословской, сделана попытка систематизации диалектных корневых морфем, выделения тех или иных типов корневого варьирования в диалектах [Богословская 1983]. Однако до сих пор не существует четкого и однозначного описания механизмов и схем такого варьирования, схожих с теми, которые были разработаны для литературного русского языка, например, в работах А. А. Зализняка, позволяющих автоматически сегментировать слова и объединять их в корневые группы. Такая попытка была предпринята коллективом ученых при создании электронного гиперслова «Ариадна», однако даже в случае разработанности этих механизмов и схем часть материала приходится вводить в базу данных вручную. Опыт работы с диалектным материалом демонстрирует целый ряд сложностей, еще более затрудняющих автоматизацию процесса сегментирования слов и отождествления морфем.

Диапазон варьирования корневых морфем в диалектах гораздо шире, чем в литературном языке, в первую очередь благодаря устной форме бытования говоров. При многообразии вариантов фиксации одной и той же лексемы бывает очень трудно определить, где эти варианты связаны с вариативностью морфемы, а где объясняются произносительными особенностями информанта или погрешностями записи.

Можно сформулировать несколько основных вопросов, связанных с диалектным корневым варьированием и проблемами отождествления корней. Во-первых, это выделение корня в рамках спорного аффиксально-корневого комплекса. В целом ряде случаев перед нами оказывается аффиксально-корневой комплекс, который допускает несколько вариантов членения на морфемы, а соответственно и выделение разных корневых морфем. Например: лексема *сварьба* 'торжество по случаю вступления в брак' и целое гнездо явно однокоренных с ней слов (*сварба, сваребжанин, сваребка, сваребник, сваребничать*). Возможно, следует считать это слово однокоренным с литературными *свадьба* и *свататься*, выделяя в нем корень *-сва-* и суффикс *-рб-*, а возможно, оно является производным от глагола *сварить* и соответственно должно быть расчленено на приставку *с-* и корень *-варь-*. Подобные случаи требуют тщательного морфологического и этимологического анализа, осложняющегося особенностями диалектного материала.

Сюда же следует отнести сложные случаи морфонологических

изменений на стыке корня и суффикса. Например: корни *-бав-* и *-бавл-*, *-ван-* и *-вапл-* и многие им подобные. С одной стороны формант *-л-* участвует в словообразовании, а значит, например, в словах *вана* и *пованленный* корень один *-ван-*, а *-л-* это суффикс, но с другой стороны *-л-* и *-лл-* это морфонологическое изменение одной праславянской фонемы, а значит *-вапл-* следует признать морфонологическим вариантом корня *-ван-*. В подобных случаях следует учитывать множество факторов: происхождение *-л-*, регулярность подобного чередования, условия его возникновения и т.д., решение этой проблемы, таким образом, упирается в первую очередь в неразработанность диалектной морфонологии.

Во-вторых, определение статуса детерминативов (по терминологии Р. М. Козловой) — семантически незначимых консонантных элементов, выполнявших словообразовательную функцию и являющихся предшественниками суффиксов. Например: *вица* ‘гибкий прут’, *вичка* ‘гибкий прут’ и целый ряд производных от них слов. Бесспорно, этимологически оба слова родственны глаголу *вить* ‘гнуть, изгибать’, но следует ли нам признать детерминативы *-ц-* и *-ч-* частью корня и выделить алломорфы *-ви-* / *-виц-* / *-вич-*? Или во всех этих словах следует выделять один корень *-ви-*, считая *-ц-* и *-ч-* суффиксами?

Для решения вопроса о том, входит ли на современном этапе развития языка часть слова, этимологически являющаяся детерминативом, в корень, исследователи чаще всего опираются на сохранность семантической связанности рассматриваемого слова с исторически производящим словом. Таким образом, в слове *дар* выделяют корень *-да-* и суффикс *-р-*, считая его по-прежнему тесно связанным с производящим глаголом *дать* а в слове *жир* единый корень *-жир-*, считая его утратившим связь с глаголом *жить*. Но этот критерий достаточно субъективен. Тем более, что возникает вопрос, а что делать со словами типа *полёва* ‘сильный дождь’, *налёв* ‘пиво, которое готовится на остатках слитого один раз сула’ и им подобных. Семантическая связь с производящим глаголом *лить* сохраняется, но без детерминатива *-в-* корень *-лѣ-* не встречается. Л. Г. Яцкевич относит такие случаи к слабым морфемно связанным корням [Морфемика 2002], но остается проблема их маркировки в словаре.

В-третьих, сведение выделенных семантически тождественных корней в группы. При работе с диалектным материалом достаточно часто приходится сталкиваться с случаями нерегулярных чередований и фонетических изменений, связанных с устным характером бытования диалекта, которые вызывают вопрос, а следует ли объединять эти корни в группы. Например, лексема *поблаголить* ‘поговорить, порас-

сказывать'. В данном случае, скорее всего речь идет о изменении в речи корня *-глагол-*, то есть *поглаголить*, а соответственно следует объединить корни *-благол-* и *-глагол-* в одну группу. Точно так же только на основании семантики объединяются в группы корни *-бакман-* / *-батман-* 'связка лука', *-грезд-* / *-гнезд-* / *-грядд-* 'развиваться гнездом', *-волг-* / *-вогл-* 'влажный' и др.

В-четвертых, разграничение омонимичных формально тождественных корней. При решении вопроса о том один перед нами корень или несколько омонимичных традиционно опираются на семантический критерий, то есть возможность выделения в словах общей семы, деривационный критерий и т. д. При работе с диалектными словами использование этих критериев наталкивается на проблемы недостаточности материала для подтверждения той или иной гипотезы.

В-пятых, выделение корней у служебных частей речи, квантативы. В диалектах часто встречаются слова, которые могут выступать в позиции разных частей речи. Возникает вопрос, как членить на морфемы, например, лексему *эстоль*, которая может быть и наречием, и местоимением, и частицей. И правомерно ли вообще выделять корень у частицы или предлога? Л. Г. Яцкевич предлагает выделять в таких случаях особую часть речи — квантатив, но пока однозначного ответа на все эти вопросы нет.

Все выше обозначенные наблюдения наглядно демонстрируют ограниченность применения компьютерных технологий при построении электронной версии «Словаря строения слов». Решение задач отождествления и разграничения вариантных корневых морфем требует дополнительной экспериментальной проверки в полевых условиях, обращения к данным других говоров, установления этимологии слов.

Литература

- Блинова О. И.* Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1975.
- Богословская З. М.* Явление варьирования слов в системе говора: Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1983.
- Кошарная С. А.* Вариантность лексических единиц в народном говоре (на материале говора с. Спаспоруб Прилуцкого р-на Коми АССР): Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1992.
- Морфемика и словообразование русского языка / Под ред. Л. Г. Яцкевич. Вологда, 2002.
- Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2009.

Красовская Нелли Александровна

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Россия, г. Тула

Проблема определения западных языковых компонентов в тульских говорах¹

По современному диалектному членению тульская группа говоров относится к межзональной группе типа Б южнорусского наречия. Обычно при характеристике тульских говоров принято указывать на их переходное положение по отношению к юго-восточной и южной-юго-западной диалектной зоне.

С середины прошлого века в исследованиях ученых-лингвистов (работы Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова, Н. Б. Париковой и др.) последовательно проводилась мысль о том, что на формирование тульских говоров оказывали влияние среднерусские говоры, которые, в свою очередь, имели целый ряд черт, сближающих их с говорами северновеликорусскими.

Однако хотелось бы подчеркнуть не только эту особенность формирования тульских говоров, но и довольно значительное влияние на развитие, определение особенностей тульской группы говоров линии «запад-восток». На наш взгляд, в тульских говорах отражаются процессы пересечения диалектных явлений как по линии «север-юг», так и по линии «запад-восток». Мысли о подобном сложном формировании говоров тульского региона находим в работах Д. К. Зеленина, А. П. Рудакова, Д. М. Савинова, А. А. Шахматова.

По диалектному членению, отраженному на первой диалектологической карте русского языка в Европе (1915 г.), тульские говоры выделялись в самостоятельную группу говоров в составе южновеликорусского наречия. Положение тульских говоров на первой диалектологической карте указывает на их территориальную близость к переходным говорам от белорусских к южновеликорусским.

Н. Б. Парикова, исследователь умеренного яканья тульских говоров, отмечала: «Прежде всего, следует оговорить условность самого термина “Тульский край”». Он не соответствует никакому этническому или политическому объединению какой-либо исторической эпохи, а обозначает лишь территорию, занимаемую современными тульски-

¹ Публикация осуществлена в рамках поддержанного гранта РГНФ № 14-04-00032.

ми говорами, исторически же — целую совокупность территориально-политических единиц, количество и размеры которых менялись на протяжении длительного времени» [Парикова 2008: 40]. Указанный регион относится к юго-западной части Волго-Окского бассейна и является регионом древнего поселения племен вятичей. «В древние времена после финских аборигенов большая часть нынешней Тульской губернии обитаема была «вятичами». Летописи упоминают одним преданием, что до принятия христианства киевскими славянами — полянами, родоначальник наш полянин Вятко перешел с семейством своим из диких полей своей родины в дремучие, непроходимые леса на реку Оку, где племя его размножилось под именем вятичей, вытеснивших финнов, древних обитателей мест этих, или частью слившихся с аборигенами сими» [Афремов 2002: 10–11].

А. А. Шахматов отмечает, что «на первых страницах русской летописи, где сообщается о ляшском происхождении двух племен, осевших среди восточных славян, — радимичей и вятичей. “Быста два брата в Лясах Радим и Вятко и пришедьше въселистася: Радим седеет с родом своим между Сожью и Днепром, а Вятко седеет по Оце”. О ляшском происхождении радимичей летописец сообщает и ниже, рассказав о покорении Киеву при Владимире Святом. Мне кажется, что категорическое утверждение русской летописи, отлично (по общему признанию ученых критиков) осведомленной об этнографических отношениях Восточной Европы, нельзя отвергнуть, нельзя оспорить. ...В пользу тесной связи вятичей, осевших (в пределах позднейшей) Рязанской, Тульской и Калужской губерниях, с радимичами (в пределах позднейшей) Могилевской губернии можно было бы привести наличность в области как радимичей, так и вятичей речного названия *Проня*» [Шахматов 2010: 54].

Мысли, в определенной степени созвучные мыслям академика А. А. Шахматова, встречаем и у других ученых. Известный русский этнограф, лингвист Д. К. Зеленин пишет в книге «Востоочнославянская этнография»: «Южнорусское население (т.е. русское население Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Тульской, Орловской и Калужской губерний) этнографически и диалектологически отличается от севернорусского (в Новгородской, Владимирской, Вятской, Вологодской и др. губерниях) значительно больше, чем от белорусов... Что же касается восточных древнерусских племен, или вятичей, то из них вышли современные южнорусские (акающий говор), а также белорусы. Из донских степей, опустошаемых печенегами и половцами (ку-

манами), вятичи ушли на север и северо-запад. На севере, в Рязани, они явились предками современных южнорусских (акающий говор). На северо-западе, на территории современной Белоруссии, вятичи слились с населением, которое представляло собой смесь южнорусских и польских элементов; таким образом возник белорусский народ. Такова вкратце теория Шахматова о происхождении четырех восточнославянских народностей. Ее нельзя считать общепризнанной в современной науке» [Зеленин 1991: 29–34].

Тульские земли не имели такой значительной заселенности, как земли северных территорий, отчасти причина этого в том, что территория Тульского края постоянно подвергалась набегам с юга кочевых племен и народов. «Быт Тульской области XIV–XV вв. мало чем отличался от быта остальной Руси феодальной эпохи. Та же княжеская усадьба — “город”, окруженный “деревнями” и “починками” крестьян... К внешним событиям в жизни тульского края за указанное время относятся постоянные татарские, а потом литовские набег и погромы» [Рудаков 1923: 5].

С XIV–XV вв. тульские земли становятся объектом постоянного внимания московских князей. «Окончательное отвоевание Тульских уделов у Литвы Москвой открыло новую эру в истории Тулы. Московское государство, вступая на путь торгового капитализма, организовало на широкую ногу борьбу со степью», — отмечает профессор Рудаков [Рудаков 1923: 5]. Перечисленные выше факты уже говорят о том, что известное преобладание южнорусского (смешанного по своему составу) населения во многом было «разбавлено» населением из Центральных и даже Северных регионов Руси. Далее А. П. Рудаков продолжает: «Военно-служилое население, как известно, и составляло, после крестьян, главный по численности класс в южно-русских уездах XVI в. Теснота и малоземелье в “Замосковном” крае вызывали в течение всего этого столетия отлив населения на юг. ...Писцовые книги все время говорят о “починках” (возникающих хуторах) и «вольных» людях из Твери, Москвы, Новгорода и т.д.» [Рудаков 1923: 7–8].

Надо отметить, что политическая история отдельных тульских уделов достаточно сложна, так как они подвергались влиянию не только со стороны Москвы, но и со стороны Рязанского княжества. Но с конца XIV в. фактически была присоединена к Москве и рязанская территория. Уже при Дмитрии Донском рязанские князья были в подчиненном положении по отношению к московскому. По договору, заключенному после Куликовской битвы, Олег Рязанский признавал за Москвою все рязанские земли, но обязывался не вступать в места ве-

ликого князя Дмитрия. «А что место кн.в. Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне, Тула, как было при царице при Таидуле (татарская царица — Н. К.), и коли ее баскаци (представители ханской власти и сборщики дани на Руси — Н. К.) ведали, в то ся кн.в. Олгу не вступа-ти, и кн.в. Дмитрию» [Тульский край 1966: 20].

Подчеркнем, что с юго-западной и южной стороны тульские уделы находились в постоянной опасности от набегов литовцев. «Захватнические устремления Литвы проявились в грозный для Руси 1380 год, когда литовский князь Ягайло вместе с ордой и вероломным рязанским князем Олегом намеревался напасть на Московскую Русь. Направляясь на соединение со своими союзниками, Ягайло дошел до Одоева “со всею силою литовскою и лятскою”. Прослышав здесь, что русские войска уже перешли Оку и идут навстречу татарам, осторожный Ягайло решил выждать дальнейшего развития событий. Получив вскоре известие о полном разгроме Мамайя русским войском на поле Куликовом, литовцы, пограбив округу, вернулись домой» [Уклеин 1972: 71]. Полностью все тульские земли входят в состав Московского государства только к первой половине XVI века.

К этому времени земли Тульского края играют все большую роль в политической жизни Московского государства, ведь они имеют стратегическое расположение. После Куликовской битвы опасность нападения татар на некоторое время ослабла, но воинствующие племена с юга продолжали свои набеги вплоть до середины XVI века. Замечательный тульский краевед и энциклопедист В. А. Левшин отмечает: «Нынешние жители Тульской губернии дальнейшую смесь получили от поселенных между ими плененных татар и поляков, что подтверждают не токмо оставшияся народныя предания, но и множество слов обеих после упомянутых народов, принятых в язык простонародной» [Левшин 2006: 53].

Смешение населения Тульского края было довольно заметным и, как можно видеть из вышеизложенного, вопрос о пересечении нескольких народных стихий, относящихся к разным древнерусским племенам, традиционно селившимся на различных, довольно отдаленных друг от друга территориях, действительно, существовал и существует. На наш взгляд, особенности тульских говоров определялись пересечением движения народов с юга, с севера, а также по линии «запад — восток».

Чтобы обеспечить безопасность своих южных границ, Московское государство приступает к созданию значительного оборонительного рубежа — Большой засечной черты. Н. Б. Парикова, ссылаясь на

достоверные источники, отмечает: «...южные окраины в течение еще целого столетия подвергаются постоянным набегам со стороны крымских татар, которые, двигаясь по Муравскому шляху, доходили по водоразделу Оки и Дона вплоть до Тулы, в связи с чем в этом районе и была построена первая внутренняя оборонительная линия Московского государства — Тульская засечная черта, проходившая по берегам Оки и Упы от Калуги или Алексина через Тулу на Венев или Демидов и дальше на Зарайск, с постоянной службой на ней и частными военными операциями к югу от неё» [Парикова 2008: 45]. Значительная линия обороны состояла из различных преград: водных, лесных, ландшафтных. «Такой передовой линией обороны и стала, начиная со второй половины XVI века, Большая Засечная Черта, проходившая непрерывной лентой, длиною чуть ли не в пятьсот километров, от Мещеры до Брянщины» [Уклеин 1972: 57].

Таким образом, в работах историков, этнографов, лингвистов неоднократно подчеркивалась мысль о значительной близости предков тех людей, которые сейчас заселяют Тульский край, и предками тех, кто проживает восточнее и западнее. Остановимся на пересечении тульских диалектных явлений с западными диалектными особенностями.

О некоторых сближениях фонетических, грамматических лингвисты уже писали. Академик Е. Ф. Будде, много сделавший для изучения тульских говоров, в одной из своих работ отмечал: «Вслушиваясь в речь простолюдина здешней местности, мы узнаем здесь и древнейшие особенности того наречия, которое должно быть названо южновеликорусским-белорусским, и того, которое пришло ему на смену в этой области, развивши в себе с течением времени южновеликорусские элементы, затронутые в следующую эпоху южнорусским влиянием, отслоившим здесь свои особенности...» [Изучение тульских говоров 2008: 22]. Подтверждение определенному взаимодействию говоров тульских территорий и территорий, расположенных западнее, находим и у современных лингвистов. Так, Д. М. Савинов, рассматривая аканье южнорусских говоров, отмечает сложный характер его разновидностей, которые развились в тульских говорах под западным и восточным языковым влиянием: «Отличительной особенностью тульских говоров, предопределившей дальнейшее развитие предупредительного вокализма, было положение между Восточной и Курско-Орловской группами говоров. Для Восточной группы характерно формирование нового ритмического контура “сильный центр и слабая периферия”, для Курско-Орловской — более длительное сохранение старого сме-

шанного контура. В большинстве тульских говоров произошла смена тональной модели. Как и в Восточной группе, здесь окончательно оформляется акцентное ядро слова — “сильный центр”, что является необходимым условием для распространения сильного аканья и яканья. Однако на западе исследуемой территории смены тональных контуров не произошло, что способствует сохранению диссимилятивного вокализма» [Савинов 2012: 45–60]. Материалы различных интернет-ресурсов также свидетельствуют об интересе к этому вопросу, например, можно прочесть современные наблюдения жителей данных территорий в статье «Об исследовательской поездке на Западную Брянщину летом 2012 года» [Электронный ресурс: smalensk.org].

В качестве доказательства довольно сильного взаимодействия южных (тульско-калужских) и западных языковых особенностей мы бы хотели привести примеры лексических фактов, которые отражены в «Словаре народных говоров Западной Брянщины», составленном П. А. Расторгуевым. Выбор этого словаря для проведения сопоставительной работы не кажется нам случайным, так как сам профессор Расторгуев утверждал, что лексические факты могут свидетельствовать о процессах взаимодействия населения, проживающего на разных территориях. Он отмечал близость говоров Западной Брянщины говорам Курско-Орловской группы. В словаре отмечается много явлений, отнесенных им на основании материалов Московской диалектологической комиссии, материалов словаря В. И. Даля к тульским и калужским. Отметим также, что П. А. Расторгуев работал некоторое время под руководством академика А. А. Шахматова, сама же идея словаря была поддержана и одобрена А. А. Шахматовым. Вот как вспоминает об этом П. А. Расторгуев: «Когда я работал под руководством акад. А. А. Шахматова и когда у меня уже были собраны значительные материалы по словарю, А. А. Шахматов проявил большой интерес к ним и настоятельно рекомендовал продолжить работу» [Расторгуев 1973: 11]. Территория Западной Брянщины включает такие крупные центры, как Новозыбков, Сураж, Стародуб, в целом этот регион граничит с территорией Белоруссии и в южной своей части с территорией Украины. Он интересен лингвистам, этнографам давно, его характеризуют как российско-белорусско-украинское пограничье. На наш взгляд, можно рассмотреть именно этот материал, так как, с одной стороны, эти говоры характеризуются значительными белорусскими компонентами, а с другой — в них содержится много южнорусских фактов.

Лексические единицы, сближающие тульские говоры и говоры Западной Брянщины, можно условно разделить на две разновидности. К первой мы отнесем те единицы, которые П. А. Расторгуевым уже характеризуются как тульские или как калужские (в рамках сопоставительной работы мы привлекаем лексемы, определенные в словаре как калужские на том основании, что большая часть калужских говоров по современному диалектному членению относится к Тульской группе говоров). Среди них, например, встречаются: *анады'сь*, *надысь* 'на днях, когда-то', *анба́р* 'амбар', *бува́ть* 'бывать', *виски́* 'волосы на голове или на висках', *дро́бны* 'мелкий, маленький' и др. Ко второй группе можно отнести лексические единицы, которые не были охарактеризованы П. А. Расторгуевым как тульско-калужские, но они либо имеют широкое южнорусское распространение, либо отмечаются как в говорах Западной Брянщины, так и в тульских говорах. К таким фактам можно отнести: *бо́лить* 'становиться большим', *бра́жка* 'пьяная компания', *жа́лщица* 'жаловаться', *зама́шка* 'конопля-пустоцвет, мужская особь конопли' и др.

В выявленных нами лексемах отмечено фонетическое своеобразие, которое характеризует говоры западных регионов. П. А. Расторгуев в словарных материалах фиксирует следующие фонетические черты: аканье, яканье, произношение твердого [р] перед гласными переднего ряда, произношение [у] вместо [в]. Многие из указанных особенностей характеризует южнорусские говоры в целом, поэтому отличают как говоры Западной Брянщины, так и тульские говоры.

Лексика, которая отмечается как на территории Западной Брянщины, так и на территории тульских говоров, представлена различными тематическими группами. Среди этих лексем отмечаются те, которые характеризуют действия человека, его состояния, отношения: *астачерте́ть*, *ачартэ́ть* 'надоест', *абыего́рить* 'обмануть', *бреха́ть* 'врать', *бува́ть* 'бывать' и мн. др. Можно наблюдать примеры тематических групп «Растительный мир», «Животный мир», «Ландшафт», «Части суток»: *абыде́н* 'в один день', *надысь* 'на днях, когда-то', *гусе́нок* 'гусёнок', *жи́то* 'рожь', *маланья́* 'молния' и др. Особенно много совпадений лексем наблюдается в тематической группе «Человек» (это и действия человека, внешность человека, жилище человека): *виски́* 'волосы на голове', *де́жка* 'кадка', *заку́тать* 'закрывать печь трубы', *каратáйка* 'короткая одежда, пиджак, кофта', *ло́лька* 'зыбка' и мн. др.

Наличие лексем, относящихся к различным тематическим группам, может свидетельствовать о том, что вопрос о близости данных

говоров, действительно, актуален до сих пор. Общие лексические компоненты говоров не связаны с заимствованием какой-либо отдельной тематической группы или одного класса слов (например, только лексики одного промысла или только обрядовой лексики). Более того, нашу мысль подтверждает П. А. Расторгуев, который свидетельствует о том, что зафиксированная лексика в его словаре была собрана в разных населенных пунктах (охватывает около 270 населенных пунктов). Нами в общей сложности в рассматриваемом словаре было отмечено 340 лексем, которые характеризуются тульско-калужской локализацией. Остановимся на некоторых примерах, которые охарактеризованы П. А. Расторгуевым как тульско-калужские, и сопоставим их с данными «Материалов к словарю тульских говоров».

Например, можно говорить о лексемах, объем значения которых полностью совпадает: *абыёгорить* ‘обмануть’, *анбар* ‘амбар’, *абы* ‘лишь бы, только бы, чтобы’, *абыдён* ‘в один день’, *адкуль* ‘откуда’, *надысь* ‘недавно’, *бувать* ‘бывать’, *виски* ‘волосы на голове или висках’, *дробны* ‘мелкий, маленький’, *гусенёнак* ‘гусёнок’, *дьюжа* ‘очень’, *загнёт* ‘шесток’, *запóмнить* ‘забыть’, *казать* ‘говорить’, *куплять* ‘окупать’, *маланья* ‘молния’, *махóтка* ‘горшок, небольшой глиняный горшок’, *покуплять* ‘(о многом) покупать’, *рогáч* ‘ухват’, *рахмáнный* ‘ручной, тихий, медлительный, вялый’, *скарóдить* ‘бороновать’, *судник* ‘деревянный (неподвижный) ящик с крышкой (обычно в коридоре или в сенях) для хранения продуктов’, *сусéd* ‘сосед’, *тапéрича* ‘теперь’, *тóлечки* ‘только’, *тверёзый* ‘трезвый’, *твет* ‘окраска, цвет’, *увайти* ‘войти’, *уйди́ть* ‘уйти’, *ярманка* ‘ярмарка’.

Значения других лексем своим содержанием (или его шириной, или его глубиной) несколько отличаются. Например: *брехáть*, *гаманить*, *дэжка*, *заку́тать*, *лю́лька*, *ухва́т*, *хря́пка*, *шы́пка*.

Глагол *брехáть* (*брэ́хатъ*) в словаре говоров Западной Брянщины имеет следующее толкование: «БРЭХАТЬ а) врать (Ушаков), лгать, клеветать: *К чаму эта ты гаворыш? Што ты брэшыш?* (Берёзовка); ТМДК: Калж.. VIII, 9; б) лаять: *Што й та сабака усё брэша да и брэша?* (Млынка); *прост*, брехать. Такое же значение имеет слово ГАУКАТЬ, в говорах старообрядцев ГАУЧЫТЬ. В последнее время ГАУКАТЬ и ГАУЧЫТЬ вытесняются словом ЛАЯТЬ; ср. ТМДК: Калж.. VIII, 9» [СНГЗБ 1973: 56]. Мы сделали выборку значений для этого глагола из разных выпусков «Материалов к словарю тульских говоров»: БРЕХАТЬ, *несов., неперех.* 1. Лаять (о собаке). *Суседская собака усю ночь брехала.* (д. Глинищи, Одоев.). *У соседей собака брешет. Забрёх*

страшный. (с. Прудичи, Вен.). *Собака брехала усю ночь*. (д. Кузнецово, Бел.). 2. Издавать громкие, характерные для животного звуки. *Волк брешет, а как ещё?* (с. Селиваново, Щёк.). *Лиса, она может брехать и может пищать, бывает*. (п. Молочные Дворы, Плав.). 3. Перен. (Метаф.) Говорить, рассказывать. *Народ брешет, что пенсию повысят*. (п. Куркино, Кур.). 4. Перен. (Метаф.) Врать, болтать вздор. *Что ты брехала, что два дома у их*. (д. Рождествино, Сувор.). *Будет тебе брехать-то*. (п. Ханино, Сувор.). *Да не брешу ты, я сама видала, как он домой пошёл*. (д. Кузнецово, Бел.). 5. Перен. (Метаф.) Ругаться, браниться. *Манька моя брехать-то здорова*. (д. Глинищи, Одоев.). *Ну, думаю, опять брехать будет*. (с. Шеховское, Узл.). *Бывало, брешут они, как собаки*. (с. Александрия, Богор.) [МКСТГ].

Из сопоставления лексикографического материала можно сделать следующие выводы: два основных значения у слова *брехать* совпадают в говорах Западной Брянщины и в тульских говорах (это значения 'лаять' и 'врать, лгать'), однако имеется и разница, во-первых, она связана с тем, что для тульских говоров пока еще основным, первичным значением у этого глагола остается значение 'лаять', во-вторых, в тульских говорах в целом семантика данного глагола несколько шире (о действиях не только собак, но и некоторых других животных), в-третьих, в тульских говорах данная лексема может выражать и более экспрессивное значение 'ругаться, браниться'. Повышенная экспрессивность характерна для носителей южнорусских говоров, так, рассматривая глаголы говорения в тульских говорах, мы отмечали: «Конституенты данного поля всегда в своей семантике содержат указание либо на выражение эмоций, либо на качество речи и т.д.» [Красовская 2013: 331].

Сопоставим толкование лексемы *закутать*. На территории Западной Брянщины она зафиксирована в следующих значениях: «ЗАКУТАТЬ, ЗАКУТАТЬ и ЗАЧИНИТЬ а) запереть (Ушаков), закрыть дверь, печную трубу: *закутай дверь*; ТМДК: Смолн., II, 88; Нвгр., III, 120; Калин., III, 143; Калж., VIII, 33; Тульск., (закрыть трубу печки), IX, 56; Сартв. (закрыть трубу), XII, 150; б) хорошо укрыть (ребенка или больного): *Ты ж гледи, харашенька закутай его* (Басихино)» [СНГЗБ 1973: 107–108].

В «Материалах к словарю тульских говоров» находим следующее: «ЗАКУТАТЬ, *несов., перех.* 1. Закрывать, затворять (дверь, окно и т. п.). *Закутать подворотню. А я вижу в печи головешку, я и не закутаю трубу пока еще*. (Отмечено СРНГ как тульское). 2. Закрывать крышкой (печь). *В хате птичницы с чашкой воды стоит баба перед*

закутанной печью, в которой шуршит и треплется веник. (Н. В. Успенский, Ночь под светлым днем)» [МКСТГ].

При сравнении отмечаем, что значения практически полностью совпадают, так как значение 'закрыть печь, трубу, дверь, окно' встречается и в говорах Западной Брянщины, и в тульских говорах. Отмеченное же в словаре П. А. Расторгуевым значение 'хорошо укрыть ребенка или больного' отмечается в толковых словарях современного русского языка, что свидетельствует о том, что такое использование данной уже не является территориально ограниченным.

Если мы обратимся к лексемам, которые, по изысканиям П. А. Расторгуева, не относятся по своей локализации к тульско-калужскому региону, однако встречаются в тульских говорах и зафиксированы в «Материалах к словарю тульских говоров», то мы обнаружим такую же зависимость: у части лексем значение полностью совпадает, у ряда лексем оно незначительным образом отличается.

У таких лексем, как: *абáбок*, *абалдуй*, *аббéчь*, *аббалвáница*, *абчы-крыжыть*, *адкéль*, *адсéдова*, *адёжа*, *акромя*, *ба́бить*, *близняты*, *двойняты*, *грабáстать*, *грубка*, *грэбовать*, *гугнявый*, *гудéть*, *жмякнуть*, *заб́ить*, *забу́вать* и мн. др. объем значения полностью совпадает.

Приведем примеры тех слов, значения которых несколько отличаются в словаре П. А. Расторгуева и в «Материалах к словарю тульских говоров». В говорах Западной Брянщины лексема *абáбок* имеет следующее толкование: «АБАБАК а) гриб-подберезовик (Ушаков); Даль: Пскв., Рязн., Калинин., Влдмр., Кирв.; ТМДК: Нвгр., XII, 58; Влгд., XI, 77. В XIX и начале XX в. можно было слышать и ПАДАБАБАК (преимущ. в городской речи): *Во кольки падабабкау нашли* (Лыщичи); б) куча гречихи (Ушаков)» [СНГЗБ 1973: 25].

В тульских говорах лексема *абáбок* употребляется в значении: «ОБАБОК (АБАБОК) –а, м. Гриб. *Тут обабок всяких полно.* (с. Селиваново, Щёк.). ОБАБУШЕК (АБАБУШЕК) –а, м. Разновидность съедобных грибов. Возможно, подберезовик. *Абабушки квéле белых, но тоже вкусные.* (с. Селиваново, Щёк.)» [МКСТГ]. Отметим, что в тульских говорах чаще всего эта лексема обозначает съедобный гриб, оттенок значения 'подберезовик' встречается нечасто, а в брянских говорах, наоборот, это и есть основное значение.

Проведя анализ работ филологов, историков, лингвистов, сопоставив лексический материал из «Словаря народных говоров Западной Брянщины» и «Материалов к словарю тульских говоров», мы пришли к выводам о том, что вопрос об общих языковых компонентах выше-

указанных говоров актуален до сих пор. Рассмотренные говоры имеют многочисленные общие лексические факты. Большое количество таких случаев, распространенность их на преобладающей части территории тульских говоров и говоров Западной Брянщины, многочисленные совпадения семантики у определенных нами лексем, включенность выбранной лексики в разнообразные тематические группы подтверждает факт общих языковых и социальных истоков рассмотренных групп говоров. Можно говорить о том, что приведенные выше мысли академика А. А. Шахматова и других исследователей языка, истории, культуры о близости указанных территорий не кажутся совершенно бесосновательными, требуют дальнейшего сопоставительного изучения, которое может привести к более серьезным наблюдениям и выводам.

Литература

- Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949.
- Афремов И. Ф.* История Тульского края (историческое обозрение Тульской губернии). Тула, 2002.
- Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994.
- Изучение тульских говоров: хрестоматия. Тула, 2008.
- Красовская Н. А.* Организация и функционирование диалектных антропоцентрических глаголов (на материале тульских говоров): Дис. ...докт. филол. наук. Курск, 2013.
- Левшин В. А.* Топографическое описание Тульской губернии. Тула, 2006.
- Об исследовательской поездке на Западную Брянщину летом 2012 года. Электронный ресурс: smalensk.org. (дата доступа: 09.04.14).
- Парикова Н. Б.* Происхождение и состояние умеренного яканья в тульской группе южновеликорусских говоров к середине XX: монография. Тула, 2008.
- Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.
- Романов Д. А., Красовская Н. А.* Материалы к словарю тульских говоров: вып. 1–5. Тула, 2008–2013 (изд. продолж.).
- Рудаков А. П.* Очерки из истории Тулы и Тульского края. Тула, 1923.
- Савинов Д. М.* О причинах эволюции систем предупредительного вокализма в южнорусских говорах // Вопросы языкознания. 2012. № 2. С. 45–60.

Сидоров В. Н. Об одном тульском говоре с гласной Е, не изменившейся в О // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 2. М–Л., 1949. С. 277–289.

Тульский край (документы и материалы). Ч. 1. Тула, 1966.

Уклеин В. Н. Змеится лентою дорога... О зодчестве и зодчих (Алексин, Одоев, Белев). Тула, 1972.

Шахматов А. А. Русская диалектология: лекции / Под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб., 2010.

Долгова Елена Юрьевна

Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия
Россия, г. Самара

К проблеме картографирования многочленных лексико-семантических оппозиций в переселенческих говорах¹

В связи с разработкой лингвогеографических проектов, прежде всего крупномасштабного «Лексического атласа русских народных говоров» и связанных с ним региональных атласов, проблема установления точных диалектных соответствий на всей территории распространения русского языка, включая регионы позднего заселения, приобрела особую значимость. Определение состава диалектной лексики, представленной в самарских говорах, актуально с точки зрения разработки регионального атласа и словаря.

Проблема установления системных отношений в лексике переселенческих говоров является одной из наиболее трудноразрешимых. В «Диалектологическом атласе русского языка» (ДАРЯ) и других опубликованных атласах специфика лексики самарских говоров представлена фрагментарно. «Как известно, позднепереселенческие говоры отличаются неоднородностью состава и интенсивностью языковых процессов. В этих условиях процессы трансформации говоров и нивелирования диалектных особенностей протекают более активно, и лексика оказывается наиболее подверженным изменениям ярусом языка» [Баженова 2014: 18]. В этом аспекте теоретической и картографической разработки требует ареально-типологическая характеристика лексико-семантических особенностей говоров самарской области.

В рамках создания регионального лексического атласа самарских говоров нами предпринята попытка создания семантических карт с целью осмыслить и подвергнуть лингвогеографическому обобщению обширный материал, собранный в течение десятилетий диалектологической работы в Самарской области. В процессе картографирования выяснилось, что большинство общерусских лексем являются многозначными в частных диалектных системах, и такие, например, слова как нива, погода, кромка, перст, пахать и др. представлены многочисленными лексико-семантическими вариантами (ЛСВ).

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта №13-14-63001 «Лексический атлас самарских говоров».

Значение диалектных лексем, как правило, характеризуется диффузным характером. Это, безусловно, создает трудности при создании семантической карты диалектного слова, особенно в части составления легенды. Создание семантических карт предполагает конструирование сложным образом организованной системы многочисленных лексико-семантических оппозиций. При этом в большинстве случаев картографируется вся совокупность ЛСВ той или иной лексемы, включая общерусские значения. Так слово нива, отраженное в СРНГ в 27 значениях [СРНГ 1986: 215–219], на территории Самарской области реализуется в 5 основных значениях. Самым многочисленным при этом является общерусское значение ‘поле’. Оно зафиксировано в 38 нас. пп. области. На карте ЛСВ ‘поле’ представлен значком без заливки и образует достаточно плотные ареалы в окающих и акающих говорах раннего переселения на северо-западе области в населенных пунктах Кошкинского, Ставропольского и Шигонского районов. При этом в Клявлинском, Шенталинском и Похвистневском районах севера области слово нива не употребляется даже в общерусском значении. В то же время ЛСВ ‘поле’ образует точечные ареалы в позднепереселенческих южнорусских говорах Кинель-Черкасского, Борского, Нефтегорского и Большеглушицкого районов, расположенных в восточной и юго-восточной частях Самарской области.

Неупотребление слова нива в общерусском значении ‘поле’ на севере, юге и в центральной части области свидетельствует о том, что в этих районах в указанном значении функционирует общерусская лексема поле. В других значениях лексема нива может быть противопоставлена диалектному слову кулига, при подготовке семантической карты которого мы также столкнулись с неоднозначностью в выстраивании системы картографируемых ЛСВ. Ввиду этого при картографировании семантической структуры слова нива типологически значимой становится оппозиция ЛСВ ‘поле’ и его неупотребления.

Подобная ситуация складывается и при создании семантической карты лексемы пёрст, функционирующей на территории самарской области в 6 различных значениях: ‘любой палец’; ‘указательный палец’; ‘мизинец’ ‘палец, на который надевают напёрсток’; ‘средний палец’; ‘большой палец’ (ЛСВ расположены в порядке убывания частотности). Неупотребление ЛСВ ‘любой палец’ на территории позднепереселенческих говоров становится типологически значимым и указывает на активность в этих районах лексемы палец. Слово пёрст, образуя компактные ареалы в северо-западной и западной частях Са-

марской области, обнаруживает, таким образом, свою севернорусскую природу. Примечательно, что единичные употребления тех или иных значений фиксируются также преимущественно в окающих говорах с владимирско-поволжской основой и сформированных на их базе среднерусских окающих говорах.

Неоднозначную картографическую репрезентацию имеет общерусское слово пахать, функционирующее на территории Самарской области в трех значениях. Общеупотребительный ЛСВ 'пахать землю' распространен на всей территории области (на карте обозначается значком без заливки). ЛСВ 'резать хлеб' образует небольшие ареалы в северной части (9 населенных пунктов) и на западе (5 населенных пунктов) области, в говорах раннего формирования (для фиксации ЛСВ 'резать хлеб' используется значок другой конфигурации). В 6 населенных пунктах области ЛСВ 'резать хлеб' функционирует наряду со значением 'подметать пол'. При этом последний ЛСВ не употребляется отдельно от других значений, а в с. Успенка Сергиевского района (юж. р.) используется одновременно со значениями 'пахать землю' и 'резать хлеб'. ЛСВ 'пахать землю' не образует ареалов. Значимой типологической оппозиции в данном случае не возникает.

При картографировании многочисленных лексико-семантических оппозиций значками одной конфигурации мы обозначаем ЛСВ, имеющие общую гиперсему, находящиеся в метонимических отношениях и реализуемые, таким образом, через оппозицию «часть — целое». Так, основная масса значений лексемы нива сосредоточена в раннепереселенческих говорах западной части области. Здесь активно употребляются ЛСВ 'поле с посевом', 'огород', 'хлебное поле'. В с. Демидовка Сызранского района фиксируется метонимическое значение 'зеленый молотый хлеб'. При этом источник метонимии — ЛСВ 'хлебное поле' — фиксируется только в соседнем с. Заборовка того же района. Для обозначения ЛСВ, содержащих гиперсему 'поле', применяются значки одинаковой конфигурации с цветовым наполнением. ЛСВ 'огород' имеет условное обозначение другой формы, соотносящееся по цвету и метонимически коррелирующее с ЛСВ 'поле с посевом'. Выделение цветом условных обозначений одинаковой конфигурации, нанесенных на карту, используется также для фиксации пересекающихся ареалов.

Характерной особенностью лексики говоров является конкретизация денотативного компонента значения, расширение и усложнение его структуры, что особенно свойственно той части диалектной лек-

сики, которая связана с обозначением жизненно важных для носителей говора реалий: природных, бытовых и т.п. К такого рода диалектной лексике, представляющей группу «полеводство», относится слово кулига, дающее широкий спектр оттенков значения в народной географической терминологии.

Лексема кулига входит в систему самарских говоров и употребляется в 80 населенных пунктах. Определенные трудности возникли на этапе классификации значений в гиперо-гипонимическом отношении и подборе графических вариантов к тому или иному значению слова. Лингвогеографический анализ материала показал, что на территории Самарской области слово *кулига* используется в значениях: 1) поляна; 2) заливной луг; 3) участок в поле; 4) полоска земли, мера площади; 5) участок нескошенного луга; 6) обработанный, занятый чем-л. участок; 7) часть неполютой земли.

Для корректного отображения лексико-семантической представленности слова кулига в самарских говорах мы соотнесли выявленную систему значений с лексико-семантическими вариантами, представленными в СРНГ. Словарь приводит 31 значение слова, подтверждая диффузность его семантической структуры.

Методика семного анализа слов позволила выделить в качестве гиперонима значение ‘участок земли’, определяя тем самым первую ступень в структуре значений и графических символов: а) ‘участок земли в лесу’ (= ‘лесная поляна, на которой косят траву’), б) ‘участок земли на лугу’ (= ‘заливной луг’), в) ‘участок земли в поле’. Подобное значение встречаем и в СРНГ: «участок земли (поля, луга, леса)» [СРНГ 1980: 60–64]. Указанные ЛСВ составляют самую многочисленную группу и функционируют в 55 населенных пунктах области. Наиболее распространенный ЛСВ — ‘участок земли в лесу’ (в СРНГ: «лесная поляна или поляна среди кустов, на которой иногда косят траву») (33 населенных пункта); второе по частотности значение — ‘участок земли на лугу’ = ‘заливной луг’ (13 населенных пунктов); ЛСВ ‘участок земли в поле’ — наименее частотный (9 населенных пунктов).

География сел говорит о том, что распространение трех основных ЛСВ слова кулига происходит преимущественно в севернорусских и среднерусских окающих и акающих говорах, имеющих генетически общую (владимирско-поволжскую) основу (в 42 из 55 населенных пунктах). Кроме того север и запад самарской области относятся к территориям, где бытуют раннепереселенческие говоры.

Дальнейший анализ семантической структуры слова кулига позволил выделить дифференциальные семы 'обработанный, занятый чем-либо участок' (6 населенных пунктов) и 'участок земли, оставшийся необработанным' (3 населенных пункта). В СРНГ этому варианту соответствует значение 'часть луга, оставшаяся нескошенной; часть поля, оставшаяся несжатой; незасеянный участок поля' [СРНГ 1980: 61]. Данный ЛСВ фиксируется в 10 населенных пунктах области, в 6 из которых функционируют севернорусские, а в 4 — южнорусские говоры. Противопоставленный же ему семантический вариант 'обработанный, занятый чем-либо участок' характерен для южнорусских говоров Сергиевского, Пестравского и Большечерниговского районов области.

Примечательно, что ЛСВ 'участок земли' послужил причиной возникновения метонимического варианта 'полоска земли, мера площади', распространенного в 15 населенных пунктах области. Упомянут этот вариант и в СРНГ, как характерный для самарских говоров: «Мера площади [какая?]. Духовщ. Саратов., 1946–1947. Богатое. Куйбыш.» [СРНГ 1980: 63]. Ср.: Земля вся кулигами размерена. Кулига лесу. Куйбыш.» [ibid.].

Заметим, что на территории нашей области в середине XX века регистрировалось выражение кулигами в значении наречия — 'местами' (о всходах посевов, травы). Об этом свидетельствует СРНГ: «Картошки нынешний год какие-то неровные, кулигами, то хорошие, то совсем никудышные. Куйбыш., 1945–1964» [СРНГ 1980: 62].

Лексема кулига в значении 'часть необработанной земли' не образует ареала, показывает три разрозненных фиксации на севере, западе и юго-западе области, что свидетельствует о неустойчивости этого значения у слова. Отметим, что наличие подобного значения на территории Самарской области фиксировалось в СРНГ: «Огрех в поле. Куйбыш., 1939–1955» [ibid.].

Спорадически на территории Самарской области отмечается употребление слова кулига в значении 'трава'. СРНГ приводит подобный вариант значения: «Луг с хорошей сочной травой. Даль [без указ. места]. Дмитриев. Курск., 1908. Куйбыш., Соль-Илецк. Чкал.» [СРНГ 1980: 61]. Вероятнее всего, значение 'трава' сформировалось путем метонимического переноса: «луг с хорошей сочной травой — трава». В с. Криволучье-Ивановка Красноармейского района слово кулига приобретает дополнительное, частное значение: так здесь называют лужайку. В с. Благодатовка Большечерниговского района кулига —

это еще и трава, годная на сено, а в с. Владимировка Безенчукского района кроме бытующего здесь значения 'нескошенный луг' появляются частные значения 'хороший урожай' и 'что-то посеянное'. Заметим, что дополнительное значение слово кулига приобретает исключительно в южнорусских говорах.

Таким образом, наблюдается интересная закономерность: основные значения слова функционируют в севернорусских и близких им генетически среднерусских говорах, дополнительные значения, т.е. семантическое развитие, слово приобретает преимущественно в южнорусских говорах.

Слово кулига не употребляется в 50 населенных пунктах. При этом в соседствующих селах может наблюдаться как отсутствие, так и наличие слова в говоре, что указывает на пестроту в распределении диалектных вариантов, свойственную переселенческим говорам. В системе значений немалую долю занимают производные, осложненные дифференциальными семами, варианты, что указывает на неархаический характер слова кулига.

При составлении некоторых карт (например, семантической карты слова погода) общерусские значения лексем, ввиду многовариантности фиксаций и отсутствия оппозиционной значимости, не учитываются, но используются при интерпретации карт. Семантическая структура моделируемого поля «Погода» объективно сложнее его лексической репрезентации и имеет определенную иерархию. Она включает в себя общее значение лексемы погода ('состояние атмосферы') и частные гипонимические значения ('хорошая погода', 'плохая погода', 'снег идет'), коррелирующие с широко распространенным, образующим плотные ареалы, значением 'ясная солнечная погода', выраженным диалектной лексемой вёдро. Лексический состав поля в самарских говорах представлен общерусским словом погода, собственно диалектным словом вёдро, а также единичными вариантами не'погодь, хму'рно.

Лексема вёдро активно функционирует на территории всей Самарской области. В северной, северо-западной и западной частях области, т.е. преимущественно в районах раннего переселения, где бытуют компоненты группировки окающих владимирско-поволжских и сформировавшихся на их основе среднерусских окающих говоров, слово вёдро в значении 'ясная, солнечная погода' вступает в антонимические отношения с общерусской лексемой погода в значении 'плохая погода'. На западе области наблюдаем метонимическое раз-

вите этой оппозиции. В с. Суринское Шигонского района, с. Рамено Сызранского района, с. Бестужевка Приволжского района и с. Владимировка Хворостянского района лексема вёдро 'ясная, солнечная погода' противопоставлена слову погода в метонимическом значении 'снег идет'. Распространение ЛСВ 'снег идет' зафиксировано только в западной части области. Заметен достаточно компактный ареал данного ЛСВ на этой территории.

В некоторых населенных пунктах наблюдается одновременное употребление лексем вёдро 'ясная, солнечная погода' и погода 'хорошая погода'. Синонимические отношения этих ЛСВ не обладают обширной ареальной характеристикой. Однако на севере области указанные синонимы образуют точечный ареал, функционируя в трех соседних селах Шенталинского и Клявлинского районов.

Локализация лексико-семантических вариантов 'хорошая погода' и 'плохая погода' имеет территориальные ограничения, выявляющие противопоставление говоров раннего и позднего формирования. Кроме того, выявлено, что ЛСВ 'хорошая погода' не употребляется в южнорусских говорах, уступая место лексеме вёдро в значении 'ясная солнечная погода'.

В с. Чекалино Сергиевского района наряду с лексемами погода 'плохая погода' и вёдро 'ясная, солнечная погода' встречается слово хму'рно, вступающее в семантическую эквивалентную оппозицию с ЛСВ 'плохая погода' и противопоставленная, таким образом, лексеме вёдро.

В с. Берёзовка Кошкинского района элементом значимой оппозиции становится лексема не'погодь. Она противопоставлена диалектному слову вёдро 'ясная солнечная погода' и ЛСВ 'хорошая погода'.

В условиях диалектной пестроты, которая характерна для всех переселенческих говоров, сложные многочленные диалектные оппозиции, часто осложненные различиями внешнего, неязыкового плана, образуют систему, в которой выделяются общерусские и диалектные слова. На картах акцентируются прежде всего те из них, которые имеют полярную диалектную приуроченность и образуют ареалы.

Дополнительными знаками и цветом заливки на картах самарского лексического атласа выделяются лексические единицы, ареалы которых вписываются в общую картину противопоставления генетически родственных окающих и акающих говоров северной и центральной части Самарской области и южнорусских говоров на юге нашей территории. Так, особыми дополнительными обозначениями и цветом отмечаются на карте лексемы шкирд, кладь (карта «Наимено-

вания большой продолговатой укладки снопов»), кортошка, картовь (карта «Наименования картофеля»), грухва / грухова (карта «Наименования брюквы»).

Картографирование лексики позволило выделить на карте Самарской области дополнительные микрзоны на западе области (район Самарской Луки) и на востоке (пограничные с Оренбургской областью районы), неодинаковые с точки зрения времени освоения территории. В лингвистическом ландшафте Самарской области выделяются ареалы лексем карда (карта «Наименования огороженного места для скота в поле, в лесу»), конопель и посконь (карта «Наименования мужской особи конопли») и др., образующие ареалы на востоке и западе области.

Отражение на лингвистической карте многочисленных лексико-семантических оппозиций явилось объективно трудной задачей, поскольку при картографировании большое значение приобретает типология диалектных различий лексико-семантического уровня и иерархические отношения тех дифференциальных признаков, по которым они противопоставлены друг другу. Выявленная в исследовании связь типов отношений многозначности и синонимии с их ареальной характеристикой актуальна для общей теории лингвистической географии.

Описанные закономерности лексико-семантического варьирования в говорах Самарской области создают базу для дальнейшего теоретического осмысления феномена высокой вариантности формы и содержания слова в диалектной системе. Для семантических диалектных различий характерно несовпадение структурных признаков картографируемых слов и их лингвогеографических характеристик. Диалектное слово в одном из своих значений может давать на карте несколько небольших ареалов и входить в состав внутрдиалектного членения территории, а в других своих значениях — не иметь ареальной характеристики вообще. Так, например, слово кулига в значении 'поляна' зафиксировано на территории области на севере и северо-западе в окающих и акающих говорах с владимирско-поволжской основой. Ему противопоставлены другие значения этого слова, имеющие узко очерченные и точечные ареалы по говорам различной типологии.

Семантические карты в составе атласа необходимы, так как по характеру ареалов, их взаиморасположению и соотношению с внутрдиалектным членением самарских говоров можно судить об отношении диалектных слов и их значений к активному словарю и делать выводы о переходе диалектных слов в пассивный словарь. Принципиальное значение имеет типология диалектных различий лексико-

семантического уровня и иерархические отношения тех дифференциальных признаков, по которым они противопоставлены друг другу. Выявленная в исследовании связь типов отношений многозначности с их ареальной характеристикой актуальна для общей теории лингвистической географии.

Литература

Баженова Т. Е. Итоги изучения лексики самарских говоров // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Сер. «Гуманитарные науки и образование». Вып. 3. Тольятти, 2014. С. 18–23.

Долгова Е. Ю. Семантика слова кулига в говорах Самарской области // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2013: сб. статей. СПб., 2013. С. 92–96.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–41. М.–Л./СПб., 1965–2012.

**ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ИСТОРИИ
РУССКОЙ ГРАММАТИКИ:
ШАХМАТОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ**

*Николаев Геннадий Алексеевич,
Николаева Наталия Геннадьевна*

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Россия, г. Казань

Вопросы теории и истории русского словообразования в научном наследии академика А. А. Шахматова

Проблемы словообразования не были в числе основных научных интересов А. А. Шахматова. Однако высказанные ученым идеи стимулировали развитие словообразовательной науки. А. А. Шахматов не мог обойти стороной вопросы словообразования, которое понималось тогда как раздел грамматики (морфологии), поскольку сам он занимался проблемами исторической морфологии русского языка. Именно в своих лекциях по этой дисциплине он во введении определил основные категории морфологического строения слова. Основываясь на рассуждениях Ф. Ф. Фортунатова о соотношении в слове основной и формальной принадлежностях форм слова [Фортунатов 1956, 1: 137], А. А. Шахматов дает такое определение основы слова: «Неизменяемые части изменяемых слов, называются основами <...>; изменяемые части слов называются окончаниями» [Шахматов 1957: 13].

Мы должны отметить, что близкое к этому определению в 1887 году (т.е. задолго до А. А. Шахматова) сделал ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ по Казанскому университету А. И. Анастасиев: «Темою, или *основой* слова называется та часть его, которая повторяется в группе слов, видоизменяющихся только в окончаниях» [Анастасиев 1887: 28]. Приводим здесь это мнение казанского лингвиста не для того, чтобы оспаривать научный приоритет, а для того, чтобы показать единомыслие думающих ученых, вникающих в суть реалии при вынесении своих дефиниций. Это особенно важно, если мы обратимся к современным определениям.

К сожалению, эти правильные высказывания были забыты, и ученые пошли за тем определением, которое дается основе в школьных учебниках: основа слова — это часть слова без окончания. Но что приемлемо в преподавании русского языка в школе, не может претендовать на научную дефиницию. Тем не менее, это определение было подхвачено солидными учеными-синхронистами и перенесено в учебники и работы более высокого уровня. Вот, например, определение вузовского учебника: «Напомню, что основой называют ту часть слова, которая остается, если отнять от слова окончание» [Земская 1973: 6].

Определение академической грамматики в принципе аналогично вузовскому, хотя и осложнено новой терминологией: «Основой словоформы называется часть словоформы, остающаяся после отсечения флексийного и постфиксального морфов» [Грамматика 1970: 31]. Такие определения являются чисто формальными и, конечно, не придающими авторитета нашей науке.

В. М. Марков, не только выдающийся лингвист, но и человек, хорошо знавший биологию (и на этом основании давший приемлемое объяснение одного из темных мест «Слова о полку Игореве» - «О соколе в мытех» [Николаев 2011: 19]), полушутливо на своих лекциях предполагал, какая была бы реакция биологов, если бы кто-то определял ствол дерева как часть его, которая остается, если отпилить корень и крону. Но в лингвистике к такого рода дефинициям, к сожалению, относятся спокойно.

Существующее в науке (не шахматовское) определение основы слова не раскрывает содержание понятия «основа слова», а показывает (причем в чисто механическом плане) приемы выделения основы в слове. Основа слова — морфологическая единица, а потому она должна быть определена через ее морфологическую специфику.

Важнейшей чертой структурной единицы в системе словоизменения должна быть та, которая раскрывает ее отношение к словоизменению, ее роль в этой системе. Такой чертой основы слова является ее морфологическая неизменяемость, противопоставленная изменемости формообразующего элемента в пределах системы форм одного слова (например, в парадигме). В этом смысле определения А. А. Шахматова и А. И. Анастасиева точно передают содержание данного понятия. Учитывая изменения в научном мышлении, происшедшие со времен высказываний названных ученых, предлагаем такое определение основы слова: основа слова — это морфологически неизменяемая часть слова, противопоставленная в системе словоформ морфологически изменяющемуся окончанию.

Давно напрашивается вопрос: а причем здесь словообразование? Дело в том, что в языке существует исторически сложившийся параллелизм словообразования и формообразования (словоизменения). И там, и здесь мы имеем дело с основами слова: формообразующими и словообразующими. Так, например, основа слова (в системе словоизменения) становится производящей основой (в полном или усеченном виде) при образовании слов. Ср.: *лукав(ый)* — *лукав-ство*, *любопыт-н(ый)* — *любопыт-ство* и т. п. Правильное определение основы слова

весьма важно и для словообразования. Это хорошо подметил Ю. С. Маслов, который объединил в одном определении основу формобразующую и словообразующую, найдя в них изоморфные характеристики: «Основа есть общая часть сравниваемых словоформ одного слова или двух сравниваемых слов, связанных отношениями производности, содержащая корень или корни и представленная во всех сравниваемых образованиях тождественным составом морфем» [Маслов 1972, 1: 9]. Очень удачное определение, но, к сожалению, не замеченное составителями академических грамматик.

Здесь мы не можем обойти молчанием возражение В. А. Богородицкого против неизменяемости основы. Он указывал, что в разных словоформах основа может быть представлена разными отрезками: *гот* — *год-а* — *год'-е* — *гад-á* [Богородицкий 1935: 92]. Ясно, что речь здесь идет о фонетической изменяемости, о так называемых фonomорфемах. И это не отменяет морфологическую неизменяемость основы. В определение основы можно добавить, что она может быть представлена комплексом фonomорфем.

Морфологическая устойчивость основы сохраняет тождество слова. Фонетическая изменяемость основы, о которой писал В. А. Богородицкий, допускается в языке только до определенных пределов, т.е. до тех пор, пока фонетическая разобщенность не угрожает единству слова. Как только это случается, неизменяемость основы проявляет себя и ограничивает фонетическую разобщенность слова. Показательна в этом отношении история разобщения и унификации основ, вызванная процессом падения редуцированных в русском языке. Выравнивание основ проходило или по именительному падежу (*мудрьць* — *мудрьца* → *мудрец* — *мудрца* → *мудрец* - *мудреца*), или по косвенным падежам (*курьскъ* — *курьска* → *Куреск* — *Курска* → *Курск* - *Курска*), или, наконец, путем контаминации исходного и косвенных падежей (*ръпъть* — *ръпъта* → *рпот* → *ропта* → *ропот* — *ропота*) [Балалыкина, Николаев 1985: 107–108]. Мы провели рассуждения и привели аргументы справедливости шахматовской точки зрения на основу слова, которая по непонятным соображениям не была востребована дериватологами-синхронистами.

К сожалению, современное синхроническое словообразование ориентируется на ряд тривиальных, «само собой разумеющихся» истин, которые не украшают нашу науку. Одной из таких истин является признание префиксально-суффиксального способа словообразования: что стоит перед корнем есть приставка, что после корня — суффикс.

История языка говорит о том, что во многих случаях приставки здесь никогда не бывало: была предложно-падежная форма, которая выступала в качестве производящей основы. Позднее, в результате своеобразного переразложения при переориентации производного слова на производящее слово не в предложно-падежной, а в исходной форме (например, существительное в именительном падеже: *за рекой* → *за-реч-ный* > *река* → *за-реч-ный*), появляется в структуре производного слова не еще один аффикс (приставка), а происходит, согласно теории И. А. Бодуэна де Куртенэ (Бодуэн де Куртенэ 1902: 234–248), расширение «окончания» (аффикса) за счет основы. Своеобразие этого переразложения заключается в том, что расширение аффикса происходит не контактным, а дистактным путем. В результате появляется прерывистая аффиксальная морфема, которую ученые квалифицируют как *конфикс* [Марков 1968], или *циркумфикс* [Шанский 1977: 14].

Свои словообразовательные идеи А.А. Шахматов развивал в то время, когда наука об образовании слов не была еще разработана на твердых доказательных основах, поэтому не все его идеи закрепятся в словообразовательной теории. Здесь мы отметим точку зрения ученого на субстантивацию прилагательных. Детально и всесторонне описав категорию субстантивированных прилагательных, А. А. Шахматов при объяснении способа их образования говорит о пропуске определяемого субстантива (типа *нищий человек* > *нищий*), но ограничивает при этом случаи распада конкретных словосочетаний [Шахматов 1941: 455 у.а.]. А. А. Шахматов дает развернутую классификацию субстантивированных прилагательных, на которую опирались последующие исследователи этой группы имен. К сожалению, ученый оставил без внимания взгляд А. А. Потебни, который дал более приемлемую трактовку происхождения такого рода образований.

А. А. Потебня не сразу пришел к той оценке имен типа *больной*, которую можно считать адекватной специфике этой категории слов. Если в первом томе «Из записок по русской грамматике» ученый говорит об опущении определяемого слова и переходе прилагательного в существительное, то в третьем томе монографии он дает историческую оценку процессу, выделяя период атрибутивных имен, совмещающих атрибутивность и субстантивность, т.е. говорит фактически о синкретизме древнего имени, при котором, естественно, никакого перехода прилагательного в существительное не было и быть не могло [Потебня 1968: 45 у.а.]. Ошибочность своих прежних взглядов признает сам ученый [ibid.: 48]. Как блестящий ученый-диалектик

А. А. Потебня допускает в дальнейшем возможность образования существительных, так сказать, адъективного склонения уже на базе возникших прилагательных [ibid.: 65].

Современные специалисты (В. М. Марков, Н. М. Шанский и др.), учитывая взгляды А. А. Потебни, видят в субстантивации проявление способа семантического словопроизводства, приводя в доказательство этой точки зрения убедительные аргументы [Марков 1957, Шанский 1977].

Еще одна идея А. А. Шахматова, высказанная им, правда, с неполной уверенностью в ее истинности, была подхвачена наукой и укрепилась в умах специалистов по словообразованию. Речь идет о выделении А. А. Шахматовым в системе словообразовательных средств русского языка так называемых «старославянских суффиксов». К их числу А. А. Шахматов относит суффиксы *-тель*, *-ние*, *-тие*, *-ость*, *-ство*, *-ствие* и их производные *-тельный* и др. Правда, ученый не дает нам окончательных утверждений, сопровождая квалификацию этих суффиксов словами *вероятно, как кажется* [Шахматов 1941а: 87–88]. Вопрос о природе этих суффиксов до сих пор не имеет окончательного решения.

Что заставило А. А. Шахматова рассматривать их как «элементы церковнославянского словообразования»? Безусловно, то, что, начиная с самых древних письменных (южно- и восточнославянских) памятников, они встречаются в составе производных слов в абсолютном большинстве случаев в произведениях высокого славянского слога. Поскольку такими произведениями были переведенные с греческого языка изначально на язык старославянский, а потом переписанные на Руси богослужебные и богословские сочинения, такие суффиксы стали называть старославянскими (или церковнославянскими). Идею учителя активно поддержал С. П. Обнорский в статье «К истории словообразования в русском литературном языке», опубликованной в «Русской речи» в 1927 г. [Обнорский 1927]. В этом же номере журнала была опубликована и статья В. В. Виноградова «Из истории лексики русского литературного языка», в которой автор давал несколько иную трактовку происхождения «старославянских» суффиксов. Нам важно отметить, что эта идея А. А. Шахматова активизировала исследование стилистических функций категорий словообразования и привела к оформлению раздела «историческое словообразование и историческая стилистика» в науке об истории русского языка. А. А. Шахматов, блестящий знаток древнерусских текстов, вряд ли мог прийти к другим выводам в условиях неразработанности проблем теории и истории русского словообразования. А факты ясно показы-

вали, что интересующие нас суффиксы встречаются в изобилии именно в текстах церковнославянской языковой ориентации. А дальше, как часто случается в нашей науке, все пошло по инерции и по традиции.

Но уже в середине прошлого века, когда началась интенсивная разработка словообразовательной науки, появились сомнения в правильности отнесения данных суффиксов к старославянским. Была выдвинута точка зрения об их общеславянском происхождении, так как они свойственны словообразовательным системам всех славянских языков, и даже тех, которые якобы имели наименьшее влияние со стороны старославянского языка, например, польского языка. Н. М. Шанский выдвинул еще один серьезный аргумент: исходя из того, что все славянские языки в основном имеют одинаковый состав словообразовательных средств (и это подтвердили В. В. Лопатин и И. С. Улуханов в своем выступлении на киевском съезде славистов [Лопатин 1983: 169], трудно представить, чтобы какой-то один южнославянский диалект, на который святые Кирилл и Мефодий переводили Священное писание, имел все эти продуктивнейшие суффиксы, которых не было ни в одном другом славянском языке [Шанский 1959: 116].

И все же остаются вопросы: если эти суффиксы общеславянские, то почему именно они были использованы как книжные, а не другие (например, *-ø-*, *-ьникъ*, *-ьць*, *-ина*, *-ота*, *-ище*, *-ьба* и многие другие), и почему они используются с такой большой регулярностью именно в старославянском языке?

Ответ на этот вопрос выводит нас на специфику книжных суффиксов. Во-первых, все они составные и сложены из двух (а иногда и трех) синонимичных общеславянских суффиксов: *-nije* < *-n* + *-ije*, *-tije* < *-t* + *-ije*, *-ьstvije* < *-ьstvo* + *-ije*, *-ьstvo* < *-t* + *-tvo*, *-ostь* < *-ot(a)* + *-ть* и др. Следовательно, это славянские новообразования, поэтому, во-вторых, им нет достоверных индоевропейских соответствий (приводимые палеославистами соответствия малоубедительны), в то время как первичные суффиксы, из которых они сложены, такие соответствия имеют [Мейе 1951]. В-третьих, аффиксальная редупликация была вызвана необходимостью преодоления древнего синкретизма и большей конкретности языковых знаков, которые ограничивали возможности языка оформлять отвлеченные значения. Становятся понятными причины появления слов типа *храбр-ост-ьств-и~*. Особенно много таких образований в переводе трактатов Дионисия Ареопагита [Николаева 2000: 174–193].

Имена с суффиксами *-telь, -(e)nije, -tije, -ostь, -stvo, -stviје, -izna, -znь* появились впервые в старославянских текстах, поскольку именно в этих текстах возникла необходимость воспользоваться теми возможностями и тенденциями, о которых говорил В.В. Виноградов. Он считал, что такие суффиксы в общеславянском языке находились в «латентном» состоянии [Виноградов 1927: 118]. Именно в первых книжных текстах они и оказались востребованными. В дальнейшем эти образования распространялись во всех славянских языках при переписывании текстов Священного писания. Переписчики хорошо понимали эти слова, хотя в их живой речи вряд ли эти слова встречались, по крайней мере, регулярно [Николаев 2010: 111]. Нам важно отметить, что образования с этими суффиксами в славянских языках являются «характерным признаком» [Бернштейн 1972, 41] книжной речи, хотя используются и в других стилях литературного языка [Андрейчин 1949, 61, 71; Травничек 1950, 198 и др.]. Из всего сказанного можно сделать вывод об этих суффиксах: они генетически общеславянские, а функционально старославянские, так как возникли из общеславянского морфемного материала, но впервые были востребованы в переводных книжно-славянских текстах.

Таким образом, проблемы словообразования и структуры слова, затронутые А. А. Шахматовым в преддверии развития словообразовательной теории, стали актуальными в период расцвета словообразовательной науки (вторая половина XX века).

Литература

- Анастасиев А. И.* Морфологический анализ слов. Воронеж, 1887.
- Андрейчин Л.* Грамматика болгарского языка. М., 1949.
- Балалькина Э. А., Николаев Г. А.* Русское словообразование. Учебное пособие. Казань, 1985.
- Бернштейн С. Б.* К истории славянского суффикса *-telь* // Русское и славянское языкознание (к 70-летию Р. И. Аванесова). М., 1972. С. 36–42.
- Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. М., 1935.
- Бодуэн де Куртенэ И. А.* Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний // Сборник статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову. Варшава, 1902. С. 234–248.
- Виноградов В. В.* Из истории лексики русского литературного языка // Русская речь. Новая серия. М.–Л., 1927. Вып. 1. С. 90–118.
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Земская Е. А.* Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.

Лопатин В. В., Улукханов И. С. Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 169–184.

Марков В. М. К вопросу о субстантивации имен прилагательных в русском языке (1) // Ученые записки Казанского ун-та, 1957. Т. 117. Кн. 2. С. 113–118. (2). // Памяти В. А. Богородицкого. Казань, 1961. С. 94–109.

Марков В. М. Замечания о конфикации в современном русском языке // *Język rosyjski*, № 3, Warszawa, 1968. С. 7–12.

Маслов Ю. С. Понятие основы и формата в дериватологии и парадигматике // Актуальные проблемы русского словообразования. Т. I. Самарканд, 1972. С. 7–13.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

Николаев Г. А. Феномен славянских книжных суффиксов // Русская и сопоставительная филология. Казань, 2010. С. 127–131.

Николаев Г. А. Виталий Михайлович Марков (1927–2010). Выдающиеся ученые Казанского университета. Казань, 2011.

Николаева Н. Г. Трактат Дионисия Ареопагита «О божественных именах» в древнеславянском переводе // *Beiträge zur Slavistik*. Bd. XLII. Frankfurt/M., 2000.

Обнорский С. П. К истории словообразования в русском литературном языке // Русская речь. Новая серия. Вып. 1. М.–Л., 1927. С. 75–89.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.

Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка. М., 1950.

Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды в 2-х т. Т. 1. М., 1956.

Шанский Н. М. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке // Вопросы истории русского языка. М., 1959. С. 104–131.

Шанский Н. М. Лексическая деривация в русском языке // Русский язык в школе. 1977. № 3. С. 9–16.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941а.

Глинкина Лидия Андреевна
Челябинский государственный
педагогический университет
Россия, г. Челябинск

Заметки о динамике субстантивации в истории русского языка

I. Субстантивация как «использование одной языковой формы в функции другой» [ЛЭС 1990: 519] не имеет однозначной квалификации в общем языкознании. Она рассматривается в разных языковых аспектах: транспозиции (в узком смысле слова), конверсии, теории номинации, лексической и грамматической омонимии, но прежде всего — это объект теории словообразования и грамматики. Множество подходов свидетельствует о сложности и многомерности субстантивации в соотношении с другими языковыми процессами. Вместе с тем в классическом русском языкознании были заложены перспективные пути неоднаправленного комплексного изучения всех типов переходности частей речи. Особенно велики в этом заслуги А. А. Потебни и А. А. Шахматова. Учение каждого из них о грамматических категориях и формах «тесно связано с общим воззрением на язык, речь и слово» [Виноградов 1978: 96]. Главными постулатами для А. А. Потебни, принятыми и развитыми А. А. Шахматовым, стали: историзм в понимании развития языка как основного способа мышления и познания; функциональная грамматика, а в ней синтаксис как центр изучения и способ воссоздания эволюции мышления; историческая семантика как фактор развития языка. В начале XX века впервые в лингвистической традиции акад. А. А. Шахматов описал субстантивацию как функционально обусловленное явление в рамках синтаксиса, морфологии частей речи и ономастиологии. Ученый выделил восемь типов замещения синтаксической позиции существительного одночленными и многочленными языковыми единицами: прилагательным, причастием, местоимением, наречием, предложно-именным словосочетанием и др. Широкие границы этого критерия позволили автору поставить в один ряд структурно разнотипные единицы в заместительной функции: слово, словосочетание, предложение [Шахматов 1952: 63–65]. А. А. Шахматов исходил из того, что «понятие о существительном не есть понятие морфологическое, но синтаксическое» и «внешняя форма», не соответствующая характерной для существительных, не может быть препятствием для отнесения их к существительным как «независимым самостоятельным представлениям» [ibid.]. Несмотря на широ-

кие границы избранного критерия, а также, по оценке В.Виноградова, «неопределенность и неясность в понимании системы грамматических форм у разных частей речи», в практическом анализе А. А. Шахматов «показывал тесное взаимодействие морфологии с синтаксисом, с одной стороны, со словообразованием, с другой, с семасиологией и лексикологией, с третьей [Виноградов 1952:19].

Наиболее полно А. А. Шахматов описал субстантивацию прилагательных, которые при функционировании в роли существительного получили статус «независимого представления» (= предметности), трансформировали свое категориальное значение призначности, закрепились в одной родовой форме и сохранили адъективное склонение. При этом были выделены ономаσιологические блоки в сочетании с грамматическим родом.

Так, форма *мужского рода* — для обозначения:

- лица мужского пола: *городовой, дежурный, становой, малый*;
- названия часов: «*в половине осьмого*» — *полвосьмого*;
- названия денег: *целковый* — «*за пропуском рубль*».

Форма *женского рода* — для обозначения:

- лица женского пола: *горничная*;
- документов: *купчая, духовная, отступная, мировая* ‘грамота’;
- помещения: *бельевая, писарская, въезжая, столовая* ‘изба’, ‘комната’.

Форма *среднего рода* — для обозначения:

- конкретных представлений: *жаркое, пирожное, горячее*;
- названия пошлин, поборов: *подушное, выводное, подъемное*;
- для передачи отвлеченных понятий: *далекое, близкое* [Шахматов 1952: 63–65].

Новый этап в изучении транспозиции частей речи связан с научными идеями В. В. Виноградова о соотношении словоизменения, формообразования и словообразования, о полной и частичной грамматической омонимии. Они стали центральными понятиями при дальнейшем изучении переходности частей речи [Виноградов 1947: 19–36].

В современной русистике процесс субстантивации рассматривается как одна из разновидностей морфолого-синтаксического способа словообразования в одном ряду с адъективацией, адвербиализацией, прономинализацией, конъюнктивацией [Лопатин 1967; Земская 1997]. Названные типы переходности частей речи объединяет то, что «деривационное значение в производном выражается с помощью специфиче-

ческого преобразования парадигмы словоизменения производящего» [Земская 1997: 286–441].

II. Субстантивация, как и любое звено языковой системы, находится в непрерывной эволюции: постепенно меняется лексический объем и состав субстантивов, продуктивность семантико-грамматических типов и условия их функционирования, соотношение лексико-грамматических параметров в разных стилистических сферах языкового общения.

В предлагаемой публикации сделана попытка представить в динамике субстантивацию как синкретичное системное явление с глубинными историческими корнями, отражающее ряд внеязыковых и внутриязыковых закономерностей развития. Наблюдения строятся в основном на сопоставлении лексикографических данных о субстантивах на ранней и современной стадиях истории русского языка. Для этого был использован ряд словарей [Зализняк 1980; Граудина 1976; СДРЯ XI–XIV; ФССЯ 2006]. Определим принятые нами исходные теоретические и методические позиции, необходимые для интерпретации как известных, так и новых языковых данных, которые зафиксированы в трудах по современному и историческому языкознанию.

- В систему русских номинаций субстантивы вносят свою лепту. Будучи однословными единицами, они имеют точно установленный статус принадлежности к существительным как части речи. Это обеспечивается категориальным значением предметности, единственной формой грамматического рода и замещением синтаксических позиций существительных.

- Генеалогия субстантивов, как известно, восходит к истории общеславянского синкретичного имени. Она связана с распадом его двуединой семантической цельности и обособлением значений предметности и призначности, ставших позже семантической основой существительных и прилагательных как двух самостоятельных частей речи. Этот малоизученный процесс перекрещивался с параллельным развитием семантико-грамматических категорий рода, лица, одушевленности, определенности-неопределенности, посессивности [Крысько 1994; Марков 1974; Хабургаев 1990]. Генетическое родство существительных и прилагательных предопределило их структурно-семантическое взаимодействие на протяжении всей истории русского и, вероятно, всех славянских языков. Неслучайно А. А. Потебня писал: «Во всяком языке, имеющем прилагательное, эта часть речи мо-

жет указывать на носителя признаков и в этом смысле обозначать его» [Потебня 1958, I–II: 104].

•Классификация современного и древнерусского материала строится

а) с учетом широкого понимания грамматической категории предметности и раскрывающих ее субкатегориальных значений:

— лица и живых существ («одушевленных денотатов»);

— конкретных предметов, действий, признаков («неодушевленных предметов»);

— опредмеченной отвлеченности;

б) в сочетании и соотношении с грамматическими категориями рода, числа, падежа.

• Субстантивация восходит к двум истокам. Во-первых, это древнейшая частеречная транспозиция одного из компонентов атрибутивно-субстантивного словосочетания; затем утрата или пропуск предметного имени и конденсация значений предметности и призначности в новой лексической единице. Однако не любое словосочетание способно было стать первичной языковой базой для субстантивации. Существительное, оказавшееся имплицитным, обычно относилось к основному словарному фонду, было нарицательным и имело обобщенное значение: ЧЕЛОВЕК (МУЖ — ЖЕНА в древнем значении, а после XVI века МУЖЧИНА — ЖЕНЩИНА), ЛЮДИ, ЖИВОТНОЕ (*лошадь, собака, реже медведь, волк, заяц*), конкретные номинации: БЛЮДО, ИМУЩЕСТВО, ПОМЕЩЕНИЕ, СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА И ТОПОНИМЫ и др. При пропуске предметного имени и отсутствии грамматических омонимов, функционирующих параллельно (здоровый //здоровый человек / мужчина), субстантивность бывшего атрибута легко воспроизводится по содержательности и грамматическим признакам. Во-вторых, это калькирование с греческого при переводе старославянских текстов, которое привнесло в славянские языки готовую модель субстантивации прилагательных и причастий и способствовало активному развитию категории отвлеченности уже в древнерусском языке.

• Лексический объем субстантивного поля непрерывно менялся под влиянием внутриязыковых и экстралингвистических факторов, это отразилось на архаизации и неологизации лексикона. На каждом этапе можно выявить продуктивные и непродуктивные модели (схемы, типы) субстантиватов, разных по природе прилагательных и причастий.

III. Проследим важнейшие тенденции в историческом развитии субстантивации трех основных структурно-тематических блоков, связанных с обозначением ЛИЦА, НЕ-ЛИЦА, ОПРЕДЕМЧЕННОЙ ОТВЛЕЧЕННОСТИ.

1. Наибольшая активность субстантивации в древнерусском языке XI–XII вв. отмечена при обозначении ЛИЦА по разным признакам:

— по здоровью и возрасту, физическому состоянию: *слѣпъ(-ын)*, *старъ(-ын)*, *хворъ(-ын)*, *хромъ(-ын)*, *чъньшии* ‘более молодой’, *нагъ(-ын)*, *чъбогъ(-ый)*;

— по роду занятий, социальному, правовому, имущественному положению: *малъ(-ын)*, *великъ(-ын)*, *богатъ(-ын)*, *бѣдънъ(-ын)*, *виноватъ(-ын)*, *нищъ(-ни)*, *правъ(-ын)*, *тысяцкыи*;

— по отношению к вере, к церкви и морально-нравственным постулатам: *(вез-)грѣшнъ(-ын)*, *святъ(-ын)*, *нечъстивъ(-ын)*, *поганъ(-ын)*, *лжебожън(-ын)*, *блажъныи*;

— по семейным связям, родству по крови и браку: *ближънни*, *съродъственъныи*, *дъвобрачъныи*, *домашникъ* ‘домочадцы’;

— по этнографическому признаку: *роусьскыи*, *турьскыи*...

Приведем примеры: *Въ тѣ пътъ спасенна и оубогъ и вол(ь)нъ, и старъ и гроуѣтъ. ити и отправитиса можетъ.* [Изб.1076: 197об.]. *Нищъ во моудрѣ, аки злато в кални судни, а богатъ краснъ* [Сл.Дан.Зат: 230]. *Праздъныи же да не гастъ* [Изб.1076]. *да не посрамытъ земли Рүские но лъзѣмы костью тоу, и мртвы* [В Погод. СП.: мртвыи] *во сорома не имаетъ* [Лет. Ипат.: 28].

К первому лексико-тематическому типу относятся также наименования диких и домашних животных по их внешнему виду, цвету шерсти, породе и физическим свойствам. Они оформлены по мужскому или женскому роду: *вороной*, *саврасый*, *сивый*... [конь], *борзая*, *легавая* [собака], *косой* [заяц], *бурый* [медведь]. Все субстантиваты этой группы имеют ограниченный состав в соответствии со значимостью каждой породы для человека (от *мухортovýй* [конь] или *полосатый* [бурундук] субстантиваты не могли образоваться. Модель малопродуктивна, имеет полную родо-падежно-числовую парадигму, включает фразеологизмы: *прокатить на вороньих*, *пара знедых*). Исторически наиболее продуктивными оказались субстантиваты лексико-семантической группы «по роду занятий, социальному, правовому, имущественному положению». Остальные группы в большинстве случаев сохранили ограниченный лексический состав [Глинкина 1978: 17–21]. Краткие прилагательные в роли подлежащего в древнерусской

письменности встречались нечасто, а краткие действительные причастия — тем более. Субстантивированные полные формы прилагательных и действительных причастий в древнерусском языке достаточно частотны. Так, в Изборнике Святослава 1076 г. отмечено 40 случаев такого употребления. **Любли дѣло вес печали перебиваетъ** [Изб. 1076: 68 об.]; **такъ себѣ не мोगи оучити, и инѣхъ начинаа оучити, мѣногы имать роучатела. на сѧ** [ibid.: 93об.]; **Гласъ въпниющаго в поустыни** [ФССЯ: 106].

2. Анализ грамматических оппозиций субстантиватов первого типа привел к следующим выводам.

— К концу древнерусского периода оппозиция кратких и полных форм постепенно нивелировалась в связи с их функциональной дифференциацией. Полные прилагательные и причастия сохранили свою атрибутивность при субстантивации и получили способность занимать синтаксические позиции существительных (субъекта, объекта). Краткие причастия в им. пад. ед. ч. трансформировались в неизменяемые деепричастия, краткие прилагательные закрепились в функции сказуемого в им. пад. ед. и мн. ч., в косвенных же падежах адвербиализовались. В церковнославянских, светских и деловых текстах отмечено варьирование формообразования причастий: *брачащійся* — *брачвишійся*; *зablужденный* — *zablудившійся*; *праздношатающій (-ся)*. Память о субстантивации в далеком прошлом кратких прилагательных сохранилась в устойчивых топонимических и антропонимических моделях: Львов, Ярославль, Минск, Курск; Конев, Петров, Черных, а также во фразеологизмах: *от мала до велика*; *от велика до убога*; *стар и млад*; *мал мала меньше*; *не по хорошу мил, а по милу хорош* и др. [Глинкина 2007: 7–11].

— Оппозиция по грамматическому роду в ДРЯ была только двухчастной <муж. — жен. род.> в соответствии с естественным полом лиц, однако субстантиваты жен. рода встречались очень редко. В СДРЯ XI–XIV вв. зарегистрированы лексемы: *везмоужьната, моужатата, дѣвата, женимата* ‘наложница’, *свагата, Пречистата и Приснодѣвата* (о Богородице). По мере социально-экономического развития России и укрепления правовых отношений постепенно увеличивался также количественный состав лексико-тематического поля субстантивации и менялось отражение в нем гендерного признака. Уже в начале национального периода (XVII век) определилась родовая корреляция субстантиватов по всем названным выше признакам обозначения лица. К XX веку в первой группе появились уточняющие субстантиваты. Так,

для лексемы больной (-ая): *душевно-, мнимо-, тяжело-*; *ходячий (-ая), лежащий (-ая), чумной (-ая), чесоточный (-ая)* и др. Корреляция по грамматическому роду особенно показательна в группе обозначения лица по социальному, профессиональному статусу, общественному положению: *безработный (-ая), звеньевой (-ая), подданный (-ая), приезжий (-ая)* и многие другие.

Вне родовой корреляции отмечены в форме муж. рода:

— субстантивированные номинации лиц «мужской» профессии: *дозорный, караульный, пожарный, мастеровой, часовой, ротный, главнокомандующий* и др.;

— церковнославянизмы: *подьячий, ризничий, преосвященный*;

— профессионализмы: *горновой, кордовой, стреловой, мачтовой*;

— мифологизмы: *домовой, водяной, леший, лукавый*;

— архаизмы: *возничий, доезжачий, вольноотпущенный, конюший, кравчий, околоточный, придворный, стряпчий, стремянный* и др.,

— субстантиваты муж. или жен. рода, содержательно точно указывающие на естественный половой признак: *женатый, холостой; замужняя, беременная*.

В деловых документах XVIII века отмечено 50 субстантивированных причастий мужского рода, входивших в штампы деловых документов: *нижеименованный, подписавший, участвующий, письмоумеющий* и др.¹

В мужском роде и во мн. числе, видимо, генетически заложена сема отвлеченности, обобщения. Поэтому, как и в существительных ЧЕЛОВЕК — МУЖЧИНА — ЛЮДИ, в пословицах и присказках, относящихся к лицам любого пола, используется только субстантивированная форма мн. ч. или форма мужского рода: *Береженого бог бережет; На сердитых воду возят; Битый небитого везет; Много званных, да мало избранных* и др. Высокую продуктивность субстантиватов в форме муж. рода В. В. Виноградов объяснял тем, что «слова мужского рода, относящиеся к категории лица, прежде всего выражают общее понятие о человеке, его социальную, профессиональную квалификацию, независимо от пола» [Виноградов 1947:68]. С развитием антропонимии, охватывающей лиц обоего пола, возникает и нормализуется родовая корреляция генетических субстантиватов — мужских и производных от них женских фамилий на базе кратких и полных форм притяжательных прилагательных: Гончаров — Гончарова, Луговой — Луговая.

¹ Фактический материал любезно предоставлен доцентом Челябинского госуниверситета Н. А. Новоселовой.

В оппозиции по грамматическому числу и падежу проявились следующие тенденции:

— сохранение полной родо-падежно-числовой парадигмы в коррелятивных по роду субстантиватах;

— закрепление одной родовой формы единственного или множественного числа (st или pt) за отдельными группами слов, таковы, например, упомянутые в Библии названия религиозных сект: **православный, правоверный, лъжебожъный, нечъстивык, невѣрьный, безглавный** ‘еретики’;

— предпочтительное употребление субстантиватов в форме мн. числа, нивелирующей родо-половые различия личных имен в массовом речевом общении: *больные, нищие, богатые, бедные, военные*. Особенно продуктивна в современном языке «ситуативная» старинная модель с субстантивированными причастиями, обозначающими группы лиц по единому атрибутивно-предикативному признаку: *провожающие, отъезжающие, отдыхающие, загорающие, утопающие, курящие* и т.д., а также субстантивированные относительные отгопонимические прилагательные в деловой и разговорной речи: *тверские, питерские, из калужских* и др. Падежная (родо-падежно-числовая) оппозиция зависима от формы рода и числа субстантиватов.

IV. Субстантиваты с семантикой не-лица издревле образуют качественно и количественно широкий круг субстантивных лексем любого грамматического рода и многообразной конкретно-предметной семантики:

— в форме жен. рода чрезвычайно продуктивны, особенно после XVIII века, субстантиваты с локальной семантикой — ‘изба, комната, помещение специального назначения’: *губная, съезжая, приказная, бельевая, кладовая, игровая, гостиная, парная, мастерская, учительская, кондитерская, блинная* и мн. др.;

— названия церковных служб: *вечерняга, заоутръньнага, овѣдьянага, поминальная, заоупоконнага, вьсенощнага*;

— наименование документов в форме жен. рода по их содержательности: *дарственная, закладная, купчая, меновая* ‘грамота’, *родословная* ‘записка’ [Борковский 1949: 271, 280–281 и др.];

— названия денежных единиц: *целковый, золотой* ‘рубель’. Таковы устаревшие к XX веку названия ассигнаций по цвету бумаги: *беленькая* — ‘25 р.’, *желтенькая* — ‘1 р.’, *красненькая* — ‘10 р.’, *синенькая* — ‘5р.’, *серенькая* — ‘200 р.’;

— термины (физико-математические, лингвистические, медицинские и др.) в любой родовой форме: муж. род: *шипящий, зубной, губной, лабиальный* ‘звук’; те же названия в жен. роде на месте словосочетания с существительным ‘буква’: *шипящая, глухая, звонкая* и т. д.; в форме жен. рода, восходящие к словосочетаниям с существительными ‘часть’, ‘доля’, ‘линия’, ‘сила’: *одна вторая, сотая, тысячная, кривая, прямая, секущая, касательная, производная*. В форме среднего рода в XVI веке были калькированы из латыни термины: *подлежащее, сказуемое, числительное, прилагательное, местоимение, междометие; искомое вычитаемое, слагаемое, целое, кратное, делимое, неделимое, неизвестное, умножаемое, множимое, от обратного*. Математические термины без труда можно соотнести со словосочетаниями с существительным ‘число’ и с атрибутивным грамматическим омонимом: ‘искомое число’.

— Среди субстантивов в форме среднего рода выделяются абстрактно обобщающие наименования лекарственных средств по признаку их применения: *мочегонное, рвотное, слабительное, потогонное*.

— Терминологическое классификационное обозначение отдельных особей живых существ в соответствии с отвлеченной семьей <одно животное из многих> оформляется ср. родом и чаще используется в форме мн. числа: *беспозвоночное (-ые), земноводное (-ые), жвачное (-ые), копытное (-ые), насекомое (-ые)* и др.

— Устойчивую форму ср. рода имеют субстантивы, обозначающие собирательно названия еды и питья (‘блюда’, ‘вина’, ‘пиво’ и др.) — по способу и месту изготовления, по имени производителя, по вкусовым качествам и т. д.: *холодное, горячее, жаркое, печеное, сладкое, спиртное, устар. сырное, скоромное*. Названия спиртных и неспиртных напитков сохраняют грамматический род исходного для словосочетания имплицитного существительного: (‘вода’) *сельтерская, газированная*; (‘пиво’) *Жигулевское, баварское*; (‘вино’) *шампанское, рейнское*. Это открытые, свободно пополняемые лексикотематические ряды субстантивов.

— Легко соотносятся с эллиптически опущенными конкретными существительными ‘платье’, ‘имущество’ субстантивы: *приданое, краденое, полежалое* и др.

— В прошлом достаточно цельную группу составляли названия пошлин в форме ср. рода, соотносительных со словосочетанием с древнерусским мыто: *вѣсъчек, дороженьок, дымьнок, береговок, мостовок, ворчек, вражьнок, сеньнок, поличьнок, баньнок* ‘плата за мытье’.

— Нередко деэтимологизация субстантиватов и полная утрата грамматической омонимии с исходными прилагательными: *запятая, вселенная, поднебесная, набережная*, что приводит к полной субстантивации и архаизации, нуждается в комментариях, например, во фразеологизмах: *нести околесную* (=околесицу); *узнать всю подноготную и подлинную* (В средневековые добивались признания под пытками, загоняя иглы под ногти или с помощью длинного кнута — длинника); *идти на пятую/ на боковую*.

Грамматические оппозиции субстантивированных имен не-лица имели исконно следующие особенности:

— несоотнесенность по краткой — полной форме: они представлены только в полной форме;

— отсутствие корреляции по грамматическому роду и варьирования в вин. пад. ед. и мн. ч. в связи с их неодушевленностью;

— устойчивая родо — падежно - числовая парадигма, склонность к закреплению только в форме единственного или множественного числа.

V. Третий тип лексико-тематической классификации — субстантиваты абстрактного значения, которые генетически восходит к двум источникам:

1. Первый — общеславянские имена типа добро, зло, благо, сладко, горько, сухо с заложенной в них семой отвлеченности, обособившиеся от прочих имен в форме среднего рода, которая оказалась краткой после рождения полных форм прилагательных и причастий. Эта группа субстантиватов описана А. А. Потебней, отмечена в работах В. М. Маркова, и Г. А. Хабургаева.

Краткие и полные субстантиваты передавали неконкретное, отвлеченное представление о пространстве, времени, о количественной и качественной оценке опредмеченных объектов:

— **везвѣдьнок** ‘суша’; **везмѣрьнок** ‘нечто огромное’; **вечерьнек** ‘западное направление’; **влижьнек** ‘недалекое расстояние’; **влатьнок** ‘заболоченность’; **везвѣдьнок** ‘безопасность’; **везгрѣшьнок** ‘непорочность’, **веззловьнок** ‘незлобивость’; **доуховьнок** ‘душевность, духовное начало в противоположность материальному’; **благовоньнок** ‘аромат, благовоние’ и т. д.

2. Более поздние по образованию полные формы субстантивированных прилагательных с отвлеченным значением, вероятно, не восходят к сокращенным атрибутивно-субстантивным словосочетаниям. В отличие от большинства субстантиватов со значением ЛИЦА и НЕЛИЦА, они изначально образованы по готовой модели. Параллельно с этим общерусским процессом в древнерусском языке XI–XIV вв. раз-

вивался обширный пласт идентичных по семантике и структуре субстантиватов — калек, возникших при переводе с греческого оригинала книг Священного писания. При произвольной выборке материала из трех томов СДРЯ XI–XIV вв. выявлено более 200 субстантивированных прилагательных и причастий разной семантики в форме среднего рода. Основная часть передает отвлеченные понятия, связанные с нравственными ценностями, оценочной качественной характеристикой явлений, событий, чувств и др.: **везноужьнок** ‘не связанное с насилем’; **несказаньнок** ‘нечто таинственное, невыразимое’; **несоворьнок** ‘отсутствие общения’; **везводьнок** ‘сухость, суша’; **зядьнага** ‘прошлое’ и др.

Изредка отмечены субстантиваты с посессивным значением: **монастырьскок** ‘принадлежащее монастырю’; **Воздавати / воздати кесарево кесарю и вожиц Богоу** [ФССЯ: 106].

Динамика содержательных и формальных особенностей субстантиватов абстрактной семантики состояла в следующем:

— краткие формы ср. рода ед. числа трансформировались, субстантиваты такой модели составили остов слов категории состояния в русской грамматике: *морозно, слякотно, зябко* и др.;

— полные формы на –ое, –ее с отвлеченной семантикой оказались чрезвычайно продуктивными: прежде всего в книжной речи церковно-славянского и древнерусского происхождения;

— субстантиваты с абстрактной семантикой в древнерусском языке могли функционировать как абсолютные дублеты в формах ед. и мн. числа среднего рода на **-ок** и **-ага**. По данным ДСРЯ, около 70% субстантиватов отвлеченной семантики употреблялись в форме мн. числа ср. рода: **нетъленьнага** ‘вечность, бессмертие’; **неоустроеньнага** ‘неустроенность’; **неразрѣшакъага** ‘вечность’; **ноужьнага** ‘необходимость’; **низъцага** ‘нечто неизменное’ и др. К концу XIV века были утрачены в связи с унификацией родовых флексий во мн. ч. Местоименного склонения формы ср. рода мн. числа, идентичные по содержанию с формами им. пад. ед. числа: **драгок** — **драгага** ‘нечто ценное’; **дрѣвнькк** — **дрѣвньнага** ‘древность’: **человѣкъ** от **благаго съкровища срьдъца своѣго износитъ благок и зълыни человѣкъ / износитъ зълок и лоукавъ человѣкъ отъ лоукава съсоуда износитъ лоукавага** [ФССЯ: 46].

Одна из причин сокращения грамматической оппозиции по числу кроется в устранении тождественных единиц для передачи одного денотата, что обусловлено действием закона асимметрического дуализма языкового знака. Другая причина — нараставшая активизация морфологического словообразования отвлеченных существительных с суффиксами –ство, –(н)ие, т. е. влияние конкурентных синонимов —

дублетов. В современном русском языке известны единичные архаические формы бывших субстантиватов ср. рода мн. числа, совпадавших с формой ж. рода ед. числа: *святая святых; и прочая, прочая; все и вся; пускаться во вся тяжкая*.

Сохранившаяся модель в форме ср. рода ед. числа изначально не сопоставлялась со словосочетанием, не знала транспозиции, автономно указывала на денотат высокой абстрактности и отражала такие отвлеченные понятия, как квалитативность, квантитативность, время, пространство, посессивность [Глинкина 2007: 7–11]. В современном русском языке эта модель имеет самую высокую частотность в литературном языке разных стилей и жанров. По своей абстрактной семантической природе она близка к широкому собирательному понятию концепта. Неслучайно в «Пословицах русского народа» В. И. Даля отдельные блоки оглавления названы субстантивированными именами: *будущее, былое, великое, верное, прочное, чужое* и т.д.

Даже краткие наблюдения над динамическим развитием субстантивации в истории русского языка показывают, какие возможности и перспективы раскрываются перед будущим исследователем этого системного, многоаспектного лингвистического объекта. Опыт сочетания функционального, семантико-грамматического, словообразовательного подходов предложенный А. А. Шахматовым, подсказывает продуктивные пути синхронно-диахронного анализа субстантивации:

- расширение материальной базы субстантивации при сравнительно-сопоставительном и сравнительно-историческом изучении всех историко-лингвистических, диалектных и современных толковых словарей;
- определение статуса субстантивации в соотношении с другими типами переходности частей речи на всех этапах истории русского языка;
- осмысление этого процесса в связи с развитием понятийных и грамматических категорий и его роли в развитии русской ментальности;
- внимание к стилистической специфике функционирования в книжной и живой разговорной речи.

Литература

Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.

Виноградов В. В. Учение акад. А. А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке // Из трудов

А. А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи) М., 1952. С. 3–26.

Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 295–312.

Глинкина Л. А. Подлежащее // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение / Под ред. акад. В. И. Борковского. М., 1978. С. 7–40.

Глинкина Л. А. Грамматическая вариантность в истории русского языка: диссертация в виде научного доклада ...ученой степени доктора филолог. Наук. Екатеринбург, 1998.

Глинкина Л. А. Генетическая память в субстантивации // Российский лингвистический ежегодник: 2007, вып.2 (9). Красноярск, 2007.

Граудина Л. Ю., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1990.

Земская Е. А. Словообразование // Современный русский язык / В. А. Белошапкова и др.; изд.3-е, испр. и доп. М., 1997.С.286–441.

Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). М., 1952.

Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред В. Н. Ярцевой. М., 1990.

Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические чередования. М., 1967.

Марков В. М. Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. М., 1974.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I. М., 1988; Т. II. 1990, V. 2002.

ФССЯ — Фразеологический словарь старославянского языка: более 4000 единиц: Проспект / Под ред. С. Г. Шулежковой. М.–Магнитогорск, 2006.

Хабургаев Г. А. Очерки истории морфологии русского языка: Имена. М., 1990.

Концепция наречия в трудах А. А. Шахматова

В начале XX века наречие привлекает исследователей и как часть речи, и как часть лексико-семантической системы языка, и как особая синтаксическая категория. По-разному понимаются границы наречий и определяются классификационные признаки этого класса слов, позволяющие ограничить его от других частей речи. В XIX в. при выделении наречий на первый план выдвигался преимущественно морфологический критерий (неизменяемость) или его синтаксические признаки. Так, например, А. А. Потебня, описывая наречия, исходил из их функции в предложении — функции обстоятельства. Ранее К. С. Аксаков вообще предлагал исключить наречие из состава частей речи и последовательно рассматривать его только как член предложения — обстоятельство.

Определения наречий в трудах Шахматова учитывают разные аспекты этого класса слов и характеризуются динамизмом, который отражается в изменениях предлагаемого набора дифференциальных признаков. Так, первое развернутое определение наречия как части речи в «Синтаксисе русского языка» строится на основе взаимодействия семантических и морфологических критериев. Ср.: «Наречие определяется как та часть речи, которая означая знаменательное представление, мыслится неизменно в сочетании с представлениями о действии-состоянии или качестве-свойстве, вызывает представление о бытии-состоянии, не обнаруживая в своей форме связи с грамматическими категориями» [Шахматов 1941: 422]. При рассмотрении членов предложения добавляется не менее важный синтаксический критерий, который далее последовательно учитывается. Определения наречий отражает общую концепцию частей речи, разрабатываемые ученым.

В основу дифференциации частей речи Шахматов кладет преимущественно синтаксические и семасиологические признаки (ср.: «Различию частей речи соответствует различная природа наших представлений. Все наши представления... распадаются на представления о *субстанциях* (лицах или предметах), представления о *качествах-свойствах*, представления о *действиях-состояниях* и представления об *отношениях*» [ibid.: 428]. Соответственно наречие определяется, во-первых, как часть речи,

«употребляющаяся в качестве главного члена односоставного предложения, а также в качестве обстоятельства» [ibid.: 427]; во-вторых, как часть речи, «соответствующая представлению о качестве-свойстве, мыслимом в сочетании с представлением о другом качестве-свойстве или с представлением о действии-состоянии» [ibid.: 428]. Важнейшим оказывается синтаксический критерий, не случайно в «Синтаксисе русского языка» наречие часто отождествляется с обстоятельством. Кроме того, Шахматов неоднократно отмечает отсутствие у наречий форм слово-изменения. Таким образом, наречие как самостоятельная часть речи выделяется ученым на основе трех взаимосвязанных критериев: синтаксического, семантического и вспомогательного морфологического.

Рассматривая семантику наречий, Шахматов подчеркивает своеобразие категориального значения этого лексико-грамматического класса слов. Трактовка этого заявления базируется в работах ученого на репрезентации не только широкого спектра признаков значений, но и сложной семантической категории отношения, что позволяет максимально расширить объем данной части речи и включить в нее слова, обслуживающие как диктальную, так и модусную сферу языка. Ср.: «Под понятие *отношения* (выд. Шахматовым) подходит несколько различных явлений, выражаемых наречием. Во-первых, наречие может обозначать один из моментов внутреннего развития того или другого действия, состояния, свойства, качества, например — степень его или тот или иной его вид, определяемый посредством сравнения с другими признаками. Во-вторых, наречие может обозначать временные, пространственные количественные отношения, в которых находится, в которых обнаруживается действие-состояние. В-третьих, наречие может обозначать сопоставляемый с господствующим признаком признак, вызванный этим господствующим признаком, сопутствующий ему...» [Шахматов 1941: 398–399].

Рассмотрение семантики наречия является важной составляющей в описании наречия в работах Шахматова. Обращаясь к таким семантическим компонентам, как «качество», «свойство», «состояние», «отношение», ученый показывает, что значение наречия характеризуется многомерностью и может иметь достаточно сложную организацию. Анализ сочетаемости наречий в «Синтаксисе русского языка» Шахматова позволяет сделать вывод, что признак, который обозначается наречием, может приписываться как другому признаку или предмету (через характеристику его предикативного или атрибутивного признака), так и ситуации в целом, обозначенной в предложе-

нии. Наречие, таким образом, выступает в работе Шахматова как многосторонняя единица «со своим означенным, означающим, синтаксической и прагматикой» [Апресян 2006: 55].

С точки зрения А. А. Шахматова, исторически «наречие в системе частей речи занимало центральное место». По мнению ученого, «центральное место наречие занимает в известном смысле и теперь» [Шахматов 1941: 426]. Это парадоксальное, на первый взгляд, утверждение основывается на представлении об особой роли наречия в процессе транспозиции: «Сочетаясь с существительным и уподобляясь ему, наречие переходит в прилагательное; сочетаясь с косвенным падежом существительного для выражения тех или иных отношений, наречие становится предлогом; употребляясь для выражения отношений между двумя словами или предложениями, наречие становится союзом» [ibid.: 426]. Наречие постоянно вбирает в себя слова других грамматических классов, регулярно подвергается транспозиции и переходит в другие части речи (как знаменательные, так и служебные). Тесная связь наречия с другими частями речи, по мнению ученого, обусловлена его семантикой: «...Наречие может быть определено, во-первых, как отвлеченное название признака и отношения, во-вторых, как название признака и отношения в их сочетании с другими признаками. Отсюда тесная связь наречия с другими частями речи, переход их в наречия, их *адвербиализация*» (выд. Шахматовым) [ibid.: 502]. Ученым, таким образом, был показан синкретизм многих наречных слов и близких к ним образований и введен в научный обиход термин адвербиализация. Адвербиализация в трактовке Шахматова охватывает различные явления: в ее рамках рассматриваются и диахронические процессы, и факты деривации в современном русском языке, и фразеологизация. Неслучайно как результат адвербиализации причастия приводится наречие *угрожающе*, в состав наречий включаются сочетания, которые «не могут быть разложены» и, с точки зрения Шахматова, базируются на адвербиализации деепричастия (сломя голову, спустя рукава и др.).

Наречие, таким образом, трактуется как точка пересечения различных направлений транспозиции, в результате этот класс слов описывается им как часть речи, максимально открытая для взаимодействия как с другими знаменательными, так и со служебными частями речи. При этом адвербиализация в работах Шахматова понимается, как уже отмечалось, предельно широко. К наречиям, образованным в результате транспозиции, он относится, например, «существительное

в именительном и косвенных падежах, когда оно получает в предложении значение обстоятельства» (*пора вставить, грех сказать, шутка сказать*), восходящие к глагольным формам частицы (*де, ведь, чай, знать*), деепричастия в составе фразеологических оборотов (*сломя голову, спустя рукава, положила руку на сердце*), компоратив, который рассматривается как «утратившие склонение прилагательные» (см. примеры А. А. Шахматова: *он сильнее меня; кто помоложе — выживет*), модальные слова (*вероятно, может быть*), междометия (*баста*).

Переходность рассматривается Шахматовым и на собственно частеречном уровне (разграничение наречий, существительных, предлогов и союзов), и уровне номинативном (разграничение слов и их сочетаний). Ученый неоднократно подчеркивает, что наречия часто находятся в отношениях функциональной омонимии с другими лексико-грамматическими классами слов, причем границы между словами разных частей речи не носят жесткого характера и являются достаточно зыбкими.

Единицы, попадающие в зону действия адвербиализации, таким образом составляют обширную область явлений переходного характера. По сути речь идет о классе адвербиалов, в который входят и собственно наречия. Такой подход к их описанию переключается с современной трактовкой данного класса: «с семантической точки зрения границы между наречиями, предложными группами, приглагольными адвербами и глагольными приставками оказываются размытыми — в том смысле, что все эти элементы могут передавать один и тот же компонент значения, играть в предложении одну и ту же роль глагольного модификатора» [Филипенко 2003: 13].

Основу расширенной трактовки класса наречий в трудах Шахматова составляет не только учет переходных явлений, но и признание относительного единства класса слов, которые способны занимать в предложении разные позиции: распространителя предиката, детерминанта, самого предиката, вводного компонента. Показательно в этом плане рассмотрение Шахматовым группы «сопутствующих обстоятельств», выраженных, по мнению ученого, наречиями. Они определяются как «названия отношений», при этом отмечается, что это наречия, которые могут зависеть как от отдельного слова, так и «от всего предложения в его совокупности» [Шахматов 1941: 414]. Это замечание Шахматова предвосхищает теорию детерминантов, получившую развитие в отечественном языкознании в 60–70-е годы. В группу «сопутствующих обстоятельств» ученый включает различные по традиционно определяемому частеречному статусу и разные по функции

слова, ср.: *В тридцать лет пристегнул бы, наверняк, генеральские погоны; Ну, пожалуйста, не капризничай, душенька! А вы и в самом деле подумали, что я такой злой? Сидит повеся голову; Почему я знаю, где это было?*

Рассматривая «сопутствующие обстоятельства», выраженные наречиями, Шахматов приближается к современной трактовке наречий-модификаторов, которые могут выполнять метапредикативную функцию и выражать модальную оценку пропозиции. В класс адвербов он включает дискурсивные слова, которые отражают коммуникативные стратегии говорящего, маркируют смысловую структуру высказывания, определяют взаимодействие адресата и адресата речи, соотносят их разные оценки.

«Сопутствующие обстоятельства», как видим, занимают разные позиции в высказывании. Одновременно в «Синтаксисе русского языка» описываются типы сказуемых, выраженных наречиями, см. примеры, приводимые А. А. Шахматовым:

употребление единиц типа *лесом*, *берегом* — это реализация локального значения в признаковых синтаксемах имени существительного: «Граница между предметными и признаковыми синтаксемами проходит иногда внутри предложно-падежной парадигмы полисемического имени, когда разные его значения реализуются в разных синтаксемах (или в синтаксемах-омонимах); ср.: *дом у дороги*, или *по пыльно дороге* и: *дорогой* разговорились» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 44]. Н. В. Фоминых считает, что слова типа *весной*, *дорогой*, *лесом* «остаются в пределах класса имени существительного, хотя потенциально могут послужить материальной базой для образования наречий» [Фоминых 1982: 20]. В то же время подобные единицы часто рассматриваются в словарях как наречия или имеют неясную помету «в значении наречия». Ср., например: *Весной*, нареч. В весеннее время (Голковский словарь русского языка. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2008). *Весной*, *весною*, нареч. (Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2004). *Летом*, в зн. наречия (*ibid.*). *Дорогой*, в зн. нареч. Во время пути, поездки (*ibid.*). Таким образом, непротиворечивое описание наречий остается актуальной задачей современной русистики.

В работах А. А. Шахматова представлена также семантическая классификация наречий.

Выделение разрядов наречий на основе их значения и общих функций имеет в отечественном языкознании давние традиции. Так, М. В. Ломоносов, например, выделял шестнадцать групп наречий в зависимости от «разных знаменований» [Ломоносов 1972: 180–181],

А. А. Барсов — тридцать пять. А. А. Шахматов предложил разграничивать шесть классов наречий:

1) наречия качественные, для которых характерно образование от именных основ и наличие сравнительной степени;

2) наречия места, которые в свою очередь делятся на конкретные (или именные) и относительные, или местоименные;

3) наречия времени;

4) наречия видовые;

5) наречия количественные;

6) наречия бытия, состояния.

В классификации Шахматовым учтены не все традиционно выделяемые разряды наречий. Так, в ней не представлены наречия причины и цели. Это не случайно: они имеют ограниченный состав в современном русском языке, эти значения чаще выражаются лексикализованными предложно-падежными формами с обстоятельственной семантикой. Кроме того, «специфика причинных и — шире — обусловливающих значений такова, что она блокирует действие механизма адвербиализации» [Евтюхин 1979: 10].

Дифференцируя наречия и рассматривая их разряды, Шахматов последовательно учитывал их семантику и генетические связи с другими частями речи. Так, количественные наречия, например, делятся на именные (*полон двор, полон рот, масса*) и местоименные (*сколько, столько, несколько, много*), видовые наречия — на именные (*верхом, даром, дуром*), глагольные (*молча, ползком, походя*), местоименные (*так, никак, этак*). Учет генетических связей обнаруживает теснейшую связь наречий с другими частями речи и выявляет основные направления формирования наречной системы. С одной стороны, отмечается древнейший пласт наречной лексики — местоименные наречия, с другой, подчеркивается роль адвербиализации в процессе образования этого класса слов. Как уже отмечалось. Адвербиализация понимается Шахматовым предельно широко, при этом не всегда учитывается семантика и функции рассматриваемых единиц. Так, к глагольным наречиям неправомерно отнесены *вишь* и *ишь*, к количественным именным наречиям — устойчивые сочетания *полон рот, полон двор*, имеющие формы словоизменения существительное *масса*. Наиболее-пеструю группу в классификации Шахматова составляют наречия бытия и состояния: в нее объединяются глагольные междометия *трах, храп, чу*, модальные слова *должно быть, вероятно, может быть*, междометия *баста, шабаш*. В эту же группу, видимо, предполагалось

включить и предикативные наречия, см. замечание Шахматова: «Быть может, сюда же: *холодно, жарко, жалко, боязно, страшно, морозно* и т.д.» [Шахматов 1941: 503]. Объединение столь разнородных единиц не имеет единого основания.

Семантическая общность наречий, входящих в эту группу, отсутствует, кроме того, нельзя приписать значение бытия или состояния таким словам, как *вероятно, баста, шабаш, чу*.

Включаемые ученым в перечень наречий сочетания слов ставят проблему определения семантической цельности воспроизводимых предложно-падежных форм и устойчивых оборотов речи, которая и в современной русистике решается неоднозначно. Неслучайно в научной литературе используются разные термины: наречные сочетания, наречные выражения [Пеньковский 2004: 123; 259], составные наречные образования [Рогожникова 1984], адвербиальные лексикализованные предложно-падежные сочетания [Панова 2013: 60].

Описание наречий в работах Шахматова выявляет трудности их отграничения от других частей речи, существующие и в современной морфологии, где до конца не решена проблема выделения наречия в синтагматическом и парадигматическом аспектах, связанная с многозначностью слов, функциональной омонимией, фразеологизацией и адвербиализацией. Не случайно в современной лингвистике все чаще говорится о широком и открытом классе адвербиалов, включающем наречную лексику и смежные с ней явления.

Расширительная трактовка наречий в грамматическом учении Шахматова приводит к выделению дополнительных типов обстоятельств, в частности к выделению сопутствующих, утвердительных и усиливающих обстоятельств, и к противоречивому описанию вводных слов и междометий. В то же время вычленение сопутствующих обстоятельств предвосхищает рассмотрение дискурсивных слов в лингвистике конца XX в.

Концепция наречия в трудах Шахматова во многом перекликается с современной морфологической теорией и позволяет выявить в ней нерешенные проблемы: до сих пор неоднозначно решается вопрос о принципах выделения наречия как части речи, по-разному понимается его объем (в современной русистике представлена как расширенная, так и узкая трактовка наречия), требует уточнения классификация адвербиальной лексики, вызывает трудности установление границ между предложно-падежными формами и наречиями, соотносительными с ними по структуре, не определен строго круг форм, попадаю-

щих в зону действия адвербиализации. То, что на первый взгляд, представляется неточностью или противоречием в шахматовской трактовке наречий, соотносится, таким образом, с проблемными зонами современной морфологической теории. Обращение к описанию наречий в трудах А. А. Шахматова особенно актуально сейчас, когда возрастает число неизменяемых единиц, часто неясной частеречной принадлежности.

Литература

Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.–Л., 1947.

Евтюхин В. Б. Обстоятельственные наречия в современном русском языке: автореферат дис. канд. филол. наук. Л., 1979.

Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Панова Г. И., Городнянская П. А. Функционально-семантическая типология лексикализованных предложно-падежных сочетаний наречного характера // Весник НГУ. Серия: история, филология. Т. 12. Вып. 2. М., 2013.

Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М., 2004.

Рогожникова Р. П. Составные наречные образования и их функционирование // Русский язык. Виноградовские чтения XII–XIII. М., 1984.

Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

Филипенко М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М., 2003.

Фоминых Н. В. Словопроизводственная модель наречия в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Колесов Владимир Викторович
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

Учение А. А. Шахматова о предложении с точки зрения когнитивистики

*Но всякому, кто хочет знать и понимать русский язык
во всей сложности и многообразии его системы...
кто размышляет над отношением языка и мышления, —
для тех «Синтаксис русского языка» — настольная книга,
которую надо много читать и передумывать.*
Е. С. Истрина

Читая Шахматова и продумывая его текст, неизбежно возникают некоторые соображения, связанные со столетней дистанцией, отделяющей нас от создания этого текста. Изменились времена и научное знание — тоже. Вот почему я собираюсь рассмотреть его учение о предложении как основной категории языка с точки зрения современной концептологии, преодолевшей старую антиномию языка и мышления в виде нового представления о «речемысли» в *единстве* языка и мысли. Мы увидим, что в обширной, но, к сожалению, не законченной работе академика «Синтаксис русского языка» [Шахматов 1941]¹ заметны следы приближения к когнитивной грамматике. Кроме того, в основании синтаксических идей Шахматова лежит постулат русской философской мысли — только «единое цельно», тогда как дробные его части всего лишь восполняют это единое своими специфическими функциями. Такова *синтетическая* позиция русского языковеда, которая соответствует синтетическому строю русского языка («наши заключения основываются на данных языка»). В отличие от многих, разбиравших «Синтаксис» Шахматова, я не буду упрекать его автора за то, чего он «не понял», «не учел» или «не успел». Более того, я собираюсь защищать А. А. Шахматова во всех его «ошибках», утверждая за этими внешними ошибками представление о глубинной грамматике языка на материале поверхностной «речевой» грамматики.

Академик, кроме всего прочего, был еще и профессором Санкт-Петербургского университета, и это определяло двунаправленность его научной деятельности. Как академический сотрудник Шахматов

¹ Далее ссылки на страницы даются по этому изданию.

текстологически и герменевтически исследовал древнерусские летописи и сопутствующие им документы, издавал старые грамоты, собирал материалы для диалектологического Атласа и для исторического и диалектного словарей. Как и положено *настоящей* академической работе, эти труды стали «зернами», проросшими десятки лет спустя в деятельности других ученых, очень многих и по-своему талантливых. Как университетский профессор ученый читал, поначалу разрозненные, курсы исторической грамматики (преимущественно морфологии; он — ученик Ф. Ф. Фортунатова), исторической диалектологии, «истории русского племени» (заметим это) и окутанный историческими комментариями курс современного русского литературного языка, вызывающе новый по тем временам. Постепенно круг интересов сужался, и Шахматов в 1911/1912 учебном году начал читать курс синтаксиса, а в 1916–1920 гг. усиленно работал над текстом «Синтаксиса русского языка». В своем роде это тоже было настоящее академическое предприятие, обещавшее важные результаты.

1.

Для того, чтобы были понятны положения, используемые мною в дальнейшем изложении, введем ряд понятий концептологии как практической версии когнитивистики [Колесов 2012].

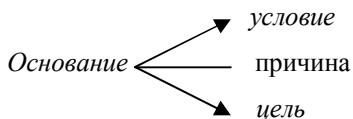
1. Концептология признает единство языка и мышления, лингвистическое и логическое в психологическом ресурсе представляет активную личность говорящего. В терминах лингвистики это и есть синтаксис. По суждению Шахматова, «язык — это мышление», и, прежде всего, речемыслительный акт, который составляет прагматическую сущность языка, в то время как проявление языка — речь — исполняет коммуникативную функцию. Такое различие в функциях снимает противоречие между языком и речью. А это проявляется в синтаксисе, воплощающем актуальное мышление.

2. Основная единица языка — концепт — присутствует в своих четырех содержательных формах, составляющих грани полного концепта: «образ — символ — понятие — концептум» — от лат. *conceptum* ‘зерно’, «зерно первосмысла». Каждое полновесное слово языка с богатым историческим содержанием имеет в себе все четыре содержательные формы концепта, см. словарные толкования лексем *дом*, *земля*, *рука* и т. п. Концепт — молекула смысла, концептум — его исходный атом. В форме слова концепт представлен как синкрета, в

предложении синкретизм раскрывается каким-то определенным содержанием, каждый раз новым.

3. Составы концепта могут быть описаны в *реальном* образе семантического треугольника, в котором концепт (в виде знака) представлен в связи с вещью и идеей (Логос), и в *идеальном* концептуальном квадрате, в котором аналитически представлены совместно все содержательные формы концепта. Это своего рода схема *хронотопа*, представленного в виде трех пространственных точек (образ — символ — понятие) с добавлением «вневременного» времени и «внепространственного» места — концептума. Теория относительности определяет взаимную связь реальных проявлений концептума в отношении к своему роду — к концепту. Как указатель отсутствующей временной составляющей, концептум задает ход движения смыслов концептуальных составляющих. Только в полном наборе составов концепта концепт развивается (изменяется), тогда как каждая его «грань» в отдельности представляет собой речевую манифестацию концепта, как отражение его в речи неподвижно замкнута на контексте.

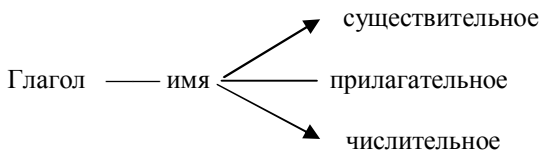
4. «Закон достаточного основания» Лейбница становится реальной основой построения алгоритма *причинности*, т.е. совместного движения условия — причины — цели к своему результату, следствию. При этом условие является представлением основания, а причина — цели (конечной причине), а функционально идеальное основание воплощается в цели, а предполагаемое условие — в причине. Логическое следование составов причинности в точности соответствует порядку членов суждения (тезис — антитезис — синтезис); в этом следовании причина в ее традиционном понимании истолковывается апофатически как не-условие и не-цель, а как *действующая* причина. Соотношение всех четырех можно представить в схеме семантической константы (постоянной величины):

что в терминах концептуального квадрата соответствует концептуму — образу — понятию — символу. Во всех случаях дело решает концептум, как исходная точка движения причинности. Любое высказывание может быть разложено на свои видовые составы в границах

семантической константы, коль скоро известно основание, которое всегда существует и только подлежит открытию.

Необходимо оговорить, что такой тип оппозиций отметил В. С. Юрченко [Юрченко 2000], который совместил градуальность трех с привативностью двух:

где имя представлено как центральное воплощение концепта. В.С. Юрченко назвал такую оппозицию «лингвистической константой», — я предпочитаю именовать «семантической константой».

2.

Самый первый абзац книги Шахматова заставляет задуматься:

С и н т а к с и с о м называется та часть грамматики, которая рассматривает *способы обнаружения мышления в слове*, иначе — в *совокупности внешних знаков*, воспроизводимых органами *речи* и воспринимаемых *слухом* <выделения, курсив мои — В. К.> (с. 17).

В совокупности словесных знаков от говорящего к слушающему выявляется мысль, представленная грамматически. О языке и речи как его проявлении еще не говорится. Более того, совмещены позиции говорящего и слушающего, оба «обнаруживают мышление», каждый со своей стороны. Слова здесь всего лишь «внешние знаки», способные передавать мысль. К тому же:¹

грамматическая категория является в известном смысле *оцененевшею психологической категорией* (сс. 25–26).

Это переход к основному «пороку» концепции Шахматова, как ее воспринимали критики: психологизм авторской позиции. Но в действительности это *не его* позиция, а точка зрения тогдашней науки и тех ученых, трудами которых Шахматов пользовался. «Психологические понятия» у Шахматова на самом деле носят логический характер. Например, лингвистическая коммуникация соответствует «логической

¹ Здесь Шахматов цитирует Г. Пауля: Н. Paul, *Prinzipien der Sprachgeschichte*, изд. 4. *op. cit.* §180.

пропозиции». Мышление понимается как психологический акт говорящего (речь), а не как логическая цель (результат) слушающего — только и всего.

Шахматов, действительно, последовательно говорит не о языке, а о речи, поскольку для него *акт коммуникации* является основным в речевом мышлении. Он постоянно говорит об устной речи: эмфаза, ударение, интонирование и т.д., а это психологические проявления речи. Более того, почти все примеры, приведенные в книге, насыщены стилистическими тропами, и тщательное их описание несомненная заслуга ученого. Но всё это — речевые проявления, к понятию языка не имеющие отношения. Это именно «внешние знаки речи».

К этому добавлены следующие положения:

Способы обнаружения мышления зависят от *возможностей... предикативной связи* (с. 26).

В языке бытие получили сначала предложения... Предложение — словесное выражение единицы мышления ... (с. 17)

«Психологический флёр», окутавший все исследование Шахматова, выгодно отличает работу от современных, по преимуществу формальных или функциональных описаний русского синтаксиса. Психологический тонус в своей обратной перспективе отразил глубоко ментальную составляющую языка как объективное проявление все того же психологического. «Человеческая психика — основание мышления» — этого высказывания вполне достаточно в соответствии с указанным законом «достаточного основания». «Атмосферой психологизации» пронизан весь ученый мир того времени, когда книга создавалась (1916–1920). Влиятельные немецкие коллеги, еще не сокрушенные феноменологием Э. Гуссерля, неизбежно воздействовали на Шахматова (он повторяет их утверждения), тем более, что его первый учитель, Ф. Ф. Фортунатов, целиком находился под таким влиянием. Да и иллюстрации из произведений русской классики XIX века передают красочную гамму эмоций, переживаний и всяческих аффектов. Это также, если текст читать сплошь, без перерывов, создает иллюзию психологического настроения. Частое смешение логических и психологических терминов также не способствует ясности, ср. сказанное о субъекте и предикате. Однако психологическая составляющая носит чисто внешний характер, она не есть чистая «психология»: «психологический акт» организует коммуникацию, а коммуникация есть чисто социальное действие, воплощенное в речевом акте.

Учение о предложении у Шахматова трехтактно. Сначала неопределенные, расплывчатые *образы* воспринимаются безразличным «сочетанием представлений», переводя их в область мышления («представления в мышлении»). В особом «психологическом акте» уже *сознание* оформляет способы сочетания подобных образов: два *представления* в предикативной связи организуют психологическую коммуникацию на основе «внутренней речи», тем самым переводя коммуникацию на логический уровень. Это метонимическое *восприятие* смежных явлений, согласованных подобием. *Метонимия, уподобление, образ и восприятие* — всё это термины, обслуживавшие древнерусское образно-символическое мышление. Именно тогда мышление и было образно-психологическим по преимуществу.

Внутреннюю речь Шахматов понимал как облеченную в зрительно-слуховые знаки мысль. «Словесное выражение сочетания представлений мы называем речью», а коммуникация понимается как сочетание «двух представлений, приведенных движением воли в причинную или (!) зависимую связь» (с. 22). Сознание не просто пассивное восприятие, сознание направлено волею говорящего, так что «начало коммуникация получает (еще) за пределами внутренней речи, но завершается она (уже) в процессе внутренней речи, откуда уже переходит во внешнюю речь» (с. 20), т. е. в акте речевой *деятельности* (социальный уровень). Это третий момент мышления, на котором и возникает грамматическая сущность — предложение (суждение), способное вступить в сферу познания: «предложение — словесное выражение единицы мышления». Знание образов, сменившись символическим сознанием в коммуникации, пришло к возможности понимания в понятиях. Современное предложение и выражает этот третий этап развития мышления в речи.

Представление у Шахматова может быть объективно или «по воле и настроению говорящего» (с. 25), чем и отличается от первоначальных образов. Коммуникация как психо-логический акт и предложение как грамматическая единица его воплощения представляют различные этапы движения мышления, но уже и внутренняя речь есть «само мышление» (с. 20), т. е. выражает логические потенции говорящего, его «волю и настроение». Еще раз: от знания исходных образов в их «реальности» (с. 23) через помысленную в сознании коммуникацию символов уподобления («знаков внутренней речи») мысль неуклонно движется к возможностям познания в предложенных языком суждениях (предложениях). То, что изнутри, с позиции говорящего,

требует психологического истолкования, то извне, со стороны воспринимающего (в том числе и воспринимающего текст) предстает как логическая необходимость. Шахматов постоянно соскальзывает с формально грамматического на содержательно логический уровень изложения, употребляя термины типа «в психологическом суждении», «в каждом суждении» (речь о предложении) (с. 21) и т. п. При известной фантазии можно было бы подумать, будто Шахматов мыслит уже когнитивными категориями современной науки.

«Способы обнаружения мышления <говорящего слушающим — В. К.> зависят от языковых возможностей, от принятых в языке оборотов» (с. 26). «Не может быть противоречия между материальной природой предложения и психологической природой коммуникации ... в отношениях *смысла, значения предложения*» (с. 28), хотя смыслы в них представлены по-разному: в коммуникации они образно конкретны и слитно синкретичны, в предложении они представлены расчлененно, т.е. уже в аналитически логическом виде, и смыслы коммуникации сменяются значением предложения. И то и другое — и коммуникация, и предложение — наличием речи уже представляют формы мышления, но на разном уровне предъявления.

Итак, категории *представление — коммуникация — предложение* коррелируют соответственно с *образом* представления — *символизмом* внутренней речи и с *понятием* суждений в речи внешней. Действуют они соответственно на психологическом — логическом — грамматическом уровнях все усложняющегося анализа. Шахматов последовательно вскрывает историческое следование действий развивающегося коллективного сознания. Все три этапа существуют вне времени как типологические факты (возможны, как мы видим, и одновременно), представляя тем самым «живое целое» сознания. У Шахматова описана аналитическая процедура синтетических средств русского языка, в последовательности анализа он показывает представление — коммуникацию — предложение — словосочетание — слово (последнее в книге не разработано). Единство языка и мышления Шахматов показывает на соединении двух величин: языка с его когнитивной функцией познания, и речи с ее коммуникативной функцией сознания. Поскольку сам автор оперирует текстами — речевым воплощением языковой системы, то представление о «психологической» его позиции только укреплялось. Свое значение имела и гениальная интуиция Шахматова — факт бесспорно психологический. Интуитивно безошибочно академик избирает исходные точки развития рас-

смаатриваемых явлений языка: в учении о предложении это односоставные предложения, в учении о словосочетании это приложение, в учении о частях речи это наречие. Даже под исходным носителем концептума он признаёт максимально свободный от грамматических наслоений корень слова (*лёт*, а не этимологически производящее *лететь*). Интуиция помогает раскрыть *природный* синкретизм во всех этих точках («почках») развития.

Деление представлений на три большие группы — *субстанции, признаки, отношения* — также указывает на интуицию Шахматова-историка. Представление о субстанции относится к древним временам и долго оставалось преимущественно номиналистическим; в древнерусском языке на этом основаны древнейшие кальки с греческих слов (*ментализация*). Представление о признаке, выделенном сознанием из субстанции, факт более позднего времени и связан с развитием (философского) реализма; на этом основана средневековая переработка калек с поиском своих национальных признаков различия (*идеация*). Представление об *отношении* и связи предметного и словесного значений в общем понятии (*идентификация*) возникает еще позже, и уже в Новое время увенчалось учением структурализма и «теорией относительности». Понятно, что для Шахматова «в языке бытие получает сначала предложение», а отдельные слова аналитически выделяются позднее. Заметим, что Шахматов говорит только о простых предложениях (носителях простых суждений) — верный знак того, что его интересует прежде всего *начало* (*откуда есть пошла...*) русская речь. Гипотаксис устойчиво развивается только с XV века, создавая разные формы *умозаключения*. И развивается гипотаксис на *основании* простых предложений. Предложение складывается только при наличии факторов определенности (представление образа), предикативности (коммуникации) и модальности (предложения в целом). Аналитически все они представлены в коммуникации и в речи, но не в системе языка. Вообще, как может развиваться ментальность в речи? В ней мысль представлена психологически. Предложение же, по мысли Шахматова, и есть проявление языка во всем составе его форм и описанных соответствий. «Обожествление» предложения связано с коммуникативно-логической оппозицией подведения вида под род, признака под субстанцию и т. д.

Итак, Шахматов говорит не о психологии, а о «психологии мышления». Это заметила уже Е. С. Истрина в вводной статье ко второму изданию «Синтаксиса» (с. 8), подкрепив свои наблюдения вы-

сказываниями самого Шахматова: «язык — орудие мышления», а «речь — орудие внутренней жизни человеческого сознания». Конечно, Шахматов уже понимал, что язык — это суть, тогда как речь — его явление. Этим объясняется выделение второго (речь) и третьего (язык) этапов речевого действия.

3.

Исходным типом предложений Шахматов признает односоставные, при том = подлежащие. В них сказуемое предполагается наличием ситуации в виде «есть, существует». «только экзистенциальные предложения односоставные»: в предложении *зима* в синкретизме уже присутствуют все возможные способы коммуникации. Это суждение согласуется с тем, что сегодня мы знаем о древнейших «метафорах» — катахрезе и металеписе, в которых поиск средств и признаков сходства осуществляется посредством сопоставления с *цельным* предметом (внутренние свойства и признаки предметов еще не выделяются сознанием), но в ситуации опущения (катахреза) или предположения (металепис) третьего члена сравнения. Односоставные предложения металептичны (*темнело*) или катахретичны (*зима*). В первом случае предполагается подлежащее, во втором — «опущено» сказуемое. В обоих случаях можно предполагать целый ряд событий и действий, предметов и признаков, с ними связанных *в данный момент коммуникации*, которая понимается как обобщенно вневременная. Теперь это связывают с пресуппозицией, которая в явном виде не представлена, но предполагается в высказывании.

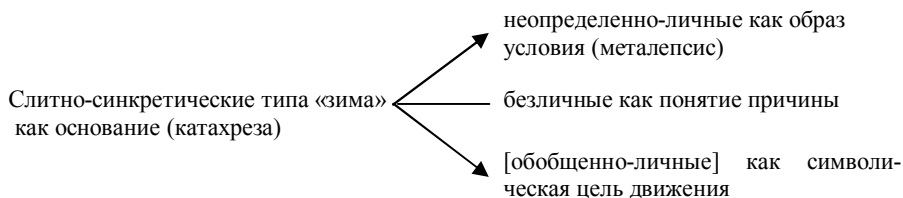
Именно это — чисто психологическое действие, поскольку утверждение всегда двухосновно (предикативно). С точки зрения теории оппозиций, строго говоря «зима» не есть «подлежащее» предложение, поскольку при подлежащем нет сказуемого; также и *морозит* не является «сказуемым», поскольку при нем нет подлежащего. Правда, сам Шахматов полагал, что в случаях *зима, пожар, мороз* «главный член предложения в целом соответствует полной коммуникации», поскольку «субъект двусоставного предложения есть законченная коммуникация» сам по себе (с. 159). Все аргументы Шахматов берет из устной речи, он говорит об эмфазе, ударении и интонировании речи, причем в ближайшем контексте. «— Что это? — Пятно-с», где имя существительное признается сказуемым (с. 53). Эмфаза разграничивает односоставное предложение (*какое горе!*) и двусоставное (*како́е горе!*) с одинаковым набором слов. Представлены обе возмож-

ности поиска признаков: в составе определения или предиката. «И подумала: «Экой тюлень, мужик!» — выделенная часть есть именная, но выражает бесподлежащее предложение. При опущении подлежащего *это* предложение являлось бы неполным, но в данном случае эмфаза заменяет подлежащее. В толкованиях Шахматова заметно контекстное увязывание слов в определенный тип предложения. Речевая последовательность предложения раскрывает потенциальные смыслы слов, «заряженных» определенными концептами.

Определенно-личные предложения являются эмфатическим развитием этих «слитно-синкретических», преимущественно однословных предложений. Затем Шахматов рассматривает неопределенно-личные и особенно безличные предложения односоставные, относительно которых впервые сказано, что «безличность растёт» в языке, что и доказано недавно З.К. Тарлановым [Тарланов 1999]. Тонкое наблюдение о том, что «в литературном языке употребление 3-го лица единств. в неопределенно-личном значении весьма редко» (с. 79) указывает на древнее происхождение неопределенно-личных конструкций в их отличие от обобщенно-личных, о которых Шахматов практически не говорит, включая их в число неопределенно-личных (с. 80–81): ср. «а ведь ворон ни жарят, ни варят». С. А. Рылов показал относительно недавнее сложение этого типа как самостоятельного односоставного предложения [Рылов 1999; 2006].

Патина «психологизма» окутывает все иллюстрации, приведенные Шахматовым. Широкая вариативность односоставных предложений отражает русскую ментальность с ее образностью, эмоциональностью и убежденностью — представлено большое число логически «несобранных» конструкций.

В целом, семантическая константа относительно односоставных предложений рисуется таким образом:

«Слитно-синкретические» сам Шахматов именуется «первичными сочетаниями», из которых исходят все остальные. Обобщенно-личные являются *целью* (и потому символичны), поскольку подлежат исследованию

дованию и, кроме того, они, в свою очередь, являются *основанием* двусоставных предложений. Обобщенно-личные, первоначально пересекавшиеся с неопределенно-личными, впоследствии были выделены в самостоятельный тип односоставных предложений на том основании, что весь ряд членов причинности наталкивал на необходимость выделения *обобщенных* признаков различия, выражающих родовые отношения к предшествующим видовым.

В безличных Шахматов определяет концептуальные ограничения, указывая группы глаголов, способных создавать безличные конструкции. Это глаголы бытия, существования, обозначение явлений природы (*светает*), стихийных явлений (*горит!*), внутренних изменений человека (*знобит*), физических ощущений (*сверкнуло*), психических переживаний (*находит*), неизвестно кем производимого действия (*сорвалось!*). Здесь очерчен круг действий, неподвластных древнему (и не только древнему) человеку (см. с. 91–97), действий, объяснения которым он не находил, почему и не был в состоянии назвать субъекта действия. Психические, стихийные, неясные ощущения, неизвестный их производитель — всё это присутствует в древнем мироощущении, остаточно сохраняясь в современном сознании на уровне языка.

Но наличие безличных спрягаемых глагольных и наречных предложений постоянно расширяет базу безличности, что и позволяет нам ввести безличные в состав причинности как собственно причину способности к действию. Шахматов допускает наличие безличных, «которые должны быть признаны двусоставными, несмотря на наличность в них безличных глаголов» (с. 91). Такие предложения указывают на то, что основной смысл безличных, в отличие от неопределенно-личных, заключался в необходимости *находить признаки* действия, ср.:

	Субъект	предикат	
	<i>Уехать</i>	<i>не удастся</i>	
	<i>Кататься</i>	<i>весело</i>	
Выражает	субстанцию	признак	
В иерархии	активен	пассивен	
Указывает	известное	новое	и т. д.

«Поиски признака» (уже отвлеченного от субстанции) — указывает на то, что двусоставные предложения особенно активизировались в момент развития идеи с XV века.

Именно безличные конструкции стали предметом критики со стороны представителей иных ментальностей; особенно выразительно порицает русскую безличность Анна Вежбицкая.

Двухосновные предложения в своем составе имеют господствующий член и зависимый от него. Такова психологическая связь двоицы в речи, логически ей соответствует общий смысл высказывания, т. е. суждение. «В центре психологической коммуникации» находится «психологическое суждение», а «грамматическая природа [её] внешне оформляется средствами языка» (на сс. 10 и 13). Истолковать это высказывание можно только признанием трехуровневого мышления в его проявлении *психологическое — логическое — лингвистическое (социальное)*.

Любопытно также утверждение, что в двухосновном предложении «знаменательными подлежащими называем такие, без которых сказуемое теряет свое значение, служебными подлежащими такие, которые не вносят почти ничего в значение сказуемого» (с. 163). Переформулируя в логических терминах, получим высказывание об аналитическом (первое) и синтетическом (второе) суждениях. К числу вторых отнесем такие, в которых в роли подлежащего выступают «безлично пустые» концепты вроде *человек, люди, крещёные, дело, место* и под., представляющие семантически опустошенные значения «вообще», ср. «*люди* пашут, а они всё собираются» или сочетания типа «такое дело..., это место...». Связь подобных предложений с обобщенно-личными несомненна, они стали основанием для образования двухсоставных предложений.

В заключение раздела укажем на некоторые косвенные замечания Шахматова. Уже в древнерусском языке связка могла опускаться (с. 180), с ее опущением субъект погружается во вневременное пространство, описывается постоянно вечное действие. Выступая с позиции синхрониста, Шахматов по существу в своем лингвистическом «подтексте» остается историком языка. Например, он рассматривает «двухсказуемые предложения» типа «он стал разговорчив» и утверждает, что между двумя сказуемыми «намечается борьба» из которой победителем выходит второе сказуемое, к предикативности и модальности получая еще и определенность в форме творительного падежа *разговорчивым*, тогда как *стал* превращается в связку. Переход к именному сказуемому лежит в общем русле развития русской ментальности, во всех высказываниях направленной на поиски *концептуальных* признаков. Подобное снятие двухсказуемых особенно усилилось в Новое время, в связи с развитием понятийного мышления, и старые

«двойные падежи», соединенные с субъектом связью *уподобления*, рассыпались на именные конструкции. Исторический взгляд Шахматова заметен и в понимании согласования подлежащего со сказуемым как *уподобления*. Его примеры выразительны, особенно на простых структурах, ср. «тесть немец, а что проку?! (Грибоедов), «а где пастух дурак, там и собаки дуры» (Крылов) и даже в дистантном расположении членов «а губы, мать моя, — малина, совсем малина!». Уподобление как органическая связь метонимически связанных объектов предшествовало согласованию и ведет к тем временам, когда в поисках признака использовали слово, обозначающее носителя этого признака.

4.

Предложение — законченная «единица мышления», незаконченная его единица — словосочетание. Отдельное представление в словосочетаниях — строительный материал предложения, остающийся на психологическом уровне понимания. Шахматов не согласен с Фортунатовым в том, что именно словосочетание является предметом синтаксиса; как видим, он включил в синтаксис и логический уровень предложения-суждения. Более того, в своем анализе он исходит из целого — от предложения идет в конечном счете к слову, выражающему ментальный концепт. *Зима* — это одновременно и предложение, и слово, но в целом — концепт, который разворачивается в своем синкретичном *смысле*, обогащая высказывание *значениями*, своими на каждом уровне его представления. С двух сторон Шахматов исследовательски «сжимает» определение предложения — со стороны собственно предложения и со стороны концепта, лежащего в его основе, *порождающего предложение*. В «Синтаксисе» представлены последовательные этапы «мужания мысли», отраженные в словесном материале, который потребовал тщательной классификации и скрупулезного толкования. За спиной исследователя незримо стоит исторический процесс сложения предикативных единств как точной копией помысленных суждений. Язык постоянно приравливался к бегу коллективной мысли, по пути сохраняя остатки своих прежних состояний — удача для языковеда, реконструирующего весь процесс.

«Грамматическое значение языковой формы противопоставляется реальному её значению» (с. 431), связанному с действительностью, но и выбор грамматического значения косвенно также зависит от действительности: если птиц много, следует употребить форму множест-

венного числа, если начальник мужчина, следует пренебречь женским родом формы *голова* в сочетании *городской голова*. И т. д.

Рассмотрение типов словосочетаний Шахматов начинает с приложения, определяя его достаточно широко: ср. «и священник, человек уже не молодой...», «мать, дама с седыми волосами...». Приложение объясняется ментально как отношение «индивидуального понятия о субстанции или явлении к понятию о свойстве-качестве или к понятию о роде», в результате чего «возникает зависимость одного слова от другого». Приложением «означается свойство-качество или родовой признак господствующего слова» (с. 279). Следует понимать, что слово выражает здесь понятие, т. е. единство денотата и десигната, а приложение вносит поправки в десигнат (словесное значение). В целом, старые приложения вроде *стыд-срам* или *путь-дорога* служили для объяснения неопределенно отвлеченного или неизвестного (*стыд*, *путь*) посредством отсылки к конкретно известным «вещным» (*дорога*, *срам*). Здесь сравниваются две субстанции, в отличие от другого типа, ставшего прообразом предложения, ср. *дурак лакей* = «лакей — это дурак», «лакействующий дурак» и т.п. Перед нами отношение, близкое предикативным и атрибутивным отношениям:

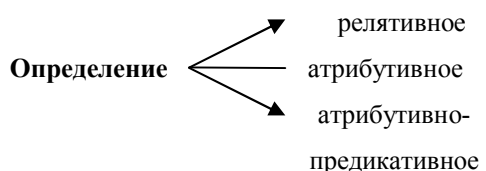
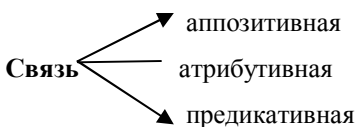
Предикативная связь организуется волей говорящего (уподобление субъекту);

Аппозитивная связь (приложение) организуется сопоставлением вида с родом (синекдоха);

Атрибутивная связь организуется соотношением субстанции с ее признаком (метафора).

Дальнейшее членение атрибутивных погружается уже в концептуальные основания, как члены предложения они делятся на чисто атрибутивные (*добрый человек*), атрибутивно-предикативные (*человек добрый*), предикативно-атрибутивные (*пасущаяся лошадь* — здесь только причастия) и релятивные (*все люди*).

Семантические доминанты могут быть представлены следующими схемами:

Во всех случаях целью развития причинности является предикативность как внешняя форма представления суждения.

Дополнение.

Процесс мышления соединил в одно сложное представление... два по существу своему друг от друга независимые представления..., причем тот или иной падеж возникает в зависимости от природы признака, вносящего под действием субъекта изменение в природу субстанции, ставшей в объект (с. 310).

Внешняя *грамматическая* связь определяется типом отношения, которых два: 1) *объектные* связи в объекте при субъекте образуют прямое дополнение; 2) *релятивные* связи *отношения* создают релятивное отношение (параллелизм с предложением). Первые выражают исходное сопоставление субстанции с субстанцией («предмета» с предметом), вторые ищут необходимый признак *относительно* другой субстанции. Например, родительный принадлежности указывает отношение части к целому или вида к роду, или же конкретно признака. Первые связи еще метонимичны, вторые — уже метафоричны.

Выбор грамматического падежа определяется «названием самого признака — *уподобление* зависимой субстанции от господствующего признака» (на сс. 10 и 13). Все это *логические* критерии выделения, связанные с отношением к действительности. А вот *исторические*, залегающие особенно глубоко: «но проследить историю этого теперь трудно... Объективные отношения между сочетавшимися словами стирались», хотя падежные формы оставались. Ср. *пять коров* — имя > числительное, *два стола* — им.-вин.двойств. > род ед., *жаль брата* — имя > наречие и т.д. Однако Шахматов намечает первоначальные значения падежных форм:

Винительный — признак распространяется на всю зависимую субстанцию;

Родительный — (из отложительного) распространяется на часть;

Дательный — направлен на субстанцию, но не достигает ее;

Творительный — испытывает действие зависимой субстанции;

Местный — указывает пределы действия признака (с. 314).

Дальнейшее разбиение относится уже к концептуальному уровню отдельных слов, также отражающих ныне не актуальные отношения признака к субстанции. С позиции когнитивистика такие отношения недавно рассмотрела О. С. Ильченко [Ильченко 2011].

Итак, намечается переход от дополнения к обстоятельству. Релятивное дополнение есть представление о субстанции или признаке в

зависимости от другого представления («два в одном»), тогда как обстоятельство является зависимым представлением о признаке («одно в двух» — формах). Ср.:

Дополнение:	<i>между соснами,</i>	<i>в моем деле</i>
Обстоятельство:	<i>между тем,</i>	<i>в самом деле</i>

В обоих случаях члены предложения направлены смыслом составляющих их слов, т.е. концептумов в конечном счете; дополнения определяются именами, обстоятельства — местоимениями, заменяющими имена. Зависимость от предлога создает устойчивые предложно-падежные формы, которые долгое время и были единственными грамматическими выражениями релятивных связей — тем самым на конкретном уровне. Затем Шахматов переходит в область смысла на конкретном уровне текста (с. 358–392).

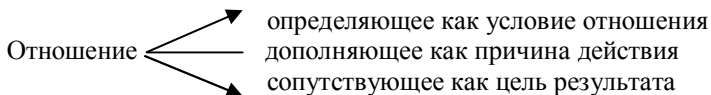
Обстоятельство соответствует части речи — наречию (с. 398) как грамматическому именованию *отношения*. Категория отношения в сознании сложилась достаточно поздно, и теперь неясно, какую функцию (кроме предложно-падежной связи) обстоятельство имело; относительно наречий известно, что они в нынешнем своем составе недавнего образования. В современном литературном языке отношения делятся на группы:

Признак внутреннего развития другого действия или состояния (*определяющее* обстоятельство: *тихо кадит, да вонько несёт*);

Признак времени, пространства, количественных отношений и т.п. (*дополняющее* обстоятельство: *объехать свет вокруг*);

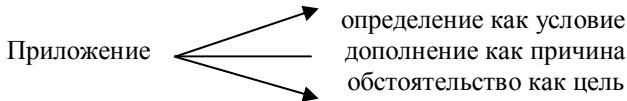
Зависимый признак главного признака (*сопутствующее* обстоятельство: *просто беда моя!*).

Решающим критерием отнесения к определенному члену предложения является контекстуальный порядок слов (например): *я лучше засну* — связь с глаголом-предикатом, *лучше я засну* — связь с местоимением-субъектом. Семантическая константа отношения:

Именно сопутствующее значение обстоятельства как члена предложения и стало *основанием* для формирования категории наречия как части речи. Предыдущая цель становится основанием последующего исчисления.

Семантическая константа членов предложения может быть представлена так:

Обстоятельство как цель представлено благодаря корреляции к наречию — точке отсчета частей речи. Возможность перехода дополнения в обстоятельство объясняется близостью их функций: оба относятся к сфере *причины*, тогда как определение есть развернутое приложение.

5.

Наиболее сложной у Шахматова является характеристика частей речи. Начнем с обобщающего определения:

Частью речи называем те группы слов, которые образуются отношениями основных <лексических — В. К.> значений слов и сопутствующим этим значениям грамматическим понятиям. Грамматическим понятием называем те сопутствующие основным значения, которые в данном языке находят себе морфологическое или синтаксическое выражение. Грамматическою формой называем морфологическое обнаружение грамматического понятия. Сопутствующими и основным значениям являются представления об отношении того или иного реального значения к другому реальному значению, мыслимому в отвлечении; например, отношение к лицу, к полу, к одушевленности или неодушевленности, ко времени, к качеству, к бытию или наличности, к числу, к волеизъявлению и т.д. (с. 434).

Лексически представлено *значение*, грамматически — *понятие*, и так потому, что грамматическое понятие кроме значения обладает и формой — грамматической формой, которая и *обнаруживает* наличие понятия с его сопутствующими *значениями*, которых может быть много в *отношении* «того или иного реального значения». Грамматическое понятие относительно, тогда как лексическое — абсолютно, поскольку корень слова есть носитель концепта и лишен дополнительной формы. Органическое единство основного значения и грам-

матического понятия создает представление о части речи. Оба состава привязаны к действительности, но разным образом: лексическое значение конкретно и реально, грамматическое — как мыслимая в отвлечении реальность. Затем даются грамматические категории каждой части речи «морфологически, синтаксически, далее посредством словообразовательных суффиксов и интонации» (с. 436).

Выделение частей речи Шахматов осуществляет на основании четырех критериев.

1. В первом приближении части речи определяются отношением к 1) грамматическим *категориям* и 2) к синтаксическим *условиям* — критерии морфологический и синтаксический. Имеются в виду категории рода, числа падежа для существительных, времени, залога и вида для глаголов и т.д. Это *основание*, которое *оформляет* часть речи грамматически. Но почему именно род, число и падеж определяет отнесение слова к именам существительным, этот критерий не объясняет. Это еще следует обосновать.

2. Синтаксические условия «вызывают представление» к целому («часть речи как слово в его отношении к предложению» (с. 420), к мысли и к речи. Именно здесь за слово принимается отдельная словоформа, встреченная в тексте, ср. *дом... дома ... домом* и т.п. как самостоятельные слова.

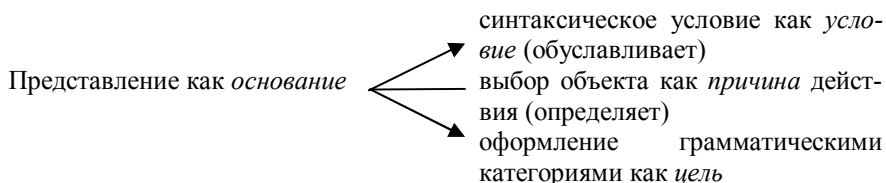
3. Части речи как выражение объектов («синтаксическая природа») *определяют* состав причинности; по выражению объектов части речи делятся на знаменательные, незнаменательные и на служебные.

4. «Семасиологическое основание психологических представлений» обуславливают «различную природу наших представлений» (с. 427) в известных уже категориях субстанции, качества-свойства, действия-состояния и отношения. Категории представления образуют совокупность *оснований*, а синтаксические условия продолжают эти основания в *условии*. Причем это именно основания, поскольку критерии выделения признаков понятия выстраиваются в ряд предмет — признак — действие — отношение, что соответствует следованию частей речи имя существительное — имя прилагательное — глагол — наречие.

Таким образом, здесь представлена иерархия четырех компонентов причинности: 1) представления существуют в мысли субъекта; 2) синтаксические условия организуются им же, но уже вовне, в речи; 3) выражения объектов определяются действительностью и опосредованно связаны с категориями представления (с выбором субъекта); 4) отношение к грамматическим категориям оформляет результат по-

мысленного и представляет его в его целом. В последовательности представления: **1** выражает психологическое действие, **2** и **3** представляют в разной степени проявление логического действия, **4** завершает ряд лингвистическим действием, причем имеется в виду грамматическое представление, «сопутствующее основному (лексическому) значению, вызываемому словом» (еще раз: под «словом» Шахматов имеет в виду словоформу).

Следовательно, семантическая константа:

Части речи определяются всеми этими критериями. «Семасиологическое основание» (семантика) и «синтаксическое условие» (форма) совместно представляют категорию части речи. Это *условие* построения части речи. «Синтаксическая природа» и «отношение к грамматической категории» совместно создают «природу категории». Это *причина* построения части речи.

В качестве примера укажу имя прилагательное — это «сочетавшееся с существительным и ему уподобившееся в своей форме наречие» (по условиям, а не по категориям) (с. 425). Основания: и прилагательное, и наречие имеют по три степени сравнения, а наречие организуется на остаточных формах прилагательного.

Местоимение и числительное имеют по три формы в соответствии с существительным (*двое*), с прилагательным (*двум*) и наречием (*два*). Шахматов указывает на переходы от одной части речи в другую, подчеркивая их относительность, например, имя прилагательное → в имя существительное или в наречие, которое, в свою очередь, переходит в предлог, а из предлога в союз, т.д. Это своеобразное перетекание частей речи, «оплывание» их первоначальных функций вплоть до служебных происходит в декорациях представленных четырех критериев (например, наречием становится любое имя в функции обстоятельства). Нет обязательной связи между словом и принадлежностью к определенной части речи, она определяется «как только помыслится» (с. 427), т.е. в синтаксических условиях. В этом можно видеть развитие средневековых представлений о частях речи, которые в своих

грамматических формах воспринимались как субстанции в переменных «одеждах». Например, в Грамматике Дмитрия Герасимова 1524 г. на основании правил синтагматической сочетаемости изменяются термины и предстает система порождения некоторых частей речи — одной от другой. Ср. в обратном порядке (в обратной перспективе изложения): *союз — представление — прѣдлогъ слову — наречие — различие (артикль) — мѣстоимя*. Мы уже говорили о наречии как исходной точке грамматической системы («наречие в системе частей речи занимало центральное место» — с. 426), как нулевой точке грамматических отношений, представленной основанием всей системы. Это важное заключение ментального содержания, которое мог высказать только историк языка. Дело в том, что нулевая точка и есть *основание* системы, от которой строится любая система, во всяком случае, *осознается* как реальная система. Наречие же, как и свойственная ему грамматическая связь (примыкание) стали заключительным моментом в формировании русской грамматической системы.

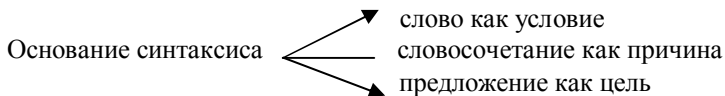
Другое важное положение «Синтаксиса» состоит в том, что Шахматов справедливо полагает: «Существительное только в своей независимой грамматической форме может быть определено как часть речи, соответствующая независимому представлению» (с. 429). Так Шахматов высказывается относительно споров о том, какая часть речи выражает концепт. Ответ ученого: имя существительное в именительном падеже единственного числа, поскольку лишь в этой форме имя может выступать в качестве приложения к подлежащему и в качестве сказуемого.

6.

Итак, во всех рассмотренных случаях самым главным действием является поиск и фиксация признака различения: «мы познаём только признаки» (А. А. Потенбя). В концептологии *признаки* связаны с десигнатом, т.е. с совмещенным феноменом логического и языкового — словесным значением = содержанием понятия = интенционалом. Поиски признаков как направляющая линия русской ментальности есть поиски *начала*, источника, «первосмысла» в каждой внешней грамматической форме — такова основная направленность исследовательской мысли Шахматова, с современной точки зрения сближающей его с когнитивистикой. На примере простых предложений Шахматов классифицировал речевой хаос, подчиняя его ментальной силе языка. И в совокупности своих следствий все это — не что иное, как проникновение в тайну пред-

ложения. Тайна предложения заключается в его смысле, заключенном в значении центрального концепта высказывания.

Следовательно, основания синтаксиса, согласно описанию Шахматова, можно представить в следующей формуле:

При этом части речи оформляются в слове, а члены предложения — в предложении. Части речи — категории (например, наречие), выражающие концептуальные признаки, а члены предложения — составы (например, обстоятельство), способные к расширению в сложных предложениях. Словосочетание же не имеет своих категориальных единиц и потому выступает в действии как причина его действия: из слов составляет предложения. Запас слов у всех говорящих на данном языке приблизительно одинаков и выражает национальную ментальность — это величина постоянная; предложения создаются в зависимости от разных условий и причин и всегда факультативны, отражая потребности момента — это величина зависимая. Отсюда следует, что слово является основной «речемыслительной» единицей языка, а предложение — основной «коммуникативной» единицей речи. Именно к такому выводу приводит рассмотрение «Синтаксиса» Шахматова, включившего психологические критерии изучения объекта наряду с логическими и грамматическими.

Литература

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Изд. 2-ое. Л., 1941.

Колесов В. В. Концептология. СПб., 2012.

Колесов В. В. Философия русского слова. СПб., 2002.

Рылов С. А. Грамматическая структура простого предложения-высказывания в древнерусской речи XII–XIII веков: функциональный аспект // Актуальные вопросы русистики и общего языкознания. Нижний Новгород, 1999. С. 153–167.

Рылов С. А. Актуальные проблемы исторического синтаксиса русского языка (простое предложение) // Pocta Eve Mrhacove. K životnimu jubileu. Ostrava, 2006. S. 161–173.

Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения и ее отношение к этнопсихологии. Петрозаводск, 1999.

Ильченко О. С. Одушевленность — неодушевленность в структуре предложения. СПб., 2011.

Юрченко В. С. Очерки по философии языка и философии языкознания. Саратов, 2000.

Рогова Кира Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

Односоставные предложения в системе синтаксического описания

Односоставные предложения были выделены А. А. Шахматовым как самостоятельные структуры, удовлетворяющие основному требованию к предложениям, — представляя одно грамматическое целое, быть «сколько-нибудь точным отображением коммуникации»¹. Сама коммуникация понималась как особый акт мышления, сочетающий представления из того запаса, который «дал нам предшествующий опыт и который увеличивается текущими нашими переживаниями» с целью сообщения об этом акте «другим людям» (с. 19). При этом указывалось, что «простейшая единица мышления, простейшая коммуникация состоит из сочетания двух представлений, приведённых движением воли в п р е д и к а т и в н у ю (т.е. вообще определяющую, в частности, зависимую, причинную, генетическую) связь» — психологического субъекта и предиката. Выделение односоставных предложений как одной из двух разновидностей предложений определялось тем, что в них «указанное сочетание субъекта и предиката находит себе соответствие в одном члене предложения» (с. 30).

Классификация односоставных предложений (а их было в списке Шахматова, по сообщению Е. С. Истриной, около 20) проводилась на основании «природы главного члена», т. е. по форме. Однако оговаривалась необходимость также деления «их по значению, насколько именно значение предложений связывается с их формой». И поскольку, по его словам, «значение предложений зависит частью от сочетания с другими

¹ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 30. Далее ссылки даются на данное издание с указанием страниц.

предложениями», то деление предложений по значению было обещано автором в особом разделе, «следующем за учением о сочетании предложений» (с.19), который, к сожалению, не был написан.

Напомню, что Шахматов, в 1910 г. став профессором Петербургского университета, начинает читать курс лекций, посвящённый новой для него современной тематике, которая увлекает его и приводит к тому, что в 1915–16 гг. «система синтаксиса становится для него едва ли не основной научной задачей». Курс синтаксиса стал, по словам Е. С. Истриной, «результатом интенсивной работы мысли и неустанного научного труда» (с.6), который продолжался всего 4 года до его кончины в 1920 году.

Работа над синтаксисом, как уже ясно из приведённых выше определений, была связана с психологическим направлением в лингвистике: Шахматов был в курсе всех значительных работ того времени - западных¹ и русских². Однако это направление, как известно, не получило серьёзного признания, одной из причин оказалось очень сложное взаимодействие между грамматическим аспектом предложения (гл. чл. П–С), логическим (S–P) и психологическим (психологический субъект и предикат). По этому поводу Шахматов писал: «Не признавая, конечно, вопроса терминологического особенно существенным в развернувшемся между некоторыми языковедами и психологами споре, ибо это в конце концов вопрос условного соглашения, я думаю, что главное внимание в споре должно быть обращено на то, следует ли вообще говорить в психологии о субъекте и предикате; как мы видели, психологи употребляют эти термины в том же значении, что исследователи логики. Мне представляется возможным дать этим терминам в психологии более широкое значение, распространив их на все виды психологических соотношений» (с. 21).

Однако эти положения, направленные на выяснение вопросов связи языка и мышления, не были разработаны Шахматовым, прежде всего, по тем же временным причинам.

¹ В «Синтаксисе» приводятся имена: Х. фон Зигварт, которому принадлежал тезис о том, что логика основывается на психологии и является техническим, нормативным учением о мышлении [«Логика» (1873–78)]; В. Вундт, хорошо известный в России своими трудами, в том числе книгой «Народная психология» (1900), посвящённой языку; Г. Пауль, работы которого характеризуются подчёркнутым историзмом, индивидуальным психологизмом, проявленными и в разделе, посвящённом синтаксису и семантике, а также труды Г. Г. Дельбрюка и Г. Г-К Габеленца и нек. др.

² А. А. Потебня, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, начинающий Л. В. Щерба.

В теоретической лингвистике их ход был приостановлен работами Ф. де Соссюра, сосредоточенными на языковой системе как таковой, в которых утверждался примат этой системы по отношению к мышлению и исключались контакты с «инородными науками». В советское время проблемы изучения психологических основ предложения вообще были сняты с повестки дня как идеалистические. Так В. В. Виноградов в известной статье о синтаксисе Шахматова писал: «Е. С. Истрина вслед за Шахматовым полагает, что цельная синтаксическая система не может быть построена вне непосредственной последовательной связи формальных признаков предложения с соотносительными с ними психологическими актами, придающими им «внутреннее значение». Согласование этих двух соотносительных фактов речи *будто бы* (выдел. нами — *К. Р.*) и даёт основу для классификации предложений»¹.

Однако реально дело обстоит иначе. Знакомясь с работой 1908 года датского мыслителя Гаральда Гёффдинга «Психологическая основа логических суждений», перепечатанной у нас в 2013 году, обнаруживаешь в ней положения (объединяющие многое из работ его современников), принципиальные для развития лингвистической науки в XX веке и имеющие непосредственное отношение к пониманию важнейшей проблемы синтаксиса — соотношению формальной, семантической и коммуникативной устроенности предложения.

Прежде всего, автор утверждает, что «Логическая формулировка и психологическое развитие это две вещи разные»² и что «наши знания покоятся не только на данных наблюдения, но и на формах и условиях нашей восприимчивости и деятельности» (с.5), и далее: «Разница в способе рассматривать суждение логически и рассматривать его психологически — заключается в том, что с логической стороны — главным является *отношение между элементами*, тогда как с психологической стороны, — *наиважнейшее есть процесс, при помощи которого сознание уясняет это отношение наилучшим образом*. Логически элемент, от которого мы отправляемся — безразличен, лишь бы отношение между элементами было ясно обдуманно. Но психологически, в каждом особом случае мы исходим из данной мысли, чтобы

¹ Виноградов В. В. «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 105)

² Гёффдинг Гарольд Психологическая основа логических суждений: Пер. с нем. Изд. стереотип. М., 2013. (Из наследия мировой психологии). Далее ссылки с указанием страниц по этому изданию.

придти к заключительной мысли; одна становится субъектом логического суждения, другая — её предикатом» (с. 62–63).

Приведём ещё несколько положений автора: «Логика работает лишь над тем, чтобы развить законы мысли в наивозможно простой форме и затем предоставить каждому выяснять их себе своим способом. Логика может утверждать, что она занимается лишь вполне развитым суждением, в котором субъект и предикат оба абсолютно точны и определены в отношении к содержанию» (с. 53). И ещё: «С логической стороны время, требуемое для определения отношения между субъектом и предикатом, не имеет никакого значения; - поэтому и фазы, через которые процесс суждения должен пройти, имеют скорее гораздо более психологический интерес, чем логический» (с. 66)

Что касается психологической стороны, то она представляет интерес с точки зрения того, «какова была исходная мысль в процессе суждения и какова заключительная мысль» (с. 66). В этом аспекте рассматривается предикат как «новый элемент, входящий в данное целое» (с. 46). Отмечается возможность «изглаживания» субъекта: «мы находим значительное количество степеней, касательно выраженности, рельефности субъекта, тогда как предикат всегда остаётся наиболее ярко выступающим элементом» (с. 54).

Автор перечисляет случаи, когда а) в начале предложения ставится предикат, чтобы «оттенить» его, б) логический предикат не есть грамматический предикат, в) в отдельно взятом предложении определить предикат может только ударение, г) предикатом становится слово, дающее ответ на поставленный вопрос и т. д.

В своей теории актуального членения (АЧ) предложения В. Матезиус так писал о сделавших первые шаги в его изучении: «Исходную точку высказывания лингвисты называли тогда психологическим субъектом, а ядро высказывания — психологическим предикатом»¹. Но, как видно, эти лингвисты (и цитируемый мною автор — Г. Гёффдинг) не только дали названия компонентам актуального членения (данное и новое), но и вывели многие закономерности, с ним связанные. Но вопроса о лингвистическом обеспечении актуального чле-

¹ Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. М., 1967. С. 239–240. Термины психологов этот автор считал неудачными: психологическое суждение «складывается у людей как словесно выраженная форма перцептивной деятельности, которая выполняет планирующую и регулирующую роль в совокупном процессе труда», тогда как АЧ связано с речевой деятельностью. Оно «выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает», его основными элементами являются исходная точка (или основа) высказывания и ядро» (с. 239).

нения тогда не вставало, это сделал В. Матезиус, указав на роль интонации и порядка слов и переводя актуальное членение в статус лингвистических категорий.

Итак, последовав за *логическим* направлением в трактовке содержательной стороны предложения, *психологическое* направление сосредоточило внимание на его субъективной динамической стороне как высказывания, включённого в коммуникативный процесс. Это предопределило новые аспекты рассмотрения синтаксиса предложения — семантический и, шире, *когнитивно-коммуникативный*.

Могут ли конкурировать выделенные аспекты предложения в отношении «первичности» в процессе создания речевого высказывания? Известно, что актуальное членение (далее АЧ) рассматривается как «накладываемое» на структурно-семантическое строение предложения (по крайней мере, при его восприятии). Есть и другая точка зрения. Например, К. А. Долинин пишет: «процесс формирования высказывания не заканчивается наложением темо-рематической структуры на готовое предложение, а, наоборот, начинается с определения темо-рематической структуры (о чём и что говорить). Иными словами, темо-рематическую структуру (АЧ) надо рассматривать как первичную исходную — именно она связывает высказывание со структурой деятельности, которую обслуживает речь, с коммуникативной ситуацией»¹.

Близкое положение находим и у В. Б. Касевича: «По-видимому, уже на уровне смысла, который мы назвали уровнем г л у б и н н о й с е м а н т и к и , должно выделяться то, о чём пойдёт речь в «будущем» высказывании, то, что будет сообщено о данном предмете... Прототема и проторема — это «зародыши» темы и ремы, наметившиеся в общем диффузном образе, области первичного расслоения последнего».²

Однако если наша мысль нелинейна и допускает «сосуществование» некоторых параллельных образований, с одной стороны, и с другой — если мы учтём замечание об отсутствии категории времени для формы логического суждения, *то можно предположить некоторое одновременное (со)существование этих планов в процессе высказывания*³.

¹ Долинин К. А. Интерпретация текста: Французский язык Изд. 4-е. М., 2010.

² Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988. Строго говоря, то же мнение заложено и в названии книги Г. Гёффдинга «Психологическая основа логического суждения».

³ Современные исследования в области работы мозга позволили сделать вывод о нераздельности работы мозга как хранителя «синхронно активирующихся нервных клеток» и работы разума, манипулирующего этими группами клеток. См. К. В. Анохин Мозг и разум. Код доступа http://tvkultura.ru/article/show/article_id/64597/brand_id/20898/type_id/2

Тогда будут допустимы несколько типов / вариантов соотношения структурно-семантической организации и коммуникативной:

1) Первый тип представляют две основных модели высказывания, различающиеся порядком слов: а) в первой совпадают тема, подлежащее и субъект высказывания (Тема / П / S), в качестве ремы выступает состав сказуемого (Рема / С / Р), семантически рема осуществляет характеризацию — темы; в пассивных конструкциях субъект и объект меняют свои функции по отношению к теме высказывания, при этом объект меняет и свою морфолого-синтаксическую форму; б) во второй модели в качестве темы выступает детерминант или состав сказуемого (Dt;C /P) — рема представлена подлежащим (П/S). В самом общем случае модели соотносимы с повествовательным или описательным контекстами.

2) Второй тип связан с замещением подлежащего/именительного падежа в качестве темы косвенными падежами существительного с субъектным или объектным значением. В неопределённо-личных, соотносимых как с активными, так и пассивными конструкциями (*По радио сообщали о землетрясении; Выставку открыли во вторник*), и в безличных, где тема также имеет или значение лица (*мне тоскливо, меня знобит, у меня шумит в ушах*), или предмета (*крышу снесло ветром*), При теме со значением лица оно лишено определённости или активности в силу семантики косвенных падежей.

3) Третий тип взаимодействия определяется коммуникативными условиями: предложения определённо-личные, обобщённо-личные и номинативные, употребляемые в настоящем времени и относимые Гр.–80 к неполным реализациям двусоставных предложений, «привязаны» к определённому типу контекста. «Я–говорящий» в речевом режиме (в отличие от нарративного) оказывается тематическим компонентом, возможное отсутствие которого определяется ситуативной полнотой акта общения. Так определённо-личные, обобщённо-личные и номинативные (где тема — компонент действительности, непосредственно воспринимаемый говорящим в момент речи) реализуют только рему. В подобной ситуации могут оказаться и неопределённо-личные и безличные предложения, что отмечается как их использование в обобщённо-личном значении.

Экскурс в сферу психологического суждения нам представлялся полезным, позволяя высказать некоторые соображения, по крайней мере, по трём вопросам: 1) в области научных парадигм (по Куну) не всегда происходят абсолютные смены, может быть, следует уточнить

и само понятие парадигмы (всего одна по изучению речи на протяжении XX – нач. XXI века); 2) связь языка и мышления при активной роли мышления получает подтверждение в классификационной области синтаксиса; 3) трезвый ум Шахматова оказался способным выбрать путь, по которому двигается лингвистика и через сто лет после его исследований.

Кустова Галина Ивановна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова

Российской академии наук

Россия, г. Москва

Уроки Шахматова: семантические явления в «нестандартных» синтаксических конструкциях¹

Распространенная критика учения А. А. Шахматова сводится к тому, что он неоправданно расширял объем синтаксиса, тем самым уменьшая объем и сферу компетенции морфологии. Такая критика объяснима: в русской грамматике ведущие позиции традиционно занимало учение о формах слова и грамматических категориях, что естественно для языка с развитой морфологией (показательно, что главный труд В. В. Виноградова называется «Русский язык. Грамматическое учение о слове»). Однако доминирование «морфологического подхода» (или даже — уклона) приводит к обратному перекоосу: грамматика становится синонимом морфологии, а на долю синтаксиса приходится описание «минимума» типов словосочетаний и предложений. В наши дни едва ли плодотворно продолжение исторического спора между сторонниками морфологического и синтаксического уклона. Более правильно обратиться к тем сильным сторонам учения и конкретным языковым наблюдениям Шахматова, которые стали по-новому актуальны именно сейчас, когда активно развиваются такие направления науки, как теория коммуникативной организации предложения и текста, теория референции, грамматика конструкций.

Так, например, Шахматов собрал богатейший материал, который с точки зрения сегодняшней научной парадигмы можно отнести к

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00507.

грамматике конструкций (см., например, [Лингвистика 2010]). Одна из таких конструкций — присоединение инфинитива к существительному (в терминологии Шахматова — «дополнительный глагольный член после существительного»): *Мне решительно не было угла переодеться* [Шахматов 1941 / 2001: § 470] (Шахматов пронциательно отмечает, что существительное в таких конструкциях не является названием индивидуальной субстанции, т. е., выражаясь современным языком, употребляется нереферентно).

В рамках морфологически ориентированных грамматик можно выделить два основных способа присоединения подчиненной предикации к существительному. Первый — грамматический (за счет грамматических свойств существительного) — это определительное придаточное. Оно присоединяется к существительному с любой семантикой при условии кореферентности и на основе относительной связи: *тропинка, о которой он забыл; просьба, о которой он забыл*. Второй — семантический: у существительного есть словарно заданная пропозициональная валентность (не зависящая от позиции в предложении). Эта валентность может выражаться, в частности, инфинитивом (*готовность помочь; обратился с просьбой донести чемодан*), придаточным (в том числе — *чтобы-придаточным*, ср.: *обратился с просьбой, чтобы мы донесли чемодан*), а также событийным именем (*просьба о помощи*). Для нашей темы существенно, что инфинитив и *чтобы-придаточное* могут также выражать цель, но тогда они присоединяются к глаголу или к целому предложению (к предикации).

Таким образом, аппарат «морфологизованного» синтаксиса плохо приспособлен для описания конструкций типа *не было угла переодеться*, в которых нет ни грамматических, ни семантических условий для присоединения предикации к существительному.

Между тем в русском языке есть целое семейство конструкций, в которых инфинитив или *чтобы-придаточное* связаны с существительным, не имеющим «инфинитивной» (и вообще пропозициональной) валентности:

(а) Потребность в объекте с заданным / желательным признаком:

Где еще найдешь сиделку, чтобы хорошо ладила с Васей?
[А. Терехов. Каменный мост (1997–2008)].

Где взять устройство, чтобы помещалось в карман?

(б) Наличие ресурса для реализации ситуации:

У нас нет денег заплатить за гостиницу / нет денег, чтобы заплатить за гостиницу.

Есть мука пирог испечь?

(в) Потребность в ресурсе / поиск / получение и т.д. ресурса:

Дай иголку пуговицу пришить / Негде взять иголку, чтобы пуговицу пришить.

Не забудь топор ветки рубить.

(г) Потребность в исполнителе / наличие исполнителя функции:

Ищут сторожа склад охранять.

Наняли курьера почту доставлять / Наняли курьера, чтобы почту доставлять.

(д) Несоответствие признака ожидаемой ситуации:

Я не сторож ваши вещи охранять

Я не поугай за другими повторять / Я не поугай, чтобы за другими повторять.

Связь существительного со *чтобы*-придаточным мы рассматриваем в другой работе (см. [Кустова 2014]). Здесь речь пойдет о связи существительного с инфинитивом.

ПРИМЕЧАНИЕ. Условия, которые определяют выбор между инфинитивом и *чтобы*-придаточным при реализации валентности (ср.: *ситуация не позволяет, чтобы мы медлили — ситуация не позволяет нам медлить*), рассматриваются в [Пекелис 2014]. Некоторые соображения, изложенные в этой работе, релевантны и для нашего материала, хотя мы рассматриваем присоединение «невалентного» инфинитива.

В последней трети XX в. сложилась концепция присловных и неprisловных связей Н. Ю. Шведовой, которая нашла отражение в академических грамматиках 1970 г. и 1980 г. В «Русской грамматике» 1980 г. по поводу конструкций типа (в) говорится, что инфинитив относится «не к одному какому-то слову, как это имеет место в присловных связях, а к целой группе членов предложения. <...> В предложении *Краска понадобилась покрасить раму и двери* инфинитивная группа относится ко всему предшествующему составу предложения» [РГ 1980, т. II, § 2019]. Такова синтаксическая квалификация данной конструкции. Что касается семантической характеристики, то в «Русской грамматике» используется достаточно осторожная формулировка: «Инфинитив, определяющий по цели, предназначенности, в предложении может семантически тяготеть к существительному» ([РГ 1980, т. II, § 2019]).

Между тем у Шахматова прямо говорится, что инфинитив относится к существительному, и конструкции типа *не было угла переодеться* рассматриваются в одном разделе со случаями валентного присоединения инфинитива (ср. *Охотники таскаться по пирам; Он имел привычку в середине разговора остановиться* [Шахматов 1941 / 2001: § 470]).

По-видимому, формулировка Шахматова (о связи инфинитива с существительным) лучше отражает специфику данного типа конструкций. Об этом свидетельствует и невозможность замены на другое существительное, ср.: *Краска понадобилась покрасить двери*, но: [?]*Деньги понадобились покрасить двери*, ср.: *Деньги понадобились купить краску*, — и безглагольные перифразы типа *краска для дверей, деньги для покупки краски / деньги на краску*. Другое дело, что в конструкции должны быть соблюдены определенные условия, без которых присоединение инфинитива невозможно, даже если он семантически связан с существительным, — т.е. невалентная связь существительного с инфинитивом основана не только на семантике существительного, но и на смыслах, возникающих в конструкции за счет других элементов. Именно поэтому в таких конструкциях невозможна не только произвольная замена существительных, но и произвольная замена глаголов, ср.: *дай метелочку пыль обмести; вобъем гвоздик вешать шляпу* (примеры из [РГ 1980, т. II, § 2019]), но: [?]*уронил метелочку пыль обмести; [?]зацепился за гвоздик вешать шляпу*.

Далее мы рассмотрим случаи (б)–(г), когда существительное, к которому относится инфинитив, кореферентно одному из — синтаксически не выраженных — аргументов инфинитива:

Есть деньги за гостиницу заплатить [‘заплатить деньги’];
Не забудь топор ветки рубить [‘рубить топором’];
Наняли курьера почту доставлять [‘курьер доставляет’].

Назовем такие конструкции ресурсными. Под ресурсом мы будем понимать не только то, что расходуется (ср. время, деньги, материалы), но и, в более широком смысле, то, что можно использовать для реализации некоторой ситуации, — в частности, это может быть нерасходуемый предмет Y или даже лицо Z, ср. *людские ресурсы*.

В главной предикации сообщается о том, какой ресурс имеется у названного или неназванного лица X (ср. *Директор нанял курьера почту доставлять* — *Наняли курьера почту доставлять*) или требуется X-у. Подчиненный инфинитив обозначает ситуацию G (назовем

ее целевой ситуацией), в которой заинтересован X и в реализации которой будет участвовать ресурс. Целевая ситуация, обозначаемая инфинитивом, является, таким образом, и целью X-а, и предназначением / функцией ресурса.

Ресурсные конструкции близки к двум другим типам конструкций, от которых они отличаются значениями некоторых параметров.

Первая близкая конструкция — собственно целевая. В прототипической целевой конструкции инфинитив присоединяется к глаголам движения (ср. *пошел в лес ветки рубить*) и изменения положения (ср. *лег спать*) (в [РГ 1980, т. II, § 1778] упоминаются также глаголы «целенаправленного действия», однако состав последней группы, в отличие от первых двух, не ясен); при этом субъект инфинитива кореферентен субъекту главной предикации (так наз. субъектный инфинитив).

Ресурсная конструкция отличается от целевой тем, что в ней инфинитив связан с существительным (ср. *Не забудь топор ветки рубить*) и не обязательна кореферентность субъектов главной предикации и инфинитива (ср. *У тебя не найдется топора ветки обрубить?*).

Вторая близкая конструкция — ресурсная же, у которой инфинитив присоединяется на основе валентности.

Ресурсное значение может выражаться не только конструктивно, но и лексически. У предикатов типа *достаточно, нужно, требуется, хватает* и под., выражающих необходимость, достаточность, оценку количества ресурса, есть валентность ресурса (или количества ресурса) и валентность целевой ситуации (выражаемая инфинитивом или *чтобы*-придаточным): *У нас хватит времени собраться / чтобы собраться (хватит чего — ресурс; хватит на что — цель); Нужно / достаточно полчаса, чтобы собраться* и под. (эти предикаты и их валентности описаны в работе [Богуславский 1996: 97–100], см. также [Левонтина 2006: 219–220]).

В конструкциях (б)–(г) нет слов с такими валентностями. Например, в конструкции *У нас есть мука пирог испечь / нет муки пирог испечь* (будем считать ее прототипической ресурсной конструкцией) участвует глагол *быть* в посессивном значении. У этого глагола — в «обычном» употреблении — две валентности: обладателя и обладаемого, ср.: *У нас есть мука*. Третьей валентности, выражаемой инфинитивом или *чтобы*-придаточным, нет. Целевой инфинитив нельзя присоединить к глаголу: конструкция **У нас есть испечь пирог* невозможна без местоименного элемента, ср. *У нас есть из чего испечь пирог*.

ПРИМЕЧАНИЕ. Свойства местоименных конструкций типа *Негде спать / Есть где спать* описаны в известной работе [Апресян, Иомдин 2010]. В выражениях типа *У нас есть выпить* зависимый инфинитив можно считать выступающим в функции номинации (\approx ‘есть выпивка’). В любом случае, это вторая валентность, а не третья.

Но инфинитив нельзя присоединить и к существительному как словарной единице — **мука испечь*. Эта связь появляется только в конструкции: *Была бы мука испечь [чтобы испечь] пирог, можно было бы позвать гостей*. Таким образом, хотя инфинитивной валентности нет ни у глагола, ни у существительного, в состав ресурсной конструкции входит инфинитив, выражающий целевую ситуацию.

Способность присоединять инфинитив у существительных без пропозициональной валентности появляется в ресурсной конструкции, как уже было сказано, только при определенных семантических условиях — если в предложении есть смыслы ‘наличие’, ‘обладание’, ‘потребность’ и под.

В прототипической ресурсной конструкции (б) сообщается о наличии / отсутствии у субъекта X ресурса для реализации потенциальной цели этого субъекта: *У нас есть деньги заплатить за гостиницу / У нас нет денег заплатить за гостиницу*. Здесь субъект интереса (т.е. лицо, заинтересованное в реализации целевой ситуации), посессор (обладатель ресурса) и будущий исполнитель-агенса целевой ситуации — одно и то же лицо X.

В непрототипических ресурсных конструкциях (в) и (г) вместо расходимого ресурса часто фигурирует нерасходуемый предмет Y или лицо Z (часто — с определенными функциональными свойствами), субъект интереса и исполнитель целевой ситуации не обязательно совпадают, а вместо посессивного глагола употребляются другие предикаты.

В конструкции (в) могут фигурировать разные лексемы, не образующие единую семантическую группу, но создающие необходимые условия для появления целевого инфинитива: это, например, предикаты, которые описывают потребность в ресурсе, поиски и пути получения ресурса и для которых обладание (т.е. наличие ресурса в распоряжении X-а; в более слабом варианте — желание иметь ресурс) является импликацией: *Попросил ножницы отрезать нитку; Ищет ножницы отрезать нитку; Взял ножницы отрезать нитку; Дай ножницы отрезать нитку; А где у нас ножницы нитку отрезать?;*

Не нашлось / не оказалось ножниц отрезать нитку → ‘X имеет, хочет иметь или будет иметь Y’, но: ?*потерял ножницы нитку отрезать*.

Один из парадоксов ресурсной конструкции в том, что в ней может употребляться и предикат *нужен*, ср. *Нужны ножницы отрезать нитку*, — но не как «связка» между средством и целью (ср.: *Чтобы отрезать нитку, нужны ножницы*), а в обычном модальном значении, в котором этот предикат не имеет валентности, выражаемой инфинитивом, ср.: — *Тебе нужны ножницы?* — *Нет, бери*.

Еще одна важная особенность — глаголы с «благоприятной» семантикой необходимы для формирования ресурсной конструкции, но не достаточны: само по себе их наличие не гарантирует, что перед нами ресурсная конструкция, см. ниже.

Для конструкций типа (в) соотношение субъекта интереса и исполнителя, вообще говоря, не существенно: субъект интереса X будет, скорее всего, и исполнителем целевой ситуации G, однако это не обязательно — X может передать ресурс другому лицу, ср.: *У вас не найдется ножниц нитку отрезать?* — неизвестно, просит ли человек ножницы для себя или для кого-то еще.

В конструкции (г), как и в конструкции (в), возможны разные предикаты, подразумевающие идею получения ресурса, — существенно только, чтобы возникали смыслы ‘потребность’, ‘желательность’, ‘обладание’, ‘наличие ресурса у заинтересованного лица X’, ср.: *Ищут / нашли / наняли / взяли / пригласили няньку с ребенком сидеть*. При этом искомым «ресурсом» является лицо Z, которое будет реализовывать ситуацию G, т.е. субъект интереса и исполнитель целевой ситуации здесь, по определению, не совпадают: *Наконец нашли няньку с ребенком сидеть; Наняли курьера почту доставлять; Взяли сторожа склад охранять*.

Эта конструкция представляет собой контаминацию двух идей: потребность X-а в реализации некоторой ситуации G и потребность в человеке-исполнителе Z этой ситуации. Ситуация G, таким образом, оказывается как бы признаком, характеристикой этого человека Z, а с другой стороны — его функцией, предназначением. Тем самым конструкция (г) оказывается похожа — по разным параметрам — сразу на несколько конструкций:

— во-первых, она похожа на целевую конструкцию (ср.: *Нянька пришла с ребенком сидеть*), но отличается некорреферентностью субъектов главной предикации и подчиненного инфинитива;

— во-вторых, она похожа на ресурсные конструкции типа (б)-(в), но вместо предмета или другого неодушевленного ресурса здесь фигурирует человек;

— в-третьих, она похожа на атрибутивное предложение, ср.: *Нужна нянька с ребенком сидеть* vs. *Нужна нянька, которая бы сидела / которая будет сидеть с ребенком*;

— в-четвертых, в силу некорreferентности X и Z, она похожа на так наз. объектный инфинитив: *Попросил сестру посидеть с ребенком*.

Рассматриваемая конструкция нетривиальна не только в синтаксическом отношении (из-за присоединения инфинитива к невалентному существительному), но и в семантическом — даже по сравнению с близкими к ней конструкциями.

В самом деле, предикат атрибутивного придаточного семантически не связан с определяемым существительным, их отношения свободные: *Нянька, которая сидит с ребенком / нянька, которую мы знаем по даче / нянька, которой мы звонили* и т.д. У целевого инфинитива тоже нет семантической связи с главным предикатом — возможны разные по семантике инфинитивы: *Нянька пришла деньги получить / телефон узнать / на работу наниматься / с ребенком сидеть* — и разные номинации субъекта главной предикации: *Пришла Клава / соседка / знакомая... деньги получить / телефон узнать / на работу наниматься / с ребенком сидеть*.

В конструкциях же типа *Взяли няньку с ребенком сидеть / сторожа склад охранять* и под. инфинитив не просто синтаксически связан, а еще и семантически согласован с существительным.

Вообще, определенная связь между ресурсом и целевой ситуацией характерна и для других ресурсных конструкций: ресурс и нужен для того, чтобы реализовать ситуацию G, следовательно, он должен быть пригоден (т.е. обладать необходимыми качествами, подходить) для ее реализации. Но в конструкциях, где участвуют функциональные существительные, связь «ресурса» и целевой ситуации более тесная.

Функциональные существительные содержат внутренний семантический предикат, соответствующий функции лица (*сторож* — ‘сторожить’, *нянька* — ‘нянчить’ и т. д.) или функции предмета (*нож* — ‘резать’, *лопата* — ‘копать’ и т. д.) (см. [Арутюнова 1998, Рахилина 2000]).

Общей пресуппозицией ресурсной конструкции является соответствие ресурса целевой ситуации. Т. е. ресурс всегда рассматривается функционально — с точки зрения выполнения G (использования для G). Если речь идет о единичном действии, на роль исполнителя

подойдет любой, кто согласится и сможет сделать G: *найди кого-нибудь с ребенком посидеть / вещи посторожить / документы доставить*. Если же речь идет о постоянной функции: *Найди кого-нибудь с ребенком сидеть / склад сторожить / почту доставлять*, — то инфинитив, по существу, задает функционал лица Z: ‘найди Z для работы нянькой / сторожем / курьером’. Наконец, если говорящий выбрал функциональную номинацию (*нянька, сторож, курьер*), то тем самым он уже задал функционал референта, и тогда инфинитив может только дублировать этот функционал — в силу общей пресуппозиции (‘если ищет няньку, нужно нянчить; если сторожа — нужно сторожить; если курьера — нужно доставлять, и т. д.’), ср.:

Нашли няньку с ребенком сидеть / сторожа склад охранять / курьера почту доставлять,

но: [?]*Нашли няньку склад охранять / [?]курьера с ребенком сидеть / [?]сторожа почту доставлять.*

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Высказываниям вида [?]*Нашли няньку склад охранять*, конечно, можно придумать интерпретацию, тем не менее они нарушают грайсовский принцип кооперации, а именно — постулаты, относящиеся к категории способа, — т.к. содержат «неоправданную» номинацию (см. [Грайс 1985]).

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Функциональное существительное может употребляться и нереферентно, ср. *нужна нянька...*, и референтно, ср. *нашли няньку...*, — но в ресурсной конструкции оно всегда рассматривается с точки зрения функционала.

ПРИМЕЧАНИЕ 3. Аналогично (но не полностью идентично) устроены конструкции (в) с функциональными предметами типа *нож, игла, лопата* и т.п., однако мы не имеем возможности их рассмотреть из-за ограниченности объема статьи.

Отсюда и возникает эффект семантического согласования. Происходит своего рода экскорпорация внутреннего предиката функционального имени (аналогично экскорпорации актанта в конструкциях типа *видел своими глазами*): инфинитив не просто семантически связан с существительным — он в каком-то смысле извлекается из существительного.

Итак, у функциональных существительных, в принципе, есть возможность экскорпорировать внутренний функциональный предикат (или один из предикатов, предусмотренных функционалом, — если последний устроен сложным образом), однако реализуется она в определенных усло-

виях, — когда референт существительного рассматривается именно с функциональной точки зрения, например, в ресурсных конструкциях, ср.:

(1) *Искала сковородку пожарить рыбу vs. (2) Искала сковородку вернуть соседке, а нашла пропавшую кастрюлю; (1) Ищут няньку с ребенком сидеть vs. (2) По всему двору искала няньку ключи отдать.*

В примерах (2) нет никаких признаков ресурсной конструкции: нет семантической связи между сковородкой и инфинитивом *вернуть*, ср. *искала кастрюлю / вазу / утюг вернуть соседке*, аналогично — нет связи между нянькой и ключами; сковородка мыслится не как функциональный предмет и ресурс для реализации G, а просто как физический предмет, безотносительно к предназначению; соответственно, нянька мыслится просто как лицо, безотносительно к функции; наконец, в предложении (2) *искала няньку ключи отдать* существительное *няньку* употребляется референтно, в отличие от предложения (1). Т.е. имеет место не функциональное, а, так сказать, «денотативное» понимание референтов Y и Z, и поэтому присоединяемый инфинитив никак не связан с семантикой Y и Z и отражает случайный признак референта существительного (см. [Кустова 2010], где вводятся понятия денотативного и семантического присоединения; см. также [Арутюнова 1998, Partee 2009]).

Таким образом, примеры (2) — это не ресурсная конструкция, а обычный целевой инфинитив: хотя в них есть кореферентность дополнения главного предиката и актанта инфинитива, между дополнением и инфинитивом не возникает отношений предназначенности; и наличие глаголов типа *искать* в данном случае также не работает, — поскольку инфинитив не согласован с функциональным предикатом существительного.

Подведем итоги. Валентная связь существительного с инфинитивом, точнее — с соответствующим пропозициональным актантом (*способность понять, просьба помочь*), семантически обязательна, даже если она синтаксически не выражена (ср. *редкая способность, странная просьба*). При этом конкретное содержание пропозиционального актанта не вытекает из семантики существительного и может варьироваться в довольно большом диапазоне (ср. *способность понять / изобразить / создать* и т. д.).

Связь функционального существительного с функциональным инфинитивом (или *чтобы*-придаточным), вообще говоря, не обязательна, поскольку возникает только в определенной конструкции, но при этом

семантически предсказуема, предопределена семантикой существительного. Парадоксальность такой связи в том, что внутренний предикат, с которым коррелирует «экскорпорируемый» инфинитив, является словарным свойством существительного, — и в этом сходство с валентной связью, — а кроме того, имеет место кореферентность актантов главного предиката и инфинитива, что порождает сходство с атрибутивной (относительной) связью (ср.: *нашли няньку сидеть с ребенком* vs. *нашли няньку, которая будет сидеть с ребенком*).

Таким образом, в квазицелевых конструкциях, а именно — в конструкциях предназначения, мы имеем дело со связью, которая не укладывается в традиционные грамматические классификации и которую можно назвать функциональным распространением, или функциональным присоединением: это семантическое согласование между функциональным существительным и целевым инфинитивом, характерное именно для агентивной сферы. Это особая связь, промежуточная между валентным и свободным присоединением: менее сильная, чем валентная, но более сильная, чем свободная (обстоятельственная), поскольку, как и валентная, она ориентирована на семантику существительного.

Если представлять синтаксис как морфологически ориентированную классификацию синтаксических единиц (моделей словосочетаний и предложений), то случаи «невалентного» присоединения инфинитива к существительному оказываются в «классификационном провале», т.к. нарушают и грамматические, и семантические условия присоединения подчиненной предикации к существительному, предусмотренные в «морфологизованном» синтаксисе. Если же рассматривать синтаксические единицы (конструкции) как шкалу, на которой каждой конструкции соответствует тот или иной набор параметров (в число этих параметров входят семантические типы лексических единиц (например, предметные, функциональные и «пропозициональные» существительные); кореферентность-некореферентность и т.п.), то на такой шкале найдут место и непрототипические, с точки зрения стандартных классификаций, конструкции, а переход от одной конструкции к другой будет выглядеть как закономерный результат изменения значений тех или иных параметров.

Литература

Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л. Конструкция типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография // Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иом-

дин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М., 2010. С. 59–113.

Арутюнова Н. Д. Функциональное значение // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998. С. 53–61.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–237.

Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1977.

Кустова Г. И. Прилагательные в составе номинаций лица // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог–2010». М., 2010. С. 265–271.

Кустова Г. И. Конструкции с союзом *чтобы*: ресурсы и соответствия // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2014». М., 2014. С. 307–317.

Левонтина И. Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // в кн.: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Языковая картина мира и системная лексикография. Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 163–238.

Лингвистика конструкций. Отв. ред. Е. В. Рахилина. М., 2010.

Пекелис О. Е. Инфинитив vs. придаточное с союзом *чтобы*: к вопросу о выборе способа оформления сентенциального актанта в русском языке // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 13–45.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

РГ — Русская грамматика. Т. II. М., 1980.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 1941/2001.

Partee Barbara H. Динамический характер значения прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог–2009». М., 2009. С. 593–597.

Щекин Алексей Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

Придаточные предложения с союзом «да» в славянском переводе «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы»

Изучению синтаксических особенностей произведений древнеславянской переводной литературы в сравнении с их иноязычными оригиналами уже давно уделяется большое внимание в исторической славистике и русистике. Так как большая часть текстов, относившихся к церковной книжности, переводилась с греческого языка, именно сопоставление с греческими оригиналами дает возможность обнаружить некоторые характерные черты древнеславянского синтаксиса. Оценивая греческое влияние на синтаксис древнеславянского литературного языка исследователи обычно отмечают, что оно носило функциональный характер [Грамматика 1991: 519]. С одной стороны, греческое воздействие приводило к активизации употребления конструкций, близких славянской синтаксической структуре, а также калькированию некоторых оборотов греческого языка. С другой стороны, наличие в грамматическом строе двух языков существенных различий, в ряде случаев делало невозможным буквальный перевод некоторых синтаксических конструкций. Так, М. М. Копыленко выделяет в числе таких различий случаи передачи именных сочетаний греческого языка придаточными предложениями в славянских переводах [Копыленко 1957: 233]. Важное место в анализе синтаксических структур древнеславянского литературного языка занимают способы передачи греческих конструкций со значением цели, а также объектных конструкций с модальным оттенком побуждения к действию, зависящих от глаголов со значением волеизъявления, мысли, речи и некоторых других. В качестве славянских эквивалентов этих конструкций часто выступают придаточные предложения, вводимые союзом *да*, генетически связанным с выражающей пожелание частицей *да* [Грамматика 1991: 482].

Обширный материал для исследования такого рода явлений предоставляет древнеславянский перевод апокрифического «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы» (о литературной истории этого памятника см. [Творогов 1987]). Перевод этого памятника¹ с греческо-

¹ Греческий текст «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы» был издан К. фон Тишендорфом [Tischendorf 1866: 95–112].

го языка на древнеславянский был выполнен достаточно рано. Древнейший список его славянского текста, сохранившийся в отрывке XII века, был обнаружен И. И. Срезневским, который и осуществил первое издание полного текста памятника [Срезневский 1867: 61–76]. Впоследствии текст «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы» издавался И. Я. Порфирьевым и О. В. Твороговым по различным спискам [Порфирьев 1890: 270–279; Слово об успении Богородицы 1999]. Известно большое количество списков памятника, датируемых XIV–XV вв. и более поздним временем [Santos Otero 1981: 161–195]. Исчерпывающее текстологическое исследование славянского перевода «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы» и критическое издание его текста не осуществлено до настоящего времени. Объектом настоящего исследования стал список, находящийся в Паисиевском сборнике начала XV в. РНБ Кир.-Бел. собр. № 4/1081 [Паис. сб.: 102об.–117об.], хотя он не использовался при изданиях текста памятника и даже не был учтен в составленном А. де Сантосом Отеро перечне 167 славянских рукописей, содержащих списки апокрифов об успении Богородицы [Santos Otero 1981: 164–195]. Этот список, озаглавленный в рукописи «М[е]с[я]ца августа въ 15 д[е]нь на Успенье с[вя]тыя Б[огороди]ци», был отождествлен как список апокрифического «Слова об успении Богородицы» только в последнем по времени печатном описании Паисиевского сборника [Савельева 2013: 509]. Он имеет ряд текстуальных и лексических расхождений со списками, опубликованными И. И. Срезневским и О. В. Твороговым. В последних, в частности, отсутствует заключительная часть апокрифа, повествующая о вознесении в рай апостолов с телом Богородицы. В Паисиевском списке, как и в некоторых других списках, например, в списке, находящемся в сборнике конца XIV в. РГБ Тр.-Серг. собр. № 13 [Тр. сб.: 231–242] или в более позднем списке из рукописи Соловецкого собрания, опубликованном И. Я. Порфирьевым, это место имеется. С лингвистической точки зрения Паисиевский сборник также представляет большой интерес, так как в нем находят отражение многие языковые изменения, произошедшие в восточнославянском регионе к началу XV в.

Именно находящийся в Паисиевском сборнике список и был избран для анализа употребления в «Слове Иоанна Богослова об успении Богородицы» целевых и объектных (с оттенком побуждения) синтаксических конструкций. При переводе подобных конструкций в древнеславянском литературном языке допускалась определенная вариативность в выборе морфологических форм, например, использова-

ние после союза **да** форм настоящего (простого будущего) времени изъявительного наклонения или сослагательного наклонения. Сравнение синтаксических конструкций славянского текста с греческим оригиналом позволило установить ряд закономерностей.

Практически во всех случаях употребления в греческом тексте «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы» придаточных предложений цели или косвенно-побудительных (после глаголов со значением волеизъявления или побуждения к действию), вводимых союзом **ἵνα** и имеющих в качестве сказуемого личную форму глагола в конъюнктиве или оптативе, соответствием в славянском тексте выступает конструкция «**да** + личная форма глагола в настоящем (простом будущем) времени изъявительного наклонения». Примеры: *принесите ми кадило да ся помолю* [Паис. сб.: 103об.]¹ — *ἀγάγετέ μοι θυμιατήριον, ἵνα προσεύξωμαι* [Tischendorf 1866: 96]; *и пошли ко мнѣ ап[о]с[то]лы твоя вся <...> да ся зберут ко мнѣ. да си вся видѣв. и бл[а]гословлю и прославлю многохвалное имя твое* [Паис. сб.: 104] — *καὶ πέμψον μοι καὶ τοὺς λοιποὺς σου ἀποστόλους <...> ἵνα τούτους θεωρήσασα εὐλογήσω τὸ πολυύμνητόν σου ὄνομα* [Tischendorf 1866: 97]; *сего рад[у] въстасте от гробѣ. да идѣте на цѣлованье. и на ч[е]сть и на чюд[о] м[а]т[е]ри Г[о]с[под]ня* [Паис. сб.: 106] — *ἀλλὰ χάριν τούτου ἀνέστητε ἐκ τῶν μνημείων ὑμῶν, ἵνα ἀπέλθητε εἰς ἀσπασμόν πρὸς τιμὴν καὶ θαυματουργίαν τῆς μητρὸς τοῦ κυρίου* [Tischendorf 1866: 99]; *хочю да ми повѣсте. како уразумѣсте мое преставленье. како л[у] придосте сем[о]* [Паис. сб.: 106об.] — *καὶ θέλω ἵνα εἶπητέ μοι, πόθεν γνόντες ὅτι ἀναλύω παρεγένεσθε πρὸς με* [Tischendorf 1866: 100]; *Ис[у]се Х[ри]с[т]е ц[а]рю н[е]б[е]сн[ы]и с[ы]не Б[о]га живаг[о]. приими всякаго ч[е]л[о]в[ѣ]ка, призывающаго имя твое с[в]я[т]ое да прославлена будет рожения тя* [Паис. сб.: 115об.] — *κύριε βασιλεῦ τῶν οὐρανῶν, υἱὲ τοῦ θεοῦ τοῦ ζῶντος, πρόσδεξαι πάντα ἄνθρωπον ἐπικαλούμενον τὸ ὄνομά σου, ἵνα δοξασθῇ ἡ γέννησίς σου* [Tischendorf 1866: 109]. Этот способ передачи целевого значения, характерный для современных южнославянских языков, был широко распространен и в русском изводе древнеславянского литературного языка [Мещерский 1995: 331–334].

¹ Цитаты из древнеславянских текстов приводятся в упрощенном виде. Буквы кириллического алфавита, отсутствующие в современном русском алфавите (кроме ѣ), заменяются на их современные соответствия (*і* на *и* и т. п.). Выносные буквы вносятся в строку. Написания под титлом раскрываются, при этом восстанавливаемые буквы заключаются в квадратные скобки. Имена собственные даются с заглавной буквы. Пунктуация оригинала сохраняется.

Единственным исключением в славянском тексте «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы» является один случай преобразования сложноподчиненного предложения с придаточным цели греческого текста в сложносочиненное в славянском тексте: *пошли ко мнѣ ап[о]с[то]ла. Иоан[а]. и видѣвъ его возрадою ся* [Паис. сб.: 104] — *πέμψον μοι τὸν ἀπόστολὸν σου Ἰωάννην, ἵνα ἰδοῦσα αὐτὸν ἀπάρξωμαι τῆς εὐφροσύνης* [Tischendorf 1866: 97].

Следует также отметить, что в тех случаях, когда после глаголов со значением движения или волеизъявления в греческом тексте употребляется инфинитив, в славянском тексте он также всегда переводится инфинитивом: *ходящи еи [Богородице] кадити* [Паис. сб.: 102об.] — *έρχομένης θυμιάσαι* [Tischendorf 1866: 95]; *ерги же юдѣистии ... зависти исполнишас[я]. и хотяща послат на с[в]я[т]ую Б[огороди]цю. и на с[в]я[т]ыя ап[о]с[то]лы в Вифлеомъ* [Паис. сб.: 110об.] — *οἱ δὲ ἱερεῖς τῶν Ἰουδαίων ... ζήλω βαρυτάτῳ κατασχεθέντες καὶ πάλιν ματαιόφρονι λογισμῶ συμβούλιον ποιησάμενοι βουλευόνται πέμψαι κατὰ τῆς ἀγίας Θεοτόκου καὶ τῶν ἐκεῖσε ὄντων ἀγίων ἀποστόλων ἐν Βηθλεέμ* [Tischendorf 1866: 104]; *июдѣи ... взялиши дрова и огонь. идоша хотяща пожещи домъ. идѣже бѣ м[а]ти Г[о]с[под]ня. съ ап[о]с[то]лы* [Паис. сб.: 112об.] — *ὁ λαὸς τῶν Ἰουδαίων ... λαβόντες ξύλα καὶ πῦρ ἐπέβησαν καῶσαι βουλόμενοι τὸν οἶκον, ἔνθα ἀνέκειτο ἡ μήτηρ τοῦ κυρίου μετὰ τῶν ἀποστόλων* [Tischendorf 1866: 106]; *послать еси единочадыи свои с[ы]нѣ. вселитис[я] въ смиренное мое тѣло. и родитис[я] от мене* [Паис. сб.: 115] — *ἀποστείλας τὸν μονογενῆ σου υἱὸν οἰκῆσαι ἐν τῷ ταπεινῷ μου σώματι, ὁ καταξιώσας τεχθῆναι ἐξ ἐμοῦ τῆς ταπεινῆς* [Tischendorf 1866: 108-109]. Формы супина после глаголов движения в Паисиевском списке не зафиксированы.

Один раз в греческом тексте «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы» в значении побуждения после глагола речи употребляется конструкция «ὥστε + инфинитив»: *οἱ δὲ Ἰουδαῖοι ἐπέμενον κράζοντες καὶ κατὰ τῆς σωτηρίας Τιβερίου καίσαρος ἐνορκούντες αὐτόν, ὥστε καὶ ἀγαγεῖν τοὺς ἀποστόλους ἐκ τῆς Βηθλεέμ* [Tischendorf 1866: 104-105]. Эта конструкция могла переводиться на славянский язык буквально при помощи конструкции «яко + инфинитив». Ряд таких примеров из древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия приводит Н. А. Мещерский [Мещерский 1995: 327-328]. Но в славянском переводе «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы» она переводится конструкцией «да + личная форма глагола в сослагательном наклонении»: *Июдѣи же нач[е] вопиюще.*

сп[а]с[е]нъемъ кесаря. Тиверья заклинахуть его. да бы ап[о]с[то]лы изгналь от Вифлеома [Паис. сб.: 111].

Наибольшее внимание при сравнительном анализе синтаксиса славянских переводных произведений уделяется, как правило, передаче греческих именных конструкций, не имеющих буквального соответствия в древнеславянском языке. Для выражения целевого значения в греческом тексте «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы» используется предложно-падежная конструкция «*πρός* + винительный падеж субстантивированного инфинитива». В славянском переводе для ее передачи используется преимущественно конструкция «*да* + личная форма глагола в сослагательном наклонении»: [Богородица] моляше с[я] рожешаго ся из нея Х[ри]с[т]а Б[о]г[о] нашег[о]. *да бы* к нему *отошла* мира сег[о] [Паис. сб.: 102об.] — *ἔδυσώπει τὸν ἐξ αὐτῆς τεχθέντα Χριστὸν τὸν θεὸν ἡμῶν πρὸς αὐτὴν ἀναλῦσαι* [Tischendorf 1866: 95]; *и призвавшие архиерѣи. стража ихъ же бѣша научили. да быша не дали* никомуж[е] молитис[я]. на с[в]я[т]г[р]мъ гробѣ. и въпрашаху о нѣи [Богородице] тако ли ест [Паис. сб.: 103] — *καλέσαντες δὲ οἱ ἀρχιερεῖς τοὺς τεχθέντας παρ' αὐτῶν φύλακας πρὸς τὸ μὴ συγχωρεῖσθαι τινα εὐχεσθαι ἐν τῷ ἁγίῳ μνήματι, ἐπυνθάνοντο περὶ αὐτῆς, εἰ ἀληθῶς οὕτως ἔχει* [Tischendorf 1866: 96].

В славянском переводе «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы» зафиксирован также один случай употребления конструкции «*да* + личная форма глагола в настоящем (простом будущем) времени изъявительного наклонения» для перевода греческой конструкции «*πρός* + винительный падеж субстантивированного инфинитива»: *и т [так!] же самъ. Офония Петру повелѣвъши[у] ему, да явятъ с[я] чудеса Б[о]ж[и]а. и вѣставъ идяше въслѣдъ одра. Офония вопия [Паис. сб.: 116] — *καὶ αὐτὸς δὲ ὁ Ἰεφωνίας, τοῦ Πέτρου κελεύσαντος αὐτῷ πρὸς τὸ δεῖχθῆναι τὰ θαυμάσια τοῦ θεοῦ, ἀναστὰς ὀπίσω τῆς κλίνης ἔκραζεν* [Tischendorf 1866: 110].*

Наконец, следует обратить внимание на один случай, когда в славянском переводе «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы» придаточное предложение с союзом *да* соответствует греческой предложной конструкции «*πρό* + родительный падеж субстантивированного инфинитива», имевшей темпоральное значение предшествования. При этом употребленная Паисиевском сборнике конструкция «*да* + личная форма глагола в настоящем (простом будущем) времени изъявительного наклонения» появилась, по всей вероятности, в результате ошибки: Г[о]с[под]и сверши о мнѣ яко же ми с[я] еси

объщаль. *да же не взиду на н[е]б[е]са. и егда отхожю от мира сег[о]. и прид[е]ши ты и множество анг[е]ль твоихъ. со славою мно-гою ко мнѣ придуть* [Паис. сб.: 105]. По крайней мере, употребление в этом предложении формы первого лица глагола *взйти* противоречит греческому тексту, где форма винительного падежа личного местоимения *σε* указывает на второе лицо субъекта действия: *ἐπληρώθη εἰς ἐμὲ ὅσα ὑπέσχου μοι πρὸ τοῦ ἀνελεθεῖν σε εἰς τοὺς οὐρανοὺς, ὅτι, ὅταν ἐξέρχωμαι ἀπὸ τοῦ κόσμου τούτου, ἐλεύσῃ σὺ καὶ τὸ πλῆθος τῶν ἀγγέλων σου μετὰ δόξης πρὸς με* [Tischendorf 1866: 98]. Славянский текст, находящийся в списке конца XIV в. из рукописи РГБ Тр.-Серг. собр. № 13, кажется более близким к оригиналу: *Г[оспод]и сверши о мнѣ елико ми ся еси общаль. **преже да иже не взиде на н[е]бо. яко егда отхожю от мира сего. придеси и ты и множьство анг[е]ль твоихъ съ славою многою къ мнѣ*** [Тр. сб.: 233]; по крайней мере, здесь субъект действия соответствует греческому тексту и временное значение предшествования передается формой аориста (а не настоящего времени, как в Паисиевском списке) и употреблением наречия *преже*.

Рассмотрение синтаксических конструкций со значением цели и объектных конструкций с оттенком побуждения к действию в древнеславянском переводе греческого апокрифа «Слово Иоанна Богослова об успении Богородицы» позволяет сделать вывод, что имевшиеся в древнеславянском литературном языке возможности варьирования морфологических средств в наибольшей степени использовались тогда, когда буквальный перевод синтаксических конструкций греческого оригинала оказывался невозможным. Это проявилось при переводе греческих конструкций «*ὄστε* + инфинитив» и «*πρός* + винительный падеж субстантивированного инфинитива». Тогда же, когда буквальный перевод греческих синтаксических конструкций не противоречил славянскому грамматическому строю, как это было в случае с придаточными предложениями цели, вводимыми союзом *їѡа*, и инфинитивом со значением цели, переводчик памятника отдавал предпочтение морфологическим формам, наиболее близким языку оригинала.

Литература

Грамматика на старобългарския език. Фонетика. Морфология. Синтаксис. Главен редактор Иван Дуриданов. София, 1991.

Копыленко М. М. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола // Византийский временник. Т. 12 (37). М., 1957.

Мещерский Н. А. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений // Мещерский Н. А. Избранные статьи. СПб., 1995. С. 317–337.

Паис. сб. — Сборник, Российская национальная библиотека, Кирилло-Белозерское собрание, № 4/1081, начало XV в.

Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890.

Савельева Н. В. Описание Паисиевского сборника (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 4/1081) // Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник. Изд. подгот. Г. С. Баранкова, Н. В. Савельева, О. С. Сапожникова. Под ред. Н. В. Савельевой. М.—СПб., 2013. С. 505–511.

Слово об успении Богородицы. Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Том 3. СПб., 1999. С. 292–305.

Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Приложение к XI-му тому Записок императорской Академии наук. № 2. СПб., 1867.

Творогов О. В. Апокрифические сказания о успении Богородицы // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Вып. 1. Л., 1987. С. 43–44.

Тр. сб. — Сборник, Российская государственная библиотека, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 13, конец XIV в.

Santos Otero, Aurelio de. Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen. Bd. II. Berlin — New York, 1981.

Tischendorf Constantinus. Apocalypses apokryphae. Mosis, Esdrae, Pauli, Iohannis item Mariae Dormitio, additis Evangeliorum et Actuum apokryphorum supplementis. Lipsiae, 1866.

*Немыка Анна Анатольевна,
Пешков Анатолий Николаевич,
Адамчук Александра Анатольевна*
Кубанский государственный университет
Россия, г. Краснодар

Системные отношения терминологии синтаксиса на уровне парадигматики (от А. А. Шахматова до наших дней)

Одним из существенных показателей системности русской лингвистической терминологии, в том числе синтаксической, и факторов, определяющих динамику ее развития, являются семантические связи между ее единицами. Наличие указанных связей (для любой терминосистемы) признается исследователями, поскольку термин — это слово или словосочетание в особой функции выражения специального понятия, и в терминологиях происходят те же процессы, что и в общелитературной лексике. Выявление в макросистеме терминов русского синтаксиса таких системно-семантических связей, как синонимия, антонимия, полисемия, омонимия, гипонимия и гиперонимия, можно эффективно производить на основе методик дефиниционного и полного компонентного анализа.

Полисемия и омонимия синтаксических терминов единичны, носят межуровневый характер и реализуются исключительно в макросистеме. Провести четкие грани между исследуемыми отношениями довольно сложно, поскольку омонимия часто обусловлена расхождением значений терминов-полисемантов и отмечается существенное структурное сходство единиц (два лексико-семантических варианта). Трудности в разграничении омонимии и полисемии возникают лишь при наличии двух дефиниций у одного термина. Термины, которым соответствует более двух дефиниций, квалифицируем как межуровневые полисеманты.

Применение методики разграничения терминов-омонимов и терминов-полисемантов на основе дефиниционного и полного компонентного анализа можно проиллюстрировать следующими примерами.

Омонимия.

Связь¹. Компонент логического предиката (логический термин).

Связь². Формальные, строевые отношения между компонентами синтаксической единицы, выявляющие смысловые связи — синтаксические отношения — и выраженные средствами языка (морфолого-грамматический термин).

Связь¹ и связь² являются функциональными омонимами, так как в речи происходит эллипсис определения составного термина «связь син-

таксическая», что приводит к омонимии терминов.

Полисемия.

Фраза.

1. Основная интонационная единица, представляющая собой всякий отрезок речи от одной разделительной паузы до другой.

2. Интонационно завершенная единица, представляющая собой отрезок текста с интонацией понижения на конце.

Проведенное нами сравнение лингвистических терминов, фигурирующих в трудах А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, И. И. Давыдова, Н. И. Греча, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, М. Н. Петерсона, с терминами последних тридцати лет позволило сделать следующие выводы.

Предложение простое

1. Речь, полный разум в себе содержащая.

2. Соединение словосочетаний.

3. Высказывание, которое образовано по специально предназначенной для этого структурной схеме, обладает грамматическим значением предикативности и собственной семантической структурой, обнаруживает эти значения в системе синтаксических форм (в парадигме предложения) и в регулярных реализациях и имеет коммуникативную задачу, в выражении которой всегда принимает участие интонация.

Предложение сложное

1. Соединение нескольких речей, полный разум в себе содержащих.

2. Соединение словосочетаний без союзов, посредством союзов или посредством относительных слов.

3. Целостная синтаксическая единица, представляющая собой грамматически оформленное сочетание предложений и функционирующая в качестве сообщения о двух или более ситуациях и об отношениях между ними.

Артикуляция

1. Работа произносительных органов в процессе речи.

2. Работа произносительных органов, необходимая для произнесения определенной фонетической единицы, например, звука, звукосочетания, слога.

3. Работа отдельно взятых произносительных органов, осуществляемая ими при произнесении тех или иных звуков речи.

Орфография

1. Система общепринятых правил письменного обозначения языковых единиц, передачи речи на письме.

2. То же, что принцип орфографии, или принцип правописания;

употребляется в составе двусловных терминов.

3. То же, что написание.

4. Учение о правилах и принципах письменного обозначения языковых единиц, передачи речи на письме.

П а л а т а л и з а ц и я с о г л а с н ы х

1. Дополнительная артикуляция согласных звуков, проявляющаяся в дополнительном поднятии средней части спинки языка к твердому небу; смягчение согласных в результате данной дополнительной артикуляции.

2. То же, что палатализация согласных, или мягкость согласных.

3. То же, что палатализация согласных задненебных.

О р ф о э п и я

1. Совокупность, система правил произношения.

2. То же, что произношение; правильное, литературное произношение.

3. Учение о правильном произношении, раздел языкознания, изучающий нормы, правила литературного произношения.

Л е к с и к а

1. Словарный состав языка.

2. Совокупность слов, связанных со сферой их использования.

3. Совокупность слов, связанных с их происхождением.

4. Один из стилистических пластов в словарном составе языка.

Совокупность слов, характерных для какого-либо литературного направления, словарный состав отдельного художественного произведения, словарь языка того или иного писателя.

У лингвистов вызывает большой интерес системно-структурная составляющая терминологии, тем более что «системность языка лучше всего демонстрируется на примере терминологии, что, в свою очередь, обусловлено построением терминосистем на основе ригоремной упорядоченности» [Куликова эл. ресурс]. От понятия «структура» терминологической системы «полностью зависит членение и упорядочение этой терминологии. Данная упорядоченность уровней основана на категориальных отношениях понятий. Как результат, термины распределяются по уровням. Категориальные отношения сродни языковым и формируют следующие виды отношений: видородовые, включения, партитивные, причинно-следственные, субъектно-объектные» [ibid.].

В. М. Лейчик внутри системы выделяет группы терминов:

1) основные — термины, обозначающие основные понятия определенной области знаний или деятельности;

2) сложные — термины, обозначающие сложные понятия (понятия,

представляющие собой логическое произведение основных или производных понятий системы определенной области знаний или деятельности);

3) базовые — термины, обозначающие понятия, заимствованные в систему понятий определенной области знаний или деятельности из системы понятий области, которая лежит в основе (образует базу) данной области знаний или деятельности;

4) привлеченные — термины, обозначающие понятия, заимствованные в систему понятий определенной сферы знаний или функционирования из системы понятий пограничной сферы знаний, опыта или деятельности [Лейчик 2009: 30].

Регулярно представлены в терминосистеме лингвистики синонимия и антонимия. Они всегда реализуются обособлено в рамках каждого уровня. Регулярная реализация системно-семантических связей единиц присуща всем уровням развития макросистемы терминов русского языкознания. Необходимо исследовать их возможное усложнение, рассматривая лингвистическую терминологию как нелинейную динамическую целостность.

И. А. Ребрушкина, разделив термины русской лингвистики на три группы — правильно ориентирующие, неориентирующие и ложно ориентирующие, к причинам, обуславливающим ложную ориентацию терминов лингвистики, относит такие свойства терминов и терминосистемы лингвистики, как «омонимия, паронимия и связь с общепародным языком» [Ребрушкина 2005: 9–10]. Вместе с тем исследователь отмечает, что «семантическая ясность термина (его элемента)... обусловлена... степенью освоенности единицы языком» и не считает целесообразным исключать термины русской лингвистики, входящие либо в группу неориентирующих, либо в группу ложно ориентирующих, из сферы употребления или заменять их какими-либо другими терминами в силу «давней традиции их употребления». Поэтому они нуждаются в дальнейшем детальном изучении. Показательно в этом плане диссертационное исследование В. В. Антимировой, в котором уделяется внимание синонимии, антонимии, омонимии русской лингвистической терминологии, рассматривается роль этих явлений и процессов в деривационном механизме языка науки, в отражении когнитивной эволюции терминологии. Автор, в частности, приходит к выводам о том, что синонимы в лингвистической терминологии легко возникают и как поиск более рационального обозначения, и как результат нового называния, и как проявление своей системности в терминах разных школ и направлений, и как результат заимствований. Сино-

нимия — явление сугубо лингвистическое, а лингвосинонимы, разложенные методом компонентного анализа на составляющие части, имеют совпадения только в основных компонентах значения. Категория антонимии, распространенная в лингвистической терминологии, объективирует и вербализует свойство, временной, качественный и пространственный признаки [Антиминова 2011].

Системно-семантические связи лингвистических терминов могут быть представлены следующим образом. Большинство выявленных синонимичных терминов является дублетами:

1. Функционально-синонимичные термины:

а) термины-дублеты:

— формально-грамматические: категория предметности — категория существительности; морфологическое примыкание — «форменное» примыкание; синтаксическое примыкание — бесформенное примыкание;

— историко-психологические: предложное предложение — предложно-именное предложение; междометие — эквивалент слова;

— морфолого-грамматические: формальные средства выражения подчинительной связи — формальные способы выражения зависимости — формальные виды выражения зависимости; предикативная основа простого предложения — структурная схема простого предложения; синтагматические отношения (в лексике) — линейные отношения (в лексике); парадигматические отношения (в лексике) — нелинейные отношения (в лексике); главный лексико-семантический вариант — первичный лексико-семантический вариант; частный лексико-семантический вариант — вторичный лексико-семантический вариант; алломорф — алломорфема; анафора — единоначатие, волитив — волонтактив; дифтонг — двугласный звук; десемантизация — ресемантизация;

— функционально-стилистические: обобщенный блок — сочетания с конденсированным относительным словом; интонация повышения — восходящая интонация; конструкция с относительным местоимением — блок;

— коммуникативные: тема текста — гипертема; рема текста — гиперрема; сложное синтаксическое целое — текст; предложение тождества — предложение идентификации;

— логико-семантические: синтаксические актанты — члены предложения; реальные актанты — субстантивные элементы ситуации; коммуникативная импликатура — импликатура дискурса; неутверждаемый ком-

понент высказывания — нейтральный компонент высказывания; препозитивное значение — фактообразующее значение; бытийное предложение — экзистенциальное предложение — предложение о существовании;

б) контекстуальные варианты терминов:

— формально-грамматические: глагольное безличное предложение — безличное предложение; глагольное неопределенно-личное предложение — неопределенно-личное предложение; глагольное обобщенно-личное предложение — обобщенно-личное предложение;

— историко-психологические: односказуемое двусоставное согласованное предложение местоименное — односказуемое двусоставное предложение местоименное; предикативные отношения между членами предложения — предикативные отношения;

— морфолого-грамматические: односоставное определенно-личное предложение — определенно-личное предложение; односоставное неопределенно-личное предложение — неопределенно-личное предложение; порядок слов в предложении — порядок слов; активный словарный запас — активный словарь; пассивный словарный запас — пассивный словарь; синтагматические отношения в лексике — синтагматические отношения; парадигматические отношения в лексике — парадигматические отношения; прояснение редуцированных гласных — прояснение редуцированных; противопоставление звуков речи — противопоставление звуков; палатализация звуков речи — палатализация;

— функционально-стилистические: местоименный лексический актуализатор — местоименный актуализатор; анафорическая функция указательных местоимений — анафорическая функция; поддерживающая функция указательных местоимений — поддерживающая функция;

— коммуникативные: средства выражения актуального членения предложения — средства выражения актуального членения; синтагматически независимое высказывание с объективным порядком слов — высказывание с объективным порядком слов; лексико-грамматические категории частей речи — лексико-грамматические категории; изосемические подклассы слов — изосемические подклассы; неизосемические подклассы слов — неизосемические подклассы;

— логико-семантические: развертывание формы выражения предиката — развертывание предиката; глубинная синтаксическая структура — глубинная структура; поверхностная синтаксическая структура — поверхностная структура; импликатура дискурса — импликатура.

2. Термины-антонимы:

— формально-грамматические: непосредственное управление — по-

средственное управление; сильное управление — слабое управление; «форменное» примыкание — бесформенное примыкание; простое сказуемое — составное сказуемое; распространенное предложение — нераспространенное предложение; утвердительное предложение — отрицательное предложение; союзное сложное целое — бессоюзное сложное целое;

— историко-психологические: двусоставное несогласованное предложение — двусоставное согласованное предложение; знаменательные части речи — незнаменательные части речи;

— исторические: соединение словосочетаний без союзов — соединение словосочетаний посредством союзов;

— морфолого-грамматические: присловные связи слов — неприсловные связи слов; свободное словосочетание — несвободное словосочетание; фразеологизированная структурная схема — нефразеологизированная структурная схема; предложное управление — беспредложное управление; беспредложное двойное управление — предложное двойное управление; стержневой компонент словосочетания — зависимый компонент словосочетания; вариант фонемы сильный — вариант фонемы слабый; ударение качественное — ударение количественное; ассимиляция — диссимиляция; открытая сочинительная связь — закрытая сочинительная связь; согласование полное — согласование неполное; предсказующая связь — непредсказующая связь; обязательная связь — необязательная связь; открытое словосочетание — закрытое словосочетание; вопросительное предложение — невопросительное предложение; общевопросительное предложение — частновопросительное предложение; собственно вопросительное предложение — несобственно вопросительное предложение;

— функционально-стилистические: синтагма начальная — синтагма конечная; глагольный блок — безглагольный блок; обобщенный блок — конкретизированный блок; нулевой глагол — предикат центра — нулевой глагол — предикат периферии; синтагма начальная — синтагма нена начальная; синтагма конечная — синтагма неконечная;

— коммуникативные: тема — рема; гипертема — гиперрема; инверсия — объективный порядок слов; категория утвердительной модальности — категория отрицательной модальности; синтагматически зависимое высказывание — синтагматически независимое высказывание; акциональные глаголы — неакциональные глаголы; изосемичность — неизосемичность;

— логико-семантические: глубинная синтаксическая структура — поверхностная синтаксическая структура; прямая номинация — косвен-

ная номинация; модус знания — модус незнания; объективация моду-
са — субъективация модуса.

Таким образом, компаративный анализ лингвистических терминов, представленных в трудах А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, И. И. Давыдова, Н. И. Греча, Ф. И. Буслаева, А. А. Потемни, М. Н. Петерсона, и терминов последних тридцати лет позволяет говорить об изменении ряда терминов, существенной дефиниционной трансформации, замене единичных терминов на микросистемные образования, продиктованных различием подходов к изучению русского синтаксиса, способствующих поиску оптимальных средств выражения различных понятий и направленных на совершенствование уровня структурной организации терминосистемы синтаксиса, что на современном этапе находит выражение в отборе терминоединиц, дифференцированных семантически и функционально.

Литература

Антимирова В. В. Лексико-семантические и деривационные характеристики русской лингвистической терминологии): Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011.

Куликова Е. А. Системность — основной признак терминологической лексики // Труды МГТА: электронный журнал. URL: http://www.emagazine.meli.ru/Vipusk_21/292_v21_Kulikova.doc

Лейчик В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. М., 2009.

Ребушкина И. А. Ориентирующие свойства терминов: на материале русской лингвистической терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005.

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
А. А. ШАХМАТОВА**

Шахматов как историк-лексикограф и современная лексикографическая практика

В период обучения в Московском университете Шахматов активно занимался фонетическим и морфологическим анализом древнерусских памятников. О его богатейшей и, вероятно, единственной в своем роде коллекции примеров к разным явлениям русского языка знали специалисты. Именно в этот период у юного исследователя и появилась мысль об историческом словаре. К 1885 г. он уже имел четыре большие тетради выписок из грамот и летописей. Идею словаря поддержал И. В. Ягич, который писал Шахматову: “Было бы очень желательно, чтобы Вы к тексту в самом конце его прибавили словарь по крайней мере всех замечательных слова... пора и в самом деле поставить русскую филологию на прочную историческую почву” [Переписка 1947: 52, 58]. А в начале апреля 1887 г. Ягич пишет Потебне о Шахматове: “Ему принадлежит почин в затее исторического словаря русского языка” [ibid.: 85].

Сохранившаяся переписка начинающего ученого позволяет восстановить содержание проекта и технологию его осуществления, планируемый состав участников. К сожалению пока не обнаружены написанный Шахматовым проект программы и список памятников, эти бумаги были разосланы предполагаемым редакторам зимой 1887 г. Некоторые замечания по программе имеются в письме Ягича от 7.02.1887 [ibid.: 60]. Программа упоминается в письме Ягича Потебне [ibid.: 85–86]. Программа не была опубликована, так как участники по предложению Фортунатова решили, “что только опыт может дать годную программу” [ibid.: 87]. По совету Ягича предполагалось также “установить общие правила, которыми бы регулировалось все дело” [ibid.: 119].

Концепция А. А. Шахматова в отношении исторического словаря русского языка значима по ряду обстоятельств: 1) это первый опыт предварительно сформулированной лексикографической концепции; многие идеи знаменитого, хотя и не законченного СРЯ Грота-Шахматова были впервые предложены при выработке и обсуждении программы исторического словаря; 2) Шахматов считал необходимым иметь для отбора иллюстраций большой фонд источников, не ограничиваясь традиционным кругом памятников профессионального содер-

жания; 3) он иначе, чем его предшественники, представлял структуру и объем словарной статьи; 4) по Шахматову, словарная работа, особенно по созданию исторического словаря — это коллективный труд, руководить которым должны «люди с именем и авторитетом в науке», и он предложил схему организации такого коллектива, впервые продемонстрировав незаурядные качества научного администратора.

Технология создания исторического словаря предусматривала семь этапов или семь операций.

Первый этап включал в себя “собираание материалов для исторического словаря русского языка”, для чего необходимо “привлечь к участию в этом деле как можно более лиц”; предполагалось такое распределение памятников для расписки между участниками: Шахматов — грамоты XII–XV вв, Козловский — грамоты XVI–XVII вв, Щепкин — жития русских святых, Григорьев с Ляпуновым “взяли бы ... русские летописи и по мере сил приготовили бы к ним частный словарь” [Переписка 1947: 63].

Далее нужно было определить метод составления, критерии выбора памятников и осуществлять редакторство. Для этого нужно пригласить “людей с именем и авторитетом в науке”: И. В. Ягича, Ф. Е. Корша, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Потемню (отказался), А. И. Соболевского, Р. Ф. Брандта.

Следующая ступень — определение территориальных границ исторического словаря. По Шахматову, нужно “сделать его не только общерусским, но и общеславянским”; по Потемне, — “ввиду громадности задачи, б. м. практичнее было бы выделить в особый словарь юго-западный язык XIV–XVII в.” [цит. по: Лаптева 1961: 117]. Позднее в СРЯ Грота-Шахматова эта идея будет реализована в следующем виде: к основным русским словам будут приведены параллели из других славянских языков.

Этап четвертый — составление списка памятников: “на первом плане будут грамоты, законы, летописи, жития русских, поучения, написанные русскими”. Внимание к грамотам — это заслуга именно А. А. Шахматова, в 1886 г. он издает “Исследования о языке новгородских грамот XII и XIV в.”. Заметив, что в списке источников есть сочинения митрополита Киприана и Пахомия Логофета, Ягич замечал, что нет разницы между трудами их и настоящими русскими и что нужно составить ещё один список: “на втором плане сочинения общего содержания (вся церковная, догматическая и т.д. литература), насколько они существуют в русских редакциях или составлены русскими авторами, например, сочинения Кирилла Туровского, древней-

шие такого рода сочинения (напр. Остромирово евангелие, Изборник 1073) должны войти целиком, из позднейших же (напр. разных списков библейских текстов) только разночтения, появившиеся должно быть на русской почве” [Переписка 1947: 60].

Этап пятый — информационная поддержка: опубликование программы и списка руководителей (было отложено по предложению Ягича).

Этап шестой — установить последовательность работ: вначале “составлять словари к памятникам до XIV включительно, чтобы таким образом исчерпать толком хотя бы один отдел; таким образом, наш кружок сомкнется и новые элементы будут присоединяться к нему лишь по личной рекомендации и апробации редакторов”; “четыре человека, усердно и умело занимающиеся, могли бы заменить 10 случайных сотрудников” [цит. по: Лаптева 1961: 119].

Этап седьмой содержал совершенно новаторскую идею издания пробного словаря: “нужен ли он и каков должен бы быть его состав?” [ibid.: 120].

Идея создания исторического словаря была чрезвычайно актуальна и технически всесторонне продумана, хотя её инициатору исполнился всего лишь 21 год.

По разным причинам всё окончилось сбором предварительных материалов, которые хранятся в Ф. 134 СПб Архива РАН [Архив 1946: 253]. Надо иметь в виду, что первый том «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского вышел в свет только в 1893 г. уже после смерти ученого, с 1889 г. по 1911 г. «Материалы...» издавались под наблюдением как раз А. А. Шахматова.

Размышления над проектом исторического словаря для Шахматова не были напрасными: концепция словаря затем была усовершенствована во время подготовки и издания знаменитого «Словаря русского языка». В 1897 г., после смерти Я. К. Грота, Шахматову поручили возглавить работу над «Словарем русского языка”.

Шахматов был сторонником тезауруса — полного словаря, то есть в нем должны быть следующие элементы: а) лексика литературного и делового языка, б) “словарный состав, представляемый живыми говорами”, в) слова церковнославянские, которые употребляются нашими духовными писателями или встречаются в русских переводах книг Св. Писания; г) научные и технические термины” [СРЯ 1897: VI–VII]. Кроме того, поражает своим объемом цитатный раздел словарной статьи: “Максимум цитат был его основным принципом” — заметил Л. В. Щерба [Щерба 1958: 74]. “Словарь русского языка” Грота-

Шахматова был доведен по букву *И*, его издание было прервано в связи с кончиной А. А. Шахматова.

Оценим, насколько соответствует концепции юного лексикографа А. А. Шахматова современная практика в области исторической лексикографии, например, создаваемый в Санкт-Петербургском университете «Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.)» (СОРЯ).

Концепция этого словаря формировалась постепенно и окончательно определилась после достаточной апробации. Хронологическая канва событий такова: 2000 год — «Проект СОРЯ. Под ред. О. С. Мжельской», в значительной мере основанный на идеях Б. А. Ларина; 2002 год — опубликованы материалы обсуждения проекта СОРЯ; 2003 год — «СОРЯ: пробный выпуск»; 2004–2010 гг. — опубликованы первые три выпуска. В 2011 г. издан выпуск 4 (*Гагара — Гуца*), в составе которого находится «Инструкция СОРЯ» (далее — *Инструкция*). Это обстоятельная, тщательно продуманная и теоретически полноценная концепция исторического словаря. Здесь имеются ответы и на критику оппонентов, и на предложения доброжелателей.

Ориентируясь на Инструкцию и первые пять выпусков, констатируем, что СОРЯ привлекателен по целому ряду обстоятельств:

1. Словарь ориентирован на период русского средневековья, хорошо обеспеченный памятниками (вторая половина XVI в. — первая треть XVIII в.). Желание авторов СОРЯ включить свежий иллюстративный материал вполне реализуемо, если они продолжат расписывать скорописных источников.

Авторы хотят дать представление о составе разговорного словаря Московской Руси, поэтому круг источников разнообразен. Однако, усомнимся в корректности той иерархии памятников, которую выбрали составители: 1) официально-деловые документы; 2) частно-деловые памятники; 3) частная переписка; 4) переводные тексты; 5) повести XVII в.; 6) демократическая сатира; 7) фольклор; 8) пословицы; 9) записи разговорной речи, сделанные иностранцами [Инструкция: 8]. Мы бы предложили, основываясь именно на концепции СОРЯ, другой порядок значимости источников: 1) частная переписка; 2) записи разговорной речи; 3) фольклор, в том числе пословицы; 4) повести XVII в., в том числе демократическая сатира; 5) деловые документы; 6) переводные тексты. Если иметь в виду задачу отражения в СОРЯ обиходного повседневного языка, то сомнительно включение в список источников «Сказания Авраамия Палицына» или «По-

сланий Ивана Грозного». Эти тексты отличаются особой архаичностью языка, вряд ли для Авраамия Палицына и Ивана Грозного это был обиходный повседневный язык.

2. Заслуживает одобрения функционально-жанровый подход к лексическому материалу: а) показывается принадлежность слова к определенному функционально-стилистическому пласту лексики; б) учитывается эмоционально-экспрессивная коннотация [Инструкция 2011: 27]. Привлекателен набор функционально-стилистических помет: *деловое, книжно-церковное, высокое-официальное, фольклорное*. Учтем и эмоционально-экспрессивные пометы: *ласковое, уважительное, пренебрежительное, уничижительное, ироническое, бранное*.

3. Достаточно подробно разработана словарная статья. Составители стремятся полно описать семантическую структуру слова: 1) выделить значения слова и их частные реализации; 2) установить соотношение значений и оттенков в пределах семантической структуры слова; 3) показать характерные употребления, в том числе типичную сочетаемость, жанровую предопределённость; 4) указать на отношении данного слова (значения) к другим словам (значениям) привести слова, близкие или совпадающие по значению, а также синонимические эмоционально-экспрессивные номинации; 5) учесть некоторые сведения энциклопедического характера; 6) дать не менее 2–3 цитат на каждое значение, оттенок, устойчивое сочетание: «Примеры должны содержать сведения о времени употребления слова и о распространении его на территории Московской Руси, о сфере использования слова, уточнять его грамматическую характеристику» [ibid.: 41]. Введена помета о количестве цитат в картотеке на каждое слово [ibid.: 16].

В результате словарная статья СОРЯ приближается к лексикологическому этюду. Это очень сближает разработку слова в СОРЯ со словарными статьями в СРЯ Грота-Шахматова.

Далее скажем о наших замечаниях к Инструкции.

1. Для Б. А. Ларина был принципиален вопрос о хронологических границах начального этапа образования национального русского языка XVI–XVII вв.; он говорил о «характерных признаках начального этапа образования национального русского языка (устного и письменного)», правда, не назвав этих «характерных признаков». Было бы разумно попытаться назвать эти признаки, обосновав тем самым и хронологические рамки Словаря. Хотя сам Б. А. Ларин, как нам представляется, проектировал хронологию Словаря по одному главному основа-

нию — период, достаточно хорошо обеспеченный «памятниками, содержащими обиходную лексику и фразеологию» [Ларин 1993: 9].

2. Сформулированные составителями критерии отбора лексики для СОРЯ не слишком строги. Что входит в содержание таких понятий, как «живая разговорная лексика», «народное, русское, обиходное», «общенародная обиходно-разговорная речь»?

Справедливо учитывая, что «в письменных памятниках XVI–XVII вв народная речь получила только опосредованное», хотя и достаточно широкое отражение, составители считают задачей СОРЯ «описание слов и выражений, характерных для собственно письменных форм языка»:

1) деловая письменность московских приказов, но только «слова и выражения, свойственные стилю и формуляру деловых документов» (но это очень малая часть лексического богатства деловой письменности и почему только язык московских приказов? — Г. С.);

2) этикетная фразеология частных писем (почему такое ограничение, ведь содержательная часть писем более богата обиходно-разговорной лексикой? — Г. С.);

3) лексика и фразеология церковно-книжного языка, входившая и в обиходную речь или освоенная ею (здесь возникает вопрос: как проверяется освоенность — неосвоенность церковнославянизмов?). В той же Инструкции есть и такая декларация: «Включению в словник подлежат ... все церковнославянизмы, встретившиеся в источниках Словаря» [Инструкция 2011: 10];

4) слова и выражения, характерные для фольклора (но заметим, что фольклор не был письменной формой языка — Г. С.).

Хорошо, что составители отходят от деклараций Инструкции, в действительности они учитывают и лексику основной части делового документа, и в описательной части частного письма.

3. Спорный вопрос — содержание понятия «обиходный язык». Термин был предложен Б. А. Лариным, для которого обиходный язык XVI–XVII вв. — это живая общерусская разговорная речь, представленная в памятниках, созданных на народно-разговорной основе [Ларин 1961; 1993], то есть обиходный язык определяется через некий набор памятников. Наши авторы поступают так же: «Словарь обиходного русского языка XVI–XVII вв., основанный только на памятниках делового письма, демократической литературы, фольклорных произведениях, разговорниках, будет толковым историческим словарем этой группы памятников» [Проект 2000: 11]. Фактически круг источ-

ников СОРЯ шире: в привлекаемых публикациях (это не только отдельные тексты, но и сборники различных текстов) есть деловые тексты общегосударственного значения, профессиональные нарративные источники и т. п. Условие полного расписывания текстов, вероятно, надо понимать как квалификацию любого лексического факта в этих текстах в качестве факта обиходного языка. Но такой подход делает понятие «обиходный язык» более расплывчатым. Может быть, целесообразнее отталкиваться не от списка текстов, а предварительно определить перечень определенных ситуаций общения (домашний обиход, традиционные занятия посадского человека и сельского жителя и т. п.) и перечень тематических групп лексики.

Что касается дефиниций основных терминов, то согласимся с составителями СОРЯ, что *обиходный* — это язык, применяемый в повседневной жизни, *народно-разговорный* — язык, преимущественно употребляемый в живом разговоре, в устной речи, *общерусский* — язык, в равной мере представленный на разных территориях Московской Руси [Инструкция 2011: 6].

4. Похвально намерение авторов включать в Словарь только «наддиалектное» разговорное, но не объяснены принципы выбора «наддиалектного». Авторы СОРЯ, по-видимому, считают общерусской всю региональную деловую письменность Московского государства XVI–XVII вв, отраженную в «Псковском областном словаре», «Словаре пермских памятников», «Словаре народно-диалектной речи Сибири» и других исторических словарях регионального характера, причем «материалы из региональных исторических словарей вводятся в СОРЯ в полном объеме» [ibid.: 9].

Есть проблема определения «узко социального, специфически сословного». Как квалифицировать торговую терминологию в любимых Б. А. Лариным разговорниках: это общеразговорное или узкословное? Являются ли штампы письменной деловой речи (а они в XVI–XVII вв. многочисленны) фактами обиходного языка? Требуется оправдания использование материалов фольклорного характера (былины, исторические песни, пословицы): их временная отнесенность проблематична, а художественно-поэтическая выразительность значительно превосходит экспрессивность средств обычного разговора.

Заметим, что, если стремиться учитывать сферу использования, то хорошо бы указывать тип (жанр), разновидность памятника.

Но важно главное: СОРЯ — это исторический словарь принципиально нового типа, ориентированный на язык повседневного общения и

раскрывающий функционально-стилистический спектр слова. Для читателя исторического словаря единственным и окончательным авторитетом является цитата, причем цитата семантически содержательная, демонстрирующая семантический, грамматический и фонетический потенциал слова; в исторических словарях «исчерпывающее обилие цитат является единственным выходом из положения, нет надобности приводить однообразные цитаты; но исчерпать их разнообразие совершенно необходимо» [Щерба 1958: 285].

По обилию иллюстративного материала СОРЯ близок к заветам А. А. Шахматова и требованиям Л. В. Щербы. Такие же полномасштабные требования к цитированию реализуются в «Словаре русского языка XVIII века» и подробно аргументируются в проекте «Словаря русского языка XIX века».

В выпуске 1 есть случаи приписывания слову семантики не на основе словарных иллюстраций, а с помощью источников, которые не названы для читателя. Это касается, например, слов **аба** «грубое сукно» (*деветнатцот штук обы; адиннатцать штукъ абы*), **агарикъ** «древесный гриб, употребляемый как лечебное средство» (*агарикъ купять фунтъ*). При единичных фиксациях слова встречаем произвольные толкования значения. Например, **абым**, союз. *То же, что абы.* (с. 35). Цитата следующая: Ксендзь Воевоцкий принес до мене абым въ него купиль мунстранцью. *Сл. Смол., 22. 1668 г.* Судя по контексту, абым — какая-то вещь, предмет, с помощью которого можно купить мунстранцью. Рассмотрим статью из выпуска 5 СОРЯ о прилагательном *двоеморхий* — *двоеморховый (двоемохрой)* «негладкий, рельефный, с вытисненным узором; рытый» (с. 76–77). В СлРЯ XI–XVII вв *морхъ* — «ворс на бархате и других тканях» [9: 269]. С семей «ворс» можно согласиться, но что означает первый корень *двое*? В СОРЯ приводится 6 цитат со словом *двоеморхий* — *двоеморховый*, ни одна из них не проясняет значения этого слова. Составители СлРЯ XI–XVII вв в свое время решили, что *двоеморхий* — «имеющий двойной ворс (о бархате)» [4: 186]. Почему составители СОРЯ отказались от такого определения?

Авторы анализируемого словаря очень дорожат примерами, в которых приводится толкование слова, дается синоним, описывается внешний вид предмета или объясняется его функция, назначение. Такую практику следует только приветствовать. Например: *Агварденту, по-русски двойного вина, не возили; Академии, то есть книжные училища; Алекъ, тожь сургучь слыветь.*

В выпуске 5 уже находим такие разъясняющие отсылки: *говорить дворкою*» «шутить, прибегая к иносказаниям» (см. отсылку к СРНГ 7: 299); *долгари «сапоги для рыбаков с высокими голенищами»* (см. отсылку к СРНГ 8: 105). Если семантика (или часть лексического значения) не «вытекает» из цитаты, то благоразумно все дополнения к толкованию слова помещать в скобки, одновременно продумав, как обеспечить ссылку на дополнительную справочную литературу или иные источники.

Исторические словари — особый тип словаря, он не может копировать модель словаря современного языка, а возможности составителя в нем должны объясняться максимально точно.

Литература

Архив Академии наук. Т. 2. М.–Л., 1946. С. 252–259.

Инструкция «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков // Словарь обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков. Вып. 4: Гагара – Гуца. СПб., 2011. С. 5–43.

Лантеева О.А. Письма А. А. Шахматову к В. Ягичу об историческом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 1961. №1. С. 115–120.

Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Б. А. Ларин. Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 22–34.

Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Б. А. Лариню Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 5–9.

Переписка А. А. Шахматова с акад. И. В. Ягичем (1881–1894) // А. А. Шахматов. 1864–1920. Сб. статей и материалов. М.–Л., 1947. С. 13–104.

Проект обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Под ред. О. С. Мжельской. СПб, 2000.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–6. СПб., 2004–2014 (изд. продолж.).

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.–Л., 1965.

СРЯ — Словарь русского языка. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1897.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975.

Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984.

Словарь русского языка XIX века: Проект. СПб., 2002.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958.

Тезаурус русского языка в концепции А. А. Шахматова: *pro et contra*¹

Работа над четвертым — после «Словаря Академии Российской» (1789–1793 гг.), «Словаря Академии Российской по азбучному порядку расположенного» (1806–1822), «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847 г.) — толковым академическим словарем русского языка возобновилась под руководством Я. К. Грота в 80-е гг. XIX в. С 1891 г. до 1893 г. вышло три выпуска Словаря (с А по Д), которые в 1895 г. были переизданы отдельным первым томом. Этот том «Словаря русского языка» (А–Д) вошел в историю русской лексикографии как уникальный образец *нормативного* толкового словаря с четкой и строгой системой стилистических и функциональных помет, с научно обусловленной системой грамматических помет. Принципы формирования словника, разработка толкований и семантической структуры многозначных слов в этом словаре стали на долгие годы эталоном лексикографической работы. Этот том стал своего рода памятником лексикографической деятельности выдающегося филолога XIX в. Якова Карловича Грота².

После смерти Я. К. Грота Академия приглашает для продолжения работы над Словарем Алексея Александровича Шахматова.

Уникальность научной карьеры А. А. Шахматова заключалась не только в том, что он еще в гимназические годы проявил глубокий интерес к занятиям по славянской исторической фонологии и исследованию древнерусских текстов и, благодаря своим научным изысканиям, стал заметен среди выдающихся лингвистов эпохи, но также и в том, что, после защиты в начале 1894 г. в Московском университете магистерской диссертации «Исследования в области русской фонетики», за которую ему была присуждена сразу же докторская степень,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 14-04-00388.

² «Составленная им [Я.К. Гротом] часть академического словаря <...> является до сих пор непревзойденным образцом (выше по качеству лишь выпуск на И до слова идеализироваться, обработанный Щербой)». В. В. Виноградов. Толковые словари русского языка // Язык газеты. М.–Л., 1941. С. 383.

уже в конце того же года, в возрасте 30 лет, избирается в адъюнкты Императорской Академии наук и назначается руководителем одного из важнейших проектов Отделения русского языка и словесности — «Словаря русского языка»: «С кончиною Я. К. Грота Отделение русского языка и словесности лишилось представителя в области русского языка и его истории; вместе с тем почти остановился взятый на себя нашим покойным сочленом труд значительных размеров, требующий усиленных занятий — словарь русского языка. Так как на Отделении лежит нравственная обязанность продолжать это дело и довести его до конца, то академики Ягич и Бычков старались найти такое лицо, которое, кроме достаточной ученой подготовки, доказываемой его трудами, могло бы все свое время, всю свою энергию посвятить интересам, задачам и целям Отделения. Они обратили внимание на доктора русского языка и словесности Императорского Московского университета Алексея Александровича Шахматова, удовлетворяющего изложенным требованиям, и с разрешения Его Императорского Высочества Августейшего Президента Академии предлагают его в адъюнкты Отделения русского языка и словесности» [Бычков 1897: XX].

А. А. Шахматов очень энергично подключается к работе над «Словарем» и уже 7 января 1895 г. выступает на заседании Отделения русского языка и словесности с докладом, в котором характеризует имеющиеся в его распоряжении словарные материалы («выписки более чем из ста писателей») и объясняет необходимость изменения существующих традиций работы с ними: «пополнять их и расширять», а также начать «более подробную выборку», которая бы имела более «систематический» характер. Однако в своем выступлении от 16 ноября 1895 г. на очередном заседании ОРЯС ученый, усомнившись в целесообразности проводимой работы, уже предлагает новые пути «для успешного выполнения задачи Отделения» и новые принципы продолжения работы над Словарем¹.

¹ Следует отметить, что — оставив богатое научное наследие по проблемам славянской исторической фонологии, исторической грамматики, текстологии древнерусских памятников, особенно летописей, истории русского литературного языка, грамматики и синтаксиса современного ему русского языка, — письменных работ, посвященных проблемам теории и практики лексикографии, у А. А. Шахматова фактически нет. В истории отечественной науки его взгляды на эту тему известны в большей степени через высказывания современников, его учеников, а также историков науки. Широко цитируемые ниже и публикуемые в Приложении источники — «Записка» выступления 16 ноября 1895 г., опубликованная в Сборнике ОРЯС, и ответ на «Записку» И. Х. Пахмана, пожалуй, единственные из опубликованных зафиксированные источники, в которых сформулирована лексикографическая концепция А. А. Шахматова (См. *Приложения 1 и 2*).

Логической основой новых тенденций словарной работы становится следующее наблюдение А. А. Шахматова: «Под понятием письменный язык, как я это вижу из первых трех выпусков, Отделение понимало не только те слова и выражения, употребляемые писателем, которые нашли право гражданства во всех слоях русского общества, но также и местные, народные слова, употребленные писателями в собственной речи или приведенные в речи говорящих в его произведении лиц. Следовательно, не задаваясь целью оградить наш литературный язык от влияния народных элементов, Отделение напротив дало место народному языку, насколько он отразился в сочинениях наших писателей. Поэтому и следующие выпуски Словаря будут заключать не только литературный и деловой язык, но также народные слова и выражения. Но если последним отводится такое почетное место в Словаре письменного русского языка, это значит, что принципиальных оснований против включения слов из народной речи в Словарь — не имеется. Почему же в таком случае черпать народные слова исключительно из таких источников, какими представляются приводящие их произведения литературы, а не обратиться к прямым наблюдениям, сделанным над живой русской речью? Неужели местные слова из сочинений Мельникова, гр. Л. Толстого, Григоровича предпочтительнее слов, известных всем нам от таких наблюдателей, как Даль, а специально Отделению известных от таких собирателей, как А. Н. Островский, Иваницкий, Куликовский, Подвысоцкий и др.» [Шахматов 1899: XIII–XIV].

Поэтому неслучайно, что ученый предлагает следующий путь издания Словаря: «Признав язык писателей лишь подспорьем при определении значения слов и их употребления, источником Словаря сделать живой русский язык, задачей Словаря объяснение всех и всяких известных II-му Отделению русских слов» [ibid.: XIII].

Объектом описания в Словаре, таким образом, становится не русский язык, зафиксированный в письменных текстах, а *живой русский язык*: «Я сравнивал Словарь Даля с изданными выпусками Словаря: и как призванный к продолжению начатого Словаря, я все время завидовал Далю; он при работе над Толковым Словарем имел дело с живым русским человеком и при том не обезличенным; астраханец и вологжанин, пермяк и калужанин — вот кто создавали и продолжают создавать русскую речь, и это так наглядно видно из Словаря Даля; я боюсь, что в будущих выпусках нашего академического Словаря, вместо этих живых лиц, слишком ярко выступит личность редактора, ко-

торый возьмет на себя неблагодарную, скажу более — крайне тяжкую и вместе ответственную задачу обезличить, обесцветить русский язык и сузить понятие о нем. На такую работу можно согласиться только в том случае, если всюду и везде авторитет живой русской речи может быть заменен авторитетом печатного слова в произведениях наших писателей. Но ведь несомненно, что тогда мы опять встретимся с русским народом, с тем же курянином и пермяком. Зачем же избегать личной с ним встречи и рядом с этим стремиться к знакомству с ним через посредство третьих лиц — наших писателей?» [ibid.: XV].

И таким образом А. А. Шахматов подошел в своей «Записке» в главному ее выводу: «Делаю заключение: Отделение должно несколько расширить задачу Словаря. Все русские слова, насколько их значение и употребление известно Отделению, насколько они для него не простые звуки, с которыми не связывается определенного представления, должны войти в Словарь и найти там объяснение» [ibid.].

Тем самым, в своем официальном выступлении о принципах Словарях, сформулированных в «Записке», А. А. Шахматов обосновывает необходимость расширения словника нового словаря до включения в его состав любого слова русского языка, известного русскому человеку.

В 1899 году, в ответ на критическую записку И. Х. Пахмана о ряде недостатков Словаря, А. А. Шахматов более четко формулирует еще одно важнейшее положение новой концепции, которое только намечается в «Записке», — это отказ от принципа нормативности в «Словаре»: «...главный и единственный авторитет в языке — это обычай, употребление. То, что вышло в языке из употребления, как бы оно ни было правильно или согласно с духом языка, не может быть насильно вновь навязано; обратно, борьба с узаконенною употреблением неправильностью .. бесплодна. <...> странно было бы вообще, если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решалось указывать, как надо говорить. Очевидно, что такое учреждение упразднило бы таким образом те два авторитета, которые одни могут иметь решающее значение в вопросах языка — это во-1-х, авторитет самого народа с его безыскусственным словоупотреблением, во-2-х, авторитет писателей — представителей духовной и умственной жизни народа. Вот почему академия должна дать в словаре отечественного языка по возможности полное описание существующего словоупотребления; ее Словарь должен содержать не плоды сочинительства и «научных» соображений о том, как следует говорить, а такой надежный материал, из которого было бы видно, как говорит

народ в различных областях России, как выражаются современные писатели, в каком значении употреблялись те или другие слова писателями прежнего времени и т. д.» [Шахматов 1899: 32–33].

Именно через такие оригинальные на фоне существовавшей традиции отечественной лексикографии и новаторские с научной точки зрения установки А. А. Шахматов и пришел к такому типу толкового словаря, который впоследствии Л. В. Щерба в своей известной типологии назовет *словарем-справочником* и *тезаурусом*.

II том Словаря, включающий 9 выпусков на буквы *Е, Ж* и *З* (1897–1907), отредактированный полностью А. А. Шахматовым и включающий часть материалов, разработанных лично им (например, на слова *живой, жизнь, жить*), является уникальным примером словаря тезаурусного типа, аналога которому в русской лексикографии до сих пор не было и нет.

В выпусках Словаря шахматовской редакции уникально все: на указанный отрезок алфавита мы имеем самый большой словник в сравнении со словниками других толковых словарей русского языка, слова, превосходящие другие словари по количеству выделенных значений, непревзойденную по детальности выделения сочетаемость и — самое главное — беспрецедентное количество иллюстративного (цитатного) материала, который, безусловно, превалирует по своему назначению над традиционно значимыми для толковых нормативных словарей дефинициями (по справедливому замечанию Л. В. Щербы, «примеры <в Словаре Шахматова> должны были стать основой Словаря, вместо того чтобы играть лишь иллюстративную роль» [Щерба 1929: л. 92 об]), оригинальные и свободные от традиции метаязык и система знаков, значков, помет.

Значительное количество слов снабжены этимологическими справками, для исконно-славянских слов приводятся многочисленные славянские параллели. Каждое значение, оттенок значения, каждое отдельно выделенное словосочетание различной степени устойчивости снабжено большим количеством примеров для общеупотребительных слов, и несколькими или одним — для редких, малоупотребительных слов. Иллюстративный материал представлен цитатами из художественных текстов, русской поэзии, этнографической литературы, а также — в существенном количестве — из диалектных источников; термины иллюстрируются примерами из учебной и научной литературы, а также материалами специальных словарей. Подчеркнем, что помимо указанных текстов самостоятельными источниками Сло-

варя стали «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847 г.) и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Широко в Словаре использовались и рукописные источники из Архива русского географического общества, из Архива ОРЯС.

Такое внимание к цитатному материалу, доказывающему реальное функционирование слова, привело к его целенаправленному собиранию: картотека Словаря, которую начал создавать в 1886 г. Я. К. Грот, увеличилась при Шахматове многократно и в 20-е гг. XX столетия насчитывала уже около миллиона карточек-цитат [Рогожников 2003]. Эта картотека, впоследствии ставшая эмпирической базой русской толковой академической лексикографии в советские годы и хранящаяся сейчас в Институт лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург), до сих пор называется специалистами «картотекой Грота-Шахматова».

Структуры и объем словарных статей самого А. А. Шахматова сложны и объемны. Ср.: словарная статья на слово *живой* занимает 16 столбцов (8 листов формата А4), *жизнь* — 14 столбцов. Отметим, что например, словарная статья на частицу НЕ, составленная В. И. Чернышевым, представляет собой отдельный выпуск Словаря (издано как «Приложение» к VIII вып.) в 60 листов.

Рассмотрим для примера структуру словарной статьи на слово *жизнь*. В качестве основы для сравнения представим семантическую структуру слова в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.:

1. Состояние животных от зарождения до смерти, а растений до увядания, бытие.

2. Время от начала рождения до смерти, век.

3. Образ жития в отношении к нравам и поведению.

4. Быт, состояние.

5. *Стар.* Имение, имущество. Далее в статье идут: *выражения и устойчивые сочетания*. [Словарь 1847: 410].

Ниже представлены семантическая разработка слова в пробном оттиске словарной статьи, хранящемся в фонде А. А. Шахматова в СПФ АРАН (Ф. 134. Оп. 1. Ед. 342), а также ее опубликованный в словаре вариант [Словарь.. 1898: ст. 495–507]:

ЖИЗНЬ

(пробный оттиск)

1. Существование человека, животного, растения, начинающееся рождением, появлением на свет и прекращающееся смертью, увяданием.

ЖИЗНЬ

(статья в Словаре)

1. *А. Филос.* Такой способ существования, в котором множественность частей и различие форм данного целого связывается целесообразно известным единст-

2. Состояние человека, при котором он пользуется всеми своими силами и способностями, а также благами окружающей среды.

3. Время существования человека на земле, человеческий век.

4. Жизненный путь, по которому проходят человек и человечество; ход событий, сумма впечатлений на этом пути...

5. Привычки, которыми живет человек; проявление его существования в этих привычках, обыкновениях; направление, данное человеком своему житью-бытью...

6. Быт, особенности в правах, обычаях народа, общества, сословия, различных общественных учреждений

7. Необходимое пропитание, содержание как основа существования. *Жизнь в Москве дорога.*

8. Пребывание, нахождение, общение, жительство, сожительство, жистье.

вом, находящимся в самом этом целом, а не полагаемом извне. Вл. Соловьев. (Бр. и Ефр.)

Биол. Vita. Обозначение проявления совокупности всех свойств (способностей, отправлений, функций), присущих только организованному телу (растению или животному), для возникновения какового проявления безусловно необходимы определенные внешние условия (соответственная среда).

Б. Проявление человеком или человеческим обществом духовной деятельности вообще; в частности — сопровождаемое у человека чувством удовлетворения и способностью испытывать горе и наслаждение.

В. Существование человека, народа, человечества, животных и всего другого, рассматриваемое как изменение, течение, разная совокупность явлений.

Г. Продолжительность существования человека и животного на земле, время от рождения до смерти или часть этого времени (от известного возраста до смерти).

Д. Описание жизни, биографии.

Е. Обстоятельства, сопровождающие существование человека на земле: обстановка, среда, деятельность и все то, что относится к жизненному поприщу; жизненная действительность, противопоставляемая воображаемой жизни.

Ж. Род существования, времяпровождение, постоянные занятия, деятельность, поведение человека.

9. Живое существо.

10. Деятельность, проявление живой силы, бодрость, энергия человека в мире внешнем, вещественном и внутреннем, духовном.

11. Сила, бодрость, живость, подвижность, блеск, животное начало...
В ней было много жизни.

12. Вечное бытие, ожидающее человеческую душу. *Жизнь вечная.*

3. Пребывание где-нибудь с кем-нибудь (между значениями сл. *жизнь* в выражениях: *моя петербургская жизнь*, т.е. жизнь в Петербурге, и *он любил петербургскую жизнь*, т.е. жизнь, свойственную Петербургу, — есть различие).

2. Средства к существованию.

3. Вечная, загробная, будущая, высшая, предбудущая, небесная. Неземная, бессмертная, бесконечная жизнь и др. противоп. земной жизни, существованию человека на земле.

4. Самое дорогое для живого существа, его счастье, его радость. *Разве вы не знаете, что вы для меня вся жизнь?* Л.Тлст. Анна Кар.

5. Существование всего видимого мира, существование вообще.

6. (пропуск цифры)

7. Иногда сл. *жизнь*, в особенности «в жизни» употребляется для простого усиления.

8. *Бот.* *Ipomea purpurea* L. Петроз. (Кулик.) [Ипомея пурпурная: неприхотливый выюнок]

9. *Шуточн.* Жизнь вм. водка, настойка (*aqua de vie, aqua vitae*).

Представленный материал, безусловно, семантически аморфен, более того, он зачастую трудно выделяется из структуры статьи, так как иногда вплетен в ткань иллюстраций и пояснений к ним. Сравнение первого варианта и опубликованного не позволяет говорить о наметившейся тенденции в семантическом структурировании материала, так как оба варианта хоть в своей основе и соотносимы, в целом — достаточно произвольны. В этой связи трудно не согласиться с возражениями, сделанными одним из критиков-любителей на уже опубликованные словарные материалы: «Последовательность, в которой указываются различные значения слова *Жизнь*, кажется мне носящей в

значительной мере случайный характер. По всей вероятности, она есть вовсе не окончательная, но, не будучи достаточно знаком с планом, которым руководствуется в своей работе редакция Словаря, я позволю себе высказать, т. ск., черновые соображения по этому поводу <...>. Есть:

- 1) способ, основанный на логической зависимости,
- 2) способ, где за основу порядка принимается большая/меньшая частотность;
- 3) способ, заключающийся в том, что на первое место ставят наиболее элементарное, основное значение» [Бачинский 1898: л.163–163об].

Далее автор предлагает свой вполне логичный с современной точки зрения вариант расположения значений по 1 способу и также замечает: «...если какое-нибудь слово, как Жизнь, растягивается на огромное количество столбцов, то мне казалось бы кстати предположить подробные проспекты значений дальнейшему подробному изложению (ибо из-за массы примеров часто бывает трудно уловить связь различных значений и даже просто найти то место, где они упоминаются» [ibid.].

То, что Словарь стал первым в России опытом функционального или «активного» словаря, доказывает не только семантическая структура многозначных слов, количество иллюстративного материала, но и характер, форма его подачи и комментирования.

Ср. к 1. А. *Филос.* <...> *Биол* <...> следующие оттенки, употребления и устойчивые выражения, которые вводятся зачастую в форме повествования (выделено курсивом – М. П.): «|| Состояние одушевленных существ, пока они сохраняют способность и возможность всеотправления организма, чувствовать и двигаться, пока не наступила для них смерть. О человеке: <12 цитат>. || Жизнь *употребляется и* о растениях <3 цит.>. || Жизнь *представляется как бы* чем-то отдельным от ее носителя. *Отсюда* образные выражения, как: <3 цит.> || Жизнь *представляется в виде* света. *Поэтому*: <5 цит.>|| Силы, дух, знаки, признаки жизни. <5 цит.>|| Струны, нити жизни. <2 цит.> || Жизнь висит на волоске или на нитке. <3 цит.> ||Поддерживать жизнь. <1 цит.> || Посягать на жизнь, подвергать или подвергать опасности жизнь, порвать, покончить, расстаться с жизнью и т.д. <5 цит.> ||Лишиться или простонар. решиться, лишиться жизни. <4 цит.> || Положить за кого-нибудь жизнь, не щадить жизни, пожертвовать жизнью. <3 цит.> || Страховать жизнь. <1 цит.> || Заедать чужую жизнь — отравлять чье-либо существование, делать его несносным, невыноси-

мым. <1 цит.> || При жизни. <2 цит.> || Право на жизнь и смерть или право жизни и смерти и т.п. — право миловать и казнить. .. Бой, борьба на жизнь и смерть — решительный, упорный бой. <...> = Переносно: жизнь *означает* живое существо, *употребляясь при этом и во мн. ч.* <6 цит.> || Моя, твоя, его и т.д. жизнь *вместо я, ты, он употребляется для усиления в таких выражениях, где говорится об удовольствиях или страданиях, присущих живому, чувствующему существу.* <4 цит.>... Наши жизни сольются, слиты говорится о брачном союзе. <2 цит.> *Также, напр., жизнь, жизни людей, детей — то же, что люди, дети.* <2 цит.> = Линия жизни — то же, что жизненная линия. <1 цит.> = Книга жизни (ср. книга живота), переносно: интерес, смысл, существование, счастье. <1 цит.> = О предметах неодушевленных: оживление, движение, производимые живыми существами. <6 цит.>

Ср. также 7 значение: *«Иногда сл. жизнь, в особенности в соединении «в жизни», употребляется для простого усиления.* При превосходной и сравнит. степенях: <3 цит.> || *В выражении «что ни есть в жизни»:* <1 цит.> || *В других случаях:* <5 цит.> [Словарь 1898: ст.495–497, 508].

Словарная статья в данном словаре в большей степени является научной аналитической статьей, показывающей различные филиации употребления слова, нежели словарной статьей в традиционном понимании. Автор словарной статьи больше рассуждает о реальном употреблении слова, нежели дает логическую систематизацию имеющегося материала, поэтому количество выделенных значений, последовательность и взаимосвязь между значениями становятся несущественными.

Словарь, ориентированный на максимально полную подачу употребления каждого слова, несмотря на техническую трудность его прочтения, представляет собой уникальный источник по истории изучения русского языка и русских диалектов. Следует подчеркнуть, что его основная научная ценность очевидна, прежде всего, филологам, историкам и любителям русского языка. На это обращал внимание и сам А. А. Шахматов: «Вполне соглашаясь со справедливостью многих упреков..., редакция не может изменить своего основного взгляда на задачи Словаря и не решается заговорить в нем авторитетным языком школьных учебников, предоставляя это практическим руководствам, для которых собранный в Академическом Словаре материал может быть не бесполезен» [Шахматов 1899: 33]. Для истории русской толковой лексикографии это был, можно сказать, первый случай реализации собственно научной лингвистической концепции: факт, ставший тенденцией и правилом для лексикографии начала XXI в.

Неслучайно, что при таком принципиально новом, нетрадиционном и небесспорном по концепции подходе к содержанию словарной работы «Словарь...» и его главный редактор становились объектом серьезной критики: помимо частных вопросов, касающихся подачи вариантов, грамматической характеристики, структуры словарной статьи, наибольшее количество замечаний было связано, прежде всего, с включением областных и специальных слов (И. В. Ягич, В. Н. Бельский, Н. А. Антонович, И. Х. Пахман и др.), критерии и границы увеличения или ограничения объема которых в словаре были очень неопределенны [История... 1998: 244–245, 258, 270].

Приведем, на наш взгляд, очень весомую и убедительную критическую оценку Л. В. Щербы, подготовившего Докладную записку о состоянии работы над этим Словарем в 1929 г.¹: «достоинства <Словаря> имели и плохие последствия: во-первых, в Словаре соединены несоединимые вещи: литературное и областное, причем под литературное подводится и нелитературное, но необластное, а под областное то, что может быть и общим, и литературным; самое понятие областного смешивается с понятием нелитературного; во-вторых, из поля зрения Академии совершенно ускользнула задача составления Словаря русского литературного языка — вот уже скоро 90 лет, что Академией ничего не сделано в этом направлении (издание 1868 г. есть просто перепечатка Словаря 1847 г.), и в-третьих, эти «Словарные материалы по русскому языку XVIII и XIX столетий», как точнее было бы назвать настоящее издание Словаря Академии, совершенно убили собственно словарную работу. В этих материалах не различены факты языка (*lingue*) и факты речи (*parole*), нет ни исторической, ни стилистической перспектив, классификация значений чисто внешняя. Повидимому, сам Шахматов, научная мысль которого работала вне путей лексикографии, мало интересовался подобными вопросами, а потому и не оставил никакой школы «словарников» в настоящем смысле слова» [Щерба 1929: л.93].

Нельзя не согласиться с мнением Л. В. Щербы, который в 30-е гг., после возобновления работы над Словарем сам стал членом авторского коллектива Словаря и работал над буквой «И»², прежде всего потому, что столь

¹ Текст докладной записки приводится полностью в качестве Приложения к статье, так как, по мнению автора публикации, представляет особую ценность для истории русской лексикографии. См. Приложение 3.

² Лексикографический опыт Л. В. Щербы высоко оценил В. В. Виноградов: «Составленная им [Я. К. Гротом] часть академического словаря <...> является до сих пор непревзойденным

глобальные цели и задачи были мало выполнимы, особенно — в обозримые сроки. Под руководством Шахматова, как отмечалось выше, были закончены выпуски только до конца буквы З. Став членом правления Академии наук, в 1906–1907 гг. он постепенно отошел от работы над «Словарем». Далее работу, ввиду ее объемности и с целью более быстрого завершения алфавита, было решено продолжить по иному принципу: один редактор должен был вести каждую букву до конца. Так, «Еще в 1902 г. в качестве соредактора был приглашен С. К. Булич (буква И). В 1905 г. — Д. К. Зеленин (буква К), в 1912 г. — С. П. Обнорский (буква Л) и П. Л. Маштакова (буква М), в 1913 г. — В. И. Чернышев (получивший материал с «Не»), в 1914 г. — Д. В. Бубрих (буква О)» [История.. 1998: 244]. Все эти буквы, начиная с И, не были завершены в полном объеме. После смерти А. А. Шахматова в 1920 г. издание Словаря продолжилось под руководством академика В. М. Истрина до 1929 г. (также не закончено), а позже, начавшееся *переиздание* этого же Словаря с включением материалов русского языка уже советской эпохи, под руководством акад. Н. С. Державина, было прекращено по независящим от авторов причинам в 1937 г.

«Словарь русского языка» в шахматовской редакции представляет собой уникальный образец словаря русского языка тезаурусного типа. Как первый опыт собственно функционального словаря русского языка, он предвещает тенденцию, обозначенную в современной русской лексикографии, — перехода от словарей-справочников к словарям, реализующим авторские научные концепции и предназначенным, прежде всего, специалистам и исследователям русского языка. Однако незавершенность словаря, сложность его метаязыка и структуры всего издания, а также все то, о чем, в частности, писал Л. В. Щерба в своей докладной записке (см. Приложение 3), оставляет открытым вопрос возможности создания тезауруса русского языка одним поколением лексикографов и целесообразности такого тезауруса...

Литература

Бачинский А. И. Заметка к слову Жизнь //СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. . Ед. хр. 342. Л. 163–163об.

Бычков А. Ф. Об ученых трудах доктора русского языка и словесности Алексея Александровича Шахматова //Сборник ОРЯС. Т. 63. СПб., 1897. С. XX–XXIV.

образцом (выше по качеству лишь выпуск на И до слова идеализироваться, обработанный Щербой)». В. В. Виноградов. Толковые словари русского языка // Язык газеты. М.–Л., 1941. С.383.

История русской лексикографии / Отв. редактор Ф. П. Сороколетов. СПб., 1998.

Рогожникова Р. П. Сокровищница русского слова. История большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2003.

Словарь русского языка. Т. 2. Вып. 2: Железный — За. СПб., 1898.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1847.

Шахматов А. А. Записка <о «Словаре русского языка»> / Извлечения из протоколов // Сборник ОРЯС. Т. 64. СПб., 1899. С. XII–XVI.

Шахматов А. А. Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана // И. Х. Пахман. План Нового академического словаря с точки зрения иноязычного. СПб., 1899. С. 28–33.

Щерба Л. В. Докладная записка о положении дела в Словарной Комиссии Академии наук товарища председателя комиссии Л. В. Щербы (29 июля 1929 г.) // СФФ АРАН. Ф. 770. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 92–97.

Приложение 1¹

<«Записка» А. А. Шахматова о «Словаре русского языка», 1895 г.>

Адьюнкт А. А. Шахматов прочитал в Отделении следующую записку:

„Имею честь представить Отделению подробный перечень карточного материала для Словаря, собранного разными лицами и доставленного Академии Наук частью при покойном редакторе Словаря академике Я. К. Гроте, частью после смерти его. Отделение, вероятно, обратит внимание на неполноту и случайность выписок, сделанных из языка наших писателей. Но я, как новый член Отделения, остановился на другой мысли, просматривая представляемый список: мне ясно теперь, как широко понимали и Отделение и покойный Я. К. Грот свою задачу, когда приступили к изданию Словаря и к собиранию для него материалов. Цель издания и подготовительных работ к нему вполне ясна: Словарь должен представить русский письменный язык во всей его полноте, обставляя при этом все в нем приводимое документальными данными. В нашем распоряжении видим выписки более чем из ста писателей: судя по ходу подготовительных работ, имелось в виду пополнять их и расширять. Взгляд Отделения не изменился и после смерти Я. К. Грота: оно одобрило мой план возможно более подробной разработки языка некоторых избранных писателей, а в последнем заседании истекшего полугодия высказалось за то, чтобы выписки еще из нескольких писателей носили не случайный, а более или менее систематический характер. Ввиду этого в течение лета и настоящих осенних месяцев, под моим наблюдением продолжались подготовительные работы, еще далеко не приведенные к концу. Я не теряю

¹ Тексты публикуются в современной орфографии.

надежды на довольно быстрое окончание подготовительных работ в том объеме, как они определились на заседании 20 мая. Но я решительно заявляю, что признаю их недостаточными. Отделение отказалось от мысли издать Словарь к определенному кругу писателей: имея в виду назревшую потребность в Словаре русского языка, оно понимало раньше и теперь продолжает понимать свою задачу гораздо шире. Я вполне сочувствую такому взгляду Отделения; понимаю также, почему Словарь черпает материал не из одних только литературных произведений, а также из языка делового, научного; признаю, что Словарь предназначается не для одних филологических, но также для практических целей. В виду этого, и как лицо для Словаря не постороннее, я в нескольких словах хочу изложить, какие два пути представляются мне для успешного выполнения задачи Отделения.

Первый путь — это, признав источником Словаря наш письменный язык, значительно расширить круг писателей, из которых черпается словарный материал, и приступить к дальнейшим выпускам, имея под руками готовый материал хотя бы из писателей, значащихся в списке.

Второй путь — это, признав язык писателей лишь подспорьем при определении значения слов и их употребления, источником Словаря сделать живой русский язык, задачей Словаря объяснение всех и всяких известных П-му Отделению русских слов.

Я сделаю небольшую оценку сравнительных выгод, представляемых тем и другим путем.

Под понятием письменный язык, как я это вижу из первых трех выпусков, Отделение понимало не только те слова и выражения, употребляемые писателем, которые нашли право гражданства во всех слоях русского общества, но также и местные, народные слова, употребленные писателями в собственной речи или приведенные в речи говорящих в его произведении лиц. Следовательно, не задаваясь целью оградить наш литературный язык от влияния народных элементов, Отделение напротив дало место народному языку, насколько он отразился в сочинениях наших писателей. Поэтому и следующие выпуски Словаря будут заключать не только литературный и деловой язык, но также народные слова и выражения. Но если последним отводится такое почетное место в Словаре письменного русского языка, это значит, что принципиальных оснований против включения слов из народной речи в Словарь — не имеется. Почему же в таком случае черпать народные слова исключительно из таких источников, какими представляются приводящие их произведения литературы, а не обратиться к прямым наблюдениям, сделанным над живой русской речью? Неужели местные слова из сочинений Мельникова, гр. Л. Толстого, Григоровича предпочтительнее слов, известных всем нам от таких наблюдателей, как Даль, а специально Отделению известных от таких собирателей, как А. Н. Островский, Иваницкий, Куликовский, Подвысоцкий и др.

Я думаю, что в настоящее время понятие письменный язык, противоположное языку народному, содержит в себе внутреннее противоречие. До

сих пор можно с письменным языком обойти всю Великую Россию и Сибирь и всюду быть понятым народом; и до сих пор архангелогородец и курянин, не зная письменного языка, могут обойтись с своим родным наречием как в столицах, так и во всяком захолустье, обитаемом великорусским племенем. Наш письменный язык — это язык нашего народа, а словарное отличие отдельных местностей России столь же значительно, как словарное отличие наших писателей, и особенно тех из них, которые умышленно приближаются в своем языке к народу. Меня, как будущего редактора Словаря, смущает определять задачу нашего Словаря, как словаря русского письменного языка, так как в том определении, предполагающем противоположение между письменной и живой речью, между литературным и народным языком, есть, как мне кажется, противоречие. Я не говорю уже о том, что ни один редактор Словаря, преследующей не одни филологические цели, не поступится словами, принадлежащими языку отдельных промыслов, ремесел: а где можно найти границу между этими словами и тем, что мы называем языком? Но пусть задача Словаря сузится: это словарь литературного языка. Определение, правда, не ясно: о языке какой именно литературы идет речь, какой эпохе принадлежат эта литература? Но в этом, конечно, можно условиться, можно провести искусственные грани, и Словарь, построенный на таких началах, будет несомненным вкладом в нашу литературу. Мыслимо ли, однако, быстрое его исполнение и удовлетворит ли он потребностям тех лиц, которые в Словаре будут, конечно, отыскивать не объяснение всех понятных слов, а толкование редких, темных, местных слов и выражений?

Если задачею Словаря мы признаем толковое объяснение всех слов великорусского живого языка, мы построим его на начале, не могущем вызвать никаких сомнений и недоразумений. Живой великорусский язык — это и наш письменный язык, так как он весьма незначительно уклонился от языка разговорного, и повседневный, обиходный язык образованных классов общества, и язык народа, от которого все еще продолжает получать обновление и живительные соки язык литературный. Я сравнивал Словарь Даля с изданными выпусками Словаря: и как призванный к продолжению начатого Словаря, я все время завидовал Далю; он при работе над Толковым Словарем имел дело с живым русским человеком и при том не обезличенным; астраханец и вологжанин, пермяк и калужанин — вот кто создавали и продолжают создавать русскую речь, и это так наглядно видно из Словаря Даля; я боюсь, что в будущих выпусках нашего академического Словаря, вместо этих живых лиц, слишком ярко выступить личность редактора, который возьмет на себя неблагодарную, скажу более — крайне тяжкую и вместе ответственную задачу обезличить, обесцветить русский язык и сузить понятое о нем. На такую работу можно согласиться только в том случае, если всюду и везде авторитет живой русской речи может быть заменен авторитетом печатного слова в произведениях наших писателей. Но ведь несомненно, что тогда мы опять встретимся с русским народом, с тем же курянином и пермяком. Зачем же избегать

личной с ним встречи и рядом с этим стремиться к знакомству с ним через посредство третьих лиц — наших писателей?

Делаю заключение: Отделение должно несколько расширить задачу Словаря. Все русские слова, насколько их значение и употребление известно Отделению, насколько они для него не простые звуки, с которыми не связывается определенного представления, должны войти в Словарь и найти там объяснение. Уверен в том, что это не осложнит задачи: правильная постановка подготовительных работ позволит редактору приступить к изданию, не дожидаясь окончания кропотливых выписок из писателей, которые уже не будут единственным и исключительным источником словарного материала. Расширение задачи только ускорит ее исполнение: все те минуты колебания при подборе слов, годных к внесению в Словарь письменного языка, будут отданы работе над словами живого русского языка.

Словарь — это не личное дело одного из членов Отделения, это задача и работа всего Отделения. Я вперед подчиняюсь решению Отделения, но уверен, что оно не оставит без тщательного рассмотрения соображений того лица, которое избрано им редактором Словаря, признав, что работа моя может начаться только тогда, когда мне будут ясны и смысл ее и задача".

После продолжительного обмена мыслей в среде членов Отделения, имея в виду трудность разграничения области языка книжного от языка народного (живых великорусских говоров), определено: не исключать из материалов для Словаря русского языка слов областных. Словарь русского языка должен обнимать как книжный язык, насколько он представлен нашими писателями, начиная с Ломоносова, так и живой разговорный язык в устах великорусского племени.

Опубликовано: Извлечения из протоколов Отделения русского языка и словесности // Сборник ОРЯС. Т. 64. СПб., 1899. С. XII–XVI.

Приложение 2

А. А. Шахматов. Несколько замечаний по поводу записки И. Х. Пахмана (фрагмент)

<...> Указанные выше пропуски и неточности словаря затрудняют, по мнению г. Пахмана, пользование им в школе. Утверждая, что Отделение русск. яз. и сл. игнорирует таким образом научные интересы учащихся не русской народности, призванных трудиться в низших школах, составитель записки считает это большою несправедливостью. Академия, говорить он, не должна отмалчиваться от решения грамматических вопросов, и в случае запутанности какого-нибудь из них, «она может собственною властью пересечь его». Г. Пахман упускает из виду, что главный и единственный авторитет в языке — это обычай, употребление. То, что вышло в языке из употребления,

как бы оно ни было правильно или согласно с духом языка, не может быть насильно вновь навязано; обратно, борьба с узаконенною употреблением неправильностью бесплодна. Так несомненно, что формы им. п. м. р. на *а*, как городá, домá, парусá и т. д., когда-нибудь в древности резали слух лиц, привыкших говорить по-старинному: гóроды, дóмы, пáрусы. Но теперь они окончательно вытеснили целый ряд старинных образований им. мн. на *ы*. Становясь на эту точку зрения, неужели можно решить, как напр. «правильнее» говорить: при́говоры или приговорá? Можно только утверждать, что форма «при́говоры» во многих наречиях, а также в языке образованных классов «употребительнее» формы приговорá, весьма однако распространенной в некоторых великорусских наречиях. Ввиду таких соображений странно было бы вообще, если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решалось указывать, как надо говорить. Очевидно, что такое учреждение упразднило бы таким образом те два авторитета, которые одни могут иметь решающее значение в вопросах языка — это во-1-х, авторитет самого народа с его безыскусственным словоупотреблением, во-2-х, авторитет писателей — представителей духовной и умственной жизни народа. Вот почему Академия должна дать в Словаре отечественного языка по возможности полное описание существующего словоупотребления; ее Словарь должен содержать не плоды сочинительства и «научных» соображений о том, как следует говорить, а такой надежный материал, из которого было бы видно, как говорит народ в различных областях России, как выражаются современные писатели, в каком значении употреблялись те или другие слова писателями прежнего времени и т. д. Вполне соглашаясь с справедливостью многих упреков, сделанных г. Пахманом Словарю, редакция не может изменить своего основного взгляда на задачи Словаря и не решается заговорить в нем авторитетным языком школьных учебников, предоставляя это практическим руководствам, для которых собранный в Академическом Словаре материал может быть не бесполезен.

А. Шахматов.

Опубликовано: Несколько замечаний по поводу записки И. Х. Пахмана // И. Х. Пахман. План нового Академического словаря с точки зрения иноязычного. СПб., 1899. С. 28–33. С. 33.

**Докладная записка о положении дела в Словарной Комиссии
Академии Наук товарища председателя комиссии Л. В. Щербы**

В развитии Записки о деятельности Словарной Комиссии, представленной в мое отсутствие Ученым Секретарем Комиссии, считаю долгом, как Товарищ Председателя Комиссии и как лицо, интересующееся словарным делом вообще, сообщить следующее.

Наша общественность вправе предъявить (и неоднократно предъявляла) Академии Наук и в частности ее Словарной Комиссии два обвинения: 1) почему Академия не издает Словаря современного русского литературного языка более или менее нормативного характера, который бы отвечал практическим потребностям пишущих людей, и 2) почему тот словарь, который делает Академия, подвигается так медленно вперед.

По первому вопросу следует сказать следующее: в филологических кругах в конце XIX и в начале XX вв. царило убеждение о невозможности научного подхода к вопросам нормализации живого языка; считалось, что ученые являются лишь свидетелями происходящего, регистрируют изменения и нет возможности их объяснений. Ныне в науке произошел существенный переворот во взглядах, у нас давно подготовленный научной деятельностью проф. Бодуэна де Куртене: наряду с «диахронической» точкой зрения теперь признается не менее закономерной и точка зрения «синхроническая», т.е. признается научной и задача построения системы данного языка в данный момент времени, и таким образом дается научная почва для вопросов нормализаций. Как надо понимать нормализацию такого живого и текучего явления, каким является всякий язык общего значения, и в какой мере она возможна и желательна, вопрос /Л. 92об./ очень сложный и во всяком случае выходит за рамки настоящей записки. Я хочу только сказать, что Академия не осталась чужда новым точкам зрения: по сговору б. председателя Словарной Комиссии ак. Истрина со мной было решено в случае неосуществления плана издания Толкового Словаря Госиздатом, предложить Гуманитарному Отделению взять это дело на себя.

По второму вопросу, т.е. по вопросу о медленности издания Словаря Академии, дело представляется гораздо более сложным. Прежде всего надо констатировать, что лингвистика второй половины XIX в. совершенно не занималась семантикой вообще и научной лексикографией в частности. В связи с этим русская наука не подготовила за последние 50 лет ни одного словарника, и как ни расценивают деятельность Грота вообще, его все же надо считать последним русским словарником. В силу этого у нас распространилось убеждение, что лексикография не требует особой выучки и что ею может заниматься всякий хорошо знающий данный язык. Теперь все более и более выясняется, что это далеко не так: кроме общего филологическо-

го образования нужно иметь еще и специальность в области семазиологии, стилистики и лексикографии, нужно знать несколько иностранных языков и наконец, что очень важно, нужно иметь особый словарный талант.

Когда после смерти Грота, под редакцией которого вышел I том нового издания Словаря Академии (буквы А–Д), словарное дело взял в свои руки Шахматов, то он, следовательно идеям своего времени, прежде всего радикально изменил весь план издания: во-первых, это должен был быть словарь не столько литературного языка, как у Грота, а словарь всего русского языка, всех его диалектов, на протяжении XVIII и XIX веков со включением и фактов живого разговорного языка; во-вторых, примеры должны были /Л. 93/ стать основой Словаря, вместо того чтобы играть лишь иллюстративную роль. Обе эти мысли нужно считать в высшей степени великими и плодотворными, и они навсегда останутся памятником деятельности Шахматова в области русской лексикографии. Они явились толчком к повсеместному собиранию словарного и вообще фразеологического материала, как из уст народа, так и из разных старых и новых записей, печатных и рукописных, в результате чего и создалась эта миллионная картотека, которой располагает Словарная Комиссия. По мысли Шахматова новый словарь должен был явиться собранием всех известных материалов по русской лексикографии, и в этом отношении Словарь по плану Шахматова является монументальным незаменимым трудом, имеющим громадное международное научное значение (ср. имеющийся в делах Словарной Комиссии отзыв проф. Вауег, известного лингвиста и знатока русского языка).

Но эти достоинства имели и плохие последствия: во-первых, в Словаре соединены несоединимые вещи: литературное и областное, причем под литературное подводится и нелитературное, но необластное, а под областное то, что может быть и общим, и литературным; самое понятие областного смешивается с понятием нелитературного; во-вторых, из поля зрения Академии совершенно ускользнула задача составления Словаря русского литературного языка — вот уже скоро 90 лет, что Академией ничего не сделано в этом направлении (издание 1868 г. есть просто перепечатка Словаря 1847 г.), и в-третьих, эти «Словарные материалы по русскому языку XVIII и XIX столетий», как точнее было бы назвать настоящее издание Словаря Академии, совершенно убили собственно словарную работу. В этих материалах не различены факты языка (*lingue*) и факты речи (*parole*), нет ни исторической, ни стилистической перспектив, классификация значений чисто внешняя. Повидимому, сам Шахматов, научная мысль которого работала вне путей лексикографии, мало интересовался подобными вопросами, а потому /Л. 93об/ и не оставил никакой школы «словарников» в настоящем смысле слова¹.

¹ <Примеч. Л.Щербы> Известный этнограф, проф. Зеленин, работавший рядом с Шахматовым (III том Словаря), в настоящее время отошел от дел.

И в связи с этим, когда после революции и смерти Шахматова, надо было возобновить словарное дело, ак. Истрину, взявшемуся за это дело, пришлось начинать его сначала: самому учиться и создавать сотрудников. Он прежде всего привлек к делу оставшийся после Шахматова ценный аппарат из людей, хорошо знавших источники Словаря и могших продолжать дело создания его картотеки, которая является основным орудием работы, и кроме того нескольких квалифицированных лингвистов (среди них одного, начавшего работать еще при Шахматове и успевшего продолжить некоторые свои пути), которые под его руководством и выросли в некоторое ядро специалистов (этому способствовала их долгая совместная работа в ИЛЯЗВ'е над выработкой принципов издания Словаря Грибоедова). Пока это ядро создавалось и училось, оно не могло, как следует, двигать дело вперед; но и теперь сил его совершенно недостаточно — их всего трое. Поэтому основной причиной медленности работы по словарю является отсутствие в Союзе квалифицированных словарников*, и одной из главных задач Комиссии является их подготовка. Этим и объясняется настойчивые просьбы Комиссии о прикомандировании к ней аспирантов.

Далее, одной из существенных причин медленности работ по словарю является, по моему мнению, недифференцированность работ. Каждый редактор должен делать все по своему выпуску. Между тем классификация значений, их определение и отбор иллюстративного материала — дело, действительно, тонкое, подразумевающее высокую квалификацию сотрудников; проверка же материала (не всегда к сожалению доброкачественного и требующего зачастую по разным техническим причинам весьма к<r>опотливой /Л. 94/ работы) может быть осуществляема просто хорошим научно-техническим пресономом, как это организовано в Немецком словаре бр. Гриммов. Наконец, этимологические справки могли бы быть поручены особому лицу, как теперь поручено особому лицу научно-технические термины и как теперь делается в Варшавском Словаре и во многих других словарных изданиях. Сейчас каждый редактор, при условии добросовестного отношения к делу, настолько должен быть загружен работой, что в Комиссии и вне ее были большие разногласия по вопросу о том, сколько листов в год обязан напечатать каждый сотрудник, причем цифра эта колебалась от 2 до 5. И надо признать, что цифру 5, принятую теперь, надо считать преувеличенной, ибо, имея в виду, что лист Словаря имеет более 100000 знаков, полистное (за нормальный лист) вознаграждение сотрудников составляет с небольшим 100 рублей, что конечно вовсе не отвечает рыночным ценам (ср. договор Госиздата с авторами Толкового Словаря). При этом остается совершенно неоплаченным громадный труд по систематическому чтению корректур товарищей, руководство выборкой материалов (просмотр карточек), выдача справок и

*<Примеч. Л.Щербы> Кое-что может быть создается около работы по изданию Толкового словаря Госиздатом: профессора Ушаков, Виноградов, Ларин, Томашевский.

участие в регулярных заседаниях Комиссии. При переводе на нормальную расценку труда вся продукция Комиссии не может превышать 15–17 листов в год (один из членов Комиссии занят исключительно научно-техническими терминами). Таким образом, надо признать второй основной причиной медлительности работ по Словарю отсутствие достаточной материальной базы.

Как надо организовать работу для наибольшей ее продуктивности? Помимо, Комиссия должна иметь для направления всего издания, а далее для предупреждения его роспуска, некое редакционное ядро, куда должны входить и специалист по этимологии, и специалист по научно-техническим терминам, далее должна иметь научно-технический аппарат для заведывания картотекой, /Л. 94об/ для проверки карточек и для наведения мелких справок по требованию редакторов и, наконец, должна иметь большой контингент редакторов, работающих сдельно. Они должны были бы получать доброкачественный материал и освобождены от необходимости наводить какие-либо справки. За свой труд они могла бы получать при таких условиях работы рублей по 300 за лист словаря. Продукция Комиссии определялась бы тогда целиком теми средствами, которые отпускаются на полистное вознаграждение и могла бы быть понемногу сильно увеличена при условии, конечно, ответственного листажу в типографии.

Однако надо иметь в виду, что и при самых благоприятных обстоятельствах издание не может быть скоро закончено в силу своей грандиозности. Если равняться по тому, составленному самим Шахматовым, то все издание должно составить не менее 1200 листов, а из него готово менее трети. В лучшем случае, при больших средствах, оно будет закончено через несколько десятков лет. Впрочем этим смущаться не следует. Такие монументальные предприятия делаются не менее долго и у других народов (ср. тот же немецкий словарь бр. Гриммов). Могу прибавить однако, что Комиссия довольно единодушно стремится к уменьшению указанных размеров издания путем сокращения числа примеров, что особенно энергично проводилось б. председателем Комиссии ак. Истриным.

Есть еще одно обстоятельство, которое расхолаживает пыл некоторых работников — это необходимость работать по тем принципам, которые не всегда удовлетворяют современное научное сознание (ср. выше). Улучшить дело мешает состояние материалов, унаследованных в главной своей массе еще от XIX в. На улучшение и пополнение этих материалов потребны значительные ассигнования /Л. 95/ подробнее обо всем этом см. Записку Словарной Комиссии, представленную в заседание Гуманитарного отделения 16 мая 1928 г.).

Все члены Комиссии единодушно полагают, что Словарь, начатый по плану Шахматова и являющийся ценнейшим орудием дальнейшей работы (о чем см. выше), должен быть закончен без коренной ломки плана, хотя, конечно, и с улучшениями, вызываемыми прогрессом науки, пополнением материалов и под., и притом должен быть закончен как можно скорее, т. е. иными словами, Комиссия полагает, что главным ее делом является продол-

жение и завершение этого Словаря. Однако по причинам, выше указанным, работа над этим Словарем, как мне кажется, несколько не освобождает Академию от другой обязанности перед обществом, параллельной работе над созданием большого Словаря современного русского литературного языка, аналогичного подобным Словарям других мировых языков, который продолжил бы цепь прежних Словарей академии 1789, 1807 и 1847 г. Подобный Словарь явился бы источником для великих практических толковых словарей, большего и меньшего размера, издаваемых обыкновенно на коммерческих началах, а потому не всегда могущих отнестись к делу до конца научно. Не освобождает Академию производящаяся словарная работа и от обязанности заниматься областными словарями в подлинном смысле этого слова (ср. громадную работу в этом направлении, производимую в Германии). Подробнее об этом см. в упомянутой выше записке Словарной комиссии, а также в статье «Работа над Словарем русского языка в Академии Наук» (И.А.Н, 1927, №18, Стр. 1661)¹.

Возвращаясь к выходящему ныне Словарю академии, должен отметить одно капитальное, хотя и частное затруднение: словарь должен был обнимать по первоначальному /Л. 95об/ плану XVIII и XIX в. Но работа затянулась, и теперь, через 35 лет после начала работы Словарь не готов и на одну треть. На первых порах естественно было в процессе работы постепенно привлекать все новые и новые материалы — это было незаметно; но отсюда понемногу получается все большая и большая пестрота. Начало словаря не знает символистского; продолжение его их уже учитывает, но игнорирует футуристов; предреволюционная эпоха должна была и их учитывать; современность должна учитывать как пролетарскую литературу, так особенно громадную политическую литературу; окончание словаря, лет через 25, должно будет считаться с дальнейшей эволюцией языка и культуры. Особо заметную грань в истории языка составляет, конечно, революция. Казалось бы, поэтому целесообразным целиком стать на точку зрения современности и переиздать уже исходное с прибавкой нового материала; но переиздавать Словарь по устаревшему плану научно, безусловно, нецелесообразно (ср. выше); менять план — значит уничтожить великую идею Шахматова — подытожить наши материалы по лексикографии русского языка в целом; но самое главное — переиздание при таких огромных предприятиях равносильно гибели всего предприятия, так как оно, очевидно, в таком случае никогда не будет окончено. Какие же возможны выходы из создавшегося положения? Можно или оставаться в пределах XVIII и XIX веков, или доводить материалы словаря до эпохи революции (и в том, и в другом случае с тем, чтобы одновременно заняться изданием Словаря современного русского языка, о чем см. выше), /л. 96 / или все время привлекать новых и новых авторов, так чтобы каждый новый том сло-

¹ В. М. Истрин. Работа над «Словарем русского языка» / Приложения к Протоколу IV заседания ОРЯС АН СССР 15.02.1927 // Известия АН. 1927. № 18. С. 1661–1673.

варя учитывал предшествующее поступательное движение языка и культуры. До сих пор вопрос этот решался практически состоянием материалов; но в последнее время Комиссия склонилась к третьему варианту, постановив испросить экстренные и значительные ассигнования на выборку материалов из современных авторов в большом масштабе. Само собою разумеется, что это нисколько не исключает мысли о необходимости издания Словаря современного русского литературного языка. /Л. 97./

Другой вопрос, который волновал Комиссию — это был вопрос об орфографии. С одной стороны, <> Комиссия пожелала, что та или другая орфография в глазах широкой общественности является символичной; с другой стороны, <> Комиссии было очевидно, что нарушать основное свойство словаря — его алфавитный порядок — в высшей степени нежелательно. Поэтому еще в прошлом, 1928 г., Комиссия выработала компромиссное решение, по которому основной текст переводился целиком на новую орфографию; порядок же слов оставался старый со внесением однако в алфавит (для удобства новых поколений) и написаний в новой орфографии. Ныне Общее Собрание Академии решило поступить более радикально, переведя Словарь с буквы О целиком на новую орфографию.

Наконец, в жизни Словарной Комиссии есть еще один большой вопрос — это научно-технические термины. Со стороны многих членов Академии раздавались зачастую совершенно справедливые нарекания на неудовлетворительность соответственных статей в Словаре. Чтобы улучшить это дело, Комиссия решила пойти на замедление темпа работ и на одно из своих штатных мест пригласила в качестве редактора этих статей особое лицо с естественнонаучным образованием. Но очевидно, что этим дело не исчерпывается, так как одно лицо (и даже /Л. 97.об/ два, три и т.д.) не может быть знакомо со всеми областями современной науки и техники. С другой стороны, совершенно очевидно, что Академический словарь не энциклопедия и не может иметь сотрудников по всем специальностям. Таким образом, встает более общий и очень трудный вопрос о пределах привлечения научно-технической номенклатуры и о характере соответственных статей. Вопрос этот до сих пор не получил окончательного разрешения.

23/VIII–29. Л. Щерба.

*Рукопись. СПФ АРАН. Ф. 770. Оп. 1. Ед. хр. 11.
Фонд Л. В. Щербы. Материалы деятельности.
Л. 92–97.*

Рогожникова Роза Павловна

Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

А. А. Шахматов и Большая картотека Словарного отдела ИЛИ РАН

1. Через некоторое время после кончины Я. К. Грота, редактора «Словаря русского языка», современного для того времени словаря, во главе его становится А. А. Шахматов. К тому времени А. А. Шахматов был уже признанным исследователем в области истории русского языка, диалектологии, истории древнерусской литературы. У него были труды по этнографии, фольклористике, истории восточных славян. Круг его научных интересов был чрезвычайно разнообразен. И вот этот блестящий филолог — лингвист и литературовед — избирается академиком и после Я. К. Грота становится во главе «Словаря русского языка».

А. А. Шахматов много времени и внимания отдавал непосредственно словарной работе: составлению и редактированию словарных статей, чтению гранок и др. В то же время он много внимания уделяет той теоретической базе, на основе которой создавался словарь — картотеке русского языка. А. А. Шахматов как никто другой понимал роль и значение эмпирической базы словаря — словарной картотеки.

2. А. А. Шахматов воспринял изменения, предлагавшиеся Я. К. Гротом в отношении временных границ словаря. Теперь временные границы словаря определялись «от Пушкина до наших дней»¹. Это значило, что письменными литературными источниками словаря должны стать в первую очередь сочинения выдающихся писателей этого времени. Ведь каждое слово, оборот, выражение, по мнению А. А. Шахматова, должно быть подкреплено добротной цитатой.

А. А. Шахматов написал в Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) обращение, в котором излагались соображения по поводу словаря. К тексту обращения был приложен список авторов, из произведений которых в первую очередь предполагалось вести выборку. К ним отнесены сочинения Крылова, С. Аксакова, Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Гончарова, Тургенева, Островского и гр. Л. Толстого. Выборку из сочинений этих писателей «отделение

¹ При Я. К. Гроде они были «от Ломоносова до наших дней».

нашло целесообразным вести под непосредственным своим наблюдением» [СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. № 682. Л. 21].

А. А. Шахматов считал необходимым составить полные словари наиболее крупных писателей. Под «словарем» понимался перечень слов, употребленных в произведениях, с цитатой к каждому слову. Впоследствии он понял, что это крайне трудоемкая работа, которая не позволяет уложиться в отведенные сроки. Для ускорения работы по быстрейшему выходу словаря в свет А. А. Шахматов посчитал возможным вести выборку не для всего словаря в целом, а лишь на те буквы алфавита, по которым в этот момент шла работа. А работа шла по буквам Е–Н.

А. А. Шахматов понимал, что для целей словаря важны не только литературные произведения наиболее значимых авторов. Он привлекал и другого рода литературные произведения, содержащие лексику «интересную», как отмечает А. А. Шахматов, в каком-то отношении. Такая лексика содержится в поэтических произведениях авторов XVIII–XIX вв. у Н. М. Языкова, К. Н. Батюшкова, А. С. Хомякова, А. И. Полежаева, Я. П. Полонского, А. К. Толстого.

В качестве источников словаря привлекается научная и научно-популярная литература, необходимая для того, чтобы правильно отразить в словаре научную и научно-техническую терминологию. С этой целью используются русские и переводные издания по различным областям знания. По поручению ОРЯС были сделаны выборки из лучших учебников и учебных пособий в новых для того времени изданиях. В качестве источников словаря привлекаются также материалы современной прессы, газет, журналов. Используются также научно-технические словари, энциклопедии.

Еще один вопрос, связанный с источниками словаря, а соответственно и картотеки, поднял А. А. Шахматов. Он стал привлекать в значительно большей степени материалы народной речи. Летом 1895 года А. А. Шахматов совершил диалектологическую поездку в Калужскую губернию. Он и раньше занимался вопросами диалектологии, но эта поездка оказала решающее влияние на расширение замысла словаря.

В докладе Отделению А. А. Шахматов отмечает: «Отделение должно несколько расширить задачу словаря. Все русские слова, насколько их значение и употребление известно Отделению, .. должны войти в словарь и найти там объяснение» [Отчеты ОРЯС: 685].

Вопрос о необходимости отражения в словаре народного языка, более широкого использования таких материалов постоянно ставился А. А. Шахматовым, и это нашло отражение в отчете Отделения за 1896

г., где говорится: «В виду того, что в настоящее время в литературных произведениях, имеющих предметом описания жизни и быта сельского населения, и в этнографических трудах употребляется много слов народных, что в языке народа сохраняются слова, остатки седой старины, не попавшие в печать, но тем не менее весьма важные в научном отношении, что между словами, употребляемыми народом, встречается довольно значительное число таких, введение которых в обиход было бы весьма желательно, и наконец, что язык народа, как живой организм развивается и постоянно растет и обогащается, Отделение решило возможным несколько расширить первоначальную программу словаря и признало полезным внести в него и народный элемент» [Отчеты ОРЯС: 685].

Активное участие в пополнении словарной картотеки областными материалами вели известные исследователи народного языка, такие как Владимир Николаевич Добровольский, приславший А. А. Шахматову материалы смоленских говоров, Николай Михайлович Каринский, Николай Евгеньевич Ончуков. Можно также назвать Н. В. Шлякова, С. П. Муханова из Покровского уезда Владимирской губернии, П. А. Дилакторского, вологодского библиотекаря, В. А. Ивановского из Тобольска, И. В. Костолевского, В. Д. Кузнецову, П. А. Рослеву и многих других. Вот почему в Словарной картотеке ИЛИ РАН, в ее старой части, так много диалектных материалов.

Как видим, круг источников «Словаря русского языка» не ограничивался лишь литературными произведениями, он был широк, охватывая различные стороны жизни слова с точки зрения разнообразия тех источников, в которых оно используется.

3. А. А. Шахматов разрабатывает технологию выборки материалов, которая заключалась в том, что сначала велась разметка текста, т. е. отмечались слова в тексте источника. Затем производилась разрезка и расклейка. Для этой цели были специально закуплены экземпляры сочинений Пушкина, Гоголя, Тургенева, Лермонтова, которые использовались для разрезки.

В отчете А. А. Шахматова за 1895 год читаем: «Соображаясь с решением Второго отделения продолжать печатание Словаря с буквы Е, я нашел наиболее целесообразным начать выборку слов с этой именно буквы, разумея под выборкой выписку надлежащего слова в той фразе, где оно встретилось, при чем однако полученная карточка должна сослужить службу не для одного только этого слова, но и для всех других слов, заключающихся в списанной фразе.» [СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. № 682. Л. 35об]. Такой способ обработки источников по-

зволил убыстрить процесс накопления материалов, увеличивая словник картотеки и соответственно словаря.

Как видим, А. А. Шахматов обдумал способ копирования материалов, который в дальнейшем, уже в настоящее время, используется в картотеке с помощью современной техники. Обращает также внимание лексикографическая терминология, введенная А. А. Шахматовым и используемая и в настоящее время (напр., выборка).

4. А. А. Шахматов был озабочен вопросом быстрой работы над словарем, проблемой привлечением большего круга источников. В обращении, которое он рассылает вместе с гранками Словаря, говорится: «Отделение надеется найти помощь у русских ученых, у всех кому дорого развитие языка». На это обращение откликнулись многие: и ученые, и любители русского языка.

Всем, кто высказывал свои замечания в гранках, присылал материалы для картотеки, как диалектные, так и из письменных литературных источников, Отделение высказывало свою признательность в предисловиях к выпускам словаря.

Известно, что еще при жизни Я. К. Грота, в первых выпусках словаря был отмечен П. И. Чайковский, позднее уже при А. А. Шахматове такие специалисты по разным областям знания, как А. С. Берг, В. И. Вернадский, П. Н. Вереха, А. Ф. Кони, В. В. Стасов, А. И. Урусов и др. Все они читали гранки словаря, делали замечания, в том числе по иллюстративному материалу, добавляя его цитатами.

Корреспондент А. Ю. Крестцов был награжден специально заказанной золотой медалью им. А. С. Пушкина за то, что он представил несколько тысяч карточек и материалы: по-видимому, замечания в гранках. Его деятельность была отмечена в отчете Отделения за 1895 год.

5. Материалы, которые расписывались под непосредственным наблюдением Отделения, требовали денежных средств. А. А. Шахматов ставит этот вопрос перед Отделением. Сначала были выделены небольшие средства, затем А. А. Шахматов сообщает, что на составление «Словаря русского языка» и на издание произведений русских писателей было даровано 15000 рублей ежегодно. Это позволило привлечь к работе по обработке источников большее число сотрудников, выполнявших работу по счетам. А. А. Шахматов сам распоряжался расходованием этих средств.

К 1912 году в Картотеке уже собралось такое количество карточек, что необходимо было иметь специальное лицо, которое бы ведало их хранением. Материалы картотеки нужно было систематизировать. По

предложению А. А. Шахматова, возглавлявшего тогда ОРЯС, таким лицом стал Петр Лазаревич Маштаков. Проводится систематизация материалов картотеки. Это очень трудоемкая работа, без которой собрание слов не было бы словарной картотекой. За 1917 год, как отмечается в отчете ОРЯС, весь материал картотеки, более 800 000 карточек, был разложен по первой букве алфавита и частично по второй букве. Затем эта работа ведется постоянно. В конце 1917 года материалы картотеки вместе с рукописями, редкими книгами и другими ценностями Академии наук были эвакуированы в Саратов, где они хранились более трех лет. В декабре 1920 года картотека была возвращена в Петроград. Руководство реэвакуацией осуществлял чл.-корр. АН В. И. Срезневский.

Созданная Я. К. Гротом и существенно пополненная А. А. Шахматовым картотека словаря русского языка стала первой в мире картотекой русского языка, имевшая широкий и разнообразный охват лексических материалов, необходимых для лексикографической и научной работы. Она использовалась при создании БАС, МАС и др. словарей, теоретических научных работ, связанных со словом. Вот почему она долгое время в среде сотрудников, занимавшихся словарным делом, называлась шахматовской картотекой.

Впоследствии, при создании больших толковых словарей, таких как БАС, МАС, «Словарь русского языка XVIII века» и др. положения А. А. Шахматова об источниках словаря, о способах выборки из разных видов источников нашли свое отражение в инструкциях по выборке материалов, они были учтены и развиты.

Нужно отметить, что и сам А. А. Шахматов не только разрабатывал теоретическую сторону вопроса об источниках, о способах выборки, но и сам осуществлял выборку материалов из Грибоедова, из произведений других авторов, выписывая цитаты или отмечая на полях книг интересные в каком-нибудь отношении слова.

Идеи А. А. Шахматова, его теоретическая и практическая работа по созданию картотеки привели к созданию истинной сокровищницы русского слова — Большой картотеки Словарного отдела.

Литература

Отчеты ОРЯС за 1886–1891. СПб., 1903.

Рогожникова Р. П. Сокровищница русского слова. История Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука, 2003.

Формирование списка источников Большой словарной картотеки ИЛИ РАН в первый период ее существования (1890-е годы)

Составление списка источников является первым и важнейшим этапом формирования словарных картотек и электронных текстовых корпусов. Источники — их хронологическая отнесенность, жанровая принадлежность, лингвистические особенности, соотношение разных текстов в списке — в значительной степени определяют характер формируемого фонда.

В связи с этим особенно ценным представляется опыт, накопленный составителями крупнейших картотек русского языка, в частности, Большой словарной картотеки ИЛИ РАН, на материале которой в течение более чем 120-ти лет составлялись и продолжают составляться толковые академические словари: «Словарь русского языка» 1891–1937 гг., «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах, «Словарь русского языка» в 4-х томах, «Большой академический словарь русского языка» в 30-ти томах.

Настоящая статья посвящена формированию списка источников Большой словарной картотеки в первые десятилетия ее существования, когда составлением «Словаря русского языка» руководили сначала Я. К. Грот, а затем А. А. Шахматов. Как известно, Шахматов изменил концепцию, предложенную Гротом, и с очередного выпуска приступил к изданию словаря совершенно иного типа. Далее мы постараемся проследить, в какой степени произошедшие изменения отразились на общих принципах работы с источниками разных типов.

1. Картотека «Словаря русского языка» при Я. К. Гроде

В 1886 г. Отделение русского языка и словесности Академии наук приступило к подготовке нового словаря русского языка. Академик Я. К. Грот, руководивший работой, предполагал подготовить издание, принципиально отличающееся от «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. Отразиться это должно было, прежде всего, на составе словника: новый словарь был задуман не как универсальный спра-

вочник, охватывающий все лексические пласты, а как нормативный словарь, включающий лексику только литературного языка.

В предисловии к первому тому нового словаря, который теперь назывался «Словарем русского языка», Я. К. Грот писал, что церковнославянизмы, областные слова и специальная лексика включаются в словарь в ограниченном количестве, поскольку задачей издания является описание «собственно общеупотребительного в России литературного и делового языка в том виде, как он образовался со времен Ломоносова» [Сл. Акад. 1891, 1: VI]. Вместе с тем, по замечанию главного редактора, «в установленных пределах содержания словарь стремится к возможной полноте» [ibid.: VII]. Эта полнота должна была стать следствием того особого внимания, которое Я. К. Грот уделял подготовительным словарным работам, а именно — сбору материала.

«Словарь русского языка» стал первым академическим словарем, составленным на основе картотеки. К картотечной системе Грот пришел не сразу. Первые два года сотрудники словаря выписывали «оправдательные примеры» на листы, как это делали еще составители Словаря 1847 г. [Розанова 1998: 165]. Только в отчете Отделения русского языка и словесности за 1888 г. появляется сообщение о том, что сбор материалов теперь ведется иначе: слова записываются «на карточки одинакового размера, располагаемые в строго алфавитном порядке в особо устроенных для того ящиках». Как отмечено далее, «этот прием существенно способствовал к упорядочению и ускорению работы» [Отчеты ОРЯС 1903: 658].

В предисловии к первому выпуску «Словаря русского языка» Я. К. Грот с особой благодарностью упоминает «известного своею опытностью в лексикографии» П. А. Гильтебрандта, «который оказал редакции истинную услугу своими советами относительно внешних приемов работы, между прочим устройства ведения дела на карточках» [Сл. Акад. 1891, 1: XIV]. На основе картотеки П. А. Гильтебрандт к тому времени уже составил «Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету» (1882–1885) и вел работу над «Справочным и объяснительным словарем к Псалтыри» (1898). В предисловии к первому из них он подробно описал подготовительные этапы работы и особенности организации и ведения своей картотеки [Гильтебрандт 1882: XVII–XIX].

Стоит отметить, однако, что о таком способе сбора словарных материалов Я. К. Грот знал уже давно и даже описал его в своей заметке «Словарные труды датчан» 1860 г. Здесь Грот сообщал о датском лексикографе-энтузиасте г. Левине, который «в тишине и неизвестности с

изумительным терпением трудился над словарем своего народа». Материалы для своего словаря г. Левин записывал на карточки («каждая носит одно только слово с одною выпискою»), распределяемые затем по «шкапикам, из которых в каждом по 96-ти ящичков» [Грот 1899: 183].

Выписки из различных текстов, которые делали Я. К. Грот и его сотрудники, должны были давать «Словарю русского языка» примеры употребления слов в речи. Этим примерам посвящен специальный раздел предисловия к первому выпуску словаря, где редактор указывал на их принципиальную важность для концепции издания: «В прежнем академическом словаре выписки из книг делались очень редко, и притом большею частью из памятников старинной письменности; при словах современного языка они являлись совершенно случайно и заимствовались из весьма немногих писателей. В настоящем издании, напротив, такие извлечения составляют весьма существенную часть его» [Сл. Акад. 1891 1: XI].

При этом Грот не считал необходимым подтверждать примером каждое слово, тем более что для многих слов (диалектных, специальных) это было и невозможно. Кроме того, как отмечено в предисловии к словарю, в качестве «оправдательных примеров» могли использоваться предложения — «пояснительные сочетания слов», составленные редактором. Таким образом, хотя выписки из писателей и составляют «существенную часть» словаря, в действительности они встречаются в нем нечасто: например, на 1393 слова на букву *А* приходится всего 398 цитат-примеров.

О составе источников, из которых предполагалось извлекать примеры, можно судить по «Общему перечню сокращений, допущенных в именах писателей и в заглавиях сочинений, из которых заимствованы в словаре примеры» [*ibid.*: VIII–XII 2-ой паг.]. Этот перечень помещен в первом выпуске и отражает не только его цитатный материал, но и первоначальный состав источников картотеки.

Сторонник «традиций эстетической критики пушкинской поры» [Виноградов 1946: 73], Я. К. Грот полагал, что «оправдательные примеры» должны извлекаться только из произведений тех авторов, язык которых может служить надежным образцом для читателя. В предисловии к первому выпуску Грот писал, что источниками примеров-цитат «служат все наши первоклассные и некоторые второстепенные писатели» [Сл. Акад. 1891 1: XI–XII].

Именно художественная литература XIX в. занимает большую часть «Общего перечня»: здесь приведены имена 74-х писателей XIX в., из сочинений которых брались примеры (среди них, например,

Е. А. Баратынский, А. Ф. Вельтман, А. В. Дружинин, В. Г. Бенедиктов, М. Н. Катков, В. С. Курочкин) и 54 названия отдельных произведений, цитируемых особенно часто (это произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, «Горе от ума» А. С. Грибоедова). Кроме того, 9 авторов были представлены в Картотеке только одним произведением, поэтому их фамилии приводятся вместе с названием использованного текста; в этом списке «Уральцы» И. И. Железнова, «Картины Италии» П. М. Ковалевского, «Рой Феодосий Саввич» Н. С. Кохановской, «Конек-горбунок» П. П. Ершова, «Письма из деревни» А. Н. Энгельгардта.

Для лексики, находящейся на границе литературного языка или за ее пределами, факт употребления в тексте авторитетного писателя служил критерием включения в словарь. В предисловии к первому выпуску Я. К. Грот писал: «в словаре иногда появляются и слова областные, и именно частью такие, которые получили обширное распространение, частью местные слова, встречающиеся у писателей» [ibid.: VI]. Такие диалектизмы помещались в словарные статьи с указанием на автора и произведение, в котором они встретились. Например, следующие слова были выписаны из произведений С. Т. Аксакова и П. И. Мельникова-Печерского:

Алляной (альняной и лляной). *Простон*. вм. льяной. Встречается в Семейной хронике С. Т. Аксакова (I, 1 (1891), стб. 32).

Айран, а, м. (тат.). «У туркменцев разболтанная на воде простокваша из овечьего молока». (На Горах) (I, 1 (1891), стб. 21).

То же касается просторечных слов и примеров, которые встретились в литературе или были одобрены писателями и другими знатоками русского языка, участвовавшими в редактировании словаря: «примеры из обыкновенной разговорной речи не могут быть отвергаемы, когда они проходят через цензуру общества ученых и литераторов, между которыми есть и писатели с авторитетом» [ibid.: XII].

Другие группы источников представлены в «Общем перечне» в значительно меньшем объеме, чем литература XIX в.

Поскольку словарь должен был отражал лексику русского литературного языка «со времен Ломоносова», в списке источников представлена и литература XVIII века — 18 авторов (Петр I, И. Ф. Богданович, В. В. Капнист, Н. М. Карамзин, Я. Б. Княжнин и др.), 3 произведения («Историческое похвальное слово императрице Екатерине II» Н. М. Карамзина, «Были и небылицы» Екатерины II,

«Недоросль» Д. И. Фонвизина), а также материалы журналов «Всякая всячина», «Деревенское зеркало», «Живописец», «Переписка моды» Н. Страхова. Встречаются среди источников и тексты более раннего времени, например, сочинение Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» второй половины XVII в.

Я. К. Грот включал в словарь широко известные научные и технические термины, «которые могут встречаться как во вседневном быту, так и в не слишком специальных сочинениях» [ibid: VI]. Поэтому в списке источников присутствуют и фамилии ученых, и названия научных и учебных сочинений XVIII и XIX вв. Для XVIII в. набор невелик — это М. В. Ломоносов, И. И. Лепехин, И. Н. Болтин и «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова; отдельно выделена «Российская грамматика» Ломоносова издания 1755 г. Для XIX в. список шире: в нем 13 ученых (среди них К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. В. Берг, В. И. Григорович, Д. Н. Кайгородов, Н. И. Костомаров, Н. И. Пирогов, С. М. Соловьев), материалы 5 журналов («Вестник естественных наук», «Известия Отделения русского языка и словесности», «Магазин земледения и путешествий», «Сборник отделения русского языка и словесности» и воронежский журнал «Филологические записки»), а также 14 отдельных сочинений (например, «Учебник зоологии» Ф. Ф. Брандта, «О погребальных обычаях языческих славян» А. А. Котляревского, «Курс гражданского права» К. П. Победоносцева и др.).

Поскольку в словарь должна была войти лексика делового языка, в списке его источников представлены и юридические тексты. Большинство из них, однако, относится к XVIII в. (ср.: «Юридический словарь» М. Чулкова, «Учреждение о губерниях» 1775 г., «Устав воинский» 1719 г.) или даже более раннему времени (Псковская судная грамота). Из законодательных актов XIX в. в «Общем перечне» назван только «Сборник законоположений по духовной цензуре» 1870 г. Кроме него современный деловой язык отражали только документы, входящие в «Свод законов Российской империи», также послуживший источником словаря. В целом деловых текстов в «Общем перечне» немного — всего 12.

В ограниченном количестве в словарь включались и наиболее распространенные церковнославянизмы, которые могли встретиться в основных церковных текстах. Эти тексты вошли в число источников: в «Общем перечне» названы Евангелия, послания апостолов, Апокалипсис, Псалтырь, молитва «Отче наш», а также сочинения Григория Богослова и митрополита Филарета Дроздова. Всего в этой группе 22 названия.

Как сообщается в предисловии к первому выпуску, в словаре «иногда появляются и слова областные». В художественной литературе такие слова употребляются ограниченно, но примеры их употребления могут быть найдены в фольклоре. Я. К. Грот использовал фольклорные источники для иллюстрации употребления не только диалектных, но и литературных слов: «Рядом с примерами этого рода <из сочинений «первоклассных и некоторых второстепенных писателей». — В. И.> помещаются нередко народные поговорки и пословицы» [Сл. Акад. 1891, 1: XII]. В связи с этим в «Общий перечень» были включены сокращенные названия фольклорных жанров (всего 9), ср.:

Детск. колыб. п. — Детская колыбельная песня;
Нар. ск., Нар. сказка, Народ. сказ. — народная сказка;
Подблюдн. пес., Подблюдн. песня — подблюдная песня.

Источники этих текстов не названы, исключение составляют лишь три сборника: «Древние российские стихотворения» Кирши Данилова, «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга и «Пословицы русского народа» В. И. Даля.

Есть среди источников и словари, но их всего два — «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. и «Этимологический словарь славянских наречий» Ф. Миклошича.

Таким образом, уже на начальном этапе формирования академической словарной картотеки в ней были представлены источники различных стилей и жанров: научная литература, законодательные акты, церковные тексты, фольклорные произведения. Однако большую часть источников составляла художественная литература, которая должна была давать словарю примеры образцового использования лексических богатств русского языка.

2. Картотека «Словаря русского языка» при А. А. Шахматове

Я. К. Грот умер в 1893 г., успев подготовить три выпуска «Словаря русского языка», составивших его первый том. Новым главным редактором издания стал А. А. Шахматов, который внес в программу словаря значительные изменения, отразившиеся и на его картотеке.

Шахматов отказался от гротовской программы нормативного словаря и вместо нее предложил в 1895 г. программу словаря-тезауруса, которая и была принята Вторым отделением Академии наук. Отныне «Сло-

варь русского языка» должен был включать не только литературную, но и диалектную, устаревшую и церковнославянскую лексику.

Об изменениях в концепции словаря сообщалось в предисловии к 4-му выпуску (1 выпуску II тома), опубликованному в 1897 г.: «Вскоре после приступа к составлению Словаря Отделение усмотрело необходимость расширить его задачу» [Сл. Акад. 1897–1916, 1: V]. Далее кратко описаны направления, в которых проходило намеченное «расширение».

Особое внимание уделено областной лексике, которая теперь включалась в словарь не в виде исключения, а «по законному праву». Я. К. Грот предполагал ограничиться лишь широко распространенными диалектизмами, но, по мнению А. А. Шахматова, судить о степени распространенности того или иного слова можно было лишь основываясь на специальных исследованиях, которые в задачу словаря не входили. Кроме того, диалектизмы могут обозначать явления и реалии, для которых в литературном языке нет наименований, и отказаться от фиксации таких слов значило обеднять лексический фонд русского языка. Итак, отныне областная лексика включалась в словарь наравне с литературной. Единственным требованием было оставаться в границах великорусских говоров, хотя и это ограничение Шахматов признавал искусственным и скорее техническим, чем содержательным [ibid.: V–VI].

Изменения коснулись также лексики устаревшей и церковнославянской. В предисловии к 4 выпуску Шахматов писал: «В отличие от предыдущих трех выпусков, здесь нашли место многие слова церковнославянские, а именно те из них, которые употребляются нашими духовными писателями или встречаются в русском переводе книг Св. Писания». Более широко предполагалось приводить и материалы памятников XVIII в. [Сл. Акад. 1897–1916, 1: VII].

Шахматов отказался от принципа нормативности при формировании словника и описании лексики, но это не значило, что теперь словарь не давал читателям нормативно-стилистических рекомендаций. Отныне эти функции переходили к примерам, сопровождающим слово в словаре: «при большей части слов приводятся ссылки, указывающие источники, откуда эти слова внесены в Словарь: характер источника ясно определяет, насколько то или иное слово следует считать общеупотребительным, насколько то или иное выражение можно признать достойным подражания» [ibid.: VII].

Последний комментарий интересен еще и тем, что ясно показывает изменение роли источников и, следовательно, картотеки: теперь

она не только дает материал для иллюстрации значений, но и является основой для формирования словаря.

В первом выпуске, подготовленном по новому плану, Шахматов поместил «Указатель источников Словаря русского языка» [ibid.: XI–XXII]. Если в гротовском томе имелся только список сокращений, не претендующий на то, чтобы дать полную информацию об источниках, то шахматовский «Указатель» составлен именно с этой целью. Это не просто справочный раздел, адресованный читателю, а часть научного аппарата издания, оформленная в соответствии с научными требованиями: здесь приводятся точные выходные данные изданий, использовавшихся при выборах.

Как сообщается в примечании к «Указателю источников», в него вошли только те «сочинения и материалы, из которых в распоряжении Отделения русского языка и словесности имеются уже теперь более или менее систематические выборки» [ibid.: XI]. Материалы и издания, из которых были извлечены единичные примеры, очевидно, приводятся далее, в «Указателе сокращенных ссылок, встречающихся в 4-м выпуске Словаря русского языка» [ibid.: XXIII–XXVII]. Этот второй указатель также не похож на гротовский и содержит не только расшифровки сокращений, но и сведения об изданиях. Поскольку содержание этих двух указателей не пересекается, далее они будут рассматриваться вместе.

Указатели первого шахматовского выпуска в полной мере отражают те значительные изменения, которые произошли в программе словаря.

По-прежнему значительная доля источников приходится на художественную литературу: в двух указателях к литературе XIX в. относится 151 пункт, к литературе XVIII в. — 48. При этом следует уточнить, что источники, отнесенные к этой группе, могут значительно различаться по объему и содержанию. Сюда попали и отдельные произведения, например:

Селиванов П. Деревенские письма (Отч. Зап. т. CXVII и след.).
Илиада Гомера, в переводе Гнедича. Изд. 2-е. СПб., 1892.

и сборники стихотворений и рассказов:

Кокорев И. Т. Очерки и рассказы. М., 1857.
Огарев Н. Стихотворения. 1856.

и материалы литературных журналов («Библиотека для чтения», «Телескоп», многочисленные журналы XVIII в.: «И то и сию», «Аглая» Н. М. Карамзина, «Вечера» Н. И. Новикова, «Доброе намерение»

В. Д. Санковского и др.), но в первую очередь это многотомные собрания сочинений, ср.:

Островский А. Н. Сочинения. 10 т. Изд. 9-е. М., 1890.

Салтыков М. Е. (Щедрин). Полное собрание сочинений. 12 т. СПб., 1894–1895.

Загоскин М. Н. Сочинения. 7 т. СПб., 1889 и т. д.

Но если в томе под редакцией Я. К. Грота для выборок чаще всего использовалась художественная литература, то в выпусках, подготовленных по новому плану, значительную долю источников составляют научная и учебная литература, а также записи диалектных материалов.

В двух «Указателях» 4 выпуска перечислено 168 изданий XIX в., относящихся к научной, учебной и технической литературе. Для выборок были привлечены пособия по самым разным научным дисциплинам, ср.:

Бекетов А. Н. Курс ботаники. СПб. 1862–1889.

Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Изд. 2-е. СПб. 1892.

Егоров Н. Основы медицинской физики. СПб. 1886–1887.

Лебедев Г. Учебник минералогии. СПб. 1890.

Малинин А. и Буренин К. Руководство физики и Собрание физических задач. Изд. 10-е. М. 1896.

Менделеев Д. И. Основы химии. 6-е изд. СПб. 1895.

Сеченов И. Физиология нервных центров. М. 1891.

Шарнгорст К. Математическая география. СПб. 1896.

Янжул И. И. Основные начала финансовой науки. СПб., 1890.

Среди научных изданий особенно многочисленны работы по этнографии, в которых одновременно можно было почерпнуть и диалектную лексику, например:

Ефименко Н. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губ. Архангельск, 1869.

Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб. 1865.

Куроптев. Слободской уезд Вятской губ. Вятка, 1881.

Кушелев В. Л. Мурман и его промыслы. СПб. 1885.

При А. А. Шахматове в список источников «Словаря русского языка» было включено множество справочных пособий. Если в «Общем перечне сокращений» гротовского тома названы только 2 словаря, то в «Указателях» 4-го выпуска их уже 60. В их числе есть не только толковые словари, но и множество специальных словарей-справочников, например:

Волкештейн П. Е. Словарь главнейших терминов, употребляемых при описании растений. СПб., 1874.

Григорьев В. П. Сборник слов, вошедших в вексельное и торговое право (Вексельный лексикон). Динабург, 1886.

Еремеев В. Немецко-русский словарь технических терминов, названий и выражений, употребляемых в минералогии, кристаллографии, геологии и т. д. СПб. 1839.

Энциклопедия военных и морских наук. Составлена под главною редакцией ген.-лейт. Г. А. Леера. СПб., 1883 и след.;

Романов С. И. Охотничий словарь. 2 в. М. 1876–1877.

Философский словарь. Составил С. Г. Киев, 1876.

Несомненным нововведением Шахматова было привлечение нового типа источников — записей областных слов. Большую часть из них составляют различные рукописные материалы. Редактор сообщает в предисловии к 4-му выпуску, что при его подготовке использовались рукописные архивы Императорского Русского Географического Общества, Второго Отделения Академии наук, архив И. И. Срезневского [Сл. Акад. 1897–1916, 1: VIII].

Кроме того, множество диалектных материалов было внесено в Картотеку из «Ответов на программы для собирания особенностей народных говоров». Как Шахматов сообщает в предисловии, на разосланные Вторым отделением программы для собирания особенностей северно- и южно-великорусских говоров было получено около двухсот ответов. Губернии и уезды, из которых были присланы ответы, а также фамилии корреспондентов приводятся в «Указателе источников словаря русского языка» [ibid.: XVIII–XIX].

Еще одним источником областной лексики служили провинциальные и, в меньшей степени, столичные газеты, часто публиковавшие списки и словарики диалектных слов. Согласно указателям шахматовского тома, при его составлении использовались номера «Губернских ведомостей» из 19-ти губерний. Приведем примеры таких публикаций диалектизмов:

Борисов Н. Несколько простонародных слов, употребляемых в Шенкурском уезде Архангельской губ. (Отч. Зап. 1844, кн. 2).

Слова, записанные Жилиным в Яранском уезде Вятской губ. (Изв. Казанск. общ. археол., истор. и этногр., т. VI, вып. 2).

Слова Яренского уезда Вологодской губ., сообщенные М. Куклиным в Вологодских Губернских Ведомостях за 1887 год.

Предполагалось, что лексика, территориально ограниченная в своем употреблении, будет сопровождаться указанием на область своего бытования. Сокращенные названия губерний, уездов, округов, используемые в словаре, перечислены в специальном «Указателе местностей» [Сл. Акад. 1897–1916, 1: XXVII–XXX], который содержит 298 наименований.

Наряду с диалектными материалами Шахматов начал активно привлекать для выборок издания фольклорных текстов: в двух указателях таких сборников 27, в том числе:

- Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Кн. 1–4. Изд. 2-е, вновь пересмотренное, К. Солдатенкова. М., 1873.
Причитания северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. I. М., 1872. Ч. II. М., 1882.
Великорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским. Т. I. СПб., 1895. Т. II. СПб., 1896. Т. III. СПб., 1897.
Сборник русских духовных стихов, составл. В. Варенцовым. СПб., 1860.

В указателях отсутствуют деловые и церковные тексты, однако и от этих источников Шахматов не отказался: в комментарии к «Указателю сокращенных ссылок» сообщается, что сокращения названий библейских книг и уставов из свода законов Российской империи не были включены «как всем известные» [ibid.: XXIII].

Наконец, добавим, что в 5 выпуске словаря, увидевшем свет в 1898 г., были напечатаны дополнения ко всем трем указателям первого шахматовского выпуска — «Указателю источников Словаря русского языка», «Указателю сокращенных ссылок» и «Указателю местностей» [Сл. Акад. 1897–1916, 2: VII–XIV]. Здесь соотношение типов источников то же, что и в 4-ом выпуске: к диалектным материалам относится 51 текст, 45 — к научной литературе, 37 — к художественной, кроме того, добавилось несколько фольклорных сборников и словарей.

Таким образом, новации Шахматова в области источников словаря ограничивались только использованием записей диалектных слов. В остальном Шахматов придерживался старого плана развития картотеки.

Выводы

Изменения, внесенные в «Словарь русского языка» А. А. Шахматовым, в первую очередь касались его словника. Однако картотека продолжала развиваться в направлениях, заданных Я. К. Гротом. Все типы источников, использовавшихся при подготовке шахматовских выпусков, были введены в оборот первым редактором словаря. Некоторые из них новый редактор стал разрабатывать с большей полнотой и последовательностью, но само соотношение этих типов осталось прежним. Несмотря на то что в указателях второго тома значительно возросла доля специальной литературы и диалектных материалов, основой картотеки и при Шахматове оставалась художе-

ственная литература. Выборки из нее производились наиболее активно: теперь для них использовались многотомные собрания сочинений, в обработке которых принимали участие не только штатные сотрудники словаря, но все желающие способствовать скорейшему выходу издания. В 1895 г. было опубликовано обращение ОРЯС ко всем, кто хотел бы помочь Академии в подготовке словаря, с приложением списка авторов, из произведений которых следовало присылать выписки. На это предложение откликнулись любители русского языка из разных городов и губерний [Рогожникова 2003: 22–23].

Что же касается специальных и диалектных текстов, то их использовал и Грот, но при Шахматове принципиально изменилось отношение к ним: они стали рассматриваться не как вспомогательные, а как основные источники словаря. И, в конечном счете, именно они сделали если не словарь, то его картотеку подлинным тезаурусом — сокровищницей русского языка, всех его территориальных и социальных диалектов.

Литература

Виноградов В. В. Русская наука о русском литературном языке // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 106. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Т. 3. Кн. 1. С. 22–147.

Гильтебрандт 1882 — Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету, составленный Петром Гильтебрандтом. Кн. 1. СПб., 1882.

Грот Я. К. Филологические разыскания (1852–1892). Т. II. СПб., 1899.

Отчеты Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1866–1891 годы. СПб., 1903.

Рогожникова Р. П. Сокровищница русского слова: История Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2003.

Розанова В. В. Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г. // История русской лексикографии. СПб., 1998. С. 163–189.

Сл. Акад. 1891 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. I. Вып. 1–3. СПб., 1891–1895.

Сл. Акад. 1897–1916 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Т. II. Вып. 1–9. Т. IV. Вып. 1–9. Т. V. Вып. 1. СПб., 1897–1913; Пг., 1914–1916.

**Неизданные фрагменты «Словаря Я. К. Грота – А. А. Шахматова»
второй половины 1920-х гг. из архива
Большой словарной картотеки ИЛИ РАН**

Толковым академическим «Словарем русского языка» А. А. Шахматов руководил более четверти века — с 1894 по 1920 г. Последний выпуск, вышедший под его общей редакцией, был напечатан в 1916 г., после чего издание было временно приостановлено по причине отсутствия средств. В. М. Истрин, возглавивший редколлегию после смерти А. А. Шахматова, позднее писал: *«События 1917 г. и следующих годов нарушили правильное течение словарной работы. Некоторые редакторы оказались вне Петрограда и даже вне России; провинциальные сотрудники, которым рассылались корректурные листы Словаря для замечаний, в большинстве случаев исчезли с мест своего прежнего жительства»* [Истрин 1927: 1664]. За восемь послереволюционных лет Словарь печатался лишь однажды. Выпуск, опубликованный в 1922 г. и содержащий словарные статьи от *И* до *Изва*, был, по-видимому, приурочен к началу деятельности специальной словарной комиссии, организованной при Отделении русского языка и словесности Академии наук СССР. В состав комиссии, согласно архивным данным, первоначально входили: В. М. Истрин (председатель), П. Л. Маштаков (ученый секретарь), Е. С. Истрина, С. П. Обнорский, В. И. Чернышев, Л. В. Щерба, А. Н. Добиаш [Логина, Пеньковская 1989: 15–16].

С 1926 г. Словарь начинает вновь выходить регулярно, хотя и продолжает печататься в старой орфографии. Издаются выпуски, типографский набор которых был большей частью выполнен еще до революции. Это восемь тетрадей со словарными материалами на буквы *И, К, Л, М, Н*. Вот их полный перечень:

1926 г.:

т. IV, вып. 10, *Крикун – Крошечный* (Д. К. Зеленин).

1927 г.:

т. V, вып. 2, *Легкий – Летунок* (С. П. Обнорский);

т. VI, вып. 1, *М – Мальый* (П. Л. Маштаков);

т. VIII, вып. 1, *Не – Невремище* (В. И. Чернышев).

1928 г.:

т. V, вып. 3, *Летунчик – Лисичий* (С. П. Обнорский).

1929 г.:

т. VIII, вып. 2, *Невремя – Недорубицик* (В. И. Чернышев);

т. III, вып. 2, *Изба – Издергивать* (Н. К. Ядрышев, Л. В. Щерба);

т. VI, вып. 2, *Малый – Маститый* (П. Л. Маштаков).

Решение о переходе на новую орфографию и начале работы над исправленным и дополненным изданием, в котором будут учтены недавно появившиеся источники и обновлен состав словника, а заголовочные слова будут расставлены в соответствии с изменившимся алфавитным порядком, было принято на общем собрании Академии наук в 1928 г. [Державин, Обнорский 1932: 26]. Спустя год вышел первый такой выпуск, содержащий словарные статьи на букву *О* (т. IX, вып. 1, *О – Обезоруживать*, 1929). В нем, правда, еще отсутствовали какие-либо сведения о начале нового издания. Эта информация появится на титульном листе лишь третьего по счету выпуска со словарными материалами на начало буквы *Л* (т. V, вып. 1, *Л – Лактукон*, 1930).

Те части словника, которые к концу двадцатых годов уже были составлены, отредактированы и набраны в дореволюционной орфографии, но не были отданы в печать, по мере продвижения работы над новым изданием приводились в соответствие с изменившимися правилами. Однако некоторые из них так никогда и не были напечатаны. Это произошло потому, что работа по переизданию Словаря в 1930-е гг. не было доведена до конца: она прекратилась в 1937 г. после появления критической статьи в газете «Правда».

В архиве Большой словарной картотеки ИЛИ РАН мы обнаружили два фрагмента академического толкового «Словаря русского языка», подготовленных в дореволюционной орфографии и относящихся ко второй половине 1920-х гг. Это напечатанные типографским способом корректурные экземпляры со словарными статьями на букву *Л*: первая часть отрезка «Лодковидный – Ложжить» (обрывающаяся на статье *Лодырь*), а также отрезок «Ложный – Локомобильность». Приведем их краткое описание, присвоив им соответственно №№ 32 и 33¹.

№ 32. 6 л. 35,5 x 25,5 см (в левой части каждого листа помещен один столбец словаря; над каждым столбцом проставлена фолиация арабскими цифрами). Последние листы отсутствуют; л. 6 заканчивается словарной статьей *Лодырь*.

¹ Первую часть описания неопубликованных фрагментов «Словаря Грота-Шахматова» из архива Большой словарной картотеки ИЛИ РАН см. в нашей работе [Круглов 2015].

Заглавие: XIV (14) ф. Лодковидный – ложжить. Стб. 1–6 Немногочисленные исправления и маргиналии черными чернилами. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись: «Е. С. Истриной. 7. I. 30».

№ 33. 16 л. 35,5 x 25,5 см (в левой части каждого листа помещен один столбец словаря; над каждым столбцом проставлена фолиация арабскими цифрами). Заглавие: XVI (16) ф. Ложный – локомобильность. Стб. 1–16. Многочисленные исправления и маргиналии синими, зелеными и красными чернилами.

Данные материалы представляют несомненный интерес, во-первых, как источники по истории словарного состава русского языка, содержащие сведения о редких словах и выражениях рубежа XIX–XX вв., и, во-вторых, как источники по истории академической лексикографии, позволяющие судить о принципах работы над академическим «Словарем русского языка» накануне его переиздания. Ниже мы постараемся дать общую характеристику обнаруженным фрагментам, обратив внимание на состав словника (1), технику оформления терминологических значений (2), употребление некоторых семантических (3) и хронологических (4) помет.

1. Анализируемый материал свидетельствует о том, что в конце 1920-х гг. в словник, наряду с явлениями литературного языка, продолжают включаться областные, просторечные, специальные и жаргонные слова, а также не получившие широкого распространения иноязычные заимствования. К последним относится, в частности, слово **локанда**, подтвержденное примером из поэмы А. Н. Майкова «Пульчинелль». Ср.¹:

Локáнда, ы, ж. Отдельный номер гостиницы (в Испании и Греции) (Слов. Залескаго).

И с песнями, при факелах, несут

Его до самой до его локанды. Майк. Стихотв. III, 132.

Сохраняется практика фиксации в Словаре искаженных орфографических вариантов, которые оформляются в виде заголовочных слов при отсылочных статьях. Ср., в частности:

Локáние. См. Л а к á н и е.

Для истории лексикографии, как и для истории словарного состава русского языка, особый интерес представляют имеющиеся в

¹ Здесь и далее при цитировании фрагментов № 32 и № 33 старая орфография исправлена на современную. Остальные особенности набора, включая шрифтовые выделения и деление словарной статьи на абзацы, сохранены.

Словаре сведения об окказиональных явлениях — лексемах единичного употребления. В наших материалах, как и в прочих томах, подобные случаи обычно снабжаются ремаркой «Встретилось у ...», отсылающей к предполагаемому автору несостоявшегося неологизма. Ср., например:

Лозанки, *мн.* Встретилось у Лескова. *А вы, кошевары, собирайтесь разводиться здесь огонек под котлом ... будете есть лозанки с сыром.* Леск. Антука (V, 435).

В данной статье обращает на себя внимание отсутствие какой-либо информации о значении и происхождении слова. Между тем перед нами не получивший распространения в русском литературном языке полонизм (ср. польск. **lazanki** < ит. **lasagne**), который служил для обозначения мучного блюда — небольших по размеру макаронных изделий квадратной формы, известных под этим названием как в Польше, так и в Белоруссии и Украине. Что касается написания слова, то правильным, с точки зрения его этимологии, будет, по-видимому, вариант **лазанки**, хотя в собраниях сочинений Н. С. Лескова принято написание через «о» [см., например, Лесков 1903: 187].

К ряду окказиональных речевых явлений относится и представленный в Словаре авторский неологизм **лодководение**, принадлежащий перу И. И. Лажечникова. Ср.:

Лодководёние, *я, ср.* Уменьше, искусство управлять лодкой. Встретилось у Лажечникова. *На всякий случай взяли несколько уроков у здешняго рыбака и набрался у него премудрости лодководения.* Лажечн. Соч. IX, 114.

В экземпляре № 32 имеются сведения еще об одном подобном случае — жаргонизме **лодовик**. В истории русской лексикографии это слово так и осталось за пределами словарей, по крайней мере, опубликованных. Ср.:

Лодовик, *а, м.* В клубном жаргоне: неимущий клубный посетитель, клубный бродяга. Встретилось у Немир.-Данченко. *Шематоны эти. Мы их в клубе промежду себя лодовиками зовем. Только у них и имущества, что фрак, и рубашки-то цельной нет...* Немир.-Данченко, Королева в лохмотьях (Новости 1889, № 31).

Следует отметить, что практика включения в число заголовочных слов окказиональных явлений была частью концепции словаря-тезауруса, разработанной А. А. Шахматовым, но способ их оформле-

ния встречается уже в первом томе Словаря, составленном Я. К. Гротом. Ср., например:

Алляной <...> Простон. в м. л њ н я н ъ й. Встречается в Семейной Хронике С. Т. Аксакова (т. I, стб. 32; 1891).

2. Особый интерес для историка лексикографии представляют способы оформления слов, использующихся в качестве технических и научных терминов. В рассматриваемых фрагментах подобные случаи могут оформляться при одном из общеязыковых значений (в виде его особых употреблений или смысловых оттенков), либо наделяться статусом значений самостоятельных. Разберем эти случаи более подробно.

2.1. Что касается техники оформления, то для отделения специального употребления от общеязыкового в Словаре может использоваться знак «тире» с соответствующей специальной пометой. Ср.:

Лодковидный, ая, ое. Имеющий вид лодки, ладьевидный. — *Бот.* Cymbiformis (cymbaeformis), — для обозначения лодочки (carina) в цветке у мотыльковых растений, Papilionaceae, и др. (Мартынов, Техно-бот. слов.; Петунн. Свод бот. терм. 29).

Лодкообразный, ая, ое; зен, зна, о. Тоже, что лодковидный (Слов. Гринберга). — *Бот.* Лодкообразный лист, folium carinatum, — линейный, ланцетообразный или продолговатый лист, у которого среднее ребро на нижней поверхности выступает на подобие дна у лодки (Рейпольский, Вильд. бот., 1819 г., с. 81).

2.2. В случае, если специальное употребление отличается от основного значения дополнительными оттенками смысла, вместо «тире» используется знак, сигнализирующий о наличии смыслового сдвига, — две вертикальные черты. Ср.:

Ложчатый, ая, ое; <...> Имеющий вид ложки <...> || *Архит.* Содержащий по длине выемку (о колонне). *Ложчатые стволы колонн ... находят себе оригиналы в первообразах искусства ассирийского и финикийского.* Бусл. Соч. II, 525.

При этом две вертикальные черты могут употребляться и тогда, когда существительное и в общеязыковом, и в специальном употреблении указывает на явления, принадлежащие к одной предметной области. Ср.:

2. Лоза́, ѓ, <...> 1. Стебель, ствол кустарного растения. <...>
Особенно о винограде. <...>
Древесная ветвь, ветка вообще (в поэтическом языке). <...>

|| *Бот.* Sarmentum, тонкий безлистный ствол, растущий от корня в сторону и производящий новое растение того же вида; вид стебля, наблюдаемый напр. у обыкновенного винограда, *Vitis vinifera* L., у земляники, *Fragaria vesca* L., и у некоторых папоротников и плауновых растений.

Иногда при оттенке значения дефиниция может отсутствовать. В этом случае является обязательным указание на его устойчивую сочетаемость. Ср., например:

Локализация, и, жс. (Нем. Lokalisation). Сосредоточение. *Истребление лесов происходило на широких пространствах, где не было особых наблюдений и не было так называемой локализации преступления.* Леск. Загад. происш. в сум. д. (VII, 547) || *Филос.* Локализация ощущений и пр. *Галл ... сделал попытку локализации в мозгу отдельных центров психической деятельности человека.* М. Ковал. Соврем. социол. 1.

О том, что оба приема оформления несут в Словаре важную смысловую нагрузку, свидетельствует, в частности, исправление, внесенное редактором в статью *Ложок*. Здесь тире перед пометой *Техн.* было заменено на две вертикальные черты, указывающие на наличие особых смысловых оттенков. Ср.:

Ложок, ж к á, м. <...> Уменьш. от сл. лог в 1–5 значениях (Слов. Акад.). Ложбинка, небольшой овраг. <...> Низкое место, долина. <...> Низменное луговое место. <...> Небольшая равнина, поросшая мелким лесом. <...> || *Техн.* В строительном деле — каждый камень, длина которого расположена в кладке параллельно долевой оси стены (*Техн. энц.*). *Кладка ложком* (Д.).

2.3. Если речь идет об употреблении слова в составе устойчивого терминологического сочетания, то, наряду с соответствующей специальной пометой и тире, в статье приводится и само сочетание¹. При этом определение дается не самому слову, а сочетанию в целом. Ср.:

Лодыжный, ая, ое. Относящийся к 1 лодыге. <...> — *Техн* Лодыжная намётка: железная пластинчатая оковка, скрепляющаяся с лафетом болтами или шарнирами, служащая для закрепления орудия к лафету. <...>

¹ В лексикографической практике того времени подобные сочетания было принято называть «выносными». Об этом свидетельствует следующий фрагмент изданной в середине тридцатых годов «Инструкции для редакторов» Словаря: «§ 158. Каждое значение слова или выносной, обобщенного характера, тип его сочетаний иллюстрируется примерами в количестве не более шести из области прозы и такого же количества цитаций из области поэтической речи, избегая притом всяческих повторений» [Обнорский 1936: 41]. Ср. также замечание редактора на полях одного из неопубликованных корректурных экземпляров второй половины тридцатых годов (№ 7, стб. 3), в котором редактор называет указания на устойчивую сочетаемость слова «выносками»: «После определения надо дать примеры без выносок, а потом специфические, устойчивые обороты с выносками» (№ 7, стб. 3; см.: [Круглов 2015: 238]).

2.4. Когда речь идет о слове, которое встречается в составе сразу нескольких устойчивых сочетаний, относящихся к разным областям науки и техники, в этом случае каждое употребление помещается в отдельный пронумерованный абзац, но все они остаются в границах одного значения. Порядок следования абзацев в этом случае определяется не степенью новизны и употребительности обозначений, а порядком следования помет, расставляемых в алфавитном порядке. Ср.:

Ложный <...>

Медиц. В названиях болезней. Л ó ж н а я альбуминурия — появление белков в моче вследствие примеси к ней гноя или крови вне почек. <...>

Минер. Л ó ж н ы е кристаллы: минеральные тела, которых кристаллическая форма принадлежит одному минералу, а химический состав — другому. <...>

Техн. Л ó ж н о е дно, у бочек. <...>

Физ. Л ó ж н ы я солнца: цветные изображения находящиеся по обе стороны действительного солнца. <...>

2.5. Если в своих специальных употреблениях существительное свободно от устойчивых сочетаний, но при этом является обозначением нескольких предметов или явлений из разных областей науки и техники, таким употреблениям присваивается статус самостоятельных значений. Так, слово **лодыга**, которое могло указывать на часть тела, деталь пушки, подшипник и многолетнее травянистое растение, представлено в Словаре следующим образом:

Лоды́га, и, ж. <...> 1. Кость на нижней части голени, над ступнею, выступающая с внутренней и наружной стороны; щиколотки, образуемая концами большой и малой берцовых костей. <...>

2. *Артил.* Железная оковка в лобовой части лафета для образования гнезда под цапфы орудия (Техн. энци.).

3. *Бот.* Местное название растения *Veronica longifolia* L., из сем. норичниковых, Scrophulariaceae; длиннолистная вероника. А р х а н г. г. Анненк. 377; Бот. Муз. А. Н.).

4. *Техн.* То же, что подшипник, подушка (Слов. Акад. и Рейнб.). || У машин: коленчатый шарнир, сустав (Слов. Бурнаш.).

И, наконец, отметим, что разные способы оформления специальных значений, несущие разную информацию, могут закономерно дополнять друг друга в пределах одной словарной статьи. В частности, если значение слова **лодыжка** как медицинского термина совпадает с общеязыковым, то значение технического термина **лодыжка**, которое к тому же не сопровождается обязательным минимальным контекстом, связано с совершенно другой предметной областью —

устройством огнестрельного оружия. Поэтому в первом случае используется тире и специальная помета при основном значении, а второму случаю присвоен статус самостоятельного значения. Ср.:

Лодыжка, и, ж. <...> Уменьш. от сл. 1 лодыга (в 1-м знач.). Выдающаяся кость на нижней части ноги. <...> — *Медиц.* Внутренняя л о д ы ж к а, malleolus internus, — короткий крепкий отросток, выдающийся на внутренней стороне нижней суставной поверхности большеберцовой кости; наружная л о д ы ж к а, malleolus externus, — утолщенность, сплюснутость на нижнем конце малоберцовой кости. <...>

2. *Техн.* Одна из частей ружейного замка с пластинчатой пружиной, служащая соединительным звеном между боевой пружиной и курком, расположенным сбоку.

В выпусках, переиздававшихся в тридцатые годы, названные приемы оформления специальных значений, в общем, сохранились. Кроме того, в «Инструкции для редакторов», опубликованной уже накануне закрытия Словаря, была сделана попытка их обобщения [Обнорский 1936]. Этому вопросу С. П. Обнорский посвятил в «Инструкции» пять небольших параграфов.

Прежде всего, было отмечено, что в своем специальном употреблении слово может не выходить за пределы основного значения. Ср.:

§ 166. Слово с употреблением в речи литературной, научно-технической, областной, имеющее комплекс переходных и переносных оттенков, являющееся вместе с тем единым по основному своему значению, с которым легко связываются и все его оттенки и все особенности его употребления в специальной речи, в лексическом отношении рассматривается как слово одного значения (основного) [Обнорский 1936: 43].

Особо подчеркнуто, что специальное употребление слова — остается оно в пределах общезыкового значения в виде оттенка или особого употребления, либо приобретает статус самостоятельного значения — всегда маркируется соответствующей пометой. Ср.:

§ 175. Раздел с научным или техническим значением слова отмечается указанием (в сокращении) той научной или технической области, которой принадлежит данное слово: *Агрон., Артил., Астрон., Бактериол., Биол., Бот., Военн.* и под. [Обнорский 1936: 45].

Также в «Инструкции» говорится о том, что специальные употребления, разрабатываемые при общезыковом значении, сопровождаются не только пометой, но и знаком «тире». Если имеется несколько таких употреблений, то порядок их следования определяется сопутствующими пометами, которые расставляются в алфавитном порядке. Ср.:

§ 176. Если слово известно в ряде областей знания или техники, соответственные значения приводятся для всех отдельных областей науки или техники и располагаются в алфавитной последовательности именованной дисциплин, отделяясь друг от друга чертой (—) [Обнорский 1936: 45].

Отмечается, что специальное употребление может оформляться не только за знаком «тире», но и в виде смыслового оттенка. Ср.:

§ 187. Научные и технические оттенки значения, примыкающие к тем или иным отдельным основным значениям, располагаются внутри последних на общих основаниях (см. п. 168) [Обнорский 1936: 47].

И, наконец, говорится о том, что специальное употребление может иметь статус самостоятельного значения. Ср.:

§ 186. Научные и технические значения слова, как основные его значения, располагаются применительно к изложенному в п. 168 <порядку следования: литературное значение, частные оттенки, переносные оттенки, научное и техническое значение, областные оттенки. — В. К.>, но, согласно п. 181, выделяются в самостоятельные подлежащие цифрации абзацы [Обнорский 1936: 47].

Если соотнести правила, изложенные в этих пяти параграфах, с примерами, которые мы привели выше, становится очевидным, что в «Инструкции для редакторов» была отражена лишь часть того опыта, который был накоплен «Словарем русского языка» за несколько предшествующих десятилетий. Это произошло потому, что вопросы терминологии не были объединены составителем в особый раздел, а изложение техники оформления специальных употреблений не было подкреплено необходимым иллюстративным материалом. Кроме того, из рассуждений были ошибочно исключены явления устойчивой сочетаемости, что лишило представленную систему лексикографических приемов последовательности и стройности.

3. Особого внимания в рассматриваемых фрагментах заслуживают семантические пометы, сигнализирующие об образном употреблении слова. Во-первых, здесь имеется помета «В образной речи», указывающая на случаи, когда сравнение не выражается специальной конструкцией, а следует из всего контекста. Ср.:

Лодочка, и, ж. 1. Уменьш. от сл. лодка. <...>

В образной речи. *Тут (в вопросах религии) дело не в том кто лучше рассуждает, а в том, чтобы не потонуть, и потому я не стану вам говорить, а буду радоваться на вас и на всех, кто плывет в той лодочке, которая не несет меня.* Л. Тлст. Письмо А. А. Толстой, февр. 1877.

Во-вторых, здесь встречается помета «Образно», указывающая на контексты, в которых так же, как и в первом случае, отсутствует сравнительная конструкция, но при этом оба члена сравнения имеют свои лексические обозначения. Ср.:

Лбзунг, а, м. (Нем. Losung). *Военн.* Слово, вместе с паролем отдаваемое часовым и имеющим надобность в ночное время выходить или проходить в расположении войска (Тучков, *Военн. слов. И*, 236). <...>

Образно. *Не бойтесь реакции — это пароль и лозунг мятежников.* Жук. О происш. 1848 г. (IV, 158).

4. В заключение обратим внимание на употребление хронологических помет, в частности, пометы «Стар.», с течением времени изменившей свое значение. Ср.:

Лбзан, а, м. Удар лозою или палкою. <...> *Стар.* С иным правописанием — л о з о н. *Вчера посулил мне, старику, триста лозонов за то, что я не хотел сам принести дров.* Москов. Журн. III, 1791, с. 14.

Лбйва, ы, ж. <...> *Стар.* Мореходное судно, лайба. *Посадник Симеон в устьях Невы победил немецкаго Воеводу Трунду, истребил большую часть его шнек и лойв или судов.* Карамз. И. Г. Р. IV, 91.

Следует иметь в виду, что до конца 1920-х гг. в «Словаре русского языка» данная помета указывала на все слова, вышедшие из употребления. Однако в новом издании значение пометы изменилось. Оно было уточнено в связи с введением системы из трех помет — «Стар.», «Устар.» и «Доревол.». «Стар.» начинает указывать только на устаревшие слова, характерные для русского языка XVIII в., «Устар.» — на устаревшие слова, относящиеся к XIX в., а «Доревол.» — на лексемы, появившиеся в русском языке накануне революции¹. Правилам употребления этих помет также посвящен отдельный параграф в уже цитированной выше «Инструкции для редакторов». Ср.:

§ 234. В стилистическую характеристику входит обязательное указание на принадлежность слова, или того или иного значения, или отдельного выражения, в состав которого входит данное слово, и под. старому языку (поре до XIX в.), или устарелой (период XIX в.), или дореволюционному времени: *Стар., Устар., Доревол.* [Обнорский 1936: 58].

¹ Подробно о хронологических пометах в «Словаре Я. К. Грота – А. А. Шахматова» см.: [Круглов, Истратий, Гамирова, Каплан 2015: 138–139, 144, 146–147].

Выводы

В архиве Большой словарной картотеки ИЛИ РАН хранятся два корректурных экземпляра академического толкового «Словаря русского языка», относящихся ко второй половине 1920-х гг. и напечатанных в дореволюционной орфографии. Это первая часть отрезка «Лодковидный – Ложжить» и отрезок «Ложный – Локомобильность» (всего 22 столбца), которые не были опубликованы в связи с началом работы над новым изданием. Обнаруженные фрагменты содержат ценные сведения о редких словах и выражениях, не получивших широкого распространения в литературном языке, а также о технике подачи материала, структуре словарной статьи и общих принципах составления «Словаря русского языка» накануне его переиздания.

Литература

Круглов В. М. Неизвестные страницы толкового академического «Словаря русского языка» 1930-х гг.: описание архивных материалов Большой словарной картотеки ИЛИ РАН // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 228–241.

Круглов В. М., Истратий В. В., Гамирова Д. Р., Каплан Е. Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка. СПб., 2015.

Лесков Н. С. Полное собрание сочинений. Издание третье. Т. XI. СПб., 1903.

Логинова К. А., Пеньковская Н. П. Словарная картотека в период деятельности Постоянной Словарной Комиссии при АН СССР (20–30-е годы, по архивным материалам) // Практическая лексикография. 100 лет словарной картотеке. М., 1989. С. 15–23.

Обнорский С. П. Словарь русского языка. Инструкция для редакторов. М., 1936.

Романов Дмитрий Анатольевич

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Россия, г. Тула

**К идее А. А. Шахматова о расширении лексической базы
толкового словаря: «Первая русская книга для чтения»
Л. Н. Толстого как источник научной лексикографии¹**

Академику А. А. Шахматову принадлежит идея отказа от принципа строгой нормативности при составлении толкового словаря. Приняв от Я. К. Грота руководство «Словарем русского языка», составляемым Вторым отделением Императорской Академии Наук, Шахматов предложил, по сути, новый путь развития отечественной толковой лексикографии. Лексической базой толкового словаря должен, по мнению Шахматова, стать «весь словарный материал, представляемый живыми русскими говорами». Отделение русского языка и словесности после программного доклада Шахматова этот путь одобрило. Первый выпуск шахматовской версии словаря (1897 г.) и второй том словаря Грота–Шахматова (1907 г.), составленный из 9 выпусков, показали, что новый толковый словарь призван стать полным словарем русского национального языка своего времени.

К сожалению, воплотить идею Шахматова в полной мере его ученикам и последователям не удалось: 1937 год положил конец этой работе. Однако мысль о расширении словника за счет материала нормативной периферии стала плодотворно реализовываться в лексикографической практике XX в. В частности, задуманный Ю. С. Сорокиным и Л. Л. Кутиной дифференциальный «Словарь русского языка XIX в.» должен строиться именно на этом принципе. Возглавляющая ныне данный академический проект В. Н. Калиновская справедливо отмечает: «Согласно концепции словаря предлагалось по-новому посмотреть на XIX век, отбрасывая идеологическую предвзятость в отношении этого периода нашей истории, благодаря более объективному представлению языковых фактов составить национальную языковую картину мира в ее красочном многообразии и сложности. Расширение круга источников и авторов XIX века, как показывает сегодняшний языковой опыт, позволяет увидеть даже в «ненормальных» словоупотреблениях того времени ростки будущих динамических процессов» [Калиновская 2005: 26].

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00032.

«Русские книги для чтения» Л. Н. Толстого являются одним из ярких примеров нормативной периферии языка второй половины XIX в., т. к. соединяют, по принципиальному замыслу автора, различные языковые «стихии» — литературную, областную (диалектную) и просторечно-разговорную. Для лексикографической разработки в контексте обозначенной выше идеи А. А. Шахматова такой материал представляет значительный интерес.

Определим вначале суть толстовского замысла. А затем проиллюстрируем его отдельными языковыми примерами.

В часто цитируемом письме князю Е. В. Львову, известному в свое время детскому писателю, 29 февраля — 1 марта 1876 г. Л. Н. Толстой говорил о своих «Русских книгах для чтения»: «Рассказы, басни, написанные в книжках, есть просеянное из в 20 раз большего количества приготовленных рассказов, и каждый из них был переделыван по 10 раз и стоил мне большего труда, чем какое бы ни было место из всех моих писаний» [Толстой 1965, 17: 426]. Эти слова свидетельствуют о том, какое большое значение в этот период своего творчества Л.Н. Толстой придавал работе над материалами к детскому чтению.

В этих широко известных четырех книгах Толстого соединились два ключевых направления развития его мысли этого периода, т. е. периода 70-х — начала 80-х гг. XIX в. И хотя эти направления взаимосвязаны, тем не менее перед нами все-таки несколько разные линии. Первая — собственно педагогическая, дидактическая, определяемая необходимостью продвижения в учебных материалах (хрестоматии) и в реальном преподавании (деятельности Яснополянской школы второго периода) конкретных педагогических идей, составивших основу того, что ныне называется толстовской педагогикой.

Вторая — развитие в толстовском творчестве нового художественного стиля, лишённого ложных украшений и языковых соблазнов, которые, по мнению писателя, затрудняют путь от автора к читателям, а нередко и вообще искажают его мысль. Этот новый стиль, который принято называть «опрошенным», «народным» и даже «примитивным», по мнению Л. Н. Толстого, — единственный настоящий, подлинный, искренний. Он давался Л.Н. Толстому нелегко. В уже цитированном письме князю Львову он отмечал: «Но пусть попробует кто-нибудь написать такие же рассказы, тот увидит, как трудно даются эти отрицательные достоинства, состоящие только в том, чтобы было просто, ясно, не было бы ничего лишнего и фальшивого» [ibid.].

Рассмотрим некоторые особенности языка «Первой русской книги для чтения» (в варианте 1875 г.).

Одной из главных черт этих текстов является их особая ритмизация, построенная на использовании соразмерностей естественной народной речи, в основе которой лежит исконно русская сказовая тоника. В частности, стройную ритмическую организацию имеют басни «Муравей и голубка», «Орел и черепаха», где применяется настоящая строфическая соразмерность, образуемая чередованием приблизительно равного количества ударений в строках, акцентными особенностями финала строк и повторами союза *и*. Представим в качестве примера версификационную разметку финала басни «Муравей и голубка» (деление на строки — наше. *Д. Р.*):

*...она увидела — муравей тонет, и бросила ему ветку в ручей.
Муравей сел на ветку и спасся.
Потом охотник расставил сеть на голубку и хотел захлопнуть.
Муравей подполз к охотнику и укусил его за ногу;
охотник охнул и уронил сеть.
Голубка вспорхнула и улетела.*

1. *УУУУУУУУУУ и УУУУУУУУ*
2. *УУУУУУ и УУ*
3. *УУУУУУУУУУУУ и УУУУ*
4. *УУУУУУУУУУ и УУУУУУУУ*
5. *УУУУУ и УУУУ*
6. *УУУУУУ и УУУУ*

Первая и третья строки аналогичны (но не тождественны) так называемой «эпической длинной строке», объединяющей двойное количество ударений в сравнении с обычными строками (8 и 7 соответственно). Прочие строки имеют от 3 до 6 ударений, при этом их усредненное количество — 4. Союз *и* выполняет функцию своеобразной цезуры. Постцеzurные части представляют собой преимущественно двуударные и одноударные единства. При этом характер постцеzurной части строф — опоясывающий. Шестиударная четвертая строфа с шестисложной и трехударной постцеzurной частью составляет центр, к которому непосредственно примыкают 3-я и 5-я строки с двусложной постцеzurой, опоясываемые 2-ой и 6-ой строками с односложной постцеzurой. Это в целом сугубо версификационный способ ритмизации, представляющий собой воспроизведение эпического былинного народного сказа.

Необходимо отметить, что в «Первой русской книге для чтения» встречается и буквальная (с выделением стихотворных строк) безрифменная ритмика. В сказке «Дурень» это двустопный ямб с женской клаузулой последней стопы (основа стихотворной сказки взята Л. Н. Толстым из сборника «Древние российские стихотворения» Кириши Данилова); в сказке «Святогор-богатырь» это былинный тринадцатисложник с четырьмя усредненными ударениями и цезурой после 7-го слога (сюжетная основа взята из собрания песен П. Н. Рыбникова и оформлена в стихотворный вид самим Л. Н. Толстым).

Кроме того, Л. Н. Толстой систематически использует ритмизацию текста, достигаемую посредством словесных повторов, которая также характерна народной речи, однако представляет собой не тоническую ритмику, а ту, которую Е. Г. Эткинд называл *строфической*. В частности, в очерке «Эскимосы» роль ритмизатора выполняет глагол *бывает*, а в басне «Тонкие нитки» — глагол *сказал*:

*На свете есть земля, где только три месяца **бывает** лето,*

*А остальное время **бывает** зима.*

*Зимой дни **бывают** такие короткие...*

*...но человек **сказал**: «Нитки нехороши, мне нужны нитки самые тонкие».*

*Пряха **сказала**: «Если тебе эти не тонки, так вот тебе другие».*

*Он **сказал**, что не видит.*

*Пряха **сказала**: «Оттого и не видишь, что очень тонки».*

Весьма показательное использование этого способа ритмизации в рассказах Л. Н. Толстого, составленных на основе детских сочинений первой Яснополянской школы. В частности, в рассказе «Как мальчик рассказывал про то, как его не взяли в город» ритмика строится на перекличке оборотов *а я ему говорю* и *а он говорит*, которая повторяется на протяжении текста небольшого рассказа трижды.

Особый притчевый характер толстовских рассказов для детей отмечался многими исследователями. Сама *притчевость*, если так можно назвать эту стилистическую характеристику, строится не только на использовании форм народного сказа, но и на введении языковых черт классических текстов, например, религиозных — евангельских, и шире — библейских.

Так, в были «Камень» синтаксис весьма напоминает построение евангельских притч: *До тех пор буду носить этот камень, пока не придется и мне бросить в него... И пришло это время...* Аналогичные приемы используются в басне «Обезьяна». Уже сам его зачин — евангельски-притчевый: *Один человек пошел в лес...* Подобные евангельские зачины можно отметить в были «Камень», баснях «Тонкие нитки», «Обезьяна», «Осел и лошадь», «Баба и курица», «Дележ наследства».

Басня «Лев и мышь» иллюстрирует использование Толстым синтаксически коротких библейских конструкций с прямым для русского языка порядком слов в грамматической основе: *Лев стал. Мышь пробежала. Он проснулся и поймал ее. Мышь стала просить... Лев засмеялся...*

К числу притчевых синтаксических приемов следует отнести и многократную негативацию. Например, в басне «Старый дед и внучек»: *Ноги у него не ходили, глаза не видели, уши не слышали, зубов не было.*

Следует указать на то, что Л. Н. Толстой наделяет в данный период своего творчества притчевой формой сугубо светское содержание. Впоследствии он будет использовать притчевые формы для передачи своих религиозных идей. Но к детским книгам для чтения это еще не имеет отношения.

В «Первой русской книге для чтения» Л. Н. Толстой использовал также другую эпическую манеру, характерную русскому устному народному творчеству, — сказочную. Эта манера существенно отличается от притчевой, поскольку она лежит в русле русских бытовых сказок и, в сравнении с притчевой манерой, отличается подробной детализацией, досказанностью всех мотивов, разветвленными предложениями, прямыми смыслами слов, минимальной аллегоричностью, незначительными подтекстом и затекстом.

В манере русской бытовой сказки созданы «Липунюшка» (сюжетная основа взята из сборника И. А. Худякова «Великорусские сказки») и «Мальчик с пальчик» (авторская обработка общеевропейского сюжета, встречающегося в сборниках Ш. Перро, бр. Гримм, Ф. Гофмана и др.).

Разумеется, языковое своеобразие толстовского текста связано во многом с лексической тканью повествования. Амбициозная задача, которую выдвигал Л. Н. Толстой для своей Азбуки и продолжающих ее книг для детского чтения, — чтобы по ним учились «несколько поколений русских детей, от мужицких до царских», — проявлялась в том, что он использовал большое количество разговорных слов, которые, по его мнению, «облегчают усвоение идей» (в первую очередь детьми из народа). Подобной лексикой пестрят все рассказы, созданные на основе детских сочинений (примеры таких слов: *батя, увидала, прихаживал, промеж, ввечеру, приснастился, портки* и мн. др.). Аналогичную роль играют диалектизмы и специальные промысловые слова (например, пчеловодческие в рассказе «Как мальчик рассказывал о том, как он дедушке нашел пчелиных маток»: *осек, роевня, отроиться, колода, трубетъ, связла* и др.).

Стилю Л. Н. Толстого характерно использование устойчивых словесных конструкций, являющихся фразеологизированными или

уподобленных им. Часть таких конструкций взята из народной речи. Например, *где нам* — при указании на невозможность совершения какого-либо действия (в были «Подкидыш»: *Мы и так бедны, где нам кормить еще ребенка...*). Аналогичный случай в басне «Лгун» с использованием предложно-падежной конструкции *на просторе*: *Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал все стадо.*

Значение конструкции — ‘свободно, без помех, ничего не опасаясь’. Необходимо сказать, что *на просторе* в таком значении, скорее всего, является полноправным фразеологизмом. Это можно заключить по материалам русской классической литературы. В частности, в «Медном всаднике» Пушкина знаменитое *И запируем на просторе* употреблено в том же самом значении. В Толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова к пушкинскому контексту добавлен контекст А. В. Кольцова: *То ли дело на просторе друга к сердцу прижимать.* Это фрагмент стихотворения «Бегство» (1838 г.):

Скучно в тереме весною

Одинокой горевать;

То ли дело на просторе

Друга к сердцу прижимать [Кольцов 1911: 108].

Интересно то, что толковые словари русского языка по-разному трактуют данное значение. Сразу укажем, что ни один из толковых словарей не выделяет *на просторе* как фразеологизм. По нашему мнению, это неправильно, — с чем, собственно, и связан разноречивой трактовкой значения этого предложно-падежного сочетания.

Так, уже упомянутый словарь Д. Н. Ушакова считает употребление *на просторе* абсолютно идентичным переносной семантике существительного *простор*, которое этот словарь относит к разряду книжных слов, а значение ‘свобода, раздолье’ приписывает этому слову, грамматически употребленному только в единственном числе [Ушаков III: 1011].

Малый академический словарь снимает все ограничения (*книжное* и *только в ед. ч.*) для этого значения, но трактует его абсолютно так же — как переносное, вторичное (‘свобода, раздолье’) и иллюстрирует в том числе цитатой из публицистической статьи С. В. Михалкова, где используется фраза *Открывает широкие просторы* (заметим, стилистически небезупречная) [МАС III: 527].

Новый «Большой толковый словарь» (2004 г.) считает данное значение оттенком не переносного, а первичного значения слова *простор*, т. е. значения ‘свободное обширное пространство’, и передает этот оттенок с

иллюстрацией *повеселиться на просторе*, давая скобочный комментарий *также — свободно, без помех* [БТС: 1028].

Повторим, что, на наш взгляд, разницей в трактовках данного сочетания обусловлен тем, что оно является явно связанным и представляет собой, безусловно, самостоятельную языковую единицу — предложно-падежный фразеологизм, который полностью отпочковался как от первого, так и от второго значения существительного *простор*. Такие толкования предлагают составители «Большого академического словаря русского языка» [БАС 21: 278–279].

Детальные комментарии к рассказам для детского чтения дал в полном собрании сочинений Л. Н. Толстого В. С. Спиридонов. Он нашел практически все источники толстовских текстов. Однако помимо строго текстологического (источниковедческого) подхода в комментариях, видимо, следует отражать и то, как этот замысел трансформировался при соединении с другими замыслами автора, т. е. указывать возможные толстовские аллюзии, творческие смысловые приращения, видоизменения и т. д.

В частности, рассказ «Камень» в основе своей содержит фрагмент переводной новеллы И.-П. Гебеля из цикла «Denkwürdigkeiten aus dem Morgenlande» («Достопримечательности Востока») [Спиридонов 1957: 624], однако вполне очевидно, что он иллюстрирует также известный фразеологизм *держат камень за пазухой*, являясь как бы его текстовым развертыванием. При этом отрицательная семантика, содержащаяся в устойчивом выражении («таить злобу», «иметь скрытые намерения повредить, отомстить кому-либо»), экспонируется ходом самого повествования. Эта семантика дидактически нивелируется Л. Н. Толстым в финале рассказа: *Напрасно я так долго носил этот камень: когда он был богат и силен, я боялся его; а теперь мне жалко его*. Это соответствует народно-философским представлениям о злопамятстве, мести и прощении.

Известно заложенное в раннем детстве трепетное отношение Толстого к стихотворениям Иоганна-Петера Гебеля (1760–1826 гг.), отдельные из которых он помнил всю жизнь и при подходящем случае не раз цитировал. Ему, несомненно, были известны переводные идииллии В. А. Жуковского из сборника Гебеля «Алеманские стихотворения». Толстой не мог не обратить внимания на «мягкий дидактизм» и народную тематику стихотворений и прозаических произведений Гебеля, которые идеально отвечали его собственным устремлениям 1870-х гг. Именно поэтому он взял в разработку «Denkwürdigkeiten aus dem Morgenlande».

В. А. Жуковский в комментарии к своим переводам Гебеля дает пространную выписку из отзыва Гете о Гебеле. Приведем ее фрагменты, характеризующие те черты творчества Гебеля, которые стали особенно близки Толстому при создании «Первой русской книги для чтения»: «Гебель видит во всех ... предметах одних знакомцев своих — поселян, и все его стихотворные вымыслы ... напоминают нам о сельской жизни, о судьбе смиренного земледельца и пастуха. <...> Ясность неба, плодородие земли, разнообразие местоположений, живость воды, веселость жителей и милая простота наречия, избранного поэтом¹, весьма благоприятны его прекрасному, оригинальному таланту. Во всем, и на земле и на небесах, он видит своего сельского жителя; с пленительным простосердечием описывает он его полевые труды, его семейственные радости и печали; особенно удаются ему изображения времен дня и года; он дает душу растениям; привлекательно изображает все чистое нравственное... Но так же просто и разительно изображает он и ужасное, и нередко с тою же любезною простотою говорит о предметах более высоких, о смерти, о тленности земного, о неизменяемости небесного, о жизни за гробом — и язык его, не переставая ни на минуту быть искусственным языком поселянина, без всякого усилия возвышается вместе с предметами, выражая равно и важное, и высокое, и меланхолическое» [Жуковский 1902: 260].

Обработка Толстым сюжетов Гебеля и определенная ориентация на его творческие принципы дает понять движение мысли автора «Первой русской книги для чтения», на которое в свое время обратил внимание Ю.С. Сорокин: «...При обращении непосредственно к читателю из народа дело не может сводиться лишь к требованию «понятности слова» или к использованию специфических форм народно-разговорного языка. Все резче выступает другое требование к пишущему для народа — требование стать на точку зрения народа, проникнуться его воззрениями, исходить из его стремлений» [Сорокин 1978: 327].

В произведениях «Первой книги...» Толстой стремился использовать нетривиальные единицы паремиологического фонда языка. Так, описание «Море» заканчивается пословицей *Кто на море не бывал, тот богу не маливался*. В данной форме пословица не зафиксирована паремиологическими собраниями русского языка и выступает как оригинальная авторская черта толстовского текста. Значение пословицы связано с

¹ Гете имеет в виду так называемое алеманское (аллеманское) наречие немецкого языка, распространенное в окрестностях швейцарского г. Базеля, на котором были созданы идиллины Гебеля. Отсюда название стихотворного сборника — «Алеманские стихотворения».

напряженно-настороженным отношением русского человека к морской стихии, грозящей ежеминутной опасностью. Данная поговорка входит в следующий ряд, зафиксированных Далем паремий: *Тихо море, поколе на берегу стоишь. Хорошо море с берегу. Жди горе с моря, беды — от воды. Хвали море с полатей. Кто в море не бывал, тот и гора не видал. Дальше море — меньше горя* [Даль II: 904].

Таким образом, «Первая русская книга для чтения» Л. Н. Толстого, синтезируя «особенности живого говорения», «народной разговорной речи» и языковые элементы литературного «книжного стиля» [Сорокин 1978: 328] второй половины XIX в., представляет собой незаменимый источник практической работы лексикографа, изучающего особенности русского языка названного периода.

Литература

- БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 21. М.—СПб., 2012.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2004.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. М., 1994. (Репринт издания 1903–1909 гг. Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ).
- Жуковский В. А. Идиллии из Гебеля // Сочинения В. А. Жуковского. Полное собрание в одном томе. М., 1902. С. 260–267.
- Калиновская В. Н. «Словарь русского языка XIX века» как особый тип исторического словаря // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб., 2005. С. 25–29.
- Кольцов А. В. Полное собрание сочинений. СПб., 1911.
- МАС — Словарь русского языка в 4-х т. Гл. редактор А. П. Евгеньева. Издание четвертое. М., 1999.
- Сорокин Ю. С. Взгляды Л.Н. Толстого на народный и литературный язык и эволюция толстовского стиля // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978. С. 308–334.
- Спиридонов В. С. Первая русская книга для чтения. Примечания. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 21. М., 1957. С. 623–633.
- Толстой Л. Н. Новая азбука и Русские книги для чтения // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 21. М., 1957.
- Толстой Л. Н. Письма. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 20 т. Т. 17. М., 1965.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка в 4-х. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Герд Александр Сергеевич

Институт лингвистических исследований

Российской академии наук

Россия, г. Санкт-Петербург

Большой академический словарь русского языка как словарь-тезаурус

В разное время, особенно в конце XX века вновь и вновь возникали разговоры о том, что хорошо бы иметь словарь русского языка шахматовского типа. Подобные идеи высказывались, в частности, в 1990 году в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР при обсуждении проекта будущего нового академического словаря [Очередные задачи 1995].

Посмотрим ещё раз на эту проблему в свете выходящих в свет томов нового Большого академического словаря русского языка (БАС–3).

Как известно, А. А. Шахматов видел полноту словаря в привлечении в качестве источников, помимо произведений классиков русской литературы, материалов диалектов, фольклора и частично терминологии [Очерки 1998].

В начале XX века и вплоть до середины 1920-х годов исследования по языку города и шире — русской разговорной (недиалектной) обиходной речи — только зарождались (Б. А. Ларин, В. М. Жирмунский, Е. Д. Поливанов). Язык газет, выходивших даже только в Петербурге — Петрограде, также практически не привлекал внимания лексикографов.

Такое положение и отразили выпуски словаря, начатого Шахматовым и продолженные его последователями, а также неоконченный Словарь русского языка Комиссии по русскому языку АН СССР, начатый в 1929 г.

Литературный язык, как он представлен в русской классической и советской литературе, и стал впоследствии основным объектом словарей русского языка вплоть до 70-х годов XX века. Исключение составила Группа новых слов и значений, организованная в 1965 году в ЛОИЯ Н. З. Котеловой; см. также «Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения» под ред. Г. Н. Складчиковой.

Говорить в наши дни о едином всеобъемлющем словаре русского языка сложно хотя бы уже потому, что количество одних терминов в языках для специальных целей отдельных наук насчитывается сотнями тысяч, а порой уже и миллионами. Переводные и терминологи-

ческие словари занимают сегодня первое место в мире по числу публикаций как бумажных, так и электронных.

В то же время в целом мировая лексикография идёт, с одной стороны, по линии создания больших многотомных словарей академического типа, а с другой — в направлении углубления типов словарей по запросам общества, растёт число разных переводных и многоязычных словарей, электронных словарей, появились словари для иммигрантов, словари-разговорники. Оба эти направления сопровождаются усилением внимания к семантической и энциклопедической стороне описания слова.

Как известно, Академия наук СССР в 50–60-е годы XX века пошла по пути создания не единого словаря шахматовского типа, а системы словарей, отражающих разные формы существования языка. Так, в Ленинграде началась работа над Словарём русских народных говоров и циклом исторических словарей, словарей новых слов и значений [Сороколетов 2011].

Сегодня СРНГ близится к своему завершению и насчитывает уже 46 томов, и это не считая фундаментальных многотомных ареально и семантически глубоких диалектных словарей по всем областям России. Появилось немало словарей жаргонов. В Москве в ИРЯЗ им. В. В. Виноградова ведётся работа над новым малым словарём русского языка и словарём активного типа.

В Санкт-Петербургском университете создаётся Словарь живого русского языка. Уже более 50 лет в различных направлениях идёт работа над толковыми словарями в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина.

Итак, если мы оставим в стороне диалектную лексику и сотни тысяч узко специальных терминов, то что же остаётся за вычетом этих пластов лексики русского языка? Остаётся только обиходно-разговорная речь разных социальных групп в различных ситуациях. В то же время, как известно, одной из основных тенденций развития современного русского языка является его интеллектуализация. Не только письменный язык, язык газет, журналов, художественной литературы, но и обиходно-разговорная речь с каждым днём всё более обогащается новыми терминами науки и техники.

Недавний опыт работы над Словарём общеупотребительных специальных терминов русского языка показал, насколько современный русский язык и прежде всего обиходная речь насыщены вышедшими из узкого употребления и уже ставшими широко известными

терминами истории, политического дискурса, информатики, космонавтики, медицины, юриспруденции, экономики, делового общения.

Так, например, в БАС–3 из современной художественной литературы вошла почти вся терминология общения пользователя с компьютером, десятки названий болезней, юридических и финансовых терминов и т. д. Например, в Словарь достаточно широко включены современные общеупотребительные термины, такие как *лазер, модем, мониторинг, нейропсихология, нейрофизиология, маммология, неонацизм, оригинал-макет, оффшоры, парадигматика, паранаука, перцепция, праймериз, реинжиниринг, реституция, рефинансирование, римейк, реновация, риэлтер*.

Надеемся, что ушли безвозвратно в прошлое времена дискуссий о космополитизме, вейсманизме-морганизме, времена развешивания эпитетов типа «буржуазный», «реакционный», «идеалистический» и т. п. В БАС в определениях терминов мы стараемся избегать любых оценочных эпитетов и оценок.

Таким образом, можно думать, что сотни терминов, достаточно известных среднему носителю языка начала XXI века, найдут отражение в БАС–3¹. В БАС–3 включены широко распространённые сложносокращённые слова и аббревиатуры, как ДНК, НИИ, НЛО.

Другой основной тенденцией современного русского языка является его демократизация. Стиль современной разговорной речи с позиции норм 60–80-х годов XX века — это почти полупросторечие. Сегодня даже в устной литературной речи звучат сотни слов, не зная которых, порой нельзя понять, о чём говорят окружающие, и что главное для БАС–3 — все такие слова широко представлены в современной русской литературе в романах, повестях, рассказах, драматургии стихах и текстах песен. Не зная их, порой нелегко понять и сам текст.

Из просторечных и разговорных слов в БАС–3 включаются слова и словосочетания, получившие достаточно широкое распространение в языке художественной литературы, публицистике.

Так, в БАС–3 с соответствующими пометами *Разг.* и *Прост.* помещены такие слова и семантические новообразования, как *кайф, кайфовать, лабуда, мелочёвка, микроволновка, минералка, незаладиться, ненамного, новодел, отзаседать, отзаседаться, отзвонить*

¹ Сводный тезаурус научно-технических и деловых терминов разных отраслей знания любого развитого языка — предприятие утопичное, а с практической точки зрения — для специалистов абсолютно ненужное.

ся, отморозок, охламон, очник, мутота, никчемуха, охмурять, пет- рить, подстраховка, потрясный, приколы, прикольно.

Не включается обценная лексика, слова грубо-непристойные и их производные.

В этом отношении БАС–3 в уже вышедших томах широко отра- зил русскую обиходно-разговорную речь конца XX — первой полови- ны XXI века. БАС–3 не использует прямо в качестве источников чаты и блоги Интернета, но, хотим мы этого или нет, почти вся их лексика есть в современных художественных текстах.

Таковы два противоположных берега широкого потока русской лексики — термины и слова разговорно-просторечные. Однако, ко- нечно, главный массив БАС–3, как и словаря Грота–Шахматова, и БАС–1, составляет основной лексический фонд русского языка, пред- ставленный словами типа *жизнь, любовь, ненависть, место, бежать, идти, стремиться, страдать, сострадание, являться.*

В БАС–3 резко возросло число производных слов. Так, новых слов с первой частью *лес-* (*лесо-*) — 46, с первой частью *мало-* — 42, с первой частью *магнито-* — 9, с первой частью *меж-* (*между-*) — 50, с первой частью *микро-* — 48, с первой частью *много-* — 63, с первой частью *орг-* — 10. Широко представлены цепочки типа оправданный, оправданно, оправданность, оправдаемость; опредмечивать, опредме- чение, опредмечивание, опредмечиваться.

При сравнении со словарем современного русского языка в 17 томах (БАС–1), в БАС–3 новых слов, не учитывая значений, в 6 томе (буква З) — более 650, в 7 томе (И–К) — 580, в 8 томе (К) — 836, в 9– 10 томах (Л, М) — 1439, в 11 томе (Н) — 210, в 12 томе (Н) — 540, в 13 томе (О) — 410, в 14 томе (О) — 480, в 16 томе (П) — 310, в 18 то- ме (П) — 506, в 19–20 томах (П) — 995; это составляет в среднем по 500 (535) новых слов на один том.

Что касается иллюстраций, то БАС–3 в традициях Грота, Шах- матова, широко использует тексты оригинальных произведений худо- жественной литературы на русском языке. Источниками сегодня здесь являются Словарная картотека ИЛИ РАН (как показал опыт работы над БАС–3, многие слова из картотеки не были учтены в БАС–1), со- временные электронные корпуса текстов и лексики и прежде всего Русский национальный корпус, а также обширный корпус текстов «Лексикограф», созданный А. А. Бурыкиным.

В иллюстрациях значений БАС–3 сохранил, а во многих случаях и добавил все цитаты из русской классической и советской литературы, из произведений русских писателей-эмигрантов 1918–20-х годов: М. А. Алданова, А. В. Амфитеатрова, М. Арцыбашева, Н. Н. Берберовой, Н. А. Бердяева, И. А. Бунина, Г. И. Газданова, З. Н. Гиппиус, Тэффи и др.

БАС–3 достаточно последовательно цитирует В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, А. В. Луначарского, особенно при определении общественно-политических и философских терминов начала XX века, отражая тем самым русскую общественную жизнь эпохи. Например, это такие термины, как *социал-демократизм*, *социал-империализм*, *социал-империалистический*, *социал-патриот*, *социал-шовинист*.

В принципе, за очень редким исключением, в БАС–3 газеты не цитируются. Однако одним из важных источников словаря являются достижения группы новых слов и значений ИЛИ и сам Словарь новых слов и значений, откуда БАС–3 извлекает все новые слова из языка газет, в том случае, если они вошли в обиход и в язык современной литературы.

В БАС–3 резко увеличено число иллюстративных примеров на значение (от одного-двух в БАС–1 до шести-семи в БАС–3). Вне употребления слова в тексте значение слова понять нельзя. В современных томах БАС–3 уже почти нет слов без цитат.

Одна из главных особенностей БАС–3 — показывая жизнь слова, он стремится заканчивать каждое значение иллюстрациями из источников 1990–2000-х годов, из авторов, современных по отношению ко времени создания словаря. Это такие авторы, как А. Азольский, В. Аксёнов, Б. Акунин, П. Алешковский, Г. Боровик, В. Быков, Д. Быков, И. Васильев, С. Довлатов, А. Маринина, В. Пелевин, Д. Рубина, А. Солженицын, А. и Б. Стругацкие, Л. Улицкая, М. Шишкин и мн. др. В результате список источников пополнился более чем на 500 новых авторов. Список всех источников и авторов Словаря (БАС–3) составит его последний том.

В БАС–3 включаются все слова и новые цитаты на старые значения из произведений современной художественной литературы, но во многом язык этих произведений — это зеркало современной обиходно-разговорной стихии. В связи с этим усилен стилистический аспект словаря. В зависимости от характера иллюстраций последовательно выделяются слова и значения просторечные и разговорные, устарелые и устаревающие, профессиональные. Несколько шире, чем в БАС–1 БАС–3 привлекает язык поэзии. Словарь общенационального языка, естественно, не может отразить особенности индивидуально-

авторского словоупотребления отдельных писателей; это задача словаря языка писателя.

По-прежнему широко включены в БАС–3 церковнославянизмы, употребительные в современном языке, однако здесь при определении состава словника словаря современного языка более сложная проблема состоит не столько в пополнении словаря новыми словами, сколько в исключении слов уже устаревших, вышедших из употребления¹.

Во многих случаях в словаре усилена дифференциация значений в рамках одной словарной статьи. Резко возросло число типовых лексически связанных словосочетаний, помещённых за знаком \diamond . С одной стороны, это сотни терминов-словосочетаний, таких как *период функции* (величина, при прибавлении которой к независимой переменной величине значение функции не изменяется); *перископная глубина* (глубина погружения подводной лодки, обеспечивая наблюдение с помощью перископа); *персональное дело кого-л.* (общественное разбирательство предосудительного поведения, проступка члена коллектива на заседании его общественного органа); *рыночная экономика*.

С другой стороны, это множество типовых разговорных клише и штампов, частично фразеологизмов, таких как *позабыть нельзя, не позабыть никогда, вовек и т. п. кого-, что-л.* (о ком-, чём-л. выдающемся, знаменитом, очень значительном в жизни кого-, чего-л.); *не позавидуешь кому-л.* (употр. для выражения сожаления в связи с постигшей кого-л. неприятностью, неудачей и т. п.); *братъ, взять кого-л. на понт* (раззадоривать, вызывать желание активно отреагировать на что-л.); *искать популярности* (стремиться стать известным, уважаемым, почитаемым); *порушить планы; прийти не к месту; тянуть резину; без разницы* (несущественно, не имеет никакого значения); *большая разница* (совсем другое дело); *какая разница* (не всё ли равно).

Исторически БАС–1 во многом сложился на основе Словаря Грота – Шахматова и Словаря Словарной Комиссии АН СССР. БАС–3 не ломал основную метаструктуру своих предшественников (Словарь Грота – Шахматова, Словарь Комиссии по русскому языку АН СССР и БАС–1).

В то же время по полноте словника и значений БАС–3 находится в двух шагах от словаря современного русского языка тезаурусного типа.

¹ Обилие живых церковнославянизмов в словаре XXI века заставляет вновь вспомнить мысли А. А. Шахматова о церковнославянской основе письменного русского литературного языка.

Возможен ли полный тезаурус русского языка, включающий все формы существования языка — от диалектов и жаргонов до терминологии? Сегодня, благодаря успехам техники, возможен, но этот вопрос требует особого обсуждения...

Литература

- Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995.
Очерки истории русской лексикографии / Ф. П. Сороколетов. СПб., 1998.
Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. 1928. Вып. 3.
Поливанов Е. Д. Задачи социальной диалектологии русского языка // Родной язык и литература в трудовой школе. 1928. № 2. С. 4–5.
Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
Сороколетов Ф. П. Русская лексикография в Академии наук // Ф. П. Сороколетов. Избранные труды. СПб., 2011. С. 127–150.
БАС–1 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.–Л., 1948–1965.
БАС–2 — Словарь современного русского литературного языка. Ред. К. С. Горбачевич. Т. 1–6. М., 1991–1994.
БАС–3 — Большой академический словарь русского языка / К. С. Горбачевич. Т. 1–23. СПб., 2004–2015. (изд. продолж.).
История Большого академического словаря русского языка. The history of the Great Academic Dictionary of the Russian Language. An introduction to the Great Academic Dictionary of the Russian Language by Mark M. Karamian and Stanislav A. Golovan. London, San-Francisco, Acapulco: Σύμμα, 2012.
СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43. / Гл. ред. Ф. П. Филин; Ф. П. Сороколетов. М.–Л./СПб., 1965–2013. (изд. продолж.).
Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. СПб., 1998.

Пурицкая Елизавета Владиславовна
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

**«Большой академический словарь русского языка»:
шахматовские идеи и литературный язык нашего времени**

Концепция академического словаря А. А. Шахматова была признана «научной вершиной русской лексикографии» [Ковтун 1971], но замысел ученого считался неосуществимым. Сегодня сама лексикографическая практика примирила эти два взгляда существованием словарей разных типов: нормативных словарей литературного языка, а также диалектных, исторических, терминологических и др. — и, очевидно, дело только будущих технологий свести эти словари в одну интегративную базу. Не утрачивает своей актуальности для современной лексикографии и мысль Шахматова, высказанная им в Предисловии ко II тому Словаря русского языка: «в основу словаря должен быть положен современный наш живой язык», и о том, что живая речь служит «цементирующей основой языка нации» (цит. по: [Ковтун 1971: 64]). Сегодня эта «живая речь» гораздо более общепотребительна и объединяет большие группы людей, нежели во времена Шахматова, поскольку картина национального языка сильно изменилась: диалекты постепенно размываются, а литературный язык как нельзя более сблизился с народным, в язык художественной литературы проникают единицы из самых разнообразных форм национального языка, от узкоспециальной терминологии до единиц субстандартных слоев. Можно сказать, что современный академический словарь — «Большой академический словарь русского языка» (БАС), стремящийся по возможности отразить современную языковую ситуацию путем включения новых материалов, стоит даже ближе к шахматовским идеям, чем предшествующие «поколения» академических Словарей. Однако современные лексикографы сталкиваются с трудностями, которые А. А. Шахматов вряд ли мог предвидеть. Резкие социальные изменения XX в. повлекли и столь же радикальные изменения в языке. И если от языка революционной эпохи и советского времени нас отделяет значительный временной период и эти изменения уже нашли отражение в целом ряде словарей, то гораздо сложнее описывать в словаре те явления, которые наблюдаются в живом языке со-

временности. В 1990-е гг. наше общество всячески открещивалось от своего недавнего прошлого, от надоевшей официальной идеологии, «суконной» публичной речи, языковых штампов, обязательных ссылок на классиков — эту реакцию отразила и лексикография (появляются, например, такие словари, как «Словарь языка Совдепии»). Но уже через четверть века тексты художественной литературы, публицистика и даже живая разговорная речь показывают, что советское прошлое воспроизводится, а отчасти даже идеализируется в массовом сознании, а соответствующие слова и устойчивые сочетания активно употребляются, причем зачастую совсем не в тех значениях и не с теми коннотациями, как они описаны в ранее изданных словарях.

В БАС используются различные приемы лексикографического описания, позволяющие отразить тонкости семантики и аксиологии единиц современной живой речи. Возможно расширение толкования лексического значения слова путем введения исторического комментария, например: *амора́лка*: ‘аморальное поведение в быту (в советское время подлежащее обычно административному порицанию, наказанию)’. Кроме того, применяются экспрессивные и семантикостилистические пометы: *аги́тка* 1. В советское время — небольшое литературное, живописное и т. п. произведение, имеющее целью политическое воздействие на массы. 2. *пренебр.* О произведениях литературы и искусства, преследующих лишь агитационные, пропагандистские цели и не отличающихся художественными достоинствами. Если же из толкования или из контекста оценочность слова не ясна, то семантикостилистические комментарии могут вводиться в толкование: *барахлó* ‘предметы личного или домашнего обихода (обычно с оттенком пренебрежения)’.

Однако нередко в пределах одного значения или одной филиации одно и то же слово может звучать и пренебрежительно, и нейтрально, и нести положительную оценку — в зависимости от того, когда и где написано произведение, от политической позиции автора, от его социальных характеристик и т. д. В таких случаях лексикограф сталкивается с проблемой: как соблюсти принципы историзма (т. е. показать вариации употребления слова в хронологической перспективе на каждое деление словарной статьи), но при этом оставаться объективным в определениях и не ставить читателя словаря в ситуацию, когда он вынужден самостоятельно сопоставлять разнородный материал и делать выводы. Примером может служить прилагательное *советский*. С целью ограничения материала рассмотрим сочетание *со-*

ветский человек, весьма частотное в художественной литературе с начала 1920-х гг. до наших дней. Значение прилагательного в этом сочетании можно определить как ‘разделяющий ценности, идеологию советского общественного строя’ или, если использовать определение из «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, ‘преданный советской власти’ [Ушаков IV: 342]. Это определение можно подкрепить множеством контекстов самого разного времени из произведений самых разных авторов, от лауреатов Сталинской премии (В. Кетлинская) до В. Гроссмана и А. Солженицына: *И потом я думаю о вас. Вы же наши, советский человек. А живете вы не так, не по-хорошему, примиренчески живете.* (В. Кетлинская, Мужество, 1934); *Так могла переживать женщина в старых романах, они ведь ничего не делали. А она советский человек, у нее есть чувство достоинства, милостыни ей не нужно.* (И. Эренбург, Оттепель, 1953); *Соня поступила патриотично: окончила школу и осталась в колхозе. Соня поступила как советский человек. — А кто в институт поступает — не советский?* (В. Панова, Сестры 1965); *Вы права не имеете людей на морозе раздевать! Вы девятую статью уголовного кодекса не знаете!... — Вы не советские люди! — долбаёт их [надзирателей] капитан.* (А. Солженицын, Один день Ивана Денисовича, 1968); *Я поздравляю тебя, Александр. Ты хоть и поздний наш ребенок и с поздним развитием, но вырос настоящим советским человеком, я могу только гордиться.* (Г. Владимов, Не обращайтесь вниманья, маэстро, 1982); *Всегда все росло и процветало, всегда был небывалый урожай, и она — истинно советский человек, сестра и женщина — считала нужным делиться с бедными, одновременно гордясь собой и хвастаясь мужем, его положением и силой его власти.* (Г. Щербакова, Дивны дела Твои, Господи..., 2001.)

Заметно, что в приведенных контекстах сочетание **советский человек** содержит положительную оценку, которая усиливается в конструкциях с отрицанием и в сочетаниях со словами **наши, настоящий, истинно**, также выражающими одобрение. Важно и то, что описывается конкретный человек — герой художественного произведения.

Но возьмем другие примеры — фрагменты из произведений современной литературы: *Ей [Ире] было предписано прилежно или не очень изучать заковыристые электрофизиологические методики, что она и делала с присущей советскому человеку прохладцей — ибо советский человек, кем бы он ни работал, старался не перенапрягаться.* (Г. Маркосян-Каспер, Кариатиды, 2003); *Вот почему с таким вооду-*

шевением, когда появилась возможность, бывший **советский человек**, а ныне мелкий бизнесмен или ничтожный клерк, который вполне мог бы обойтись и, как говорится, пешим ходом и поездкой на городском транспорте, обзавелся чаще всего плохим, старым, давно вышедшим из моды в Европе автомобилем. (С. Есин, Маркиз Астольф де Кюстин, 2008); *Curriculum vitae*. В 1982 году **советский человек** еще понятия не имел, с чем едят эти два плохо выговариваемых слова. Не знал он, конечно, и сокращения *CV*, которое произносится как «сиви». (В. Аксенов, Новый сладостный стиль, 2005); *И всю дорогу, как недавний советский человек*, Алексей боялся, что на иркутской таможне (летели через Иркутск) его обыщут и деньги отберут. (Р. Солнцев, Полураспад, 2002). В данных контекстах сочетание **советский человек** выражает осуждение, а существительное **человек** употребляется в единственном числе со значением собирательности, что является языковым отражением генерализации, выделения группы людей на основании свойств, качеств и т. п. (т.е. «советский человек» входит в некую группу, члены которой обладают определенными качествами, присущими данной группе, причем качества эти отрицательные).

Феномен «советского человека» изучался социологами — Ю. Левада написал книгу, которая так и называлась «Советский простой человек», а сегодня ученые Левада-центра изучают, «какие черты советского человека унаследовал современный россиянин». В передаче радио «Свобода», посвященной этому проекту, зашла речь и о литературе. Социолог Лев Гудков заметил: *«И если посмотреть на то, как это [советское прошлое — Е. П.] представлено в нашей литературе, то все-таки реально описаны совершенно другие отношения, не лозунговые. Я напому роман Астафьева «Прокляты и убиты», там от лозунгового патриотизма остается очень мало. Показана реальная жизнь, довольно мерзкая, насильственная и жуткая»*. [Какие черты... 2011]. Однако задача объективного лексикографа — описать функционирование лексических единиц равно в «лозунговой» и «нелозунговой» литературе, соответствующим образом комментируя различия в их употреблении.

Одна из ярких особенностей языка советской эпохи — лозунги, штампы, клише, слова и выражения, отражающие официальную идеологию. Исследователи выделяют две основных характеристики официального советского языка: формульность и ритуальность. Определенные формулы произносились в определенной обстановке, и как бы они ни звучали, весь смысл их употребления сводился к соблюдению ритуала [Вахтин, Головкин 2004: 205–224]. Функционирование их в

современном языке, в том числе и в языке художественной литературы, определяет не столько существование советского идеологического дискурса, сколько отношение к нему «простого советского человека» — автора или героев произведения — отраженное в художественном тексте. Это отношение часто принимает форму «языкового сопротивления» [Вежбицка 1993]. Языковое сопротивление — это шутивное, ироничное употребление, обыгрывание идеологических штампов, клише (на таком обыгрывании часто строятся политические анекдоты, зачастую неприличные), переделывание лозунгов: *прогрессивное человечество, светлое будущее, вперед, к победе коммунизма, народ и партия едины, пятилетку — за три года* и др. Но если ранее такого рода языковые явления оставались фактами разговорной речи и не могли попасть в язык художественной литературы благодаря существованию цензуры (или попадали только в неподцензурные произведения), то сегодня «границы между устной и письменной речью в лексике и синтаксисе разрушаются на глазах. С каждым днем все труднее найти разговорные слова, которые не проникали бы не только в язык газет или рекламы, но и в язык романов, рассказов, в поэзию» [Герд 2013: 134]. На первый взгляд, сложности в словарном описании таких явлений нет, можно ограничиться пометами шутил. или ирон. Но прежде чем ставить такую помету или как-то иначе комментировать необычное употребление слов и сочетаний, очевидно, необходимо объяснить, что иронически обыгрывается именно идеологический штамп (возможно, целесообразно даже ввести помету «идеологическое»). Приведем примеры «правильного» (в идеологизированной речи) и неправильного — шутивного или ироничного — употребления штампов:

прогрессивное человечество

— *Товарищи, — начала она простуженным и прокуреным голосом и потерла замерзший нос, — сегодня все советские люди, все прогрессивное человечество отмечает славный юбилей нашего величайшего современника, мудрого вождя, учителя народов, корифея всех наук, выдающегося полководца, всем нам родного и любимого товарища Сталина.* (В. Войнович, Монументальная пропаганда, 2000) (случай «правильного» употребления штампа);

Становилось шумно. Гармошка издавала пронзительные звуки. Мой новый знакомый возбуждённо кричал: — Взгляни на это прогрессивное человечество! На эти тупые рожи! На эти тени забытых предков!.. Живу здесь, как луч света в тёмном царстве... (С.

Довлатов, Заповедник, 1983) (с иронией, о деревенском сообществе, случай обыгрывания штампа);

Для наших родственников, друзей, знакомых и вообще для всего прогрессивного человечества мы в настоящее время находимся в Сочи, отдыхаем после крупного выигрыша на берегу моря. (А. Гладилин, Большой беговой день, 1976) (с иронией).

светлое будущее

В последний раз проезжаем по замершим улочкам Кабула, мимо знакомых плакатов в центре города: «Светлое будущее — коммунизм», «Кабул — город мира», «Народ и партия едины». (С. Алексиевич, Цинковые мальчики, 1984–1994 (правильное употребление — в составе штампа);

Когда крышка легла на гроб, Пал Палыч поневоле ухмыльнулся: с боку её, как штамп, на кумаче обтяжки были видны жёлтые серп и молот. "Дожили, старый. Гроб подзаборный, это понятно, а на обёртку какое светлое будущее пошло?" "А ты не знаешь? — взметнулся в сердцах мастеровой. — Фабричный матерьял весь, что был, умыкнули на радостях, а из клуба флагов красных притащили целых два ящика». (О. Павлов, Карагандинские девятины, 2001) (употреблено с иронией — о кумачовых флагах, неизменном символе советской идеологии);

Потом еще и венгр, тоже собрат по светлому будущему, не поленился — направился к русским симпатичным девушкам, к художественным натурам, которые выше низменных потребностей. Е. Шкловский, Другая (1990–1996) (с иронией — в составе конструкции «собрат по светлому будущему», о представителе одной из социалистических стран).

стройка века

За рубежами нашей страны БАМ называют величайшей стройкой века, магистралью, равной по значению Суэцкому и Панамскому каналам и Великой Сибирской магистрали. (И. Розанов, М. Борозин, Магистраль открытий и обновлений, 1974); *Просто люди были действительно нужны: чтобы поднимать целину, вкалывать на стройках века, прокладывая магистрали через тайгу и от Венеры до Марса, точить оружие на станках, служить в самой большой армии мира; даже для того, чтобы устраивать величественные парады два раза в год — без людей никак нельзя было обойтись.* (Г. Садулаев, Бич Божий, 2008) (правильное, идеологическое употребление);

[Ирина Васильевна:] — *А дом ты свой, Петя, так и не достроишь ... — Оставь-ка ты пока свою стройку века. Тебе денег надо за-*

работать? (С. Каледин, Записки гребкопателя, 1987) (с иронией — о затянувшемся строительстве);

*Занесло его [Эль Греко] в Толедо, отсюда ринулся за заказом в Эскориал: **стройка века там, понимаете ли, шла — грандиозная кормушка для всей художнической шатиш-братиш...*** Д. Рубина, Белая голубка Кордовы, 2008 (с иронией — о грандиозном строительстве).

В современном языковом обиходе прослеживается еще одна интересная тенденция. От некоторых слов и выражений советского прошлого осталось только их «отражение» — т. е. слово не употребляется в прямом, исходном значении, а лишь в шутовом, ироническом смысле, и иногда возникает подозрение, что говорящий или пишущий — а это обычно молодой, не слишком образованный и грамотный пользователь Интернета — не знает исходного значения слова (подобно булгаковскому управдому Никанору Ивановичу, который не читал произведений Пушкина, хотя самого Пушкина, видимо, хорошо знал, поскольку повторял: «А за квартиру Пушкин платить будет?»). Примером такого «отражения» может служить существительное **колхоз**. В БАС [VIII: 269] выделено переносное значение: **колхоз** шутол. 'о многочисленном семействе или большом дружном коллективе (работников, сотрудников и т. п.)'. Однако в современной разговорной речи у слова **колхоз** развиваются и другие переносные значения: «*На самом деле я такую штучку видел давно уже, еще до приобретения своего марка, но вот не знаю где взять, или как заказать, т.к в английском не бум-бум. Можно и самому попробовать сделать, но это будет **колхоз**. Хочется настоящую!*» (Интернет-форум по фотографии); «*Машина всегда мылась, всегда отполирована. Проводка вся перебиралась, все по «теме», никакого **колхоза!***» (объявление о продаже автомобиля); образуются глаголы **колхозить**, **наколхозить** 'делать / сделать что-л. кустарно, непрофессионально' (*Та же фигня была в офисе. Ну, просто **наколхозили** из того же самого Армстронга эту-кую перевернутую усеченную пирамиду, и все*) (форум по кондиционерам) и даже существительное **колхозность**: «*Прошу бывалых мастеров меня «не пинать за **колхозность**» примененных методов сборки*» (мастер-класс по самостоятельному изготовлению мебели). Интересно, что именно колхоз (а не совхоз) в массовом сознании является воплощением кустарной, непрофессиональной работы, неаккуратности, неэстетичного, некрасивого вида и т. д. Похожими примерами могут служить **лампочка Ильича (ильичёвка)** 'лампочка накаливания' (шутл.), **даёшь стране угля** 'как выражение удивления' (шутл.),

стахановец ‘о том, кто проявляет трудолюбие, усердие в работе’ (шутл.), *многостаночник* ‘о том, кто успевает делать несколько дел одновременно’ (шутл.) и др.

Безусловно, не все лексические изменения подобного рода закрепятся в литературном языке — и возникает вопрос, включать ли вообще такие факты в академический словарь. Однако, как отмечают исследователи, «образцом доминирующего в данном языковом коллективе дискурса» сегодня служит не столько художественная литература, сколько «литература, относимая к жанру ‘non-fiction’, то есть литература с минимально декларируемой “художественностью”, а также образцы устного городского фольклора: анекдоты, анонимные “истории из жизни”, вербализующие стереотипы и мифы современного массового сознания» [Плунгян 2008: 14]. Возможно, для описания таких слов необходимы новые лексикографические решения, которые можно будет применять и при создании будущих словарей — или уже и не словарей, а неких «автоматизированных лексикографических систем» (А. С. Герд), которые в XXI в. продолжают традиции академической лексикографии, заложенные А. А. Шахматовым.

Литература

БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–23. М.–СПб., 2004–2015 (изд. продолж.).

Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004.

Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: Механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4.

Герд А. С. Академический словарь в свете современных социолингвистических тенденций // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. IX. Ч. 2. СПб., 2013. С. 131–137.

Какие черты советского человека унаследовал современный россиянин. Проект Левада-центра под названием «Советский простой человек» // Радио Свобода. 25.09.2011 [www.svoboda.org/content/transcript/24332717.html]. Дата доступа 01.09.2014.

Ковтун Л. С. Основная идея шахматовской лексикографии // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 62–68.

Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). 7–20.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. I–IV.

Дескриптивный словарь versus прескриптивный словарь

Основным типом лингвистического словаря является толковый словарь. Это по существу универсальный справочник, содержащий информацию не только о значении слова, но и о его произношении, написании, морфологических признаках, особенностях употребления в речи, этимологии.

Если использовать английскую терминологию, то можно говорить о двух типах толковых словарей: дескриптивных (*descriptive*), т.е. описательных, стремящихся отразить абсолютно всё, что есть и было в данном языке, и прескриптивных (*prescriptive*), т.е. предписывающих, рекомендующих норму употребления слов. В определённой степени это противопоставление соответствует известной щербовской дихотомии: словарь-справочник — словарь академического типа.

В XVII–XVIII столетии ратовали за создание прескриптивных словарей, чтобы очистить язык, придать ему блеск. Это было вполне закономерно: шёл процесс создания национальных литературных языков.

Первым таким словарём стал толковый словарь литературного итальянского языка Академии делла Круска (*Vocabolario degli Accademici della Crusca*), изданный в Венеции в 1612 году. Само название академии (*Accademia della Crusca*) связано с её установкой на очищение языка от всего того, чего не должно быть в нем. Существительное *crusca* в переводе с итальянского означает ‘отруби’. Язык надо было очистить подобно тому, как очищают муку от отрубей.

С начала XIX века лингвистами, в частности британскими, стала проводиться мысль о том, что словарь должен быть не предписывающим, а регистрирующим. Это также вполне закономерное явление: национальный язык необходимо отразить во всех его разновидностях. Но при этом на Западе стали отдавать абсолютное предпочтение дескриптивным словарям. Это можно, вероятно, в какой-то степени объяснить тем, что составители прескриптивных словарей были иногда весьма категоричны. Так, автор самого авторитетного в течение столетия лексикографического словаря английского языка (*Johnson S. A Dictionary of the English Language, in which the words are deduced from their originals, and illustrated in their different significations by examples*

from the best writers. To which are prefixed, a history of the language, and an English grammar. In two volumes. London, 1755) слишком кардинально понимал задачу лексикографа: «Каждый язык имеет свои не-правильности и нелепости: долг лексикографа — их исправить или запретить» (цит. по [Ступин 1985: 70]). Не случайно в своем словаре С. Джонсон использовал много рекомендаций субъективного характера: *bad* (плохое), *elegant* (элегантное), *improper* (неподходящее), *graceful* (изящное), *an unnecessary word which is creeping into language* (не-нужное слово, которое проникает в язык) и т.п.

Лексикограф должен фиксировать изменения, происходящие в языке, а не стараться, как утверждал С. Джонсон, бороться с ними. Субъективизм в лексикографической работе — это большое зло. Как заметил И. И. Срезневский, «лексикографу нет надобности ни хвалить, ни хулить что бы то ни было: он должен только собрать и объяснить факты» [Срезневский 1986: 58]. Подобную мысль высказывал и В. И. Даль: «Составитель словаря не указчик языку, а служитель, раб его» [Даль 1981: XXXIII].

Но всё же основной причиной того, почему стали отдавать предпочтение дескриптивным словарям, было открытие сравнительно-исторического метода в лингвистике. XIX век был веком сравнительно-исторического языкознания. Это не могло не сказаться на лексикографии. В середине XIX века выдвигается идея создания такого словаря, который бы показывал все то, что появилось в языке за весь период его развития. Активно продвигал эту идею англичанин Ричард Тренч, который в ноябре 1857 года выступил с докладом «О некоторых недостатках наших словарей английского языка» в Лондонском филологическом обществе. Эта речь, в которой основной акцент делался на том, что лексикограф — это «историк языка, а не его критик», послужила толчком к созданию Оксфордского словаря английского языка.

Что касается России, то первый толковый словарь русского языка — «Словарь Академии Российской» (1789–1894) — по аналогии со словарями, созданными академиями других стран (Италии, Франции, Испании), был прескриптивным. В Уставе Российской Академии прямо говорится: «Главный предмет Российской Академии состоять должен в обогащении и очищении языка российского» (цит. по [Некрасов 1984: 214]).

«Словарь церковнославянского и русского языка», созданный Вторым отделением (Отделение русского языка и словесности) Императорской Академии наук и увидевший свет в 1847 году отражал лексикой от первых письменных памятников до произведений словесности

первой половины XIX в. Его можно рассматривать как словарь-тезаурус, словарь-сокровищницу.

«Словарь русского языка», начавший выходить в 1891 году, представляет собой как бы двухчастное образование, основанное на разных теоретических принципах: первый том из трех выпусков (А–Д) создавался под руководством Я. К. Грота, последующие тома (после смерти Я. К. Грота) — под руководством А. А. Шахматова.

Словарь русского языка, задуманный Я. К. Гротом, должен был быть нормативным словарем живого литературного языка. В объяснительной записке о новом издании академического словаря, составленной в 1889 году, Я. К. Грот пишет: «Настоящее издание имеет предметом собственно общеупотребительный в России литературный язык в том виде, как он образовался со времен Ломоносова», отмечая при этом, что словарь «стремится к возможной полноте номенклатуры, т.е. списка слов» [Грот 1890: XV].

После смерти Я. К. Грота, который всю свою научную деятельность интересовался лексикографическими вопросами, был хорошо знаком с западноевропейской лексикографией, работой над словарем стал руководить А. А. Шахматов, сферой интересов которого всегда была история русского языка. В результате теоретические принципы словаря были изменены. А. А. Шахматов, вероятно, вдохновлённый начавшим издаваться в 1884 году «Оксфордским словарем английского языка, основанным на исторических принципах» («New English Dictionary on Historical Principles») ¹ и ранее появившимся «Толковым словарем живого великорусского языка» В. И. Даля, решил сделать объектом описания не только живой литературный язык, но и другие разновидности национального языка, прежде всего диалекты. В предисловии ко второму тому словаря прямо говорится о том, что словарь должен отразить современный «живой язык во всей его совокупности, т.е. включить в себя весь словарный материал, представляемый живыми говорами» [Сл. Акад. 1897: VI].

Но, как известно, коней на переправе не меняют. Изменение концепции привело не только к значительному замедлению темпов работы и как следствие к незавершению словаря, но и к тем недостаткам, о которых упоминал Л. В. Щерба (см.: [Щерба 1929]). В тот момент время для создания полного словаря русского национального

¹ Ещё в период обучения в Московском университете (1883–1887) А. А. Шахматов был одержим идеей сделать исторический словарь русского языка, для которого он даже собрал предварительные материалы.

языка еще не пришло. Нужен был нормативный словарь русского языка, на что указывает и Л. В. Щерба.

Автоматическое совмещение в словаре литературных слов с областными, а также жаргонными, профессиональными, окказиональными нельзя приветствовать, оно ничего не дает. Не случайно Л. В. Щерба говорит о том, что «соединены несоединимые вещи: литературное и областное» [Щерба 1929]. Каждая из разновидностей национального языка представляет свою систему. Механически объединять их недопустимо. Аналогичного мнения придерживался и известный испанский лингвист Х. Касарес, обобщивший опыт испанской и зарубежной лексикографии до середины XX века. Спустя около 30 лет после высказывания Л. В. Щербы он пишет: «Что же будет с традиционным словарём Академии, если в него, подобно потоку, сметающему все на своем пути, вольются локализмы? Прежде всего, очевидно, что словарь будет отражать искажённый образ нашей языковой действительности, что нанесёт ему серьёзный ущерб. Традиционный лексический запас, действительный повсюду, будет затоплен наводнением местных вариантов. Наследственное достояние общенационального литературного языка, которое Академия должна хранить и умножать как бесценное сокровище, так как оно является наиболее прочным оплотом общности культурной и духовной жизни всех испанских народов, было бы расчленено, рассеяно и как бы растворено в смешанной лексике, в которой, как уже говорилось, фигурировало бы 20 разных названий одного предмета и каждое слово означало бы 20 разных предметов. Читателю, знакомому только с небольшой частью подобной областной лексики, часто будет казаться, что перед ним словарь незнакомого языка, лишь в некоторых отношениях сходного с испанским» [Касарес 1958: 305]¹. Выход был найден в создании исторического словаря, который «не только предоставляет достаточную свободу для включения всех локализмов, которые окажутся достойны занимаемого места, но он от этого только выиграет» [ibi: 306].

Создание полного словаря живого национального языка требует тщательной проработки принципов такого словаря, чего А. А. Шахматовым сделано не было. Не случайно Л. В. Щерба отмечает, что в данном словаре (в томах, подготовленных после смерти Я. К. Грота на иных теоретических основаниях) «не различены факты

¹ Интересно, что именно это и произошло со «Словарём русского языка», когда работу над ним возглавил А. А. Шахматов. По свидетельству Т. А. Корованенко, «более половины словника составляют собственно областные слова» [«Шахматовская...»: 251].

языка (*lingue*) и факты речи (*parole*), нет ни исторической, ни стилистической перспектив, классификация значений чисто внешняя» [Щерба 1929]. Я не могу согласиться с мнением М. Н. Приёмьшевой, которая считает, что «Словарь русского языка» после того, как А. А. Шахматов стал реализовывать свои идеи, превратился в научное издание, а до этого, последовательно отражая принцип нормативности, был лишь справочником [Приёмьшева 2014: 206]. Тем более что это идёт в разрез с уже приводившейся антиномией Л. В. Щербы «словарь академического типа — словарь-справочник». В качестве примера словаря-справочника Л. В. Щерба приводит как раз «Словарь русского языка» под редакцией А. А. Шахматова, а под академическим словарем понимает нормативный словарь [Щерба 1974: 265–266]. Если следовать логике М. Н. Приёмьшевой, то любой нормативный словарь не является научным изданием.

Деление на прескриптивные и дескриптивные словари, на мой взгляд, в определенной степени условное. По моему мнению, дескриптивным может быть не только полный словарь национального языка, но и словарь отдельных его разновидностей, причём даже определённых временных периодов. К таковым можно отнести, например, «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах, «Большой академический словарь русского языка». Цель указанных академических словарей — с наибольшей полнотой отразить всё богатство современного литературного языка. В этом случае как бы сталкиваются описательный и предписывающий аспекты, т.к. основным признаком литературного языка является его нормативность. Интересно, что американцы отнесли «Большой академический словарь русского языка» именно к дескриптивным словарям (см.: [The history 2012:155]). При этом термин «дескриптивный словарь» я считаю не совсем точным. Ведь даже Оксфордский словарь английского языка, провозглашенный образцом дескриптивизма, содержит указания на особенности употребления слов. Независимо от типа толкового словаря лексикограф не является все же бесстрастным фиксатором языковых явлений. В противном случае его функцию можно было бы поручить машине, тем более что в настоящее время научно-техническая революция достигла небывалых успехов. Интересно, что специалист в области нейронауки, теории сознания, психолингвистики Т. В. Черниговская приходит к тому же выводу в отношении науки в целом. Вот что она говорит в интервью: «Вся наука исходила из того (и сейчас ясно, что ошибалась), что ученые — некие зрители, которые

сидят в зале, а на сцене находится мир, который они наблюдают, измеряют, взвешивают. Ученые будто бы не участники происходящего на сцене» [Долгошева 2014].

Заметим, что смысл, вкладываемый в термин «прескриптивный словарь» у наших и зарубежных лингвистов несколько отличается. «Прескриптивный словарь» в понимании зарубежных языковедов — это словарь, который как бы навязывает его пользователям субъективное мнение лексикографов относительно использования слов. «Прескриптивный словарь» в понимании отечественных лингвистов — это нормативный словарь. Норма не устанавливается учеными. Они лишь отражают те тенденции, которые сформировались в живой речи. «Хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю. Может быть, норму трудно иногда подметить; но это уже несчастье исследователя и не имеет никакого отношения к принципиальной стороне дела» [Щерба 1974: 276]. Субъективное предписывающее начало, так резко проявляющееся, например, в словаре английского языка С. А. Джонсона, в наших нормативных словарях отсутствует.

Интересно, что в XVIII веке словари критиковали за то, за что хвалили спустя век. Так, известный английский писатель лорд Честерфилд писал в 1754 году: «Я считаю позором для нашей нации, что до сих пор у нас нет языкового стандарта... наши словари в настоящее время являют собой просто книги слов, а не словари... Все слова, хорошие и плохие, в беспорядке перемешаны там до такой степени, что неискушенный читатель может говорить и писать так незелегантно, так неправильно и так вульгарно, как он только пожелает, основываясь на авторитете той или иной из наших книг слов... В настоящее время наш язык находится в состоянии анархии, более того, его ожидает еще худшее... Сейчас наступило время установить различия в словах. Необходимо строгий порядок и авторитет». Цит. по книге: [Ступин 1985: 67]. Словарь С.Джонсона как раз и выполнил задачу наведения порядка в употреблении слов. История, как известно, повторяется: в XX и XXI столетии вновь заговорили о том, о чём шла речь в XVIII веке.

Так, британский языковед Р.Чапман отзывается о словнике Оксфордского словаря как о «фантазмагорической смеси» [Chapman 1948: 11]. А вот мнения о том же словаре, высказанные в частной переписке со мной. Автор упомянутой «The history of the Great Academic Dictionary of the Russian Language» пишет: «Мы рады, что у российской Академии нет интереса к созданию словаря монстра как 20 объемов Окс-

фордский английский Словарь, который считают как лексикографический bardak [заполненным грязью и профанациями] сравнение с нашим чрезвычайно культурным»¹. Рядовой англичанин Энтони Башфорд высказывает сожаление по поводу отсутствия словаря английского языка, подобного БАС: «As an Englishman, I absolutely love the Great Academic Dictionary. Sometimes I wished we had something like the GAD for the English language. The Great Academic Dictionary is a shining example of a lexicographical toil». Не случайно, например, голландские ученые после завершения работы над историческим словарем нидерландского языка приступили к реализации нового словарного проекта — Algemeen Nederlands Woordenboek (ANW). Данный словарь будет описывать современный литературный нидерландский язык.

Исходя из сказанного, я считаю более правомерным взамен противоположению «прескриптивный словарь—дескриптивный словарь» использовать сразу 3: противопоставление нормативного и ненормативного словаря (это соответствует щербовской антиномии «академический словарь — словарь-справочник»), исторического и неисторического словаря (в полном соответствии с ещё одной щербовской антиномией), полного и неполного словаря, т.е. характеризовать толковые словари с точки зрения нескольких аспектов.

Литература

Грот Я. К. Объяснительная записка о новом академическом словаре // Сборник ОРЯС. 1890. Т. 46.

Даль В. И. О русском словаре (Читано в Обществе Любителей Российской словесности, в частном его заседании 25 февраля и в публичном 6 марта 1860 года) // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1981.

Долгошева А. Уму непостижимо // Санкт-Петербургские ведомости, 10 июня 2014.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958.

Некрасов С. Российская Академия. М., 1984.

Приёмшова М. Н. Тезаурус русского языка в концепции А. А. Шахматова: pro et contra // Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика А. А. Шахматова. СПб., 2014.

Сл. Акад. 1897— Словарь русского языка. Т. II. СПб., 1897.

¹ Сохранено авторское изложение.

Срезневский И. И. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Тт. I–IV. СПб., 1847. // Срезневский И. И. Русское слово. М., 1986.

Ступин Л. П. Лексикография английского языка. М., 1985.

«Шахматовская редакция» Словаря русского языка // История русской лексикографии. СПб., 1998.

Щерба Л. В. Докладная записка о положении дела в Словарной Комиссии Академии наук товарища председателя комиссии Л. В. Щербы (29 июля 1929 г.) // СПФ АРАН. Ф. 770. Оп. 1. Ед.хр. 11. Л. 92–97.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–304.

Chapman R. W. Lexicography. London: Oxford University Press, 1948.

The history of the Great Academic Dictionary of the Russian Language. An introduction to the Great Academic Dictionary of the Russian Language by Mark M. Karamian and Stanislav A. Golovan. London, San-Francisco, Acapulco: Στύμα, 2012.

Поценья Дина Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

Семантическое пространство слова и его лексикографическое членение

Академический «Словарь русского языка» под редакцией Я. К. Грота и А. А. Шахматова, представивших научному сообществу два типа словаря — литературного языка и языка нации, ознаменовал новый этап в развитии отечественной лексикографии [История 1998: 239 и посл.]. Научно обоснованная языковая база словаря, положившая начало словарной картотеке, принципы формирования словника и семантико-стилистической характеристики слова были выдвинуты как основополагающие в теории и практике словарного дела. Середина XX в. стала значимым периодом в развитии русского языкознания. В это время Б. А. Ларин выдвигает идею многоаспектного лексикографического изучения слова в сфере словесного искусства («Словарь автобиографической трилогии М. Горького» — САТГ), в живой народной речи («Псковский областной словарь с историческими данными» — ПОС), в исторической перспективе — в повседневной жизни Московии на начальном

этапе формирования языка русской нации («Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» — СОРЯ).

Задуманные Б. А. Лариным словари, новаторские по своей сути (полные по словнику и семантико-грамматическому и стилистическому описанию употреблений слова, документированных создаваемыми картотеками), были обращены к насущным проблемам современной учёному филологии и представляли научное разыскание по многим теоретическим вопросам, в том числе проблемам семасиологии. Для реализации замысла Б. А. Лариным в 1960 г. в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) государственном университете был создан Межкафедральный словарный кабинет (МСК), который теперь носит имя своего основателя. Под грифом Кабинета выходят в свет словари, у истоков которых стоял Б. А. Ларин. Для составителей и редакторов очередного выпуска того или иного из этих словарей всегда актуальна проблема, вынесенная в заглавие статьи.

В названных словарях принято традиционное в толковой лексикографии разграничение: значение — оттенок значения — характерное употребление. Значение рассматривается как отражённое в содержании слова понятие о ряде однородных предметов, явлений (денотатов), оформленное средствами определённого языка и являющееся элементом его лексико-грамматической системы. Значение зависит от соотношения обобщающей и конкретизирующей роли сознания в разных формах существования языка, функции языка в определённой сфере его употребления. Отсюда разный статус отдельных семантических звеньев общеизвестного слова в структуре словарных статей в словарях разного типа.

Характерный пример — описание глагола **терпеть** в словаре литературного языка и в словаре писателя. Если в БАС₁ (т. 15) такие важные для семантики названной лексемы семы как ‘физическая боль’ и ‘нравственное страдание’ объединяются в пределах основного значения глагола ‘стойко, молча переносить физические и моральные страдания’, то в «Словаре автобиографической трилогии М. Горького» они принципиально разводятся, определяя самостоятельность двух значений: **1. без доп. Покорно, безропотно, не протестуя переносить тяготы жизни, несправедливость, унижения** и **2. что Стойко, не жалуясь переносить физическую боль** [САТГ 6, II]. Такое лексикографическое решение в словаре писателя обусловлено художественной природой произведения, горьковской концепцией человека, той картиной «дикой русской жизни», которая развёртывается в трилогии, непосредственно отражаясь в харак-

тере употребления глагола и соотнесённых с ним производных **терпеливый, терпение**: преобладание 1-го значения глагола (с учётом оттенков) над 2-ым — соотношение 11:1; концептуальная значимость контекстов, связанных с 1-ым значением: *Меня особенно удивляла их [людей] способность терпеть, покорная безнадежность, с которой они подчинялись полубезумным издевательствам пьяного хозяина. У543, Ничто не уродует человека так страшно, как уродует его терпение, покорность силе внешних условий. Л438 сл., Я, порою, ощущал в душе вспышки ненависти к упрямо терпеливым людям. У543.*

Подчинённость семантики слова эстетической системе произведения проявляется в изменении статуса общелитературного значения слова — оно нередко переводится на уровень оттенка. Так, в автобиографической трилогии М. Горького прилагательное **жёлтый** — один из элементов цветописи писателя, передающей многообразие красок воспринимаемого подростком окружающего мира. Основное значение ‘цвета желтка, спелой ржи, золота и их оттенков’ в словарной статье оттеняется рядом оттенков: ‘мутный, буроватый (о воде)’, ‘светлый, русый (о волосах)’, ‘пожелтевший, потемневший (от времени)’ и др. Среди них выделяется ‘с желто-коричневой кожей (о человеке желтой расы)’: *Наверху, в доме, жили бородатые, крашенные персияне, а в подвале старый желтый калмык продавал овчины. Д10.* В облике одного из обитателей нового жилища Алёше бросается в глаза необычный, нерусский цвет кожи, что «гасит» незнакомый мальчику расовый признак научной классификации (см. САТГ, в. 3; ср. ТСУ, т. I: **жёлтый... 2.** Имеющий желто-коричневую окраску кожи (о расе, в отличие от белой, красной и т. п.)).

В СОРЯ заметно углубляется характеристика относительных и притяжательных прилагательных, что обусловлено языковой базой Словаря — широким кругом разножанровых источников, которые отражают повседневную жизнь средневекового человека в формирующемся Русском государстве: административно-правовые отношения, зарождение промышленного производства, развитие торговли и ремёсел, международные связи, явления культуры, повседневный обиход. В словарной статье детализируется семантика прилагательного и повышается статус выделенных смыслов в содержании признакового слова: это не смысловые оттенки довольно абстрактного значения относительности, а самостоятельные значения, осознанность и важность которых в обиходе поддерживают во многих случаях приводимые при них устойчивые сочетания номинативного типа. Характерный пример

— словарная статья **железный** в 6-ом выпуске Словаря. Исходное обобщённое относительное значение **1. Прил.** → **железо 1** (иллюстративный материал приводится избирательно — *прим. Д. П.*) получает конкретизацию в последующих производных значениях: **2. Содержащий в себе железо**; **3. Изготовленный из железа.** > Гвоздь железный. > Доска железная. □ **Железное**, с. *Железные орудия, предметы обихода*; **4. Относящийся к производству и торговле железом** (на Устюжну на желѣзную отослати. *Песни Р. Д.*; желѣзного дѣла заводъ. *Котошихин*). > Железный ряд. *Место, где торгуют изделиями из железа.* > Дело горшечное, железное. > Завод железный. К этим значениям примыкают ещё два, метонимических по своей природе: **5. перен. Полученный в результате повреждения металлическими предметами.** — *О ранених холодным оружием.* (и то зелие прикладыват к ранам железнымъ. *Леч. Котковой*); **7. Флк. Повелевающий железом** (тот царь железной защищает меня... от всякова железа. *Заговоры от оружия*).

Ср. схему описания «относительной» семантики прилагательного **железный** в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (Вып. 5): **желѣзный** ... **1. Прил. к желѣзо.** // *Сделанный из железа // Содержащий железо.*

Существенно обогащается содержание притяжательных прилагательных, отражающих государственное устройство, отношения между царём, различными приказами и народом. Так, прилагательное **государев** имеет весьма разветвлённую структуру, организованную двумя идеями производящего существительного **государь**: **I. Монарх, правитель России** и **II. Землевладелец, феодал, хозяин крестьян** [СО-РЯ. Вып. 4]. В пределах I-ой идеи, кроме исходного значения прилагательного **государев** (**1. Прил.** → **государь I**) выделяется ещё 9 значений: **2. Принадлежащий монарху, царю**; **3. Подчиненный царю, входящий в состав Московского государства**; **4. Исходящий от царя, монарха, проявляемый им**; **5. Назначенный, отправленный царем, монархом за услуги, или свидетельствующий о его милости, благосклонности**; **6. Находящийся на государственной службе**; **7. Содержащий распоряжения царя, монарха и его администрации**; **8. Выполняемый в интересах царя, государства**; **9. Взимаемый государством (обязательный денежный (или продуктами) сбор, налог с населения)**; **10. Единый, установленный царем и царской администрацией для всего государства.** При ряде указанных значений представлены устойчивые номинативные словосочетания.

Широко развёртывается содержание и II-ой идеи, которая представлена 8-ю значениями (в известной мере они соотносятся с некоторыми из блока I, но определяющим является статус лица, к которому восходит признаковое слово.

Сложен и теоретически и практически вопрос о признании в содержании слова определённой семантической доли как самостоятельного значения или как его оттенка. Статус того или иного атома смысла в структуре словарной статьи определяется, с одной стороны, значимостью называемой реалии, явления (денотата) в повседневном обиходе, социальной жизни, культуре, с другой — характером лексических связей слова, его семантической и словообразовательной производностью, сохранением или оттеснением на периферию, даже утратой доминантной семы основного (или базового) значения и выдвиганием новой, что обосновывает выделение производного значения, подключающего слово к иной тематической группе.

На эти положения опирается словарная разработка лексемы **малина** в ПОС (вып. 17; статья приводится с сокращением иллюстративного и фразеологического материала):

мали́на ... **1.** *Многолетнее полукустарниковое растение сем. розоцветных с ароматными плодами красного и желтого цвета, Rubus idacus L. ... По делянкам мали́на растёт. Полн. ... // Стебли и ветки этого растения. Малины выкидываю мно́гъ, мали́ну сухую́ на расто́пку. Остр.*

2. *мн. То же, что мали́нник 1* [‘заросли малины’ — Д. П.]. Мы па́пались в мали́нах к клещьям. Дед. ... **3.** *собр. Ягоды этого растения. Мали́на с ро́жью поспева́ет. Пл. ... // Сушеные ягоды. У нас мали́на есь, ана ат прасту́ды, зава́риш яё и пьёш. Пск. ... 4.* *Отвар из сушеных ягод. Прибалёл — пей мали́ну. Нев. ... 5.* *Малиновое варенье. Мали́на — хоро́шая варёньи, хоро́шья, если асты́ниш тък. Пск. ... 6.* *Корова красно-бурой масти. Мали́на у нас красная каро́ва. Беж. ...*

Содержание слова **малина**, его членение на фрагменты и семантические связи между ними можно представить схематически:

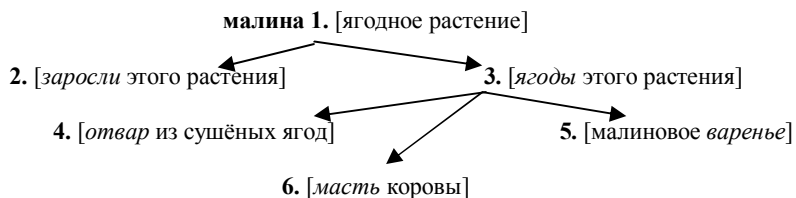

Схема отражает непосредственную (зн. 2 и 3) или опосредованную (зн. 4, 5, 6) связь выделенных значений с основным; статус семан-

тических образований как самостоятельных значений подтверждается а) сменой доминанты при определении значения-понятия (доминанты выделены курсивом); б) словообразовательной активностью (*мали́нник*, *малино́г*, *малино́к*, составляющие синонимический ряд при 2 зн.) или семантической и словообразовательной производностью (3-е значение мотивирует 4-е, 5-е, 6-е, и лексема становится производящим для прилагательного *малиновый́* (*малиновое варенье*, *малиновый́ сарафан*); в) включением слова в новые тематические группы при смене доминантной семы значения (*брусни́чник*, *олеши́яг*, *оре́шник* и т.п. при 2-м значении, или *калга́н¹*, *липа¹*, *липо́к¹* и т.п. при 4-м значении, или *дже́м*, *повидло* при 5-м, или *красный*, *белый*, *брусничны́й* при 6-м).

Статус смыслового комплекса, который складывается при метонимическом употреблении названий ягодных растений, по-разному решается в толковой академической лексикографии XX–XXI вв. На начальном этапе семантика ‘ягоды этого растения’ непосредственно указывается при толковании основного значения после точки с запятой: **голубика** ‘ягодный полукустарник сем. вересковых с синевато-черными ягодами, покрытыми сизым налетом; ягоды этого растения’ [БАС₁, 3]. В последующих томах «ягодный» комплекс довольно последовательно выделяется как семантический оттенок, иногда наряду с другими. Такова семантическая разработка основного значения слова **малина** в БАС₁: 1. Многолетний полукустарник из сем. розоцветных с ароматными плодами обычно темно-красного цвета. // *Собир.* Плоды этого растения. // *Разг.* Варенье из плодов этого растения. // *Разг.* Горячий отвар из сушеных плодов этого растения, применяемый в домашнем лечении как потогонное средство’. См. также *земляника*, *калина*, *клюква*, *костяника*, *морозика*, *рябина* и др. В МАС₂ — в отличие от БАС₁ — «ягодный» комплекс, а также последний оттенок представлены как самостоятельные значения, а 2-й оттенок никак не отражён. В БАС₃ при описании ягодных растений отмечается 2-е значение ‘*собир.* ягоды/плоды этого растения’.

Составляемые в МСК словари нередко становятся своеобразным экспериментальным полем поиска ответов на вопросы, возникающие при лексикографировании лексической единицы с многомерной семантикой: в какой мере и форме в структуре словарной статьи может быть отражена семантическая производность того или иного значения? организуются ли значения слова в лексикографические блоки на основе «производяще-производных отношений»? возможно ли выделение и определение идеи, формирующей лексикографический блок?

В 1973 году выходит из печати 2-й выпуск ПОС, в котором А. И. Корнев, автор словарной статьи **бить**, опробывает новый принцип лексикографического описания многозначного слова. Выделенные 24 значения глагола распределены между 8-ю блоками, обозначенными римскими цифрами. Каждое из подобных образований воплощает некую идею — к сожалению, она не сформулирована в опубликованном выпуске, но предположительно обозначена в квадратных скобках в приводимой ниже схеме семантической структуры глагола (выделенные оттенки значений, грамматические особенности употребления, а также фразеологический материал в схеме не отражены):

бить:

I. [наносить удар, удары] **1.** *Ударять, колотить.*

II. [нарушать целостность ударами, трением] **2.** *что. Дробить, раскалывать на части.* **3.** *что и без доп. Делить, распределять.* **4.** *что. Портить, повреждать ударами.* **5.** *что. Снашивать, стачивать.*

III. [ударив, отделять] **6.** *что. Ударом отделять, сшибать.* **7.** *Срезать, скашивать.* **8.** *что. Ударами очищать, выколачивать.*

IV. *что. Ударами вгонять во что-н., заколачивать.*

V. [при ударе звучать, передавать сигнал] **10.** *во что. Ударами производить шум, извлекать звуки.* **11.** *что. Передавать по телеграфу.* **12.** *Издавать звук от удара, звенеть.*

VI. [наносить удар, поражать ударом кого-н.] **13.** *кого и без доп. Наносить побои, избивать.* **14.** *кого. Ранить, калечить.* **15.** *кого. Лишать жизни, убивать (людей и животных).* **16.** *по кому, чему и без доп. Стрелять.* **17.** *Жалить, кусать (о мошкаре, осах и т.п.).* **18.** *что и без доп. Сверкая, поражать (о молнии).* **19.** *перен. что. Уничтожать холодом (о морозе).*

VII. [вызывать колебание, нарушать состояние покоя] **20.** *что и без доп., безл. Волновать, колыхать.* **21.** *перен. Неотступно беспокоить, тревожить.* **22.** *кого и без доп. Сотрясать, причиняя страдания, боль.* **23.** *Болезненно колотиться, биться (о сердце).*

VIII. **24.** *С силой вырваться, стремительно выходить наружу.*

Схема отражает особенности многозначности глагола. Единство слова создаёт прямое или опосредованное присутствие в его многомерной семантике понятий «удар», «ударять», которое определяет соотношение производных значений с основным и друг с другом.

Подавляющее большинство значений объединяется в смысловые блоки (из 8 блоков только 3 представлены одним значением, остальные значения распределяются между 5-ю блоками, включающими от 3 до 7 значений). Типы смысловых связей между компонентами блока, (как и блока с основным значением) различны: цепочечная, параллельная, комбинированная, что вызывает большие трудности в фор-

мулировании главной идеи блока, его «гипердоминанты». Относительно непротиворечиво можно представить устройство II–V блоков и охарактеризовать их «гипердоминанту», но гораздо сложнее сделать это для VI блока.

Экспликация «гипердоминанты» лексикографического блока была опробована при описании существительного **дело** [САТГ, вып. II, 1977, автор Л. А. Ивашко, редактор Л. С. Ковтун]: в основу выделения идеи блока были положены разные аспекты действия — делания. Группировку значений, заданную идеей блока, отражает следующая схема:

дело:

I. Процесс делания. 1. Труд, работа. 2. Занятие. 3. Мастерство.

II. Действие (как акт) или событие. 4. Действие, поступок. 5. Событие, происшествие.

III. Объект действий, труда, занятий. 6. Предмет деятельности, общественное начинание. 7. Предприятие (коммерческое). 8. Судебный процесс, тяжба.

IV. Область деятельности, труда. 9. Род занятий. 10. чье Круг ведения.

V. Состояние дел, ситуация. 11. мн. Положение вещей, обстоятельства.

VI. Результат деятельности. 12. Что сделано.

VII. Явление, вещь; предмет. 13. Явление, вещь. 14. в чем Суть, главное.

Создание блоков возможно и при лексикографировании многозначных прилагательных. См., например, словарное представление смысловых комплексов лексем **тихий** [САТГ VI, II] или **большой** [СОРЯ 1].

В этих словарях идея многочисленных блоков не сформулирована, но если при описании лексемы **большой** определить эту идею нетрудно (I: ‘значительный по своим физическим качествам’, II: ‘самый значимый в каком-н. социальном отношении’), то сформулировать «гипердоминанту» для блоков прилагательного **тихий** весьма непросто.

К подобной организации полисеманта в новом академическом словаре обращается в своей статье Т. А. Корованенко, предлагая при каждом блоке, объединяющем несколько значений, указывать общую идею [Корованенко 1995: 63–68].

Другая проблема, с которой сталкивается лексикограф, — это отражение в словаре одной из характерных особенностей лексической системы разговорной речи: «закрепление большого числа означаемых за одним означающим». Эта черта, отмечает Е. А. Земская, проявляется в частности в производных словах, способных «называть разные виды явлений, так или иначе связанные с тем, что обозначает основа» производящего слова [Земская 1981: 28]. Характеризуя подобные номинации,

Л. А. Капанадзе использует термин «слова-губки» и размышляет об одном из них: «Что означает слово *временка*? Общее значение ‘нечто временное’. Конкретные: ‘временный дом, печка, лифт, лестница, пристройка, электроприбор, установка...’ И «в соответствующей речевой ситуации <...> слово с обобщённой семантикой становится словом с конкретно-предметным содержанием». Подобный разряд слов, утверждает исследователь, в разговорной речи многочислен по составу и разнообразен с точки зрения словообразования и семантических отношений с другими лексемами. Так, прилагательное *простой* в разговорной речи входит в такие противопоставления, как *простой* — *нейлон* (о чулках), *простой* — *нарядный* (о блузке), *простой* — *без крема* (о пирожных: „картошка“/песочные) и др.» [Капанадзе 1973: 453–456].

Позднее в ПОС опробован такой приём: формулируется с большой степенью обобщения значение, а затем подтолковываются конкретные признаки обозначаемой реалии; при их перечислении используются буквы алфавита. Например (модели описания приводятся без цитат):

завёса ... 1. Большая занавеска, кусок ткани, висящий и закрывающий что-н. а) Занавеска, отделяющая часть избы. б) Занавеска, отделяющая кровать. в) Занавеска, закрывающая печку, посудную полку и т.п. г) Оконная занавеска, штора. д) Занавесь на дверях; портьера. е) Полотнище, закрывающее сцену, занавес. [ПОС 11].

перед ... 1. Передняя, противоположная задней часть, сторона а) дома, строения; фасад; б) плиты, русской печки, в которой находится чело; в) повозки, машины; г) копны; д) поперечной стороны грядки; е) рубахи, кофты, лифа, охватывающая грудь; ж) юбки, платья ниже колен ... [ПОС 25].

В словарях, создаваемых в МСК, в зоне значения или его оттенка выделяются морфологические, синтаксические, сочетаемостные или стилистические особенности, проявляемые в контексте. В этих случаях перед цитатой (цитатами) ставится особый знак — удлинённое тире (—), сопровождаемое соответствующей пометой:

железо ... 2. *соби́р.* Листы, полосы из такого металла [цитаты]. — С определением, указывающим на место изготовления. [в цитатах присутствуют словосочетания: паяны немецким железом; на монастырское строение тульского желѣза 88 прутьов; поставить... железа свейского и т.п. — СОРЯ 6].

ма́сло¹, а, с. и ма́сла, ы, ж. 1. Жировой продукт, получаемый из сбитой сметаны, сливок [цитаты]. — мн. Сича́с, де́вушка, ма́слы вёртют, смята́ну. Стр.

мешать¹ ... 1. что и без доп. Размешивать, перемешивать, переворачивать мутовкой, ложкой и т.п. или взбалтывать. [цитаты] — чем. А эта рагáтка, ею и тэста мяшáиш, и картóшку, бывáла, папúчываиш. Пушк. ... [ПОС 18].

добрый ... 2. Хороший, достойный, честный. [цитаты, в которых *добрый* характеризует человека: добрый человек, добрые ребята (о матросах), находя в каждом добрые, хорошие черты]. — *ирон.* Или же наказание ее [богородицы] было так легко, что я не заметил его среди частых наказаний, испытанных мною от добрых людей. Л275 ... — *фкл. как постоянный эпитет* [в легенде, которую рассказывает бабушка. — САТГ II].

В Словаре М. Горького разработана развёрнутая система помет для характеристики образных применений слова — в зависимости от типа образности и степени соотносённости слова с соответствующим прямым значением (см. V-й раздел Инструкции — САТГ I: 32–39).

Обоснованное выделение и описание лексического значения слова, выстраивание словарной статьи полисеманта — главная и нелёгкая задача для лексикографа. Путь к её решению — постижение смысла слова как единицы лексической системы языка, определённой лексико-семантической группы в единстве индивидуальных и типовых свойств этой единицы в зависимости от функции и сферы её употребления. Сохранение научной традиции при её динамичности — необходимое условие.

Литература

БАС₁ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.–Л., 1948–1965.

БАС₃ — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–23. СПб., 2004–2015. (изд. продолж.)

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

История русской лексикографии. СПб., 1998.

Капанадзе Л. А. Номинация (Глава V) // Русская разговорная речь. М., 1973. С. 403–463.

Корованенко Т. А. Проблемы семантики в Новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995. С. 58–89.

МАС₂ — Словарь русского языка. Т. 1–4. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. испр. и доп. М., 1981–1984.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–25. Л./СПб., 1967–2014.

САТГ — Словарь автобиографической трилогии М. Горького: в 6 выпусках с приложением Словаря имён собственных. Л., 1974–1990.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–6. СПб., 2004–2014.

ТСУ — Толковый словарь русского языка. Т. 1–4. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1934–1940.

Козырев Владимир Алексеевич,

Черняк Валентина Даниловна

Российский государственный

педагогический университет им. А. И. Герцена

Россия, г. Санкт-Петербург

Русские словари иностранных слов в социокультурном контексте¹

Займствования — наиболее динамичная часть лексической системы русского языка, поэтому словари иностранных слов, дающие толкование иноязычной лексике, вошедшей в русский язык в различные периоды его истории, всегда являлись и по сей день остаются одним из наиболее распространённых и востребованных типов лексикографических изданий. В общем списке русских словарей, насчитывающем более 2700 изданий, около 200 — словари иностранных слов² [Козырев, Черняк 2014]. Описание займствований в специальных словарях на разных этапах развития лексикографии отвечало конкретным запросам пользователей, было ориентировано на различные типы адресатов и естественно соотносилось с социокультурным контекстом эпохи. Осмысление этих процессов важно и в историческом аспекте, и в аспекте современной языковой ситуации.

Первые словари иноязычной лексики, продолжавшие традиции предшествующих азбуковников, относятся к Петровской эпохе, когда словарный состав русского языка обогатился большим количеством

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-04-00318 ("Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей").

² Ссылки на словари даются с указанием номера в приведенном списке словарей.

заимствований. Не случайно XVIII в. был ознаменован появлением значительного числа словарей иностранных слов, пополнивших в это столетие словарный состав русского языка.

Словари иностранных слов были одним из наиболее популярных лексикографических изданий и в XIX в. Среди словарей начала века наибольшую известность получило трёхтомное издание Н. М. Яновского «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту...» (1803–1806), послуживший основой для создания последующих многочисленных словарей иностранных слов в XIX — начале XX вв. Лексемы «словотолкователь» и «объяснитель», а также «объяснение» и «объяснительный» в названиях словарей [см. 4, 15, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 37, 46, 55, 56] отражали основную социокультурную функцию этого типа лексикографических изданий — приобщение носителя языка к новым явлениям науки, техники, культуры — и собственно лингвистическую функцию — разъяснение потенциально агнонимичных слов (на всех этапах развития словарного состава именно иноязычные слова были зоной наибольшей агнонимической активности). Показательно, например, название словаря А. И. Маркова [25], в котором четко обозначены его коммуникативно-прагматические ориентации: «Всеобщий объяснительный словарь иностранных слов, сплошь и рядом встречающихся в русских книгах, газетах и журналах, которые для людей, не посвященных специально наукам и иностранным языкам, бывают совершенно непонятны: необходимое руководство для всех и каждого».

Иноязычное слово служило инструментом приобщения к терминологии различных областей знания, что также нашло отражение в названиях словарей. Ср. подзаголовок: «Содержит в себе слова, заимствованные из европейских и других языков, вошедшие в отечественную литературу и употребляемые в технике, коммерции, промышленности, медицине и других отраслях знания» [14]. Значительным оказывался энциклопедический компонент в словарных толкованиях (тенденция, сохранившаяся на протяжении многих десятилетий). Осмыслению и сознательному освоению новой лексики способствовали этимологические справки, указание на которые содержится в названиях многих словарей [см., например, 1; 11; 17].

Стремление привлечь широкого читателя отразилось в таких компонентах названий словарей иностранных слов, как новый, новейший, полный [5; 13; 14; 17; 27; 34; 35 и др.] (и эта тенденция остается актуальной сегодня). Для удобства пользователя в XIX в. созда-

ются первые карманные словари иностранных слов. Пытаясь соединить значимые для адресата, но противоречащие друг другу характеристики, авторы используют в названиях оксюморонные словосочетания (полный — карманный): «Необходимый для всех полный карманный толковый словарь употребительных и новейших иностранных слов, вошедших в русский язык» [Коломнин 1878].

В послереволюционные годы предельно минимизированные словари иностранных слов выполняли важную просветительскую функцию. Перед их составителями и издателями ставилась задача приобщения малообразованных, нередко полуграмотных читателей к чтению советских газет [см. 33–36].

В советское время словари иностранных слов оказались самым идеологизированным типом лексикографических изданий: они испытывали давление цензуры, их содержание строго контролировалось партийными органами. Наиболее распространённым долгое время оставался «Словарь иностранных слов» под редакцией Ф. Н. Петрова, созданный в 1939 г., регулярно пополняемый актуальной лексикой и многократно переиздававшийся (позднее под редакцией И. В. Лёхина и Ф. Н. Петрова). Небольшое число малых словарей иностранных слов опирались на это эталонное издание. Сравнение толкований (прежде всего научных терминов и идеологем советской эпохи) в изданиях разных лет позволяет увидеть и естественные перемены в научной картине мира, и некоторую смену идеологических акцентов.

Глубокие преобразования в общественной жизни 80—90-х гг. XX в. потребовали оперативной «лексикографической реакции». В 1992 г. был подготовлен и издан «Современный словарь иностранных слов», опирающийся на «Словарь иностранных слов» И. В. Лёхина и Ф. Н. Петрова, но дополняющий его лексическими инновациями последних десятилетий и отражающий существенные изменения в идеологических ориентациях общества.

Сравнение словарей иностранных слов разных лет изданий позволяет отчётливо увидеть смену идеологических установок, меняющийся климат эпохи. Проиллюстрируем это, сравнив толкование слова космополитизм в 7-м издании «Словаря иностранных слов» И. В. Лёхина и Ф. Н. Петрова и в «Современном словаре иностранных слов». В первом это — «реакционная буржуазная идеология, проповедующая отказ от национального суверенитета, национальных традиций и культуры во имя абстрактно понимаемого ‘единства человеческого рода’, ‘единого государства’, отрицающая патриотизм под лозунгом ‘человек — гражданин

мира»; к. противоположен пролетарскому интернационализму»; во втором — «идеология т. наз. мирового гражданства, выступает в виде различных идейных и политических ориентаций — от взаимодействия и сближения народов и государств до нигилистического отношения к национальным культурам и традициям».

В связи со значительным расширением места заимствований в русском языке последних десятилетий, обусловленным интернационализацией науки, глобализационными процессами, всеобщей компьютеризацией, потребность в этом типе справочных изданий резко возросла, что, в свою очередь, вызвало появление большого количества новых словарей разного объёма.

Современные словари иностранных слов, являясь по типу аспектными, описывающими определённые фрагменты лексической системы, наиболее близки к толковым словарям, при этом этимологическая справка служит обязательным компонентом словарной статьи. Особенностью словарей иностранных слов является также их энциклопедичность. Многие словари иностранных слов совмещают в себе черты толкового и этимологического словарей, энциклопедии, нормативного справочника и отражают определённый уровень культуры общества. «Интеграция в словаре толкований и элементов полевой структуры, этимологических и энциклопедических справок разного объёма несёт когнитивно-семантическую информацию о современной языковой картине мира, в которой заимствования занимают весьма значительное место» [Глинкина 2007: 99].

В связи с тем, что наиболее активно процесс заимствований происходит в сфере науки и техники, большой процент описываемых в словарях иностранных слов лексических единиц носит терминологический характер. Словари иностранных слов быстрее других лексикографических изданий реагируют на изменения, происходящие в лексике, существенно дополняют материалы неологических словарей, оперативно представляя лексические инновации, отражающие развитие науки, техники, культуры своего времени, связи с другими странами и народами.

«Толковый словарь иноязычных слов» Л. П. Крысина — первый собственно филологический словарь иностранных слов — относится к числу наиболее авторитетных изданий этого типа. Он отразил многолетние исследования автора в области заимствованной лексики и принципов её описания [Крысин 1997; 2004]. В предисловии отмечается, что в словаре «описываются свойства слова, а не обозначаемой им вещи: его происхождение, значение в современном русском языке,

а также произношение, ударение, грамматические характеристики, смысловые связи с другими иноязычными словами, стилистические особенности, типичные примеры употребления». Большое внимание уделяется представлению семантической структуры многозначного слова в её динамике. Особое внимание уделяется заимствованиям 80—90-х гг. XX в. (*аэробус, грант, зомби, йогурт, кикбоксинг, копирайт, курсор, кутиорье, степлер, ток-шоу* и мн. др.). Кроме имён нарицательных, в словник включён ряд собственных имён, называющих лица и объекты, которые имеют общекультурное и историческое значение (*Аполлон, Геркулес, Амур, Будда, Голгофа, Коран, Антарктика, Ренессанс*). Словарь является нормативным, поэтому автор словаря с осторожностью вносил в него недостаточно освоенные лексические инновации. Автор подчёркивал принципиальную значимость вынесенной в название словоформы «иноязычных». Это мотивировано тем, что в словаре достаточно полно отражены заимствования из языков бывшего СССР и многонациональной России (слово иноязычный относится к любым лексическим элементам неисконного происхождения). Другие словари Л. П. Крысина, выдержавшие много изданий, сохранили в названии традиционное для этого типа словарей слово иностранный. В созданном уже в XXI веке словаре Л. П. Крысина «1000 новых иностранных слов» собраны наиболее употребительные иноязычные слова, заимствованные русским языком во второй половине XX — начале XXI века (*бренд, ваучер, джакузи, драйвер, имейл, имиджмейкер, клонировать, менталитет*).

С учётом прагматических интересов потенциального читателя в названиях многих словарей иностранных слов появляются слова большой, новый, новейший, современный, актуальный (тем самым продолжают традиции дореволюционной лексикографии, прерванные установкой на единственный источник идеологически выверенной информации в советскую эпоху). Так, цель «Словаря новых иностранных слов», как отмечает в предисловии его автор Н. Г. Комлев, — «восполнить естественный лексикографический пробел, который был характерен для фундаментальных словарей иностранных слов в силу их специфики. Из-за редкого переиздания они были не в состоянии быстро реагировать на текущие лексические нововведения и обычно включали такие заимствованные слова, которые уже закрепились в русском языке, получили устойчивый состав значений». В словарь включены иностранные заимствования, которые либо уже довольно широко распространены в русской речи (как, например, *кол-*

лаж), либо употребляются пока в профессиональном языке (например, *десигнат* или *операнд*), либо вообще встречены составителем словаря в русском варианте 2–3 раза (например, *брокераж*). Особый раздел книги составляет «Указатель русско-иностранных соответствий», включающий русские слова и описательные обороты и соответствующие им иноязычные заимствования (ср.: крупная сумма выигрыша в лотерее — *джек-пот*, недоступный познанию — *трансцендентный*, поровну, пополам — *фифти-фифти*, страховая квитанция — *полис*, укрупнение национальной денежной единицы — *деноминация*). Эта информация имеет большое значение для актуального пополнения будущих словарей синонимов.

Ориентация на потребности массового читателя, желающего получить комплексную информацию о новых заимствованиях, четко прослеживается в кратком словаре-справочнике Г. Н. Склярёвской и Е. Ю. Ваулиной «Давайте говорить правильно! Новейшие и наиболее распространённые заимствования в современном русском языке». Он представляет лексикографическую интерпретацию иноязычных слов, активно используемых в современной речи и отражающих актуальные понятия из наиболее значимых сфер (политика, экономика, финансы, коммерция, публицистика, информатика). Существенной особенностью словаря является включение в него, наряду с укоренёнными в русском языке заимствованиями, многих слов, появившихся в последние годы и нередко отсутствующих в других лексикографических изданиях (*блокбастер*, *боулинг*, *бейдж*, *бренд*, *гастарбайтер*, *грант*, *евро*, *клонирование*, *кондоминиум*, *лэптоп*, *топ-менеджер*, *хакер*, *этаназия* и др.). Отвечают актуальным запросам пользователей энциклопедическая информация и этимологические справки. Так, слову спам, актуализировавшемуся в современной речи совсем недавно, дается (с пометами информ., неодобр.) толкование («*Массовые почтовые рассылки (обычно рекламного характера), проводимые без согласия пользователя; сетевой мусор, выдача незапрашиваемой коммерческой рекламы и другой информации в Интернете*»), сопровождаемое иллюстративным материалом (*Рекламный спам. Борьба со спамом. Программа проверки сообщений на спам*) и этимологической справкой: «От *spammedham* консервированная ветчина (назойливо рекламировавшийся продукт)». Таким образом, читатель получает информацию о семантике слова (в том числе и о коннотативных компонентах, эксплицированных не только в пометах, но и в элементах толкования — *сетевой мусор*), о типичных контекстах его употребления,

об этимологии, которая в сочетании с энциклопедической информацией создаёт «образ слова», закрепляет его в сознании читателя. В словаре находит отражение наблюдаемое в современной речи постоянное расширение сферы функционирования лексических единиц. Показательно слово *бестселлер*, которое сопровождается следующим толкованием: «Товар, услуга и т. п., пользующиеся повышенным спросом, обладающие особой популярностью в какой-либо период времени» (Серия «Мировой бестселлер». *Фильм стал бестселлером. Пластинка — настоящий бестселлер. Новая модель сканера — бестселлер сентября*). В конце словарной статьи составители отмечают: «Первоначально: только о книге, издаваемой огромным тиражом», тем самым переводя узуальное употребление из разряда ошибочных или нежелательных в нормативное или, по крайней мере, допустимое. В словаре демонстрируется процесс развития семантической структуры заимствованного слова. Так, у слова *шахид* [араб., букв. мученик за веру], отсутствующего в других словарях иностранных слов, но активно используемого в современной речи, представлено два значения: «1. Последователь ислама, павший в войне против врагов этой религии. 2. Исламский террорист-самоубийца, камикадзе». Важным этапом в освоении многих заимствованных слов является их вариантность (орфографическая, акцентологическая, орфоэпическая). Словарь выразительно иллюстрирует это явление: *хай-тэк и хайтэк, китч и кич, масс-мэдиа и массмэдиа, маркетинг и маркэтинг, фаст-фуд и фастфуд, таун-хауз и таунхэуз, секвэстор и секвэстр, риэлтер и риэлтор, пэблик-рилэйшнз, пэблик рилэйшнз и пэблик рилэйшенз, лаптоп и лэптотп, римэйк и ремэйк, плэйер и плээр*.

Ориентация на массового читателя определила появление ряда популярных иллюстрированных словарей иностранных слов. Удачным примером таких изданий является «Новейший иллюстрированный словарь иностранных слов» Е. А. Гришиной [10]. Особенностью «Словаря иностранных слов» под редакцией В. Бутромеева [39] является его построение не только по алфавитному, но и по тематическому принципу: слова, объединённые той или иной темой, толкуются в одном гнезде. С помощью отсылок пользователь получает возможность не только узнать значение незнакомого ему слова, но и получить дополнительную информацию о соответствующей области.

Ряд словарей целенаправленно описывает заимствования из конкретных языков. Так, в «Толковом словаре французских заимствований в русском языке» Т. И. Белицы представлены лексемы, пришед-

шие в русский язык в период с конца XVII века по настоящее время и относящиеся к тематическим полям «Номинации модных реалий» (наименования разновидностей тканей, одежды, аксессуаров, ювелирных изделий, причёсок и т.п.) и «Кулинарные термины» (названия блюд и способов приготовления пищи, сортов сыра, спиртных напитков и другие номинации, относящиеся к сфере кулинарного искусства: *амбигю, бардирование, кагор, салерс, пастилаж* и др.).

Чрезвычайная активизация процесса заимствования в конце XX — начале XXI века ведёт к тому, что существующие авторитетные словари не успевают отразить новые языковые приобретения. Появляются словари-справочники, дающие пользователю оперативный ответ на возникающие вопросы. Таков, например, небольшой словарь-справочник И. В. Гладковой, Б. В. Емельянова, А. Е. Зимбули «Ненаши слова в нашем языке», содержащий заимствования, достаточно активно используемые в СМИ и во многих случаях не включенные в толковые словари и в словари иностранных слов. Такие издания не претендуют на четкость и последовательность отражения всех лексикографических параметров, однако выполняют важную роль оперативных справочников.

Высокая степень востребованности словарей иностранных слов определила появление большого количества учебных изданий, ориентированных на разные группы адресатов [11; 22 и др.].

В заключение еще раз подчеркнем, что описанный тип изданий, всегда наиболее чутко реагировал на меняющийся климат эпохи, точно определял запросы адресата, что очень часто воплощалось в инициальной позиции словаря — его названии. В последние годы (как впрочем и сто лет назад) ориентация на запросы пользователя сочетается с коммерческой составляющей, что определяет появление немалого числа недобросовестных изданий.

Словари

1. [Ренофанц И. И.] Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов или краткое истолкование встречающихся в них слов: военных, морских, политических, коммерческих и разных других из иностранных языков заимствованных, коих значения не каждому известны: книжка подручная для каждого сословия, пола и возраста / сост. Иван Ре..ф..ц. — СПб.: [б. и.], 1837. — 303 с.
2. Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: в 3 кн. — 2-е изд., испр.

- СПб.: КВОТАМ, 1994. – Кн. 1–3. – [1-е изд. в 1966 г.; в 1981–1987 гг. перераб. и доп. изд. под загл.: Словарь иноязычных выражений и слов].
3. Белица Т. И. Толковый словарь французских заимствований в русском языке: (на материале тематических полей «Номинации модных реалий» и «Кулинарные термины»). – Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2007. – 223 с.
 4. Бурдон И. Ф., Михельсон А. Д. Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней... – Изд. 2-е, испр. – М.: Универ. тип., 1886. – 603 с. – [В 1-м изд. 1865 г. один автор: Бурдон И. Ф.; со 2-го изд. два автора; в 7-м изд. 1880 г. загл.: Словарь иностранных слов...; в 8-м – 12-м изд. 1885–1917 гг. загл.: Полный словарь иностранных слов...].
 5. Вайсблит И. Полный иллюстрированный словарь иностранных слов греческого и латинского происхождения. – М.–Л.: Кооп. изд-во, 1926. – 677 с.
 6. Виллиам Г. и Яценко И. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, содержащий более 30 000 слов, из которых многие лишь в самое последнее время проникли в русскую речь вместе с нововведениями научными и общественными. Приложение, вошедшее в настоящее издание: цитаты и поговорки древних и современных народов на языке подлинников, употребляемые в русском разговоре и литературе. – М.: И. И. Леонов, 1913.
 7. Гавкин Н. Я. Карманный словарь иностранных слов / сост. Н. Я. Гавкин. – 4-е изд. – Киев; Харьков: Ф. А. Иогансон, 1894. – 600 с.
 8. Гладкова И. В., Емельянов Б. В., Зимбули А. Е. Ненаши слова в нашем языке: словарь-справочник: [около 800 заимствований]. – Екатеринбург: [б. и.], 2011. – 128 с.
 9. Головков Д. И. Иллюстрированный словарь иностранных слов с указанием ударений и 600 рисунками в тексте. – [Одесса]: А. Копельман, [1914]. – 451 с. – [3-е изд. в 1916 г.].
 10. Гришина Е. А. Новейший иллюстрированный словарь иностранных слов: около 30 000 слов и словосочетаний, более 5 000 иллюстраций. – М.: АСТ [и др.], 2009. – 878 с.
 11. Данилюк И. Г. Современный словарь иностранных слов для средней и высшей школы: [20 000 слов] . – Донецк: БАО, 2008. – 560 с.
 12. Дубровский Н. А. Толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней: [более 2 000 слов] / сост. Н. Дубровский. – М.: Синод. тип., 1866. – 219 с. – [2–21-е изд. в 1871–1914 гг.; со 2-го изд. загл.: Полный толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней; с 4-го изд. 1879 г. загл.: Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней].
 13. Ефремов Е. Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием происхождения их, ударений, отраслей знания и с

- расширенной энциклопедической частью / сост. по рус. и иностр. источникам Е. Ефремов; под ред. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон. – [1911]. – 605 с. – [2-е изд. в 1912 г.].
14. Залеский А. Новейший полный справочный словарь, 75 000-х иностранных общеупотребительных в русском языке слов. Содержит в себе слова, заимствованные из европейских и других языков, вошедшие в отечественную литературу и употребляемые в технике, коммерции, промышленности, медицине и других отраслях знания / сост. по новейшим русским и иностранным лексикографическим источникам филологом А. Залеским. – СПб.: в Тип. (б) Котомина: в Тип. т-ва «Общественная польза», 1881. – Ч. 1–2.
 15. Зелинский В. А. Объяснительный словарь более употребительных в русской литературе и речи иностранных слов: сост. применительно к правописанию. – М.: [Изд. авт.]: Тип. И. А. Баландина, 1901. – 227 с.
 16. Карманный толковый словарь: более 5 000 общеупотребительных иностранных слов / сост. по новейшим источникам под ред. Д. Н. Сеславина. – СПб.: М. В. Попов, 1896. – 469 с.
 17. Коломнин В. Необходимый для всех полный карманный толковый словарь употребительных и новейших иностранных слов, вошедших в русский язык: [около 2 500 русских слов иноязычного происхождения с этимологическими пометами]. – М.: Тип. Индрих, 1878. – 179 с.
 18. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов: [более 4 500 слов и выражений]. – М.: Эксмо, 2006. – 669 с. – [То же в 1999 г.].
 19. Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов: (с переводом, этимологией и толкованием): [1 500 лексических единиц]. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1995. – 142 с.
 20. Крысин Л. П. 1 000 новых иностранных слов: [происхождение слов, толкование значений, грамматическая характеристика, употребление в речи]. – М.: АСТ-Пресс книга, 2009. – 319 с. – (Малые настольные словари русского языка).
 21. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Эксмо, 2010. – 939 с. – [1-е изд. в 1998 г.].
 22. Крысин Л. П. Школьный словарь иностранных слов. – 5-е изд., стер. – М.: Дрофа, 2010. – 299 с. – [1-е изд. в 1997 г.].
 23. Латинское наследие в русском языке: словарь-справочник / сост. А. И. Воронков, Л. П. Поняева, Л. М. Попова. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 429 с.
 24. Майданов Д. Т., Рыбаков И. И. Новый карманный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. – Одесса: М. С. Козман, 1907, 1056 с. – [То же в 1912, 1916 гг.].
 25. Марков А. И. Всеобщий объяснительный словарь иностранных слов, сплошь и рядом встречающихся в русских книгах, газетах и журналах,

- которые для людей, не посвященных специально наукам и иностранным языкам, бывают совершенно непонятны: необходимое руководство для всех и каждого: [около 5 000 слов]. – М.: Тип. М. И. Смирновой, 1862. – 338 с.
26. Михельсон А. Д. Объяснение 7 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык / сост. Михельсон. – М.: Тип. Лазаревск. ин-та вост. яз., 1861. – 398 с. – [2-е изд., испр. и доп. 1 500 слов].
 27. Новейший словотолкователь и объяснитель 100 000 иностранных слов, вошедших в русский язык, с приведением корней и исследованием о происхождении их: справочная книга при чтении газет, журналов и книг / сост. филологами Мартыновским и Ковалевским по новейшим известным словарям Макарова, Рейфа, Павловского, Даля, Сувилона, Гейзе и по многим другим: [ч. 1–3]. – М.: Е. В. Манухина, 1886. – 818 с. – [2-е изд. 1892 г. и 3-е изд. 1894 г. исправил и значит. доп. В. М. Николаев; с 4-го изд. 1898 г. загл.: Самый полный общедоступный словотолкователь и объяснитель 150 000 иностранных слов, вошедших в русский язык, с подробным, всесторонним исследованием о значении и понятии каждого слова...; 4-е и след. изд. сост. филологами Соколовым и Кремером, обработал и доп. С. Н. Алексеев; 10-е изд. 1909 г. сост. С. Н. Алексеев].
 28. Новый словотолкователь: сорок три тысячи иностранных слов, вошедших в русский язык: необходимо-настолярная книга для всех сословий / собр. и сост. по новейшим известным словарям... – 2-е изд., весьма доп. и испр. – М.: А. М. Земский, 1879. – Т. 1–2. – [В 3-м изд. 1880 г. перед загл.: Толковый словарь; 3-е изд. сост. кружком студентов филол. фак. под ред. Лучинского; 4-е изд. 1881–1882 гг. и след. сост. филол. Карташевым и Бельским под ред. Лучинского; в 9-м изд. 1896–1897 гг. загл.: Самый полнейший толковый словарь, который вмещает в себе 200 000 иностранных слов, вошедших в русский язык нашей русской литературы].
 29. Объяснение 1 000 иностранных слов, употребляющихся в русском языке / сост. и изд. А. С. – М.: Тип. Л. Степановой, 1859. – 122 с. – [2-е изд. в 1861 г. под загл.: Объяснение иностранных слов, употребляющихся в русском языке].
 30. Объяснение иностранных слов, чаще встречающихся в русском языке. – Саратов: Тип. «Саратовского справочного листка», 1877. – 30 с.
 31. Объяснительный словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке / изд. В. Н. Углов. – СПб.: [б. и.], 1859. – 214 с. – [Во 2-м, испр. и доп. изд. 1860 г.: соч. В. Н. Углова].
 32. Огиенко И. И. Словарь общеупотребительных иностранных слов в русском языке: пособие для учащихся и самообразования: [с прил. статей: История проникновения заимствованных слов в русский язык; Об ударении в иностранных словах, употребляемых в русском языке; Род иностранных имен существительных, употребляемых в русском языке]. – Киев: [б. и.], 1912. – 192 с.

33. Погосский А. Ф. Словарь иностранных слов военного значения, принятых в русском языке / [сост. А. Ф. Погосский]. – СПб.: Досуг и дело, 1870. – 51 с. – [2-е изд. в 1875 г.].
34. Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – СПб.: Е. П. Печаткин, 1861. – 574 с.
35. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / сост. по лучшим источникам М. Попов. – Тип. т-ва И. Д. Сытина, [1904]. – 458 с. – [Переизд. в 1907, 1908 гг.; изд. также в 1909, 1911, 1913 гг. под загл.: Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке].
36. Складневская Г. Н., Ваулина Е. Ю. Давайте говорить правильно! Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке: краткий словарь-справочник. – СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 217 с.
37. Словарь: толкователь непонятных слов и выражений: [словарик иностранных слов]. – М.: [Батрак]: Мосполиграф: Мысль печатника, 1929. – 32 с. – (Библиотечка батрака).
38. Словарь иностранных слов: [около 20 000 слов и терминов] / под ред. И. В. Лёхина и Ф. Н. Петрова. – 19-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1990. – 624 с. – [1-е изд. в 1939 г.; репр. изд. в 1995 г. под загл.: Словарь иностранных слов в русском языке].
39. Словарь иностранных слов: [толкование около 4 000 слов иноязычного происхождения, наиболее часто встречающихся в русском языке, а также вошедших в широкий оборот в последние годы] / под ред. В. Бутромеева. – М.: Престиж кн. [и др.], 2005. – 541 с. – (Библиотека энциклопедических словарей). [То же в 2000 г. в серии «Иллюстрированные словари школьника»].
40. Словарь иностранных слов: настольная книга для народных читален и библиотек: необходимое пособие для начинающих читать / изд. И. Ф. Жиркова. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910. – 196 с.
41. Словарь иностранных слов с добавлением некоторых русских, не вполне понятных слов: пособие при чтении книг в школе и дома. – Киев: Ред. Киев. народ. календаря, 1881. – 248 с.
42. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. под ред. Ф. Н. Берга. – М.: А. А. Петрович, 1901. – 752 стлб.
43. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. по Энциклопедическому словарю Ф. [Ф.] Павленкова с соответствующими сокращениями в объяснении слов и добавлениями в их числе. – СПб.: Ф. Павленков, 1900. – 714 стлб. – [Переизд. в 1907, 1911, 1917 гг.].
44. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / сост. под ред. А. Н. Чудинова. – СПб.: В. И. Губинский, 1894. – 989 с. – [Переизд. в 1902, 1910 гг.].

45. Словарь иностранных слов, наиболее употребительных в русской литературе. – М.: Тип. К. Андерса, 1861. – 77 с.
46. Словарь иностранных слов, наиболее употребительных в русском языке: 7 500 слов / сост. под ред. М. За-ского. – Киев: Ф. Иогансон, 1890. – 373 с. – [На обл. загл.: Словотолкователь; переизд. в 1891, 1893 гг.].
47. Словарь научных терминов, иностранных слов и выражений, вошедших в русский язык / под ред. В. В. Битнера. – СПб.: Вестник знания, 1905. – 351 стб.
48. Словарь общепотребительных иностранных слов. – [Царицын]: Красный маяк, 1924. – 59 с.
49. Словарь политических и иностранных слов. – М.: Рабочая газета, 1925. – 272 с.
50. Словарь советских терминов и наиболее употребительных иностранных слов: объяснение сокращений и новых понятий, вошедших в разговорную и литературную речь при советской власти / под ред. П. Х. Спасского. – Н. Новгород: Школа-тип. им. В. Г. Короленко, 1924. – 56 с.
51. Современный словарь иностранных слов: около 20 000 слов / сост. Н. М. Ланда [и др.]; введущ. ред. Л. Н. Комарова. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, 2001. – 740 с. – [1-е изд. в 1992 г.].
52. Толковый объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. – СПб.: Тип. «Россия», 1907. – 63 с. – [Во 2-м изд. 1913 г. загл.: Толковый объяснительный словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке].
53. Юналеева Р. А. Древо тюркизмов в русском языке: словарь / науч. ред. К. Р. Галиуллин. – Набережные Челны: Набережночелнин. гос. пед. ин-т, 2009. – 271 с.
54. Яновский А. Е. Словарь иностранных слов и научных терминов / сост. А. Е. Яновский. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1905. – Вып. 1–2. – [Переизд. в 1911 г.].
55. Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины... – СПб.: при Имп. Акад. наук, 1803–1806. – Ч. 1–3.

Литература

- Глинкина Л. А.* «Толковый словарь иноязычных слов» Л. П. Крысина в аспекте лингводидактики // *Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина*. М., 2007.
- Козырев В. А., Черняк В. Д.* Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб., 2014.
- Крысин Л. П.* Лексикографическое представление иноязычного слова: типы грамматической информации // *Облик слова*. М., 1997.
- Крысин Л. П.* Русское слово, своё и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.

Словари языка поэтов XIX в. как один из источников исторической и «синхронической» лексикографии

С именем А. А. Шахматова связывается разработка «Словаря русского языка» тезаурусного типа: «...Академия должна дать в словаре отечественного языка по возможности полное описание существующего словоупотребления; ее словарь должен содержать такой надежный материал, из которого было бы видно, как говорит народ в различных областях России, как выражаются современные писатели, в каком значении употреблялись те или другие слова писателями прежнего времени и т. д.» [Шахматов 1899: 33]. И хотя данная идея не была воплощена, имела немало критиков, опора лексикографов на писательское словоупотребление не оспаривается. В этом плане чрезвычайно важны словари классиков, активная подготовка которых была инициирована выходом в свет «Словаря языка Пушкина» [БАС; Авторская 2013].

Среди изданий такого рода можно назвать, в частности, словари языка М. Ю. Лермонтова [Частотный 1981], А. В. Кольцова [Кольцов 1991], А. И. Полежаева [Васильев 2001], А. А. Дельвига [Васильев, Жаткин 2009б], Ф. И. Тютчева [Голованевский 2009], Н. М. Языкова [Васильев, Жаткин 2013], Н. П. Огарева [Васильев 2013б], а также подготавливаемые новые лексикографические справочники (Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, П. А. Вяземский [Васильев, Жаткин 2009а], Д. В. Давыдов, К. Ф. Рылеев и др.), дополняющие фактическим материалом существующие словарные картотеки и «электронные» базы данных.

Словари писателей позволяют выявлять индивидуально-авторские и редкие лексемы, их значения, учитывать системное использование тех или иных слов, например поэтами «пушкинской плеяды», их современниками [Васильев 2010, 2012б], проводить грань между окказиональным и узуальным, принимать во внимание диалектические переходы между этими явлениями в виде корпоративного (группового) писательского «жаргона». Проиллюстрируем сказанное.

В «Словаре языка Пушкина» встречаются отдельные указания на авторские неологизмы, например: *безmundирный* («эпитет, применённый Е. А. Баратынским к писателю О. М. Сомову, не состоявшему

на государственной службе...»), *молдаванно* («Шутливое новообразование Пушкина в письме из Кишинева...»), *топталнице* («Новообразование А. С. Шишкова...»), *челоперунный* («...заимствовано Пушкиным из "Гимна лиро-эпического на прогнание французов из отечества" Г. Р. Державина...»). Но в целом, системно, эта сторона пушкинского словоупотребления составителями словаря не выявлялась. Анализ произведений классика под данным углом зрения показывает, что в его языке не менее 200 слов и онимов подобного рода, — среди них и ставшие актуальными, благодаря нашей «литературной» памяти, и по этой причине порой не воспринимающиеся обыденным сознанием как окказионализмы: *антипоэтический*, *библейзм*, *дамоподобный*, *журналистик*, *искокетничаться*, *лжеумствование*, *охтинка*, *самостоянье*, *фабулист* и др. [Васильев 2006]. Редкие лексемы присутствуют и в незавершенном сочинении писателя «История Петра», не вошедшем в выборку для «Словаря языка Пушкина» [Васильев 2000]. В типологическом плане среди таких слов выделяются собственно пушкинские неологизмы, окказионализмы других авторов (в том числе и коллективные — *арзамасец*), окказиональные формы известных слов (*аристократичесествовать*, *безнравствие*, *боксовать* и др.), пушкинские кальки, транслитерации и трансформации иноязычных слов (*меченосец*, *хладномыслие*; *вирле*, *новель*, *ноэль*, *супирант*, *суспиция*, *цуккерброд*; *пруд*, *прудничать*, *прудство* и др.).

Лексикографически последовательно указания на авторские неологизмы, типологически близкие к ним редкие слова, диалектные элементы (реже, чем общенародные, попадающие в толковые словари) осуществлены в словарях языка А. А. Дельвига, Н. М. Языкова, Н. П. Огарева, что, на наш взгляд, чрезвычайно важно для исторической лексикологии, лингвопоэтики и писательской лексикографии, стимулирующей разнообразные филологические исследования [см., напр.: Васильев 2012а, 2013а]. Приведем некоторые примеры.

В одной из редакций поэмы «Руслан и Людмила» (1820) Пушкин употребляет слово *двуххолмистый* [Новые 1982: 61], воспринимающееся как окказионализм. Между тем в форме *двуххолмистый* оно встречается еще в поэзии Державина («Любителю художеств», 1791), а в варианте *двуххолмный* — в прозе Грибоедова («Путевые письма к С. Н. Бегичеву», 1819)¹, что, в отличие от первых двух лексических

¹ Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ) указывает и одно поэтическое употребление этого редкого слова: *Верблюд двуххолмный, изумленный / Стоит, колена преклонив...* (С. С. Бобров. Херсониды... 1798–1804).

единиц, нашло отражение в современной лексикографии [БАС III: 620]. Думается, что в таком случае у слова *ду(х)холмистый* не меньше прав на словарную фиксацию, учитывая его востребованность в творчестве, по крайней мере, двух стихотворцев.

Гораздо больше оснований попасть в толковые словари у лексемы *стиходей*, отсутствующей, однако, даже в самом значительном по объему материала лексикографическом издании [Даль³]. Это слово встречается в произведениях В. И. Майкова (1769), Н. М. Карамзина (1796), В. Л. Пушкина (1796, 1824), А. Ф. Мерзлякова (1798), П. П. Сумарокова (1802), Г. Р. Державина (1812), В. А. Жуковского (1812, 1815), А. С. Пушкина (1815), П. А. Вяземского (1821, 1822, 1874) и других писателей¹. Например: *В небесном стиходей жару / Средь сада, под дождем, на тягостном ветру / Писал гремящу оду / Противу времени, на ветры, непогоду...* (Мерзляков. Стихотворец. 1798); *Меж тем поклон отдав Хвостову, / Творец, списавший Простакову, / Три ночи в мрачных чердаках / В больших и малых городах / Пугал российских стиходеев...* (А.С. Пушкин. Тень Фонвизина. 1815); *Хоть мы в такие дни живем, / Что нашу братью, стиходеев, / Сажает в крепость как злодеев / И как безумных в желтый дом, / Но я, считая пустяками / Гоненья рока и людей, / Привычке следуя моей / И все пишу к тебе стихами* (В. А. Жуковский: Послание к П. А. Вяземскому. 1815–1820). Из этих примеров видно, что данная лексема имела не только отрицательную коннотацию, могла употребляться в более общем значении ‘поэт, стихотворец’ (с легким ироническим подтекстом), что тоже требует лексикографической интерпретации.

В повести Полежаева «Рассказ Кузьмы, или Вечер в "Кенигсберге"» (1825) используется диалектизм (?) *трембрень*: *А уж в ерниках-студентах / Никогда и не был толк: / Тот в латинских документах, / Этот — в греческих знаток; / Черт их знает, — ходят, бродят, / Ни на каплю нет пути, / Вздор, **трембрень** такой городят* — отсутствующий в известных нам толковых словарях. По материнской линии поэт являлся выходцем из крестьян, позже тесно общался с разночинской средой разных губерний России и поэтому активно, эстетически изоцированно привлекал просторечную лексику и фразеологию [Васильев 1992, 1995]. Интересно, что именно ссылкой на его поэму «Сашка» (1825) открывается иллюстративный ряд употреблений в русской литературе такого экстравагантного слова, как *сиволдай* ‘сивуха’ [БАС].

Системное лексикографирование языка писателей имеет несомненные преимущества перед выборочным картографированием рече-

¹ Ссылаемся, в частности, на ресурсы НКРЯ.

вых фактов. Проблема заключается лишь в отставании авторской лексикографии от нужд составителей толковых, исторических и других словарей. Покажем некоторые другие возможности писательской лексикографии как вспомогательного инструмента в работе словарников.

Пушкин и Дельвиг не раз используют лексику *смех* в значении 'боги радости и веселья в античной мифологии; символ радости, веселья [мн. ч.]' [Сл. Пушк.; Васильев, Жаткин 2009], например: *...Хор смехов и харит в приют певца слетится...* (Дельвиг. К А. С. Пушкину. 1816 или 1817); *...Из круга смехов и харит / Уж время скрыться мне велит...* (Пушкин. Стансы: из Вольтера. 1817). Сходное значение слова обнаруживается и в произведениях других поэтов XVIII–XIX вв., в частности И.И. Дмитриева: *...Так о картине князь судил, / И каждый день он в ней пороки находил. / <...> / Уже не взмилились и грации ему. / <...> / Потом и нежные слетели голубочки; / Потом и смехи все велел закрасить он...* («Картина», 1790); *Резвый нежных муз питомец, / Друг и смехов и утех, / Ныне им как незнакомец...* («Стансы к Н. М. Карамзину», 1793); Державина: *...Как вокруг вас радости и смехи, / Невинны сельские утехы, / И хоры дев поют весну, / — То скука нас не шлет ко сну* («Капнисту», 1797); *...Неги, радости и смехи / Плетеницы из цветов / На героев налагают...* («Аспазии», 1809); В. В. Попугаева: *Смехи круг ее толпились, / Зефир кудри разведал...* («Сон, прервавшийся в минуту благополучия», 1799); А. Х. Востокова: *Всё развивалось, наполнилось жизнью, / Сошли с Олимпа смехи и Грации...* («К Борею, в 1-й день мая», 1802). Следовательно, данный, синтагматически фразеологизированный (*смехи / утехы / радости / игры / хариты / грации* и т. п.) оттенок значения, привнесенный в русскую поэзию, вероятно, из французского классицизма, должен бы фиксироваться толковыми словарями. Однако даже в самом авторитетном издании такого рода [БАС] мы его не находим.

Одним из следствий системного описания языка классиков является уточнение хронологической «глубины» вовлечения научной терминологии в сферу поэтического мышления, метафорической трансформации научных понятий в художественном стиле [см., в частности: Васильев 1989]. Продемонстрируем это на примере термина *атом*. Как физическое понятие слово фиксируется в русской лексикографии в формах *атом/ато́ма* с XVIII в. [БАС–3 I: 303]. Переносное его использование ('О малейшей, ничтожной частице в мироздании') отмечается с этого же времени, в частности в поэзии Кантемира: *А мы с тобой на свете малейша ато́ма, / Счастье наше слабе наукова дома* [СРЯ XVIII 1: 112]. Карамзин употребляет данный термин с тем же

характерным ударением: *Рассудок, чувством пробужденный, / Открыл порядок неизменный / Во всех подлунных существах, / <...> / В ничтожном червячке, в былинке / Печать премудрости узрел; / В **атóмах** мертвых и песчинке / Следы величия нашел* («Дарования», 1796). Полежаев неоднократно использует это понятие метафорически, но в форме м. р., например: *Его [Бога] предведенье могло / Моей свободы видеть зло — / Он должен был из тьмы веков / Воззвать **атóм** мой для оков* («А. П. Лозовскому», 1828); *Зачем же я возник, о Провиденье, / Из тьмы веков перед тобой? / О, обрати опять в уничтоженья / **Атóм**, караемый судьбой!* («Ожесточенный», 1828). О необычности, художественной изысканности подобного «метафизического» употребления физического понятия можно судить хотя бы по тому, что в языке Пушкина, Дельвига, Языкова, Тютчева, Лермонтова, Огарева и многих других поэтов указанное слово не встречается, т. е. не входит в концептуально-образный арсенал их поэтики. Отсюда напрашиваются выводы, что словарная фиксация этой лексемы в академических толковых и исторических словарях должна учитывать ее бинарную родовую форму; двойное ударение, устанавливаемое с помощью поэтических текстов; принимать во внимание примеры образного использования термина в более раннее время, чем творчество И. А. Гончарова («Обыкновенная история», 1845); отмечать признаки формирования переносного значения термина и его вовлечение в поэтический язык уже на рубеже XVIII–XIX вв. [ср. БАС–3 I: 303].

В «Большом академическом словаре», помимо ряда примечательных слов различного семантического и стилистического спектра (*жюпа, протезизм* и др.)¹, отсутствует и архаичное наречие *измлада 'смолоду'*², памятное по строкам «Евгения Онегина»: ...*Что было для него **измлада** / И труд, и мука, и отрада...* (I, VIII)³. Указанная лексема фиксируется, однако, в толковых словарях XIX в., встречается в произведениях Ф. Прокоповича, Татищева, Новикова, Вяземского, Грибоедова, Гоголя, Бенедиктова, Шевырева, Некрасова, Достоевского... [Редкие 2000: 180; НКРЯ]. Использовали ее и Державин: *Я охотник был **измлада** / За дичиною гулять: / Меду сладкого не надо, / Лишь бы в поле пострелять* («Стрелок», 1799); Языков: ...*Летний жар ко мне суров: / Он противен мне **измлада**, / Он, томящий до упада, / Рыжий враг моих стихов* («К стихам моим», 1839). Данная традиция

¹ Ср., например: Ожегов, Шведова 2003; Русский 2005.

² Ср., например: Русский 2005.

³ В основном корпусе пушкинских текстов оно употребляется лишь однажды [Сл. Пушк.].

«резонировала» и в поэзии XX в., например: *Ревнуют строить две любви два града: / Град Божий на земле и град земной. / Быть страстным, Человек, — твой рок страстной; / Ты Каин был, ты ж Авель был **измлада*** (В. Иванов. «Ревнуют строить две любви два града...», 1915); *Затем, что ротот стволов — баллада, / Затем, что, дыханья не переведа, / Мутясь, мятется ночь **измлада**, / Затем, наконец, что — баллада, баллада, / Монетный двор дождя* (Б. Пастернак. Баллада, 1916 — ранняя редакция). Все это свидетельствует, что лексема *измлада* не уникальна для творчества Пушкина¹ и закономерна в рамках трех веков русской поэзии, а следовательно нуждается в бережной лексикографической инвентаризации, поскольку для современного читателя (филолога, студента, школьника и т. д.) необходима справочная информация об этом архаизме — при естественном в таком случае обращении к «большим» толковым словарям, с их установкой на диахронический охват лексического материала («от эпохи Пушкина до наших дней») [БАС–3 I: 3], что, кстати говоря, злободневно и в плане соперничества русского языка с английским в аспекте их словарно-концептуального богатства [Кругликова 2014].

В том же словаре приводится устаревший словоэлемент *-пят*: «...Вторая часть в сложении сам-пят, обозначающая: в пять раз больше (посеянного)» — со ссылкой на творчество А. Ф. Писемского [БАС-3 XXI: 606]². Следуя этой справке, попытаемся понять смысл некоторых контекстов в произведениях классиков, например: *Пугачев с шестьюдесятью казаками пробился сквозь неприятельское войско и прискакал **сам-пят** в Бердскую слободу...* (Пушкин. История Пугачева. 1833); *На слабых поднял он [немец] булат, / Не из тцеславья, не из мести, / На одного пошел **сам пят** / Всё бескорыстно, всё из чести* (Вяземский. «Спросите Бисмарка, к чему...», 1864) — и, конечно, будем озадачены. Между тем В. И. Даль в статье САМЪ поясняет более широкую семантику вариаций этой просторечной лексемы: «*Самд-ругъ, самтретей, самчетверть, самшестъ, самдесять* и пр. вдвоемъ, втроемъ, вдесятеромъ. Говорять и самъ се(д)мой, сама третья, **пята** (выделено нами. — Н. В.) и пр., а также: я былъ самъ въ пятыхъ, въ шестыхъ и пр.»; «**Сам-десять**, вдесятеромъ» [Даль² IV: 131–132]. Словарь Д. Н. Ушакова фиксирует подобные словообразования как диалектные: *сам-друг, сам-третей, сам-четвёрт, сам-пят, сам-шост,*

¹ Около половины слов в лексиконах писателей используется не более одного-двух раз [Фрумкина 1964: 51].

² Указаний на фиксацию лексемы в предшествующих словарях здесь нет.

сам-сём, сам-девят, сам-десять [Ушаков IV: 29, 45]. В «Словаре языка Пушкина» имеются статьи *сам-пят, сам-третей, сам<->шест*, из чего видно, что и реформатор русского литературного языка не пренебрегал такими сниженными элементами. Это касается многих других писателей, ученых, публицистов, например: ...*Власов задал ямщикам другую загадку. "Десять плеч, десять голов, а четыре души, десять рук, десять ног, сто пальцев, а ходит лежа, на восьми ногах, пойдет сам-пят, воротится сам-четверт, что за зверь?"* (В. И. Даль. Бедовик. 1839); *1 сентября царевич Александр с своими людьми сам-пят из Запорожья поехал в Литовскую землю...* (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 10. 1860); *А у брата меньшого сам-пят ребят, — а у меня, гляди, одна солдатка осталась* (Л. Н. Толстой. Война и мир. 1863–1869); *Урожай-то были не нынешние, сам-четверт да сам-пят, — сторицею давала земля* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы. 1880); *Четыре министра, Иуда сам-пят, забыли или не знают той старой истины, что литература есть только выражение и отражение существующих в обществе чувств, мыслей, отношений* (Народная воля. 1884. № 10). Крылов использует более редкую реализацию подобной словообразовательной модели: ...*"Что́ если бы о нас [семенах] ты столько клал забот? / Ведь в будущий бы год / Ты собрал бы сам-сот..."* («Колос», 1819) [см. Редкие 2000: 370; Кимягарова 2006]. Позже указанная лексема встречается, например, и у А. А. Бестужева: *Первый [Ф. В. Булгарин] очень мил, когда примется за государственное хозяйство: видно, что остзейский картофель уродился у него в голове сам-сот* (Письма, 1830–1837); *Теперь что ни самая-то пора для разбойников... ведь недаром говорят, когда в горах зерно не родится и сам-друг, порох родится сам-сот* («Мулла-Нур», 1836).

Исходя из справки «академического словаря» относительно архаичных вариантов словарных единиц, можно прийти к выводу, что форма *алтарь* — единственная диахроническая вариация лексем [БАС–3 I: 166–167]. Между тем «Словарь русского языка XVIII века» указывает в качестве основной формы слова в этот период — *олтарь* [СРЯ XVIII 1: 51; 16: 268–269; см. также: Старославянский 1999: 411], что имеет отголоски и в словоупотреблении XIX в. Так, в поэтических произведениях Вяземского лексема *олтарь* встречается трижды: «Негодование» (1818), «Ответ» (1834), «Волшебная обитель» (1848) [Вяземский 1878–1896, т. 3: 167; т. 4: VI, IX (прим.)], хотя статистически заметно уступает форме *алтарь*. «Словарь языка Пушкина» не содер-

жит указаний на устаревшую форму слова; однако в вариантах пушкинских произведений она фиксируется [Новые 1982: 17–18].

Подведем итог сказанному. Словари языка писателей выявляют качественные и количественные нюансы художественного словоупотребления, стимулируют разнообразные филологические исследования и могут быть приняты во внимание при подготовке «Словаря русского языка XIX века» [Васильев 2004], составлении академических толковых и диалектных словарей, учитывающих историческую динамику функционирования слов.

Литература

Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.–Л., 1948–1965.

БАС–3 — Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–23. М.–СПб., 2004–2015 (изд. продолж.).

Васильев Н. Л. Научная лексика в языке А. С. Пушкина. Саранск, 1989.

Васильев Н. Л. Диалектная лексика среднерусских говоров в поэзии А. И. Полежаева // Лексика, словообразование и фонетика среднерусских говоров Поволжья. Саранск, 1992. С. 87–100.

Васильев Н. Л. А. И. Полежаев в истории русского литературного языка: Программа, методические рекомендации и материалы к спецкурсу. Саранск, 1995.

Васильев Н. Л. Новые данные о лексической структуре языка Пушкина // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2000. № 3. С. 48–51.

Васильев Н. Л. Словарь языка А.И. Полежаева. Саранск, 2001.

Васильев Н. Л. К методологии изучения (и лексикографической интерпретации) словарного состава русского языка XIX в. // Русский язык XIX века: Проблемы изучения и лексикографического описания. СПб., 2004. С. 22–26.

Васильев Н.Л. Пушкинское словотворчество в аспекте писательской лексикографии // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления). СПб., 2006. С. 15–17.

Васильев Н. Л. Творческое взаимодействие А. С. Пушкина и А. А. Дельвига сквозь призму писательских лексиконов // Болдинские чтения. Саранск, 2010. С. 21–28.

Васильев Н. Л. Диалектная лексика в поэзии Н. П. Огарева // Русский язык в контексте национальной культуры. Саранск, 2012. С. 46–50.

Васильев Н. Л. Поэтические идиолекты А. С. Пушкина, А. И. Полежаева и М. Ю. Лермонтова: лексические стыковки и расхождения // Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе. СПб., 2012. С. 276–280.

Васильев Н. Л. Оказиональные и редкие лексемы в поэтическом языке Н. П. Огарева // Русский язык как государственный язык Российской Федера-

ции в условиях полиэтнического и политкультурного региона. М.–Саранск, 2013. С. 216–219.

Васильев Н. Л. Словарь поэтического языка Н. П. Огарева. Саранск, 2013.

Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. О проекте «Словаря поэтического языка П.А. Вяземского» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2. С. 841–845

Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словарь языка А. А. Дельвига. М., 2009.

Васильев Н. Л., Жаткин Д.Н. Словарь Н. М. Языкова. М., 2013.

Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878–1896.

Голованевский А. Л. Поэтический словарь Ф. И. Тютчева. Брянск, 2009.

Грот Я. Словарь к стихотворениям Державина // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. Т. 9. СПб., 1883. С. 356–444.

Даль² — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.–М., 1880–1882.

Даль³ — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.–М., 1903–1907.

Кимягарова Р. С. Словарь языка басен Крылова. М., 2006.

А. В. Кольцов: Указатель слов и форм слов в поэтических произведениях / Под ред. Р. К. Кавецкой. Воронеж, 1991.

Кругликова Л. Е. Достаточно ли в русском языке слов для выражения мыслей? // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей рус. яз.: Тр. и материалы. М., 2014. С. 158–159.

Новые материалы к словарю А. С. Пушкина / Сост.: В. В. Пчелкина, Е. П. Ходакова. М., 1982.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2003.

Редкие слова в произведениях авторов XIX века: Словарь-справочник / Отв. ред. Р. П. Рогожникова. 2-е изд. М., 2000.

Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / Отв. ред. В. В. Лопатин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.

Сл. Пушкин. — Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В. В. Виноградов. М., 1956–1961.

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1984–2013 Вып. 1–20 (изд. продолжается).

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. 2-е изд. М., 1999.

Ушаков — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Фрумкина Р. М. Статистические методы изучения лексики. М., 1964.

Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова / Под ред. В. В. Бородина, А.Я. Шайкевича // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 717–774.

Шахматов А. А. Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана <«План нового академического словаря с точки зрения иноязычного»> // Сб. ОРЯС. Т. 67. № 1. СПб., 1899. С. 28–33.

Шестакова Лариса Леонидовна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
Россия, г. Москва

**Информационно-поисковая система
«Словари русской поэзии Серебряного века»
как пример информационного проекта в лексикографии**

С именем академика А. А. Шахматова связаны многие страницы ранней русской авторской, или писательской, лексикографии [ИРЛ: 239; Рогожникова 2003: 21–22; Шестакова 2011: 147–148 и др.; Гиндин 2014]. Издаваемые сегодня авторские словари в разной степени реализуют идеи Шахматова — в частности, его представление о словарях писателей как источнике общезыковых словарей. В качестве источника общих, авторских и иных словарей может служить современный многотомный «Словарь языка русской поэзии XX века» [СЯРП]. Это полный по словнику конкорданс комментирующего типа, основанный на материале творчества десяти русских поэтов — И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Наряду с подготовкой очередных томов Словаря, коллектив составителей занимается вопросами его преобразования в рамках общей проблемы обеспечения пользователей научной информацией через информационно-поисковые системы (ИПС). Один из результатов такой работы — это ИПС «Словари русской поэзии Серебряного века», отражающая разные лексические пласты языка поэзии названного периода, обеспечивающая поиск информации от разных элементов словарной статьи (от слова, автора, пометы, времени создания стихотворения и т. д.). ИПС размещена в сети Интернет на сайте: <http://lexrus.ru>, который представляет и другие подобные системы: РУС-ОРФО, «Словарь древнерусского языка» (XI–XIV вв.), «Объяснительный русский орфографический словарь-справочник» и т. д.

ИПС включает четыре электронных словаря: «Словарь новых слов», «Словарь редких слов», «Словарь имен собственных» и «Словарь поэтических цитат». Опираясь на корпус базового СЯРП, эти справочники в целом строятся в соответствии с его основными принципами (см. [Григорьев 2001]). Не останавливаясь сейчас на них, укажем, что словарная статья, сочетающая в себе обязательные и факультативные зоны, организована таким образом, чтобы при пополнении

СЯРП новыми материалами (например, по другим поэтам) она не подвергалась существенным изменениям. Такая структура статьи принята в целом для производных словарей — конечно, с учетом специфики языкового материала, который в них описывается.

Каждый словарь представлен в ИПС Предисловием и Содержанием. Предисловие не только вводит пользователя в пространство конкретного словаря — оно дает ему и общее представление о словарях данной разновидности; Содержание — это собственно корпус словарных статей. Обратимся к рассмотрению словарей ИПС.

В Предисловии к **«Словарю новых слов»** отмечается, что справочники, представляющие авторские неологизмы, пока еще не многочисленны. Но, тем не менее, их можно представить в виде нескольких групп. Во-первых, это словари, предметом описания которых служат именно неологизмы конкретного автора, например: «Словарь неологизмов Маяковского» (автор Н. П. Колесников, 1991), «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» (Н. Н. Перцова, 1995), «Окказионализмы В. С. Высоцкого. Опыт словаря» (В. П. Изотов, 1998), «Словарь авторских новообразований Н. С. Лескова» (Л. В. Алешина, 2002–2009). В данной группе, кроме справочников, построенных на материале одного автора, выделяются и сводные словари, создаваемые по творчеству ряда авторов, например: «Словарь окказиональной лексики футуризма» (Д. Б. Масленников, 2000). Во-вторых, это словари, в которых новые слова — только один пласт представляемой лексики. Они описываются наряду с единицами устаревшими, диалектными, стилистически нейтральными и окрашенными. Назовем, к примеру, «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой» (И. Ю. Белякова, И. П. Оловянникова, О. Г. Ревзина 1996–2004), в котором окказиональная лексика помечается специальным знаком звездочки; это также «Словарь языка русской поэзии XX века», где новые слова (в широком понимании этого термина) сопровождаются квалифицирующей пометой *нов.* (новое). Данная помета использована и в «Словаре новых слов» Информационно-поисковой системы. Кроме названной пометы, в словаре даются, при необходимости, грамматическая характеристика слова, толкование (хотя по отношению к новым словам толкование часто носит предположительный характер), указание на отнесенность слова к тому или иному пласту единиц в лексиконе автора (например, к единицам языка богов у Хлебникова) и другая информация.

См., например¹:

АВРОРОВ [нов.; прил. к «АВРОРА» (крейсер)] А поверху / город / как будто взорван: / бабахнула / шестидюймовка Авророва. *М927 (539)*; и виденьем кита / туша / Авророва. [*рфм. к прорва*] *М927 (547)*

АВТОМОБИЛИЙ [нов.] — Мне, автомобилищу, чего бы не забыть еще? Вычистили, вымыли, бензином напоили. Хочется мешки возить. Хочется пыхтеть еще. Шины мои толстые — я слон автомобилей. *РП Детск. ОМ 926 (329.2)*

АК [нов.; единица языка богов] [Э р о т:] <...> Али, Эли, Или! Эк, ак, ук! *РП Хл920-22 (473)*

БАРИНОК [нов.] Высок, одинок Грядет государь. (Считай, б.: Четвертый удар!) *Цв922 (III,303)*; Не вихрь быстроног Стойком – через ров: Глядит б. С высот-мраморов: *Цв922 (III,315)*

БЕЗГЛАДЬ [нов.] А ныне я в твою [Кавказа] б. Пришел, не ведая причины: Родной ли прах здесь обрыдать Иль подсмотреть свой час кончины! *Ес924 (II,175)*

БУТРА [нов.; по звучанию напоминает магическое заклинание в индуизме] «Ашанта б. первенец Первантра!» Провозгласили, — и смутился я, Что этих важных слов не понимаю. *Куз922 (274)*

Следует сказать, что в некоторых случаях при помете *нов.* стоит вопросительный знак. Смысл его может быть сведен к неполной уверенности составителей в новизне лексемы — при том, что она или не обнаружена в словарных источниках, или не соответствует словарно зафиксированному значению. Иногда используется сочетание помет *нов.? обл.?* (также в обратном порядке) и под., выражающее сомнение в новизне слова и предположение о его принадлежности к областной или иной лексике. Например, в материалах на букву В встречаются статьи к словам *взорить, вспоколебаться, выруча*:

ВЗОРИТЬ [обл.?. нов.?] А солнце тоже: / «Ты да я, / нас, товарищ, двое! / Пойдем, поэт, / взорим, / вспоем / у мира в сером хламе. / Я буду солнце лить свое, / а ты – свое, стихами». *РП М920 (86)*

ВСПОКОЛЕБАТЬСЯ [нов.?] Как вострубит ангел во трубушку, И отворятся двери райские, Вся земля тут вспоколеблется, Солнце, месяц тут по-

¹ Здесь и далее используются принятые в СЯРП сокращения: *Анн* – Анненский, *Ахм* – Ахматова, *АБ* – Блок, *Ес* – Есенин, *Куз* – Кузмин, *ОМ* – Мандельштам, *М* – Маяковский, *П* – Пастернак, *Хл* – Хлебников, *Цв* – Цветаева; *алюз.* – аллюзия, *арам.* – арамейский, *вар.* – вариант, *гор.* – город, *Детск.* – детское, *Загл.* – заглавие, *Ирон.* – иронически, *итал.* – итальянский, *Мк.* – Евангелие от Марка, *назв.* – название, *нариц.* – нарицательное, *нов.* – новое, *обл.* – областное, *обращ.* – обращение, *прил.* – прилагательное, *разг.* – разговорное, *РП* – речь персонажа, *рфм.* – рифма, *сочет.* – сочетание, *тж* – также, *устар.* – устаревшее, *Шутл.* – шутливо.

меркнут вдруг, Звезды с неба спадут, как листья, Куз903 (152)

ВЫРУЧА [*нов.?*; *вар. к* выручка] Граждане! / Это первый день рабочего потопа. / Идем / запутавшемуся миру на выручу! / Пусть толпы в небо вбивают топот! / Пусть флоты ярость сиренами вырычат! М917 (65)

Переходя к «Словарю редких слов», отметим, что подобные словари образуют в своей совокупности относительно новый тип лексикографического сочинения. Одно из первых таких изданий — словарь «Редкие слова в произведениях авторов XIX в.» (отв. ред. Р. П. Рогожникова, 1997), «появление которого оказалось возможным благодаря наличию достаточного количества полных словарей языка писателя, словоуказателей, <...> обобщающего "Сводного словаря современной русской лексики"» [Козырев, Черняк 2000: 201]. К словарям этой группы относятся «Словарь редких и забытых слов» (автор В. П. Сомов, 1996 и последующие издания), «500 забытых и редких слов из "Записок охотника" И. С. Тургенева» Т. В. Бахвалова, А. Р. Попова, 2007), а также другие словари, описывающие редкие, устаревшие, трудные для понимания современным читателем слова, почерпнутые, в основном, из произведений русской классической литературы.

Определение «редкие слова» достаточно условно, и далеко не все составители соответствующих справочников проясняют его содержание. В первом из названных словарей «редкими» составители называют лексемы, которые не вошли в современные толковые словари русского языка (хотя они могут присутствовать в словарях XIX в.). В предисловии к словарю В. П. Сомова отмечается, что это своего рода собрание глосс, содержащее архаизмы, варваризмы, экзотизмы, диалектизмы, слова профессиональные и терминологические, встречающиеся в произведениях русской литературы от М. В. Ломоносова до Т. Кибирова.

Идея создания электронного «Словаря редких слов» на базе СЯРП возникла не случайно. Уже в начале работы над многотомным словарем составители обратили внимание на слова единичного употребления, т. е. лексемы, употребленные одним поэтом один раз. Именно такие лексемы были отнесены к редким и собраны в названном словаре. Они — очень разные по своим языковым характеристикам (по семантике, стилистической окраске, принадлежности к лексике активного и пассивного запаса русского языка). Сюда попадают не только слова устаревшие, областные, специальные, но и лексемы общеупотребительные, однако в поэтическом языке (в пределах произведений выбранных авторов) редко используемые. См., например:

ГАЙТАН [*устар.*; плетеный шнурок или тесьма] И рвал г., и тискал
тельник, И ребер сдерживал обвал. *П926-27 (I,312)*

ГЛУШИТЕЛЬ [деталь рояля] Памяти гудящий Китеж – Правая [пе-
дадь!] Летейских вод Левую бери: г. Длителя перепоет. *Цв923 (II,190.4)*

ЖАЛОСТНО-ЧУТКИЙ И всю ночь кто-то жалостно-чуткий На ска-
мье там дремал, уходя в котелок. *Анн900-е (141.2)*

ЖАНТИЛЬНЫЙ [*устар. разг.*; жеманный, кокетливый] Вокруг, / в
поощренье / жантильных манер, / дорожки / полны статуями – *Ирон. М925
(158)*

КАМПАНИЛА [отдельно стоящая колокольня в виде башни при итал.
церквях] Стучит топор, и с кампанил К нам флорентийский звон долинный
Плывет, доплыл и разбудил Сон золотистый и старинный... *АБ909 (III,112)*

ЛЕЩУГА [*обл.*; травянистое растение] Разыгралась тройка-вьюга,
Брызжет пот, холодный, терпкий, И плачущая л. Лезет к ветру на закорки.
Ес916 (I,208)

«Словарь имен собственных» является продолжением книги
«Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен»
[Григорьев, Колодяжная, Шестакова 2005] и включает в себя личные
имена и географические названия.

В Предисловии к словарю отмечается, что его характер и объем
обусловлены не принципиальным предпочтением антропонимов и то-
понимов иным именам собственным, а в основном — частотностью и
многообразием их типов в текстах выбранных авторов. К антропони-
мам в словаре отнесены имена реальных лиц (личные имена как тако-
вые, отчества, фамилии, псевдонимы, прозвища), имена вымышлен-
ных лиц (литературных героев, мифологических, фольклорных персо-
нажей), теонимы, культонимы, инициальные обозначения лиц, а также
нарицательные имена, выступающие в роли собственных и оформлен-
ные обычно с прописной буквы. К топонимам отнесены собственные
имена разных географических объектов — территорий и поселений
(стран, городов, деревень и т. п.), элементов земной поверхности (гор,
долин и т. п.), внутригородских топографических объектов (улиц,
площадей, церквей и т. п.) и т. д. Отметим, что в данном словаре инте-
ресен не только сам состав собственных имен, но и то, как поэты их
используют — включая в языковую игру, рифмуя со словами разных
частей речи, вводя в заглавия стихотворений и т. д.:

ГЕСЕР [*вар. к* [ГЭСЭР]; богатырь, герой центральноазиатского эпоса;
тж в знач. *нариц.*] Но близилась светлая эра К навеки священным местам,
Где ты [Азия] воспевала Гесера, Все стали Гесерами там. *Ахм944 (327)*

ГРОЗНЫЙ [прозвище рус. царя Ивана IV; см. ИОАНН] Сад <...> Где носорог носит в бело-красных глазах неугасимую ярость низверженного царя и один из всех зверей не скрывает своего презрения к людям, как к восстанию рабов. И в нем притаился Иоанн Г.. *Хл909,11 (185)*

ДНО [Д. и «Д.»; назв. ж.-д. станции, на к-рой отрекся от престола Николай II] Сужался круг, редели сосны, Два солнца встретились в окне. Одно всходило из-за Тосна, Другое заходило в Дне. *П923,28 (I,275)*; Может *быть*, но ведь может *не* Быть. И не было. Дуло. Но Не стена за спиной – так..? Всё, что Не угодно. Деша «Дно», Царь отрекся. *Цв926 (III,114)*

ЕВГЕНИЙ [*аллюз. на героя поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник»*] Самолюбивый, скромный пешеход – Чудак Е. – бедности стыдится, Бензин вдыхает и судьбу клянет! *Шутл. ОМ913 (84.2)*

ЕЛАБУГА [гор. в Татарстане; место гибели М.И. Цветаевой 31 августа 1941 г.] Ах, Марина, давно уже время, Да и труд не такой уж ахти, Твой заброшенный прах в реквиеме Из Елабуги перенести. *П943 (II,48.1)*

ЗОЩЕНКО [Михаил Михайлович (1895–1958) – рус. писатель-сатирик] ПАМЯТИ М.М. ЗОЩЕНКО *Загл. Ахм958 (248.1)*

ИКАР [в др.-греч. мифологии – сын художника и строителя Дедала; И. погиб, приблизившись к солнцу на сделанных Дедалом крыльях, склеенных воском] Лучи в магический фокус Страсти зеркала – И палящую кару, Гибель Икара, Пожар Гоморры Получишь в оплату! Горе! Горе! *Куз921 (259)*; Полет – сказанье об Икаре. Но тихо с круч ползет подзол, И глух, как каторжник на Каре, Недвижный Днепр, ночной Подол. *П930 (I,383)*

«Словарь поэтических цитат» можно отнести к группе словарей афоризмов, крылатых слов, выражений и т. п. Словарей подобного рода публикуется много, однако материал в них часто один и тот же, и за их пределами остается множество выразительных строк, которые заключают в себе афористическое начало и могут функционировать вне своего «родного» текста. Такие строки мы называем, вслед за В. П. Григорьевым, «сильными» поэтическими контекстами, выбирая их по определенным критериям: наличию «духовного приращения смысла», актуальности, образной яркости, эстетической значимости. «Сильные» контексты нередко несут в себе некую истину и созвучны нашей современной жизни. См., например:

АВОСЬ В бурю родились, плывем на авось, Смотрим загадочно, грозно и чудно. *Хл913 (245)*; Авось, и распарит кручину Хлебнувшая чая душа! *АБ915 (III,155)*

АКЦИОНЕР Акционеры / сидят увлечены, / делят миллиарды, *Ирон. М925 (215)*

БОГ Быть может – вздох от нас останется, А может – Бог на нас оглянется... *Цв919 (I,493.1)*; Мы бога знаем только в переводе, А подлинник не-

многим достижим. *П950-е (II,575)*

ВЛАСТЬ В. отвратительна, как руки брадобрея. *ОМ933,35 (195)*

ГЛОТАТЕЛЬ Глотатели пустот, Читатели газет! *Цв935 (II,334)*

ГЛУПОСТЬ Человеческая г., Безысходна, величава, Бесконечна...
АБ914 (III,272);

ДУМАТЬ Я думал о России, которая сменой тундр, тайги, степей По-
хожа на один божественно звучащий стих *Хл909 (56)*.

Ср. и строки из поэмы В. Хлебникова «Ладомир», которые В. П. Григорьев считал предвестием Интернета: *Учебники по воздуху летели В училища по селам.*

Представленная ИПС может быть использована для лексикографических, исследовательских, образовательных и иных целей как источник информации о составе и структуре лексикона поэзии Серебряного века, сведений о семантике и особенностях функционирования отдельного слова, как материал для изучения языковых черт каждого из описываемых поэтов и групп поэтов, а также для многостороннего изучения языка русской поэзии Серебряного века.

Литература

Гиндин С. И. От писательской лексикографии — к текстологии писателя: В. Я. Брюсов и супруги Бальмонты в работе над «пушкинским словарем» // Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. 2014. Т. 73. № 1. С. 37–50.

Григорьев В. П. Предисловие // Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I: А – В. М., 2001. С. 3–11.

Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. М., 2005.

ИРЛ — История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб., 1998.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000.

Рогожникова Р. П. Сокровищница русского слова: История большой словарной картотеки ИЛИ РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2003.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. Т. I: А–В. М., 2001; Т. II: Г–Ж. М., 2003; Т. III: З–Круг. М., 2008; Т. IV: Кругл–М. М., 2010; Т. V: Н–Паяц. М., 2013.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

Бубнова Нина Викторовна
Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооружённых Сил Российской Федерации
имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского
Россия, г. Смоленск

Особенности макро- и микроструктуры учебного лингвokraеведческого словаря имён собственных (на примере словаря Смоленского края)

Одной из «проблемных зон» современной отечественной лексикографии продолжает оставаться словарное описание ономастической лексики. В работе «История русской лексикографии» под редакцией Ф. П. Сороколетова представлен подробный анализ русских лексикографических источников, начиная с глоссариев X–XVII веков и заканчивая лексикографией XX века. В результате анализа авторы приходят к выводу о том, что собственные имена были лишь единично представлены в некоторых источниках, а в целом они «остались за пределами словарей» [ИРЛ 2001: 370]. По мнению Л. П. Калакуцкой, в этом немаловажную роль сыграла нерешённость в лингвистике вопроса — обладает ли имя собственное понятием: «Неоднократные попытки решения этого сакраментального вопроса напоминали известный средневековый спор — сколько чертей помещается на кончике иглы. Каждый философ имел на него собственный ответ. Нерешённость этого теоретического вопроса привела русских лексикографов к чисто практическому выводу: имена собственные были оставлены на откуп энциклопедиям» [Калакуцкая 1993: 59].

При этом следует отметить, что в некоторых лексикографических источниках отдельные разряды ономастических единиц всё-таки представлены. Так, в частности, имена собственные частично включены в «Словарь русского языка» Я.К. Грота—А. А. Шахматова. В «гротовскую» редакцию словаря включены такие категории слов, как названия сортов яблок (*Антоновка, Апорт, Аркад* и др.) и названия вин (*Аликант, Бордо, Глнтвейн* и др.). Кроме того, впервые в практике академической лексикографии в состав словаря было предусмотрено включить некоторые этнические наименования наиболее известных племён и народностей (например, *австриец, англичанин, галл, готы, гунны* и т.п.), но с той оговоркой, что «подобные имена, имеющие и множественное число, считаются нарицательными» [ИРЛ 2001: 224]. Определение племён ограничивалось лишь самым общим

названием, например: *вятчичи* — древний народ славянского племени, вероятно, живший в нынешних Калужской, Тульской и Орловской губерниях. Принадлежность лица к какому-либо государству, народу, племени чаще всего объясняется так: уроженец такого-то государства или реже житель, гражданин, подданный, например: *абиссинец* — уроженец Абиссинии. Распространённым является также определение типа «принадлежащий к такому-то народу, племени, государству», например: *англичанин* — принадлежащий по рождению или по праву гражданства к английскому народу или государству. Следует особо отметить, что имена собственные даны и в составе идиом (т.е. мы можем говорить о лингвокультурологической ценности имени), например: *начинать с Адама, в костюме Адама*, затем следует пояснение: *Адам, по библейскому сказанию, имя первого человека*.

У А. А. Шахматова было особое отношение к именам собственным. По замечанию Ф. П. Сороколетова, «с этой категорией лексики Шахматов связывал свои представления о творческих потенциях национального языка, перспективах его развития и возможностях их отражения в процессе лексикографического описания языковых фактов» [ibid.: 252]. В своей редакции А. А. Шахматов расширил круг онимов, включив в «Словарь русского языка» и сопроводив энциклопедическим описанием названия: 1) звёзд и созвездий (*Заяц, Змея, Зев Льва, Золотая Рыба, Капелла, Кассиопея* и др.); 2) народных календарных дат (*Евдокии свистухи, плющиха Егорий*); 3) значимых в историко-культурном отношении мест (*Европа, Иерусалим, Заволжье* и др.), причём большинство названий приведено с дериватами (*европеец, европейка, европеянка*). Из числа антропонимической лексики в словарь были включены народные прозвища и клички (*Елеса* — лысец, *Емеля* — «врун», *Елисей* — «прозвище хитрого человека», *Епифан* — «глупый, простофиля», *Жучка, Котофей, Котофейч*).

Следует признать, что в современной лингвистике расширяется круг ономастических лексикографических источников. Наряду с традиционными словарями антропонимов, топонимов и других отдельно взятых разрядов онимов, появляются комплексные словари [Русская ономастика 1994; Отин 2004; Маслова, Николаенко 2011 и др.], в которых имя собственное рассматривается как своего рода культурный знак. Действительно, в имени собственном «закодирована система ценностей и опыта данного общества, восприятие пространства, времени, количества и качества, словом, видение мира данной языковой общностью» [Жетельска-Фелешко 2010: 135], в связи с чем оним — это «отправная точка, средоточие целого ряда синхронных ассоциаций, объективирующих живое

сознание членов этнокультурно-языковой общности» [Верещагин 1991: 44]. Изучение имени собственного как носителя многоплановой историко-культурной информации о жизни народа-носителя языка особенно актуально в условиях современных общеглобалистских процессов, характеризующихся тенденцией к унификации национальных культур.

Можно сказать, что исследование имени собственного как носителя лингвокультурологической информации находится в русле «шахматовского» понимания главных задач лингвистических исследований. Современница А. А. Шахматова Е. С. Истрина отмечает: «Задачей, которая одухотворяет все многочисленные труды Алексея Александровича по русскому языку, является определение связи между фактами языка и живой исторической жизнью русского народа... Свою задачу Алексей Александрович определяет так: на основании данных языка дать картину исторического развития народа. Итак, не историю языка собираются он дать в связи с историей народа, не поставить только в связь эти два процесса и определить их взаимоотношение, как это делалось до него; нет — он кладёт в основание данные языка и по ним он строит историю народа» [Отечественные лексикографы 2011: 215].

Для наименования лингвокультурологической информации в содержании имени собственного мы используем термин ассоциативно-культурный фон (АКФ) [Максимчук 2002: 166]. Наличие у онима богатого АКФ делает его носителем разноплановой информации, овладение которой можно рассматривать как продуктивный способ приобретения фоновых знаний. Из этого следует признать необходимым лексикографическое отражение ономастической лексики, особенно при описаниях языка, ориентированных на учебные цели.

Учебный лингвокраеведческий словарь имён собственных является особым типом ономастических словарей. Разноплановая лингвокультурологическая информация, носителем которой является имя собственное, может относиться к одному из трёх уровней: общечеловеческому, общенациональному, региональному / краеведческому [ibid.: 110]. Особое место в лингвокультурологической иерархии онимов занимают региональные имена собственные: во-первых, они оказывают сильнейшее влияние на формирование языковой личности в силу своей непосредственной близости воспринимающему субъекту; во-вторых, детальное изучение регионального ономастического материала способствует дальнейшему объективному описанию общенационального ономастического пространства по принципу «основание и вершина айсберга». Важно, чтобы русская культура была представлена не только её

центральной частью (которая, как правило, и описана в литературе), но и более отдалёнными областями России.

Смоленск, Смоленская земля занимают особое место на карте России и в её памяти. «Ключ-город», «щит России», «первый солдат на границе страны», город-герой Смоленск на протяжении многих веков защищал западные рубежи русского государства. Смоленская земля подарила миру первого космонавта Ю. А. Гагарина и основоположника русской классической музыки М. И. Глинку; героя обороны Севастополя П. С. Нахимова и путешественника Н. В. Пржевальского; автора бессмертного «Василия Тёркина» А. Т. Твардовского и самого читаемого писателя-фантаста XX века А. Азимова... Среди географических и историко-культурных координат Смоленского края — великая славянская река Днепр и занимающий второе место в Европе по убранству Успенский собор; «ожерелье всяя Руси» — Смоленская крепостная стена и «Байкал в миниатюре» — озеро Сапшо... И сегодня Смоленск — один из древнейших русских городов с более чем тысячелетней историей, знакомство с которым на лингвокультурном уровне при использовании метода создания его «лексикографического ономастического портрета» может значительно обогатить лингвистические исследования и разнообразить изучение русского языка.

Основу определения состава словника разрабатываемого нами лингвокраеведческого ономастического словаря Смоленского края составляют объективные показатели значимости имени собственного: включённость имени в состав региональных фоновых знаний смолян и частотность имени, необходимая для установления ядра и периферии ономастического наполнения словаря. С целью выявления региональных ономастических фоновых знаний смолян был проведён ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 1650 респондентов. Полученный материал был обработан нами посредством создания электронной Базы данных, включающей 1212 онимов-реакций (13471 употребление); результаты данного исследования подробно изложены в нашей монографии [Бубнова 2013]. В результате обработки материала был сделан вывод о том, что по характеру лингвокультурологической информации имена собственные в составе региональных фоновых знаний смолян можно отнести к двум типам: онимы-носители духовной культуры, формирующие «фоновые знания культурного наследия», и онимы-носители материальной культуры, составляющие «актуальные фоновые знания» (термины Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова). В словаре отражены не только культурно-

исторические имена (часть которых принадлежит общенациональному уровню и, следовательно, описана в общих словарях), но и обычно остающиеся за рамками учебных словарей и пособий общей адресации онимы бытовой сферы, имеющие важное значение пространственных «ориентиров» для «включения» языковой личности в конкретную языковую среду. В этом заключается новизна предлагаемого нами словаря; кроме того, новизной обладает сам способ отбора информации и её представления, в основе которого лежит ассоциативный эксперимент и его объективные данные.

На основе частотности реакций в структуре региональных ономастических фоновых знаний современных смолян нами выделены следующие компоненты:

— единичные реакции (487 онимов, 40 %);

— периферийные области, сформированные значимыми для определённых языковых групп онимами с индексом частотности, равным 2 (194 онима, 16 %), и более 2 (519 онимов, 43 %);

— ядро, состоящее из 12 общезначимых для всего Смоленского края онимов, названных респондентами всех групп (в скобках для каждого имени указан индекс частотности): *Днепр* (953), *Успенский собор* (725), *Крепостная стена* (695), *Ю. А. Гагарин* (596), *М. И. Глинка* (492), *А. Т. Твардовский* (466), *Смоленск* (345), *М. В. Исаковский* (273), *Ф. С. Конь* (232), *М. К. Тенишева* (166), *Н. И. Рыленков* (154), *Василий Тёркин* (124). Именно эти реакции, а также первые сто наиболее частотных реакций составили основу словника словаря.

Наиболее значимые онимы сформировали три условных раздела:

1) «Административные территории» (описание всех 25 административно-территориальных центров Смоленской области и их наиболее значимых географических и культурных объектов); 2) «Персоналии. Часть I» (имена великих людей, родившихся на Смоленщине); 3) «Персоналии. Часть II» (имена исторических личностей, так или иначе связанных со Смоленским краем). При этом, учитывая адресатов словаря (прежде всего, школьники и студенты, в том числе изучающие русский язык как иностранный), границы разделов в окончательном варианте было решено не обозначать, а руководствоваться алфавитным принципом расположения материала. Таким образом, с определённой (и неизбежной) долей субъективности большинство рассматриваемых онимов может быть отнесено к одному из двух разрядов (топонимы и антропонимы), которым соответствуют два типа базовых

словарных статей, различающихся степенью полноты предлагаемой характеристики заголовочных единиц.

Особенностью структуры словарной статьи является выделение в ней нескольких словарных зон: зоны предметных сведений (ПС), зоны языковых сведений (ЯС) и зоны дополнительных сведений (ДС). Предметная зона словарной статьи включает сведения о носителе имени и строится в соответствии с типом и статусом заголовочной единицы. В качестве примера с заголовочной единицей-топонимом приведём материалы словарной статьи ЕЛЬНЯ, характеризующей смоленский город Воинской славы России (здесь и далее богатый иллюстративный материал словаря по объективным причинам опущен):

ЕЛЬНЯ

ПС: Город, административный центр Ельнинского р-она *Смоленской области*. Город воинской славы Российской Федерации (8 октября 2007). Расположен на железной дороге Смоленск — Сухиничи в 82 км к юго-востоку от *Смоленска*, на правом берегу р. *Десна*. Территория — 15 км². Население — 9,9 тыс. жит. (2010). В списке городов XIV века, помещённом в Новгородской полной летописи, Ельня названа смоленским городом. В 1404 году Ельня вошла в состав Великого княжества Литовского, в 1552 году по договору о перемирии России с Литвой вошла в состав Российского государства. После войны с Речью Посполитой в начале XVII века по Деулинскому перемирию была закреплена за польско-литовским государством, а по условиям Андрусовского перемирия 1667 года — за Россией и до 70-х годов XVIII века была селом дворцовой волости. 22 февраля 1776 года Ельня получила статус уездного города Смоленского наместничества. В августе 1812 года город оказался на пути французских отрядов. В самом городе сражений не было, и он пострадал меньше, чем другие города Смоленщины. 27 октября в Ельню прибыл *М.И. Кутузов* и оставался здесь два дня. Во время Великой Отечественной войны в 1941 году в районе Ельни развернулось ожесточённое сражение. 19 июля фашисты захватили город, но в начале сентября были выбиты. Город был сожжён. За бои по Ельней первые дивизии красной Армии получили звание гвардейских. В центральном сквере Ельни установлены памятный камень и монумент в честь 4-х стрелковых дивизий, участвовавших в Ельнинской операции. На территории ныне Ельнинского р-она родились: основоположник русской классической музыки *М.И. Глинка* (с. *Новоспаское*), скульптор *С.Т. Конёнков* (д. Караковичи).

ЯС: род. Е'льн|и, жс. || прил. **ельнинск|ий**; жит. **ельнинц|ы**, е'льнинц|ев (ед. **ельнинец**, ельнинц|а, м.). *Этим.* Первоначальное название Елна (от слова *ель*), затем образована характерная западнорусская и белорусская форма, оканчивающаяся на -ня (Б. А. Махотин).

ДС: См. *такж.* **Ельнинская возвышенность**, «**Ельнинский выступ**».

Тексты: М. В. Исаковский «Освободителям Ельни» (текст опущен ввиду необходимости соблюдения объёма публикации).

Как видим, предметные сведения о топонимических объектах включают: сведения о местонахождении, количественные данные о территории и населении (для населённых пунктов), историческую справку с указанием связанных с этим местом событий, названия достопримечательностей,

имена известных людей, имевших отношение к данному месту. Элементами языковой зоны являются: акцентологическая, грамматическая и словообразовательная характеристики имени и сопутствующие сведения (в данном случае — сведения об этимологии). В зоне дополнительных сведений приводятся названия представленных в словаре словарных статей, непосредственно связанных с данной статьёй, и иллюстративные тексты (преимущество отдаётся смоленским авторам, в данном случае — М. В. Исаковскому). Кроме того, в зоне дополнительных сведений нами по возможности приводится литература для дополнительного чтения художественного или публицистического жанра.

В качестве примера с заголовочной единицей-антропонимом приведём материалы словарной статьи НИКУЛИН, характеризующей всенародно любимого актёра, родившегося на Смоленщине:

НИКУЛИН Юрий Влади́мирович (1921–1997)

ПС: Актёр, клоун, народный артист СССР (1973). Родился в городе *Демидове Смоленской области*. Участник Великой Отечественной войны, награждён медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». По окончании войны после неудачных попыток поступить в театральные институты был принят в студию клоунады при Московском цирке на Цветном бульваре. Закончив обучение, работал ассистентом со знаменитым клоуном Карандашом, затем выступал в клоунском дуэте с М. И. Шуйдиным. В 1981 году стал главным режиссёром цирка на Цветном бульваре, с 1982 года — директором. Среди знаменитых киноработ «Пёс Барбос и необычный кросс» (1961), «Когда деревья были большими» (1961), «Самогонщики» (1961), «Ко мне, Мухтар!» (1964), «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965), «Кавказская пленница» (1966), «Андрей Рублёв» (1966), «Бриллиантовая рука» (1968), Семь стариков и одна девушка (1968), «Старик-разбойники» (1971), «Они сражались за Родину» (1975), «Двадцать дней без войны» (1976), «Чучело» (1983) и др.

ЯС: *род.* Нику́лин|а Юри|я Влади́мирович|а, м. || *прил.* нику́линск|ий. ♦ Многие фразы киногероев Никулина стали крылатыми, среди них: А он не может сесть / Жить, как говорится, хорошо. А хорошо жить — ещё лучше! / Как ты могла подумать такое? Ты, жена моя, мать моих детей! / Может быть, меня даже наградят. Посмертно! / На всякий пожарный / Я не трус, но я боюсь и др. *Этим.* Фамилия образована от производной формы имени Николая (Никула) — греч. 'победитель народов'.

ДС: См. *такж.* **Памятник Ю. В. Никулину.**

В структуру предметных сведений словарной статьи с заголовочной единицей антропонимом входят следующие позиции: время и место рождения (если оно связано со Смоленщиной), род деятельности носителя имени; основные события, сопутствующие биографии; произведения; указание связи со Смоленским краем. Элементами языковой зоны также являются: акцентологическая, грамматическая и словообразовательная характеристики имени и сопутствующие сведения (в данном случае — не только сведения об этимологии фамилии, но и сведения, входящие в ассоциативно-культурный фон имени, а именно фразы киногероев Никулина, ставшие

крылатыми). В зоне дополнительных сведений приводится название словарной статьи словаря, непосредственно связанной с данной статьёй.

Названия всех статей представлены в алфавитном и тематическом указателях словаря. В Алфавитном указателе ключевые имена выделены полужирным шрифтом, заголовочные единицы дополнительных словарных статей пишутся обычным шрифтом, имена собственные, включённые в текст словарных статей, обозначаются курсивом.

Подобный словарь может стать частью серии лингвокраеведческих словарей, предоставляющих объективный материал для достоверного описания общенационального ономастического пространства.

Литература

Бубнова Н. В. Региональные ономастические фоновые знания современных смолян. Смоленск, 2013.

Верещагин Е. М. Топонимическое лингвострановедение // Исторические названия — памятники культуры. М., 1991. Вып. 1. С. 44–46.

Жетельска-Фелешко Э. Глядя на имена собственные // Вопросы ономастики. 2010. № 2. С. 124–138.

ИРЛ — История русской лексикографии / Под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб, 2001.

Калакуцкая Л. П. Имена собственные в орфографическом словаре русского языка и других лингвистических словарях // Вопросы языкознания, 1993. № 3. С. 59–75.

Максимчук Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2-х ч. Ч. 1. Смоленск, 2002.

Маслова В. А., Николаенко С. В. Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины. Витебск, 2011.

Отечественные лексикографы. XVIII–XX вв. / Под ред. Г. А. Богатовой. М., 2011.

Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004.

Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1994.

Типология толкований для одноязычного учебного словаря русского языка

Одним из актуальных вопросов учебной лексикографии является создание полноценных, отвечающих достижениям последних лет и соответствующих запросам пользователей одноязычных толковых словарей русского языка для иностранцев. Процесс создания таких словарей должен быть предварен решением ряда существенных проблем, одной из которых является семантизация заголовочных единиц. В существующих учебных словарях русского языка семантизация осуществлена посредством традиционных типов толкований: денотативного, логического, эквивалентного и отсылочного. Однако эта типология была разработана для лингвоцентрических толковых словарей, предназначенных для носителей языка. Практика преподавания доказала, что традиционная типология толкований не отвечает современным требованиям учебной лексикографии и требует определенной корректировки.

Семантизация слов — частое явление в повседневной метаязыковой деятельности носителей языка. Многие люди в обычной жизни успешно объясняют друг другу значения слов и при этом практически не сталкиваются с проблемой понимания. При объяснении значений говорящий использует определенные стратегии семантизации — тот «закономерный способ мыслительного действия, в результате которого происходит осмысление и толкование значений» [Ростова 2000: 120]. Обращение к области изучения обыденного метаязыкового сознания с целью поиска идей для решения проблемы семантизации в учебных словарях вполне допустимо, поскольку «“обычный” язык (в противопоставлении научному стилю) располагает достаточно развитой системой специализированных средств для экспликации метаязыковых знаний» [Ростова 2009: 182].

Результаты комплексного лингвистического эксперимента¹, направленного на выявление обыденных стратегий семантизации, продемонстрировали, что носители обыденного метаязыкового сознания

¹ В эксперименте приняли участие 202 человека: 120 иностранных стажеров (из 22 стран), изучающих русский язык в Институте русского языка и культуры СПбГУ, 63 носителя русского языка и 19 преподавателей русского языка как иностранного. Эксперимент проводился в устной и письменной форме. Всего было собрано 2718 толкований.

при объяснении значений слов используют различные стратегии. Логическая, денотативная и иллюстрирующая стратегии направлены на демонстрацию отношения слова к действительности, на воссоздание прототипической ситуации: логическая стратегия ($\approx 11\%$ толкований) подразумевает выделение родового понятия и дифференциальных признаков, денотативная ($\approx 26\%$ толкований) ограничивается описанием признаков, свойств или действий, иллюстрирующая стратегия ($\approx 32\%$ толкований) призвана продемонстрировать всю ситуацию, обозначенную словом. Классифицирующая стратегия ($\approx 11\%$ толкований) направлена на обнаружение сходства толкуемого слова с другими словами. Дескриптивная стратегия ($\approx 6\%$ толкований) демонстрирует особенности употребления слова в речи. Остенсивная стратегия ($\approx 1,1\%$ толкований) заключается в объяснении значения наглядными средствами. В основе ассоциативной стратегии ($\approx 0,5\%$ толкований) лежат механизмы ассоциирования, для нее характерно включение в толкование разного рода ассоциаций. Кроме того, обнаружены сочетания двух (иногда трех) из вышеописанных стратегий ($\approx 12\%$ толкований) в пределах одного толкования. Эксперимент выявил определенную закономерность в выборе стратегии в зависимости от характера значения лексических единиц: чем более абстрактно значение слова, тем более конкретно его толкование. Так, для большинства конкретных существительных посредством операций обобщения и абстрагирования создаются логические толкования. А для большинства единиц с отвлеченной семантикой (абстрактных существительных, глаголов, прилагательных) посредством ситуативной конкретизации создаются иллюстрирующие толкования. Популярность иллюстрирующей стратегии доказывает стремление носителей языка к ситуативной характеристике большинства явлений действительности. Кроме того, обнаружилось сходство обыденных стратегий со стратегиями семантизации преподавателей русского языка как иностранного, а также с применяемыми в традиционной лексикографии типами толкований.

Ситуативный тип. Поскольку в основе иллюстрирующей стратегии лежит демонстрация типовой ситуации, назовем данный тип ситуативным. В ситуативном толковании отражается та типовая ситуация действительности, которую обозначает толкуемая единица. Главным содержательным отличием ситуативных толкований от традиционных денотативных является включение участников ситуации в толкование, что, в свою очередь, влечет за собой и серьезные преобразования формального плана. Участником типовой ситуации может

быть избран предполагаемый коллективный пользователь словаря (для этого в тексте толкования используется личное местоимение «вы») или неопределенное лицо («человек», «люди», «кто-нибудь»). Например:

Ревновать «Если вы сомневаетесь в любви и верности близкого человека (партнера), не доверяете ему, значит, вы **ревнуете** его/её»;

Самообман «Когда вы сами себя обманываете и убеждаете себя в том, чего нет в реальности, вы **занимаетесь самообманом**».

В ситуативном толковании приводится типовая ситуация, которую пользователь, отталкиваясь от собственного опыта или знаний, соотносит с реальной. «Включение» пользователя в ситуативный контекст способствует лучшему пониманию ситуации, а значит, и слова: с одной стороны, такое «включение» прямо имитирует обыденную семантизацию, приемы которой привычны для пользователя, с другой стороны, такое «включение» может вызвать определенные ассоциации, а следом за ними и эмоции (например, когда речь идет о словах тематической группы «чувства»), что также способствует не только лучшему пониманию, но и запоминанию. Тем не менее иногда «психологическая дистанция» в толкованиях, наоборот, необходима [MacCreary 2002: 276]. «Вы» следует избегать по этическим причинам в толкованиях оценочной, оскорбительной, грубой лексики, а также лексики с негативным значением или коннотациями. Например:

Презирать «Если человек презирает других людей, он их не уважает, относится к ним высокомерно, с презрением»;

Сидеть на шее «Если взрослый здоровый человек не работает и берет деньги у своих родителей (а также у мужа или жены), то говорят, что он **сидит** у них **на шее**».

На первый взгляд ситуативные толкования могут показаться такими же, как толковательные предложения (full sentence definitions) в серии английских учебных словарей Collins Cobuild или в словаре Дмитриева [Толковый словарь 2003]. Безусловно, между ними есть сходство, однако толковательное предложение — это, прежде всего, форма, объединяющая разные типы толкований. Так, в толковательных предложениях, представленных в виде моделей «кого? что? называют чем?», «что делать? значит что делать?», «кто? что? является кем? чем?» и так далее, обнаруживаются логический и денотативный типы толкований. Например, логические толкования: **певец 1** «Певцом называют человека, который умеет петь; **лодка 1** «Лодкой называют небольшое судно» [Толковый словарь 2003]. Или денотативные толкования: **ловить 1** «Ловить значит стараться схватить, подхватить то, что летит, падает, брошено»; **поправка 1** «Поправкой называют исправление каких-либо ошибок в тексте» [Толковый словарь 2003]. Намеренное

изменение формы традиционного толкования представляется лишним в учебном словаре для иностранцев, так как вышеперечисленные устойчивые формулы только перегружают толкование и требуют дополнительных усилий и времени при их чтении. Тем не менее, словарь Дмитриева — новое слово в русской толковой лексикографии.

В то же время ситуативные толкования могут быть представлены в форме толковательного предложения (простого или сложного). Типовой моделью ситуативного толкования следует считать сложное предложение с подчинительной связью (с придаточным условия или времени), иногда возможна бессоюзная связь. Ситуативное толкование состоит, как правило, из двух частей: в одной части приводится слово и, по возможности, его речевой контекст, а во второй части объясняется значение через соотнесение с ситуацией действительности. Порядок расположения частей не является строгим. Толкование содержит такое количество семантических компонентов, которое может адекватно отразить описываемую ситуацию. Определенных ограничений по объему толкования нет, в объясняющей части допустимо использовать дополнительные распространители смысла с целью дать как можно более адекватную характеристику описываемой ситуации.

Ситуативное толкование позволяет включить в свой объем разноплановые характеристики лексемы: не только грамматические условия употребления, но и синтагматические и парадигматические связи. Так, ситуативные толкования глаголов «прийтись», «удаться», «недоставать» и др. могут продемонстрировать, что эти глаголы употребляются в составе безличного предложения. Например:

прийтись «Если вам пришлось делать что-нибудь, значит, вы должны были делать это, хотя вы этого не хотели»;

удаться «Если вам удалось что-нибудь сделать, значит, вы сделали то, что хотели, и получили нужный результат»;

недоставать «Если вам не хватает чего-нибудь (счастья, любви, денег и др.), это значит, что у вас этого мало или совсем нет, вам этого не хватает, и вы в этом нуждаетесь».

Ситуативные толкования позволяют продемонстрировать возможные лексико-синтаксические связи. Например:

претензия «Если вы недовольны кем-нибудь или чем-нибудь и открыто говорите об этом, это означает, что вы заявляете претензию»

заразить (напр., *заразить детей своей страстью*) «Если вы заразили кого-либо (друга, брата, сестру, ребенка, ученика и др.) своим увлечением, значит, вы заинтересовали этого человека, и он с удовольствием занимается тем же делом»

проникнуться (идеей) «Если вы прониклись какой-нибудь идеей, значит, вам очень понравилась эта идея, и вы хотите ее реализовать».

Ситуативный тип может подойти для толкований большинства знаменательных слов с отвлеченной семантикой: абстрактных существительных, глаголов, прилагательных, наречий. Наиболее приемлемы ситуативные толкования для объяснения слов, обозначающих деятельность, поведение и поступки человека, а также его духовный мир, характер, чувства, эмоции. Это именно те группы слов, для объяснения которых носитель обыденного метаязыкового сознания использует иллюстрирующую стратегию, стремится конкретизировать абстрактное понятие, представить его в виде ситуации. Поэтому и в учебном словаре в этом случае стоит отдавать предпочтение ситуативным толкованиям.

Как видно из примеров, ситуативные толкования оказываются больше традиционных, однако это не является недостатком. Ситуативное толкование, в отличие от традиционного описательного, обладает прозрачной (для пользователя) синтаксической структурой, и поэтому легко воспринимается. Кроме того, за счет своего объема оно демонстрирует речевую реализацию, типичные для единицы лексические и синтаксические связи.

Логико-ситуативный тип. В обыденных толкованиях достаточно большого количества абстрактных существительных отмечено смешение двух стратегий: логической и иллюстрирующей. Так, регулярное смешение этих двух стратегий характерно для толкований слов, обозначающих чувства, способности, черты характера человека. Это происходит, прежде всего, потому что для этого ряда единиц оказывается нетрудно найти место в системе понятий. Представляется необходимым выделить разновидность ситуативного типа — логико-ситуативный тип. Он совмещает в себе особенности логического и ситуативного типов толкования. В нем присутствует отсылка к общему родовому понятию и описание ситуации, уточняющее это понятие. Например:

Притворство «Характеристика поведения человека, когда он ведет себя неискренне, обманывает других людей, чтобы скрыть что-нибудь»

Терпимость «Это ваша способность спокойно относиться к чужим мнениям, позициям, поступкам, даже если вы с ними не согласны»

Сострадание «Чувство, которое вы испытываете, когда вы очень жалеете какого-нибудь несчастного человека или какое-нибудь животное»

Ревность «Чувство, которое вы испытываете, когда вы не доверяете близкому человеку, сомневаетесь в его/её верности и любви»

Логико-ситуативный тип толкования выполняет одновременно две задачи: во-первых, он устанавливает место лексической единицы в

системе, во-вторых, соотносит значение лексической единицы с ситуацией действительности

Таким образом, к преимуществам ситуативного типа толкования можно отнести следующее:

1. Ситуативные толкования, с одной стороны, отсылают к ситуации действительности, с другой стороны, демонстрируют речевое употребление, то есть приводят ситуативный и речевой контекст одновременно.

2. По мнению G. A. Miller, презентация ситуативного контекста — это как раз то, чего всегда не хватало большинству словарных толкований, даже несмотря на то, что контекст иллюстрирует значение, а не объясняет его [Miller 1999]. Хотя ситуативный контекст и является «частью значения» [Sinclair 2004: 5], он не может дать полное представление о значении лексико-семантического варианта слова, он неминуемо ограничивает это значение одной (хотя и типовой) ситуацией. Однако эту особенность ситуативных толкований ни в коем случае не стоит рассматривать в негативном ключе, поскольку именно она способствует формированию процедурного знания [Bogaards 2010: 118]. Пользователь получает не только сведения о значении слова (декларативное знание), но и знакомится с ситуацией, которую характеризует это значение, тем самым узнает, как использовать слово, то есть ситуативный контекст становится своеобразной ступенью к процедурному знанию.

3. Приведение речевого контекста — демонстрация сочетательной ценности слова (обязательных или возможных синтагматических связей), которая оказывается очень ценной информацией в условиях учебной ситуации.

4. Сложноподчиненное предложение с придаточным времени или условия — абсолютно привычная для пользователя синтаксическая конструкция, она характеризуется повышенной интерпретируемостью («interpretability») [Sinclair 2004: 6]), то есть облегчает понимание. Именно эта форма позволяет сделать толкование максимально интерактивным, поскольку она копирует форму толкований реальной повседневной коммуникации. Автор словарной статьи как будто напрямую обращается к пользователю, включает его в ситуацию, говорит с ним на доступном языке.

5. Поскольку ситуация не только конкретизирует, но и «визуализирует» значение абстрактной единицы, ситуативные толкования облегчают процесс понимания. Кроме того, согласно западным исследованиям, после однократного введения новой лексики в иностранной аудитории

объем усвоенных лексических единиц с конкретным значением на 11-27% выше, чем единиц с отвлеченным значением [Bogaards 2010: 110]. Таким образом, «конкретизация» абстрактной лексики в рамках ситуативных толкований не только облегчает понимание, но и может способствовать более быстрому запоминанию значения единицы.

Дескриптивный тип. Обнаруженная в обыденных толкованиях дескриптивная стратегия, в основе которой лежит отсылка к коммуникативной ситуации и к условиям употребления лексической единицы, способствовала выделению еще одного типа толкования для учебного словаря. Обозначим этот тип толкования дескриптивным, отталкиваясь от существующих в системной и учебной лексикографии понятий «свободная дескрипция» [Апресян 1995], «описание употребления» [Денисов 1980], «description» [Coffey 2006]. Главной задачей дескриптивного толкования является описание особенностей употребления лексической единицы в речи. Этот тип призван охарактеризовать прагматический компонент значения слова: отношение предполагаемого говорящего к описываемому объекту, к предполагаемому адресату, особенности и условия коммуникативной ситуации, в которой может быть использована толкуемая единица, стилистические характеристики толкуемой единицы и другие особенности. Вместе с тем в рамках дескриптивного толкования происходит и объяснение значения. Для объяснения значения лексической единицы в рамках дескрипции могут быть использованы приемы ситуативного, описательного, логического и эквивалентного типов толкований.

Дескрипции подходят для толкования множества лексических единиц, требующих комментария их значению и/или речевому употреблению. Так, дескриптивный тип может быть использован в толкованиях несвободных дейктических глаголов, абстрактных существительных с дейктическим значением, абстрактных существительных с оценочно и оценочно-характеризующим значением, конкретных существительных, обозначающих названия оценки лица и обращения, фразеологизмов и др.

Несвободные дейктические глаголы всегда используются в сочетании с определенным существительным. Иногда такие глаголы могут терять свое основное значение и означать действие в соответствии со значением существительного (*Брать начало; брать под контроль*), а иногда приобретать новое значение (в словосочетаниях *строить гипотезу, строить себе иллюзию* глагол «строить» имеет значение «мысленно создавать, осуществлять в мыслях»). Необходимо дать комментарий, является ли такой глагол только «вспомогательным»,

приобретает ли он в сочетании новое значение, придает ли все словосочетание дополнительный оттенок всей фразе, а также в какой коммуникативной ситуации возможны такие сочетания. Такое толкование в учебных словарях для иностранцев должно даваться в виде дескрипции. Например:

Брать (*брать начало; брать под контроль*) «Глагол «брать» в сочетаниях с некоторыми существительными теряет свое значение. Значение такого словосочетания зависит от значения существительного: брать начало — начинаться, брать под контроль — начинать контролировать, брать на себя смелость — осмеливаться»

Вывести (*вывести из покоя, из задумчивости, из равновесия*) «Глагол «вывести» в сочетаниях с некоторыми существительными получает значение «нарушить определенное состояние». Вывести из покоя, значит, нарушить покой. Вывести из задумчивости, значит, прервать, нарушить задумчивость. Вывести из равновесия, значит, нарушить равновесие»

В толковании дается комментарий лингвистического характера об изменении значения глагола и влиянии существительного, об устойчивости таких сочетаний, о возможности заменить такие сочетания одним словом, а также стилистическая характеристика.

В дескриптивных толкованиях абстрактных существительных с дейктическим значением могут комментироваться особенности ситуативного употребления, а также изменение значения хорошо знакомых адресату слов. Например:

Вещь (*Будь другом, сделай одну вещь! Прекрасная вещь — кино! Ты говоришь странные вещи.*) «В разговорной речи слово «вещь» может обозначать любой предмет, явление, ситуацию, саму речь».

Понятие (*Свобода — понятие относительное.*) «В некоторых фразах слово «понятие» обозначает предмет разговора, явление, о котором говорится».

Штука (*Трудная штука любовь.*) «В разговорной речи слово «штука» может обозначать любой предмет или явление. Такие фразы часто имеют шутливое, ироничное значение».

В дескриптивных толкованиях оценочной и экспрессивной лексики, с одной стороны, можно охарактеризовать возможную коммуникативную ситуацию, с другой стороны, продемонстрировать прагматический компонент значения лексической единицы - эмоционально-оценочное отношение предполагаемого говорящего к предмету речи.

Вещь (*Футбол — это вещь! Пицца «4 сыра» — это вещь!*) «В разговорной речи слово «вещь» (в конструкции «Что-нибудь - это вещь!») означает предмет или явление, которые вам очень нравятся».

Конфетка (*Платье — конфетка! Из старья конфетку сделать.*) «Вы можете использовать это слово в ситуации неформального общения, чтобы сказать, что вам что-нибудь очень нравится».

Мысль (*Поехать на пляж — это мысль!*) «В разговорной речи слово «мысль» (в конструкции «Что сделать — это мысль!») имеет значение «хорошая идея» или «хорошо придумано»»

Фразеологические единицы часто содержат оценочные коннотации, поэтому для объяснения значения многих из них также можно использовать дескриптивные толкования.

Кожа да кости (*Да ты только посмотри на себя! Кожа да кости! Тебе нужно срочно заняться своим здоровьем!*) «Если о человеке говорят «кожа да кости», то имеют в виду, что он болезненно худой. Так выражают свое негативное отношение к внешности человека»

Братся/взяться за ум (*Хватит с утра до вечера играть в компьютерные игры! Тебе пора братся за ум!*) «Если кто-нибудь говорит, что вам пора братся/взяться за ум, то этот человек считает, что вы ничего особенного в жизни не делаете, бесполезно тратите время своей жизни»

Висеть на телефоне (*До тебя невозможно дозвониться: ты весь вечер висишь на телефоне!*) «Если кто-то долго разговаривает по телефону и это вам не нравится, вы можете сказать, что он висит на телефоне»

Таким образом, дескриптивный тип толкований может применяться в тех случаях, когда для адекватного представления значения лексической единицы необходимо: отразить в толковании типичную ситуацию употребления, охарактеризовать намерения ее участников (прежде всего, говорящего); отразить коннотативные характеристики, стилистическую маркированность; дать комментарий. То есть дескриптивный тип подразумевает введение в текст учебного толкования также того, что часто выносится за его рамки и дается в виде системы помет. Описание как тип толкования — необходимый элемент учебного словаря. Посредством описания могут быть объяснены не только единицы, относящиеся к знаменательным частям речи, но и служебные слова и междометия.

Логический тип. Логическая обыденная стратегия семантизации практически полностью соответствует логическому типу толкования в толковых словарях. Логический тип толкования подходит, прежде всего, для семантизации существительных с конкретной семантикой. Безусловно, существует масса слов, для которых нелегко создать учебные логические толкования. Так, конкретные существительные, обозначающие части тела человека (клячица, локоть, пятка, висок и др.), с трудом поддаются семантизации вербальными средствами. В таких случаях на помощь может прийти **остенсивный тип** (фотографии, изображения). Обычно остенсивный тип толкования используется в учебниках или словарях элементарного уровня. Тем не менее не стоит пренебрегать остенсивными толкованиями и в словаре для иностранцев с продвинутым уровнем владения русским языком. Проблемой на пути широкого использования остенсивных толкований всегда была необходимость ограничения объема словарей в печатном

виде. Появление электронных словарей решает эту проблему.

Денотативный тип. Денотативная стратегия семантизации соответствуют денотативным толкованиям в словарях. Этим толкованиям стоит отдавать предпочтение в тех случаях, когда ситуативные толкования не «работают». Например, ситуативное толкование глагола «прекратить» «Если вы прекратили что-нибудь делать, значит, вы кончили это делать» не содержит специальной дополнительной характеризующей информации, а использование лишь формы ситуативного толкования оказывается излишним. Более предпочтительным в этом случае оказывается толкование денотативное: «Прекратить — полностью закончить что-нибудь делать».

Эквивалентный тип. Эквивалентный тип толкования подразумевает использование синонимов. Это один из самых распространенных типов толкования в традиционной толковой лексикографии. Этому типу толкования соответствует классифицирующая обыденная стратегия семантизации. Однако она не является столь же распространенной в повседневном общении. Носитель обыденного метаязыкового сознания, напротив, старается избежать использования синонимов. В работах, посвященных вопросу толкований в учебных словарях, все чаще и чаще можно встретить критические замечания по поводу широкого использования эквивалентных толкований. И это не случайно, ведь «в синонимические отношения вступают лексико-семантические варианты слов, а не слова в полном объеме их семантики» [Зиновьева 2005: 18], поэтому нужно стараться избегать использования синонимических толкований в учебном словаре. Синонимы в чистом виде (цепочки синонимов) должны быть включены в отдельную зону словарной статьи, отражающую парадигматические связи толкуемой единицы. Тем не менее полностью отказаться от эквивалентных толкований не представляется возможным. Среди заголовочных слов всегда найдутся слова, для которых эквивалентный тип является наиболее подходящим. Например: действительность — реальность; завершить — закончить, кончить; осуществить — реализовать; устроить — организовать).

Таким образом, типология толкований для учебного словаря может включать следующие типы: логический, денотативный, эквивалентный, остенсивный, ситуативный, и дескриптивный. Новым для учебного словаря русского языка является ситуативный тип, учитывающий самую популярную обыденную стратегию — иллюстрирующую. Кроме того, дескрипция рассматривается как самостоятельный тип учебного толкования, который может быть введен в учебные словари на регулярной основе. Преимуществом предложенной типологии

перед традиционной является ее направленность на пользователя словаря, поскольку в основу каждого из предложенных типов положена та или иная стратегия семантизации обыденного метаязыкового сознания, что должно сделать учебные толкования более эффективными и доступными для понимания.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.

Зиновьева Е. И. Основные вопросы изучения и учебного лексикографирования словарных объединений русского языка // Лексикология и лексикография в аспекте русского языка как иностранного: Научно-методические материалы. СПб., 2005. С. 15–22.

Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000.

Ростова А. Н. Обыденная семантизация слов // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. Ч. 1. Кемерово–Барнаул, 2009. С. 182–202.

Толковый словарь русского языка / Под редакцией Д. В. Дмитриева. СПб., 2003.

Bogaards P. Dictionaries and the Second Language Acquisition // Proceedings of the XIV EURALEX International Congress. EURALEX 2010, Leeuwarden, 6–10 July 2010. Ljouwert: Fryske academy, 2010. P. 99–123.

Coffey St. ‘Delexical Verb + Noun’ Phrases in Monolingual English Learner’s Dictionaries // Proceedings XII EURALEX International Congress. EURALEX 2006, Torino, Italia, September 6–9, 2006. V. 2. Alessandria: Edizioni dell’Orso, 2006. P. 939–949

MacCreary D. R. Body shots, Sorostitutes, and Fratagonia: Manipulating COBUILD’s Formulaic Sentence Definitions to Treat Contemporary College Slang // Proceedings of the X EURALEX International Congress. EURALEX 2002, Copenhagen, Denmark, August 13–17, 2002. Copenhagen, 2002. P. 273–279.

Miller G. A. On Knowing a Word // Annual Review of Psychology 50. 1999. P. 1–19 Режим доступа: <http://www.annualreviews.org/toc/psych/50/1>

Sinclair J. In Praise of the Dictionary // Proceedings of the Eleventh EURALEX International Congress. EURALEX 2004, Lorient, France, Juli 6–10, 2004. V. 1. Lorient: UBS, 2004. P. 1–11.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Ил. 1	А. А. Шахматов. Гимназическая фотография. 1883 г. СПФ АРАН. Р. X. Оп. 1–Ш. Д. 113. Л. 1.	3
Ил. 2.	А. А. Шахматов. Фотопортрет. Б. д. Саратов. СПФ АРАН. Р. X. Оп. 1–Ш. Д. 46. Л. 1.	24
Ил. 3	Президент Императорской Академии наук вел. кн. Константин Константинович и академики А. А. Шахматов и др. Фотопортрет. СПФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 106. Л. 1.	43
Ил. 4.	Выборщики от Академии наук .. для избрания шести членов Государственного совета. Фотопортрет. 1906. СПФ АРАН. Р. X. Оп. 1. Д. 43. Л. 9.	60
Ил. 5	Неизвестный художник. Портрет А. А. Шахматова. Холст, масло. 50–60 гг. XX в. БАН	67
Ил. 6	Дочери А. А. Шахматова О. А. и Е. А. Шахматовы. После 1924 г. Фото. БАН.	78
Ил. 7	Группа профессоров историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Чернобелая фотография. 1913. 1 октября. СПФ АРАН. Р. X. Оп. 2. Д. 95. Л. 1.	114
Ил. 8.	Н. К. Никольский. Фотопортрет. СПФ АРАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 48. Л. 24.	121
Ил. 9.	Н. К. Никольский. Литография с рисунка неизвестного художника. 20-е гг. XX в.	127
Ил. 10.	В. М. Истрин. Фотопортрет. 1907. СПФ АРАН. Р. X. Оп. 1–И. Д. 28. Л. 1.	130
Ил. 11.	В. Н. Перетц. Фотопортрет. 23.09.1894 г. СПФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 45. Л. 10.	150
Ил. 12	А. А. Потебня. Фотопортрет [апрель 1890 г.] СПФ АРАН. Р. X. Оп. 1–П. Д. 61. Л. 1.	167
Ил. 13.	Ф. Ф. Фортунатов. Фотопортрет. СПФ АРАН. Р. X. Оп. 1–Ф. Д. 66. Л. 1.	183
Ил. 14.	А. Ф. Кони. Фотопортрет. СПФ АРАН. Р. X. Оп. 1–К. Д. 510. Л. 1.	196
Ил. 15.	С. Н. Чернов. Фотопортрет.	202
Ил. 16.	Титульный лист первого издания «Лексикона...» П. Берынды. Киев, 1625.	435
Ил. 17.	Титульный лист второго издания «Лексикона...» П. Берынды. Кутеино, 1653.	436
Ил. 18.	«Лексикон...» П. Берынды. РНБ. ОСРК. Q. XVI.5. Л. 1.	437

**АРХИВНЫЕ И РЕДКИЕ ИСТОЧНИКИ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СБОРНИКЕ**

А. А. Грушка «Жизнь и смерть А. А. Шахматова». Вступительное слово декана историко-филологического факультета Московского университета на торжественном заседании памяти академика А. А. Шахматова в Москве. 1920 г.	27
В. Бонч-Бруевич. Памяти русского ученого А. А. Шахматова. 1920 г.	38
«Об ученых трудах доктора русского языка и словесности Алексея Александровича Шахматова». Записка А. Ф. Бычкова. 1894 г.	47
Записка «Об ученых трудах адъюнкта А. А. Шахматова». Приложение к протоколу заседания Общего собрания Императорской академии наук от 5 апреля 1897 г.	52
«Записка об ученых трудах экстраординарного академика, доктора славянской и русской филологии А. А. Шахматова». IV-е приложение к протоколу заседания Общего собрания 6 ноября 1899 г.	54
Список научных трудов А. А. Шахматова за 1881–1908 гг.	56
А. А. Шахматов. «Записка» о «Словаре русского языка», 1895 г. ...	899
А. А. Шахматов. Несколько замечаний по поводу записки И. Х. Пахмана. 1899 г.	902
Л. В. Щерба. Докладная записка о положении дела в Словарной Комиссии Академии Наук товарища председателя комиссии. 1929 г.	904

СОКРАЩЕНИЯ¹

- АН — Академия наук
БАН — Библиотека Российской академии наук
ГАОО — Государственный архив Омской области
ГАСО — Государственный архив Саратовской области
ГПБ — Государственная публичная библиотека, ныне РНБ
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИАН — Императорская академия наук
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
НИОР — Научно-исследовательский отдел рукописей
ОИДР — Общество истории и древностей российских (г. Москва)
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (г. Москва)
РГБ — Российская государственная библиотека
РГО — Русское географическое общество
РГПУ — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
РНБ — Российская Национальная библиотека (г. Санкт-Петербург)
РО — рукописный отдел
РФВ — Русский филологический вестник
СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинского дома)
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, см. РГАДА
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦГИАУ — Центральный государственный исторический архив Украины
ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей российских

¹ Сокращения источников приводятся при каждой статье.

Сокращения географических названий

Арх. – Архангельская обл.
Волог. – Вологодская обл.
Вят. – Вятская губерния
Костр. – Костромская обл.
Медв. – Медвежьегорский р-н
КАССР /РК
Мез. – бассейн р. Мезени
Новг. – Новгородская обл.
Перм. – Пермская обл.
Пест. – Пестовский р-н Новг. обл.
Печ. – бассейн р. Печоры
РК – Республика Карелия
Сарат. – Саратовская обл.
Сиб. – р-ны Сибири
Тамб. – Тамбовская область
Твер. – Тверская обл.
Чагод. – Чагодощинский р-н

Сокращения названия языков

авест. – авестийский
азерб. – азербайджанский
алт. – алтайское
араб. – арабские
арм. – армянский
герм. – германские языки
гр. – греческий
д-в-нем. – древневерхненемецкий
зенд. – зендский
казахск. – казахский
крымско-тат. – крымско-татарский
кыпч. – кыпчакский
лат. – латинский
лит. – литовский
монг. – монгольский
нем. – немецкий
перс. – персидский
пол. – польский
прасл. – праславянский
русск. – русский
санск. – санскрит
сербск. – сербский
словен. – словенский
тадж. – таджикский
тат. – татарский
тур. – турецкий
туркмен. – туркменский
узб. – узбекский

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Об академике А. А. Шахматове (к 150-летию со дня рождения)

<i>Макаров В. И.</i> Предназначение человека — «увеличивать сумму добра на земле» (А. А. Шахматов).....	8
<i>Басаргина Е. Ю.</i> «Жизнь и смерть А. А. Шахматова»: слово профессора А. А. Грушки на заседании памяти А. А. Шахматова в 1921 г.	24
<i>Кирикова О. А.</i> По ступеням академических степеней: публикация записок об ученых трудах А. А. Шахматова.....	41
<i>Громыко С. А.</i> А. А. Шахматов — политический оратор (об одной речи, произнесенной в Государственном совете).....	60
<i>Подковырова В. Г.</i> А. А. Шахматов и создание Рукописного отделения Библиотеки императорской Академии наук.....	67
<i>Прохоренко Н. С.</i> Фонд А. А. Шахматова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.....	81
<i>Кумаков А. В.</i> Фонд Шахматовых в Государственном архиве Саратовской области.....	97
<i>Колгушкина Н. В.</i> Рукописный листок А. А. Шахматова в университетском Музее академика И. И. Срезневского.....	105

А. А. Шахматов и ученое сообщество России

<i>Вовина-Лебедева В. Г.</i> А. А. Шахматов и ученое сообщество России.....	112
<i>Крапошина Н. В.</i> А. А. Шахматов и Н. К. Никольский.....	121
<i>Жуков А. Е.</i> А. А. Шахматов и В. М. Истрин.....	130
<i>Груздева Е. Н.</i> Владимир Николаевич Перетц в Киеве. 1903–1914 гг. (из переписки В. Н. Перетца с А. А. Шахматовым)...	150
<i>Франчук В. Ю.</i> А. А. Шахматов и А. А. Потехня.....	167
<i>Вовина-Лебедева В. Г.</i> А. А. Шахматов и Ф. Ф. Фортунатов.....	183
<i>Супрунович Г. П.</i> Переписка А. А. Шахматова и А. Ф. Кони: неизвестные страницы истории Пушкинской премии.....	196
<i>Андреева Т. В.</i> А. А. Шахматов и С. Н. Чернов.....	202
<i>Аристов В. Ю.</i> Шахматовские исследования летописей в европейском контексте XIX – начала XX в.	226

Традиции А. А. Шахматова в изучении истории летописания

<i>Бобров А. Г.</i> А. А. Шахматов и спорные вопросы раннего новгородского летописания.....	242
<i>Гиппиус А. А.</i> Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации летописной статьи 6604 г.).....	251
<i>Вилкул Т. Л.</i> Ремесло историка в Повести временных лет. О влиянии переводных византийских хроник на летопись.....	264
<i>Зиборов В. К.</i> Монах Григорий — автор Повести временных лет..	272
<i>Гимон Т. В.</i> «Ипатьевские» дополнения к «Повести временных лет»	279
<i>Соколова Л. В.</i> Об источниках рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. (Троицкой летописи).....	294
<i>Конявская Е. Л.</i> Рассказ о преставлении митрополита Киприана в летописной традиции XV – начала XVI веков.....	309
<i>Азбелев С. Н.</i> Об уникальных известиях Никоновской летописи	317
<i>Сиренов А. В.</i> О приемах составления частных летописцев в XVI в. (на примере Медоварцевских летописцев).....	328
<i>Яковлев В. В.</i> Новгородская Корнильевская летопись в русской историографии XVIII–XX вв. и в научном наследии А. А. Шахматова.....	339

Наследие А. А. Шахматова и вопросы истории русского языка и лингвистического источниковедения

<i>Иванова И. С.</i> Роль А. А. Шахматова в формировании культурно-исторического подхода к языку.....	348
<i>Бекасова Е. Н.</i> А. А. Шахматов о происхождении русского литературного языка: многообразие классики	359
<i>Никитин О. В.</i> А. А. Шахматов и его «Введение в курс истории русского языка»	367
<i>Гусейнов Г.-Р. А.-К., Музумова А. Л.</i> Некоторые проблемы истории русского языка в контексте его древних и ранне-средневековых взаимоотношений с тюркскими (булгарскими) языками в трудах А. А. Шахматова: ареальный и историко-этимологический аспекты	375
<i>Илиади А. И.</i> Этимологический комментарий к нескольким славянским изоглоссам в труде А. А. Шахматова «К истории звуков русского языка».....	383
<i>Шульгач В. П.</i> Русское диалектное <i>várzaty</i> и этимологическое гнездо с корнем * <i>vъrъz-</i> / * <i>vъrъz</i>	393

<i>Астахина Л. Ю.</i> Роль А. А. Шахматова в развитии лингвистического источниковедения	405
<i>Шулежкова С. Г.</i> Позиция А. А. Шахматова в извечном споре о языковой принадлежности Остромирова евангелия.....	415
<i>Бурыкин А. А.</i> Мог ли переводчик «Повести об Акире Премудром», «Девгениева Деяния» и «Сказания об Индийском царстве» написать «Слово о полку Игореве? (к сравнительному изучению лексики древнерусских памятников конца XII века).....	424
<i>Левичкин А. Н., Сухачев Н. Л.</i> «Лексикон славенороссийский» Памвы Беринды и румынская лексикография.....	434
<i>Глазетдинова Г. Х.</i> Грамматические варианты восточных заимствований в русском языке XV–XVII вв.....	453
<i>Мальшиева И. А.</i> Вариантность в языке деловых памятников начала XVIII века.....	463
<i>Ваганова К. Р.</i> Омские розыскные рапорты XVIII века как пример стандартизации делового документа.....	476
<i>Соколов А. И.</i> Фонетическая адаптация заимствований как источник вариантности в русской химической терминологии XVIII — начала XIX веков.....	481
<i>Дягилева И. Б.</i> К истории одного антропонима в русском языке XIX века.....	496
<i>Эзериня С. А., Калиновская В. Н.</i> Лексика с корневыми компонентами <i>аква-</i> / <i>гидро-</i> / <i>водо-</i> как часть тезауруса и динамическое звено лексико-семантической системы русского языка XIX века.....	499
<i>Старовойтова О. А.</i> Об одной лексикографической лакуне	513
<i>Щеглова Е. А.</i> Очерки путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» как источник лексикологического исследования	523
<i>Дягилева И. Б.</i> Латинские слова и выражения в русских газетах первой половины XIX в.	536
<i>Калиновская В. Н.</i> Семиотические основания лексико-семантической деривации в русском языке XIX в. (на материале производных от слова <i>крахмал</i>)	542
<i>Козловская Н. В.</i> Греко-русская полилексия в произведениях П. А. Флоренского: к проблеме вариантности термина в русской религиозной философии.....	548

Русская историческая лексикология и лексикография

<i>Колесов В. В.</i> Думать и понимать в «Летописце Еллинском и Римском».....	559
<i>Коваленко К. И.</i> Лествица Иоанна Синайского как источник Азбуковника XVI в.	569
<i>Аверина С. А.</i> Выражение «сон тонок» в русских житиях XV–XVII вв.	576
<i>Зиновьева Е. И.</i> Классификация единиц в исторической фразеологии (из опыта лексикографической практики).....	593
<i>Васильева О. В.</i> Проблема лексикографического представления вариантов в историческом словаре.....	600
<i>Генералова Е. В.</i> О добром и вечном (заметки о семантике качественных прилагательных в русском языке XVI–XVII вв.)	619
<i>Щекин А. С.</i> Лексика русского и славянского происхождения в сочинении Паоло Джовио (Павла Иовиа) о России XVI века	633
<i>Мальшева И. А.</i> «Досканы сахарные»: вопросы номинации в русском языке начала XVIII в.	642
<i>Костючук Л. Я.</i> Надписи на псковских нательных крестах XIV–XVIII вв.	655
<i>Власов С. Н., Демидов Д. Г.</i> О соотношении екатерининской копии «Слова о полку Игореве» и других сопутствующих материалов из архива Екатерины II.....	668
<i>Бурыкин А. А.</i> Задачи исследования истории издания «Слова о полку Игореве» в контексте проблемы его принадлежности к образцам древней русской литературы XII века.....	704
<i>Черепанова О. А.</i> Из bestiaria традиционной культуры в России XVIII–XX вв.: этнолингвистический аспект	714

А. А. Шахматов и традиции изучения русской диалектологии

<i>Костючук Л. Я.</i> К выходу труда А. А. Шахматова «Лекции по русской диалектологии» (о прозорливости и актуальности идей Ученого).....	730
<i>Лутовинова И. С.</i> Академик А. А. Шахматов и его лекции по диалектологии.....	740
<i>Михайлова Л. П.</i> Лексика заонежских сказок в записях А. А. Шахматова и материалы Словаря русских народных говоров (сходство и различие).....	746

<i>Гайдамашко Р. В.</i> О микроареальном диалектном членении говоров Верхнего Прикамья в свете идей А. А. Шахматова..	753
<i>Баженова Т. Е.</i> Региональная стратификация русского языка на картах лексического атласа самарских говоров.....	759
<i>Колесова И. Е.</i> Электронная версия «Диалектного словаря строения слов»: проблемы отождествления корней.....	765
<i>Красовская Н. А.</i> Проблема определения западных языковых компонентов в тульских говорах.....	772
<i>Долгова Е. Ю.</i> К проблеме картографирования многочисленных лексико-семантических оппозиций в переселенческих говорах..	784

**Проблемы теории и истории русской грамматики:
шахматовское наследие**

<i>Николаев Г. А., Николаева Н. Г.</i> Вопросы теории и истории русского словообразования в научном наследии академика А. А. Шахматова.....	794
<i>Глинкина Л. А.</i> Заметки о динамике субстантивации в истории русского языка.....	802
<i>Николина Н. А.</i> Концепция наречия в трудах А. А. Шахматова..	815
<i>Колесов В. В.</i> Учение А. А. Шахматова о предложении с точки зрения когнитивистики.....	823
<i>Рогова К. А.</i> Односоставные предложения в системе синтаксического описания.....	844
<i>Кустова Г. И.</i> Уроки Шахматова: семантические явления в «нестандартных» синтаксических конструкциях.....	850
<i>Щекин А. С.</i> Придаточные предложения с союзом «да» в славянском переводе «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы».....	862
<i>Немыка А. А., Пешков А. Н., Адамчук А. А.</i> Системные отношения терминологии синтаксиса на уровне парадигматики (от А. А. Шахматова до наших дней).....	869

Лексикографическая деятельность А. А. Шахматова

<i>Судаков Г. В.</i> Шахматов как историк-лексикограф и современная лексикографическая практика.....	878
<i>Приёмьшева М. Н.</i> Тезаурус русского языка в концепции А. А. Шахматова: pro et contra.....	887
<i>Рогожникова Р. П.</i> А. А. Шахматов и Большая картотека Словарного отдела ИЛИ РАН.....	910

<i>Истратий В. В.</i> Формирование списка источников Большой словарной картотеки ИЛИ РАН в первый период ее существования (1890-е годы).....	915
<i>Круглов В. М.</i> Неизданные фрагменты «Словаря Я. К. Грота – А. А. Шахматова» второй половины 1920-х гг. из архива Большой словарной картотеки ИЛИ РАН.....	927
<i>Романов Д. А.</i> К идее А. А. Шахматова о расширении лексической базы толкового словаря: «Первая русская книга для чтения» Л. Н. Толстого как источник научной лексикографии.....	938
Проблемы современной русской лексикографии	
<i>Герд А. С.</i> Большой академический словарь русского языка как словарь-тезаурус.....	948
<i>Пурицкая Е. В.</i> «Большой академический словарь русского языка»: шахматовские идеи и литературный язык нашего времени.....	955
<i>Кругликова Л. Е.</i> Дескриптивный словарь versus прескриптивный словарь.....	963
<i>Поцення Д. М.</i> Семантическое пространство слова и его лексикографическое членение.....	970
<i>Козырев В. А., Черняк В. Д.</i> Русские словари иностранных слов в социокультурном контексте.....	980
<i>Васильев Н. Л.</i> Словари языка поэтов XIX в. как один из источников исторической и «синхронической» лексикографии.....	993
<i>Шестакова Л. Л.</i> Информационно-поисковая система «Словари русской поэзии Серебряного века» как пример информационного проекта в лексикографии.....	1002
<i>Бубнова Н. В.</i> Особенности макро- и микроструктуры учебного лингвокраеведческого словаря имён собственных (на примере словаря Смоленского края).....	1009
<i>Левенталь И. В.</i> Типология толкований для одноязычного учебного словаря русского языка.....	1017
<i>Список иллюстраций</i>	1028
<i>Архивные и редкие источники, опубликованные в издании</i>	1029
<i>Сокращения</i>	1030

Научное издание

АКАДЕМИК А. А. ШАХМАТОВ:
жизнь, творчество, научное наследие

Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого

Подписано в печать 21.12.2015. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 71,25
Тираж 500 экз. Заказ № 347

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23